

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

ИЗДАНИЕ II,
исправленное и дополненное,
Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. домъ.
1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Новая Земля.—Б. Житкова	1
2. Изъ быта населенія Печорскаго края.—Е. Ляцкаго	12
3. Въ Мезенскомъ краѣ.—А. Энгельгардта	19
4. По тундрѣ.—Серафимовича	25
5. Самоѣды.—Танфильева	36
6. Сѣверная Двина и Архангельскъ.—Вл. Б.	41
7. Въ Соловахъ.—А. Г.	47
8. Портъ Александровскъ.—Вл. Б.	55
9. Мурманъ и его промыслы.—По К. Случевскому и Н. Максиму	63
10. Лопари.—А. Елисеѣва	75
11. Природа Финляндіи.—М. Песковскаго	80
12. Населеніе Финляндіи.—А. Елисеѣва	89
13. Городская и сельская жизнь въ Финляндіи.—По М. Песковскому и др.	94
14. По финляндскимъ озерамъ.—Mies'а	101
15. Олончане и ихъ промыслы.—А. Елисеѣва	110
16. На озерѣ Купецкомъ.—В. Х.	114
17. Изъ Петербурга въ Петрозаводскъ.—Н. Березина	119
18. У кареловъ.—А. Круковскаго	125
19. Петербургъ.—С. Ч.	130
20. Рига.—По Е. Маркову и др.	147
21. Латыши.—Вѣтрянскаго	156
22. Мазуры.—Гецевича	163
23. Польскіе города и деревни.—В. Дѣдова	168
24. Въ фабричномъ царствѣ.—Реймонта	175
25. У литовцевъ.—Г. Р.	181
26. Бѣловѣжская пуца.—В. Крестовскаго	193
27. Полясье и его обитатели.—А. Липранди	203
28. По Западному краю.—А. Субботина	216
29. Великоруссы.—Педашенка и Сырнева	228
30. Изъ жизни деревни.—Н. Златовратскаго	239
31. На фабрикѣ.—Ө. Павлова	257
32. Иконописный промыселъ.—А. Молчанова	264
33. Москва.—С. Ч.	273
34. Верховье Волги.—В. Рагозина	284
35. Лѣсной край на верхнихъ притокахъ Волги.—Д. Анучина	293
36. По верхней Волгѣ.—А. Субботина	299
37. Въ заводскихъ лѣсахъ.—П. Засодимскаго	305
38. По Керженцу.—В. Короленко	312

39. Кустарная промышленность Павловскаго района — По В. Короленко, П. Боборыкину и др.	317
40. Нижегородская ярмарка.—В. Дѣдова	326
41. Казанскіе татары.—В. Рагозина	333
42. Черемисы.—Мунтъ-Валуевой	343
43. Жегули.—А. К.	350
44. По нижней Волгѣ.—Е. Маркова	355
45. Сарепта.—Н. Лендера	361
46. Первое знакомство съ Малороссіей.—А. Краснова	368
47. Малороссы.—Поро-Леоновича и Старовскаго	374
48. Полтавщина.—А. Краснова	387
49. Ярмарка въ Голтвѣ.—М. Горькаго	397
50. На сахарномъ заводѣ.—Ф. П.	406
51. Кіевъ.—Л. С.	415
52. По Днѣпровскимъ порогамъ.—Шперлингъ	426
53. Вдоль южнаго берега Крыма.—По Таліеву, Е. Маркову и Филиппову	432
54. Бахчисарай.—Филиппова	444
55. На берегу Чернаго моря.—Е. Маркова	457
56. На высотахъ Яйлы.—Таліева	465
57. Восхожденіе на Чатырдагъ.—Филиппова	473
58. На Донцѣ весной.—И. Бунина	478
59. Въ Донецкомъ краѣ.—По Каронину, Таліеву и Серафимовичу	483
60. По Дону.—По Каронину и Филиппову	493
61. Въ степи.—А. Чехова	501
62. Природа южно-русскихъ степей.—Григорьева и Капелькина	506
63. Въ устьяхъ Волги.—В. Немировича-Данченко	520
64. Калмыки.—По Житецкому, Сырневу и др.	531
65. Эльтонъ и Баскунчакъ.—По Гаврилову и Маллину	540
66. У казаковъ.—В. Короленко	547
67. Отъ Москвы до Челябинска.—К. Носилова	562
68. Восхожденіе на Ирмель.—Д. Мамина-Сибиряка	568
69. Башкиры.—Петри	573
70. Въ шахтѣ.—Телешева	582
71. Производство чугуна и желѣза.—В. Немировича-Данченко	589
72. Горная пристань на Чусовой.—Д. Мамина-Сибиряка	599
73. По рѣкѣ Чусовой.—Его же	605
74. У старателей.—Его же	612

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

1. Видъ въ средней Россіи	Стр. 1
2. Въ тундрѣ	32
3. На Бѣломъ морѣ	64
4. Видъ въ Финляндіи	106

	<i>Стр.</i>
5. „Старѣ Мѣсто“ въ Варшавѣ	170
6. Въ Бѣловѣжской пушчѣ	194
7. Красная площадь въ Москвѣ	280
8. Нижній-Новгородъ	326
9. Жегуля	350
10. На Волгѣ	360
11. Дѣлпръ подъ Киевомъ во время разлива	418
12. Улица въ Одессѣ	432
13. На южномъ берегу Крыма	460
14. Въ довской станицѣ	498
15. Гора Большой Тагацай на Уралѣ	572
16. На рѣкѣ Чусовой	608

В ъ т е к с т ѣ :

1. Самоѣды на Новой Землѣ	9
2. Городъ Мезень	21
3. Самоѣды	37
4. Поморская деревня	42
5. Лѣсопильня близъ Архангельска	43
6. Поморки въ Архангельской губерніи	45
7. Набережная въ Портъ-Александровскѣ	57
8. Шоссе на берегу Екатерининской гавани	61
9. Становище Териберка	67
10. На Мурманскомъ берегу	73
11. Лопари Кольскаго полуострова	77
12. Семужій заборъ	79
13. Имятра	87
14. Финнѣ	91
15. Финляндская каріолка	97
16. На озерѣ въ Финляндіи	105
17. Процессія на финляндскомъ праздникѣ	109
18. Деревня въ Олонецкой губерніи	113
19. Лѣтній экипажъ олонецкихъ крестьянъ	119
20. Ледниковые шрамы на прибрежныхъ скалахъ Ладожскаго озера	121
21. Карелы	126
22. Исаакіевскій соборъ и памятникъ Петру I	139
23. Peterskirche въ Ригѣ	149
24. Латыши	158
25. Развалины замка въ Прибалтійскомъ краѣ	161
26. Въ мазурской деревнѣ	165
27. Улица въ польскомъ городкѣ	173
28. Бѣлоруссы	213
29. Бѣлорусская хата	223
30. Великорусская изба	231
31. Крестьяне-великоруссы изъ Пермской губерніи	235
32. Великорусская деревня	241
33. Крестьяне Рязанской губерніи	249
34. На берегу Клязьмы во Владимірской губерніи	261

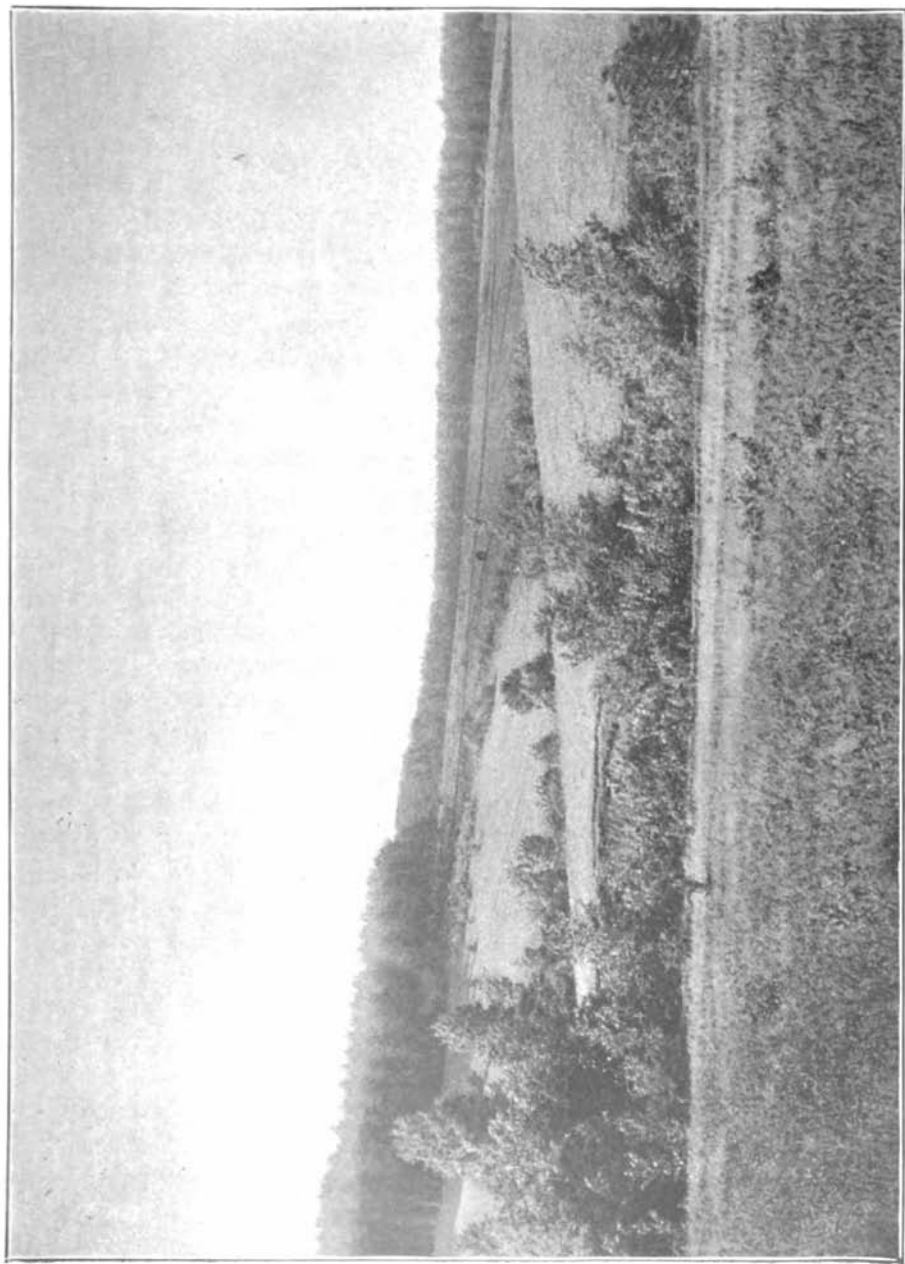
	<i>Стр.</i>
35. Лѣсная дорога во Владимірской губерніи	265
36. Иконописецъ	269
37. Карчи въ верховьяхъ Волги	291
38. Переправа на паромѣ на верхней Волгѣ	297
39. Пристань въ Рыбинскѣ	303
40. Въ татарской деревнѣ	335
41. Казанскій кремль	342
42. Вотячки	346
43. Мордва	348
44. Пристань на Волгѣ	353
45. Видъ деревни средняго Поволжья	359
46. Малороссіянка	377
47. Крестьяне Подольской губерніи	386
48. Улица въ малороссійской деревнѣ	391
49. Видъ въ Малороссіи	395
50. Работницы на отдыхѣ	407
51. Въ южно-русской деревнѣ	413
52. Днѣпровскіе пороги	427
53. Видъ въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска	429
54. Алупка	441
55. Крымскіе татары	447
56. Бахчисарай	455
57. Въ горахъ Крыма	467
58. Татарская хижина въ Крыму	474
59. На Донцѣ	481
60. Хуторъ въ степи	497
61. Пристань въ Ростовѣ	499
62. Молотьба хлѣба въ южной Россіи	503
63. Распашка полей въ южной Россіи	507
64. Ковыльная степь	513
65. Калмычка	533
66. Калмыцкая кибитка	535
67. Калмыцкій гелюнгъ	539
68. Улица въ Ханской ставкѣ, засыпаемая пескомъ	541
69. Въ калмыцкой степи	543
70. Крестьянская изба въ Астраханской губерніи	545
71. Улица въ Александровѣ-Гаѣ	551
72. Вершина горы Большого Таганая	571
73. Деревня въ южномъ Уралѣ	575
74. На заводѣ	591
75. Общій видъ уральскаго завода	597
76. Зимой на Уралѣ	613

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II-МУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее изданіе сборника «Европейская Россія» появляется, какъ и вторыя изданія другихъ сборниковъ, въ нѣсколько исправленномъ и дополненномъ видѣ сравнительно съ первымъ. Нѣкоторыя статьи выпущены, другія добавлены; увеличено число рисунковъ и часть клише замѣнены новыми.

Москва,
28 апрѣля 1906 г.

Видъ въ средней Россіи.

Новая Земля.

(Б. Житкова.)

Въ полдень 15 іюля пароходъ Мурманскаго общества „Владиміръ“ выходилъ изъ Бугринскаго становища у восточнаго берега острова Кблгуева. Тихимъ ходомъ, едва ворочая винтами, пароходъ шелъ къ востоку мимо протянувшихся далеко въ море Кривачьихъ кошекъ — низкихъ песчаныхъ отмелей, опоясывающихъ съ юга и востока опасные и недоступные въ непогоду берега острова. Кошки тянулись на югъ надъ самой поверхностью океана желтой полосой песковъ; на нихъ набѣгали волны и прыгали на песокъ рядами, точно сѣрыя лошади съ бѣлыми гривами, окаймляя отмели бѣлой линіей прибоя. За кормой парохода, на западъ, синѣли, опускаясь все ниже и ниже и постепенно исчезая изъ глазъ, берега острова.

Пароходъ высадилъ на Кблгуевъ священника, посланнаго изъ Архангельска къ живущимъ на островѣ самоѣдамъ. Теперь „Владиміръ“ шелъ въ самоѣдскія становища Новой Земли съ грузомъ дровъ, съѣстныхъ припасовъ, керосину, пороху и свинцу и всего прочаго, что необходимо для жизни оторванной въ теченіе цѣлаго года отъ всего міра Новоземельской колоніи. На борту находилось также небольшое общество путешественниковъ, которыхъ собрало вмѣстѣ намѣреніе посѣтить берега Новой Земли. Кто ѣхалъ по обязанностямъ службы, кто съ цѣлью научныхъ изслѣдованій на островѣ, кто просто изъ любознательности туриста. Путь отъ горла Бѣлаго моря до Колгуева былъ не слишкомъ пріятенъ. Послѣ ясныхъ лѣтнихъ дней въ Бѣломъ морѣ океанъ встрѣтилъ насъ непривѣтливо — сумрачнымъ небомъ, густыми туманами и свѣжимъ мордъ-остомъ. Около полутора сутокъ качки разстроили аппетитъ и расположеніе духа многихъ изъ пассажировъ. Но спокойная двухдневная стоянка въ открытой, на этотъ разъ покойной Бугринской бухтѣ съ поѣздками на берегъ, охотой на островѣ, ѣздой на оленяхъ и дружескимъ общеніемъ съ самоѣдами подняли духъ общества. Мы съ нетерпѣніемъ ждали береговъ Новой Земли.

Утромъ 16 іюля берега эти встали передъ нами надъ гладью стихнувшаго моря. Сперва въ синей дали показалась, занявъ половину горизонта, только темная полоска, похожая на тучку, висящую надъ самой

поверхностью оксана. Полоска росла, выступая все яснѣе, и выше нея вырисовалась цѣпь островерхихъ горъ. Пятна снѣга бѣлѣли на черной поверхности земли и въ оврагахъ и ущельяхъ хребта. Яснѣе и яснѣе раскрывался дикій горный пейзажъ,—Новая Земля вставала передъ нами изъ моря во всей своей непривѣтливой красотѣ.

Мы входили въ Бѣлушью губу, въ южной части полуострова Гусиной Земли. Горныя цѣпи, занимающія внутреннія части острова, виднѣлись верстахъ въ десяти отъ берега. Отъ горъ до моря тянулась почти плоская, слабо волнистая равнина, изрѣзанная кое-гдѣ морскими заливами и тускло зеленѣвшая въ низкихъ мѣстахъ отъ разросшагося тамъ мохового и травяного покрова. У самаго океана на каменистомъ берегу показалась изба самоѣдскаго становища и рядомъ съ нею нѣсколько чумовъ. (Около чумовъ двигались фигуры людей и цѣлая стая собакъ. Когда пароходъ, миновавъ средину бухты, повернулъ къ берегу, въ становищѣ ударилъ выстрѣлъ, за нимъ второй, третій... Населеніе Новой Земли привѣтствовало пароходъ и плившихъ на немъ гостей, а еще больше запасы свѣжей провизіи, которые мы должны были выгрузить, и водку, которая имѣлась въ буфетѣ.

Стоянка въ Бѣлушней губѣ, хотя и непродолжительная, все же дала намъ возможность познакомиться съ окрестностями становища, которыя мы покинули уже черезъ часъ послѣ остановки парохода, чтобы углубиться внутрь острова. Къ востоку и сѣверу передъ нами каменистая равнина была усѣяна группами низкихъ и довольно правильныхъ куполообразныхъ холмовъ. Почва состояла изъ пластовъ темныхъ глинистыхъ сланцевъ, покрытыхъ сверху мелкимъ сланцевымъ щебнемъ. Дальше отъ моря, вглубь Гусиной Земли, показывалось все больше и больше мѣсть съ ничтожнымъ количествомъ наносной почвы. На такихъ мѣстахъ зеленѣли мхи, злаки и выглядывавшіе изъ мховъ листья стлавшихся по землѣ полярныхъ ивъ, и пышно цвѣли яркіе цвѣты—синія незабудки, желтые лютики и бѣлыя звѣздчатки—совершенно лишенные листьевъ, съ очень короткими стеблями и росшіе такъ тѣсно, что они образовали точно букеты, ярко выступавшіе на темномъ фонѣ почвы.

День, который я и мои спутники провели здѣсь — въ южной части Гусиной Земли, былъ изъ тѣхъ дней, которые выпадаютъ рѣдко на берегахъ туманной, бурной и холодной Новой Земли. Небо было безоблачно, и при полномъ безвѣтріи и чрезвычайной прозрачности воздуха даль была видна на громадномъ протяженіи. Далекая цѣпь остроконечныхъ горъ, окаймлявшихъ восточный горизонтъ, выступала ясно на фонѣ синяго неба со всею дикою прихотливостью своихъ очертаній. Въ щеляхъ по берегамъ морскихъ заливовъ и на горахъ лежало еще много снѣгу, и повсюду бѣжали ручьи, впадавшіе въ напол-

ненныя водой котловины и морскія заводи. Весь пейзажъ кругомъ въ это уже позднее для болѣе умѣренныхъ широтъ лѣтнее время напоминалъ картину ранней весны въ средней Россіи, когда земля еще гола, и солнце сгоняетъ послѣднія пятна снѣга съ полей. Мертвая тишина, только изрѣдка прерываемая далекимъ гоготаньемъ гусей на заливахъ или плескомъ ручьевъ, бѣгущихъ изъ-подъ снѣга, царила надъ всей страной, гармонируя съ пустынною окружающихъ видовъ— скалистыхъ береговъ надъ неподвижной гладью океана, темныхъ горныхъ цѣпей и обширной каменной равнины. Невольно приходила здѣсь на память слова академика Бэра, посѣтившаго въ 1837 году Новую Землю и описавшаго впечатлѣніе, оставляемое новоземельскими пейзажами, въ слѣдующихъ строкахъ: „Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего устрашающаго, скорѣе что-то торжественное и возвышенное, и его можно сравнить только съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое навсегда оставляетъ горная область Альпъ. Я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что вокругъ меня— утро творенія, за которымъ лишь позже послѣдуетъ жизнь“. „Утро творенія“—ничего болѣе подходящаго нельзя придумать для характеристики этихъ картинъ природы— горныхъ цѣпей, дикихъ скалъ и темной равнины съ слабыми зачатками растительности и почти незамѣтными проявленіями животной жизни.

Грознѣе и диче пейзажи, молчаливѣе и угрюмѣе страна дальше къ сѣверу, близъ Кармакульскаго становища и у Маточкина шара, которые служили мѣстами стоянки нашего парохода послѣ ухода изъ Бѣлушьей губы. Мы познакомились и съ переменчивостью новоземельскаго климата—въ тѣ лѣтніе якобы дни, когда съ удовольствіемъ надѣваешь на себя двѣ-три фуфайки и толстую куртку или самоѣдскую малицу, сшитую изъ шкуръ сѣвернаго оленя—и съ непроглядными новоземельскими туманами, во время которыхъ, стоя на носу парохода, не видишь его кормы.

Мы были въ самоѣдскихъ чумахъ и избахъ, на судахъ русскихъ и норвежскихъ тюленебоевъ, промысловыхъ звѣря у береговъ Новой Земли, и страивовали въ горахъ и рѣчныхъ долинахъ острова. Видѣли китовъ и тюленей въ морѣ, стада чаекъ, гагъ и мириады гагарокъ на скалистыхъ обрывахъ береговъ. Но я боюсь наскучить читателямъ, рассказывая по порядку, шагъ за шагомъ, наше плаваніе. Я предпочитаю попробовать просто описать Новую Землю,—далекую страну, въ которую рѣдко попадаютъ туристы и путешественники и которую знаютъ хорошо только сѣверные рыбаки и охотники за морскимъ звѣремъ, плавающіе къ ся берегамъ изъ Норвегіи и Россіи на парусныхъ, часто плохо оснащенныхъ судахъ, не боясь бурь и тумановъ. Этотъ громадный, почти неизслѣдованный островъ невольно привлекаетъ вниманіе натуралиста и любителя природы своеобразной красотой пейзажей и оригинальностью своего животного и растительнаго міра.

Берега Новой Земли холодны и бурны. Выпадаютъ и здѣсь лѣтомъ

нрѣдка ясные дни, когда низкое полярное солнце плыветъ по зелено-вато-синему, безоблачному небу. Въ такіе дни прозрачно сияютъ дали, и тихое голубое море и цвѣтомъ и видомъ напоминаетъ теплое Средиземное. Кристально-прозраченъ воздухъ надъ сушей и моремъ, и горныя цѣпи, если смотрѣть на нихъ издали, кажется, подступаютъ ближе, рѣзко вырисовываясь зубчатыми гребнями вершинъ, наполненными снѣгомъ щелями и крутыми черными обрывами. Въ теплые полдни, когда пригрѣетъ солнце, надъ неподвижной гладью холоднаго моря то тутъ, то тамъ вспыхиваетъ марово: надъ цѣпью протянувшихся по горизонту рядомъ пологихъ конусовъ маленькихъ островковъ появится другая цѣпь такихъ же островковъ, только перевернутыхъ вершинами книзу. Они висятъ въ воздухѣ, точно града темныхъ тучекъ, и, какъ и тучки, таютъ и расплываются при первомъ дуновеніи вѣтерка.

Но эти дни тишины и свѣта бываютъ рѣдко. Чаще густые туманы закутываютъ берега острова, по цѣлымъ днямъ мороситъ дождь съ холоднаго, затянутаго свинцовыми тучами неба, и свинцовыя волны съ шумомъ разбиваются о крутые берега. Сильнѣйшіе штормы бушуютъ по нѣскольку дней, высоко вздымая волны и поднимая на воздухъ щебень и мелкіе камни. На три мѣсяца освобождаются обыкновенно берега острова отъ пловучихъ льдовъ. Но и среди лѣта бываетъ—при сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ—вдругъ надвинутся льды съ сѣвера или черезъ проливы изъ Карскаго моря и опояшутъ горизонтъ, отсвѣчивая на небѣ ледянымъ отблескомъ.

Рано, иногда уже въ концѣ августа, наступаетъ на Новой Землѣ зима, не слишкомъ холодная вслѣдствіе близости моря, но бурная и свѣжная. Короче и короче становятся дни, и наконецъ солнце надолго исчезаетъ за горизонтомъ: трехмѣсячный полярный лѣтній день съ незаходящимъ солнцемъ смѣняется такой же длинной ночью. Только въ полдень, при ясномъ небѣ, видна на югѣ полоска зари, разгоняющая нѣсколько ночной мракъ. Исчезнетъ заря,—и снова темень горизонтъ, и только играющіе нерѣдко зимою сполохи бросаютъ невѣрный, мерцающій свѣтъ на одѣтыхъ снѣгомъ долины и ледяные обрывы горъ.

Двойной островъ Новая Земля протянулся болѣе, чѣмъ на шесть градусовъ (отъ $70\frac{1}{2}^{\circ}$ до 77°) съ юга на сѣверъ, имѣя свыше 800 верстъ въ длину при 150 верстахъ наибольшей ширины. Сѣверо-западные берега Новой Земли извѣстны мало, восточные—еще меньше, такъ какъ въ наполненномъ льдами Карскомъ морѣ плаваніе трудно, и всѣми свѣдѣніями, которыя имѣемъ мы о восточныхъ берегахъ острова, мы обязаны почти исключительно двумъ русскимъ экспедиціямъ морскаго офицера Пахтусова, описавшаго часть этихъ береговъ, и нѣсколькимъ норвежскимъ тюленебоямъ, подходившимъ къ сѣверо-восточнымъ берегамъ острова въ годы, когда Карское море освобождалось отъ льдовъ.

И берега и внутреннія части Новой Земли на большей части протяженія острова гористы. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ выше становятся горныя цѣпи, тѣмъ грознѣе и диче пейзажи, развертывающіеся передъ глазами путешественника.

Даже и самыя низкія части острова покрыты только мѣстами тонкимъ слоемъ наносной почвы, на которой и развивается скудная травянистая растительность. Въ другихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ чернаго сланцевого щебня. Такимъ же щебнемъ покрыты и обнаженные, совершенно лишенные растительности склоны горъ; отъ этого такъ сумраченъ видъ береговъ Новой Земли, напоминающихъ высокія горныя области. Глазъ видитъ только бѣлый и черный цвѣта и больше никакихъ. Мхи и лишай, всползающіе довольно высоко по горнымъ склонамъ, окрашены такъ тускло, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ не отличишь на поверхности черныхъ скалъ.

Внутреннія области Новой Земли, насколько онѣ извѣстны, представляютъ дикую горную страну. На широтѣ становища Малыя Кармакулы горныя цѣпи начинаются въ 3—4 верстахъ отъ берега и тянутся съ сѣвера на югъ параллельными грядами. Цѣпи пересѣчены узкими долинами, по которымъ текутъ ручьи и гдѣ поверхность почвы покрыта травой. Все остальное пространство голо и пустынно. Трудно описать словами то впечатлѣніе, которое оставляетъ эта безжизненная страна. Художникъ или декораторъ, которому нужно изобразить адъ, не нашель бы для образца болѣе подходящаго пейзажа. Горы не высоки здѣсь—не болѣе 200 метровъ; но зато это неописуемый хаосъ отвѣсовъ, щелей, крутыхъ осыпей, состоящихъ изъ крупныхъ и мелкихъ обломковъ чернаго сланца. Пласты этого сланца то тянутся параллельно горизонту, выступая по краямъ скалъ длинными карнизами, то поставлены вертикально, громоздясь безформенными уступами. Бѣлыя пятна снѣга, лежащаго въ щеляхъ, рѣзко выступаютъ на темномъ фонѣ горъ. Мертвая тишина царитъ надъ этой пустыней въ безвѣтренный день, и шумъ горныхъ потоковъ, бѣгущихъ изъ-подъ пластовъ снѣга, гармонируетъ съ тишиной, не нарушая и не разстраивая ея безжизненнаго теченія.

Морской характеръ климата Новой Земли сказывается въ обилии осадковъ. Лѣтомъ на островѣ часто выпадаютъ дожди. Ясные, сухіе дни очень рѣдки. Обыкновенно небо покрыто облаками, и чрезвычайно густые туманы по цѣлымъ днямъ закутываютъ берега острова. Снѣгу выпадаетъ очень много. Сильные вѣтры сдуваютъ его съ возвышенностей, но въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, скопляются сугробы въ нѣсколько сажень мощностью. Сильнѣйшія снѣжныя бури, продолжаясь по нѣскольку сутокъ, бушуютъ надъ островомъ зимою, когда солнце на три мѣсяца исчезаетъ за горизонтомъ. Бури нерѣдки и лѣтомъ, и самыя сильныя вѣтры дуютъ „съ горъ“, т.-е. отъ внутреннихъ частей острова къ морю,

на западномъ берегу отъ востока къ западу, на берегахъ Карскаго моря— наоборотъ. Сила вѣтра во время этихъ бурь такова, что людей сбиваетъ съ ногъ и вѣтеръ поднимаетъ на воздухъ щебень и мелкіе камни. Лѣтомъ 1900 года зимовавшій на островѣ въ Малыхъ Кармакулахъ монахъ о. Дороей показывалъ мнѣ въ церковномъ домѣ окно, разбитое камнемъ, принесеннымъ вѣтромъ „съ горъ“ во время урагана, разразившагося надъ островомъ 9 мая. Въ стеклѣ было пробито ровное круглое отверстие безъ трещинъ кругомъ, какъ пробиваетъ ружейная пуля. Сильныя вѣтры налетаютъ часто неожиданно изъ горныхъ долинъ; особенно часты они въ Маточкиномъ шарѣ и сѣвернѣе.

Глубокіе заливы и бухты на западномъ берегу южнаго острова Новой Земли обыкновенно освобождаются отъ льда, ихъ набивающаго, не ранѣе начала іюля. Иногда и въ срединѣ іюля ледъ еще стоитъ у береговъ, но въ большинствѣ случаевъ въ теченіе іюля, августа и сентября плаваніе у западныхъ береговъ острова свободно.

При взглядѣ на обыкновенную учебную карту Европейской Россіи Новая Земля представляется намъ въ видѣ небольшого, вытянутаго съ сѣвера на югъ клочка земли съ извилистой береговой линіей, изрѣзанной бухтами, съ выдающимися въ море полуостровами и разбросанными вблизи береговъ мелкими островами. Каждый, конечно, видѣлъ Новую Землю на картѣ. Но, вѣроятно, далеко не всѣ имѣютъ вполне ясно представленіе о томъ, какое количество труда и энергіи понадобилось для того, чтобы проложить на карту этотъ небольшой участокъ суши, и сколько человѣческихъ жизней стоили усилія пробыться до сѣверныхъ частей острова.

Новую Землю открыли русскіе. Были ли то новгородскіе „ошкунники“, ходившіе „славить Новгородъ“ къ студеному морю—на Емь, и въ Мурманскую землю, и въ страну Югорію за Великій Камень; или первые поселенцы Двинской области зашли на своихъ кочахъ далеко въ океанъ, „въ темную землю“, гдѣ „тьма стоитъ, что гора темная, и издали по верхъ тьмы тоя видать горы снѣжныя въ красной день“,—объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но несомнѣнно, что европейскіе мореплаватели XVI вѣка уже получали отъ русскихъ промышленниковъ указанія относительно пути на Новую Землю и плаванія у ея береговъ и видѣли на берегахъ этого острова кресты, поставленные русскими мореходами, и русскія промысловыя избы. Да и самое названіе острова, которое занесено на древнѣйшія иностранныя карты, указываетъ на то, что островъ былъ извѣстенъ русскимъ еще до появленія иностранныхъ судовъ у береговъ Двинской области.

И въ послѣдующее время русскіе путешественники, какъ Розмысловъ, Литке, Пахтусовъ и др., сдѣлали много для изученія Новой Земли, платясь нерѣдко жизнью за свои смѣлыя попытки.

До 70-х годов XIX столѣтія Новая Земля не имѣла осѣлаго населенія. Но богатство далекаго и негостепріимнаго острова морскимъ звѣремъ издавна привлекало сюда партіи промышленниковъ, которые, отправляясь къ берегамъ Новой Земли на своихъ мореходныхъ ладьяхъ и карбасахъ, или проводили здѣсь только лѣто, или даже и зимовали на островѣ, занимаясь въ теченіе года ловлею песцовъ и охотой за оленями. Въ старые годы промыслы въ предѣлахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, а равно и торговля сношенія Бѣлаго моря съ рѣками западной Сибири были развиты сильнѣе, нежели теперь, и нерѣдки были промышленники, проводившіе половину жизни за предѣлами человѣческихъ поселеній.

На судахъ, уходившихъ изъ поморья зимовать на Новую Землю, отправлялись обыкновенно подъ начальствомъ кормщика артели въ 8—16 человѣкъ, снаряженные на счетъ предпринимателя — хозяина карбаса. Судно брало съ собою въ разобранномъ видѣ избу въ 4—8 кв. сажень величиною и 5—8 гребныхъ карбасовъ для промысловъ. Провіантъ запасался на годъ.!

По прибытіи на мѣсто артели собирали привезенную съ собою избу, въ которой нужно было провести долгую полярную зиму.

Длинная зимняя ночь, проведенная въ избахъ, которыя отапливаются „по-черному“ (каменками, безъ трубъ, такъ что во время топки дымъ наполняетъ избу) въ дурномъ воздухѣ отъ скопленія многихъ людей въ тѣсномъ пространствѣ и горѣнія ночниковъ, налитыхъ звѣринымъ саломъ,—обыкновенно не проходила даромъ зимовавшимъ партіямъ. Недостатокъ движенія во время продолжительныхъ зимнихъ бурановъ, бездѣятельность и скука въ теченіе четырехмѣсячной ночи порождали цыngu, отъ которой партіи зимовщиковъ вымирали иногда до послѣдняго человѣка. При тѣхъ санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ жила звѣроловы, климатъ Новой Земли являлся слишкомъ губительнымъ, и люди недостаточно крѣпкаго сложенія не выносили годичнаго пребыванія на островѣ. Точно такъ же перемерли всѣ безъ исключенія переселенцы, пытавшіеся устроиться осѣдло на Новой Землѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія впервые явилась мысль основать на Новой Землѣ спасательный пріютъ со складомъ припасовъ, который давалъ бы возможность промышленникамъ, потерпѣвшимъ крушеніе у береговъ острова, пережить зиму. Въ 1877 году построена въ Малокармакульскомъ становищѣ изба и при ней амбаръ для склада припасовъ и баня. Тогда же какъ для охраны построекъ, такъ и для того, чтобы организовать на Новой Землѣ постоянный зимній промыселъ, были переселены на островъ изъ Малоземельской тундры (Мезенскаго уѣзда) пять чумовъ самоѣдовъ (всего въ количествѣ 24 человѣкъ), не имѣвшихъ оленей и пожелавшихъ промыслять звѣря на Новой Землѣ. Самоѣды эти были снабжены топливомъ, одеждой, при-

пасами, винтовками и вообще всѣмъ необходимымъ для жизни и промысловъ. Для поддерживанія сношеній между Архангельскомъ и становищами Новой Земли были учреждены рейсы пароходовъ Мурманскаго общества.

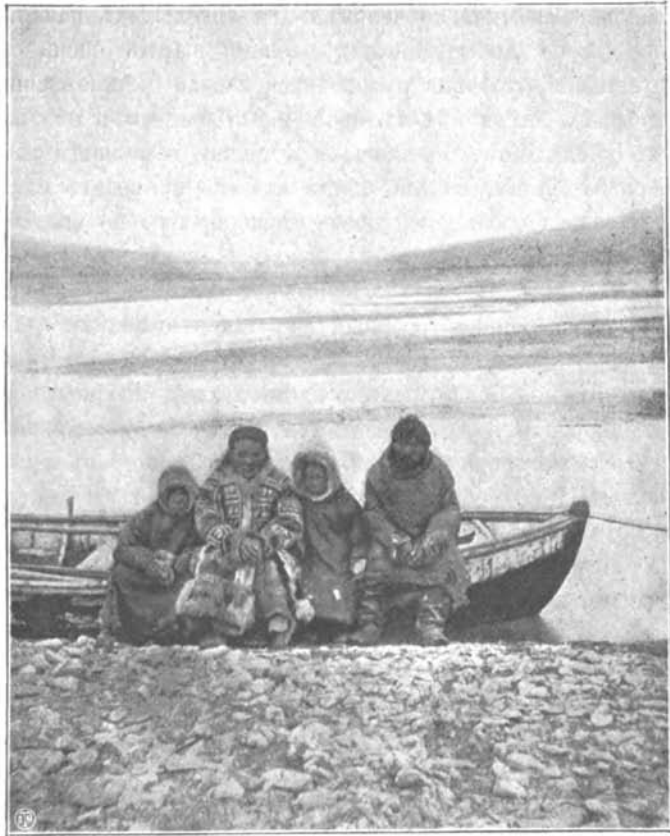
До 1894 года на островѣ числилось 50 самоѣдовъ. Въ этомъ году архангельскимъ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ переселены на Новую Землю еще 37 душъ самоѣдовъ. Мало-Кармакульское становище увеличилось и стало цѣлымъ маленькимъ поселкомъ; было основано второе становище — въ западномъ устьѣ Маточкина шара, и, наконецъ, третье — въ Бѣлушьей губѣ. Въ настоящее время самоѣдовъ зимуетъ на островѣ ежегодно 80 — 100 человекъ, и пароходы посѣщаютъ всѣ три новоземельскія становища два раза въ лѣто. Въ первый рейсъ (въ первой половинѣ іюля) пароходъ принимаетъ отъ колонистовъ ихъ годовую добычу — шкуры, сало и рыбу; во второй рейсъ (въ началѣ сентября) въ становище доставляютъ топливо, керосинъ, сѣбствныя припасы и прочее.

Новоземельскіе самоѣды вовсе не держатъ оленей, такъ какъ, съ одной стороны, разбросанность оленьихъ пастбищъ, которыми обильны только рѣчные долины, дѣлаетъ пастьбу оленей затруднительной, съ другой — сами самоѣды, занимаясь морскими промыслами, привязаны къ берегамъ. Для сообщенія по острову и перевозки тяжестей служатъ собаки. Всѣ колонисты живутъ исключительно промыслами морского звѣря, при чемъ первое мѣсто по своему промысловому значенію занимаетъ медвѣдь, потомъ нерпы и олени. Шкуры и сало звѣрей (а также рыба — гольцы) принимаются изъ становищъ пароходомъ и продаются въ Архангельскѣ.

Кармакульское становище, расположенное на довольно низкомъ берегу отгороженнаго отъ моря островами рейда, въ настоящее время представляетъ собою цѣлый поселокъ, состоящій изъ десяти отдѣльных зданій. Маленькая церковь очень чиста и красива внутри. Рядомъ съ церковью стоитъ помѣстительный (въ 5 комнатъ) домъ причта. Въ домѣ живетъ причтъ, состоящій изъ іеромонаха и псаломщика, присылаемыхъ Никольскимъ Корельскимъ монастыремъ (монастырь этотъ находится въ устьѣ Двины, въ 30 верстахъ отъ Архангельска). Кромѣ причта, въ Кармакулахъ постоянно живетъ фельдшеръ съ семьєю, завѣдующій и складомъ припасовъ. Самоѣды живутъ въ избахъ. Въ становищѣ находится также метеорологическая будка, снабженная новыми инструментами академической экспедиціей, наблюдавшей на Новой Землѣ въ 1896 году солнечное затменіе.

Самое сѣверное становище, расположенное въ западномъ устьѣ Маточкина шара, состоитъ только изъ трехъ избъ, стоящихъ на устьѣ рѣчки Маточки, у подножья высокихъ горъ, окружающихъ проливъ и

долину рѣки. Осѣдло здѣсь живетъ только одна семья. Двѣ другія семьи обыкновенно кочуютъ съ чумами по берегу Карскаго моря. Въ Кармакулахъ лѣтомъ остается обыкновенно также не болѣе трехъ семействъ, между тѣмъ какъ зимою живетъ до девяти. Остальные самоѣды лѣтомъ живутъ въ чумахъ въ различныхъ частяхъ острова—въ Гусиной Землѣ, по западнымъ берегамъ и по побережью Карскаго моря. На Карской сторонѣ промыслы особенно выгодны: тамъ звѣря вообще больше; кромѣ того, тамъ даже въ неудачные для промысла, безлѣдные на западномъ берегу года льдовъ бываетъ достаточно, а потому всегда есть и тюлени, которые не любятъ разставаться со льдами, и медвѣди, которые держатся вблизи тюленьихъ лёжекъ. Въ безлѣдный 1898 годъ, когда море у западныхъ береговъ Новой Земли въ теченіе почти всей зимы стояло открытымъ, всѣ медвѣди (22 числомъ) убиты самоѣдами, жившими на Карскомъ морѣ.

Самоѣды на Новой Землѣ.

Промыслы на Карскомъ морѣ сильно тормозятся трудностями сообщенія между становищами западныхъ береговъ острова и Карскимъ побережьемъ. Добыча промысловъ—сало, шкуры, соленая рыба—съ Карскаго моря должна быть доставлена въ одно изъ становищъ, откуда принимаетъ ее пароходъ. Самоѣды переходятъ Новую Землю рѣчными долинами, переѣзжая и перевозя кладъ на собакахъ, которыя впрягаются (обыкновенно по 10 штукъ) въ маленькія легкія нарты. Въ такія

нарты, запряженные 10-ю собаками, по зимнему пути можно грузить до 20 пудовъ, лѣтомъ—3—4 пуда.

Самоѣдскія собаки на Новой Землѣ служатъ не только упряжными животными. Онѣ помогаютъ промышленникамъ и при охотѣ, особенно на медвѣдей. Иногда бываетъ очень важно, чтобы стая собакъ остановила и задержала медвѣдя, который уходитъ къ морю (гдѣ достать его уже не представляется возможнымъ), пока не подоспѣтъ охотникъ съ винтовкой. Самоѣды—хорошіе стрѣлки; охотятся они обыкновенно партіями въ нѣсколько человѣкъ на артельныхъ началахъ, при чемъ распределение добычи между членами партіи очень сложно, и въ этомъ отношеніи охотники руководятся твердо установившимся обычаемъ. На добытаго звѣря имѣетъ право не только тотъ охотникъ, пуля котораго его убила, но въ различной степени всѣ члены партіи. Собакъ—для пополненія ихъ убыли, когда нужно—привозятъ самоѣдамъ изъ Архангельска, и собаки эти очень разнообразны по виду и цвѣту. Рядомъ съ типичными сѣверными звѣровыми лайками я видѣлъ здѣсь и оленьихъ самоѣдскихъ лаекъ—красивыхъ и умныхъ небольшихъ собакъ бѣлаго цвѣта съ длинной стоячей шерстью и стоячими ушами, по складу напоминающихъ шпицевъ. Собакъ этихъ держатъ при оленьихъ стадахъ въ тундрѣ. Кромѣ этихъ представителей сѣверныхъ расъ, попадають въ становища изъ Архангельска и вислоухія дворняжки съ замѣтной примѣсью благородной крови пойнтеровъ, сеттеровъ и другихъ культурныхъ породъ. Всѣ собаки идутъ въ дѣло,—самоѣды довольно быстро обѣзжаютъ вновь прибывшихъ въ нартахъ.

Матеріальное положеніе колонистовъ на Новой Землѣ уже и на первый взглядъ кажется находящимся въ хорошемъ состояніи. Въ избахъ и чумахъ мы видѣли самовары, чайную посуду и цѣнныя винтовки. Многіе колонисты, кромѣ обычныхъ оленьихъ „мѣлицъ“, имѣютъ парадное „нѣмецкое“ платье. Промышленники вооружены прекраснымъ по вѣрности и силѣ боя звѣровымъ оружіемъ—берданками драгунскаго образца; но многіе колонисты покупають, кромѣ того, довольно цѣнные норвежскіе „ремингтоны“—тяжелые и грубые съ виду, но хорошо вывѣренные карабины. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что и до сихъ поръ еще самоѣды Канинской, Тиманской и Большеземельской тундръ, а также и многіе русскіе промышленники сѣвера охотятся съ такъ называемыми „моржовками“—кременевыми винтовками производства мѣстныхъ кузнецовъ, неуклюжими и бьющими сколько-нибудь точно только на короткія разстоянія. Въ годъ моего посѣщенія Новой Земли колонистъ становища въ Маточкиномъ шарѣ поручилъ завѣдующему Новой Землей купить ему въ Архангельскѣ дожину мельхіоровыхъ ложекъ, считая неприличнымъ угощать наѣзжающихъ къ нему гостей—русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ—деревянными. Эти культурныя замашки и

сравнительный достатокъ не мѣшаютъ, впрочемъ, самоѣдамъ жить очень грязно. По мѣсяцамъ не вылѣзаютъ они изъ своихъ оленьихъ малиць, которыя носятъ и лѣтомъ. Очень грязно готовится также пища. Самоѣдскій же пиръ надѣ только что убитымъ оленемъ, когда участники этого пира пожираютъ сырое мясо, отправляя его въ ротъ длинными лентами и ловко отхватывая куски ножомъ передъ самыми губами, а за одно и то же оленье ребро держатся зубами съ одного конца собака, съ другого — вымазанный кровью ребенокъ, — является зрѣлищемъ чрезвычайно оригинальнымъ.

Живущіе въ Кармакулахъ самоѣды очень охотно посѣщаютъ церковь, никогда не пропуская богослуженій. Дѣти учатся въ школѣ, которой посвящаютъ часть своего времени живущіе на островѣ іеромонахи. Такимъ образомъ въ религіозномъ отношеніи и въ отношеніи просвѣщенія колонисты Новой Земли живутъ въ несравненно болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели большинство кочующихъ самоѣдовъ материка. Несмотря на это, религіозныя понятія новоземельскихъ самоѣдовъ, конечно, еще очень сбивчивы и представляютъ собою остатки языческихъ вѣрованій, смѣшанныхъ съ христіанскими. Изъ святыхъ Николай Чудотворецъ пользуется особымъ почитаніемъ, какъ и почти всюду на сѣверѣ. Но рядомъ съ иконами поклоняются и идоламъ. Идолы имѣютъ нѣкоторые изъ проживающихъ въ Маточкиномъ шарѣ самоѣдовъ. Идолъ былъ найденъ и у одного изъ самоѣдовъ, живущихъ въ Кармакулахъ. По рассказамъ другихъ самоѣдовъ, этотъ приверженецъ старины въ день Пасхи 1893 года отправился въ домъ причта, чтобы попросить у іеромонаха водки. Но іеромонахъ не согласился отпереть дверей на его стукъ. Тогда самоѣдъ прибѣгъ къ помощи своего болванчика: онъ взялъ его подъ малицу и съ нимъ вмѣстѣ трижды обошелъ вокругъ церковнаго дома. Когда и это не подѣйствовало, самоѣдъ, разсердившись на идола, прибилъ его. На островѣ Колгуевѣ и въ Канинской тундрѣ идолы въ большемъ ходу. Это грубо сдѣланныя изъ дерева изображенія человѣка, иногда одѣтыя въ оленьи малицы.

Самое сѣверное самоѣдское становище на Новой Землѣ лежитъ подъ 73° 16' сѣв. широты. Эта широта не является, конечно, предѣломъ возможнаго обитанія на островѣ. Уже теперь иногда охотничьи самоѣдскія партіи въ поискахъ за медвѣдями поднимаются на 100 верстъ сѣвернѣе Маточкина шара. Нужно думать, что въ поискахъ за лучшими мѣстами охоты передвинутся со временемъ къ сѣверу и одинъ-два чума, а послѣ этого, быть можетъ, будетъ основано и постоянное становище. Самоѣдскія поселенія явятся, вѣроятно, со временемъ и по Карскому побережью острова, гдѣ и теперь уже ежегодно кочуетъ нѣсколько чумовъ и куда влечетъ охотниковъ богатство Карскаго моря салынымъ звѣремъ, медвѣдями и рыбой. На материкѣ многіе самоѣды, потеряв-

шіе оленей, влчатъ очень жалкое въ матеріальномъ отношеніи существованіе, перебиваясь охотой и рыбной ловлей, которыя не обезпечиваютъ ихъ жизни, вслѣдствіе зависимости ихъ отъ русскихъ и зырянскихъ торговцевъ.

Опытъ показывалъ не разъ, что страны далекаго сѣвера вовсе не такъ страшны своими опасностями и не такъ губельны для здоровья человѣка, какъ обыкновенно думаютъ. Извѣстный писатель и знатокъ сѣвера, Максимовъ, въ своей замѣчательной книгѣ „Годъ на сѣверѣ“, приводя рассказы поморовъ о пустынной и страшной Новой Землѣ, куда ходятъ смѣльчаки искать удачи и прибыли, сказалъ объ этомъ островѣ: „Ужасная страна! — страшная уже тѣмъ, что здѣсь предѣлъ всепобѣждающей человѣческой силѣ: здѣсь побѣдителю природы уже не укрѣпить ноги“. Приблизительно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, основано первое самоѣдское становище. А въ настоящее время любознательный туристъ можетъ съ большимъ удобствомъ въ вагонѣ желѣзной дороги и въ каютѣ удобнаго парохода сдѣлать поѣздку изъ Москвы на Новую Землю въ теченіе 14 дней. Въ опроверженіе пророчеству Максимова, человѣкъ всталъ твердой ногой на берегахъ Новой Земли, и врядъ ли далеко то время, когда онъ встанетъ такъ же твердо на берегахъ Карскаго моря и сибирскихъ берегахъ.

Изъ быта населенія Печорскаго края.

(Е. Лякаго.)

Усть-Цыльма — столица Печорскаго края. Такъ опредѣляютъ ее мѣстные патриоты. Дѣйствительно, здѣсь сосредоточено управленіе уѣздомъ, размѣры котораго — около 25.000 кв. верстъ — превышаютъ площадь иныхъ европейскихъ государствъ. Здѣсь резиденція исправника, камера мирового судьи, казначейство, почта и телеграфъ. И только два училища низшаго типа, въ которыхъ ученіе не идетъ дальше элементарной грамоты, указываютъ на то, что возведеніе Усть-Цыльмы на степень города признается преждевременнымъ, несмотря на то, что въ ней одной, не говоря о прилегающихъ селахъ, насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ жителей.

Усть-Цыльма растянулась по правому берегу Печоры, противъ впаденія въ нее р. Цыльмы. Въ этомъ отношеніи она напоминаетъ нѣсколько Архангельскъ, разбиваясь на нѣсколько продольныхъ улицъ и образуя длинную, узкую полосу жилья. Внѣшній видъ домовъ съ перваго взгляда производитъ пріятное впечатлѣніе.

Большіе двухъ-этажные дома съ мезонинами, повѣти, примыкающія къ нимъ и наполненные разнымъ добромъ, бани съ печами и окнами, какая

ни на есть панель на главной улицѣ, нѣсколько лавчонокъ, въ которыхъ мѣстные обыватели покупають скверные товары по дорогой цѣнѣ, ренсковой погребъ съ подозрительнымъ виномъ,—все говоритъ о значительной степени зажиточности обывателей. Здѣсь немало не только зажиточныхъ, но даже богатыхъ крестьянъ. Загляните къ какому-нибудь изъ нихъ въ избу, — и вы будете поражены небывалой для русскаго крестьянина роскошью обстановки: большія, свѣтлыя горницы уставлены привозною мебелью, за стекломъ расписныхъ шкапиковъ виднѣются горки посуды, на стѣнахъ висятъ старинные часы, красный уголь сверкаетъ образами въ дорогой оправѣ, повѣти ломаются отъ множества всевозможнаго скарба — сѣтей, неводовъ, саней, кадей, сбури, земледѣльческихъ орудій и т. п. Для праздника у хозяйки и дочерей есть цѣлый гардеробъ старинныхъ русскихъ нарядовъ — сарафановъ, шубеекъ, шушунновъ, крытыхъ дорогой парчой и шелкомъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ повойниковъ и дѣвичьихъ поязковъ, широкихъ цѣпей съ крестами, колець и серегъ. Гостямъ въ такомъ домѣ подадутъ свѣжепросольную семгу, кулебяку съ рыбой, сардинки, молочные продукты, чай, найдется бутылка — другая и „ренского вина“. Верхній этажъ избы обыкновенно не занимается, хозяева живутъ въ нижнемъ, гдѣ просторная комната, съ большой русской печью посерединѣ, съ полатами и скамьями вокругъ, служитъ имъ столовой, и кухней, и спальней. Въ такихъ домахъ, особенно гдѣ много женщинъ, полъ всегда аккуратно „выпаханъ“, т.-е. подметенъ, столъ и скамьи чисты; въ верхней избѣ, кромѣ того, стѣны оклеены обоями, за которыми происходитъ постоянное шуршаніе, несносное для человѣка, которому не спится подчасъ въ эти бѣлыя ночи.

Войдемъ теперь въ избу побѣднѣе. Обстановка приблизительно та же, но въ чистой избѣ вѣнскихъ стульевъ нѣтъ, а въ черной — окна поменьше, печь не такъ бѣлая, по угламъ много всякаго грязнаго тряпья, посуда большею частью деревянная, самоваръ уже не блеститъ,—по всему видно, что хозяева могутъ меньше времени удѣлять домашнему порядку. „Чистая“ изба не такъ чиста, обои прорваны въ разныхъ мѣстахъ, и въ нихъ виднѣются слѣды заштатныхъ обитателей дома; съ оконъ, шкаповъ и изъ-за печки соръ убирается весьма рѣдко; на постели валяется сбитая перина безъ простыни и наволочекъ; въ углу надъ ушатомъ виситъ на веревочкѣ ветхій рукомойникъ въ формѣ мѣднаго чайника, изъ котораго безпрестанно каплетъ. Изъ сѣней одна дверь ведетъ на лѣстницу внизъ, другая — въ повѣтъ. Въ нижней части помѣщается скоть, въ верхнюю со двора ведетъ крутой вѣздъ, передъ которымъ въ стѣнѣ повѣти вырубаются широкія ворота. На дворѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, помѣщается баня, у зажиточныхъ бѣлая, у большинства черная, т.-е. безъ трубы.

По сравненію съ среднимъ благосостояніемъ русскаго крестьянина, усть-цылемцы должны быть признаны зажиточными. Независимо отъ количества земельныхъ угодій, которыя одни не въ состояніи прокормить населенія, оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи важное подспорье въ рыбномъ промыслѣ. Продажа семги, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали набѣжать сюда столичные скупщики и подняли цѣну до тридцати—тридцати-пяти рублей за пудъ, одна даетъ имъ порядочный доходъ. Только лѣнливый не ловить здѣсь рыбы; рыба же служить имъ важнымъ подспорьемъ въ пищевомъ отношеніи: ее солятъ и „квасятъ“.

Мясо составляетъ также обиходный пищевой продуктъ: ѣдятъ „коровину“, оленину, баранину, кое-какую дичь. Почти въ каждой семьѣ есть молоко и для себя, и для отпаиванья телятъ. Въ среднемъ, на каждую семью приходится двѣ-три коровы. Огородничество слабо развито,—сажаютъ только картофель, рѣдку, рѣпу, и то не всѣ. Уже изъ одного этого видно, что Усть-Цыльма избавлена отъ хроническаго бѣдствія крестьянъ средней полосы—периодическихъ голодовокъ, и стоить только привести хотя бы одинъ перечень издѣлій, приготовляемыхъ изъ муки разныхъ сортовъ, чтобы видѣть, до какой степени разнообразится пища усть-цылемца. Не говоря о разнаго рода „штяхъ“, рыбѣ свѣжей, соленой и кислой, разныхъ видахъ мяса и дичи, усть-цылемскія хозяйки пекутъ слѣдующіе виды хлѣба и пироговъ: обыкновенный ячменный, тянушки, шайбги, дежни на молокѣ, колечки, просовы, житни, калачи и пр.

Лѣтомъ лакомство составляютъ ягоды брусники, щуки, черники, малины, морошки, щейтника (шиповникъ), землянки (земляники), смородина, клюква, наконецъ грибы. Послѣдніе не сушатъ, а мочатъ въ водѣ и солятъ, зимой выносятъ на морозъ. Все это достаточно показываетъ, что если природа обидѣла печорцевъ въ отношеніи солнца и красокъ, зато она наградила ихъ другими благами, давъ всѣ средства къ тому, чтобы въ этой странѣ тьмы и холодовъ имъ хоть дома, по крайней мѣрѣ, жило тепло и обильно.

По внѣшнему виду усть-цылемцы производятъ впечатлѣніе угрюмыхъ и сосредоточенныхъ людей: брови у нихъ насуплены, глаза смотрятъ недобѣрчиво и враждебно; даже женщины—и тѣ отражаютъ на лицѣ своемъ какое-то тупое упорство и угрюмую замкнутость; рѣдко встрѣтишь здѣсь милое простодушіе, открытую наивность деревенской молодежи какой-нибудь Рязанской или Тульской губерніи. Я видѣлъ здѣшнихъ дѣвушекъ на хороводѣ. Вырядившись, словно павы, въ свои шитые золотомъ и серебромъ кокошники и парчевыя „коротеньки“ и сарафаны, онѣ чинно сходились стѣна съ стѣной подъ красивую по сочетанію голосовъ, но заунывную хороводную пѣсню, расходились парами, образовывали кругъ, снова разбивали его — и всю эту игру вели безъ

малѣйшаго оживленія, безъ веселаго смѣха, будто выполняли какой-нибудь суровый, чинный обрядъ. Неласковая природа и трудовая доля, видно, наложили на нихъ свою тяжелую печать.

Въ то время, какъ дѣвушки водили хороводъ,—это было въ воскресенье, часовъ около пяти-шести дня,—ихъ матери, тоже разрядившіеся въ прабабушкины шушуну и повойники, собравшись со всей Усть-Цыльмы, двумя длинными рядами сидѣли здѣсь же вдоль улицы, степенно бесѣдовали между собой; за ними, на заборахъ и воротахъ, расположились принарядившіеся мужики и подростки, тогда какъ другая часть парней, невдалекѣ отъ хоровода, играла въ лежки и городки. Нѣкоторые пробовали свои силы въ богатырской борьбѣ „крестъ-на крестъ“, но дѣло не клеилось; кое-гдѣ слышались грубые крики и брань. Но во всей этой тысячной толпѣ, собравшейся сюда погулять и поразвлечься, чувствовалась какая-то придавленность, натянутость. Нигдѣ не замѣтно было молодецкаго безшабашнаго размаха, не чувствовалось неподдѣльнаго, безграничнаго веселья.

Я долго бродилъ въ толпѣ, снимая небольшимъ аппаратомъ наиболѣе типичныя лица и отдѣльныя группы, и только цѣлая стая мальчиковъ, носившаяся за мной, отвлекала меня отъ мысли, что я вижу передъ собой не эффектную сцену изъ какой-либо исторической пьесы, а настоящую, послѣдніе дни доживающую старорусскую жизнь, еще сохранившую слабые отголоски вѣчевыхъ преданій и застывшую на моихъ глазахъ въ яркихъ лучахъ заходящаго солнца.

Настоящая жизнь печорскаго обывателя творится не здѣсь. Она скрыта отъ посторонняго взора. Сколько намъ удалось подмѣтить, для стараго, патриархальнаго уклада жизни наступаютъ послѣдніе если не дни, то годы, являются новые люди, создаются небывалыя прежде условія жизни, и въ монотонный строй вносятся иная, пока еще мутная струя, грозящая нанести прежней старинной и своеобразно понимаемой чистотѣ нравовъ рѣшительный ударъ. Между отцами и дѣтьми замѣчается сильная рознь. Отцы, въ особенности изъ приверженцевъ старой вѣры, благоговѣнно чтутъ старину, ведутъ трезвую жизнь, не выносятъ людей, курящихъ табакъ, не долюбиваютъ православныхъ, даже избѣгаютъ подавать имъ руки, и весь домъ ведутъ степеннымъ старымъ обычаемъ.

Здѣшніе раскольники—это не Богъ въсть какіе знатоки: смутно разбираются они въ старыхъ книгахъ и иконахъ, держатся двоеперстія, Ісуса и аилуя, но идутъ на компромиссъ и соглашаются на крещеніе дѣтей у священника, на вѣчаніе дочерей съ парнями-раскольниками въ православной церкви „для крѣпости“. Молодежь—не то: она почти поголовно пьетъ водку, тайкомъ отъ родителей курить табакъ, въ старыхъ книгахъ почти совсѣмъ не разбирается, и только въ отношеніи

брака она предпочла бы держаться старины, т.-е. сходитья безъ вѣнчанія, если бы не встрѣчала со стороны дѣвушекъ упорнаго требованія вѣнчаться въ церкви „для крѣпости“ и для предотвращенія въ будущемъ наслѣдственныхъ споровъ.

Въ своемъ міросозерцаніи всѣ усть-цылемцы поражали меня своею двойственностью. Съ одной стороны, это были толковые, а иногда и положительно умные люди, смотрѣвшіе широко на вещи, которыя но подъ силу раскусить обыкновенному среднему мужику; такъ, они прекрасно понимали выгоды образованія, значеніе нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства, говорили о христіанской нравственности и т. д. Этой стороной своего міросозерцанія они являлись какъ бы обращенными лицомъ къ XX вѣку. Но другая, оборотная, сторона ихъ взглядовъ и нѣкоторыхъ сторонъ жизни приводила меня въ ужась. XVII вѣкъ со всей своей дикостью и звѣрствомъ точно окаменѣлъ въ ихъ быту, и тупое упорство, съ которымъ они относились къ моимъ возраженіямъ, указывало, что нашъ вѣкъ настигъ ихъ еще слишкомъ рано. Изъ такихъ вопросовъ, въ которыхъ толковые и степенные усть-цылемцы оказывались совершенными дикарями и далеко превосходили въ дикости своихъ сосѣдей-инородцевъ, на первомъ планѣ стоитъ отношеніе къ женщинѣ, какъ къ женѣ и хозяйкѣ дома. Въ моихъ странствованіяхъ по русской деревнѣ миѣ пришлось наталкиваться на случаи невѣроятно жестокаго отношенія мужиковъ къ бабамъ, но такого сознательно-грубаго и презрительнаго отношенія, какъ здѣсь, я не видывалъ. Въ многочисленныхъ разсказахъ, характеризующихъ типичную личность главы дома, послѣдніе болѣе всего напоминаютъ восточнаго деспота—пашу.

Типичный усть-цылемскій глава дома — это скорѣе всего разнузданный звѣръ, къ которому не знаешь, какъ подойти. Выходя замужъ, дѣвушка сознательно идетъ на побои, всякаго рода униженія и оскорбленія; трезвый и пьяный мужъ будетъ бить ее „смертнымъ боемъ“—первымъ что попадется ему подъ руку: ремень, такъ ремнемъ, оглобля, такъ оглоблей. Законъ и обычное право стоять на сторонѣ мужа, и тесть первый станетъ помогать зятю „учить“ свою дочь, если та вздумаетъ перечить ему и жаловаться по сосѣдямъ. Срывая свой необузданный или иющій отъ похмелья нравъ на безотвѣтной бабѣ, глава дома въ то же время сваливаетъ на нее всѣ наиболѣе тяжелыя работы, мало считаясь съ состояніемъ ея здоровья, съ тѣмъ, не, беременна ли она, не истощена ли кормленіемъ ребенка. Для себя онъ оставляетъ по преимуществу благородное занятіе — плетеніе сѣтей, разныя подѣлки изъ дерева, рыбную ловлю, охоту.

На дѣтей у усть-цылемцевъ существуетъ дикій взглядъ. Поразительная смертность ихъ (до 95%) далеко не объясняется одними лишь суровыми условіями жизни, но въ значительной степени тѣмъ,

что одинъ изъ мѣстныхъ старожилонъ охарактеризовалъ словами— „отсутствіе материнскаго чувства“. Сплошь и рядомъ встрѣчаются женщины, у которыхъ было по восемнадцати и двадцати дѣтей, но изъ нихъ оказывались живыми двое, много трое. Съ поразительнымъ равнодушіемъ говорятъ онѣ о смерти своихъ дѣтей. Онѣ кормятъ ихъ, точно выполняютъ тяжелый долгъ: „не котята вѣдь, своя кровь“.— „Глядѣли, кажется, а вотъ поди жъ ты, померли, какъ заснули—нѣвѣсть съ чего“.

Нѣвѣсть съ чего! Мрутъ, задыхаясь на горячей печи, отъ истощенія, отъ дѣтскаго поноса, когда младенцу, едва ли не съ перваго дня, суютъ въ ротъ грязную, прокисшую тряпку, загнивають въ нечистотѣ, „околѣвають“ отъ тысячи другихъ случайностей, подстерегающихъ хрупкую жизнь ребенка.

Измученныя „страдой“ на пожняхъ или озвѣрѣвшія подъ вліаніемъ тяжкаго гнета „патріархальнаго“ уклада домашней жизни, молодыя бабы нерѣдко сами съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смерти надрывающаго душу своими криками ребенка. „Измаялась я совсѣмъ,—жаловалась одна,—давно бы ему пора околѣть, да смерти все нѣтъ—только мучить“.

Любовь къ дѣтямъ развивается, когда дѣти уцѣлѣють какимъ-то чудомъ въ этомъ страшномъ подборѣ и, придя въ сознательный возрастъ, начнутъ тѣшить родительское сердце своимъ покорствомъ и смысленностью. Лѣтъ съ пяти ихъ берутъ на работы, на зиму даютъ „пимы“ или „катанцы“, штаники съ „огузьемъ“, дѣвочкамъ „сарафанецъ“ и „кофточку“ и вообще считаютъ ихъ съ этого возраста имѣющими право на участіе въ жизненномъ пиру. Лѣтъ девяти-десяти они уже считаются серьезными помощниками въ работѣ. Около этого же времени мальчиковъ начинаютъ посылать въ мѣстную школу, гдѣ они остаются не до окончанія курса, но лишь до тѣхъ поръ, пока они не овладѣють элементарной грамотой. Послѣ этого ихъ передають старухамъ-начетчицамъ, которыя учатъ ихъ читать св. писаніе по старымъ книгамъ, преимущественно псалтырь, чѣмъ они и заканчиваютъ свое образованіе. Съ этихъ поръ какъ паренъки, такъ и дѣвочки пріобщаются къ домашнимъ работамъ, къ промысламъ, къ воскреснымъ хороводамъ, къ зимнимъ бесѣдамъ и, наконецъ, къ безчисленнымъ попойкамъ на крестинахъ, свадьбахъ, именинахъ и проч., гдѣ парни скоро начинаютъ играть роль жениховъ, стараясь не отставать въ грубыхъ ухваткахъ отъ взрослыхъ.

Въ понятіяхъ о нравственности господствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, полный хаосъ. Усть-цылемцы — добрые христіане,— „мы живемъ по заповѣдямъ, говорятъ они, не по вашему“,— и на всякій случай жизни помнятъ множество цитатъ изъ священныхъ книгъ; однако на всякій законъ у нихъ есть противозаконіе, закрѣпленное мѣткимъ изреченіемъ,

которое сжато и образно выражаетъ вѣками выработанное нравственное начало, заслоняющее собой отвлеченную догму писанія. Читтъ усть-цылемецъ, напримѣръ, заповѣдь „не укради“, а между тѣмъ практика жизни заставляетъ его держать, хотя бы на самое короткое время своего отсутствія, весь домъ на запорѣ.— „Что, братъ, укралъ?“— „А ты видалъ?“— „Нѣтъ, не видалъ.“— „Такъ почто на дѣлежку ротъ развѣвалъ? Ступай откуда пришелъ...“

Чтутъ усть-цылемцы и заповѣдь „не убій“, а между тѣмъ, кто знаетъ, какія драмы разыгрываются на отдаленнѣйшихъ рыболовныхъ тоняхъ, гдѣ ежегодно пропадаетъ „безъ вѣсти“ по нѣскольку человѣкъ и гдѣ происходятъ цѣлыя сраженія изъ-за рыболовныхъ недоразумѣній усть-цылемцевъ и ихъ сосѣдей пустозеровъ?!

Сообщенія объ этихъ сраженіяхъ прежде, говорятъ, рѣдко доходили до начальства, потому что какъ съ той, такъ и съ другой стороны свято соблюдалось правило „не выдавать“. „А теперь, — рассказывалъ намъ добродушный парень, — скрыть трудно: народу больно много наѣзжать стало. Ну, а одинъ на одинъ завсегда убить можно—и ничего. Кто его узнаетъ: рѣка не выдастъ, и лѣсъ не прошумитъ...“

Отрицательныя свойства въ быту и характерѣ жителей, по обыкновенію, бросаются въ глаза скорѣе, чѣмъ положительныя, а между тѣмъ послѣднія есть, и весьма немаловажныя. Суровыя условія жизни выработали въ мѣстныхъ крестьянахъ силу воли и стойкость. Большинство крестьянъ отличается смѣлостью, доходящею иногда до готовности жертвовать собой въ борьбѣ съ силами природы, предпримчивостью во время трудныхъ и опасныхъ промысловыхъ работъ и любознательностью, къ сожалѣнію находящей весьма мало средствъ къ своему удовлетворенію. Состояніе умственнаго развитія, какъ объ этомъ упоминалось выше, находится въ самомъ плачевномъ видѣ. Мѣстной школы недостаточно; наконецъ, едва ли она поставлена въ благоприятныя условія, чтобы оказывать въ полной мѣрѣ свое благотворное просвѣтительное вліяніе.

Сами усть-цылемцы желали бы для своихъ дѣтей настоящей и практически необходимой школы, наглядная польза которой обнаруживалась бы у нихъ на глазахъ. А теперь разсуждаютъ они, пробудетъ ли мальчикъ въ школѣ годъ или два, —какой прокъ? Онъ не приноситъ домой никакого ремесла, никакихъ знаній, которыя оказались бы непосредственно пригодными въ предстоящей ему практической дѣятельности дома, на пожнѣ, на рыбной ловлѣ. Въ этомъ отношеніи Печорскій край—вполнѣ забытый и брошенный, не испытавшій на себѣ благотворныхъ признаковъ истинной культурной работы.

Въ Мезенскомъ краѣ.

(А. Энгельгардта.)

Поѣхалъ я на Печору 26-го іюля—сперва моремъ въ Мезень, затѣмъ отъ Мезени до с. Койнасъ, вдоль рѣки Мезени, на лошадахъ, а отъ с. Койнасъ по вновь проложенной дорогѣ, Тиманскою тайболой, черезъ Тиманскій горный краѣ въ с. Усть-Цыльму на р. Печорѣ. Южная часть уѣзда покрыта лѣсомъ, а сѣверная и сѣверо-восточная части составляютъ Канинскую и Тиманскую или Малоземельскую тундры. Обойдя восточный берегъ Бѣлаго моря, извѣстный подъ названіемъ Зимняго берега, мы вошли между островомъ Моржовцомъ и селомъ Койдою въ Мезенскій заливъ. Берега Мезенскаго залива составляютъ главное мѣсто для промысла морскихъ звѣрей; сюда ежегодно, въ февралѣ и мартѣ, собирается отъ двухъ до трехъ тысячъ промышленниковъ частью изъ Архангельскаго, но главнымъ образомъ изъ Мезенскаго уѣздовъ. Позднѣю осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, приплываютъ изъ приполярныхъ странъ, преимущественно къ Зимнему берегу Бѣлаго моря и къ берегамъ Мезенскаго залива, огромныя стада тюленей, иногда въ нѣсколько тысячъ штукъ. Эти звѣри стремятся въ Бѣлое море и къ другимъ заливамъ Сѣвернаго океана за рыбою, которой они исключительно питаются и которая къ осени уходитъ также изъ океана ближе къ берегамъ; затѣмъ тюлени остаются на зиму въ тѣхъ же мѣстахъ.

Въ февралѣ тюлени собираются на прибрежныя льдины, гдѣ и производятъ на свѣтъ дѣтей. Новорожденные звѣри не плаваютъ въ водѣ, потому что шерсть на нихъ въ это время слишкомъ мягка и пушиста. Матери плаваютъ неподалеку и своимъ теплымъ дыханіемъ продѣлываютъ иногда продушины во льду, черезъ которыя выходятъ изъ воды.

Первое время звѣри имѣютъ чисто бѣлый цвѣтъ и потому называются „бѣлками“. Черезъ мѣсяцъ бѣлая шерсть выпадаетъ клочками; затѣмъ начинаетъ показываться плотная, гладкая, желто-серебристаго цвѣта шерсть, и звѣри получаютъ названіе „сѣрка“. Сѣрки уже могутъ плавать и покидаютъ родителей. Только черезъ два года сѣрки дѣлаются совсѣмъ взрослыми. Взрослый самецъ называется „лысунъ“, а самка— „утельга“. Они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что у самца вдоль всего тѣла есть черныя полосы, такъ называемыя крылья (относятся они преимущественно къ гренландскому тюленю, которые составляютъ главный предметъ промысла у нашихъ сѣверныхъ береговъ). Въ апрѣлѣ звѣри какъ бы отдыхаютъ, и тогда ихъ можно встрѣтить въ ясные солнечные дни на льдахъ огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, они протаиваютъ теплотою своего тѣла во льду какъ бы корыта, въ которыхъ лежатъ неподвижно цѣлые дни. Въ началѣ мая они уплываютъ вслѣдъ за своими дѣтьми въ океанъ.

Охота на этихъ звѣрей представляетъ не мало опасностей и требуетъ много смѣлости и ловкости; промышленникамъ приходится иногда забираться далеко въ море, переходить съ одной льдины на другую, чтобы добраться до звѣря; при этомъ они тянутъ за собою лодку, потому что ледъ часто ломаетъ вѣтромъ и волненіемъ. Лодки приспособлены такъ, чтобы ихъ было удобно тащить по льду, для чего ко дну съ каждой стороны придѣлываются полозья, такъ что лодка въ то же время служитъ и санями. Но и лодки не всегда спасаютъ промышленниковъ: случается, что поднявшійся вѣтеръ уноситъ ихъ на льдинахъ въ открытый океанъ. Постоянная опасность въ борьбѣ съ бурнымъ моремъ, съ суровымъ климатомъ развила у нашихъ сѣверныхъ промышленниковъ, поморовъ, рѣшительность, энергію и предприимчивость и выработала духъ взаимопомощи. Поморъ не боится опасности и всегда готовъ выручить изъ бѣды товарища, несмотря ни на что. Бѣльковъ бьютъ обыкновенно палками съ желѣзнымъ на концѣ крючкомъ, а большихъ звѣрей стрѣляютъ изъ винтовокъ.

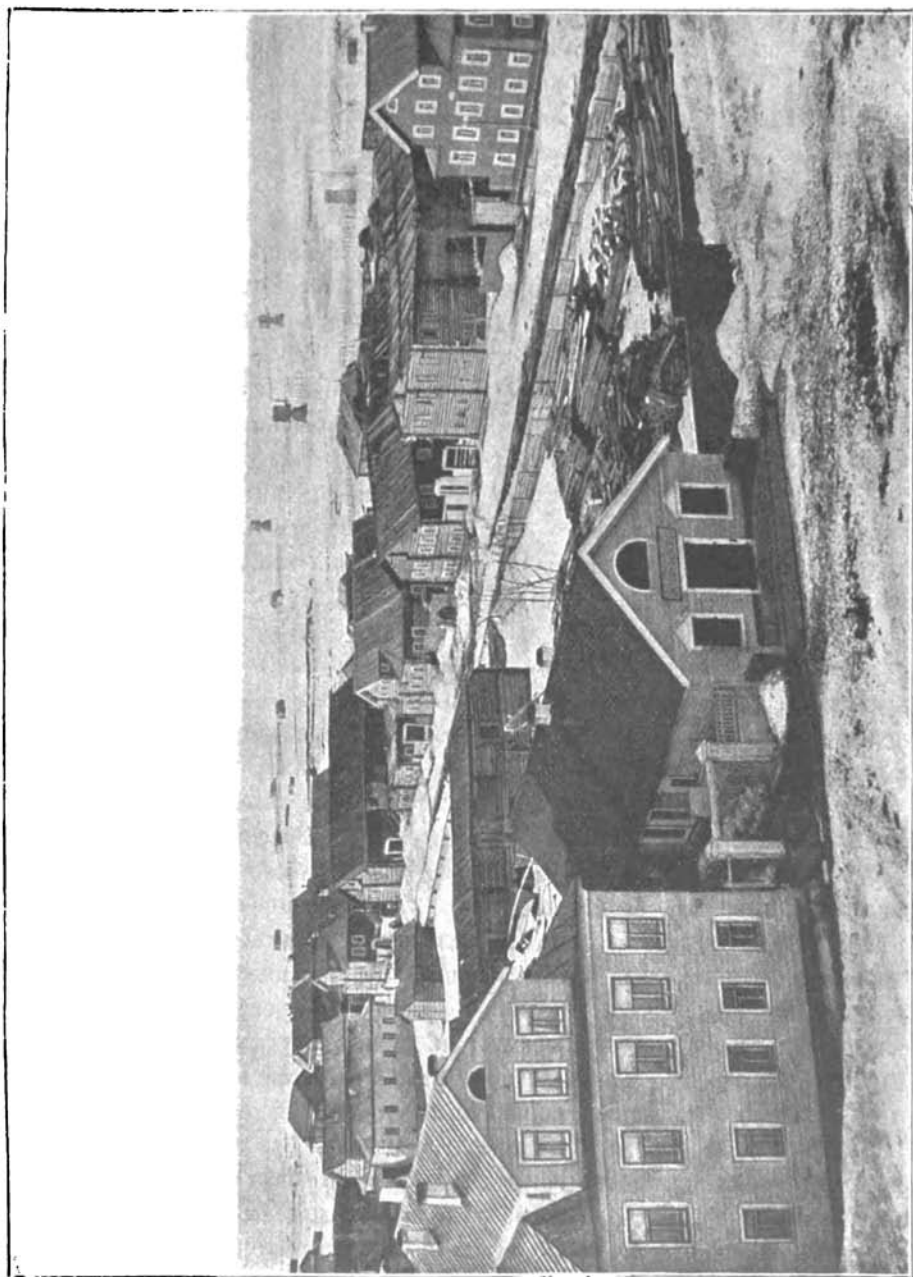
Требуя значительныхъ затратъ на организацію, этотъ промыселъ подвергается частымъ случайностямъ и, вознаграждая въ иной годъ затраты и трудъ промышленника, приноситъ въ другой разъ только убытки.

Далѣе по берегу Мезенскаго залива расположено нѣсколько селъ. Жители ихъ, кромѣ охоты за морскимъ звѣремъ, занимаются преимущественно рыбною ловлей: въ августѣ и сентябрѣ—ловлей семги и нельмы, которыя заходятъ изъ океана въ рѣки для метанія икры, а въ ноябрѣ и декабрѣ — ловлей наваги. Приближаясь къ устьямъ р. Мезени, я замѣтилъ, что мы стоимъ почти на одномъ мѣстѣ, несмотря на то, что пароходъ шель полнымъ ходомъ. Отливное теченіе здѣсь неимоვნю сильно; вода несется со страшною быстротою, наноситъ цѣлыя горы песку и постоянно измѣняетъ такимъ образомъ фарватеръ; самая вода представляетъ какую-то грязно-желтую жидкость, и послѣ отстоя въ ведрѣ оказывается цѣлая треть песку. Приливъ достигаетъ 25-ти футовъ, такъ что тамъ, гдѣ въ полую воду свободно проходятъ пароходы, послѣ отлива иногда на огромномъ разстояніи видна песчаная отмель. Плаваніе въ устьяхъ Мезени представляется поэтому крайне опаснымъ.

Въ устьяхъ рѣки Мезени расположены лѣсопильные заводы. Къ этимъ заводамъ лѣсъ сплавляется по р. Мезени и съ ея притоковъ, частью изъ Архангельской, частью изъ Вологодской губерній; на заводахъ распиливается около 100.000 бревенъ въ годъ на доски, которыя отправляются за границу, обыкновенно въ Англію.

Осмотрѣвъ одинъ заводъ, я отправился въ сосѣдную съ заводомъ тундру. Въ это время года тундра представляетъ оригинальную картину. Какъ разъ поснѣвали ягоды, и вся тундра, насколько видно было гла-

Городъ Мезень.

зу, имѣла видъ ярко-пестраго безконечнаго ковра изъ ягодника, покрытаго безчисленнымъ количествомъ ягодъ всякихъ цвѣтовъ: оранжевой морошки, красной брусники, синей голубицы и черной вороницы. Особенно выдѣлялась ярко-золотистая крупная морошка, которая въ этомъ году была особенно урожайна и вкусна. На каждомъ шагу вылетали бѣлыя куропатки, которыя въ изобиліи водятся въ тундрахъ Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ.

Далѣе до Мезени верстъ 25 мы проѣхали на лодкахъ.

Въ Архангельской губерніи всѣ уѣздные города вообще невзрачны, но изъ нихъ печальнѣе всѣхъ Мезень; въ губерніи найдутся многія села значительно богаче, благоустроеннѣе и многолюднѣе этого города. Въ городѣ нѣтъ, кажется, ни одного каменнаго зданія, да и деревянные какъ-то обветшали и смотреть уныло.

Почтовая дорога отъ Мезени очень хороша, какъ и всѣ вообще большія почтовые дороги въ Архангельской губерніи. Правда, при громадныхъ здѣшнихъ растояніяхъ хорошія дороги представляютъ вопросъ первостепенной важности, притомъ ихъ и немного: такъ называемыя „столичные“, т. е. петербургская изъ Архангельска на Холмогоры, с. Сію и далѣе до границы Олонецкой губерніи и московская—отъ с. Сіи на г. Шенкурскъ до границы Вологодской губерніи. Кромѣ „столичныхъ“ дорогъ, существуютъ еще двѣ.

Отъ ст. Большенеогоры до с. Койнасъ путь нашъ шелъ по проселку, который, впрочемъ, въ настоящее время обращенъ уже въ почтовую дорогу, значительно расширенъ и постепенно приведенъ въ надлежащій видъ; въ то же время, когда я проѣзжалъ тамъ, онъ представлялъ что-то совсѣмъ первобытное, ничуть не похожее даже на самыя отвратительныя дороги, напримѣръ, въ центральной Россіи, съ которыми мы давно уже свыклись; довольно сносно можно было ѣхать только по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, собственно говоря, никакой дороги не было—вдоль рѣчки по плотному песку, или по заливнымъ лугамъ; по гдѣ значилась дорога, тамъ приходилось скакать по камнямъ, пнямъ и корнямъ, тащиться по топи, ѣхать у самаго обрыва по берегу рѣчки, взбираться на горы и спускаться по кручамъ. На такихъ крутыхъ спускахъ всегда заготовлены заранѣе колья, которые закладываются въ оба заднихъ колеса телѣги, а то просто привязывается къ ней сзади цѣлое сосновое или еловое дерево, служащее тормазомъ. Все это, впрочемъ, понятно, такъ какъ мѣстнымъ жителямъ дороги почти не нужны; по нимъ они никогда не ѣздятъ. Всѣ поселенія расположены исключительно по берегамъ рѣчки Мезени и по нѣкоторымъ ея притокамъ, и если кому нужно перебраться изъ одной деревни въ другую, тотъ ѣдетъ на лодкѣ. Впрочемъ, лѣтомъ и разѣзжать некому, потому что все мужское населеніе находится на промыслахъ, а гужевое движеніе, перевозка това-

ровъ на ярмарки и въ города производится исключительно по зимнему пути, который прокладывается также по рѣкамъ для того, чтобы избѣжать неприятныхъ переѣздовъ по горамъ. Вдали отъ рѣкъ, въ глуши лѣсовъ, нѣтъ никакихъ поселеній; слѣдовательно, и ѣхать туда не зачѣмъ ни зимой, ни лѣтомъ; въ лѣсахъ бродить только охотникъ да кочуютъ самоѣды со своими оленями, которые перевозятъ ихъ по болотамъ и тундрамъ во всякое время года—лѣтомъ и зимой—все въ тѣхъ же самоѣдскихъ саночкахъ.

Мы ѣхали все время вдоль рѣки Мезени; гористые обрывистые берега ея довольно живописны и тянутся безконечною красною или бѣлою лентой, покрытой зеленью лѣсовъ; они состоятъ преимущественно изъ плотнаго краснаго мергеля, а мѣстами изъ бѣлаго вывѣтрившагося известняка. Села встрѣчаются довольно часто. Рѣка Мезень довольно широка, но устья мелями, порогами и перекатами, такъ что неудобна для плаванія значительнаго размѣра судовъ, и намъ нѣсколько разъ приходилось ее переѣзжать въ большихъ плоскодонныхъ лодкахъ, на которыя устанавливались телѣга и лошади. Сначала какъ-то жутко было ѣхать на такихъ лодкахъ безъ бортовъ—отъ воды до борта оставалось не болѣе 2—3 вершковъ,—такъ и казалось, что стобить лошади пошевелинуться и нѣсколько накренивъ лодку—и кувыркнешься въ воду; но привычныя къ такимъ переѣздамъ лошади стояли смирно. Я видѣлъ, что на такихъ же лодкахъ перевозили на другую сторону рѣки на пастбища вплотную уставленныхъ коровъ. По рѣкѣ все время проносились стаи самыхъ разнообразныхъ породъ утокъ и раздавался рѣзкій, несмолкаемый крикъ гагаръ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ чаще по берегамъ попадались лиственницы—сперва отдѣльными деревьями, а потомъ цѣлыми группами. Въ южной части Мезенскаго, Пинежскаго и Печорскаго уѣздовъ лиственницы разбросаны по всѣмъ лѣсамъ; особенно же много ихъ по берегамъ рѣки. Стройныя, почти безъ сучьевъ до самой вершины, деревья эти достигаютъ здѣсь высоты 10—15 сажень.

Къ сожалѣнью, это превосходное, твердое и гладкое дерево не имѣетъ пока никакого сбыта. Древесина лиственницы такъ плотна, что спилить или срубить ее очень трудно, и, кромѣ того, лиственничное бревно тонетъ въ водѣ, а потому сплавлять его можно только на плоткахъ изъ другихъ древесныхъ породъ. Для жилыхъ построекъ лиственница не годится, потому что на открытомъ воздухѣ, на солнцѣ и отъ тепла дерево лопается, и въ стѣнахъ образуется множество щелей.

С. Койнасъ—последній населенный пунктъ передъ Печорою; отсюда до Усть-Цыльмы на протяженіи 250-ти верстъ предстояло ѣхать по глухой тайболѣ, гдѣ, кромѣ вновь выстроенныхъ станціонныхъ домиковъ, нѣтъ ни одного жилья. Первая половина новой дороги въ предѣлахъ Мезенскаго уѣзда оказалась вполне удовлетворительною. Просѣлка че-

резь лѣсъ сдѣлана на 6 сажень, а самое полотно дороги занимаетъ 3 сажени; верхній моховой слой на полотнѣ снятъ, пни и корни выкорчеваны, по болотистымъ мѣстамъ проложены гати; станціонные домики въ общемъ довольно удобны и помѣстительны.

Почти всѣ станціи расположены по берегамъ рѣчекъ, гдѣ встрѣчаются довольно удовлетворительные луга, съ которыхъ собираютъ сѣно въ достаточномъ для прокорма станціонныхъ лошадей количествѣ. Большая часть содержателей этихъ станцій переселилась сюда со своими семействами; они дѣятельно принялись за раздѣлку луговъ и начали даже посѣвъ ячменя, урожая котораго болѣе чѣмъ удовлетворительны для этой мѣстности. Дичи кругомъ — глухарей, тетеревей, рябчиковъ, бѣлыхъ куропатокъ и зайцевъ — изобиліе; въ каменистыхъ, порожистыхъ рѣчкахъ множество рыбы изъ породы форелей и сига, такъ что со временемъ вокругъ этихъ станцій образуются, вѣроятно, цѣлыя поселки. Перѣздо намъ приходилось видѣть по дорогѣ тетеревовъ и куропатокъ, которые при нашемъ приближеніи вовсе не думали улетать, и мы успѣвали выйти изъ тѣлги и достать ружья; даже послѣ выстрѣла многіе изъ нихъ преспокойно усаживались на ближайшія деревья.

Совсѣмъ другую картину представляетъ вторая половина дороги по Печорскому уѣзду. Перѣздъ по ней былъ крайне труденъ и утомителенъ. Лошади вязли по брюхо въ моховомъ болотѣ, потому что гати если и были устроены, то затонули въ этихъ топкихъ мѣстахъ; тамъ же, гдѣ кончались болота, подымались высокія скалистыя горы. Напримеръ, между Фатѣвскою и Мыльскою станціями дорога пролегла по сплошному горному кряжу Тиманскаго хребта, при чемъ на всемъ протяженіи этой станціи пришлось перебираться черезъ 16 горъ по крутымъ спускамъ и подъемамъ. Казалось бы, что тутъ-то уже долженъ быть конецъ болотамъ, между тѣмъ только что взберешься на гору, а тамъ наверху опять завязнешь въ тундрѣ; къ довершенію всего на насъ нападали тучи комаровъ, оводовъ и другихъ насѣкомыхъ. Неудобства дороги и мученія, которыя мы испытывали отъ комаровъ, сглаживались до нѣкоторой степени тѣмъ интересомъ, который представляла собою мѣстность: шумныя порожистыя рѣчки, многоводныя рѣки Мылва, Цыльма и, наконецъ, Печора, своеобразныя горы, мѣстами прекрасный сосновый боръ и лиственничный лѣсъ.

Между прочимъ интересна была одна встрѣча. Идетъ по дорогѣ мужикъ, а за нимъ съ бляхой на груди тщедушная бабенка: встрѣча въ такой глуши съ человѣкомъ — вообще дѣло исключительное. Спрашиваешь: кто, куда и зачѣмъ? Оказывается: баба, изображая собою десятскаго, ведетъ здоровеннаго мужика-арестанта, который препровождается въ тюрьму въ Мезень; она должна сдать его ближайшему полицейскому десятскому, а этотъ ближайшій полицейскій чинъ находится

въ Койнасѣ, т.-е. въ 250-ти верстахъ, которая баба безъ всякой опасности идетъ себѣ съ арестантомъ въ безлюдной тайболѣ по невозможной дорогѣ. Въ Архангельской губерніи, въ Поморьѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ на лѣто всѣ мужчины уходятъ на промыслы, которыми исключительно живетъ населеніе, нѣтъ никакой возможности удержать въ это время на службѣ сельскихъ должностныхъ лицъ, исключая развѣ волостныхъ старшинъ, которые получаютъ за свою службу жалованье. Поэтому издавна установился обычай, что женщины исполняютъ служебныя обязанности за своихъ мужей или братьевъ и надѣваютъ при этомъ на себя ихъ служебные знаки. Надо отдать имъ справедливость: службу несутъ онѣ добросовѣстно и во всякомъ случаѣ не хуже, если даже не лучше мужчинъ.

Наконецъ, добрались мы до рѣки Печоры, которая у Усть-Цыльмы имѣетъ въ ширину болѣе двухъ верстъ; мы ее переѣхали въ большой лодкѣ подъ парусами и прибыли въ Усть-Цыльму, сдѣлавъ переѣздъ по новой дорогѣ въ 250 верстъ въ четверо сутокъ.

П о т у н д р ѣ.

(Серафимовича.)

— Ваша благородія, олешки.

Я обернулся. Въ дверяхъ стояло какое-то странное, малорослое существо, съ головы до ногъ покрытое оленьимъ мѣхомъ, обвисшимъ мохнатою шерстью, напоминая небольшого медвѣдя на заднихъ лапахъ. Лицо, хотя и было прорѣзано морщинами, не носило и слѣда бороды и усовъ, такъ что нельзя было сказать, былъ ли это мужчина или женщина; черненькіе глазки, точно усмѣхаясь, выглядывали изъ узкихъ, косыхъ щелей. Лицо, слегка оливковаго оттѣнка, было приплюснуто, и на самой серединѣ его флегматично подымался короткой шишкой неуклюжій носъ.

— Олешки,—проговорилъ самоѣдъ и склонилъ голову набокъ.

— А, хорошо!

Я всталъ и началъ собираться въ дорогу, въ дорогу по тундрѣ. А это значило, что я долженъ былъ превратиться въ самоѣда. Я такъ и сдѣлалъ. Во-первыхъ, напялилъ не себя мѣховые оленьи штаны, на ноги натянулъ пимы, сверху одѣлъ совикъ и просунулъ голову въ его капюшонъ, въ которомъ оставалось лишь небольшое отверстіе для глазъ. Конечно, слѣдовало предварительно вымазать себя вонючею ворванью, чтобы окончательно застраховаться отъ мороза, но я не рѣшился подвергнуть себя этой пріятной операціи.

— Ну, я готовъ,—обратился я къ самоѣду.—Идемъ.

Я вышелъ. Былъ страшный морозъ. Тянулъ рѣзкій сѣверо-восточ-

ный вѣтеръ, крутя снѣжинками и осыпая насъ порой мелкой снѣговой пылью. Ни на одно мгновеніе нельзя было обнажить лица или руки: жгучій морозъ прикасался, какъ раскаленнымъ желѣзомъ; казалось, онъ проникалъ своимъ ядовитымъ прикосновеніемъ даже дерево и металлъ.

Улицы были пусты, точно всѣ вымерли. Высоко вверху быстро бѣжали по вѣтру волокнистые бѣлые клочья, напоминавшіе легкіе хлопья ваты. Былъ какъ разъ полдень, а багровый дискъ солнца плавалъ надъ самой чертой горизонта въ сизомъ туманѣ, озаряя кровавымъ багрянцемъ нѣжные края перистыхъ облаковъ. Въ воздухѣ носились ледяные кристаллы, отливая въ холодныхъ лучахъ далекаго свѣтила. Вѣтеръ безшумно пронесся леденящимъ дыханіемъ надъ оцѣпенѣлымъ городомъ, точно съ злораднымъ сознаніемъ своей страшной силы.

Олени неподвижно стояли у маленькихъ саней, понуро наклонивъ длинныя вытянутыя шеи и какъ будто съ усиленіемъ поддерживая огромныя заиндевѣвшіе рога, чрезвычайно напоминавшіе своимъ вѣтвистымъ строеніемъ причудливое коралловое дерево. Они кротко смотрѣли на насъ добрыми, блестящими черными глазами. Маленькія самоѣдскія санки, необыкновенно легкія и въ то же время необыкновенно прочныя, представляли видъ какого-то страннаго насѣкомаго, длиннаго и узкаго, поднявшагося на высокихъ ножкахъ. Самоѣдъ поправилъ незатѣйливую ременную упряжь, бросилъ на санки нѣсколько оленьихъ шкуръ и свистнулъ собакамъ. Маленькія и проворныя, какъ обезьянки, бѣлыя собачата повскакали со своихъ мѣстъ и насторожили уши. Я усѣлся, плотно завернувшись оленьимъ мѣхомъ. Самоѣдъ поднялъ хорей, взялъ ножака-оленя за единственную вожжу и переваливаясь пошелъ впередъ; олени послушно двинулись за нимъ. Выйдя на ровное мѣсто, онъ на секунду пріостановился, выпустивъ всю вожжу и крѣпко замоталъ ея свободный конецъ на руку. Въ то же мгновеніе олени рванулись и понесли, какъ бѣшеные. Я едва усидѣлъ. Самоѣдъ на всемъ бѣгу вскочилъ на сани и оглушительно гикнулъ. Тучи снѣговой пыли, мерзлые комья, куски льда полетѣли мнѣ въ лицо. Жгучій вѣтеръ захватилъ дыханіе. Вытянувшись въ нитку, летѣли по обѣимъ сторонамъ саней бѣлыя собаки. У меня слегка кружилась голова; я закрылъ глаза; жуткое и въ то же время пріятное ощущеніе охватывало все мое существо. Я чувствовалъ, какъ визжалъ подъ полозьями скованный снѣгъ или безшумно разступался, когда мы попадали на рыхлое мѣсто; тогда сани проваливались въ глубокую впадину, все на мгновеніе скрывалось въ клубахъ снѣжной пыли, а въ слѣдующую секунду подхваченные могучимъ бѣгомъ мы неслышно скользили по гладкой, почти утрамбованной поверхности.

Далеко позади мелькнули послѣднія жилия строенія. Мимо насъ увлекаемые неудержимымъ бѣгомъ неслись оледенѣлые кустарники и

серебристая, отягченная и глестымъ иносемъ березки, предвѣстники мертвой равнины, необозримымъ просторомъ надвинувшейся къ холодному морю. Вѣтеръ жегъ глаза, вызывая слезы, и онѣ мгновенно замерзали на рѣсницахъ.

Уже давно назади пропали на горизонтѣ черными точками послѣднія деревья. Вокругъ насъ раздвинулась таинственная снѣговая равнина, очерченная вдали лишь синеватой линіей горизонта. Она съ неуловимой быстротой убѣгала изъ-подъ насъ, отливая мириадами снѣжинокъ холодные лучи угасавшаго свѣтила. Я чувствовалъ, какъ вѣтеръ жегъ мнѣ лицо, какъ назади исчезало пространство и снова нарождалось впереди, все дальше и дальше отодвигая линію далекаго горизонта.

Мой возница все время угрюмо молчалъ, какъ-то бокомъ приткнувшись на саякахъ. Изрѣдка только онъ приподнималъ хорей и потрясалъ имъ, точно длиннымъ конемъ, но олени и безъ того увлекали насъ съ быстротой, закинувъ на свои широкія спины вѣтвистые рога.

А равнина убѣгала назади, пустынная и однообразная, не давая глазу на чемъ остановиться отдохнуть: ни малѣйшаго возвышенія, ни малѣйшаго пятна—все бѣло, пустынно и ровно.

Вдругъ самоѣдъ привсталъ, взмахнулъ хореемъ и пронзительно гикнулъ. Олени подхватили и понеслись еще быстрее. Мой слухъ внезапно поразили странные звуки, выходившіе, повидимому, изъ глотки моего возницы.

Надъ пустынной равниной зазвучала пѣсня, и вѣтеръ, срывая ее съ губъ, разносилъ въ разныя стороны, теряя въ необозримомъ пространствѣ.

То была пѣсня самоѣда.

Впрочемъ, то была не пѣсня, а странное сочетаніе гортанныхъ звуковъ, нанизанныхъ на одну и ту же нескончаемую ноту, безъ отгѣнковъ, безъ выраженія, безъ внутренняго содержанія, безъ затаенной грусти или радостнаго веселія. То былъ печальный отзвукъ мертвой природы, отзвукъ такой же печальной жизни дикаря, что проходила дымной вереницей однообразныхъ дней въ убогомъ чумѣ, не оставляя слѣда. И не слышно было въ ней ни воспоминаній прошедшаго, ни надеждъ въ будущемъ, ни сожалѣній, ни ожиданій. Она Богъ вѣсть откуда приходила, Богъ вѣсть куда исчезала. Она напоминала тоскливый вой собаки, а порой походила на непонятное бормотанье безумнаго.

Я слушалъ, и эта бѣдная, убогая, забытая и забитая жизнь проходила передо мной со своимъ невѣжествомъ, грубостью, безпощадной эксплуатацией и непрестаннымъ вымираніемъ. Я дернулъ своего возницу, онъ обернулся.

— О чемъ ты пѣлъ?—крикнулъ я ему, чтобы вѣтеръ не унесъ моихъ словъ.

— А-а! я всегда так!

И онъ сталъ переводить свою пѣсню. Онъ пѣлъ о томъ, что везетъ барина и что этотъ баринъ хорошій, начальство только небольшое, а вотъ есть большое и сердитое, и что поэтому этого барина онъ долженъ не потерять; и что ѣдутъ они шибко, и кругомъ снѣгъ, а надъ снѣгомъ бѣжить вѣтеръ отъ „камня“, и что скоро они сдѣлаютъ большую перебѣжку, и тогда олешки поѣдятъ снѣгу и подышать, и что солнышко сѣло, и кругомъ никого не видать.

А кругомъ дѣйствительно было пусто, и надъ горизонтомъ далекой полосой протянулось кровавое зарево заката. Равнина приобрѣла вдругъ фантастическій видъ: отъ края до края подернулась она багрянцемъ, точно нѣжная шелковая ткань. Казалось, мы ѣхали по насквозь пропитанному кровью снѣгу.

Въ воздухѣ чувствовалась перемѣна; морозъ словно всосался и отвердѣлъ въ ледяной корѣ необозримой равнины. Вѣтеръ уже не жегъ такъ лица. Я поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ: тамъ, колеблясь, ходили тѣни и клубились странными очертаніями темныя массы. На яркую полосу заката надвигалась лиловая туча. Казалось, огромныя массы снѣга собственною тяжестью тихонько сползали съ зенита по скату на далекій западъ.

Самоѣдъ тоже посмотрѣлъ вверхъ и покрутилъ головой. Онъ потянулъ единственную вожжу, олени круто свернули въ сторону и мгновенно остановились; въ ту же секунду самоѣдъ соскочилъ на землю, и облегченныя сани, пробѣжавъ мимо оленей, врѣзались въ снѣгъ. Олени тяжело дышали, высунувъ языки. Горячій паръ со свистомъ вырывался изъ раздувавшихся ноздрей; взмыленные бока обмерзли бѣлою пѣной. Мы сдѣлали версть 30, и надо было дать оленямъ отдохнуть. Они съ жадностью ѣли снѣгъ и, разрывая его своими широкими копытами, доставали мохъ. Бѣлыя собачата тоже усиленно дышали, повысунувъ длинные языки, и съ наслажденіемъ валялись по снѣгу. Самоѣдъ что-то возился у саней.

И всталъ, чтобы расправить члены, и оглядѣлся: насколько хваталъ глазъ, тянулась мертвая равнина, теряясь въ потемнѣвшей дали. Мы были совершенно одни среди молчаливаго простора. Надвигалась ночь. Она шла, казалось, изъ-за туманнаго сѣвера, и мгла легкимъ флеромъ скрывала ея мрачное лицо. А вверху, надъ нами, ходили призрачныя тѣни, и смутно двигались бѣлесоватыя массы, тяжело клубясь въ вышинѣ. Надо было ждать снѣжной бури. По мѣрѣ того какъ сгущалась мгла, въ сердце незамѣтно прокрадывалось острое чувство одиночества и полной отрѣзанности отъ всего живого, дорогого, близкаго. Таинственныя равнины, на сотни верстъ раскинувшіяся мертвыми снѣгами, раздвинулись безконечной границей до льдистыхъ береговъ, гдѣ шумѣло

пустынное море и лишь ходили сѣдые исполины-торосы да тяжело двигались ледяныя поля, приходя отъ невѣдомыхъ, недоступныхъ человѣку странъ. А вокругъ ни одного живого существа, ни признака жизни. Темнѣло. Вдали крутился снѣжный столбъ.

— Ну, вѣхать!—заявилъ самоѣдъ, заботливо помогая мнѣ завернуться. Онъ, видимо, торопился. Мы отправились.

Вѣтеръ внезапно стихъ. Среди наступившаго молчанія какъ-то рѣзче выступила мертвенная неподвижность окружающей пустыни. Легкіе хлопья снѣгу стали попархивать изъ потемнѣвшаго воздуха, точно бѣлые мотыльки. Отдохнувшіе олени хотя и бѣжали быстро, но самоѣдъ чаще и чаще помахивалъ хореємъ, тыкая въ крупъ то одного, то другого.

— Кссъ, кссъ, кысъ... — какъ-то странно шипѣлъ онъ, и олени, послушные знакомому звуку, бѣжали быстро.

Откуда-то со стороны смутно доносился глухой, точно сдавленный гулъ. Чувствовалось, что на насъ медленно и неотразимо надвигались тяжелыя массы. Жуткое ощущеніе невольно закрадывалось въ сердце. Мы были одни, и никто въ мірѣ не могъ намъ помочь. Тотъ тусклый отсвѣтъ, чтó слабо брезжилъ съ далекаго заката, внезапно погасъ. Вокругъ насъ закрутился бѣлой полосой снѣжный вихрь. Огромныя массы снѣгу обрушились на насъ, точно горная лавина. Кругомъ беззвучно забушевалъ вѣтеръ, словно вой и гулъ бѣшеной бури поглощались безчисленными хлопьями снѣгу, сплошной массой ниспадавшаго на исчезнувшюю изъ вида равнину.

Бѣлесоватый мракъ, всюду волнующійся и колеблющійся. Гдѣ же дорога? Гдѣ пройденный путь? Казалось, небо и земля соединились непрерывной завѣсой. Вихрь, мгла, снѣжныя массы — все перемѣшалось въ хаосѣ. Тамъ, гдѣ за минуту, углубляясь, лежали впадины, теперь выселились снѣжные холмы, точно могильныя курганы въ степи, а на мѣстѣ возвышеній зіяли глубокіе провалы.

Вдругъ олени стали. Это было ужасное мгновеніе. У меня застучало въ голову, и острая мысль прожгла сознание: „Неужели же стали!.. Неужели конецъ!..“ Я напряженно, почти судорожно, вглядывался въ мракъ, боясь спросить самоѣда о причинѣ остановки, и въ то же время въ головѣ смутно пронеслась эгоистическая мысль: „Я не одинъ... и ему вѣдь жаль жизни“. Но тутъ сани дернуло, я покачнулся и схватился за сидѣнье, а въ облегченной груди затрепетала радость, что призракъ смерти такъ бессмысленно глядѣвшій въ лицо, внезапно исчезъ. Мы подвигались, а буря носилась надъ нами во мракѣ, точно невидимый сонмъ духовъ. Сани то грузно взбирались на снѣжную гору, то бѣшено летѣли въ глубокую надъ; подчасъ они совѣмъ почти опрокидывались, заваливаясь въ сугробахъ, но поразительно выносливыя олени пробирались сквозь снѣжныя груды. Я едва держался. Я боялся, что

вывалюсь изъ саней, и меня мгновенно засыплетъ. Самоѣдъ замѣтилъ это, остановилъ оленей, досталъ веревку и спокойно обратился ко мнѣ:

— Слѣзай.

Я всталъ. Онъ поправилъ оленьи шкуры, разостлавъ ихъ по всей длинѣ саней.

— Ложись, — категорически заявилъ онъ.

— Для чего? Зачѣмъ это ложиться?

— Ничего, ложись.

— Да зачѣмъ же ложиться-то?

— Ну, ложись, мнѣ отвѣчать, ты вывалишься, замерзнешь и ничего собѣ, а мнѣ отвѣтъ, а начальство сердитое, вишь, — и онъ показалъ на свои выбитые впереди зубы.

Я повиновался и растянулся на узенькомъ сидѣньи саней. Я чувствовалъ, какъ веревка нѣсколько разъ обвила меня и прихлестнулась къ санямъ; самоѣдъ, очевидно, преспокойно прикрутилъ меня къ санкамъ, какъ привязываютъ барана или кудь муки, чтобы не быть въ отвѣтъ передъ строгимъ начальствомъ за неисправную доставку такого цѣннаго груза, какъ моя особа.

„Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“, подумалъ я и совсѣмъ спряталъ голову въ капюшонъ. Въ моей мѣховой оболочкѣ было тепло и совершенно темно. Я не могъ разобрать, стоимъ ли мы на мѣстѣ или подвигаемся впередъ. Я чувствовалъ только, какъ сани переваливались то въ ту, то въ другую сторону, какъ наклонялись впередъ и назадъ, точно легкой челнѣ посреди вспѣнныхъ валовъ разгравшагося въ непогоду моря. Я чувствовалъ, какъ надо мной носился ураганъ и порой засыпалъ тяжелыми глыбами снѣга, въ слѣдующую же секунду срывая ихъ бѣшенымъ натискомъ. Я неподвижно лежалъ, прикрученный къ санямъ, какъ тюкъ товара. Первое время я напряженно и чутко прислушивался, что дѣлается тамъ: не выбились ли изъ силъ олени, не остановились ли сани, не начинается ли стихать буря. Но мало-по-малу напряженіе стало ослабѣвать, въ голову начали лѣзть постороннія мысли. Сначала я было старался ихъ гнать и прислушивался, что дѣлается тамъ, но вниманіе утомлялось все время сосредоточиваться на бурѣ, и я незамѣтно для самого себя забывалъ свое положеніе, и въ головѣ начинали всплывать картины и образы, совсѣмъ не вязавшіяся съ теперешней обстановкой.

Снѣжныя волны, баякая, мѣрно качали меня, и ихъ мягкіе размахи навѣвали неясныя воспоминанія и смутную дрему, смежая очи.

Надо мной вдругъ раздался чей-то голосъ; я безконечно обрадовался и въ то же время почувствовалъ, что не въ состояніи больше выносить нечеловѣческой муки задержаннаго дыханія. Мнѣ казалось, что продлился только еще секунду это состояніе, и со мной случится что-то ужасное.

— Встава-ай... вста-а-вай!..—раздалось надо мной, и неподвижность сна, как спадаютъ распавшіяся цѣпи. Я радостно открылъ глаза, чувствуя, что освободился отъ навѣяннаго качкой тяжелого кошмара.

— Живо-о-ой!..—флегматично протянулъ самоѣдъ, толкавшій меня передъ этимъ,—я думалъ, замерзъ.—Мы стояли. Вокругъ оленей и саней быстро росли снѣжныя груды, грозя похоронить насъ. Буря бѣшено взрывала на воздухъ столбы снѣжной пыли, разметывая сугробы. Теперь, послѣ сна, я различалъ вой и свистъ вѣтра въ саняхъ, между оленями, въ снѣжныхъ сугробахъ, въ ушахъ у меня.

— Переждать, олешки не бѣгутъ, вишь ты!—и самоѣдъ указалъ на грозно тѣснившіяся вокругъ снѣжныя горы.

Онъ снялъ съ саней оленью шкуру, и мы кое-какъ устроили изъ нихъ родъ шалаша. Пока мы возились, снѣгъ совсѣмъ завалилъ насъ талою грудой.

Надъ нами безмолвно сомкнулась холодная, рыхлая масса. Мы были отрѣзаны отъ всего міра, отъ всего живого. Ураганъ медленно засыпалъ насъ. Слой снѣжнаго покрова постепенно утолщался; угасали послѣдніе звуки; буря смолкала.

Мною медленно овладѣвало какое-то странное оцѣпенѣніе; не хотѣлось пошевелинуть ни однимъ мускуломъ, точно меня сковывалъ летаргическій сонъ. Мы были погребены въ тундрѣ, а сознаніе опасности и чувство самосохраненія притупилось и померкло. Я ни о чемъ не думалъ, да у меня и не было потребности мысли.

Не знаю, долго ли продолжалось такое состояніе, можетъ быть, нѣсколько минутъ, а можетъ, нѣсколько часовъ, только вдругъ я почувствовалъ, что въ мой заколдованный кругъ пустоты и покоя врываются вѣбшія впечатлѣнія.

Первое ощущеніе было ощущеніе холода. Я почувствовалъ, какъ на лицо мнѣ упала снѣжинка и, растаявъ, побѣжала холодною струйкой. Затѣмъ я услышалъ шорохъ: то самоѣдъ собиралъ оленью шкуру. Я наконецъ очнулся совсѣмъ.

Надъ нашими головами рыхлой массой смыкался снѣжный куполъ. Тонкія отверстія, пробуравленные дыханіемъ, уходили вверхъ. Надгавшія сосульки висѣли сверху льдистыми отростками, точно сталактиты въ подземной пещерѣ.

Самоѣдъ пустилъ оленей впередъ. Рогами и копытами они проложили дорогу. Я вышелъ черезъ узкій коридоръ, точно черезъ тоннель въ снѣжной горѣ.

Когда я глянулъ вокругъ, смѣшанное восклицаніе удивленія и испуга невольно вырвалось у меня: мы были въ срединѣ фантастической картины; она развѣтывалась вокругъ, какъ сцена огромнаго театра. Ка-

залось, то была послѣдняя нѣмая картина только что закончившейся драмы. Переливая фосфорической игрой отраженнаго сіянія, дрожала вокругъ насъ неуловимымъ колеблющимся свѣтомъ серебристая равнина, развертывавшаяся правильнымъ кругомъ до той границы, гдѣ небо нисходитъ на землю; синеватый огонекъ искрился въ мириадахъ кристалловъ, разсыпаясь цвѣтами радуги. То былъ странный сказочный свѣтъ, смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ. Тяжело подымаясь, смыкался надъ этой равниной сводчатый куполь, устѣянный горѣвшими звѣздами. Цвѣта вспыхивали и выступали нѣжными тонами, мгновенно смѣшиваясь въ причудливыя, неуловимыя комбинаціи. Казалось, то была раздробленная радуга.

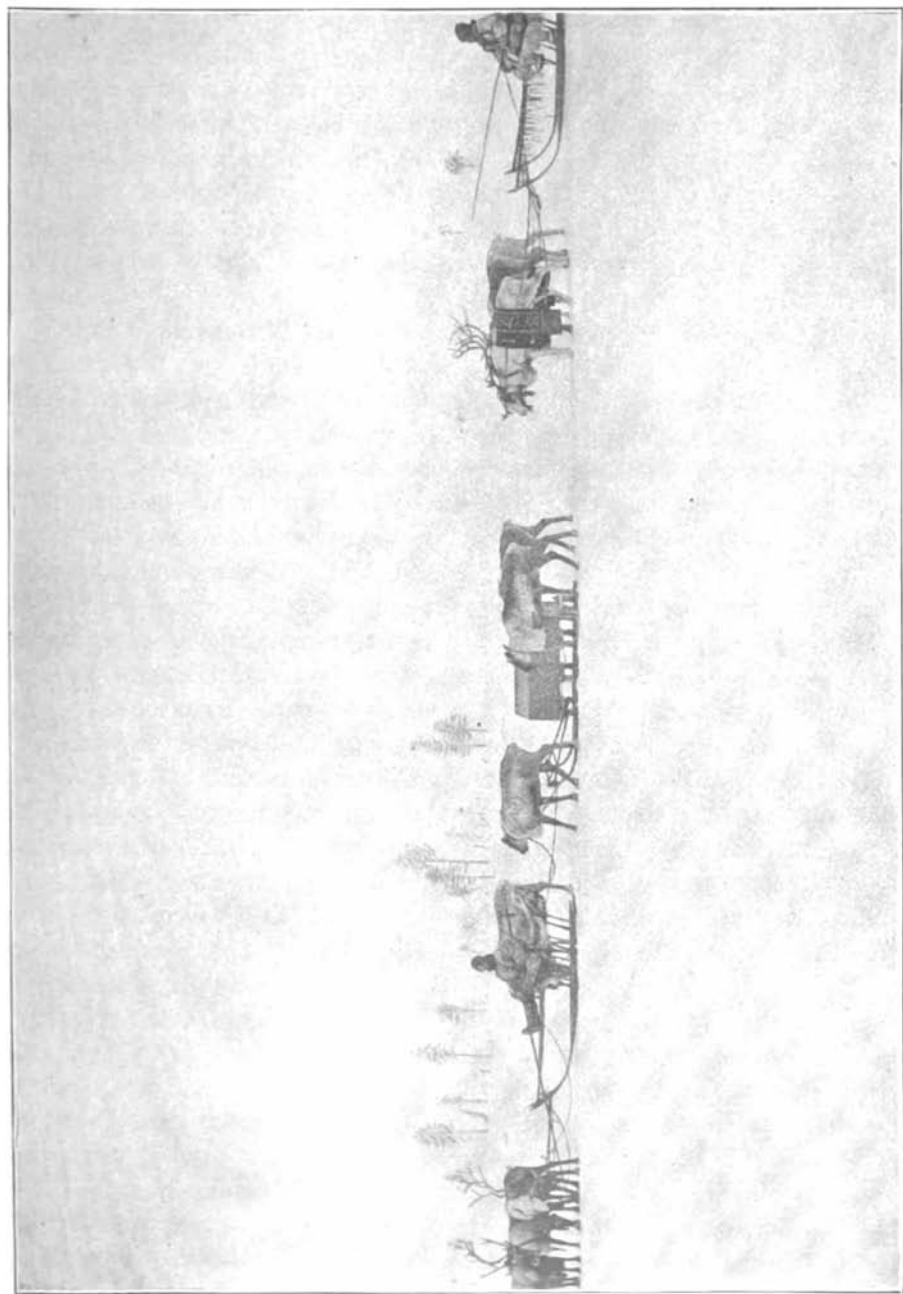
Порой меркла эта блестящая игра, потухали яркія звѣзды и непроглядной мглой выступалъ мракъ, точно кто-то задерживалъ небосклонъ тяжелой завѣсой, а черезъ секунду сверкающій сводъ снова дрожалъ таинственной игрой невѣдомыхъ огней. Но изъ этого хаоса мало-помалу проступали свѣтовые контуры; они дрожали и колебались, потухая и вновь вспыхивая. И вдругъ вдоль свода отъ потемнѣвшаго горизонта до сверкающаго зенита потянулись блестящія колонны, точно этотъ куполь нуждался въ поддержкѣ.

А внутренность этого громаднаго храма, отъ сверкающей земли до сіяющихъ небесъ, была наполнена застывшей, недвижимой и прозрачной какъ стекло массой. И звѣзды яркимъ мерцаніемъ лили сквозь нее лучистое сіяніе, точно безчисленныя свѣтільни. И чудилось, что въ этомъ таинственномъ храмѣ совершалось служеніе невѣдомымъ силамъ.

— Садись,—проговорилъ самоѣдъ,—садись,—какъ-то металлически прозвучалъ въ сгущенномъ воздухѣ звукъ его голоса и сейчасъ же замеръ, скованный морозомъ.

Я сѣлъ, мы понеслись; снѣгу почти не прибавилось: буря смела вбросанные ею же сугробы и понесла огромныя снѣговыя груды къ немолчному, вѣчно сѣдому морю. И снова вокругъ насъ раздвинулась нѣмая пустыня, только теперь озаренная сказочнымъ отблескомъ фантастической свѣтовой игры.

Сначала я долго и съ интересомъ всматривался въ необычайное зрѣлище развернувшейся передо мной картины; но потомъ глазъ мало-помалу сталъ привыкать, свѣтовая игра не слагалась болѣе въ новыя комбинаціи, напряженіе ослабѣвало, и надъ снѣжной равниной опять водворилось унылое однообразіе. И глядѣлъ, какъ бѣжала назадъ равнина, и въ головѣ длинной вереницей также бѣжали неясныя думы. Однообразіе и морозъ нагоняли дремоту. Вдругъ олени круто свернули въ сторону и понеслись, что было силы, обдавая насъ тучей снѣжной пыли, сверкавшей въ морозномъ воздухѣ холодными искрами. Удивленный этимъ внезапнымъ порывомъ, я обратился къ самоѣду и спросилъ,

Въ тундрѣ.

что это значить. Самоѣдъ пристально смотрѣлъ въ сіявшую свѣжимъ покровомъ даль и, казалось, не слышалъ моего вопроса.

— Наша, — проговорилъ онъ, махнувъ хореемъ. Я посмотрѣлъ по тому направленію: сквозь серебристое сіяніе снѣжной равнины, почти на самомъ горизонтѣ, смутно выдѣлялась какая-то темная масса. Она казалась одушевленной, шевелилась и, быстро приближаясь къ намъ, разрасталась, распадаясь на отдѣльные неясные силуэты. Собаки, бѣжавшія возлѣ нашихъ саней, насторожили свои острые уши, потянули морозный воздухъ и громко и весело залаяли. Отъ приближавшейся къ намъ темной массы также донесся слабый лай, задержанный расстояніемъ.

Когда я различилъ, что это живыя существа, я почему-то ужасно обрадовался. Это было радостное ощущеніе присутствія жизни среди гнѣмого и мертвого пространства. Потемнѣвшее передъ тѣмъ сіяніе дрогнуло, заколебалось и, вспыхнувъ, вдругъ озарило до самаго края мертвую равнину холоднымъ отблескомъ побѣжавшихъ по своду огней. Я разомъ различилъ цѣлый лѣсъ оленьихъ роговъ, причудливо вѣтвившихся заиндевѣвшими отростками. Этотъ живой лѣсъ, колыхаясь, быстро приближался къ намъ.

Мы съѣхались. Впереди, указывая направленіе, на легкихъ саняхъ быстро мчалось нѣсколько самоѣдовъ съ длинными хореемъ въ рукахъ. За ними, взрывая искристую пыль и скрипя по морозному снѣгу широко раздвоенными копытами, бѣжало нѣсколько сотъ оленей, путаясь въ облакахъ съ шумомъ вырывавшагося изъ ноздрей горячаго дыханія. Съ боковъ бѣжали собаки, не давая оленямъ разбѣгаться. Колыхаясь, мелькая вѣтвистыми рогами, обдавая насъ тонкой снѣжной пылью, пробѣжало мимо стадо, оставивъ за собой широко проторенную дорогу, по которой потянулись уже нагруженные сани. Длинные жерди, служившія скелетомъ чума, далеко высовывались изъ саней, чертя по снѣгу; прокопченные олени мѣха лежали на нихъ черной кучей, прикрученные ремнями.

Вдругъ меня поразило неожиданное зрѣлище: передъ нами потянулась печальная вереница саней, на которыхъ угрюмо стояли длинные черные и красные гробы. Я всмотрѣлся пристальнѣе—не ошибся ли я? Но нѣтъ, это, дѣйствительно были гробы, прихваченные къ санямъ веревками. Передъ нами тянулся похоронный кортежъ.

Это было странное зрѣлище. Мертвая равнина все такъ же безмолвно разступалась мертвымъ просторомъ, бѣлый саванъ безжизненно покрывалъ глубоко прокаленную морозомъ почву, и съ высоты колеблющейся фосфорической отсвѣтъ невѣрно озарялъ недвижную пустыню, какъ озаряетъ невѣрный отблескъ погребальныхъ факеловъ путь къ вѣчному успокоенію, и среди этой голой и мертвой пустыни угрюмо проходила

печальная процессія, и чудилось, что кругомъ безъ конца и края протянулось безмолвное кладбище. Казалось, сама природа, сама жизнь погребены здѣсь въ холодныхъ объятіяхъ мертваго простора. Не знаю почему, только мнѣ вдругъ вспомнились унылые звуки самоѣдской пѣсни. Да, это были звуки похоронной пѣсни; только эта холодная пустыня—нѣмое кладбище протекшихъ вѣковъ—могла породить эти звуки.

Между тѣмъ печальный кортежъ прошелъ, шествіе замыкалось арьергардомъ легкыхъ саней. Мой возница остановилъ оленей и подошелъ къ послѣднимъ санямъ. Сидѣвшій на нихъ самоѣдъ тоже остановился. Они обмѣнялись нѣсколькими короткими фразами, и мы тронулись дальше.

Я долго слѣдилъ за этимъ страннымъ поѣздомъ, пока онъ не превратился мало-по-малу въ небольшое пятно, потомъ въ точку и не исчезъ въ серебристой дали. Мы опять остались одни среди безмолвной равнины, и перебѣгавшій отсвѣтъ сіянія невѣрно озарялъ нашъ безконечный путь.

— Кто у васъ здѣсь хоронитъ мертвыхъ?— обратился я къ самоѣду, припоминая похоронный поѣздъ.

— А сами...

— Безъ попа развѣ?

— Гдѣ намъ попа брать? Сами зароемъ. Попъ — гдѣ? У моря живеть, въ деревнѣ, тундру всю проѣхать. Намъ нельзя. Сами зароемъ, а въ деревнѣ будемъ, горсточку земли привеземъ отъ покойника; попъ надъ ней дымомъ пустить, молитву сдѣлаетъ. Намъ нельзя.

— Да вѣдь инымъ, небось, рѣдко и въ деревнѣ-то приходится быть?

— И годъ, и два пройдетъ, и больше. Ну, ничего, все-таки привезешь земли, попъ дымомъ махнетъ. Нельзя—надо такъ.

— Ну, а куда же это тѣ самоѣды, что проѣхали, везутъ мертвыхъ?

— Нѣтъ мертвыхъ—все живой.

— Какъ нѣтъ? а гробы?

— Не гробъ—сундукъ.

— Такъ это сундуки-и, — протянулъ я, какъ будто нѣсколько разочарованный.

— Сундукъ. На новую стоянку, — добавилъ онъ, помолчавъ. — Многа есть: малицы, шапки изъ оленя, мѣхъ—многа добра.

Оказывается, что видѣнные мною гробы были просто-напросто такой оригинальной формы ящики и сундуки, гдѣ самоѣды хранили свое имущество.

Олени бѣжали быстро и ровно. Мы подвигались все впередъ и впередъ, но когда я оглядывался, казалось, что мы находимся все на томъ же мѣстѣ, въ центрѣ заколдованнаго круга. Вдругъ наши собаки быстро опередили оленей и, забѣжавъ впередъ, подняли свои острия морды вверхъ и тоскливо завывали. Я обратился къ самоѣду.

— Звѣрь,—пробурчалъ онъ, махнувъ впередъ хореємъ.

Но сколько ни напрягалъ зрѣнія, я ничего не могъ разобратъ: снѣжная даль все такъ же серебрилась, дробясь мириадами искръ. А собаки, нѣтъ-нѣтъ, остановятся и опять завоюютъ, поднимая морды. Наконецъ я различилъ въ сторонѣ какія-то темныя, перобѣгавшія съ мѣста на мѣсто, пятна. Ихъ было много.

— Волкъ,—проговорилъ самоѣдъ.—Проклятый звѣрь,—и онъ прибавилъ что-то по-своему.—За оленемъ идетъ по слѣдамъ. Повалятся съ дороги—много перерѣжетъ.

Я не имѣлъ съ собой никакого оружія, а волчья стая была велика.

— А что, не попробуютъ они нашихъ оленей?—спросилъ я.

— Нѣ-этъ! человѣка боится. А ты не бойсь: тебе не будетъ кушать, я отгоню,—протянулъ онъ, точно угадывая мою тревожную мысль, и взмахнулъ на оленей хореємъ.

Волчья стая пропала далеко позади, и успокоившіяся собаки, прыскаивая, трусили возлѣ саней.

И мы опять бѣжали среди равнины, и мнѣ опять чудилось, что мы неподвижно стоимъ въ центрѣ гигантскаго круга и надъ нами виситъ сверкающій сводъ, а подъ нами, мелькая, безконечно убѣгаетъ снѣжная равнина. И бѣжала она навстрѣчу намъ безъ конца и края, и безъ конца и края пропадала позади, и бѣжало время вѣчной чередой, а мы все стояли въ центрѣ неподвижнаго круга.

Нѣсколько разъ мы останавливались, давали отдохнуть оленямъ и потомъ опять продолжали путь. Мнѣ начинала надоѣдать эта безконечная ѣзда, такая же унылая, какъ и окружающая равнина.

Мы сломя голову неслись по глубокимъ ухабамъ и выбоинамъ, которыми была изрыта вокругъ вся мѣстность. Сани страшно кидало во всѣ стороны, и я ежеминутно ожидалъ, что вотъ-вотъ мы съ самоѣдомъ вылетимъ изъ нихъ какъ двѣ бомбы.

Вдали темнымъ конусомъ курился чумъ. По равнинѣ тамъ и сямъ бродили олени. Они били копытами по смерзшемуся снѣгу, доставая мохъ, и часто видны были только заднія ноги, крупъ да кончики роговъ: животное почти всѣмъ туловищемъ уходило въ выбитую имъ въ снѣгу яму.

Заслыша насъ, они быстро вскакивали и чутко настораживали уши, высоко поднимая вѣтвистые рога, а потомъ опять спокойно принимались за работу, далеко выбрасывая своими мощными копытами снѣжную струю.

Недалеко отъ чума расползался низкорослый кустарникъ, окаймляя озеро или рѣчонку; кое-гдѣ торчали корявыя березки и какъ-то приниженно, точно стыдясь своего собственнаго существованія, протягивали къ землѣ свои уродливыя вѣтви. Возлѣ самаго чума небольшое про-

странство было обнесено опрокинутыми саями и вбитыми въ землю кольями съ протянутой по нимъ веревкой. Внутри, понуро наклонивъ голову, стояло съ десятокъ оленей, вѣроятно загнанныхъ для запряжки. Тутъ же виднѣлись на саяхъ знакомые мнѣ гробы.

Олени бѣшено несли насъ, чуя впереди отдыхъ, а самоѣдъ, вмѣсто того чтобы сдерживать жожака, молодецки ухалъ и помахивалъ хореемъ. Черезъ минуту наши сани съ разбѣга врѣзались въ снѣгъ возлѣ самаго чума.

С а м о ѣ д ы.

(Г. Танфильева.)

Обширныя пространства, занятая тундрой, служатъ мѣстомъ кочевокъ коренныхъ обитателей края—самоѣдовъ.

Кочевой образъ жизни самоѣда и самое существованіе его въ тундрѣ неразрывно связаны съ сѣвернымъ оленемъ, единственнымъ животнымъ, довольствующимся оленьимъ ягелемъ или бѣлымъ оленьимъ мохомъ, единственнымъ растеніемъ, которое скудная природа сѣвера производитъ въ достаточномъ, хотя и ограниченномъ количествѣ. Этимъ ягелемъ покрыта вся тундра, за исключеніемъ мокрыхъ болотъ, и всѣ сосновые и еловые лѣса на сухой песчаной почвѣ, тогда какъ въ еловыхъ лѣсахъ на почвахъ сырыхъ растутъ только различныя травы и несъѣдобныя листовныя мхи. Въ сырую погоду ягель всегда мягкій и влажный, а въ сухую онъ становится хрупкимъ, такъ что отъ ходьбы по немъ рассыпается на множество обломковъ.

Олень даетъ кочевнику рѣшительно все необходимое для существованія. Изъ оленьихъ шкуръ самоѣдка шьетъ обувь и одежду для всей семьи, употребляя вмѣсто нитки очень крѣпкія волокна изъ сухожилий оленя. Изъ шкуры же шивается и покрывка для зимняго чума. Мясо оленя составляетъ любимое блюдо самоѣда, могущаго прекрасно обходиться и безъ хлѣба. Изъ оленьихъ роговъ, ежегодно сбрасываемыхъ зимой, а къ слѣдующей осени отрастающихъ снова, дѣлаются кольца и вставки для оленьей упряжи, а оленья кровь служитъ лакомой приправой къ мясу. Желудокъ служитъ для сохраненія крови; даже нѣжная кожица, покрывающая весной и лѣтомъ рога оленя, идетъ въ пищу. Особенно же цѣнится костный мозгъ, которымъ самоѣдъ обязательно дѣлится со всѣми членами семьи, предлагая его и случайному гостю.

Оленю самоѣды теперь ѣдятъ не особенно часто, довольствуясь рыбой и дичью, а если нѣтъ, то хлѣбомъ. Разъ мнѣ пришлось видѣть приготовленіе и уничтоженіе ихъ, такъ сказать, національнаго блюда.

Притащили больного ногами быка, котораго сначала оглушили нѣсколькими ударами обуха по головѣ, а потомъ закололи. Разрушивъ

затѣмъ головой мозгъ ножомъ, самоѣды содраль шкуру съ оленя, вскрыль брюшную полость и вынулъ изъ нея внутренности.

Съ жадностью стали затѣмъ самоѣды, окружившіе лежащую на землѣ тушу, отрѣзывать себѣ куски теплаго дымящагося мяса, намачивать ихъ въ крови, накопившейся въ брюшной полости, и направлять куски въ ротъ, обрѣзая лишнее передъ самыми губами. Печого и говорить, что руки и физиономіи пирующихъ были при этомъ въ крови.

Я замѣтилъ, что такой способъ ѣды можетъ постороннему зрителю показаться ужаснымъ, что незнающій человекъ можетъ принять самоѣдовъ за людей дикихъ, кровожадныхъ. Но самоѣды отвѣтили мнѣ, что ничего тутъ ужаснаго нѣтъ, что олень мертвый, не чувствуетъ боли. „Вотъ остяки дѣйствительно ужасны, когда ѣдятъ оленя; они, оглушивъ, но не убивъ оленя, втыкаютъ въ него заостренныя палочки, чтобы дать крови лучше пропитать сало и мясо“.

Масло коровье, покупаемое у русскихъ, они любятъ класть въ чай. Своего масла у нихъ нѣтъ, такъ какъ оленей они не доятъ.

Еще въ сравнительно недавнее время самоѣды ходили лѣтомъ и зимой въ одномъ и томъ же костюмѣ. Онъ состоитъ у мужчинъ изъ мѣховою оленьей рубашки, шерстью внутрь, такъ называемой малицы, изъ мѣховыхъ шароваръ и такихъ же салогъ — пимъ, сшиваемыхъ изъ шкуръ, снятыхъ съ ногъ оленя. Эти пимы носятся шерстью наружу.

Самоѣды.

Зимой поверхъ малицы надѣвается „совикъ“—рубашка же, но шерстью наружу. На ноги надѣваются зимой „ленты“, т.-е. мѣховые чулки шерстью внутрь, а поверхъ ихъ—пимы. Женскій костюмъ отличается только тѣмъ, что малицы замѣняются одеждой, на которую нашиваютъ разноцвѣтные мѣха и суконныя полоски.

Теперь самоѣды носятъ лѣтомъ такой же костюмъ, какъ и русскіе, т.-е. ситцевую рубашку съ кушакомъ, ситцевыя же шаровары и сапоги—бахилы.

Лѣтомъ самоѣды живутъ въ чумѣ, покрытомъ большими листьями бересты, спитыми изъ предварительно распаренныхъ болѣе мелкихъ кусковъ. Зимой чумъ покрывается двумя рядами оленьихъ шкуръ. Основной чума служатъ длинные шесты, которые складываются верхушками такъ, чтобы образовался конусъ. Въ вершинѣ конуса оставляется отверстие для выхода дыма изъ костра, горящаго въ центрѣ чума. Въ теплое время года, когда въ чумѣ залетаетъ масса комаровъ, верхнее отверстие суживается съ тою цѣлью, чтобы дымъ наполнял чумъ и выгонялъ этихъ насѣкомыхъ.

Канинскіе и тиманскіе самоѣды, постоянно сталкивающіеся съ русскими, а зимой часто даже и живущіе около русскихъ деревень, всѣ хорошо говорятъ по-русски, а нѣкоторые усвоили себѣ русскія привычки. Всѣ они—христіане, впрочемъ больше номинально, такъ какъ жизнь въ тундрѣ не даетъ имъ возможности посѣщать церкви и получать хоть бы какое-нибудь представленіе о христіанствѣ.

Крестятъ дѣтей и вѣчаютъ зимой, когда случай приведетъ въ церковь, а покойника хоронятъ тамъ, гдѣ удобнѣе. Самоѣдъ считаетъ однако своею нравственною обязанностью отвезти при случаѣ горсть земли съ могилы къ священнику для совершенія надъ нею молитвы. Эту землю онъ привозитъ затѣмъ обратно на могилу, чѣмъ всѣ обрядности считаются исполненными. Русскіе, живущіе вдали отъ церквей, вынуждены, впрочемъ, слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру самоѣдовъ. Имя, которое даютъ ребенку при крещеніи, иногда забываютъ, называя тогда своихъ сына или дочь произвольно выбраннымъ другимъ именемъ. Среди самоѣдовъ запечорскихъ, большеземельскихъ есть и теперь язычники. Еще полвѣка тому назадъ покойниковъ хоронили, не зарывая, а оставляя въ деревянныхъ ящикахъ подъ защитой саней, прямо въ тундрѣ. Покойнику клали въ дорогу ружье, топоръ и сверло. Такія могилы можно въ видѣ большой рѣдкости найти въ тундрахъ и теперь.

Многовѣковая жизнь въ тундрѣ развила въ самоѣдѣ замѣчательную способность узнавать мѣстность. Онъ знаетъ каждое возвышеніе, каждое болото, каждую рѣчку. Если самоѣдъ давно гдѣ-нибудь не бывалъ, то изрѣдка становится на свои сани, съ минуту присматривается въ

даль, приложивъ къ глазамъ ладонь козырькомъ, безошибочно идетъ затѣмъ впередъ, не справляясь ни съ часами, ни съ компасомъ или солнцемъ, а только со своею памятью и наблюдательностью, позволяющими ему отличать каждую, даже самую ничтожную, впадину на ровной линіи горизонта. Идя по лѣсу, самоѣдъ оставляетъ на деревѣ или подъ нимъ ненужныя болѣе въ дорогѣ вещи, рыболовныя сѣти, лишній топоръ, опорожненную бочку, прекрасно помня каждое дерево и снова находя эти вещи, когда понадобятся. Зимой самоѣдъ умѣетъ найти чумъ или оленей даже во время метелей, когда всякіе слѣды занесены снѣгомъ.

Симпатичною особенностью самоѣда служить замѣчательная честность и неуязвимое добродушіе. Кражи у тундровыхъ самоѣдовъ никогда не встрѣчаются. Чужая собственность считается у самоѣда святыней. Найденную гдѣ-нибудь вещь самоѣдъ не присвоитъ себѣ, а оставитъ ее на мѣстѣ въ расчетъ, что явится самъ хозяинъ. Точно такъ же самоѣдъ всегда помнитъ разъ данное слово, всегда готовъ отдать послѣдняго оленя, чтобы выплатить долгъ: Самъ честный, онъ не допускаетъ обмана и со стороны русскаго, полагаясь на правильность долга, записаннаго купцомъ въ книжку, къ которой онъ питаетъ чуть ли не священное благоговѣніе.

Въ школы дѣти самоѣдовъ попадаютъ въ видѣ исключенія, но тѣ немногіе случаи, когда самоѣды обучались грамотѣ, показываютъ, что они обладаютъ отнюдь не меньшими способностями, чѣмъ дѣти русскихъ.

Самоѣды всѣ поголовно прекрасные стрѣлки. Въ употребленіи у нихъ еще и теперь почти исключительно желѣзные ружья съ кремневымъ замкомъ, дѣлаемые мѣстными русскими кузнецами. Кремневое ружье требуетъ меньше ухода, не такъ боится ржавчины, поэтому и предпочитается пистонному, тѣмъ болѣе что послѣднее не всякій кузнецъ сумѣлъ бы починить въ случаѣ порчи. Стрѣляютъ изъ кремневыхъ винтовокъ пулями, величиной съ горошину и лѣсной орѣхъ, которыя откусываютъ зубами отъ свинцовой свернутой полоски. Въ птицу на лету никогда не стрѣляютъ, а ждутъ, пока она сядетъ.

Любимую дичью служитъ зимой дикій олень, къ которому самоѣдъ осторожно подкрадывается на лыжахъ, одѣтый въ бѣлое и защищенный бѣлыми щитомъ отъ глазъ чуткаго животнаго.

Безъ оленя тундра была бы необитаемой для человѣка, потому что никакое другое животное не въ состояніи пройти тамъ, гдѣ проходитъ олень. Онъ не требуетъ дороги, а идетъ прямо не только по мшистому песку, но и по густымъ и высокимъ зарослямъ ивняка, подгибая его подъ себя и перетаскивая черезъ него высокія самоѣдскія сани; онъ идетъ безъ дороги по лѣсу, по арпийнымъ кочкамъ, по торфянымъ

буграмъ, по мокрымъ мѣстамъ. Кромѣ того, олень, если нужно, можетъ цѣлыя сутки и болѣе оставаться безъ корма. Такъ, прѣзжая зимой въ городъ, самоѣды возвращаются въ тундру иногда лишь на другой день. Олень, все время ничего не ѣвшій, въ состояніи провезти хозяина еще въ тундру верстъ за 20 и болѣе.

Самоѣды, получая отъ оленя все для него необходимое, взаимнѣ того ровно ничего не даютъ, такъ какъ даже и зимой олень самъ добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга, прекрасно чуя, гдѣ есть ягель и гдѣ его нѣтъ. Самоѣды, владѣющій достаточнымъ числомъ оленей, не знаетъ ни заботъ о завтрашнемъ днѣ, ни тяжелаго труда крестьянина. Жизнь въ тундрѣ далеко не такъ непріятна и для посторонняго, какъ это можетъ показаться при первомъ взглядѣ. Понятно, почему самоѣды неохотно переходятъ къ осѣдлому образу жизни и почему русскіе, особенно же зыряне, владѣя оленями, легко становятся кочевниками, возвращаясь въ свои села только на время самыхъ суровыхъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Лѣса, тундры да олень, среди которыхъ много вѣковъ проходила вся жизнь самоѣда, вполне обеспечивали его благосостояніе лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не встрѣтился съ пришлыми людьми, поселившись въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ.

Всякая торговая сдѣлка, особенно болѣе крупная, начинается всегда съ угощенія самоѣда виномъ, и только когда проявится его дѣйствіе, русскій торговецъ-кулакъ, хорошо зная, что съ повеселѣвшимъ самоѣдомъ можно дѣлать все, что угодно, приступаетъ къ сдѣлкѣ. Въ результатѣ русскій обираетъ у самоѣда весь его промыселъ, а самоѣды получаетъ, кромѣ хлѣба, чаю и сахару, часто совершенно ненужныя вещи, напр., лакомства, наряды, игрушки и т. п.

Кромѣ задолженности, другой причиной обѣднѣнія самоѣдовъ являются въ послѣднее время падежи оленей отъ сибирской язвы. Эти падежи заставляютъ самоѣда бросать кочевой образъ жизни и поступать въ пастухи или рабочіе къ русскому или зырянину. Въ такомъ случаѣ онъ ставитъ свой чумъ около русскаго села, гдѣ и оставляетъ свою семью, вынужденную жить милостыней и исполненіемъ случайныхъ работъ. Около русскихъ селеній на сѣверѣ, особенно въ Пустозерской волости, можно всегда встрѣтить одинъ или нѣсколько чумовъ. Всѣ они принадлежатъ обѣднѣвшимъ, бывшимъ владѣльцамъ стадъ. Нищенствующихъ самоѣдовъ называютъ „ѣдомскими“.

Весьма важною, если не главною, причиной бѣдности самоѣдовъ является вторженіе въ тундру зырянъ изъ деревень по рѣкѣ Ижмѣ. Многочисленныя стада зырянъ, достигающія въ Тиманской тундрѣ 25.000 головъ оленей, объѣдаютъ и вытаптываютъ пастбища, способныя при неосторожномъ пользованіи возобновиться лишь по прошествіи многихъ лѣтъ.

Самоѣды берегутъ свою тундру и осторожно пасутъ на ней стада, придерживаясь лѣтомъ преимущественно болотистыхъ луговъ. Ижемцы же (какъ обыкновенно зовутъ ижемскихъ зырянъ) имѣютъ возможность заниматься и хлѣбопашествомъ и являются въ тундру въ качествѣ хищниковъ, стремящихся только скорѣе обогатиться.

Теперь самоѣды вообще настолько обѣдняли, что большинство вынуждено жить въ несвойственной средѣ, заниматься необычнымъ дѣломъ. Одни изъ нихъ рѣшились разстаться съ чумомъ и оленемъ и вести осѣдлый образъ жизни. Другіе берегутъ еще свой чумъ, имѣя надежду когда-нибудь вернуться въ тундру, и живутъ около русскихъ селеній, занимаясь, если нѣтъ другого заработка, нищенствомъ, и служатъ только бременемъ для этихъ селеній; третьи, наконецъ, находятся со своими семьями въ услуженіи или даже полной кабаль у ижемцевъ, среди которыхъ они или дѣти ихъ даже забываютъ свой родной языкъ.

Сѣверная Двина и Архангельскъ.

(Вл. Б.)

У Архангельска и дальше къ морю Сѣверная Двина полна своеобразной жизни. Эта жизнь больше улыбается въ будущемъ, и, наоборотъ, о прошедшемъ, хотя и славномъ, говорятъ теперь или развалины, или загроможденныя непріателемъ русла Двинской дельты, или размытые весеннею водою и осенними бурями острова дельты, да въ иной лодочкѣ подъ парусомъ услышишь имя Великаго Петра, оставившаго здѣсь много и „рукотворныхъ“ и „нерукотворныхъ“ памятниковъ; наконецъ, прочтешь еще въ путеводителѣ, что на этой Двинѣ воспитались талантливые строители: Курочкинъ, Ершовъ, Загуляевъ, и изслѣдователи полярныхъ странъ: Размысловъ, Пахтусовъ, Циволка, Литке, Рейнеке, Крузенштернъ. Но и эти имена если и живутъ еще здѣсь, то тоже какъ развалины. Отъ старины рѣка оставила себѣ, кажется, одну только воду, эту благотворную и величавую здѣсь стихію; все же остальное обновлялось и обновляется съ каждымъ днемъ.

Прежде всего живутъ берега рѣки: правый и лѣвый, отдѣленные другъ отъ друга гдѣ двумя-тремя, гдѣ четырьмя и даже пятью верстами разстоянія, а въ дельтѣ—и двумя десятками верстъ... впрочемъ, тамъ уже не ищутъ береговъ, а только прохода. Правый берегъ, гдѣ стоитъ Архангельскъ, сливается прежде всего съ жизнью этого города: изъ города и въ него идутъ люди, лошади, товары, да съ набережной, гдѣ скверы, любятъ видами наблюдатели. Это движеніе однако какое-то тихое, безшумное. Пароходы, спокойно дымясь, но чаще уже охладившись, только ждуть, а въ нихъ долго садятся люди и еще дольше грузятся товары; свистки отправления и причала такъ рѣдки, что чуть

ли не обо всѣхъ о нихъ извѣщаютъ по городу расклейкой объявленій. Не менѣе спокойно стоитъ у этого берега и цѣлая флотилія парусныхъ судовъ, изъ которыхъ немногія грузятся—и такъ же медленно; остальные же точно ждутъ попутнаго вѣтра (быть можетъ, это и дѣйствительно такъ). А поглядѣть—четверть Москвы увезъ бы на этомъ флотѣ! И какъ мало людей тамъ! И какая тишина! Одни крохотные парохо-

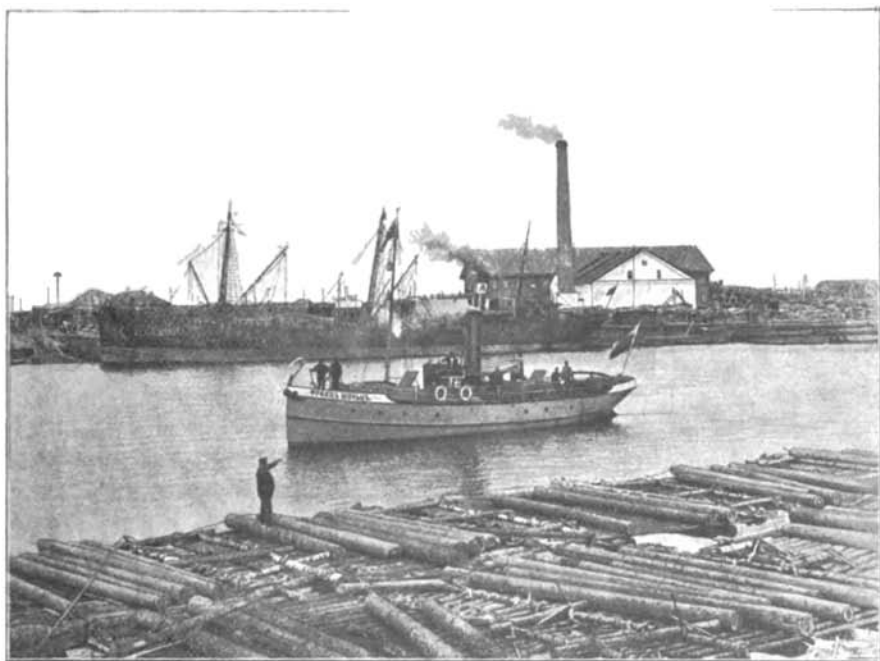
Поморская деревня.

дики ровно черезъ часъ посвистываютъ тоненькимъ свисткомъ, возя „дешево и сердито“ изъ города на сосѣдніе острова и села. Все это очень непохоже на шумную прибрежную жизнь Волги, даже подъ Ярославлемъ, не говоря уже о Нижнемъ и Саратовѣ. А между тѣмъ печатныя свѣдѣнія говорятъ, что и это движеніе велико, что пароходныхъ и судовыхъ компаній много, пассажировъ и товаровъ перевозится съ каждымъ годомъ больше (на югъ — къ Вологдѣ и Уралу, на сѣверъ — къ Бѣлому и Ледовитому морямъ), что примѣняются къ судоходству всѣ новѣйшія усовершенствованія, не исключая электричества.

Правда, берегъ немного оживленіе (и то количествомъ товара) въ двухъ пригородахъ Архангельска: южнѣе — на такъ называемомъ „буянгѣ“ и сѣвернѣе — на знаменитой родинѣ русскаго сѣвернаго флота, Соломбалѣ. Но и „буянгѣ“ этотъ — какой-то не изъ буйныхъ: десятка два рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, спокойно смолятъ безконечные ряды бочекъ, а потомъ, вѣроятно, такъ же спокойно будутъ катать ихъ по

доскамъ на бортъ. И Соломбала, стоянка глубоководныхъ океанскихъ судовъ, не суетится: оттого ли, что тамъ грузится много иностранныхъ судовъ — машинами, равномерно, спокойно; оттого ли, что самый грузъ этотъ — не громяющее желѣзо или камень, не коровы, лошади, свиньи, птицы, сливающія свои голоса въ адскій вопль, а равнообрѣзанное дерево, которое кладутъ аккуратно, или всегда безмолвная рыба въ бочечкахъ, нагружаемыхъ „осторожно“, или всякіе жиры, мѣха, перо, пухъ; оттого ли, наконецъ, что много простора въ Соломбалѣ и у рабочихъ не хватило бы силъ перекрививаться на необъятномъ пространствѣ, — только не шумно и здѣсь.

Средина праваго берега между Соломбалой и дѣйствующими пристанями на югѣ совсѣмъ пустынна, хотя и здѣсь идутъ пристани и даже стоятъ кое-какія суда.

Лѣсопильня близъ Архангельска.

Этотъ же правый берегъ живетъ промышленною жизнью и дальше къ морю; но тѣ заводы (обыкновенно лѣсопильные), которые дымятся здѣсь, и тѣ, которые будутъ дымиться послѣ, — много ихъ строится, — не слышны, — ѣдете ли вы на пароходѣ вечеромъ, утромъ, днемъ. Между тѣмъ ихъ много и здѣсь, и на лѣвомъ берегу; они составляютъ вообще силу этого края; ихъ дымъ описываетъ цѣлую дугу на западѣ вокругъ

Архангельска: прямо (если глядѣть съ набережной), на югъ, на сѣверъ вездѣ курятся трубы лѣсопильнѣ, а мѣстами и цѣлыхъ лѣсопильныхъ городковъ. И все какъ будто тихо на томъ лѣвомъ берегу. Даже желѣзнодорожная пристань и вокзалъ спятъ мертвымъ сномъ; рѣдко кто видитъ, какъ уходитъ разъ въ сутки поѣздъ поздно вечеромъ и разъ въ сутки приходитъ утромъ рано. Чтобы услышать шумъ этого лѣваго берега, нужно объѣхать его весь по островамъ, по материку, верстъ на 15, 20—25. Но, говорятъ, и ѣздить не стоить: вездѣ монотонный визгъ пилы и прерывистое дыханіе пара. Пожалуй, глядѣть туда издалека пріятнѣе: воображенію рисуются картины грандіозныя, жизнь кипучая. Впрочемъ, миллионы уже начинаютъ вырастать и подъ эти монотонныя звуки неживого лѣса. Хозяева обзаводятся электричествомъ, своими парходами и пароходиками.

Какъ тихи эти богатѣющіе берега Сѣверной Двины, такъ тиха и она сама. Часто видишь, какъ двѣ-три бабы съ трудомъ двигаются въ карбасѣ противъ теченія. Искусны и легки въ лодкахъ поморы-мореходы: иной, напримѣръ, возьметъ одно лишь весло, опуститъ его черезъ корму въ воду и, какъ рыбьимъ хвостомъ, завилаетъ имъ быстро и сильно,— лодка мчится. Обыкновенно же пользуются здѣсь парусами, такъ какъ вѣтеръ бываетъ почти всегда, а широкая рѣка допускаетъ лавированіе. Но что и паруса значатъ на огромномъ пространствѣ! Десять-пятнадцать бѣлыхъ полотень надулись, таща, какъ скорлупку, свои баркасики; но разсыпанные врозь, плавно двигающіеся въ отдаленіи, они похожи скорѣе на купающихся чаекъ, чѣмъ на „вѣтрила кораблей“. Это— маленькіе карбасики. Большія же суда съ парусами ждутъ подолгу своего вѣтра.

Городъ Архангельскъ, забравшись немного не къ полярному кругу, за дремучіе сосновые лѣса, на холодный песокъ праваго берега Сѣверной Двины, не могъ расположиться, обстроиться и обзавестись жителями какъ-нибудь обыкновенно, какъ прочіе губерніскіе города Россіи. Какъ расположиться, когда слѣва—Двина (если глядѣть въ сторону сѣвера), справа — болото? И онъ узкой полосой едва въ версту ширины протянулся по берегу съ юга на сѣверъ, верстъ на шесть, перебрался по свайному въ полверсты длиной мосту черезъ рѣку Кузнечиху и тамъ прошелъ еще версты три, образовавъ такъ называемую Соломбалу. Заблудиться вездѣ можно, но, кажется, не въ Архангельскѣ. Набережная, проспекты и улицы расположены такъ, какъ линіи въ геометрическихъ задачахъ—на извѣстныхъ основаніяхъ. По берегу, изгибающемуся дугой, идетъ набережная, усѣянная внизу пристанями и проѣздами къ нимъ, вверху—магазинами, складами, лавками и лишь въ серединѣ скверами. Параллельно набережной въ центрѣ тянется пять такихъ же изгибающихся „проспектовъ“, изъ которыхъ на югъ доходятъ три, на сѣверъ—

четыре. Наконецъ, ровно подъ прямымъ угломъ эти проспекты пересекаются „улицами“. Если услышите названіе улицъ по какому-нибудь инородческому племени (Самоѣдская, Зырянская, Лопарская, Карельская), ищите ихъ на самомъ сѣверѣ города. Южнѣ ихъ названія улицъ по сѣвернымъ губерніямъ: Пермская, Вятская, Вологодская, Олонекская. Дальше названія идутъ по церквамъ, соборамъ, общественнымъ зданіямъ и прочему.

Въ Соломбалѣ первые колонисты — датчане, пруссаки, шведы, норвежцы, французы, англичане — дали улицамъ тоже по названію. Во всякомъ случаѣ походите день-два, и вся географія Архангельска будетъ выучена на пять. Проспектъ, которому предназначено играть роль Невскаго въ Петербургѣ, Кузнечкаго моста въ Москвѣ, Крещатики въ Кіевѣ, называется Троицкимъ. И на немъ все лучшее: деревянные двухъ-этажныя гостиницы, деревянные съ зеркальными стеклами магазины, деревянные барскіе особняки, деревянные за-

Поморки изъ Архангельской губерніи.

боры, — и все это выкрашено въ щеголеватую масляную краску. Даже тротуары — и тѣ деревянные. Наконецъ, несмотря на климатъ и почву, архангельцы — большіе любители и дерева въ натурѣ: весь проспектъ, да и вообще весь городъ утопаетъ въ юношески-неокрѣвшихъ березкахъ, едва-едва распустившихся около 12-го іюня; кое-гдѣ проглядываетъ расцвѣтшая черемуха. Есть сады для гулянья. И, несмотря на всю эту массу живого и неживого дерева, Архангельскъ не похожъ на деревню. Нѣмцы

дали тонъ его постройкамъ, и это чувствуется явно: всѣ крыши желѣзныя; улицы правильныя, чистыя и аккуратно вымощенныя; со дворовъ не пахнетъ химическою дрянью; въ воздухѣ не стоитъ крѣпкое слово. Благодаря этому основному характеру города, такія зданія, какъ домъ губернатора въ дворянскомъ стилѣ, казеннаго стиля „присутствія“ и такія сооруженія, какъ памятникъ Ломоносову, не сливаются съ общимъ архангельскимъ фономъ, а выдѣляются на немъ, какъ фигуры съ инымъ освѣщеніемъ.

Соломбала тоже дѣржится порядка, толковости и щеголеватости въ мѣру, но ея исключительно рабочая жизнь разставила немало высокихъ заводскихъ трубъ, а по нѣкоторымъ улицамъ разсыпала вмѣсто камня опилки.

Телефонъ, телеграфъ, почта, извозчики; скоро будетъ электрическій трамвай; сейчасъ разныхъ столовъ чиновники ѣздятъ на службу на велосипедахъ,—можно подуматъ, что движеніе кипитъ на улицахъ Архангельска. Ничуть. Въ городѣ, даже въ гостиницѣ телефоны молчатъ часами; почтальоны ходятъ рѣдко; извозчики возятъ на своихъ четырехмѣстныхъ линейкахъ въ одну лошадь чаще „по заказу“ (къ пароходу); на улицу выходятъ больше къ вечеру, на прогулку. Шума нѣтъ, и самыя первныя люди могли бы спокойно мечтать о будущей жизни, лежа у окна, обращеннаго хотя бы и къ Троицкому проспекту.

Съ виду, даже если не быть знакомымъ, кажутся интересными и мѣстные жители. Думаешь, напримѣръ, неужели они всѣ такъ здоровы: лицо румяное, красное, мѣдное, но всегда съ отбѣнкомъ крови, отъ котораго мы такъ отвыкаемъ въ столицахъ. Тоже и рѣчь, напримѣръ, интеллигентныхъ особъ, если не вслушаешься, кажется иногда не нашей, а иностранной: какой-то акцентъ примѣшанъ къ ней. Подумаешь: не финны ли, шведы? Поглядишь на лица,—нѣтъ. Опять послушаешь: быть можетъ, англичане, голландцы; наконецъ, вслушиваешься въ послѣднія слова, — русская рѣчь. Такія шарады приходится разгадывать и стоя около простыхъ людей, напримѣръ, поморовъ мурманскихъ или изъ Кеми, изъ Сумскаго посада; даже прѣѣзжавшіе въ Соловки вятичи въ нѣкоторыхъ фразахъ, особенно въ првѣтствіяхъ и вопросахъ, обнаруживали этотъ акцентъ, манеру. И невольно придетъ на мысль судьба нашего разноплеменнаго сѣвера, сливающегося въ одну народность и отъ языка предковъ оставляющаго однѣ только наследственныя привычки рѣчи. Быть можетъ, и Архангельскъ, выросшій усиліями всѣхъ тѣхъ племенъ, имена которыхъ значатся теперь въ названіяхъ двадцати почти улицъ, еще не все утерять изъ этой пестроты и вотъ даже въ говорѣ своихъ обитателей напоминаетъ о прошломъ мирномъ сляніи разнородной толпы, пришедшей сюда въ чашу сосновыхъ лѣсовъ, на двинскій путь изъ Москвы въ Англию, для общаго труда.

Этотъ отпечатокъ труда лежитъ и на многомъ другомъ въ жизни Архангельска. Городской музей составленъ главнымъ образомъ изъ предметовъ рыболовства, звѣроловства, лѣсной охоты, лѣсного дѣла, сельскаго хозяйства, естественныхъ богатствъ страны. Далѣе, механико-техническое училище, ремесленное училище, ветеринарно-фельдшерская школа, повивальная школа, шкиперскіе курсы, мореходные классы— всѣ эти учебныя заведенія при двадцати только тысячахъ жителей говорятъ объ особомъ характерѣ образованія большинства архангельскаго юношества (есть и гимназія). Наконецъ, на любомъ проспектѣ, улицѣ натолкнешься на одну, двѣ и больше торговыхъ конторъ, агентуръ и отдѣленій, гдѣ люди хоть и тихо, а все же работаютъ. Даже та изысканность развлеченій и кутежа, которая отличаетъ любителя погулять, не дошла еще до Архангельска. Веселыхъ лѣтнихъ театровъ, уличныхъ оркестровъ, бѣговъ, скачекъ, гонокъ, дорогихъ ресторановъ, бѣшеныхъ лихачей не слышно здѣсь. Архангелы любятъ драму; съ музыкой, даже военной, устраиваются по-семейному, и лишь шарманка шарманить на улицахъ, всегда пустынныхъ; питаются по-домашнему даже въ гостиницахъ.

Конечно, Двина—кормилица. Но вѣдь сколько труда надо было положить, чтобы тамъ, гдѣ она шесть мѣсяцевъ подо льдомъ, поселиться съ надеждой жить цѣлый годъ; чтобы не забыть о прочемъ мірѣ тамъ, гдѣ она такъ отдѣляетъ сообщеніе съ западомъ и югомъ, что и сейчасъ желѣзнодорожный мостъ никакъ еще не соберется перешагнуть ее; гдѣ до недавняго времени очень дорого покупали хлѣбъ и гдѣ съ трудомъ уговаривали доктора, инженера, техника быть постоянными жителями.

Въ Соловкахъ.

(А. Г.)

Остановившись въ гостиницѣ Архангельска, я немедленно отправился въ Соломбалу на монастырскую пристань узнать, когда идетъ пароходъ въ Соловки. Перейдя длинный деревянный мостъ черезъ р. Кузнечиху (собственно рукавъ Двины), отдѣляющую Соломбальскій островъ, тотчасъ же налѣво видишь передъ собой большой двухъэтажный корпусъ монастырскаго подворья. Это сѣрое зданіе бываетъ биткомъ набито богомольцами, когда наплывъ ихъ великъ, и два монастырскіе парохода не успѣваютъ забирать всѣхъ. Такъ было именно нынѣшній годъ; льды изъ океана необычайно долго держались въ Бѣломъ морѣ, и первый пароходъ изъ Соловокъ могъ пробить себѣ дорогу въ Архангельскъ лишь 1-го іюня; богомольцевъ скопилось въ Архангельскѣ, говорятъ, тысячи четыре человекъ, и многіе, дожидаясь очереди по недѣлѣ и больше, прожили послѣдніе гроши въ городѣ. Сей-

часъ уже было немного народа, такъ какъ монастырь усиленно переправлялъ къ себѣ прѣзжихъ и съ 2-го до 14-го числа его пароходы успѣли сдѣлать по шести рейсовъ. Когда я подошелъ къ гранитной набережной, прямо къ которой причаливаютъ пароходы, на ней было человекъ сто народа; одни сидѣли кучками у крыльца подворья, другіе бродили по пристани, кое-гдѣ въ толпѣ видѣлись фигуры монаховъ въ черныхъ полукафтаныяхъ и широкихъ угловатыхъ клобукахъ. Какъ разъ всѣ ждали парохода „Соловецкій“, который уже подходилъ. Черезъ нѣсколько минутъ на поворотѣ рѣки совсѣмъ близко, вырисовываясь изъ-за сосѣднихъ судовъ, показался черный корпусъ парохода. Медленно и плавно надвигался онъ на пристань, весь унизанный людьми, густою толпой занимавшими обѣ палубы; на передней мачтѣ видѣлся деревянный крестъ. Народъ и на пароходѣ, и на пристани снималъ шапки и крестился, нѣкоторые горячо молились, стоя на колѣняхъ. Зачалили, спустили два широкихъ трапа съ носа и съ кормы, и богомольцы стали высаживаться. Я никакъ себѣ не представлялъ, что такое огромное количество людей можетъ помѣститься въ этомъ очень небольшомъ морскомъ суднѣ: больше получаса густо валилъ народъ по обоимъ трапамъ; я потомъ узналъ, что вѣхало до 1.000 человекъ. Оказывается, что въ Архангельскѣ посадка производится подъ наблюдениемъ полицейскаго офицера и воспрещается помѣщать больше 600—700 человекъ; съ острова же сажаютъ, сколько помѣстится, при чемъ, говорятъ, иногда возятъ и порядочно за тысячу. Монастырь, разумѣется, не хочетъ дѣлать лишняго рейса, но, съ другой стороны, онъ бываетъ вынужденъ просьбами богомольцевъ, которые долго ждали очереди. Спусти два дня и самъ видѣлъ, какъ рвался народъ съ острова, бралъ приступомъ трапы, перелѣзалъ черезъ перила, кланялся въ ноги монахамъ, прося взять хоть куда-нибудь, а пароходъ былъ уже полонъ. Помню курьезную сцену, какъ одну богомолку, отбившуюся отъ товарокъ, жалившіеся монахи уже передъ самымъ отходомъ перевалили черезъ перила вмѣстѣ съ котомкой, какъ тюкъ, кверху ногами, прямо на людскую кучу.

Приглядываясь къ богомольцамъ, валившимъ густою толпой мимо меня съ парохода, я поражался какимъ-то особымъ составомъ этой толпы. Во-первыхъ, она состояла главнымъ образомъ изъ женщинъ, во-вторыхъ, среди нихъ было сравнительно очень мало молодыхъ, здоровыхъ фигуръ; еще рвань и заплаты одежды и обуви, какіе-то нарочито уродливые и косматые узлы и котомки, — все это легко объяснялось практическими соображеніями: въ дальнюю и трудную путину хорошую „справу“ надѣвать жалко, да и не безопасно; но общій видъ лицъ и фигуръ, — какая-то хилость, недостатокъ свѣжести, здоровья и силы, — говорилъ, что среди вамъ далско не лучшая часть населенія.

Рябоватый монахъ занимался выдачей билетовъ на проѣздъ. Пароходъ долженъ былъ идти обратно въ монастырь на другой день, и монахъ пригласилъ зайти къ нему за билетомъ послѣ на другое подворье, помѣщающееся въ самомъ городѣ. Придя туда вечеромъ, я засталъ на подворьѣ крестьянку съ мальчишкой лѣтъ 10—12-ти; она съ низкими поклонами объясняла монаху, что хочетъ „поклониться обители барашкомъ“, и просила благословить сыночка пожить годикъ въ монастырѣ, поработать святымъ угодничкамъ Зосимѣ и Савватию. Монахъ не сталъ съ ней разговаривать при насъ (я былъ съ товарищемъ) и велѣлъ зайти потомъ, но она осталась, и когда мы, взявши билеты, ушли, между ними начались переговоры.

На слѣдующій день мы отправились въ плаваніе. Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ пароходъ, на которомъ предстояло провести часовъ шестнадцать. Это было небольшое морское судно съ двумя мачтами на носу и кормѣ, могущее идти и на парусахъ, очень узкое и потому валкое при неглубокой осадкѣ. На немъ не было рубокъ, и каюты первого и второго классовъ занимали всю носовую и кормовую часть нижней палубы; пассажиры третьяго класса помѣщались въ трюмъ на нарахъ. Тѣснота и духота тамъ должны быть ужасныя, особенно когда садится 800—900 человекъ; мы имѣли на борту не болѣе 400 богомольцевъ, и то множество народа со всѣми вещами предпочло расположиться на нижней палубѣ, прямо на полу, загроздивъ всѣ проходы и лѣстницы.

Отдѣлка внутреннихъ помѣщеній парохода была очень незатѣйлива: некрашенная нижняя палуба, помѣщенія двухъ первыхъ классовъ, окрашенные въ желтую масляную краску, такія же двери съ надписями по-славянски: „оумывальница“, „каюты“,—все это носило характеръ большой простоты и самодѣльщины. Капитаномъ у насъ былъ поморь-крестьянинъ, лодчана и матросы тоже не монахи, и о монастырѣ напоминали только скуфейки и подрясники служекъ-подростковъ, приставленныхъ къ каютамъ въ качествѣ прислуги, да двѣ-три фигуры въ черныхъ клобукахъ. Тѣснота дала себя чувствовать очень тягостно, какъ только мы вышли въ открытое море и взяли курсъ на сѣверо-западъ; крѣпкій нордъ-остъ (полночинокъ по-тамошнему), дувшій безъ перерыва уже второй мѣсяцъ, сталъ подкатывать намъ подъ правый бортъ порядочныя волны, и валкій пароходъ сильно ложился на бокъ. Черезъ полчаса боковой качки большинство ѣхавшихъ страдало морскою болѣзнью; изъ трюма то и дѣло вылѣзали на палубу перепуганные и страдающіе богомольцы, ища спасенія отъ духоты. Скоро, кромѣ верхней палубы, гдѣ свирѣпствовалъ холодный вѣтеръ и куда иногда захлестывали волны, на всемъ пароходѣ трудно было найти свободный вершокъ мѣста: на трапахъ, на полу, въ коридорахъ,—ездѣ плотною кучей сидѣлъ и лежалъ народъ. Все это охало, стонало, молилось вслухъ, сокрушалось

о грѣхахъ и сильно страдало отъ качки; головы, бьющіяся въ припадкѣ, руки, ноги, узлы, котомки, тѣла перемѣшивались и перепутывались въ сплошную массу. Я хотѣлъ было пробраться въ каюту, но это оказалось невозможно: некуда было поставить ноги, и при сильной качкѣ легко было раздавить чью-нибудь голову, наступить на лицо. Я попробовалъ отворить дверь въ „оумывальницу“, но она уперлась во что-то мягкое; въ этотъ узенькій проходъ тоже забрался страдающій и лежалъ пластомъ на полу. Воздухъ на нижней палубѣ былъ ужаснѣйшій. Воображаю, что должно происходить здѣсь при двойномъ числѣ пассажировъ!

Весь вечеръ и вся ночь прошли въ такой передрыгѣ; къ утру пароходъ сталъ огибать Соловецкій архипелагъ, и подъ защитой острововъ волненіе утихло; часамъ къ шести мы входили въ гавань Благополучія.

Владѣнія Соловецкаго монастыря состоятъ изъ цѣлаго архипелага въ шесть острововъ, самый крупный изъ которыхъ, Соловецкій, имѣетъ 25 верстъ въ длину и 15 въ ширину; на немъ и находится монастырь. Острова покрыты хвойнымъ лѣсомъ, изобилуютъ озерами (до 400), земля загромождена гранитными валунами, начиная отъ мелкихъ и кончая глыбами, превышающими человѣческой ростъ. Здѣсь подъ 65° сѣверной широты, недалеко отъ полярнаго круга, живетъ населеніе изъ 200—300 иноковъ и 500—600 годовыхъ „богомольцевъ-трудниковъ“ въ постоянной борьбѣ съ суровымъ климатомъ (здѣсь не вырѣвается рожь) и долгою темною зимой, на восемь мѣсяцевъ въ году отрѣзывающей острова отъ всякаго сообщенія съ материкомъ. Почти 500 лѣтъ длится эта борьба; уже съ начала XV столѣтія безлюдные острова стали привлекать къ себѣ отшельниковъ, искавшихъ отрады и успокоенія душевнаго среди угрюмыхъ лѣсовъ и свѣтлыхъ озеръ Соловецкихъ; эти отшельники были, какъ оно часто водилось въ старину, и первыми насадителями культуры въ дикомъ краѣ.

Еще на пароходѣ я, по совѣту каютнаго служки, рѣшилъ остановиться изъ трехъ монастырскихъ гостиницъ въ Преображенской, гдѣ комнаты лучше устроены. Не вдругъ можно было получить комнату: большинство номеровъ большого трехэтажнаго зданія было занято, и монахъ-прислужникъ долго бѣгалъ и суетился, желая поскорѣе пристроить новоприбывшихъ. Несмотря на ранній часъ утра (шесть часовъ), онъ началъ стучать въ двери занятыхъ комнатъ, будилъ спавшихъ и опрашивалъ, сколько человекъ помѣстилось въ комнатѣ и когда уѣзжаютъ; иногда онъ попросту входилъ въ номеръ, если дверь была не заперта.

Простые и патріархальные приемы монаха необыкновенно гармонировали со всей обстановкой гостиницы; все въ ней было, что нужно для

удовлетворенія основныхъ человѣческихъ потребностей, но въ донельзи простомъ, хотя опрятномъ видѣ, и ничего лишняго, никакихъ „удобствъ и ухищреній цивилизація“. Я сравнилъ бы тамошнюю обстановку съ обстановкой большого постоялаго двора, но безъ его грязи, вони и духоты: тѣ же голыя бѣленныя стѣны, окна безъ занавѣсокъ, некрашенные полы, деревянные жесткіе диваны и кровати, чайный столъ, застланный грубымъ холстомъ, но чистый воздухъ, высокія комнаты съ большими окнами и отсутствіе населенія въ диванахъ и постеляхъ.

Этотъ характеръ гостиницы часто потомъ припоминался мнѣ, когда я сталъ знакомиться съ разными сторонами соловецкой жизни; онъ очень типиченъ для всего тамошняго строя. Наблюдая хозяйственныя учрежденія монастыря, его издѣлія, одежду монаховъ и трудниковъ, ихъ обращеніе другъ съ другомъ и съ богомольцами, вездѣ я отмѣчалъ одиѣ и тѣ же черты: стремленіе къ сути дѣла, къ главнымъ и существеннымъ его сторонамъ и отсутствіе всего внѣшняго мелочно-удобнаго, показнаго, скажу даже, просто красиваго. Отъ всего получалось впечатлѣніе цѣлесообразности, солидности и осмысленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгой серьезности и незатѣйливой простоты.

Внушительное впечатлѣніе производитъ общій видъ монастырскихъ зданій. Высокія и страшно толстыя (6 сажень ширины) стѣны кругомъ всего монастыря, сложенныя изъ гранитныхъ валуновъ, внизу чуть не саженой толщины, въ аркахъ входа какія-то необычайно массивныя ворота, всѣ окованныя толстѣйшимъ желѣзомъ, съ гигантскими засовами и замками, главный соборъ въ нѣсколько этажей съ стѣнами двухсаженой толщины, громадная внутренняя галлерей, соединяющая соборъ съ рядомъ другихъ церквей, высокая, свѣтлая, свободно вмѣщающая тысячу человѣкъ, — отъ всего здѣсь вѣетъ несокрушимою мощью и солидностью. Просторенъ и внушителенъ соборъ внутри, хорошо расписанъ и украшенъ, но нѣтъ въ немъ ни сіяющей пышности, ни изящества архитектурныхъ линий или живописи; тутъ собраны большія богатства, сюда вложено много труда и средствъ, но при этомъ мало заботились о вкусѣ или, можетъ быть, вкусы не отличались тонкостью и сложностью. Галлерей, примыкающая къ собору, вся расписана фресками религіозно-правовучительнаго содержанія съ подписями; здѣсь живопись иногда значительно грубѣе по исполненію, чѣмъ въ соборѣ. Вниманіе мое особенно привлекли двѣ картины: одна изображала адскій пламень и мученія грѣшниковъ: здѣсь дьяволы буквально ѣли одного грѣшника, вгрызаясь въ него огромными зубами. Въ этой галлерей постоянно толпятся богомольцы, съ содроганіемъ смотря на извивы адскаго змія и огненные языки геенскаго пламени.

Въ церквахъ и скитахъ къ вамъ никто не обращается съ предложеніями отслужить или записаться и т. п., какъ это практикуется въ нѣ-

которых обителяхъ. Вообще здѣсь не только не слѣдуютъ за вами по пятамъ, но вы даже очень рѣдко и мало видите монаховъ безъ дѣла; ходишь по монастырскому двору, по многочисленнымъ корпусамъ, гдѣ помѣщаются различныя мастерскія, вездѣ свободный доступъ, вездѣ встрѣчаешь занятыхъ работой иноковъ и трудниковъ, которые ради твоего прихода не оторвутся отъ дѣла и не заговорятъ, если къ нимъ не обратишься; даже въ соборѣ за обѣдней я ожидалъ встрѣтить гораздо больше монаховъ, зная, что въ обители ихъ больше 200 человекъ. Это объясняется порядками здѣшней жизни. Все населеніе монастыря обязательно присутствуетъ въ церкви лишь на утреннемъ богослуженіи, которое длится отъ 3-хъ до 5—6-ти часовъ утра, и на вечернемъ, часовъ въ 5—6; за обѣдней же, ранней и поздней, присутствуютъ лишь іеромонахи и іеродіаконы, которыхъ сравнительно немного, да старѣйшіе и немощные изъ простыхъ иноковъ; остальные всѣ заняты различнаго рода „послушаніями“ (такъ называются здѣсь всякія работы для обители). Болѣе или менѣе значительную часть братіи можно видѣть еще во время трапезы, особенно вечерней, когда всѣ работы покончены и вернулись домой даже тѣ, кого часъ дневной трапезы засталъ за работой далеко отъ монастыря. Скажу кстати, что рабочий день здѣсь длится отъ пяти часовъ утра до шести вечера; въ этотъ промежутокъ три часа дается на обѣдь и отдыхъ, т.-е. чистой работы остается 10 часовъ.

Верхняя трапеза, гдѣ я былъ, производитъ необыкновенно сильное и внушительное впечатлѣніе. Представьте себѣ длинные ряды столовъ, приготовленныхъ въ передней части огромной, высокой и свѣтлой церкви; со сводовъ спускаются паникадила, стѣны расписаны сценами изъ Ветхаго и Новаго завѣта. Самый процессъ обѣда съ хоровымъ пѣніемъ въ началѣ и въ концѣ, съ ударами въ колокольчикъ при общемъ молчаніи и чтеніи имѣетъ въ себѣ что-то торжественное.

Изъ скитовъ я видѣлъ лишь два ближайшіе — Вознесенскій на Сѣкирной горѣ въ 10-ти верстахъ отъ монастыря и Савватіевскій въ 12-ти верстахъ. Для поѣздки этой я пользовался монастырскимъ экипажемъ — линейкой, заплативъ за это 80 коп. Тройка маленькыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ подъ управленіемъ 13—14-лѣтняго мальчугана въ подрясникѣ и скуфейкѣ бойко везла насъ по отлично накатанной и плотно убитой дорогѣ черезъ лѣсъ, покрывающій большую часть Соловецкаго острова; береза, ель и сосна, чередуясь и перемеживаясь, мелькали по обѣимъ сторонамъ; земля въ лѣсу во многихъ мѣстахъ почти сплошь была засыпана камнями; мѣстность холмилась, образуя пригорки и обрывы; на свободныхъ отъ камня мѣстахъ росъ мохъ и кустики брусники; травы было мало, цвѣтовъ совсѣмъ не видать (время было раннее), птицъ почти не слышно ни одной. Суровый колоритъ сѣвернаго

пейзажа скрашивался главнымъ образомъ свѣтлыми зеркалами озеръ, которыя постоянно попадались направо и налево; разнообразіе ихъ формъ и размѣровъ, чистота и прозрачность воды, берега, обросшіе лѣсомъ,—все это придавало много прелести и жизни нѣсколько унылой картинѣ. Сѣкирная гора представляетъ изъ себя крутой лѣсистый холмъ саженъ 40—50 высоты; на вершинѣ скромныя постройки скита и церковь. Съ колокольни открывается чудный видъ кругомъ; вдали видно море, а подъ ногами обширное лѣсное пространство, которое мѣстами расходуется, открывая свѣтлыя пятна озеръ: дорога желтою полоской, прямой какъ стрѣла, врѣзается въ зеленца чащи лѣса; въ сторонкѣ бѣлѣютъ церковь и зданія сосѣдняго Савватіевскаго скита. На самой верхушкѣ колокольни устроены маякъ, который зажигается съ іюля по октябрь; свѣтъ его виденъ на сорокаверстномъ разстояніи. Ночью монахи по очереди дежурятъ въ фонарѣ маяка, слѣдя за огнемъ 16-ти большихъ лампъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Сѣкирной горы, на берегу озера, скромно пріютился Савватіевскій скитъ, гдѣ живетъ до двадцати монаховъ. Это—совсѣмъ тихій деревенскій уголокъ. Черезъ деревянную околицу въѣзжаешь на заросшія травой дворъ скитской усадьбы; у самой дороги на лужайкѣ вдѣланы въ землю длинные столы и скамьи: здѣсь лѣтомъ бываетъ трапеза для братіи, управляющейся поблизости съ сѣнокосомъ. Дальше стоитъ маленькая деревянная часовенка; мы взошли: облупившіяся стѣны, увѣшанныя религиозными изображениями; тутъ и литографіи, и хромолитографіи московской работы Абрамова и Сытина, висятъ даже карандашный рисунокъ—Моисей источаетъ воду изъ скалы. Намъ захотѣлось пить. Въ нѣсколькихъ шагахъ на берегу озера копошился съ чѣмъ-то на плоту монахъ; мы подошли къ нему и спросили, гдѣ намъ достать напитокъ. „А вотъ, видите, прямо нашъ корпусъ? Ступайте вверхъ по лѣстницѣ, тамъ въ концѣ коридора стоитъ кадушка съ квасомъ; тутъ же и ковшикъ“. „Корпусъ“ этотъ былъ двухъэтажный домъ, гдѣ живетъ братія... Взойдя по лѣстницѣ, мы очутились въ широкомъ коридорѣ; по обѣимъ сторонамъ шелъ рядъ дверей съ крестами наверху и надписями: „братская кухня“, „братская трапезная“ и т. д.

На слѣдующій день я посѣтилъ нѣкоторыя изъ мастерскихъ и заводней монастырскихъ. Лѣто—неудобное время для этой цѣли, такъ какъ лишь зимой идутъ полнымъ ходомъ всѣ мастерства. Общее впечатлѣніе то, что монастырь постепенно начинаетъ сокращать размѣры своего производства и предпочитаетъ пріобрѣтать нужные предметы готовыми въ Архангельскѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Въ этомъ сказывается практичность, такъ какъ при современномъ развитіи техники и фабричнаго производства многіе предметы дешевле стоитъ выписать готовыми, чѣмъ

производить самому. Я обошелъ всѣ монастырскія лавки и посмотрѣлъ, что предлагаютъ онѣ богомольцамъ для покупки; оказывается, почти всѣ предметы привозные. Въ книжной и картинной лавкѣ, на примѣръ, продаются литографіи, альбомы видовъ монастыря архангельской работы, затѣмъ отдѣльные листки иллюстрацій къ книгѣ „Соловецкій Патерикъ“; текстъ этой книги напечатанъ въ московской синодальной типографіи (въ 1895 году), а хромолитографіи изготовлены позднѣе и вклеены въ книгу послѣ; на всѣхъ нихъ помѣта петербургской цензуры и печатались онѣ въ Петербургѣ же. Конечно, монастырь никогда не въ состояніи будетъ выдѣлывать самъ такія тщательныя (богато иллюминированныя) картинки и продавать ихъ, какъ сейчасъ, по 5-ти коп. за штуку съ большимъ барышомъ; его литографія умираетъ естественною смертію и, навѣрное, скоро прекратитъ свое существованіе. Богомольцы въ большомъ количествѣ приобрѣтаютъ крестики и мелкіе образки, деревянные и металлическіе; это все привозное; даже довольно крупныя и дорогіе образа заказываются въ Москвѣ. Въ монастырѣ есть своя постоянно дѣйствующая иконописная мастерская, но она пишетъ образа только по заказу и для себя; въ лавкахъ же имѣется лишь нѣсколько образцовъ на продажу, и то дорогихъ, рублей отъ 30—40. Рѣзныхъ иадѣлій нѣтъ совсѣмъ, ни деревянныхъ, ни костяныхъ, хотя прежде въ монастырѣ были свои рѣзчики; изъ подобныхъ подѣлокъ монахи рѣжутъ теперь однѣ деревянные ложки съ нарисованною чайкой и съ ручкой въ видѣ рыбы или благословляющей руки; онѣ плохой работы, дурно и небрежно лакированы и замѣчательны только своей дешевизной (въ зависимости отъ формы ручки: простой черенокъ стоитъ 10 к., рыба—15 к., благословляющая рука—20 к. за штуку).

Въ самой иконописной мастерской дѣло поставлено такъ. Художественной, такъ сказать, стороной дѣла завѣдуетъ приглашенное со стороны лицо—воспитаникъ петербургской рисовальной школы; постоянного и правильнаго обученія не ведется, хотя зимой („при огненномъ освѣщеніи“, какъ выразился одинъ изъ работавшихъ) сажаютъ мальчиковъ и подростковъ рисовать карандашомъ и углемъ съ оригиналовъ и гипсовъ. (Въ мастерской я видѣлъ анатомическую фигуру, голову Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго и еще около 10-ти гипсовъ.) Ученики назначаются сюда обыкновенно изъ пѣвчихъ, начинающихъ спадать съ голоса. Глядя по успѣхамъ, „ставятъ на краски“ и даютъ писать иконы.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ монастырь самъ выдѣлывалъ всѣ деревянные и финифтяные образки и крестики, продавалъ виды монастыря, сработанные въ своей литографіи.

Заглянулъ я и въ докъ и въ гавань. Въ докъ тогда строился третій пароходъ „Вѣра“. Постройкой завѣдывалъ сторонній мастеръ, пригла-

шенный за плату; постройка тянулась уже нѣсколько лѣтъ. Машины для парохода были выписаны изъ-за границы. Теперь этотъ пароходъ уже готовъ и дѣлаетъ рейсы между Архангельскомъ и Соловками. Въ гавани оснащается недавно спущенная новая двухмачтовая шкуна, которая будетъ поднимать до 25.000 пуд. груза; ея отдѣлка тоже что-то вяло подвигается впередъ, — за двое сутокъ я не видѣлъ около нея никакого движенія. Другая, стоявшая въ гавани, шкуна значительно меньше и вмѣщаетъ 9.000 пудовъ; она должна была на другой день уйти на два мѣсяца на Мурманъ за треской; восемь рабочихъ и одинъ монахъ составляютъ ея экипажъ. Но шкуна не будетъ промыслять сама; она ѣдетъ купить изъ первыхъ рукъ треску у промышленниковъ. Монастырь является главнымъ образомъ въ качествѣ скупщика, удержавъ ловли лишь у своихъ острововъ. Очевидно, онъ достаточно богатъ, чтобы не ловить треску самому.

Я отъѣзжалъ изъ Соловковъ на большомъ, прекрасно устроенномъ пароходѣ „Ксенія“ и глядѣлъ, какъ постепенно таяли, отодвигаясь въ даль, очертанія Соловецкаго острова съ его оригинальною жизнью. Мнѣ казалось, что Соловки переживаютъ сейчасъ переходный періодъ своей жизни и что недалеко время, когда монастырю придется подъ давлениемъ новыхъ условій окружающей жизни поступиться многими и наиболѣе оригинальными сторонами своего быта. И, конечно, Архангельская желѣзная дорога, проектированная линія черезъ Кемь въ Екатерининскую гавань и начинающееся общее оживленіе сѣвера ускорятъ наступленіе этого времени.

Портъ Александровскъ.

(Вл. Б.)

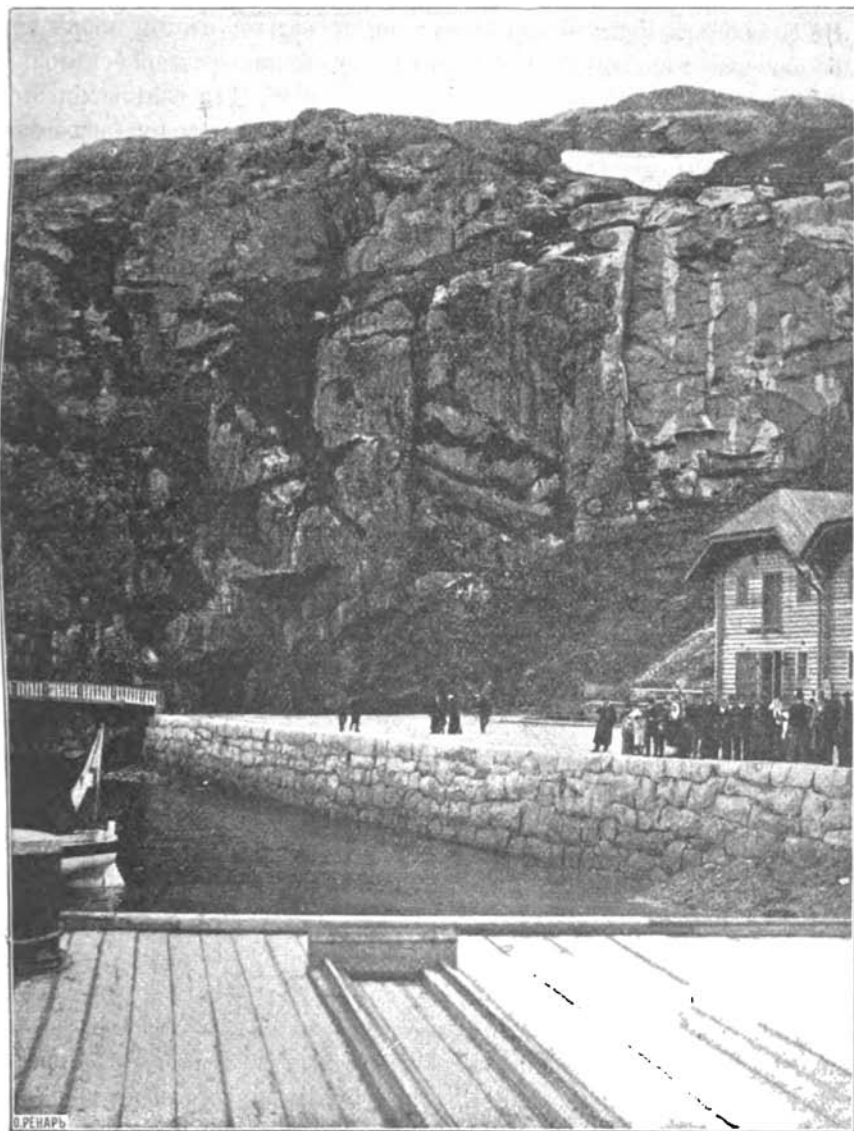
Подъ 69° 12' сѣверной широты, въ 15-ти верстахъ отъ выхода Кольскаго залива въ океанъ, лежитъ Екатерининская гавань, извѣстная еще издавна и получившая свое названіе въ честь Екатерины Великой. Природа здѣсь не блещетъ ни роскошью, ни богатствомъ, ни даже просто разнообразіемъ. Берега и окрестности сложены изъ сплошнаго гранита, достигающаго вблизи гавани въ отдѣльныхъ высотахъ 318 фут. надъ уровнемъ моря, въ углубленіяхъ же или котловинахъ забитаго торфомъ, рѣдко гдѣ пескомъ. Отдѣльныя высоты, чередуясь съ долинами, ручьями, губами и проливами, придаютъ пустынному рельефу характеръ большой суровости. Чернь или сѣрая высохшая зелень этихъ гранитныхъ высотъ помогаютъ карабкаться по нимъ, но охотниковъ на это не видно: ни туристовъ, ни горныхъ животныхъ. Торфъ въ углубленіяхъ между скалами, покрытыхъ мхомъ, лежитъ тоже пустынно, не имѣя даже олея, и лишь обильною ягодой своей, особенно моршккой, даетъ нездоровое развлеченіе человѣку. Ползучая береза и

можжевельникъ, выросшіе здѣсь съ большими усиліями, иногда завивавшіе свой стволъ, какъ удавъ свое гибкое тѣло, тепла и тѣни дали бы человѣку такъ мало, что ихъ держать и холять только какъ милое напоминаніе о растительномъ царствѣ болѣе южныхъ странъ. Рубить ихъ строжайшимъ образомъ запрещено. Благодаря стараніямъ отдѣльныхъ лицъ, появляются покосы (на торфѣ) и заводятся скотъ. Хозяйство болѣе южной полосы Россіи вообще, кажется, переберется сюда понемногу, но въ миниатюрѣ, больше для удовольствія. Начатки домашняго птицеводства и огородничества уже существуютъ.

Гавань имѣетъ много достоинствъ. Во-первыхъ, можно сказать, что она круглый годъ открыта для плаванія. Если на полторы, на двѣ недѣли иногда и покроеся она льдомъ, то настолько тонкимъ, что любой пароходъ свободно рѣжетъ его, а отливъ уносятъ, расширяая гавань. Зимой 1899 г. навигація окончилась въ концѣ февраля только потому, что не было надобности выхода въ океанъ; но съ 10-го марта она уже открылась снова. Во-вторыхъ, гавань просторна. Здѣсь могутъ стоять на якоряхъ броненосецъ и крейсеръ, у пристаней — 8 пароходовъ, въ отдаленіи 5—6 большихъ парусныхъ судовъ, десятка два шнякъ и юль, ныряютъ шлюпки и два паровыхъ катера, а даль и ширь не закрыты. Имѣя болѣе двухъ верстъ въ длину и 300 саж. въ ширину, гавань можетъ вмѣстить еще большее количество судовъ, если по берегамъ разставитъ буи для причаловъ. Въ-третьихъ, гавань закрыта со всѣхъ сторонъ скалами, и опаснаго волненія въ ней, даже въ бурю, не бываетъ. Въ-четвертыхъ, глубина гавани настолько велика, что почти у любого берега можетъ стоять судно океанской осадки: 35 футовъ — самая меньшая глубина; обыкновенно же болѣе 150 футовъ. Въ-пятыхъ, берега гавани гранитные, не отмывающіеся ни отливами, ни ручьями прѣсной воды. Въ-шестыхъ, близость гавани къ океану (въ противоположность Колѣ) удобна для пароходныхъ рейсовъ, для цѣлей рыбопромышленности и для административныхъ цѣлей; въ послѣднемъ случаѣ частыя сношенія съ Норвегіей выигрываютъ. Въ-седьмыхъ, наконецъ, прѣсная вода (водопроводъ изъ ручья) обезпечиваетъ паровыя и прочія суда паромъ и питьемъ.

Крупнымъ недостаткомъ гавани оказалось отсутствіе прибрежнаго мѣста, удобнаго для поселенія. Но стараніями и энергіей бывшаго архангельскаго губернатора, А. П. Энгельгардта, все же возникли и портовые и городскія сооруженія, которыя съ 24-го іюня 1900 года получили названіе: „Александровскъ“. Ужъ если и природа и трудъ человѣка сошлись, чтобы на пустынномъ гранитѣ, за полярнымъ кругомъ, поселить человѣка, то, конечно, человѣкъ этотъ долженъ быть не изнѣженнымъ, но бодрымъ, сильнымъ труженикомъ. Пусть даже губернский провинціалъ съ Волги, Дона, Днѣпра, Западной Двины назоветъ портъ

Александровскъ медвѣжьимъ угломъ; но кто идетъ на трудъ, не боясь борьбы съ косной природой, или кто, по крайней мѣрѣ, способенъ по-нять такихъ людей, тотъ увидитъ здѣсь побѣдоносные, хотя и первые

Набережная въ Портъ-Александровскѣ.

шаги человѣка. И вотъ какъ распорядился онъ съ своимъ поселеніемъ.

Для того, чтобы прилегающую къ гавани мѣстность сдѣлать удобной для портовыхъ и городскихъ сооружений, сразу пришлось въ первобыт-

ный хаос внести упорный труд и порядок. На юго-восточном берегу гавани, у подножья гранитной скалы, устроена на сваях деревянная главная пристань съ гранитной набережной вдоль пристани и на востокъ по берегу до самой горы Энгельгардта.

Но поселиться здѣсь около берега почти нельзя; поэтому обращено было вниманіе на долину торфа, лежащую за прибрежной скалою, а также дальше между двумя скалами и за ними. Для соединенія этой долины съ пристанью проведено образцовое на гранитномъ основаніи шоссе, построена желѣзная дорога (1½ версты съ вѣтвями), которая значительно облегчила оборудованіе города, да и сейчасъ еще не перестаетъ служить этой цѣли. Для обоихъ этихъ путей, равно какъ и для набережной, усиленно работаль динамитъ, взрывавшій скалы, равнявшій нѣкоторыя части ихъ, наконецъ доставлявшій нужный камень. Не мало труда положено и на торфъ, потребовавшій большого дренажа: большая сеть канавъ и трубъ осушаетъ почву подъ каждымъ зданіемъ и вокругъ, обративъ такимъ образомъ черное болото въ городскую землю.

Деревянные тротуары, устроенные всюду, гдѣ нужно, довершаютъ эту побѣду надъ торфомъ. Наконецъ, прѣсная вода, которая въ перво-бытномъ видѣ своемъ была бы недоступна ни для пристани, ни для города, потребовала двухъ сооружений: водопровода на пристань и каменнаго бассейна въ долину города. Даже съ полярною тьмой большую часть года рѣшено бороться энергично электрическимъ освѣщеніемъ, которое освѣщаетъ не только весь городъ и пристани, но даже и частныя квартиры.

Примѣръ успѣшныхъ работъ на гранитъ и торфѣ въ разсматриваемой части города заставилъ обратить вниманіе и на другіе, прежде заброшенные берега гавани.

Такимъ образомъ постепенно дугою по берегамъ гавани и зигзагами на югъ, въ глубь скалъ, человекъ завоевалъ себѣ динамитомъ, желѣзомъ и упорнымъ трудомъ отдѣльныя площадки для поселенія, которыя со временемъ сольются и образуютъ сплошной городъ.

Для устройства города и порта Александровска ни денежныхъ средствъ, ни достаточнаго количества матеріала, ни даже рабочихъ рукъ, не говоря уже объ инженерахъ и архитекторахъ, нельзя было, конечно, достать на мѣстѣ, въ такой бесплодной каменной пустыни, какъ окрестности Екатерининской гавани. Но Петербургъ выросталь не при лучшихъ условіяхъ, города же американскіе растутъ еще и сейчасъ, привлекая строителей не богатствами и удобствами настоящаго, а надеждами на будущее.

Необходимыя для сооружений города средства дало правительство. Матеріаль, кромѣ камня, почти весь доставлялся изъ Архангельска, даже срубы зданій заготавливались тамъ и перевозились на пароходахъ.

Рабочіе были призваны частью изъ Норвегіи (особенно для каменныхъ работъ), частью же изъ разныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи. Если и попадались при этомъ поморы, то они, въ силу особаго образа своей жизни развившіе необыкновенно капризную смѣну то порывовъ энергіи, труда, увлеченія, то наплыва апатіи и несдержанности, были не на мѣстѣ въ этой тихой и однообразной работѣ. Они и у себя на океанѣ, на промыслѣ, лишаются многихъ выгодъ изъ-за своего оригинальнаго характера. Съ этимъ придется считаться городу и потому, такъ какъ много вѣроятности предположить, что вся рабочая сила его, колонисты, будетъ главнымъ образомъ изъ Норвегіи. Норвегія приняла участіе и въ руководящей строительной силѣ; не только русскіе инженеры и архитекторы, но и норвежскіе содѣйствовали успѣху сооружений. Это было нужно какъ для рабочихъ изъ Норвегіи, такъ еще и потому, что норвежцы хорошо знакомы съ природой Мурмана.

Портовые сооружения, первая по времени и ближайшія къ водѣ, расположены у береговъ гавани. У главной пристани (южной) на набережной стоятъ два большихъ двухъэтажныхъ амбара для портовыхъ товаровъ, деревянные, какъ и всѣ почти мѣстные зданія. Въ одномъ изъ амбаровъ временно помѣстился частный магазинъ, торгующій почти исключительно норвежскимъ товаромъ и потому дешевымъ (пошлины нѣтъ). У другой пристани, по мысу восточнаго берега гавани, гдѣ стоитъ административный пароходъ „Мурманъ“, гдѣ впервые поставлено было нѣсколько домиковъ, занимаются больше наукой, чѣмъ судоходствомъ, а именно—тамъ временно поселилась рыбопромышленная станція, работавшая по научной программѣ надъ задачей практическаго свойства: какъ заставить русскихъ поморовъ дорости до норвежскихъ, если не по типу, то хоть по богатству промысловъ.

Такимъ образомъ первое мѣсто въ рядѣ строеній отвоевали интересы судоходства, науки и техники. Дальше отъ воды основалась уже административная и обыденная частная жизнь, при чемъ въ расположеніи зданія часто сказывается большее или меньшее исканіе тепла и крова, соотвѣтственно назначенію самыхъ зданій. Еще нѣкоторыя жилища колонистовъ (главнымъ образомъ норвежцевъ) не боятся вѣтра и, разбросанныя повсюду, заходя даже къ водѣ, къ административной пристани, взлѣзаютъ на открытыя стѣны скалъ: все это впрочемъ привычнымъ мореходамъ. На скатѣ же скалы, что у главной пристани, строится зданіе, тоже обвѣтриваемое, которое лѣтомъ будетъ служить гостиницей для пріѣзжихъ, а зимой—клубомъ для горожанъ: обитатель здѣсь пока еще временный, не тѣснимый мыслью о постоянной жизни на вѣтру, а потому ему еще можно примириться съ этимъ домомъ.

За гостиницей и холмомъ, на которомъ она лежитъ, выдвигаются двѣ другія скалы, образовавшихъ три долины, слившіяся между собой:

первая—съ востока на западъ, вторая — отсюда на югъ и третья — съ этого южнаго конца второй, тоже какъ и первая, на западъ. Въ первой долинь намѣчено нѣсколько построекъ; вторая застраивается въ южномъ концѣ, а третья представляетъ сплошную улицу построекъ.

Собственно, съ южнаго конца второй долины и начинается главная часть города. Здѣсь ближайшее мѣсто занимаетъ гранитный въ долинь островокъ, на которомъ неуютно было бы жить постоянно, но быть временнымъ посѣтителемъ, видѣть почти весь городъ—пріятно. Здѣсь стоитъ художественное произведеніе русскаго зодчества и живописи—церковь. Гранитный остовъ, мѣстами срѣзанный, мѣстами выложенный искусственной каймой камня, съ гранитной же лѣстницей внизъ и изящной деревянной рѣшеткой вокругъ, служитъ какъ бы пьедесталомъ. На ровной площадкѣ этого пьедестала нарядно высится выстроенный въ русскомъ стилѣ деревянный храмъ, при чемъ, такъ какъ вѣтеръ заставляетъ избѣгать колоколни, вмѣсто нея устроена надъ входомъ звонница. Наружныя стѣны храма выкрашены въ разные цвѣта по рисунку Васнецова, и нельзя сказать, чтобы окраска эта производила впечатлѣніе древне-русскаго образца; скорѣе что-то восточное проглядываетъ въ этой пестротѣ и прихотливости красокъ. Еще больше то же можно сказать о внутренней раскраскѣ стѣнъ, въ которой тонетъ даже иконостасъ и немногочисленныя изображенія святыхъ по сторонамъ. Иконостасъ и живопись рассчитаны на нѣкоторую гармонію съ этимъ своеобразнымъ стилемъ.

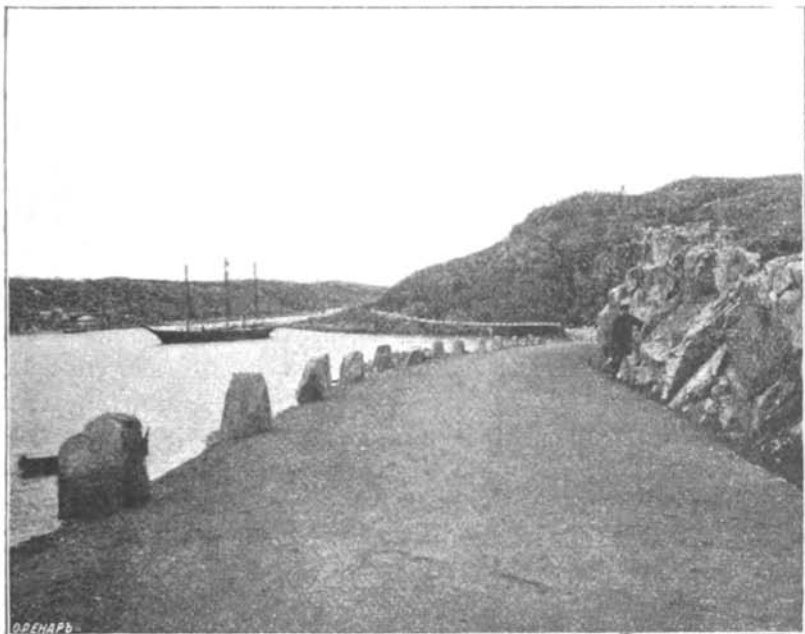
Иконостасъ моренаго дерева (вѣроятно, березы) своимъ темнымъ обожомъ на первый взглядъ какъ будто не согласуется съ свѣтлыми тонами красокъ на стѣнахъ, но гармонія въ томъ, что какъ неувлимыми краски стѣнъ, такъ неувлимымъ и рисунокъ тонкой рѣзбы на иконостасѣ, подражающій то какимъ-то растеніямъ, которыя нигдѣ не растутъ, но могутъ только сниться, то какимъ-то геометрическимъ фигурамъ, которыхъ никто никогда не чертилъ сознательно, а выводилъ развѣ пытливый карандашъ ребенка, то рельефнымъ формамъ тѣлъ, существующимъ во всякомъ случаѣ не на земной планетѣ. Одно надо прибавить: во всей этой оригинальности все же наблюдалась и нѣкоторая умѣренность. Къ той же художественности стремится и иконостасная живопись: во-первыхъ, нѣтъ золота, серебра, массивно лежащихъ на образахъ для изображеній вѣнца, одежды и проч.

Но, и помимо этихъ чисто-художественныхъ достоинствъ, вся церковь вообще много краситъ видъ города своею нарядностью и высокимъ расположеніемъ. Еще съ Кольскаго залива видны ея кресты и главы, а съ ея звонницы видны городъ, скалы, заливъ и океанъ. Противъ церкви, но уже на горѣ долины, стоитъ другое зданіе — школа. Просторъ, гигиеническая мебель и такое же дневное освѣщеніе, электрическія лампы, библіотека при школѣ—все это рассчитано на самыя существенныя

потребности учащихся. Наконецъ, имѣется больница, предназначенная специально для горожанъ и поморовъ, хотя намѣрены принимать въ нее и другихъ страждущихъ.

Остальныя зданія города заняты или административными учрежденіями, или частными квартирами.

Всѣхъ зданій въ городѣ, построенныхъ и строящихся, до сорока. Почти всѣ они, какъ сказано, деревянные и почти всѣ одноэтажныя. Большинство стоятъ на гранитныхъ фундаментахъ, и каждое, наравнѣ съ пристанями и улицами, имѣетъ электрическое освѣщеніе: провода, лампочки, фонари уже устроены всюду, гдѣ окончены дома или при-

Шоссе на берегу Екатерининской гавани.

способлены къ тому столбы. И несмотря на то, что всѣ эти зданія ушли подальше отъ вѣтра, поближе къ удобствамъ, что квартира и „присутствіе“ находятся здѣсь для каждого администратора рядомъ, что крыши, печи, полы, просторъ зданій, освѣщеніе устроены здѣсь, какъ нарочно, отлично,—помириться съ этимъ „проспектомъ“ могъ бы не всякій. Во-первыхъ, онъ не грандіозенъ, а, наоборотъ, какъ-то теряется среди скалъ, какъ и весь городъ съ гаванью. Если смотрѣть откуда-нибудь сверху, то кажется, что разные скитальцы изъ разныхъ странъ пришли и расселились въ разныхъ концахъ: кто у воды, кто дальше; потомъ стали знакомиться и устраивать другъ къ другу про-

ѣзды и проходы. „Проспектъ“, выстроенный въ одну сторону, окнами на югъ, и кажущійся оттуда деревяннымъ лагеремъ, стройнымъ и строгимъ, смотреть на этотъ югъ, на городъ и скалы какъ часовой на открытый горизонтъ сосѣдней страны. Съ сѣвера же къ его восточному крылу примыкаетъ одна только дорога къ тѣмъ немногочисленнымъ поселеніямъ, ради которыхъ расположился этотъ лагерь. Во-вторыхъ, самый видъ изъ оконъ этой улицы на черный торфъ и рядъ кривыхъ посаженныхъ деревьевъ вблизи и дальше—на суровый гранитъ и часто облачное небо—можетъ придтись по душѣ только тому, кто привыкъ созиавать свою роль не въ ласковой природѣ. Наконецъ, круглый годъ топить печи, выходить въ теплой одеждѣ даже въ теплый день, ожидая что вотъ-вотъ подвернется вѣтеръ, цѣлую зиму не видѣть даже Архангельска, если избѣгать большой зимней ѣзды, на все на это согласится только тотъ, кто въ холодѣ, туманѣ и вѣтрахъ закалилъ свое здоровье, особенно кто не расположенъ къ легочнымъ болѣзнямъ, кто трудъ привыкъ считать главною цѣлью жизни, а развлекаться ѣдетъ не въ театръ, не на концертъ, пикникъ и прочее, а на охоту за полярнымъ медвѣдемъ или въ какую-нибудь долгую поѣздку, съ цѣлью ли, безъ цѣли ли—все равно, лишь бы только „за тысячу верстъ киселя похлебать“. Именно такія поѣздки считаютъ спасеніемъ отъ скуки нѣкоторые чиновники сѣвера, даже архангельскіе; послѣдніе, наприм., на Новую Землю. А ужъ на этой Новой Землѣ все ихъ развлеченіе, что пріѣхать въ штормъ по морю или въ метель зимою по суху, дать, взять, записать и уѣхать. На Мурманѣ такія поѣздки могли бы быть интереснѣе: хоть и за тысячу верстъ, а все же встрѣтятся знакомые, близкіе, родные. Развѣ одно примирить тоскующихъ и заставить, какъ южанъ звѣзды, луна и небо, привязаться къ новой странѣ;—это вѣчный полярный свѣтъ лѣтомъ или болѣе красивое сѣверное сіяніе зимой, наконецъ тѣ феерическія картины, когда весь городъ, скалы и вода въ осеннюю или зимнюю полярную ночь будутъ тонуть въ электрическомъ свѣтѣ. Временныя правила объ управленіи, дарованныя Александровску, представляютъ промышленнику (собственно, всякому колонисту) осѣдность и недвижимую собственность на льготныхъ условіяхъ. Сейчас многіе приходятъ изъ-за Бѣлаго моря, ждуть прохода льдовъ, теряютъ время и часто (какъ нынче) уловы; а бой звѣря и совсѣмъ ничтоженъ. Здѣсь, у Екатеринбургской гавани, промышленникъ, если поселится, круглый годъ будетъ имѣть дѣло въ океанѣ. Льготныя условія поселенія таковы: предоставляется бесплатно 400 кв. саж. городской земли, а поселяющійся обязанъ въ теченіе трехъ лѣтъ обзавестись постройкой цѣпностью не меньше 200 руб.; точно такъ же дома, сооруженные средствами казны, могутъ быть продаваемы съ уплатой долга въ рассрочку на пять, на десять лѣтъ безъ процентовъ. Этими льготами новый городъ долженъ

былъ бы воспользоваться широко и, пока онъ только мурманскій, не обще-русскій портъ, основать свою главную работающую силу на поселенцахъ - промышленникахъ: образовалось бы мелкое городское владѣніе, тѣсно связанное съ жизнью Мурмана и всегда для него необходимое. Тогда свелось бы почти на нѣтъ полное разореніе тѣхъ многихъ поморевъ, которые теперь изъ хозяевъ переходятъ въ покручениковъ, а изъ покручениковъ въ бѣдноту; выросталъ бы и русскій капиталъ, если не въ деньгахъ, то, во всякомъ случаѣ, въ работоспособномъ насленіи.

Такъ образовался бы самостоятельный промышленникъ, онъ же и купецъ, а гдѣ купецъ, тамъ и рынокъ. И этотъ рынокъ тѣмъ болѣе выгоденъ будетъ въ Александровскѣ, что торговля можетъ прислушиваться здѣсь не къ однѣмъ норвежскимъ цѣнамъ, но и къ англійскимъ, наконецъ къ русскимъ. И даже можно сказать, что именно тогда-то и будетъ рынокъ, такъ какъ теперь въ большинствѣ случаевъ отдѣльные скупщики (обыкновенно всѣ норвежцы) разѣзжаются по становищамъ, снабжаютъ промышленниковъ всѣмъ необходимымъ и въ обмѣнъ берутъ промыслы по низкой цѣнѣ, безъ конкуренціи. Сами промышленники довозутъ до Норвегіи развѣ послѣдніе уловы. Но случается, что и при такихъ условіяхъ иной промышленникъ очутится не при малыхъ деньгахъ; казалось бы, окрѣпчать ему и заводить богатство, а онъ и деньги сорить, и отъ работы отказывается до первой нужды въ пропитаніи.

Наступаетъ же эта нужда быстро: поморъ за глотокъ водки платитъ дороже, чѣмъ за пудъ хлѣба. Пока что, Александровскъ, мало регулируя рынокъ и денежный оборотъ, мало вліяя на невыдержаннаго закоренѣлаго помора, даетъ ему лишь тѣ удобства, что всегда имѣются тамъ запасы соли, хлѣба и другихъ продуктовъ, а срочные пароходные рейсы (по становищамъ до Вардэ въ одну сторону и Архангельска— въ другую) помогаютъ ему самому стать немного ближе къ выгоднымъ торговымъ оборотамъ.

Мурманъ и его обитатели.

(По К. Случевскому и Н. Максиму.)

Начиная отъ Святого Носа на востокъ до границы Норвегіи на западѣ тянется громадный каменный валъ, извилина котораго образуютъ множество заливовъ, губъ и полуострововъ.

Мы плыли на пароходѣ „Чижовъ“ изъ Норвегіи въ Архангельскъ въ первыхъ числахъ мая. Уже солнце начало прятаться за хребетъ Мурманскаго берега. Ущелья, покрытыя снѣгами, стали наполняться мглою.

Какія скучныя мѣста!

Сѣверный берегъ Кольскаго полуострова, протяженіемъ около тысячи

версть, представляется въ видѣ пустынныхъ горъ безъ всякой растительности. Онъ производитъ гнетущее впечатлѣніе дикой природы. Некуда взглянуть, нечѣмъ разсѣяться, не на что полюбоваться. Вездѣ однообразный характеръ береговъ: граниты, гнейсы, діориты. Мрачной, темной краской залиты горы. Сѣрое, безпросвѣтное небо виситъ надъ ними. На немъ нѣтъ ни тучки, ни облачка, ни свѣтлой точки. Сплошная пелена свинцоваго цвѣта спустилась надъ горами и надъ поверхностью ледовитаго океана. Вода приняла такой же, какъ и небо, свинцовый оттѣнокъ. Рѣбни волнъ, взлетая, разсыпаются бѣлыми брызгами, кипятъ и пѣнятся, ударяясь о подножія береговыхъ скалъ, образуя буруны.

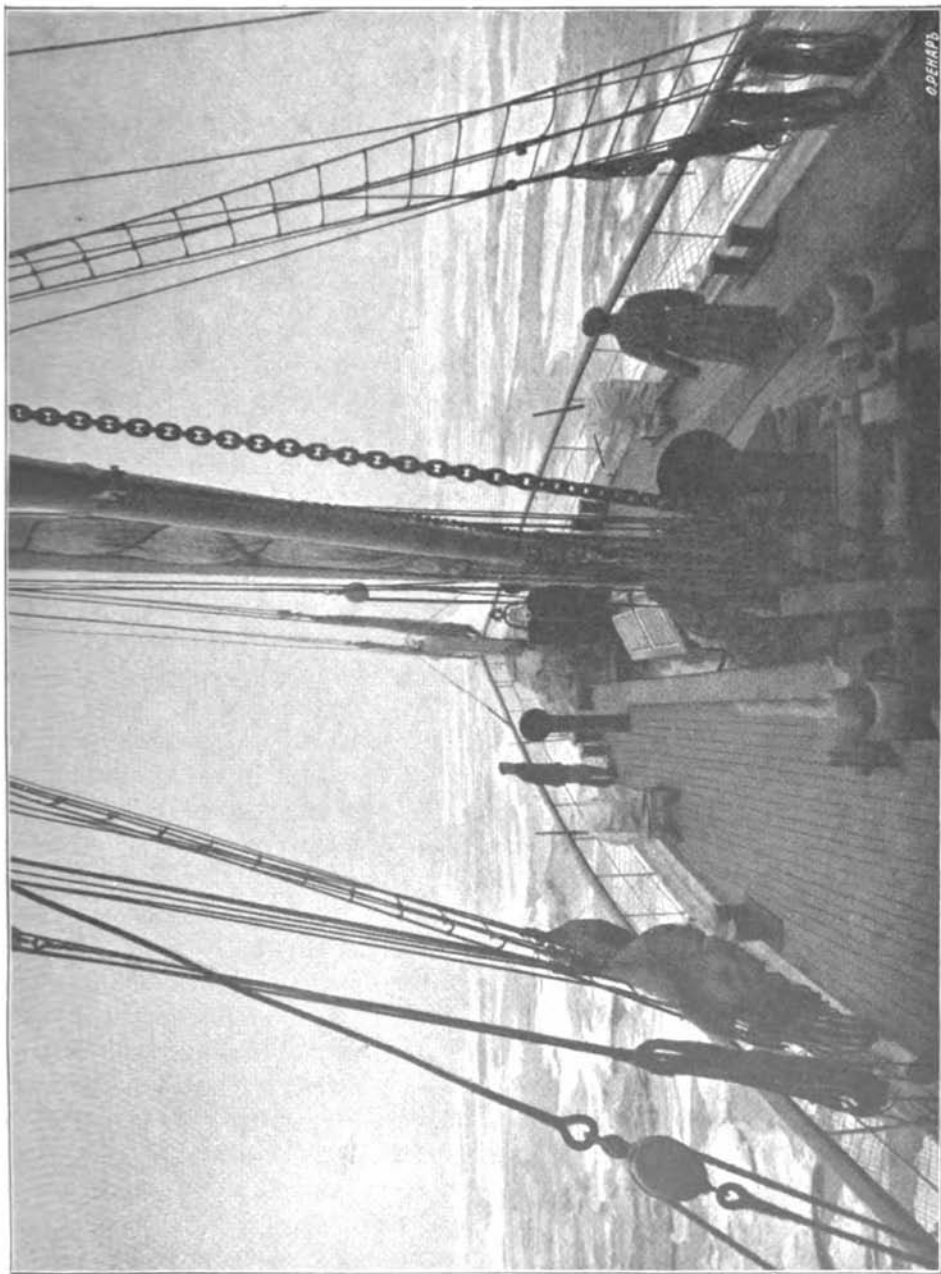
Высота береговъ, достигающая на западѣ 500 футовъ надъ уровнемъ океана, уменьшается по мѣрѣ приближенія къ востоку. Бухты, заливчики, фіорды, съ вычурно изрѣзанными берегами и прекрасными естественными рейдами, совсѣмъ исчезаютъ по направленію къ востоку.

Смотришь на высокіе, скалистые каменные массивы, круто спускающіеся къ морю, и убѣждаешься, что видишь горы альпійскаго характера въ поясѣ, соприкасающемся съ линіей вѣчныхъ снѣговъ. Замѣчаешь отсутствіе растительности, нетающей лѣтомъ снѣгъ, постоянно лежащій въ глубокихъ ущельяхъ, становятся ясны признаки былого развитія глетчеровъ. Бараньи лбы, масса валуновъ устилаютъ вершины, склоны и долины горъ, придавая картинѣ еще болѣе дикій, угрюмый и хаотическій видъ. Кое-гдѣ въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ замѣчается нѣкоторое развитіе растительности: луга, жалкая пародія лѣса—аршинная корявая береза и такой же ивнякъ.

Тоска хватаетъ при взглядѣ на берегъ. Сѣренькое небо, мрачные берега, темныя ущелья, господствующіе восточные вѣтры, нагоняющіе изъ Карскаго моря и отъ Новой Земли постоянные туманы; частые дожди весной, лѣтомъ и осенью; постоянный холодъ и недѣли безъ просвѣта, безъ солнца, луны и звѣздъ. Что за мрачный край! Какъ тяжело жить на этомъ берегу!

Солнце рѣдко появляется на небѣ, хотя и говорятъ, что сѣверное лѣто (съ 20 мая по 20 іюня)—царство вѣчнаго дня, тихой и ясной погоды.

Да, дѣйствительно, ночей на Мурманѣ не бываетъ въ это время; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что погода на Мурманѣ постоянно тиха и ясна. Лѣто на Мурманѣ холодиѣе, чѣмъ зима. Въ іюнь бываетъ холодно, пасмурно, бурно. На Мурманѣ не бываетъ суровыхъ зимъ, благодаря благотворному вліянію теплаго теченія. Морозы въ 10—15° считаются здѣсь рѣдкостью. Средняя температура зимы около—6° R, а въ видѣ исключенія бываютъ зимой даже оттепели и дожди, тогда какъ лѣто здѣсь всегда холодное. Случается (очень рѣдко, правда), что лѣтомъ вынадастъ снѣгъ. Лѣтомъ, съ 20 мая, начинаютъ дуть восточные вѣтры, которые то усиливаются до степени полушторма, то затихаютъ

На Бълмъ морѣ.

предъ закатомъ солнца; солнца никогда не бываетъ видно на небѣ при восточныхъ вѣтрахъ, потому что они приносятъ съ собою туманы; туманы эти заволакиваютъ скалы Мурманскаго берега, всѣ куполовидныя вершины, ползутъ по стѣнамъ крутыхъ скалъ, витаютъ надъ прибрежными долинами и забираются въ ущелья, гдѣ они раздѣдаютъ снѣговья глыбы, которыя таютъ не столько подъ влияніемъ лучей солнца, сколько отъ тумановъ. Эти туманы, господствующіе также и въ Карскомъ морѣ, приносятся къ Мурманскому берегу восточными вѣтрами и сгущаются по мѣрѣ того, какъ вѣтры относятъ плавающія льдины въ предѣлы теплаго теченія Гольфстрема, гдѣ ледъ таетъ, образуя еще большій туманъ.

Такъ проходятъ весь іюнь и отчасти іюль. Туманы сосредоточиваются главнымъ образомъ вблизи береговъ. Они не бываютъ густы и продолжительны въ океанѣ. Быть можетъ, это происходитъ отъ влиянія вѣтра и болѣе равномерной температуры воды и воздуха. На Мурманскомъ же берегу никогда не наступаетъ царство ясной и тихой погоды. Нѣтъ болѣе мрачной, неприглядной сырой и холодной окранны, нежели крайній сѣверъ.

Ночь бываетъ на сѣверѣ красивѣе дня. Почью на небѣ не видишь тучъ, а плывутъ облака. Въ особенности во время осеннихъ ночей, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, все небо подергивается кисеей. Словно пленкой, покрывается ею полная серебряная луна. Облака несутся быстро съ юго востока. Дуетъ легкій бризъ отъ береговъ. Обнаженные, отполированные массы діорита серебрятся подъ лучами луны. Не слышно шума волнъ, а раздаются лишь шлепки на водѣ. Облако сгущается, принимая видъ тучи. Становится темнѣе. Берега исчезаютъ. Свѣтлыя береговыя пятна скрываются во мракѣ, сливаясь съ черною массой надводныхъ и подводныхъ камней. На подводныхъ камняхъ висятъ, словно бороды, черныя морскія травы. Облако надвигается на луну, заслоняя берега. Береговъ не видно, только во тьмѣ свѣтится огонекъ маяка. Огонекъ этотъ, улаждающій мореплавателя, становится ярче, когда облако надвигается на луну.

Наступилъ разсвѣтъ. Выглянуло солнышко. Вода приняла синій цвѣтъ. Солнце не отражалось въ водѣ. Небо было ясно-голубое, покрытое бѣлыми, какъ снѣгъ, лучезарными облаками. Изъ облаковъ, свѣтлодымчатыхъ и смѣшанныхъ съ бѣлыми и чистыми какъ серебро, лились лучи солнца. Подъ лучами заблестѣли отполированные камни береговыхъ скалъ. Всѣ берега подернулись синевою. Чайки весело взвились на воздухъ, надъ скалами, огласили ущелья ребяческими криками, опустились на воду и поплыли, а вмѣстѣ съ ними спустились морскіе попугаи, гагары, нырки и утки разныхъ породъ. Рыбаки выплыли подъ нарусами. Что значить солнечный день! Онъ оживилъ Мурманскій берегъ.

Это оживленіе временное. Придетъ зима, и мурманскія высоты закутаются въ сугробахъ снѣга, рыбаки уплывутъ въ Бѣлое море, птицы улетятъ, рыба отойдетъ отъ береговъ.

Мурманскій берегъ — это отрѣзанный ломоть отъ остальной Россіи. Онъ ни съ чѣмъ не соединенъ и отъ всего разъединенъ. Ни дорогъ, ни правильныхъ пароходныхъ въ теченіе года сообщеній. Зимой на Мурманскомъ берегу прекращается дѣятельность. Колонисты разобщаются отъ остального міра. Мурманскій берегъ представляетъ тогда безлюдную пустыню. Правда, тамъ есть уже зачатки нѣкоторой цивилизаціи, но она развивается медленно и не свидѣтельствуетъ о желаніи русскаго человѣка слиться на Мурманскомъ берегу.

По берегу разбросаны въ бухтахъ и заливахъ колоніи, гдѣ живутъ по преимуществу норвежцы-колонисты и финны. Колоніи эти, какъ и временныя поселенія русскихъ на Мурманѣ, называются „становищами“.

Пароходъ нашъ зашелъ въ становище „Земляная“. Здѣсь живутъ финны. Название „Земляная“ соответствуетъ вѣшнему виду колоніи.

Большинство колонистовъ живутъ въ землянкахъ. Нѣкоторые построили деревянные дома и сараи для скота. Колонизація этого мѣстечка началась лѣтъ тридцать тому назадъ. Постоянные неурожаи и голодъ вынудили жителей сѣверной Финляндіи искать новыхъ мѣстъ на окраинѣ Россіи. Они нашли такія долины между холмообразными горами, по которымъ пробѣгаютъ рѣчки и ручейки, гдѣ можетъ произрастать прекрасная трава. Почва обезпечивала хорошую траву, океанъ обѣщаль прекрасный уловъ рыбы, и трудолюбивые финны не ошиблись въ расчетахъ.

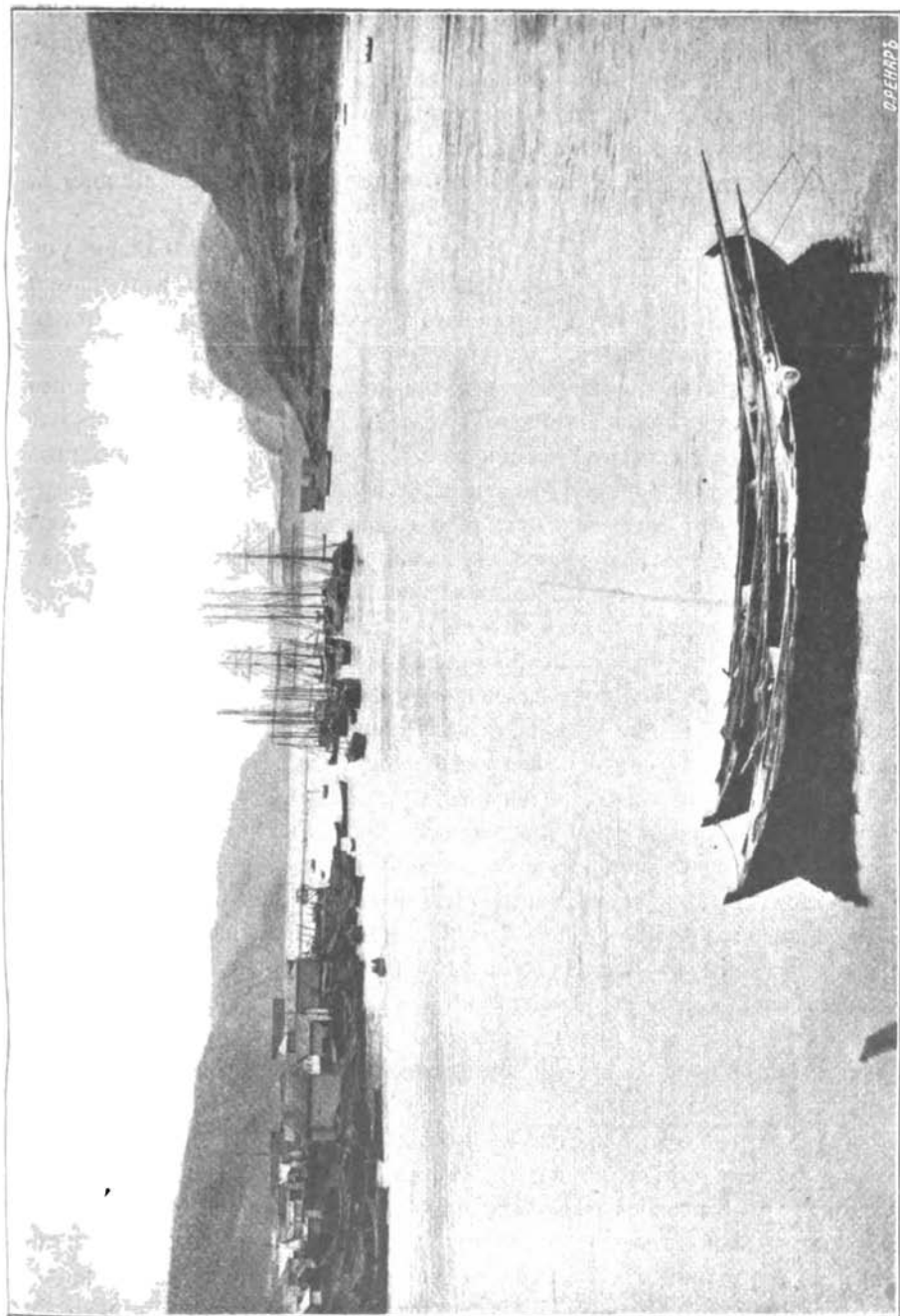
Въ землянкахъ рамы со стеклами. Полъ выстланъ гладкими камнями. На полу лежатъ шерстяные половики. Въ углу русская печь, впереди другая печь съ чугуною плитой. Въ избѣ чисто, тепло, свѣтло. На столахъ, деревянныхъ кроватяхъ, на полу—всюду признаки необыкновенной чистоплотности. Дверь изъ избы выходитъ въ каморку, отдѣляющую жилое помещеніе отъ скотной избы, въ которой содержатся коровы въ стойлѣ. Скотная изба отапливается отдѣльной печкой съ большимъ чугуннымъ чаномъ, въ которомъ готовится кипятокъ для стирки бѣлья.

Деревянные дома строятся по архитектурѣ, принятой въ Финляндіи. На столѣ—бездѣлушки, альбомъ. Въ шкафу—бутылки съ винограднымъ виномъ.

Около cadaго дома кусокъ сѣнокосной земли, отдѣляющійся отъ сосѣдняго изгородью изъ камня или изъ жердей. Колонисты пробовали дѣлать гряды и сажать овощи: капусту, картофель, травы; но ничего не родится въ холодномъ климатѣ; картофель вымерзаетъ.

Самую доходную статью составляютъ рыбныя промыслы. Колонисты

Становище Териберна.

соединяются по четыре человекъ и покупаютъ большую „ёлу“, на которой являются къ берегамъ Финмаркена на время весенняго лова. Тамъ принимаютъ ихъ какъ русскихъ подданныхъ, т.-е. заставляютъ ихъ уплачивать по десяти кронъ съ человекъ и даютъ на ёлы норвежскаго кормчаго. Колонисты промышляютъ рыбу только однимъ способомъ, принятымъ весной въ Норвегіи,—на удочки. Они не ловятъ треску ярусомъ, какъ норвежцы лѣтомъ и какъ ловятъ исключительно наши поморы на Мурманскомъ берегу.

Чѣмъ дальше плывешь съ запада на востокъ, тѣмъ больше удивляешься нашему помору-промышленнику. Всѣ лучшія мѣста, находящіяся именно на западной части Мурманскаго берега, заброшены или отданы въ пользованіе норвежцевъ.

Излюбленныя поморами мѣста начинаются съ Териберки, съ этого центральнаго становища Мурмана. Входъ въ Териберскую губу довольно широкъ: справа скалы отступаютъ назадъ, словно пятясь отъ моря; онѣ не высоки и вовсе не закрываютъ вида на него, такъ что отъ западнаго вѣтра тутъ защиты нѣтъ; зато слѣва отъ сѣверо-востока бухта закрыта темною завѣсою мрачныхъ, высокихъ гранитныхъ скалъ. Входя въ губу, пароходъ держался средины пролива: вправо, по довольно далекимъ, отступившимъ назадъ отъ общей линіи побережья, изборозженнымъ глыбамъ, въ черныя непроглядныя щели ихъ, на совершенно лысые, округленные лбы, со всею мощью ударила гигантская волна, вкатываясь высоко, и едва-едва поспѣвала внизъ, такъ какъ за нею шла новая волна, и эта опять лѣзла, подбирая, подлизывая остатки прежней, и скатывалась сама, подбираемая третьей. Глядя на эту гигантскую толчею, легко было представить себѣ, во что должно обратиться любое судно, выброшенное въ такую погоду на подобныя пѣнящіяся подушки. Тутъ не могло быть никакого вопроса о какомъ бы то ни было сохраненіи судна—оно меньше чѣмъ въ нѣсколько минутъ превратилось бы въ мелкія щепы. Но наши поморы живутъ и зарабатываютъ свой хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ въ подобныхъ или вблизи подобныхъ грозныхъ явленій природы и у нихъ въ распоряженіи не океанскій пароходъ, а утлая суденышка, не компасы и штурманы, а привычка, смѣтка, чутье.

Скала лѣвой стороны слегка поблескивала по всѣмъ выступамъ и жиламъ своимъ струйками дождя; мѣстами свѣтились узкими полосками временно проявившіеся водопады. Бѣлыми пятнами выдавались неподвижные потоки птичьяго помета отъ тѣхъ выступовъ скалы, на которыхъ по бархатистымъ, пухлымъ подушечкамъ мховъ гнѣздились въ неслѣтномъ количествѣ морскія птицы. Онѣ только что вывели птенцовъ и отъ поры до времени слетали съ гнѣздъ. Тутъ былъ и черный бакланъ, и такой же черный чистикъ, и цѣлыя семьи сѣрыхъ и бѣлыхъ чаекъ

и гагарь; бакланъ тянулъ прямо, чайка кружила въ воздухѣ; попадались также птицы, остававшіяся сидѣть на мѣстахъ.

Пароходъ бросилъ якорь на шести сажняхъ глубины, верстахъ въ трехъ отъ поселенія, видѣвшагося въ глубинѣ бухты и раскинувшагося на совершенно гладкомъ наносѣ песковъ, которые скопились за сотни лѣтъ усиліями впадающей здѣсь рѣчки Териберки.

Сквозь дождь и туманъ довольно большое поселеніе обозначалось не совсѣмъ ясно; замѣтнѣе другихъ выдѣлялись небольшая новая церковь и домикъ, занятый больницею санитарнаго отряда архангельскаго благотворительнаго общества, подъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ.

Териберка считается центромъ главнаго и важнѣйшаго промысла Поморья. Въ началѣ марта, задолго до того, пока прилетаетъ въ Соловки первая чайка, когда еще вполнѣ сильны мартовскіе морозы въ Петербургѣ, по бѣлымъ, безбрежнымъ саванамъ нашего сѣвера, по мерзлымъ тундрамъ и озерамъ, не имѣющимъ дорогъ, пользуясь для ночлега рѣдкимъ лопарскимъ чумомъ или простымъ навѣсомъ на бревенчикахъ, воткнутыхъ неизвѣстнымъ добрымъ человѣкомъ, на томъ же основаніи, на какомъ въ степяхъ Аравіи вырытъ колодець, тянутся изъ волостей Архангельской и ближней Олонецкой губерніи къ Поморью промысловые люди, такъ называемые „покручники“. Они законтрактованы своими хозяевами еще съ осени въ Архангельскѣ, на Маргаритинской армаркѣ. Покручники въ долгу у нихъ, потому что забрали деньги впередъ; они идутъ на отработку съ тѣмъ, чтобы повторить въ будущемъ году то же самое, тотъ же свѣжій путь въ глубокую зиму и ту же „отработку“. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на оленяхъ, довольствуясь въ качествѣ пищи почти исключительно далеко не свѣжею трескою, двигаются эти темные, безземельные люди къ великому, насаждаемому Богомъ полю, къ Ледовитому океану.

Такъ называемыя „становища“, жилища, разбѣянные по Мурману, принадлежащія тому или другому хозяину, къ которымъ покручники приходятъ послѣ описаннаго пути и гдѣ живутъ лѣтомъ на берегу, между однимъ уловомъ и другимъ,—это настоящія гноилица; нары узки, стары, грязны; десятки людей дышатъ тутъ воздухомъ, спертымъ въ грязномъ помѣщеніи, размѣрами не болѣе какихъ-нибудь двадцати кубическихъ сажень, а цынга, и другія болѣзни свили себѣ гнѣзда самаго злокачественнаго характера. Эти гноилица, остающіяся на зиму пустыми или поручаемыя наблюденію наемнаго лопаря, населяются съ марта мѣсяца народомъ, первую обязанностью котораго при появленіи на мѣстѣ должна быть очистка становищъ отъ снѣга и задѣлка пробурованныхъ зимними выюгами отверстій. Когда поморы уже на мѣстахъ, становища обитаемы и снасти изготовлены и починены, а море открылось, на сцену выступаетъ самый ловъ и прежде всего классическая

поморская шняка. Это—судно въ шесть или семь сажень длины, только сажень съ верхкомъ ширины, и можетъ поднять никакъ не болѣе двухсотъ пудовъ; оно совершенно открыто и очень легко заливается океанскою волною. На шнякѣ двѣ мачты, и когда поставлены всѣ весьма широкіе паруса, то она скользитъ по морю довольно быстро. Въ этихъ утлыхъ судахъ ежегодно погибаетъ много поморовъ, и тѣмъ не менѣе оставшіеся въ живыхъ товарищи ихъ все-таки идутъ на промыслы и на такой же шнякѣ. Суденышко имѣетъ свои отдѣленія: чердакъ, гребло, кладь; въ одномъ лежатъ рыболовныя снасти, въ другомъ—наживка, въ третьемъ—пойманная рыба и т. д.

Насколько неизмѣнна въ своихъ очертаніяхъ шняка, настолько же постояненъ въ своемъ составѣ экипажъ ея; промысловая шнячная артель состоитъ изъ опредѣленнаго числа людей, сколько необходимо для управленія шнякою и производства лова, а именно изъ четырехъ покручниковъ: кормщика, тяглеца, на обязанности котораго главнымъ образомъ лежитъ выбрасываніе въ море и сборъ снасти; весельщика, помогающаго, при свободѣ отъ собственнаго прямого дѣла, всѣмъ остальнымъ, и, наконецъ, наживочника-зуйка, мальчика, обязаннаго наживлять крючки; огромное число этихъ зуйковъ бросается въ глаза при приближеніи къ Териберскому поселенію; это—тѣ подростки, изъ которыхъ вырабатывается безстрашный поморъ.

Всѣ участники лова называются „покручниками“ и работаютъ не за деньги, а получаютъ одну треть улова, при готовыхъ харчахъ и содержаніи. Лучшимъ мѣриломъ того, что можетъ остаться покручнику въ концѣ лѣта, можетъ служить то, что хозяева отпускаютъ имъ въ долгъ до ста рублей. Для того, чтобы новому хозяину „поднять“ промысель съ одною шнякою, считая стоимость ея рыболовныхъ снастей, устройство становища на берегу, выдачу задатковъ покручникамъ и заготовленіе припасовъ, необходимо около 900 рублей; выходъ на промысель со старою шнякою и старою снастью обходится около 600 рублей.

Главное орудіе лова трески—это такъ называемый „ярусъ“, имѣющій нерѣдко поистигиѣ океанскіе размѣры, а именно до 12 верстъ длины. Ярусъ — это нѣчто въ родѣ хорошо извѣстныхъ нашимъ рыбакамъ-любителямъ переметовъ. Главная нить, направляющая яруса,—та именно, которая достигаетъ 12 верстъ длины,—это пеньковая бечева, состоящая изъ „стоянокъ“, отъ сорока до шестидесяти сажень длины каждая; если связать три стоянки, получится то, что называется „тюкомъ“, въ 120—180 сажень длины. Для того, чтобы получить двѣнадцативерстную длину, требуется, слѣдовательно, около сорока тюковъ. Вдоль этихъ связанныхъ стоянокъ прикрѣплены, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ сажени одна отъ другой, такъ называемыя „оростяги“ — тонкія крученныя бечевки около двухъ аршинъ длины — и къ каждой изъ нихъ привязанъ крючокъ съ

наживкою; на каждой стоянкѣ имѣется, слѣдовательно, около 100—120 крючковъ, на двѣнадцативерстномъ ярусѣ ихъ отъ двѣнадцати до четырнадцати тысячъ.

Когда приготовленный ярусъ закинуть въ океанъ, то получается такая картина: на одномъ концѣ яруса плаваетъ на поверхности воды „кубась“ или буюкъ; у каждого изъ промышленниковъ для отличія имѣются свои особые значки; отъ кубаса въ глубь океана идетъ бочева до двухсотъ сажонъ глубины, и на ней якорь. Отъ этого кубаса вытягивается ярусъ по поверхности океана, мѣстами поддерживаемый другими кубасами-поплавками, по направленію, избранному кормчимъ. Четырнадцать тысячъ крючковъ, наживленныхъ рыбкой мойвою, или песчанкою, или червемъ, или, наконецъ, если нѣтъ лучшаго, кусками свѣжей трески, качаются въ водѣ одинъ подлѣ другого, на всемъ протяженіи яруса, ожидая прохода трески; на другомъ крайнемъ концѣ яруса—тоже якорь, тоже кубась, и къ нему-то привязывается самая шняка, въ которой послѣ долгаго труда засыпаютъ промышленники, выжидая времени уборки яруса, то-есть около шести часовъ времени, что соотвѣтствуетъ одной полной водѣ; это время стоянки называется „лежей“. Затѣмъ слѣдуетъ уборка яруса и возвращеніе съ добычею домой. Въ непогоду въ теченіе недѣли ярусъ можно выкинуть не болѣе двухъ разъ: такъ тяжела эта работа.

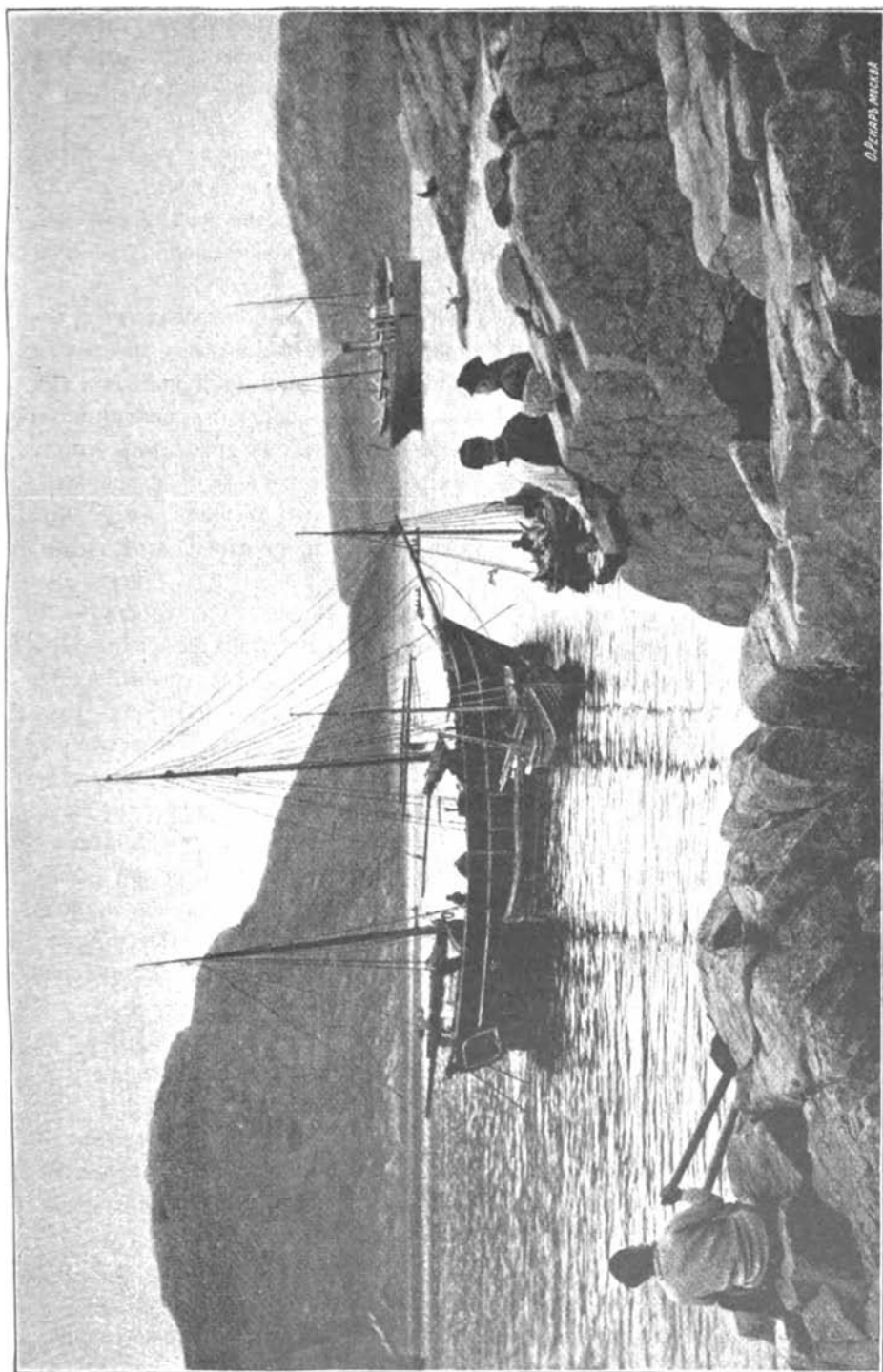
Трудно себѣ вообразить все количество труда, умѣнія и смѣлости, которые необходимы, чтобы произвести всю описанную операцію! Легко ли шнякѣ, имѣющей съ небольшимъ сажень ширины, наживить четырнадцать тысячъ крючковъ и выкинуть ярусъ такъ, чтобы онъ не перепутался крючками и каждая изъ ороствягъ висѣла какъ слѣдуетъ? При этомъ необходимо принять во вниманіе почти вѣчное порывистое волненіе океана, мѣшающее работать; весенній и осенній холодъ, обмораживающій и леденящій руки; необходимость такъ же бережно убрать ярусъ, какъ его ставили (иначе съ нимъ не распутаться)! Прибытіе къ становищу—это начало новой работы: приведеніе въ порядокъ яруса и немедленная заготовка уловленной трески,—немедленная, потому что иначе вся она погибнетъ. А сколько случаевъ, что непогода помѣшаетъ кончить уловъ, что шквалъ сорветъ со стоянки шняку, что акулы, падкія до трески, пожрутъ часть улова или — что еще хуже — перепутають, разрушатъ ярусъ.

Вторая работа, заготовка трески по прибытіи на берегъ, очень кропотлива. Треска, только что пойманная—рыба очень некрасивая, съ большою головою, большимъ прожорливымъ брюхомъ и какого-то зеленовато-чернаго, непривлекательнаго цвѣта; это, — не тѣ изящные серебряные сига, лососи и семга, которые уже по одному виду своему вкусны. Работа начинается съ того, что тяглецъ отрубаетъ рыбѣ голову, кормщикъ

распластывает ее и разворачивает такъ, что на одной сторонѣ ея остается хребетная кость, и вручаетъ внутренности наживочнику, который отдѣляетъ отъ нихъ самую дорогую часть—печень или „максу“, материалъ, служащій для изготовленія извѣстнаго рыбьяго жира, а остальное кидается въ море. Еще недавно головы трески тоже выкидывались въ море; теперь собираютъ ихъ и сушатъ для продажи норвежцамъ, вырабатывающимъ изъ нихъ отличное гуано; головы эти составляютъ собственность покручниковъ и покупаются у нихъ хозяевами копеекъ по двадцати за сотню; осенью, высушенные, онѣ продаются хозяевами норвежцами уже значительно дороже. Можетъ быть, время и добрые люди научатъ когда-нибудь поморовъ не выкидывать въ море и полезныхъ внутренностей трески, тоже пригодныхъ на переработку въ отличное удобрение. Дальнѣйшая операція съ трескою состоитъ въ томъ, что треску, сильно загрязнившуюся при этой разрѣзкѣ, необмытую, окровавленную, укладываютъ или подъ особые навѣсы, или прямо на судно, принимающее треску для дальнѣйшаго препровожденія; кладутъ ее обыкновенно рядами, одинъ поперекъ другому, и чуть-чуть просаливаютъ. Это „чуть-чуть“ соли и сохраненіе въ распластанной трескѣ хребетной кости, способствующей гніенію, обусловливаютъ низкую стоимость нашей русской трески на рынкѣ и убійственный запахъ ея. Помимо соленія трески, весьма дурного, какъ сказано, на Мурманѣ ее еще и сушатъ, вывѣшивая раздѣленную на-двое рыбу на длинныя жерди, такъ называемые „палтуха“, лежащіе на козлахъ. Въ Норвегіи въ большомъ ходу своеобразныя приготовленія трески, извѣстныя подъ именами „лабардана“, „штюкфиша“ и др., имѣющія хорошій сбытъ; но нашъ Мурманъ предпочитаетъ оставаться при завѣщанной предками простотѣ прежняго времени.

Когда наша лодка подошла къ песчаной косѣ, на которой расположено поселеніе, на берегу видѣлись далеко кругомъ палтуха и козлы; были вытянуты по кольямъ и разостланы по песку различныя сѣти; возлѣ невысокихъ избенокъ, вдоль изгородей, подъ крышами, на крышахъ видѣлась треска; ярко, ярко обозначался на сѣромъ фонѣ обнаженныхъ скалъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ надъ больницею.

Сойдя на берегъ, мы направились прямо въ церковь; это нѣчто въ родѣ вывѣренной избы, и въ ней небольшая комната съ сѣнями; иконостасъ очень малъ и бѣденъ, и на немъ едва ли найдется десятокъ образовъ; маленькій куполь-колокольня отличаетъ церковь въ длинномъ ряду сѣренскихъ, низенькихъ избъ, разбросанныхъ по пескамъ, отчасти обросшихъ травой. Церковь построена немного поодаль отъ жилыхъ стросній; направляясь къ ней, приходилось то и дѣло цѣпляться за разостланныя по песку сѣти, что для людей непривычныхъ было особенно неудобно. Такъ какъ Териберка густо населяется лѣтомъ, а зимуютъ

О. В. С. М. С. М.

На Мурманскомъ берегу.

въ ней только нѣсколько семействъ, то и священникъ прїѣзжаетъ сюда исключительно на лѣтніе мѣсяцы. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что изъ всѣхъ православныхъ храмовъ Россіи эта церковь—самая бѣдная, самая сиротская.

Изъ церкви мы прошли въ больницу. Еще недавно на всемъ Мурманѣ медицинской помощи не было никакой, если не считать двухъ-трехъ фельдшеровъ. Больница не велика, но устроена чисто; при ней находятся двѣ сестры холмогорскаго женскаго монастыря; больныхъ оказалось только пять человѣкъ.

Мы находились все время въ атмосферѣ, насыщенной запахомъ трески, цѣплялись за сѣти; длинными гирляндами висѣли повсюду тресковые головы, треска, вязига; зуйки—будущіе поморы—шмыгали подъ ногами самымъ развязнымъ образомъ. Нельзя было не обратить вниманія на грязь тѣхъ чановъ, въ которыхъ хранится дорогой тресковый жиръ. Эта грязь—причина того, что въ Петербургѣ платять за пудъ норвежскаго жира, чистаго, свѣтлаго, до тридцати рублей, за нашъ же родной мурманскій—только восемь рублей. Что теряется на одной этой грязи, и сообразить трудно.

Годовой уловъ трески по Мурманскому берегу весьма неодинаковъ и достигаетъ въ среднемъ 600.000 пудовъ; легко могло бы быть вдесятеро больше: на Маргаритинской ярмаркѣ, въ Архангельскѣ, треска идетъ соленая до 1 руб. 50 коп. за пудъ, сушеная—около четырехъ рублей. Обидно сознавать, что на этой же ярмаркѣ норвежской трески продается нерѣдко до 860.000 пудовъ, нашей только—250.000; а между тѣмъ не надо забывать, что наши сѣверныя губерніи живутъ трескою, замѣняющею хлѣбъ. Специфическій запахъ трески въ крестьянскихъ домахъ начинаетъ преслѣдовать путника чуть ли не отъ слиянія Сухоны съ Югомъ; линія его распредѣленія очень точно опредѣляется линією недозрѣванія ржи; весьма значителенъ сбытъ трески въ Петербургъ, Москву, на Поволжье; но вездѣ, рѣшительно вездѣ предшествуетъ нашей норвежская треска.

Трудно представить себѣ, до чего вкусна треска свѣжая; она не выдерживаетъ, впрочемъ, и нѣсколькихъ часовъ пути, но способна въ рукахъ хорошаго повара дать тончайшія гастрономическія блюда.

Кромѣ добычи ярусами, треска добывается поморами и на „поддевѣ“—на удочку. Этотъ способъ улова составляетъ немаловажную статью заработка на побережьи, во многихъ мѣстахъ единственную, тоже очень прибыльную и не зависящую отъ погоды и даже отъ времени года.

Рыбешка „мойва“, весьма схожая съ крупною корюшкою или небольшою сельдью,—рыбешка, названіе которой въ нашихъ столицахъ даже неизвѣстно, составляетъ, такъ сказать, основаніе главныхъ промысловъ нашего Поморья. Если, какъ было сказано, линією недозрѣва-

нія ржи опредѣляется линія распространенія по Россіи трески, какъ главнаго предмета пищи, то движеніемъ, передвиженіемъ и количествомъ мойвы опредѣляется весь заработокъ помора. Нѣтъ мойвы—нѣтъ улова; гдѣ мойва—тамъ и треска, и китъ, и многіе другіе изъ вкусныхъ или доходныхъ обитателей океана; всѣ остальные наживки—только подсобляющія, въ мойвѣ—вся суть.

Л о п а р и.

(А. Елисева.)

Въ Лапландіи такъ мало людей, что на ея необозримомъ просторѣ царить звѣрь, а не человѣкъ. Слабосильному, тихому, убогому лопарю не устоять въ борьбѣ съ медвѣдемъ и волкомъ, если бы послѣдніе при всей своей многочисленности не были такъ кротки, какъ я не видалъ нигдѣ. Низкорослый, широколицый, съ небольшими узкими, но живыми глазами и монгольскимъ складомъ лица, лопарь не похожъ ни на какого другого жителя Европы. Самый костюмъ его, сшитый изъ оленьихъ шкуръ, украшенныхъ краснымъ и синимъ сукномъ и побрякушками, показываетъ въ немъ скорѣе дикаря, чѣмъ европейца. Сами себя лопари называютъ Same или Sabme и считаютъ себя самымъ древнимъ народомъ своей любимой страны. Сообразно географическимъ условіямъ разныхъ частей лопской земли, лопари дѣлятся на нѣсколько группъ, не говоря уже о смѣшанныхъ типахъ со скандинавами, финнами и русскими. Такъ, въ Швеціи лопари дѣлятся на лѣсныхъ, горныхъ и рыбаблей, въ Норвегіи—на морскихъ, горныхъ и рѣчныхъ, въ Финляндіи и Россіи—на горныхъ и рыбаблей; группы не только не искусственныя, но имѣющія настоящія этнографическія особенности и различающіяся отчасти языкомъ.

Лопарей можно подраздѣлить на кочевыхъ и осѣдлыхъ въ большей или меньшей степени, къ которой можно прибавить и группу рыболововъ.

Въ Энарскомъ бассейнѣ огромное большинство лопарей перешло отъ тяжелой жизни кочевника къ болѣе удобной, осѣдлой. Большинство же лопарей вообще не бываетъ никогда осѣдлыми вполне, такъ какъ ихъ, кочевниковъ въ душѣ, всегда тянетъ въ родныя тундры и лѣса, къ ихъ сокровищу—оленю.

Ростъ лопаря невысокъ; женщины гораздо ниже мужчинъ; лопари горные и номады выше своихъ лѣсныхъ и береговыхъ сородичей. Въ общемъ лопарь очень сухощавъ. Руки и ноги лопаря пропорціонально малы, плохо развиты, грубо построены и неповоротливы; ноги часто такъ коротки, что это бросается въ глаза, особенно потому, что онѣ

саблевидно изогнуты кнаружи. Велѣдствіе такого устройства ногъ походка лопаря характерна: онъ ходитъ, немного наклонившись впередъ и сѣменя ногами съ легкимъ выворотомъ ихъ. Ширина лопарскаго лица сильно выражена и бросается въ глаза, придавая ему расплывающійся видъ; на подбородкѣ лицо постепенно суживается и оканчивается часто остриемъ. Челюсти у большинства развиты не сильно. Орбиты глазъ очень велики, овальны и направлены слегка въ косомъ положеніи; косость глазъ обуславливается отчасти и неправильнымъ прорѣзомъ вѣкъ. Самые глаза малы, мало выразительны, обыкновенно сѣро-голубоватаго цвѣта. Носъ лопаря — одинъ изъ типическихъ признаковъ ихъ племени: онъ почти одинаковъ у всѣхъ лопарей: коротокъ, малъ, сплюсненъ, широкъ и часто вздернутъ. Несмотря на неряшливость, общій типъ лопаря внушаетъ симпатію. Правда, фізіономія лопаря простовата, въ глазахъ и чертахъ лица не видно особеннаго ума, но она очень добродушна и выражаетъ скорѣе радость, чѣмъ оживленіе. Это вполне понятно, потому что лопарь ведетъ самую тихую, ничѣмъ не волнуемую жизнь. Не даромъ существуетъ старая поговорка, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, но зато въ нѣдрахъ ея скрывается чистое золото — миръ. Жизнь лопаря протекаетъ безмолвно и ровно, подобно тихо журчащему ручейку. Лопарь счастливъ по-своему: если онъ сытъ, сидитъ въ теплѣ и одѣтъ, если къ тому же онъ можетъ выпить глотокъ рому или вина, то онъ блаженствуетъ вполне.

Покрытый шкурами, какъ настоящій дикарь, коренной лапландецъ живетъ въ юртѣ, вѣжѣ или низкой землянкѣ, полувыкопанной въ землѣ или сложенной изъ дерева, или въ приспособленной для житья пещерѣ и только въ видѣ исключенія — въ избушкѣ, бѣднѣе и грязнѣе которой трудно себѣ что-нибудь представить. Вѣжа лопаря — это шатеръ изъ жердей, крытый дерномъ и укрѣпленный на бревнахъ, врытыхъ у основанія. Въ основаніи вѣжа бываетъ круглою, четырехугольною, даже шестиугольною. Мохъ и оленье шкуры идутъ также на обшивку ея стѣнъ, какъ и ланы елей и сосенъ, обвитыя лишайниками. Въ общемъ вѣжа имѣетъ конусообразный или пирамидальный видъ, съ отверстиемъ, закрытымъ дверью на деревянныхъ петляхъ. Полъ вѣжи устланъ чаще всего вѣтвями елей, сосенъ и березъ, а иногда берестой по моховой подстилкѣ. Никакой утвари, кромѣ чашки и котелка, никакой одежды, кромѣ того, что одѣто на самомъ хозяинѣ, не увидишь въ убогой вѣжѣ. Только у богатыхъ лопарей встрѣчаются чайники и кое-какая глиняная посуда. Прямо противъ двери въ вѣжѣ — очагъ съ козлами для подвѣшивания котловъ. У зажиточныхъ лопарей встрѣчаются кое-какія драгоценности, въ родѣ зеркалецъ, мѣдныхъ иконокъ, лубочныхъ картинъ и даже крашеной деревянной посуды. Только очень рѣдкіе богачи изъ лопарей живутъ въ деревянныхъ избахъ, обставленныхъ съ нѣкоторымъ

комфортомъ: въ ихъ жилищахъ встрѣчаются и мебель, и кровати съ настланными на нихъ шкурами и овчинами, много фаянсовой, деревянной и мѣдной посуды, и даже книги на лопарскомъ языкѣ, издаваемыя въ Норвегіи.

Для лопаря стадо оленей—самая главная драгоценность, безъ которой немислимо его существованіе. Какъ верблюдъ созданъ для пустыни, такъ сѣверный олень сотворенъ для полярной тундры; безъ того и другого и пустыня и тундра были бы одинаково необитаемы. Тотъ, кто обладаетъ стадомъ въ триста головъ, уже считается богачомъ, хотя верѣдки богачи, насчитывающіе своихъ оленей многими сотнями и даже тысячами головъ. Помимо этого, лѣса и тундры крайняго сѣвера таятъ

Лопари Кольскаго полуострова.

въ своихъ дебряхъ многія тысячи дикихъ оленей, огромныя стада которыхъ постоянно слоняются по мшарамъ и болотамъ, отыскивая мхи и ягели, свою единственную пищу въ продолженіе большей части года. По временамъ этими стадами дикихъ животныхъ овладѣваетъ нѣчто въ родѣ испуга, и они несутся тогда на цѣлыя десятки и сотни верстъ. Неприхотливость сѣвернаго оленя не уступаетъ невзыскательности верблюда; онъ довольствуется также малымъ: нѣсколькихъ горстей мха, выкопаннаго имъ самъ изъ-подъ сугробовъ снѣга, даже при 40° зимнихъ холодахъ, вполне достаточно для существованія оленя. Немудрено поэтому, что лопари, какъ и самоѣды, сошлись съ животнымъ, какъ бы

созданнымъ специально для нихъ, и приручили оленя еще съ незапамятныхъ временъ.

Для увеличенія своихъ стадъ лопари ловятъ дикихъ оленей при помощи аркана, подманивая на ручныхъ; пойманныхъ же укрощаютъ, привязывая къ дереву и не давая ѣсть. Спустя дня два-три животное уже укрощено настолько, что дастся къ хозяину, узнаетъ его и можетъ быть помѣщено въ стадо. При охотѣ и ловлѣ дикаго оленя первую роль играютъ собаки, которыя отличаются какимъ-то особымъ чутьемъ на дикаго оленя; онѣ чуютъ его за нѣсколько верстъ. Начиная облаву, при приближеніи къ оленямъ лопари завязываютъ глаза своимъ недресированнымъ собакамъ, которыя въ противномъ случаѣ распугали бы все стадо.

Какъ и дикіе олени, домашнія животныя нуждаются въ періодическихъ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ дикіе олени, гонимые тучами комаровъ, спасаются отъ нихъ на вершины горъ или въ самую чащу лѣсовъ, а зимой выкочевываютъ въ тундру, на которой легче добывать любимую пищу оленя—ягели и мохъ. Прокапывая своими копытами сугробы снѣга, разбивая своими крѣпкими копытами ледяную кору, олени добываютъ себѣ съ большимъ трудомъ пучки ягеля, обгладывая при этомъ и горькую молодую кору осинъ и березокъ. Лѣтомъ въ пищу оленямъ идутъ различныя травы, молодые побѣги деревь, а весной также и почки растений. Изъ лѣсовъ лѣтомъ стада оленей пробиваютъ тропки къ рѣкамъ и потокамъ на водопой; эти тропки, какъ сѣти, бороздятъ лѣсную глушь и непроходимую мшару. Слѣдуя за оленемъ, обыкновенно кочуетъ и лопарь. Зимой онъ прячется по глухимъ лѣсамъ, гдѣ все-таки не такъ дуютъ вѣтры и заносятъ непогоды, а лѣтомъ перекочевываетъ на берега рѣкъ и побережья моря. На рѣкахъ лопарь ставитъ семуужи заборы, которыми иногда ловить десятки пудовъ рыбы, а на берегахъ моря онъ маленькими сѣтями и неводами добываетъ мелкую рыбешку, работаетъ на промыслахъ въ качествѣ работника, а по временамъ потрошитъ китовъ, выбрасываемыхъ волнами моря на прибрежные камни. Выброшенный китъ—это достояніе лопаря, это добыча, посланная Богомъ.

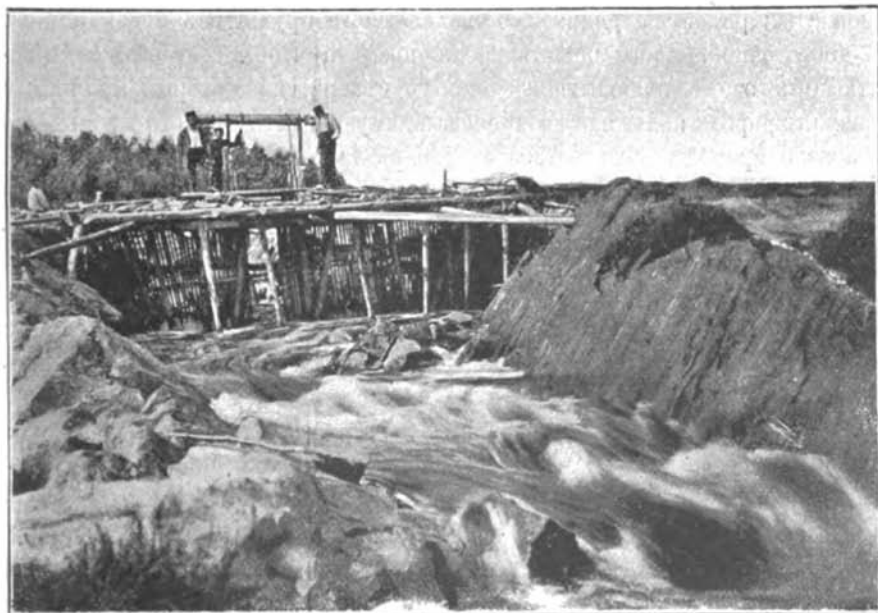
Вся Лапландія полна остатками языческихъ временъ. Даже и теперь лопарь, носи официально имя христіанина, на самомъ дѣлѣ бываетъ часто грубымъ язычникомъ, который обоготворяетъ каждое дерево, каждую гору и рѣку.

Весь сѣверъ Финляндіи и Кольскаго полуострова изобилуетъ святыми озерами, горами и рѣками. Лопарскіе „лары и пенаты“ попадаютъ очень часто въ видѣ неравномѣрныхъ кучъ камней и каменныхъ сложеній, имѣющихъ обыкновенно форму круга или завитка; не мало было въ Лапландіи и грубыхъ каменныхъ и деревянныхъ изваяній божествъ.

Въ жертву этимъ идоламъ приносилась огромныя кучи оленьихъ роговъ, кости медвѣдей и коробки изъ бересты. Самыя дикія мѣстности Лапландіи, самыя мрачныя дебри лѣсовъ и горы съ пещерами служатъ и доселѣ сборищами лопарей, которые и теперь не прочь временами принести жертву своему блистающему богу—Тіермесу.

Еще болѣе встрѣчается въ Лапландіи древнихъ могилъ, въ особенности каменнаго и желѣзнаго вѣковъ. Онѣ лежатъ на склонахъ священныхъ горъ или вблизи мѣстъ древнихъ жертвоприношеній.

Обыкновенно въ каждой могилѣ лежитъ одинъ покойникъ; но изрѣдка ихъ попадается и нѣсколько; часто березовая кора, въ которую они

Семундъ заборъ.

обернуты, украшена рисунками оленей, медвѣдей, волковъ и сценами изъ жизни лопарей. Эти берестяныя муміи заслуживаютъ не меньшаго вниманія, какъ и прославленныя муміи египтянъ. Попадаютъ иногда скелеты въ маленькихъ лодкообразныхъ салазкахъ, такихъ же, какія встрѣчаются и теперь у лопарей; весьма вѣроятно, что клались въ могилу тѣ же санки, на которыхъ покойникъ ѣздилъ при жизни, такъ же, какъ и его оружіе. Олень, бывшій въ послѣдней запряжкѣ, приносился въ жертву на могилѣ. Покойникъ лежитъ не на спинѣ, а на боку, лицомъ къ востоку или юго-востоку. У могилы, повидимому, праздновалась тризна и приносились въ жертву одинъ или нѣсколько оленей. Родные сначала объ-

ѣдали все мясо, разламывали кости и съѣдали мозгъ, а потомъ все оставшееся, начисто ими обглоданное, складывалось къ покойнику въ могилу вмѣстѣ съ орудіями охоты, предметами домашняго быта и т. п. Все это давалось умершему, по мнѣнію лопаря, для болѣе удобнаго его переѣзда на тотъ свѣтъ. Люди обыкновенно хоронились гдѣ попало, а выдающіеся охотники — на священныхъ мѣстахъ. Съ охотникомъ клали его промысловую собаку, а также лукъ, стрѣлы и снаряды рыболовства. Въ могилахъ, около человѣческихъ костей, находятъ также морскія звѣзды, рыбу и итичыи скелеты. Часто встрѣчается въ могилахъ еще родъ улитокъ, называемыхъ „собачья душа“, которая, по лопарскому повѣрью, охраняетъ мертвеца. Попадаются въ древнихъ могилахъ и двустворчатая раковины рядомъ со множествомъ орудій изъ кости и рога.

Достаточно немного пожить среди лопарей, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ любопытномъ народѣ сѣвера, на который мрачная и угрюмая природа положила свою неизгладимую печать. Вся его жизнь—это отраженіе природы дикаго сѣвера; лопарь такъ же печалень и угрюмъ, какъ и его родина, девять мѣсяцевъ погребенная въ снѣгахъ. Только изрѣдка лапландецъ поетъ; но его короткія пѣсни монотонны и походятъ на быстрые потоки неровной поверхности пустыни, гдѣ онъ живетъ.

Міровозрѣніе лопаря не широко, онъ весь погруженъ въ мысли о добываніи насущнаго хлѣба. Чудные полярные дни и длинныя полярныя ночи какъ бы не созданы для лопаря; онъ живетъ своею однообразною жизнью и день, и ночь. Свернувшись, онъ лежитъ въ своемъ углу, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и спитъ или койфуетъ, будь то ночь или день. А если придетъ нужда, то этотъ истый сынъ сѣверной тундры рыскаетъ день и ночь, ища себѣ добычи, ловя оленей, ставя силки и добывая рыбу. По отойдетъ скорбный часъ, и нужда забыта. Лопарь, какъ и всякій номадъ, не заботится о будущемъ и опять ложится до новаго чернаго дня. Въ койфѣ и снѣ проходятъ три четверти его жизни.

Природа Финляндіи.

(М. Песковскаго.)

Стоитъ разъ побывать въ Финляндіи, — и въ жаркую лѣтнюю пору васъ невольно потянетъ въ эту страну волшебнаго сочетанія камня, воды и лѣса, гдѣ, какъ бы ни разгоралось полуденное солнце, васъ не жжетъ, а только приятно ласкаетъ и нѣжить, гдѣ, во время солнцепека, воздухъ переполняется смолистыми испареніями и пріобрѣтаетъ такую прелесть, что имъ положительно не можешь надышаться.

Море ворвалось въ сплошную гранитную скалу, какою представляется Финляндскій полуостровъ, и изрѣзало ея берега на тысячи островковъ,

полуостровковъ, мысовъ, косъ и нерешейковъ. Озера и озерки дали начало безчисленному множеству рѣкъ и рѣчонокъ, то плавно катящихся свою чистую, какъ хрусталь, воду, то ниспадающихъ бѣшеными каскадами—или такими грандіозными, какъ Иматра (на Буоксѣ), или болѣе скромными по размѣрамъ водопадами, но зато и болѣе рѣзвыми, а то и бурными, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ горныхъ потоковъ, которыми вода спрыгиваетъ съ гранитныхъ утесовъ въ сѣверо-западную часть Ботническаго залива.

Все это взятое вмѣстѣ составляетъ типичную, характерную черту для финляндской территоріи—отъ южныхъ ея предѣловъ (подъ 60° с. ш.) до самыхъ сѣверныхъ (до 70° с. ш.).

Дикая, до угрюмости суровая, но величественная природа. Финляндія—сплошь гористая страна. Въ какую сторону ни отправишься, то и дѣло приходится взбираться съ горы на гору; развертывающіяся передъ глазами панорамы мѣняются, словно въ калейдоскопѣ, и одна другой привлекательнѣе. Дикіе, глубокіе, лѣсистые овраги вдругъ рѣзко смѣняются отвѣсными многосажеными гранитными обрывами, блестящими и играющими на солнцѣ, какъ отполированные. Лѣсистыя возвышенности разбѣгаются во всѣ стороны самыми прихотливыми линиями—дугами, зигзагами, параллельно, скрещиваясь и переплетаясь другъ съ другомъ, а между ними разбросаны правильные, словно выточенные, холмы, лѣсистые или обнаженные, въ видѣ полушаровъ, заостренныхъ или усѣченныхъ конусовъ и другихъ правильныхъ или фантастическихъ формъ. Но вотъ линия лѣса порвалась, лѣсъ разступился и выдвинулся гигантскій гранитный кряжъ, протянувшійся на нѣсколько верстъ и затерявшійся тамъ, далеко, на горизонтѣ, гдѣ опять обступилъ его лѣсъ. У подножія гиганта занялась молодая лѣсная поросль, но она не смѣетъ, у ней недостаетъ силы взобраться хотя бы на бока гиганта, не говоря уже о крутомъ его хребтѣ. Гигантъ кое-гдѣ посѣдѣлъ отъ времени, занялся мхомъ, но въ общемъ онъ все еще хранитъ дѣвственный видъ первозданной породы, искрящейся своими кристаллическими блестящими, какъ бы именно для того, чтобы еще болѣе скрасить и увеличить эффектъ пейзажа.

Обиліе гранита, т.-е. исключительное преобладаніе его надъ всѣми другими породами, придаетъ финляндскимъ видамъ какую-то особенную серьезность. Сплошь и рядомъ попадаются дома, стоящіе прямо на голомъ гранитѣ. На гранитѣ, даже еще не успѣвшемъ покрыться сплошнымъ почвеннымъ слоемъ, растеть лѣсъ. На гранитѣ же, едва-едва занявшемся почвеннымъ пластомъ, вы видите и пашни, края которыхъ то сходятъ на нѣтъ на обнаженномъ камнѣ, то упираются въ отвѣсныя, первозданныя скалы. Впрочемъ, во всей хлѣбопашеской Финляндіи, отъ Выборга, Гельсингфорса и Або и до Улеборга, вамъ будутъ изрѣдка

попадаться въ пути веселенькія, муравчато-зеленыя ложбины, занятыя лугами и пашнями. Заботливой, хозяйственной рукой здѣсь пухомъ взбитъ каждый вершокъ земли; вдоль и поперекъ прорыты водосточныя канавы, черезъ которыя переброшены небольшіе мостики; между отдѣльными полосами посѣвовъ проложены стежки для пѣшеходовъ, чтобы наблюдать за пашнею.

Глядя на эти прелестныя равнины съ ихъ всегда юною свѣжестью зелени (что составляетъ особенность сѣверной полосы, гдѣ растительность не замираетъ отъ зноя), глядя на эту сочную траву, рослый хлѣбъ, обещающій хорошій урожай, положительно забываешь, что находишься подъ негостеприимнымъ сѣвернымъ небомъ, въ области 61°—65° сѣверной широты, да притомъ еще въ „странѣ камня“. Но—увы!—стоитъ только внимательно оглядѣться кругомъ, и окажется, что гранитныя скалы сплошнымъ кольцомъ охватили равнину, какъ бы выражая этимъ, что онѣ вовсе не намѣрены потворствовать этому, въ видѣ исключенія допущенному ими, царству жизни въ своей, искони вѣковъ мертвой, средѣ.

Дѣйствительно, здѣсь каждой былинкѣ, каждому кустику и деревцу, такъ же, какъ и человѣку, приходится вести упорную, непрерывную борьбу съ камнемъ, чтобы отвоевать себѣ право на существованіе. Вывернетъ, напримѣръ, бурю какое-либо столѣтнее дерево,—и оказывается, что на его корняхъ много-много, если наберется четверти двѣ почвеннаго слоя; корни едва замѣтными нитями предательски заползаютъ въ самыя малѣйшія трещины и углубленія, присасываются, такъ сказать, къ камню, болѣе и болѣе разрушаютъ связь между его частями, разрываютъ камень, разлагающійся затѣмъ химически, и такимъ образомъ добываютъ необходимую для дерева пищу. Деревья, какъ болѣе сплыные организмы, прекрасно держатся на почти обнаженныхъ скалахъ, едва прикрытыхъ кое-гдѣ незначительнымъ почвеннымъ слоемъ. Труднѣе дается эта борьба кустарнику, который ищетъ укромныхъ рововъ и овраговъ. Травянистая же растительность, какъ самая слабосильная, не могущая вести непосредственной борьбы съ камнемъ, спускается въ ложбины.

Точно такъ же и человѣкъ отвоевывасть себѣ у камня буквально каждую пядь земли. Во всѣхъ частяхъ земледѣльческой Финляндіи, простирающейся верстъ на 200 сѣвернѣе полярнаго круга, попадаются равнины и косогоры, усѣяныя валунами сѣраго и краснаго гранита. Недавно еще, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это были поля сплошного камня. Руками человѣка камни помельче собраны и сложены тутъ же грудами въ видѣ кубовъ, пирамидъ и конусовъ. Но и затѣмъ еще крупныхъ, глубоко сидящихъ въ землѣ валуновъ остается такъ много, что поле представляется усѣяннымъ ими, и какое бы ни избрать напра-

вленіе, непременно придется лавировать между камнями, подвигаться вперед зигзагами.

Это каменистое поле однако занято посѣвомъ. За невозможностью вспашки его верѣдко просто вскапываютъ, а въ награду за этотъ египетскій трудъ камень родитъ человѣку такой хлѣбъ, какой не всегда удается и на черноземной пашнѣ.

Таково прошлое огромнаго большинства тѣхъ цвѣтущихъ пашень, которыми довольно богата южная часть Финляндіи, особенно же западная часть края и преимущественно окрестности Николайштадта. Громадная часть этихъ тучныхъ, роскошныхъ полей и луговъ такъ недавно еще, всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, были каменистыми полями. Ихъ не только очистили отъ камня, но этотъ самый камень получилъ примѣненіе: въ зажиточныхъ, благоустроенныхъ хозяйствахъ онъ пошелъ на ограду вокругъ полей.

Не бывши на мѣстѣ, трудно представить себѣ, какъ сурова, упорна, ожесточенна борьба человѣка съ гранитомъ изъ-за насущнаго пропитанія. Здѣсь не въ диковину, напримѣръ, натолкнуться на гранитную глыбу въ нѣсколько сажень длины и ширины, до $1\frac{1}{2}$ — 2 сажень въ высоту, а на глыбѣ—гряды. Подумайте, какого труда стоитъ ухотъ за этимъ импровизированнымъ огородомъ: нужно каждый разъ карабкаться туда по лѣстницѣ, таскать корзинами землю и удобреніе, носить ведрами воду для поливки.

Да, здѣсь на камнѣ живутъ люди и изъ камня добываютъ себѣ хлѣбъ. Это не помѣшало однако человѣку добиться въ этой суровой странѣ культивировки лучшей породы ржи—вазасской, и обширнаго произрастанія прекраснѣйшей кормовой травы—тимоеевки.

Не менѣе, чѣмъ съ гранитомъ, приходится финляндцамъ вести борьбу и съ водою, представляющей здѣсь какъ бы неизбѣжное дополненіе материка. Озера, изрывшія материкъ Финляндіи, естественно группируются въ три громадные водоема: восточное или Сайминское многоозерье, центральное или Пэйянское и, наконецъ, западное или Нясинское многоозерье. Каждая изъ этихъ системъ озеръ получила свое названіе по имени главенствующаго въ ней озера. Какъ велико въ общей сложности пространство внутреннихъ финляндскихъ водъ, можно составить приблизительное понятіе по тому, что одинъ Сайминскій озерный бассейнъ равняется почти четверти всей Финляндіи, принимая въ себя воды 120 большихъ озеръ и болѣе тысячи малыхъ.

Какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ тому назадъ озера, входящія въ составъ трехъ названныхъ системъ, въ большинствѣ случаевъ были соединены между собою посредствомъ несудоходныхъ, порожистыхъ протоковъ, а нѣкоторыя изъ озеръ и вовсе не имѣли сообщенія съ главнымъ озеромъ бассейна. Естественнаго сообщенія между отдѣльными

многоозерьями нѣтъ. Наконецъ, ни одно многоозерье не имѣло сколько-нибудь удовлетворительнаго для судоходства выхода въ море. Переходить изъ озера въ озеро возможно было лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, обходить же озера сухимъ путемъ мѣшали болота, представлявшія въ прошломъ настолько характерную черту, что самое названіе „Финляндія“ значить *болотная страна*, а „финны“ — *болотники*.

И вотъ началась ожесточенная борьба человѣка съ водою. Въ незапамятной дали прошлаго теряется начало осушки здѣсь болотъ и расчистки порожистыхъ протоковъ, но правильно, систематически ведется эта борьба человѣка съ негостепріимной природой лишь около 130 лѣтъ. Успѣхъ борьбы поразительный. Болота въ настоящее время едва ли занимаютъ шестую часть Финляндіи; размѣры ихъ быстро сокращаются съ каждымъ годомъ; болота успѣшно превращаются въ рощи, поля и луга. Теперь уже смѣшно и дико было бы считать Финляндію „болотною страной“, а финновъ — „болотниками“, — теперь это благоустроеннѣйшая страна съ тысячами прелестныхъ озеръ, буквально одно лучше другого, такъ что рѣшительно не знаешь, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

Вслѣдъ за началомъ осушенія болотъ финляндцы принялись за устройство сообщенія между озерами каждой системы многоозерья въ отдѣльности. Работа поистинѣ египетская. Тутъ буквально шагъ за шагомъ приходилось работать порохомъ да молотомъ, расчищая пороги, образуя стоки изъ озеръ, выше лежащихъ, въ озера съ менѣе низкимъ уровнемъ или, наконецъ, пролагая каналы между озерами, находящимися на одномъ уровнѣ. 26 августа 1856 года послѣдовало открытіе Сайминскаго канала, при помощи котораго установилось прямое сообщеніе между моремъ (Финскимъ заливомъ) и самымъ большимъ многоозерьемъ (восточнымъ или Сайминскимъ).

Открытіе Сайминскаго канала имѣло огромное вліяніе на оживленіе внутренней финляндской торговли. Искусственный разрывъ кольца, замыкавшаго Сайминскій водоемъ, открытіе свободнаго выхода паруснымъ и паровымъ судамъ изъ Сайминской системы озеръ въ море разомъ увеличили протяженіе береговой линіи Финляндіи болѣе чѣмъ на одну треть.

Такихъ трудовъ и усилій стоило финляндцамъ, чтобы побороть, подчинить себѣ двѣ властныя стихіи — первозданную гранитную породу и воду, придать странѣ нынѣшній ея благоустроенный видъ.

Но угрюмость, величавость финляндской природы не мѣшаетъ своеобразной ея прелести, при чемъ вода, въ видѣ массы озеръ и стремительныхъ водопадовъ, является однимъ изъ лучшихъ украшеній страны.

Вотъ, напримѣръ, Сайма, ближайшее къ Россіи озеро, чаще другихъ посѣщаемое русскими. Очертаніе береговой линіи такъ своеобразно,

фантастично развертывающіеся одинъ за другимъ ландшафты такъ неожиданны и разнообразны, наконецъ, самое озеро такъ необъятно, многовѣтвисто и разбросано во всѣ стороны, что разомъ охватить и нарисовать полную, цѣльную картину Саймы — дѣло невозможное. Масса воды, тѣснямая со всѣхъ сторонъ островами, полуостровами и мысами, то вдругъ разбрасается въ разныя стороны цѣлою системой рукавовъ, какъ бы каналовъ, строго очерченныхъ въ гранитныхъ берегахъ, то разобьется на цѣлую цѣнь большихъ и малыхъ бассейновъ самой прихотливой формы; то, наконецъ, вода разорветъ тѣснящій ее гранитъ и, обрадовавшись, привольно разметнется такою ширью, что не ухватишь ее береговъ даже и вооруженнымъ глазомъ. А острова?.. Что это за прелесть! Разнообразіе ихъ внѣшняго вида изумительно. Бугры или холмы разной величины и вида, почти правильной формы пирамиды и конусы или просто узенькія полоски суши, дерзко вынырнувшія изъ воды на нѣсколько футовъ среди какого-нибудь обширнаго водоема, готоваго каждую минуту поглотить ихъ, — все это или разбросано въ живописномъ беспорядкѣ, или расположено правильными группами, даже симметрично; все это искрится, блеститъ и играетъ на солнцѣ разными оттѣнками гранита и въ то же время поросло лѣсомъ, яркая зелень котораго такъ чудно гармонируетъ съ чистою, зеркальною поверхностью воды. То тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, среди обширнаго воднаго пространства, одиноко врѣжется въ воду узенькая полоска материка, протянувшаяся то прямо какъ стрѣла и вездѣ словно размѣренная, то съ вычурными извилинами и перехватами, какъ бы надорванная. Такія полоски нерѣдко бываютъ шириною всего въ нѣсколько сажень и тянутся верстъ на 5—6 въ длину, оставаясь или соединенными съ сушею маленькимъ перешейкомъ, только-только для пѣшеходной тропинки, или оторванными отъ суши незначительнымъ проливомъ.

Побывавъ на Саймѣ, вы будете имѣть понятіе объ общемъ характерѣ внутреннихъ водъ Финляндіи, о своеобразномъ, варьирующемъ до безконечности сочетаніи здѣсь воды, гранита и лѣса. Но, какъ ни прекрасна Сайма, было бы очень грубою ошибкой думать, что, проѣхавшись по ней хотя бы до Нейшлота или Куопіо, хотя бы до озера Піэлисъ, вы вполнѣ познакомились со всѣми особенностями и прелестями красоты финляндской природы. Вовсе нѣтъ.

Вотъ, на примѣръ, окрестности Таммерфорса или трактовый путь между Тавастгусомъ и Таммерфорсомъ, пролегающій по самому хребту довольно узкаго водораздѣла между живописными озерами. Это уже красота совсѣмъ въ иномъ родѣ. Она производитъ такое же сильное, цѣлостное впечатлѣніе, какое получается отъ финляндскихъ видовъ вообще, но колоритъ картины нѣсколько мягче, нѣжнѣе. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ южнымъ склономъ Крымскихъ горъ къ морю.

Такъ же прихотливы и фантастичны уступы горы и ея разсѣлины, такъ же весело смотрять горныя ложбинки, густо занявшіяся сочною растительностью, такъ же, наконецъ, обманываетъ близость воды. Кажется, что вода вотъ-вотъ подъ вашими ногами тамъ, глубоко внизу, такъ что стоитъ взять камешекъ, бросить его, — и онъ непремѣнно долетитъ до воды; а между тѣмъ васъ отдѣляетъ разстояніе въ нѣсколько верстъ.

Въ группѣ Нясинскаго многоозерья есть замѣчательно живописное озеро Ройнэ. Это опять-таки новый типъ финляндской красоты, напоминающій лучшія изъ швейцарскихъ горныхъ озеръ. Ройнэ расположено почти на 40 саж. выше поверхности моря, и кругомъ мѣстность довольно гористая. Оно занимаетъ болѣе возвышенное, господствующее положеніе въ отношеніи сосѣднихъ озеръ, и съ береговъ открывается просто волшебная панорама на ближайшія озера и другія окрестности.

По этимъ немногимъ штрихамъ можно судить уже, какъ разнообразны красоты финляндской природы. То же приходится сказать и о водопадахъ, которыми справедливо славится эта страна, которые составляютъ одно изъ самыхъ блестящихъ, заманчивыхъ ея украшеній. Только побывавъ въ Финляндіи и познакомившись съ ея водопадами, можно получить опредѣленное представленіе о томъ, какъ измѣнчивъ, какъ варьируетъ общеизвѣстный типъ водопада. Въ этомъ отношеніи Финляндія—единственная страна въ мірѣ, гдѣ какъ бы нарочно сконцентрировано все разнообразіе водопадовъ—отъ простыхъ горныхъ потоковъ, прыгающихъ каскадами по скалистымъ уступамъ и ущельямъ, до многоводныхъ водопадовъ, составляющихъ какъ бы необходимую принадлежность каждаго большого озера, начная съ Саймы и кончая Улео, на южномъ побережьи котораго гремятъ два бурные водопада — Эмме и Койво.

Обильная, переполненная водой Сайма переливается черезъ край въ юго-восточномъ ея углу, образуя рѣку Вуоксу, представляющую собой какъ бы силошную цѣпь проточныхъ озеръ, перерванную бурнымъ водопадомъ Иматра и цѣлымъ рядомъ большихъ и малыхъ пороговъ. Иматра—такое оригинальное, величественное явленіе природы, что для нея не установлено еще точнаго опредѣленія. Въ большинствѣ случаевъ Иматру называютъ *водоскатомъ*; но „водоскатъ“ означаетъ *poroiz*, гдѣ вода не плавно летится, а скатывается по неровному, скалистому или каменистому дну. Такое опредѣленіе не идетъ къ Иматрѣ уже въ силу грандіозности самой картины. Съ другой же стороны, Иматра не подходитъ и подъ общепринятое опредѣленіе *водопада*, подъ которымъ разумѣется паденіе воды съ отвѣснаго обрыва. Что же она такое? На этотъ вопросъ вы безъ труда отвѣтите сами, если пройдете немного болѣе полуверсты по правому берегу Иматры отъ того мѣста, гдѣ начинается бурное теченіе, до того, гдѣ низвергающійся потокъ перехо-

дять въ обыкновенные пороги (т.-е. водоскатъ) и затѣмъ вскорѣ принимаетъ совершенно спокойное теченіе. Вамъ представится, въ общихъ чертахъ, слѣдующая картина.

Берега Вуоксы, удаленные другъ отъ друга сажень на 160, быстро начинаютъ сближаться, становясь, наконецъ, на разстояніи сажень 20 другъ отъ друга сплошными гранитными, почти отвѣсными стѣнами, съ очень рѣзко выраженнымъ общимъ наклономъ отъ сѣвера къ югу. Въ это-то узкое ущелье и устремляется многоводная Вуокса какъ бы затѣмъ, чтобы показать всѣ эффекты, какіе только могутъ быть свой-

Иматра.

ственны водѣ. Здѣсь, на протяженіи болѣе четверти версты, вода ниспадаетъ съ высоты не менѣе 9-ти сажень, но не сплошнымъ потокомъ, а распадаясь на пять ясно выраженныхъ, послѣдовательныхъ водонадовъ. Неровность дна, гдѣ, помимо уступовъ, множество разорванныхъ утесовъ, обрывовъ, глубокихъ трещинъ, впадинъ и т. д., придастъ этому гигантскому каскаду чарующую, ошеломляющую прелесть. Бѣшено мчится вода съ уступа на уступъ, пѣнится, бурлитъ, образуетъ водовороты, взвивается волнами въ нѣсколько сажень, яростно бросающимися то другъ на друга, то на гранитные берега, поднимая при этомъ брызги на $1\frac{1}{2}$ — 3 сажени въ вышину и заставляя сотрясаться

эту сплошную скалу. А какое изумительное разнообразіе! Нѣтъ момента, нѣтъ пункта, чтобы можно было наблюдать совершенно тождественную картину воды: форма волнъ, ихъ размѣры и очертанія, водовороты, самый видъ пѣнящейся воды здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ,—все это новое, новое и новое. На гребнѣ пѣнистыхъ волнъ, въ брилліантовыхъ брызгахъ, ниспадающихъ непрерывнымъ дождемъ въ разныхъ мѣстахъ водопада, наконецъ, въ водяной пыли, стоящей едва замѣтной дымкой надъ всѣмъ водопадомъ, тысячею цвѣтовъ, тоновъ и оттѣнковъ играетъ и переливается радуга.

Эффектъ необычайный, невыразимый!.. Свѣтовая игра, когда вы любуетесь Иматрой въ тихую, солнечную погоду, находясь внизу водопада, т.-е. разомъ обозрѣвая весь водопадъ отъ начала до конца, заставляетъ забыть всѣ краски и цвѣта, которые когда-либо нѣжили вамъ глазъ, плѣняли васъ. Бурное рокотаніе каскада, слышное въ тихую ночную пору верстъ на 5—6 кругомъ, рѣшительно завладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заставляетъ вслушиваться и вдумываться въ этотъ величественный голосъ природы, какъ бы рассказывающій вамъ длинную эпопею о томъ, какими усиліями проложилъ себѣ этотъ бѣшеный потокъ дорогу въ первозданной горной породѣ. А самый видъ каскада, kloкочущаго и бурлящаго на тысячи ладовъ!.. Есть въ немъ что-то магически притягивающее васъ, властвующее надъ вами. Стоя на самомъ берегу водопада, чувствуя, какъ подъ вашими ногами содрогается гранитъ отъ прибой могучихъ волнъ, залюбовавшись общеою картиной водопада, заслушавшись его рокота, не трудно поймать себя на желаніи, хотя бы только мимолетномъ, броситься въ эту пучину, слиться съ нею... Такъ сильно поработаетъ она васъ своимъ величіемъ!

Едва бурные воды Иматры, перебѣсившись въ тысячахъ водоворотовъ, успѣютъ успокоиться, какъ, версты на три ниже, въ мѣстности Валень-коски (коски—водопадъ) вновь повторяется бѣшенство ихъ. Правда, водная картина здѣсь менѣе грандіозна, но зато общая рама и ширина пейзажа болѣе привлекательны.

Словомъ, Иматра пользуется вполне заслуженною извѣстностью и достойно посѣщается туристами, число которыхъ въ обыкновенные лѣтніе дни колеблется отъ 60—80 человѣкъ и доходитъ до 100, а по большимъ праздникамъ сюда стекается до 150—200 человѣкъ. Цифры эти нельзя не признать скромными, если принять во вниманіе близость Иматры къ Петербургу (не болѣе 180 верстъ, при самыхъ удобныхъ условіяхъ сообщенія) и то дѣйствительно освѣжающее удовольствіе, которое можетъ доставить эта прогулка.

Ошибочно было бы однако думать, что Иматра— послѣднее слово великолѣпія финляндскихъ водопадовъ. Пэйнское многоозерье, подобно Сайминскому, имѣетъ также свой водопадъ. Это Гегфорсъ (Высокій во-

допадъ) на Кюмени. Масса воды, шириною около 30 сажень, срывается примѣрно съ 5-тисаженной высоты и съ огаушительнымъ грохотомъ падаетъ внизъ, разбиваясь въ пѣну и пыль. По общему характеру картины Гегфорсъ безспорно можно назвать меньшимъ братомъ Ниагары и Замбези, онъ одного съ ними типа. Конечно, онъ не настолько могучъ, чтобы поднимать до облаковъ столбъ водяной пыли, какъ на Замбези, но въ общемъ производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, когда любишься имъ съ массивнаго желѣзнодорожнаго моста, перекинутаго почти у самаго того мѣста, гдѣ вода срывается съ гранитнаго утеса, или, еще лучше, стоя внизу, на мыскѣ, лицомъ къ лицу съ водопадомъ. У Гегфорса нѣтъ того разнообразія водныхъ эффектовъ, какъ на Иматрѣ, но зато общая картина болѣе грандіозна.

Самый же красивый и величественный изъ финляндскихъ водопадовъ, безспорно, — водопадъ Нясинскаго многоозерья — Тампере, соединившій въ себѣ все, чѣмъ прекрасна Иматра и величественъ Гегфорсъ. По обилію водъ это одинъ изъ самыхъ большихъ и наиболѣе эффектныхъ европейскихъ водопадовъ. Эффектное очертаніе береговъ, живописность окрестностей Тампере даютъ право этому уголку Финляндіи выдержать конкуренцію со многими изъ прославленныхъ мѣстностей Швейцаріи.

Великое будущее ожидаетъ финляндскіе водопады, — эту красоту страны. Еще со временъ Александра I финляндцы начали пользоваться водопадами какъ рабочею силою. Въ настоящее время берега величественнаго Тампере почти сплошь застроены фабриками и почти вся сила его утилизируется. Другой водопадъ Нясинской же системы озеръ—Нокия — также работаетъ, какъ фабричная сила, приготовляя высокаго достоинства картонъ изъ дерева. Подобнымъ же образомъ пользуются рабочею силою и многихъ другихъ водопадовъ. Такъ, напримѣръ, живописный водопадъ на рѣкѣ Вандѣ, заслуженно пользующійся вниманіемъ туристовъ, блистательно работаетъ надъ снабженіемъ водою Гельсингфорса.

Въ Финляндіи не только бережно утилизируется рабочая сила ниспадающей воды, но и заботливо охраняется красота ея. Совершенно немыслимое дѣло, чтобы въ Финляндіи къ водопаду, поблизости котораго есть населеніе, не была проложена удобная тропинка, чтобы на берегу его не было, по крайней мѣрѣ скамейки, если не бесѣдки. Финляндецъ вообще любитъ свою природу, холитъ ея, и она сторицею вознаграждаетъ его за трудъ.

Населеніе Финляндіи.

(А. Елисева.)

Прекрасною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и строгою матерью является по отношенію къ своимъ дѣтямъ Финляндія, эта страна озеръ и болотъ:

ничего она не даст даромъ, каждый кусокъ хлѣба въ ней добывается цѣною тяжелаго труда. Эти бытовые условія вмѣстѣ съ суровымъ климатомъ являются главнѣйшими факторами, отражающимися не только на бытовой сторонѣ, но и на характерѣ и даже на самомъ физическомъ типѣ населенія. Зависимость чловѣка отъ условій климата и почвы иллюстрируется всего лучше въ Финляндіи, этой странѣ труда, дикой и угрюмой, хотя и не лишенной своеобразной прелести. Человѣкъ здѣсь внолнѣ отражаетъ природу и носить на себѣ всѣ ея яркія и мрачныя краски. Въ то время какъ тавастъ — настоящій типическій финнъ — по природѣ угрюмъ и мраченъ, какъ и нагорные лѣса его родины, карель—его родной братъ—живъ и подвиженъ, какъ свѣтлыя воды, обильныя въ его родинѣ; при этомъ они различаются между собою не столько по типу, сколько по строю характера, какъ представители двухъ различныхъ племенъ.

Симпатичная, добродушная, со свѣтлыми добрыми глазами фигура карела дышитъ такою жизнью, что человѣкъ, знающій финновъ только по маймистамъ и вейкамъ Петербурга, не узнаетъ въ разбитномъ и веселомъ карелѣ настоящаго финна. Онъ не угрюмъ и молчаливъ, а веселъ и болтливъ, любитъ хорошо провести время, поплясать и попѣть; въ немъ нѣтъ особенной финской осмотрительности и самоуглубленія; напротивъ того, онъ весь на распахку, какъ русскій мужикъ. Онъ легко сходитса, пріятенъ въ дружбѣ, не золь и не вѣруеть въ роковую „судьбу“, какъ его сосѣдь тавастъ. При живости характера карель сообразителенъ, быстро принимается за всякое дѣло, но зато скоро торяеть и торпѣнне. Въ отношеніи къ другимъ онъ чрезвычайно мягокъ, любезенъ и обходителенъ. Между карелами встрѣчаются чрезвычайно пріятныя и даже, можно сказать, красивыя фізіономіи, особенно между женщинами, такъ что ихъ можно назвать красавицами. Вообще, если такъ можно будетъ выразиться, я сравню карела съ французомъ въ противоположность тавасту, который похожъ на истаго глубокомысленнаго нѣмца. Въ общемъ лицо карела, какъ и всякаго финна, не представляетъ особой красоты; только высокій лобъ, голубые глаза, въ которыхъ свѣтятся простота, доброта и благодушіе, здоровый цвѣтъ лица и дѣйствительно прекрасныя, часто въющіеся волосы могутъ въ своемъ сочетаніи дать если не красное, то симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встрѣчающееся между карелами, чѣмъ между финнами центральной и западной Финляндіи.

Хотя карелы, благодаря географическому положенію своей области, соприкасались гораздо болѣе со славянами, чѣмъ, напримѣръ, со шведами, и еще издревле были въ сношеніяхъ съ новгородцами, тѣмъ не менѣе въ Карелии гораздо болѣе сохранились остатки старины въ видѣ древнихъ нѣсенъ и легендъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ намъ о

времени борьбы финновъ съ русскими, другія относятся ко временамъ незапамятной древности.

Ф и н н ъ .

Тавастъ непохожъ на карела во всѣхъ отношеніяхъ. Тавастъ угрюмъ, серьезень и молчаливъ. Онъ рѣдко поетъ. Вся его фигура, неладно

скроенная, да плотно сшитая, нѣсколько грузная и аляповатая, гармонируетъ съ его психическимъ настроеніемъ. Глаза его, иногда прекрасные и выразительные, смотрятъ какъ-то вглубь себя; міра словъ нѣтъ для таваста; превратности судьбы не волнуютъ его, потому что онъ, какъ истый фанатикъ, вѣруеть, что чему быть, того не миновать. Широкоплечая, приземистая фигура его указываетъ на то, что онъ не боится физическаго труда и лишеній и что онъ можетъ „дѣлать хлѣбъ изъ камня“, какъ справедливо говорятъ о финляндцахъ. Эта медленность въ движеніяхъ, тяжесть на подъемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительность показываютъ увѣренность въ своихъ силахъ и желѣзное терпѣніе, которымъ дѣйствительно тавастъ можетъ похвастаться.

Какъ натура крѣпкая и спокойная, тавастъ мужественъ и сражается, какъ левъ, до послѣдняго издыханія; не даромъ финскіе полки служили ядромъ шведскихъ дружинъ въ ихъ войнахъ съ Великимъ Новгородомъ, а позже съ русскимъ государствомъ.

Всѣ эти свойства ума и психическій складъ таваста, дѣлающіе изъ него испобѣдимо стойкаго борца за существованіе и обуславливающіе его жизнеспособность, вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ и другія его качества, далеко несимпатичныя и прямо зависящія отъ его мрачнаго настроенія.

Тавастъ угрюмъ, ревнивъ, мстителенъ и жестокъ. Если только что-нибудь выведетъ его изъ его душевнаго равновѣсія, тогда мстительность и злоба его не имѣютъ предѣловъ, и съ виду добродушный, хотя и угрюмый финнъ можетъ стать ужаснымъ злодѣемъ. Съ посторонними тавастъ несообщителенъ, неласковъ, часто даже грубъ, но всегда гостеприименъ. Къ людямъ, не говорящимъ по-фински, онъ всегда относится недружелюбно и подозрительно, но разъ онъ сошелся съ кѣмъ-нибудь, на дружбу его можно положиться, какъ на каменную стѣну. Безъ сомнѣнія, тавастъ, вскормленный среди дебрей, скалъ и озеръ, отражаетъ въ себѣ самомъ свою родину—суровую, но полную прелести и дикаго величія страну.

Элементомъ, культивировавшимъ Финляндію, являются шведы, которые и до сихъ поръ составляютъ значительный процентъ ея населенія. Несмотря на извѣстную степень смѣшенія, шведы Финляндіи все-таки остались тѣми же скандинавами, какъ и ихъ далекіе предки, и отличаются отъ туземцевъ не только типомъ, но и обычаемъ и языкомъ. Взгляните на стройнаго и ловкаго во всѣхъ движеніяхъ шведа и сравните его съ неуклюжимъ, коренастымъ тавастомъ, и вы сразу замѣтите, насколько отличаются другъ отъ друга эти два народа, стоящіе болѣе семисотъ лѣтъ въ самой тѣсной связи. И шведъ, и финнъ живутъ каждый своею особою жизнью, образуя два мірка съ общими интересами, но совершенно не сходящіеся между собою. Мы не скажемъ, чтобы шведъ питалъ какое-нибудь враждебное чувство къ финну, но этотъ

последній смотритъ на него недоувѣрчиво, хотя бы тотъ и клялся, что считаетъ Финляндію своею родною страной. Причина этой розни лежитъ въ глубокой расовой разницѣ, до сихъ поръ отдѣляющей шведа отъ финна.

Представляя одинъ изъ самыхъ частѣйшихъ типовъ бѣлокурой расы, сохраняющейся всего лучше въ Скандинавіи, шведъ Финляндіи гордится своимъ происхожденіемъ, связью съ нѣкогда могучею сѣвѣрною страной, ея культурой, исторіей и языкомъ. Въ крови шведа есть стремленіе къ господству, онъ дворянинъ въ душѣ и считаетъ себя таковымъ въ странѣ, которую его предки вывели изъ дикаго состоянія и просвѣтили своею культурой. Живой и подвижной, болѣе легкомысленный, но и гораздо легче все усвоивающій, чѣмъ финнъ, шведъ Финляндіи прежде всего свободолюбивъ и сумѣлъ привить это качество и угрюмому, мрачному финну. Благозвучный и мелодичный шведскій языкъ не измѣнился вовсе отъ финскаго вліянія, тогда какъ языкъ финна почерпнулъ отъ него много новыхъ понятій. Отважный и смѣлый въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ, достойный потомокъ древнихъ викинговъ, истый шведъ не имѣетъ часто достаточно твердости и упорства, чтобы довести начатое дѣло до конца; въ немъ недостаетъ этого симпатичнаго качества финна, твердаго въ словѣ и неутомимаго въ однажды поднятомъ трудѣ. Если финна можно сравнить во многихъ отношеніяхъ съ мрачными скалами его родины, шведа можно уподобить той подвижной волнѣ, которая омываетъ подножія каменныхъ массивовъ и мало-по-малу шлифуетъ ихъ и ровняетъ по своему произволу.

На красивомъ мужественномъ лицѣ шведа часто играетъ улыбка; его златокудряя и синеглазая дочеръ нерѣдко блистаютъ настоящею сѣвѣрною красотой; того и другого нѣтъ у финна, но глубокая сосредоточенность часто скрашиваетъ его некрасивое лицо, а неустанное трудолюбіе и нравственная высота его женщины выкупаютъ недостатокъ красоты.

Страсти гораздо болѣе волнуютъ шведа, чѣмъ финна; соотвѣтственно этому глубокая разница лежитъ и въ самыхъ произведеніяхъ ихъ творчества. Несмотря на многолѣтнее пребываніе въ Финляндіи, въ міросозерцаніи, сказкѣ и пѣснѣ финляндскаго шведа мало замѣтно вліяніе ея угрюмой и мрачной природы; въ противоположность финну, онъ не любитъ уединенія, а ищетъ общества, избѣгая всякой замкнутости жизни. Въ произведеніяхъ творчества шведъ выливаетъ чаще самого себя, свои чувствованія, ощущенія и страсти, тогда какъ финнъ воспѣваетъ главнымъ образомъ окружающую его природу. Финляндія создана для финна, и онъ наиболѣе приспособленъ для обитанія въ ней; шведъ былъ и останется въ ней лишь пришлымъ элементомъ.

Городская и сельская жизнь въ Финляндіи.

(По М. Песковскому и др.)

Подобно расчлененности, разорванности финляндскаго материка, и населеніе живетъ разбросанно.

За исключеніемъ Гельсингфорса и Або, довольно населенныхъ сравнительно городовъ (въ первомъ—около 90.000 человекъ, во второмъ—около 40.000), всѣ остальные города отличаются такою малочисленностью населенія, что, по общепринятой у насъ мѣркѣ, могутъ казаться просто „городишками“. По одна населенность городовъ ровно еще ничего не значить. Наберется не мало русскихъ городовъ, съ населеніемъ свыше 100.000 человекъ, которые просто прозябаютъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, тогда какъ не только малонаселенный Выборгъ и другіе еще менѣе населенные приморскіе финляндскіе города (напр., Улеборгъ — не болѣе 10.000 жителей, Николайштадтъ (Ваза)—менѣе 7.000, Торнео — до 1.000 человекъ), но даже и Куопіо, затерявшійся въ глубинѣ страны, не имѣющій и 7.000 жителей, ведутъ всемірную торговлю, отправляютъ свои суда во всѣ части свѣта, до Америки и Австраліи включительно.

Попадешь ли въ мало или много населенный финляндскій городъ, онъ не поразитъ ни затѣйливостью и богатствомъ построекъ, ни ихъ давящею громоздкостью. Но маленькіе одно-двухъэтажные домики, деревянные или каменные, довольно широко другъ отъ друга поставленные, обильно окутанные зеленью, содержимые съ замѣчательною опрятностью, имѣютъ весьма нарядный видъ и производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своею изящною простотой.

Столица Финляндіи — Гельсингфорсъ—тоже небольшой, но красивый и чрезвычайно опрятный городъ. Чистота и порядокъ никогда не нарушаются, хотя не видно ни суеты, ни тѣхъ, кто этотъ порядокъ поддерживаетъ и охраняетъ. Въ постройкахъ зданій нѣтъ изящества, граціозности, но стиль выдержанный, довольно мрачный, напоминающій также выдержанныя мрачныя фізіономіи хозяевъ.

Въ самомъ складѣ городской жизни также нѣтъ лихорадочной торопливости и безтолковой суетни. Даже на большихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, на морскихъ, озерныхъ и рѣчныхъ пристаняхъ, гдѣ идетъ сложная разгрузка и нагрузка, опять-таки нѣтъ никакой суетни: работа производится съ удивительною методичностью и размѣренностью, потому что каждый хорошо знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, и дорожитъ малѣйшимъ моментомъ рабочаго времени.

Еще болѣе раздробленно живетъ сельское населеніе. Большую рѣдкость составляютъ поселки въ 6—8 дворовъ, обыкновенно же живутъ починками въ два-три двора или даже такъ, что отдѣльные дворы раз-

бросаны на разстояніи полуторы-двухъ верстѣ другъ отъ друга и болѣе. Правда, въ Финляндіи, въ юго-восточной части Выборгской губерніи, есть и большія деревни, но нѣскольکو десятковъ дворовъ въ каждой, но населены онѣ не финляндцами, а русскими. Финнѣ же любятъ жить отдѣльно, безъ постояннаго общенія съ другими.

И теперь еще жилые дома и хозяйственныя строенія у бѣдной части населенія, и особенно у торпарей *), довольно незавидны. Въ избахъ, правда, имѣются печи съ трубами и окна, но избы тѣсны и недостаточно свѣтлы. Дверь выходитъ обыкновенно въ холодныя сѣни, вслѣдствіе чего зимой изба быстро охлаждается. Въ конюшняхъ и коровникахъ—холодъ и сквозной вѣтеръ. У зажиточныхъ крестьянъ коровники двухъ-этажные изъ дикаго камня, рѣже изъ кирпича. Нижній этажъ служитъ обыкновенно для свалки навоза.

Мало-мальски зажиточный крестьянинъ не жалѣетъ денегъ на постройку жилого дома; онъ любитъ, чтобы въ домѣ было много комнатъ, которыя въ обыкновенное время стоятъ пустыя и открываются только въ торжественныхъ случаяхъ. Онѣ служатъ для пріема гостей въ праздничные дни, отводятся пастору, пріѣхавшему повѣрять грамотность дѣтей, и проч. Впрочемъ, большія строенія, какъ жилия, такъ и хозяйственныя, начали входить въ употребленіе лишь недавно. Прежде предпочитали вмѣсто одного большого строенія имѣть нѣскольکو маленькихъ. Не только каждый членъ семьи, но даже каждый работникъ и каждая работница имѣли свою отдѣльную кладовку для храненія платья, но баня всегда была общая. Прежній крестьянскій дворъ былъ застроенъ цѣлымъ рядомъ амбарчиковъ, кладовокъ, клѣтушекъ. И теперь еще нерѣдко строятъ отдѣльные амбары для храненія хлѣба, муки, соли, желѣза и пр., кромѣ того, на каждомъ крестьянскомъ дворѣ имѣется погребъ или яма для картофеля. Сѣно складываютъ въ небольшіе бревчатые сараи, поставленные по краямъ луговъ; оттуда его зимою берутъ по мѣрѣ надобности. Хлѣбъ на выжженныхъ пустошахъ или вообще дальнихъ пашняхъ складывается на мѣстѣ въ скирды и увозится зимою для молотбы. Еще недавно многіе крестьяне, чтобы похвастаться богатствомъ, не трогали своихъ скирдовъ въ теченіе цѣлаго года.

Крестьянскіе дворы въ разныхъ частяхъ страны отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ.

Эстерботнійскій крестьянинъ живетъ въ просторномъ, двухъэтажномъ деревянномъ домѣ. Около печи придѣланы къ стѣнѣ одна надъ другой кровати, снабженныя красивыми одѣялами и занавѣсками. На другой стѣнѣ полки для посуды; у третьей—лавка, передъ которою стоитъ въ

---

*) Безземельные крестьяне.

углу большой столъ. Службы стоятъ на тѣсномъ квадратномъ дворѣ. Строенія обыкновенно выкрашены въ темно-красную краску, въ жилыхъ домахъ оконницы и углы бѣлые. Отдѣльные дворы расположены близко другъ отъ друга, но стоятъ не тѣсно.

Въ тавастландскихъ деревняхъ избы сбиты въ кучу. Дворъ состоитъ изъ двухъ одноэтажныхъ жилыхъ домовъ: въ одномъ живетъ хозяинъ съ прислугою, другой стоитъ пустымъ на случай прїѣзда духовныхъ лицъ или гостей. Жилыя комнаты содержатся опрятно и обставлены довольно хорошо, но проще, нежели въ эстерботнїйскихъ домахъ.

Саволакскіе крестьянскіе дворы отличаются тѣмъ, что они стоятъ особнякомъ и почти всегда располагаются на возвышенности. Дворъ окруженъ пашнями; онѣ расположены на высококомъ мѣстѣ, для того, чтобы защитить ихъ отъ губельнаго дѣйствія заморозковъ. Стѣны коровника строятся изъ мелкаго булыжника. Коровники велики, такъ какъ крестьяне, благодаря изобилію пастбищъ, содержатъ значительное количество скота. Дома не крашены; внутренняя обстановка гораздо проще, чѣмъ въ эстерботнїйскихъ и тавастландскихъ домахъ. Своеобразный видъ двору придаетъ рядъ небольшихъ клѣтъ, стоящихъ близъ дома.

Избы торпарей рѣзко отличаются отъ домовъ крестьянъ-собственниковъ. Порядочный торпарь, гдѣ-нибудь въ Тавастландѣ, живетъ еще сносно. Изба его состоитъ изъ двухъ половинъ: зимней и лѣтней. Лѣтняя служитъ кухнею и мастерской; зимою она обыкновенно пустуетъ. Другая половина есть собственно жилье. Внутренняя обстановка самая простая: одна или двѣ выдвижныхъ кровати, столъ, вдоль стѣнъ лавки. Корельскіе и саволакскіе торпари жили еще лѣтъ 40 тому назадъ въ курныхъ избахъ; теперь они живутъ въ четырехстѣнныхъ избахъ съ окнами, печью и трубою, но въ этихъ избахъ тѣсно, грязно и темно; кое-гдѣ, впрочемъ, и теперь попадаются курныя избы.

Необходимая принадлежность каждаго двора въ Финляндіи, какъ крестьянскаго, такъ и господскаго, — это баня. Въ господскихъ усадьбахъ имѣются обыкновенно двѣ отдѣльныхъ бани: господская и людская; послѣдняя топится по-черному. Въ банѣ моются по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Какое важное значеніе придается правильному посѣщенію бани, доказывается тѣмъ, что банный день считается уважительною причиною неявки на сходку или другое собраніе.

Если вы оставите вниманіе на самой плоховькой на видъ финляндской деревушкѣ, вамъ не можетъ не броситься въ глаза относительная опрятность ея. Улица, проулки и дворы выметены; нѣтъ навозныхъ кучъ; избы, съ принадлежащими имъ службами, отгорожены; поля и луга также почти вездѣ обнесены изгородью; бѣдныя избышки смотрятъ опрятно; на окнахъ видны занавѣски, горшки съ цвѣтами.

Выберите самую бѣдную, покосившуюся избушку и войдите въ нее. Васъ не оттолкнетъ неряшество, неопрятность, зловоніе: все чистенько, прибрано, даже уютно. Будь это самое крайнее убожество, вамъ не противно будетъ сидѣть на безукоризненно чистой лавкѣ, скамьѣ или табуреткѣ; столъ, покрытый грубою полотняною скатертью, не помѣшаетъ вашему аппетиту; деревянная и глиняная посуда такъ безукоризненно чиста, что вамъ не вздумается перемывать ее. Главное же, попавъ въ самую бѣдную финляндскую избушку, вы не рискуете сдѣлаться жертвою всевозможныхъ паразитовъ, составляющихъ, какъ извѣстно,

Финляндская каріолка.

неизбѣжную принадлежность почти каждой провинціальной русской гостиницы, не исключая даже и сравнительно благоустроенныхъ.

Раздробленность сельскаго населенія не помѣшала ему также пролагать и поддерживать, можно сказать, въ идеальной исправности проселочныя и шоссеыя дороги. Въ настоящее время вся Финляндія, особенно мѣстность болѣе населенная, покрыта сѣтью грунтовыхъ дорогъ. На разстояніи 15—20 километровъ другъ отъ друга расположены станціи, гдѣ можно имѣть чистый ночлегъ и хорошую ѣду. Экипажемъ служить одноюлодка въ одну лошадь, такъ называемая каріолка. Эта благоустроенная дорожка, узенькая, окопанная двумя ровиками по сторонамъ, особенно поражаетъ русскаго путешественника, когда онъ ѣдетъ по Финляндіи. Она вездѣ ровна и гладка, какъ поле, вездѣ лѣса отдѣ- Европ. Россія.

лены отъ нея дешевою, хотя довольно зыбкою изгородью изъ сосновыхъ слежекъ, воткнутыхъ наискось въ землю; собственность каждаго наглядно ограждена этою ничтожною оградой, и этого вполне достаточно, чтобы прохожій и проѣзжій уважалъ чужое право. На каждомъ шагу разнообразныя столбики съ надписями, то высокіе, то совсѣмъ низенькіе. На однихъ написано, какой общинѣ поддерживать тотъ или другой участокъ дороги и на пространствѣ сколькихъ сажень; на другихъ показаны границы волостей, округовъ, лѣсныхъ участковъ; на третьихъ — куда ведетъ какая дорога, на четвертыхъ — почтовые мили... Все это указываетъ не только на дѣятельную и практическую мѣстную администрацію, но прежде всего на всеобщую грамотность здѣшняго народа и на его привычку къ точно установленнымъ обязанностямъ.

Среди лѣснаго моря, по которому вьется такая дорожка, то и дѣло попадаются разбросанныя островки человѣческаго хозяйства, радующаго взоръ своимъ степеннымъ порядкомъ и основательностью. Русскому человѣку такіе хуторки кажутся не совсѣмъ безопасными. Нѣтъ ни воротъ на заборѣ, ни пса на цѣпи, ни глухихъ стѣнъ кругомъ. Кажется, входи себѣ всякій куда хочешь и хозяйничай себѣ въ чужомъ добрѣ какъ хочешь... Но здѣшніе мирные нравы и крѣпко вкоренившаяся честность безъ всякаго труда уживаются съ такимъ довѣрчивымъ устройствомъ деревенскаго хозяйства.

Разрозненность сельскаго населенія въ физическомъ отношеніи не только не помѣшала замѣчательной сплоченности его по приходамъ, а, наоборотъ, какъ бы даже обусловила собою эту достойную глубокаго вниманія сплоченность. Въ Финляндіи приходъ составляетъ цѣльную, дружную, органически сплоченную единицу, руководимую пасторомъ — лицомъ, получившимъ высшее университетское образованіе, и неизбѣжнымъ его помощникомъ — учителемъ.

Сядемъ на небольшой пароходъ, который увезетъ насъ въ глубь страны. Вонъ изъ проливовъ и мысовъ выглянула, наконецъ, церковь; она обычнаго типа, построена въ формѣ креста, выкрашена въ желтый цвѣтъ; довольно неуклюжая колокольня стоитъ отдѣльно. Кругомъ церкви разсыпано село. Тутъ мы видимъ народное училище, казенный и общественный запасныя магазины, нѣсколько лавочекъ, постоянный дворъ, нѣсколько большихъ крестьянскихъ усадебъ и много маленькихъ домиковъ, населенныхъ ремесленниками и рабочими. Нѣсколько въ сторонѣ стоитъ усадьба священника, окруженная тѣнистымъ садомъ. Домъ пастора — деревянное одноэтажное зданіе въ старомодномъ стилѣ, со старинной крышей въ четыре ската, выкрашенное темно-красной краской, съ бѣлыми углами и косяками. Такія постройки теперь однако встрѣчаются рѣже, — теперь строятъ въ современномъ стилѣ. Съ одной

стороны стоит изба для прислуги и рабочихъ, а за нею магазины и сараи.

Войдемъ въ домъ. Комнаты не высоки, мебель простая; но все дышитъ уютностью и заботами лучше обставить свой уголь. Изъ передней мы входимъ въ „канцелярію“ — рабочую комнату пастора; здѣсь стоятъ большой столъ, на которомъ лежатъ церковныя книги, и большой архивный шкапъ, выкрашенный въ коричневый цвѣтъ; у другой стѣны диванъ со столомъ передъ нимъ; на столѣ газеты — какой-нибудь столычный органъ, мѣстная газета и нѣсколько религіозныхъ изданій.

Если дѣло въ субботу, то въ канцеляріи кипитъ работа. Крестьянину, пріѣхавшему въ церковь, приходится справлять не мало дѣлъ. Многие, особенно дальніе, пріѣзжаютъ съ субботы. Одинъ пришелъ заявить о смерти родственника, прося отмѣтить о томъ въ церковныхъ книгахъ, и сговориться о днѣ похоронъ; другой сообщаетъ о своемъ переѣздѣ въ приходъ и представляетъ свидѣтельство изъ прежняго прихода; третій пришелъ за пасторскимъ аттестатомъ *); свать молодой четы хлопочетъ объ оглашеніи брака въ ближайшее воскресенье; этотъ еще не заплатилъ пастору слѣдующихъ съ него сборовъ и пришелъ просить объ отсрочкѣ и т. п. Пришли узнать, можетъ ли пасторъ въ воскресенье или въ другой день прибыть въ такую-то деревню для толкованія Библии. Иному нужно отдѣльно потолковать о божественномъ. Въ такихъ разнообразныхъ заботахъ проходитъ все время до обѣда и часть послѣобѣденнаго времени. Вечеромъ священнику остается время обдумать свою проповѣдь для слѣдующаго дня.

Въ другой комнатѣ жена священника принимаетъ крестьянокъ, привыкшихъ видѣть въ ней человѣка, который во многихъ случаяхъ — напр., при болѣзни — можетъ подать благой совѣтъ. Жена пастора можетъ во многомъ содѣйствовать мужу, и ея отношенія къ крестьянамъ не остаются безъ вліянія на отношенія между нимъ и прихожанами. Не безъ нѣкотораго основанія говорятъ, что при выборахъ пастора прихожане обращаютъ вниманіе и на то, что за человѣкъ его жена.

Въ воскресенье служба начинается обыкновенно около 10 ч. утра. На пригоркѣ, гдѣ стоитъ церковь, замѣтно оживленіе. Въ тѣни небольшой сосновой рошцы стоятъ запряженные лошади близъ одноколокъ и другихъ экипажей. Тамъ, гдѣ проѣзжихъ дорогъ еще не много, можно видѣть такъ называемыя церковныя лодки; это длинныя, узкія лодки на 12 — 15 паръ весель; въ нихъ помѣщается 40—80 человѣкъ. Эти лодки — общая собственность всей деревни; къ рулю садятся обыкновенно самый

---

*) При переселеніи изъ одного прихода въ другой выдается свидѣтельство о переходѣ изъ прихожанъ одного прихода въ прихожане другого. Пасторскій аттестатъ имѣетъ большое значеніе, заключаая въ себѣ свѣдѣнія о неопороченности или опороченности по суну.

почтенный хозяинъ. Въ ожиданіи духовенства народъ группами собирается близъ церкви, старики и молодежь отдѣльно; знакомые встрѣчаются, перекидываются словами; другіе бродятъ по кладбищу, разсматривая надписи на памятникахъ, въ толпѣ снуютъ торговцы бѣлымъ хлѣбомъ, товаръ которыхъ быстро расходуется.

Наконецъ, звонъ колоколовъ возвѣщаетъ о приходѣ пасторовъ. До службы нерѣдко совершаются похороны, крестины и т. п. Народъ понемногу наполняетъ церковь и разсаживается на скамейкахъ, мужчины садятся по правую руку отъ главнаго входа (западнаго), женщины—по лѣвую; при этомъ легко замѣтить, что женщины усерднѣе посѣщаютъ церковь, чѣмъ мужчины.

Внутренность церкви обыкновенно отличается крайнею простотой. Единственнымъ украшеніемъ служить картина надъ алтаремъ, изображающая обыкновенно одно изъ важнѣйшихъ событій жизни Христа. Напротивъ алтаря въ западной части церкви находятся хоры, гдѣ блещитъ недавно приобретенный органъ, составляющій гордость прихода.

Характерную особенность лютеранской церковной службы составляетъ участіе въ ней самихъ прихожанъ, поющихъ псалмы подъ управленіемъ кантора; необходимую часть службы составляетъ и проповѣдь, длящаяся около $\frac{3}{4}$ часа. Костюмомъ священника является длинный однобортный сюртукъ съ бѣлымъ особаго покроя галстукомъ и черная мантия на плечахъ.

По окончаніи службы священникъ читаетъ вслухъ „объявленія“, т. е. послѣдствія распоряженія правительства и разныя увѣдомленія общинныхъ и церковныхъ властей. Отдѣльныя лица тоже имѣютъ право публиковать этимъ путемъ о собраніяхъ акціонерныхъ обществъ, объ аукціонахъ, о пропавшей скотинѣ и т. п. Эти „объявленія“ до извѣстной степени замѣняютъ деревенскому жителю объявленія въ газетахъ. Иной и ѣдетъ въ церковь лишь за тѣмъ, чтобы послушать объявленія.

Въ отдаленныхъ отъ церкви мѣстностяхъ лѣтомъ богослуженіе совершается подъ открытымъ небомъ.

Въ самомъ глухомъ провинціальномъ захолустѣ едва ли можно найти семью, у которой не было бы Библии или, по крайней мѣрѣ, Поваго Завѣта.

Вообще культурный уровень страны очень высокъ. На маленькую территорію Финляндіи, имѣющую немного болѣе двухъ милліоновъ населенія, приходится около 60-ти газетъ и журналовъ. Изданія эти черезъ пасторовъ, школы и учителей проникаютъ въ отдаленнѣйшіе поселки и такимъ образомъ печатное слово становится достояніемъ даже самыхъ бѣднѣйшихъ финляндскихъ лачужекъ. Благодаря этому, въ Финляндіи совершенно нѣтъ „захолустья“ въ русскомъ смыслѣ слова и чрезвычайно трудно отыскать въ Финляндіи такой маленькій городишка, гдѣ бы

не было не только книжной лавки, но и типографіи, занимающейся печатаніем мѣстной газеты и другихъ дешевыхъ, полезныхъ для народа, изданій. Учитель, пасторъ, типографскій станокъ и печатное слово — вотъ что составляетъ живую душу этой страны, сумѣвшей, наперекоръ неблагоприятнымъ физическимъ условіямъ, слить разбросанное сельское и городское населеніе въ одно солидарно-сплоченное, органически-цѣлое.

По финляндскимъ озерамъ.

(Mies'a.)

Раннимъ утромъ подъѣхалъ я къ пароходу, стоявшему у сѣверной набережной Выборга. Тусклое, сѣрое небо не переставая сѣяло мельчаимъ дождемъ; улицы города были еще пусты, лавки заперты; лишь изрѣдка попадался солдатъ или рабочій, спѣшившій укрыться подъ навѣсомъ рынка и тамъ перестоять дождикъ, которому, казалось, не будетъ конца. На набережной тоже не было замѣтно движенія; пароходъ, на которомъ я хотѣлъ взять мѣсто, отходилъ раньше всѣхъ другихъ, и только около него хлопотали, впрочемъ, безъ суетливости пять-шесть носильщиковъ, перетаскивая съ берега на палубу мѣшки и ящики. Взойдя на пароходъ, я обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ: „гдѣ берутъ билеты?“ „Билеты?—удивленно переспросилъ онъ, —билетовъ не надо“. „Во время пути заплатите“ пояснила стоявшая тутъ же дѣвушка. Поставивъ свой чемоданъ въ уголь, я обошелъ пароходъ. Онъ былъ не великъ, и всѣ его отдѣленія были миниатюрны; середина палубы завалена корзинками, мѣшками и т. п. „вещами“, вокругъ которыхъ тѣснится порядочная толпа пассажировъ, преимущественно крестьянъ изъ ближайшихъ къ Выборгу мѣстностей; спереди, у выхода на носъ парохода, отгорожена микроскопическая кухонка, въ которой усердно суетится юркая старушка-кухарка; узкая и крутая лѣсенка ведетъ внизъ, въ небольшую каютку съ диванчиками вдоль стѣнъ и столомъ посрединѣ; въ уголкѣ лѣнится крошечный буфетикъ: это столовая. На столѣ горячій кофейникъ, чашки, хлѣбъ, масло, вчерашняя гельсингфорская газета; на стѣнахъ нѣсколько объявленій, изъ которыхъ одно на трехъ языкахъ: шведскомъ, финскомъ и русскомъ, оповѣщаетъ публику о времени прихода и отхода срочныхъ пассажирскихъ пароходовъ между Выборгомъ и Куопіо.

Такая же маленькая каютка съ надписью „perä-sali“ (задняя зала) устроена и на кормѣ парохода; но здѣсь нѣтъ буфета: здѣсь спальня.

Слышенъ громкій гудящій свистокъ. На мостикѣ у рулевого колеса появляется капитанъ, приземистый, плотный, съ черною бородой и добродушнымъ лицомъ. Непромокаемый желтый плащъ съ остроконечнымъ

капюшономъ, облекающій всю его фигуру, дѣлаетъ его похожимъ на какого-то опернаго монаха. Двое другихъ такихъ же монаховъ стоятъ около него. Капитанъ командуетъ въ рупоръ, и пароходъ, мѣрно разсѣкая винтомъ свинцовыя волны залива, пускается въ путь.

Быстро проносятся передъ глазами живописные берега Сѣвернаго залива со множествомъ красивыхъ дачъ; группа острововъ, сохраняющихъ всеелый видъ, несмотря на дождь, упорно сѣющій съ неба; знаменитое „Монрепо“ съ его готическимъ замкомъ на высокой сѣрой скалѣ; опять острова, при видѣ которыхъ не хочется вѣрить, что здѣсь „природа бѣдна и угрюма“... Наконецъ, часъ спустя послѣ отъѣзда изъ Выборга, пароходъ тихо входитъ въ гранитный шлюзъ и останавливается. Это — Лавола, устье Сайминскаго канала.

Сайминскій каналъ — величественное сооруженіе, соединяющее громадный внутрѣнный бассейнъ Финляндіи съ Финскимъ заливомъ.

Проѣзжая его въ первый разъ, нельзя не удивляться картинамъ природы, то веселой и привѣтливой, то дикой и суровой, а еще больше — тому громадному и упорному труду, который понадобился человѣку, чтобы одолѣть эту природу и подчинить ее своимъ цѣлямъ. Цѣлыя одиннадцать лѣтъ (1835—1856) продолжалась эта неустанная борьба человѣка съ природой; болѣе половины всего канала — цѣлыхъ 30 верстъ пути — пришлось вести сквозь огромныя гранитныя скалы, взрывая ихъ чуть не до самаго основанія; нужно было регулировать и углублять озера, устраивать шлюзы для подъема судовъ на нѣсколько сажень; наконецъ, и теперь необходимо постоянно и зорко слѣдить за капризнымъ потокомъ, сжатымъ въ своемъ гранитномъ руслѣ, и поддерживать въ немъ воду на опредѣленной высотѣ. Пароходъ идетъ довольно узкимъ фарватеромъ (есть мѣста, гдѣ ширина канала не болѣе $4\frac{1}{2}$ сажень): лишь изрѣдка въ озерахъ попадаются встрѣчныя суда, при чемъ капитаны обмѣниваются поклонами и привѣтствіями. Въ шлюзахъ, гдѣ пароходъ поднимается иногда на значительную высоту, дѣло обходится безъ всякой суетни и бѣготни; двое сторожей съ обычною финскою молчаливостью, не теряя времени и не выпуская изо рта своихъ коротенькихъ трубокъ, при помощи очень просто устроенныхъ рычаговъ отпираютъ и запираютъ ворота и форточки для выпуска воды, которая шумнымъ, пѣнистымъ водопадомъ врывается подъ пароходъ и быстро поднимаетъ его. Оглядываясь на только что пройденное озеро и видишь его далеко внизу, точно съ колокольни, со всѣми его причудливо раскинувшимися островами, скалами и бѣлыми каменными вѣхами фарватера, съ красивыми домиками и дачами въ уютныхъ уголкахъ береговъ, обильно поросшихъ соснами, елями и березами. А за ними зеленѣютъ и волнуются нивы, гдѣ каждый вершокъ земли обработанъ съ необыкновеннымъ стараніемъ.

Дальше мѣстность мѣняется: вмѣсто прежнихъ веселыхъ пейзажей по берегамъ поднимаются сѣрые, обросшіе мохомъ гранитные утесы, громоздясь другъ на друга и падая острыми обломками въ каналъ; между ними по самому краю канала вьется усыпанная пескомъ и расчищенная тропинка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ каналъ перекинуты легкіе чугунные мосты, которые для пропуска судовъ безъ труда разводятся однимъ сторожемъ, въ то время какъ другой запираетъ ворота шлюза. Берега канала представляютъ сплошную панораму разнообразныхъ видовъ; скалы смѣняются то нивами, то лѣсомъ, каналъ то расширяется, то суживается, и бѣгущая за пароходомъ волна заливасть трещины береговыхъ камней. Наконецъ, открывается широкое раздолье озера Нуйама, усѣяннаго множествомъ острововъ и островковъ, изъ которыхъ одни красиво обсажены березками и по берегамъ обложены камнемъ, а другіе оставлены во всей своей первобытной дикости. Кое-гдѣ сквозь зелень мелькають темно-красные домики; кое-гдѣ у острововъ видны рыбачьи лодки и сѣти.

Пароходъ все время идетъ между укрѣпленными въ водѣ бѣлыми каменными пирамидами, которыя служатъ лоцманскими знаками. Поднявшись первыми шлюзами на нѣсколько сажень, мы входимъ въ узкій акведукъ, идущій вдоль горнаго хребта на половинѣ его высоты. Справа высятся дикія гранитныя скалы, поросшія соснами, а слѣва за узкой береговой тропинкой видны только верхушки березъ, растущихъ на днѣ глубокаго оврага; кое-гдѣ между этими березами проглядываютъ крыши деревенскихъ домовъ; если смотрѣть на пароходъ оттуда снизу, то кажется, что онъ идетъ на облакахъ. Этотъ оригинальный путь тянется на нѣсколько верстѣ. Потомъ мы опять шли въ довольно глубокой выемкѣ, напоминающей желѣзнодорожную; затѣмъ начались гранитные берега; отвѣсныя сѣрыя скалы поднимаются все выше и выше, а каналъ становится все уже, какъ будто эти грозные гранитные великаны сердятся, что человѣкъ посмѣлъ ихъ раздѣлить, и хотятъ раздавить пароходъ, который въ сравненіи съ ними кажется такимъ маленькимъ. Черезъ нѣсколько времени однако каналъ расширяется, и мы входимъ въ послѣдній шлюзъ Лауритеала. Сейчасъ за шлюзомъ—чугунный мостъ на высокихъ гранитныхъ устояхъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ—съ одной стороны по-русски, а съ другой по-фински—красуются надписи: „Императоръ Николай I въ 1845 году началъ, императоръ Александръ II въ 1856 году окончилъ“. Это—ворота Сайминскаго канала. За ними начинается уже озеро Сайма или, вѣрнѣе, сотня озеръ, соединенныхъ другъ съ другомъ отчасти человѣкомъ, отчасти самою природой.

Пароходъ пошелъ веселѣй, пробираясь между красивыми островами, разсѣянными въ живописномъ безпорядкѣ по широкому раздолью южной Саймы.

Ровно въ 5 часовъ вечера послѣ 10-часового плаванія нашъ пароходъ остановился у длинной дощатой пристани Вильманстранда.

За Вильманстрандомъ начинается „большая Сайма“. Путь идетъ на сѣверъ мимо безчисленнаго множества острововъ, среди бѣлыхъ каменныхъ пирамидъ или полосатыхъ шестовъ, указывающихъ фарватеръ; кромѣ этихъ знаковъ, на цѣлые десятки версты пути невидно никакихъ слѣдовъ человѣка. Лишь изрѣдка попадается навстрѣчу буксирный пароходъ, который медленно тащитъ за собою двѣ огромныя барки съ дровами; парусная „лайба“ съ широкими, мокрыми отъ дождя парусами на скрипучихъ мачтахъ; огромный плотъ особаго устройства: бревна связаны въ видѣ круга, сажень 50 въ поперечникѣ, а спереди прилаженъ небольшой квадратный плотъ съ вертикальнымъ воротомъ; длинный канатъ завозится какъ можно дальше впередъ и укрѣпляется якоремъ, а затѣмъ лошадь, поворачивая валъ, наворачтываетъ на него канатъ и такимъ образомъ подводитъ плотъ къ якору; якорь вытаскиваютъ, опять завозятъ впередъ и т. д. Такъ сѣверный лѣсъ идетъ на югъ.

Островъ за островомъ выдвигается передъ нами изъ огромнаго плоса; вдали виднѣются берега материка, нивы, жильѣ; вблизи — только дикіе утесы да сосны, темная зелень которыхъ все больше и больше вытѣсняетъ свѣтлую зелень березы. Рѣдко и ненадолго причаливаетъ къ этимъ утесамъ рыбакъ или дровосѣкъ. Человѣкъ долженъ чувствовать себя здѣсь какъ-то не по себѣ, ему поневолѣ должно быть жутко въ этомъ просторномъ одиночествѣ, въ особенности поздно осенью, когда вѣтеръ бушуетъ, поднимая мрачныя волны, а по небу, словно грозныя чудовища, бѣгутъ сѣрыя тучи...

Нашъ пароходъ теряется среди широкой водной пустыни. Ея однообразіе щемитъ душу. Кажется, что и этому озеру, и этимъ дикимъ островамъ не будетъ конца, что все одна и та же волна, отъ которой мы напрасно стараемся убѣжать, идетъ слѣдомъ за нами и что мы осуждены вѣчно плыть на одномъ мѣстѣ...

Когда я проснулся на другой день, мы были уже далеко за Нейшлотомъ и плыли по такъ называемому „Щучьему“ озеру.

Ясное лѣтнее утро. Озеро впереди парохода—синее, сзади—переливается серебромъ. Волны, перегоняя другъ друга, тихо плещутся въ борта парохода, который быстро и весело бѣжитъ мимо безчисленнаго множества острововъ, оставляя за собою далеко разстилающуюся по водѣ темную полосу дыма. Кругомъ полная тишина и безлюдье, темныя ели и сосны, сѣрыя скалы. На минуту мелькнулъ въ просѣкѣ темно-красный домикъ, окруженный полями; за нимъ—мельница съ неподвижными крыльями, „журавль“ колодца, вытянувшейся къ небу... Вотъ на одномъ изъ гранитныхъ острововъ, среди высокихъ стройныхъ елей, бѣлый деревянный крестъ...

На маленькой лодкѣ плывутъ двѣ крестьянки. Значить, жильё недалеко. И въ самомъ дѣлѣ, на горѣ показывается какъ будто деревня. Бабы просушиваютъ сѣно, наvertingъ его на высокія палки съ поперечными перекладинами. Кстати сказать, въ Финляндіи деревенская бабья работа ничѣмъ не отличается отъ мужской; здѣсь баба и пашеть, и косить, и роетъ канавы, и рѣжетъ телятъ и ягнятъ, нисколько не уступая здоровому мужику, а кромѣ того, разумѣется, стряпаетъ, прядетъ, шьетъ и вообще ведетъ все домашнее хозяйство.

Деревня, поля и люди пропали изъ глазъ: пароходъ повернулъ за высокій мысъ, на краю котораго, наклонившись къ водѣ, стоятъ два нагроможденные другъ на друга утеса. Съ другой стороны мыса открылся входъ въ красивую бухту; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега виденъ окруженный березами „господскій“ домъ, желтый, двухъэтажный, съ флагомъ на крышѣ. Зеленныя лужайки,

На озерѣ въ Финляндіи.

березовая аллея на берегу, чистыя, усыпанныя пескомъ дорожки густого парка... На берегу—красная купальня и передъ нею — бѣлая шлюпка съ еще мокрымъ распущеннымъ парусомъ, который хлопаетъ по вѣтру.

Дальше характеръ мѣстности снова мѣняется: острова, прежде безлюдные, теперь оживились присутствіемъ человѣка; на нихъ появились лѣсопильные заводы и огромные склады досокъ. По озеру тамъ и сямъ замелькали лодки; вдали по берегу обозначились дома и высокія трубы заводовъ; наконецъ, пароходъ вошелъ въ красивый двухшлюзный ка-

наль, соединяющій „Щучье“ плёсо съ „Соннымъ“, и остановился здѣсь на добрые полчаса.

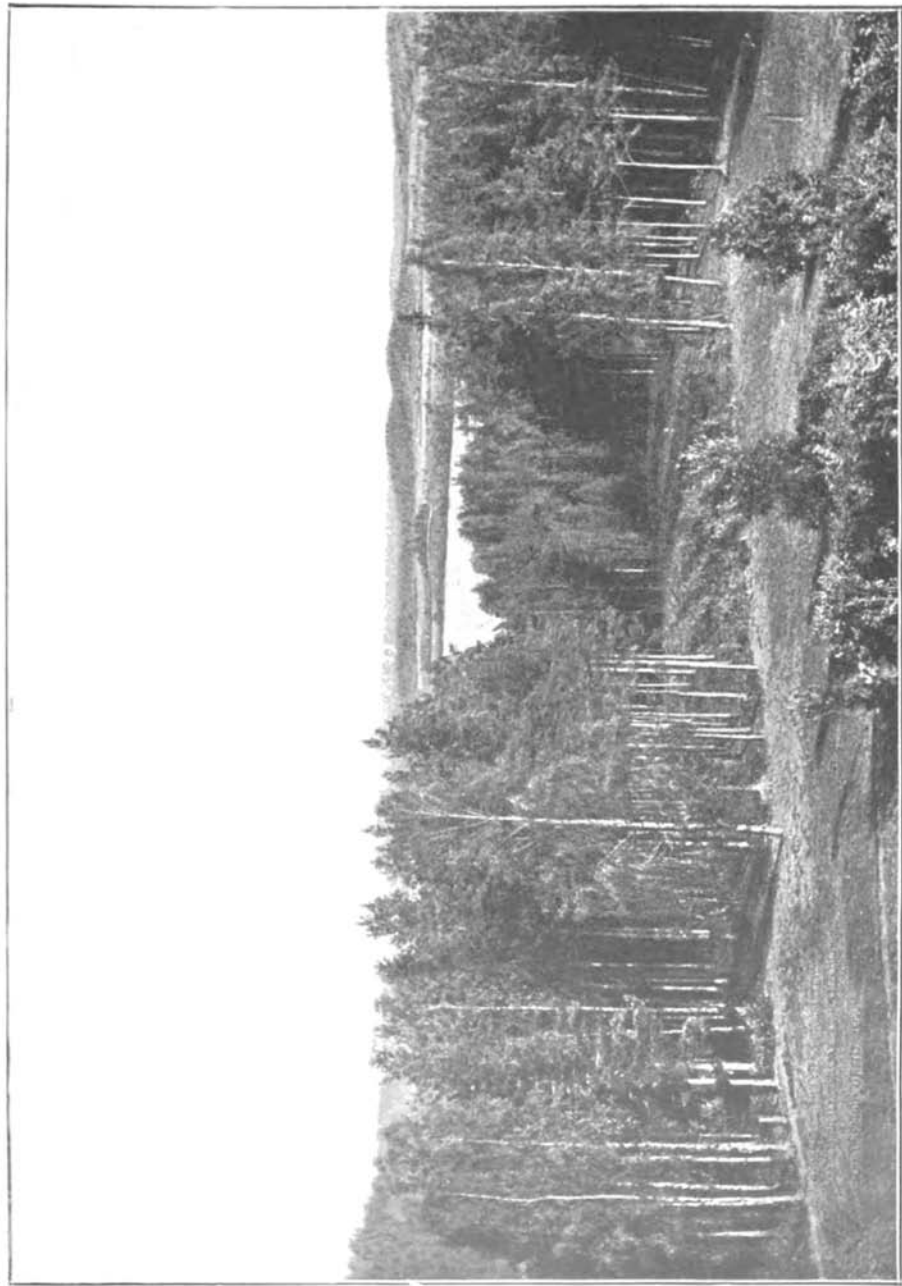
Благодаря прекрасной погодѣ и воскресному дню по обонимъ берегамъ канала, проложеннаго посреднѣ широкой березовой аллеи, устроилось настоящее гулянье. Здѣсь были и „господа“ въ безукоризненныхъ лѣтнихъ костюмахъ и шляпахъ, и „мужики“, очень скромно, по все-таки по-праздничному одѣтые, и барышни въ модныхъ платьяхъ, съ цвѣтными зонтиками, и простыя дѣвушки въ свѣтломъ ситцѣ и бѣлыхъ кисейныхъ косыночкахъ, и старики, и молодежь, и дѣти. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ разговора, слышались громкія замѣчанія, шутки, смѣхъ.

Этотъ каналъ находится въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ промышленныхъ мѣстностей Финляндіи. Здѣсь что ни шагъ, то заводъ или фабрика. Здѣсь и лѣсопильные заводы, и желѣзодѣлательные, и машиностроительные; изъ здѣшнихъ мастерскихъ и доковъ вышли чуть ли не всѣ финскіе пароходы, и маленькіе, и большіе. Послѣ многихъ десятковъ верстъ, пройденныхъ по водной пустынѣ, въ этомъ оазисѣ открывается совсѣмъ неожиданно какой-то уголокъ Америки.

Поднявшись двумя шлюзами на уровень „Соннаго“ плёса, пароходъ отправляется дальше. Узкій фарватеръ, отмѣченный различными вѣхами и знаками, извищается среди множества небольшихъ и довольно низкихъ острововъ, а кое-гдѣ идетъ и по каналамъ, прорѣзывающимъ эти острова. Мѣстность вообще довольно веселая: скаль совсѣмъ не видно, лѣсъ преобладаетъ березовый, но послѣ недавняго оживленія окрестности въ самомъ дѣлѣ кажутся сонными. Только по берегамъ озера виднѣются кое-гдѣ дома, мельницы, поля, выжженный лѣсъ; острова совершенно безлюдны, хотя одинъ красивѣе другого. Окружающія пейзажъ горы, поросшія высокимъ лѣсомъ, кажутся издали какими-то гигантскими темно зелеными вѣрами. Въ воздухѣ тепло и тихо; слышно только мѣрное пыхтѣнье парохода да удары винта, быстро разсѣкающаго гладкую поверхность озера. Послѣ многихъ поворотовъ то направо, то налево пароходъ подходитъ къ длинному желѣзнодорожному мосту, который передъ нимъ разводитъ; на берегу ждутъ десятокъ телегъ, а навстрѣчу пароходу плавно подвигаются большія лодки въ 8 — 10 паръ весель, переполненныя народомъ. Вся эта праздничная толпа разсѣзается по окрестнымъ деревнямъ изъ церкви бляжняго ссла. Минуть черезъ десять пароходъ останавливается у ветхой бревенчатой пристани, заваленной дровами и окруженной большими каменными амбарами. По случаю праздника здѣсь предполагается концертъ, которымъ заинтересовались многіе пассажиры, такъ что пароходъ скоро почти совсѣмъ опустѣлъ.

По узкой, крутой и, вѣроятно, послѣ дождя очень грязной дорогѣ мы поднялись на довольно высокую гору, откуда открывался прекрас-

Видъ въ Финляндіи.

ный видъ на озеро, шли нѣсколько времени между ржаными полями и, наконецъ, вышли на широкую лужайку, гдѣ возвышается кирка, окруженная каменною оградой. Вправо идетъ „порядокъ“ деревни, начинающійся небольшимъ домикомъ аптеки и телеграфною станціей; влѣво стоятъ большіе хлѣбные амбары на высокомъ фундаментѣ, построенные, какъ видно изъ надписей, въ 1847 и 1848 гг.

Рядъ чистыхъ деревянныхъ домиковъ прерывается длинною изгородью, по обѣ стороны которой видны поля, луга, огороды; затѣмъ „улица“ опускается къ рѣкѣ, гдѣ прежде всего бросается въ глаза большой двухэтажный домъ сельской школы; около него опять избы, а за ними—опять поля, луга и лѣсъ.

До начала концерта оставалось еще 20 минутъ. Въ церковной оградѣ уже собралась довольно порядочная толпа, и на паперти было замѣтно сильное движеніе. Мы обошли кругомъ кирки и очутились на обширномъ кладбищѣ, представляющемъ нѣчто въ родѣ парка.

Первое, что меня поразило — это отсутствіе крестовъ. Въмѣсто нихъ на могилахъ стоятъ врытыя въ землю невысокія доски, сверху закругленные и выкрашенные большею частью въ любимую финскую краску—темно-красную. На каждой такой доскѣ написано имя покойника, годъ и число его рожденія и смерти, а иногда еще и какой-нибудь стихъ изъ Св. Писанія. Есть, правда, нѣсколько обычныхъ памятниковъ—гранитныхъ или чугунныхъ — съ крестами, но на нихъ видны исключительно шведскія имена.

Въ отворенныя окна кирки послышались звуки органа. Мы взяли билеты, на которыхъ была напечатана и программа концерта, и поспѣшили войти въ карку.

Участниками концерта явились молодые парни и дѣвушки; всѣхъ ихъ было до тридцати. Подъ руководствомъ органиста изъ собора въ Куопіо они очень педурно и стройно пропѣли цѣлый рядъ хораловъ и гимновъ Бетховена, Мендельсона и нѣсколькихъ финскихъ и шведскихъ композиторовъ. Концертъ продолжался около часа и заключился знаменитымъ лютеровскимъ гимномъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила“.

Черезъ полчаса послѣ этого духовнаго концерта начался другой — свѣтскій и притомъ бесплатный, но на другомъ концѣ деревни, въ школѣ. Школьный домъ имѣетъ веранду, выходящую на лужокъ; на верандѣ помѣстились концертанты, а на лужкѣ расположилась публика, кто стоя, кто сидя на травѣ. Должность оркестра исполняла гармоника и, надо сказать, мастерски. Впрочемъ, гармоника была особенная, большая и со множествомъ ладовъ. Подъ аккомпаниментъ этой музыки было исполнено десятка полтора пѣсенъ и народныхъ, и сочиненныхъ, и грустныхъ, и веселыхъ; иные слушатели нерѣдко увлекались и начинали подтягивать или притонывать...

Финны вообще очень любятъ пѣніе и поютъ съ большой охотой. Церковному пѣнію они обязательно учатся въ школахъ, а свѣтское усердно распространяется множествомъ пѣвческихъ обществъ, издающихъ очень дешевые пѣсенники съ нотами. Такое общество, а иногда и два-три непременно найдется во всякомъ финскомъ городѣ.

Настояція народныя финскія пѣсни часто бываютъ очень содержательны и притомъ очень оригинальны по напѣву. Слова и тонъ большинства финскихъ пѣсень, такъ же какъ и русскихъ, грустны и заунывны; здѣшняя природа не располагаетъ къ веселью и радости, и въ пѣснѣ финна слышится почти одна только „сердечная тоска“, не смѣняющаяся „удалымъ разгульемъ“.

По окончаніи концерта начались танцы. Танцевали въ 20 паръ что-то въ родѣ кадрили, но безъ раздѣленія на обычныя фигуры, очень оживленно и весело; кавалеры старались превзойти сами себя и другъ друга. Потъ катился съ нихъ градомъ, а темпъ становился все быстрѣе и быстрѣе. Танецъ этотъ, называемый здѣсь „risticontra“ (крестъ-накрестъ), продолжался чуть не пѣлый часъ и закончился общимъ рондомъ. Безъ танцевъ здѣсь не обходится ни одинъ праздникъ, ни одна вечеринка. Дерзвенская молодежь по воскресеньямъ вечеромъ, даже и въ лѣтнюю страдную пору, обязательно собирается на заранѣе выбранное мѣсто и пляшетъ до упаду, иногда далеко за полночь. Если на подобные праздники прѣзжаютъ городскіе господа и барышни, то и они также иногда принимаютъ участіе въ танцахъ.

Во время концерта и танцевъ не полагалось никакого угощенія и не было никакихъ напитковъ. Вообще въ Финляндіи, гдѣ очень распространены общества трезвости, въ подобныхъ случаяхъ буфетъ блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Въ окружавшей насъ толпѣ крестьянъ не было ни одного пьянаго: финнъ расчетливъ и если напивается, такъ не въ праздникъ, а подъ праздникъ, чтобы имѣть время проспаться и въ понедѣльникъ идти на работу со свѣжею головой.

Праздникъ кончился, и всѣ толпой двинулись къ пароходу; пароходъ быстро наполнился пассажирами; пѣвцы и пѣвицы поднялись на верхній мостикъ и въ моментъ отвала парохода, махая платками въ отвѣтъ на прощальныя привѣтствія оставшихся на пристани, запѣли финскій гимнъ Рунеберга „Нашъ край“ (Маатте):

Нашъ край, нашъ край, родимый край!
Греми, о кликъ святой!
Какихъ намъ горъ, долинъ ни дай,
Какихъ побережій валь ни знай,—
Гдѣ любятъ такъ свой край родной,
Какъ любимъ съверъ свой?

Увеселительныя поѣздки—одно изъ самыхъ обычныхъ лѣтнихъ развлеченій въ Финляндіи; въ каждый праздничный день въ любомъ городѣ ихъ устраивается нѣсколько. Какое-нибудь общество или ремесленный

Процессія на финляндекомъ праздникѣ.

цехъ нанимаютъ пароходъ или пользуются подходящими пассажирскими пароходами и отправляются *in's Grüpe* попѣть и поплясать. О такой поѣздкѣ обыкновенно заранѣе объявляется въ газетахъ, и охотниковъ

набирается всегда много, потому что плата за проѣздъ и прочія удовольствія доведена до минимума. Въ программу праздника обыкновенно входитъ рѣчь, а иногда и лекція по какому-нибудь общественному вопросу, музыка, пѣніе и танцы; если же праздникъ устраивается съ благотворительною цѣлью, то и лотерея. Иногда устраиваются и болѣе продолжительныя прогулки, дня на два, напрямѣръ, въ Выборга въ Гельсингфорсъ и т. п.

Отчаливъ подъ звуки финскаго гимна отъ пристани, нашъ пароходъ быстро пошелъ на сѣверъ среди лѣсистыхъ острововъ. Свѣжіе, молодые голоса пѣвцовъ далеко разносились въ вечернемъ воздухѣ; солнце спускалось за горы, облака отливали золотомъ и пурпуромъ. По берегамъ мелькали то отдѣльные домики, то цѣлыя деревни; мы приближались къ Куопіо, и близость губернскаго города уже давала себя знать...

Олончане и ихъ промыслы.

(А. Елисева.)

Русское населеніе Пріонежскаго края, несмотря на нѣкоторую примѣсь финской крови, представляетъ все-таки одну изъ самыхъ чистокровныхъ группъ русскаго племени. Въ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ нашего сѣвера до сихъ поръ можно встрѣтить типическихъ представителей русскаго типа, который во многихъ мѣстностяхъ остальной Россіи уже потерялъ многія свои характерныя черты. Плосковатость лица, широкія скулы, приплюснутый или курносый носъ, рѣдкая бороденка, столь часто встрѣчающіеся въ физіономіи нашего мужика, на самомъ дѣлѣ несвойственны славянскому типу. Въ тѣхъ уголкахъ сѣвера, гдѣ колонизація края русскими шла медленно, путемъ мирныхъ завоеваній, родственныя связи заводились часто и славянскій типъ сильнѣе растворялся въ массѣ финской крови. Особенно это послѣднее обстоятельство замѣтно во многихъ уголкахъ Новгородской, Тверской, Вологодской и нѣкоторыхъ поволжскихъ губерній, гдѣ примѣсь финскаго типа чрезвычайно измѣнила чистоту славянскаго типа и можно сказать, даже исказила его. Нерѣдко тамъ можно встрѣтить русскаго крестьянина съ совершенно финскимъ лицомъ. Славянинъ Обонежья въ качествѣ перваго цивилизатора этого пустыннаго края, напротивъ, болѣе сохранилъ чистоту типа; инородческое населеніе, въ среду котораго онъ пришелъ, скорѣе таяло вокругъ него, чѣмъ получало новыя особенности и силы. Здѣсь русскій элементъ не смѣшивался съ туземнымъ, замкнулся болѣе или менѣе въ себя и устоялъ до сихъ поръ.

Бѣлоглазая чудь обрусѣла или отошла далѣе въ неприступныя мѣстности края. Настоящій олончанинъ, такъ же какъ и архангельскій поморъ, сохранившіе до настоящаго времени много остатковъ и особен-

ностей старины, съ ихъ новгородскою предприимчивостью, любовью къ передвиженіямъ и упорствомъ въ начатомъ дѣлѣ, представляютъ прямую противоположность тѣмъ своимъ землякамъ, которые смѣшались съ инородцами. Не особенно высокій, но коренастый и плотный онежанинъ съ его красивымъ чисто русскимъ типомъ, правильными чертами лица, сѣрыми глазами и русыми волосами представляетъ прямую противоположность даже обрусѣвшему карелу, въ лицѣ котораго всегда замѣтны финскія черты.

Одинаковыя условія жизни и природы, въ которыхъ живутъ въ Обонежьѣ русскій и карель, не отразились однако одинаково на характеръ и темпераментъ того и другого: русская натура взяла свое, а не покорила слѣпо природѣ; русскій человекъ остался все тою же широкою, размашистою, а часто и предприимчивою натурой, тогда какъ финнъ заключился въ самого себя.

Природа Олонецкой губерніи — та же Финляндія съ ея сочетаніемъ многочисленныхъ озеръ, гранитныхъ скалъ, болотъ и лѣсовъ, но эта природа не отразилась даже на міросозерцаніи русскаго насельника этихъ мѣстъ, и онъ не измѣнилъ сообразно окружающей его обстановкѣ содержанія и даже формы и окраски своихъ, по всей вѣроятности, съ юга принесенныхъ былинъ. Въ то время какъ старыя пѣсни Карелии родились и выросли на почвѣ Финляндіи, былина олончанина пришла сюда съ новгородскими колонистами и носитъ на себѣ южный колоритъ. Олончанинъ остался вѣренъ самому себѣ и въ старой вѣрѣ; онъ старовѣръ въ душѣ, хотя и ходитъ въ православный храмъ; какъ истый новгородецъ, онъ любитъ вольность и свободу и за нее готовъ крѣпко стоять. Ни шведы, ни „воровскіе люди“, ни московскія дружины не могли сломить этого крѣпкаго характера. Олончанинъ еще болѣе укрѣпился въ старой вѣрѣ, и на всемъ пройденномъ пространствѣ я не встрѣтилъ и одной пятой настоящихъ православныхъ деревень.

Вообще надо замѣтить, что старообрядцы Пріонежья гораздо зажиточнѣе своихъ православныхъ сосѣдей. Раскольники оказываютъ другъ другу помощь если не во имя братскаго чувства, то въ интересахъ своей религіозной общины. Олончанинъ представляетъ типъ настоящаго русскаго человека. Онъ, какъ настоящій житель лѣсовъ, очень ловокъ и смѣлъ — пойдетъ въ одиночку на медвѣдя и подцѣпитъ его рогатиной, волка поймаетъ въ сѣти, можетъ прозвѣровать цѣлыя недѣли въ самомъ глухомъ лѣсу, на утлой ладенышкѣ пустится въ средину Онежскаго озера.

Пахоты мало у олончанна въ его родной губерніи, но зато онъ добываетъ хлѣбъ свой отъ лѣса и воды. Для ловли рыбы онъ придумалъ много снарядовъ и сѣтей, звѣря и птицу изловчился добывать различными способами, но разумно разрабатывать свое богатство еще не на-

учился до сихъ поръ, и въ этомъ отношеніи обгоняютъ его даже свои же карелы, учащіеся уму-разуму отъ заграничныхъ собратій своихъ—финляндскихъ кареловъ. Не разъ я присутствовалъ на рыбныхъ ловляхъ олончанина и удивлялся, съ одной стороны, богатству его водъ рыбой и умѣнію ее добывать, а съ другой—его полному неумѣнію заготавливать ее впрокъ. И рѣчные, и озерные невода, и самоловку, и разные крючки попридумалъ олончанинъ для того, чтобы ловить массу рыбы; но горе то, что онъ не умѣетъ съ нею распорядиться и оттого иногда голодаетъ, хотя бы могъ постоянно наѣдаться до отвалу; правда, для правильнаго соленія у него не хватаетъ соли, но и до копченія рыбы еще не дошелъ олончанинъ, а вялить и сушить онъ ее, по всей вѣроятности, съ такимъ же искусствомъ, какъ и его первобытный родичъ каменнаго вѣка.

Разумѣется, всѣ эти примитивные способы заготовленія впрокъ рыбы не могутъ служить для того, чтобы консервировать ее хорошо и имѣть всегда подъ рукой питательный и вкусный продуктъ; но олончанинъ неприхотливъ и нерѣдко при всемъ рыбномъ богатствѣ своей родины ѣстъ рыбку съ душкомъ. Притомъ же, какъ бы много рыбы ни было, русскій человекъ никогда не довольствуется одной рыбой, а постоянно тоскуетъ о хлѣбѣ, а сего-то и плохо родитъ Пріонежье. Напрасно истребляетъ олончанинъ массу лѣса для того, чтобы на немъ пораспахаться,—каменистая и болотистая земля даетъ ничтожные урожаи. „Голодный“ хлѣбъ, подобный которому ѣдятъ въ Финляндіи, частенько составляетъ пищу даже зажиточнаго олонецкаго мужика. При недостаткѣ подвоза муки съ юга нерѣдко хлѣбушко печется лишь на половину и даже на четверть изъ ржаной муки, а все остальное дополняется размельченною соломой и толченою сосновою корой. Одинъ изъ такихъ „корявыхъ“ хлѣбовъ служилъ и для моего питанія. Голодовки поэтому очень нерѣдки въ Пріонежьѣ, а для нѣкоторыхъ уголковъ его представляютъ даже весьма обыкновенное хроническое явленіе.

Такимъ образомъ самую природой суждено олончанину добывать свой хлѣбъ не изъ земли, а изъ лѣсу и воды. Такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ вмѣстилищѣ всякаго богатства еще только что початый уголь, то олончанинъ, поставивъ болѣе рационально свои промыслы и хозяйство, могъ бы жить припѣваючи, поѣдать вкусную рыбку и дичину, а на денешки, вырученная изъ продажи своего лова, покупать хорошаго хлѣба, обновки, да еще откладывать ихъ въ кошелекъ. Никто однако этому не научилъ олончанина, и онъ нерѣдко голодаетъ, сидя на горахъ выловленной рыбы, и бѣдствуетъ, хотя кругомъ его разсыпано богатство. Какъ не умѣетъ справиться онежанинъ съ богатымъ уловомъ рыбы, такъ точно пасуетъ онъ и съ продуктами, которые доставляетъ ему лѣсъ. Много всякаго снаряда для добычи птицы и звѣря попридумалъ

олончанинъ: и капканы, и колоды, и пасти, и силки повсюду понаставлены по олонецкимъ лѣсамъ. Каждый обонезанинъ такъ или иначе занимается полѣсованіемъ, а многіе звѣруютъ всю свою жизнь, но проку отъ всего этого не много, такъ какъ сбыта нѣтъ никакого, а мѣстные скупщики, наряжающіе по зимамъ цѣлыя подводы битой дичи въ Петербургъ, своею низкою цѣной сводятъ прибыльный промыселъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Я разспрашивалъ нѣсколько разъ старыхъ и опытныхъ охотниковъ, сколько звѣрванье даетъ имъ ежегодно барыша, и никогда не слыхалъ, чтобы прибыль доходила выше

Деревня въ Олонецкой губерніи.

25—30 рублей на цѣлый годъ тяжелаго и рискованнаго труда. Еще немного лучше идетъ пушной товаръ на ярмаркѣ въ Шунгѣ, но и тутъ барышъ не слишкомъ великъ...

Немногимъ болѣе получаетъ олончанинъ и отъ своего самаго исконнаго богатства—лѣса, который онъ, повидимому, до сихъ поръ еще цѣнить очень невысоко, истребляя и выжигая цѣлыя площади для того, чтобы получить нѣсколько земли для пахоты. Сколькихъ трудовъ стоитъ такого рода земледѣліе, къ которому русскій мужикъ, даже живя среди болотъ и лѣсовъ, чувствуетъ какую-то особенную склонность, нечего и говорить, но въ результатѣ получается лишь горсть муки, не выкупающая потери въ лѣсѣ, которую еще не можетъ оцѣнить обонез-

скій мужичокъ. И на вырубкѣ, и на сплавкѣ, и даже на распилкѣ лѣса мало зарабатываетъ олончанинъ, потому что все лѣсное дѣло вѣдаютъ крупные промышленники, наживающіе сотни тысячъ, а гдѣ же ему тягаться съ тѣмъ или другимъ столичнымъ кулакомъ? Съ вырубкой лѣса онъ лишается своего главнаго богатства, а нерѣдко вредитъ этимъ и рыбному промыслу, надающему на сплавныхъ озерахъ и рѣкахъ...

Живя въ лѣсу болѣе или менѣе обособленную жизнью, часто отриваемый бездорожьемъ даже отъ ближайшихъ сосѣдей, олончанинъ досужь не только фантазировать на разныя темы, но и хранить преданія и легенды, дошедшія до него изъ глубины вѣковъ. Не только былины, сказанія и пѣсни, но даже простые рассказы и историческія преданія, сложившіеся еще Богъ вѣсть въ какую пору, хранить мѣстный житель. Особенно живучи преданія о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ, относящихся ко времени Петра Великаго, память о которомъ сохранилась во всемъ Обонезьѣ.

Селенія и постройки олончанина во многихъ отношеніяхъ выгодно отличаются отъ деревушекъ и избенокъ нашего великорусскаго мужичка. Каждое поселеніе олончанина раскинуто хозяйственно и широко, несмотря на то, что часто состоитъ всего изъ нѣсколькихъ хозяйствъ или дворовъ. Типомъ постройки олончанина можно считать тотъ, которымъ строились и наши домовитые предки, не имѣвшіе надобности скуниться мѣстомъ и строевымъ лѣсомъ. Кромѣ горенки, одной или двухъ пристроекъ, сѣнецъ, хлѣва для скотинки, помѣщающейся подъ общюю съ домомъ крышей, есть еще въ избѣ олончанина подполица, а наверху теремокъ съ другою горенкой и сѣнцами. У нѣкоторыхъ запасливыхъ хозяевъ есть и своя особая моленная, помимо иконъ, развѣшанныхъ въ большомъ количествѣ въ переднемъ углу. Принадлежность къ расколу сказывается во всемъ жилищѣ олончанина, придавая ему не только характеръ домовитости, но и чистоту, столь мало знакомую нашему крестьянину; съ этой стороны изба олончанина выгодно отличается отъ сосѣдней хаты русскаго карела и можетъ поспорить даже съ жилищами финновъ.

На озерѣ Купецкомъ.

(В. Х.)

Медленно двигалась наша телѣга по глинистой, вязкой дорогѣ. Хмурое небо глядѣло на насъ въ узкую просѣку. А то все лѣсъ кругомъ, густой, непроходимый лѣсъ. Сорокъ верстъ лѣсомъ — вотъ дорога на озеро Купецкое. Сначала березнякъ, потомъ сосна и ель. Высоко къ небу устремились зубчатая верхушки, а внизу такъ густо переплелись нижнія вѣтви, что, кажется, только съ помощью топора можно пробраться сквозь эту темную сѣтку. По обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ

простертыми могучіе великаны лѣса; срубленные во время проведенія дороги, они медленно гніють здѣсь. Жесткая, наполовину болотистая, наполовину лѣсная трава, мелкорослый ивнякъ да мохъ покрываютъ почву.

Тутъ и тамъ попадаются вывороченныя съ корнями деревья, цѣлыми рядами лежатъ они. То жертвы вихря, когда онъ со страшнымъ ревомъ проносится по лѣсу. Лѣсъ тогда шумитъ, гнется, стонетъ; то и дѣло слышится трескъ неустоявшихъ деревьевъ, шелестъ зацѣпившихся за сосѣднее дерево могучихъ вѣтвей,—лѣсъ оживился.

Но теперь все тихо кругомъ—безмолвіе, безлюдье. Ёдениъ десятки верстъ, не встрѣчая не только ни одного селенія, но даже ни одного человѣка. Зато какъ обрадуешься, когда на половинѣ дороги издали замѣтишь человѣческую фигуру. То олончанинъ, пробирающійся изъ одной деревни въ другую, или идущій на свои пашни, или вышедшій по распоряженію старшины чинить дорогу. Суровой, но сильной кажется вся его фигура, облеченная въ бѣлесоватый армякъ; голова и шея покрыты „кукелемъ“, за спиной „крошни“, въ мускулистыхъ, жилистыхъ рукахъ пила, заступъ или другой инструментъ. Иногда на краю дороги увидишь такъ называемую „артель“ пильщиковъ — два мужика вмѣстѣ согласились напилить себѣ досокъ. Кромѣ кукеля, они надѣли себѣ на лица сѣтки, зажгли костеръ рядомъ, чтобы избавиться хоть немного отъ комаровъ. То выскакиваетъ изъ-за густого синеватаго дыма, то внезапно исчезаетъ за нимъ быстро движущаяся пила; рѣзкій лязгъ слышенъ еще издали. Нѣтъ, лѣсъ не мертвъ. Слѣды пребыванія въ немъ человѣка замѣтны. Тутъ и тамъ догораетъ еще не совѣмъ остывшій костеръ; среди густой сѣни лѣса скромно поднимается крыша низенькой лѣсной избушки или „фатерки“, чуть замѣтная тропа убѣгаетъ въ чашу. Трудна борьба съ лѣсомъ, окружившимъ со всѣхъ сторонъ олончанина; зато природа надѣлила его всѣми качествами, необходимыми въ борьбѣ съ ней самой: смѣлостью, упорствомъ, энергіей и находчивостью.

Кто видалъ пашни въ лѣсу, такъ называемыя „лядины“, кто знаетъ, что такое „лядина“ или подсѣчное хозяйство, тотъ не станетъ сомнѣваться въ силѣ воли олончанина.

Вотъ что такое эта „работа въ лисяхъ“, о которой сами крестьяне говорятъ, какъ о самой тяжелой работѣ. Довольствоваться надѣломъ пахотной земли близъ своего селенія олончанину положительно нѣтъ возможности: онъ слишкомъ малъ — всего $\frac{1}{3}$ десятины на душу. Вотъ почему раннею весной, едва только сойдетъ снѣгъ, олончанинъ уже отправляется въ лѣсъ выбирать себѣ мѣсто для лѣсной пашни, такъ называемой „лядины“. Обыкновенно выборъ его падаетъ или на лѣсную поляну, куда легко и удобно было бы свезти побольше валежнику, или же на мѣсто, поросшее осиною, березой, вообще листовенными породами.

Просохнетъ немного земля — и вся семья крестьянина отправляется на работу. Идутъ молодые и старые, женщины и подростки. Женщины вооружаются такъ называемыми „женскими топорами“ или „косарями“ (длинный согнутый ножъ, у котораго лезвіе находится съ внутренней стороны) и для удобства переодѣваются въ лѣсу въ мужской костюмъ. Уходитъ семья изъ дому въ понедѣльникъ обыкновенно на цѣлую недѣлю. Съ шутками, смѣхомъ и говоромъ уходятъ въ лѣсъ эти неутомимые работники; еще веселѣе она возвращаются домой. Въ лѣсу работа кипитъ съ утра до вечера. Рубятъ маленькія деревца, срубаютъ нижнія и верхнія вѣтки съ большихъ деревьевъ. На ночь возвращаются домой только въ томъ случаѣ, если своя деревня близка. Въ противномъ случаѣ почуютъ въ „фатеркѣ“. Она обыкновенно тѣсна и низка до того, что стать въ ней взрослому вѣтъ никакой возможности. Въ эту-то „фатерку“ вползаютъ рабочіе и здѣсь находятъ ночной пріютъ. Но бичъ олонцкихъ лѣсовъ — комаръ и мошка, мучившіе ихъ въ продолженіе цѣлаго дня, зачастую не даютъ имъ уснуть. Часто, потерявъ терпѣніе, олончанинъ зажигаетъ березовую вѣтку и накалившимися листьями прижигаетъ свои раны. Часто за десятки верстъ онъ бѣжитъ въ свою деревню попариться въ банѣ — единственное почти средство, по мнѣнію крестьянъ, облегчить эти ужасныя страданія.

Кончилась подготовка работы на лядинѣ: срубаніе вѣтокъ и деревьевъ, и олончанинъ оставляетъ ее до будущаго года. Получившаяся куча валежника успѣваетъ высохнуть до слѣдующаго лѣта. Тогда снова является сюда хозяинъ ея съ домашними; лядина поджигается со всѣхъ сторонъ; горитъ валежникъ, коробятся и трещатъ листья, искры взлетаютъ вверхъ, и среди этого пламени, среди ѣдкаго густого дыма ходятъ владѣльцы лядины, переворачивая сучья и бревна, не давая гаснуть огню до тѣхъ поръ, пока не испепелится весь валежникъ. Эта работа большею частью отражается на глазахъ, которые потомъ страдаютъ воспаленіемъ. Вспахиваютъ лядину сохой особеннаго устройства, которая не глубоко забираетъ землю. Боронуютъ особенною олонцкою бороною, сдѣланной изъ толстыхъ сучьевъ сосны, снабженныхъ многочисленными мелкими сучками. Такіе сучья расщепляютъ и обращаютъ внизъ, такимъ образомъ они замѣняютъ желѣзные зубцы нашей бороны. Много труда стоитъ олончанину его пашня, но она вознаграждаетъ его хорошо, возвращая ему его посѣвъ иногда самъ-двадцать.

По своему внѣшнему виду лядины съ особенною мягкою сѣвровою зеленью, свойственною злакамъ, сквозь которую проглядываютъ черные, обгорѣвшіе пни съ высоко выдвигающимися бѣлыми и сѣрыми стволами березъ и осинъ, представляютъ вполне оригинальную картину.

По воть послѣ долгаго пути сосновымъ боромъ мѣстность принимаетъ болѣе веселый характеръ. Лиственный лѣсъ такъ свѣжъ, такъ

сочень. На прозрачномъ вчернемъ небѣ покоятся недвижные листья. Закатъ золотитъ верхушки лѣса; ниже лучи его не могутъ проникнуть сквозь густую зеленую чащу; иногда только за поворотомъ дороги, сквозь болѣе рѣдкія деревья мелькнетъ оно, и снопъ золотыхъ лучей внезапно ослѣпитъ глаза. Спитъ темная неподвижная вода въ маленькихъ болотцахъ по краямъ дороги. Уже покрылись тѣнью мелкорослыя березы и ивы, торчащія изъ нихъ, и густая трава на опушкѣ. Ландыши въ полномъ цвѣту — сильный, сладкій запахъ ихъ разлитъ въ воздухъ.

Вдали заблестѣло озеро Купецкое. Точно зеркальце, брошено оно среди березовыхъ рощъ. На берегахъ сѣрыми пятнами выступаютъ деревни. Высоко поднимается бѣлая колокольня „погоста“. Всѣ контуры сливаются въ мягкомъ свѣтѣ заката.

Озеро Купецкое не велико, но, окруженное довольно возвышенными берегами, необыкновенно красиво. Все оно съ лѣсами, окружающими его, съ деревнями, ютящимися на его берегахъ, какъ-то миниатюрно и изящно. Сколько разъ оно, бывало, измѣнитъ свой видъ сообразно погодѣ и освѣщенію. Прелестно оно, когда яркое золото утренней зари залетѣтъ его. Пожалуй еще красивѣе, когда вдали за березовой рощей садится солнце, небо блѣднѣетъ ежеминутно, принимая лиловато-розовый оттѣнокъ на западѣ, и весь небосклонъ со своими измѣнчивыми тонами кажется опрокинутымъ на недвижной, готовящейся къ ночному отдыху глади. Но вотъ просыпаешься утромъ, бѣжишь къ озеру и не узнаешь его. За послѣднюю избой ударилъ въ лицо сильный порывъ сѣвернаго вѣтра—онъ прерываетъ дыханіе, леденитъ своими холодными объятіями. А озеро—что случилось съ нимъ? Свинцовыя волны, увѣчанныя зловѣщими бѣлыми гребнями, несутся къ берегу. Свинцовое небо мрачно повисло надъ головой: на его темномъ фонѣ величественно выдѣляется бѣлая колокольня Бураковского погоста. Шумитъ, реветъ озеро—неприглядно, неприютно. „Сѣверикъ дуетъ—и рыбу ловить нельзя ѣхать“, говорятъ мужики, у которыхъ нѣтъ большихъ лодокъ, способныхъ выдержать такое волненіе.

За расположенной на берегахъ озера деревней Авдѣевской идутъ пашни. Не тянутся онѣ до горизонта зеленымъ волнующимся моремъ, какъ у насъ: столько мѣста лѣсъ не уступаетъ олончанину. Тутъ же темною стѣной стоятъ онѣ на стражѣ, ограничивая ту небольшую равнину, на которой расположены пашни. Но и этому небольшому сравнительно клочку земли, который предоставленъ имъ, онѣ придали необыкновенно свѣжій, привлекательный видъ. Какъ мягко сквозятъ солнечныя лучи сквозь ихъ низкую еще зелень; какими прелестными тѣнями обогащаютъ по ихъ волнующейся поверхности гонимыя вѣтромъ облака. Дальше тянется лѣсъ, мѣстами лиственный, мѣстами хвойный. А тамъ, прой-

дешь версту-другую, начинаются уже изгороди сосѣдней деревни, пойдутъ опять пашни вплоть до избъ.

Замѣчательно, что окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ крестьяне съ такою любовью относятся къ небольшой, состоящей изъ нѣсколькихъ деревьевъ рощицѣ, окружающей часовню. Такую любовь къ этимъ такъ называемымъ „священнымъ рощамъ“ мы замѣчали и въ другихъ мѣстахъ. На ряду съ любовью къ своимъ священнымъ рощамъ среди крестьянъ замѣчается и большое уваженіе къ нимъ. Въ священной рощѣ никто не смѣетъ рубить деревья. Нерѣдко случалось намъ слышать рассказы о томъ, какъ посягнувшіе на деревья такихъ рощъ были на-

Лѣтній экипажъ олонецкихъ крестьянъ.

казаны отнятіемъ рукъ или ногъ. Замѣчательно также, что иногда разрастающейся рощѣ крестьяне даютъ мѣсто, даже если отростки деревьевъ вырастаютъ на пахотной землѣ. „Гулянки“, т.-е. собранія молодежи въ день праздника церкви или часовни извѣстной деревни, также чаще всего происходятъ въ этихъ рощахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстами, освященными раньше языческими святилищами, теперь христіанскими часовнями. И какъ раньше, во времена язычества, на этихъ мѣстахъ происходили гульбища, такъ и теперь молодежь идетъ вселиться подъ сѣнь той же самой рощи, не подозрѣвая о ея прежнемъ значеніи. Можетъ быть, многія изъ этихъ рощъ недавняго относительно происхожденія: народъ,

вспомнивая старину, насаживает деревья вокруг новопостроенной часовни, и такимъ образомъ образуется новая роща.

Иногда вокругъ часовень расположено и кладбище, чаще же всего часовня стоитъ одна посреди рощи. Праздникъ того святого, въ честь котораго она построена, глубоко чтится и считается праздникомъ деревни, подобно храмовому. Иногда, если роща находится около воды, служится молебень съ водосвятиемъ, и народъ тотчасъ послѣ освященія воды бросается въ струи озера купаться „для здоровья“. Эти купанья происходятъ не только лѣтомъ, но и зимой, если праздникъ приходится въ зимніе мѣсяцы.

Авдѣевская роща, состоящая изъ небольшихъ елокъ, темныя хвоя которыхъ прекрасно сочетаются съ зеленью нѣсколькихъ березъ, скрываетъ подъ своею густою сѣнью маленькую деревянную часовню, выкрашенную въ темную охру; тутъ же течетъ родникъ.

По шаткимъ деревяннымъ ступенямъ, усыпаннымъ сухими иглами, входишь въ часовню. Черезъ узкое рѣшетчатое окно падаетъ въ нее скудный свѣтъ. Образа старинные, по всѣмъ вѣролтіямъ, старовѣрческаго происхожденія. Тихо въ часовиѣ, тихо и въ рощѣ. Журчитъ только родникъ, вырываясь изъ земли, да иногда тяжело упадетъ на землю еловая шишка и съ сухимъ трескомъ покатится по желтымъ игламъ.

Пути сообщенія здѣсь вообще очень плохи. Колесные экипажи встрѣчаются въ маломъ количествѣ у оловчанъ. Конечно, на каждой станціи, даже на самой маленькой, найдешь тарантазь; бываютъ и телѣги, иногда правда, съ колесами совсѣмъ примитивнаго устройства. Большою же частью кладь возятъ на пошевняхъ лѣтомъ такъ же, какъ и зимой. Недостатокъ колесныхъ экипажей объясняется очень легко: иной разъ изъ одной деревни въ другую можно проѣхать только верхомъ. Такова, напр., дорога въ отдаленную и бѣдную деревню Коннельозеро, которую народъ въ насмѣшку зоветъ „Питеромъ“. „На Коннельозеро проѣхать—святымъ сдѣлаешься“, смѣются пудожане. Въ иныхъ мѣстахъ въ сухопутныхъ путяхъ сообщенія нѣтъ нужды. Селенія, разбросанныя по берегамъ большихъ озеръ, пользуются воднымъ путемъ.

Изъ Петербурга въ Петрозаводскъ.

(Н. Березина.)

7 іюня въ 10 часовъ утра мы были уже на пароходной пристани. Большой пузатый пароходъ „Кивачъ“ спѣшно доканчивалъ нагрузку. Машина гудѣла, изъ трубы вился дымъ, а колеса нѣсколько разъ принимались шлепать по водѣ, словно пароходъ былъ птица, которая машетъ передъ полетомъ крыльями, желая узнать, годны ли опи въ дѣло.

Бородатые бѣлокурые матросы катали бочки и перекувыркивали въ трюмъ большіе ящики. По сходнямъ бѣгали люди съ какими-то квитанціями; они кричали, дѣлали знаки руками и безъ церемоній протискивались сквозь густую толпу разной провожающей публики, среди которой рѣшительно преобладали бабы. Всякіе поклоны, пожеланія, напоминанія неслись по воздуху съ пристани на пароходъ и обратно подъ аккомпанементъ громыхапья грузовъ и гудѣнья машины. Наконецъ прозвенѣлъ давно желанный третій звонокъ, но еще прошло не мало времени, прежде чѣмъ сволокли на пароходъ послѣдній пудъ клади и сгнали прочую постороннюю публику. „Кивачъ“, потоптавшись нѣсколько минутъ у пристани, высунулся изъ толпы окружавшихъ его барокъ и пошелъ по Невѣ средней рѣки. Утро было теплое, солнечное; невскіе берега, уставленные заводами, фабриками, окаймленные полосой грузившихся барокъ, весело бѣжали по сторонамъ. Звуки, краски и предметы смѣшивались въ одно бодрое настроеніе движенія. Вскорѣ зданія стали рѣдѣть; направо мелькнуло рыбацкое селеніе, палѣво Саратовская колонія; и за ними потянулись ровные рѣчные обрывы, о которые весело плескали волны. Подъ городомъ жизнь кишѣла на берегахъ, и Нева казалась пустынной, теперь, наоборотъ, берега были безлюдны, а барки и буксиры на рѣкѣ придавали ей оживленіе.

„Кивачъ“ не торопился; онъ равномерно шлепалъ колесами и тяжело и мѣрно вздыхалъ. Каюта второго класса была набита; тутъ преобладали купеческіе картузы и приказчики, которые, прочно усѣвшись за длиннымъ столомъ, пили чай и вели торговые разговоры. Кромѣ нихъ, были двѣ-три чиновничьи фуражки.

Берега Невы мало интересны. Рѣка течетъ слабо, взвиваясь среди ровныхъ обрывовъ; мѣстами она расширяется, образуя заливы, а на порогахъ сильно суживается; но пороги проявляютъ себя только тѣмъ, что вода сильнѣе рябитъ на нихъ и несетъ быстрѣе. Около 4 часовъ „Кивачъ“ прошелъ мимо Шлиссельбурга и сталъ выбирать въ озеро, въ Ладогу, необъятная гладь котораго уходила вдаль среди низкихъ разступавшихся береговъ. На берегу виденъ былъ соборъ, пристани и пароходы, а изъ шлюза, которымъ открывается въ Цеву Ладожскій обходный каналъ, медленно, какъ червь, выползала тяжело нагруженная барка.

Нева выбѣгаетъ изъ озера двумя рукавами, оставляя между ними небольшой островокъ, на которомъ стоитъ знаменитая, выстроенная еще шведами, крѣпость Шлиссельбургъ. Теперь она потеряла свое назначеніе, какъ крѣпость, и служитъ тюрьмой. Мрачныя стѣны и башни ея долго еще видѣлись съ озера. Ладога была пустынна, только кое гдѣ видѣлись рыбацкія соймы, небольшія лодки съ двумя парусами, да неуклюжій галіотъ, подставляя вѣтру громадный парусъ, тяжело двигался впередъ, закружляя надъ водой свою пузатую корму.

Мы жадно смотримъ на озеро. Вотъ она—Ладога, самое большое озеро въ Европѣ. Это цѣлое море. Оно тянется въ длину на 194 версты, въ ширину на 122, представляя громадную скатерть воды почти въ 16.000 кв. верстъ. На югѣ еле виденъ низкій берегъ, въ топкой почвѣ котораго залегаютъ обходные каналы; чуть замѣтные островки, мели и камни не позволяютъ плавать въ этихъ мѣстахъ, зато къ серединѣ озера глубина увеличивается до 40 сажень, а въ сѣверо-западномъ углу Ладоги, гдѣ она врѣзается въ финскіе граниты извилистыми заливами, фіордами, шхерами, глубина доходить мѣстами до 122 сажень. Здѣсь противъ высокихъ береговъ лежитъ множество скалистыхъ островковъ и камней.

Ледниковые шрамы на прибрежныхъ скалахъ Ладожскаго озера.

Сколько воды въ этомъ озерѣ! Нѣсколько большихъ рѣкъ — Вуокса, Свирь, Сязь, Волховъ и множество мелкихъ рѣчекъ льютъ въ него воды изъ сосѣднихъ озеръ и болотъ, и вся эта масса воды, собирающейся съ громаднаго пространства, уходитъ въ море черезъ единственный стокъ—Неву. Медленно и величаво изливаются въ Ладогу свои воды южные и восточные притоки, тогда какъ сѣверные шумно пѣнятся по гранитнымъ порогамъ. День и ночь льется въ озеро вода, вытекая на другомъ концѣ. Но погода переменчива: то идутъ дожди, то сухо, а потому количество воды, приносимой притоками, колеблется, и озеро словно медленно дышать, то подымая, то опускаая свой уровень. Колебанія эти не велики и рѣдко достигаютъ сажени; гораздо замѣтнѣе сгоны и нагоны воды въ мелкой Невской губѣ; здѣсь сильный западный вѣтеръ

отжимаетъ воду къ востоку, такъ что фарватеръ мелѣетъ и становится почти непроходимъ, но этотъ же вѣтеръ нагоняетъ воду изъ Финскаго залива въ устье Невы, угрожая Петербургу наводненіемъ. Наоборотъ, восточный вѣтеръ пригоняетъ воды Ладоги къ Невѣ, а въ ней сгоняетъ воду въ Финскій заливъ. Западный вѣтеръ совершаетъ еще другую работу: онъ приводитъ воду Ладоги въ медленное круговое движеніе. Начинаясь у устья Волхова, струя медленнаго теченія движется дальше вдоль восточнаго берега, загибая тамъ на западъ, потомъ на югъ, и входитъ въ Неву. Бревно, плывущее внизъ по Волхову, войдетъ въ Неву не иначе, какъ обойдя все озеро.

Къ вечеру вѣтеръ спалъ, и озеро стало какъ зеркало, отражая алѣющее небо. Вдали темной полоской еде виднѣлся берегъ. На пути парохода то и дѣло попадались рыбачьи сѣти. Деревянные поплавки ихъ, точно вереница чашекъ, тянулись по водѣ, въ то время какъ тяжелыя грузила тянули сѣтъ внизъ, заставляя ее стоять стѣной. Пароходъ безъ всякаго смущенія идетъ черезъ сѣти, такъ какъ сѣти не рвутся отъ такого натиска, а снова всплываютъ за кормой. Вотъ впереди на днѣ показалась ка ая-то черная точка.

— Утка,—утверждаетъ мой спутникъ.

— Нѣтъ, не похоже. Вотъ посмотримъ; взлетитъ—значитъ утка, нырнетъ—значитъ тюлень.

Въ это мгновенье черная точка исчезаетъ въ водѣ, подтверждая тѣмъ справедливость послѣдняго предположенія. Мы съ любопытствомъ смотримъ, долго ли тюлень пробудетъ подъ водой, не вынырнетъ ли онъ возлѣ борта парохода. Но проходитъ нѣсколько минутъ, и только тогда черная точка показывается далеко за кормой парохода. Осторожный звѣрь, видно, хорошо знаетъ, что встрѣчи съ людьми надо избѣгать. Тюлени водятся въ Ладожскомъ озерѣ издавна. Это потомки тюленей, которые жили въ этихъ водахъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда широкій морской проливъ соединялъ Бѣлое море съ Балтійскимъ. Ихъ теперь немного, потому что рыбы въ озерѣ мало. Прибрежные жители по своей бѣдности не брезгаютъ мелкой рыбой, которую вылавливаютъ сачками, отчего озеро годъ отъ году теряетъ свои рыбныя богатства.

Къ вечеру нашъ пароходъ сталъ приближаться къ восточному берегу и вскорѣ вошелъ въ устье рѣки Свири. Какое грустное впечатлѣніе производятъ эти топкія, поросшія жидкимъ камышомъ мѣста! Справа и слѣва камыши и озера, и только кое-гдѣ торчитъ на сваяхъ полуразвалившаяся лачуга. Утки, вспугнутыя пароходомъ, стаями летятъ низко надъ водой и исчезаютъ за стѣной камышей.

Въ часъ ночи пароходъ причаливаетъ къ мѣстечку Серманса. Ночь, но свѣтло какъ днемъ, и чуть ли не все населеніе Сермансы высыпало

на пристань. Пароходъ спускаетъ нѣсколькихъ пассажировъ и снѣжно сбрасываетъ кое-какой грузъ.

Цѣлый день мы плыли по Свири, любуясь ея берегами. Свирь вдвое уже Невы, но гораздо красивѣе. Берега ея высоки, а за ними виднѣются холмы и горы, покрытыя лѣсами. Теченіе ея быстрое, особенно на порогахъ, которыхъ много. Самые большіе пороги залегаютъ между Подпорожьемъ и Мятусовымъ; они невольно обращаютъ на себя вниманіе по быстротѣ теченія и замѣтному даже на глазъ паденію рѣки въ этихъ мѣстахъ. Вода бѣжитъ стрѣлой, бурлитъ, пѣнится, и возлѣ самаго парохода видны камни.

Капитанъ уже не надѣется на себя и сдалъ команду лодману съ бляхой на груди, который стоитъ на мостикѣ и подаетъ знаки штурману. „Кивачъ“ работаетъ колесами изо всѣхъ силъ, но ползетъ впередъ, какъ черепаха. Взглянешь на воду—вода бѣжитъ съ головокружительной быстротой, посмотришь на берегъ—мы почти стоимъ. На берегу видны сторожка и сигнальная мачта, на которой ночью вывѣшиваются сигнальные фонари, а дальше влѣво длинный и узкій валъ отрѣзаетъ отъ Свири тихую заводь и стѣсняетъ теченіе ея: очевидно, какое-то инженерное сооруженіе для облегченія судоходства на порогѣ. За порогами Свирь снова расширяется. По берегамъ тамъ и сямъ виднѣются деревни съ высокими, почернѣвшими и покосившимися избами, а у самой воды то и дѣло виднѣются сложенные полѣнницы дровъ, которыя тянутся иногда чуть не на сотню сажени. Это тѣ дрова, которыя доставляются лѣтомъ въ Петербургъ на громадныхъ баржахъ, выгружающихся на Невѣ и на всѣхъ петербургскихъ каналахъ.

Между сложенными сажениами копошатся жалкія, закутанныя во всякую рвань фигуры: это складчики и грузчики. На каждомъ шагу „Кивачъ“ обгоняетъ или встрѣчаетъ караваны баржъ, которыя буксируютъ такіе же колесные буксиры, какіе ходятъ по Волгѣ. Иногда попадаетъ маленькій винтовой пароходикъ безъ палубы; онъ выпускаетъ изъ своей трубы цѣлые клубы дыма, усердно буравитъ воду винтомъ и съ трудомъ тянетъ противъ теченія вереницу баржъ, точно муравей, ухватившій соломинку не по силамъ. Команда, выпачканная сажей, чайничаетъ подъ закоптѣлымъ балдахинчикомъ, раскинутымъ надъ рулевымъ колесомъ, равнодушно поглядывая на „Кивачъ“. Всѣ эти баржи тянутся съ Волги; пройдя Свирь, онѣ вступаютъ въ Ладожскій обходный каналъ, начинающійся въ топкой мѣстности устьевъ Свири. Изъ канала онѣ вынырнутъ у Шлиссельбурга, чтобы, пройдя Неву, выгрузиться на Калашниковой пристани въ Петербургъ.

На Свири пароходы останавливаются у нѣсколькихъ пристаней. Это большія и богатая села съ хорошими двухэтажными домами, населенныя преимущественно лодманами и отчасти рыбаками. Лодмана рабо-

таютъ порядочно, и такъ какъ каждое судно обязательно должно брать лопмана по отдѣльнымъ участкамъ, а большіе пароходы даже двоихъ, то лопмановъ требуется много.

Около пяти часовъ вечера „Кивачъ“ сталъ подходить къ пристани Вознесенье. Прямо впереди открылось Онежское озеро. Вознесенье представляло оживленную картину грузовой дѣятельности. Громадная, но плохая, деревянная пристань съ разными мостками была завалена дровами, мѣшками и разнымъ грузомъ. По ней во всѣ стороны сноваль народъ, толпы котораго густо облѣнили то мѣсто, куда причалилъ „Кивачъ“. Здѣсь намъ предстояло остаться до часу ночи, потому что „Кивачъ“ забиралъ дрова и грузъ. Едва сбросили сходни, какъ мы поторопились сойти на берегъ и отправились наблюдать жизнь и людей.

Сейчасъ же за пристанью открывается конецъ обходнаго Онежскаго канала. Озеро и Свирь были усеяны барками всѣхъ фасоновъ, которыя мѣстами сгрудились въ длинные ряды; тонкія мачты ихъ съ красными вымпелами, парходныя трубы да какія-то высокія сооруженія—должно быть, подъемные краны для грузовъ—тянулись въ небо. По рябившей водѣ сновали лодки, звучали ровные удары и всплески весель, и далеко по глади волнъ неслись во всѣ стороны крики лодочниковъ и бурлаковъ. По каналу медленно, точно сонная, двигалась громадная барка, которую тянуло за длинную, привязанную къ верхушкѣ мачты бечеву нѣсколько жалкихъ лошадокъ въ веревочной сбруѣ. Сзади шелъ оборваннѣйшій мальчишка, нахлестывавшій клячъ кнутомъ, а въ сторонѣ у полѣнницы дровъ, понуря голову, смирно и неподвижно, уставивъ кроткіе глаза въ одну точку, стояло еще нѣсколько такихъ бѣдныхъ конягъ. Отъ пристани готовился отвалить пароходъ,—судно совершенно особаго типа, приспособленное къ хожденію по каналу. Это сооруженіе напоминало скорѣе большую пловучую кухню. На плоскомъ днищѣ стояли двѣ каюты съ лавками внутри, совершенные вагоны. Между ними помещалась машина—нѣчто въ родѣ плиты съ трубой съ цузатой сѣткой наверху, чтобы не пропускать искръ. Обѣ каюты были покрыты общей крышей, перегороженной какими-то дугами изъ толстаго желѣза. Все судно было обсыпано пассажирами, какъ мухами. Горы ящиковъ, корзины, узловъ, узелковъ, едва позволяли двигаться, и курьезно было видѣть, какъ среди сценъ прощанья и проводовъ изъ черной дыры въ полу вылѣзалъ грязный равнодушный машинистъ.

— Скажите, пожалуйста, на что эти дуги наверху? — спрашиваю я у празднаго матроса.

— То что ходитъ онъ по каналу, а канаты пропускаетъ надъ собой, чтобы не задѣвали.

— Такъ. Ну, а труба зачѣмъ такая?

Труба? То что ходять барки съ сѣпомъ и дровами, а отъ него нескры, и можетъ сдѣлаться пожаръ.

— Да вѣдь искры сквозь такую сѣтку пролетять!

— Извѣстно, пролетять. Ну, да вѣдь форма.

— А скоро ходить эта машина?

— Эта машина ходить не болѣе 9 верстъ въ часъ, скорѣе не дозволено, потому что отъ нея волны идутъ и каналъ размываютъ.

Въ это время странное сооруженіе сипло рякнуло три раза, подымтъ что-то забултыхало, и оно тронулось въ путь-дорогу, а мы вернулись на свой „Кивачъ“. Тамъ шла оживленная работа: съ одного борта матросы возили на тачкахъ здоровыя круглыя полѣнья, которыя складывали тутъ же на палубѣ, пока она не стала похожей на дровяной дворъ, а къ другому борту подвели громадную баржу съ крышей. Сквозь снятыя доски крыши видна была внутренность: тамъ на днѣ лежали несчетныя мѣшки съ мукой; кучка людей съ фонаремъ возилась въ одномъ углу, откуда по узкой доскѣ двигалась на пароходъ вереница бурлаковъ съ мѣшками на спинахъ. Порожниѣ подходили, подставляли дюжую спину, на которую двое другихъ сажали куль, и бурлакъ, крякнувъ и поправивъ пошу, дробнымъ шагомъ бѣжалъ наверхъ. Скоро перегрузку кончили: „Кивачъ“ съ одной стороны представлялъ дровяной дворъ, съ другой -- мучной лабазъ. Люди съ фонарями вылѣзли наверхъ, заложили дыру досками, и вскорѣ барка, отпихнувшись отъ парохода, отошла въ сторону.

„Кивачъ“, сбросивъ сходи, двинулся и сталъ выбираться изъ толпы барокъ, направляясь въ Онежское озеро.

У кареловъ.

(А. Круковского).

Карелы—инородцы финскаго племени, живутъ на сравнительно большомъ пространствѣ: отъ сѣверной Финляндіи почти до верхней Волги и отъ Сайминскаго озера до Бѣлаго моря. Это — исконные жители этого края; но въ XIII в. край этотъ подвергся нападению со стороны новгородскихъ славянъ, которые сначала дѣлали набѣги на мирныхъ тихихъ карель, а затѣмъ поселились въ Кареліи навсегда, и съ тѣхъ поръ здѣсь происходило систематическое смѣшеніе двухъ племенъ: финскаго и славянскаго. Финскій типъ карела сгладился до вѣкоторой степени славянскою округлостью лица и большей подвижностью; славянскій же типъ пріобрѣлъ значительныя угловатости и скуластость въ лицѣ.

Русскіе оттѣснили кареловъ отъ берега Онежскаго озера и сами заселили его; здѣсь, по западному берегу озера и главнымъ образомъ по

Свири, еще можно найти чистые типы великороссовъ, но уже на 50—100 верстъ отъ берега этотъ типъ утрачиваетъ свою этнографическую цѣльность и замѣтно переходитъ въ финскій. Русскій языкъ этого берега Онеги тоже подвергся измѣненію, и хотя въ немъ много сохранилось древне-русскихъ оборотовъ рѣчи и словъ, все-таки произношеніе сильно пострадало отъ сосѣдства съ карелами, такъ какъ и до сихъ поръ русское населеніе берега прекрасно говорить по-карельски.

Неопытному глазу отличить карела отъ русскаго довольно трудно: тѣ же свѣтлые волосы, свѣтло-голубые или сѣрые глаза, почти тотъ же древне-великорусскій типъ; и лишь при внимательномъ изученіи карела нахо-

К а р е л ы .

дятъ въ немъ сильно выраженныя, отличительныя черты финскаго племени. Цвѣтъ лица у него всегда густо-розовый, почти малиновый (по этой примѣтѣ даже сами карелы отличаютъ другъ друга), овалъ лица обнаруживаетъ мало замѣтную скуластость, усы всегда свѣтлѣе бороды, угловатое, длинное туловище поставлено на сравнительно короткихъ ногахъ, руки нѣсколько длинноваты. Карель хорошаго средняго роста, вся фигура плотная, коренастая, а лицо всегда производитъ симпатичное выраженіе. Некрасивыхъ карель или отталкивающихъ лицъ я почти не встрѣчалъ, а дѣти въ общемъ даже красивы.

Характеръ карела тихій, ровный, мягкій. Карелы любятъ тишину, спокойствіе, молчаніе, и поэтому въ карельскихъ деревняхъ царствуетъ полнѣйшая тишина. Въ то же время онъ замкнутъ, мало общителенъ

и часто недовѣрчивъ. Карелы ведутъ патріархально-простую жизнь, и нравы ихъ не испорчены внѣшней культурой, отъ которой пострадало сосѣднее русское населеніе.

Карель честенъ до мелочей, никогда не обманывается и не обворуетъ. Мнѣ случалось нѣсколько разъ забывать у карель какую-нибудь вещь, и всегда она, спустя долгое время, доходила до меня за сотни верстъ, при этомъ вещь сдавалась съ рукъ на руки и много прошла такихъ рукъ, прежде чѣмъ дошла по назначенію. На мой вопросъ, какимъ образомъ они нашли меня, когда я все время ѣхалъ впередъ, сворачивалъ въ бокъ, проѣзжалъ лѣса, рѣки, озера, мнѣ сказали: „Проѣзжалъ тамъ мѣсяца два тому назадъ какой-то господинъ, оставилъ вещь... должно быть ты, вотъ и возьми ее“. Одинъ разъ я забылъ дождевой плащъ, и получилъ его мѣсяць спустя за триста верстъ отъ мѣста, гдѣ плащъ оставилъ. Въ другой разъ, въ одной глухой деревушкѣ, заброшенной среди лѣсовъ, я позабылъ свой револьверъ; и спустя четыре мѣсяца получилъ его обратно въ Петербургъ, гдѣ меня разыскали и все-таки возвратили потерю. Это достаточно иллюстрируетъ честность карела.

Кромѣ того, въ немъ нѣтъ жадности къ деньгамъ. За угощеніе проѣзжаго онъ не хочетъ брать денегъ, или если беретъ, то сколько бы ни дали. Какъ земледѣлецъ, незнакомый съ денежными операціями, карель не знаетъ цѣны деньгамъ и часто за безцѣнокъ отдаетъ плоды своего тяжелаго труда. Этимъ пользуются разные торговые хищники, и часто карель, которому и хорошо жилось бы дома при другихъ условіяхъ, долженъ идти въ кабалу: наниматься на сплавъ лѣса, на выжиганіе древеснаго угля и прочій тяжелый, плохо оплачиваемый трудъ.

Одѣвается карель просто, и въ костюмѣ онъ потерялъ свои этнографическія особенности, только бѣлая полотняная рубаха въ лѣтнее время и бѣлыя порты указываютъ на древне-финскій костюмъ. Женщины болѣе сохранили въ одеждѣ свои этнографическія особенности, и если смотрѣть на толпу карелонокъ, одѣтыхъ по праздничному, то очень легко замѣтить сочетаніе красокъ: черной съ красно-коричневой, съ коричневой, даже желтой.

Но кромѣ того, женщины въ глухихъ деревняхъ еще до сихъ поръ сохранили свой старинный головной уборъ, чрезвычайно красивый и нарядный. Женщины украшаютъ головы такъ называемой короной, которая состоитъ изъ двухъ разныхъ частей: верхней—„подзора“ и нижней—„поднизи“ или „сѣтки“ (кокошникъ).

Русскіе карелы—православные; финскіе же—лютеране. Но громадное большинство русскихъ карель придерживается „старой вѣры“, сохранившейся здѣсь съ древнихъ временъ и занесенной сюда тѣми русскими, которые переселились сюда въ XVI в., гонимые нововведеніями патріарха Никона. Принявъ христіанство безъ пониманія его, карель остался вѣрнѣмъ

до сихъ поръ многимъ суевѣрїямъ, которыя держатся у него со времени язычества. Онъ вѣрить въ лѣшаго, водяного, домового, въ нечистую силу; вѣрить въ колдовство и заговоры, и его молчаливость и замкнутость вѣроятнѣе всего можно объяснить нежеланїемъ разгнѣвать того или другого духа лишнимъ словомъ, сказаннымъ въ недобрый часъ. А такъ какъ говорить все-таки приходится, то у карела есть цѣлый запасъ изреченїй, заклинанїй, заговоровъ, которыми онъ и старается замирить, задобрить духа зла на тотъ случай, еслибъ онъ оказался разгнѣваннымъ. Однажды, вѣдучи лѣсомъ, я спросилъ своего извозчика: „А что, медвѣдя мы встрѣтимъ?“— „А чтобъ ему камень!—сказалъ испуганный карель.—Ты тутъ всякой бѣды накличешь, тьфу. Тьфу, сгинь опъ, пропади“. И хорошо зналъ, что карель мало боится встрѣчи съ медвѣдемъ, но упомянуть о немъ въ лѣсу, гдѣ все можетъ случиться, гдѣ могутъ слышать, не полагается, и объ этомъ онъ рассказалъ уже впоследствии. Въ другой разъ я неосторожнымъ вопросомъ едва не пакликалъ бѣды на себя; какъ-то сядя въ лодку, чтобы переплыть довольно широкое озеро, я, не подумавши, спросилъ моихъ гребцовъ: „А что, не утонемъ мы въ этой лодкѣ въ такую погоду?“— „Что ты, баринъ,—всполохнулись карелы,—Господь насъ помилуй, Господь помилуй...“ п пачали креститься. А потомъ спустя полчаса на срединѣ озера разыгралась такая буря, что дѣйствительно едва не пришлось утонуть, и всю вину въ этомъ карелы свалили на меня: „Не надо болтать зря въ неурочное время“.

Единственное, въ чемъ сказалась широта и художественный вкусъ карела, это — его постройка, большая, широкая, свободная и оригинальная. Въ главныхъ своихъ чертахъ это постройка финскихъ племенъ, ее встрѣтишь по всему сѣверу Россїи, съ небольшими лишь измѣненїями; въ Карелїи она сохранила свою первоначальную чистоту и рѣзко отличается отъ построекъ средней Россїи. Въ то время, когда житель средней Россїи строитъ низкую избу, главный домъ, а рядомъ съ нимъ хлѣвы, конюшни, амбары, повѣтъ,—карель все эти постройки соединяетъ подъ одной крышей, въ одномъ большомъ двухъэтажномъ домѣ.

Внутри дома очень чисто: полы всегда вымыты, окна украшены занавѣсками, комнаты большія и свѣтлыя. Направо отъ входной двери въ углу стоитъ большая русская печка, лицомъ къ двери; печь иногда изукрашена карнизами, выступами, нишами; на очагѣ стоитъ желѣзный глаголь для подвѣски котловъ, сбоку рукомоиникъ надъ бадьей. На печи зимой спать. Отъ печи и до стѣны, противоположной дверямъ, идутъ нары, служащїя для спанья, а вдоль двухъ другихъ стѣнъ—длинные широкїя скамьи для сидѣнья. Въ переднемъ углу икона, тутъ же столъ, а у потолка отъ одной стѣны къ другой идетъ широкая полка. Помѣщенїе большое, удобное, и только у слишкомъ бѣдныхъ карель тѣсно: тогда оно грязное и закоптѣлос.

Главное занятіе карель — хлѣбопашество. Земли у нихъ сравнительно много, они бывшіе государственныя, а не помѣщичьи крестьяне, но земля не вездѣ удобна. Въ Карелии, какъ и вообще въ Олонецкомъ краѣ, много озеръ и болотъ, а въ иныхъ мѣстахъ почва настолько камениста, что обработка ея чрезвычайно затруднительна. Кряжи финляндскихъ горныхъ породъ встрѣчаются на каждомъ шагу, иной разъ пересѣкая рѣки и образуя на нихъ водопады, каковы: Бѣлая гора (мраморъ) въ Тивдіи. Камень, лѣсъ и вода — вотъ богатство Карелии. Лѣсомъ она дѣйствительно богата. Не имѣя права продавать лѣсъ и мало нуждаясь въ немъ, карель не знаетъ ему цѣны и часто уничтожаетъ его самымъ хищническимъ образомъ: онъ срубаетъ деревья и сжигаетъ ихъ тутъ же на вырубленномъ мѣстѣ, чтобы, во-первыхъ, не обременять себя вывозкой ненужнаго лѣса, во-вторыхъ, удобрить землю, которую онъ затѣмъ пашетъ и засѣваетъ.

Хотя въ карельскихъ лѣсахъ и много всякой дичи, а медвѣдь — самый обыкновенный звѣрь, тѣмъ не менѣе охота въ видѣ промысла въ Карелии не существуетъ; есть отдѣльные любители звѣроловы и охотники; главное оружіе ихъ — древнее кремневое ружье мѣстнаго издѣлія *), изъ котораго они очень умѣло и ловко стрѣляютъ. Рыболовство въ видѣ промысла существуетъ, но далеко не такъ широко, какъ можно было бы предполагать по обилію озеръ, а если гдѣ и есть, то находится на откупѣ у промышленниковъ. Иной разъ бываетъ трудно купить рыбу, хотя тутъ же на мѣстѣ садки наполнены ею: она назначается въ отправку, главнымъ образомъ, въ Петербургъ.

Часто ради заработка карель поступаетъ рабочимъ на заводы, копаетъ руду, сплавляетъ и вывозитъ дрова, выжигаетъ уголь, но въ этомъ онъ всегда уступаетъ своимъ сосѣдямъ русскимъ, онъ прежде всего земледѣлецъ, и всю жизнь свою проводитъ надъ пашней, которая далеко не всегда вознаграждаетъ его тяжелый вѣковѣчный трудъ.

Однажды мнѣ пришлось посмотрѣть праздничное гулянье карель. Громадное село, раскинувшееся на берегу р. Олонки, было полно народомъ, надвигавшимся плотной стѣной, по единственной улицѣ села. Но послѣ обѣда появились группы дѣвушекъ-карелонокъ окрестныхъ деревень, которыя вытѣснили куда-то толпу и сами заполнили улицу. Онѣ шли въ два ряда, каждый по своей сторонѣ улицы, навстрѣчу другъ другу. Передъ моими глазами проходили цѣлыя полки дѣвушекъ, здоровыхъ, крѣпкихъ, яркихъ, цѣлое войско, голова котораго была здѣсь, передъ мной, а хвоста и совсѣмъ не было замѣтно. А навстрѣчу этому войску подвигалось такое же, блестящее жемчугомъ, шелкомъ и даже парчой. Достигнувъ конца улицы, колонна поворачивала, изгибаясь змѣей, и шла

*) Выдѣлкой кремневыхъ ружей особенно славится Олонецкій уѣздъ.

обратно, чтобы посреди села встрѣтиться съ другой, противоположной колонной. Это была крайне оригинальная, живописная картина, въ которой я подмѣтилъ преобладаніе чернаго цвѣта съ коричневымъ, — соединеніе, отличающее карельскія краски. По сторонамъ дороги стояли парни, изрѣдка же группы ихъ проходили по улицѣ сзади колонны, наигрывая на гармоникѣ.

Это гулянье продолжалось цѣлый день. Въ разныхъ мѣстахъ на улицѣ стояли продавцы орѣховъ, конфетъ и другихъ крестьянскихъ гостинцевъ, безъ которыхъ не обойдется ни одно гулянье.

И зашелъ въ избу одной старухи и спросилъ молока. Сидя на скамейкѣ, я случайно обратилъ вниманіе на занавѣси и удивился; это были замѣчательныя кружева, художественно выполненныя въ народномъ вкусѣ, съ интереснымъ рисункомъ, съ тѣнями. Кружева были ручной, кустарной работы, ширина ихъ больше аршина. Оказалось, что это село славится своими кружевами и что такихъ красивыхъ кружевъ нигдѣ больше не дѣлаютъ.

Въ одной изъ карельскихъ деревушекъ мнѣ пришлось видѣть свадьбу. Съ оглушительнымъ звукомъ бубенчиковъ, съ гикомъ и крикомъ неслась по улицѣ цѣлая вереница телѣгъ. Далеко впереди скакалъ шаферъ, съ перевязью изъ блага полотенца черезъ плечо; за нимъ уже во главѣ самаго свадебнаго поѣзда скакалъ другой такой же шаферъ, за нимъ телѣга съ пьяными посаженными, дальше ѣхали родители молодыхъ, потомъ молодые, затѣмъ дружки и наконецъ родные и знакомые. Свадебный поѣздъ бѣшено промчался по всей деревнѣ, наполняя тишину ея оглушительнымъ звономъ и шумомъ, и потерялся гдѣ-то въ поднявшейся пыли, изъ тумана которой еще далеко долетали удаляющіеся звуки бубенчиковъ.

Петербургъ.

(С. Ч.).

Петербургъ—столица Россіи, главный центръ ея политической и умственной жизни. Возникшій всего двѣсти съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, по волѣ Петра Великаго, на мѣстѣ топей и болотъ, онъ теперь является самымъ крупнымъ городомъ въ Россіи. По пространству и по числу жителей онъ превосходитъ Москву, а изъ европейскихъ городовъ уступаетъ только Лондону, Парижу, Берлину и Вѣнѣ. Какъ Москва обязана своимъ быстрымъ ростомъ положенію въ центрѣ Россіи, такъ Петербургъ—своему положенію на окраинѣ русскаго государства, у моря, котораго такъ мало досталось Россіи и за обладаніе которымъ ей пришлось выдержать тяжелую борьбу. Петербургъ и въ настоящее время первый по оборотамъ русскій портъ, несмотря на то, что онъ стоитъ въ глубинѣ мелководнаго Финскаго залива, который при томъ

еще замерзаетъ почти на 4 мѣсяца. Еще важнѣе, однако, культурное значеніе Петербурга. Онъ является тѣмъ „окномъ въ Европу“, черезъ которое къ намъ долгое время и почти исключительно проникала западно-европейская культура. Отсюда распространялось главнымъ образомъ просвѣщеніе по всей Россіи, пока въ ея срединѣ и по окраинамъ не возникли другіе самостоятельные центры. Но и теперь въ умственной жизни нашего отечества первенствующее мѣсто принадлежитъ Петербургу.

Петербургъ лежитъ на низменной равнинѣ, слегка покатою къ Финскому заливу. Конечно, топи и болота, окружавшія Петербургъ при его основаніи со всѣхъ сторонъ, теперь въ значительной степени исчезли; но все-таки окрестности Петербурга имѣютъ по большей части унылый и однообразный видъ. Если подъѣзжать къ Петербургу съ юга, по Николаевской желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Москвою, то изъ окна вагона видна плоская равнина, часто прорѣзываемая рѣчками, прудами и болотами съ черноватою торфяной водой. Этотъ унылый пейзажъ не скрашивается даже и солнцемъ, которое и теперь часто прячется въ туманѣ, нагоняемомъ вѣтромъ съ моря. Лѣсъ — сѣверный, жидкій, съ преобладаніемъ березы и ели. На ровномъ и недалекомъ горизонтѣ видны многочисленныя заводскія и фабричныя трубы; ближе — сѣрыя деревушки изъ деревянныхъ, крытыхъ тесомъ избъ, съ небольшими огородиками и полями. Благодаря равнинному характеру мѣстности Петербургъ не виденъ издалека, когда подъѣзжать къ нему по желѣзной дорогѣ. Онъ виденъ хорошо только, если подъѣзжать къ нему съ моря. Тогда на горизонтѣ надъ низкой линіей берега показывается сначала огромное дымное облако, на фонѣ котораго постепенно выступаютъ: мрачная громада Исаакіевскаго собора съ слабо мерцающимъ позолоченнымъ куполомъ, золоченные шпили Петропавловскаго собора и Адмиралтейства, рѣдкія церкви, фабричныя трубы, толстыя и тонкія, потомъ лѣсъ мачтъ разнообразныхъ судовъ, вытянувшихся по Невѣ, а за ними дома и дома, большіе, сѣрые и однообразные.

Но изъ вагона ничего этого не видно, зато поѣздъ доставить васъ чуть не въ самый центръ города.

На всякаго, особенно кто пріѣзжаетъ впервые, да еще изъ провинціи, Петербургъ производитъ впечатлѣніе настоящей „столицы“; отчасти впечатлѣніе это зависитъ отъ того, что пріѣзжіи, минуя довольно-таки заурядныя и незавидно устроенныя окраины, попадаетъ прямо въ центръ города, прибранный, нарядный и оживленный.

Первое, что поражаетъ, это улицы — прямыя, широкія, хорошо вымощенныя. Ихъ прямыя перспективы уходятъ въ даль, кажется, безъ конца; особенно красивы онѣ ночью, когда по сторонамъ ихъ вытягиваются длинныя цѣпочки газовыхъ или электрическихъ фонарей, свѣтлыя звѣздочки которыхъ дѣлаются все меньше, меньше и наконецъ

чуть замѣтными точками сходятся гдѣ-то въ безконечной дали. Послѣ, напр., московскихъ, петербургскія улицы прямо поражаютъ своей шириной. И это не только главныя улицы, которыя носятъ здѣсь по большей части названіе „проспектовъ“, но и второстепенныя. И тѣ, и другія обставлены высокими, въ три-четыре этажа, домами, тѣсно примыкающими другъ къ другу. Здѣсь не видно, какъ въ провинціальныхъ русскихъ городахъ и какъ нерѣдко можно видѣть въ Москвѣ, заборовъ, тянущихся между домами или низенькихъ одноэтажныхъ домиковъ, сиротливо доживающихъ свой вѣкъ среди огромныхъ каменныхъ сосѣдей. Конечно, на окраинахъ Петербурга есть и маленькіе дома, домишки и заборы; но и тамъ они уступаютъ по численности большимъ каменнымъ строеніямъ. Многоэтажный домъ стоитъ плечо къ плечу съ другимъ такимъ же домомъ, и это придаетъ улицамъ Петербурга западно-европейскій видъ. Самые дома по большей части простой и однообразной архитектуры; это—дома-ящики, дома-коробки, вѣшніе фасады которыхъ только изрѣдка разнообразятся балконами или какими-нибудь украшеніями. Большая часть ихъ окрашена въ темно-сѣрый или коричневато-красноватый цвѣтъ. Но масса большихъ однотонныхъ домовъ на фонѣ почти вѣчно-туманнаго, сѣраго, низкаго неба производить сильное впечатлѣніе. Красноватая окраска большей части огромныхъ казенныхъ зданій еще усиливаетъ это впечатлѣніе монументальности, производимое улицами и зданіями Петербурга. Отдѣльных красивыхъ домовъ въ Петербургѣ немного, и всѣ они выдерживаютъ тотъ же мрачноватый монументальный стиль: это либо дворцы, либо недавно построенные въ современномъ стилѣ дома, облицованные полированнымъ гранитомъ, съ большими окнами, массивными дверями, причудливыми металлическими рѣшетками, угловатыми, солидными и строгими линіями фасадовъ. Ничего смѣющагося, веселаго, привѣтливаго, точно сѣрое туманное небо подчинило себѣ и мысль строителей. Благодаря своей прямолинейности и однообразной архитектурѣ домовъ петербургскія улицы очень похожи другъ на друга.

Тамъ и сямъ прямая линія домовъ прерывается площадями или зеленью деревьевъ. Въ Петербургѣ много общественныхъ садовъ, парковъ и скверовъ. Благодаря влажности воздуха—результату сосѣдства моря—деревья достигаютъ большихъ размѣровъ и даже въ концѣ лѣта стоятъ зелеными, въ полномъ лѣтнемъ уборѣ. Внизу—трава, тоже зеленая, даже больше: какъ-то по весеннему зеленая. Правда, ее, наравнѣ съ петербургскими улицами, поливаютъ по нѣсколько разъ въ день, но одной поливки было бы мало. Этотъ ярко-зеленый газонъ—даръ холоднаго сѣвера, не знающаго лѣтнихъ жаровъ; его не встрѣтишь на югѣ, и гдѣ-нибудь въ Крыму за возможность имѣть такую зелень заплатили бы большія деньги.

Петербургскія площади вполне достойны улицъ: онѣ прямо-таки огромны и потому нѣкоторыя, какъ Дворцовая или Марсово поле, кажутся даже пустынными. Вообще всюду бросается въ глаза, что Петербургъ городъ сравнительно новый, при постройкѣ и планировкѣ котораго не приходилось считаться со старыми, уцѣлѣвшими Богъ знаетъ съ какихъ поръ кварталами и улицами, а также нечего было дорожить и мѣстомъ. Благодаря этому и всѣ общественныя зданія, являющіяся обыкновенно главнѣйшимъ украшеніемъ всякаго города, не затиснуты куда-нибудь въ уголъ, а стоятъ широко и открыто и хорошо видны со всѣхъ сторонъ.

Изъ всѣхъ петербургскихъ улицъ самая большая и въ тоже время самая типичная — Невскій проспектъ. Отъ Николаевского вокзала и до Адмиралтейства Невскій проспектъ имѣетъ около 4 версты въ длину и на всемъ этомъ протяженіи представляетъ совершенно прямую линію. То, что можно наблюдать въ отдѣльности и на многихъ другихъ улицахъ, здѣсь выступаетъ въ крупномъ масштабѣ; пріѣхавшій въ Петербургъ провинціалъ, выйдя на Невскій, сразу попадаетъ въ самый центръ столичной жизни. Невскій—главная артерія Петербурга и на немъ всегда огромное движеніе. По прекрасной мостовой быстро и безшумно несутся вереницы экипажей. Ширина улицы такъ велика, что вдоль каждой стороны ея можетъ ѣхать въ рядъ нѣсколько экипажей, да еще остается достаточно мѣста для вагоновъ конки, которые, биткомъ набитые народомъ, по два и по три одинъ за другимъ бѣгутъ по срединѣ улицы. Мостовая, какъ и на всѣхъ большихъ центральныхъ улицахъ Петербурга, гладкая торцовая, а ближе къ тротуарамъ изъ мелкаго камня, тоже гладкая; колеса извозчичьихъ экипажей обтянуты резиновыми шинами, поэтому нѣтъ столь обычнаго для русскихъ городовъ дребезжанья и стука и все огромное уличное движеніе носитъ характеръ какой-то картинной легкости. Вы видите, какъ одинъ за другимъ мчатся экипажи, перегоня другъ друга, какъ быстро бѣгутъ лошади, и слышите только легкій стукъ копытъ о дерево, да окрики кучеровъ. По широкимъ тротуарамъ, вымощеннымъ большими каменными плитами, движется въ обѣ стороны толпа. Составъ ея мѣняется смотря по времени дня, но общій характеръ остается приблизительно одинъ и тотъ же. Съ внѣшней стороны это толпа однообразная, сравнительно тихая, съ преобладаніемъ темныхъ цвѣтовъ въ костюмѣ; въ ней незамѣтно ни пестроты, ни оживленія, ни рѣзкаго говора, которые такъ характерны для южной толпы. Утромъ она состоитъ изъ чиновниковъ, служащихъ въ различныхъ банкахъ, конторахъ, и тому подобныхъ дѣловыхъ людей, идущихъ большей частью спѣшною походкой. Позже появляются дамы, направляющіяся за покупками въ Гостиный дворъ, а съ двухъ часовъ дня на Невскомъ начинается вѣчто вродѣ гулянья, и туда идетъ всякій, у кого есть свободное время,

идеть просто для того, чтобы пофланировать и посмотреть на публику. Желаніе „показать себя“ вряд ли играет роль: слишком уж много народу, чтобы можно было рассчитывать быть замѣченнымъ. Часамъ къ 3—4 жизнь Невскаго проспекта, особенно въ осеніе и зимніе мѣсяцы, достигаетъ своего апогея. Чиновники и учащіеся, возвращающіеся домой, увеличиваютъ толпу, которая движется густыми рядами по тротуарамъ, останавливается передъ витринами и окнами магазиновъ, скопляется на углахъ и перекресткахъ улицъ, пропуская вереницы экипажей. Количество послѣднихъ тоже увеличивается; появляется много собственныхъ экипажей, изящныхъ каретокъ, маленькихъ фаэтоновъ въ англійской упряжи, автомобилей. Среди нарядныхъ дамскихъ туалетовъ мелькаетъ форма гвардейскаго офицера или изящный цилиндръ столичнаго франта.

Короткій осенній или зимній день быстро угасаетъ. „Адмиралтейская игла“ уже чуть мерцаетъ вдаль; небо покраснѣло, а между высокими домами сгущается сумракъ, и быстро, точно по командѣ, вспыхиваютъ яркіе электрическіе фонари. Окна магазиновъ давно уже горятъ огнями; надъ входами загораются фонари, красные, синіе, голубоватые. Окна и вывѣски унижаются десятками и сотнями электрическихъ лампочекъ; нѣкоторыя изъ нихъ то потухаютъ, то опять загораются вновь. Въ это время Невскій съ своими безчисленными разнодвѣтными огнями, уходящими въ даль и наполняющими ее, съ суровыми и мрачными верхними частями фасадовъ домовъ, съ толпой пѣшеходовъ и экипажей, движущихся по немъ подъ лучами электрическаго свѣта, представляетъ истинно феерическую картину. Понемногу толпа расходится и Невскій пустѣетъ, но иллюминація горитъ еще долго. Лѣтомъ жизнь въ Петербургѣ замираетъ и, соотвѣтственно этому, движеніе на Невскомъ гораздо меньше и публика скромнѣе.

Кромѣ прямизны и широты улицъ, огромности площадей и однообразной, часто прямо-таки казарменной архитектуры домовъ, у фізіономіи Петербурга есть и другія не менѣе характерныя черты. Большая часть Петербурга лежитъ на дельтѣ рѣки Невы, которая прорѣзываетъ его вдоль и придаетъ городу особый отпечатокъ. Длина Невы въ предѣлахъ городской черты равна 12 верстамъ. Это—мощная и большая рѣка, достигающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 сажень ширины; берега ея очень низки, отчего рѣка кажется еще шире. Приблизительно въ центрѣ города Нева разбивается на три главныхъ протока: Большую Неву, Малую Неву и Невку; Невка въ свою очередь дѣлится на нѣсколько рукавовъ. Между этими протоками и рукавами лежитъ рядъ большихъ и малыхъ наносныхъ острововъ, площадь которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Общая ширина всѣхъ протоковъ достигаетъ 2 версты и изъ самаго маленькаго изъ нихъ въ отдѣльности вышла бы

порядочная рѣчка. Еще больше маленькихъ протоковъ, которые, начинаясь изъ Невы, описываютъ по городу дугу и опять впадаютъ въ рѣку: Фонтанка, Мойка, Пряжка и др.; къ нимъ присоединяется цѣлый рядъ искусственно устроенныхъ каналовъ. Все это, конечно, увеличиваетъ и безъ того значительные размѣры города и въ тоже время придаетъ ему особый, оригинальный характеръ. Нельзя сказать, чтобы это обиліе рѣчекъ и каналовъ дѣлало Петербургъ похожимъ на Венецію или голландскіе города; но во всякомъ случаѣ, въ Россіи врядъ ли можно встрѣтить еще что-либо подобное.

Нева—краса Петербурга. Въ то же время характеръ ея совсѣмъ другой, чѣмъ у большихъ русскихъ рѣкъ: Волги, Днѣпра, Оки и др. Какъ извѣстно, Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера и потому при ничтожной сравнительно длинѣ (всего 60 верстъ) очень полноводна и, главное, круглый годъ полноводна. Довольно быстро бѣгутъ ея темноватая и холодная воды и плещутся о гранитныя плиты набережныхъ, которыми сплошь опоясаны ея низкіе берега. Съ одного берега на другой перекинулись длинныя, невысокіе мосты; по широкому разливу рѣки—жизнь и движеніе. Небольшіе пароходики съ высоко поднятымъ носомъ и низко опустившейся кормой быстро рѣжутъ воду, поспѣвая на работу или медленно, съ пыхтѣньемъ тащатъ баржи, распуская надъ водой черный столбъ дыму. Другіе, бѣлые пароходики развозятъ пассажировъ всюду, куда проникаютъ эти водныя артеріи. Благодаря широко развѣтвленной водной сѣти въ Петербургѣ очень развито пароходное сообщеніе между различными частями города; кромѣ удобства, сообщеніе это отличается еще своей дешевизной: за 5 копеекъ вы можете проѣхать чуть не вдоль всего города. Такая прогулка по Невѣ очень интересна. Маленькіе финляндскіе пароходики отходятъ отъ пристани каждыя 10—15 минутъ. Пароходикъ все время идетъ зигзагами отъ одного берега къ другому. Вдоль береговъ стоятъ барки съ дровами, или съ камнемъ, иногда съ кулями хлѣба. Нѣкоторыя изъ нихъ разгружаются, къ другимъ крошечные пароходики подтаскиваютъ новыя барки. Но благодаря ширинѣ рѣки эти барки не загораживаютъ ея простора и не закрываютъ вида на вытянувшіеся вдоль набережныхъ ряды дворцовъ и зданій. Посрединѣ рѣки иногда также тянутся пароходики съ барками, которыя онѣ подтаскиваютъ къ мостамъ, длинными и плоскими дугами перекинувшимся черезъ Неву. Впрочемъ, настоящихъ постоянныхъ мостовъ всего три; рѣка широка и постройка мостовъ обходится очень дорого, поэтому много деревянныхъ мостовъ, укрѣпленныхъ частью на сваяхъ, частью на баркахъ.

Каждый день, въ опредѣленные часы мосты, ведущіе черезъ Неву, разводятся, для чего въ нихъ устроены особыя подвижныя части, и тогда цѣлые караваны барокъ поднимаются вверхъ по теченію или спускаются внизъ. Ниже послѣдняго постояннаго моста черезъ Большую

Неву, Николаевского, рѣка уже совсѣмъ запружена судами. Здѣсь вдоль береговъ расположены пристани, у которыхъ останавливаются морскіе пароходы, какъ привозящіе въ Петербургъ различные товары, такъ и пассажирскіе. Къ пыхтѣнью, свисткамъ и гудкамъ пароходовъ и пароходиковъ различныхъ величинъ здѣсь присоединяется лязгъ желѣза, стукъ молотовъ на верфяхъ и заводахъ, расположенныхъ вдоль берега, и крики и говоръ рабочихъ. Вся эта часть Невы на протяженіи свыше трехъ верстъ представляетъ собою настоящую гавань. Прежде всѣ большія суда, провозившія въ Петербургъ заграничные товары и увозившіе изъ него русскій лѣсъ и хлѣбъ, должны были останавливаться въ Кронштадтѣ, такъ какъ Финскій заливъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ очень мелокъ. Чтобы помочь этому, въ 1885 году между Петербургомъ и Кронштадтомъ было углублено дно залива такъ, чтобы по этому каналу и большія суда могли доходить до Петербурга и входить въ Неву. Послѣ этого пароходы стали разгружаться у береговъ Невы, торговля Петербурга увеличилась и онъ сталъ настоящимъ морскимъ портомъ.

Всего удобнѣе осмотрѣть, правда поверхностно, петербургскій портъ, если сѣсть на пароходъ, отправляющійся изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Пароходъ все время идетъ медленно, пробираясь между другими судами, которые иногда стоятъ вдоль берега тремя-четырьмя рядами. На лѣвомъ берегу проходитъ вѣтвь желѣзной дороги и видны ряды вагоновъ, въ которые перегружаютъ то, что привезено на пароходахъ. Большая часть пароходовъ иностранные: англійскіе, нѣмецкіе, шведскіе, иногда финляндскіе; среди нихъ попадаются настоящіе океанскіе гиганты, черные или сѣрые, съ красной полосой вдоль уровня воды и огромной дымовой трубой. Иногда ряды пароходовъ рѣдѣютъ и показывается какое-нибудь судно военнаго флота, качающееся около казенной верфи и рѣзко бросающееся въ глаза своей бѣлой или свѣтло-желтой окраской. Но большихъ военныхъ судовъ здѣсь нѣтъ: ихъ стоянка—въ Кронштадтѣ. Большею частью на пароходахъ кипитъ работа: красятъ, чинятъ, приводятъ въ порядокъ передъ отправленіемъ въ обратный, можетъ быть, далекій путь; стукъ молотковъ по желѣзу стоитъ въ воздухѣ и придаетъ всей картинѣ особый колоритъ.

Но вотъ Нева кончилась. Пароходъ идетъ еще нѣкоторое время между каменными дамбами, по обѣ стороны которыхъ видна вода, а затѣмъ кончаются и онѣ. Впереди и по сторонамъ разстилаются мелкія, желтовато-грязныя воды „Маркизовой лужи“, какъ называютъ эту часть Финскаго залива; разставленные, какъ по сторонамъ большой дороги, вѣхи указываютъ дорогу. Это и есть „Морской каналъ“, по которому и продолжаетъ свой путь нашъ пароходъ, а навстрѣчу ему идутъ другіе пароходы, большей частью грузовые, направляющіеся въ Петербургъ;

по сторонамъ видѣются бѣлые паруса лодокъ и небольшихъ судовъ, для которыхъ глубина залива представляется достаточной.

По этому каналу въ Петербургъ приходитъ ежегодно около 2000 иностранныхъ кораблей, и обороты петербургскаго порта очень значительны. Ввозъ преобладаетъ надъ вывозомъ. Въ 1900 году было привезено товаровъ на 141 миллионъ рублей, вывезено на 104 миллиона. Вывозятся главнымъ образомъ зерновые хлѣба, лѣсъ, а въ послѣднее время и нефть; ввозятся каменный уголь, металлы, хлопокъ. Большая часть вывозимыхъ продуктовъ доставляется въ Петербургъ съ сѣвера и юго-востока Россіи, главнымъ образомъ съ Волги, съ которой Неву соединяютъ три искусственныхъ водныхъ пути.

Такимъ образомъ Нева не только украшаетъ Петербургъ, но играетъ важную роль и въ его торговомъ обмѣнѣ. Однако, у нея есть и обратная сторона, которая приноситъ не мало бѣдъ Петербургу, особенно тѣмъ его частямъ, которыя лежатъ ближе къ морю. Это—наводненія. Дѣло въ томъ, что паденіе Невы невелико, а берега едва поднимаются надъ уровнемъ воды. Когда долго къ ряду дуетъ сильный юго-западный или западный вѣтеръ, онъ нагоняетъ воду изъ Фипскаго залива къ устью Невы, и эта морская вода не только задерживаетъ теченіе воды въ рѣкѣ, но даже гонитъ ее обратно. Уровень воды въ Невѣ поднимается, рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливаеъ низменные части города; тамъ, гдѣ берега самой рѣки, ея протоковъ и каналовъ повышены благодаря набережнымъ, вода распространяется по подземнымъ трубамъ, бьетъ фонтанами на улнцахъ и заливаеъ дворы и подвалы. Такія наводненія случаются только осенью, большей частью въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда дуютъ сильные западные вѣтры. Самое сильное наводненіе, описанное Пушкинымъ въ поэмѣ „Мѣдный всадникъ“, было 7 ноября 1824 года; тогда вода поднялась на цѣлыхъ 12 футовъ выше обычнаго уровня, и по улицамъ ѣздили на лодкахъ. Напротивъ, весной, во время ледохода, уровень воды въ Невѣ поднимается немного.

Какъ сказано выше, Нева дѣлитъ городъ на двѣ части. На лѣвомъ берегу лежитъ собственно городъ, на правомъ—такъ называемая „Выборгская сторона“. Въ нижней части Невы между ними лежитъ нѣсколько острововъ, изъ которыхъ самый ближайшій къ городу и самый большой—Васильевскій. Всѣ остальные острова, кромѣ Васильевскаго, носятъ общее названіе „Петербургской стороны“.

Лѣвый берегъ и Васильевскій островъ—лучшія части города; Выборгская сторона по своимъ улицамъ и постройкамъ представляетъ скорѣе предмѣстье, а Петербургская сторона съ ея островами является дачнымъ мѣстомъ, оживленнымъ лѣтомъ, но довольно пустыннымъ въ зимніе мѣсяцы. Однако первоначальная исторія Петербурга началась

именно здѣсь. На небольшомъ островкѣ, выдвинувшемся впереди другихъ большихъ острововъ, 16 мая 1703 года Петромъ I была собственноручно заложена крѣпость, существующая и до сихъ поръ и называемая Петропавловской. Впрочемъ теперь эта „крѣпость“ утратила всякое военное значеніе. Съ ея низкихъ стѣнъ, поднимающихся изъ воды, пушечные выстрѣлы раздаются теперь только во время торжественныхъ салютовъ и наводненій, когда учащающіеся выстрѣлы предупреждаютъ населеніе города о грозящей опасности; да каждый день, въ 12 часовъ, выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости оповѣщаетъ Петербургъ, что наступилъ полдень. Внутри крѣпости соборъ, служащій мѣстомъ погребенія членовъ Императорской фамиліи, съ колокольной, оканчивающейся огромной вышины золоченымъ шпилемъ; здѣсь же монетный дворъ и тюрьма для политическихъ преступниковъ.

Недалеко отъ Петропавловской крѣпости, внизъ по теченію Невы, лежитъ Васильевскій островъ, на которомъ Петръ думалъ прорыть сѣтъ каналовъ и построить новый Амстердамъ. Если смотрѣть на Васильевскій островъ отъ Петропавловской крѣпости, вниманіе наблюдателя останавливаютъ прежде всего двѣ громадныя ростральные колонны, когда-то служившія маяками и воздвигнутыя поэтому на самомъ концѣ или „стрѣлкѣ“ острова. За ними—зданіе биржи, имѣющее видъ греческаго храма, а по сторонамъ биржи—зданія Академіи Наукъ; со стрѣлки Васильевского острова открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на Неву и Петербургъ. Напротивъ стрѣлки, на лѣвомъ берегу Невы,—Зимній дворецъ, тяжелое и мрачноватое зданіе, а вправо отъ него огромной длины корпусъ Адмиралтейства съ вѣющими на углахъ флагами; надъ Адмиралтействомъ высоко поднимается Исаакіевскій соборъ. Если прибавить сюда находящійся недалеко отъ Петропавловской крѣпости на Петербургской сторонѣ домикъ Петра Великаго, въ которомъ основатель Петербурга жилъ въ то время, когда на мѣстѣ теперешняго Адмиралтейства была верфь для постройки судовъ, а на мѣстѣ Невскаго проспекта—аллея, которую каждую субботу мели плѣнные шведы, и Лѣтній дворецъ, построенный Петромъ на лѣвомъ берегу Невы, въ теперешнемъ Лѣтнемъ саду, то передъ нами и будетъ историческій центръ Петербурга, та ячейка, гдѣ зародилась нынѣшняя столица. Нѣкоторыя зданія, какъ Петропавловскій соборъ, Адмиралтейство, такъ и стоятъ тамъ, гдѣ они были заложены при Петрѣ; другія, какъ Исаакіевскій соборъ, были перенесены впоследствии на новыя мѣста.

Исаакіевскій соборъ—самое величественное зданіе Петербурга. Его мрачная, хотя и стройная, громада съ позолоченнымъ куполомъ и четырьмя невысокими колокольнями по угламъ, видна уже издали. Съ вершины купола, куда поднимаются по 550 ступенямъ узкой винтовой лѣстницы, открывается прекрасный видъ на Петербургъ. Городъ съ его

прямыми улицами, широкая лента Невы съ перекинутыми через нее мостами, острова, закутанные въ зелень деревьевъ, гавань и близкій заливъ видны какъ на ладони. Къ сожалѣнiю, даль большей частью затянута туманомъ, въ которомъ прячутся окрестности. Съ этой высоты Петербургъ напоминаетъ больше западно-европейскiе города, нежели русскiе; надъ однообразнымъ, сѣроватымъ моремъ домовъ только кое-гдѣ поднимаются высокiя церкви, которыхъ вообще въ Петербургѣ немного. Блѣдное, мутное освѣщенiе и плоскiй характеръ мѣстности, на которой расположенъ городъ, ослабляютъ впечатлѣнiе. Поэтому панорама, открывающаяся съ Исаакiя, уступаетъ по живописности панорамѣ Москвы съ колокольни Ивана Великаго.

Исаакиевскiй соборъ и памятникъ Петру I.

Соборъ имѣетъ видъ греческаго креста; съ четырехъ сторонъ выдвигаются портики съ огромными гранитными колоннами; такiя же колонны окружаютъ и куполь. Это придаетъ храму нѣсколько тяжелый и сумрачный видъ, который, однако, удивительно гармонируетъ съ сѣрымъ, придавленнымъ петербургскимъ небомъ, туманнымъ и скуднымъ освѣщенiемъ. Внутри соборъ поражаетъ скудостью свѣта. Достаточно сказать, что на такую громаду приходится всего 21 окно. Поэтому даже въ самые яркiе солнечные дни можно разсмотрѣть только немногiя частности тамъ, гдѣ падающiй изъ окна лучъ освѣтитъ уголокъ иконостаса или часть свода; остальное тонетъ въ полумракѣ. Въ зимнiе же пасмурные дни разглядѣть что-либо невозможно. Благодаря этому пропа-

даютъ прекрасная отдѣлка храма, живопись и богатые мраморы. Кромѣ того, часть храма всегда загорожена лѣсами, поставленными для ремонта; дѣло въ томъ, что болотистая и неустойчивая почва, хотя и медленно, подается подъ колоссальною тяжестью храма, и на стѣнахъ его появляются трещины, которыя приходится задѣлывать.

Между соборомъ и Невой расположенъ Александровскій садъ, украшенный за послѣднее время небольшими памятниками-бюстами знаменитымъ русскимъ писателямъ: Жуковскому, Гоголю, Лермонтову, а за нимъ—скверъ, въ которомъ стоитъ извѣстный памятникъ Петру I, воспѣтый Пушкинымъ въ поэмѣ „Мѣдный всадникъ“.

Второй по грандіозности храмъ Петербурга—Казанскій соборъ находится на Невскомъ проспектѣ, въ глубинѣ площади, на которую выходитъ огромная полукруглая колоннада собора. Внутри—различные военные трофеи, главнымъ образомъ знамена, и скромная гробница Кутузова. Остальныя петербургскія церкви замѣчательны лишь своими большими размѣрами. Въ нихъ нѣтъ старины, стиля, столь притягательнаго въ старинныхъ храмахъ Москвы и городовъ верхняго Поволжья.

Подобно храмамъ, и другія замѣчательныя зданія Петербурга поражаютъ больше всего своей тяжеловѣсной грандіозностью, которая въ зданіяхъ Николаевской эпохи переходитъ въ мертвящую казарменность. Въ отличіе отъ настоящей русской старины, это если и старина, то какая-то жесткая, часто лишенная вкуса, недостатокъ котораго стремились заполнить огромностью размѣровъ, строгой симметрией частей, громадными арками, колоннами и полуколоннами. Таковы, напр., зданія Сената и Синода, различныхъ министерствъ, Главнаго штаба. Гораздо красивѣй и стильнѣй многочисленныя дворцы, что, впрочемъ, вполне понятно, если припомнить исторію Петербурга. Не только императоры и императрицы, но и богатая аристократія воздвигали для себя монументальныя дворцы, которые украшали и внутри, не жалѣя денегъ, скупали картины, статуи и всевозможныя рѣдкости. Благодаря этому, были собраны въ этихъ дворцахъ огромныя сокровища, и теперь приводящія въ изумленіе даже иностранцевъ. Такъ возникъ Эрмитажъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ собраній всего міра какъ по отдѣлу древностей, такъ и по картинной галлерей, въ которой особенно полно представлены отдѣлы фламандской и нидерландской живописи. Такъ возникли картинныя галлерей Академіи Художествъ и Строгановская, а въ послѣднее время музей Императора Александра III, въ которомъ находятся многія замѣчательныя картины русскихъ художниковъ.

На ряду съ собираніемъ предметовъ искусства прилагались заботы и къ развитію науки. Еще въ 1724 году была основана Академія Наукъ, и изъ устроенной при ней „кунсткамеры“ теперь образовался замѣчательный зоологическій музей, одинъ изъ первыхъ и самыхъ богатыхъ въ

Европѣ. Были основаны и другія учрежденія общегосударственнаго образовательнаго характера, какъ Публичная бібліотека, Пулковская обсерваторія и др., благодаря которымъ Петербургъ сдѣлался крупнѣйшимъ умственнымъ центромъ Россіи, каковое значеніе остается за нимъ и теперь. Поэтому Петербургъ, насчитывающій всего двѣсти лѣтъ существованія, тогда какъ Москва считаетъ почти 500, Кіевъ—около 900, а Новгородъ—свыше тысячи, имѣетъ больше достопримѣчательностей, чѣмъ всѣ другіе русскіе города, и для осмотра ихъ, хотя бы поверхностнаго, нужны цѣлыя недѣли.

Едва ли, однако, не самыми интересными изъ достопримѣчательностей Петербурга являются тѣ, которыя связаны съ его великимъ основателемъ и при осмотрѣ которыхъ какъ живая встаетъ личность этого великаго человѣка. Вотъ, наприѣръ, „Домикъ Петра Великаго“, находящійся на берегу Невы на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ Петропавловской крѣпости; домикъ этотъ состоитъ всего изъ трехъ комнатъ и теперь, какъ рѣдкость, заключенъ въ каменный футляръ, а кругомъ разбитъ садъ. Но это собственно рабочее жилище Петра, а вотъ и настоящій „дворецъ“. Этотъ такъ называемый „Лѣтній дворецъ“ стоитъ въ Лѣтнемъ саду, тоже недалеко отъ берега Невы. Небольшое двухэтажное зданіе, очень простое снаружи и еще болѣе простое внутри, заключаетъ въ себѣ 22 комнаты. Примѣнительно къ современности это былъ бы средней руки домъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ губернскомъ городѣ. Но внутри каждая мелочь будитъ рядъ воспоминаній. Каминныя и печи съ старинными изразцами; простая мебель; окно изъ столовой въ кухню, на манеръ голландскихъ тавернъ, черезъ которое подавались кушанья; рѣзная фигура работы самого царя, на которой сохранилась отчетливая подпись „Peter“; зеркало, о которомъ вамъ говорятъ, что оно въ то время было самое большое въ Россіи, равно какъ и дворецъ былъ самый большой домъ въ Петербургѣ; небольшія „зальцы“, въ которыхъ происходили ассамблеи, а голландскіе шкипера, дымя трубками, играли съ царемъ въ шахматы,— все это гораздо живѣе и лучше напоминаетъ о Петрѣ I и его дѣянiяхъ, чѣмъ воздвигнутые ему въ ложноклассическомъ стилѣ на петербургскихъ площадяхъ памятники. Кругомъ дворца шумятъ высокія деревья, многія изъ которыхъ посажены руками того же Петра.

Основанный всего 200 лѣтъ назадъ, Петербургъ сдѣлался съ тѣхъ поръ крупнѣйшимъ русскимъ городомъ. Населеніе его, однако, нѣсколько отличается отъ другихъ русскихъ городовъ. Петербургъ называютъ часто „космополитическимъ“ городомъ, подчеркивая этимъ смѣшанный племенной составъ и разнородность его населенія; но названіе это слишкомъ преувеличено и не опредѣляетъ характера главной столицы Россійской имперіи. Дѣйствительно, еще со временъ Петра Вели-

каго, покровительствовавшаго иноземцамъ и выписывавшаго ихъ къ себѣ на службу, число иностранцевъ въ Петербургѣ было, особенно по сравненію съ внутренними русскими городами, значительно. Въ послѣдующей исторіи Петербурга они также играли видную роль. Въ настоящее время въ Петербургѣ, какъ во всякомъ большомъ портовомъ городѣ, также живетъ много иностранцевъ, въ рукахъ которыхъ находится крупная часть торговыхъ и промышленныхъ предприятий. Пройдитесь по Невскому, — и вамъ бросится въ глаза, что большая часть вывѣсокъ съ фамиліями иностраннаго происхожденія. То же самое и на другихъ улицахъ. Русскіе торгуютъ преимущественно съѣстными припасами, держатъ мясныя, бакалейныя, „зеленныя и курятныя“ лавки; они же заполняютъ петербургскую толкучку—Апраксинъ дворъ. Но болѣе крупныя фирмы—иностранныя, по крайней мѣрѣ по названію. Въ дѣйствительности, однако, среди этихъ „космополитическихъ“ элементовъ много обрусѣвшихъ нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ и представителей другихъ народностей нашего обширнаго и разноплеменнаго отечества. Точно такъ же, прохаживаясь по улицамъ Петербурга, нерѣдко можно слышать звуки чуждой рѣчи среди простолюдиновъ; это—финны, эсты, иногда латыши, которыхъ довольно много въ Петербургѣ. Въ общемъ же на 100 человекъ населенія въ Петербургѣ приходится все-таки 85 русскихъ, православнаго вѣроисповѣданія; собственно же иностранныхъ подданныхъ всего тысячъ 25, большую часть которыхъ составляютъ нѣмцы.

Тѣмъ не менѣе между петербуржцами и жителями другихъ русскихъ городовъ есть значительная разница. Петербургъ—столица, и поэтому въ немъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ, выступаетъ на первый планъ чиновный, бюрократическій элементъ. Здѣсь находится высшее управленіе страной, здѣсь сосредоточены всѣ министерства, государственный совѣтъ, сенатъ, синодъ съ ихъ многочисленными канцеляріями, и чиновный людъ задаетъ, такъ сказать, тонъ Петербургу. Съ представленіемъ о Петербургѣ прежде всего связывается обликъ департаментскаго чиновника, блѣднаго, желчнаго, преданнаго болѣе бумагѣ, нежели живому дѣлу. На остальную Россію петербургскій чиновникъ смотритъ по большей части съ особой, официальной, а въ сущности узко-канцелярской точки зрѣнія; эта черта присуща одинаково какъ высшимъ, такъ и низшимъ представителямъ чиновничества, даже самыя мелкіе чиновники считаютъ себя частью „центрального“ управленія, что придаетъ имъ въ ихъ собственныхъ глазахъ особый вѣсъ. Личныя интересы большинства ихъ вертятся около узенькаго мірка канцеляріи съ ея журналами, входящими и исходящими, новыми назначеніями и перемѣщеніями; идеаломъ является мѣсто начальника отдѣленія или директора департамента, съ казенной квартирой и титуломъ „превосходительство“. Высшіе занимаются составленіемъ разныхъ проектовъ, доклад-

ныхъ записокъ, прислушиваются къ слухамъ, идущимъ изъ придворныхъ сферъ, и дѣлаютъ свою карьеру. Чиновниковъ въ Петербургѣ очень много, но они различаются лишь внѣшнимъ образомъ, по вѣдомствамъ, въ которыхъ они служатъ. Этотъ типъ чиновника проходитъ красной нитью черезъ всю исторію Петербурга позднѣйшихъ царствованій и великолѣпно изображенъ въ нашей литературѣ.

Противовѣсомъ чиновничеству являются представители такъ называемыхъ „свободныхъ“ профессій: литераторы, ученые, художники, профессора и въ послѣднее время журналисты. Значеніе Петербурга какъ умственного центра громадно. Масса высшихъ учебныхъ заведеній, какъ и большое количество образовательныхъ учреждений, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Публичная библіотека, притягиваютъ сюда молодежь со всѣхъ концовъ Россіи. На каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ мелькаетъ та или другая форма, въ которую одѣта эта учащаяся армія и которая такъ поражаетъ заѣзжаго иностранца. Въ противоположность чиновничеству, это—живой и подвижной народъ, преданный главнымъ образомъ умственнымъ интересамъ. Изъ Петербурга онъ разъѣзжается по всѣмъ угламъ Россіи, занося культуру на самыя далекія окраины.

Существуетъ еще одинъ классъ населенія, также типичный для Петербурга. Это—высшая аристократія. Благодаря своему положенію, влиянію при дворѣ и богатству она задаетъ тонъ извѣстной полосѣ петербургской жизни. Ей принадлежитъ большая часть дворцовъ, роскошныхъ особняковъ и загородныхъ виллъ; въ ея средѣ устраиваются приемы, балы, рауты. Въ ея салонахъ собирается все высшее блестящее петербургское общество, представители иностранныхъ государствъ, высшія служебныя лица гражданскаго и военнаго управленія. Но этотъ классъ немногочисленъ, и для обычнаго посѣтителя Петербурга остается неизвѣстнымъ и мало замѣтнымъ, уступая преобладающее мѣсто чиновникамъ и представителямъ свободныхъ профессій.

Чиновники и интеллигенція заслоняютъ даже торгово-промышленный классъ, хотя и уступаютъ ему значительно въ численности. Если обратиться къ статистическимъ цифрамъ, то мы увидимъ, что чиновники и представители свободныхъ профессій составляютъ только 20% всего населенія Петербурга, а лица, занимающіяся промышленностью и торговлей—56%. Торговая жизнь въ Петербургѣ бьетъ ключомъ. Но это не крупная, оптовая торговля, какъ въ Москвѣ, а по мелочамъ, враздробь; главнымъ покупателемъ являются не пріѣзжіе провинціальныя торговцы, а само петербургское населеніе. На улицахъ, особенно главныхъ, множество магазиновъ, среди которыхъ преобладаютъ торгующіе платьемъ, обувью, шляпами, бѣльемъ, парфюмеріей, золотыми и серебряными вещами, различными дорогими и модными „артиклами“ и т. д. Центромъ этой торговли является Гостинный дворъ на Невскомъ про-

спектъ, который, впрочемъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми храмами торговли, которые воздвигнуты въ Москвѣ подъ названіемъ „пассажей“ и „рядовъ“. Гостиный дворъ—длинное, четырехугольное, старомодное зданіе въ два этажа съ аркадами, подъ которыми помѣщаются небольшіе, темноватые магазины и весь день толпится народъ.

Точно такъ же не бросается въ глаза и промышленная жизнь Петербурга. Но это—въ центрѣ, а на окраинахъ преобладаніе фабричнаго люда выступаетъ на первый планъ, и куда ни взглянешь, поднимается закопѣлая фабричная или заводская труба. Оно и понятно: петербургскій районъ—третій въ Россіи по суммѣ производства, а изъ этой суммы на долю собственно Петербурга приходится 95%. Больше всего развито здѣсь машинное и металлическое производство, много разныхъ заводовъ, верфей и арсеналовъ. Очень значительно и мануфактурное производство, хотя мануфактура не имѣетъ такой подавляющей роли, какъ въ Москвѣ и московскомъ районѣ. Петербургскій рабочій также нѣсколько отличается отъ московскаго: онъ не имѣетъ такого деревенскаго вида, носитъ городской костюмъ и по умственному развитію превосходитъ своего московскаго собрата.

Въ житейскомъ укладѣ петербуржца тоже есть особенности, дающія ему много преимуществъ надъ жителемъ обыкновеннаго русскаго провинціального города. По внѣшнимъ удобствамъ жизни Петербургъ далеко опередилъ большинство русскихъ городовъ; мостовыя, освѣщеніе, санитарныя условія гораздо лучше, чѣмъ хотя бы въ Москвѣ; поэтому и процентъ смертности, несмотря на сравнительно неблагоприятныя климатическія условія, меньше. Улицы, особенно въ центральныхъ частяхъ города, и дома съ полутемными небольшими дворами, похожими на колодцы, больше напоминаютъ западно-европейскіе. Но зато и то скудное освѣщеніе, которое падаетъ съ сѣраго петербургскаго неба, теряется, и въ комнатахъ часто царитъ полумракъ, а зимой съ 2-хъ часовъ приходится зажигать огонь. На улицахъ больше движенія и больше порядка. Въ разговорѣ простонародья чаще слышится „вы“, нежели „ты“ и замѣчается то „политичное обращеніе“, которое восхвалялъ еще гоголевскій Осипъ. Въ центрѣ города не видно армяковъ, тулуповъ и лаптей. Много ресторановъ и кофеенъ, въ родѣ берлинскихъ, доступныхъ карману. Больше стремленія къ общественной, и потому больше всякихъ мѣстъ для собраній и увеселеній: театровъ, концертныхъ залъ и т. п.

Слабую сторону Петербурга составляетъ его климатъ. Петербургская осень и зима дѣйствуютъ, особенно на пріѣхавшихъ съ юга, прямо-таки удручающе. Зимній день въ Петербургѣ, короткий и пасмурный, похожъ скорѣе на сумерки. Большихъ морозовъ не бываетъ, но съ моря часто дуетъ холодный, пронизывающій вѣтеръ. Солнечные, ясные дни въ Петербургѣ большая рѣдкость. Весна начинается поздно и не-

рѣдко еще въ маѣ бываетъ снѣгъ. 29°—30° тепла лѣтомъ считается „большой жарой“, отмѣчаемой въ газетахъ. Благодаря близости моря, обычный характеръ петербургскаго пейзажа нѣсколько напоминаетъ картины голландскихъ мастеровъ; только здѣсь нѣтъ такихъ тяжелыхъ, вѣшанныхъ дождемъ облаковъ, а, поднимаясь кругомъ отъ залива, надъ Невой и надъ всѣмъ городомъ виситъ туманъ, сквозь который мутнымъ пятномъ просвѣчиваетъ солнце.

По у туманнаго и сѣраго Петербурга есть своя особая красота, которой не знаетъ теплый и яркій югъ. Это—такъ называемыя „бѣлыя ночи“, свойственныя всему сѣверу. Въ эти ночи, въ маѣ и юнѣ, заря всю ночь не гаснетъ на небѣ, и, сидя у окна, можно безъ лампы читать книгу. На свѣтломъ фонѣ не гаснущаго неба таинственно рисуются громады зданій, соборы, деревья, Нева съ перекинутыми черезъ нее силуэтами мостовъ. На непривычнаго человѣка эти свѣтлыя ночи дѣйствуютъ утомительно. И безъ того поздно кончающаяся въ Петербургѣ городская жизнь еще затягивается; ночной покой и отдыхъ какъ бы не существуютъ вовсе; на улицахъ и на Невѣ движеніе: свистятъ пароходики, ѣдутъ экипажи и трамваи; уснуть съ непривычки удается съ трудомъ и то не надолго, такъ какъ день скоро вступаетъ въ свои права и не затихшая совсѣмъ уличная жизнь съ ея голосами и шумомъ разгорается снова.

Петербургъ славится своими окрестностями; впрочемъ всѣ онѣ представляютъ дѣло рукъ человѣческихъ, такъ какъ природа и посейчасъ осталась „бѣдна и угрюма“. Ближайшія изъ нихъ, куда охотно отправляется петербуржецъ отдохнуть и провести время,—это „острова“, лежащія въ городской чертѣ, между рукавами Невы. На нихъ прекрасныя дороги, много зелени, въ которой прячутся или лѣтніе дворцы богатыхъ аристократовъ, или скромныя дачи простыхъ обывателей, загородныя сады, рестораны и театры. По широкимъ рукавамъ Невы, обрамленнымъ густой зеленью парковъ, бѣгаютъ пароходики, скользятъ ялики, качаются парусныя лодки. Черезъ 15—20 минутъ ѣзды отъ Лѣтняго сада на небольшомъ, обыкновенно переполненномъ пассажирами пароходикѣ, вы уже находитесь на островахъ, вдали отъ шума и сутолоки столичной жизни. Тутъ вы можете видѣть представителей всѣхъ классовъ петербургскаго общества, которые ѣдутъ сюда прогуляться и подышать хотя и влажнымъ, иногда даже душнымъ, какъ въ теплицѣ, но все-таки болѣе чистымъ воздухомъ. По аллеямъ безшумно катятся богатыя ландо и коляски родовой, чиновной и денежной аристократіи, лихачи съ морскими и гвардейскими офицерами, извозчики съ болѣе нетребовательной публикой; между ними шныряютъ многочисленные велосипедисты, а по сторонамъ движется толпа пѣшеходовъ. Нѣкоторые острова, какъ Елагинъ, представляютъ въ сущности извилистую сѣть

дорогъ и дорожекъ, брошенную среди воды. Изъ-за деревьевъ по обѣимъ сторонамъ такой дороги блеститъ вода; съ внутренней стороны это— вода многочисленныхъ озеръ и прудовъ, занимающихъ всю середину острова; съ вѣшной — вода невскихъ рукавовъ, сливающихся на западъ въ широкую гладь взморья. Деревья и кусты разрослись широко и пышно на этой сырой почвѣ, въ этомъ влажномъ воздухѣ. Не мало красивыхъ уголковъ найдется на этихъ островахъ; зато почти стоячая вода внутреннѣе прудовъ зарастаетъ и затягивается зеленой плѣсенью, а вечеромъ съ нихъ поднимается туманъ и сырость. Наллывъ гуляющихъ также увеличивается къ вечеру, когда трудовой элементъ населенія освобождается отъ своихъ дневныхъ занятій. Большая часть прѣхавшей публики идетъ на западный конецъ Елагина острова, къ такъ называемой „стрѣлкѣ“, откуда открывается прекрасный видъ на взморье, освѣщенное красноватыми лучами заходящаго солнца. Впрочемъ, настоящій закатъ солнца, когда оно погружается въ море, можно видѣть отсюда только ранней весной или осенью. Лѣтомъ же солнце прячется за темной полосой лѣса, окаймляющей низкій берегъ залива. Солнечный закатъ здѣсь, однако, не блещетъ красками. Море тихо и отливаетъ сѣроватыми тонами, небо туманно и блѣдно; гдѣ-то вдали шумитъ пароходъ, пробирающійся изъ Кронштадта и распустившій огромное облако дыма; слышно шлепанье веселъ по водѣ: это ѣдутъ на взморье кататься. Какая-то чисто сѣверная, меланхолическая тишина обнимаетъ весь пейзажъ, и подстать ей, спокойно и быстро, кружится по острову непрерывная цѣпь экипажей. На самой стрѣлкѣ кучера, точно по молчаливому уговору, сдерживаютъ лошадей, сидящіе въ экипажахъ взглядываютъ равнодушно и молча на туманное небо, на слегка порозовѣвшую даль воды и низкую черточку берега, за которой скрылось солнце; сидящая на диванчикахъ, спиной къ заливу, публика въ свою очередь смотритъ на катающихся, оцѣниваетъ ихъ лица, костюмы, лошадей, а затѣмъ экипажи быстро уносятся въ темный сумракъ аллея, въ которыхъ среди древесной листвы уже заглялись электрическіе фонари..

Кромѣ этихъ ближайшихъ мѣстъ отдыха и прогулокъ, петербуржцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи много другихъ мѣстъ, имѣющихъ притомъ большой историческій интересъ. Это—цѣлый рядъ мѣстечекъ, которыя были облюбованы для своей резиденціи еще Петромъ Великимъ и его преемниками. Таковы: Петергофъ, Ораніенбаумъ, Царское Село, Гатчина. Во всѣхъ нихъ находятся замѣчательные дворцы, окруженные громадными вѣковыми парками. Особенно хорошъ Петергофъ съ его затѣйливыми фонтанами, устроенными самимъ Петромъ I. Петергофъ, какъ и Ораніенбаумъ, лежитъ на южномъ, высокомъ берегу Финскаго залива, и съ террасъ дворцовъ и аллея парковъ откры-

ваются прекрасные виды на блѣдноватая воды залива съ бѣлыми парусами судовъ, дымками пароходовъ и на близкій Кронштадтъ, защищающій подступъ къ Петербургу. Кругомъ дворцовыхъ парковъ раскинулись цѣлые городки, особенно оживленные лѣтомъ, когда въ нихъ перебираются на дачу петербургскіе жители...

Рига и „Штрандъ“.

(По Е. Маркову и друг.)

Благоустройство, цивилизація, всякія удобства, въ воздухѣ дыханье западнаго моря, во всемъ бытъ — дыханье Европы. Какъ-то мягко и тихо здѣсь, уютно и отрадно. Право, здѣсь бы хотѣлось жить ужъ изъ-за того одного, что вездѣ чисто: здѣсь люди метутъ улицы и дворы, моютъ и моются, и все, что дѣлаютъ, дѣлаютъ серьезно, а не спуска рукава; все, что имѣютъ, содержатъ прилично. Мостовая — такъ дѣйствительно мостовая, а не мучительная каменоломня нашихъ московскихъ или губернскихъ улицъ; извозчикъ — такъ подлинный извозчикъ, съ основательно крытою, основательно обитою, приличною коляской; лошадь въ исправной сбруѣ; возница въ томъ именно костюмѣ, который необходимъ для его профессіи. Нѣтъ, правда, нашихъ красавцевъ-лихачей на красавцахъ-рысакахъ, но зато нѣтъ и распалзывающихся по всѣмъ швамъ, звенящихъ и дребезжащихъ пролетовъ съ оборванцами на козлахъ, съ калѣками въ оглобляхъ. И потомъ на все — точное правило, на все свои часы, своя цѣна, все предусмотрѣно и подготовлено для потребностей жителя.

Хорошъ собственно новый городъ, возникшій на развалинахъ бесполезныхъ теперь валовъ и бастионовъ. Новая Рига — это рядъ прекрасныхъ широкихъ бульваровъ. Много простору, зелени. Сады, садки, аллеи — все тщательно поддерживается, за всѣмъ нѣмецкій уходъ. Сторожей — нигдѣ, но зато вездѣ классическія надписи, такъ хорошо знакомыя путешественнику по Германіи: „Просятъ публику охранять растенія“. И публика не зубоскалитъ, а принимаетъ это въ серьезъ и дѣйствительно охраняетъ своимъ вниманіемъ всѣ эти насажденія.

Бульвары Александра, Наслѣдника, Тотлебена, бастионный, театальный, паркъ Вермана, садъ Стрѣлковъ, Царскій садъ, все это — просторныя легкія, которыми вполне свободно дышитъ этотъ многолюдный городъ, считающій въ себѣ уже 240.000 жителей. Въ новой Ригѣ удивительно хороши и ея дома. Это не однообразныя казармы, не тяжеловѣсныя кирпичные сундуки въ нѣсколько этажей, какими такъ богаты наши губернскіе города и даже столицы, а самый разнообразный подборъ настоящихъ архитектурныхъ построекъ, полныхъ характера, вкуса, изобрѣтательности, большею частью флорентійскаго стиля. Статуи, бал-

коны, колонны, ниши играютъ въ немъ очень видную и удачную роль. Миѣ особенно понравилось, что статуи тутъ не праздное украшеніе, а знаменательныя эмблемы. Надъ дверями какой-нибудь школы для дѣтей обоего пола—городъ Рига въ видѣ величественной женщины, увѣчанной зубчатой короной, покровительственно обнимаетъ мальчика и дѣвочку съ книжками въ рукахъ; въ нишахъ женской городской школы—мать, принимающая къ себѣ сиротъ; въ стѣнѣ новаго дома дворянства, Ritterhaus'a,—статуя магистра Плеттенберга, исторической славы и гордости ливонскаго рыцарства. Самымъ характернымъ и, пожалуй, самымъ красивымъ общественнымъ зданіемъ такого рода, является знаменитый рижскій политехникумъ, возвышающійся на одномъ изъ бульваровъ и украшенный гербами остзейскаго дворянства, на средства котораго онъ выстроень.

Впрочемъ, хотя Рига дышитъ совсѣмъ Европой, въ ней уже сильно стало пахнуть теперь и русскимъ духомъ. Цѣлые два громадные пригорода, Московскій форштатъ и Петербургскій форштатъ, незримо выросли, охватили, сдавили—одинъ съ юго-востока, другой съ сѣверо-востока,—старый городъ ливонскихъ рыцарей, и отъ нихъ теперь некуда податься ему... Со стороны Петербурга—больше чиновничество, со стороны Москвы надвинулся сплошной купецъ, мужикъ, даже старообрядецъ, уже успѣвшій завести въ этой былой резиденціи католическихъ архіепископовъ свои излюбленныя кладбища и молебни.

Правда, Рига производитъ издали впечатлѣніе вполне нѣмецкаго города. Ея громадскіе соборы съ высокими готическими башнями, съ характерными средневѣковыми шпильями, видные отовсюду, господствующіе надо всѣмъ, сразу сообщаютъ ей фізіономію какого-нибудь Магдебурга или Нюрнберга. Русскіе кварталы хотя и обширны, но не эффектны и мало замѣтны. Отказываешьсѣ вѣрить, судя по общему впечатлѣнію, что въ Ригѣ 16 православныхъ церквей (считая въ томъ числѣ домовыя и старообрядческія) и только 8 лютеранскихъ.

Однако, послѣднія вторженія русскаго элемента въ нѣмецкую Ригу уже далеко не такія скромныя, какъ облегише ее кругомъ Московскій и Петербургскій форштаты. На эспланадѣ, напримѣръ, около бульвара Тотлебена, воздвигнутъ настоящій пятиглавый соборъ, окруженный широкою площадью, и хотя онъ больше смахиваетъ своею полосатою отдѣлкою и мавританскими арками на каирскую мечеть, чѣмъ на византійскую базилику, но все-таки производитъ вполне внушительное впечатлѣніе. Вблизи отъ него отдѣльнымъ осаднымъ замкомъ, окруженнымъ рѣшетками, тоже среди цвѣтниковъ и площадокъ, недовѣрчиво высится трехэтажное зданіе окружнаго суда. Духовная семинарія на берегу Двины стоитъ опять-таки отдѣльнымъ редутомъ среди пустыря.

Всѣ вывѣски въ Ригѣ теперь обязательно на нѣмецкомъ и русскомъ

Peterskirche въ Ригѣ.

языкахъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ извозчики молча мотали головами при звукѣ русской рѣчи и отказывались везти пассажира, пока онъ не давалъ адреса по-нѣмецки. Кельнеры въ гостиницахъ точно такъ же строили недоумѣвающія лица и не подавали ничего на русское требованіе. Теперь ужъ совсѣмъ не то. И извозчикъ, и кельнеръ сразу понимаютъ по-русски, въ рижскихъ гостиницахъ теперь уже не кажутся чѣмъ-то дикимъ ни черный хлѣбъ, ни русскія щи, ни каша.

Однако, отправимтесь въ настоящую Ригу. Настоящая Рига—старая, историческая, торговая и промышленная Рига,—конечно, не на новыхъ, сіяющихъ солнцемъ и зеленью бульварахъ. Настоящая Рига сбилась своими высокими крышами-шатрами, своими домами-башнями въ узенькія и глубокія улочки, всегда сырыя и темныя, что лѣпятся вокругъ древнихъ готическихкихъ храмовъ, на берегу широкой торговой рѣки. Стѣны, когда-то окружавшія рѣку, теперь упали и обращены въ мѣсто для прогулокъ, но вѣрстная тѣснота и замкнутость построекъ остались прежнія. Въ этомъ отношеніи Рига вполне подходитъ подъ общій типъ всѣхъ средневѣковыхъ городовъ Германіи. Пяти и шестизэтажные узенькіе дома тутъ то и дѣло носятъ на себѣ надписи XVI, XVII и XVIII вѣка. Самыя названія улицъ—живая древность. Тутъ и Königsstrasse, (Королевская улица) и Schlosstrasse (Замковая улица) и Herrenstrasse (Господская улица)—все имена, потерявшія теперь смыслъ. Одна изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ улицъ—Kalkstrasse (Известковая).

Солнца уже никогда не увидишь въ этихъ кегельбанахъ своего рода. Къ счастью, нѣмцы опрятны, иначе вонь и сырость задушили бы ихъ тутъ. Избави Богъ нашего брата, привыкшаго къ простору и воздуху, жить въ этихъ всегда спертыхъ средневѣковыхъ клоакахъ. Между тѣмъ тутъ всѣ магазины, склады, общественныя учрежденія, тутъ вся рижская дѣловая толпа. Хорошо еще, что расчетливый нѣмецъ больше двигается на своихъ на двоихъ и не особенно поощряетъ экипажи; иначе просто оглохнулъ бы въ этихъ узенькихъ каменныхъ коридорахъ отъ стука колесъ по гранитной мостовой. Здѣшніе извозчики—всѣ въ ливреяхъ, какъ и приличествуетъ городу бароновъ: синія ливреи съ капюшонами и свѣтлыми пуговицами и черныя плисовые картузы, надвинутые на уши, что дѣлаетъ ихъ немножко похожими на факельщиковъ. Лошади ихъ, въ кожаныхъ шорахъ, высокія, поджарыя, меланхолическія, тоже будто изъ-подъ катафалка. Сразу видишь, что не русская, а нѣмецкая лошадь: разсудительная, основательная.

Центръ старой Риги—это пресловутый „Schwarzhäupterhaus“ „Клубъ Черноголовыхъ“. Площадь передъ нимъ всего нѣсколько шаговъ въ квадратъ, какъ во всѣхъ старинныхъ площадяхъ. Древняго уцѣлѣло только одинъ фасадъ и ворота. Высокій, ступеньчатый фронтонъ, выкрашенный красною краскою, испещренный длинными золотыми надпи-

сами, украшенный по фасаду средневековыми статуями и гербами, по всемъ уступамъ и угламъ тоже уставленъ статуями, шпильми, разными флюгерами, разными пестрыми завитушками. По обѣимъ сторонамъ каменныхъ воротъ очень наивные раскрашенные горельефы, изображающіе воиновъ XVI столѣтія, съ длинною вычурною надписью 1531 (или около того) года. Фронтонъ этотъ въ высшей степени характеренъ и оригиналенъ. Характерно то, что въ pendant къ „клубу черноголовыхъ“, рядомъ съ нимъ стоитъ домъ какого-то частнаго лица, выстроенный совершенно въ такомъ же стилѣ. Общество „черноголовыхъ“ существуетъ съ XIII вѣка и всегда пользовалось особымъ почетомъ въ мѣстномъ населеніи за свои доблести. Къ нему принадлежали холостые молодые купцы, посвятившіе себя охранѣ города. Имъ отводились въ храмахъ особыя почетныя мѣста на ряду съ высшими чинами ратуши, и въ ихъ рукахъ находились очень значительныя средства. Теперь это только одно почетное званіе, и дѣятельность „черноголовыхъ“ исключительно благотворительная.

На той же площади еще два старинныхъ зданія: ратуша и цейхгаузъ конной городской стражи.

Гораздо больше наружныхъ признаковъ старины сохранилъ на себѣ городской замокъ. Въ замкѣ еще уцѣлѣли мрачно глядяція на Двину двѣ круглыя крѣпостныя башни и сторожевая вышка посрединѣ замка. Этотъ средневековый обычай обращать въ осадный дворъ, въ укрѣпленный фортъ мирное жилище человѣка (какъ горожанина, такъ и помѣщика) до сихъ поръ неволью отражается на архитектурѣ даже новыхъ построекъ Риги. То и дѣло проскальзываетъ попытка примѣнить къ какому-нибудь уголку круглую башенку или дозорную вышку, или увѣнчать домъ вмѣсто карниза зубчатымъ брустверомъ.

Днемъ все-таки средневековая фizioномія стараго города нѣсколько ступевывается. Но зато послѣ семи часовъ, когда магазины, конторы, склады и т. п. учрежденія закрываются, для стараго города наступаетъ его настоящая пора, въ безмолвіи которой столько краснорѣчиваго. На пустыхъ улицахъ и площадяхъ, между рядами остроконечныхъ мрачныхъ домовъ съ гербами, датами и черепичатыми кровлями точно движутся тѣни средневековаго бюргерства, ганзейскіе купцы, въ темныхъ беретахъ и подбитыхъ мѣхомъ кафтанахъ. Куранты Dom-Kirche (лютеранскій соборъ), время отъ времени раздающіеся въ этой тишинѣ, еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, и вамъ кажется, что рѣдкіе прохожіе, отпирающіе своими ключами двери своихъ квартиръ, это люди изъ той эпохи, когда все это созидалось, было гордо, богато, сильно...

Старинные храмы Риги, какъ и всякаго нѣмецкаго города, разумѣется, не лютеранскаго, а католическаго происхожденія. Храмы Риги, съ ихъ громадными почернѣвшими шпилями, тяжеловѣсными крутыми

крышами и узкими стрѣльчатыми окнами, огромной высоты. Самый старый изъ нихъ, такъ называемая Domkirche, городской соборъ, семивѣковъ ровесникъ городу. Внутри теперь полное запустѣнiе. Все осыпалось, отсырѣло, почернѣло,—скорѣе похоже на какой-то закоптѣвшій сарай, чѣмъ на храмъ Божiй. Только органъ изумительной работы и изумительной величины, первый по размѣрамъ въ цѣлой Европѣ, да таинственная прелесть художественно расписанныхъ цвѣтныхъ оконъ, говорятъ вамъ о томъ, гдѣ вы. А между тѣмъ всѣ стѣны въ плитахъ XV, XVI, XVII столѣтiя, всѣ углы заставлены историческими гробницами. Peterskirche (церковь Св. Петра) не уступаетъ древностью собору. Башня ея гораздо оригинальнѣе и выше. Она вся изъ маленькихъ сквозныхъ ярусовъ на колоннахъ и каждый ярусъ отдѣляется отъ другого кубышчатою крышею. Пѣтухъ, замѣнившiй крестъ лютеранамъ, и тутъ забрался на подоблачный шпиль.

Эта старина вѣшняго облика города и серьезность во всемъ, что дѣлаютъ нѣмцы, переносятъ васъ во времена Ганзы и ливонскаго рыцарства. Нѣмецкая серьезность съ отгнѣнкомъ комизма иногда бываетъ не безъ практической подкладки. Миѣ вспоминается, на примѣръ, характеристическiй эпизодъ. Въ сосѣдней Митавѣ, за городской чертой, есть крохотный садикъ, куда ѣздятъ бурши пить пиво и пѣть пѣсни. Садикъ весь состоитъ изъ нѣсколькихъ кустиковъ да одной плакучей ивы. И вотъ эту-то иву сломилъ вѣтеръ. На другой день на всѣхъ домахъ Митавы были налѣплены слѣдующiя объявленiя владѣльца сада: „Милостивыя государыни и милостивые государи приглашаются осматривать колоссальную иву, сломленную вчерашней бурей. Плата за входъ 10 к. Желающiе могутъ получить у хозяина фотографическiе снимки сломленной ивы“.

Въ Ригѣ множество такъ называемыхъ Keller'овъ или погребковъ, напоминающихъ маленькiе ресторанички. По это—погребки не по названiю только, это тѣ самые погреба, которые и въ среднiе вѣка находились, вѣроятно, въ тѣхъ же мѣстахъ, подъ сводами зданiй разныхъ гильдiй. Со времени среднихъ вѣковъ они сохранили и почти прежнюю обстановку, и привычки. Сидя въ уголкѣ подъ сводомъ въ одномъ изъ подобныхъ погребковъ, вы точно отрѣшаетесь отъ современности и уходите куда-то, въ какой-то иной мiръ, въ глубь протекшихъ вѣковъ. И только звонъ колоколовъ у буфета, выбивающихъ какую-то старинную нѣмецкую пѣсню, приводитъ васъ въ себя. Это, видите ли, анонсъ, что бочка налита свѣжимъ пивомъ. Нѣмцы встаютъ и съ какою-то мрачной серьезностью направляются къ буфету наполнить свои опустѣвшiя кружки.

И вотъ эта вѣчная серьезность во всѣхъ пустякахъ жизни создаетъ въ Ригѣ—да и вездѣ въ здѣшнемъ краю—ту скуку, которую вы почувствуете очень скоро, поживъ и осмотрѣвшись въ городѣ. Въ садахъ

и театрахъ, такъ же какъ на улицахъ, всѣ серьезны: всѣ священно-дѣйствуютъ. Все дѣлается медлительно и важно.

Притягательнымъ пунктомъ для лѣтнихъ гостей, впрочемъ, служить не сама Рига, а побережье между моремъ и рѣкой Аа—такъ называемый „Штрандъ“.

Въ Прибалтійскомъ краѣ многія рѣки носятъ названіе Аа. Двѣ самыя крупныя изъ нихъ—Аа лифляндская и Аа курляндская. Первая съ дѣлюю сѣтью притоковъ прорѣзаетъ мѣстность „Ливонскую Швейцарію“ и образуетъ рядъ живописнѣйшихъ долинъ; на высокихъ холмахъ этой возвышенности кое-гдѣ видѣются развалины старинныхъ замковъ. Станція Балтійской желѣзной дороги отъ Вендена до Зегевольда давно уже стали привлекать дачниковъ изъ Риги и Петербурга, такъ что, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ этотъ край на лѣто будетъ густо заселяться пріѣзжими; но пока даѣть тутъ въ общемъ все же мало, и характера спеціально дачнаго, многимъ столь непріятнаго, Ливонская Швейцарія еще не приобрѣла.

Совершенно иную картину представляютъ собою берега Аа курляндской. Рѣка эта, верстъ на 100 слишкомъ, отъ устья до самой Митавы, доступная небольшимъ товаро-пассажирамъ пароходомъ и баркамъ, протекаетъ все время въ низкихъ берегахъ, покрытыхъ преимущественно сосновымъ лѣсомъ, иногда лугами. Вступая въ Лифляндію, она очень близко подходитъ въ Рижскому заливу, по верстѣ 20 тянется почти параллельно берегу, то подходя къ нему на 300—400 саженъ, то удаляясь на три—четыре версты. Въ одномъ мѣстѣ короткимъ рукавомъ она даже вливаетъ въ море часть своихъ темныхъ, грязно-бурыхъ водъ; но главное русло тянется до Двины, съ которой она сливается почти при впаденіи этой рѣки въ море. Узкая полоса земли между Рижскимъ заливомъ и Аа, лежащая выше впаденія рукава послѣдней въ заливъ, и носитъ собственно названіе Штранда.

Общій, до утомительности однообразный характеръ мѣстности таковъ: широкій прекрасный песчаный пляжъ; за нимъ саженъ на 50—100 рядъ низкихъ дюнъ, т.-е. песчаныхъ холмовъ, накиданныхъ моремъ; близъ моря на этихъ холмахъ кое-гдѣ, кустами, торчитъ жалкая, сухая трава, въ лучшемъ случаѣ напоминающая плохо выбритый подбородокъ; саженъ на 30 дальше отъ воды начинается сосновый лѣсъ, расчищенный, безъ подлѣска, большею частью не густой, молодой, не крупный или даже мелкій и лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ достигающій такого возраста, который хотя немного напоминаетъ, напримѣръ, прекрасныя сосновыя рощи западной части Орловской или южной части Смоленской губерній. Кромѣ жалкой сосны, вы видите здѣсь верескъ, мохъ, чернику, голубику, бруснику. Полянка, покрытая травой, или группа кустарниковъ—рѣд-

кость. Крошечныя пространства хлѣбныхъ полей видѣются только наиболѣе удаленномъ отъ Риги поселеніи—Ассернѣ.

Болотъ и топкихъ мѣстъ—сколько угодно. Особенно ихъ много въ нѣкоторомъ удаленіи отъ моря, гдѣ уже незамѣтно легкой холмистости дюнъ и поверхность земли совершенно плоская. На берегу Аа, правда, попадаются маленькія фермы. Но ихъ мало. Если же вы переправитесь черезъ рѣку, то за ней найдете въ береговой полосѣ тотъ же лѣсъ, а дальше низкое луговое пространство, мѣстами воздѣланное; среди этой низины протянулось параллельно рѣкѣ длинное, густо заросшее по краямъ камышомъ болотное озеро Бабитъ-зее; за нимъ виднѣется лѣсъ и, если вѣрить картѣ, верстъ на 20 тянется болото Тируль-Зумпфъ.

Штрандъ удобнѣе для жизни, чѣмъ всякая другая приморская полоса, лишь потому, что покрытая лѣсомъ дюны, хотя онѣ и въ наивысшихъ точкахъ не достигаютъ уровня крыши хорошаго двухэтажнаго дома, все же защищаютъ дачныя поселенія (которыя цѣликомъ расположены за этими холмами) отъ бѣшеныхъ порывовъ обыкновеннаго тутъ сѣвернаго холоднаго вѣтра, дующаго съ залива. Здѣшніе дачники говорятъ: „У насъ два климата—на берегу и на дачѣ“. И это—безусловная правда. Въ то время когда на берегу моря вы днемъ съ удовольствіемъ идете въ лѣтнемъ пальто и жалѣете, что оно у васъ слишкомъ тонко, въ садикѣ вашей дачи, за дюнами, можетъ быть жарко; при южныхъ же вѣтрахъ, когда въ сосновомъ лѣсу чувствуется духота застоявшагося, наполненнаго смолистымъ ароматомъ воздуха, море въ прибрежной полосѣ своею прохладой значительно умѣряетъ зной раскаленнаго песчанаго пляжа.

Растительность, какъ уже сказано, однообразна до чрезвычайности, до скуки. Здѣсь можно прожить цѣлое лѣто, не выдавъ ни одного полевого цвѣтка, ни одной копыи сѣна, даже ни одного порядочнаго гриба. Если же въ рукахъ какой-нибудь хорошенькой дачницы вы замѣтите букетъ изъ васильковъ, ромашки и незабудокъ, то можете быть почти увѣрены, что эти цвѣты срѣзаны на грядкѣ сосѣдняго садоводства. Уже это искусственное разведеніе среди лѣта полевыхъ цвѣтовъ, по условіямъ климата свойственныхъ данной мѣстности, можетъ вамъ показать, какъ рѣдки они здѣсь на волѣ. Бѣдна и фауна. Появленіе простой бабочки-многоцвѣтницы, капустницы, вообще какой-нибудь обыкновеннѣйшей бабочки привѣтствуется, въ особенности, конечно, ребятами, какъ цѣлое событіе, и отцы и матери, которые хотятъ воспользоваться лѣтомъ для того, чтобы поставить дѣтей, проводящихъ зиму въ городѣ, въ непосредственное общеніе съ природой, сдѣлаютъ лучше, если изберутъ какой-нибудь другой уголокъ для лѣтняго мѣстопребыванія. Злоязычники замѣчаютъ, что здѣсь нѣтъ природы, а есть только дачи.

Исключительно дачный характер мѣстности, такъ сказать, подчеркивается и малымъ количествомъ коренного, мѣстнаго населенія. Въ Ассериѣ или Карлсбадѣ вы еще видите иногда рыбаковъ, ютящихся кое-гдѣ между задними линіями дачъ и время отъ времени выѣзжающихъ на рыбную ловлю; въ наиболѣе же населенныхъ пунктахъ Штранда, — въ Дуббельнѣ, Майоренгофѣ, Эдинбургѣ, — всѣ участки сплошь заняты дачами и пансіонами, кромѣ которыхъ вы встрѣтите развѣ лавки, магазины и кое-какихъ ремесленниковъ, необходимыхъ для удобства дачной публики. Аборигена-латыша вы встрѣтите здѣсь въ качествѣ дворника, извозчика; иногда его жена принесетъ вамъ землянику со своего огорода; но вы не увидите его на работѣ, на лугу или въ полѣ, такъ какъ ни луга, ни поля здѣсь нѣтъ. Жизнь идетъ въ сущности совершенно на городской ладъ и среди городскихъ интересовъ: концертовъ, спектаклей, театровъ, хождений другъ къ другу въ гости. Петербуржцы, рижане, москвичи, собирающіеся на Штрандъ, устраиваются здѣсь такъ, чтобы какъ можно менѣе нарушать привычки, сложившіяся гдѣ-нибудь на Литейной или на Сивцевомъ Вражкѣ, провинціалы же, съѣзжающіеся изъ разныхъ захолустій и небольшихъ городовъ, до Иркутска включительно, стараются пользоваться здѣсь именно всѣмъ тѣмъ, чего имъ недостаетъ дома.

Тутъ нѣтъ прогулокъ. Жалкій лѣсъ не манитъ васъ своею прелестью. Въ немъ нѣтъ красокъ, какъ ихъ нѣтъ и во всемъ здѣшнемъ тускломъ сѣверномъ пейзажѣ, гдѣ яркое солнце — рѣдкость. Если небо не покрыто тяжелыми, низко ползущими сѣрыми тучами, то масса влаги, стгущающейся въ легкой, едва замѣтный туманъ, почти всегда покрываетъ ландшафтъ какою-то вуалью, чрезъ которую рѣдко-рѣдко глянетъ блескъ настоящаго солнца съ его яркою свѣтотѣнью; затрудняетъ прогулки и отсутствіе хорошихъ дорогъ; дороги песчаны, и нога въ нихъ вязнетъ по щиколку. Правда, по длиннымъ улицамъ Штранда всюду положены деревянные мостки, а мѣстами даже бетонные тротуары; но если вы не находите удовольствія въ монотонномъ хожденіи по длиннымъ, плохо уложеннымъ доскамъ, по узкимъ дачнымъ улицамъ, вдоль однообразныхъ садовыхъ заборовъ, то вамъ остается одно мѣсто — берегъ моря, гдѣ широкая полоса прибрежнаго песка, слегка пропитанная солоноватою водою, представляетъ собой плотную, широкую, идеально гладкую, безпыльную дорогу, тянущуюся вдоль всего Штранда. На этомъ берегу и сосредоточивается собственно дачная жизнь. Здѣсь гуляютъ, катаются въ экипажахъ и на велосипедахъ, играютъ въ крокетъ, лаунъ-теннисъ, а то и просто сидятъ часами или валяются на пескѣ. Преобладаютъ, конечно, дамы и дѣти. Послѣднимъ — раздолье. Выше колѣнъ подобравъ штанишки и юбочки, они то бродятъ по водѣ, то возводятъ какія-то постройки, то сооружаютъ изъ мокраго песка сложныя гавани и при-

стави для игрушечныхъ флотилій, а то, мало стѣсняясь присутствіемъ публики, прямо раздѣваются и купаются, далеко забѣгая въ мелкое, безопасное, еле соленое море.

Рижане очень высоко цѣнятъ свой Штрандъ, но намъ кажется, что достоинствъ у него только два, но зато, правда, крупныхъ: первое—прекрасный пляжъ, изрѣдка украшающійся чудными закатами солнца; второе—бодрящій, свѣжій, наполненный морскими испареніями и сосновымъ ароматомъ воздухъ. Относительно послѣдняго слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться: воздухъ безусловно хорошъ лишь при морскихъ вѣтрахъ, здѣсь преобладающихъ; въ тѣ же дни, когда вѣтеръ несется съ суши, съ юго-востока или юго-запада, и приноситъ и ароматы материка, и испаренія его болотъ, дышится далеко не такъ легко.

Л а т ы ш и.

(Вѣтринскаго.)

Латыши составляютъ все крестьянское населеніе Курляндской губерніи, четырехъ уѣздовъ Лифляндской и части Витебской. Общее число ихъ около 1¹/₂ милліона человекъ. Это—съ небольшимъ одна сотая часть населенія всей Россіи.

Лифляндская и Курляндская губерніи расположены по обѣ стороны нижняго теченія Западной Двины и по берегу Балтійскаго моря. Когда переѣзжаешь изъ чисто русской Псковской губерніи на западъ къ морю, то сначала не замѣчаешь никакой перемѣны въ видѣ мѣстности. Тянется все та же великая русская равнина съ ея однообразными невысокими холмами, съ лѣсами и перелѣсками, съ болотами, лугами и полями. Но стоитъ ближе присмотрѣться ко всему, къ чему приложенъ былъ трудъ человѣка, къ человѣческому жилью и къ людямъ, чтобы убѣдиться, какъ здѣсь много совершенно своеобразнаго и необычнаго.

Ни земля, ни климатъ здѣсь не могутъ сами по себѣ быть названы хорошими. Пахотная земля—суглинокъ или супесокъ—вдобавокъ усыяна большими и маленькими камнями, валунами, булыжниками. Болота и моховыя, и торфяныя, и трясиныя чуть не на каждомъ шагу. Въ Лифляндской губерніи они составляютъ одну десятую часть всего пространства губерніи. Климатъ отъ близости моря и обилія озеръ, рѣчекъ и болотъ—влажный, дождливый, съ частыми туманами. Только упорный и умѣлый трудъ вознаграждается здѣсь, и населеніе умѣетъ приложить его.

Проѣзжая мимо тщательно воздѣланныхъ полей, прежде всего замѣтишь, что здѣсь нигдѣ земля не подѣлена на полосы, безъ которыхъ какъ-то нельзя и представить себѣ средней Россіи. Хозяйство раздѣляется на крупное помѣщичье или мызное (мыза—мѣстное названіе по-

мѣстья) и крестьянское. Крестьяне-латыши живутъ и хозяйство ведутъ отдѣльными дворами; латышскихъ деревень, въ видѣ сплошныхъ поселеній изъ десятковъ дворовъ, не существуетъ за ничтожными исключеніями.

Когда ѣдешь мимо иной крестьянской усадьбы съ щеголеватымъ жильемъ домомъ, который сдѣлалъ бы честь любому уѣздному городку, съ огородомъ, цвѣтникомъ и плодовымъ садомъ около него, съ крѣпкими службами на булыжномъ фундаментѣ, иной разъ невольно вспомнишь слова русской пѣсни:

Тутъ мужики-то все богаты,
Гребутъ лопатой серебро...

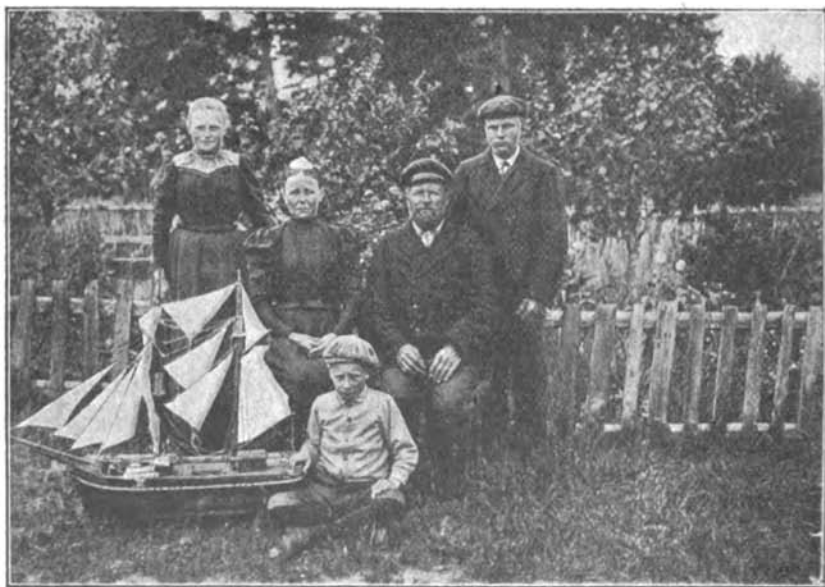
Помѣщичье мызное хозяйство производитъ съ перваго взгляда еще болѣе внушительное впечатлѣніе. Мызу съ окружающими ее землями издалека видно. На возвышенномъ мѣстѣ, въ зелени сада тонетъ барскій домъ. Поодаль стоятъ огромные булыжные амбары, казармы для рабочихъ, скотный дворъ, плодовый садъ, окруженный булыжною оградю. Иногда подлѣ барской усадьбы непривычному глазу бросятся въ глаза какія-то развалины, остатки высокихъ каменныхъ стѣнъ съ узкими прорѣзами для оконъ: это все, что осталось отъ укрѣпленнаго замка, въ которомъ когда-то жили предки теперешняго помѣщика, завоевавшие эту страну нѣмецкіе рыцари. Вблизи обыкновенно высится и церковь, но не православная, а особенной постройки со стрѣльчатыми сводами, лютеранская. На выгонѣ помѣщичій скотъ легко отличить отъ крестьянскаго: онъ и породистѣе, и молочнѣе. Хозяйство многопольное, съ травосѣяніемъ и усиленнымъ удобреніемъ всякаго рода. Земля вспахана плугомъ, кое-гдѣ и паровымъ. Въ страду въ помѣщичьемъ хозяйствѣ тоже не диво встрѣтить паровыя машины, не говоря о конныхъ машинахъ, работающихъ тамъ и сямъ и на крестьянской землѣ; на послѣдней многополье и усовершенствованное хозяйство также не диво.

Болото и лѣсъ, кромѣ самыхъ глухихъ, уже совсѣмъ природою обиженныхъ мѣстностей, тоже носятъ вездѣ слѣды человѣческаго труда. Сушительныя каналы прорѣзаютъ болота по всѣмъ направленіямъ, гдѣ только пріютилась крестьянская усадьба. Болота даютъ прекрасное топливо—торфъ. Лѣсъ, принадлежащій здѣсь или казнѣ, или помѣщикамъ, тщательно охраняется и подѣленъ просѣками на правильные участки для послѣдовательной вырубки. Въ иной лѣсной дачѣ чуть не каждое дерево на счету, валежникъ тщательно собирается, и подчищенный, чуть не подстриженный боръ или лиственный лѣсъ, съ проложенными по нему дорожками, слегка напоминаетъ паркъ. Въ многихъ мѣстахъ лѣсъ разводять и искусственно, гдѣ его истребили прежніе нерасчетливые владѣльцы.

Проѣзжая по образцово устроеннымъ дорогамъ, на каждыя почти 10 — 12 верстахъ встрѣчаешь особнякомъ стоящія, иногда каменные

двухэтажныя зданія: это или волостныя правленія, или народныя училища, школы. Нарочно для школъ построенныя, эти помѣщенія, просторныя и свѣтлыя, теплыя и удобныя, могутъ показаться дворцами русскому народному учителю внутреннихъ губерній, часто уже довольному, если не слишкомъ тѣсно, не слишкомъ темно, не слишкомъ холодно въ его помѣщеніи...

И крестьянинъ по вѣншности мало похожъ на русскаго мужика. Латышъ, средняго роста, или выше средняго, сильнаго и красиваго сложенія, цвѣтъ кожи—бѣлый, волоса на головѣ гладкіе, большую частью русые (рыжихъ и черныхъ почти не встрѣчается), глаза сѣрые.

Эстонцы.

голубые, рѣдко каріе. Бороду обыкновенно бреютъ. Одежду носятъ изъ сѣраго или темнаго домашняго сукна, но покрой ея уже большею частью городской: городская куртка и жилетъ у мужчины во многихъ мѣстахъ вытѣснили совершенно старинный крестьянскій латышскій нарядъ—кафтанъ. Въ праздникъ, особенно въ подгороднихъ мѣстахъ, нарядные латыши и латышки крестьяне, особенно изъ молодежи, уже ничѣмъ не отличаются отъ городскихъ жителей.

Само собою разумѣется, здѣсь живется не легко. Вполнѣ обеспеченные крестьяне, ведущіе большое и прибыльное хозяйство на 25—50 десятинахъ, на своей собственной землѣ или на землѣ, снимаемой у помѣщиковъ и казны, составляютъ меньшинство. Дворы крестьянъ съ

хозяйствомъ болѣ мелкимъ, на 5 — 10 десятинъ, преобладаютъ. Наибольшее же число латышей—безземельные батраки (кнехты) и нанимаются въ работники у помѣщиковъ или у крестьянъ-собственниковъ.

Жизнь мелкихъ дворохозяевъ гораздо менѣ обеспечена, чѣмъ крупныхъ крестьянъ-собственниковъ; по размѣрамъ хозяйство ихъ подходит къ среднему русскому крестьянскому хозяйству. Всего труднѣе положеніе безземельныхъ батраковъ, наиболѣе вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественной части населенія.

Но во всякомъ случаѣ бросается въ глаза, что въ общемъ здѣсь населеніе хоть и далеко и не во всемъ благоденствуетъ, но добилось цѣною тяжелаго труда немалаго благоустройства; здѣсь при плохой сравнительно почвѣ и климатѣ не знаютъ неурожаевъ и тѣмъ болѣе голодобоковъ, какія случаются въ благодатной черноземной полосѣ Россіи. Даже въ самые плохіе годы здѣсь оказываются избытки хлѣба, идущіе, за удовлетвореніемъ нуждъ мѣстнаго населенія, за границу.

Среди множества инородцевъ, населяющихъ Россію, латыши по числу лицъ съ высшимъ образованіемъ занимаютъ очень видное, если не первое мѣсто. Латыши—врачи, адвокаты, православные и лютеранскіе священники, учителя и профессора, чиновники различныхъ вѣдомствъ, занимающіе на родинѣ болѣе или менѣ замѣтные мѣста,—все это уже не исключительныя явленія. Число лицъ съ высшимъ образованіемъ быстро растетъ. И тѣ, кто достигалъ высшаго образованія, нерѣдко отдавали всѣ свои силы работѣ разнаго рода для поднятія умственнаго уровня земляковъ, на изученіе во всѣхъ подробностяхъ родного быта, съ цѣлью опредѣленія нуждъ и потребностей латышей. Самый латышскій языкъ имъ удалось обработать настолько, что онъ сталъ пригоденъ для литературныхъ и научныхъ цѣлей. Образованный врачъ или адвокатъ иногда на собственный страхъ селится въ деревнѣ, тамъ же крестьянствуютъ его родители или близкіе родственники, и такъ связь между образованнымъ человѣкомъ и тою средою, изъ которой онъ вышелъ, не обрывается.

Еще тѣснѣе эта связь между населеніемъ и народнымъ учителемъ. Послѣдній въ латышской деревнѣ, если сумѣлъ хорошо поставить себя съ крестьянами, пользуется не малымъ почетомъ и вліяніемъ. За ничтожными исключеніями народные учителя всѣ изъ латышей же. Крестьяне, на общественныя средства которыхъ содержится большинство школъ, сохранили право выбора учителя, и въ учителя попадаетъ большею частью „свой“ челоуѣкъ. Его мнѣнія, какъ челоуѣка, стоящаго выше другихъ по образованію, спрашиваютъ въ важныхъ дѣлахъ. Онъ обыкновенно дѣятельный членъ мѣстнаго крестьянскаго ссудосберегательнаго, противопожарнаго или благотворительнаго общества; онъ устраиваетъ хоръ и оркестръ изъ деревенской молодежи, завѣдуетъ библиотечкой, ведетъ литературныя чтенія.

И вообще по широкому развитію школьнаго дѣла, а съ нимъ и грамотности населенія, Прибалтійскій край и въ частности латыши далеко опередили всю остальную Россію.

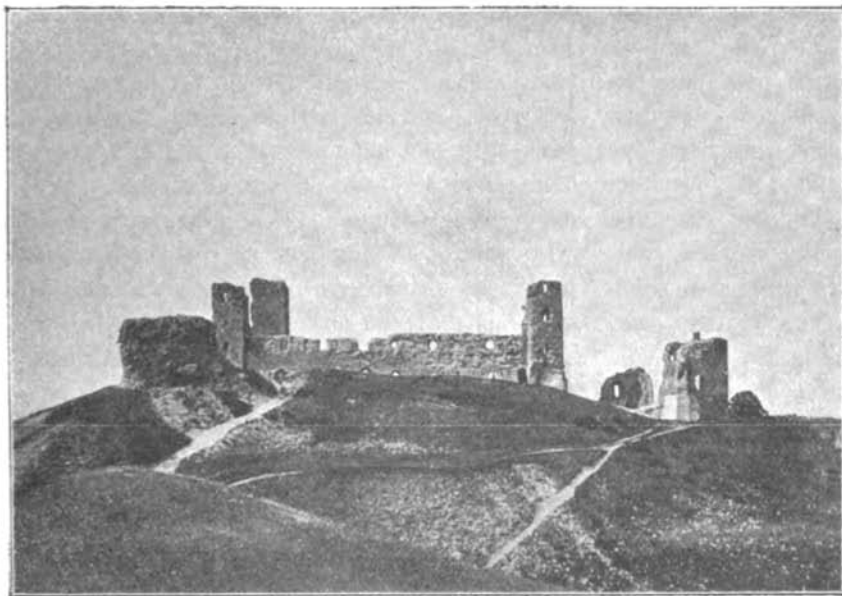
Благодаря широкому распространенію грамотности среди латышей латышскія книги и газеты такъ распространены среди крестьянскаго населенія, что такого же распространенія книги и газеты среди русскаго населенія придется ожидать еще долго. Газету, календарь, нѣсколько свѣтскихъ книгъ, не говоря о Библии и молитвенникѣ, теперь можно найти въ каждой почти латышской усадьбѣ. Среди этихъ книгъ можно встрѣтить произведенія русскихъ писателей, сочиненія которыхъ послѣднее время чрезвычайно усердно переводятся на латышскій языкъ, какъ, напр.: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого и другихъ.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей Прибалтійскаго края— это необычайное обиліе и процвѣтаніе разныхъ обществъ, т.-е. союзовъ частныхъ лицъ, которые устраиваются, чтобъ сообща вести какое-нибудь дѣло, общими силами достигать той или другой цѣли. Перечислить всѣ прибалтійскія, нѣмецкія, латышскія, эстонскія, а также и русскія общества нѣтъ возможности. Одни общества устроены для дѣлъ благотворительности; другія—общества ссудосберегательныя, потребительныя, страховыя — имѣютъ въ виду оказывать членамъ ихъ взаимопомощь и поддержать въ хозяйственной жизни; третьи — заботятся о томъ, чтобъ членамъ обществъ съ семьями было гдѣ съ пользою и пріятно провести свободное отъ занятій время; четвертыя существуютъ для совмѣстныхъ занятій искусствами: живописью, музыкою, пѣніемъ; пятая основаны съ научными цѣлями и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Привычка для cadaго дѣла, въ которомъ заинтересовано много народу, устраивать особое общество, „ферейнъ“ вошла въ плоть и кровь здѣшняго населенія.

Для распространенія среди латышей сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и улучшенія хозяйства весьма важны сельскохозяйственныя общества. Въ собраніяхъ сельскохозяйственныхъ обществъ происходятъ чтенія о новыхъ усовершенствованіяхъ въ земледѣліи, садоводствѣ, пчеловодствѣ. Общества для своихъ членовъ выписываютъ хорошія сѣмена и орудія, покупаютъ машины, которыя въ одиночку купить было бы для членовъ не подъ силу и т. д. Если хозяйство мало-мальски состоятельнаго латыша можетъ удивить заѣзжаго своею благоустроенностью, то этимъ латыши много обязаны распространенію сельскохозяйственныхъ знаній чрезъ эти общества. Разница же между латышомъ и русскимъ крестьяниномъ относительно способовъ сельскохозяйственной работы вообще бросается въ глаза, и большая хозяйственность латыша лучше всего доказывается такимъ, напр., обстоятельствомъ. Изъ губерній, сосѣднихъ

Прибалтійскому краю, не мало русскихъ переселилось на новыя земли, на Кавказъ, въ Сибирь, на Амуръ. И вотъ на тѣ земли, которыя бросилъ русскій мужикъ, иногда потому только, что не умѣлъ уже ничего извлекать изъ нихъ со своимъ вѣчнымъ трехпольемъ, на эти земли охотно садится латышь, работаетъ, не покладая рукъ, осушаетъ болото, сѣетъ ленъ, заводитъ травосѣяніе, а иногда остается и при трехпольѣ, только при болѣе умѣло и тщательно обработанномъ, и земля, съ которой бѣжалъ ея прежній владѣлецъ, начинаетъ приносить порядочный доходъ въ награду за трудъ и умѣніе. Точно такъ же латыши-переселенцы, напр., въ Самарской губерніи, не разъ останавливали на себѣ вни-

Развалины замка въ Прибалтійскомъ краѣ.

маніе тѣмъ, что изъ окрестнаго населенія рѣзко выдѣляются зажиточностью, умѣньемъ вести хозяйство и извѣстнымъ образованіемъ.

Замѣчательны еще пѣвческія общества, которыя очнь распространены среди латышей. Эти общества иногда устраиваютъ грандіозныя празднества, привлекающія множество народу.

Я присутствовалъ на одномъ такомъ пѣвческомъ праздникѣ. Задолго до начала его площадь на окраинѣ города, гдѣ было выстроено для него особое помѣщеніе — огромный деревянный баракъ, чернѣла и пестрѣла по праздничному одѣтымъ народомъ. Но, несмотря на огромное стеченіе народа, порядокъ нигдѣ не нарушался: многотысячная толпа, состоявшая преимущественно изъ латышей же, вела себя чинно: пьяныхъ не

было совсѣмъ видно, не было и давки, очень опасной въ такой огромной толпѣ. Каждый, явившись на свой латышскій праздникъ, точно хотѣлъ товаръ лицомъ показать, щегольнуть умѣньемъ держать себя на людяхъ и терпѣливо ждалъ очереди у одной изъ кассъ, гдѣ продавались билеты на пѣвческій праздникъ.

Въ помѣщеніи подѣ простымъ деревяннымъ навѣсомъ, на безконечныхъ рядахъ скамеекъ, свободно размѣщалось до 20 тысячъ человѣкъ. Пѣвучій латышскій говоръ этой толпы стоялъ въ воздухѣ, какъ неумолчный плескъ морской волны или шумъ лѣсной въ вѣтеръ. Въ дальнемъ концѣ барака на возвышенныхъ подмосткахъ помѣстился пятитысячный хоръ; видѣлись черные сюртуки пѣвцовъ, пестрые наряды пѣвицъ, съ зелеными вѣнками на головахъ, и загорѣлыя лица.

Въ толпѣ, рассаживавшейся по скамейкамъ, безъ отдыха сновали десятки распорядителей, указывавшихъ мѣста. Это была большею частью латышская учащаяся молодежь, гимназисты, студенты, нѣкоторые въ университетскихъ мундирахъ; всѣ они добровольно взялись за этотъ нелегкій трудъ, чтобы помочь главнымъ распорядителямъ дѣла.

На многотысячную толпу, шевелившуюся подѣ убранными флагами сводами навѣса, посмотреть было любопытно. Огромное большинство былъ городской рабочій людъ, не только изъ Митавы, но и изъ Риги и многихъ другихъ сосѣднихъ городовъ, не пожалѣвший трудового рубля на поѣздку и на билетъ, чтобы не пропустить народнаго праздника. Въ рядахъ скамеекъ размѣстились рядомъ и сѣрая куртка крестьянина, пріѣхавшаго изъ окрестностей Митавы изъ своей усадьбы, и щегольское пальто горожанина, обыкновенный синій картузь латыша и черный цилиндръ, модная шляпа и ситцевый платочекъ. Но въ этой пестро одѣтой толпѣ далеко не всегда можно опредѣлить по наряду и внѣшности званіе и состояніе человѣка. Вотъ передъ вами красивый юноша съ холеными русыми усами, въ ловко сшитомъ пальто, въ бѣломъ галстукѣ на шеѣ, чѣмъ не „баринъ“!— только случайно взглянувъ на его руки, на почернѣвшія и покрытыя рубцами ладони, вы сообразите, что это рабочій, слесарь съ какого-нибудь завода или ремесленникъ.

Концертъ состоялъ изъ пѣнія почти исключительно латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Пѣлись онѣ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, стройно и ярко. Особенно красиво выходило пѣніе смѣшаннаго хора (мужскихъ голосовъ съ женскими). Слушали пѣліе съ немалымъ ненасытнымъ увлеченіемъ, каждую пѣсню сопровождалъ бурный взрывъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій, почти каждую пѣсню требовали повторить. Въ рукахъ у многихъ слушателей были книжечки съ текстомъ исполняемыхъ пѣсенъ, и по нимъ внимательно слѣдили за пѣніемъ.

Въ пять дней пѣвческаго съѣзда, кромѣ свѣтскаго концерта, о которомъ мы здѣсь рассказали, были и духовные концерты. Состоялось

также состязаніе отдѣльныхъ хоровъ изъ разныхъ мѣстностей между собою, при чемъ лучшимъ хорамъ были присуждены разныя почетныя награды. Былъ, кромѣ того, огромный народный балъ, на которомъ въ томъ же помѣщеніи весело отплясывало сразу нѣсколько сотъ паръ. Весело раздѣхались потомъ по домамъ пѣвцы и пѣвицы, усталые, но довольные, всюду разнося рассказы про замѣчательное празднество.

Лѣтъ 50 назадъ чрезъ Лифляндію проѣзжалъ одинъ русскій писатель. Онъ былъ глубоко пораженъ рѣзкою разницею между всѣмъ обликомъ Псковской губерніи и сосѣдней Лифляндской: благоустройство послѣдней бросилось въ глаза рѣзко, но коренное населеніе края—латыши—обратили на себя его вниманіе только ничтою и забитостью.

„Въ Лифляндіи нѣтъ нашихъ деревень,—писалъ онъ,—а есть хутора у подножія замковъ; въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, зашпленное, бѣдное средствами, бѣдное способностями и чуждое рыцарямъ, разбросавшимъ нѣкогда лачуги латышей и не позволявшимъ имъ селиться деревнями“.

Все рассказанное нами можетъ служить доказательствомъ, что эти слова теперь уже не соответствуютъ дѣйствительности. Латыши стали на ноги, сумѣли доказать, что не лишены способностей, и достигли въ три-четыре десятилѣтія во многомъ, притомъ почти исключительно собственными усиліями, такого преуспѣянія, до котораго долго еще придется дорабатываться русскимъ крестьянамъ.

Само собою разумѣется, что у латышей не рай земной. Нужда нерѣдко гонить ихъ переселяться не только во внутреннюю Россію, но и въ Америку, гонить на невѣрный городской заработокъ, на фабрики и заводы. Особенно тяжело положеніе безземельныхъ батраковъ, вѣкъ вѣкующихъ на чужой работѣ; униженность ихъ лучше всего видна, напр., изъ того, что браки между ними и дочерьми дворохозяевъ чрезвычайно рѣдки.

Но въ общемъ, повторяемъ, успѣхи латышей въ улучшеніи своего быта и въ умственной жизни не могутъ не бросаться въ глаза, особенно по сравненію съ русскимъ крестьянствомъ.

М а з у р ы.

(Гецевича)

Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ одно изъ польскихъ племенъ, часть котораго занимаетъ пограничныя мѣста губерній: Сувалкской, Ломжинской и Плоцкой, а другая, большая, часть составляетъ почти сплошное населеніе юго-восточнаго угла Пруссіи.

Волнообразная поверхность занимаемой мазурами земли покрыта огромными лѣсами и озерами. Изъ лѣсовъ болѣе другихъ извѣстна Яновская пуца. Озера нерѣдко достигаютъ весьма почтеннаго размѣра,

что дало возможность устроить на нихъ даже пароходное сообщеніе. По эти удобства не могутъ все-таки поднять матеріальнаго благосостояніе мазура: главное его занятіе составляетъ земледѣліе, а мало-плодородная—мѣстами песчаная, мѣстами каменная почва представляетъ въ этомъ отношеніи далеко не благоприятное условіе. Изъ хлѣбныхъ растений главнымъ образомъ воздѣлываютъ картофель, гречиху и рожь, иногда ленъ, рѣдко ячмень и овесъ.

Неудивительно поэтому, что мазуръ живетъ бѣдно, обстановка его жизни сводится къ предметамъ первой необходимости; о роскоши, объ удобствахъ не помышляетъ никто.

Деревни мазурскія строятся почти всегда въ одну улицу. По обѣимъ ея сторонамъ размѣщаются маленькіе, низенькіе домики, съ крошечными окошечками, съ маленькими, еле выдающимися надъ крышей, дымовыми трубами. Другія хозяйственныя постройки такъ же незначительны по своимъ размѣрамъ, какъ и жилые дома, да и строить ихъ большими нѣтъ никакой надобности,—хлѣба мазуръ собираетъ немного, скотомъ тоже похвалиться не можетъ. Пара небольшихъ, худенькихъ, длинношерстныхъ лошаденокъ, одна-другая корова, тоже не Богъ вѣсть какая, да пары двѣ-три овецъ—вотъ и все богатство мазура.

Внутри дома мазуръ любитъ чистоту и порядокъ: на стѣнахъ у него красуются лубочныя картины по большей части религіознаго содержанія, а дальше, на прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ полкахъ, разставлены миски, разложены ложки, и, вообще, на нихъ красуются всѣ лучшія принадлежности домашняго хозяйства. У дверей вы находите большую печь, принадлежность всякой хозяйской избы, необходимую въ силу климатическихъ условій.

Но если мазурскія деревни неприглядны сами по себѣ, зато почти всегда онѣ размѣщаются въ весьма красивомъ мѣстоположеніи. Мазуръ любитъ лѣсъ и еще больше воду, и поэтому деревни ихъ располагаются чаще всего вблизи озеръ и лѣсовъ. Эта любовь, впрочемъ, вызывается и экономическими условіями: при неуспѣшности земледѣлія озера даютъ возможность заняться рыбной ловлей, и этотъ промыселъ составляетъ весьма важное подспорье въ скудномъ хозяйствѣ мазура.

По внѣшнему своему виду мазуръ средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго тѣлосложенія; лицо открытое, интеллигентное. Между женщинами нерѣдко попадаются красавицы.

Костюмъ мазура незатѣйливъ: лѣтомъ—длиннополый, особаго покроя, кафтанъ, по большей части темно-синяго цвѣта, и съ широкими полями соломенная или войлочная шляпа; зимою—барашковый тулупъ и такая же шапка. Женскій костюмъ тоже весьма простъ, и нѣкоторую особенность представляютъ только головные уборы. Дѣвушки ходятъ съ непокрытою головой; волосы онѣ заплетаютъ въ двѣ косы, которыя, перекрещивая

сзади, прикрѣпляютъ потомъ по бокамъ головы. Замужнія женщины и вдовы носятъ шерстяные или шелковые ярко-цвѣтные платки, которые надѣваются особымъ образомъ: остающіеся концы нѣсколько разъ обматываются вокругъ головы и затѣмъ завязываются въ узелъ надъ лбомъ; кончики узла расправляются и стоятъ торчкомъ въ видѣ крыльевъ бабочки.

По характеру своему мазуръ прежде всего гостепріимень, общителень и весель, — весель до крайности. Вездѣ онъ ищетъ общества, забавы; никогда не прочь выпить, сѣть веселую пѣсню, проплясать свою

Въ мазурской деревнѣ.

національную мазурку. Поэтому-то и сложилась относительно мазуровъ извѣстная польская пословица: „i do wupitki, i do wubitki; i do tanca, i do gozanca“ *). Мазуръ также добръ и сострадательень, — со всякимъ всегда готовъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, послѣднею рюмкой водки, а нищему почти никогда не отказываетъ въ милостынѣ. Но веселость мазура и любовь его къ крѣпкимъ напиткамъ влечетъ за собой нѣкоторыя дурныя послѣдствія. Задорный и упрямый по своей натурѣ, подъ пьяную руку онъ даетъ волю этимъ чертамъ своего харак-

*) И выпить гораздъ, и храбръ; и весель, и набоженъ.

тера, а оттуда происходят ссоры и весьма часто даже серьезные драки.

По религии мазуры, живущие в Пруссии,—лютеране, а живущие в Царствѣ Польскомъ—католики; но и здѣсь, и тамъ они одинаково набожны: по воскресеньямъ и праздникамъ храмы Божіи вездѣ биткомъ набиты народомъ.

Народные обычаи мазуровъ носятъ на себѣ чисто-славянскій характеръ. Съ такимъ характеромъ является обычай, именуемый *okreżne*, или въ иныхъ мѣстахъ *dożynki*.

Въ день окончанія жатвы, когда послѣдній колосъ срѣзанъ и уложенъ въ снопы, работники украшаютъ свои серпы и косы цвѣтами и вѣнками и всю гурьбой, распѣвая пѣсни, направляются къ помѣщицкѣй усадьбѣ. Впереди идетъ избранная дѣвушка, голова ея украшена вѣнкомъ изъ золотистыхъ колосьевъ ржи, перемѣшанныхъ съ разными полевыми цвѣтами. Въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ вѣнка, другая дѣвушка несетъ букетъ, опять-таки составленный изъ ржаныхъ колосьевъ съ примѣсью полевыхъ цвѣтовъ. Уже издали слышны веселыя пѣсни этой толпы. Вотъ звуки приближаются, уже видны косы медленно слѣдующихъ сзади косарей, ужъ можно различать веселыя и радостныя лица дѣвушекъ, съ радостью несущихъ вѣнокъ и букетъ. Но тутъ затихаютъ веселыя пѣсни, толпа нѣкоторое время слѣдуетъ въ молчаніи, и только спустя немного изъ нѣсколькихъ десятковъ грудей вырывается какой-то тоскливый, задушевный мотивъ. Это „*Plon*“ (жатва),—мотивъ, одинаково знакомый всѣмъ западнымъ славянамъ отъ Буга до Одера, отъ Балтійскаго моря до Карпатъ. Содержаніе пѣсни не представляетъ изъ себя чего-либо постоянного; смотря по мѣстности, оно постоянно варьируется. Однако во всѣхъ этихъ вариантахъ можно замѣтить одинъ общій сюжетъ: это — „панъ“ и „пани“.

О, вы, наша пани, открывайте ворота,—

Несемъ мы вѣнокъ изъ чистаго золота.

Жатву несемъ мы, жатву

Изъ всѣхъ концовъ поля.

О, вы, наша пани, не жалѣйте пива,

Дайте намъ послѣ и кусокъ мяса.

Жатву несемъ и т. д.

А на ольхѣ широкіе листья,

У нашего пана хорошее обхожденіе.

Жатву несемъ и т. д.

Съ этою-то пѣснью вся толпа рабочихъ приближается къ помѣщицкѣму дому; въ нѣсколькихъ шагахъ всѣ останавливаются. Пѣніе все продолжается и продолжается, иногда очень долго, такъ какъ тутъ же какой-нибудь болѣе находчивый паренекъ или дѣвушка щоголяютъ сочиненіемъ новыхъ куплетовъ. Между тѣмъ въ сѣняхъ и на

крыльцѣ помѣщичьяго дома собираются всѣ домашніе, прислуга и, вооружившись кто ушатомъ, кто ведромъ или ковшикомъ съ водою, ожидаютъ „вѣнка“.

Къ этому времени изъ толпы слышатся два послѣднихъ куплета, въ которыхъ выражаются пожеланія хозяевамъ:

Дай Богъ, чтобы хлѣбъ уродился,
Десять корцевъ далъ бы изъ мѣндя *).

Жатву несемъ и т. д.

Дай Богъ намъ въ здоровьи жатву собирать,
До слѣдующаго года дожить.

Жатву несемъ и т. д.

Кончивъ пѣніе, дѣвушки съ вѣнкомъ и букетомъ приближаются къ помѣщичьему дому, но тутъ со всѣхъ сторонъ льются на нихъ цѣлыя струи воды. Промокшія до послѣдней нитки, парицы праздника входятъ на крыльцо и передаютъ пану и пани свои украшенія. Затѣмъ начинается угощеніе. На дворѣ разставляются столы съ яствами, водкою и пивомъ. Нерѣдко приглашаютъ музыку, и тогда далеко за полночь продолжаются пляска и пѣсни веселой компаніи. Въ иныхъ мѣстахъ сами „господа“ принимаютъ или, вѣрнѣе говоря, принимали когда-то участіе въ неподдѣльномъ веселіи своихъ рабочихъ. Частенько можно было видѣть „панича“, отплясывающаго родную мазурку съ какою-нибудь крестьянскою дѣвушкой. Теперь уже не то: помѣщичики слишкомъ стали „господами“, ихъ шокируютъ манеры деревенской молодежи, ея простая прическа и костюмъ, и они удаляются отъ народа все больше и больше.

Интересны также свадебные обычаи.

Задолго еще до свадьбы *дружба* (такъ называется шаферъ) въ праздничномъ одѣяніи, украсивъ себя красными, голубыми и бѣлыми лентами, верхомъ разъѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ и селамъ и приглашаетъ сосѣдей на свадьбу.

Во время приглашенія *дружба* не сходитъ съ лошади, а если домъ и дворы достаточно высоки, то даже въѣзжаетъ верхомъ въ горницу и здѣсь объясняетъ цѣль своего прибытія. Продолжая сидѣть на лошади, онъ произноситъ пригласительную рѣчь въ стихахъ, начиная ее словами: „*prose, prose na wesele*“ (прошу васъ, прошу на свадьбу). Въ рѣчи этой онъ расхваливаетъ угощеніе, которое ожидаетъ приглашаемыхъ; описываетъ красоту невѣсты, гостепримство жениха; говоритъ наконецъ, что пива и водки будетъ вволю, а музыканты будутъ изъ самаго Крулевца (Кёнигсберга). Въ день свадьбы молодые съ друзьями и сватами въ праздничныхъ одѣяніяхъ, съ цвѣтами, вѣнками и разноцвѣт-

*) Мѣндль — особая мѣра = 15 сноповъ.

ными лентами, въ телѣжкахъ отправляются въ костель; впереди скачутъ верхами два друга и громкими криками возвѣщаютъ прибытіе свадебнаго кортежа. Послѣ вѣнчанія слѣдуетъ угощеніе, а затѣмъ танцы, иногда продолжающіеся нѣсколько дней.

Веселый и любящій выпить мазуръ во всѣ почти юридическія сдѣлки вводитъ также выпивку, именуемую тамъ bogysz или shagogeysz, какъ необходимое завершеніе заключаемаго договора. Такъ, если какая-нибудь деревня нанимаетъ къ себѣ пастуха или кузнеца, то эти послѣдніе обязаны, такъ сказать, для скрѣпленія договора поставить нанIMATEЛЯМЪ нѣсколько штофовъ водки.

Несмотря на свою религіозность и набожность, мазуръ въ высшей степени суевѣренъ, что, впрочемъ, вполне объясняется недостаткомъ образованія. Эти суевѣрія и примѣты составляютъ собою цѣлый кодексъ, которымъ запрещаются тѣ или другія дѣйствія подѣ страхомъ извѣстныхъ несчастныхъ или непріятныхъ послѣдствій.

Такъ, въ четвергъ послѣ ужина нельзя носить воду; нельзя точно такъ же прясть и пастн лошадей. Въ субботу послѣ обѣда нельзя производить никакихъ полевыхъ работъ, а также стирать бѣлье. Ослушники должны опасаться града, который неминуемо принесетъ существенный вредъ ихъ посѣвамъ. Но мазуръ наивенъ и простодушенъ; онъ крайне оригинально избѣгаетъ тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ изъ указаннаго запрещенія: въ четвергъ, если есть работа, ужинъ подаютъ только послѣ ея окончанія; въ субботу такимъ же образомъ подаютъ обѣдъ. А при этомъ условія и „волки остаются сыты, и овцы цѣлы“.

Польскіе города и деревни.

(В. Дѣлова.)

Варшава — столица Польши и отраженіе Польши и польской культуры, а между тѣмъ хоть бы что-нибудь нашлось тамъ свое, оригинальное, національное! Въ Варшавѣ все—сколокъ съ Европы: городъ, улицы, дома, рынки, храмы, дворцы. Сколокъ—старина и еще въ большей степени—современность.

Вступивъ въ Варшаву, вы дѣйствительно чувствуете себя въ Европѣ, почти въ настоящей современной Европѣ. Это сразу же даютъ вамъ почувствовать хоть бы уличные нравы и сцены. Прежде всего нѣтъ суеты и крика. Полякъ не суетливъ, когда онъ работаетъ, и не ругается такъ, какъ восточный или русскій человѣкъ. По костюму сословія не различаются такъ рѣзко, какъ у насъ. Мужики ходятъ въ ботфортахъ, черныхъ суконныхъ пальто и черныхъ барашковыхъ шапкахъ колпачкомъ. Такихъ мужиковъ я видалъ не меньше двухсотъ на какомъ-то грязномъ мясномъ и овощномъ рынкѣ, помѣщающемся въ самомъ центрѣ города.

Мужики съѣхались на своихъ парныхъ телѣгахъ и саняхъ, набились такъ, что яблоку негдѣ упасть, и все-таки не было ни суеты, ни крѣпкихъ словъ. „Пане!“ „Пане!“ — и разѣдутся: кому время — уѣдетъ, кому нужно — выѣдетъ на рынокъ. Народъ все рослый, стройный, со спокойными, нѣсколько утомленными небольшими голубоватыми глазами и очень свѣтлыми усами и волосами.

Въ Польшѣ всѣ — паны и панн. Въ Петербургѣ, напримѣръ, извозчикъ имѣетъ видъ общительнаго и зажиточнаго мужичонка. Въ Варшавѣ — это обнищавшій магнатъ. Взгляните, какъ стоитъ онъ со своею крытою пролеткой на улицѣ. И самъ „панъ друшкажъ“, и его разбитый экипажъ, и его пара коней дремлютъ. Самъ панъ одѣтъ въ синюю ливрею, на которой болѣе заплатъ, чѣмъ металлическихъ пуговиць, въ мѣховую шапку съ большимъ козырькомъ и наушниками, а его ноги обвернуты пестрымъ пледомъ. Панъ откинулся назадъ, положивъ голову на кузовъ экипажа, и величаво не то дремлетъ, не то мечтаетъ о невозвратномъ прошломъ. Гордые заплаты и вылинявшія краски одежды, экипажа и лошадей дополняютъ впечатлѣнїе, производимое мечтателемъ.

Друшкажи, ломовыя клячи и мужики — вотъ что бросается въ глаза прежде всего. Послѣ глаза больше всего поражается обоняніе. Въѣхавъ въ Варшаву, вы немедленно убѣждаетесь, что это не Россія, а Европа.

Прежде всего, какъ я сказалъ, вы замѣчаете европейскій видъ и манеры людей. Но есть и еще что-то, столь же сильно говорящее о Европѣ, — это пахнетъ дымкомъ и копотью каменнаго угля. Каменный уголь прїобрѣлъ право гражданства въ большинствѣ мѣстностей Польши, а дрова продаются мѣстами по копейкѣ за фунтъ. Въ большинствѣ гостиниць печи топятъ только по особому требованію и за особую плату.

Центромъ города служить скромной внѣшности, но большихъ размѣровъ, королевскій замокъ, получившій свой теперешнїй видъ въ 1821 году. Въ немъ помѣщается генераль-губернаторъ. Изъ оконъ замка далеко внизу видна зеленая, по цвѣту тоже заграничная, европейская Висла и ея противоположный берегъ. Между замкомъ и Вислой — сады на каменныхъ аркадахъ. Противоположнымъ фасадомъ замокъ выходитъ на площадь, которая поднимается отъ зданія нѣсколько вверхъ и сильно скрадываетъ его размѣры. На сѣверъ отъ замка идетъ старыи городъ, а на югъ — новый.

Такъ называемый Старыи городъ, Старэ Место, — тоже Европа XVI и XVII столѣтїй. Но настоящая Европа частью уничтожила, частью почистила свои старыя кварталы, эти гнѣзда болѣзней и заразы. Варшава же бережетъ свою старину. Можно не безъ удовольствїя побродить по старымъ кварталамъ Варшавы, представляющимъ сильно умень-

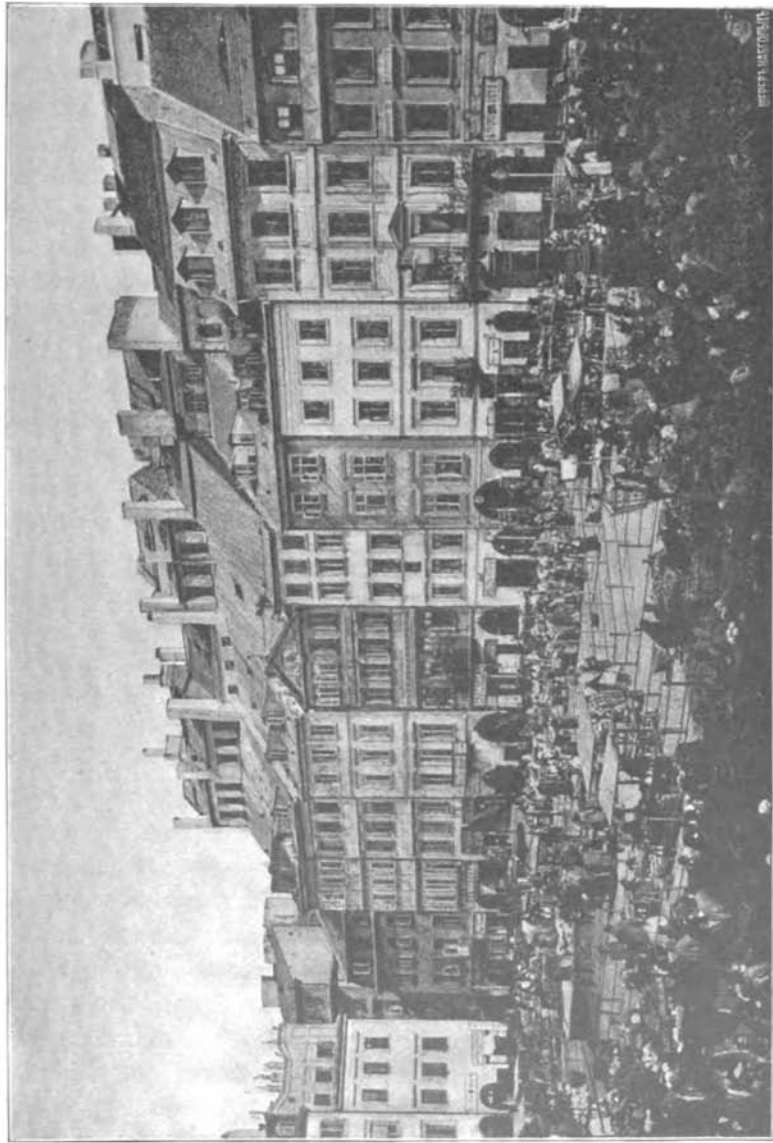
шенную копию со стараго Берлина, старой Вѣны, Парижа, Неаполя. Тѣ же узенькія и извилистыя, тропинкообразныя улочки, тѣ же дома въ два-три окна, съ острымъ и высокимъ колушкомъ черепичатой крыши, съ эмблемами и латинскими изреченіями надъ входомъ, защищеннымъ толстою желѣзною дверью. Дома стоятъ плечо къ плечу сплошною массою съ однообразными фасадами и производятъ впечатлѣніе одной сплошной стѣны. Улочки имѣютъ видъ коридоровъ, площадки и площади—комнаты, и тѣ и другія теперь наполнены евреями.

Какъ Старѣ Мѣсто — подражаніе старой Европѣ, такъ новые кварталы — копии новой. На югъ отъ королевскаго замка тянется сначала улица Краковское предмѣстье, потомъ Новѣ Мѣсто и, наконецъ, все новѣе и новѣе, Уздовская аллея, въ концѣ которой находится на мѣстѣ лазень (баня) князей Мазовецкихъ паркъ и скромный загородный дворецъ, Лазенки. Краковское предмѣстье и Новѣ Мѣсто представляютъ изъ себя нѣчто среднее между московскими и одесскими улицами, — больше, красивѣе домами и чище московскихъ и грязнѣе и извилистѣе одесскихъ. Аллея — миниатюрная копія новаго Парижа или новой Вѣны.

Большинство польскихъ городовъ древняго происхожденія. Прежде всего городъ стоитъ на болотѣ или болотами окруженъ. Болота эти не шуточные. Ихъ усердно и давно осушаютъ, но еще далеко не осушили, и глазъ туриста окидываетъ довольно трудно обозримыя плоскія и мокрыя пространства. Не думайте однако, что это болото — русское болото. Нѣтъ, оно во всѣхъ направленіяхъ канализировано, кочекъ на немъ нѣтъ, ржавыхъ лужъ нѣтъ, дрянныхъ ольховыхъ и лозовыхъ кустиковъ, изуродованныхъ полуголоднымъ скотомъ, тоже нѣтъ. Все оно превращено или въ выгонъ или въ сѣнокосъ или, наконецъ, служить вмѣстилищемъ торфа, откуда его выбираютъ на топливо или для удобренія полей. Тѣмъ не менѣе болото — все-таки болото. Къ городку нельзя подъѣхать иначе какъ по дамбамъ въ нѣсколько верстъ длиной. Дамбы принадлежатъ прекраснымъ шоссеинымъ дорогамъ, которыми вдоль и поперекъ испещрена вся Польша. Весной во время разлива водъ или въ затяжные дожди, которые въ Польшѣ не рѣдкость, дамбы погружены въ воду, которая стремится подъ многочисленные мосты, но иногда все-таки размываетъ дорогу и на нѣсколько дней прекращаетъ движеніе. Болота затѣмъ порождаютъ тучи комаровъ, неисчислимыя полчища лягушекъ и лихорадки. Болота дѣлаютъ лѣтнія ночи холодными и туманными, а лѣтніе дни менѣе жаркими.

Переѣхавъ чрезъ цивилизованное болото по двухверстной дамбѣ, заплативъ у слагбаума откупщику еврею шоссеиный сборъ, вы выѣзжаете въ польскій уѣздный городокъ и пріятно разочаровываетесь.

Вы знаете уѣздные городки Западнаго края и ожидали, что и польскіе представляютъ изъ себя то же. Вы ожидали увидѣть широкія улицы,

„Старо място“ в Варшава.

полныя грязи, перемѣшанной съ помоями, навозомъ и соромъ; покривившіеся заборы, одноэтажные домики, крытые шершавымъ гонтомъ, а то такъ и просто соломой и камышомъ; вы ожидали найти рядъ деревянныхъ лавчонокъ, гдѣ торгуютъ по мелочамъ залежалымъ товаромъ; на обширной немощеной базарной площади вы думали увидѣть скрипучія и пахнущія дегтемъ телѣги и телѣжки и толпы подвыпившаго развеселаго мужичья, входящаго и выходящаго изъ дверей разваливающихся шинковъ, а главное—въ такихъ городкахъ, которые принято называть польскими, должны валомъ валить, должны запружать улицы и дерзко дурачить и обманывать сѣраго мужика, тоже называемые польскими, евреи.

И представьте себѣ, въ настоящемъ польскомъ городкѣ евреи такъ чтобы ужъ слишкомъ не выдаются. Правда, лавки принадлежать имъ, но не всѣ безъ исключенія, какъ въ Западномъ краѣ. Вотъ колбасникъ Миллеръ, вотъ *Nôtel Polski* пана Кузваса, вотъ магазинъ бакалеи пана Сѣшинскаго. Нѣмцы содержатъ всѣ колбасныя, поляки полюбили гостиницы и винныя погреба. Лавки, принадлежащія евреямъ, съ виду очень приличны, скорѣе магазины, чѣмъ лавки, а сами евреи не имѣютъ такого изголодавшагося вида и такихъ цыгански-мошенническихъ ухватокъ, какими отличаются ихъ соплеменники въ Бѣлоруссіи или Малоруссіи.

Въ настоящее время отъ оптовой торговли и фабрикъ евреевъ оттираютъ нѣмецкіе капиталисты, отъ ремеслъ—нѣмецкіе ремесленники. Столяръ, слесарь, обойщикъ, шорникъ, кузнецъ—всѣ эти занятія въ городкѣ ведутся нѣмцами. Каменный уголь доставляетъ въ городокъ тоже нѣмецъ. Выстроилъ огромную паровую мельницу опять нѣмецъ. Пиво варить конечно нѣмецъ. Нѣмцы, само собой разумѣется, составили *Gemeinde* (общину), построили кирку и завели свою школу.

Видъ новаго городка довольно своеобразенъ. Мансарды, чердаки, крутыя, очень высокія черепичатыя крыши составляютъ его самую рѣзкую особенность.

Такую огромную и тяжелую крышу высотой съ цѣлый этажъ можно поставить только на каменные стѣны,—и польскій городокъ каменный. Кромѣ того, польскій городокъ не по народонаселенію малъ. Правда, въ немъ всего какихъ-нибудь пять-семь тысячъ жителей, но и для этого онъ занимаетъ слишкомъ мало мѣста—полторы, двѣ версты въ окружности. Въ этомъ отношеніи польскій городокъ опять городокъ еврейскій, а не русскій,—каменный, а не деревянный, черепичатый, а не гонтовый, съ узенькими, а не широкими улицами, довольно высокій, двухъ и даже трехъэтажный, а не приземистый, не погорающій въ десять лѣтъ разъ до половины, а въ двадцать лѣтъ цѣликомъ, и потому имѣющій „старый кварталъ“, подобно Варшавѣ и европейскимъ городамъ. Если Варшава — маленькая копія Европы, то уѣздный польскій

городокъ—копія Варшавы, до смѣшного крохотная. Какъ въ Варшавѣ и Европѣ, въ городкѣ есть и „новый кварталъ“: полпереулочка пошире и почище; есть и своя „аллея“, свои „Елисейскія поля“: полпереулочка, засаженнаго орѣхами, каштанами, бѣлою акаціей; есть свой паркъ. Въ старомъ кварталѣ улочки узки, не разѣхаться двумъ телѣгамъ, и порядочно папахиваетъ изъ сквозныхъ сѣней. Въ новомъ кварталѣ вездѣ бетонные тротуары, гордость городка. „Аллея“ раздѣлена на три части, при чемъ у начала каждой стоитъ доска съ соотвѣтствующею надписью на двухъ языкахъ, польскомъ и русскомъ, указывающею, какаѣ дорожка предназначена для пѣшеходовъ, какаѣ для экипажей. Въ „Аллеѣ“ стоятъ лучшіе дома города, новомодные, безъ черепичатыхъ колпаковъ, съ балконачиками, съ лѣпною орнаментикой, съ холодными лѣстницами, сквозными сѣнями и дверями.

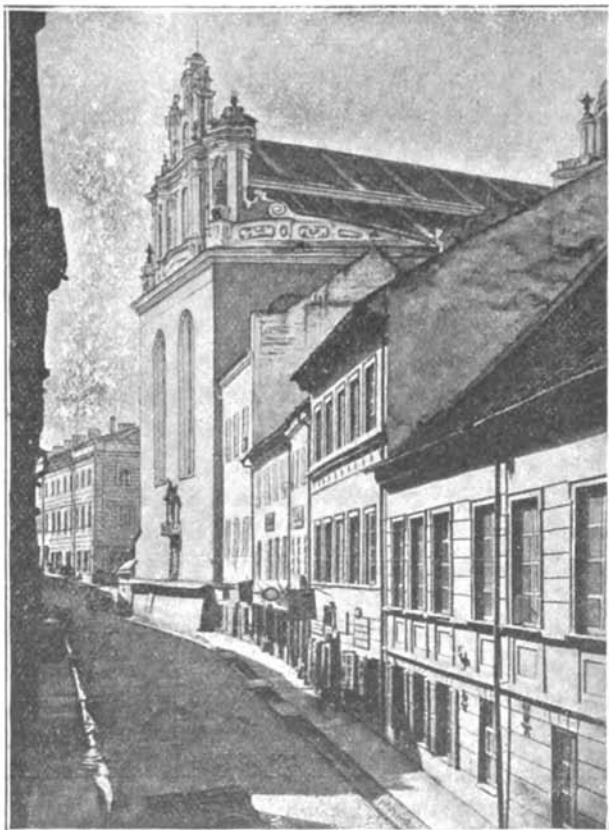
Но главная гордость городка — это площадь. Довольно большая, очень чисто содержимая, хорошо мощеная, она обставлена или старѣйшими, или лучшими зданіями городка: „Отелемъ Польскимъ“, трехэтажными казармами расположеннаго въ городѣ пѣхотнаго полка, очень большимъ, оконъ въ сорокъ, каменнымъ зданіемъ упраздненнаго монастыря, гдѣ помѣстились присутственныя мѣста, камеры должностныхъ лицъ и квартиры чиновниковъ, и домами, хотя и небольшими, но XVIII, иногда XVII вѣка, принадлежащими исконнымъ польскимъ горожанамъ, т.-е. нѣмцамъ и евреямъ. Въ этихъ домахъ гостиницы, лавки и магазины. Стѣны упраздненнаго монастыря поражаютъ обиліемъ навѣшанныхъ на нихъ государственныхъ гербовъ. Сначала кажется, что это все аптеки. Оказывается, что въ Польшѣ вывѣска каждаго казеннаго учрежденія, отъ канцеляріи генераль губернатора до сельской школы, обязательно украшена русскимъ гербомъ. Имѣютъ его вывѣски слѣдователей,[§] нотаріусовъ, акцизныхъ надзирателей, даже волостныхъ правленій (гминъ) и волостныхъ старшинъ.

Посреди площади стоитъ красивый небольшой каменный павильонъ, тоже съ орломъ. Это магистратъ. Здѣсь засѣдаетъ управленіе городка, бургомистръ и совѣтники. И бургомистръ, и совѣтники не выбираются жителями, а назначаются администраціей и подчинены „начальнику уѣзда“ (по нашему исправникъ). Заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ съ начальникомъ уѣзда раздѣляютъ помощникъ начальника уѣзда (нашъ помощникъ исправника) и начальникъ земской стражи, въ распоряженіи котораго находятся щеголеватые стражники, одѣтые нашими городскими и разсыпанные по городамъ, посадамъ и селамъ уѣзда.

Конечно, одно изъ лучшихъ и старѣйшихъ зданій города — еврейская синагога. Это по большей части обширное зданіе неопредѣленнаго стиля, не то романскаго, не то готическаго, напоминающее христіанскій храмъ этихъ стилей, но безъ колокольна.

Что же еще есть въ городкѣ? Тюрьма, пара костеловъ, непременно лютеранская кирка съ портретомъ Мартина Лютера и подписью подъ нимъ: „Doctor Martin Luter, geboren... gessorben...“, развалины стариннаго замка и красивая каланча, построенная вольнымъ пожарнымъ обществомъ.

На самомъ краю города, за грудой кирпичей,—все, что осталось отъ стараго замка, — тамъ, гдѣ песчаный бугоръ, на которомъ построили городокъ, кончается и гдѣ начинается торфяное болото, стоитъ старѣйшій костелъ городка. На вопросъ, сколько ему лѣтъ, вамъ отвѣчаютъ, что это въ точности неизвѣстно, но что, должно быть, лѣтъ восемьсотъ. Вы идете къ костелу съ недоувѣремъ, но недоувѣрие немедленно исчезаетъ, лишь только вы приблизились. Если вы на своемъ вѣку видали архитектурныя сокровища старой Европы, для васъ не можетъ быть сомнѣній: передъ вами одинъ изъ такихъ

Улица въ польскомъ городкѣ.

святыхъ памятниковъ, говорящій о великомъ средневѣковомъ зодствѣ. Онъ весь сложенъ изъ дикаго камня и имѣетъ видъ дряхлый, мрачный, обомшлый; двѣ его колокольни и стѣны въ нѣсколькихъ мѣстахъ треснули; въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны переложены наново, при чемъ камень замѣненъ кирпичомъ. Но, несмотря на эти заплаты, мохъ, трещины и безобразіе старости, церковь сразу же производитъ на васъ освѣжающее впечатлѣніе своею художественностью, своимъ строгимъ стилемъ. Во время обѣдни старый костелъ полонъ исключительно му-

жиками, бабами и дѣвками. Мужики наполняютъ заднюю половину храма, гдѣ для нихъ стоятъ скамьи; женщины собираются впереди, ближе къ алтарю, скамей не имѣютъ и все время, чтобы не закрывать алтаря отъ сидящихъ мужчинъ, стоятъ на колѣняхъ. И тѣ, и другія молятся и поютъ, поютъ.

И въ сильно европеизированной Польшѣ еще есть разстоянія во сто верстъ, которыя иначе какъ лошадьми не про ѣдешь. Но эта ѣзда опять-таки не русская перекладная. Правда, если вы очень захотите, вы можете ѣхать и въ телѣгѣ, но нѣтъ ничего проще, какъ достать себѣ карету, запряженную парой лошадей, которая за десять цѣлковыхъ повезетъ васъ за сто верстъ. Карета, конечно, неважная, больше крытый кузовъ, чѣмъ карета, но прочная, дорогой не развалится, не очень трясеть и не течетъ. Наверху помѣстятъ вашъ багажъ, хорошо его привяжутъ и укроютъ. Такія кареты есть и въ уѣздномъ городкѣ, а если нѣтъ, напишите въ губернской, и карета явится къ вашимъ услугамъ оттуда. Кучеръ дорогой пьянымъ не напьется, не заснетъ, васъ нигдѣ не вывалитъ и вамъ не нагрубитъ, даже на чай не попроситъ, если вы сами не дадите.

Польскіе пейзажи, польская природа... Въ Польшѣ природы осталось уже очень мало, тоже по-заграничному. Природу замѣнило сельское хозяйство. Да и та природа, которая была, не изъ важныхъ. Польша—равнина, мѣстами плоская, какъ столъ, мѣстами еле-еле взволнованная возвышеніями и ложбинами, совершенно нечувствительными ни для лошадей, ни для экипажа; только въ видѣ исключеній равнина переходитъ въ невысокіе холмы. Почва не плодородная. Растительность скудная. Прелести въ такой природѣ немного. Въ настоящее время природа смѣнилась довольно высокимъ хозяйствомъ, тоже не оригинальнымъ, а скопированнымъ съ сосѣдней Пруссіи.

Мы выѣхали изъ своего уѣзднаго городка въ губернской городъ Калишъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта. Снѣгъ согнало въ половинѣ марта и разлились рѣки и рѣчонки. Въ двадцатыхъ числахъ опять шелъ и лежалъ снѣгъ. 27-го снова потеплѣло; пошли дожди, продолжавшіеся до 5-го апрѣля, то теплые, то холодные, чаще холодные. Осими позеленѣли, но трава шла въ ростъ туго, а деревья и кусты и не думали распускаться. Отличія отъ Россіи мало. Первую половину дороги мы ѣхали плодородными мѣстами. Плодородною землей зовется здѣсь не какой-нибудь черноземъ, а самая простенькая супесь и даже песокъ на лежащей неглубоко глинѣ. Глина не даетъ песку высыхать, а обработка песка легкая; удобряется онъ и навозомъ, и торфомъ, и мусоромъ, и грязью съ шоссеиной дороги усердно. Въ результатѣ получаются отличные урожаи хлѣбовъ и травъ. Мужикія деревни тутъ часты и мужики богаты; наны, наоборотъ, рѣдки и бѣдны. Мѣстность ровная, кое-

гдѣ прерываемая болотами, превращенными вешнею водой въ озера. Рѣчючки тутъ маленькія, но многочисленныя. Шоссе—изъ второстепенныхъ линій, узенькое и обсаженное вербой и ольхой. Лѣсовъ и помину нѣтъ: все до послѣдняго клочка воздѣлано, и единственныя деревья—тополи усадебъ, деревень и дорогъ, прозрачными рядами и группами стоящіе и перекрещивающіеся другъ съ другомъ.

На половинѣ пути мы переѣзжаемъ чрезъ небольшую, но буйную Варту, съ большимъ трудомъ проѣзжаемъ по трехверстной дамбѣ, сильно испорченной разливомъ, и въѣзжаемъ въ мѣстность худородную и холмистую. Деревни сразу же рѣдѣютъ, мужики, бабы, ихъ хаты, ихъ скоты и телѣги сразу же дѣлаются меньше и мельче. Обработанная земля все чаще перемежается съ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Лѣсъ принадлежитъ помѣщикамъ; лѣсныя и неплодородныя имѣнія, какъ извѣстно, дробятся менѣе, помѣстья здѣсь крупны, а такъ какъ лѣсъ средней руки здѣсь стоить все же 500 руб. десятина, а пахота 200 р., то помѣщики худородныхъ лѣсныхъ холмовъ богаче своихъ мелкопомѣстныхъ собратій плодородной равнины. Помѣщичьи усадьбы тутъ обширныя, каменные, отлично поддерживаемыя. Шоссе обсажено уже не вербой и ольхой, которыя на песокъ не растутъ, а осокоремъ. Шоссе тутъ большое, ведущее изъ Варшавы за границу, старое; осокори тоже старые, огромные и, какъ по командѣ, какъ шоренга солдатъ, дѣлающая гимнастику, наклонившіеся въ сторону, противную господствующимъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ. Наклонъ не великъ, но рѣзко бросается въ глаза и представляется точно ошибкой, чѣмъ-то въ родѣ пизанской падающей башни. Если бы не въ первый разъ, было бы очень скучно ѣхать этими сырыми равнинами, сухими холмами и одпообразными чистыми, аккуратно рубимыми и тщательно вновь засѣваемыми и засаживаемыми лѣсами.

Проѣхавъ штукъ пять посадовъ, мѣстечекъ и городковъ, мы прибываемъ къ ночи въ Калишь.

Въ фабричномъ царствѣ.

(Реймонта.)

Лодзь просыпалась.

Первый рѣзкій фабричный свистокъ нарушилъ тишину раняго утра, а вслѣдъ за нимъ со всѣхъ сторонъ города, все болѣе безпорядочно и шумно, раздавались другіе, оравшіе хрипылыми и дикими голосами, точно хоръ чудовищныхъ пѣтуховъ, металлическими гортанями возглашавшихъ призывъ къ труду.

Громадныя фабрики, длинныя, черныя корпуса и тонкія трубы которыхъ мелькали во мракѣ разсвѣта, среди тумана и дождя, начинали

медленно пробуждается, вспыхивая языками пламени, вздыхая клубами дыма, начинали жить и двигаться въ темнотѣ, которая еще покрывала землю.

Мелкій мартовскій дождь, смѣшанный со снѣгомъ, шелъ не переставая и распростеръ надъ Лодзью тяжелый, липкій туманъ; онъ барабанилъ по крышамъ и стекалъ съ нихъ прямо на тротуары, на черныя улицы, покрытыя вязкою грязью, на голыя деревья, прислонившіяся къ длиннымъ стѣнамъ, дрожація отъ холода, терзаемая вѣтромъ, который налеталъ откуда-то, съ намоченныхъ полей, и тяжело проносился по грязнымъ улицамъ города, встряхивалъ заборы, бросался на крыши и шумѣлъ между вѣтвями деревьевъ. Ряды низкихъ липъ вдоль тротуара сгибались подъ его ударами; рѣдкіе фонари отбрасывали только небольшіе круги желтоватаго свѣта, въ которомъ блестяла черная, липкая грязь улицы и мелькали сотни людей, безшумно, но торопливо спѣшившихъ на зовъ свистковъ; послѣдніе все рѣже раздавались теперь вокругъ.

— Morgen!—крикнулъ кто-то изъ темноты.

— Morgen...—послышалось въ отвѣтъ.

Тысячи рабочихъ, какъ тихіе, черные рои, выползли вдругъ изъ боковыхъ переулковъ, изъ домовъ, стоявшихъ на окраинахъ города, — и наполнили Петроковскую улицу шумомъ шаговъ, бряцаньемъ жестянокъ, блестявшихъ при свѣтѣ фонарей, отрывистымъ стукомъ деревянныхъ подошвъ, какимъ-то соннымъ гуломъ и всхлипываньемъ грязи подъ ногами.

Они заливали всю улицу, шли со всѣхъ сторонъ, заполнили тротуары, толклись на мостовой, гдѣ было множество лужъ. Одни изъ нихъ становились беспорядочной кучей передъ воротами фабрикъ, другіе, выстроившись гуськомъ, длинною нитью исчезали въ воротахъ.

Въ темныхъ глубинахъ начали вспыхивать огни; черныя молчаливыя остовы фабрикъ внезапно озарялись сотнями освѣщенныхъ оконъ и какъ-будто сверкали пламенными глазами. Бѣлый дымъ начиналъ вылетать изъ трубъ и распоздаться между этимъ могучимъ каменнымъ лѣсомъ, который, казалось, выросъ на тысячахъ колоннъ и какъ бы качался въ трепетномъ электрическомъ освѣщеніи.

Постепенно улицы пустѣли, фонари тухли; послѣдніе свистыя прозвучали, тишина залегла кругомъ,—только слышался плескъ дождя, да все тише посвистывалъ вѣтеръ.

Открывались кабаки и булочныя; кое-гдѣ, въ какомъ-нибудь окошкѣ подъ самой крышей или въ подвалѣ, загорались огоньки. Только въ сотняхъ фабрикъ кипѣла напряженная, горячая жизнь; глухой грохотъ машинъ гудѣлъ въ туманномъ воздухѣ.

Начинало свѣтать, и въ слабомъ, затуманенномъ разсвѣтѣ медленно

стали выдѣляться контуры деревьевъ, фабрикъ и домовъ. По Петроковской улицѣ потянулись отъ заставъ ряды мужицкихъ воевъ, изъ города загрохотали по выбоинамъ громадныя товарныя вozy, нагруженныя углемъ, платформы, наполненныя пряжей, тюками хлопчатой бумаги, сырьемъ или бочками, быстро пронеслись брички и фазтончики фабрикантовъ, спѣшившихъ на работу, или съ шумомъ гроыхала извозчичья пролетка, везшая запоздалаго служащаго.

Свернемъ налево, въ маленькую немощеную улицу, освѣщенную нѣсколькими фонарями на веревкахъ, и зайдемъ въ одну изъ громаднхъ фабрикъ, длинный пятиэтажный корпусъ которой сверкаетъ всѣми окнами.

Вотъ первая зала—такъ называемая „кухня“, гдѣ приготавлиются краски; она утопаетъ во мракѣ. Подъ покатыми, низко висящими крышками, какъ подъ стальными зонтиками, медленно, автоматически вертятся широкія мѣдныя мѣшалки, взбалтывающія краску въ большихъ котлахъ, которые блестятъ полированной мѣдью.

Отъ движенія машинъ дрожить все зданіе. Длинные передаточныя ремни, точно блѣдно-желтыя змѣи безконечной длины, мчатся съ умопомрачительной быстротой подъ потолкомъ, мелькаютъ надъ двойнымъ рядомъ котловъ, ползутъ вдоль стѣнъ, перекрещиваясь высоко вверху, едва замѣтныя въ облакѣ ѣдкихъ цвѣтныхъ паровъ, которые то и дѣло вырываются изъ котловъ, затемняя свѣтъ, и убѣгаютъ сквозь стѣны, чрезъ всѣ отверстія, въ другія залы. Силуэты рабочихъ, въ рубахахъ, вымазанныхъ красками, тихо мелькаютъ и исчезаютъ въ темнотѣ; вагонетки съ громомъ вкатываются и выкатываются, переполненныя готовыми красками, которыя онѣ развозятъ въ печатни и красильни. Страшно рѣзкій запахъ сѣры расходится повсюду.

Чтобы попасть отсюда въ красильню, надо идти по коридорамъ и проходить, загроможденнымъ вагонетками, полными промокшихъ матерій, людьми и грудями товара, который лежитъ на полу въ большихъ кшахъ, ожидая своей очереди.

Красильня вся заставлена большими красильными бадьями, надъ которыми растянуты на большихъ валахъ штуки матеріи вертятся и купаются въ краскѣ, разбрызгивая ее на лица и рубахи рабочихъ; рабочіе стоятъ неподвижно, поминутно черпая ладонью воду изъ кадокъ и смотря, есть ли въ ней еще краска, которую вытягиваетъ матерія. Съ другой стороны, за двойнымъ рядомъ желѣзныхъ столбовъ, поддерживающихъ верхніе этажи фабрики и часто разставленныхъ по огромной залѣ, стоятъ полоскательницы—длинные ящики, полные кипящей воды, пѣнящейся отъ соды, механическихъ прачекъ, выжималокъ мыла, по которымъ скользятъ матеріалъ; брызги взбиваемой метелками воды разсыпаются по залѣ и образуютъ надъ прачечными такой густой ту-

маня, что свѣтъ лампъ едва виденъ, словно отраженный въ зеркалѣ. Механическіе получатели лязгаютъ, принимая какъ бы растопыренными своими руками вымытый въ этихъ полоскательницахъ товаръ, и отдаютъ его рабочимъ, которые прутьями укладываютъ его въ широкія складки на вагонеткахъ, подвозимыхъ ежеминутно.

Стѣны непрерывно дрожатъ. Подъемныя машины, прикрѣпленныя на стѣнахъ, соединяютъ низъ фабрики съ ея верхними четырьмя этажами. Поминутно раздается глухое бряцанье въ разныхъ мѣстахъ залы: это подъемная машина принимаетъ или выбрасываетъ изъ себя вагонетки, товары, людей...

И куда ни пойти по фабрикѣ, всюду приходится пробираться сквозь паутину безконечныхъ ремней, среди рѣзкихъ запаховъ красокъ, бѣлилъ и сырыхъ матерій, разогрѣтыхъ въ этой жарѣ.

Но если гдѣ жарко, такъ это въ сушильнѣ.

Тамъ громадныя, четырехстѣнные жестяные ящики, наполненные страшно раскаленнымъ и сухимъ воздухомъ, грохочутъ, точно отдаленныя грома, выбрасывая безконечную полосу цвѣтныхъ матерій, сухихъ и жесткихъ. На низкихъ столахъ, на полу, на возкахъ, которые тихо передвигаются, лежатъ цѣлыя кипы матерій, и въ этомъ сухомъ, ясномъ воздухѣ залы, стѣны которой сдѣланы почти исключительно изъ стекла, онѣ горятъ матовыми красками золота, пурпура съ лиловымъ оттѣнкомъ, аквамариновой синевы, изумруда, точно кипы металлическихъ листьевъ.

Рабочіе, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ, съ сѣрыми лицами и потухшими глазами, передвигаются медленно, автоматически.

А изъ оконъ, съ высоты четвертаго этажа, мелькала Лодзь среди тумана и дыма, разсѣкаемаго тысячами трубъ, крышъ, домовъ, деревьевъ съ осыпавшимися листьями, а съ другой стороны виднѣлись поля, которыя тянулись въ глубь горизонта, сѣро-бѣлыя, грязныя, залитыя весеннею оттепелью; кое-гдѣ пестрѣли красныя зданія фабрикъ, или отдаленные ряды маленькихъ деревушекъ; дороги извивались среди полей черною, залитою грязью полосой, мелькавшею между рядами голыхъ тополей.

На другой день было воскресенье. Солнце ярко свѣтило надъ Лодзью, надъ тысячею фабричныхъ трубъ, которыя стояли въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, подобно могучимъ стволамъ сосенъ въ голубоватой весенней атмосферѣ. Толпы рабочихъ въ праздничныхъ свѣтлыхъ платьяхъ, въ яркихъ цвѣтныхъ галстукахъ, въ картузахъ съ блестящими козырьками, или въ высокихъ, давно вышедшихъ изъ моды, шляпахъ, съ зонтиками въ рукахъ, заполняли Петровскую улицу, тянулись гуськомъ изъ сосѣднихъ переулковъ и толпились на тротуарахъ. Ра-

ботницы въ удивительныхъ яркихъ шляпахъ, съ перетянутыми таліями, въ свѣтлыхъ пелеринахъ или въ полосатыхъ платкахъ на плечахъ, съ гладко причесанными волосами, блестящими отъ помады и металлическихъ спилекъ, иногда съ воткнутымъ искусственнымъ цвѣткомъ, медленно двигались, раздвигая толпу локтями, чтобы защитить свои сильно накрахмаленныя юбки; раскрытые надъ головами зонтики, подобно большимъ разноцвѣтнымъ мотылькамъ, качались надъ этой пестрой, безпрестанно плывущей человѣческой рѣкой, принимавшей по пути новые притоки изъ боковыхъ, поперечныхъ улицъ.

Съ крышъ, съ испорченныхъ водосточныхъ трубъ, съ балконовъ струями текла вода на прохожихъ и на грязные тротуары; вчерашній снѣгъ таялъ и стекалъ, оставляя длинные черные слѣды на стѣнахъ, покрытыхъ угольною пылью и сажей. Мостовая, полная дыръ и выбоинъ, была покрыта сплошь липкою грязью, которая при проѣздѣ пролетокъ и экипажей обливала тротуары и проходящихъ.

А по обѣимъ сторонамъ улицы стояли, сбившись въ кучу, дома-дворцы, напоминавшіе замки, — склады хлопчатой бумаги; и тутъ же рядомъ—просто каменные ящики въ три этажа, съ ободранной штукатуркой; затѣмъ опять строгаго стиля дома съ золочеными желѣзными балконами, изящные, съ амурами на фризахъ и надъ окнами, сквозь которыя видны были ряды ткацкихъ станковъ. Маленькія деревянныя перекосившіяся хибарки, съ зелеными, покрытыми мохомъ крышами, за которыми возвышались могучія трубы и корпуса фабрикъ, жались къ боку дворца изъ краснаго кирпича, съ большимъ барельефомъ на фронтонѣ, изображавшимъ промышленность, съ двумя боковыми навильонами, переходившими кверху въ башни и отдѣленными отъ главнаго корпуса предельной желѣзной рѣшеткой. Нѣкоторые дома по своимъ громаднымъ размѣрамъ и великолѣпію походили на музеи, но въ дѣйствительности были только складами товаровъ. На нѣкоторыхъ виднѣлись вывѣски на мраморныхъ доскахъ съ золотыми буквами: „Шая Менделсонъ“, „Германъ Бухгольцъ“ и т. д.

Здѣсь были перемѣшаны всякіе стили. Магазины, конторы, склады, жалкія лавчонки, переполненныя дешевымъ товаромъ, передъ выставкой которыхъ толпились рабочіе, первоклассныя гостиницы и рестораны чередовались между собой. По улицѣ мчались милліонеры въ чудныхъ экипажахъ, запряженныхъ американскими десятитысячными рысаками, а передъ кабаками грѣлись на солнцѣ нищіе. Когда толпы рабочихъ рѣдѣли, показалась другая публика: дамы въ модныхъ шляпахъ, въ богатыхъ пелеринахъ, мужчины въ длинныхъ черныхъ пальто, въ англійскихъ плащахъ съ пелеринами, евреи въ длинныхъ сюртукахъ, еврейки, часто очень красивыя, въ бархатныхъ платьяхъ. Всѣ со смѣхомъ разговаривали, обгоняли другъ друга, толпились, двигаясь взадъ и впередъ по главной улицѣ.

Тогда какъ верхняя часть Петроковской улицы имѣла фабричный видъ, центральная—торговой, нижняя до такъ называемаго Старога Города была полна евреевъ, живущихъ толкучками. Здѣсь грязь была чернѣе и жиже, а тротуары мѣнялись почти передъ каждымъ домомъ; они были то широкіе, каменные, то тянувшіеся узкой полоской бетона, то вытопанные прямо на грязной мостовой, покрытой мелкимъ щебнемъ, всюду ютились безчисленныя лавчонки, изъ которыхъ несся смѣшанный запахъ гнили, селедокъ, лука и алкоголя. Между старыми ободранными домишками протискивались новые трехэтажные колоссы, съ безчисленными окнами, еще не оштукатуренные, но уже полные людского шума и стука станковъ, которые работали, несмотря на воскресенье. Здѣсь ткали дешевый товаръ для вывоза, и гулъ машинъ смѣшивался съ пронзительнымъ лязгомъ прялокъ, сучившихъ пряжу.. Передъ домами лежали цѣлыя груды кирпичей и дерева, стѣсняя и безъ того узкую улицу, загроможденную возами, лошадьми, товаромъ и тысячами рабочихъ, направлявшихся въ Старый Городъ; они шли по серединѣ улицы или рядомъ съ тротуаромъ, и ихъ разноцвѣтные шарфы одни нѣсколько пестрили общій сѣрый тонъ улицы.

Старый Городъ и всѣ прилегавшія улицы были полны обычнаго воскреснаго движенія.

На квадратной площади, окруженной старыми одноэтажными домами, полной лавокъ, кабаковъ, Bier Halle и сотенъ лотковъ, толпилось нѣсколько тысячъ человекъ, сотни возовъ и лошадей: все это кричало, говорило, ругалось. Во всѣ стороны видѣлся одинъ сплошной муравейникъ головъ, поднятыхъ рукъ, лошадиныхъ мордъ. Иногда на солнцѣ внезапно сверкали топоры, когда ихъ поднимали мясники надъ разрубаемымъ мясомъ, или мелькали громадныя хлѣбы, которые несли на головахъ; желтые, зеленые, красные, лиловые платки развѣвались какъ знамена на ларяхъ готоваго платья; около, на колышкахъ, висѣли фуражки, шляпы, сапоги, хлопчато-бумажные шарфы, которые, словно цвѣтныя змѣи, трепетали на вѣтрѣ и ударяли по лицамъ протискивавшихся людей; жестяная посуда блестяла на солнцѣ, кучи апельсиновъ были разложены на лоткахъ въ пирамиды, медленно катились громадныя возы съ бочками пивныхъ заводовъ, возы съ мясомъ, покрытые грязнымъ тряпьемъ или сверкавшіе красно-желтыми ребрами ободранныхъ тушъ, возы, нагруженные мѣшками съ мукой, возы домашней птицы, кричавшей пронзительными голосами, утокъ и гусей, которые сквозь рѣшетки высовывали бѣлыя головы и шипѣли на прохожихъ.

Иногда рядомъ съ этою безконечною цѣпью возовъ, тянувшихся одинъ за другимъ, быстро проносился изящный экипажъ, обрызгивая грязью людей, возы и тротуары, на которыхъ сидѣли на корточкахъ старья,

изможденные еврейки съ корзинами, полными варенаго гороха, конфетъ, мороженныхъ яблокъ, дѣтскихъ игрушекъ.

Передъ лавками, которыя всё были открыты и переполнены людьми, стояли столы, стулья, скамейки, на которыхъ лежали горы галантерейныхъ товаровъ, чулковъ, искусственныхъ цвѣтовъ, жесткихъ коленкоровъ, одѣяль съ яркими подкладками, бумажныхъ кружевъ. Въ одномъ концѣ рынка продавались кровати, комоды, которые не задвигались вполнѣ, зеркала, въ которыхъ никто не узнавалъ себя самого, колыбели, груды кухонной посуды, а за ними на кучкахъ соломы, съ масломъ и молокомъ сидѣли бабы, одѣтыя въ красныя шерстяныя кофты и юбки. Между возами и лотками протискивались сквозь толпу женщины съ корзинами бѣлыхъ крахмальныхъ чепчиковъ, которые примѣрялись тутъ же на улицѣ. Мужское платье покупалось, продавалось, примѣрялось на улицѣ, подъ воротами, за занавѣскою, которая ничего не скрывала. Въ другомъ мѣстѣ работницы такимъ же образомъ примѣряли свои кофты, фартуки и юбки.

Гамъ все возрасталъ: изъ верхней части города все прибывали новыя волны покушниковъ и слышались все новыя крики, призывы охрипшихъ голосовъ, звуки дѣтскихъ рожковъ, дребезжанье воевъ, хрюканье поросятъ, крикъ гусей. Въ одномъ изъ кабаковъ играли и танцевали, и по временамъ сквозь шумъ и гамъ базара прорывался звукъ гармоники и скрипки, разыгрывавшихъ „оберка“ (польскій народный танецъ) и слышались молодецкія вскрикиванья танцоровъ.

У Л И Т О В Ц Е В Ъ .

(Г. Р.)

Я ѣхалъ изъ Пскова въ Вильну. Сначала желѣзная дорога проходитъ Витебской губерніей, населенной большою частью бѣлоруссами.

Мѣстность выгладитъ печально и пустынно. Небогаты губерніи, гдѣ живутъ бѣлоруссы: Витебская губернія, Минская, часть Могилевской и Гродненской — вездѣ въ этихъ мѣстахъ хлѣбъ родится плохо. Сыпучіе пески, обширныя болота, мелкая заросль нагоняютъ только тоску да печаль. Пѣсни бѣлоруссовъ заунывны, рѣдко въ нихъ звучитъ веселье. Сами они какіе-то забитые, сгорбленные; свѣтло-русые волосы висятъ прядями, свѣтло-голубые глаза глядятъ тоскливо, борода всклокоченная. Избы бѣлорусовъ большою частью курныя, безъ трубъ; постройки ветхія, все хозяйство плохое.

Почти на половинѣ пути стоитъ крѣпость Двинскъ.

Мы переѣхали Двину по желѣзному громыхающему мосту, и батареи двинской крѣпости скоро исчезли за краемъ неба. Земля становится все болѣе и болѣе холмистой, лѣса гуще и темнѣе. Отъ станціи Турмонть

пошли рѣки и озера то съ одной, то съ другой стороны желѣзной дороги. Здѣсь между лѣсистыми холмами живописно раскинулось прозрачное озеро; тамъ среди ольхъ шумитъ рѣчка; куда ни глянешь, вездѣ глазъ встрѣчаетъ зеркальную поверхность воды. Это уже Новоалександровскій уѣздъ, крайній восточный клинъ Ковенской губерніи—вся Ковенская губернія лежитъ вправо отъ желѣзной дороги и тянется почти до моря,—это и есть самое гнѣздо Литвы.

Черезъ нѣсколько станцій желѣзная дорога врѣзывается въ Виленскую губернію, добрую половину которой тоже населяютъ литовцы. Деревни ихъ раскинулись по западной части губерніи, сплошь до рѣки Нѣмана, да и за Нѣманомъ еще занимаютъ значительную часть Сувалкской губерніи, а на западѣ граничатъ съ прусскими литовцами.

Чѣмъ ближе поѣздъ подходилъ къ Вильнѣ, тѣмъ разношерстнѣе становилась публика въ вагонѣ.

Въ вагонѣ сидѣло много евреевъ. Въ Литвѣ разрѣшено жить евреямъ, а потому всѣ города и мѣстечки переполнены ими, и по желѣзнымъ дорогамъ разъѣзжаетъ тамъ всегда очень много евреевъ, ѣдущихъ по разнымъ своимъ торговымъ и другимъ дѣламъ. Большинство евреевъ въ вагонѣ вели между собой чрезвычайно оживленный разговоръ о торговыхъ сдѣлкахъ. Нѣсколько же сѣдобородыхъ стариковъ евреевъ, привязавъ ко лбу и къ рукъ десять заповѣдей, молились по угламъ вагона, напѣвая вполголоса и качаясь всѣмъ тѣломъ.

Скамейки двѣ въ вагонѣ заняла компанія литовскихъ мужиковъ. Они были босикомъ, съ мѣшками за спиной, въ которыхъ, очевидно, хранился хлѣбъ и другіе запасы, съ топорами за поясомъ; они чинно сидѣли, спокойно разговаривая межъ собой по-литовски. Одѣты мужики были въ сѣрые сермяжныя и изрядно уже потертыя свитки, штаны на нихъ были изъ толстаго полотна, шапки оборванныя. Видно было, что это была та деревенская голытьба, которую нужда гонитъ вонъ изъ деревни на сторонніе заработки. По виду они очень мало отличались отъ бѣлоруссовъ: подбородокъ у нихъ былъ бритый, волосы бѣлокурые, глаза голубые или сѣрые, только цвѣтъ лица свѣжѣе, чѣмъ у бѣлоруссовъ, съ яркимъ румянцемъ.

Я подсѣлъ къ нимъ и разговорился. Оказалось, что это были „огородники“, то-есть малоземельные крестьяне, владѣющіе не больше какъ одной десятиной, а иные и восьмушкой десятины; свои малые надѣлы они обыкновенно воздѣлываютъ подъ огородъ, а хлѣбъ покупаютъ. Теперь ихъ нанялъ еврей-лѣсопромышленникъ сколачивать и сплавлять плоты въ Ковно.

Такихъ малоземельныхъ крестьянъ на Литвѣ съ году на годъ становится все больше и больше. Особенно много развелось такихъ огородниковъ отъ постоянныхъ дѣлсей, преимущественно среди бывшихъ

помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ скудные надѣлы. Многіе огородники совсѣмъ лишаются земли и дѣлаются безземельными батраками.

На одной изъ станцій вошло въ вагонъ еще нѣсколько крестьянъ, очевидно достаточныхъ хозяевъ,—объ этомъ можно было судить по лучшему платью ихъ и нѣкоторой степенности въ движеніяхъ. На бѣлые тулупы, распространяющіе острый запахъ свѣже-дубленой кожи, у нихъ были надѣты новыя сѣрыя серяги, обшитыя черной или зеленой тесемкой, безъ разрѣза сзади, штаны шерстяные изъ ткани домашней работы, крашенные въ поперечныя красныя, зеленыя и черныя полоски; рубашки бѣлыя, довольно тонкаго полотна, выпущенныя поверхъ штановъ, подпоясанныя узорчатымъ кушакомъ; у каждаго на шеѣ четки съ мѣднымъ крестикомъ и такими же медальончиками съ изображеніями святыхъ; кромѣ того, еще на черномъ шнурѣ „шкаплеръ“, то-есть два кусочка чернаго сукна съ вышитыми на нихъ шелкомъ и мелкимъ бисеромъ именами Іисуса и Маріи. На головахъ черныя суконныя фуражки или шапки изъ поддѣльныхъ барашковъ. Только фуражки и платки на нихъ и были не домашней работы. Съ ними была одна баба въ шерстяной юбкѣ, въ сѣромъ шерстяномъ кафтанѣ; поверхъ тулупа на ней былъ бѣлый узорчатый обрусь (скатерть), голова закутана въ большой теплый шерстяной платокъ, а на шеѣ также четки и шкаплеръ.

Мужики закурили деревянные трубки на длинныхъ изогнутыхъ чубукахъ, въ родѣ нѣмецкихъ, и завели разговоръ съ рабочими политовски, а я отъ нечего дѣлать сталъ наблюдать мѣстность. Все холмы и холмы; поѣздъ то нырялъ между ними, то летѣлъ по высокой насыпи надъ долиной. По всей Литвѣ тянутся эти лѣсные песчаные холмы не выше полутораста сажень. Кромѣ того, по Литвѣ разсыпано много отдѣльныхъ холмовъ то круглыхъ, то правильной формы.

Между холмами кое-гдѣ проглядывали озера съ сухими берегами. Равнины литовскія обыкновенно болотистыя, — на ихъ мѣстѣ когда-то были большія озера; это было въ тѣ еще времена, когда громадныя лѣса (пуши) покрывали всю страну. Послѣ вырубки лѣсовъ озера высохли, остались торфяныя болота съ кое-гдѣ разбросанными по нимъ мелкими озерками-прудами, гдѣ водятся много разной водяной птицы и рыбы. Въ Ковенской губерніи такихъ озеръ болѣе 700; въ одномъ Новоалександровскомъ уѣздѣ ихъ до 400. Въ Виленской губерніи тоже около 400 озеръ; въ этой губерніи находится самое большое изъ озеръ—Нарочь—16 верстъ длины и 12 верстъ ширины. Жители считаютъ это озеро священнымъ.

А поѣздъ все летѣлъ впередъ и впередъ. Уже былъ близко городъ Вильна. Въ вагонъ вошло нѣсколько мѣщанъ-мастеровыхъ, въ пиджакахъ и сюртукахъ, въ рваныхъ и выцвѣтшихъ пальтишкахъ. Они были навеселѣ, вели себя буйно, къ великому страху евреевъ, и громко пе-

редавали другъ другу разные случаи изъ своей деревенской жизни. Это были „фушеры“, то-есть мастера, не приписанные къ цеху и потому не имѣющіе права открыто работать въ городѣ. Она круглый годъ бродятъ по деревнямъ, находя себѣ работу у помѣщиковъ и священниковъ. Такой мастеръ знаетъ обыкновенно не одно ремесло, но нѣсколько. Если онъ маляръ, то вмѣстѣ и позолотчикъ и штукатурщикъ, если столяръ, то вмѣстѣ и рѣзчикъ и токарь.

Всѣ они были народъ бойкій, бывалый и видавшій виды; они сыпали какъ изъ рукава всякими прибаутками, такъ что не разъ заставляли всѣхъ въ вагонѣ смѣяться.

Вотъ колеса поѣзда загудѣли по желѣзному мосту: мы переѣзжали рѣку Вилию. Это одна изъ большихъ рѣкъ Литвы, съ красивыми гористыми берегами, съ прозрачной быстрой водой; длиною она до 420 верстъ ширины же разной,—въ устьѣ при впаденіи въ Нѣманъ ширина ея доходитъ до 30 сажень. Для судоходства она не удобна, потому что на ней множество пороговъ, камней и мелей; сплаваютъ по ней только лѣсъ.

Проѣхавъ станцію Вилейку, мы увидѣли вдаль среди лѣсовъ и холмовъ колокольни костеловъ и куполы церквей Вильны, древней столицы литовскихъ князей. Черезъ десять минутъ передъ нами какъ на ладони лежалъ большой городъ, скученный въ долину рѣки съ предметами, разбросанными по окружающимъ холмамъ. Почти въ серединѣ города, на берегу Вилии, возвышается холмъ съ остатками развалинъ древняго замка. Самъ городъ внутри не привлекателенъ: узкія кривыя улицы, какъ во всѣхъ вообще старыхъ городахъ, выстроенныхъ въ крѣпостяхъ, грязные еврейскіе дома съ вонючими двориками; зато предметы очень красивы, въ нихъ множество садовъ, большой просторъ и чистота.

Жителей въ Вильнѣ больше 110 тысячъ. Тамъ больше десятка старинныхъ костеловъ и почти столько же церквей.

Торговлей занимаются почти все евреи, такъ что, можетъ-быть, лишь десятая часть купцовъ — христіане. Кое-гдѣ за городомъ среди деревьевъ видѣются трубы фабрикъ, но ихъ очень немного: нѣсколько винокуренныхъ да пивоваренныхъ заводовъ, 2—3 лѣсопилки, нѣсколько кожевенныхъ заводовъ,—вотъ и все. Вообще на Литвѣ нѣтъ большихъ фабрикъ и заводовъ, только въ одномъ Бѣлостоку, Гродненской губерніи, есть съ десятокъ большихъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Фабричныя издѣлія литовцы получаютъ изъ Москвы, Петербурга, Варшавы, Лодзи, посылая туда свой хлѣбъ, ленъ, пеньку и прочее.

Зато въ городахъ процвѣтаетъ мелкій ремесленный трудъ, особенно столярное и сапожное мастерства. Мѣщане литовскіе почти поголовно ремесленники и, кромѣ религіи, они во всемъ разнятся отъ литовскихъ крестьянъ. Литовскаго языка они не понимаютъ, говорятъ по-польски,

поютъ польскія пѣсни и вообще гораздо больше, чѣмъ крестьяне, сохранили на себѣ слѣды польскаго владычества, подъ которымъ столько лѣтъ находилась Литва. Собираются они въ цехи, и каждое мастерство имѣетъ своего выборнаго старосту, свою кассу на цеховые расходы и празднуетъ свой цеховой праздникъ. Какъ-то разъ въ Вильнѣ, гуляя по городу вечеромъ, я зашелъ въ одинъ изъ костеловъ. Шла вечерня. Меня удивило великолѣпіе богослуженія: множество свѣчъ, лампочекъ, на хорахъ оркестръ, и народу масса, очевидно все ремесленники. Я думалъ, праздникъ какой-то католическій, но оказалось, что богослуженіе было по заказу сапожниковъ-подмастерьевъ. Это былъ день какого-то святого, ихъ покровителя, икона котораго находилась въ этомъ костелѣ. Каждый цехъ имѣетъ такого избраннаго святого, день котораго празднуется великолѣпнымъ богослуженіемъ, а вечеромъ пьянствомъ.

Мелкими ремеслами, которыя требуютъ недолгой вырочки, занимаюсь здѣсь больше всего евреи.

Я пріѣхалъ въ Вильну какъ разъ во время большой ежегодной крестьянской ярмарки въ день святого Казимира.

Уже наканунѣ, съ вечера, вся площадь передъ кафедральнымъ костеломъ была запружена возами; утромъ тысячи горожанъ потянулись на ярмарку, и торговля шла бойко. Одинъ уголъ площади заняли десятки огромныхъ воевъ съ баранками,—баранки эти сухія, въ родѣ сушекъ, привозятъ ихъ изъ мѣстечка Сморгонь, которое съ давнихъ поръ славится ихъ издѣліемъ. Торговля баранками велась самая оживленная; каждый горожанинъ возвращался домой со связкой баранокъ на шеѣ.

Середину площади заняли деревянныя издѣлія литовцевъ: бадья, ведра, корыта, боченки свѣтились на солнцѣ бѣлизной своего дерева. По краямъ рязмѣстились бабы съ медовыми пряниками въ видѣ пѣтушковъ и лошадокъ съ золочеными головками; горшечники съ горшками и дѣтскими глиняными игрушками, корзинчики, жестяники и прочіе. Тамъ и сямъ сновали крестьяне съ мѣшками, полными деревянныхъ ложекъ изъ грушеваго дерева, прялокъ, орѣховъ; деревенскія бабы расположились съ охапками сушеныхъ цѣлебныхъ травъ, отъ которыхъ далеко несло душистымъ запахомъ полей; у паперти же, гдѣ толпа народа постоянно двигалась изъ костела и обратно, видное мѣсто заняли продавцы разныхъ святостей: молитвенниковъ, четокъ, образковъ, крестиковъ и т. п.; около нихъ толпились крестьяне. Шумъ людскаго говора, скрипъ воевъ, свистки дѣтскихъ игрушекъ, пѣсни нищихъ,— все это сливалось въ какой-то одуряющій и возбуждающій гамъ.

Изъ Вильны я намѣревался проѣхать куда-нибудь въ деревню, чтобы познакомиться съ деревенскою жизнью литовцевъ. На ярмаркѣ мнѣ посчастливилось сойтись съ однимъ крестьяниномъ, который на

другой день возвращался къ себѣ домой и согласился взять съ собой и меня.

Было еще раннее утро, когда мы выѣхали изъ города. Широкая песчаная дорога шла нѣсколько въ гору, и пара нашихъ маленькихъ, но круглыхъ лошадокъ усердно сѣменила копытами, таща телѣгу по глубокому песку; телѣга была длинная, какія употребляютъ для возки сѣна и хлѣба; приходилось ѣхать полулежа на соломѣ. Около Вильны запрягаютъ въ такую телѣгу одну лошадь въ оглобли, дальше же къ западу двѣ въ дышло.

Вправо отъ насъ рѣка Вилія врѣзывалась въ песчаные холмы и, извиваясь между ними, образовала крутые обрывы съ нависшими соснами и дубами,—иныя изъ деревьевъ упали уже вверхъ корнями. Мѣста были красивыя, но дикія, пустынные; кое-гдѣ только видѣлись одинокія избы, скрывавшіяся въ узкихъ долинкахъ.

Несмотря на опустошительную вырубку, лѣсовъ все-таки еще много на Литвѣ: нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы края неба, по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ, не закрывались лѣсомъ. Больше все красный лѣсъ, но чернѣе и черный. Повсюду встрѣчаются береза, осина, дубъ. Липы много въ Бѣловѣжской пушчѣ. Дубовыя рощи, въ которыхъ въ старину язычники-литовцы справляли свои богослуженія, теперь ужъ рѣдко гдѣ попадаются. Дубъ—цѣнное дерево, лакомый кусокъ для лѣсныхъ хищниковъ. Какъ велики бываютъ дубы, можетъ служить примѣромъ старый дубъ, свалившійся въ Россіенскомъ уѣздѣ въ началѣ этого столѣтія: онъ имѣлъ въ окружности 17 аршинъ 9 вершковъ и жилъ, судя по числу слоевъ въ немъ, около 1000 лѣтъ. Другія лиственные деревья—кленъ, ясень, вязъ, каштанъ—встрѣчаются въ садахъ тамъ повсюду, но въ лѣсу рѣдко.

Чѣмъ дальше отъ Вильны, тѣмъ все рѣже и рѣже слышался бѣлорусскій и польскій говоръ, пошли настоящія литовскія деревни. Встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ мужики и бабы кланялись и привѣтствовали насъ, какъ водится у католиковъ: „Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ“, а мой возница всякій разъ громко отвѣчалъ: „навѣки вѣковъ. Аминь“.

Возлѣ дороги я сталъ замѣчать часто кресты, то на перекресткѣ, то у вѣзда въ деревню; да и внутри деревень, черезъ которыя мы проѣзжали, встрѣчалось по нѣскольку крестовъ возлѣ избы. Кресты бывали различныя; попадались распятія Іисуса Христа, помѣщенные въ деревянномъ ящикѣ, часто за стекломъ; кругомъ распятія прибиты къ кресту деревянныя или жестяныя изображенія орудій, которыми пытали Христа: молотокъ, гвозди, лѣстница, губка, терновый вѣнецъ и прочее; кромѣ того, въ щели ящика заткнуто множество ленточекъ, вѣтокъ бумажныхъ цвѣтковъ; на концахъ же перекладины креста часто поставлены

были какія-то грубо вырѣзанныя изъ дерева фигурки, должно быть изображенія святыхъ, и все это выѣрашено въ разныя яркія краски. Передъ каждымъ крестомъ мой возница набожно снималъ шапку и крестился.

Къ вечеру мы пріѣхали въ деревню.

Деревня была небольшая, — избъ 12, не болѣе, но всѣ избы довольно порядочныя, еще не старыя. Избы расположились по одной сторонѣ улицы, по которой гуляли гуси, свиньи и возились ребятишки; съ другой стороны улицы шли огороды, спускающіеся по наклону съ пригорка на довольно обширный дугъ, по которому протекала небольшая рѣчка Дойга, притокъ Вилии.

Каждая изба отдѣлена отъ улицы маленькимъ садикомъ, вокругъ котораго сдѣланъ густой заборчикъ; въ садикѣ обыкновенно цвѣтутъ: рута, шалфей, красныя мальвы, пахучая гвоздика, желтая настурція и прочее. Изба стоитъ къ улицѣ задомъ, такъ что крыльцо ея выходитъ во дворъ; сзади избы съ улицы разведенъ садикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями; а въ немъ съ десятокъ простыхъ колодъ съ пчелами, а кое-гдѣ встрѣчаются уже ульи новаго образца въ видѣ домиковъ. Въ дворикѣ противъ хаты стоитъ амбаръ — небольшое строеніе съ навѣсомъ; вмѣсто фундамента у него по угламъ четыре колоды, такъ что подъ амбаромъ обширное пустое мѣсто, пристанище собакъ и вуръ въ дождливую погоду. Подъ навѣсомъ же лежатъ сохи, бороны и другія хозяйственныя орудія. Остальныя постройки стоятъ за дворикомъ въ концѣ сада.

Всѣ постройки крыты соломой подъ лопату, гладко. Мѣстами кроютъ тесомъ, а ближе къ прусской границѣ даже черепицей. Окна небольшие, въ 6 или 4 маленькихъ стеколъ; на окнахъ, выходящихъ на улицу, висятъ ставни, раскрашенныя густой синей или зеленой краской, — это единственное украшеніе избы. Въ одной только старенькой и самой бѣдной избѣ въ концѣ деревни окна были продолговатыя, маленькія, сложенныя изъ кусковъ стекла разной величины; они остались еще съ тѣхъ временъ, когда стекло было дорого, и крестьяне пользовались только осколками его. Эта единственная старая изба была курная, безъ трубы; впрочемъ, курныхъ избъ еще довольно много въ Литвѣ, преимущественно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и у огородниковъ; но чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ меньше курныхъ избъ. Тамъ теперь не рѣдкость даже въ избахъ англійскія печи съ плитами.

Когда мы подѣхали къ воротамъ, навстрѣчу къ намъ высыпали ребятишки, отворяя ворота и требуя отъ насъ гостинцевъ; получивъ связку баранокъ и пряниковъ, ребята шумно побѣжали дѣлиться, а мы вошли въ избу. Черезъ всю хату отъ крыльца шли просторныя сѣни, безъ потолка; направо и налево были двери въ горницы. Изъ сѣней вид-

но было чердачное помѣщеніе, куда лазятъ по приставленной лѣстницѣ; подъ крышей на жердяхъ развѣшанъ разный крестьянскій скарбъ: куски сукна, мотки нитокъ, шкурки, окорока, ломти сала и прочее. Въ сѣняхъ же стоялъ ящикъ съ мукой и около него жернова.

Жилая изба окнами выходила на улицу; въ ней прямо противъ дверей стоялъ большой столъ, около него въ углу двѣ широкія скамьи. Около дверей, направо, большая кирпичная печь, съ обширнымъ подпечьемъ, гдѣ зимой квартировали пѣтухи съ курами. Противъ печи, влѣво отъ дверей, стояла кадка съ водой. Направо въ углу большая кровать, въ родѣ полатей, изъ досокъ на подпоркахъ; на ней двѣ подушки пуховыя и нѣсколько соломенныхъ и соломенный тюфякъ. Одѣяла не было; крестьяне накрываются тѣми же овчинными тулупами, въ которыхъ ходятъ днемъ.

Между кроватью и печкой стоялъ твѣцкій станокъ. На стѣнахъ виднѣлось нѣсколько дешевыхъ образовъ въ рамкахъ съ заткнутыми за нихъ освященными вербовыми вѣтвями.

У бѣдныхъ литовцевъ печи бываютъ глиняныя, построенныя на деревянныхъ рамахъ; у богатыхъ же отъ печи черезъ всю избу выведена кирпичная стѣна и въ нее проведены дымовыя трубы, такъ что изба лучше согрѣвается и много мѣста есть для сушки мокраго платья. По другой сторонѣ сѣней—изба безъ печи, и она обыкновенно служитъ кладовой для полотна, сѣмянъ, овощей и прочаго. Полъ въ избахъ глиняный, но не рѣдкость и деревянный.

Вообще, всякія новости по дому и по хозяйству, привычки къ удобствамъ, замѣна домашнихъ издѣлій фабричными—все проникаетъ въ Литву съ запада—изъ Пруссіи и Курляндіи. Западный литовецъ во многомъ разнится отъ литовцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ бѣлоруссами: сермяга западнаго литовца спита покрасивѣй, рубашку онъ прячетъ въ штаны и не выпускаетъ наверхъ, вмѣсто шапки у него больше поярковая шляпа; изба его чище, выбѣлена изнутри и снаружи, полы деревянные, и скотъ въ избу уже не допускается; въ саду у него груши и яблоки лучшихъ сортовъ и виденъ умѣлый уходъ за ними. Чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше обработка земли и полевая орудія.

Владѣніе земель на Литвѣ повсемѣстно подворное. Общинное владѣніе и пользованіе землей совсѣмъ неизвѣстны. Напротивъ, каждый литовецъ стремится къ тому, чтобы вполне обособиться: изъ семьи онъ старается выдѣлиться какъ можно скорѣе и отгородить свою хотя бы маленькую собственность. Если и складываются между литовцами товарищества для покупки земли, лѣса и другихъ подобныхъ дѣлъ, то товарищества такія очень недолговѣчны и обыкновенно кончаются спорами, драками и судомъ.

Благодаря тому же стремленію къ обособленности, семейные раздѣлы среди литовцевъ составляютъ самое обычное явленіе. Вслѣдствіе раздѣловъ земельные участки раздробляются все больше и больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и классъ бѣдняковъ и безземельныхъ крестьянъ. По виду литовскія деревни кажутся зажиточными; но это потому, что хорошія и богатыя хаты первыя бросаются въ глаза наблюдателю и закрываютъ собой дрянныя и убогія лачужки, которыя разбѣяны по окраинамъ и въ которыхъ ютится деревенская бѣднота... Кромѣ того, помѣщичьи имѣнія и крупныя хозяйства служатъ пристанищемъ множества безземельныхъ наемниковъ, кочующихъ съ мѣста на мѣсто.

Отхожихъ промысловъ на Литвѣ никакихъ нѣтъ. Немногіе фабрики и заводы имѣютъ постоянныхъ своихъ рабочихъ изъ мѣщанъ, иѣмцевъ и поляковъ. Безземельный литовецъ поэтому можетъ найти заработокъ только у помѣщиковъ или богатыхъ крестьянъ.

Работники бываютъ тоже постоянныя и случайныя — поденныя. Постоянныя работницы получаютъ отъ 20 до 35 рублей и полушубокъ. Поденныя работницы часто отработываютъ дни за какое-нибудь обязательство, иногда за потраву, за нѣсколько грядъ огорода, за то, что имъ хозяинъ разрѣшаетъ собирать въ своемъ лѣсу ягоды, грибы, орѣхи, даже щавель.

Такимъ образомъ въ Литвѣ охватывается много народу бездомнаго, готоваго во всякое время уйти на чужбину искать лучшей доли; и уходитъ много такого народу, больше всего изъ Ковенской и Сувальской губерній, гдѣ много большихъ хозяйствъ и, слѣдовательно, много наемныхъ рабочихъ. Но куда же уходитъ? Въ городахъ имъ нечего дѣлать, — тамъ довольно своей бѣдноты, мѣщанской и еврейской; въ городъ идутъ только женщины въ домашнюю прислугу. Фабрикъ и заводовъ слишкомъ мало. Но вотъ является въ деревню какой-нибудь заграничный агентъ и начинаетъ рассказывать чудеса о заморскихъ краяхъ: сколько тамъ работы, какъ хорошо платятъ, рабочіе тамъ тысячи зарабатываютъ, и проѣхать туда совсѣмъ дешево, — у него и билеты готовы за полцѣны до Гамбурга по желѣзной дорогѣ и потомъ на кораблѣ. Мужики вѣрятъ, продаютъ пожитки, берутъ у такого агента билеты и ѣдутъ. Сколько имъ приходится натерпѣться въ дорогѣ и на кораблѣ*), сколько умираетъ при этомъ, одному Богу извѣстно, а въ Америкѣ ихъ ожидаетъ тяжелый трудъ въ рудникахъ и угольныхъ копяхъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ считаютъ больше 60 тысячъ такихъ литовскихъ выходцевъ; работаютъ они больше всего въ копяхъ. Гдѣ ихъ живетъ больше вмѣстѣ, тамъ они держатся

---

*) См. отрывки изъ повѣсти Короленко „Безъ языка“ въ сборникѣ „Америка“.

тѣсной компаніей: на общій счетъ строить костѣль, содержать священника изъ литовцевъ, даже газеты печатаютъ на литовскомъ нарѣчій. Есть еще такіе выходцы изъ Литвы, которые уѣзжаютъ въ Псковскую, Витебскую и болѣе всего Могилевскую губерніи, гдѣ земля хоть плохая, но дешева. Уѣзжаютъ всего болѣе мелкіе хозяева. Продавъ свои нѣсколько десятинъ хорошей земли, они въ новыхъ мѣстахъ покупаютъ на эти деньги вдвое больше плохой земли, разсчитывая, что лучше имѣть побольше земли, хотя бы и плохой; если хорошо обрабатывать, то всякая земля будетъ хорошей; а и здѣсь и тамъ все равно нужно работать круглый годъ, такъ ужъ лучше имѣть большой участокъ. Впрочемъ, весьма немногимъ удается такой расчетъ, а многіе терпятъ только убытки и неудачи.

Нѣкоторымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ литовскаго крестьянина является пчеловодство. Литва издавна славилась своимъ медомъ, и въ настоящее время еще пчеловодство ведется въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Каждый крестьянинъ только и мечтаетъ, какъ бы имѣть побольше ульевъ въ саду. Крестьяне вѣрятъ, что кому въ пчелахъ удача, тотъ можетъ надѣяться, что и все хозяйство пойдетъ у него хорошо, потому что пчела приноситъ счастье въ домъ. Купить пчелъ бываетъ трудно, потому что продаютъ крестьяне неохотно, думаютъ, что если продавать, то черезъ это пчелы выведутся. Кто хочетъ завести пчелъ, ставитъ на чье-нибудь счастье пустую колоду на деревѣ, на своей ли землѣ, въ лѣсу или при дорогѣ.

Когда рой поселится въ такомъ ульѣ, то хозяевами этого роя будутъ тотъ, кто поставилъ колоду, и тотъ, на чье счастье она поставлена. Оба хозяина роя называются тогда „бичулесъ“ и составляютъ нѣчто въ родѣ артели. Крестьяне вѣрятъ, что рой удастся только тогда, если его хозяевамъ никто не завидуетъ и не желаетъ зла. Поэтому хозяинъ улья долженъ надѣлать подарками всѣхъ, кто помогалъ загонять рой или снимать улей съ дерева. Хозяинъ улья даетъ этимъ людямъ покушать чего-нибудь такого вкуснаго, чтобы тѣ забыли про сладость меда; даритъ шарфъ или платокъ, чтобы тѣ забыли, какой барышъ можетъ дать рой; даритъ, наконецъ, штаны и рубашку, чтобы человекъ, покрытый подаркомъ съ ногъ до головы, не таилъ въ сердцѣ своемъ ни зависти, ни злого пожеланія. Худымъ людямъ, по вѣрованіямъ литовцевъ, пчелы никогда не удаются.

Хозяинъ пасѣки, когда замѣтитъ, что рой у него улетѣлъ, гонится за нимъ. Если рой сядетъ въ лѣсу, то онъ собираетъ его и несетъ домой, но если сядетъ въ улей, поставленный кѣмъ-нибудь на деревѣ, или если рой сядетъ на дерево на чужой землѣ, то рой отдается на половину тѣмъ, кто поставилъ тамъ улей, или тѣмъ, чья земля, и эти люди входятъ въ товарищи къ хозяину роя. Человекъ, нашедшій чужой

рой, долженъ отыскать его хозяина и пригласить его въ товарищи; занимается онъ ульемъ какъ своимъ, но каждый годъ половину меда отдаетъ товарищу. Товарищъ отъ времени до времени приходитъ посмотреть своихъ пчелъ, но требовать своей половины меда считается неприличнымъ. Хозяинъ самъ раздѣлитъ по совѣсти и самъ ему привезетъ; тогда нужно принять его какъ милого гостя, угостить и за медъ поблагодарить.

Обычай эти старинные и крѣпко сохраняются.

Литовцы много занимаются также рыбной ловлей. Многие изъ бѣдняковъ только и живутъ этимъ промысломъ; они арендуютъ сами озера и берега рѣкъ или нанимаются въ работники къ крупнымъ арендаторамъ, преимущественно къ евреямъ. Евреи, какъ извѣстно, очень любятъ рыбу и употребляютъ много ея. Самый бѣдный изъ нихъ старается въ „шабесъ“ имѣть къ обѣду хоть одно рыбное блюдо.

Рыбаки не соединяются никогда въ артели, каждый промышленель самъ по себѣ: навяжетъ зимою сѣтей, выдолбитъ себѣ изъ толстаго пня лодку, нанимаетъ у помѣщика или волости озерко и промышленель. Большія озера, которыя не подъ силу одному рыбаку, арендуются обыкновенно евреемъ-купцомъ, а тотъ уже нанимаетъ отъ себя рабочихъ, даетъ имъ неводъ, большую лодку и другія снасти и беретъ себѣ весь уловъ, а рабочимъ платитъ мелкой рыбой и водкой, рѣдко деньгами. Иногда такой арендаторъ сдаетъ берегъ по частямъ отдѣльнымъ рыбакамъ. Большинство крестьянъ, живущихъ вблизи озера или рѣки, хотя не занимаются рыбачествомъ, какъ постояннымъ промысломъ, но любятъ ловить рыбу въ свободное время, и въ каждой избѣ можно найти нѣсколько удочекъ и какую-нибудь сѣтку.

Любопытную картину представляетъ рѣка во время полета „ящичи“ — особыхъ мотыльковъ, употребляемыхъ рыбаками для заманиванія рыбы. Мотыльки эти бросаютъ свои яйца въ воду; яйца погружаются на дно и лежатъ тамъ въ рѣчномъ пескѣ нѣкоторое время; потомъ изъ нихъ выходятъ червячки, которые лѣтомъ, около половины іюля, всплываютъ на поверхность воды, опять превращаются въ мотыльковъ и улетаютъ. Въ это время цѣлыя тучи этихъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, наѣкомыхъ кишатъ надъ водой, покрываютъ прибрежные кусты, массами падаютъ въ воду или взлетаютъ на воздухъ. Рыбаки пользуются этимъ временемъ и ночью отправляются на ловлю. Тихо, какъ тѣнь, отплываютъ одна за другой лодки на середину рѣки. На лодкахъ разложены яркіе костры и безмолвно стоятъ люди, вооруженные свѣжими вѣниками и мѣшками. Ящичи тучей бросается къ огню, гибнетъ тысячами и густымъ снѣгомъ осыпаетъ дно лодки и самого рыбака, который только и дѣлаетъ, что сметаетъ кучи труповъ въ свой полотняный мѣшокъ. Надъ стальной поверхностью воды мечется снѣжная вьюга, а въ ней медленно передвигаются кровавые, дымные костры, озаряющіе молчаливыхъ рыбаковъ.

Черезъ нѣкоторое время рыбаки набираютъ пудъ и больше мотыльковъ, взваливаютъ добычу на плечи и, унося трупы насекомыхъ въ волосахъ, на шапкѣ, на платьѣ, возвращается домой. Мотыльковъ этихъ потому сушатъ и, смѣшавъ съ глиной, дѣлаютъ изъ нихъ шарики, которые бросаютъ въ рѣку въ томъ мѣстѣ, куда хотятъ привлечь рыбу.

Литовцы очень гостепріимны. У нихъ, какъ и у славянъ, гостя сажаютъ въ почетный уголь; у жмудиновъ же есть обычай при постройкѣ хаты класть подъ порогъ мѣдный крестикъ или какую-нибудь другую освященную вещицу, и всякій гость, — будь онъ даже личный врагъ хозяина, — переступившій черезъ порогъ, можетъ ожидать гостепріимнаго и радушнаго пріема.

Литовецъ не отказывается помочь сосѣду въ нуждѣ или несчастьи; онъ жалостливъ, но памятливъ на зло; особенно сострадательны литовцы къ погорѣльцамъ. Большинство бродягъ и нищихъ выдаютъ себя за погорѣльцевъ, зная, что этимъ скорѣе всего разжалобятъ крестьянина.

Вообще нищимъ живется хорошо на Литвѣ и ихъ чрезвычайно много. Многіе праздники и богомолья для нихъ настоящая жатва: тогда жалбуютъ ихъ и дѣлаютъ имъ добро еще потому, что вѣрятъ, что ихъ молитвы Богу угодны, заказываютъ нищимъ молитвы на поминъ души усопшихъ, за здоровье семьи, за здоровье скотины.

У литовцевъ есть обычай ходить хоть разъ въ годъ въ Кальварію. Около Вильны, въ гористой мѣстности, проведена въ лѣсу цѣлая сѣть тропинокъ, и по нимъ въ разныхъ мѣстахъ построено до 40 часовенъ; въ каждой такой крошечной часовенкѣ на стѣнѣ нарисована картина, и на ней предоставленъ какой-нибудь случай изъ жизни Спасателя, начинающій съ послѣдней вечери и кончающій распятіемъ Христовымъ. Это — то и называется Кальваріей. Толпа народа съ проводникомъ ходитъ отъ одной часовенки къ другой, поклоняется образамъ, поетъ духовныя пѣсни и повторяетъ слова молитвы, читаемая громко проводникомъ. Сюда стекаются тысячи нищихъ на все лѣто и располагаются по краямъ дорожекъ, выставя на показъ свои язвы и уродства. Богомольцевъ въ началѣ лѣта, когда полевыхъ работъ мало, проходитъ по нѣсколькимъ тысячамъ ежедневно. Набожный литовецъ, когда вспоминаетъ о мукахъ Христовыхъ, то дѣлается чрезвычайно сострадательнымъ, раздаетъ нищимъ все, что имѣетъ: хлѣбъ, мясо, кашу, деньги. Онъ хотѣлъ бы надѣлать всѣхъ, но средствъ не хватаетъ; тогда литовецъ покупаетъ нѣсколько связокъ баранокъ и раздаетъ веѣмъ нищимъ по одной баранкѣ, такъ что у нихъ къ вечеру скопляется куча баранокъ; они называютъ ихъ и продаютъ продавцу, который баранки продаетъ опять богомольцамъ, и такъ далѣе. Нищіе за лѣто собираютъ въ Кальварію рублей по 100 и больше, да еще нѣсколько свиней откармливаютъ собраннымъ хлѣбомъ.

Бѣловѣжская пуца.

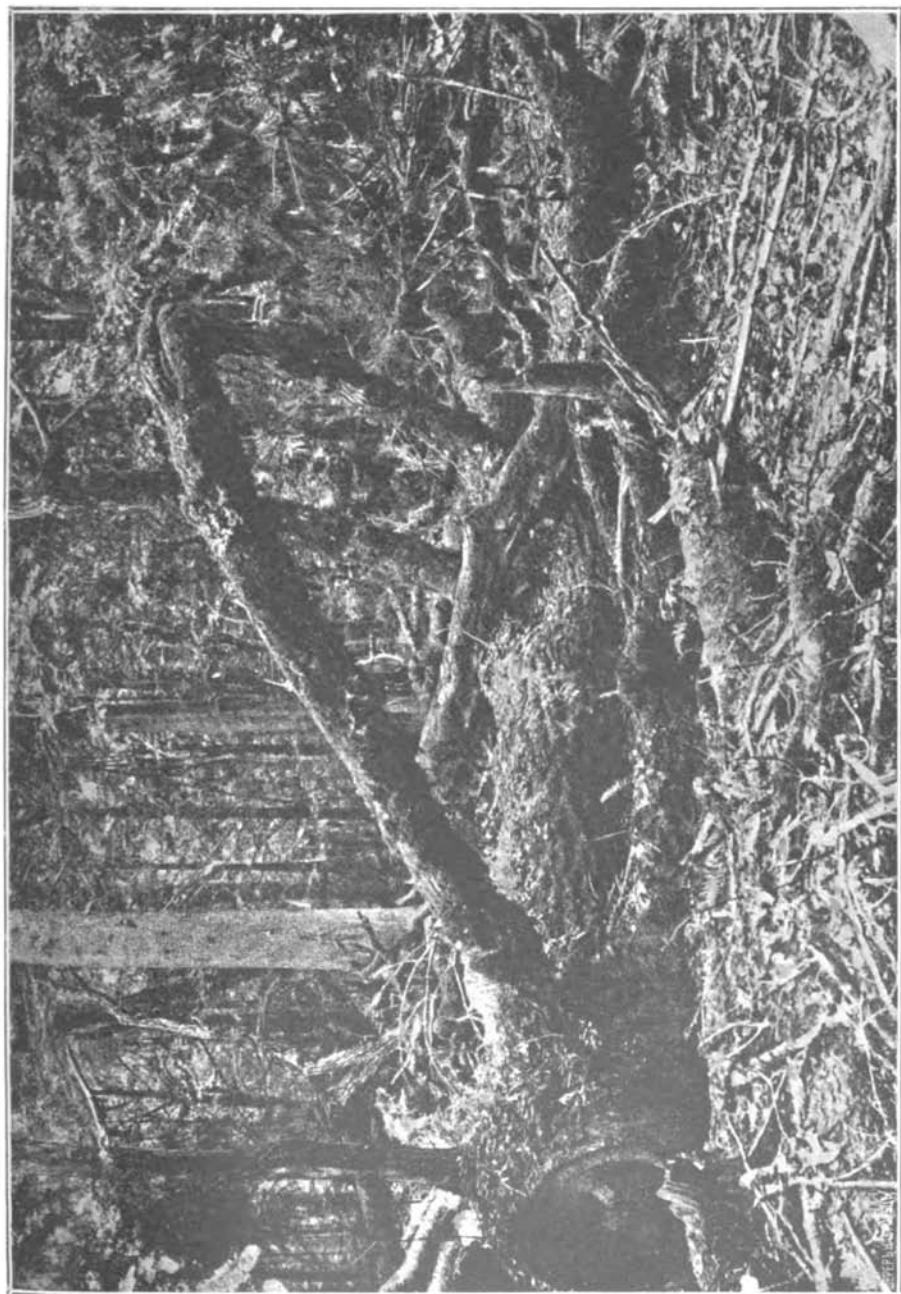
(В. Крестовскаго.)

Человѣку, никогда не бывавшему въ пуцѣ, трудно представить себѣ своеобразную прелесть этого во многихъ углахъ своихъ еще первобытнаго лѣса. Въ немъ нѣтъ сурово-мрачнаго колорита однообразныхъ и дремучихъ боровъ отдаленнаго сѣвера, хотя и онъ исполненъ тоже величія и дикости. Его скорѣе всего можно бы назвать *веселымъ* лѣсомъ. Лучшаго и болѣе вѣрнаго эпитета я не могу подыскать. Да, это именно веселый лѣсъ, который на душу путника производитъ свѣтлое, отрадно-мирное впечатлѣнiе. Такому впечатлѣнiю болѣе всего помогаетъ характеръ чрезвычайно разнообразной растительности пуци и затѣмъ тѣ прелестныя лѣсныя виды и картинки, которые неожиданно являются вамъ на пути то справа, то слѣва, благодаря лощинамъ, полянкамъ и мокрымъ лугамъ, по которымъ извиристо струятся ручьи и рѣчки. Но прелести же всего это нѣкоторыя дороги въ пуцѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя служатъ путями постояннаго движенiя проѣзжающихъ и постоянными сообщениями для мѣстныхъ жителей съ селомъ Бѣловѣжью и иными значительными пунктами, содержатся въ отличномъ состоянiи: всѣ онѣ грунтовыя, достаточно просторныя, съ боковъ окопаны канавами, а по низменнымъ мѣстамъ, гдѣ нужно, идутъ гатями. Но есть и такія тропинки, которыя рѣдко кому даже извѣстны и по которымъ, кромѣ опытныхъ мѣстныхъ лѣсниковъ, никто и не ходитъ, да и эти то рѣдко когда заглядываютъ, развѣ по особенной надобности; и вотъ такія-то тропинки часто бываютъ еще прелестнѣе, чѣмъ проѣзжія дороги: на нихъ-то и попадаются самыя глухія, самыя красивыя мѣста. Часто, напримѣръ, вы ѣдете по грунтовой проѣзжей дорогѣ, а надъ вами сплетается такой густой навѣсъ изъ вѣтвей, скрестившихся и перепутавшихся между собою, и по обѣимъ сторонамъ стѣной идетъ такая густая заросль, что вамъ невольно начинаетъ казаться, будто вы ѣдете по прелестному парку, будто это нарочно, искусственно сдѣланы, въ видѣ длиннаго сводчатаго коридора, вся эта аллея и этотъ навѣсъ надъ вашей головой, мѣстами вовсе не проницаемый солнечными лучами. Но ничуть не бывало: не искусство, а сама природа устроила здѣсь эти зеленые коридоры, которые нерѣдко тянутся на значительномъ пространствѣ. Именно въ этихъ-то аллеяхъ и встрѣчаются самыя разнообразныя лѣсныя породы: дубъ, липа, ясень, кленъ, вязъ, ильмъ и проч. Но всѣхъ поэтичнѣе является здѣсь зелень граба: изумрудно-прозрачная, прихотливо-рѣзвая, кудрявая, веселая, именно веселая зелень! Она-то и придаетъ болѣе всѣхъ особую прелесть этимъ аллеямъ. Только что кончился гдѣ-нибудь такой зеленый коридоръ грабовъ, дорога выбѣгаетъ на открытую полянку и вдругъ предъ вами встаетъ темная стѣна хвойнаго лѣса, густо, непрони-

паемо опущенная молодыми елями; далѣе опять разнообразный, смѣшанный лѣсъ, растущій на черной болотистой почвѣ, „багонь“ по мѣстному наименованію; потомъ пошелъ „грудь“, т.-е. лѣсъ стоящій на сухой, болѣе возвышенной почвѣ, и все это въ самыхъ пріятныхъ для взора смѣнахъ и сочетаніяхъ. Мнѣ нерѣдко случалось забредать въ такія мѣста, гдѣ—можно смѣло сказать въ буквальномъ смыслѣ—никогда еще не ступала нога человѣческая. А такихъ мѣстъ въ Бѣловѣжской пушчѣ еще сохранилось не мало. Въ нихъ-то и кроется самая прелестная глушь и дикость. Деревья, поваленныя буреломомъ, лежатъ себѣ долгіе годы: иное изъ нихъ, болѣе сажени въ обхватѣ, выворочено все съ корнями, и своими красиво-причудливыми очертаніями такъ и просится въ альбомъ художника; иное дерево подломано бурей гдѣ-нибудь посрединѣ ствола и оно опрокинулось на другое, сосѣднее, застрявъ въ его могучемъ сукѣ, и такимъ образомъ образовало какъ бы ворота. Оно давно уже высохло, покрылось мхомъ и слоемъ листьевъ, которые успѣли перегнить и даже образовать собою на немъ плодородную почву, — и вотъ вы видите, что на верхней поперечинѣ этихъ импровизированныхъ воротъ растетъ себѣ стройное молодое деревцо совсѣмъ иной какой-нибудь породы: на дубѣ—сосенка, на вязѣ—кленъ или березка.

Въ первое время моего пребыванія въ пушчѣ, попавъ въ какую-нибудь изъ подобныхъ первобытныхъ дебрей, я нерѣдко былъ вводимъ въ заблужденіе продолговатыми бугорками, принимая ихъ за могилы какого-нибудь давно заброшеннаго кладбища. Бугорки эти, совершенно какъ могилы, стлались по землѣ, иногда даже довольно правильными рядами. И это, дѣйствительно, были кладбища, только не людей, а деревьевъ. Принимая бугоръ за могилу, я смѣло ставилъ на него ногу, въ полной увѣренности, что встрѣчу почву, столь же твердую, какъ и та, на которой стоялъ я, какъ вдругъ нога моя неожиданно сразу глубоко проваливалась въ бугоръ, изъ котораго подымалась пыль и во всѣ стороны расползались въ крайней тревогѣ міриады разныхъ жучковъ, муравьевъ и козявокъ. Эти бугры—не что иное какъ деревья, съ незапамятныхъ временъ поваленныя буреломомъ и съ тѣхъ поръ, невѣдомо для людей, лежація здѣсь въ полномъ забвеніи и покоѣ. Подъ изобильнымъ слоемъ мха и древеснаго назема, давшаго имъ форму бугра или могилы, деревья эти давнымъ-давно уже успѣли перегнить, ислѣтъ въ конецъ и служатъ теперь жилищемъ для лѣсныхъ насѣкомыхъ. Иногда я осторожно разрывалъ этотъ мохъ и наземъ, и тогда ислѣвшее дерево казалось на видъ сохранившимъ всю свою наружную оболочку; но достаточно было толкнуть его ногой или ударить палкой, чтобъ и кора, и сердцевина вмгъ рассыпались прахомъ и рыхлою трухой.

Климатъ и почва Гродненской губерніи преимущественно благопріятствуютъ развитію сосны. Въ Бѣловѣжской пушчѣ сосна занимаетъ около

Въ Бѣловѣжской пущѣ.

двух третей всей лѣсной площади. Сосна, произрастающая на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ, надѣленныхъ тучною почвой, достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, до полутора ста футовъ въ вышину и до шести футовъ въ поперечникъ ствола. Она крѣпка, плотна и вполне удовлетворяетъ условіямъ лучшаго корабельнаго мачтоваго лѣса. Старыя сосны Бѣловѣжской пуши, въ двухсотъ и даже въ двухсотъ сорокалѣтнемъ возрастѣ, зачастую встрѣчаются безъ малѣйшихъ признаковъ порчи.

За сосной слѣдуетъ ель, которая преимущественно любитъ здѣсь мѣста низменныя и, достигая свыше полуторастолѣтняго возраста, размѣрами своими превосходитъ иногда лучшія изъ сосенъ гораздо старѣйшаго возраста. Примѣсь ели на низменныхъ мѣстахъ обыкновенно составляютъ грабъ, осина, ясень, береза и проч.

Дубъ въ Бѣловѣжской пущѣ попадаетъ иногда чисто дубовыми рощами, но чаще встрѣчаютъ его вперемѣшку съ другими лиственными деревьями, при чемъ однако дубъ является преобладающей породой. Здѣсь попадаетъ два его вида: дубъ лѣтній и зимній, но послѣдній значительно рѣже перваго. Разрастаясь преимущественно по прибрежнымъ, влажно-почвеннымъ мѣстамъ, дубъ въ Бѣловѣжской пущѣ, при всѣхъ своихъ великолѣпныхъ наружныхъ качествахъ, рѣдко обладаетъ здоровою сердцевиною. Даже опытные, старые дровосѣки обманываются наружными признаками его здоровья и, подрубивъ корень, часто открываютъ рыхлую гниль. Болѣзнь сердцевины здѣшняго дуба происходитъ отъ того именно, что онъ охотнѣе всего выбираетъ себѣ черезчуръ влажную почву.

Береза плакучая и обыкновенная попадаетъ безразлично и на влажныхъ, и на сухихъ мѣстахъ, но всегда въ смѣшеніи съ другими лиственными и хвойными породами. Что касается до остальныхъ лиственныхъ деревьевъ, или такъ называемаго „чернолѣся“, какъ, напримѣръ: ясень, вязъ, ильмъ, грабъ, кленъ, липа, ольха, осина, осокорь, берестъ (*Ulmus effusa*), то всѣ они растутъ исключительно въ тѣсномъ смѣшеніи между собою и притомъ исключительно на жирной черноземной почвѣ, которая съ каждымъ годомъ все болѣе утѣняется лиственнымъ наземомъ.

Кустарники въ пущѣ довольно разнообразны и нѣкоторые достигаютъ значительной вышины и густоты: они всегда служатъ украшеніемъ чернолѣся. Здѣсь встрѣчаются: орѣшникъ, разные виды ивъ, крушина, жимолость, боярышникъ, бересклетъ, калина, красный роговикъ, терновникъ, барбарисъ, волчье лыко, тиссъ, можжевельникъ, дикая малина, дикая смородина (черная) и другія.

Фауна Бѣловѣжской пуши настолько же богата и разнообразна, какъ и ея флора. Нѣкогда водился здѣсь въ большомъ количествѣ бобръ, а пушинскія дебри, съ ихъ непроходимыми топями, укрывали въ своихъ дѣвственныхъ трупцахъ множество росомахъ и дикихъ кошекъ. Теперь всѣ эти хищныя звѣри исчезли; осталась одна только рысь.

Изъ крупныхъ травоядныхъ здѣсь сохранился еще лось. Мѣстопробываніемъ лосей въ пущѣ обыкновенно служатъ самыя дивія мѣста, среди топей и непроходимыхъ болотъ, особенно гдѣ растутъ ива и осина. Этотъ звѣрь, при всей своей неуклюжести и большомъ вѣсѣ, легко проходитъ по такимъ топямъ, изъ которыхъ и человѣкъ, и иное животное едва ли бы выбрались. Только по льду не можетъ онъ свободно двигаться, и если упадетъ, то подняться можетъ лишь съ величайшимъ трудомъ. Если лось доводитъ свой бѣгъ до наибольшей возможной быстроты, то при этомъ онъ всегда закидываетъ рога на спину и высоко поднимаетъ носъ, вслѣдствіе чего нерѣдко спотыкается и падаетъ. Разъ пустившись бѣжать, лось уже не останавливается ни передъ какими препятствіями и какъ ошалѣлый мчится въ самую густую чащу, въ рѣку, въ озеро, куда попало. Если опасность становится для лося очевидной и уйти отъ нея невозможно, то онъ начинаетъ защищаться; раненый лось нерѣдко самъ нападаетъ на охотника, дѣйствуя при этомъ рогами и копытами. При нападении волковъ на лосиныхъ телятъ самцы и самки смѣло бросаются на хищниковъ и либо забиваютъ ихъ до смерти ловкимъ ударомъ, либо оглушаютъ до потери сознанія.

Дикія козы, или косули, въ прежніе годы водились въ пущѣ въ очень большомъ количествѣ, но теперь попадаются не такъ часто, какъ прежде. Животное это держится какъ въ красномъ, такъ и въ черномъ лѣсѣ, предпочитая однако послѣдній, и протомъ любитъ сухія мѣстности. Для косули особенно пріятны тѣ мѣста, гдѣ темно, много тѣни и много кустарника. Въ дневную пору она преимущественно старается прятаться въ своемъ логовищѣ, которѣе всегда почти устраиваетъ среди густыхъ кустовъ, окруженныхъ высокою травой. Кромѣ человѣка, у этого кроткаго, граціознаго животнаго есть еще много враговъ между хищниками лѣса: рысь неожиданно кидается на него съ вышины изъ густыхъ вѣтвей дерева, у корня котораго косуля ищетъ свою пищу; волки устраиваютъ на нее своеобразныя облавы съ правильными засадами. Единственное спасеніе для нея въ бѣгствѣ, и потому скачокъ косули широкъ, быстръ, неожиданъ, и она обладаетъ способностью мгновенно мѣнять направленіе своего бѣга. Всѣ движенія косули очень проворны и красивы. Безъ всякаго напряженія она съ замѣчательною ловкостью перепрыгиваетъ черезъ широкія канавы, высокіе плетни и кустарники; при этомъ и плаваетъ она очень хорошо, и карабкается недурно по крутымъ скаламъ овраговъ или по стволамъ сломленныхъ деревьевъ. Природная боязливость и чувство самоохраны заставляютъ это животное держаться небольшими стадами или семействами, отъ двѣнадцати до пятнадцати штукъ, при чемъ одинъ изъ членовъ небольшой общины всегда остается пасторожъ; его мгновенный скачокъ въ какую-нибудь сторону служитъ для остальнаго пасущагося стада какъ бы сигналомъ тревоги, по кото-

рому все оно сразу и стремительно бросается за сторожевымъ, и въ два-три прыжка исчезаетъ въ чащѣ. Но при такой пугливости замѣчательно, что косуля останавливается не только на раздавшійся выстрѣлъ, а и на сильный крикъ, и тогда увлекаемая какимъ-то страннымъ побужденіемъ, въ родѣ любопытства, она идетъ въ ту сторону, откуда раздался шумъ или звукъ, привлекшій ея вниманіе. Это качество служить причиной, что при удачной охотѣ, на пространствѣ какихъ-нибудь шести-семи квадратныхъ верствъ, легко удается положить ихъ штукъ двадцать и даже тридцать. Вкусное мясо и прекрасная замша, выдѣлываемая изъ кожи косули, привлекаютъ къ ней охотниковъ, какъ любителей, такъ и промышленниковъ.

Кабанъ, или дикая свинья (по мѣстному названію „дзикъ“, нѣкогда весьма распространенная въ пуцѣ, тоже попадаетъ все рѣже и рѣже. Охота на дзиковъ сопряжена съ немалыми опасностями. Разъяренный дзикъ смѣло бросается на людей и собакъ, попадающихся ему непосредственно на пути его бѣга; благодаря неуклюжему устройству и низкому поставу головы, ему трудно дѣлать быстрые повороты въ ту или другую сторону, а поднять голову и вовсе невозможно; онъ вообще крайне неуклюжъ и неловокъ, но горе тому, кто имѣлъ неосторожность подвернуться ему на прямой его дорогѣ. Тутъ онъ съ разбѣга сшибаетъ съ ногъ человѣка или животное и глубоко пропарываетъ его своими огромными клыками.

Изъ кошекъ, какъ уже было упомянуто, здѣсь сохранилась одна только рысь, величиной съ собаку средняго роста, выше полутора и до двухъ и хвостъ около трехъ четвертей фута. Бѣгъ ея не особенно прытокъ; зато ловкость, быстрота и вѣрность скачка сверху внизъ на намѣченную добычу просто изумительны. Она обыкновенно подстерегаетъ свои жертвы, взобравшись на дерево и спрятавшись въ густыя вѣтви, для чего старается держаться большею частью вблизи болотъ, при дорогахъ и тропинкахъ; молодые телята лосей, зайцы и косули составляютъ обычный предметъ ея охоты. Если случайно придется ей подмѣтить добычу не съ дерева, а на землѣ, то рысь сначала осторожно подкрадывается къ ней и потомъ вдругъ бросается и вскакиваетъ на спину, стараясь прокусить загривокъ или шею. Если же, сверхъ ожиданія, быстрая косуля успѣетъ ускользнуть отъ своего врага, то рысь, сдѣлавъ за нею два-три прыжка, останавливается и начинаетъ помахать хвостомъ, облизываясь и устремляя взглядъ вслѣдъ уходящей добычѣ.

Но самое замѣчательное здѣшнее животное — это зубръ, въ Европ. Россіи теперъ сохранившійся въ одной лишь Бѣловѣжской пуцѣ. Средняя величина взрослого зубра, считая отъ роговъ до хвоста, равняется восьми футамъ. Средній вѣсъ животнаго отъ 35 до 40 пудовъ. Наружность зубра чрезвычайно красива; въ ней есть нѣчто гордое,

величественное. Черные рога его не велики и закруглены. Большой и выпуклый глаз очень выразителен; цвет его—исключительно черный, с красноватым отливом. Благодаря короткой шее, зубр вообще держится сутуловато, и от этой сутуловатости он смотрит всегда вниз и как бы исподлобья. Местные полъсовщики, которым чаще и ближе чем кому-либо приходится наблюдать жизнь и нравы зубра, уверяют, что он может видеть ночью столь же хорошо, как и днем. Бурыхдая и вообще темная шерсть его на висках, на бороду, у копыт и в хвостовой части принимает совершенно черный цвет; грива тоже черная, но несколько светлее бороды, которая обрамляет собой сильно развитый и округленный подбородок и продолжается, в виде нижней гривы, между передних ног до половины живота. Шерсть весьма мягка и нежна на ощупь и зимой сильно отрастает. С конца февраля зубы начинают ронять зимний волос и к началу апреля, вылиняв окончательно, становятся гладче, лоснистее. Зубры не издают на свободу ни рева, ни мычанья; эти звуки являются у них только в плену в клетках, или же как выражение сильнейшей тоски и отчаяния.

Зубры обыкновенно живут стадами. Больше молодые на летнее время собираются в небольшие кучки, от десяти до пятнадцати или двадцати голов, зимою же соединяются в стада штук до пятидесяти. У каждого такого стада, равно как и у кучки, непременно есть свой вождь, роль которого берет на себя всегда больше опытный старый самец или самка, но последняя чаще предводительствует в кучках. Эти небольшие стада и кучки держатся большею частью в своих особых, однажды избранных участках, редко переходя в смежные части пуши. Подобные участки всегда находятся поблизости рек и ручьев, и здесь-то в течение лета и осени зубр живет преимущественно в сырых чащах (багонах), а с наступлением зимы перемещается в более высокие сухие места. Иногда впрочем стада, как бы по общему соглашению, мигрируют части пуши, или, вернее сказать, „концы“ ее. После лесных пожаров, истребляющих иногда большие пространства этого дивного леса, или после больших засух зубры по чутью идут в ту сторону пуши, над которой прошла полоса дождя. Если с лета или с осени в каком-либо участке леса был пожар, то можно с полною уверенностью сказать, что на будущую весну зубры возвратятся именно в этот участок, так как они знают, что на месте пожара найдут себе новую свежую и сочную траву. Хотя в обществе зубров царствует величайшее согласие, но тем не менее два отдельных стада сходятся не охотно, не вдруг, и меньшие кучки, по возможности, избегают больших. Следует заметить, что зубр самец бывает общителен только до известного периода своего возраста, с годами же, и особенно в старости, совершенно

утрачиваетъ это качество и становится, если можно такъ выразиться, нелюдимымъ. Престарѣлый зубръ отдѣляется отъ стада и бродитъ себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего и дано ему названіе „одынецъ“ Одынцы отличаются своею храбростью; они не только не ищутъ избѣгнуть грозящей имъ опасности, но стойко выжидаютъ ее и даже сами идутъ на нее въ твердой рѣшимости помѣряться силами съ дерзкимъ противникомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ приходитъ въ яростный гнѣвъ, а съ гнѣвомъ зубра, и особенно одынца, шутить нечего. Какъ благородное животное, онъ еще издали и, такъ сказать, заблаговременно предупреждаетъ врага о своемъ гнѣвѣ. Зубръ начинаетъ потрясать наклоненною головою, потомъ роетъ копытомъ землю, облизывается и вертитъ своимъ сине-чернымъ языкомъ, затѣмъ съ силою бьетъ себя нѣсколько разъ, но не часто, хвостомъ по бедрамъ и наконецъ стремительно и быстро бросается на противника. Глаза у него наливаются кровью. Столкновеніе съ нимъ въ такую минуту грозитъ почти неминуемою смертью. Достаточно сказать, что не только человекъ, но даже лошадь онъ можетъ взметнуть рогами на воздухъ, какъ собачонку, и лошади страшно боятся зубровъ и чувствуютъ къ нимъ инстинктивное отвращеніе.

Движенія зубра на первый взглядъ могутъ показаться тяжелыми и даже неуклюжими; но этотъ первый взглядъ очень обманчивъ: зубръ весьма быстръ на бѣгу, хотя и скачетъ тяжелыми прыжками. Онъ несется, опустивъ низко къ землѣ голову и поднявъ хвостъ съ развѣвающимся кистью.

Въ покойномъ состояніи звѣрь этотъ вообще не трогаетъ человекъ, если тотъ проходитъ мимо него безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній или выходокъ; но достаточно со стороны путника малѣйшаго повода къ нападенію, чтобы зубръ пришелъ въ самое ужасное бѣшенство, и тогда уже дѣло становится крайне опаснымъ. Лѣтомъ зубры вообще стараются избѣгать людей, но зимой никому не уступаютъ дороги. Слухъ и обоняніе у нихъ развиты въ весьма сильной степени, такъ что стадо, завидѣвъ человека даже за пятьсотъ шаговъ, немедленно уходитъ подальше отъ него въ густыя чащи. Зато одынцы нисколько не боятся людей и ни за что не желаютъ уступать имъ господства и первенства въ мѣстахъ своего обиталища.

Въ Бѣловѣжской пуцѣ въ изобиліи растетъ одна трава, которую мѣстные жители называютъ „зубровкой“. Зубровка отличается отъ другихъ родственныхъ ей травъ особеннымъ пыльнымъ налетомъ, который покрываетъ нижнюю сторону ея листьевъ. Эта-то зубровка составляетъ самый любимый и самый лакомый подножный кормъ зубровъ, и изобиліе ея въ Бѣловѣжской пуцѣ является, безъ сомнѣнія, одною изъ важныхъ причинъ, почему они держатся именно въ этомъ мѣстѣ, не ища себѣ новыхъ обиталищъ. Осенью, а также и весной цѣлыя стада

зубровъ выходятъ на смежныя съ пущей поля и съ удовольствіемъ лакомятся всходами молодой ржи, вырывая ее цѣлыми клочками. Крестьяне собираются гурьбой и съ криками прогоняютъ ихъ въ лѣсъ, но на другой же день стада снова появляются, къ истинному огорченію земледѣльцевъ, которые въ это время такъ ужъ и держатъ на поляхъ постоянные караулы. Съ наступленіемъ весны зубры замѣтно тощатъ послѣ зимней проголоди, и пока не вырастетъ на ихъ любимыхъ лугахъ достаточно сочная трава, ѣдятъ почки листовенныхъ породъ, преимущественно ясеня, рябины, осины, липы и разныхъ видовъ ивы, но хвойныхъ деревьевъ не трогаютъ никогда.

На зиму мѣстная администрація заготовляетъ для нихъ весьма значительные запасы сѣна. Въ разныхъ мѣстахъ пущи это сѣно складывается въ стога, исключительно ради зубровъ, которые однако принимаютъ за него не ранѣе, какъ совершенно уже не станетъ подножнаго корма. Приступая къ сѣну, зубръ прежде всего старается разметать стогъ, донскиваясь невыдохшейся травы, и отъ этого много сѣна пропадаетъ даромъ.

Въ августъ, иногда въ началѣ сентября зубры сходятся въ большія стада, къ которымъ присоединяются и старые отшельники — одыны.

Стада эти смѣло и весело бродятъ по мѣстамъ, поросшимъ еловымъ лѣсомъ. Необычайный шумъ и трескъ идетъ въ это время по пущѣ, потому что зубры любятъ тогда подрывать рогами сля, имѣющія въ діаметрѣ отъ 4-хъ до 6-ти дюймовъ, взбрасываютъ на рогахъ деревья и сучья, мнутъ и ломаютъ ихъ съ веселымъ неистовствомъ и наполняютъ лѣсъ трескомъ и своеобразнымъ шумомъ. При этомъ случается нерѣдко, что корни запутываются въ рогахъ и не могутъ быть тотчасъ сброшены, такъ что многіе зубры ходятъ нѣкоторое время съ этимъ своеобразнымъ кудрявымъ украшеніемъ, но наконецъ оно начинаетъ беспокоить ихъ и надоѣдать имъ; зубры съ шумомъ и топотомъ принимаютъ бѣгать назадъ и впередъ, мало-по-малу входятъ въ раздраженіе, сердятся и, желая сбросить съ себя несносные сучья и вѣтви, вступаютъ между собою въ борьбу, сначала будто шутя, а потомъ и весьма не на шутку. Съ такимъ остервенѣніемъ бросаются они другъ на друга и съ такой силой сталкиваются лбами и рогами, что наблюдателю остается только удивляться, какъ это они при такомъ взаимномъ толчкѣ не падаютъ замертво и не прошибаютъ себѣ черепъ. Тутъ, казалось бы, не только кость, а и желѣзо треснуло бы, а между тѣмъ лбы ихъ остаются попрежнему цѣлы и невредимы, и рога такъ гибки, какъ будто сдѣланы изъ лучшей стали.

Чаще всего погибаютъ въ подобныхъ поединкахъ молодые трехгодовалые зубры.

Живутъ зубры отъ 30 до 50 лѣтъ, при чемъ естественная смерть наступаетъ всегда отъ голода. Дѣло въ томъ, что отъ постоянного гло-

дѣнія коры животное это стираетъ наконецъ свои зубы до того, что уже лишается всякой возможности щипать и пережевывать свою пищу, да и кромѣ того въ старости многіе зубры слѣпнуть, и такимъ образомъ къ невозможности жеванія присоединяется еще и невозможность отыскивать себѣ кормъ. Замѣчательно, что умирать зубры всегда выходятъ на полянки, на дороги или къ своимъ стогамъ сѣна, — вообще на видныя, открытыя мѣста. Больные становятся очень кротки; можно даже подойти и погладить, поласкать его—онъ не отойдетъ и не выкажетъ ни малѣйшей враждебности. Если лѣсная стража при обходѣ своего участка находитъ околѣвшаго зубра, то, приставивъ къ нему караулъ, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго лѣсничаго. Тотъ наряжаетъ формальное слѣдствіе, при которомъ ветеринаръ дѣлаетъ наружный осмотръ тѣла и производитъ вскрытіе, изъ чего обнаруживается причина смерти; затѣмъ слѣдственная комиссія составляетъ актъ свидѣтельствванія. Послѣ всей этой необходимой процедуры съ мертвого звѣря снимается шкура, которая въ послѣдствіи продается съ публичнаго торга, а трупъ либо зарывается въ землю, либо же отправляется въ препаровочную, гдѣ изъ него вывариваютъ и препарируютъ полный скелетъ. Этими скелетами снабжаются русскіе и многіе изъ иностранныхъ университетовъ, академій и музеевъ.

Кромѣ естественной смерти, много зубровъ погибаетъ отъ лѣсныхъ хищниковъ, волковъ и медвѣдей. Послѣдніе всего чаще губятъ старыхъ одынцовъ въ одиночномъ бою. Въ 1844 году убитъ былъ въ пущѣ медвѣдь, огромной величины и силы, который загрызъ тоже огромнаго стараго зубра. Этотъ своеобразный поединокъ происходилъ близъ дороги изъ села Бѣловѣжа въ Рудню, на пространствѣ около ста квадратныхъ сажень, гдѣ взрытая земля, примятая трава, потоптанные кустарники, сломанные стволы молодыхъ деревьевъ, а инныя изъ нихъ и вовсе исковерканныя, вывороченныя съ корнемъ, краснорѣчиво доказывали все громадное упорство и ожесточенность борьбы, длившейся довольно долгое время. Случайные очевидцы этого поединка съ удивленіемъ рассказывали, какъ они были поражены при видѣ, съ какою неимоверною силой зубръ, истекавшій уже кровью, какъ перышко взметалъ на рогахъ обрвавшаго медвѣдя и яростно таскалъ его на себѣ, пока тотъ, наконецъ, не загрызъ его до смерти.

Волки избираютъ себѣ въ жертву преимущественно телятъ и молодыхъ лучшихъ особей. Раннею весной и позднею осенью они дѣлаютъ правильныя облавы на зубровъ. Тутъ пускается въ ходъ обыкновенная волчья тактика, т.-е. стараніе отогнать какого-нибудь одного звѣря отъ стада, съ тѣмъ, что, пока одна партія волковъ будетъ держать все стадо какъ бы въ осадѣ, другая загрызетъ отогнаннаго зубра. Эта послѣдняя партія бросается соединенными силами на одинокаго противника,

стараясь утомить его долгимъ преслѣдованіемъ, и наконецъ осиливаетъ. Одинъ изъ волковъ обыкновенно занимаетъ вниманіе зубра постоянными увертливыми прыжками взадъ и впередъ предъ его мордой, но, конечно, на извѣстномъ разстояніи. Между тѣмъ другіе волки въ то же самое время крадутся сзади звѣря и стараются вцѣпиться ему зубами въ животъ. При этомъ не обходится безъ жертвъ съ ихъ стороны, потому что зубръ однимъ ударомъ ноги нерѣдко на смерть забиваетъ вшившагося въ него хищника. Въ концѣ-концовъ однако количество противниковъ одолеваетъ, и зубръ погибаетъ. Если же волкамъ не удалось сразу отогнать зубра отъ его стада, то всѣ ихъ нападенія на самое стадо по большей части остаются безуспѣшны. Могучія животныя мастерски умѣютъ защищаться противъ своихъ враговъ. Они тотчасъ же строятъ карре, въ средину котораго помѣщаютъ телятъ, и работаютъ своими рогами такъ, какъ добрая пѣхота штыками. На мѣстѣ такого побоища всегда остается нѣсколько пропоротыхъ волчьихъ труповъ.

Но есть и еще одна, чуть ли не самая значительная, хотя и легко устранимая причина безвременной и совершенно напрасной гибели молодыхъ зубровъ: это такъ называемые „зубровые перегоны“.

Время отъ времени непосредственное начальство пушчи получаетъ предписаніе: изловить и доставить живьемъ пару или двѣ зубровъ, обыкновенно самца и самку, для звѣринца какой-либо иностранной владѣтельной особы. На эти случаи въ извѣстныхъ мѣстахъ пушчи сдѣланы „загоны“, т.-е. западни, попавъ въ которыя зубры не могутъ уже вырваться на волю. Но всего мудренѣе оказывается залучить зубровъ въ загонъ. Для этого обыкновенно избираются въ разныхъ мѣстахъ пушчи нѣсколько отдѣльныхъ стадъ, на которыхъ въ районѣ cadaго загона устраиваются шумныя и многочисленныя облавы. Испуганныя стада, преслѣдуемая и здѣсь, и тамъ, какъ ошалѣлыя мечутся во всю прыть изъ конца въ конецъ по пушчѣ, пока-то наконецъ не удастся направить хоть одно изъ нихъ въ загонъ. Тутъ ужъ облава кончается; лѣсные офицеры намѣчаютъ въ загонѣ изъ числа лучшихъ требуемое число экземпляровъ, на которыхъ ловкіе и привычные охотники стараются набросить ножныя путы или арканы, и когда, наконецъ, удалось и это, тащатъ звѣрей на арканахъ въ клѣтки, подвезенныя уже къ тому времени ко входу загона. Но прежде чѣмъ всѣ эти труды увѣнчаются требуемымъ успѣхомъ, облавы продолжаются иногда по нѣскольку дней, въ теченіе которыхъ перепуганные зубры не имѣютъ ни минуты покоя. Перебѣганія ихъ при облавахъ изъ конца въ конецъ по лѣсу и называются зубровыми перегонами, отъ которыхъ, какъ мы сказали уже, погибаетъ не малое количество зубровъ. Дѣло въ томъ, что, запыхавшись отъ испуга, утомленные и сильно разгоряченные продолжительнымъ и быстрымъ бѣгомъ, зубры, если только имъ попадетъ на пути какая-нибудь рѣчка, сразу

кидаются къ ней и жадно начинаютъ утолять свою жажду студеною водою. Непозбъжимымъ послѣдствіемъ этого является воспаленіе легкихъ, отъ котораго и погибають преимущественно молодые зубры и телята. И вотъ такимъ - то образомъ, чтобы поймать пару или одного звѣря, невольно приходится губить цѣлыя десятки особей и безъ того уже рѣдкой породы.

Полѣсье и его обитатели.

(А. Липранди).

Полѣсье лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети и ея притоковъ, хотя границы его нигдѣ не обозначены строго. Это громадная площадь въ видѣ треугольника между Могилевомъ, Кіевомъ и Брестъ-Литовскомъ, въ сто слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ, почти совершенно утонувшая въ водѣ, имѣющая дикій и хаотическій видъ, какъ будто тутъ еще не закончился процессъ творенія и земля не отдѣлена отъ воды. Болота, то открытыя, то поросшія кустарникомъ и лѣсомъ, широкія какъ озера или длинныя какъ рѣки, часто стелющіяся на огромное пространство, медленно текуція рѣки съ неопредѣленными берегами, со множествомъ переплетающихся и расходящихся рукавовъ, озера и снова болота, цѣлый лабиринтъ топей, торфяниковъ, болотъ, озеръ, рѣкъ и лѣсовъ — таковъ тотъ особый міръ, который носитъ названіе Полѣсья. Среди этихъ необозримыхъ болотъ лишь кое-гдѣ раскиданы возвышенные клочки земли съ плодородной почвой, такъ называемыя „острова“, которые служатъ пріютомъ для рѣдкаго населенія Полѣсья. Окруженныя болотами, покрытыя тонкимъ растительнымъ ковромъ, разрывающимся при первомъ шагѣ, они почти совершенно недоступны. Весною, когда безчисленныя рѣки Полѣсья выступаютъ изъ своихъ береговъ, заливая страну на необозримыя пространства, надъ безбрежною водою поверхностью только и чернѣютъ что эти острова, какъ бы оправдывая свое названіе; и сообщеніе между отдѣльными островами производится тогда исключительно на лодкахъ.

Впрочемъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ руководствомъ генерала Жилинскаго, въ Полѣсьѣ были произведены обширныя осушительныя работы, благодаря которымъ до двухъ съ половиной милліоновъ десятинъ, бывшихъ прежде болотами, теперь сдѣлались пригодными для культуры и даютъ уже значительный доходъ. Сравнительно съ общимъ пространствомъ Полѣсья и его болотъ это, конечно, не такъ еще много. О величинѣ Полѣсья можно судить изъ того, что оно въ три раза болѣе Швейцаріи, въ полтора раза болѣе Болгаріи и въ шесть разъ болѣе Саксоніи. Интересный во всѣхъ отношеніяхъ край этотъ, однако, совершенно почти недоступенъ для близкаго ознакомленія съ нимъ, и непривычный человѣкъ, едва только попавъ въ него, уже спѣшитъ удрать

обратно, заклиная себя никогда болѣе и носу сюда не казать. Легче изѣздить всю Европу, чѣмъ проѣхать сто верстъ по полѣскимъ трясинамъ.

Заѣхавъ въ Полѣсье, вы словно попадаете въ какую-то африканскую трущобу. Здѣсь все оригинально, все находится въ первобытномъ, словно сказочномъ, состояніи. Первое, съ чѣмъ вамъ приходится здѣсь столкнуться,—это полѣскія дороги. Боже, что это за дороги! Отвѣдавъ ихъ, дѣйствительно можно придти въ ужасъ. Тотъ, кто не знакомъ съ полѣскими дорогами по опыту, не можетъ, конечно, и представить себѣ, чтобъ такіе пути сообщенія существовали въ наше время. Мѣстами, въ южной части, дороги представляютъ собою невылазные сыпучіе пески, ѣзда по которымъ требуетъ чрезвычайныхъ усилій со стороны лошадей и полного самоотверженія со стороны туриста; при всѣхъ даже усиліяхъ, по нимъ можно двигаться не иначе, какъ черепашинымъ шагомъ, со скоростью пяти и самое болѣе шести-семи верстъ въ часъ. Каково проѣхать такимъ образомъ 100—150 верстъ—разстояніе совсѣмъ небольшое въ Полѣсьѣ! Но песокъ—это еще слава Богу. Въ пескѣ, какъ говорятъ мѣстные жители, „и мягко, и спокойно“. Большинство же полѣскихъ дорогъ представляютъ собою сплошные тряскіе корни, глубокіе ухабы, болота и „калювы“ (лужи),—калювы безпрестанныя и безконечныя, тянущіяся часто на цѣлую версту и никогда не высыхающія. Каково исколесить сотни верстъ по такимъ дорогамъ, и исколесить на отчаянно-предательской таратайкѣ, такъ какъ не только о рессорныхъ экипажахъ, но даже и о тарантасахъ въ Полѣсьѣ не имѣютъ и понятія. А каково мѣстнымъ жителямъ весь вѣкъ свой трястись по такимъ дорогамъ!

Правда, въ послѣднее десятилѣтіе проведена цѣлая сѣть полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ; въ настоящее время по всѣмъ направленіямъ Полѣсье изрѣзываютъ уже свыше двухъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей. Но что значить это, принимая во вниманіе обширность края и—главное—полное отсутствіе въ немъ иныхъ сколько-нибудь, не говоримъ уже, удобныхъ, но хотя бы только проѣзжихъ путей сообщенія? Къ тому же желѣзная дорога соединила главнымъ образомъ только болѣе или менѣе значительные центры края, почти не заходя въ глубь его, такъ что и теперь есть много мѣстъ въ Полѣсьѣ, откуда, чтобы добраться до „ближайшей“ желѣзнодорожной станціи, нужно проѣхать сто и болѣе верстъ на лошадахъ. Ко всему этому слѣдуетъ еще добавить, что три, а то и четыре мѣсяца въ году (осенью и весной) дороги въ Полѣсьѣ совсѣмъ непроѣзжи.

Полѣсье, впрочемъ, край настолько пустынный и жизнь его еще такъ мало развита, что здѣсь на разстояніи десятковъ верстъ вы часто не встрѣтите ни одного значительнаго поселенія и почувствуете себя въ какомъ-то сказочномъ лѣсномъ царствѣ. Городовъ очень мало, да боль-

шинство изъ нихъ и города-то только по названію: не говоря о благоустройствѣ и удобствахъ жизни, о которыхъ здѣсь знаютъ только по наслышкѣ, даже по населенности они не превосходятъ большихъ русскихъ селъ и посадовъ. Рѣдкій полѣсскій городокъ имѣетъ десять-двѣнадцать тысячъ жителей, въ остальныхъ едва насчитывается шесть-семь тысячъ (Овручъ, Пружанъ, Волковыскъ, Рѣчица, Игумень и т. д.). Больше или меньше значительныхъ городскихъ центровъ, кромѣ губернскаго города Житомира и крѣпостей Гобруйска и Брестъ-Литовска, нельзя и назвать, такъ какъ самымъ крупнымъ изъ нихъ является Пинскъ, въ которомъ не болѣе 30 тысячъ жителей.

Вообще населенныя мѣста въ Полѣсскѣ чрезвычайно рѣдки; цѣлый день часто ѣдете вы по его дебрямъ и болотамъ, и только изрѣдка среди сѣдого моха, изъ лѣсной чащи, выглянетъ къ вамъ какая-нибудь небольшая деревушка, окруженная поляной. Въ глубинѣ края поселенія раскинуты на рѣдкихъ островахъ, расположенныхъ среди необозримыхъ, поросшихъ лѣсомъ болотъ, вслѣдствіе чего сообщеніе между ними крайне затруднительно. Здѣсь нерѣдки такіе случаи, что отъ одного села до другого по прямой линіи не болѣе версты и, находясь въ одномъ, вы какъ на ладони видите другое, слышите изъ него лай собакъ, мычанье коровъ; но, чтобы попасть въ него, нужно сдѣлать кругъ по болѣе плотной почвѣ въ 10—15 верстъ.

Въ Полѣсскѣ такая масса топкихъ мѣстъ, что часто совсѣмъ невозможно проѣхать изъ села въ село. Въ такихъ случаяхъ практикуется способъ сообщенія, врядъ ли встрѣчающійся еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно: въ лодку съ плоскимъ дномъ запрягаютъ пару воловъ и такимъ образомъ ѣдутъ по болоту. Во многихъ мѣстахъ временами и этотъ оригинальный способъ сообщенія непримѣнимъ по причинѣ неровной поверхности и чрезвычайной топкости болотъ, которыя прямо засасываютъ вола. Тогда просто переходятъ болота въ бродъ, по кочкамъ, при чемъ раздѣваются догола и „для большаго удобства“ смазываютъ ноги и туловище до пояса дегтемъ. Часто смазываніе вызываетъ на тѣлѣ зудъ и изъязвленія, причиняющія большія страданія, но полѣшукі уже привыкли къ этому „удобству“ и прибѣгаютъ къ нему съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

Зимой болота замерзаютъ и сообщеніе дѣлается удобнѣе и короче. Этимъ и пользуются для того, чтобы ѣздить по дѣламъ, въ гости, навѣщать родныхъ и знакомыхъ, справлять свадьбы и т. п. Не только осень и весна, но даже лѣто—самое скучное, самое тяжелое время въ Полѣсскѣ; на цѣлые мѣсяцы здѣсь словно все замираетъ, никто не двигается съ мѣста, никто не выходитъ изъ села, всецѣло углубляясь въ свои хозяйственныя и домашнія заботы и отказываясь отъ всякаго общенія не только со всѣмъ остальнымъ міромъ, до котораго вообще мало

дѣла полѣшукамъ, но даже со своими ближайшими сосѣдями. Но лишь только хватить морозъ и выпадетъ снѣгъ, по всему краю начинается необыкновенное оживленіе; всѣ словно пробуждаются отъ спячки, начинается усиленное движеніе между селами, всюду происходят ярмарки, устраиваются „вечерницы“ и „коменды“, т.-е. прущики съ „горилжой“, варениками, блинами, пампушками и всякими иными атрибутами, на которыя съѣзжаются гости изъ ближнихъ и дальнихъ деревень. Всюду слышится импровизированная музыка (бубень и скрипка), молодежь рѣзвится, пляшетъ, поетъ пѣсни, устраиваетъ всевозможныя развлечения и игры; каждое воскресенье въ сельскихъ церквахъ совершаются свадьбы (въ другіе дни въ Полѣсьѣ не вѣнчаются), въ однихъ избахъ („хатахъ“) справляется „веселье“ (свадьба), въ другихъ „заручины“ (обрученіе) и т. д. Словомъ, съ наступленіемъ зимы Полѣсье оживаетъ и усиленно живетъ такъ вплоть до весны, когда всѣ вновь прячутся по своимъ норамъ.

Зима—самое лучшее, самое желанное время года въ Полѣсьѣ; наступленіе ея составляетъ здѣсь бѣлый праздникъ, ожидаемый всеми съ нетерпѣніемъ. Но—увы!—и зима, эта единственная утѣха полѣсской жизни, не всегда приноситъ съ собою большое утѣшеніе: иногда бываетъ, что послѣ дождливой и теплой осени снѣгъ ляжетъ толстымъ слоемъ на незамерзшія размокшія болота и, перемѣшавшись съ грязью, образуетъ какую-то густую кашу, по которой нельзя ни въ бродъ перейти, ни въ лодкѣ съ волами переѣхать. Въ такихъ случаяхъ даже съ близкими сосѣдями не видятся по годамъ.

Жители Полѣсья, „полѣшуки“ или „пинчуки“, какъ ихъ называютъ въ минскомъ Полѣсьѣ (главнымъ образомъ юго-западной части его), равно весь общественный и домашній бытъ ихъ, вполне гармонируютъ съ общей фizioноміей края, представляя множество весьма характерныхъ особенностей. Населеніе Полѣсья состоитъ изъ тѣхъ же малороссовъ, бѣлороссовъ и частью литовцевъ, которые составляютъ населеніе и всего остального Западнаго края. Но, Боже, въ какомъ жалкомъ, въ какомъ ужасномъ состояніи находится до сихъ поръ злосчастный обломокъ мало- и бѣлорусскаго племени! На свѣжаго человѣка полѣшуки производятъ впечатлѣніе какихъ-то полудикихъ людей, однимъ видомъ своимъ вызывающихъ чувство глубокой и искренней жалости. Лица ихъ безпорядочно заросли волосами; съ головы спускаются длинные до плечъ всклокоченные волосы, которыхъ никогда не касался гребень; одѣянье полѣшука все изготовлено собственными средствами; оно крайне незамысловато и состоитъ изъ штановъ грубаго сѣраго холста, поверхъ которыхъ надѣта такая же рубаха, спускающаяся ниже колѣнъ; только по праздникамъ и въ холодное время года поверхъ этого костюма надѣвается, собственного же издѣлія, сѣрая шерстяная „свита“, длинная,

почти до земли. Обычную обувь полѣшука составляютъ лапти, дѣлаемыя изъ молодой липовой коры; „чоботы“ (сапоги), у кого они есть, надѣваются только зимой. На головѣ громадныхъ размѣровъ круглая соломенная шляпа или чаще шерстяная четырехугольная шапка. При встрѣчѣ съ вами полѣшукъ еще за нѣсколько шаговъ снимаетъ шапку, останавливается и униженно-почтительно кланяется чуть не до земли, произнося: „Хвала Богу“ или: „Помогай Богъ“. Если вы заговорите съ нимъ, то онъ обязательно подойдетъ къ вамъ и поцѣлуетъ вашу руку, а если вы спрячете ее, то край вашей одежды. Приниженность—это остатокъ польскаго владычества въ краѣ, когда весь западно-русскій народъ былъ низведенъ панамъ до степени безправнаго животнаго („быдла“), надъ которымъ всякій былъ властелиномъ и могъ издѣваться, требуя по отношенію къ себѣ незаслуженнаго наружнаго почтенія и подобострастія. Эта приниженность и подобострастіе въ другихъ западныхъ губерніяхъ уже значительно сгладилась, въ Полѣсьѣ же, удаленномъ и изолированномъ отъ внѣшняго вліянія, до сихъ поръ еще остается. Только въ городахъ и мѣстечкахъ полѣшуки уже начинаютъ мало-по-малу проникаться сознаниемъ человѣческаго достоинства.

Полѣсскій крестьянинъ такъ же сѣръ и убогъ, какъ и его природа; онъ вообще ко всему апатиченъ; ничто, кромѣ своего домашняго обихода, не интересуется его и онъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ потребностей. Питается онъ нельзя сказать, чтобы очень плохо, но и не хорошо; главную пищу составляютъ: хлѣбъ и борщъ, или крупеникъ, подправленный саломъ; говядину полѣшукъ ѣстъ только по праздникамъ. Жилища ужасныя; избы („хаты“) полѣшуконъ имѣютъ видъ хлѣва, построены изъ сырыхъ деревянныхъ брусевъ, кое-какъ сложенныхъ одинъ на другой и замазанныхъ глиной; половъ нѣтъ, двери косыя, окошечки маленькія, еле замѣтныя; крыты избы соломой или обтесанными топоромъ досками. Дымовыхъ трубъ во многихъ избахъ нѣтъ и дымъ изъ печи валитъ прямо въ комнату, отчего вся она закоптѣла и имѣетъ видъ обугленнаго дерева. Нерѣдко эти курныя избы освѣщаются еще лучиною, чаще же—особыми свѣтильниками, состоящими изъ глиняной трубы („камина“), спускающейся съ потолка; снизу къ этой трубѣ придѣлана жестянка, на которой разводится огонь, освѣщающій комнату. Только въ самое послѣднее время въ деревняхъ, расположенныхъ близъ городовъ и желѣзной дороги, стали появляться лампы. Въ городахъ и мѣстечкахъ избы стали строиться теперь лучше и просторнѣе; кое-гдѣ появились даже самовары и другія принадлежности „роскоши“. Но въ массѣ деревень и до сихъ поръ преобладаютъ курныя избы, тѣсныя, грязныя, сырыя; воздухъ въ нихъ настолько тяжелъ, что непривычный человѣкъ и нѣсколько минутъ не пробудетъ въ немъ. Немудрено, что въ Полѣсьѣ всегда распространены различныя болѣзни:

тифъ, дезинтерія, воспаленіе легкыхъ, лихорадка и пр., смертность отъ которыхъ достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ.

Особая, съ давнихъ временъ присущая Полѣсью (и, кажется, нигдѣ больше не встрѣчающаяся), форма страданія, извѣстная подъ названіемъ „колтунъ“, въ недавнее еще время была чрезвычайно распространена во всемъ краѣ, особенно въ болотныхъ частяхъ его. Теперь, сравнительно, уже довольно рѣдко попадаютъ страдающіе этою болѣзью, которая видимо исчезаетъ.

Болѣзнь эта состоитъ въ томъ, что всѣ волосы на головѣ наливаются кровью и, принимая отъ этого красноватый оттѣнокъ, сильно распухаютъ; при этомъ изъ нихъ выдѣляется клейкая жидкость, отчего они слипаются въ общую массу, образуя нѣчто въ родѣ волосняной шапки. Все это сопровождается сильными головными болями и часто чесоткой головы, до которой однако нѣтъ возможности добраться, чтобы почесать. Никакое мытье и никакіе медикаменты не въ состояніи раскленить и расправить волосы; образуемая ими шапка съ теченіемъ времени вырастаетъ все болѣе и болѣе, принимая разнообразныя формы и становясь все плотнѣе и тверже. Съ увеличеніемъ размѣровъ шапки увеличивается и тяжесть ея, достигая часто нѣсколькихъ фунтовъ. Я видѣлъ маленькихъ дѣтей съ огромными колтунами, подъ тяжестью которыхъ они прямо изнемогали.

Прилипчивость колтуна — вѣдъ всякаго сомнѣнія. Достаточно указать, что имъ страдаютъ часто цѣлыя семьи, а недавно еще въ сѣверной части Полѣсья были деревни, большая часть жителей которыхъ были поражены колтунами. Сколько времени продолжается колтунъ, опредѣлить трудно; обыкновенно съ нимъ живутъ очень долго, часто десятки лѣтъ; нерѣдко колтунъ завершается воспаленіемъ мозга и смертью. Излѣченіе, т.-е. удаленіе колтуна, невозможно. Проще всего, конечно, срѣзать шапку; но, во-первыхъ, операція эта ведетъ часто къ смерти, а во-вторыхъ, при благополучномъ даже исходѣ ея, черезъ нѣкоторый промежутокъ колтунъ вырастаетъ вновь.

Чрезвычайно также распространена въ Полѣсьѣ слѣпота, особенно въ болотныхъ мѣстностяхъ. Полѣсскіе слѣпцы — это цѣлый типъ, едва ли встрѣчающійся еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь есть цѣлыя поселки слѣпцовъ. Слепота обыкновенно проявляется у дѣтей на третьемъ-четвертомъ году, а затѣмъ уже никогда не проходитъ. Полѣсскіе слѣпцы не „жабруютъ“, т.-е. не нищенствуютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а живутъ хозяевами, занимаются земледѣліемъ и ручнымъ трудомъ; въ большинствѣ они семейные люди и ведутъ жизнь вообще трезвую и порядочную, развлекаясь, между дѣломъ, пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и музыкой на бандурѣ. Они отличаются нравственностью и религіознымъ усердіемъ. Въ каждомъ поселкѣ слѣпцовъ есть особо почи-

таемые святые, которымъ воздвигаются иконы и въ честь которыхъ совершаются праздники. На эти праздники приглашаются и посторонние, т.-е. зрячіе крестьяне, которые, сочувствуя несчастнымъ, приносятъ имъ угощеніе, а слѣпцы взамѣнъ этого угощаютъ ихъ водкой и медомъ, развлекаая при этомъ пѣніемъ и музыкой. Для устройства праздниковъ и завѣдыванія собираемыми для этого деньгами избирается особый староста. Крестьяне очень участливо относятся къ слѣпцамъ и приглашаютъ ихъ на свои праздники и вечеринки, во время которыхъ слѣпцы поютъ и играютъ. Кромѣ угощенья, крестьяне даютъ за это слѣпцамъ и деньги. Иногда слѣпцы, раздѣляясь группами по три-четыре человѣка, предпринимаютъ хожденіе по окрестностямъ, посѣщая ярмарки и базары, и всюду доставляютъ удовольствіе своими пѣснями и бандурами.

Для лѣченія своихъ недуговъ полѣшукі пользуются услугами обыкновенныхъ знахарей, переполняющихъ полѣскія села и деревни. Знахари эти также разыгрываютъ изъ себя профессиональныхъ эскулаповъ и нередко вступаютъ даже въ открытую конкуренцію съ сельскими фельдшерами и врачами. За лѣченіе взимаютъ кварту водки съ закуской и, кромѣ того, денежную плату отъ 30 к. до 1 руб. Во избѣжаніе подрыва практики другъ другу, каждый знахарь (или знахарка) избираетъ себѣ особую спеціальность, т.-е. лѣчитъ только опредѣленный родъ болѣзней: одинъ лѣчитъ рожу— „спалое рожу“, другой зубы— „зубы замовляе“, третій внутреннія болѣзни— „вітеръ видмувляе“ и т. д.

Одного изъ такихъ специалистовъ и приводятъ къ больному. Съ особенною важностью разспрашиваетъ онъ о ходѣ болѣзни, осматриваетъ больного, выслушиваетъ, постукиваетъ. Процедура продолжается, впрочемъ, недолго: нагнувшись разъ-другой надъ больнымъ и задавъ два-три вопроса, знахарь пресерьезно ставитъ діагнозъ болѣзни и приступаетъ къ лѣченію.

Самое лѣченіе, дабы придать ему характеръ богоугоднаго дѣла, всегда начинается молитвой, послѣ которой слѣдуетъ соответствующій болѣзни заговоръ-приговоръ; потомъ больной обкуривается травами и кропится водой. Уходя отъ больного, знахарь снабжаетъ его всевозможными травами, кореньями и иными медикаментами, а также различными предписаніями и наставленіями. Если же,—что очень часто случается,—несмотря на всю процедуру, больной все-таки умираетъ, то полѣшукъ никогда не обвинитъ знахаря: „якъ Бігъ захоче до Себе взяти, — говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ,— то вже і знахарь нічого не поможе, бо й вінъ усе робить съ Божіи воли. Вже, знати, пора пришла“...

И сколько такимъ образомъ погибаетъ людей! Нигдѣ мнѣ не приходилось наблюдать такой повальной тьмы невѣжества, суевѣрій и пред-

разсудковъ, какъ въ Полѣсьѣ! Вмеѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ, вѣроятно, народъ не хранитъ такъ упорно своихъ преданій, повѣрій, суевѣрій, сказаній и обрядовъ, какъ въ глухихъ дебряхъ Полѣсья, гдѣ весь складъ жизни особенно благопріятствуетъ живучести вѣковыхъ традицій. Вся жизнь полѣскаго крестьянина обставлена особыми вѣрованіями; не только важныя событія, но самыя незначительныя перемѣны въ жизни имѣютъ здѣсь особую суевѣрную обрядность, неизмѣнно охраняемую вѣками и переходящую отъ поколѣнія къ поколѣнію. Рожденіе, крещеніе, бракъ, смерть — все это, помимо христіанской обрядности, носить въ Полѣсьѣ особый характеръ, обставлено своею особою обрядностью, не имѣющею ничего общаго съ христіанствомъ.

Нѣтъ въ году праздника, съ которымъ полѣшукъ не связывалъ бы какого-нибудь преданія или повѣрія. Каждая часть года имѣетъ здѣсь своего особаго святого. Зимой — Рождество, или, какъ говорятъ полѣшукі, „коляда“, весной — Юрій, лѣтомъ — Иванъ-Купала и Илья Громоуикъ, осенью — „Катерина“. У зажиточныхъ хозяевъ собираются въ эти дни гости и устраиваются „вечерныці“, во время которыхъ происходитъ гаданье и сватанье молодыхъ парней и дѣвушекъ.

Отдаленность отъ городовъ и всякихъ другихъ культурныхъ центровъ, крайняя недостаточность народныхъ школъ, наконецъ и сама природа Полѣсья все это способствуетъ сохраненію здѣсь стародавнихъ суевѣрныхъ обычаевъ и повѣрій во всей ихъ полнотѣ и цѣлости.

Оригиналенъ, на примѣръ, обычай перепеченія дѣтей, на который мнѣ случилось натолкнуться въ минскомъ Полѣсьѣ. Зайдя случайно въ крестьянскую избу, я засталъ въ ней цѣлое многолюдное общество, толпившееся возлѣ только что истопленной печки, на „припечкѣ“ которой лежала груда горящихъ углей. Подойдя ближе къ печи, я такъ и остолбенѣлъ: тошая старая баба, какъ оказалось, изображающая собою повивальную бабку, старательно засовывала въ горячую печь длинную лопату, на широкомъ концѣ которой барахтался новорожденный нагой младенецъ! Не успѣлъ я вскрикнуть отъ ужаса, какъ онъ уже скрылся въ печи и, казалось, погибъ; какъ бабка, такъ и всѣ остальные присутствующіе, нагнувшись безмолвно къ печи, заглядывали въ нее, какъ бы наблюдая, какъ въ ней печется несчастный ребенокъ. Я уже готовъ былъ, нарушивъ общее безмолвіе, броситься къ злодѣямъ, чтобы спасти ребенка отъ ужасной смерти, но въ ту же минуту бабка быстрымъ движеніемъ выдернула лопату изъ печи; на концѣ ея попрежнему барахтался невредимый ребенокъ. Поднялся общій хохотъ и, сконфуженный, я отступилъ въ недоумѣніи...

Оказалось, что процедура эта, именуемая „перепеченіемъ дѣтей“, продѣлывается во многихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Полѣсья надо всѣми новорожденными дѣтьми. По повѣрію полѣшуконъ, „перепеченіе“ ре-

бенка гарантирует его на всю жизнь от всяких бѣдъ и напастей, происходящихъ отъ „сглаженья“. Бабка, производящая процедуру „перепеченія“, произноситъ слѣдующій заговоръ: „Мати Марія, Царица небесная! Ты спородила Самого Исуса Христа; самъ Исусъ Христосъ сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицы и рѣки, и озера установилъ. И тако же установи крѣпость у раба (такого-то) и сохрани его отъ призорныя причинныя болѣзни, отъ вѣтра, отъ воды и отъ всякія худобы“.

Среди множества подобныхъ странныхъ и бессмысленныхъ обычаевъ, основанныхъ на суевѣрїи, случается наблюдать въ Полѣсьѣ и обычаи болѣе симпатичные, свидѣтельствующіе о глубокомъ благочестїи полѣшуконъ. Никогда не забуду я того впечатлѣнїя, какое произвелъ на меня существующій во многихъ мѣстностяхъ южнаго (волинскаго) Полѣсья обычай общаго пѣнїя въ церквахъ. Характерную особенность этого благочестиваго обычая представляетъ то обстоятельство, что прихожане здѣсь поютъ не за псаломщикомъ и пѣвчими, какъ это принято въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ селахъ, а за священникомъ. вмѣстѣ со священникомъ здѣсь говоритъ вся церковь, а вмѣсто пѣвчихъ слышится одинъ только голосъ псаломщика. На свѣжаго человѣка это производятъ несказанно оригинальное впечатлѣнїе.

Наиболѣе характерную особенность семейнаго быта полѣсскихъ крестьянъ представляетъ его коллективизмъ. Крестьянская семья въ Полѣсьѣ — это воплощенїе консерватизма, который сказывается какъ въ патріархальности всего быта, такъ и въ особомъ глубокомъ почитанїи старшихъ, особенно стариковъ, представляющихъ собою здѣсь настоящихъ патріарховъ, которымъ подчинена вся семья. Никакихъ семейныхъ раздѣловъ здѣсь нѣтъ; все движимое и недвижимое имущество составляетъ собственность всей семьи, нерѣдко состоящей изъ 15—20 и болѣе душъ и управляемой старѣйшимъ членомъ ея. Безъ главы семьи не можетъ быть принято ни одно рѣшенїе и безъ его участія не обходится разрѣшенїе никакой семейной тяжбы; онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ члены семьи выполняли приходящїяся на ихъ долю работы, чтобы никто даромъ не ѣлъ хлѣба и никто не отступалъ отъ изстари установившихся порядковъ и обычаевъ. Этому влїянїю стариковъ, безъ сомнѣнїя, должно быть приписано то обстоятельство, что въ семейномъ быту полѣшуконъ царствуетъ полное благонравїе; здѣсь весьма рѣдки семейныя распри, особенно въ отношенїяхъ между дѣтьми и родителями, а также между мужемъ и женою. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ семьи у полѣшуконъ чрезвычайно многочисленны и что, несмотря на неблагоприятныя климатическія и почвенныя условїя, экономическое благосостоянїе ихъ довольно сносно. О малоземельи, снѣдающемъ крестьянство нашихъ внутреннихъ губерній, въ

Полѣсьѣ не имѣютъ и понятія; надѣлы громадны, нерѣдко достигаютъ 20 и болѣе десятинъ. Обиліе прекрасныхъ выгоновъ даетъ возможность держать большое количество скота; въ Полѣсьѣ не рѣдкость встрѣтить у крестьянина 10—15 головъ скота.

Полѣшуки разводятъ скотъ и продаютъ его на городскихъ и мѣстечковыхъ ярмаркахъ, что служитъ главнѣйшею основой ихъ благосостоянія, такъ какъ земледѣліе плохо вознаграждается. Оно находится здѣсь въ самомъ примитивномъ состояніи; какъ сотни лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь земля воздѣлывается все тѣми же орудіями—сохой и деревянной бороной; сѣмена не мѣняются, отчего урожаи скудны. Всякое нарушеніе вѣками сложившихся хозяйственныхъ традицій встрѣчается съ недовѣріемъ; никакія нововведенія и усовершенствованія не допускаются. До чего доходитъ въ этомъ отношеніи косность полѣшуконъ, показываетъ слѣдующій весьма характерный фактъ: одинъ крестьянинъ вмѣсто сохи сталъ пахать плугомъ и завелъ желѣзныя бороны; лучшая обработка земли стала давать ему лучшіе урожаи, и хозяйство его стало лучшее во всемъ околоткѣ. Такъ какъ въ то же время онъ, и какъ человѣкъ, отличался добропорядочностью и степенностью, то начальство представило его къ выбору на должность волостного старшины. Полѣшуки однако иначе взглянули на дѣло. „Что онъ за хозяинъ, когда пашетъ плугомъ!“ порѣшили они на сходѣ, и этого было достаточно, чтобы кандидатура его была единогласно отвергнута.

Здѣсь нѣтъ богатства, но нѣтъ и бѣдности; вы не встрѣтите здѣсь крестьянъ капиталистовъ, но не найдете той нужды и отчаянія, которыя нерѣдко приходится наблюдать въ другихъ мѣстахъ. Полѣшукъ всегда живетъ ровною жизнью; ему не извѣстны роскошь и житейскія удобства, но онъ совершенно не знакомъ съ нуждой; полѣшукъ, если хотите, даже богатъ, конечно относительно, насколько возможно богатство въ крестьянскомъ быту вообще; ему однако позавидуетъ и великорусскій и малорусскій крестьянинъ. Онъ, напримѣръ, круглый годъ ѣстъ сало; мясо также не составляетъ для него роскоши, за копейкой онъ не гонится, въ отхожіе промыслы онъ почти не ходитъ. Земли и лѣса много, и не будь полѣшуки такъ косны и неподвижны, они могли бы на своихъ надѣльныхъ земляхъ вести широкое и раціональное хозяйство. Но полѣшукъ относится къ дѣлу съ пренебреженіемъ; земледѣліе для него не составляетъ источника матеріальной выгоды, а служитъ лишь для удовлетворенія собственной потребности. Полѣшукъ самъ потребляетъ свой хлѣбъ, и если у него окажется избытокъ, то онъ не пускаетъ его въ продажу, а укладываетъ въ стогъ, на высокихъ деревянныхъ столбахъ (чтобы не замочила весенняя распутица и осенняя слякоть) и оставляетъ лежать до тѣхъ поръ, пока не явятся въ немъ нужда. Тогда онъ опять-таки самъ потребляетъ его. Такимъ образомъ,

полѣшукъ самъ обезпечиваетъ себѣ продовольствіе, и благодаря этому, даже въ години самыхъ большихъ недородовъ, онъ не знаетъ хлѣбной нужды и голода.

Кромѣ земельнаго и лѣснаго надѣла, полѣшукъ пользуется еще такъ называемымъ сервитутнымъ правомъ (существующимъ во всѣхъ западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ), т.-е. правомъ выпаса на помѣщичьихъ поляхъ и въ лѣсахъ. Это еще болѣе благопріятствуетъ скотоводческому хозяйству, и полѣшуки относятся къ нему съ особеннымъ предпочтеніемъ, хотя скотоводство, какъ и земледѣліе, вслѣдствіе от-

Бѣлорусы.

сутствія сбыта, не сулитъ здѣсь большихъ матеріальныхъ выгодъ. Скота у полѣшуконъ масса, и это составляетъ весьма прискорбный фактъ для мѣстныхъ помѣщиковъ: поля и лѣса ихъ всегда запружены крестьянскимъ скотомъ, который сплошь и рядомъ поѣдаетъ не только сѣно, но и хлѣбъ. И нѣтъ средствъ, нѣтъ возможности бороться съ этимъ зломъ, ибо помѣщикъ вѣдь одинъ, а дѣло ему приходится имѣть съ цѣлою „громадою“, а какъ говорятъ полѣшуки: „громада-то великій человекъ“!

Моральная сторона жизни полѣскаго крестьянина представляетъ еще менѣе утѣшительнаго, чѣмъ всѣ другія. Грамотные въ Полѣсьѣ—явленіе довольно рѣдкое, отчего разговорный языкъ полѣшуконъ чрезвычайно бѣденъ и мало понятенъ; здѣсь встрѣчаются различныя нарѣчія

(малорусское—въ волинскомъ Полѣсьѣ, бѣлорусское—въ минскомъ и литовское—въ гродненскомъ), но ни одно изъ нихъ не обращается въ чистомъ видѣ. Вѣрнѣе—въ Полѣсьѣ нѣтъ никакого опредѣленнаго нарѣчія, при совершенно оригинальномъ и весьма характерномъ акцентѣ. Языкъ полѣшуконъ вообще чрезвычайно грубъ и на непривычнаго человека производитъ весьма непріятное впечатлѣніе; въ немъ встрѣчается масса польскихъ словъ.

Народныхъ школъ въ Полѣсьѣ весьма мало, и грамотность здѣсь, если и подвигается впередъ, то во всякомъ случаѣ крайне медленно, едва ли замѣтно. Есть мѣстности (и не мало), гдѣ на двадцать верстъ въ окружности нѣтъ школы; что же касается хорошо поставленныхъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи школъ, то ихъ, кажется, и совсѣмъ нѣтъ въ Полѣсьѣ. Только въ городахъ и мѣстечкахъ школа составляетъ обязательный атрибутъ и, благодаря этому, народъ здѣсь замѣтно развитѣе и языкъ его болѣе понятенъ.

Послѣдствія этого, конечно, весьма печальны и проявляются—прежде всего и болѣе всего—во всевозможныхъ предразсудкахъ и суевѣрїяхъ, до сихъ поръ живо и сильно коренящихся въ народныхъ массахъ Полѣсья. Преданія старины, различные суевѣрные обычаи, порядки и повѣрья, переданныя дѣдами и прадѣдами, считаются закономъ, не подлежащимъ ни малѣйшимъ измѣненіямъ или исправленіямъ. Нарушить какой-нибудь дѣдовскій обычай—это значитъ совершить тяжкое преступленіе и навлечь на себя общую непрїязнь. Все, что не перешло прямо путемъ отъ дѣдовъ, упорно отвергается полѣшуконъ и привить имъ какое либо новшество или искоренить стародавній обычай рѣшительно невозможно. Даже въ отношеніи костюма полѣшуконъ строго держатся старины, и какія бы то ни было измѣненія въ костюмѣ не только порицаются, но и преслѣдуются.

Среди нихъ глубоко коренится вѣра въ разныя сверхъестественныя силы,—въ существованіе лѣшихъ, домовыхъ, русалокъ и пр. По повѣрью полѣшуконъ, въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ даже городѣ есть таинственныя лица—вѣдьмы и вѣдьмаки, пользующіеся репутаціей нечистыхъ и опасныхъ существъ и внушающіе мистическій страхъ всему мѣстному населенію. Въ глухую полночь гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ селѣ или за селомъ, встрѣчаютъ этотъ „вѣдьмакъ“ или вѣдьма человека, подступаетъ къ нему и спрашиваетъ: что онъ слышитъ, какой „голосъ“ ему теперь представляется? Хорошо, если въ это время ничего не слышишь; но горе тому, кто на вопросъ вѣдьмака дѣйствительно услышитъ какой-нибудь „гласъ“, напримѣръ, лай собаки, кваканье лягушки или что-нибудь въ этомъ родѣ,—такой человекъ уже погибъ навѣки: вѣдьмакъ опутываетъ его своими чарами и не отпустить даже душу на покаяніе. Самое лучшее средство въ такихъ слу-

чаяхъ—молчать, не смотрѣть на вѣдьмака, проходить мимо и благоговѣнно шептать: „да воскреснетъ Богъ“. Есть также въ Полѣсьѣ не мало „лихихъ“ людей, которые обладаютъ способностью „обвертаты хмару“ (т.-е. предотвращать бѣду), дѣлать „зажытыя закрутки“ въ полѣ и пр. Такимъ людямъ-волшебникамъ сгубить человѣка ничего не стоитъ, и ихъ поэтому слѣдуетъ особенно избѣгать.

Полѣсскія дѣвушки питаютъ особенный страхъ къ русалкамъ, которыя, по ихъ повѣрью, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы защекотать которую-нибудь изъ нихъ до смерти. Правда, о подобныхъ происшествіяхъ еще никто не слышалъ въ Полѣсьѣ, какъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но полѣшукамъ и нужды нѣтъ до этого: разъ вѣрили этому дѣду, должны вѣрить и они; вѣря же въ гибельность русалокъ, приходится невольно и бояться ихъ, изыскивая средства и способы для предохраненія себя. Лучшее средство въ этомъ случаѣ—въ „клячелну субботу“ выкупаться въ отварѣ изъ татарскаго зелья (особый родъ травы, растущей въ водѣ), при чемъ одна другую должны обварить кипяткомъ. Слѣдуя этому повѣрью, двѣ дѣвушки и задумали совершить купанье въ кипяткѣ съ татарскимъ зельемъ. Наложивъ его въ кадуюшку, дѣвушки стали грѣть въ печкѣ воду, и когда она закипѣла, одна изъ нихъ раздѣлась и влѣзла въ кадуюшку, другая же готова была вылить воду на голову подруги, но послѣдняя, испугавшись, встала и хотѣла выскочить изъ кадуюшки. Но въ это самое время услужливая подруга обдала таки ее кипяткомъ, выливъ часть его на грудь и животъ и приговаривая при этомъ:

Сусъ Христось купався,
Воды не боявся.
И ты зилемъ вымыйся
И русалки не бися.

— Ой! Ой!—завопила обваренная кипяткомъ. Но та, не обращая вниманія на крикъ, вылила на нее и остальной кипятокъ; обваренная съ ногъ до головы, несчастная упала, крича изо всѣхъ силъ: „Ратуйте, кто въ Бога вируе!“

— Ото дурня мазя, и кричить! Хиба жъ воно горячее? — недоумѣвала подруга.

Но черезъ минуту и сама ужаснулась, увидя, что все тѣло несчастной покрылось однимъ сплошнымъ пузыремъ.

— Ей-Богу, думала: воно не горячее! — начала увѣрять она, обливаясь слезами.

Всякую болѣзнь, неудачу или бѣдствіе полѣшукъ приписываетъ или кознямъ вѣдьмъ, вѣдьмаковъ, колдуновъ и вообще нечистой, таинственной силѣ или „злomu глазу“. Всякій пустой, но выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случай полѣшукъ встрѣчаетъ съ болѣзью, видя предвѣстіе како-

го-нибудь неблагополучія, вообще недоброе предзнаменованіе. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, „бусень“ (аистъ) выронилъ нечаянно изъ своего гнѣзда, устроеннаго на крышѣ хлѣбнаго сарая, дѣтеныша; заволновавшись, онъ сталъ летать вокругъ усадьбы крестьянина и, пролетая возлѣ дерева, неосторожно попалъ съ размаху головой въ раздвоенную часть его и удавился. Случай этотъ привелъ въ страшное смущеніе все село, и крестьяне, собравшись на сходку, порѣшили, что это весьма дурное предзнаменованіе, а именно, что „буде великій голодъ, бо бусень, выкинувъ бусенятка, и самъ съ бѣды повисъвся“. Рѣшеніе это повергло въ уныніе все село; никто не сомнѣвался, что урожая въ этомъ году не будетъ, и поэтому начали сберегать всѣ остатки стараго хлѣба. Только жатва, оказавшаяся обильной, разсѣяла общее смущеніе и уныніе. А когда случится, что у кого-нибудь замычитъ корова послѣ захода солнца, все село приходитъ въ волненіе и не спитъ ночи, ибо это, по общему понятію, предвѣщаетъ пожаръ.

Все это, конечно, свидѣтельствуетъ лишь о чрезвычайно низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія полѣскаго крестьянина и говорить о недостаточности правильнаго народнаго развитія въ этомъ забытомъ и обиженномъ уголкѣ русской земли.

По Западному краю.

(А. Субботина.)

Въ жаркое лѣтнее утро умчалъ меня поѣздъ изъ Москвы по направленію къ югу-западу. Быстро промелькнули передъ глазами родныя картины русскаго края. Вотъ Можайскъ съ его внушительнымъ соборомъ на крутомъ берегу Москвы-рѣки; рядомъ историческія мѣста, о которыхъ напоминаютъ желѣзнодорожныя станціи „Бородино“ и „Колочъ“; изъ оконъ вагона можно видѣть часовни Бородинскаго поля. Далѣе пошла Смоленская губернія съ ея волнообразными полями; стали мелькать смоленскіе мужички въ сѣрыхъ зипунахъ и большей частью въ лаптяхъ. Промелькнулъ Гжатскъ съ нѣсколькими массивными церквями; далѣе передъ глазами путешествующихъ картинно раскинулся славный городъ Вязьма, знаменитый своими пряниками, которые продаются тутъ же на станціи и, какъ обыкновенно бываетъ, — очень дорого. Затѣмъ по желѣзному мосту переѣхали мы Днѣпръ въ его верхнемъ теченіи; здѣсь онъ — небольшая рѣка въ 30 сажень ширины. Вечеромъ мы проѣхали мимо Смоленска, огни котораго мелькали на горахъ влѣво отъ желѣзной дороги, а утромъ слѣдующаго дня уже подѣзжали къ губернскому городу Минску.

Съ желѣзной дороги Минскъ не представляетъ внушительнаго вида; среди болотистой низменности, на небольшомъ холмѣ лѣпится довольно

большая группа домовъ, надъ которыми выдаются двѣ башни костела, зданіе тюремнаго замка и 5—6 церковныхъ куполовъ. Вообще, фізіономія довольно невзрачная. Куда наши русскіе губернскіе города, особенно древніе! Тѣ широко раскинулись со множествомъ церквей и садовъ, изъ зелени которыхъ вырисовываются бѣлыя казенныя зданія, неизбежныя присутственныя мѣста, соборъ, губернаторскій домъ и проч.

Какъ только мы вѣхали въ улицы города—съ перваго раза стало замѣтно, что еврейскій элементъ имѣетъ здѣсь сильное преобладаніе, что всѣ другіе ступеваются передъ нимъ: вотъ четыре еврея усердно мостятъ улицу, сидя на корточкахъ и укладывая булыжники; вотъ два еврея идутъ по дощатому тротуару и о чемъ-то оживленно разсуждаютъ, сильно жестикулируя руками. На углу стоятъ три еврея и также ведутъ разговоръ, несомнѣнно дѣловой, несмотря на раннее утро; дальше—группа еврейскихъ мальчиковъ бѣжитъ въ школу, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ кармана выглядываетъ скромный завтракъ, состоящій обыкновенно изъ двухъ ломтиковъ чернаго хлѣба, намазанныхъ гусинымъ жиромъ. Вотъ строится домъ и передъ вами необычное для жителей внутренней Россіи явленіе: работаютъ на постройкѣ евреи, мѣсятъ известку, кладутъ кирпичи, вонъ два еврея несутъ бревно, — все это нисколько не вяжется съ составившимся у насъ представленіемъ о неспособности евреевъ къ физическому труду. Идетъ старая еврейка съ корзиной фруктовъ на продажу, другая загоняетъ во дворъ козу—излюбленное домашнее животное евреевъ; они держатъ козу, какъ животное дешевое и неприхотливое, которое само находитъ себѣ кормъ; козье молоко евреи даютъ своимъ дѣтямъ, о которыхъ они очень заботятся и хлопочутъ.

Всякаго пріѣзжаго поражаетъ обиліе лавокъ, а особенно гостиницъ и постоялыхъ дворовъ или заѣзжихъ домовъ. Впрочемъ, гостиницъ въ нашемъ смыслѣ, съ отдѣльными нумерами, не такъ много; большая часть имѣетъ болѣе семейный характеръ. Многіе евреи, имѣющіе лавки или ремесленныя заведенія, отдѣляютъ въ своемъ домѣ или квартирѣ нѣсколько комнатъ „подъ гостиницу“. Въ подобныхъ гостиницахъ останавливаются знакомые, главнымъ образомъ изъ уѣздовъ, при чемъ въ одной комнатѣ помѣщаютъ по 5—10 человекъ, которые на комфортъ не претендуютъ; плата очень небольшая, да и та берется съ немногихъ. Большая часть постояльцевъ живетъ, а иногда получаетъ и пищу, даромъ; хозяинъ же заѣзжаго дома выгадываетъ на косвенныхъ доходахъ; такъ какъ почти всѣ пріѣзжіе являются по торговымъ дѣламъ, то хозяинъ служитъ имъ посредникомъ и получаетъ комиссію съ продавцовъ и съ покупателей.

Улицы города довольно чисты; всѣ онѣ вымощены, хотя и нешироки, съ удобными тротуарами изъ поперечныхъ дощечекъ. Живутъ здѣсь довольно просторно, хотя дворы и небольшіе. По пространству городъ

невеликъ, около 4 квадратныхъ верстъ; къ нему примыкаютъ предмѣстья, населенныя бѣднотой; одно изъ предмѣстій населено татарами. Окрестности довольно унылы,—съ двухъ сторонъ, недалеко отъ города, большія болота; настоящей рѣки нѣтъ: окаймляющая городъ небольшая рѣчка Свислочь запружена мельницами.

Минскъ—довольно важный центръ въ чертѣ еврейской осѣдлости; въ Минской губерніи считается болѣе 200 тыс. евреевъ или около $\frac{1}{3}$, всего ихъ числа въ Россіи, а въ самомъ городѣ изъ 70 тыс. жителей—около 50 тыс. евреевъ. Почти половина еврейскаго населенія живетъ торговлей. Обиліе и разнообразіе торговыхъ заведеній поражаетъ всякаго обывателя внутренней Россіи. Достаточно сказать, что на 3000 домовъ здѣсь болѣе 2000 торговыхъ заведеній, которыя, въ отличіе отъ чисто россійскихъ городовъ, разбѣяны по всему городу. Внутри Россіи торговля всѣми предметами роскоши и необходимости обыкновенно сосредоточивается въ центрѣ города, въ гостиномъ дворѣ, на главной улицѣ и около базарной площади, куда изъ другихъ частей города надо пройти значительное разстояніе. Въ еврейскомъ городѣ, даже на самыхъ окраинахъ, можно купить все необходимое, на удаляясь отъ своей улицы. Вообще, проходя и проѣзжая по Минску, изумляешься обилію лавокъ, торгующаго и промышляющаго люда; невольно задаешь себѣ вопросъ—кто же у кого покупаетъ? и разрѣшаешь этотъ вопросъ такъ: должно-быть покупаютъ другъ у друга—сапожникъ у булочника, портной у мясника, булочникъ у портного и т. д. Да оно почти такъ и бываетъ, ибо покупателя въ собственномъ смыслѣ, т.-е. такого, который самъ ничего не продаетъ, въ городѣ очень немного: служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, духовенство, военные и проѣзжіе паны—а всѣ эти лица въ суммѣ не составляютъ и $\frac{1}{10}$ населенія города. Еврей всегда стремится къ торговлѣ; даже ничего не имущіе, которые у насъ внутри Россіи стали бы заниматься нищенствомъ, норовятъ добыть товару на 50 коп.—1 руб., продадутъ его въ теченіе дня на 20—30 коп. дороже и на эти деньги прокармливаютъ себя, а часто и дѣтей; жену еврей кормитъ рѣдко, такъ какъ еврейки сами умѣютъ зарабатывать себѣ деньги, большей частью той же торговлей. На базарѣ особенно интересны мѣняльные лари—эти переносныя банкирскія конторы, неизвѣстныя въ русскихъ городахъ. У маленькихъ Ротшильдовъ, засѣдающихъ за этими ларями подъ сѣнью вылинявшаго зонта, таится довольно крупный капиталъ отъ 10 до 25 рублей, а иногда и болѣе; за промѣня 25-рублевой бумажки съ меня взяли 10 коп.

На базарѣ обыкновенно ступа непротолченная: литвины въ сѣрыхъ свиткахъ, русскіе мужички въ зипунахъ, солдаты, мѣщане и мѣщанки, евреи и всякій другой народъ не столько покупаютъ, сколько торгуются и толкаются. Вотъ куча мужиковъ-бѣлоруссовъ обступила молодого чисто

одѣтаго еврейчика, продающаго колесные скаты; еврейчикъ изо всѣхъ силъ старается доказать добротность своихъ скатовъ и ничтожность просимой цѣны—3 р. за скать, т.-е. за два колеса съ оковкою; мужики, не довѣряя его краснорѣчю, сосредоточенно берутъ колеса за шину, поднимаютъ аршина на два кверху и изо всей силы ударяютъ оземь, дабы убѣдиться въ ихъ несокрушимости, потомъ громко торгуются. Вонь нѣсколько евреевъ расхаживаютъ съ мѣшками по площади и подбираютъ сѣно; оказывается, что городъ сдаетъ имъ съ торговъ подбораніе сѣна; они платятъ извѣстную сумму, продаютъ подобранное сѣно и на эти жалкія средства существуютъ. Далѣе приказчикъ какого-то пана продаетъ двухъ добрыхъ коней. Скоро нашелся еврей-комиссіонеръ, привелъ покупателя, расхвалилъ достоинства коней и устроилъ сдѣлку, за что, конечно, получилъ вознагражденіе съ той и съ другой стороны. Такіе комиссіонеры или, какъ ихъ здѣсь называютъ, „факторы“ также составляютъ отличительную особенность западныхъ городовъ. Посредничество ихъ распространяется на всѣ сферы жизни: нужно ли кому что-нибудь купить, продать, заложить, достать, найти квартиру, добыть адресъ нужнаго лица, навести справки, отнести письмо и тысячи другихъ порученій—все это факторъ исполнить со всѣмъ усердіемъ и за относительно умѣренную плату.

Несмотря на неказистый грязный видъ дворовъ и запущенную внѣшность домовъ и на то, что большая часть евреевъ очень бѣдны, внутренность еврейскихъ жилищъ довольно опрятна. Комнаты большей частью выбѣлены и довольно чисты; самая обстановка какъ-то не согласуется съ общепринятымъ понятіемъ о еврейской нечистоплотности; у мало-мальски имущихъ евреевъ она довольно культурна, особенно по сравненію съ обстановкою крестьянъ и бѣдныхъ русскихъ мѣщанъ. Даже бѣдныя еврейскія хижины имѣютъ нѣсколько комнатъ, при чемъ всегда стараются отдѣлать одну чистую, другую—для спальни, а очагъ—отдѣльно. При входѣ въ домъ съ правой стороны двери на карнизѣ обыкновенно прибита наискось дощечка подъ стекломъ съ еврейскимъ знакомъ въ память дарованія евреямъ Моисеемъ скрижалей съ 10 заповѣдями. Въ чистой комнатѣ почти вездѣ встрѣчаются диванчики, комоды, лампы, шкапчики; но главная роскошь—кровать съ большимъ пуховикомъ и ворохомъ подушекъ; евреи вообще любятъ имѣть побольше рухляди (бебехъ) и гордятся обиліемъ постельныхъ принадлежностей. Почти вездѣ на стѣнахъ—портреты царской фамиліи и нѣкоторыхъ извѣстныхъ евреевъ; на столѣ и комодѣ мѣдные подсвѣчники, съ потолка иногда свѣшивается мѣдная люстра въ 6—8 свѣчей. Гордость каждаго еврея составляетъ обладаніе большой коллекціей религіозныхъ книгъ, которыя располагаются на полкѣ. Конечно, у самыхъ бѣдныхъ, кромѣ рванаго бебеха, ничего нѣтъ, но такихъ немного. Всѣ эти диваны, комоды, под-

свѣчники переходятъ по наслѣдству, дѣлаются, такъ сказать, „фамильными“, и еврей лучше будетъ голодать, чѣмъ продать ихъ въ случаѣ крайности.

Интересную картину представляетъ городъ въ субботу, въ день еврейскаго праздника „шабесъ“.

Начинается праздникъ съ вечера пятницы; передъ заходомъ солнца еврейки зажигаютъ маленькія сальныя свѣчки, такъ называемыя шабашовки; зажигаютъ не менѣе четырехъ, а чаще всего — болѣе. Какъ только солнце зайдетъ за горизонтъ—всѣ правовѣрные евреи отрѣшаются отъ своихъ земныхъ дѣлъ, бросаютъ свои „гандели“ и работы, запираютъ лавки, снимаютъ свои грязные костюмы и облачаются въ лучшее платье, затѣмъ—идутъ въ синагогу молиться, оттуда черезъ 1½—2 часа возвращаются домой и принимаются за пиръ. Въ пятницу вечеромъ каждый еврейскій городъ представляетъ довольно веселое и оригинальное зрѣлище; въ окнахъ мелькаетъ множество огней, на узкихъ улицахъ свѣтло, въ окна виднѣются фигуры характернаго семитическаго типа, занятыя ѣдою или чтеніемъ священнаго писанія; горятъ часто всѣ лампы и свѣчи, имѣющіяся въ домѣ, такъ что получается нѣчто въ родѣ иллюминаціи. Голодая цѣлую недѣлю, бѣдные евреи въ шабесъ наѣдаются до-отвала; вообще весь этотъ день, съ пятницы вечера до вечера субботы, еврей ѣстъ, отдыхаетъ, гуляетъ и молится; по талмуду ему строго воспрещено въ этотъ день что-нибудь дѣлать: онъ не можетъ ни торговать, ни писать, ни работать; нельзя также курить, раскладывать огонь, брать въ руку зажженную свѣчу или кипящій самоваръ, такъ что кушанье готовится въ пятницу; нельзя также евреямъ ѣздить, такъ что въ Минскѣ умолкаетъ шумъ экипажей. Затѣмъ — что всего интереснѣе—еврей не можетъ въ этотъ день держать при себѣ звонкой монеты, и болѣе благочестивые прячутъ на этотъ день деньги куда-нибудь подальше, а сами являються настоящими безсребрениками; менѣе благочестивые нашли себѣ лазейку, толкуя этотъ законъ такъ, что нельзя держать металлическихъ денегъ, а бумажныя можно. Вслѣдствіе запрещенія прикасаться къ презрѣнному металлу, еврей, если нужно ему въ субботу получить или отдать деньги, указываетъ мѣсто,—куда ихъ положить или откуда взять; только менѣе набожныя позволяютъ себѣ брать деньги въ полу скюртука. Ёда въ шабесъ — отборная: довольствуясь въ теченіе недѣли самой скудной пищей въ родѣ селедки, луку, чесноку и чернаго хлѣба, еврей въ шабесъ ѣстъ, хотя и мало-питательное, — „коширное“ *), но все-таки мясо, затѣмъ фаршированную шуку, приправленную лукомъ и перцемъ, кугель (родъ пудинга изъ

---

*) Мясо это отваривается, вымачивается въ водѣ, изъ него вынимаются жилы, такъ что оно теряетъ главныя питательныя части и дѣлается блесоватымъ.

муки, гусянаго жира и яицъ), цимисъ (соусъ изъ брюквы, моркови и др. кореньевъ), лапшу и непременно бѣлый хлѣбъ; конечно, у бѣдныхъ болѣе скромное количество блюдъ—чаще всего два: говядина и кугель.

Днемъ въ субботу еврейство появляется во всей красѣ; все что есть лучшаго—суконное, шелковое, бархатное, золотое, серебряное и даже брильянтовое—все это надѣвается, и на минскихъ бульварахъ вы видите такую публику, какъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ на гулянья. Самою расфранченою въ этотъ день является женская половина; еврейки въ будни часто ходятъ въ отрепьяхъ, а въ субботу надѣваютъ бархатныя пальто, шляпки, перчатки, цѣпочки и т. п.; вообще всякій старается выйти „не хуже другихъ“ и лѣзетъ изъ послѣдняго, чтобы только имѣть хорошій шабашовый костюмъ. При субботнемъ оживленіи, когда всѣ улицы Минска кишатъ евреями, благочиніе ничѣмъ не нарушается: нѣтъ ни криковъ ни пьяныхъ, ни скандаловъ, такъ что полиціи нечего дѣлать. Это особенно бросается въ глаза пріѣхавшимъ „изъ Россіи“. Остающіеся дома сидятъ такъ же чинно, семейно, многіе читаютъ „Docter-Buch“, т. е. лѣчебникъ; этотъ выборъ книги для чтенія объясняется любовью еврея къ лѣченію.

Интересно, что какъ только зайдетъ солнце въ субботу, еврей, нимало не медля, тотчасъ отпираютъ лавки, освѣщаютъ ихъ и сидятъ до поздней ночи, хотя у многихъ вовсе не бываетъ покупателей и они ночью, иногда въ часъ, запираютъ лавки безъ почину, но съ сознаниемъ, что они какъ бы исполнили свое назначеніе.

Изъ Минска я кружнымъ путемъ, черезъ Вильну, Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ, направился въ другой интересовавшій меня еврейскій центръ—Бердичевъ.

Мы проѣзжали по западной окраинѣ Гродненской губерніи: здѣсь преобладаютъ польскіе поселки. и кое-гдѣ бѣлѣются костелы; земля обработана хорошо, хотя на поляхъ видно очень много камня. Населеніе здѣсь зажиточное, луговъ и скота довольно; часто встрѣчаются стада овецъ и гусей; послѣднихъ разводятъ въ изобиліи еврей, въ пищѣ которыхъ гусяное сало служитъ важною составною частью, за мѣняя „трефное“ свиное сало.

За 20 верстъ отъ Бѣлостока мы переѣхали рѣку Наревъ въ ея верхнемъ теченіи и здѣсь впервые увидели типическую полѣсскую рѣку, непохожую на извилистыя, съ крутыми берегами, быстрыя рѣки и рѣчки внутренней Россіи. Здѣшнія рѣки похожи на стоячія озера; вода въ нихъ въ уровень съ берегами, такъ что береговъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ; съ перваго взгляда трудно даже вѣрится, что это рѣка, а не болото. Но еще страннѣе для насъ видѣтъ, какъ изъ этого болота торчатъ стога сѣна, много стоговъ—десятки и сотни, уходящіе вдаль, насколько хватаетъ глазъ. Эти затопленные весною стога оставляются до

тѣхъ поръ, пока вода сбудеть, иногда же прибываетъ дождевая вода, и тогда приходится возить сѣно на лодкахъ, оставляя часть на произволъ судьбы. И такихъ рѣчекъ довольно много; долины ихъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою тонкіе болотистые луга.

Далѣе мѣстность дѣлается все низменнѣе, луговая и лѣсная пространства становятся все обширнѣе, а пахотныя сокращаются; желѣзная дорога захватываетъ здѣсь юго-западный уголокъ того обширнаго треугольника, который принято называть Польсьемъ; мѣстность, хотя довольно населенная, имѣетъ унылый, захолустный видъ: густыя лиственные рощи и урочища, тихіе, сонныя поселки, низменные долины, неподвижныя рѣки и ручьи, плохія проселочныя дороги,—все это наводитъ уныніе, даже когда смотришь на нихъ изъ окна вагона. Здѣсь уже преобладаетъ апатичное бѣлорусское населеніе.

Только верстъ за полтораста къ югу отъ Бреста картина страны, по которой мы проѣзжаемъ, начинаетъ измѣняться: меньше лѣсовъ, больше обработанныхъ полей; сплошныя лѣса смѣняются перелѣсками, болотистыя тонкіе луга—широкими долами; бѣлорусскія приземистыя хатки постепенно исчезаютъ. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ мѣстность дѣлается все болѣе похожей на Малороссію; разстилаются черноземныя поля, мѣстность суше, больше хвойнаго лѣса, многочисленныя стада овецъ, бѣлыя хатки и приземистыя церкви; кое-гдѣ мелькнетъ обширная запущенная усадьба, свидѣтельствующая о былой широкой жизни прежнихъ польскихъ магнатовъ; по скатамъ долинъ и вдоль дорогъ разбросаны хаты, рѣдко составляющія сплошныя улицы; около селеній нерѣдко высятся ряды стройныхъ тополей, а къ избамъ примыкаютъ конопляники, огороды, фруктовые сады и крошечныя табачныя плантаціи.

Все чаще встрѣчаются кукурузныя поля, стали попадаться бахчи; золотистыя подсолнечники издали киваютъ головами. Постепенно одна за другой передъ нами развертываются веселыя картины малороссійскихъ угодій и сельскаго труда. Бѣлыя, чистыя хатки съ соломенными крышами, срѣзанными по угламъ уступами, какъ бы подъ гребенку, около хатъ садики, на озимяхъ тамъ и сямъ бѣлѣются стада гусей. Изрѣдка попадаются стада овецъ, охраняемыя сердитыми овчарками. Кое-гдѣ дубовыя рощи, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире раздвигаются черноземныя поля, уходящія до горизонта.

Мѣстность довольно оживленная; на поляхъ хохлы въ соломенныхъ шляпахъ, коричневыхъ свитахъ, сапогахъ, бритые съ усами, бабы въ бѣлыхъ рубахахъ и цвѣтныхъ юбкахъ; по дорогѣ ползутъ возы съ житою, изрѣдка попадетя еле живая телѣга, запряженная еле живою клячей, на которой ѣдутъ евреи. Отличіе этихъ мѣстъ отъ коренной Малороссіи въ томъ, что здѣсь почти не видать отдѣльныхъ уютныхъ

хуторовъ, нѣтъ также степныхъ балокъ, яровъ и крутояровъ, меньше зеленыхъ бахчей, въ полевыхъ работахъ больше лошадей и мало воловъ.

Кругомъ, куда ни кинешь взглядъ, видны только обработанныя поля, въ это время года рыхлыя, почернѣвшія, среди которыхъ обширные четырехугольники пашни изрѣдка чередуются съ зеленѣющими коврами люцерны и клевера. Иногда не видно ни малѣйшей возвышенности, ни одного дерева; поля тянутся до безконечности и сливаются съ линіей горизонта, округленной и рѣзко очерченной, словно на морѣ; только кое-гдѣ вырисовывается, какъ бы на краю неба, темная полоска небольшого лѣска. Кое-гдѣ видяется сосредоточенный мужичокъ-святель,

Бѣлорусская хата.

окутанный облачкомъ разлетающихся по воздуху зеренъ, а позади его медленнымъ и какъ бы осмысленнымъ ходомъ подвигается борона, зарывая зерна въ землю. И повсюду, въ убѣгающей перспективѣ полей, виднѣются люди; они кажутся издали крошечными черными силуэтами, даже простыми темными черточками, все болѣе и болѣе уменьшающимися.

Житель южной части Волыни отличается болѣе общительнымъ характеромъ; и во виѣшности, и въ домашнемъ его бытѣ проглядываетъ нѣкоторое стремленіе къ удобствамъ жизни. Мазанка его построена болѣе аккуратно. Одежда зимою состоитъ или изъ суконной свитки, или изъ овчиннаго полушубка. Лѣтомъ—бѣлый холщевый кафтанъ; обувь—преимущественно сапоги.

Благодаря подворному владѣнію хаты здѣсь разбросаны просторнѣе, такъ что рискъ въ пожарномъ отношеніи гораздо меньше, чѣмъ во внутренней Россіи. Для скота здѣсь устраиваются особыя закуты, и обычай держать въ избахъ молодой скоть и птицу мало распространенъ.

Здѣшніе крестьяне крѣпко стоятъ за свои интересы, а въ дѣловыхъ отношеніяхъ проявляютъ не мало хитрости. Прикидываясь часто простаками, они въ то же время не прочь провести болѣе довѣрчивыхъ пановъ и евреевъ; народъ, какъ говорится, „себѣ на умѣ“. Другая ихъ черта — любовь къ сутяжничеству и жалобамъ.

Кромѣ крестьянъ, здѣсь живутъ еще нѣмецкіе колонисты, общее число которыхъ въ Волынской губерніи достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Большая часть колоній по внѣшнему виду не походитъ на поселенія коренныхъ жителей. Каждый колонистъ старается расположить свою усадьбу въ срединѣ принадлежащаго ему участка; вслѣдствіе этого колонія представляетъ группу строеній, неправильно разбросанныхъ среди лѣса. Улицъ не существуетъ; ихъ замѣняютъ дорожки, проложенныя отъ одной усадьбы къ другой. Жилища колонистовъ отличаются чистотою; большинство жилыхъ помѣщеній состоитъ изъ 2 — 4 и болѣе комнатъ. Самый участокъ земли, занимаемый колонистомъ, содержится въ примѣрномъ порядкѣ. Всюду проведены каналы, устроены прочныя изгороди, раздѣляющіе участокъ по угольямъ. Какъ бы ни были малы владѣнія, но въ нихъ есть и пашня, и огородъ, и сѣнокосъ, и выгонъ, и клочокъ лѣса. Живутъ эти колонисты зажиточно. Многіе изъ нихъ успѣли уже составить значительное состояніе, приобрѣсти въ собственность цѣлыя имѣнія, въ которыхъ устраиваютъ паровыя мельницы, фабрики и заводы.

Къ вечеру на другой день мы пріѣхали въ Бердичевъ.

Бердичевъ издали имѣетъ видъ русскаго города. Центральная часть его расположена выше другихъ частей; на самомъ возвышенномъ мѣстѣ красуется каменная пожарная каланча, бѣлокаменный православный соборъ ординарной архитектуры съ одноглавымъ куполомъ, а немного въ сторонѣ старинный костелъ. Около нихъ — сплошныя каменныя постройки центральной части города; а кругомъ сгруппированы приземистыя грязныя строенія, какъ въ слободахъ нашихъ русскихъ городовъ; разница лишь та, что строенія болѣе скучены и зелени почти нѣтъ; только ближе къ вокзалу выдѣляется густая зелень большого сада у еврейской больницы. Если смотрѣть издали на массу здѣшнихъ домовъ, то все имѣетъ сѣрый, грязный колоритъ; вечеромъ же постройки на краю города представляются чѣмъ-то въ родѣ темныхъ навозныхъ кучъ. Даже ясный солнечный день не въ силахъ скрасить унылой фазіономіи города. Бердичевъ не имѣетъ большихъ зданій. Въ центрѣ почти сплошныя каменныя постройки, болѣею частью двухъэтажныя,

многія выкрашены въ яркіе цвѣта: зеленый, голубой, розовый, что придаетъ имъ своеобразный оттѣнокъ. Въ нецентральныхъ частяхъ города дома больше отноэтажные въ три и четыре окна, многіе покосившіеся и съ выбитыми стеклами; на окраинахъ и предмѣстьяхъ — жалкія мазаки, не заслуживающія названія жилищъ человѣческихъ; да и значительное число ихъ вовсе не пригодно для жилья, и только бѣдный еврей рѣшается ихъ нанять, нерѣдко рискуя быть погребеннымъ подъ развалинами своей хибарки. На всѣхъ зданіяхъ города лежитъ печать упадка и обветшанія; все какъ-то опустылось, новыхъ построекъ не создается, старыя плохо поддерживаются.

Городъ занимаетъ небольшое пространство, не болѣе 4 квадратныхъ верстъ, и въ немъ считается 11 улицъ и до 80 переулковъ; главныя улицы вымощены крупнымъ булыжникомъ, и ѣзда по этой мостовой сопряжена съ довольно неприятными ощущеніями. Остальные улицы и переулки въ сырое время года представляютъ собою обширныя тонкія пространства, такъ что невольно дивишься, какъ справляются съ этими пространствами здѣшніе еврейчики въ ихъ плохой обуви. Тротуаровъ въ городѣ, можно сказать, не существуетъ; только въ торговыхъ частяхъ есть нѣкоторый намекъ на нихъ, да около лавокъ узкія полоски; въ остальныхъ частяхъ города только около нѣкоторыхъ домовъ набросаны плиты и крупные камни, представляющіе немалую опасность для ногъ обывателей, такъ что и въ этой части города если и существуютъ тротуары, то не для того чтобы по нимъ ходить, а чтобы ихъ обходить. Впрочемъ, обыватели предпочитаютъ ходить прямо по улицѣ, а по тротуарамъ ходить не принято. Освѣщеніе существуетъ только на главныхъ улицахъ въ видѣ тусклыхъ фонарей; большая часть города погружена во мракъ, что еще болѣе усиливаетъ гнетущее впечатлѣніе, производимое Бердичевымъ. Это зависитъ и отъ того, что освѣщеніе не на главныхъ улицахъ возлагается на самихъ домохозяевъ въ видѣ особой натуральной повинности, при оскудѣніи же домохозяевъ повинность эта почти не выполняется.

Городъ лежитъ при болотистой рѣкѣ Гнилопяди, одно названіе которой даетъ неутѣшительное представленіе объ ея санитарныхъ свойствахъ; при городѣ рѣка эта запружена и обширный прудъ служитъ главнымъ разсадникомъ заразы: въ него сваливаются нечистоты, мусоръ, трупы животныхъ и т. п.; въ немъ стираютъ бѣлье, поятъ и купаютъ скотъ; въ этой же желтоватой жижѣ купаются и люди. Судя по всему этому, Бердичевъ долженъ былъ бы сдѣлаться гнѣздомъ всякихъ болѣзней; если же онъ не сдѣлался имъ, то отчасти благодаря открытой мѣстности, на которой расположенъ; съ другой стороны, населеніе большую часть дня проводитъ на улицѣ, а не внутри своихъ жилищъ.

Бердичевъ — одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ уѣздныхъ городовъ

Россійской имперіи. Интересно однако при этомъ, что земля, на которой онъ стоитъ, принадлежит не городу, а нѣсколькимъ богатымъ помѣщикамъ. Такіе „владѣльческіе“ города, представляющіе собой остатки старины, еще не рѣдкость въ Западномъ краѣ. Всѣ городскіе дома выстроены на арендованной землѣ, и владѣльцы ея взимаютъ съ жителей особый сборъ, такъ называемый „чиншъ“, при чемъ размѣръ его не опредѣленъ закономъ, а зависитъ отъ прихоти владѣльцевъ, и пожелай послѣдніе — они могли бы заставить горожанъ переселиться на другое мѣсто. Кромѣ того, они имѣютъ монополію предметовъ первой необходимости: всѣ жизненные продукты и товары, вступающіе въ городъ, все, продаваемое и покупаемое внутри города, обложено пошлиною въ пользу владѣльца, который сдаетъ эти сборы на откупъ. Жители, кромѣ чинша, должны платить и за ввозъ и вывозъ товара, за право торговли скотомъ, за убой скота, съ каждаго воза, вѣзжающаго въ городъ, и т. д., всего по 30 статьямъ.

Торговое значеніе Бердичева весьма важно, хотя въ настоящее время годъ отъ году клонится къ упадку; а между тѣмъ еще лѣтъ 30 — 40 тому назадъ оборотъ здѣшней торговли опредѣлялся въ 40 милліоновъ рублей. Предметы здѣшней торговли весьма разнообразны: можно сказать, что въ Бердичевѣ торгуютъ рѣшительно всѣмъ и продадутъ даже птичьяго молока, лишь бы былъ куртажъ комиссіонеру. Это разнообразіе можно видѣть изъ того, что во время моего пребыванія въ Бердичевѣ туда было прислано изъ Кременчуга 15 пудовъ ювелирной пыли, т.-е. пыли, подметенной въ ювелирныхъ заведеніяхъ; эта пыль здѣсь тщательно очищается, и изъ нея извлекаются микроскопическія цѣнности.

Торговое значеніе Бердичева ясно уже при одномъ бѣгломъ обзорѣ его торговой площади, всей мѣстности около русскаго собора, костела и прилегающихъ къ нимъ улицъ; только въ самыхъ большихъ губернскихъ городахъ можно встрѣтить такое обиліе торговыхъ заведеній; на пространствѣ болѣе полуверсты тянутся сплошныя каменные постройки, гдѣ низы заняты лавками, а верхи — транспортными, банкирскими, комиссіонными, нотаріальными и другими конторами.

Рядомъ съ правильной торговлей прежде здѣсь процвѣтали контрабанда и другіе темные промыслы. Этому благопріятствовали извѣстныя бердичевскія катакомбы. Здѣшніе подземные коридоры и переходы были устроены раньше для сокрытія имущества, женъ и дѣтей во время частыхъ набѣговъ казаковъ, татаръ и др., которые не привыкли церемониться съ поляками, а тѣмъ паче съ евреями. Потомъ это, такъ сказать, политическое значеніе катакомбъ утратилось, и онѣ получили другое назначеніе, какъ склады контрабанды и воровскихъ вещей. Но въ послѣднее время и это значеніе упало; большая часть подземныхъ хо-

довъ засыпана землей, только нѣкоторые служатъ еще подвалами для торговыхъ заведеній.

Почти $\frac{3}{4}$ еврейскаго населенія Бердичева влачатъ жалкое существованіе, перебиваясь со дня на день. Такой отчаянной нищеты, какъ въ Бердичевѣ, нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ изъ городовъ Юго-западнаго края. Мы имѣли случай осмотрѣть бѣднѣйшіе еврейскіе кварталы города, такъ называемые Пески и Качановку.

Представьте себѣ сотни лачугъ, около которыхъ, какъ говорится, ни кола, ни двора; лачуги эти стоятъ въ нѣсколько рядовъ по одинокѣ, по двѣ, по три, раздѣляются узкими переулками въ 3—4 аршина шириною, гдѣ постоянно струятся потоки грязной воды, сюда же выливаются помои, выкидываются отбросы и т. п. Можно подумать, что эта часть города только что испытала непріятельскую бомбардировку; нѣкоторые дома безъ крышъ, съ развалившимися постройками, съ треснувшими стѣнами, съ выступившими на нихъ пятнами, съ обвалившеюся штукатуркою. вмѣсто дворовъ и садовъ—грязныя лужи и кучи мусора; кое-гдѣ на стѣнахъ развѣшано невообразимое тряпье, не имѣющее названія на языкѣ человѣческомъ, но исполняющее должность одежды. Къ этому надо прибавить, что эти предмѣстья лежатъ ниже центральной части города, откуда стекаютъ въ нихъ грязныя воды, отъ чего самыя окраины Бердичева какъ бы заболачиваются. Большая часть этихъ лачугъ видимо не знаетъ, что такое ремонтъ, и годъ отъ году все больше разваливается; не менѣе $\frac{1}{4}$ всего количества можно признать опасными для обитанія. Сломка этихъ невозможныхъ жилищъ производится каждый годъ и всегда вызываетъ плачъ и стenanія.

Внутри—грязныя, невыбѣленные стѣны, корявый полъ съ распатанными половицами, пустота; стѣны голыя, не видно ни субботника, ни книгъ, ни утвари; вмѣсто мебели — жалкія скамьи и столъ; въ большинствѣ жилищъ нѣтъ кровати и во многихъ нѣтъ бебеха, а вмѣсто него свалено на полу какое-то тряпье; вообще, о томъ стремленіи къ комфорту, какое замѣчается въ бѣднѣйшихъ жилищахъ другихъ еврейскихъ городовъ и мѣстечекъ, нѣтъ и помину; на всемъ лежитъ печать подавленности и безнадежности. А между тѣмъ среди этой грязи и кучъ тряпья, подъ еде живыми потолками копошится новая жизнь; многочисленные смуглыя ребятишки шныряютъ подъ ногами.

Бѣдность и нищета кладутъ свою неизгладимую печать и на нравственный строй здѣшнихъ жителей. Въ общемъ мнѣніи бердичевскіе евреи считаются по своимъ качествамъ хуже евреевъ другихъ мѣстностей. Не говоря уже о ихъ жалкомъ внѣшнемъ видѣ, объ отчаянной погонѣ за каждой копейкой, вся эта упорная борьба за существованіе заставляетъ многихъ изъ нихъ прибѣгать къ довольно неразборчивымъ средствамъ, къ обходамъ закона, къ мелкимъ преступленіямъ и къ другимъ

крайнимъ способамъ, которые даютъ возможность хоть несправедливымъ путемъ нажать сколько-нибудь, чтобы поддержать свое жалкое существованіе, а иногда и существованіе цѣлаго семейства.

Великоруссы.

(А. Педашенка и И. Сырнева.)

Великоруссы, составляющіе большую часть населенія Московской области и вообще центральной Россіи, — въ общемъ довольно видный, стройный и красивый народъ. Они средняго роста, по большей части съ русыми волосами; попадающіеся среди нихъ брюнеты не такъ черны и не имѣютъ такихъ рѣзкихъ чертъ лица, какъ южные славяне. Глаза чаще сѣрые; брови—то тонкія, какъ шнуры, то густыя, „соболиныя“; темная бровь нерѣдко отгнѣяетъ синій глазъ; попадаются и черноглазые блондины. Носъ правильный, довольно крупный, но не широкій. Цвѣтъ кожи бѣлый и изрѣдка немного смуглый; волосы гладкіе или слегка вьющіеся, и въ зрѣломъ возрастѣ — большая, окладистая, кудреватая, золотисто-русая борода.

Великорусское населеніе Московской промышленной области и верхняго Поволжья съ давнихъ поръ отличается большою предприимчивостью, энергіей и подвижностью. Благодаря этимъ качествамъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области, развилась промышленность, какъ крестьянская кустарная, такъ и фабричная, а также торговля. Здѣсь же получили наибольшее развитіе и отхожіе промыслы. Нѣтъ такого занятія, нѣтъ такой профессіи, къ которымъ бы не приспособился смѣтливый, сообразительный, оборотливый великоруссъ Московской области. Въ одной лишь Ярославской губерніи различныхъ видовъ отхожаго промысла насчитывается свыше 150. Необыкновенною способностью отличается населеніе этой области и къ торговлѣ. Едва ли еще откуда-нибудь выходитъ такая масса лавочниковъ, сидѣльцевъ, половыхъ, офиціантовъ, маркеровъ и т. п. Всѣмъ извѣстны также владимірскіе и ярославскіе офени и приказчики обѣихъ столицъ.

Самый распространенный типъ современнаго великорусскаго жилища— это бревенчатая изба, аршинъ 10 въ длину и ширину, съ двумя-тремя окнами на улицу, иногда еще „волоковыми“, прежде часто и съ топкой по черному, но теперь обыкновенно съ трубой, съ двухскатной крышей, соломенной или тесовой, въ зависимости отъ зажиточности обитателей и отъ богатства лѣсомъ данной мѣстности. Иногда изба снаружи, окна и ставни бывають украшены рѣзбой или расписными карнизами. Изба чаще бываетъ въ одно жилье, т. е. состоитъ изъ одной жилой комнаты съ снѣжниками и клѣткою (холодная комната, часто безъ оконъ), иногда безъ клѣтки; рѣже изъ двухъ избъ—бѣлой и черной (зимней), соединенной снѣжниками, съ под-

полеми или подкѣльтеми—мѣстомъ храненія разныхъ припасовъ, овощей, молока и пр., требующихъ низкой температуры. Это уже цѣлый домъ, называемый, впрочемъ, также избой, но составляющій принадлежность болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Очень богатые устраиваютъ дома двухъэтажные.

Къ избѣ всегда примыкаетъ дворъ, съ воротами, навѣсами и съ надворными постройками, обыкновенно не особенно опрятный, какъ и самая изба; около избы—огородъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ развито садоводство, плодовый садъ. Избы располагаются обыкновенно въ одинъ или два ряда вдоль улицы, а на противоположной сторонѣ или позади ихъ—амбары, за ними сарай, овины и бани, которыя топятъ по-черному.

Внутреннее убранство крестьянскихъ домовъ также несложно: въ переднемъ углу божница, т.-е. мѣсто, гдѣ стоятъ иконы, посрединѣ избы большая кирпичная или глинобитная русская печь, столъ, лавки, скамейки, полаты для спанья; по стѣнамъ иногда лубочныя картины— вотъ и все. Окна въ домахъ вырубаются маленькія, чтобы держалось зимой тепло въ избѣ, отчего и днемъ царитъ въ ней полутьма. Чистота и опрятность въ домахъ, особенно у населенія исключительно земледѣльческаго, представляютъ рѣдкое явленіе. Особенно неприглядный видъ имѣетъ деревенская изба зимой, когда она бываетъ наполнена нечистымъ, почти негоднымъ для дыханія воздухомъ. Маленькія, плотно запертыя окна препятствуютъ доступу вѣшняго воздуха, смѣшанное дыханіе всѣхъ членовъ семьи, спящихъ на печи и на полатяхъ, а иногда и домашнихъ животныхъ заражаетъ атмосферу душнаго и тѣснаго жилища; свѣжій воздухъ проникаетъ только черезъ двери, быстро открываемыя, лишь когда обитатели выходятъ на улицу. Отъ неопрятности распложаются на печи и въ деревянныхъ стѣнахъ избъ въ громадномъ количествѣ тараканы, отъ которыхъ избавляются однимъ только средствомъ—вымораживаніемъ. Степень зажиточности и культурности населенія, разумѣется, отражается и на жилищѣ, и на всемъ вѣшнемъ бытѣ. Такъ, въ приволжскихъ и пріокскихъ селеніяхъ, жители которыхъ занимаются рѣчными промыслами (капитаны, лоцмана, водоливы, матросы, рыболовы и пр.), виднѣются всюду высокія помѣстительныя постройки, крытыя тесомъ или дранью, съ чистыми стеклами въ окнахъ, украшенныхъ рѣзными ставнями. Стѣны здѣшнихъ крестьянскихъ избъ, оклеенныя обоями, разукрашены картинками и фотографіями близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Полы выкрашены въ желтую краску. Чистота и опрятность составляютъ принадлежность этихъ домовъ. Каждая крестьянка моетъ свою избу разъ, а нерѣдко и два раза въ недѣлю обязательно. Все это однако не мѣшаетъ иногда присутствію даже въ такихъ чистыхъ избахъ порядочнаго количества клоповъ, бороться съ которыми крестьяне еще не чувствуютъ особенно настоятельной необходимости.

Спятъ эти зажиточные крестьяне уже не на печи и полатяхъ вповалку, какъ это бываетъ у населенія исключительно земледѣльческаго, а на особыхъ кроватяхъ, за ситцевыми пологами.

Одежда мужского населенія состоитъ изъ пестрядинной, ситцевой или кумачной на выпускъ рубашки съ косымъ воротомъ, съ ластовицами и подоплевой (подкладка до половины туловища), узенькаго пояса подъ животъ и также пестрядинныхъ или тиковыхъ портовъ, поверхъ которыхъ надѣваются нанковыя или плисовые шаровары; на ногахъ—сапоги или очень рѣдко лапти, а зимой валенки; сверху армякъ, серяга, кафтанъ съ подпояской или кушакомъ, иногда жилетъ, поддевка, а зимой полушубокъ или тулупъ; на головѣ картузь, шапка или малахай. Женскій костюмъ составляютъ: бѣлая рубаха съ короткими и широкими, собранными на концахъ рукавами, цвѣтной сарафанъ или понява, шушунъ, душегрѣйка или шугай, передникъ; теплое платье—шубка со сборками позади или длинная шуба съ откиднымъ мѣховымъ воротникомъ; на головѣ платокъ съ завязанными напередѣ или назади концами или другіе разнообразныхъ формъ уборы, смотря по мѣстностямъ, наконецъ, ожерелье, бусы, запястье, серьги.

Въ одеждѣ и мужской, и женской очень сильно сказывается вліяніе городской и фабрично-заводской цивилизаціи. Все болѣе и болѣе начинаетъ входить въ употребленіе платье нѣмецкаго покроя. Мужчинамъ особенно по вкусу пришелся „пинжакъ“ или „спинжакъ“. Фабричные щеголи носятъ кромѣ того „жалетку“ и брюки на выпускъ, ходятъ „при цѣпочкѣ, при часахъ“; на ногахъ носятъ смазные сапоги со скрипомъ и съ калошами даже въ сухую погоду. Въ женскомъ костюмѣ народный сарафанъ также въ массѣ случаевъ замѣняется нѣмецкой юбкой съ лифомъ и съ кофтой „въ талью“, а въ верхнемъ платьѣ получаютъ распространеніе пальто, бурнусы и драповыя кофты. Изъ украшеній употребляются сережки, кольца и перстни, чаще серебряныя, рѣже золотыя. Въ праздничные дни, къ довершенію своихъ нарядовъ, дѣвушки носятъ воротнички и мажеты, на головахъ шелковыя и шерстяныя полушали, на ногахъ козловые полусапожки.

Пищу великорусса составляютъ: ржаной хлѣбъ, щи, похлебка, гречневая и пшенная каша, молоко, картофель, огурцы, капуста, рѣдька и другіе овощи, изрѣдка, по праздникамъ—мясо, пироги, блины, оладьи, ватрушки и другія произведенія крестьянской стряпни; напиткомъ служитъ квасъ, а за послѣднее время все большее и большее распространеніе получаетъ чай. Самоваръ сдѣлался уже необходимою принадлежностью почти каждой семьи, и чаепитіе съ хлѣбомъ иногда замѣняетъ и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Чаю выпивается громадное количество, съ сахаромъ „вприкуску“, при чемъ сахаръ крестьяне стараются покупать „покрѣпче“ и расходуютъ его чрезвычайно малое количество.

Что касается внутренней жизни современного великорусскаго крестьянина, его семейнаго быта, то въ настоящее время въ нихъ происходятъ большія перемѣны. Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, проведеніе цѣлой сѣти желѣзнодорожныхъ путей и громадное развитіе фабрично-заводской промышленности измѣнили въ корнѣ прежнія экономическія условія жизни крестьянства и нарушили старыя, патріархальныя формы его быта. Въ жизнь крестьянина съ неотразимою силою ворвались новыя вѣянія, вліянія городской и фабричной культуры. Насмотрѣвшись въ Петербургѣ и Москвѣ „разныхъ чудесовъ“, познакомившись съ трактирною жизнью, крестьянинъ принесъ съ собою въ

Великорусская изба.

деревню и новыя пѣсни, и новыя прихоти въ костюмѣ и лицѣ, и новыя взгляды, и языкъ со множествомъ чуждыхъ населенію земледѣльческой деревни словъ.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ современной крестьянской семьѣ,—это семейные раздѣлы. Крайне рѣдкіе въ старину, раздѣлы теперь сдѣлались самымъ зауряднымъ явленіемъ, такъ что создалась даже пословица: „сегодня женился, а завтра отдѣлился“. Главными причинами раздѣловъ является стремленіе младшихъ членовъ семьи къ самостоятельности, неравномѣрность заработка различныхъ членовъ семьи, уходящихъ изъ дома на фабрики или въ отхожій промыселъ, и вызываемое этимъ разнообразіемъ занятій различіе между членами одной

семьи. Если въ хозяйственномъ отношеніи эти раздѣлы и влекутъ за собой иногда обѣднѣніе семьи, то во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ раздѣлы приносятъ значительную пользу.

Особенно благотворно отразилось распаденіе большой семьи на положеніи женщины, которая больше всего испытывала на себѣ вліяніе патриархальнаго гнета. Пока она была въ дѣвушкахъ, ея назначеніе, весь смыслъ ея существованія заключался въ томъ, чтобы уйти изъ своей семьи въ чужую, выйти замужъ. По выходѣ замужъ она вступала въ чужую семью и цѣнилась здѣсь только какъ работница; въ остальномъ же, по отношенію къ новой семьѣ, она была лишь невѣстка, сноха. Масса народныхъ пѣсенъ, которыя и теперь еще, въ качествѣ остатка старины, поются во время различныхъ свадебныхъ церемоній, масса пословицъ и поговорокъ показываютъ отношенія, существовавшія между мужнинымъ родомъ и чужой женщиной, вошедшей въ него въ качествѣ невѣстки, при чемъ слово „невѣстка“ вызываетъ цѣлый рядъ самыхъ тяжелыхъ представлений. „Чужая дальняя сторона“, которая всюду „горемъ посѣяна“ и печалью загорожена, и слезами поливана, и тоской покрывана, что „тоскою-кручиною“; „лютый свекоръ со свекровью, что медвѣдь съ медвѣдицей“, при чемъ первый только и дѣлаетъ, что „журить-бранить“, а послѣдняя „больше бить велить“; „лихія золовки-смутьянки и колотовки“, „досвери-насмѣшники“, — все это неразрывно связано съ понятіемъ „невѣстки“ и прекрасно характеризуетъ положеніе женщины въ большой патриархальной семьѣ. Отсюда ясно, какъ много выиграла въ нравственномъ смыслѣ крестьянская женщина отъ распаденія большой семьи.

Въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ произошли также большія перемѣны. Личность дѣтей, не имѣвшая прежде никакого значенія даже въ такомъ вопросѣ, какъ бракъ, теперь все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ права. Старики рассказываютъ, какъ вѣнчали ихъ, бывало, съ „незнаемой“ дѣвушкой, подсовывали кривыхъ, больныхъ и уродовъ. Теперь другое дѣло; и „хитрѣй“ сталъ молодой народъ: съ немилкой и на канатѣ не введешь его въ церковь“. Еще меньше принималась прежде въ расчетъ личность дѣвушки и съ ней уже совсѣмъ не церемонились. „Дѣвка такой товаръ, что залежится, совсѣмъ съ цѣны спадетъ“, думалъ глава семьи и спѣшилъ поскорѣе выдать ее замужъ, а за кого—объ этомъ ее не спрашивалъ: „мое дѣтище, хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю“. Въ случаѣ протеста „дѣтища“ нерѣдко пускали въ ходъ плетку или просто ременный недоуздокъ, чтобы вразумить дуру и вселить въ ея сердце доброе расположеніе къ сватающемуся жениху. Теперь не то. Правда, въ отношеніи дѣвушки и теперь еще чувствуется давленіе патриархальнаго строя: многія изъ нихъ и закинутыя не смѣютъ предъ родителями о своемъ сердечномъ выборѣ и

выходятъ замужъ за „немилаго“; тѣмъ не менѣе нерѣдко бываетъ, что дѣвушка настаиваетъ на своемъ и выходитъ именно за того, кто ей нравится. Власть родительская совсѣмъ уже сводится на нѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ совершается на сторонѣ, а это—нерѣдкое явленіе въ мѣстностяхъ съ сильно развитыми отхожими промыслами. Заѣхавши въ чужую сторону, молодые люди зачастую и женятся тамъ, выбирая себѣ невѣсту на всей своей волѣ, по личнымъ своимъ вкусамъ и симпатіямъ. Согласіе родителей спрашивается письменно, только для проформы, и то нерѣдко съ многозначительной оговоркой: „а коли вы не благословите, такъ Богъ благословитъ“.

Браки совершаются въ раннемъ возрастѣ, особенно среди земледѣльческаго населенія. Рѣдко можно встрѣтить невѣсту за 20, а жениха за 25 лѣтъ. На возрастъ жениха имѣетъ большое вліяніе отношеніе молодыхъ людей къ воинской повинности: если у парня нѣтъ льготы, то женитьба обыкновенно откладывается до „жеробья“, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ домъ крайне нужна работница.

Для сближенія между собой деревенской молодежи существуютъ такъ называемыя „посидѣлки“—вечернія сборища, устраиваемыя въ осеннее и зимнее время, иногда поочередно у молодыхъ дѣвицъ деревни, а чаще въ особыхъ, свимаемыхъ для этой цѣли у бобылокъ избахъ, а лѣтомъ—гулянки, хороводы. На этихъ послѣднихъ ведутся разныя игры, поются пѣсни; а въ мѣстностяхъ, куда проникло уже городское вліяніе, подъ визгъ гармоніи или подъ собственныя пѣсни деревенская молодежь танцуетъ „кадрель“, „вальць“, „ланцьетъ“, при чемъ „цивилизованность“ доходитъ до того, что извѣстны даже такія тонкости, какъ „гранъ-ро“ и „шенъ-шинау“. Парни приносятъ угощенія, разныя сласти, пьютъ и вино.

Городская и фабрично-заводская „цивилизациія“ оказала вліяніе и на народную поэзію: появилась лишенная поэзіи фабрично-городская пѣсня. Она извѣстна въ народѣ подъ названіемъ „частушки“, „сбирушки“, „вертушки“. По формѣ своей „частушка“ представляетъ пѣсенку въ двѣ, три, пять и рѣдко болѣе строкъ. Налѣвъ ихъ въ большинствѣ случаевъ однообразный, мелодія—бѣдная по замыслу, съ пошлымъ отгѣнкомъ, распѣваемая хоромъ въ унисонъ. Поются онѣ чаще всего на деревенскихъ „посидѣлкахъ“, какъ пѣсни плясовые; иногда же ихъ поютъ и такъ, вперемежку съ протяжными пѣснями. Однѣ изъ частушекъ представляютъ безсмысленный рифмованный наборъ словъ, а другія довольно вѣрно характеризуютъ теперешнюю народную жизнь. Содержаніе частушекъ весьма разнообразно; въ нихъ народъ, хотя и поверхностно, откликается на всѣ явленія современной жизни, высказываетъ имъ свое сочувствіе или несочувствіе, критикуетъ ихъ, иронизируетъ надъ ними. Вотъ, напримѣръ, какъ „частушка“ характеризуетъ вліяніе фабрикъ и заводовъ на населеніе:

Ахъ, заводъ ты мой, заводъ,
Перепортилъ весь народъ!

А вотъ и плоды заводского вліянія:

Жилъ намерянъ я на мызѣ,
У такого-то купца,
У такого-то купца,
У злодѣя подлеца.
Получалъ денегъ не мало,
Сотъ до восемь рублей въ годъ;
Да възъ ихъ мнѣ не хватало
Шестидесять внести въ оброкъ.
Вотъ пришло такое время:
— Куда денежки дѣвать?
— Куда гривну, куда рупь,
Куда два съ полтиной вдругъ.
Я съ кушцомъ своимъ расчелся—
Ничего мнѣ не пришлось,
Я съ хозяйкой расчитался—
Получать не довелось.

На посидѣлкахъ молодые люди знакомятся другъ съ другомъ и намѣчаютъ себѣ своихъ „суженыхъ“. Главнымъ предметомъ фабричныхъ частушекъ служить любовь, предметъ любви—„милка“, его или ея достоинства и недостатки, отношенія между молодыми людьми и пр. Напр.:

Протяну я ленту алу
Прямо къ Невскому вокзалу,
А другую—голубую—
Прямо къ милкѣ въ писарскую.

Или:

Я свою-то милую
Чѣмъ-нибудь да докорю,
Либо ножикомъ зарѣжу,
Либо вилкой запорю.
Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свою милку...

Въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, стоящихъ вдали отъ вліянія большихъ городовъ и фабрично-заводскихъ центровъ, почти цѣликомъ сохранился свадебный обрядъ. Бракъ повсюду начинается сватовствомъ. Намѣтивъ для сына своего невѣсту, родители жениха засылаютъ къ родителямъ невѣсты сваху, обыкновенно одну изъ тетокъ жениха, которая свачала старается разными аллегоріями и намеками вывѣдать настроеніе родителей невѣсты, и, если оно благопріятно, докладываетъ о результатахъ жениху и его родителямъ, послѣ чего начинается уже формальное сватовство. Родители жениха снаряжаютъ двухъ сватовъ. Получивъ болѣе или менѣе благопріятный отвѣтъ, сваты просятъ родителей невѣсты пріѣхать къ ихъ „купцу“, „домъ и богатство у него посмотрѣть“. Въ отвѣтъ на это приглашеніе мать невѣсты, вмѣстѣ съ какой-нибудь

родственницей, а то и съ самой невѣстой, отправляются смотрѣть домъ и хозяйство жениха. Она безъ церемоніи обходитъ избу, клѣти, амбаръ,

Крестьяне-великоруссы изъ Пермской губерніи.

высматриваетъ, сколько запасено хлѣба. Приготовляясь къ осмотру, женихъ старается показать свое хозяйство въ лучшемъ видѣ, для чего

прибѣгаетъ подчасъ и къ подлогу, показывая чужой хлѣбъ, чужой скоть, чужое богатство, взятое на время. Если мать невѣсты осталась всѣмъ довольна, она приглашаетъ жениха съ его родней къ себѣ, если же нѣтъ,—приглашеніе не дѣлается, и тогда сватовство разстраивается.

При благопріятномъ ходѣ сватовства жениховы родители отправляются къ невѣстѣ сами, часто въ сопровожденіи жениха, а мѣстами и многочисленной свиты родныхъ, и съ своей стороны подробно осматриваютъ „товарь“—невѣсту. Это называется „смотринами“. Одновременно съ этимъ происходитъ и „сговоръ“, „ряда“. При сговорѣ родители жениха и невѣсты уговариваются, „рядятся“, о такъ называемой „кладкѣ“, т.-е. о платѣ, которую долженъ внести за невѣсту ея роднѣ женихъ, ладятъ между собою дѣло, бьютъ по рукамъ и пропиваютъ невѣсту. Обычай кладки въ Московской области существуетъ почти повсемѣстно. Исключенія составляютъ лишь мѣстности, гдѣ жизнь сложилась уже на мѣщанскій ладъ, какъ, напримѣръ, офенская округа Владимірской губерніи. Здѣсь женихъ не только не платитъ денегъ за невѣсту, а, напротивъ, все болѣе входитъ въ обычай, чтобы невѣста приносила съ собою не только имущественное, но и денежное приданое, какъ это водится въ городахъ, въ купеческой и мѣщанской средѣ. Кладка въ общемъ бываетъ довольно значительна и колеблется въ предѣлахъ отъ 10 до 100 рублей. Она идетъ обыкновенно на заготовленіе приданого самой же невѣстѣ, на поунку нарядовъ ей и жениху и даже родственникамъ послѣдняго и на устройство свадебнаго пира.

Когда родители жениха и невѣсты рѣшаютъ окончательно вопросъ о кладкѣ, совершается молитва и „рукобитье“, соединенное обыкновенно съ выпивкой. Рукобитье—пропой—въ крестьянскомъ быту считается дѣломъ большой важности, и отказаться послѣ него отъ брака признается грѣхомъ.

Свадьбы обыкновенно играютъ въ осенній мясоѣдъ, т.-е. въ октябрѣ и ноябрѣ до начала Рождественскаго поста, и въ промежутокъ времени отъ Крещенія до Великаго поста.

Ко дню свадьбы, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты избираются свадебные „чины“. Главную, наиболѣе дѣятельную роль между ними играетъ выбираемый съ жениховой стороны „дружка“. На него возлагается обязанность главнаго распорядителя свадебнаго церемоніала; онъ долженъ угощать и развлекать гостей и руководить всѣми дѣйствіями неопытнаго въ свадебныхъ обрядахъ молодого. Въ помощь ему иногда назначается и „поддружье“. Довольно видная роль принадлежитъ въ свадебныхъ церемоніяхъ и свахамъ.

Наканунѣ дня свадьбы у невѣсты устраивается „дѣвичникъ“, на который собираются не только всѣ знакомые дѣвушки и парни, но и вся родня жениха и невѣсты. Молодежь проводитъ время въ пѣсняхъ и

играхъ, пожилые бесѣдуютъ и выпиваютъ, а невѣста съ женихомъ сидитъ молча за столомъ. Пѣсни, которыя поютъ дѣвушки, назначаются какъ для жениха и невѣсты, такъ и всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ въ брачной церемоніи лицъ—дружекъ, свахъ и даже поѣзжанъ. Это называется „величаніемъ“, которое обыкновенно оплачивается деньгами.

Въ день свадьбы въ домѣ невѣсты и жениха идетъ дѣятельное приготовленіе къ предстоящему торжеству. Невѣсту „обряжаютъ“ къ вѣнцу, при чемъ это дѣло совершается торжественно—съ крестомъ, молитвой и разными церемоніями; жениха благословляютъ хлѣбомъ-солью. Послѣ благословенія женихъ, напутствуемый пожеланіями родныхъ, отправляется поѣздомъ въ домъ невѣсты. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ сохранился еще обычай преграждать жениху доступъ въ домъ невѣсты; передъ поѣздомъ запираютъ ворота или сѣни, и, чтобы попасть въ избу къ невѣстѣ, женихъ долженъ платить выкупъ или давать на водку. Проникнувъ въ избу, женихъ долженъ откупить еще мѣсто возлѣ невѣсты на лавкѣ, подъ иконами.

Послѣ торжественнаго благословенія обоихъ женихъ и невѣста приготовляются къ отъѣзду въ церковь, при чемъ невѣста во многихъ мѣстахъ, вѣроятно отъ „сглаза“, закрываетъ лицо платкомъ. Держится до сихъ поръ обычай и преграждать путь свадебному поѣзду. Во Владимірской губерніи молодежь въ каждой деревнѣ, черезъ которую слѣдуетъ поѣздъ, устраиваетъ на околицѣ „заваль“—настоящія баррикады изъ бревенъ, хвороста и соломы. Подъѣхавъ къ такому завалу, поѣздъ, разумѣется, останавливается. Навстрѣчу ему выходятъ парни и пропускаютъ только тогда, когда выторгуютъ четверть ведра или штофъ водки.

Послѣ вѣчанія, иногда въ самой церкви, а иногда уже по возвращеніи домой, происходятъ „крученье“ молодой—замѣна дѣвичьей прически новобрачной женскою. Встрѣчаютъ новобрачныхъ хлѣбомъ-солью родители, которые, по обыкновенію, въ церковь во время вѣчанія не ѣздятъ, благословляютъ молодыхъ и обсыпаютъ хмелемъ, чтобы жилось весело, и житомъ, чтобы жилось богато. Когда всѣ соберутся, садятся за обѣдъ, при чемъ, для огражденія молодыхъ отъ порчи, во многихъ мѣстахъ къ обѣду приглашается священникъ, который читаетъ молитву. Но на ряду съ этимъ часто приглашаютъ и колдуна, съ цѣлью задобрить темныя силы, при чемъ его особенно ублажаютъ, чествуя и угощая предпочтительно предъ всѣми.

Народныя вѣрованія великоруссовъ, съ одной стороны, до настоящаго времени носятъ еще на себѣ слѣды древнихъ языческихъ религіозныхъ представленій, а съ другой—отличаются приверженностью къ вишней сторонѣ религіи, къ обрядамъ. Отсюда—сохранившееся въ народѣ до сихъ поръ двоевѣріе; на ряду съ правильными религіозными представленіями—масса суевѣрій. Отсюда же и расколъ съ его стремленіемъ

спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляет часто не болѣе какъ грамматическій вопросъ.

Такъ, народъ вѣритъ, что мѣръ сотворенъ Богомъ изъ ничего, что Богъ сотворилъ мѣръ въ 6 дней и т. д. Но рядомъ съ этими вѣрваніями существуютъ и другія, а именно: существуетъ искаженное преданіе о сотвореніи міра Богомъ совмѣстно съ дьяволомъ; сохранились первобытныя представленія о стихіяхъ и силахъ природы. Солнце—дѣвица, у нея есть мать; или солнце, морозъ и вѣтеръ—братья. Радуга—существо одушевленное; ее Богъ „пускаетъ съ неба“ для того, чтобы набрать „запасъ воды для дождя“; радуга „пьетъ“ воду изъ моря. Гроза объясняется повѣзкой по небу св. Ильи и даже Самого Бога, съ цѣлью гнать бѣсовъ, которые въ это время прячутся и въ людей, и въ животныхъ, и въ растенія, даже въ корни деревьевъ; вотъ почему человѣку необходимо во время грозы творить молитву, иначе бѣсъ можетъ схорониться въ немъ, и св. Илья, преслѣдуя бѣса, можетъ убить и человѣка. Громъ происходитъ какъ отъ стука колесъ огненной колесницы, такъ и отъ метанія стрѣлъ. Весь мѣръ, по народному представленію, населенъ добрыми и злыми существами, но злыми больше, чѣмъ добрыми. Въ лѣсу живетъ лѣшій, въ водѣ—водяной, русалки и т. д. Лѣшій въ представленіи крестьянъ имѣетъ двойственный характеръ: то онъ является сильнымъ, страшнымъ духомъ, отъ котораго не всегда можно избавиться даже при помощи молитвы, похищающимъ скотъ, муку и пр., то онъ нисходитъ въ разрядъ простого народнаго чорта, глуповатаго, котораго умный мужикъ можетъ легко провести. Такое же отношеніе существуетъ и къ водяному и къ другой „нечисти“. Въ ряду добрыхъ духовъ первое мѣсто принадлежитъ домовому, который иначе называется еще „дворовымъ“. Домовой тѣсно связанъ съ домашнимъ очагомъ, съ хозяйствомъ мужика и является духомъ-покровителемъ семьи, виновникомъ преуспѣянія и обогащенія крестьянскаго двора, причиной семейнаго довольства; онъ же покровитель и домашняго скота.

Средствомъ защиты отъ вреднаго дѣйствія злыхъ духовъ служатъ заговоры, существующіе повсемѣстно, особенно среди женскаго населенія деревни. Они имѣютъ наибольшее распространеніе въ мѣстностяхъ глухихъ и удаленныхъ отъ центровъ. Тамъ заговоры встрѣчаютъ человѣка съ момента появленія его на свѣтъ и провожаютъ до самой могилы. Едва ребенокъ родится, бабка-повитуха произноситъ надъ нимъ уже заговоръ, моетъ его, потомъ завертываетъ въ подолъ и на три зори выноситъ его изъ избы, приговаривая: „заря-зарица, красная дѣвица, Крикса, Фокса, возьми свой крикъ, подай младенцу (имя рекъ) сонъ“. Случится ли у младенца родимецъ,—его парятъ, продѣваютъ сквозь лѣстницу и говорятъ: „Тихонькій, тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ младенцемъ (имя), ломайся надъ лѣстницей“. Существуютъ заго-

воры и молитвы отъ всякаго рода болѣзней, отъ „сглаза“, отъ порчи колдуновъ, отъ нечистой силы, начальниковъ и недобрыхъ людей, съ цѣлью „присухи“, „остуды“ и т. д.

Вѣря въ разнаго рода злыхъ духовъ, народъ признаетъ и существованіе посредниковъ между ними и людьми, каковыми являются колдуны и вѣдмы. Это—люди, обладающіе, по представленію народа, таинственными знаніями и способностями или находящіеся въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Они насылаютъ болѣзни, „портятъ“ людей, сводятъ ихъ въ могилу; испорченный начинаетъ чахнуть или дѣлается припадочнымъ, „кликушей“. Порча производится посредствомъ травъ, собираемыхъ ими подъ Ивана-Купала, или съ помощью наговоровъ на пищу или питье, или посредствомъ заклинаній надъ вещью, принадлежащею ихъ жертвѣ, наконецъ посредствомъ осыпанія наговорною солью порога жилища того лица, которое хотятъ испортить. Болѣзни они могутъ „пустить“ и по вѣтру. Съ колдуномъ можно иногда войти и въ соглашеніе и при помощи его таинственныхъ средствъ заставить желаемаго человѣка полюбить себя или возненавидѣть кого-либо. Кромѣ этихъ „приворотовъ“ и „отворотовъ“, колдунъ можетъ быть еще полезенъ при отысканіи пропавшей вещи—указаніемъ похитившаго лица или мѣста, гдѣ находится пропажа.

Изъ жизни деревни.

(Н. Златовратскаго.)

Въ одномъ изъ центральныхъ губернскихъ городовъ я нанялъ лѣтніе роспуски и, минуя желѣзную дорогу, рѣку (не судоходную), громадную пойму, залегшую по берегамъ этой рѣки, углубился въ чащу лѣса, съ котораго начинается уѣздная глушь. Послѣ четырехъ часовъ ѣзды я поднялся на довольно высокую гору, на которой былъ расположенъ погостъ Благовѣщенскій (Саяницы тожъ).

Большая бѣлая каменная церковь, вокругъ которой тѣснились только дома и избы причта, господствовала надъ всею окрестностью. Былъ жаркій полдень майскаго дня. Вѣтеръ не дунетъ. Кругомъ невозмутимая тишина. На огромномъ разстилавшемся передо мною пространствѣ только изрѣдка мелькали фигуры мужиковъ, да на склонахъ холмовъ, справа и слѣва, отдыхали неподвижно стада. Даже собакъ не было слышно, только едва доносился говоръ ребятишекъ, купавшихся въ озерѣ. Но видъ этой погруженной въ безмолвіе мѣстности былъ безподобный.

Внизу, подъ горой погоста, разстилалась широкая равнина; двумя чуть замѣтно переходившими одна въ другую террасами спускалась она къ рѣкѣ. По первой, примыкавшей къ подошвѣ горы, были расквиты деревни: одна, двѣ, три, четыре... Я насчиталъ около семи. Двѣ по

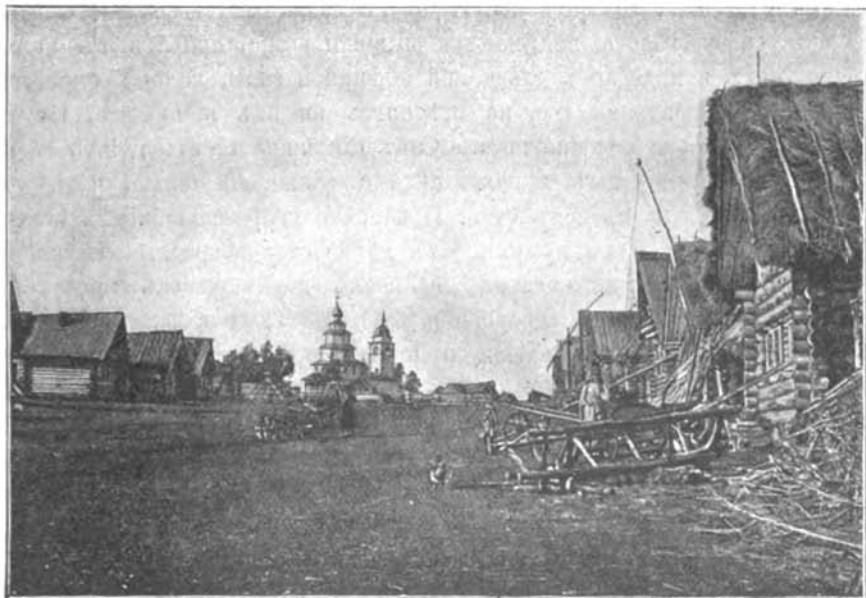
бокамъ озера, три другихъ тянутся одна за другой, съ небольшими перерывами, четвертая пріютилась въ узкой лощинѣ между холмами, пятая чуть мелькаетъ изъ-за рощи. Между ними — поля, поля и поля, кое-гдѣ чередуясь кочковатымъ лугомъ, перелогомъ, кустарникомъ, гдѣ-то далеко переходящими въ синѣющій лѣсъ... А вотъ между двумя деревнями одиноко и картинно высится кучка уцѣлѣвшихъ сосенъ, для чего-то и къмъ-то охраняемая полуразрушенною городьбой. Вторая терраса — сплошь широкая, однообразная пойма.

Черезъ недѣлю я уже окончательно поселился въ одной изъ этихъ деревень, Ямы, въ избѣ дѣда Матвѣя.

Деревенька Ямы была очень небольшая и притомъ построена такъ правильно и просторно, что видна была вся, какъ говорится, на ладони, съ котораго пункта на нее ни смотри. Стройка въ ней идетъ въ два ряда, между которыми проходитъ проселочная дорога, не трактовая, а обыкновенная „межполевая“ дорога, соединяющая нѣсколько деревень. Черезъ 3 — 4 избы сдѣланы проулки, въ которыхъ кое-гдѣ насажены ивовые колья, пустившіе жидкіе отростки. Такіе же каждую весну „прозябающіе“ и съ осенью вновь погибающіе ивовые стволы торчатъ и вдоль лицевого фасада избъ. При нѣкоторыхъ избахъ имѣются даже огороженные палисадники, въ которыхъ цвѣтутъ шиповникъ, бузина и волчья ягода. Въ большинствѣ же случаевъ всякія насажденія вдоль улицы погибаютъ отъ скотины. Загородки, при безлѣсѣ, стоятъ дорого, да и тѣсно отъ нихъ.

Деревня стоитъ у озера, и оба ряда избъ непосредственно начинаются отъ ручейка, впадающаго тутъ же въ озеро. Около устья ручья сгрудились по мокрому, болотистому берегу бани — пять-шесть низенькихъ срубовъ, безъ трубъ, съ наваленной на потолки соломой. Въмѣсто оконъ прорублены только дыры и дверь. Бани не запираются. Въ нихъ всегда можно войти. Согнувшись, вы входите въ предбанникъ, не проконопаченный, съ большими щелями въ стѣнахъ. Въ немъ едва можно повернуться одному человѣку. Изъ предбанника пролѣзаете въ собственно баню, въ которой съ трудомъ можно сдѣлать два шага. Стѣны всѣ черныя отъ копоти. Небольшая печка, кадка для воды, чугуны, лавка у стѣны и полокъ. Полокъ представляетъ собой нѣчто чрезвычайно рискованное. На козелкахъ изъ жердей положены двумя приступами доски. Верхняя полка подходит такъ близко къ низкому потолку, что на ней можно только лежать, но никакъ не сидѣть. Какъ это ухитряются мужики не только просто мыться, но и наслаждаться процессомъ паренья на полкѣ, совершенно непонятно... Вслѣдъ за банями, гдѣ почва уже нѣсколько выше уровня озера и не такъ мокра, начинаются избы. Вотъ первая избушка, какъ будто спихнутая напоромъ цѣлаго ряда избъ къ низу косогора, въ болото: это изба мѣстной торговли-бобылки,

у которой деревенская молодежь находить всякую дрянь въ свое удовольствіе, какъ-то: подсолнухи, пряничныя жамки, орѣхи и т. п. Вотъ вторая изба, богатая и разношерстная. Первая половина у нея каменная, некрашенная, двухэтажная, крытая желѣзомъ; внизу кладовая съ желѣзною дверью. Вторая половина избы деревянная, крыта тесомъ; на-конецъ, сѣни и дворъ крыты соломой. Это изба большой, не раздѣленной зажиточной семьи. Дальше — нѣсколько обычныхъ деревенскихъ избъ, обычнаго „обстоятельнаго крестьянства“, которыя привѣчаютъ подъ своей полудеревянной, полусоломенной кровлей: стариковъ, отца или мать, большака-сына, бородатаго и сердитаго хозяина, хлопотливую

Великорусская деревня.

жену-хозяйку и цѣлую стаю бѣловолосыхъ ребятшекъ; а на дворѣ — единственную лошадь, флегматичную и смирную клячу, корову, низенькую, некрасивую, съ обломанными рогами и навязаннымъ на шеѣ чеснокомъ, бодливую телушку съ взъерошенною шерстью на бокахъ и запачканнымъ хвостомъ и съ пятокъ овецъ съ облѣзлыми боками...

Мой пріѣздъ въ деревню совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда сельскохозяйственная дѣятельность какъ будто замираетъ, ожидая, что вотъ дня черезъ три-четыре, а можетъ черезъ недѣлю, не нынче-завтра, вдругъ на вечерней сходкѣ, передъ ужиномъ, мужики надышатся, посмотрятъ на чистое небо, снимутъ шапки, перекрестятся и положатъ рѣшеніе „выходить завтра въ луга“. Поужинаютъ и лягутъ всѣ значи-

тельно раньше. Значить, наступила „страда“. Это было именно время передъ страдой, когда посѣяно уже яровое, когда травы еще не вошли въ сокъ, когда мужикъ „править соху“ и „нагуливаетъ силу“. Въ это время больше всего бываетъ и сходокъ: мужикъ торопится прикончить всѣ стороннія полевой работѣ дѣла.

Вотъ уже второй день, какъ у насъ идетъ сходъ за сходомъ. Посмотришь въ окно, то въ одномъ концѣ деревни, то въ другомъ толпятся хозяева, старики, ребятишки; одни сидятъ, другіе стоятъ передъ ними, заложивъ руки за спины и внимательно кого-то слушая. Этотъ кто-то махаетъ руками, изгибается всѣмъ туловищемъ, кричитъ что-то весьма убѣдительно, замолкаетъ на нѣсколько минутъ и потомъ опять принимается убѣждать. Но вотъ вдругъ ему возражаютъ, возражаютъ какъ-то всѣ, сразу, голоса поднимаются выше и выше, кричатъ въ полное горло, какъ и подобаетъ для такой обширной залы, каковы окрестные луга и поля, говорятъ все, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ. Ни малѣйшаго признака официальности. Самъ старшина стоитъ гдѣ-то сбоку. Уже идетъ третій сходъ, я напрягаю все вниманіе и только чуть-чуть начинаю понимать, въ чемъ суть. Я нарочно не разспрашивалъ никого, о чемъ толкуютъ наши мужики. Мнѣ хотѣлось непосредственно постигнуть суть деревенскаго схода, но послѣ двухъ часовъ присутствія вблизи схода я уходилъ совершенно оступѣлымъ, не имѣя силъ связать ни одного яснаго представленія о происходившемъ. Между тѣмъ каждый изъ мужиковъ, нѣсколько разъ отрываясь отъ преній разными хозяйственными случайностями, въ родѣ, напримѣръ, того, что телка, задравши хвостъ, вырвется со двора,—и ораторъ схватываетъ на половинѣ своей блестящей рѣчи колъ и бросается загонять ее; или пузатый двухлѣтній сынишка реветъ благимъ матомъ, теребя отца - оратора за порты,—и ораторъ принужденъ произвестъ родительское воздаяніе, прежде чѣмъ окончить свою рѣчь; несмотря на все это, нѣсколько разъ отрывающійся отъ преній ораторъ врывается въ бесѣду вновь съ яснымъ пониманіемъ всего, что происходило безъ него.

Особенно памятна осталась мнѣ одна, четвертая, сходка. О началѣ ея я узналъ за четверть версты, съ горы погоста, гдѣ въ то время бесѣдовалъ съ батюшкой.

— А вѣдь это сходка у насъ! — сказалъ я, когда изъ-подъ горы сталъ доноситься до меня таковой ужасающій шумъ, какъ будто гудѣлъ цѣлый базаръ.

— Надо думать—парламентъ!—замѣтилъ иронически батюшка,— а попросту—овцы безъ пастыря.

— Да зачѣмъ же имъ пастырь, батюшка? Кажется, и безъ него ладно обходятся.

— Точно - съ, дивлюсь!.. Какъ вѣдь вотъ ругаются — до ума по-

мраченія! Думаешь иной разъ, того и гляди, въ кольца примутся, до смертоубійства дойдутъ! Бывало, въ новинку мнѣ случалось бѣгать къ явиъ. Услышишь вотъ такой гомонъ, испугаешься—и побѣжишь разнимать! А у нихъ это—парламентъ!.. И ничего—глядишь, черезъ полчаса опять мирными поселянами живутъ да еще въ компаніи и водочку попиваютъ!..

— Ну, извините... Я побѣгу... Мнѣ хочется узнать, чѣмъ кончится эта сходка, — распрощался я съ батюшкой.

Когда я прибѣжалъ въ деревню, надъ ней висѣла самая забористая, вычурная и крутая брань. Сходка была нынче, видимо, полная. Большая толпа колыхалась противъ моей избы. Тутъ собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернушіеся съ заработковъ на страдное время, бабы и ребятишки. Въ тотъ моментъ, когда я пришелъ, ораторскія пренія достигли уже своего апогея. Если я и на болѣе спокойныхъ сходкахъ очень немного могъ сообразить, то теперь и подавно; я ощущалъ только безразличный сплошной гулъ въ ухахъ, иногда покрываемый особенно рѣзко вырвавшейся изъ общаго гула фразой. Прежде всего меня поразила замѣчательная открытость: тутъ никто ни передъ кѣмъ не стѣсняется; тутъ нѣтъ и признака дипломатіи.

Мало того, что всякій раскроетъ здѣсь всю свою душу, онъ еще расскажетъ и про васъ все, что только когда-либо зналъ, и не только про васъ, но и про вашего отца, дѣда, прадѣда... Здѣсь все идетъ на чистоту, все становится ребромъ; если кто-либо по малодушію или изъ расчета вздумаетъ отдѣлаться умолчаніемъ, его безжалостно выведутъ на свѣжую воду. Да и малодушныхъ этихъ на особенно важныхъ сходкахъ бываетъ очень мало. Я видѣлъ самыхъ смирныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ мужиковъ, которые въ другое время слова не заикнутся сказать противъ кого-нибудь, на сходкахъ, въ минуты общаго возбужденія, совершенно преображались и, вѣруя пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна“, набирались такой храбрости, что успѣвали перешегодать завѣдомо храбрыхъ мужиковъ. Въ такія минуты сходъ дѣлается просто открытою взаимною исповѣдью и взаимнымъ разоблаченіемъ, проявленіемъ самой широкой гласности. Въ эти же минуты, когда, повидимому, частные интересы каждаго достигаютъ высшей степени напряженія, въ свою очередь общественные интересы и справедливость достигаютъ высшей степени контроля. Эта замѣчательная черта общественныхъ сходовъ особенно поражала меня.

Пренія на сходкѣ шли, брань крѣпчала все больше и больше. Старики, обыкновенно сидящіе на завалинѣ, и тѣ поднялись всѣ и, сердито стуча кулаками, какъ пѣтухи, налетали другъ на друга. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ мужиковъ нашей деревни, Алешка Собакинъ, весь красный,

съ рыжею лохматкой, толстый, съ такимъ же пузатымъ взъерошеннымъ двухлѣтнимъ сынишкой на рукахъ, наступалъ, крича во все горло, на своего старшаго двоюроднаго брата, Павла Гордѣева, у котораго, отъ сильнаго огорченія, соломенная шляпа совсѣмъ свалилась на затылокъ.

— Кто мѣшаетъ кончить? Кто? — спрашивалъ, наступая въ свою очередь на Собакина, Павелъ Гордѣевъ.

— Ты!.. Ты!.. Ты!.. — оралъ Собакинъ.— Варнаки вы середь насъ поселились. Ишь, волю забрали! Богаты, драть васъ на шесть!

— Кто, идолянское твое происхождение? Кто?—допрашивалъ опять Гордѣевъ.

— Вы!.. Ишь, одинъ братецъ сидитъ-посиживаетъ купцомъ въ городѣ, а другой—защитникъ проявился! Эхъ вы, круподеры!.. Ха-ха-ха!.. Право, круподеры!!—разливается веселымъ хохотомъ Алешка по всей улицѣ отъ собственнаго остроумія.

Я видѣлъ, какъ „Гусариха“, высокая, худая, какъ щепка, вдова, наступала, махая руками и постоянно поправляя сбивавшійся съ головы платокъ, на двоихъ стариковъ.

— Нѣтъ, вы еще за бѣдную вдову поплатитесь... Грѣхъ вамъ, старымъ!—кричала она, — грѣхъ!.. Ишь ты—держи, вишь, землю, тяни надѣлъ!.. Будь, ишь, благодарна, дура, что у тебя надѣлъ насильно не отняли!.. Да провались вы съ нимъ! Да что я въ три жилы себя, что ли, буду тянуть на землю-то!.. А?.. Нѣтъ, вы и землю-то возьмете, да и рожь-то снимите... Я вотъ положу руки, да и буду сидѣть барыней... Потому у меня вона руки-то ровно плети висятъ, ломота ихъ ломить отъ пятерыхъ-то ребятишекъ... Такъ ты мнѣ мѣрскую помочь подай!.. Акулина Кротова не мнѣ чета—и той помочью рожь сжали въ третьемъ году!.. А я—истомленная!..

— Чего?—налеталъ вдругъ кто-то сзади на Гусариху.—Много васъ тутъ лѣзетъ за помочами-то!.. На себя всѣ жилы вытянешь, безъ помочей!.. Тутъ и не до помочей!..

— Да ты чего? Безстыжіе твои глаза! — отпарировала Гусариха. Вспомни-ка, кому помочью яровое-то вспахивали, какъ вростяжку-то ты животомъ по землѣ валялся да благимъ матомъ ревѣлъ? Кому?

Старики только отчаянно махали на Гусариху руками и, поправляя на головѣ шляпы, отходили въ сторону.

А тутъ дѣдъ Матвѣй, сердито надвинувъ брови и постоянно подтягивая гашникъ, бурчатъ медвѣдемъ на стоящаго передъ нимъ и, видимо, поддразнивающаго его молодого мужика, въ какомъ-то засаленномъ парусинномъ пиджакѣ, суконныхъ шароварахъ и картузѣ.

— Ты, вѣдь, идолю? — солидно дразнилъ его парусинный пиджакъ, его сосѣдъ по избамъ, плутоватый торгашъ.

— Вы мнѣ за изгородь подай... Вотъ что!— бурчалъ дѣдъ.

— Вѣдь ты идолъ? Ты чего брови-то сѣдя крышей на глаза напустилъ? Стыдно на добрыхъ людей взглянуть?..

— Вы мнѣ за изгородь подай!.. Вотъ что!..

— Ты чего носъ-то налил? чего онъ у тебя красный, — дразнилъ пиджакъ, — смутьянь ты старый?.. Изъ-за васъ канитель-то тянется... Умирать бы пора ужъ!..

— Ты еще скажи, зачѣмъ ты ко мнѣ дохлую кошку въ огородъ подбросилъ?—неожиданно поражаетъ дѣдушка Матвѣй.—Ненавистники, дуй васъ горой!.. Ты мнѣ отвѣть за эту пакость!..

— Вѣдь ты идолъ? Ты вѣдь ребятишкамъ подъ босыя ноги стекла накидалъ у себя въ огородѣ! Вѣдь ты шишига старая!

— Ты мнѣ за огородъ подай!.. Да еще я подумаю пересаживаться съ надѣла-то!.. Вишь, охальники, весь міръ взмутили! всѣхъ хотятъ взбаламутить... Рады, что расписокъ дураки съ васъ не берутъ; рады, что дураки на слово вѣрятъ... Нѣтъ, васъ вотъ бумагой припирать надоть!.. А то наткосъ: то хочу мѣняться, то не хочу!.. Богаты, такъ, думаетъ, ему и воля! Изъ-за него вся деревня трогайся!.. И т. д., и т. д.

А вотъ опять покрываетъ всѣхъ голосъ Алешки Собакина, наскакивавшаго на двоюроднаго брата Павла Гордѣева и теперь, освободившись отъ ребенка, какъ будто проникшагося еще большею яростью:

— Ты чего защищаешь? али угощаетъ богато? али въ городѣ въ трактирѣ чаемъ поить братецъ-то?.. Эхъ, вы, оглашенные!

— Да ты кого посмѣлъ? Кто я тебѣ, али забылъ?..

— Кто? Не забылъ!

— А кто тебя, подлеца, отъ тюрьмы-то ослобонилъ? Кто?

— Кто?

— Вѣдь я тебѣ отецъ духовный, вѣдь я тебѣ, мошеннику, крестный отецъ!..

— Кто?.. А кто тебя просилъ? Развѣ я тебя звалъ меня крестить-то? Ха-ха-ха!—разливался опять Алешка на всю улицу.

— Мошенникъ, больше тебѣ названія нѣтъ. Собакинъ тебѣ и кличка!—огорчился и Павелъ и сердито сѣлъ на завальню.

Ну, думаю, сейчасъ въ колья!

Какъ вдругъ, къ неопisanному моему изумленію, Алешка направился ко мнѣ.

— Ваше благородіе, одолжите папироску! — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ и улыбаясь во всю рожу.—Вотъ грѣхи! Ахъ, Боже мой!.. До чего у насъ ругань дошла! Крестнаго отца не пощадилъ! Вотъ какъ! Слышали?

— Слышалъ.

— Вотъ какіе грѣхи-то!.. А нельзя... Потому большая несправедливость!..

Вдругъ сходка смолкла; только слышались одинокіе голоса, что-то больше ворчавшіе про себя.

— Что же это?—въ удивленіи спросилъ я Алешку.—Кончили?

— Кончили!.. Слава-те Господи! Развязались съ грѣхами.

— И рѣшили ужъ?

— Рѣшили!

— Да когда же?

— Вонъ, видишь, половина разошлась, половина отдыхать усѣлась.

Дѣйствительно, половина сходки расходилась, половина размѣстилась около житницы: кто на завальиѣ, кто на травѣ. Послышались шутки, хохотъ. Скоро вдоль улицы деревни пробѣжалъ въ припрыжку подростокъ съ четвертнымъ боченкомъ подъ мышкой. Значить—посланецъ въ волость за виномъ.

— Приходи, ваше благородіе, мірское вино пить!—пригласилъ меня Алешка Собакинъ, уходя къ компаніи.

— Благодарю.

Я продолжалъ прислушиваться.

Дѣдъ Матвѣй уже сидѣлъ рядомъ со своимъ неугомоннымъ „дразнилой“ въ пиджакѣ. Дразнило продолжалъ еще надъ нимъ острить, но уже совсѣмъ въ добродушномъ тонѣ; компанія поддерживала и смѣялась; смѣялся, ворча, и самъ дѣдъ. А Алешка, помѣстившись какъ разъ противъ своего отца крестнаго, скоро уже вошелъ въ оживленную бесѣду, которую послѣдній велъ съ Гусарихой.

Мірской посланецъ скоро вернулся изъ волости съ четвертнымъ боченкомъ водки подъ мышкой. Одинъ изъ общинниковъ чинно принялъ отъ посланца-подростка боченокъ. Такъ же чинно и неторопливо, поощряемый общими прибаутками, сталъ онъ уставлятъ боченокъ въ серединѣ круга, подставляя подъ его бока кирпичи. Другой сходилъ въ избу и принесъ графинчикъ и стаканчики, третій раскладывалъ на дощечкѣ закуску — пряничные орѣхи, или попросту ржаные пряники бураго цвѣта.

Началось подношеніе. На этотъ разъ, разговаривая съ мужиками, я успѣлъ выяснитъ себѣ, зачѣмъ собирался сходъ и что постановили общинники. Дѣло вотъ въ чемъ.

По распаденіи одной большой семьи, братьевъ Гордѣевыхъ, изъ нея выдѣлился одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ, по прозванію Гусаръ, самый бѣдный изъ всѣхъ. По смерти его осталась вдова съ пятью малыми ребятишками на рукахъ и съ двухдушевымъ надѣломъ. Міръ оставилъ за ней этотъ надѣлъ, пока не подрастутъ ея сыновья. Но больной Гусарихѣ не по силамъ стало одной тянуть надѣлъ, даже при пособіи помочей. И вотъ она приходитъ на міръ и отказывается отъ надѣла. На міру получаютъ такимъ образомъ два свободныхъ надѣла

и деревенскій безземельный человекъ, деревенскій пролетарій, нищій— въ лицѣ Гусарихи. Но такъ какъ современные общинные порядки повелись не вчера, не нынѣ, то въ общинѣ, понятно, нашлись подобныя же пролетаріи, т.-е. безземельные мужики. Одинъ изъ нихъ, Наумъ Шмонинъ, и заявилъ о своемъ желаніи получить этотъ освободившійся отъ Гусарихи надѣлъ. А такъ какъ съ пользованіемъ надѣломъ связана и пропорціональная ему уплата податей, то явился вопросъ, сможетъ ли Наумъ Шмонинъ платить подать за свой новый надѣлъ, въ противномъ случаѣ за него пришлось бы платить міру.

Кромѣ такихъ бѣдныхъ общинниковъ, въ деревнѣ оказались и богатые, которые, живя въ городѣ и занимаясь торговлей, не имѣли острой нужды въ землѣ. Помѣнявшись съ другими мужиками, они имѣли меньшій надѣлъ, а слѣдовательно платили и меньше податей. На одномъ изъ сходоу нѣкоторые общинники сказали, что недурно было бы навалить на богачей большій надѣлъ. Богачи обидѣлись и прислали изъ города сказать, что они пересядутъ только на свои надѣлы, больше же наваливать на нихъ міръ не имѣетъ права. Это грозило неприятными послѣдствіями тѣмъ крестьянамъ, которые сидѣли на чужихъ надѣлахъ, между прочимъ и моему хозяину, дѣду Матвѣю. Такимъ образомъ была потревожена вся деревня, и сходы сдѣлались очень буйными.

Рѣшеніе, постановленное послѣднимъ сходомъ, было слѣдующее: землю, отъ которой отказывалась Гусариха, передать Науму Шмонину, всѣ два надѣла полностью; самой Гусарихѣ помочь міромъ сжать хлѣбъ нынѣшняго посѣва, богачей же пока оставить въ покоѣ, до другого случая.

Когда я, проснувшись на слѣдующее утро, вышелъ на нашу деревенскую улицу, особый, сыроватый, бьющій въ носъ аромат сразу далъ мнѣ знать, что страда началась. Всѣ широкія ворота дворовъ были растворены настежь; все содержимое дворовъ было „потревожено“. Всѣ крестьяне, по уговору, поднялись заразъ въ три часа утра и приступили къ возкѣ навоза. Эта особая, специальная навозная атмосфера сразу нависла надъ всей деревней и охватила собой на далекое пространство кругомъ и поля. Въ возкѣ навоза принимали участіе всѣ: и мужики, и бабы, и дѣти до 10 лѣтъ. Мужики и бабы накладывали на дворахъ, дѣти отвозили, а дѣвки дожидались и опоражнивали воза на поляхъ. Окрестные скаты холмовъ скоро запырѣли буроватыми кучками на зеленовато-желтой поверхности пара. Такъ какъ начало лѣта стояло чрезвычайно жаркое, травы поспѣли какъ-то неожиданно быстро, а рожь уже мѣстами налилась совсѣмъ, оказалось необходимымъ торопиться. Поэтому въ вывозкѣ навоза приглашали на помощь особыя подводы изъ сосѣднихъ деревень, гдѣ былъ уже вывезенъ навозъ почти совсѣмъ или еще не начинали вывозить.

Навозъ возили дня три или четыре. А между тѣмъ солнце жгло

немилосердно. Вѣтеръ не дунеть. Въ воздухѣ стоитъ какая-то мгла. Тяжело дышать. Люди и лошади выбились изъ силъ. Вяло, медленно накладывались послѣдніе воза; едва волоча, отвозили ихъ на поля. Постоянно можно увидать мужика или бабу, выходявшихъ на середину улицы и долго, приставивъ козырькомъ руку къ глазамъ, наблюдавшихъ съ разныхъ сторонъ за горизонтомъ. Но кромѣ синеватой мглы, ничего не было. Мужикъ кричалъ и уходилъ опять подъ навѣсъ двора. Вотъ какъ-то сошлась ихъ на улицѣ цѣлая кучка, также посмотрѣли на небо, на поля.

— Во-о! смотри, загорѣлась, — сказалъ одинъ, показывая на вершину холма.

— Видѣли! — отвѣчали ему.

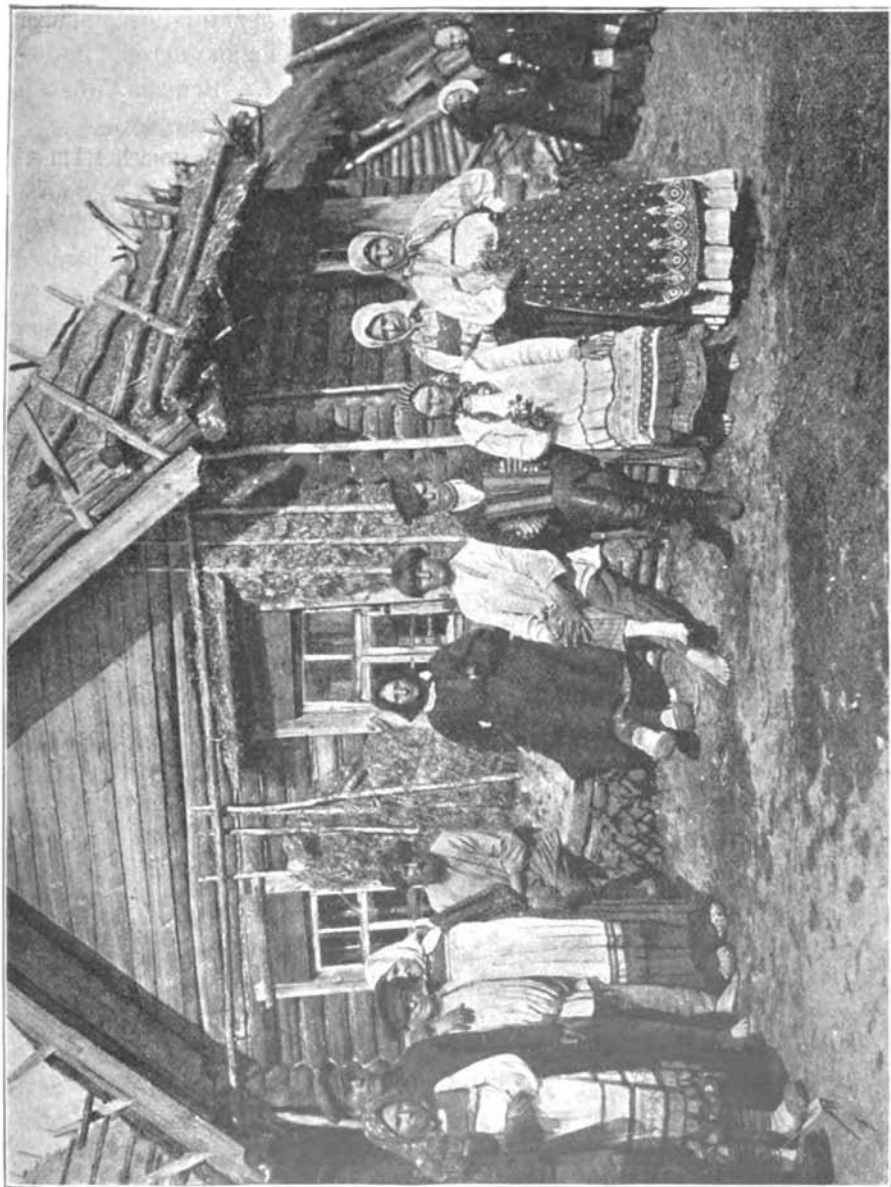
Рожь была еще достаточно зеленовата вездѣ, но на припекѣ, на вершинѣ этого холма, рѣзко выдѣлялась цѣлая позолотѣвшая полоса.

— Выгорить до время! — тужили мужики: — съ травой не обернешься, какъ она, матушка, начнетъ сыпаться... Экое наказаніе Господь послалъ!.. У шабровъ, слышь, молебствовать хотять... Да такъ видно, что безъ этого не обойтись. Надо будетъ помолебствовать... Чѣмъ ни то прогнѣвили Создателя!.. Надо къ понамъ сходить... Подождать бы рази до завтра!.. Чего ждатель-то? Когда еще? Вотъ оно, время-то какое стоитъ!.. Надо идти... Чтобы завтра пушай поля обошли!.. А тамъ что будетъ! Ступай, Матвѣй, ступайте съ Павломъ, заказывайте молебствовать.

Утромъ, часовъ съ восьми, колоколь погоста гудѣлъ неустанно въ продолженіе часа: значить, обносили иконы вокругъ полей. То спускаясь въ ложбины, то подымаясь на холмы, показывалась пестрая, очень небольшая кучка народа, несшая двѣ-три иконы и спѣшно обходявшая межами ржаное и яровое поле. Ни поповъ, ни дьячковъ при иконахъ не было. Заправлялъ процессіей только псаломщикъ, ковьявшій свади съ пустымъ кадилломъ. Иконы несли преимущественно женщины.

Между тѣмъ какъ подъ палящимъ зноемъ подвигалась процессія по межамъ, степенные мужики-домохозяева, какъ муравьи, тащили на лугъ матеріалы для помоста: кто несъ на плечѣ бревно, кто доску, кто жерди. Общими силами помость былъ скоро поставленъ близъ деревенской околицы. Мужики одѣли синіе халаты, намазали масломъ волосы, причесались и собрались у помоста, стараясь говорить тише противъ обыкновеннаго: кто разстилалъ холсты на помость, кто дѣлалъ кропильницу изъ вѣтокъ близстоящаго дерева, кто несъ угли и воду. Процессія приближалась къ помосту. Съ горы погоста одновременно спускался причтъ. Начался мірской молебенъ. Когда молебенъ кончился, иконы повесили обратно въ церковь. Домохозяева мигомъ разобрали помость — и каждый потащилъ обратно къ себѣ собственную жердь, собственное бревно и гвоздь.

Въ вечеру пошелъ дождь. Вздохнули люди и скотина.
— Вотъ они, чудеса-то!—говорила деревенская улица.

Крестьяне Рязанской губернии.

Мужики повеселѣли.

Послѣ того какъ погода съ перемежающимся ненастьемъ и вѣдромъ установилась, когда поблекшія отъ жары травы и яровое вновь весело

и свѣжо зазеленѣли, однимъ очень раннимъ утромъ, часа въ три пополуночи, меня разбудилъ мой знакомый мужичокъ, Иванъ Тарасычъ, состоявшій въ еще непонятной мнѣ должности „жеребьевщика“.

— Вставай!—сказалъ онъ, посмѣиваясь своими черными, блестящими глазами:—настоящая страда пришла. Али лѣнь? Рано, должно, подыматься приходится?.. Ну, самъ хотѣлъ, своя охота... Вставай. Вонъ я ужъ въ полномъ парадѣ!

И Иванъ Тарасычъ погромѣлъ висѣвшимъ у него на поясѣ мѣшочкомъ съ „жеребьями“.

— Ушли ужъ всѣ? Еще не дѣляли?—спросилъ я.

— Нѣтъ еще. Мы съ дѣдомъ Матвѣемъ, по должности, раньше всѣхъ поднялись. Будить вышли... Раньше насъ никто не смѣй просыпаться. Пока *въ косу не ударимъ*, никто не смѣй выходить... А въ косу ударили—шабашъ! Всѣ во фронтъ становись: ни малому, ни старому снисхожденія нѣтъ... Всѣ становись! шутилъ Иванъ Тарасычъ.

Я сталъ одѣваться. Дѣйствительно, скоро съ одного конца деревни раздался звонъ въ косу.

— Вотъ, слышишь?—замѣтилъ Иванъ Тарасычъ и какъ-то весь еще больше оживился.

Это дѣдъ Матвѣй, въ качествѣ десятскаго, вышелъ будить народъ выходить въ луга. Онъ шелъ посрединѣ улицы, въ рукѣ у него на шнурѣ висѣла коса, снятая съ косья; онъ билъ въ нее палкой... Особенные рѣзкіе, звонкіе звуки неслись въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Больно ужъ вы рано поднялись?—спросилъ я.

— Нельзя. Нонѣ нужно, пока роса не сошла, передѣлать сдѣлать. Чтобы по первой росѣ первую траву поднять,—сказалъ Иванъ Тарасычъ.

Пока я успѣлъ одѣгся и выйти на улицу, у дворовъ уже собирался народъ въ кучкѣ.

Всѣ сбивались въ кучу посрединѣ деревни, помолились на церковь и двинулись въ луга: самые малые впереди, старшіе сзади. Бабы—послѣ всѣхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, не успѣвшія управиться съ хозяйствомъ, догоняли въ одиночку послѣ.

По какимъ-то, оставшимся для меня въ туманѣ, сельскохозяйственнымъ соображеніямъ мужики прежде всего направились дѣлать маленькій лужокъ по овражку. Прежде этотъ лужокъ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ съ передѣломъ, сдавался кому-нибудь въ аренду; нынѣшній годъ не стали сдавать, такъ какъ „не видно, куда деньги уходятъ“, и порѣшили скосить сами. Всѣмъ подошли къ лугу. Лугъ былъ не болѣе десятины: саженъ 80 въ длину и 30 въ ширину; изъ нихъ половина приходилась на косогорѣ, половина лежала въ ложбинѣ. Я, дѣвки, бабы и ребятишки разсѣлись на дорогѣ; мужики приступили къ передѣлу.

Первое впечатлѣніе отъ передѣловъ было такое же, какъ и отъ доревенскихъ сходовъ. Не успѣли мужики отдѣлиться отъ насъ, какъ посыпался рядъ совершенно непонятныхъ восклицаній, выкриковъ, возраженій.

— Матвѣй! ступай, ищи *устья*! Ты всѣхъ старше! Твое дѣло!..— Гдѣ я тебѣ буду ихъ искать, устья-то? Лѣшій! Гдѣ они, устья-то, здѣсь? Передѣляли мы, что ли, ихъ прошлымъ годомъ? Устья! Ихъ до обѣда проищешь, устья-то (прежнія мѣтки, раздѣлявшія *еми*)!—На то и старикъ! Помнить долженъ!—Ну васъ къ лѣшему! Намѣчай новыя... Рѣжь новую *емь*!—Конечно, новую... Какъ ее рѣзать?

— Бери вонъ: по косогору одна, по ложбинѣ пущай другая будетъ. И шабашъ!

— Такъ и пошабашимъ — держи карманъ! Ловокъ! Развѣ не видишь, половина болота въ ложбинѣ!

— Такъ что! Пущай! Кому достанется...

— О? Достанется? Такъ бери его, коли тебѣ любо... А за другихъ нечего говорить...

— Зачѣмъ мнѣ? Кому счастье выйдетъ... Выйдетъ мнѣ, я возьму...

— Счастье! На счастье еще навалка безъ того будетъ... Счастье-то впередъ береги...

— Болото выключай!.. Пущай болото въ особую *емь* идетъ... Набивемъ на него кусты...

— Кусты—вонъ!.. Чего у кустовъ взять...

— Вали вонъ, я возьму кусты за себя...

— Ловокъ! Чуешь носомъ-то? Зачѣмъ кусты вонъ?.. Ихъ въ *барышки* пустимъ...

— Пущай кусты въ барышокъ, пущай на счастливаго!..

— Зачѣмъ на счастливаго? Ты держись старины! Пущай они тому въ барышокъ и будутъ, кто въ болотѣ жеребій вынетъ...

— Пущай, у кого будетъ жеребій хуже, тому и въ барышокъ идутъ.

— Ну, вали, коли такъ; а болото какъ?

— Къ болоту прирѣжемъ косогору... Равный косогорокъ! Вотъ отъ лысины... Отъ лысины отрѣзай!..

— Дѣдъ Матвѣй! Ступай съ вѣхой на лысину!.. Шляпу повѣсь!.. Повѣсь шляпу, чтобъ виднѣй!.. И-ну! Съ Богомъ! Броди, Павелъ! У тебя сапоги здоровые... Бродъ медвѣжій проложишь!

— Погоди, бродъ! Дай оглядѣться...

— Чего тутъ еще! Не *дьянку* рѣжемъ! Обиды не будетъ. Коли обида будетъ, всѣмъ одинаково будетъ. Броди! Броди прямѣ!

Павелъ отправляется на дѣда Матвѣя прямо по травѣ, стараясь возможно сильнѣе ѣрзать сапогами, чтобъ образовался виднѣе бродъ.

— Держи правѣе, чо-ортъ! Куда лѣзешь съ косога-то глаза? Куда тебѣ, лѣшій, вѣдетъ?—кричатъ на Павла.

— Куда! Смотри, прямо иду! Самъ кривоглазый чортъ!.. Вишь, шляпа-то Матвѣва! Да ты еще постой!—вдругъ останавливается дядя Павелъ:—вонъ меня куда вѣдетъ... Смотри, куда трава-то меня вѣдетъ: трава-то меня знаетъ, куда вѣдетъ!

— Куда?

— То-то—куда. Говорю, оглядѣться хорошенько надо. Вишь, наливная-то трава ушла въ сторону; вишь, гдѣ цвѣтокъ-то виднѣтся...

— Ну, такъ что жъ, цвѣтокъ?

— А то вотъ и цвѣтокъ! Еще указываетъ, кричить!.. Ты вонъ смотри—вонъ куда цвѣтокъ-то отошелъ, а здѣсь мятлика,—показывалъ Павелъ естественную границу хорошей травы съ богатымъ цвѣткомъ отъ жидковатой и сухой мятлики.

— Вѣрно, что цвѣтокъ въ той еми на цѣлый жеребій отошелъ,—подтвердили мужики.

— Про что жъ я и говорю! Я знаю, куда меня вѣдетъ! Кому этотъ жеребій достанется? Кто его возьметъ?.. Тоже никому любо не будетъ... Одна только непріятность будетъ.

— Мятлику нужно къ болотной еми прирѣзать, заодно...

— Конечно, надо... Вали, дядя Павелъ, по цвѣтку, равный бродъ по цвѣтку!.. Подвинь и Матвѣя-то со шляпой полѣвѣ!..

— Чего подвигать? Надо спросить. Матвѣй!.. Эй, старый!.. Дѣдушка! Али уснулъ? (Среди насъ, въ сидящей компаниі зрителей, смѣхъ и остроты поддерживаются постоянно.)

— Заспалъ онъ, братцы! Будить его надо.

— Ма-атвѣй!—кричатъ мужики. —Гдѣ у тебя цвѣтокъ? Становись по цвѣтку! Ахъ, лѣшій старый! Двигайся, говорятъ!..

— Чего двигаться!.. Ступай, Миронъ, пробѣги по цвѣтку спервуначала... Ты на ногу легокъ, да и босой... А то, что даромъ траву мять!

— Вѣрно... Пробѣги, Миронъ.

Бородатый Миронъ пускается бѣжать „по цвѣтку“.

— Не прямо бѣжить,—говорятъ мужики.

— Вишь, дукой выходитъ, залучина выступаетъ.

— Ничего, залучину мы въ барышокъ къ болоту пустимъ.

— Какъ ты еепустишь: опять на счастливаго?

— Зачѣмъ? Съ одной стороны у насъ въ барышокъ пойдетъ залучина съ цвѣткомъ, а съ той стороны кусты.

— Съ той стороны—кусты; это вѣрно. Будемъ ужъ полосу прокашивать поперекъ, чтобъ отъ залучины къ кустакъ шла... чтобъ, значить, для всѣхъ равеніе было, чтобъ и кустовъ, и залучины поровну всѣмъ...

— Это вотъ истинно, безобидно...

— Ну, что? На цвѣткѣ, что ль, стоите?—кричать Мироу, уже по-
ровнявшемуся съ дѣдомъ Матвѣемъ.

— На цвѣткѣ... Посередкѣ залучина выходить, — кричитъ Миронъ.

— Ладно, знаемъ. Ну, съ Богомъ, Павелъ. Отваливай. Клади бродъ.
Теперь—безъ сумлѣнія, теперь—навѣрняка!

Наконецъ, „емь съ цвѣткомъ“ и „емь болотная“ отграничены. При-
ступили къ дѣлежу емей на „половины“. Всѣ 53 души разбиваются въ
двѣ группы: въ одной—26, въ другой—27 душъ, по сосѣдству дворовъ,
или „какъ въ поляхъ“, т.-е. по сосѣдству полосъ въ пахотныхъ поляхъ.
Чѣмъ дѣлежка дѣлается дробнѣе, тѣмъ личные интересы каждого вы-
ступаютъ все ярче и ярче. Тутъ уже никто не допуститъ и малѣйшей
тѣни неравенства. Все вымѣряется съ удивительной, именно „скрупу-
лезной“, точностью, посредствомъ шести неопредѣленной длины, около
двухъ сажень. Дѣдъ Матвѣй опять пошелъ съ вѣхой и остановился
приблизительно въ головѣ половины еми. Дядя Трофимъ да дядя Ефимъ
стали его ровнять, мѣряя съ двухъ противоположныхъ сторонъ шестами.
Наконецъ установили. Дядя Павелъ опять проложилъ бродъ.

— Эй, Иванъ Тарасовъ, выходи! Тащи жеребья!—закричали мужики,
сгрудившись около вѣхи дѣда Матвѣя.

Иванъ Тарасовъ опять погрѣмѣлъ висѣвшимъ на поясѣ мѣшечкомъ
и, таинственно сверкнувъ на меня своими черными глазами, побѣжалъ
къ мужикамъ.

— Вынимай жеребья на половины! Матвѣй, давай шляпу! — кричали
мужики.— Н-ну, Господи благослови!.. Тряси!.. Кто будетъ вынимать?—
Давай я! — Держи карманъ: ты жеребья знаешь! — Крикни мальчишку,
крикнемъ Ѳедюшку!.. Ѳедюшка!.. Бѣгай сюда!

Сидѣвшій со мной, самый маленькій изъ всѣхъ косцовъ, несмѣло
подошелъ къ мужикамъ, сконфуженный такою честью.

— Бѣги, говорятъ, проворитѣй!.. Н-ну, тряси!.. Крестись, братцы!

Всѣ перекрестились. Мальчуганъ вынулъ жребій. Каждая изъ двухъ
группъ сразу отдѣлилась одна отъ другой и направилась на *свою*
половину.

Общій передѣлъ былъ конченъ. Около меня произошло такое же
передвиженіе. Бабы и ребятишки тоже раздѣлились на группы, и ка-
ждая придвинулась ближе къ *своимъ* мужикамъ. Обѣ половины уже не
обращали другъ на друга никакого вниманія. Каждая пристально слѣ-
дила только за своей стороной.

Пришлось и мнѣ пристать къ которой-нибудь изъ двухъ, такъ какъ
услѣдить за одновременными дѣйствіями той и другой стало невозможно.
Я, конечно, перешелъ къ той, въ которой былъ дѣдъ Матвѣй.

Стали дѣлить половины на *четвертинъ*, каждая половина въ средѣ

собственной группы. Опять шумъ, крикъ, мало понятные для сторонняго наблюдателя выкрики, возраженія; теперь они неслись уже съ двухъ сторонъ, и понять что-нибудь дѣлалось еще менѣе возможнымъ, чѣмъ прежде. Теперь уже фигурировали на *половинахъ* два мужика съ вѣхами, двѣ жеребьевыя шляпы. Въмѣсто шеста, единицей мѣры выступила новая—*косье* и *полукосье* (равная длинѣ косы, поставленной съ одной стороны на конецъ острія, съ другой—на конецъ косовища; *полукосье*—половина этой длины, приблизительно опредѣляется ручкой посрединѣ косовища. Крестьяне измѣряютъ этимъ способомъ чрезвычайно быстро, повертывая косу на остромъ оя концѣ, какъ ножъ циркуля). Опять выступилъ на сцену, съ одной стороны, засѣвшій посрединѣ *кусть*, да какой-то *боровокъ*, съ другой—какія-то *корыта* (какъ мнѣ объяснилъ послѣ дѣдъ Матвѣй, нѣкогда специалистъ по мірскому пивоваренію, что въ этомъ мѣстѣ варили мірское пиво, для чего вырыты были особыя ямы для корытъ и чановъ, въ которые сливалось пиво).

Раздѣлены *четверины*; въ каждой четверинѣ по 13 душъ *); на каждую четверину пришлось *по четыре косья, да по полукосью, да по два лаптя*. Стали дѣлить *по душамъ* (по дворамъ: сколько во дворѣ душъ, столько *лаптей* отрѣзаютъ къ одному мѣсту).

Тутъ ужъ я окончательно потерялъ всякую возможность услѣдить за измѣреніемъ.

Я только видѣлъ, какъ мужики становились одинъ противъ другого и, считая вслухъ, начинали выдѣлывать па, приставляя одинъ лапоть ноги непосредственно къ другому, такъ, чтобы носокъ одного приходился къ задку другого. Какъ-то неволью приходило въ голову смѣшное сравненіе съ тѣмъ, какъ бывало насъ танцмейстеръ училъ громко высчитывать, становясь въ фигуры и выдѣлывая разнообразныя па.

Слышалось:— На меня шесть лаптей, да полъ-лаптя!— Гдѣ они поллаптя-то?— Откуда взять?— Гдѣ? Чать, у меня полдуши есть?— Да гдѣ ты его возьмешь, полъ-лаптя-то?— Мы съ Корягой въ одинъ лапоть войдемъ—у него тоже полдушевая есть!—Ну, входите!—Коряга! Иди со мной въ лапоть!—Ладно! Отсѣкай! Прокашивай *тянокъ* (мѣтка, отдѣляющая подворную *дьянку* отъ другой; обыкновенно прокашивается небольшою крестъ или круглая лысинка въ головѣ полосы).

Наконецъ, кончена дѣлежка по душамъ, *по лаптямъ*. Шумъ сразу смолкъ.

— Ребятишки, на барышки! Бабы, на болотную емь!— крикнули мужики.

---

*) Собственно въ той половинѣ, гдѣ 27 душъ, приходилось на 1 четверину—13, на другую 14 душъ. Для этой *одной души*, кажется, послѣ дѣлежки было уступлено отъ всѣхъ полосъ *по 1/2 лаптю*, т.-е. полосы на 1/2 лапоть „постѣснились“.

Блеснули на солнцѣ лезвія косъ. Звякнули бруски о стальное остріе. Ребятишки разсыпались по *барышкамъ*, по отрѣзкамъ, оставшимся отъ равненія полосъ.

На лугу стало вдругъ такъ тихо, что ясно и рѣзко выдавалось только шипѣнье косъ въ ложившейся грядами травѣ.

Внезапно общая тишина нарушена была крикомъ.

— Э, э! Постой! Ты куда лѣзешь?

— Что?

— Ты куда лѣзешь, спрашиваю?

— Ты что? Али спьяна бредишь?

— Нѣтъ, ты алошные-то глаза чего въ чужую полосу завернулъ? А? Али отъ жадности окривѣлъ?

Всѣ обернулись. Молодой мужикъ, Андрей Соха, наступалъ на одного изъ братьевъ старовѣровъ, стараго холостяка и богатѣя, косившаго по сосѣдству съ нимъ.

— Да ты чего лаешься, пьяное твое рыло? — допрашивалъ старовѣръ.

— Нѣтъ, ты скажи, чего у тебя глазъ заѣхалъ въ Арзамасъ, когда ему дорога домой?—острилъ Соха.

— Очухайся раньше, пьяное отродье! Протри самъ зѣнки-то.

— Нѣтъ, ты, алошная твоя утроба, ты здѣсь въ чужія-то полосы не лазай.. Ты ступай въ Москву по чужимъ-то карманамъ ходи. Ты смотри...

— Чего смотрѣть-то, процалыга?.. Чѣмъ ты хочешь выгадать? Али одни портки остались, такъ на чужое добро зарисься? Али стыдно смотрѣть, что у людей Божіе благоволеніе?

— Ты Бога-то не трогай съ своею алошностью... Бога-то не обижай... А ты оглобли-то съ чужой дороги вороти... Ты смотри, разуй глаза-то!— Гдѣ у тебя тяпокъ, гдѣ мой? Что ты залучиной-то въ мою полосу заѣхалъ?

— Гдѣ залучиной, пустая твоя голова? — чуть не съ бѣшенствомъ налеталъ на Андрея старовѣръ, — на, смотри! Смотри, гдѣ кустъ-то! Вѣдь по-за кустомъ идешь!

— За кустомъ-то, за кустомъ... Да ты чего дугу-то въ мою полосу гнешь? Что ты ко мнѣ забираешься?..

— Экое непутное отродье въ міру завелось! Экое подлое! А! Вотъ они, процалыги-то, пропойцы... Корку сухую цѣлый вѣкъ гложуть да Господа Бога гнѣвятъ! Передохнуть бы вамъ всѣмъ, окааннымъ, — ругался старовѣръ, а между тѣмъ незамѣтно все больше и больше отклонялся съ косою къ своей полосѣ.

— Вотъ такъ-то лучше! Ступай съ Богомъ, не проѣдайся! — поощрялъ его Андрей Соха, вызывая на сѣнокосъ взрывы смѣха.—А Бога-то не трогай! Богъ-то тоже вашему брату не очень поблажаетъ... Эко,

братецъ, какъ эта алшность-то обуяетъ, и правду всю, и себя чело-
вѣкъ забудетъ... Вѣдь у жидомора житницы да сѣнницы отъ хлѣба съ
сѣномъ ломаются, а все ему мало!.. Хоша два лаптя—да отъ чужой по-
лосы оттяпать!.. Какъ только вы, дьяволы, не подавитесь!..

— Ты скорѣй, безпортошный, черствой коркой подавишься! Ишь,
съ голоду-то злобствуетъ на добрыхъ людей!

— Подавитесь еще... Дай срокъ! Богъ-то долготерпѣливъ, Батюшка,
а то бы...

Два мірянина, стоя почти рядомъ на сосѣднихъ полосахъ и съ осо-
бымъ усердіемъ взмахивая косами, продолжали не на животъ, а на
смерть костить другъ друга. Иногда дѣло становилось такъ жарко, что
мигъ не разъ казалось, вотъ взмахнетъ еще разъ чья-нибудь коса и
нечаянно, вмѣсто травы, прожужжитъ надъ головой обидѣвшаго до
сердца сосѣда. Слава Богу, мои опасенія были напрасны: ничего по-
добнаго не случилось, да и не случалось, говорятъ.

Черезъ полчаса дугъ былъ скошенъ.

Благодатные дни выпадаютъ иногда нашей деревнѣ въ разгаръ
страды, въ августъ, когда воздухъ такъ чистъ, что стоящія на самомъ
краю горизонта бѣлыя сельскія церкви кажутся прозрачными, какъ
будто вылиты онѣ изъ яраго воску, когда облачка нѣтъ на водянисто-
лазурномъ небѣ, когда солнце одно торжественно-плавно плыветъ по
немъ и словно пристально смотритъ на пригрѣтыя имъ деревенскія нивы.
Обыкновенно съ утра до заката пуста и безмолвна въ эти дни дере-
вонская улица. Тутъ никого нѣтъ—ни взрослыхъ, ни малыхъ, ни ста-
рика, ни младенца. Въ избахъ окна закрыты, ворота замкнуты, живого
движенія почти не видать, и только одинъ старый вязъ медленно ка-
чаетъ свою удрученную вѣками вершиной. А между тѣмъ слышишь,
какъ невнятный, но сплошной гулъ жизни несется непрерывно справа,
слѣва, сзади: слышишь скрипъ тяжело нагруженныхъ возовъ, фырманье
лошадей, окрики мужиковъ, плачь грудныхъ дѣтей, звонкіе голоса де-
ревенской молодежи, иногда ея здоровый, переливчатый смѣхъ или вы-
сокій фальцетъ матерей, раздраженно покрикивающихъ на забаловав-
шихся ребятишекъ. И весь этотъ гулъ челоувѣческой жизни такъ же
несмолкаемо виситъ въ воздухѣ, какъ гулъ пчелъ на пасѣкѣ; какъ
будто все живое вырвалось изъ деревни и гдѣ-то тамъ, за околицей,
расположилось кругомъ шумнымъ становищемъ. Самый деревенскій воз-
духъ въ это время такъ полонъ раздражающей кровъ ароматичности:
чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ онъ влажнѣе, теплѣе, гуще и пахучѣе,
какъ будтоходишь въ просторную сѣнницу, набитую свѣжимъ, только
что привезеннымъ сѣномъ, такъ что еще кругомъ не успѣла осѣсть
мелкая пахучая пыль сѣяной трухи. Чувствуешь, какъ эта пыль непри-

мѣтными для глазъ облаками носится надъ всею деревней, а надъ гумнами за околицей, гдѣ теперь сосредоточилась вся деревенская жизнь, къ этой ароматической сѣнной пыли прибавились облака золотистыхъ усьиковъ отъ ржаныхъ колосевъ, которые искрятся въ солнечныхъ лучахъ, какъ снѣжинки въ ясный морозный день. Все это образуетъ ту смѣшанную, сытную, хлѣбную атмосферу сельской страды, которой дышитъ грудь земледѣльца и которая, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ животворныхъ элементовъ деревенской природы, восстанавливающихъ народныя силы изъ-подъ гнета горя, нужды и мрака.

На фабрикѣ.

(Ө. Павлова.)

Что-то нарушило мой сонъ. Точно шмель гудитъ и гудитъ надъ самымъ ухомъ. Гудитъ долго, протяжно, уныло. Чѣмъ дальше, тѣмъ назойливѣе и сильнѣе этотъ звукъ, неумолчно и безжалостно терзающій мой слухъ одною и тою же неумолкающею нотой...

Нѣсколько легкихъ ударовъ въ дверь пробуждаютъ меня окончательно, прежде чѣмъ прекращается ревъ фабричнаго гудка. Я поворачиваюсь, привычнымъ жестомъ беру спички, зажигаю свѣчу, быстро скидываю одѣяло и, ежась отъ холода, начинаю спѣшно одѣваться.

Черезъ 10 минутъ, торопясь на ходу застегнуть потертое „фабричное“ пальто, я спускаюсь съ крыльца и попадаю въ атмосферу холодной, сырой ноябрьской ночи. Тяжелый туманъ заволакиваетъ весь фабричный дворъ; я вижу колеблющіяся огни нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ, но тусклый свѣтъ газа помогаетъ мало. Я знаю дорогу, а потому, автоматически сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко нахожу калитку тощаго, обнаженнаго палисадника и почти натыкаюсь на цѣлую партію рабочихъ, которые спѣшной дѣловой походкой не то идутъ, не то бѣгутъ внизъ по дорогѣ къ огромному фабричному корпусу. Гигантскіе размѣры этого зданія теперь нельзя точно опредѣлить глазомъ, а можно лишь угадать по какимъ-то смутнымъ очертаніямъ и по неясно пробивающемуся сквозь мглу тумана свѣту оконъ. Къ фабрикѣ съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей, и распахнутыя двери точно втягиваютъ въ себя эти живые потоки. По широкой каменной лѣстницѣ поднимаются мужскія и женскія фигуры въ верхніе этажи, а входящіе снаружи быстро снимаютъ верхнюю одежду; старики крестятся, молодежь зѣваетъ; всѣ спѣшатъ къ своимъ станкамъ. Лица озабоченныя, сумрачныя; говора не слышно. Сегодня понедѣльникъ—заработки, т.-е. начало работъ послѣ праздничнаго перерыва,—тутъ не до смѣха.

Рабочіе прибываютъ непрерывно; въ теченіе 10—12-ти минутъ при-

близительно двѣ тысячи человѣкъ уже распредѣлились около станковъ и аппаратовъ, которые занимаютъ огромное, въ шестьдесятъ с лишнемъ сажень длины, пятиэтажное зданіе.

На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спресонокъ, однообразная, опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь, не хочешь, приниматься за нее надо. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но покамѣстъ чувствуется отсутствіе жизни: паровая еще не пошла.

Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце—паровую машину. Это сердце, составляющее, какъ и подобаетъ, предметъ особой заботливости и хозяевъ, и директора, помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ, здѣсь все блещетъ необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стального сердца, отъ 4-хсаженнаго маховаго колеса, отъ гладкаго вала, толщиной чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентиляхъ въ масленкахъ,—все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ цементныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляной краской; лѣстницы и лѣсенки снабжены затѣйливыми перильцами.

Теперь это стальное чудовище, мощь котораго измѣряется тысячами лошадиныхъ силъ, молчитъ и не шелохнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижима. Но вотъ по всѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена въ ходъ. Проходитъ одна-двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ маховаго колеса, главный валъ нашей ткацкой приходитъ въ движеніе. Ткачи переводятъ приводные ремни съ холостыхъ шкивовъ на рабочіе, и, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ съ двумя сотнями рабочихъ, загудѣла и ожила. Неумолчное рѣзкое хлопанье „погонялокъ“, перекидывающихъ челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, мягкій стукъ „батановъ“, лязгъ различныхъ металлическихъ частей,—все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный, непрерывный трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ, но я, плохо постигшій это искусство, долженъ нагибаться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово. Самое ужасное свойство этого своеобразнаго шума ткацкихъ мастер-

ских—его непрерывность. Во всякой другой мастерской, гдѣ работаютъ пять-шесть-десятокъ стучащихъ и гремящихъ станковъ, бываютъ минуты, когда шумъ замолкаетъ или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ и даетъ отдыхъ измученному уху; но ткацкіе станки помѣщаются въ одной залѣ въ такомъ количествѣ, что остановка десятка-другого изъ нихъ не уменьшаетъ замѣтно общей массы звуковъ. Ослабленіе слуха и даже значительная степень глухоты—не рѣдкость между ткачами. Этотъ шумъ кромѣ того, несомнѣнно, расшатываетъ нервы и долженъ вообще разрушительно дѣйствовать на здоровье.

Итакъ, наша машина пошла на 18 часовъ. При восемнадцатичасовой работѣ двумя смѣнами законъ дозволяетъ женщинамъ работать съ четырехъ часовъ утра и до десяти часовъ вечера. Для ткачей и ткачихъ это—недурное распредѣленіе времени, такъ какъ въ день они имѣютъ всего 9 рабочихъ часовъ.

Скопленіе рабочаго люда, слабая вентиляція и масса превращающейся въ теплоту совершаемой въ мастерской механической работы, какъ треніе частей машины одна о другую, мало-по-малу нагрѣваютъ все рабочее помѣщеніе, и къ 8 часамъ атмосфера фабрики пріобрѣтаетъ обычный характеръ какой-то тяжелой теплоты. Въ ткацкой чувствуется теперь иное настроеніе: люди ждуть смѣны и стали веселѣе. Подростки ежеминутно подъ разными предлогами выскакиваютъ на лѣстницу, чтобы черезъ стекло въ двери взглянуть на часы въ машинной. Но вотъ и гудокъ. Половина девятого. Появляются отдѣльные рабочіе изъ второй смѣны. Количество ихъ растетъ, они становятся къ станкамъ на мѣсто уходящихъ, чтобы работать до обѣда.

Эта фабрика имѣетъ до 5½ тысячъ рабочихъ и около 250-ти служащихъ. Не болѣе 750 рабочихъ живутъ внѣ фабричной ограды: остальные 5 тысячъ человекъ, частью съ семьями, живутъ въ чертѣ фабричной усадьбы, общей населеніе которой со стариками и дѣтьми превышаетъ 8 тысячъ душъ. По свѣдѣніямъ послѣдней переписи, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи имѣется только 138 городовъ съ большимъ количествомъ жителей, и даже одинъ губернский городъ (Якутскъ) на 2.000 человекъ отсталъ отъ нашей фабрики. Жизнь этихъ 8.000 людей, не говоря о нѣсколькихъ тысячахъ ихъ родственниковъ, связана съ жизнью фабрики нераздѣльно и неразрывно.

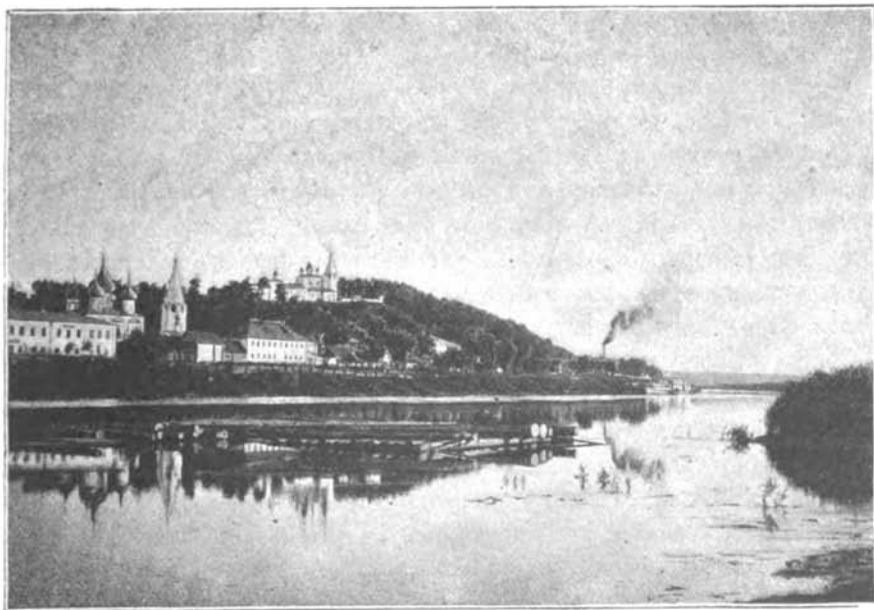
Изъ оконъ моей квартиры видна значительная часть фабричной усадьбы. За маленькимъ палисадникомъ, разбитымъ подъ окнами, разстилается широкой фабричный дворъ, сбѣгающій пологимъ склономъ къ рѣкѣ. Въ настоящую минуту всѣ его грѣхи—рытвины, грязь—скрыты подъ бѣлымъ блестящимъ ковромъ перваго снѣга. Даже груды кирпичнаго мусора, старыхъ бревенъ, желѣзнаго лома и всякой дряни, почему-то оставленные съ весенняго ремонта у бокового фасада главного

корпуса, и тѣ, покрытыя искрящимся въ утреннихъ лучахъ поздняго зимняго солнца снѣгомъ, имѣютъ какой-то нарядный видъ. Рѣка еще не застыла и кажется особенно темной въ снѣжныхъ берегахъ. За рѣкой—обыкновенный, но всегда милый русскому сердцу зимній пейзажъ средней Россіи: бѣлая скатерть луга, склонъ холма съ просвѣчивающею кое-гдѣ черезъ снѣгъ зеленью озими, вдали село, синѣющая лента лѣса на горизонтѣ. Слева эта картина рѣзко обрывается огромными, пятиэтажными массивами прядильно-ткацкой фабрики, за которой въ отдаленіи, внизъ по рѣкѣ, видна труба красильно-набивного отдѣленія. Со всѣмъ влево, повыше фабрикъ, я вижу начало цѣлаго ряда казармъ. Между фабрикой и жилищами рабочихъ проходитъ широкая дорога; конецъ ея скрывается въ рошѣ, гдѣ поодаль отъ другихъ построекъ поставлены церковь и больница. Первая часть горизонта закрыта садомъ или, вѣрнѣе сказать, тремя смежными садами. Почти прямо предо мною стоитъ среди молодой еще посадки хорошенькій домикъ директора, примыкающій къ огромному, переходящему въ паркъ, саду хозяйскаго дома, крыша котораго виднѣется изъ-за оголенныхъ деревьевъ. Еще подальше, среди маленькой роши, расположена школа. Воображеніе дополняетъ общую фizioномію фабрики всѣмъ тѣмъ, чего я не вижу непосредственно: цѣлая улицы домовъ для служащихъ, зданіе клуба, чайная и читальня для рабочихъ, огромная лавка, бойни. Эти постройки расположены сзади дома съ квартирами техниковъ.

„Жилые корпуса“ для рабочихъ выстроены по одному плану, при чемъ каждый изъ четырехъ этажей зданія является точнымъ воспроизведеніемъ другого: длинный коридоръ, и съ той и съ другой стороны его, отдѣленные другъ отъ друга тонкими перегородками, тянутся „каморки“; каждая комнатка имѣетъ полторы сажени въ ширину, по длинѣ коридора, восемь съ половиной аршинъ длины отъ двери къ окошку и пять аршинъ высоты. Въ такой комнатѣ живетъ 4 человѣка.

Жилища эти сравнительно недурны. Они имѣютъ прекрасную вентиляцію и различныя удобства: разъ въ годъ ихъ бѣлятъ, длинные коридоры, кухни, лѣстницы всегда усиленно подметаются и содержатся въ чистотѣ. Но все же каждый разъ, когда я входилъ въ эти зданія, мнѣ казалось, что на меня повѣяло не то солдатчиной, не то тюрьмой. Однообразіе полное. Въ каждомъ этажѣ коридоръ въ сорокъ пять сажень. Съ одной стороны тридцать каморокъ, а съ другой—только двадцать, такъ какъ значительная часть этой стѣны занята въ каждомъ концѣ коридора лѣстницами и тѣми помѣщеніями, которыхъ обыкновенно не называютъ; а посрединѣ къ главному зданію примыкаетъ особая пристройка, въ центрѣ которой помѣщается огромная печь, нагрѣваемая центральной топкой. Въ этой печи въ два яруса расположены особыя печурки, счесть по двадцати пяти, по одной на двѣ каморки.

Здѣсь бабы готовятъ пищу. Въ каждой каморкѣ у двери направо и налѣво двѣ кровати; передъ окномъ столъ и четыре табуретки. Я думаю, что, не будь нумеровъ на дверяхъ, сами жильцы могли бы перепутать свои квартиры: до такой степени тождественны другъ съ другомъ каждая изъ пятидесяти комнатокъ cadaго изъ четырехъ этажей во всѣхъ трехъ корпусахъ. Разнообразіе только въ подробностяхъ. Тамъ, гдѣ живутъ однѣ женщины, почище; гдѣ есть дѣти — стоитъ или виситъ зыбка, окончательно стѣсняя небольшое свободное пространство, остающееся въ каморкѣ. Въ квартирахъ прядильщиковъ, заработокъ которыхъ побольше, попадаютъ занавѣски на окнахъ, иногда три-четыре

На берегу Клязьмы во Владимірской губерніи.

горшка растений. По дешевымъ лубочнымъ картинамъ, покрывающимъ стѣны, можно судить объ эстетическихъ и умственныхъ вкусахъ обитателей. Иногда комнатка увѣшана религиозными изображениями, иногда встрѣчаются нравоучительныя картины въ родѣ „пословицъ въ картинахъ“ или извѣстныхъ „ступеней жизни“. Этотъ плодъ фантазіи художника-философа съ Никольской улицы почему-то пользуется особою популярностью. На этой странной картинѣ изображена сѣрл двускатная лѣстница, съ одной стороны которой, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, младенецъ послѣдовательно превращается въ мальчика, въ юношу и въ мужчину въ цилиндрѣ съ глупымъ лицомъ; а съ другой стороны этотъ же мужчина, сходя съ лѣстницы, доходитъ до гроба, помѣ-

ценнаго въ правомъ нижнемъ углу рисунка. Совѣмъ безъ картинъ дѣло обходится рѣдко. Когда комната занята одной семьей, то кровати обыкновенно открыты. Но чаще всего въ комнатѣ живутъ двѣ семьи. Тогда кровати обнесены легкими занавѣсками. Миѣ почему-то чаще всего бросались въ глаза красныя занавѣски съ какими-то странными крапчатыми рисунками. Въ первое время, когда я входилъ въ такія каморки, гдѣ квартировало по двѣ семьи, меня всегда удивляло спокойное отношеніе квартирантовъ къ этой необходимости быть всегда бокомъ о бокъ, въ какомъ-нибудь аршинѣ разстоянія отъ чужой семьи. На мои вопросы о томъ, не чувствуется ли какихъ-нибудь неудобствъ отъ такого тѣснаго сожительства, мужики обыкновенно отвѣчали: „ничего, вотъ развѣ бабы другой разъ повздорятъ“, или: „что же, батюшка, мы свои, изъ одной деревни“.

Кромѣ работы и квартиры, администрація русской фабрики даетъ рабочему чуть ли не все, что ему требуется для жизни, и по своему усмотрѣнію въ той или иной степени удовлетворяетъ всѣ его нужды.

Фабрика имѣетъ лавку, гдѣ рабочіе получаютъ всѣ продукты: муку и сахаръ, кнутъ и чайникъ, сапогъ и платокъ, дрова и рукавицы. Доброкачественность продуктовъ, ихъ цѣна, а, при необходимости кредитоваться, и самая возможность ихъ полученія находятся всецѣло въ рукахъ фабричной администраціи, такъ какъ, кромѣ этой лавки, рабочему въ долгъ обыкновенно нигдѣ не повѣрятъ; а бываетъ и такъ, что ближе какъ за 5—10 верстъ и торговли никакой нѣтъ. Случается, что 70—80% заработка истрачивается рабочимъ на заборы въ фабричной лавкѣ.

Вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ потребностей матеріальныхъ фабрика является госпожей и въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей души и разума. Церковь строится хозяиномъ; онъ же устраиваетъ школу и нанимаетъ учительскій персоналъ; фабрика можетъ дозволить и не дозволить посѣщать эту школу сыну каждаго рабочаго, любому изъ учениковъ. Библиотеки, народныя чтенія, — все это устраивается фабрикантомъ, и даже билеты на спектакли нерѣдко раздаются въ поощреніе лучшимъ рабочимъ по усмотрѣнію директора.

Будніе дни на фабрикѣ проходятъ скучно и до крайности однообразно. Но изъ всѣхъ неприятныхъ сторонъ фабрично-заводской жизни ни одна не угнетаетъ такъ человѣка, какъ необходимость располагать всю свою жизнь по гудку: по гудку рабочій встаетъ, по гудку пьетъ чай, обѣдаетъ, ужинаетъ, да почти по гудку и спать ложится. Цѣлую недѣлю живетъ онъ какъ автоматъ, какъ часть машины. Когда онъ приходитъ съ работы къ себѣ домой, его ждетъ столь же однообразная и скучная „казарма“. Двѣ тысячи четыреста человѣкъ помѣщаются въ комнатахъ, похожихъ одна на другую, какъ двѣ капли воды. Всѣ они прислушиваются къ одному и тому же гудку. Въ опредѣленный моментъ они,

какъ по командѣ, встають, идутъ на одну и ту же или очень схожую работу. Оставшіяся въ казармахъ бабы въ одинаковыхъ печуркахъ, къ одному и тому же часу, тоже по гудку, готовятъ обѣдъ; въ семь часовъ вечера всѣ 2.400 человекъ ждутъ одного и того же момента, къ которому одна половина людей, становясь на ночную работу, смѣнитъ другую половину дневныхъ рабочихъ; на завтра, на послѣзавтра то же и то же, и такъ изъ года въ годъ, кромѣ праздниковъ.

Но вотъ и праздникъ. Молчать фабричные корпуса, молчить и вѣчно пыхтящій паровой насосъ. Ухо, привыкши въ каждомъ, даже и удаленномъ, уголкѣ фабричнаго двора ежеминутно чувствовать глухое гудѣніе многихъ тысячъ различныхъ станковъ, какъ-то осязаетъ—я готовъ сказать: „слышать“—эту тишину. Если ночью порой внезапно остановятся часы, висящіе подлѣ вашей постели, то вы испытываете подобное же ощущеніе: вашъ слухъ обезпокоенъ, онъ тревожитъ васъ, вамъ кажется, что-то случилось, а между тѣмъ вокругъ царитъ лишь мертвая тишина.

Поздняя обѣдня давно отошла. Молодежь успѣла уже пообѣдать, потолкаться по улицамъ, сходить на рѣку. Въ это время въ праздничный день постоянно видны кучки расфранченныхъ парней въ пиджакахъ, въ сапогахъ съ наборомъ или даже въ ботинкахъ съ брюками на выпускъ, прохаживающихся по разнымъ направленіямъ по широкому фабричному двору. Слѣдя за медленнымъ и какимъ-то безпорядочнымъ движеніемъ такихъ группъ, я невольно всегда задаюсь вопросомъ: что ощущаютъ въ такое время эти люди — удовольствіе отдыха или скуку бездѣлья? Вотъ человекъ шесть спускаются къ рѣкѣ. Они идутъ медленно, молча, какъ-то лѣниво выбрасывая впередъ ноги. Характерное движеніе челюстей и постоянное сплевываніе показываютъ, что они грызутъ подсолнухи. Вотъ эта кучка завернула за уголь хозяйскаго сада; черезъ нѣсколько минутъ она же показывается уже далеко, у самаго берега рѣки. Пройдутъ нѣсколько шаговъ, остановятся, посмотрятъ зачѣмъ-то на воду, опять пройдутся, присядутъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ и черезъ часъ, черезъ два такъ же медленно и скучно возвращаются назадъ. Нѣкоторое оживленіе, да и то не надолго и не всегда, появляется только въ томъ случаѣ, если кучка парней столкнется съ дѣвушками.

Вотъ понеслось откуда-то гнусавенькое пиликанье гармоники; музыка приближается къ моей квартирѣ, и подъ самыми моими окнами проходятъ человекъ десять парней, среди которыхъ высокій, худой юноша съ прыщеватымъ лицомъ, заломивъ набокъ шапку и съ особенными ужимками, какъ-то преднамѣренно-молодцевато взмахивая согнутыми локтями рукъ и быстро перебирая пальцами по клапанамъ, выводитъ плясовой мотивъ. Но жидкіе тоны гармоники, какъ кажется, не оживляютъ публику, и эта кучка проходитъ мимо меня въ сущности такая же

скучная, какъ и всѣ другія. Позднѣе, конечно, народъ, какъ всегда, соберется у двухъ кабаковъ у перевоза; близъ кабаковъ поставлены качели, и въ праздникъ появляется какое-то убогое тріо изъ двухъ скрипокъ и альта. Тамъ же поставятъ свои палатки и нѣсколько торговцевъ дешевыми леденцами, стручками, сѣмечками и всякими тому подобными сладостями, начнутся танцы; кое-кто повернется въ качеляхъ; но и тамъ настоящаго веселья не будетъ. Къ вечеру любители выпивки успѣютъ пропустить извѣстное количество водки, и начнется пьяное галдѣнье; тогда мало знающій эту толпу человѣкъ, пожалуй, можетъ подумать, что наконецъ-то истинная веселость охватила всѣхъ присутствующихъ; но осторожный наблюдатель, присмотрѣвшись, сейчасъ же замѣтитъ, что все это видимое, виѣшнее веселье создано въ сущности очень небольшою частью толпы.

Иконописный промыселъ.

(А. Молчанова.)

Знакомство, даже очень поверхностное, съ Владимірской губерніей далеко не такъ просто. Чуть въѣзжаешь въ ея границы, съ любой стороны—справа и слѣва—выглядываютъ то одинокія, то цѣлое товарищество высокихъ каменныхъ дымящихся трубъ. Вагоны и станціи наполняются публикой, совсѣмъ незнакомой земледѣльческому краю: она имѣетъ смазные скрипучіе салоги, красную рубашку, жилетъ, суконную поддевку и фуражку. Изъ оконъ вагона виднѣются неспаханые луга, а къ рельсовой тропинкѣ тянутся нескончаемые обозы. Въ этомъ краѣ развивается заводская дѣятельность; въ немъ издавна цвѣли кустарные промыслы, въ немъ они отцвѣтаютъ теперь, сосредоточиваясь въ одиѣхъ рукахъ и обращаясь въ фабрики.

Съ незапамятныхъ временъ большая часть здѣшнихъ селъ и деревень изобрѣли себѣ разные промыслы. Промыслы эти ничуть не сообразуются ни съ характеромъ мѣста ихъ развитія, ни съ продуктами, производимыми на мѣстѣ. Такъ, Пустошь и всѣ деревеньки и дворьки, лежащія около, квасятъ, дубятъ, вроятъ и шьютъ овчины, хотя эта мѣстность никогда не славилась овцеводствомъ; Палеха, Холуй и Мстеры рисуютъ и украшаютъ фольгой иконы, хотя убогая природа, скромные храмы и развивающійся расколъ нисколько не гармонируютъ ни съ живописью, ни съ предположеніемъ объ особенной набожности жителей этихъ селъ; Иваново - Вознесенскъ, Шуя и Тейково ткуютъ митяль и печатаютъ ситцы, тогда какъ Владимірская губернія отстоитъ, какъ извѣстно, за тридевять земель отъ мѣсторожденія хлопка; наконецъ, округъ Вязниковъ, славящійся своимъ полотномъ, менѣе всѣхъ другихъ производитъ ленъ. Очевидно слѣдовательно, что всѣ здѣшніе промыслы создались искусственнымъ, случайнымъ путемъ, точно такъ же, какъ

привилась искусственно къ этой мѣстности послѣдующая заводская дѣятельность. Она поставила свои машины здѣсь только потому, что тутъ она нашла себѣ капиталъ ручнымъ трудомъ. Такимъ образомъ фундаментъ у нея — одно преданіе, а не каменный уголь, не минеральное топливо...

По скучной тряской дорогѣ черезъ болота, гати и пустующія, покрытыя кочками поля и 30 верстъ — длинный путь. Конѣцъ его — обширное село Палеха. Тутъ на берегахъ маленькой рѣчки сошлись двѣ общины. Администрація у нихъ разная, но промыселъ связываетъ ихъ воедино. Старшины и старосты — лишь звукъ пустой. Взгляните лучше

Лѣсная дорога во Владимірской губерніи.

на всевозможныя вывѣски: „трактиръ“, „трактирное заведеніе“ — двадцать, тридцать такихъ вывѣсокъ, и всѣ онѣ неизмѣнно повторяютъ только двѣ фамиліи. Эти имена принадлежатъ мѣстнымъ богачамъ, истиннымъ хозяевамъ и господамъ обѣихъ смежныхъ общинъ. Они торгуютъ съ Россіей, Кавказомъ, Болгаріей и Румыніей, доставляя по всему православному міру сотни тысячъ иконъ, десятки тысячъ иконостасовъ и иконъ для захолустныхъ храмовъ и церквей. Все остальное населеніе здѣсь, въ Палехѣ, въ сосѣднемъ селѣ Холуѣ, въ дальнихъ Мстерахъ — цѣлыя тысячи деревенскаго люда учатся и работаютъ на нѣсколькихъ тузовъ-иконописцевъ. Палеха и Холуй заняты исключительно этимъ промысломъ.

Иконопроизводство раздѣляется на 5 сортовъ: низшій сортъ иконъ

стоять отъ 1½, рублей за сотню; рисуются онѣ на березовыхъ доскахъ простыми дешевыми красками по преимуществу учениками или мало-годовыми рабочими. Ихъ выборъ не великъ: десятокъ извѣстныхъ святыхъ, изображеніе годовыхъ праздниковъ, изображеніе семи дней недѣли и 12 мѣсяцевъ года. Второй сортъ — та же программа, но лучшая работа на кипарисовомъ деревѣ, покупаемомъ въ Астрахани или Нижнемъ. Тутъ есть иконы и по рублю, и по 3 рубля. Третій высшій сортъ простой иконы—работа мастеровъ исключительнаго таланта, умѣющихъ рисовать не только заученные съ дѣтства образцы, но и по фантазій или копировать изъ строгановскаго альбома древней иконописи. Четвертый и пятый сорта—продукты весьма недавняго изобрѣтенія. На доскѣ рисуются только голова и руки святого. Вся остальная часть доски — пустое мѣсто. На доску надѣвается фольговая или мѣдная риза, шеголевая, раскрашенная такъ, будто въ нее вставлены различные драгоценныя камни. Это послѣднее производство усиленно развивается и быстро убиваетъ сбытъ и цѣнность прежнихъ немудрыхъ и скромныхъ рисованныхъ иконъ.

Промыселъ этотъ существуетъ у различныхъ предпринимателей на различныхъ началахъ. У старыхъ хозяевъ, одѣвающихъ до сихъ поръ по-мужицки, дѣло продолжается по-дѣдовщинѣ. Мальчики, лѣтъ 9—10, поступаютъ лѣтъ на пять или шесть даровыми учениками. Харчи у нихъ свои; хозяинъ даетъ только „науку“. Годъ, два или три посвящаются на метеніе половъ, стружку досокъ для иконъ, растираніе красокъ и т. п. ученіе. Потомъ мальчуганъ садится съ ранняго утра до поздняго вечера на низенькій табуретъ, все больше, по мѣрѣ роста, сгибаясь надъ нарами, замѣняющими столъ для рисованія. Первый курсъ—накладка на доски гипса или алебаstra съ клеємъ. Слой долженъ быть очень тонокъ и отполированъ простою щеткой, а потомъ сухою тряпкой. Далѣе берется подлежащій рисунокъ святого, контуръ котораго мелко проколотъ булавочкой. Этотъ рисунокъ накладывается ровно на лакированную алебастромъ доску и по нему легонько проводятъ мѣшочкомъ съ углемъ. Уголь проходитъ сквозь булавочные проколы и даетъ на доскѣ требуемый контуръ. Тоненькая желѣзка обводитъ контуръ глубокимъ шрифтомъ. Затѣмъ уголь стираютъ, и икона готова для живописи.

Заурядные мастера дѣлать работу на-двое; одинъ умѣетъ рисовать только лица, другой—одно одѣваніе. Отдѣлка тѣней и выраженій—дѣло навыка. Фантазія допускается въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ чуть одна икона не похожа на другую, то хозяинъ безъ разбора, которая лучше, штрафуетъ рабочаго. У рисовальщиковъ есть свой катехизисъ, переходящій преданіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ, напр., у Владимірской Богородицы глаза должны быть голубые; у Богородицы „Всѣхъ скорбящихъ“—съ зеленоватымъ отливомъ и съ опу-

щенными рѣсницами; у св. Николая — глаза каріе и т. д. Этотъ катехизисъ очень пространенъ: я цѣлый часъ слушалъ устные правила рисовки иконъ, и, конечно, мой рассказчикъ — старый мастеръ — про многое все-таки забылъ упомянуть. Краски имѣютъ тоже свои специально иконописныя названія. Всѣ онѣ разводятся на яичныхъ бѣлкахъ, при чемъ яичная скорлупа служитъ баночкой. Кисти очень мягкія съ острымъ концомъ изъ бѣличьей шерсти. „Такими кистями ни одинъ ученый художникъ рисовать не можетъ“, объясняли мнѣ мастера, припоминая рѣдкіе визиты русскихъ артистовъ живописи въ иконописныя села. Въ заурядныхъ „дѣдовскихъ“ мастерскихъ всѣ рисуютъ безъ всякихъ образцовъ. Ученикъ мѣсяца три-четыре посвящаетъ каждому популярному святому, довольствуясь словеснымъ указомъ мастера: „тутъ почеркѣй мази, тутъ посвѣтлѣй пусти“ и т. п. Выучивъ наизусть одного, переходитъ къ изученію на тотъ же манеръ второго и т. д. Превратившись въ мастера, онъ начинаетъ работать сдѣльно — по 2 и рѣдко по 5 копеекъ съ лица, по 3—5 копеекъ съ одежды на иконѣ, зарабатывая отъ 6 до 8 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Выборъ специальности—лица или одежды—происходитъ совершенно случайно. Лицевщикъ-мастеръ дѣлаетъ своего родственника-ученика тоже лицевищикомъ, и наоборотъ. Хозяинъ никогда не вмѣшивается въ выборъ специальности. Та и другая оплачивается совершенно одинаково и, по общему мнѣнію рабочихъ, требуютъ одинаковаго таланта. Въ этихъ мастерскихъ все производство основано на строгой рутинѣ, на механическомъ заучиваніи наизусть всѣхъ штриховъ, тѣней и оттѣнковъ. Даже надписи на иконахъ воспроизводятся безграмотными рабочими наизусть.

— Что эта подпись означаетъ?—спросилъ я у одного стараго мастера.

— Распятіе Христа,—отвѣтилъ онъ.

А между тѣмъ надпись заключала въ себѣ цѣлый текстъ изъ Священнаго Писанія о громѣ и молніи въ моментъ смерти Спасителя.

Хозяева мастерскихъ обыкновенно держатся правила имѣть у себя только молодыхъ работниковъ. Къ сорока годамъ у работника обыкновенно притупляется зрѣніе. Онъ перестаетъ различать тонкіе оттѣнки красокъ, а рука у него начинаетъ заводить тоненькій кончикъ кисточки за предѣлы контура. Какъ только хозяинъ замѣчаетъ эти зигзаги, онъ даетъ отставку рабочему. Состарившійся рабочій беретъ работу къ себѣ на домъ, переходя въ разрядъ дешевыхъ иконописцевъ и зарабатывая 4—5 рублей въ мѣсяцъ, т. е. половину того, что получалъ въ мастерской. Такъ работаетъ онъ еще пять лѣтъ, рѣдко десять. Иконописца старѣе 50 лѣтъ нѣтъ ни одного въ селѣ. Вообще въ иконописныхъ селахъ стариковъ очень мало. Сокращаетъ жизнь, вѣроятно, не одно корѣніе, согнувшись въ три погибели надъ нарами-столомъ. Надо думать, что наибольшій вредъ приноситъ неосторожное обращеніе рабочихъ съ

красками. Я самъ видѣлъ, какъ они ломаютъ и ѣдятъ хлѣбъ замазанными пальцами, какъ поминутно и мастера и ученики высасываютъ изъ кисточекъ ненужную краску.

Скорость работы просто поразительна. Мастеръ словно печатаетъ, а не рисуетъ. На мелкихъ иконахъ лицо требуетъ отъ него всего восемь прикосновеній кисточки: двѣ черточки—брови, двѣ точки—глаза, двѣ полоски—щеки, черная черта—ротъ, маленькая точка—подбородокъ. Столь же просто рисуется одѣяніе. Взявъ въ руки двѣ одинаковыя иконы, хотя бы вышедшія изъ рукъ разныхъ мастеровъ, трудно отыскать на нихъ даже какое-нибудь микроскопическое различіе штриховъ или красокъ. Такъ все однообразно, ровно, одноцвѣтно, какъ можетъ, казалось бы, печатать лишь одна машина. Зато эти заурядныя мастерскія никакихъ заказовъ не принимаютъ иначе, какъ на тѣ изображенія, которыя работаютъ въ нихъ изстари (40 образцовъ). Товаръ сбывается по желѣзной дорогѣ купцамъ.

Теперь отправимтесь въ мастерскую, составляющую въ деревенской живописи переходъ отъ рутинной дѣловщины къ настоящему искусству. Хозяинъ ея — тоже мѣстный крестьянинъ, наслѣдовавшій отъ своихъ предковъ занятіе иконописью. Но онъ сравнительно съ односельчанами чловѣкъ болѣе ученый и просвѣщенный. Знакомство съ московскими и петербургскими церковными живописцами дало ему вкусъ и пониманіе старины. Еще отецъ его собралъ, впрочемъ случайно, цѣлый сборникъ древнихъ образцовъ иконописи византійскаго стиля. Сынъ купилъ строгановскій сборникъ, досталъ десятки другихъ карандашныхъ снимковъ съ древнихъ иконъ и этимъ запасомъ не только разнообразить рутинное ремесло, но и старается провести въ немъ свой принципъ—возвращенія иконописи къ ея первымъ образцамъ первыхъ христіанскихъ лѣтъ на Руси. Такая задача отчасти обуславливается требованіемъ потребителей. Такъ, большинство вновь строящихся или обновляемыхъ храмовъ, заказывая для себя иконостасы и образа, ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ изображенія на нихъ были „древне-греческаго стиля“.

— Прежде какъ-то все на итальянскій манеръ мазали, — поясняетъ хозяинъ, — а теперь вотъ на старинное письмо мода пошла.

Чаще всего новый храмъ прямо указываетъ на какую-нибудь древнюю икону въ старомъ городѣ или Москвѣ. Это заставляетъ хозяина иногда посылать на мѣсто нахождения иконы своего рабочаго, который снимаетъ контуръ и изучаетъ „на память“ краски. Вотъ тутъ-то и познается широкій талантъ русской натуры.

На огромныхъ сколоченныхъ доскахъ, положенныхъ на полъ, рабочий, получающій 10—15 рублей въ мѣсяцъ, кускомъ угля рисуетъ контуръ, копируя его съ миниатюрнаго рисунка. Чертитъ быстро, смѣло и абсолютно вѣрно.

— Гдѣ вы учились рисовать?

— Нигдѣ, такъ вотъ—началъ самъ, потому работа у насъ такая, — отвѣчаетъ онъ скромно, ерзая на колѣнкахъ передъ будущей картиной.

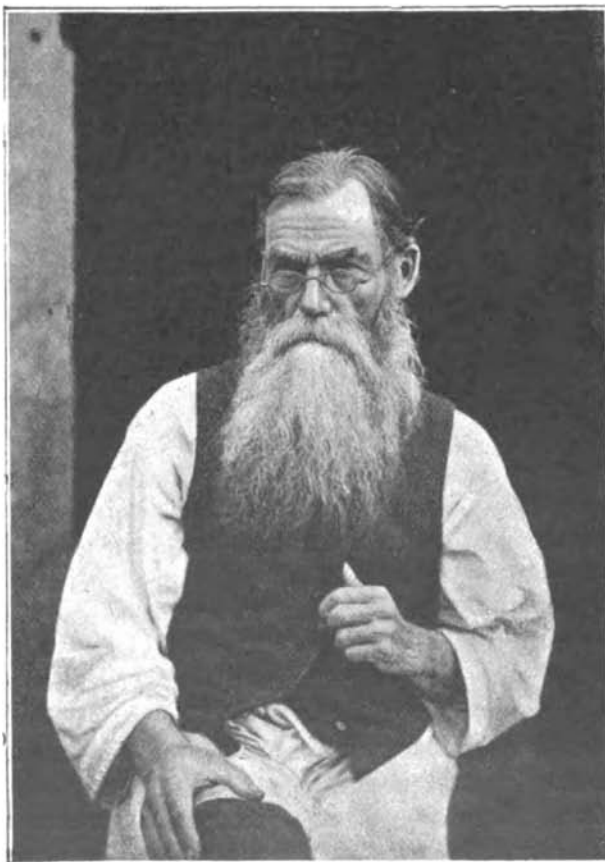
Всѣ штрихи и тѣни обозначаются чертой угля. Затѣмъ на доску влѣзаетъ ученикъ и весь контуръ обводитъ желѣзнымъ остріемъ. Это и замѣняетъ ученику главный урокъ черченія. Кому изъ нихъ не хватаетъ этой работы, тотъ на грифельной доскѣ копируетъ разъ по двѣсти какую-нибудь картинку, печатно попавшую въ мастерскую. Нарисуетъ, покажетъ, сотретъ и снова рисуетъ.

— И не скучно тебѣ одно и то же рисовать цѣлый мѣсяцъ?

— Зачѣмъ скучно? Учусь, — отвѣчаетъ онъ, не безъ удивленія слушая вопросъ о скукѣ.

Мальчуганъ - крестьянинъ учится въ мастерской ровно цѣлыя полсутки и смотритъ на свое ученіе, какъ на необходимую работу. Срокъ ученія пяти- или шестилѣтній.

Итакъ, мальчикъ обвелъ контуръ желѣзкой. Тогда картина ставится или просто къ стѣнкѣ, или, если она невелика, на самодѣльный мольбертъ. Самоучка-живописецъ обставляется яичными скорлупами, заключающими въ себѣ краски, и кисточкой безъ всякой палочки-регулятора начинаетъ рисовать. Вотъ этотъ дѣлаетъ Христу глаза и что-то силится изобразить въ нихъ особенное. Тонкая, короткая кисточка все возится около уголковъ и переносся.

Иконописецъ.

— О чемъ это вы стараетесь?

— Да вотъ, прошлый годъ, — объясняетъ онъ, — видѣлъ я эту самую икону въ Кіевѣ. Спаситель-то тамъ таково жалостливо смотреть, что словно плакать собирается, а глаза-то ясно выглядятъ. Вотъ я и хочу такого написать, да не знаю, пробую—все какъ будто не такъ жалостливо глядитъ у меня...

Этотъ рабочій тоже нигдѣ не учился. Онъ еле-еле знаетъ грамоту и умѣетъ рисовать только одни лица.

Въ другомъ углу мастеръ пишетъ на огромной фигурѣ святого бархатное и парчевое одѣяніе. Ни у кого никакихъ образцовъ нѣтъ.

— Вотъ, бархатъ-то намъ впервые пришлось рисовать, — объясняетъ хозяинъ: — тоже потрудились...

— Почитай цѣлый день провозился съ нимъ, — отвѣчаетъ рабочій, отыскавшій манеръ рисовки бархата.

— Ну, а какъ же вы знаете, гдѣ нужно золото положить, гдѣ парча, гдѣ бархатъ на иконѣ слѣдуетъ быть?..

— А вотъ, который поѣдетъ смотрѣть икону, воротится и скажетъ—тутъ моль позолота, тамъ парча должна быть...

— И ошибки не бываетъ?

— Какъ можно—затѣмъ и посылаемъ, чтобы фальши не было. Вотъ икона-то жемчугомъ въ Кіевѣ отдѣлана, такъ нашъ-то посланный счелъ, сколько на ней мелкой жемчужины, сколько какого бисера, камней зеленыхъ, красныхъ и бѣлыхъ—все какъ есть запомнилъ.

— Т.-е. записалъ?

— Нѣтъ, такъ на память счелъ, а потомъ, сколько ихъ тамъ тысячь было, онъ нарвалъ столько бумажекъ и принесъ ихъ домой.

Внимательность и опытность глаза до того велики у мастеровъ, что они дѣлаютъ иногда заочно копии съ разъ видѣнной иконы для помѣщенія ея въ томъ же храмѣ, гдѣ находится оригиналь. Бываетъ, что копии „малость посвѣжѣе“ образца, но грубой ошибки еще ни разу не было. Работа крупная заказная продолжается не болѣе 5-ти мѣсяцевъ въ году. Въ остальное время мастера или мажутъ по рутинному способу народные образа или отправляются по порученію хозяина въ отхожій промыселъ—для разрисовки дальнихъ храмовъ.

Въ горячую пору работы въ мастерской рабочій получаетъ отъ 10 до 25 руб. въ мѣсяць; въ отхожемъ промыслѣ заработаетъ рублей 30 или 40, а остающійся дома рублей отъ 6 до 8-ми. Теперь случается, что храмы заказываютъ образа масляной, а не яичной краской, которая очень недолговѣчна. Работа масляными красками считается и болѣе дорогою, и болѣе трудною. Во-первыхъ, нѣтъ къ ней привычки; во-вторыхъ, масляная краска не такъ быстро сохнетъ, какъ яичная, и потому для поправки ошибокъ требуетъ въ десять разъ больше времени,

тѣмъ бѣлковая краска. Рабочіе тѣмъ не менѣе совершенно хладнокровно расстаются съ личными сворлупами и принимаютъ за палитру. Но зато тамъ, гдѣ требуется особенная тщательность, гдѣ нужна тонкая работа—напр., глаза и морщины—тамъ мастеръ старается схитрить, положивъ личную краску въ эти трудныя мѣста картины, рисованной масляными красками. Такая хитрость не только не портитъ иконы, а скорѣе придаетъ ей новую красоту. Въ фигурѣ, нарисованной масляною краской, глаза, написанные краской личной, выдаются какъ-то особенно рельефно и выразительно, а морщины кажутся дѣйствительными впадинами на общемъ фонѣ кожи.

Однимъ словомъ, тутъ совершаются чудеса, если взять въ соображеніе, что ни одинъ мастеръ этой живописи не только не видалъ школы, но и учился рисованію такъ, какъ только можно выдумать хуже, рутиннѣе, забивающе всякую способность. Иконописцы относятся къ ученой живописи даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, впрочемъ, воплотивъ обыденнымъ во взглядахъ практиковъ на теоретиковъ. Они рассказываютъ, что когда имъ приходится работать гдѣ-нибудь въ храмахъ подъ руководствомъ ученаго художника, то послѣдній умѣетъ только „прикрикивать“, а кисть никогда и въ руки не беретъ, „чтобъ не осрамиться передъ нами“.

Отхожій промыселъ и для иконописца составляетъ любимое завѣтное занятіе.

— Первое—людей насмотришься; второе—и судьбу многіе находятъ на сторонѣ,—поясняетъ онъ.

Дѣйствительно, нѣсколько талантливыхъ доморощенныхъ артистовъ, знакомясь съ художниками, получали приглашенія на весьма выгодныхъ условіяхъ въ мастерскія Москвы и Петербурга.

Мѣдная или фольговая риза на иконѣ съ художественной точки зрѣнія—верхъ безобразія и безвкусицы. Она очень блеститъ, имѣя претензію замѣнить золото, серебро и драгоценныя камни. Цѣна такой иконы въ ризѣ съ кивотомъ и стекломъ—30 коп. Теперь взгляните въ рѣзбу. На ризѣ сотни различныхъ зигзаговъ, сотни черточекъ, изображающихъ сіяніе ореола и тому под.; сотни выпуклостей для рукъ, для складокъ одежды; сотни вогнутостей для той же цѣли. Различные цвѣты и зигзаги, изображающіе парчу, всѣ выпуклости и впадины, взятыя отдѣльно, очень хороши и вѣрны истинѣ. Однимъ словомъ, и детальный осмотръ ризы, и ея дешевизна непременно заставятъ думать, что риза сдѣлана при помощи какой-нибудь машины, тиснищей ризу въ одинъ моментъ. Съ этимъ впечатлѣніемъ отправляемся изъ сарая, гдѣ сложены въ кучу готовые иконы, въ мастерскую.

Опять низкія нары и около нихъ на табуреткахъ, подобныхъ тѣмъ, на какихъ работаютъ сапожники, разные мастера. Подойдемте къ пер-

вому. Передъ нимъ мѣдный листъ въ миллиметръ толщиной. Мастеръ ровно бьетъ по листу обыкновеннымъ молоткомъ. Черезъ часъ листъ дѣлается такъ ровень, какъ бы онъ прошелъ черезъ прессовальный валъ машины. У второго въ одной рукѣ толстый гвоздь шляпкой внизъ, въ другой молотокъ. На мѣдномъ листѣ уже выведенъ такой же абрисъ иконы, какъ выводится онъ на деревѣ. Мастеръ шляпкой гвоздя выбиваетъ крупныя выпуклости и впадины ризы. Третій рабочій болѣе мелкимъ гвоздемъ дѣлаетъ тоже съ помощью молотка мелкіе выгибы. Четвертый безъ линейки или циркуля вырѣзаетъ изъ мѣди вѣнчики и остриемъ гвоздя съ молоткомъ выбиваетъ сѣніе. Каждый вѣнчикъ заключаетъ въ себѣ 48 фестоновъ и 144 радуги. За вѣнчикъ рабочій получаетъ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 коп. со штуки. Пятый рабочій накладываетъ на ризу краски; шестой пробиваетъ отверстія для лица и рукъ; седьмой наколачиваетъ ризу на дерево иконы. Такимъ образомъ и тутъ нѣтъ ни образцовъ, ни сколько-нибудь удобныхъ инструментовъ для работы: одинъ гвоздь и молотокъ. Циркуль, линейка и масштабъ—все замѣняется опытомъ и привычкой. Мастера зарабатываютъ отъ 6-ти до 8-ми рублей въ мѣсяцъ. По такому расчету рѣзчикъ вѣнчиковъ успѣваетъ сдѣлать въ день около 500 фестоновъ и около $1\frac{1}{2}$ тысячи линий сѣнія ореола. По этимъ цифрамъ можно судить заочно о быстротѣ работы. Я, глядя на необыкновенное проворство, съ которымъ двигается у рабочаго въ рукахъ шляпка гвоздя, просто недоумѣвалъ возможности такой быстроты въ связи съ грубымъ инструментомъ и вѣрностью въ этой относительно мелкой работѣ.

Фольговая риза дѣлается почти такъ же, какъ и мѣдная, но, какъ болѣе мягкая, она требуетъ меньшаго труда и меньшаго времени.

Въ связи съ вышеописанными промыслами развились здѣсь и другіе, такъ сказать, церковные и живописные заработки, а пониженіе общаго благосостоянія крестьянъ этого округа заставило и женщинъ заняться промысломъ. На долю ихъ пока досталось: шитье плащаницъ и хоругвей и разрисовка красками картинъ такъ называемой суздальской школы. Нѣкоторые изъ иконоторговцевъ-тузовъ въ селѣ Мстерахъ завели громадныя пяльцы и сзываютъ къ себѣ женщинъ и дѣвушекъ на поденную работу, для вышивки церковныхъ принадлежностей мишурой по плюсу. Плащаница аршина $2\frac{1}{2}$ длины и $1\frac{1}{2}$ ширины стоитъ въ продажѣ рублей 30 или 40; за работу ея хозяинъ платитъ отъ 5 до 6 рублей.

Въ селѣ Мстеры есть еще одинъ промыселъ, тѣсно связанный съ иконописью,—выдѣлка сусального золота и серебра.

Въ низкомъ подземельѣ громадный камень и рядомъ съ нимъ обыкновенный столъ. Тонкіе листы серебра или золота рабочій разрѣзываетъ на маленькіе четверугольные кусочки и каждый кусокъ кладетъ между пластинками изъ воловьихъ кишекъ. Все это связывается въ пачку

(приблизно похожую на сотню папирсовъ) и бросается на камень. Рабочій беретъ огромный молотъ и $\frac{1}{4}$ часа бьетъ имъ пачку. Кусочки серебра отъ этойковки дѣлаются больше и тоньше. Ихъ вынимаютъ и варятъ въ уксусъ; опять складываютъ еще горячіе въ такую же пачку. Снова положивъ ихъ на камень, мастеръ начинаетъ продувать пачку. Онъ работаетъ своимъ ртомъ и легкими въ продолженіе 15—20 минутъ безостановочно, точь въ точь какъ мѣхами, громко вбирая и выдыхая воздухъ. Потомъ опятьковка и наконецъ распределеніе уже тонкихъ, какъ паутина, листочковъ серебра въ книжечки, между страницами бѣлой бумаги.

М о с к в а.

(С. Ч.).

Хотя Москва, подобно древнему Риму, и расположена на „семи холмахъ“, но въ общемъ она лежитъ въ котловинѣ и видна издали, когда подъѣзжать къ ней по одной изъ желѣзнодорожныхъ линій, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ и въ настоящее время равняется 10.

Уже за десятки верстъ близость Москвы даетъ знать о себѣ. Мимо оконъ вашего поѣзда часто мелькаютъ другіе, встрѣчные поѣзда, развозящіе изъ Москвы ея товары и пассажировъ по всѣмъ направленіямъ; на станціяхъ, пропуская ващъ поѣздъ, тоже стоятъ безконечно длинныетоварныепоѣзда, нагруженные лѣсомъ, зерномъ, скотомъ, нефтью и всѣмъ, что нужно для Москвы и что идетъ въ нее въ обмѣнъ за ея фабричныя издѣлія. Если вы подъѣзжаете къ ней лѣтомъ, поѣздъ то и дѣло останавливается на маленькихъ станціяхъ или просто платформахъ безъ всякой станціи, съ одной будочкой, гдѣ продаютъ билеты. Чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ чаще эти остановки и тѣмъ больше и больше прибываетъ въ поѣздѣ пассажировъ. По сторонамъ дороги мелькаютъ фабрики и заводы, дачныя домики, сосны, березки, иногда шоссе или проселочная дорога, или широкая просѣка, прорубленная въ лѣсу, по бокамъ которой изъ-за хвои сосенъ выглядываютъ зеленныя и красныя крыши. Живописнаго въ большей части окрестностей Москвы, если смотрѣть на нихъ изъ окна вагона, мало; все больше мелкій и невзрачный соснякъ, ельникъ и березнячокъ, чередующійся съ маленькими, почти игрушечными полосками и клынышками пашень и огородовъ. Только иногда поѣздъ пересѣчетъ узкую рѣчку съ крутыми лѣсистыми берегами или врѣжется въ высокій старинный боръ. Чтобы видѣть настоящія живописныя и красивыя мѣста, которыми не даромъ славятся окрестности Москвы, нужно ѣхать въ нихъ особо.

Но вотъ вдали завиднѣлась и самая Москва. Прежде всего бросается въ глаза громадный золоченый куполь храма Спасителя; если день

ясный и солнечный, то куполь этотъ горитъ на солнцѣ, какъ исполнская свѣча, и виденъ верстъ за 18. Потомъ какъ-то вдругъ показываются церкви, дома, фабричныя трубы, высокія колокольни, деревья далекихъ и близкихъ садовъ, но все это еще задернутое дымкой тумана, который всегда виситъ надъ большимъ городомъ. Поѣздъ то мчится среди правильно симметричныхъ зеленыхъ грядъ огородовъ, кольцомъ опоясывающихъ Москву, то съ шумомъ и свистомъ проносится по товарнымъ станціямъ съ безконечными вереницами пустыхъ и груженыхъ красныхъ товарныхъ вагоновъ, мимо кладбищъ, бѣлыхъ и красныхъ фабричныхъ корпусовъ съ высокими трубами, пересѣкаетъ по мостамъ или вровень съ мостовыми пыльные улицы, по которымъ медленно тянутся подводы съ боченками, ящиками, тюками, и, наконецъ, останавливается подъ крышей вокзала.

Если вы попадаете въ Москву первый разъ изъ провинціи, она еще производитъ на васъ впечатлѣніе большого города; если же вы пріѣхали изъ Петербурга, Одессы, Варшавы, не говоря уже о заграничныхъ городахъ, вамъ все кажется относительно маленькимъ, „провинціальнымъ“, хотя и широко раскинувшимся, беспорядочнымъ и грязнымъ. Вокзалы въ большинствѣ случаевъ тѣсные, мостовыя — невозможныя; дома вблизи вокзаловъ двухъ- и трехъэтажныя, невзрачныя. По кривымъ, неровнымъ улицамъ медленно тащатся вылинявшіе, старые вагоны конки, съ трудомъ влекомые исхудалыми клячами; теперь, впрочемъ, ихъ во многихъ мѣстахъ уже смѣнилъ электрической трамвай. На улицѣ — либо пыль, либо грязь. Извозчики, въ синихъ халатахъ, ѣдутъ черепашинымъ шагомъ. А передъ вокзаломъ оглушительныя крики извозчиковъ, наперерывъ зазывающихъ сѣдоковъ и въ то же время заламывающихъ самыя невозможныя цѣны, чтобы было съ чего спустить нанятому, стукъ разѣзжающихся экипажей, всевозможныя крики и шумъ выходящей толпы сливаются въ такой гулъ, который нельзя услышать нигдѣ въ другомъ благоустроенномъ городѣ и который въ глазахъ иностранцевъ сразу придаетъ Москвѣ характеръ „восточнаго“ города.

Наконецъ вы, ухитрившись среди этой толкотни и шума не растерять вещей и нанять извозчика, ѣдете въ ряду другихъ столь же медленно плетущихся „ванекъ“ въ городъ, и передъ вами, хоть и потихоньку, развертываются московскія улицы.

По большей части всѣ дороги отъ вокзаловъ къ центру города идутъ по наиболѣе люднымъ и оживленнымъ улицамъ (если вы пріѣхали съ сѣвера или юга — по Мясницкой или Покровкѣ, если съ запада — по Тверской) и благодаря этому Москва производитъ впечатлѣніе если не муравейника, то во всякомъ случаѣ города съ большимъ населеніемъ. Куда вы ни посмотрите, впередъ, назадъ, — все идутъ и ѣдутъ. За исключеніемъ лѣтняго времени, когда всѣ, кто имѣетъ хоть какую-либо

возможность, бѣгутъ изъ Москвы отъ невозможной духоты, главные улицы всегда полны народомъ, и чѣмъ ближе къ центру города, тѣмъ движеніе пѣшеходовъ и экипажей все усиливается. Правда, прохожіе не имѣютъ въ массѣ такого озабоченнаго и дѣловитаго вида, какъ въ большихъ европейскихъ городахъ, а самое количество ихъ кажется значительно преувеличеннымъ благодаря очень узкимъ тротуарамъ; правда, среди экипажей часто попадаются ломовые извозчики, иногда чуть не дѣлыми обозами запружающіе улицу въ ущербъ удобству остальныхъ проѣзжихъ; но все-таки на такихъ улицахъ попадаютъ и собственные коляски и пролетки съ внушительнаго вида, донельзя наваченными кучерами, даже велосипеды и автомобили, видны жизнь и движеніе, тогда какъ стоить свернуть куда-нибудь въ сторону, въ переулокъ, какъ это движеніе замираетъ и, кромѣ дворника въ картузѣ съ мѣдной бляхой, сидящаго у воротъ дома, да одинокаго пѣшехода, никого не увидишь.

Точно такъ же мѣняется и внѣшній видъ улицъ. Въ большихъ европейскихъ городахъ, отчасти и у насъ въ Петербургѣ, дороговизна земли заставляетъ города расти главнымъ образомъ въ высоту. Не говоря уже о центрѣ города, въ Берлинѣ, на примѣръ, даже на окраинахъ всѣ дома по меньшей мѣрѣ четырехъэтажные, каменные и плотно прилегаютъ другъ къ другу, пропуская между собой только улицы, раздѣляющія эту сплошную каменную массу на мелкіе участки — кварталы. Въ Москвѣ, даже въ самомъ центрѣ города, пятиэтажные дома еще составляютъ исключеніе. Они выглядятъ какими-то мастодонтами среди массы двухъ-и трехъэтажныхъ домовъ и, можетъ быть, оттого, что ихъ такъ мало и они рѣзко выдѣляются между своими сосѣдями, кажутся то черезчуръ вычурными и странными, то слишкомъ ординарными и казарменными. За послѣднее время большіе дома, правда, все растутъ и растутъ, но это только капля въ морѣ, одна черта въ фізіономіи Москвы, какъ города, мало замѣтная на ея широкомъ провинціальномъ обликѣ. Много строится и красивыхъ домовъ-особняковъ въ современномъ стилѣ; большая часть ихъ принадлежитъ богатымъ московскимъ коммерсантамъ.

Въ переулкахъ же и болѣе удаленныхъ отъ центра улицахъ много попадаетъ и одноэтажныхъ домовъ излюбленной старинной архитектуры: съ мезониномъ въ три окна на улицу или низенькими антресолями по боковому фасаду; дома эти часто отдѣлены одинъ отъ другого заборами, за которыми скрывается дворъ или садъ довольно обширныхъ размѣровъ. Только этою разбросанностью вширь и малыми размѣрами большинства домовъ и можно объяснить тотъ фактъ, что Москва такъ рѣдко населена сравнительно съ занимаемымъ ею пространствомъ. А между тѣмъ это, дѣйствительно, „дистанція огромнаго размѣра“, въ среднемъ около 8—10 верстъ въ поперечникѣ и около 60 верстъ въ

окружности, не считая прилегающихъ къ ней пригородовъ, недавно возникшихъ и съ каждымъ годомъ разрастающихся все болѣе и болѣе.

Москва можетъ напомнить муравейникъ и залутанностью своихъ улицъ и переулковъ. Какъ въ большинствѣ старинныхъ городовъ, прямыя улицы въ ней очень рѣдки. По большей части улицы и переулки загибаются то въ одну, то въ другую сторону; нѣкоторые выходятъ на одну изъ главныхъ улицъ и упираются въ домъ, а чтобы найти продолженіе ихъ, надо свернуть по главной улицѣ вправо или влѣво; есть, наконецъ, такіе переулки, называемые „тупиками“, которые и вовсе не имѣютъ выхода, и случайный проходящій, зайдя въ такой тупикъ, долженъ возвращаться назадъ. Поэтому прогулка по московскимъ улицамъ безъ карты въ рукахъ полна самыхъ неожиданныхъ случайностей. Но эта же особенность плана придаетъ московскимъ улицамъ живописность, которой лишены прямолинейныя улицы другихъ большихъ городовъ, напримѣръ, Петербурга. Здѣсь нѣтъ уходящихъ въ даль перспективъ; улицы или мягко закругляются и сворачиваютъ въ сторону, или ломаются подъ всевозможными углами. На каждомъ поворотѣ вы видите то выступающій картинно домъ, то низенькую церковь съ золочеными главами и большими крестами съ цѣпями, поддерживающими ихъ, и полумѣсяцемъ внизу, или старинную колокольню „московскаго стиля“, или, гдѣ поглуше, дерево, перекинувшее черезъ заборъ густой шатеръ своей листвы и прикрывшее полъ-улицы своею тѣнью. А то вдругъ съ возвышеннаго пункта развернется цѣлая широкая панорама и вдали покажется Кремль съ его соборами и башнями, или храмъ Спасителя съ блистающимъ золотымъ куполомъ, или цѣлое море домовъ, бѣлыхъ, розовыхъ, зеленоватыхъ, желтыхъ, даже ярко-красныхъ, съ красными и зелеными крышами и сверкающими между нами тутъ и тамъ золотыми маковками церквей. Большая часть домовъ выкрашена въ свѣтлые цвѣта, что въ свою очередь придаетъ городу веселый видъ и отлично гармонируетъ съ зеленью садовъ, золотыми главами церквей и пестротой и беспорядкомъ на улицахъ.

Но путаница, на первыхъ порахъ представляемая московскими улицами, распутывается довольно скоро, если внимательно изучить ея планъ. Дѣло въ томъ, что вся Москва строилась и продолжаетъ строиться, если можно такъ выразиться, концентрическими кругами. Въ центрѣ города стоятъ Кремль — историческое ядро Москвы, мѣсто, гдѣ находятся важнѣйшія ея святыни и гдѣ прежде жили, а теперь коронуются ея цари. Кругомъ Кремля, бывшаго въ давнопрошедшія времена и крѣпостью, раскидывается собственно городъ. Всѣ главныя улицы расходятся отъ Кремля по радіусамъ, направляясь къ окраинамъ; но эти радіусы не прямыя, а извилистыя и часто ломаныя линіи. Между главными улицами-радіусами, соединяя ихъ, протянулась настоящая паутина дру-

гихъ улицъ и переулковъ, большихъ и малыхъ, такихъ же извилистыхъ и ломаныхъ. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ стариннѣе улицы, тѣмъ онѣ неправильнѣе; чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ новѣе, прямѣе и ordinarily. Въ южной части города, какъ бы для того, чтобы увеличить еще эту путаницу, протекаетъ Москва рѣка, образующая въ чертѣ города двѣ большихъ петли. Она мелка, несудоходна и въ самомъ центрѣ города, несмотря на каменную набережную, имѣетъ довольно жалкій видъ, хотя и придаетъ городу живописность.

На ея лѣвомъ высокомъ берегу, въ самомъ центрѣ города, стоятъ знаменитый Кремль, извѣстный не только всѣмъ русскимъ, но и иностранцамъ по безчисленнымъ картинкамъ, фотографіямъ и т. п. Московскій Кремль является единственнымъ въ своемъ родѣ по красотѣ и оригинальности памятникомъ во всемъ мірѣ. Самое слово „кремль“ значитъ „крѣпость“, но откуда произошло оно — неизвѣстно. Кремли есть и въ другихъ русскихъ городахъ: Ростовѣ Яросл. губ., Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, но они далеко уступаютъ московскому.

Если смотрѣть на Кремль съ одного изъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Москву рѣку выше или ниже Кремля, то передъ вашими глазами открывается высокій зеленѣющій обрывъ, внизу котораго тянется массивная зубчатая ограда, съ выступающими башнями причудливой архитектуры; изъ нихъ особенно выдаются двѣ угловыя башни, круглыя въ нижней своей половинѣ, а въ верхней состоящія изъ невысокихъ ярусовъ, уступами поставленныхъ другъ на друга и все суживающихся вверху. Чѣмъ-то средневѣковымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восточнымъ, фантастическимъ вѣетъ отъ этихъ башенъ, воздвигнутыхъ еще въ XV столѣтіи. За стѣной, на высокомъ холмѣ бѣлѣютъ кремлевскіе соборы съ массивными куполами и высоко поднимается къ небу осьмигранный внизу и круглый вверху столбъ знаменитой колокольни Ивана Великаго, прикрытый громадной золоченой шапкой съ высокимъ крестомъ. Слѣва, рядомъ съ соборами—большой кремлевскій дворецъ, а справа, нѣсколько въ отдаленіи, недавно открытый памятникъ императору Александру II. За этимъ первымъ планомъ сзади поднимаются шпили и шпицы другихъ башенъ, между которыми есть очень высокія, и виднѣются главы и кресты находящихся въ Кремлѣ монастырей—Чудова и Вознесенскаго. Это сочетаніе темныхъ островерхихъ башенъ, ярко-бѣлыхъ стѣнъ церквей и массивныхъ округлыхъ куполовъ съ золочеными главами больше всего поражаетъ глазъ своей оригинальной красотой.

Кромѣ перечисленныхъ зданій, въ Кремлѣ находится еще одинъ такъ называемый Малый или Николаевскій дворецъ, громадное зданіе суда, выстроенное еще при Екатеринѣ II, нѣсколько угрюмыхъ тяжелыхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются арсеналь и казармы, домъ коменданта и друг. Между зданіями широкія улицы и площади, довольно безлюдныя.

Самая замѣчательная площадь—Соборная, между соборами и колокольней Ивана Великаго. Эта небольшая и тихая площадь замощена крупными каменными плитами и обнесена массивной и неизящной желѣзной рѣшеткой, единственнымъ украшеніемъ которой служатъ насаженные на нее двуглавые орлы; въѣзжать въ экипажахъ сюда не дозволяется. Въ будни здѣсь, кромѣ случайныхъ прохожихъ и пріѣзжихъ, осматривающихъ Кремль, почти никого не бываетъ, но по праздникамъ толпится много народу. Хороша бываетъ эта площадь въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Тогда она вся полна народомъ. Въ воздухѣ стоятъ сдержанный гулъ. Купола соборовъ уходятъ въ черное небо и почти теряются во мракѣ. На колокольнѣ Ивана Великаго дрожать и переливаются разноцвѣтныя линіи фонариковъ; такими же фонариками убрана окружающая площадь рѣшетка. Вдали за рѣкой въ ночной темнотѣ виднѣются повисшія въ воздухѣ яркія звѣзды, кресты и гирлянды такихъ же разноцвѣтныхъ фонариковъ, — это приходскія церкви зажгли свою иллюминацію. Но время близится къ полуночи: мало-по-малу шумъ на площади стихаетъ, толпа невольно заражается торжественностью минуты и стоитъ молча. Вдругъ неожиданно, точно падая съ неба, раздается могучій ударъ колокола и низкій бархатистый звукъ наполняетъ площадь; еще и еще; отдѣльныхъ ударовъ почти не слышно, колоколъ только гудитъ, точно гигантскій шмель, заглушая долетающіе издалека звуки другихъ колоколовъ, наполняющіе теперь всю Москву. Но вотъ изъ дверей собора показался крестный ходъ. Въ ту же минуту колокольня точно ожила; со всѣхъ этажей ея, оттуда, гдѣ между фонариками виднѣются человѣческія головы, изъ-подъ самой крыши понесся оглушительный и радостный перезвонъ, за которымъ не слышно даже пушечной пальбы; слушая этотъ веселый, праздничный звонъ, невольно понимаешь смыслъ словъ „звонить во всю ивановскую“. Въ разныхъ углахъ колокольни вспыхиваютъ бенгальскіе огни, обливая ее то розовымъ, то зеленоватымъ сіяніемъ, а внизу площадь озаряется огоньками тысячъ свѣчей, съ которыми стоитъ народъ.

У подножія Ивана Великаго на гранитномъ пьедесталѣ стоитъ Царь-колоколъ; неподалеку видна и Царь-пушка, короткая, съ толстыми стѣнками и толстыми массивными колесами; самая пушка, лафеты и колеса украшены барельефами; около лежитъ пирамида громаднхъ круглыхъ ядеръ. Съ края обрыва, внизу подъ которымъ разбитъ садъ, открывается великолѣпный видъ на зарѣчную часть города, такъ называемое Замоскворѣчье, и вверхъ по извивающейся рѣкѣ до синѣющихъ вдали лѣсистыхъ Воробьевыхъ горъ — возвышеннаго праваго берега Москвы рѣки.

Нѣсколько нарушая цѣльность этой панорамы, возвышается на берегу Москвы рѣки громаднй храмъ Христа Спасителя, главная достопримѣ-

чательность новой Москвы. Онь построень на искусственно насыпанном холмѣ и отчетливо виденъ весь, до основанія фундамента, такъ какъ кругомъ его нѣтъ зданій и разбитъ большой, лучшій въ Москвѣ скверъ; теперь, впрочемъ, въ части сквера, обращенной къ Кремлю, строится памятникъ Александру III. Даже изъ Кремля, на разстояніи версты, храмъ Спасителя поражаетъ своими размѣрами, особенно величиной главнаго купола, достигающаго 48 саж. высоты. Позолотить крышу этого купола обошлось 1½ милліона рублей. Кромѣ громадности размѣровъ да барельефовъ, изображающихъ различныя библейскія сцены, снаружи храмъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Архитектурныя линіи и вся форма креста, которую имѣетъ храмъ, чрезвычайно просты и даже кажутся бѣдными. Зато внутри—великолѣпіе: масса свѣту, чудная отдѣлка изъ разныхъ породъ камней, иконы и стѣнная живопись, принадлежащая кисти лучшихъ русскихъ художниковъ.

Теперь пройдемъ черезъ Кремль и выйдемъ съ его сѣверо-восточной стороны, куда проходятъ черезъ двое воротъ—Никольскія и Спасскія; проходя черезъ послѣднія ворота, всѣ снимаютъ шапки. Это тоже старинный обычай. Пройдя ворота, мы выходимъ на Красную площадь, самую большую и красивую площадь Москвы. По другую ея сторону, противъ кремлевской стѣны, тянется великолѣпное зданіе Новыхъ торговыхъ рядовъ, передъ которыми стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому; съ сѣвера возвышается величественный Историческій музей съ двумя высокими башнями, а на южномъ концѣ, за прежнимъ „лобнымъ мѣстомъ“, находится самый замѣчательный архитектурный памятникъ Москвы—Покровскій соборъ, или церковь Василія Блаженнаго, построенная неизвѣстнымъ зодчимъ при царѣ Иванѣ Грозномъ. По преданію, царь велѣлъ ослѣпить строителя, чтобы тотъ не могъ выстроить въ другомъ мѣстѣ второй такой церкви. Дѣйствительно, это что-то волшебное по пестротѣ красокъ, безконечному разнообразію украшеній и по красотѣ цѣлаго. Снаружи это какой-то пестрый клубокъ, составленный изъ маковиць, шатровъ, переходовъ, дверей, арокъ, карнизовъ, столбовъ,—и все это расписано яркими красками, съ рѣзкими переходами, осыпано звѣздочками, стрѣлочками и другими украшениями. Внутри—маленькія полутемныя церкви, придѣлы, соединенные низкими и узенькими переходами, и всюду стѣны расписаны замысловатыми, фантастическими узорами.

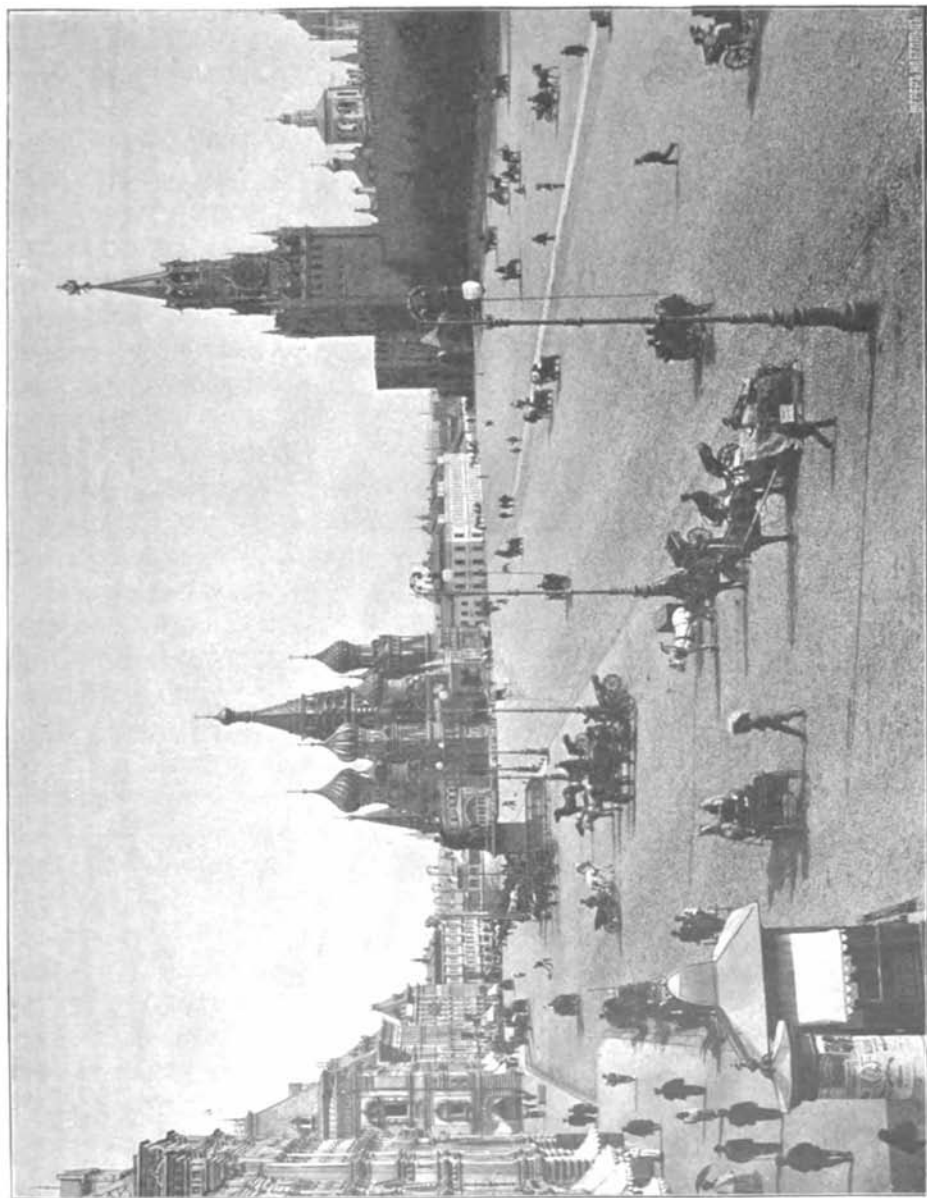
Храмъ Василія Блаженнаго, кремлевскіе соборы, остатки царскихъ теремовъ, сохранившіеся въ Кремлевскомъ дворцѣ, и домъ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ—самые замѣчательные памятники московской старины. Сравнительно съ такими же памятниками Западной Европы, соборами и дворцами, сохранившимися въ городахъ Италіи, Франціи и Германіи, они производятъ впечатлѣніе нѣкоторой миниатюрности и уют-

ности. Церкви не велики, но возбуждаютъ и теперь молитвенное настроеніе; комнаты въ теремахъ малы и низки, съ небольшими окнами, но, войдя въ нихъ, невольно думаешь, что жить въ этихъ низкихъ комнатахъ было тепло и удобно.

Кромѣ этого, въ Москвѣ есть другія старинныя церкви, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ города. Опустошительные пожары, отъ которыхъ Москва въ прежнее время выгорала вся цѣликомъ разъ въ столѣтіе (послѣдній такой пожаръ былъ въ сентябрѣ 1812 года, когда въ Москву вступили французы), уничтожили всѣ старинныя зданія, которыя, конечно, большею частью были деревянныя; уцѣлѣли только каменныя церкви, немногіе дома и общественныя зданія да еще названія улицъ и приходовъ, которыя и въ настоящее время придаютъ Москвѣ старинный характеръ, хотя значеніе ихъ и неизвѣстно теперь большинству ея жителей. Названіе одной изъ улицъ „Остоженка“ объясняется, напримѣръ, тѣмъ, что здѣсь были когда-то заливные луга, съ которыхъ собиралось сѣно для царскихъ конюшенъ и складывалось въ „стога“. Одна изъ лучшихъ улицъ Москвы, Кузнецкій мостъ, получила свое названіе благодаря жившимъ здѣсь нѣкогда кузнецамъ, и т. п. Перебирая эти названія, легко можно представить себѣ всю исторію Москвы.

Къ сѣверо-востоку отъ Кремля, за Красною площадью, расположенъ такъ называемый Китай-городъ, также обнесенный высокою бѣлою стѣною съ нѣсколькими ведущими внутрь воротами и проходами. Это — тоже достопримѣчательность Москвы, хотя и въ другомъ родѣ. Собственно здѣсь всего три улицы: Никольская, Ильинка и Варварка, соединенныя между собой переулками и проходами. Китай-городъ — центръ московской торговли и главнымъ образомъ оптовой торговли. Дома на упомянутыхъ большихъ улицахъ всѣ заняты магазинами, банками, лавками мѣняль, конторами, иногда гостиницами, за которыми здѣсь сохранилось старинное названіе „подворье“, которое часто, впрочемъ, распространяется и на всѣ дома, принадлежащіе одному владѣльцу: Шереметевское подворье и т. п. Въ громаднхъ торговыхъ рядахъ, соединяющихъ Никольскую и Ильинку и называемыхъ Верхними или Новыми, тоже помѣщается до 1.000 магазиновъ, между которыми, правда, довольно много незанятыхъ. Эти ряды — одна изъ крупнѣйшихъ достопримѣчательностей современной Москвы. Они состоятъ изъ трехъ галлерей, высотой въ три этажа и длиною въ четверть версты. Крыша у этихъ галлерей стеклянная и онѣ соединены между собой поперечными галлерейми. По извѣстнымъ днямъ здѣсь играетъ музыка и устраиваются настоящія гулянья. Тутъ торгуютъ всѣмъ: сапожнымъ товаромъ и парфюмеріей, иконами, издѣліями изъ парчи, ситцами, одѣялами, обоями, писчебумажными принадлежностями и дорожными вещами, дѣтскими игрушками и драгоценными камнями, посудой и шляпами, шелковыми

Красная площадь въ Москвѣ.

матеріями и гуттаперчевыми издѣліями, часами и плетеными корзинами, но больше всего мануфактурными издѣліями московскихъ фабрикъ. Тутъ всегда много народу, пришедшаго за покупками или просто посмотреть выставку въ окнахъ и витринахъ магазиновъ.

Но это, такъ сказать, торговля по мелочамъ. Чтобы видѣть „настоящую“ торговлю, ту, благодаря которой Москва по цифрѣ ежегоднаго оборота стоитъ на первомъ мѣстѣ среди другихъ русскихъ городовъ, пройдите въ сосѣдніе Средніе ряды, Старый Гостиный дворъ на Ильинкѣ или сверните въ одинъ изъ переулковъ или большихъ дворовъ, которыхъ много около Никольской и Ильинки. Тутъ передъ вами откроется совсѣмъ другая картина. Кругомъ навѣсы, подъ которыми видны стеклянные двери, на ночь прикрывающіяся другими желѣзными дверями. Всюду ящики и тюки съ различными буквами и знаками; одни тюки выносятъ и грузятъ на длинныя дроги, запряженныя крупными, сильными лошадьми, другіе снимаютъ и уносятъ внутрь. Дѣлается это не безъ шума и криковъ, безъ которыхъ русской человѣкъ, кажется, не можетъ обойтись во время работы, но особенной торопливости и спѣшки не замѣтно. Иногда и этого нѣтъ, и стеклянные двери стоятъ закрытыми, какъ бы указывая тѣмъ, что за ними не зазываютъ посѣтителей, такъ какъ тѣ придутъ и сами. Соответственно этому нѣтъ и большихъ ширококѣшательныхъ вывѣсокъ. Войдите внутрь такого „амбара“, какъ называютъ здѣсь помѣщенія, гдѣ производится крупная оптовая торговля. Зачастую въ немъ нѣтъ оконъ, и свѣтъ проникаетъ туда только черезъ широкія стеклянные двери. Внутри полутемно и прохладно. Нѣсколько человѣкъ сидятъ или стоятъ за конторками, пишутъ или щелкаютъ на счетахъ и отъ времени до времени перекидываются лѣнивыми фразами. Рабочіе перетаскиваютъ или упаковываютъ товаръ. Въ глубинѣ видна другая такая же стеклянная дверь, выходящая на второй дворъ, или лѣстница, ведущая наверхъ, во второй этажъ, гдѣ помѣщается контора или складъ. Все такъ тихо; повидимому, никто особенно не торопится, только трещитъ неугомонный звонокъ телефона. А между тѣмъ часто въ такомъ амбарѣ дѣлаются миллионные обороты; товаръ здѣсь считается не аршинами, штуками и фунтами, а кусками, кѣпами, паргіями, десятками и сотнями пудовъ, и владѣльцы этихъ амбаровъ живутъ иногда въ настоящихъ дворцахъ-особнякахъ, построенныхъ въ затѣливомъ современномъ стилѣ. И на московскихъ улицахъ безъ труда можно замѣтить эту крупную торговлю: цѣлые обозы ломовыхъ, нагруженные товаромъ всякаго рода, тянутся, направляясь къ этому центру или развѣжаясь обратно.

Выйдя изъ Китай-города, или, какъ называютъ его сами москвичи, вѣроятно, за его торговое значеніе, просто „города“, мы очутимся во второмъ кольцѣ Москвы — Бѣломъ городѣ. Собственно это не полное

кольцо; часть его отрѣзана Москвой рѣкой, за которой расположено Замоскворѣчье. Когда-то этимъ кольцомъ и кончалась Москва. Тогда городъ былъ обнесенъ каменной стѣной съ воротами, отъ которыхъ шли улицы къ Кремлю. Теперь на мѣстѣ этой стѣны протянулась линия бульваровъ, описывающая почти полный кругъ; а отъ бывшихъ нѣкогда воротъ остались одни названія площадей, которыя называются въ Москвѣ „воротами“: Никитскія ворота, Пречистенскія и т. п. Въ чертѣ бульваровъ—лучшая часть Москвы. Памятниковъ старины здѣсь меньше, но зато здѣсь находятся многія изъ ея важнѣйшихъ зданій: городская дума, Румянцевскій музей, театры, университетъ и т. д., а въ Замоскворѣчѣ, въ Лаврушенскомъ переулкѣ—Третьяковская галлерей, представляющая лучшее во всей Россіи собраніе картинъ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, только эта часть, включая сюда, конечно, и Кремль съ Китай-городомъ, можетъ по справедливости называться „бѣлокаменной“. Въ слѣдующемъ кольцѣ, такъ называемомъ Земляномъ городѣ, который отдѣляется отъ окраинъ широкой Садовой улицей, почти половина домовъ—деревянная; а за его предѣлами и большая часть ихъ построена изъ дерева, такъ что на долю каменныхъ построекъ приходится всего около 30%. Это преобладаніе дерева въ постройкахъ опять отличаетъ Москву отъ другихъ большихъ городовъ. Вообще съ приближеніемъ къ окраинамъ Москва дѣлается очень похожа на губернскіе города средней Россіи. Каменные дома уступаютъ мѣсто деревяннымъ, газовое освѣщеніе—керосиновымъ фонарямъ, мостовыя дѣлаются еще хуже, а кое-гдѣ и совсѣмъ отсутствуютъ, улицы—грязнѣе, хотя прямѣй и шире.

Точно такъ же оживленіе и шумъ центральныхъ улицъ глохнутъ и пропадаютъ на этихъ окраинахъ, которыя живутъ своею, тихой и сонной, жизнью. Изрѣдка прокричатъ разносчики, предлагающіе молоко, яйца, шторы, ваксу, продребезжить извозчикъ,—и опять тихо. И въ этомъ отношеніи Москва, вѣдъ своего центра, сохранила еще фізіономію провинціального города.

Большую часть населенія Москвы составляетъ простой народъ, ежегодно тысячами приливающий въ Москву за поисками заработковъ. Какъ велика притягательная сила Москвы, видно уже изъ того, что, по статистикѣ, изъ ея больше чѣмъ миллионнаго населенія свыше 700 тысячъ пришлаго населенія, т. е. такихъ, которые не родились въ Москвѣ, и только около 300 тысячъ коренныхъ москвичей. Кромѣ простого рабочаго народа, идущаго на фабрики, въ рабочіе, поступающаго въ услуженіе, въ Москвѣ остается много и интеллигентныхъ лицъ, которыхъ Москва притягиваетъ какъ крупный умственный центръ. Но лицъ этой послѣдней категоріи еще очень мало сравнительно съ первыми. Это преобладаніе простонародья также составляетъ отличительную черту Москвы, которая тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что рабочій классъ по костюму

здѣсь еще рѣзко отличается отъ другихъ классовъ. Только на главныхъ улицахъ преобладаетъ „чистая“, болѣе или менѣе щеголевато одѣтая публика; въ остальныхъ мѣстахъ глазъ видитъ почти одни только картузы, цвѣтныя рубашки, сапоги бутылками, яркіе платки всѣхъ цвѣтовъ радуги, иногда настолько яркіе, что выглядывающее изъ-подъ такого платка лицо кажется какъ бы окруженнымъ сіяніемъ. Это все мастеровые, ремесленники, фабричные. Въ праздники на многихъ улицахъ нерѣдко можно слышать звуки гармоники и пѣсни, напѣваемой подгулявшей компаніей.

Въ самой Москвѣ насчитывается болѣе 1000 фабрикъ и заводовъ, среди которыхъ преобладаютъ бумагопрядильныя фабрики, съ тысячами рабочихъ. Общее количество торговыхъ и промышленныхъ заведеній всякаго рода превышаетъ 26.000. А общее количество людей, занятыхъ торгово-промышленною дѣятельностью, достигаетъ слишкомъ 350 тысячъ. Торговля и промышленность такимъ образомъ задаютъ тонъ всему. Представители другихъ профессій тонутъ въ этой массѣ дѣлового люда, притомъ еще сохранившаго въ значительной степени „московскій отпечатокъ“. Добродушный съ виду, широкій по натурѣ, москвичъ обладаетъ въ то же время извѣстной долей хитрости или, вѣрнѣе, тѣмъ свойствомъ характера, которое называется „себѣ на умѣ“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ консервативенъ, крѣпко держится старины и часто впадаетъ въ мелочность. На нѣкоторыхъ наблюдателей Москва производитъ поэтому впечатлѣніе узко-коммерческаго города. Въ дѣйствительности это не совсемъ такъ. Москва безспорно крупный умственный центръ; но эта сторона ея значенія какъ-то прячется въ тѣни миллионныхъ оборотовъ и всякихъ финансовыхъ дѣлъ. Москва торговая и промышленная, особенно для пріѣзжаго, заслоняетъ Москву интеллигентную.

Но и торговая и промышленная Москва въ значительной степени еще проникнута духомъ косности и неподвижности, неумѣніемъ и нежеланіемъ поступаться долей своихъ настоящихъ выгодъ для достиженія большихъ выгодъ въ будущемъ, а равно неумѣніемъ и нежеланіемъ устраивать свою жизнь комфортабельнѣе и удобнѣе. Это сказывается во всемъ; стоитъ выйти на улицу, и васъ невольно поразитъ то пренебреженіе къ самымъ обыкновеннымъ удобствамъ, на которое вы наткнетесь на каждомъ шагѣ, и то равнодушіе, съ которымъ относятся къ этому сами москвичи. Жизнь въ Москвѣ дорога и неудобна. Въ городѣ съ такой торговлей и промышленностью мостовыя и средства сообщенія изъ рукъ вонъ плохи; какъ будто здѣсь еще и не слышали о пословицѣ „время—деньги“, а живутъ по старинѣ, памятуя, что „дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ“. Не лучше и санитарныя условія города. Московскихъ фабрикантовъ постоянно упрекаютъ въ косности, въ неумѣнн завоевывать новые рынки, увеличивать сбытъ, удешевляя стоимость производства.

Точно такъ же Москва обладаетъ прекрасными, живописными окрестностями, многія изъ которыхъ имѣютъ кромѣ того и высокій историческій интересъ. Но посѣщаютъ ихъ немногіе, чему немало способствуютъ неудобство сообщенія и неблагоустройство самыхъ окрестностей. Москвичи изъ болѣе зажиточныхъ обыкновенно отправляются въ Петровскій паркъ или въ Сокольники, простой народъ идетъ въ Сокольники же или на Воробьевы горы. Послѣднія славятся столько же красотой открывающагося съ нихъ вида, сколько и отсутствіемъ всякаго благоустройства. Сокольники—прекрасный паркъ изъ вѣковыхъ сосенъ, но онъ лежитъ внѣ городской черты и чтобы добраться до него, нужно затратить много времени; къ тому же въ немъ настроено много дачъ. Въ самой Москвѣ, кромѣ бульваровъ, длинныхъ и довольно узкихъ, да нѣсколькихъ садовъ незначительныхъ размѣровъ, мѣстъ для отдыха и прогулокъ не имѣется. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на громадныя благоустроенныя парки большихъ европейскихъ и американскихъ городовъ, и только чрезвычайная разбросанность Москвы и большое количество еще уцѣлѣвшихъ частныхъ садовъ дѣлаютъ сносной жизнь ея обитателей.

Верховье Волги.

(В. Рагозина.)

Въ Тверской губерніи лежитъ большое, многоразвѣтвленное и съ многочисленными островами озеро Селигеръ, принимаемое иногда за истокъ Волги, между тѣмъ какъ даже непросвѣщенный людъ, живущій по Селигеру и въ его окрестностяхъ, знаетъ очень хорошо, что начало Волги не здѣсь и что Селигеръ выпускаетъ изъ себя другую рѣку, названіе которой родственно съ именемъ самаго озера,—Селижаровку. Однако отсюда недалеко уже и до истока Волги.

Мѣстность отъ Вышняго-Волочка къ городу Осташкову на озерѣ Селигеръ сначала представляется довольно ровною; чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще встрѣчаются на сырыхъ понизьяхъ словые, а на болѣе сухихъ и сравнительно возвышенныхъ мѣстахъ—сосновые лѣса, которые не поражаютъ путника ни первобытнымъ видомъ, ни размѣрами деревьевъ: должно быть, не разъ уже они были вырублены на здѣшнихъ мѣстахъ, и теперешнему лѣсу едва ли можно дать 25—30 лѣтъ. Зато другое обстоятельство невольно обратитъ вниманіе всякаго, особенно жителя средней Россіи: мы говоримъ о валунахъ, камняхъ, покрывающихъ здѣсь землю на большое пространство. Сначала валуны попадаются изрѣдка, разбросанными то тамъ, то сямъ, по рывтинамъ, склонамъ холмовъ, по межамъ; но далѣе они встрѣчаются уже на самой дорогѣ, на воздѣланныхъ поляхъ и все въ большемъ и большемъ количествѣ. По мѣрѣ того какъ ѣдешь далѣе, количество мелкаго камня и крупныхъ валу-

новъ продолжаетъ увеличиваться, пока, наконецъ, вся поверхность не представится буквально сплошь покрытою камнемъ.

Но вотъ и Селигеръ. Еще немного — и вы въѣзжаете въ довольно многолюдный городъ Осташковъ, съ трехъ сторонъ окруженный Селигеромъ.

Чтобы отправиться къ истоку Волги, здѣсь можно воспользоваться случаемъ, когда пароходъ отправляется въ Березовское плесо (такъ называется западная вѣтвь Селигера), къ деревнѣ Подгорью. Въ хорошую, тихую погоду можно, впрочемъ, безъ опасенія за скуку, нанять лодку и на ней совершить двадцатипятиверстный переѣздъ до Подгорья. По мѣрѣ того, какъ утопаютъ Осташковъ и Житный монастырь, въ сторонѣ выплываетъ большой лѣсистый островъ; на немъ изъ-за лѣса живописно выступаютъ бѣлокаменный, съ нѣсколькими церквами, монастырь Нила Столбенскаго.

Осташковъ, какъ и всѣ наши уѣздные города, тихій и скучный, разъ въ году однако дѣлается особенно оживленнымъ.

Каждый годъ 27 мая, съ утра, онъ принимаетъ оживленный видъ: раздается благовѣстъ большого колокола; ждуть изъ Твери архіерея; народъ толпами валитъ въ церкви, а еще болѣе къ пристани, гдѣ выметенный, вымытый, чистенькій пароходъ „Ниль“ стоитъ съ разведенными парами и тоже ждетъ архіерея. Изъ ближнихъ и дальнихъ селъ по всѣмъ дорогамъ идутъ поселяне, странники и странницы богомольцы; всѣ спѣшатъ въ Осташковъ и именно къ пристани, гдѣ, кромѣ парохода, къ услугамъ желающихъ готовы то и дѣло подъѣзжающія лодки со Столбенскаго острова, главной цѣли всего народнаго стеченія. Ожидается крестный ходъ по озеру на островъ; судно, предназначенное для этого, поведется нѣсколькими лодками. Торжественность, оригинальность картины, прибытіе архіерея, многолюдность, даровой обѣдъ на островѣ (отъ монастыря), — все это служить, конечно, главной причиной скопленія 15, 20 и даже 25 тысячъ народа на живописномъ островѣ, съ небольшимъ версту въ окружности.

Но вотъ и монастырь скрылся изъ вида; влѣво выплылъ еще какой-то островъ, вправо — еще; миновали ихъ — и снова островъ, самый большой на Селигерѣ, Хочинь; на немъ, говорятъ, стоитъ семь деревень. Только что остался этотъ островъ назади, какъ впереди, справа и слѣва снова острова; нѣкоторые изъ нихъ покрыты въ одной половинѣ высокимъ, стройнымъ хвойнымъ лѣсомъ, а въ другой — густымъ и высокимъ лиственнымъ, съ проглядывающими въ разныхъ мѣстахъ полянками и долочками; берега, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны гранитные валуны, представляютъ взору, не избалованному пейзажами швейцарскихъ озеръ, чрезвычайно привлекательный видъ. Всего на озерѣ Селигерѣ насчитываютъ до 169 острововъ. Наибольшая длина Селигера 80 вёрстъ,

ширина — около 30, глубина довольно значительна и доходить до 24 метровъ. Впрочемъ, не мало и мелей на Селигерѣ, гдѣ глубина не превосходитъ полутора аршина, а пространство, занимаемое иною мелью, достигаетъ почти версты.

Изъ деревни Подгорья, расположенной на Селигерѣ, направимся къ деревенькѣ Волгину Верховью, до которой отсюда всего версть 15—18, а по прямому направленію даже не болѣе 10.

Мѣстность пошла холмистѣе: только успѣешь подняться на одинъ холмъ, какъ, спустившись, сейчасъ же встрѣчаешь передъ собою другой; вправо и влѣво, всюду видны разной величины и формы бугры, холмы, пригорки... Какъ будто когда-то прошла здѣсь страшная буря, взволновавшая зеленую поверхность и пролившая надъ ней обильный дождь, безчисленныя капли котораго, величиной отъ крупнаго яйца до самой огромной бочки и вѣсомъ отъ фунта до нѣсколькихъ сотъ пудовъ, состояли изъ гранита и разсыпались по лицу земли на необозримое пространство.

Это — часть Валдайской возвышенности, извѣстная подъ именемъ Ревеницкихъ горъ.

А вотъ и деревня Волгино Верховье, или, какъ зовутъ сами крестьяне, Волговерховье, расположенная на горкѣ, среди довольно открытой мѣстности. Къ югу, сейчасъ подъ самой горкой, — болото. Несмотря на возвышенный характеръ мѣстности, здѣсь, да и далѣе къ сѣверу, кругомъ всего Селигера, въ Осташковскомъ уѣздѣ разсѣяно громадное количество болотъ и озеръ, составляющихъ одну изъ самыхъ выдающихся особенностей этого уголка Тверской губерніи. Не говоря о Селигерѣ, не говоря о тѣхъ четырехъ большихъ озерахъ, съ которыми мы познакомимся далѣе, мы могли бы назвать до десятка озеръ, изъ которыхъ наименьшее имѣетъ до трехъ верстъ длины; озеръ меньшей величины можно насчитать столько же, сколько острововъ на Селигерѣ. Промежуточные пространства изобилуютъ необозримыми болотами, изъ которыхъ нѣкоторыя тянутся версть на 30, на 40 и даже на 60; часто эти болота представляютъ зыбкія трясины, скрывающія подъ обманчивою зеленою поверхностью своею такія озера, дна которыхъ не достать и самыми длинными шестью; иногда среди такихъ трясинъ внезапно встрѣчаются пространства воды, называемыя здѣсь „окнами“. Болото у Волговерховья одно изъ тѣхъ, какія, безъ сомнѣнія, встрѣчались каждому изъ насъ: осока, треполъ, бѣлокрыльникъ (*Calla*), калужница (*Caltha*), чистякъ (*Ficaria*), а тамъ опять осока, кочки, мочежины, съ кое-гдѣ про-свѣчивающей водой, — вотъ и вся его характеристика. Тѣмъ не менѣе оно привлекаетъ къ себѣ вниманіе посѣтителя, заставляя его въ десятый разъ вглядываться въ ту же осоку и кочки, какъ будто въ нихъ кроется что-то выходящее изъ обыкновеннаго ряда вещей...

— Али на нашу Волгу смотрите? Откуда ваша милость?—спросилъ насъ девяностолѣтній старикъ, когда мы, вдвоемъ съ однимъ студентомъ, стояли на самомъ краю болота, завернувъ въ этотъ глухой уголокъ изъ любопытства видѣть истокъ Волги.

— Да гдѣ же, дѣдушка, Волга-то?—спросили мы.

— А вотъ это и есть Волга. Эвъ часовенка-то, туда подите: тамъ и колодець есть... оттоль и Волга вытекаетъ.

Дѣйствительно, нѣсколько десятковъ сажень правѣе, по самой срединѣ болотца стоитъ убогая, деревянная часовенка, которая подновлена въ послѣднее время; до нея, на памяти того же старика, успѣли придти въ ветхость двѣ другія часовни на томъ же мѣстѣ. Въ часовнѣ пусто; только въ лѣвомъ углу стоитъ единственный и безъ всякихъ украшеній небольшой образъ Спасителя; даже скамейки нѣтъ. Мало того, нѣтъ ни лѣсенки ко входу, ни чего-либо похожаго на мостки чрезъ болото, если не считать за таковыя двѣ-три толстыя, полусгнившія коряги, можетъ быть остатки тѣхъ самыхъ березъ, которыя росли здѣсь на памяти старика. Посрединѣ часовни небольшой срубъ, уходящій подъ полъ, въ болото; шестикъ, опущенный въ воду, уходитъ аршина на полтора или немного больше; далѣе чувствуется вязкій, илстый грунтъ дна; вода прозрачна, но отъ примѣси органическихъ веществъ красновата и нельзя сказать, чтобъ была пріятна на вкусъ; теченія никакого не замѣтно.

Однако, по свидѣтельству старика, въ прежніе годы вода текла тутъ сильно и была чище; самое болото было обширнѣе, и за пряслами, что въ нѣсколькихъ шагахъ къ югу отъ часовни, на болотѣ были объясненныя выше окна, которыхъ теперъ и слѣда нѣтъ, — все затянуло; кругомъ былъ лѣсъ, за тѣми же пряслами и теперъ идетъ лѣсъ, но молодятникъ, выросшій мало-по-малу на мѣстѣ вырубленнаго стараго. Ежегодно 6-го августа въ часовнѣ совершается молебствіе.

Вотъ каково начало великой Волги.

Прослѣдимъ теченіе Волги далѣе. Теченіе, незамѣтное у часовни, съ удаленіемъ отъ нея становится явственнымъ; берега, частью зыбіе, поросли тѣми же травами, къ которымъ можно развѣ прибавить сердечникъ (*Cardamine amara*), хвощъ, бредиву и другія породы кустарниковой ивы; осока замѣняется злаками, дающими крестьянамъ нѣкоторое количество сѣна. Ширина рѣки, понятно, ничтожна, и заволжскій житель безъ затрудненія можетъ, не переправляясь черезъ рѣку, пожать руку пріятелю, живущему на другой сторонѣ рѣки; ширина долины сажень 10—20; берега пока возвышены оба, но лѣвый выше и круче. Обогнувъ деревню съ восточной стороны, ручей Волга вступаетъ въ словый непроходимо-трусобный лѣсъ, разросшійся по болоту, въ которомъ мѣстами опредѣленнаго русла Волги не видно и даже не замѣтно теченія. Съ версту далѣе, по выходѣ изъ лѣса, Волга течетъ уже въ явствен-

номъ руслѣ, дѣлая многочисленныя зигзаги, среди низменной, затопляемой весною луговины.

За деревней Вороновой Волга снова вступаетъ въ лѣсъ, на первый разъ объщающій быть настолько сноснымъ, что, вступая въ него, забываешь крайнія неудобства пѣшаго хожденія по предыдущимъ трупобамъ (иной способъ слѣдованія по самому берегу Волги немислимъ); скоро однако убѣждаешься, что кочки, хворостъ, повалившіяся деревья и вода среди темнаго лѣса изъ елей, увѣшанныхъ длинными космами лишайника, снова овладѣваютъ Волгой, предоставляя путнику или отказаться отъ намѣренія видѣть дальнѣйшее теченіе ея въ здѣшней мѣстности, или мириться съ необходимостью еще разъ вязнуть въ болотѣ и спотыкаться о кочки.

Судя по картѣ, сейчасъ должно представиться и первое озеро, черезъ которое будто бы протекаетъ Волга. Это — Малый Верхитъ; оно имѣетъ довольно круглую форму и, повидимому, не болѣе 50—60 сажень ширины; подойти къ нему вплотъ почти нѣтъ возможности, не рискуя погрузиться по поясъ въ жидкомъ илѣ его береговъ. Кругомъ всего озера тотъ же еловый лѣсъ. Предшествовавшія болота, болота кругомъ, болота далѣе наводятъ на мысль, что Малый Верхитъ не болѣе какъ окно въ одномъ сплошномъ болотѣ, которое когда-то представляло озеро, постепенно, въ теченіе вѣковъ, зараставшее мхомъ, травой и, наконецъ, лѣсомъ.

За этимъ Малымъ Верхитомъ Волга еще верстъ пять-шесть идетъ лѣсомъ, а затѣмъ встрѣчаетъ другое озеро, размѣрами значительно превосходящее первое, но въ остальномъ очень похожее на него; озеро это — Большой Верхитъ. По выходѣ изъ Большого Верхита Волга становится значительно шире; у моста, переброшеннаго черезъ нее на этомъ мѣстѣ, она имѣетъ 10—12 шаговъ ширины при глубинѣ по колѣни; берега сначала возвышены оба, потомъ только лѣвый.

Здѣсь въ первый разъ встрѣчаются мѣста, не лишеныя живописности; это именно тамъ, гдѣ Волга течетъ по дну довольно глубокой и узкой долины, во всю ширину которой надъ темной рѣчкой простираются съ одного берега на другой, какъ длинныя руки какихъ-нибудь великановъ, густыя лапчатыя вѣтви высокихъ елей; нерѣдко огромныя стволы, поваленныя временемъ или бурей, протянулись черезъ Волгу, упирая въ ея хрящеватое дно и выставляя во всѣ стороны свои оголенные отъ коры и хвои изсохшіе сучья; иногда, въ контрастѣ съ такими скелетами, кудрявая рябина смотрится въ зеркало рѣчки, отражая въ ней свои красивыя, вырѣзные листья; или полная жизни молодая черемуха, низко наклонясь надъ водой, купается въ ней свои вѣтви, усыпанныя пушистыми кистями цвѣтовъ, изливающихъ обильный ароматъ въ тиши глубокой долины; вѣтеръ, идущій вверху, не достигаетъ сюда,

донося до слуха только характерный гулъ шумящихъ вершинъ обширнаго хвойнаго лѣса.

Далѣе Волга принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны еще притокъ—ручей Старскій, затѣмъ вскорѣ выходитъ на открытое мѣсто. Картина мѣняется: передъ вами неожиданно открывается видъ на озеро шириною до 4-хъ верстъ, а въ длину верстъ на 14; это—Стержъ. По открытымъ берегамъ его расположено болѣе 20-ти деревень, кругомъ каменистыя поля. По берегамъ озера также разбросаны валуны; многіе изъ нихъ, и притомъ значительной величины, залегаютъ на днѣ самаго озера, служа помѣхою для рыбаковъ.

Въ то время, когда мы были на Стержѣ (это было весной), длину его нельзя было опредѣлить 10-ью верстами: когда лодка дошла до конца озера, то оказалось, что о концѣ этомъ можно было судить только по изгнѣвшейся картѣ; на самомъ же дѣлѣ, вмѣсто ожидаемой Волги, предъ нами было то же широкое озеро, которому не видѣлось конца. Нашъ лодочникъ-рыбакъ разрѣшилъ наше недоумѣніе, объяснивъ, что теперь внизу „запертъ союзъ“ (шлюзъ) и скопившаяся вода широко разлилась по лугу, гдѣ по осени, послѣ спуска воды, обнаружится и самая Волга.

Такимъ образомъ большую часть лѣта Волги здѣсь не видно, а Стержъ сливается въ одно огромное озеро съ двумя другими большими озерами, извѣстными подъ именами Вселуга, или Овселуга, и Пѣно. Оба послѣднія, собственно говоря, не представляютъ каждое особаго озера, а составляютъ одно, перехваченное нѣсколько въ одномъ мѣстѣ и образующее двѣ части: большую сѣверную и меньшую южную; эту-то южную часть и зовутъ Пѣно. Это двуединое озеро не представляетъ ничего такого, что бы заслуживало особеннаго вниманія, если не говорить объ уединенномъ, какъ разъ посрединѣ озера (собственно Овселуга), находящемся островѣ, на которомъ живописно пріютился небольшой монастырь, Ново-Соловецкая пустынь, окруженный рощей. При ширинѣ до 3 и даже 4 верстъ Овселугъ-Пѣно достигаетъ въ длину 22 верстъ, но опять - таки, пока не залертъ бейшлотъ (что такое бейшлотъ, мы вскорѣ увидимъ), т.-е. только на зиму; лѣтомъ же оно непрерывно тянется до озера Волгѣ и составляетъ одно цѣлое на пространствѣ почти 40 верстъ. Самой Волги на всемъ этомъ 40-верстномъ протяженіи не видно, теченія также нѣтъ.

Характерной чертой здѣсь являются карчи, или корчевье, т.-е. затонувшіе стволы, пни и коряги. Плаваніе въ лодкѣ по этимъ мѣстамъ, даже среди дня, крайне небезопасно, потому что чуть не на каждой сажени торчатъ изъ воды темныя, намокшіе, коряжистыя сучья и цѣлыя стволы, многія сотни и тысячи которыхъ, виднѣясь вдали, загораживаютъ для взора всѣ свободныя промежутки на поверхности озера и ка-

жуются иногда непроницаемою чащей, особенно ближе къ берегамъ. Въ бурную погоду при противномъ вѣтрѣ даже и опытный человекъ способенъ придти въ отчаяніе, когда вѣтеръ и волны бросаютъ лодку отъ одной карчи къ другой и гонятъ къ берегу, котораго въ одно и то же время и ждешь съ нетерпѣніемъ и боишься.

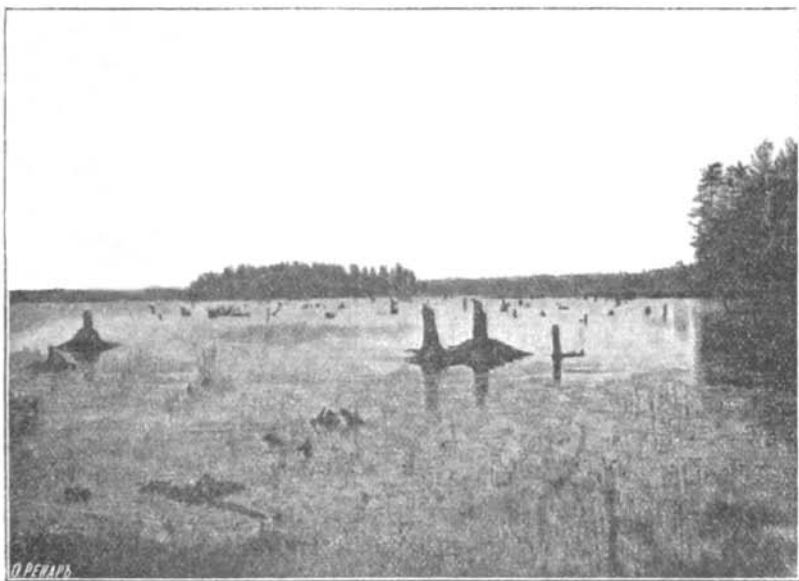
Хотя берега разлива лѣсисты, мы тѣмъ не менѣе затрудняемся опредѣленно отвѣтить, откуда или какимъ образомъ скопилось здѣсь столь огромное количество корчевья, котораго не было въ предыдущихъ озерахъ, хотя берега ихъ мѣстами также покрыты лѣсомъ. Надо думать, что все это корчевье есть результатъ постепеннаго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, накопленія пней и корягъ, приносимыхъ особенно рѣчкой Жукопою, притокомъ Волги. Озеро Волго, послѣднее на пути Волги, имѣетъ около семи верстъ въ длину и двухъ въ ширину, а при запертомъ бейшлотѣ ширина его увеличивается до трехъ верстъ; берега озера возвышены и открыты; въ него впадаютъ четыре рѣки, изъ которыхъ наибольшая, конечно, Волга. Послѣдняя выходитъ изъ озера на восточной оконечности его и въ лѣтнюю пору имѣетъ видъ широкаго и глубокаго канала, по обѣ стороны котораго идутъ возвышенные берега. Теченія въ рѣкѣ не замѣтно, по причинѣ того, что запертъ бейшлотъ.

Но вотъ и онъ. Уже видно въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ какое-то сооруженіе: не то мостъ, не то плотина... какіе-то столбы, колеса... Это и есть замѣчательный верхневолжскій бейшлотъ. Еще издали доносится шумъ падающей воды: должно быть, бейшлотъ отпертъ. Подъѣзжаемъ ближе—и здѣсь, и тамъ, направо и налево сгрудились плоты. Люди копошатся—разрубаютъ связи, приготавливаютъ плоты къ пропуску черезъ бейшлотъ. По лѣвому берегу тянется аллея изъ двухъ рядовъ деревьевъ; подходя къ бейшлоту, она вводитъ въ небольшой, хорошенькій паркъ, отъ котораго вправо, по направленію къ самому бейшлоту, также отдѣляется аллея изъ густыхъ акацій; изъ-за зелени деревьевъ привѣтливо высматриваетъ стоящій среди сада небольшой домъ; тутъ живетъ начальникъ бейшлота. Селенія здѣсь нѣтъ никакого.

Послѣ долгаго пути по болотистымъ трупобамъ Волговерховскаго ручья, по озерамъ и разливу, гдѣ лѣсъ смѣняется болотомъ, болото лѣсомъ, гдѣ видъ разнообразится только одними валунами да безчисленными карчами, верхневолжскій бейшлотъ производитъ сильное впечатлѣніе.

Оба берега Волги возвышены и отстоятъ одинъ отъ другаго сажень на 30. Еще за нѣсколько сажень до бейшлота берега укрѣплены искусственно: по правому берегу, который передъ бейшлотомъ на нѣкоторое разстояніе отлогъ, насыпана дамба; далѣе, вдоль праваго и лѣваго береговъ, вплоть къ вимъ поставлено по длинному, сажени двѣ шириною,

деревянному прочному срубу; оба сруба доверху набиты камнемъ и землей. Это—два береговые устоя. Затѣмъ со дна русла возведены въ равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, подобные береговымъ устоямъ, еще четыре быка, образующіе такимъ образомъ пять пролетовъ; въ каждомъ изъ нихъ въ дно рѣки утверждены по два ряда стоекъ (столбовъ), имѣющихъ каждый съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ берегамъ, по пазу; въ эти пазы вставляются ярусами одинъ надъ другимъ прочныя деревянные щиты аршина по $2\frac{1}{2}$; нижній ярусъ, составляющій опорную линію, удерживаетъ воду до высоты нормальнаго уровня; верхній, называемый „сливной линіей“, преграждаетъ путь водѣ,

Карчи въ верховьяхъ Волги.

накопляющейя сверхъ обыкновенной высоты. Поверхъ всѣхъ устоевъ и стоекъ перекинуть проѣзжей мостъ; здѣсь надъ каждымъ изъ пяти пролетовъ утверждены большіе валы съ прикрѣпленными къ нимъ колесами. Посредствомъ колесъ и канатовъ, концы которыхъ зацѣпляютъ желѣзными крюками за петлю щитовъ, послѣдніе могутъ выдвигаться изъ пазовъ стоекъ. Кромѣ виловъ и колесъ, на мосту въ нѣсколькихъ мѣстахъ стоятъ фонари, освѣщающіе бейшлотъ ночью. Наконецъ, на каждомъ изъ шести устоевъ съ моста ведутъ лѣстницы, кромѣ практическаго назначенія, представляющія возможность каждому сойти на устой, пройти по немъ до конца и очутиться среди ревущей Волги.

Чтобы полюбоваться грозной картиной, всего лучше, впрочемъ, прямо пробраться на легкій мостикъ, исключительно съ этою цѣлью перебро-

шенный съ конца одного быка на конецъ другого, прямо противъ главнаго (средняго) пролета. Отсюда видно, какъ подъ мостомъ черная масса воды устремляется въ открытый наполовину пролетъ и дугой ниспадаетъ съ оглушительнымъ ревомъ на настилку на днѣ русла между двумя быками. Встрѣтивъ препятствіе, вода вздымается бугромъ въ направленіи теченія, встрѣчаетъ другой такой же бугоръ, образовавшійся въ предшествовавшей моментъ, сшибается съ нимъ, разбивается на безчисленныя брызги и, гонимая впередъ растущимъ новымъ бугромъ, отступаетъ далѣе. А назадъ между тѣмъ немолчно раздаются оглушительный гулъ водопада, непрестанно вздымаются новые и новые громадные водяные бугры и летятъ милліоны брызгъ. Но вотъ къ отворенному пролету подплываетъ какой-то смутно различаемый предметъ. Ближе... ближе... быстрѣе... мелкнулъ по выпуклой поверхности водопада и исчезъ. Вотъ вынырнулъ! Это — плотъ, узнаете вы. Съ легкостью щепки взбросило его на первый водяной бугоръ, гдѣ онъ снова мгновенно исчезъ подъ разсыпавшимися гребнями пѣнистыхъ волвъ. Нѣсколько мгновеній онъ не виденъ вовсе; а затѣмъ его съ силой выбрасываетъ на поверхность воды уже за нѣсколько сажень дальше. Съ какой силой бросаетъ плоты по огромнымъ, стремительно бѣгущимъ волнамъ, можно судить по тому, что сплошь да рядомъ не выдерживаютъ скрученныя изъ еловыхъ вѣтвей связи, посредствомъ которыхъ сплочены между собою бревна, и выброшенный Волгою плотъ оказывается разорваннымъ на-двое, на-трое или даже разметаннымъ по бревну.

Такова картина у бейшлота, когда еще, замѣтимъ, открыто всего на всего 16 щитовъ; какова же она должна быть, когда откроютъ всѣ 98 щитовъ! Можетъ быть, читатель спроситъ: какъ же однако проходить лодки, когда даже плоты не выдерживаютъ? На это отвѣтимъ, что лодки обносятъ на рукахъ или волокомъ протаскиваютъ и спускаютъ въ Волгу ниже бейшлота; бываютъ, впрочемъ, случаи, что, напримѣръ, рыбацкія лодки съ рыбой (но безъ рыбаковъ) спускаютъ прямо по водопаду и притомъ весьма благополучно; бываетъ, что нѣкоторыя изъ такихъ лодокъ не выдерживаютъ, и рыбакъ, пустившій свою лодку на авось, послѣ нѣсколькихъ мгновеній трепетнаго ожиданія видитъ, къ великому своему горю, вмѣсто цѣлой лодки выброшенные тамъ и сямъ одни обломки ея. Что касается множества плывущихъ въ беспорядкѣ бревенъ или разбитыхъ плотовъ, то плотовщики караулятъ ихъ съ того и съ другого берега, поджидая, когда то или другое подойдетъ поближе, съ тѣмъ чтобы, зацѣпивъ багромъ, притянуть къ берегу; а затѣмъ собранныя такимъ образомъ бревна плотятъ опять въ плоты и гонятъ внизъ по Волгѣ до мѣста назначенія. Вода пускается во всѣ пролеты разомъ въ октябрѣ, когда начнутся заморозки и навигація прекращается. Съ этого времени бейшлотъ остается открытымъ на всю зиму; вода,

естественно, понижается до нормального уровня; озера и рѣки входятъ въ свои берега; описанный выше 40-верстный разливъ, отъ Пѣно до Волго, спадаетъ, обнаруживая естественное теченіе Волги и ея долину, которая оказывается изобилующею болотами. Со вскрытіемъ рѣкъ во всѣхъ пролетахъ бейшлота снова вставляются щиты. Руна, Кудь, Жукоса и прочіе рѣчки и ручьи переполняютъ своими водами озера и затопляютъ Волгу. Стержь, Овселугъ, Пѣно и Волгб снова соединяются въ одно цѣлое и на протяженіи 80 верстъ образуютъ запасное водохранилище, извѣстное подъ названіемъ Верхневолжскаго бассейна. Площадь, занимаемая имъ, опредѣляется въ 150 квадратныхъ верстъ.

Временно открывается бейшлотъ весь и во время навигаціи, именно, когда наступаетъ крайнее мелководье, когда даже 1—2 вершка лишней воды являются спасительными для судовъ, застигнутыхъ мелководьемъ внезапно, иногда уже въ концѣ ихъ пути къ мѣсту назначенія. При полномъ открытіи бейшлота вліяніе резервуара обнаруживается на большомъ разстояніи: такъ, даже при устьѣ Мологи уровень воды поднимается въ это время вершка на $1\frac{1}{2}$, а у Твери даже на 6 и на 10. Еще выше, какъ, напр., у Ржева, уровень Волги поднимается на 16 вершковъ и, наконецъ, при впаденіи Селижаровки — на 28. Устройвъ такимъ образомъ возможность регулировать высоту волжскихъ водъ, оставалось еще позаботиться о томъ, чтобы данное резервуаромъ количество воды послѣдовало своевременно на тѣ или другіе перекаты, такъ какъ отъ бейшлота вода приходитъ; на примѣръ, къ Твери только въ шестыя сутки. Это достигается при помощи телеграфа; при бейшлотѣ есть телеграфный аппаратъ и проведена проволока, по которой начальнику сообщается о состояніи уровня воды на дальнѣйшемъ протяженіи Волги.

Со времени устройства бейшлота Волга уже въ значительной степени подчинилась волѣ человѣка и даетъ достаточное количество воды, чѣмъ поддерживается судоходство на протяженіи 500 верстъ до устья большой рѣки Мологи.

Лѣсной край на верхнихъ притокахъ Волги.

(Д. Анучина).

Тверская губернія, съ прилегающими къ ней сѣверными частями Смоленской, славилась съ глубокой древности своими обширными лѣсами. Наша начальная лѣтопись упоминаетъ объ Оковскомъ или Вологовскомъ лѣсѣ, изъ котораго берутъ начало Волга, Днѣпръ и Западная Двина.

Однимъ изъ важныхъ лѣсопромышленныхъ пунктовъ на верхней Волгѣ является теперь Большая Коша, при впаденіи рѣки того же имени въ Волгу. Лѣтъ двадцать-двадцать пять тому назадъ пунктъ этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ, но съ развитіемъ лѣсопромышленности вообще

и въ особенноти съ распространеніемъ по Большой Кошѣ и ея притокамъ лѣсныхъ дачъ Тверской мануфактуры селеніе это получило значеніе крупнаго лѣснаго склада и одного изъ важнѣйшихъ мѣстъ по сплаву лѣса съ верхней Волги въ Тверь.

Постоянныхъ жителей и домовладѣльцевъ въ Кошѣ немного, но здѣсь есть почтовая и телеграфная контора, нѣсколько лавокъ, трактировъ и кабаковъ, а съ другой стороны, лѣтомъ здѣсь всегда есть пришлый народъ — сплавщики, число которыхъ особенно увеличивается раннею весною, когда иногда скопляется здѣсь болѣе тысячи рабочихъ. Тогда въ Кошѣ большое оживленіе: трактиры и кабаки шибко торгуютъ, при чемъ специально для рабочихъ заготавливаются тысячи рыбныхъ пироговъ. Продаются эти пироги по 5 коп. и начинаются такою рыбою, что запахъ бьетъ въ носъ и непривычнаго человѣка способенъ выгнать изъ дому. Въ санитарномъ отношеніи условія здѣсь вообще довольно первобытныя, и только въ послѣднее время построены кое-гдѣ по берегамъ бараки для рабочихъ, а ранѣе всѣ они должны были, при сплавѣ дровъ весною, заблудить и мокнуть по цѣлымъ днямъ, не имѣя возможности нигдѣ погрѣться и обсушиться.

Хотя лѣса начинаются уже отъ самой Волги, однако, для того чтобы видѣть ихъ если не въ первобытномъ и дѣвственномъ, то все-таки въ грандіозномъ, мало тронутомъ человѣкомъ видѣ, нужно отправиться подалѣе, на верховья впадающихъ въ долину Коши притоковъ.

Я имѣлъ возможность сдѣлать такую экскурсію въ лѣса, принадлежащіе Тверской мануфактурѣ и расположенные въ мѣстности, гдѣ сходятся между собою Осташковскій, Новоторжскій и Старицкій уѣзды. Верстъ тридцать вверхъ по Большой Кошѣ мы проѣхали въ тарантасъ, затѣмъ отъ Бесаулкова двинулись далѣе на нанятыхъ у крестьянъ телегахъ. Бесаулково — одна изъ лѣсныхъ конторъ или сторожекъ, гдѣ живутъ приказчики товарищества. Такихъ приказчиковъ имѣется по нѣскольку въ разныхъ лѣсныхъ дачахъ; они назначаются обыкновенно изъ лѣсныхъ сторожей, хорошо знающихъ лѣсъ и зарекомендовавшихъ себя распорядительностью и аккуратностью. Подъ ихъ ближайшимъ начальствомъ состоятъ лѣсные сторожа, числомъ до 80, они завѣдуютъ положеніемъ просѣкъ, рубкою лѣса, его свозомъ и сплавомъ, наймомъ рабочихъ и т. д. Опытный глазъ приказчика сразу опредѣляетъ достоинство лѣса и на что пригоденъ тотъ или другой стволъ дерева. Весной, когда производится сплавъ, имъ приходится по недѣлямъ торчать на берегу, имѣя дѣло съ сотней и болѣе рабочихъ, и отъ ихъ распорядительности и расторопности существенно зависитъ успѣшность сплава.

У деревни Киселевой мы свернули къ сѣверу отъ Большой Коши и стали углубляться въ лѣсъ. Ыхали два съ половиною часа сплошнымъ лѣсомъ по узкой дорогѣ, большею частью шагомъ, мѣстами по камнямъ,

мѣстами, въ болѣе низкихъ и лишенныхъ стока участкахъ, по разлившимся на нѣсколько десятковъ сажень лужамъ. Чѣмъ далѣе въ глубь, тѣмъ лѣсъ становился глуше: по обѣ стороны отъ дороги стояла непролазная чаща, въ которой все пространство между деревьями было исполнено молодыми побѣгами, кустарникомъ, сваленными и гниющими стволами, хвоей, камнями, покрытыми мохомъ, и т. д. Густой лѣсъ, уходящій далеко вверхъ своими вершинами, только вверху представлялъ освѣщенную солнцемъ полосу; внизу было прохладно, сумрачно, пропитанно сыростью и запахомъ прѣли. Конца, казалось, не будетъ этому лѣсу, не представлявшему нигдѣ просвѣта, не открывавшему нигдѣ вида вдаль, такъ какъ самая тропа, по которой мы пробирались, шла зигзагами, извиваясь то туда, то сюда. Наконецъ показался слабый просвѣтъ, послышался лай собакъ, и мы выѣхали на полянку со стоящей на ней сторожеюй. Это было Лещелово, одна изъ отдаленныхъ лѣсныхъ дачъ товарищества.

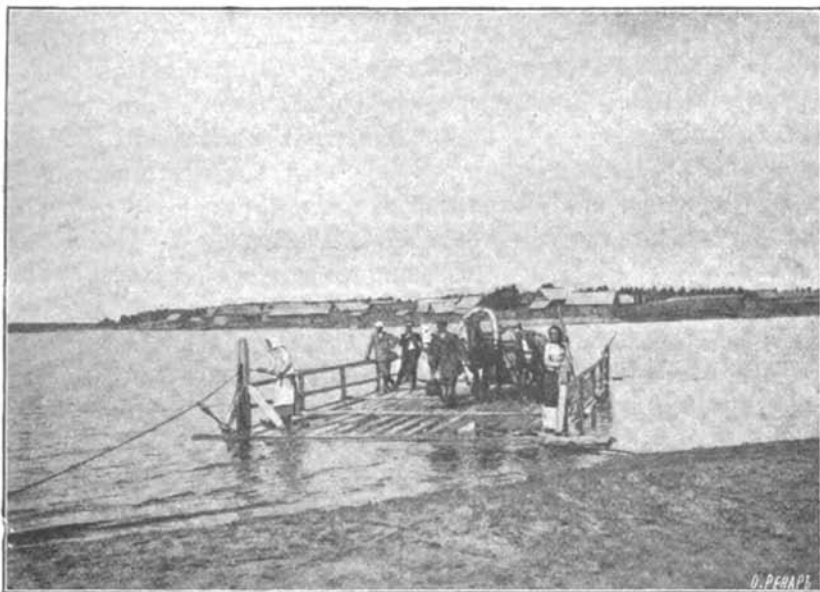
Скоро показался и сторожъ съ ружьемъ за плечами, вышедшій изъ лѣса, гдѣ онъ услышалъ уже раньше звонъ нашихъ колокольчиковъ. Прежде чѣмъ остановиться, мы рѣшили проѣхать версты двѣ дальше, на гору Рождество, одну изъ высихъ точекъ въ этой лѣсистой мѣстности. Гора эта составляетъ одну изъ вершинъ гряды, проходящей здѣсь съ с.-в. на ю.-з. Гора Рождество (136 саж. абсолютной высоты) названа такъ потому, что на ней стояла когда-то церковь; остатки ея каменнаго фундамента и ступеней замѣтны и теперь. Съ горы открывается довольно обширный видъ на востокъ, на массы расходящагося во всѣ стороны лѣса. Въ окрестностяхъ водится, повидимому, много медвѣдей; мы встрѣтили въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣжіе слѣды ихъ. Сторожъ рассказывалъ, что тутъ вообще довольно всякаго звѣрья; недавно ему привелось убить рысь, шкура которой хранится у него въ сторожкѣ. Обзоръ лѣса онъ дѣлаетъ всегда съ ружьемъ, въ виду того что вездѣ можетъ попасться дичь. Случается встрѣтиться и съ медвѣдемъ, но рѣдко: косолапый сворачиваетъ съ тропы, когда зачуетъ человѣка. Лѣса, конечно, обходятъ по тропамъ и просѣкамъ, да и тѣ надо знать хорошо, чтобы не заблудиться: рассказывали про одного мужика, который такъ и пропалъ въ лѣсу, не будучи въ силахъ изъ него выбраться.

Безъ лѣсного промысла трудно было бы жить крестьянину въ этомъ краѣ; земли мало, да и плохо она хлѣбъ родить; то песокъ, то камень, то болото, а лядинокъ не наберешься вдосталь, да и тѣ черезъ нѣсколько лѣтъ тощакуютъ. При сырой почвѣ и климатѣ здѣсь приходится сушить снятый хлѣбъ на особыхъ сооруженіяхъ изъ кольевъ—„озародяхъ“. Лѣсъ даетъ возможность значительнаго добавочнаго заработка: крестьянскій трудъ требуется для рубки, распилки, вывозки и спла-

ва лѣса. Лѣсопромышленники уже осенью намѣчаютъ „дѣлянки“ — участки, подлежащія вырубкѣ. Дѣлянки опредѣляются обыкновенно въ 40 сажень ширины и въ 250 длины; просѣки проводятся въ направленіи перпендикулярномъ господствующему юго-западному вѣтру и такъ, чтобы между вырубаемыми полосами оставались нетронутыя. Вырубленные полосы зарастаютъ травой, „поростникомъ“ (березнякомъ) и т. д., но для возрожденія сплошного, напримѣръ, еловаго лѣса его необходимо засѣвать, что сопряжено съ трудами и расходами и не всегда удается. Въ послѣднее время стали пробовать такой способъ: отдають лядинки крестьянамъ по 6—8 рублей за десятину, съ уговоромъ, чтобы послѣдній годъ они сѣяли рожь вмѣстѣ съ сѣменами ели. Когда придетъ пора жать, молодые всходы ели еще бываютъ очень малы и потому не срѣзаются серпомъ или только отчасти, а между тѣмъ, вырастая среди ржи, они не такъ страдаютъ отъ весеннихъ морозовъ. Послѣ снятія ржи поле запускаютъ подъ лѣсъ. Работа крестьянъ по обработкѣ лѣса заключается въ томъ, что они его „рѣжутъ“, „лупятъ“ и вывозятъ къ рѣкѣ. Большая часть деревьевъ идетъ на дрова, расчетъ за которыя производится по кубикамъ. Прежде пилили полѣнья въ 10—12 аршинъ длины, но такіе отрѣзки годились иногда на постройку и ихъ чаще воровали при сплавѣ, поэтому теперь пилить полѣнья въ 3 аршина длиною. За валку, распилку и складку кубика такихъ дровъ крестьянинъ (работающій обыкновенно съ помощникомъ, парнемъ) получаетъ 2 руб., даже 1 руб. 70 коп. — 1 руб. 50 коп. Тверская сажень считается не въ 12, а въ 13¹/₂ четвертей, но на мѣстѣ принята еще ббольшая мѣра, именно 17—18 четвертей, т.-е. за сажень считается собственно полторы сажени. Этотъ излишекъ полагается на „прикладъ“, т.-е. на недочетъ въ дровахъ, могущій оказаться при доставкѣ ихъ въ Тверь отъ разбитія плотовъ и т. д. При этомъ требуется еще пилить стволъ не выше извѣстнаго разстоянія отъ земли, „подъ корень“, а если будетъ спилено выше (что удобнѣе для пильщиковъ), то или „стежка прихватишь“ (т.-е. выругаютъ) или даже штрафъ наложить (20 коп.). Кромѣ того, требуется складывать полѣнья узкими концами въ одну сторону и мѣрять сажень по этой сторонѣ. Затѣмъ слѣдуетъ вывозка по сибгу сложенныхъ дровъ и срубленныхъ бревенъ къ рѣкѣ, за что съ сажени платится тоже около 2 р. (а за бревна по ихъ толщинѣ); чтобы свезти сажень, нужно сѣздить разъ 13—14, на хорошей лошади 10—12, считая среднее разстояніе 5 верстъ. Вывозятъ на Кошу, также на Жукопу, Цну и другія ближайшія рѣки. Все это, по техническому выраженію, называется „разработать лѣсокъ“ или „рощъ“; промышленники передѣлали „рощу“ (женск. рода) въ „рощъ“ (мужского) и говорятъ: „два, три роцца“, а не „рощи“.

Весною, какъ только вскрыются рѣчки, приступаютъ къ сплаву лѣса.

Для этого вяжутъ плоты, а дрова пускаютъ „вольницей“, „розсыпью“. Плоты на малыхъ и маловодныхъ рѣчкахъ иногда не успѣваютъ пройти и „засыхаютъ“, т.-е. садятся на мели. Розсыпь состоитъ въ томъ, что полѣнья сбрасываютъ въ рѣчку и предоставляютъ имъ плыть по теченію. Но такъ какъ ихъ легко можетъ прибить къ берегу, то нанимаютъ большое число, иногда до 500—600 рабочихъ (съ платой копейекъ по 60 въ день), и посылаютъ ихъ вдоль берега съ кольями („пишками“) отталкивать полѣнья и направлять ихъ далѣе внизъ по рѣкѣ. Полѣнья, плывущія большими массами и запруживающія рѣку на версту и болѣе, конечно, могутъ портить мосты, лавы (мостки) и плотины, изъ-за чего

Переправа на паромѣ на верхней Волгѣ.

возникаютъ нерѣдко споры и судебныя дѣла. Кромѣ того, рабочіе, идя вдоль берега, топчутъ поля и луга, за что также предъявляются претензіи, тѣмъ болѣе, что вопросъ о бечевникѣ у насъ не разъясненъ достаточно закономъ. Наконецъ, въ случаѣ сплава нѣсколькими лѣсопромышленниками легко могутъ возникнуть пререканія между ними, ибо сплавъ одного можетъ задержать или даже вовсе помѣшать сплаву другого. Все это влечетъ за собою судебныя тяжбы или мировыя сдѣлки.

Но сплавить дрова еще подѣла, а надобно еще ихъ не растерять (не „расчесать“) и гдѣ слѣдуетъ перехватить. Для этого при впаденіи рѣки въ Волгу устраивается такъ называемый „заплывъ“ изъ толстыхъ бревень, связанныхъ канатами или даже цѣпями; но иногда случается, что напирающая масса прорываетъ заплывъ, и тогда дрова идутъ, какъ

говорится, „безъ накладной“. Затѣмъ полѣнья или сейчасъ вяжутъ въ плоты, или вытаскиваютъ на берегъ и складываютъ и уже послѣ, постепенно, отправляютъ „караванами“.

Отъ долгаго лежанія въ водѣ дрова портятся, сырѣютъ, и березовыя, напримѣръ, надо отправлять въ лодкахъ или на плоткахъ, смѣшивая ихъ съ еловыми дровами.

До Волги дрова (и лѣсъ) доставляются мѣстными крестьянами, а отсюда, внизъ по Волгѣ, ихъ гонять уже спеціалисты, крестьяне изъ Селижарова и сосѣднихъ деревень. За доставку до Твери платятъ по $2\frac{1}{2}$ —3 руб. съ кубика, и гонщикъ въ одинъ конецъ можетъ заработать рублей тридцать. Гонка направляется „потесями“, длинными веслами, аршинъ 13 длиною, укрѣпляемыми на переднемъ и заднемъ ея концѣ, въ такъ называемой „головашкѣ“, прибитой поперекъ къ двумъ „чушкамъ“. Гонщикъ имѣетъ обыкновенно помощника, часто изъ малолѣтнихъ и обыкновенно изъ своей семьи, такъ называемаго „задника“, который стоитъ у задней потеси и слушаетъ команду гонщика. Если „задникъ“ нанятый, онъ получаетъ за каждый разъ по 5 руб. Сдавъ дрова, гонщики возвращаются обыкновенно пѣшкомъ черезъ Торжокъ и снова нанимаются; наиболѣе проворные успѣваютъ обернуться до четырехъ разъ въ лѣто, т-е. заработать до ста рублей.

Лѣсопромышленники имѣютъ дѣло, впрочемъ, не съ отдѣльными гонщиками, а съ артелью ихъ, и заключаютъ условіе съ представителемъ ея—„артельнымъ“ или „караваннымъ“. Десять и болѣе гонокъ составляютъ караванъ, веденіе котораго и поручается „артельному“; ему же выдаются и деньги за доставку, и онъ уже рассчитывается съ товарищами. Артельный бываетъ обыкновенно сильный, авторитетный, трезвый мужикъ. Онъ подбираетъ себѣ товарищей, торопитъ ихъ, командуетъ и идетъ на первой гонкѣ, остальные слѣдуютъ уже за нимъ. Нѣкоторые караванные пользуются большимъ вліяніемъ и внушаютъ поэтому къ себѣ особое довѣріе промышленниковъ; другіе же не такъ авторитетны, гонщики ихъ мало слушаются и, въ случаѣ какого-нибудь несчастія, могутъ даже бросить караванъ и уйти. Гонщики платятъ артельному каждый по 50 коп., такъ что все преимущество его предъ другими гонщиками заключается въ какихъ-нибудь лишнихъ получаемыхъ имъ пяти рубляхъ.

Весною и раннимъ лѣтомъ въ день отправляется по пяти и болѣе каравановъ. Наплотивъ дрова и снарядивъ караванъ, гонщики обыкновенно всю ночь пьютъ и трогаются затѣмъ въ 4 часа утра. Идутъ до Твери недѣли двѣ и на ночь пристають гдѣ-нибудь къ берегу, около постоялаго двора или кабака. У всякаго такого постоялаго двора или „Ивана Елкина“ (вывѣска его—длинный шестъ съ елкой наверху) замѣчается большій или меньшій складъ дровъ и бревенъ, полученныхъ

отъ гонщиковъ въ объѣзъ на водку. Трудъ гонщиковъ тяжелый и рискованный; цѣлый день надо зорко смотрѣть и водить потесью, и при всемъ этомъ не трудно налетѣть на камень, застрять, разбить плотъ и потерять заработокъ и даже жизнь.

Почти все сколько-нибудь выдающіеся камни (валуны) и пороги на Большой Кошѣ и Волгѣ извѣстны гонщикамъ подъ особыми названіями, въ родѣ, на примѣръ, Бариновъ камень, Мачиха и Пасынокъ, Журавль, Воробей, Проскурка и т. д. Изъ пороговъ на Волгѣ болѣе значительнымъ считается Бенскій (или Бенской). По дорогѣ мы заѣзжали къ этому порогу. Волга течетъ здѣсь четырьмя рукавами промежъ трехъ острововъ, потомъ двумя, раздѣленными однимъ большимъ островомъ. Въ покатомъ ложѣ ея здѣсь много камней, по которымъ вода бѣжитъ скорѣе обыкновеннаго, образуетъ небольшія волны, которыя подсакиваютъ, пѣнятся и даже способны подхватывать брошенные камешки. Шумъ отъ рѣки, впрочемъ, не силенъ; на противоположномъ берегу находится мельница, шумъ отъ которой значительно сильнѣе. Берега Волги въ этомъ мѣстѣ усыяны массою окатанныхъ галекъ и кремней, а кое-гдѣ, у самой воды, лежатъ крупныя гранитныя финляндскіе валуны.

Въ концѣ іюля, когда мы здѣсь были, ширина Волги не превышала, по видимому, 20 саж.

Налетѣть на камень или „засохнуть“ на мели, конечно, на счастье, исключительный случай, но и при удачномъ ходѣ сплава гонщикамъ не мало приходится терпѣть, мокнуть сверху и снизу, жариться на припеки, забнуть отъ холода и пронизывающаго вѣтра. Закаленное здорье спасаетъ многихъ отъ рѣзкихъ простудъ и воспаленій, но въ концѣ-концовъ организмъ все таки надламывается и тяжелый трудъ на водѣ отзывается впоследствии ревматизмомъ и другими упорными хроническими страданіями.

По верхней Волгѣ.

(А. Субботина.)

Ясное лѣтнее утро. Оба берега Волги отчетливо выдѣляются подъ солнечными лучами. Набережная Твери съ ея своеобразными двухъ-этажными домами, съ воротами посреди, нѣсколько напоминающими древніе укрѣпленные дворы, зеленый ровный скатъ къ рѣкѣ Тверцѣ съ Отрочь-монастыремъ, Затверѣчье съ его шестью ярко бѣлѣющими церквами—все это оставляетъ пріятный слѣдъ въ душѣ путника, отплывающаго внизъ.

Весело поыхиваетъ парходная труба, весело снуютъ лодчонки по блестящей равнинѣ водѣ, весело толпится кучка народа у пристани.

Несмотря на раннее утро, собралось не мало любопытныхъ горожанъ посмотреть на отплытіе парохода, на новыхъ лицъ, на скатываніе

багажа по гладкому деревянному лотку. По длинной лѣстницѣ—берегъ имѣеть 5 $\frac{1}{2}$ саж. высоты—спускаемся на „конторку“ и послѣ неизбежной суетни вступаемъ на свѣтло-оранжевый самолетскій пароходъ „Наяду“. Въ девять часовъ утра, послѣ положенныхъ по регламенту свистковъ, „Найда“ плавно и безшумно двинулась на средину рѣки, граціозно повернулась носомъ впередъ, тихо подошла къ наплавному мосту, одно изъ звеньевъ котораго было отведено въ сторону, осторожно проплыла въ образовавшійся проходъ, потомъ дала „полный ходъ“, и колеса завертѣлись. Ихъ ритмическій шумъ успокоительно дѣйствуетъ на нервы, уже заранѣ настроенные на воспріятіе мирныхъ впечатлѣній.

Пароходъ нашъ несетя впередъ со скоростью 15 верстъ въ часъ, затрудненій со стороны мелей не предвидится, ибо только за два дня спущенъ бейшлотъ, и мы пользуемся кстати лишнею глубиной въ 5 вершковъ. Мимо то и дѣло мелькають деревушки и небольшія селенія съ бѣлыми церквями самой русской архитектуры съ двухъ- и трехъ ярусными куполами, съ шатровыми колоколениками. Все картины самыя національныя: невысокіе берега, перелѣски,—словомъ, старинная Русь, не тронутая фабричною цивилизаціей. Съ трапа можно наблюдать полевая работы.

Волга здѣсь шириною 100—150 сажень, длина ея 1—2 версты, но пока самая рѣка меньше привлекаетъ взоръ, чѣмъ берега. Состоятъ она большею частью изъ песчанаго суглинка, кое-гдѣ попадаются валуны, а въ руслѣ каменные гряды, которыя теперь, впрочемъ, безопасны, особенно при искусствѣ рулевыхъ, изучившихъ Волгу, какъ свою комнату.

Берега этого плеса не имѣють той величавой красоты, какъ нагорный берегъ нижняго плеса, не плѣняютъ взора руинами, скалами, замками и вилами, зато привлекають русское сердце идиллической простотой, сельскими картинами и оживленіемъ. Пустырей почти не замѣтно, нѣтъ ни одного мѣста, съ котораго не было бы видно хоть одной церкви. Флора по берегамъ богаче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи: попадаютъ даже величественные осокори, раскидистыя стройныя березы; они сопровождаютъ Волгу на большомъ протяженіи, до самаго низовья. Эта оживленность береговъ представляетъ нѣкоторый контрастъ съ пустыяностью самой рѣки, на которой рѣдко встрѣчаются небольшія барки и буксирные пароходы; это объясняется тѣмъ, что транзитное судоходство по верхнему плесу, прежде довольно значительное, теперь прекратилось, ибо главная масса грузовъ поворачиваетъ отъ Рыбинска по Маріинской системѣ, а также по желѣзной дорогѣ; за Вышневолоцкой же системой остается значеніе только мѣстнаго пути, такъ же какъ и за верхнею частью Волги, которая служитъ главнымъ образомъ для снабженія Тверской губерніи хлѣбомъ, солью, рыбой и керосиномъ; сверху идетъ много лѣса, который сплавляется и за Рыбинскъ.

На пароходъ у насъ преобладаетъ рабочій людъ. Того торговаго элемента, какой снуеть на нижней Волгѣ, здѣсь гораздо меньше. При томъ же на пути нѣтъ крупныхъ складовъ и торговыхъ пунктовъ, почти нѣтъ фабрикъ и заводовъ; раскинувшіяся на пригоркахъ деревни населены мужичками-землероями и кустарями.

Первая за Тверью пристань у села Едимонова, извѣстнаго у насъ по существовавшей здѣсь нѣкогда Верещагинской школѣ молочнаго хозяйства. Пароходъ дѣлаетъ протяжные свистки и поворачиваетъ къ красивому селу; на берегу толпится народъ съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ въ одеждѣ. Нашъ пароходъ свиститъ густымъ баритономъ, въ родѣ фабричнаго гудка. Каждый наблюдатель, проѣхавшій по Волгѣ, замѣтитъ, что каждый волжскій пароходъ гудитъ по-своему, имѣетъ, такъ сказать, свой особый голосъ, по которому его узнаютъ опытные лоцманы на далекомъ разстояніи.

Едимоновскіе крестьяне получаютъ не мало подсобнаго заработка отъ молока, доставляемаго ими на артельныя сыроварни. Здѣсь изъ приносимаго крестьянами молока изготовляются сыры разныхъ сортовъ. Сыры хранятся въ погребахъ, и по мѣрѣ продажи деньги распределяются между крестьянами пропорціонально количеству доставленнаго ими молока.

Въ сыроварнѣ два отдѣленія; въ одномъ сквашивается молоко съ помощью телячьего сычуга, въ другомъ идетъ прессовка. Для анализовъ при школѣ имѣлась интересная кефирная мастерская: кефирные грибки кладутся въ сосудъ съ цѣльнымъ молокомъ, въ которомъ черезъ полутора сутокъ получается готовый кефиръ, грибки же высушиваются и вновь идутъ въ дѣло. Хлѣбъ наглядно превращается въ молочный продуктъ: покупаются тощія коровы „тасканской породы“, т.-е. такія, которыхъ надо вытаскивать изъ хлѣва, подкармливаются хлѣбомъ и начинаютъ давать такое количество молока, какое можетъ изумить даже голландскаго фермера. Сбытъ продуктовъ идетъ успѣшно. Экономическое положеніе мѣстныхъ крестьянъ возросло, и смертность въ Едимоновѣ и его районѣ уменьшилась именно благодаря хорошему экономическому вліянію сыроварень.

Но вліяніе школы сказалось дальше: благодаря ей, сыроварни распространились не только въ Тверской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ. Болѣе всего привилась эта отрасль въ Весьегонскомъ уѣздѣ. Школа устроила еще два отдѣленія въ сосѣднихъ селахъ; за все время существованія она выпустила болѣе 300 спеціалстовъ молочнаго хозяйства обоаго пола, которые разнесли свои знанія на большое пространство, при чемъ прежніе сыровары-иностранцы совершенно исчезли. Продукты едимоновскаго производства идутъ по двумъ путямъ — водой по Волгѣ вверхъ и внизъ, а

также по Николаевской желѣзной дорогѣ черезъ станцію Завидово, до которой отсюда всего 16 верстъ. Обезпеченный сбытъ молока даетъ крестьянамъ возможность держать больше скота, а стало быть имѣть больше навоза, такъ необходимаго для здѣшной почвы.

За Едимоновымъ правый берегъ Волги на протяженіи 20 верстъ принадлежитъ Московской губерніи, что для многихъ культурныхъ пассажировъ оказалось неожиданностью.

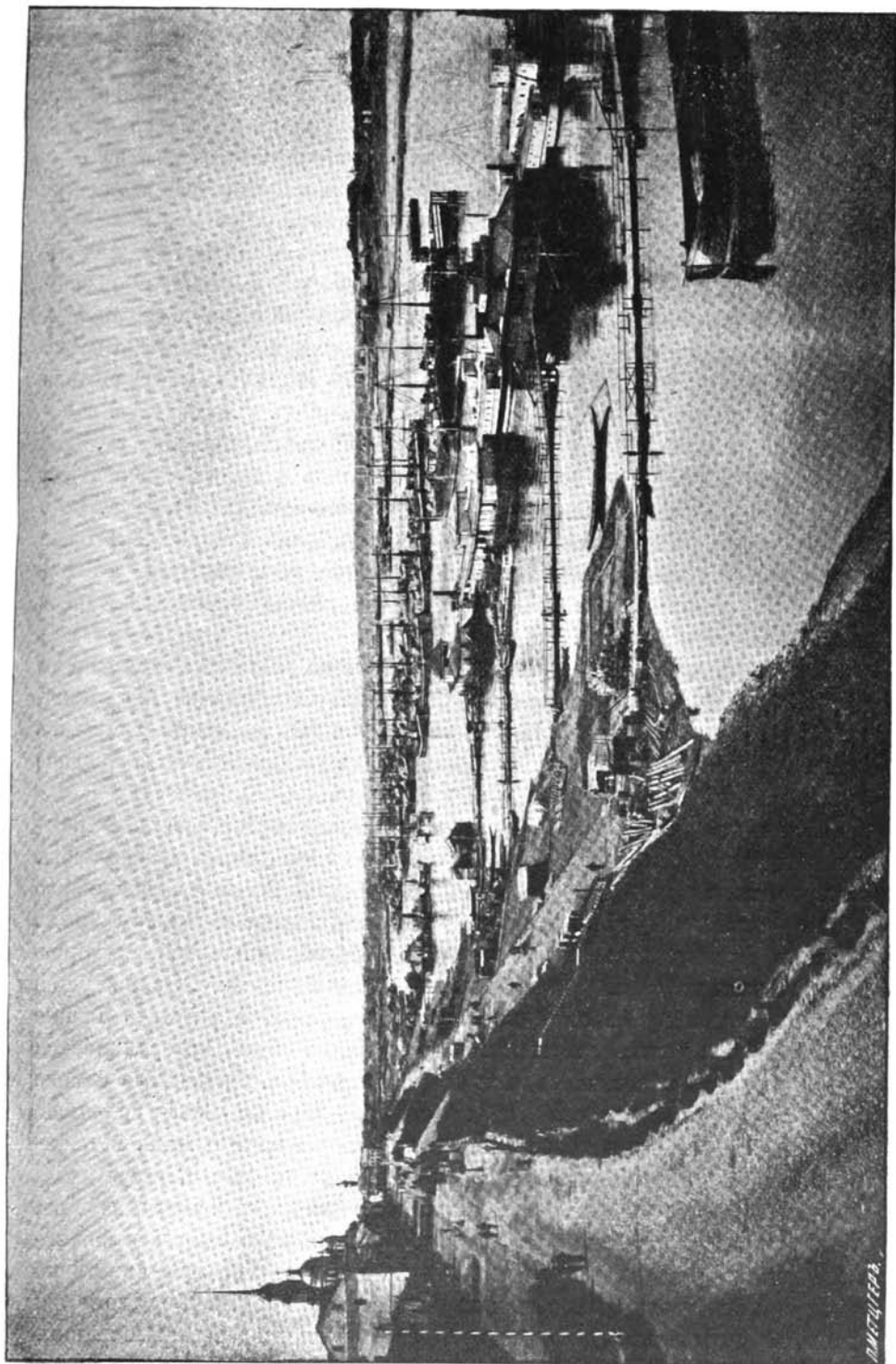
Черезъ шесть часовъ плаванія въ 88 верстахъ отъ Твери передъ глазами путника появляется самый мизерный изъ 11 уѣздныхъ городовъ губерніи — Корчева, отличающійся отъ села только прямоугольными улицами и ровной набережной съ рядомъ небольшихъ каменныхъ домовъ.

Поднявшись во время стоянціи парохода на гору, мы увидѣли сонныя, тихія улицы, поросшія травою и обстроенныя сѣрыми деревянными домиками. Отъ нихъ вѣетъ невозмутимымъ миромъ и тишиной. Видъ Корчевы порождаетъ въ вырвавшемся сюда петербургскомъ обывателѣ невольное желаніе уйти на время отъ столичной сутолоки и суеты; ему представляется очень заманчивымъ пожить нѣсколько дней въ такомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ въ 8 часовъ запираютъ ворота и спускаютъ собакъ, гдѣ въ 7 часовъ утра босоногая служанка выбѣгаетъ растворять ставни, при чемъ изъ окна показываются заспанная фізіономія, какъ бы надѣясь увидѣть что-нибудь новое; но на улицѣ все тѣ же картины, какія были, вѣроятно, 500 лѣтъ назадъ: такъ же спокойно бродятъ козы, свиньи и другія четвероногія существа, любознательно озирающія рѣдкихъ прохожихъ и не всегда уступающія имъ дорогу.

Еще 40 верстъ — и мы подплываемъ къ знаменитому селу Кимрѣ, которое, какъ извѣстно, въ 1812 г. обувало всю русскую армію. Кимра расположена на возвышенномъ лѣвомъ берегу и выглядитъ значительно внушительнѣе своего уѣзднаго города Корчевы. Отъ пристани идетъ въ гору мощный вѣздъ. На горѣ виднѣется массивный пятиглавый Покровский соборъ желтаго цвѣта и рядомъ Троицкая богатая церковь. Оба храма подавляютъ своимъ величіемъ и могутъ смѣло служить украшеніемъ не только любого губернскаго города, но даже столицы: многоярусныя иконостасы украшены богатой позолотой, въ оградѣ не одинъ десятокъ богатыхъ мраморныхъ памятниковъ здѣшнихъ именитыхъ людей. Рядомъ большая мощеная площадь съ каменными рядами и многочисленными лавками, тутъ же гостиница и пожарная часть съ высокою каланчой. Отъ вѣзда поперекъ села идетъ главная улица, которая, какъ и боковыя къ ней улицы, вымощена и обстроена приличными домами. Жителей—болѣе 6 тысячъ. Кимра превосходитъ также нѣкоторые уѣздные города своей губерніи.

Малое плодородіе почвы, близость центральныхъ рынковъ, удобный водяной путь, дешевый подвозъ кожъ снизу, — все способствовало на-

Пристань въ Рыбинскѣ.

Л. М. С. П. Г. Р. А.

сажденію чеботарнаго дѣла, которое развилось здѣсь за послѣднее столѣтіе.

Всего Кимра живетъ немного больше 200 лѣтъ. Въ особенности прочно установился кустарный сапожный промыселъ въ XIX вѣкѣ, когда, благодаря большимъ войнамъ, кимряки стали получать заказы на солдатскіе сапоги. Войны 1812 г., венгерская, крымская, послѣдняя турецкая способствовали оживленію здѣшнихъ дѣлъ.

Поэтому кимрскіе сапожники сильно интересуются политическими событіями и въ качествѣ патриотовъ своего отечества искренно и нелицепріятно желаютъ, чтобы русское христолюбивое воинство „утерло носъ нѣмцу“ или „угостило англичанку съ лѣвой ноги“. До сихъ поръ они вспоминаютъ со вздохомъ о войнѣ 1877—1878 гг., когда они работали на „казну“; этотъ относительно счастливый періодъ у нихъ такъ и называется „казной“. Кимряки такъ и говорятъ: „нашъ Миколка родился за годъ до казны“ и т. д. Работа тогда кипѣла и сапоги пеклись для казны, какъ блины, да и выходили они немного прочнѣе блиновъ. Есть официальные свидѣтельства о такихъ оригинальныхъ сапогахъ, которые „разваливались на пути отъ сотрясенія вагоновъ и на телѣгахъ“, не доходя въ цѣломъ видѣ до нашихъ солдатиковъ, зачастую обматывавшихъ ноги тряпками и соломой.

Сапожный промыселъ развился въ обширномъ районѣ, обнимающемъ 35 волостей, центромъ котораго служитъ Кимра; всѣхъ мастеровъ насчитывается до 23 тысячъ. Изъ всего числа почти половина работаетъ дома, остальные въ отходъ; число уходящихъ увеличилось въ послѣднее время вслѣдствіе уменьшенія работы на мѣстѣ.

Почти всѣ обитатели Кимры, за исключеніемъ торговцевъ, слесарей и другихъ ремесленниковъ, принадлежатъ къ сапожному сословію, которое производитъ для центральныхъ губерній Россіи разнообразную обувь — отъ самой нѣжной, покупаемой столичными щеголихами подъ именемъ французскихъ полусапожекъ, до самой вульгарной, которую надо снимать въ сѣняхъ, а не входить въ ней въ комнату. Съ присущей русскому человѣку смѣткой они быстро выучиваются работать всякіе фасоны обуви; у нихъ найдется и очень хорошая обувь, которая шьется по заказу, есть и плохая „для рынка“, напримѣръ, знаменитые сапоги изъ „еловой“ кожи (коновой) цѣною по $1\frac{1}{2}$ —2 р. на мѣстѣ; голенище въ нихъ дѣлается изъ обрѣзковъ, на подошву идутъ остатки изъ растительнаго царства: лубокъ, картонъ, тряпки; эта смѣсь, называемая „политурой“, замаскировывается для вѣсу воскомъ, хлѣбомъ и глиною, а сверху подбивается лоскутомъ кожи. По выраженію самихъ сапожниковъ, такого рода сапоги ими не шьются, а лѣплятся; носятъ они рѣдко долѣе недѣли, и скупщики сбываютъ подальше. Эти недѣльные сапоги при отправкѣ старательно упаковываются въ плетушки и деревянные ящики,

чтобы въ дорогѣ отъ тряски они не разсыпались и подошвы не отвалились.

По поводу дешевой обуви зубоскалятъ сами кимряки, по свойству русскаго человѣка поглумиться надъ самимъ собой: „хотя отца родного зашей, да продай подешевѣй“, „отъ пятницы до субботы (въ рукахъ) носи безъ заботы“. Но отсюда идетъ и много хорошихъ товаровъ въ столичныя магазины и во внутреннія губерніи. Вообще Кимра представляется силошною мастерскою, замѣняя собою и большія фабрики, и профессиональныя школы.

Подрастающее поколѣніе, какъ только начинаетъ себя помнить, уже ковыряется около сапогъ, учится владѣть шиломъ, какъ шпагою, и кроить подошву, какъ бумагу.

Въ заволжскихъ лѣсахъ.

(П. Засодимскаго.)

Лѣсъ и лѣсъ, все одинъ—вѣчно дѣвственный лѣсъ... Глушь непроходимая, топкія болота. Невидимыя, невѣдомыя опасности таятся на каждомъ шагу въ глубинѣ лѣсной. Страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка... Вотъ какъ Печерскій, знатокъ края, изобразилъ здѣшнія дебри:

„Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мохомъ поросшій кочкарникъ. Сажеными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это „ишава“, иначе моховое болото... Тутъ ходитъ опасно: разомъ по падешь въ болотную пучину и пропадешь...“

„Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязно-зеленой трясины. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это — „окно“. Бѣда оступиться въ это окно. Не въ примѣръ опаснѣй оконъ „вадьа“—тоже открытая, круглая полынья, но не въ одинъ десятокъ сажень ширины. Ея берега изъ тонкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго воду. Кто ступить на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенія... Но страшнѣе всего „чаруса“. Окно, вадыю издали можно замѣтить и обойти,—чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ глухого лѣса, путникъ вдругъ, какъ по волшебному мановенію, встрѣчаетъ передъ собою цвѣтущую поляну... Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, повѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной зелени. Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступить онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса съ ея благоухающими цвѣтами, съ ея сочной, свѣжей зеленью — тонкій травяной коверъ, раскинутый на поверхности бездоннаго озера“.

Лѣсъ и лѣсъ... Лѣса—вблизи зеленые—кажутся издали синеватыми и тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе темнѣютъ, а вдали, на горизонтѣ, заволжскія Европ. Россія.

киваются темно-сизымъ туманомъ. Городовъ нѣтъ въ этомъ лѣсномъ царствѣ, а деревни, разбросанныя на нѣсколько десятковъ верстъ одна отъ другой, утопаютъ въ зеленой тѣни.

Почва здѣсь песчаная, неплодородная. Земля здѣсь кормитъ заволжанина не долге, какъ до Рождества. Климатъ—неровный.. Какъ подуетъ зимой съ сѣвера, такъ морозъ и хватить до 30°; лѣтомъ днемъ отъ жары можно задохнуться, а вечеромъ сыро и холодно. Непроницаемая масса лѣсовъ не даетъ сюда доступа освѣжающимъ вѣтрамъ. Вечеромъ, еще до захожденія солнца, надъ болотистою почвой начинается туманъ, все застилающій собою, какъ сѣрою дымкой, и насквозь пронизывающій холодомъ и сыростью. Здѣсь грозы чаще, чѣмъ въ безлѣсномъ нагорьи; здѣсь больше выпадаетъ дождя и снѣга. Лѣтомъ въ лѣсу оводъ не даетъ покоя ни людямъ, ни скоту... Спаситься отъ него можно лишь куревомъ и смоляной сѣткой изъ нитокъ, которую надѣваютъ на голову. Въ этомъ своеобразномъ краю даже и у воды свой особый цвѣтъ густоперепрѣлаго чая. Жители нагорной стороны называютъ эту воду „боровою“. Но, несмотря на свой темно-красный цвѣтъ, здѣшняя рѣчная вода до того прозрачна, что на глубинѣ болѣе сажени, при песчаномъ днѣ, можно рассмотреть всѣ камешки и раковинки.

Нижегородское Ветлужье въ пять разъ меньше Костромского; зато населеніе въ немъ плотнѣе, промышленность и торговля оживленнѣе... Правая сторона Ветлуги порѣдѣла уже на далекое разстояніе. Кое-гдѣ лѣса отодвинулись отъ рѣки, скрылись изъ виду вонъ,—да и изъ тѣхъ, что уцѣлѣли, нѣкоторые утратили свой первобытный характеръ: ни роста, ни дородства, ни прежней густоты мѣстами уже не осталось и слѣда. Здѣшніе старожилы полагаютъ, что по этой-то причинѣ климатъ за послѣднее время измѣнился, сдѣлался теплѣе...

Нижегородское Заволжье орошается рѣками Ветлугой съ ея притоками и Керженцомъ, который въ одной старинной волжской лѣснѣ называется „рѣкою быстрою, омутистою“. Главный притокъ Ветлуги — Люнда. Лѣсовъ по Люндѣ много и до сихъ поръ, и идутъ они сплошною глушью до самаго Керженца. Лѣса хвойные, но встрѣчается и вѣковой дубнякъ, употребляемый пчеловодами на борти. Въ лѣсахъ много птицъ и звѣрья, не мало пристааетъ и перелетной дичи. По берегамъ залегаютъ обширныя болота. Сплавъ производится лишь во время половодья. Но и здѣсь Ветлуга остается главной артеріей края. Хлѣбъ сюда идетъ преимущественно изъ Чебоксаръ и Лыскова, а сплавляются отсюда рогами, тесь, смола, деготь, уголь, жерди и всякая посуда, и все это идетъ въ Саратовъ и въ Дубовку. На пристани Отарской до послѣдняго времени строились барки—казенныя и частныя; въ казенныхъ сплавлялся корабельный лѣсъ, а въ частныхъ — разные лѣсные матеріалы въ низовыя губерніи. Отсюда же много свояется бревенъ и плотовъ. На пристани при деревнѣ Копыловѣ

барки грузятся смолою и дегтемъ, такъ какъ эта деревня стоитъ почти въ центрѣ смолокурныхъ и дегтярныхъ заводовъ.

Деревня Копылово замѣчательна еще тѣмъ, что немного выше ея по теченію рѣчной берегъ, подмываемый водами, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обваливается и съ каждымъ обваломъ обнажаетъ множество человѣческихъ костей. Вѣроятно, тутъ нѣкогда существовало владбище, можетъ быть, какихъ-нибудь первобытныхъ обитателей финскаго племени. Народное преданіе поясняетъ, что здѣсь еще до появленія монголовъ было русское селеніе Березовка и это „жило“ будто бы было разорено во время Батыева нашествія... Богатѣйшія рыбныя тони здѣсь—коткишевскія. Выше села Коткишева есть три омута: называются они „ямами“. Они отдѣляются другъ отъ друга песчаными перекатами, по которымъ вода течетъ съ особенною быстротой. Эти омуты—до 10 сажень глубины и представляютъ собой настоящіе садки для лещей и стерлядей. Въ этихъ омутахъ, по здѣшнему выраженію, „ихъ боемъ набито, словно грязи“. Хороши рыбачьи тони и на Люндѣ.

Лѣсныя богатства не уступаютъ рѣчнымъ. Здѣсь олени табунятся стадами, бродятъ лоси и медвѣди, шныряютъ лисицы,—встрѣчаются даже чернобурыя. Но всего болѣе здѣсь волковъ, зайцевъ и бѣлокъ. Бѣлокъ—милліоны. Замѣчательны ихъ путешествія изъ края въ край: тогда онѣ несутся тучей по землѣ и по деревьямъ, пускаются вплоть черезъ рѣки. Рассказываютъ, что осенью одинъ рыбакъ, попавши случайно на живой ихъ переходъ, пришелъ въ ужасъ. Черезъ рѣку плыло ихъ на пространствѣ болѣе 100 сажень. Волки осенью и зимою рыщутъ здѣсь стаями и бывають такъ дерзки, что позднимъ вечеромъ или ночью разгуливають около селеній, а иногда заходятъ и въ самыя селенія. Они нападаютъ на путниковъ, и ихъ непріятнымъ воемъ по ночамъ оглашаются лѣсныя чащи... Птичье царство здѣсь также богато и разнообразно.

Жители нижегородскаго Заволжья также почти исключительно кормятся отъ лѣсныхъ промысловъ. Большую часть зимы они проводятъ въ лѣсу, занимаясь рубкой бревень, перевозкой и сплавомъ ихъ.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ села Воскресенскаго, тянутся корабельныя рощи съ великолѣпными, громадными листовыми деревьями. Въ извѣстное время, по назначенію начальства, здѣсь производится рубка деревъ. Рабочіе, занимающіеся рубкой, называются „лашманами“. Одни изъ нихъ бывають пѣшіе съ топорами, другіе—конные для вывозки бревень. Рубка производится зимою. Вокругъ иного вѣкового великана, пережившаго десятки людскихъ поколѣній, собирается нѣсколько лашмановъ, — начинаютъ сверкать топоры, мѣрно и ровно раздаются удары. „Нѣкоторое время спокойно и неподвижно стоитъ гигантъ, какъ бы съ презрѣніемъ поглядывая на пигмеевъ, дерзнувшихъ нарушить

его вѣковое спокойствіе. Потомъ замѣчается легкое сотрясеніе въ сучьяхъ, какъ будто дрожь отъ чувствуемой боли пробѣгаетъ по членамъ дерева. Между тѣмъ удары сыплются за ударами, потъ катится съ лица работающихъ, вершина дерева начинаетъ колебаться, зорко слѣдять за нимъ надсмотрщикъ, раздается слабый, болѣзненный скрипъ. „Прочь!“ кричитъ громовымъ голосомъ надзиравшій, лашманы быстро отскакиваютъ въ сторону, дерево начинаетъ качаться, какъ будто дѣлая послѣднія безполезныя усилія, чтобы встать, выпрямиться на зло врагамъ... но вдругъ слышится сильный скрипъ, какъ бы послѣдній стонъ прерывающейся, могучей жизни, и великанъ падаетъ мгновенно, съ страшнымъ трескомъ, съ шумомъ, въ послѣднемъ припадкѣ ярости разрушая все, встрѣчающееся на пути его паденія... Какъ щепки, переламываются подъ его тяжестью встрѣчныя деревья, отбитые сучья въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ летятъ прочь, за пять, за десять сажень, облака снѣжной пыли вздымаются изъ-подъ туловища поверженнаго богатыря...“ И валятся такіе великаны—дерево за деревомъ.

Здѣсь на пристаняхъ строятся много судовъ, всего болѣе бѣлянъ, снаряжаются также и „соймы“—родъ плота, шириною около 10 сажень, а длиною до 20, при чемъ передняя часть обыкновенно дѣлается уже задней; грузятся они бревнами, брусьями и тесомъ. Предметы сбыта—тѣ же, что и повсюду въ лѣсномъ Заволжьи: смола, деготь, рогожи, дрова, уголь, ленъ и т. п.

Кромѣ рубки и сплава бревень, здѣсь практикуются и всѣ прочіе виды лѣсного матеріальнаго промысла. Заготовка лыкъ и тканье рогожъ издавна и до сего времени являются самымъ распространеннымъ промысломъ. Еще не очень давно на 1000 станкахъ заготавливалось всякой рогожи въ теченіе года около 3 милліоновъ штукъ. Золотое время было для заволжанина, когда липовыя рожи раскидывались на десятки верстъ, росли подъ рукою. Въ ту пору на рогожѣ быстро наживались громадныя капиталы. Нынѣ этотъ промыселъ въ здѣшнихъ мѣстахъ замѣтно клонится къ упадку. За недостаткомъ липы, мочала для рогожъ получается на Ветлугу издали—верстъ за 100 и болѣе, изъ Казанской и Вятской губерній.

Смолу и деготь „сидятъ“ почти въ каждомъ околоткѣ. Небольшая рѣчка Томилиха установлена сплошь смоляными и дегтярными заводами; всѣхъ котловъ и казановъ насчитывается до 300. Иные работаютъ круглый годъ,—другіе лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ. Отсюда ежегодно выставляется смолы и дегтя до 180 тыс. пудовъ,—на 70—85 тыс. руб. Сидка смолы и дегтя, какъ извѣстно, требуетъ много дровъ; слѣдовательно, здѣсь получается и много угольевъ. Кромѣ того, уголь еще заготавливаютъ специально, жгутъ въ ямахъ. Углемъ нагружаются цѣлыя бѣляны,—въ каждой бѣлянѣ до 10 тыс. кулей угля. Въ иныхъ мѣстахъ

здѣсь собираютъ „сѣру“ съ хвойныхъ деревь и перетапливаютъ ее въ казанахъ, послѣ чего разливаютъ по большимъ деревяннымъ чашкамъ и глинянымъ плошкамъ и даютъ остыть. Остывшіе колоба вѣсятъ отъ 1 до 1½ п. и идутъ на водочные заводы, гдѣ изъ нихъ готовится сургучъ для запечатыванія бутылокъ. Хвойная „сѣра“ сбывается въ Нижній. Въ старые годы здѣсь было въ большомъ ходу бортевое пчеловодство, но въ началѣ настоящаго столѣтія оно упало и уцѣлѣло лишь въ средѣ черемисъ. Мѣсто бортевого пчеловодства заступило ульевое. Охотою занимаются черемисы и кое-гдѣ великоруссы. Въ глухомъ краю, къ Керженцу, бьютъ лосей, медвѣдей, лисицъ, волковъ и другихъ звѣрей, а изъ птицъ, главнымъ образомъ, рябчиковъ и тетеревей.

Кромѣ звѣрей и птицъ, лѣсныя займища богаты ягодами и всякой губиной (грибами). Иное лѣто ягодъ и грибовъ уродится столько, что ихъ носить, носить изъ лѣса всѣ—старый и малый—и никогда не выносятъ этого добра дочиста. А вѣдь носить, какъ говорится, въ рукахъ и въ зубахъ, да еще вдобавокъ цѣлыми возами возить домой. Въ урожайный годъ малина, черника, брусника разсыпана по лѣсу повсюду. Сушеная малина и черника всего больше отправляется въ Нижній. Собирается здѣсь не мало и можжевельныхъ ягодъ (можжуха); вся эта ягода—въ громадномъ количествѣ—идетъ на квасъ, который въ Заволжьи въ большомъ употребленіи. Богатствомъ ягодъ и грибовъ особенно славятся зарѣчныя урочища, извѣстныя подъ именемъ „черемисъ“, лежація въ черемисскомъ околоткѣ. За брусникою и груздями сюда пріѣзжаютъ даже изъ Козьмодемьянска. Ягодъ, буквально, насыпаются цѣлыя телеги; соленые грибы, называемые здѣсь „губами“, также вывозятъ возами. Иная семья въ лѣто на грибахъ и ягодахъ выручаетъ рублей до 30. Собираніе грибовъ и ягодъ считается работой веселой...

Спозаранокъ, еще до солнышка, молодежь поднимается въ лѣсъ. Повѣсивъ на плечи кузова съ хлѣбомъ, идутъ путники дорогой и тропами, а гдѣ и напрямикомъ: болота и топи имъ извѣстны и всѣ лѣсныя опасности имъ ни по чемъ. Шутки, смѣхъ и веселый разговоръ не умолкаютъ во всю дорогу. Дѣвушки разсуждаютъ о птицахъ, щебечущихъ въ листьѣ, разсуждаютъ о змѣяхъ или вдругъ возникаетъ вопросъ: „А што эфто у сосны-то самая верхушка сломана?“ И тотчасъ же является отвѣтъ: „Знамо што... Лѣшій ходилъ да себѣ дорогу заламывалъ, штобы знатко было“. Возлѣ какого-нибудь лѣснаго ручейка дѣлаютъ приваль, отдыхаютъ, закусываютъ, поютъ пѣсни. Дѣтская вѣра рисуется имъ лѣшихъ и оборотней, но въ большомъ обществѣ, при яркомъ свѣтѣ солнышка онѣ не боятся лѣсныхъ пугалъ. Отдохнувъ, дѣвушки и мальчуганы бросаются въ лѣсную чащу за ягодами, иногда гурьбой, иногда вразсыпную. Такимъ манеромъ ходятъ и аukaются до самаго вечера. Иногда происходятъ удивительныя встрѣчи. Вдругъ за кустомъ малин-

ника дѣвуха слышитъ какую-то тяжелую возню, шорохъ, что-то сопѣнье... Смотритъ—медвѣдь сюда пожаловалъ также полакомиться ягодами. Иной разъ человѣкъ и звѣрь переглянутся и тихо разойдутся, а въ другой разъ человѣкъ не удержится и крикнетъ съ испугу. Случается, что медвѣдь пугается хуже его—отъ его неистоваго крика—и поспѣшно удаляется въ непролазныя дебри... Съ закатомъ солнца идутъ на ночлегъ.

Зимницы и шалаши, гдѣ проводятъ ночи, обыкновенно устраиваются при водѣ, необходимой для питья и варева и для поила лошадей... Старики вслѣдъ за молодежью плетутся въ лѣсъ, молча или ведя между собой серьезные, дѣловые разговоры. Они несутъ запасы хлѣба для трехдневнаго кочевья и часто отдыхаютъ. Придя на становище, дѣлаютъ шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей, если вблизи не оказывается зимовки, и запасаются дровами. Старики караулятъ набранные ягоды и грибы и съѣстные припасы. Иногда они указываютъ молодежи завѣтныя ягодныя или грибовныя мѣста, но сами рѣдко бродятъ по лѣсу... Вечеромъ подлѣ шалаша разводятъ огонь и садятся вокругъ него ужинать. Огонь разводится большой и даютъ прежде нагорѣть угольямъ. Варятъ въ котелкахъ грибы или рыбу, пойманную въ сосѣдней рѣчкѣ. Поѣвши, наконецъ ложатся спать у догорающаго огня. Поутру, еще не успѣетъ обсохнуть роса, уже опять идутъ за ягодами. Около полудня приходятъ въ шалашъ обѣдать. Въ назначенный день пріѣзжаютъ въ лѣсъ на лошадахъ; ягоды и грибы разсыпаютъ по кузовамъ, лукошкамъ и другимъ посудинамъ, при чемъ каждую посудину заплетаютъ листьями, травой или обвязываютъ тряпичами.

Такъ заволжанинъ почти исключительно кормится своимъ „лѣсомъ“ и всю жизнь свою проводитъ среди лѣсовъ.

Городовъ нѣтъ въ этомъ лѣсномъ царствѣ; не могли они возникнуть здѣсь. А изъ десятка селъ самое видное—село Воскресенское, стоящее много уѣзднаго города. Это—старинное, торговое село, богатое и многолюдное. Широко оно раскинулось по ровной возвышенности праваго берега Ветлуги. Въ немъ болѣе 300 домовъ, есть дома трехэтажныя, двѣ церкви и болѣе 2000 жителей. Въ нижегородскомъ Заволжьѣ нѣтъ другого рынка, гдѣ торговые обороты производились бы въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ селѣ Воскресенскомъ. Даже города Балахна, Семеновъ и въ особенности запустѣлый и захудалый Макарьевъ далеко уступаютъ этому селу. Однимъ словомъ, с. Воскресенское—одно изъ важнѣйшихъ средоточій заволжской торговли. Сюда собираются изъ всѣхъ ближайшихъ краевъ торговцы съ мѣстными издѣльями; сюда пріѣзжаютъ закупщики даже изъ приволжскихъ губерній.

Базары здѣсь бываютъ зимою по вторникамъ, лѣтомъ—по воскресеньямъ. Казанскіе черемисы по зимѣ привозятъ хлѣбъ, а лѣтомъ—

медь и всякіе лѣсные продуеты. Вятчане везутъ хлѣбъ и мочалу. Костромичи также подвозятъ мочалу, но болѣе прїѣзжаютъ для закупки хлѣба и разныхъ надѣлій.

Не безынтересенъ и своеобразенъ типъ здѣшняго торговца. „Ловкій мужикъ-торговецъ,—пишетъ Печерскій,—шмыгаетъ изъ края въ край всю зиму. Туда повезетъ одного, оттуда привезетъ другого; самъ на пристяжкѣ идетъ, работаетъ вполонину лошади, тутъ плечомъ подпретъ, тамъ кнутомъ подстегнетъ, а все впередъ подвигается. Сбрушья мочальная, хомутишка соломенный, тутъ подвернуто, тамъ подстегнуто, а все же впередъ подвигается. Подвигается, подвигается, да и доѣдетъ; барыши возьметъ втрое, проѣстъ—ничего, все изъ пещура (крестьянскій лычный ранецъ), наберетъ товару да въ другое мѣсто, опять ухабы считаетъ, опять въ зажорахъ мается, да такъ всю зиму, а къ лѣту сдѣлаетъ то, чего не придумаетъ ни одинъ Ротшильдъ. Съ семью цѣлковыми проживетъ зиму съ лошадыю, цѣлковыхъ 10 подати заплатитъ, да и деньги съ процентами возвратитъ. Хитра крестьянская русская промышленность, и не скоро пойметъ ее тотъ, кто не увидитъ всего своимъ глазомъ“...

Но, несмотря на всю свою изворотливость, несмотря на все свое умѣніе „на обухъ рожь молотить“, бѣдны лѣсные жители и мало красивыхъ дней и радости видятъ они въ жизни. Многіе круглый годъ не видятъ мясной пищи; даже молоко, получаемое отъ мелкихъ и тощихъ коровъ, сберегается только для дѣтей, а взрослые принуждены довольствоваться творогомъ, разведеннымъ сывороткою или водой. Далекое не у всякаго изъ ветлужанъ находится лошадь или корова,—оттого нерѣдко и поля остаются незасѣянными. Жалко смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, всю жизнь проводящихъ въ тяжкомъ трудѣ, въ борьбѣ съ горемъ и бѣдностью. „Мало случается видѣть такихъ стариковъ, которые бы имѣли видъ людей, счастливо прожившихъ свой вѣкъ, съ лицами, цвѣтущими здоровьемъ и выражающими счастье. Дряхлость, кажется, не составляетъ здѣсь исключительной принадлежности старческаго возраста... Если поставить этихъ жалкихъ, чахлахъ и приземистыхъ бѣдняковъ рядомъ съ жителями нагорной стороны, то контрастъ выйдетъ поразительный. Одни—люди крѣпкіе, здоровые, съ бѣлыми лицами, съ мягкими русыми волосами; другіе—хмурые, смуглые, съ темными волосами, висящими подобно космамъ грубаго невычесаннаго льна, не выдавашаго гребня. Самыя строенія той стороны обличаютъ крайнюю бѣдность ея жителей. Окруженные строевымъ лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, они все-таки живутъ въ жалкихъ избахъ, грязныхъ, какъ хлѣвъ, и совершенно черныхъ отъ дыма и копоти. Дворъ стоятъ избы... Это просто кое-какъ „сварганенный“ заборишка изъ жердей, съ кучею соломы и всякаго хлама наверху, гдѣ по зимамъ мерзаетъ снотъ и куда иной разъ заби-

рается даже волкъ... Не даромъ же жители нагорной стороны зовутъ лѣсное Заволжье „Сибирью“, разумѣя подь словомъ „Сибирь“ страну печальную, безъ житейскихъ удобствъ и безъ радостей...

Нарѣчіе здѣсь страшно исковерканное; горожане зовутъ его „заволжская какурко“. Въ буквахъ происходитъ путаница, буква „д“ замѣняется буквою „ч“ и наоборотъ (цево, чарь и т. д.); говоръ тягучій, нараспѣвъ, съ постояннымъ удареніемъ и окончаніемъ на „о“ (Иванко, тамотко); кромѣ того, въ нарѣчій много словъ чудскихъ, доставшихся въ наслѣдство отъ чувашей и черемисъ. Даже въ домашнемъ быту находится не мало вещей съ черемисскими названіями. Въ какомъ плачевномъ состояніи находится здѣсь дѣло образованія, видно изъ того, что 20 лѣтъ тому назадъ на 12 тыс. жителей приходилось одно училище, да и то существовало не на русской сторонѣ, а у черемисъ.

По Керженцу.

(В. Коропенко.)

Если вы посмотрите на картѣ нижнее теченіе Керженца, то увидите огромную пустую площадь, по которой вьется зигзагами наша рѣка. На сель, ни деревень, ни одной надписи... Кое-гдѣ проведены рѣчки, больше на удачу, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь эту пустоту. Въ натурѣ—это настоящая пустыня на всемъ пространствѣ между Керженцемъ и Ветлугой... Лѣса, лѣсныя рѣчки, лѣсныя озера, болота съ вадьями да чарусами *)... Кое-гдѣ могилы старцевъ и матерей, „ниже за вѣру убиенныхъ, пріившихъ огненное вѣнчаніе“. Южнѣ Люнды, почти на срединѣ между двумя рѣками село Нестіарь, надъ озеромъ того же имени, составляетъ крайнее поселеніе, на рубежѣ сплошного лѣсного царства. Есть повѣріе, что нѣкогда изъ Васильурска церковь съ иконой Варлаама Хутынскаго двинулась съ крутого берега и, пронесаясь надъ лѣсами, невидимо стала надъ озеромъ и стоитъ до сихъ поръ, и изъ озеръ слышенъ бываетъ звонъ, какъ изъ Свѣтлояра. Странны эти звеняція озера лѣсной стороны!

Тоска къ концу дня какъ - то сгущается, становится почти невыносимой. Точно въ самомъ дѣлѣ давно умершая, давно разсѣянная вѣтромъ по лицу бѣлаго свѣта какая-то древняя грусть залегла здѣсь, въ пустынныхъ чашахъ, и тѣснить и давить сердце, воображеніе, мысль призраками прошлаго, темнаго изувѣрства, преслѣдованій, фанатизма... Мои спутники безпокойно озираются кругомъ и считаютъ обозначенныя на картѣ ручьи и рѣчки.

— Пѣнякша, Ялокша, Ламна,—считаютъ они при всякой такой рѣчкѣ,

*) См. предыдущую статью.

при всякой заводи. Но рѣчки и заводи попадаются то и дѣло, и очевидно трудно угадать, которая именно обозначена на картѣ... И каждый разъ послѣ того, какъ мы провожаемъ глазами пустую заводь или тихо журчащую рѣчку, становится еще скучнѣе и непріятнѣе. По временамъ зайцы провожаютъ насъ съ берега наивными взглядами. Черными точками выплываютъ изъ-за лѣсовъ коршуны и носятся кругомъ, то появляясь надъ рѣкой въ полѣ нашего зрѣнія, то исчезая; воробьи кричатъ, сзывая своихъ товарокъ на защиту, когда хищникъ кидается камнемъ на одну изъ нихъ, и только тогда можно замѣтить, какъ много и здѣсь этой крикливой, никому ненужной птицы...

Вотъ передъ нами, нагнувъ толстую вѣтку своею тяжестью, сидитъ на высокой соснѣ какая-то громада, отражаясь въ потускнѣвшей рѣкѣ. Я кидая весла; наша лодка тихо сплываетъ по теченію, не производя ни малѣйшаго шума. Поровнявшись съ деревомъ, я прицѣливаюсь изъ револьвера. Гулкій выстрѣлъ раскатывается надъ рѣкой, будя въ чащахъ тревожное эхо. Громадный орелъ тяжело расправляетъ рыжія, пятнистыя крылья и скользитъ въ воздухъ надъ нашими головами. Одно мгновеніе онъ будто останавливается надъ лодкой. Хвостъ опущенъ, какъ будто для того, чтобы задержать на секунду полетъ, круглая голова свѣсилась книзу, и два острыхъ глаза смотрятъ на меня съ укоромъ, удивленіемъ и злостью... „И что тебѣ вздумалось, право?“ какъ будто недоумѣваетъ старый великанъ дикаго керженскаго лѣса. Онъ дѣлаетъ нѣсколько круговъ и опять садится впереди на корявой соснѣ, рисуясь въ небѣ грузнымъ комомъ, безформеннымъ и подвижнымъ. Наша лодка опять подплываетъ довольно близко, но я уже не стрѣляю. Мнѣ, признаться, какъ-то стыдно и суетѣрно-жутко подъ взглядомъ разумной старой солидной птицы... Правда, еще черезъ полчаса тотъ же или другой точъ въ точъ такой же орелъ даетъ намъ зрѣлице нападенія и побѣды, стоны какой-то птицы оглашаютъ рѣку, и вѣтеръ несетъ въ воздухъ чьи-то растрепанныя перья, но все же мой выстрѣлъ кажется мнѣ чѣмъ-то нарушающимъ законы лѣса. Убивать, чтобы ѣсть, — таковъ царящій въ лѣсу главный и пожалуй единственный законъ, а я... зачѣмъ бы я убилъ старую птицу?

Темнѣетъ, сумракъ кроетъ небо, застилаетъ рѣку, туманъ залегаетъ въ лощинахъ, и лапы умершихъ деревьевъ тянутся со дна, чернѣютъ по всему протяженію рѣки, то и дѣло хватая, толкая, поворачивая нашу лодку.

Теперь, когда чувство одиночества такъ властно овладѣваетъ душой, когда рѣка одна только владѣетъ вниманіемъ, съ особенною ясностью выступаетъ характерная для нея безмолвная стихійная драма.

Вотъ съ берега свѣсилась вершиной въ воду еще зеленое, подмытое дерево. Какъ грустно шевелить оно въ волнахъ своими вѣтвями, какъ

тревожно шепчуть надъ нимъ ближайшіе сосѣди, которымъ грозитъ та же участь! Часть корней еще въ почвѣ и истощаютъ послѣднія усилія, чтобы поддержать въ гибнущемъ жизнь... Но все напрасно! Придетъ весна, вода подыметъ, взыграетъ и пойдетъ рвать берега; выскользнуть обнажившіеся корни — и дерево поплыветъ, поворачиваясь, задѣвая за мели, и занесетъ его пескомъ и иломъ... И вотъ вмѣсто стройной сосны, вмѣсто веселой березки — на днѣ рѣки только остовъ дерева, трупъ, тлѣющій и безобразный, а рѣка вздымается въ буйномъ разгулѣ все выше и выше, валить съ береговъ все новыя жертвы, въ смертномъ ужасѣ трепещущія своей едва распустившейся весенней листвою... Но вотъ разгулъ рѣки понемногу смѣняется спокойствіемъ; по могучему еще руслу сплываютъ плоты и барки, потомъ рѣка мелѣетъ. Тогда со дна выступаютъ надъ ея поверхностью дикіе, причудливые, странные остовы ея весеннихъ жертвъ. Вотъ мертвая ель съ вѣтками въ два ряда, точно лапы гигантской сороконожки, утонувшей спиною книзу. Вотъ огромная „вискорья“ съ нелѣпыми, точно отъ судороги сведенными лапами корневища. Вотъ двѣ сосны, выросшія, жившія и погибшія рядомъ, какъ двѣ сестры. Онѣ и теперь лежатъ, переплетаясь корнями и вѣтками, прямыми, стройными, красивыми даже и въ смерти... Вотъ замытый иломъ, торчащій съ глубокаго дна по теченію „кобель“, невидимый, измѣническій, опасный, способный остановить цѣлый плотъ и доставлявшій намъ въ пути не мало затрудненій.

И много этихъ труповъ разсыяно по теченію дикой рѣки, которая бурлитъ, шипитъ и борется съ ними, преграждающими ея теченіе... И такъ хочется встрѣтить живое человѣческое лицо, и такъ радъ, когда среди этого хаоса мелькнетъ правильный рядъ рыбацкихъ колебъ — признакъ, что здѣсь недавно еще былъ тотъ, кто въ беспорядочную драму стихійныхъ силъ вноситъ свою симметрію и свои особенныя разумныя, понятныя цѣли. Кое-гдѣ на мели виднѣется опрокинутая лодка, значитъ ея хозяинъ недалеко подрубаетъ дерево или ставитъ на лѣсномъ озерѣ сѣти. Но можетъ быть также, что озеро далеко или мужикъ побрелъ въ чащу за ухажьями лѣсной пчелы, и ботики прождетъ здѣсь хозяинна дня два или три...

Эти строки я заношу въ свою записную книжку при свѣтѣ костра на ночлегѣ. Гдѣ-то надо мной шумитъ сырими вѣтвями темный лѣсище. Вправо — плещется рѣка, подымается вѣтеръ, насыщенный сыростью, несущій безформенныя тучи. Какая-то птица мрачно ухаеетъ въ чащѣ, мѣняя мѣста, точно играя съ кѣмъ-то въ прятки; другая все надрывается и стонетъ, какъ будто у нея отняли дѣтенышей. А въ рѣкѣ, которая мнѣ слышна, но которую я не вижу въ темнотѣ, вотъ уже раза два бухалась надъ омутомъ какая-то невѣдомая громадина, да такъ грузно, что я невольно беру револьверъ и подхожу къ берегу,

чтобы посмотреть, ужъ не медвѣдь ли, чего добраго, совершаетъ съ той стороны свою переpravу...

Еще день такой же тоски! Во весь день только одинъ ботничекъ на песчаной косѣ напомнилъ о человѣкѣ.

— Эй, кто живая душа?—крикнулъ я. Но только эхо вернуло слабое подобіе этого оклика, да осинки на берегу залопотали что-то совсѣмъ непонятное.

Солнце уже садилось, когда одинъ изъ моихъ спутниковъ радостно возвѣстилъ неожиданную новость: за мысомъ, на излучинѣ рѣки, по самому берегу ѣхалъ мужикъ въ телѣгѣ!.. Правда, онъ только мелькнулъ и скрылся въ чащѣ, но, подѣхавъ къ тому мѣсту, мы еще слышали трескъ колесъ и понуканія мужика, а вскорѣ передъ нами мелькнулъ пустой, впрочемъ, домикъ красноярскаго перевоза.

Еще четыре версты веселой и бодрой работы веслами, — и нашу лодку едва не кинуло на столбы старой, уже разрушенной мельничной плотины, перегородившей съ берега на берегъ все устье Керженца. Пришлось раздѣваться и съ большимъ трудомъ спускаться на рукахъ лодку по этому „шуму“. Ее у меня вырвало изъ рукъ, чуть не разбило о столбы, самого меня порядочно поколотило, пока я осторожно спускался среди бушующаго водопада, но зато передъ восхищеннымъ взглядомъ открылась гладкая, какъ зеркало, водная площадь. Впереди виднѣлся островъ, и за нимъ, надъ кустами тальника, мелькая бѣлымъ пятнышкомъ, несясь взвиваемый вѣтромъ флагъ невидимаго намъ парохода. Это была пріятная неожиданность, и только тотъ, кто испыталъ нѣчто подобное, пойметъ, въ какой степени она была пріятна. Взглядъ, такъ долго стѣсненный стѣнами глухихъ лѣсовъ, теперь радостно, съ наслажденіемъ разбѣгался по необозримому, величавому простору. Далекія волжскія горы, съ селами и куполами церквей по склонамъ, чуть-чуть задержались дымкой, сквозь которую освѣщенные закатомъ окна сверкали блестящими расплавленнаго золота. Церкви и стѣны стараго Маварья на желтыхъ водахъ утопали въ розовой дымкѣ, и грузный паромъ отваливалъ съ лысковской стороны съ народомъ, съ возами сѣна, съ лошадьми, которыя рисовались силуэтами на ясномъ небѣ, со своими выгнутыми спинами и раскоряченными ногами, и такъ же ясно, тонко, отчетливо отражались въ глубинѣ.

Не хотѣлось грести, не хотѣлось спѣшить, не хотѣлось отрывать глазъ отъ могучей, плавной красавицы - Волги, съ ея пламенѣвшимъ закатомъ, съ ея зелеными горами и деревьями, погружавшимися уже въ тихую передвечернюю дремоту. Но появившійся вдали и очевидно бѣжавшій къ песчаной отмели у села Исадъ пароходъ напомнилъ намъ, что мы можемъ опоздать, и поэтому пришлось опять налечь на весла.

Еще черезъ часъ, подъ гулъ перваго свистка, мы стрѣлой подле-

тѣли къ кашинскому пароходу, опять разводившему пары. Публика, свѣшиваясь къ бортамъ, встрѣтила любопытными взглядами конецъ нашей экспедиціи.

Впрочемъ, у всѣхъ было довольно своего дѣла. Говоръ, толкотня, крики грузчиковъ, спѣшившихъ по узкимъ сходямъ съ тюками на дюжихъ плечахъ, сразу поглотили насъ, керженскихъ пустынниковъ, потерявшихся отъ этого внезапнаго перехода къ шуму и кипучей дѣятельности многолюдной промышленной пристани.

Первой моей заботой было какъ - нибудь устроить нашу многострадальную ладью, къ которой мы теперь питали нѣжныя, благодарныя чувства. На пароходъ ее не приняли, и пришлось поневолѣ согласиться на предложеніе какого - то торговца, взявшагося отправить ее со своей баржой. Черезъ пять минутъ матросъ тащилъ ее на буксирѣ къ видѣвшейся у песчаной отмели „кладнушкѣ“. Проводивъ взглядомъ нашъ невзрачный корабль, много потерявшій на Волгѣ среди своихъ блестящихъ собратій, мы пошли за билетами.

Пароходъ отвалилъ и быстро побѣжалъ между высокимъ берегомъ, съ погорѣлымъ селомъ въ половинѣ горы, и песчаными отмелями, мимо которыхъ мы съ такими усиліями неслись часъ назадъ на своей лодочкѣ. Свистокъ, поворотъ, волна шипя набѣжала на песокъ отмелей, толкнула и закачала небольшую кладнушку, у которой, причаленная къ кормѣ, трепетала наша вѣрная лодочка.

Лунный свѣтъ безкошечнымъ столбомъ легъ сзади по широкому руслу Волги, и золотая рябь прыгала, сверкала, переливалась расплавленнымъ золотомъ за колесами парохода. А впереди тихо наступали на насъ берега въ серебристой дымѣ, тонкія очертанія стараго монастыря, чуть замѣтныя на водѣ пристани, зыбкіе огоньки барожъ... И мягкій вѣтеръ бѣжалъ навстрѣчу, донося отдаленные свистки терявшихся въ серебристомъ туманѣ пароходовъ.

Несмотря на усталость, я не уходилъ съ верхней палубы. Мнѣ хотѣлось еще разъ кинуть взглядъ на Керженское устье и попрощаться съ пустынной рѣчкой, оставившей въ душѣ столько своеобразныхъ впечатлѣній.

Вотъ уже Макарій назади, и его купола, его старыя стѣны, его кресты выдѣляются на потемнѣвшихъ горахъ противоположнаго берега, обведенные сверкающей золотой каемкой. Вотъ послѣдній паромъ скользитъ отъ лысковской пристани въ туманѣ, точно воспоминаніе о томъ паромѣ, который мы видѣли днемъ. Вотъ, чуть видныя на горахъ, притаились въ ложбинахъ Татинецъ и Слопинецъ, старинныя разбойничьи села, о которыхъ говоритъ до сихъ поръ недобрая поговорка: „Татинецъ и Слопинецъ — ворами кормилецъ“. А вотъ и островъ направо. Жадно взглядъ проникаетъ сквозь тонкій туманъ. Вотъ, завѣшенная

прозрачною мглой, дремлют двѣ горы, и тонкая расщелина, пронизанная лучомъ, чуть-чуть брезжитъ между ними... Это устье и „шумъ“ стараго Керженца.

Пора! Я выдаю еще одинъ взглядъ назадъ, въ неопредѣленную синюю даль... Исчезъ уже и Маварій... Огоньки, мглистое сіяніе, слабыя трепетныя отраженія... Потомъ столбъ луннаго свѣта, и одинокая бар-жонка сонно качается надъ засыпающею могучею рѣкой...

Кустарная промышленность Павловскаго района.

(По В. Короленко, И. Боборыкину и др.)

Въ сѣверо-восточномъ углу Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи и въ смежной съ нимъ части Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи издавна ютится и кормитъ большую часть крестьянъ кустарный замочно-ножовый промыселъ. До полутора ста селъ и деревень заняты здѣсь круглый годъ слесарнымъ промысломъ. Зимомъ три пятыхъ взрослога населенія вполне отдаются этому занятію, лѣтомъ же количество работающихъ нѣсколько уменьшается, такъ какъ нѣкоторая часть ихъ обращается къ земледѣлію.

Крайне скудный земельный надѣлъ крестьянъ, достигающій въ среднемъ полторы десятины на душу, а иногда даже доходящій всего до $\frac{3}{4}$ десятины, малоплодородная и неурожайная земля, — все это побудило крестьянъ обратиться изъ земледѣльцевъ въ кустарей; часть крестьянъ совершенно забросила хлѣбопашество, другіе сдаютъ свою надѣльную землю въ аренду своимъ же односельчанамъ и въ сосѣднія деревни или пахутъ наемнымъ трудомъ за неимѣніемъ собственныхъ лошадей, и только $\frac{1}{2}$ домохозяевъ лично воздѣлываютъ свою землю.

Всѣ полтора ста селеній, по которымъ распространенъ замочно-ножовый промыселъ, тяготеютъ къ одному главному общему для всѣхъ центру — къ селу Павлову. Павлово расположено на берегу Оки, приближающей его къ Нижегородской ярмаркѣ; это выгодное положеніе, дающее возможность удобнаго сбыта издѣлій, издавна опредѣлило его первенствующее значеніе. Павлово издавна служило рассадникомъ промысла для окрестныхъ селеній; оно продолжаетъ быть тѣмъ же и теперь: многіе малолѣтки и взрослые работаютъ у разныхъ павловскихъ мастеровъ, а затѣмъ заносятъ промыселъ въ свои родныя селенія; разныя техническія улучшенія въ производствѣ сначала обыкновенно являются въ Павловѣ, а затѣмъ расходятся по окрестнымъ деревнямъ и селамъ; а, главное, Павлово — общій рынокъ для закупки сырья и сбыта готовыхъ издѣлій: каждый понедѣльникъ окрестные кустари собираются массамъ на павловскую базарную площадь.

Село Павлово выглядитъ заправскимъ городомъ. Въ немъ болѣе 7.000

жителей; улицы мѣстами вымощены, много церквей и каменныхъ построекъ и болѣе тысячи деревянныхъ домовъ. Тѣмъ не менѣе на всемъ лежитъ печать ветхости и медленнаго умиранія. Если съ одного изъ холмовъ, на которыхъ раскинулось Павлово, взглянуть на лежащую у ногъ картину, то прежде всего поражаетъ, какъ мало здѣсь новыхъ домовъ, свѣжаго свержающаго теса, новыхъ бревенъ, которыя бы показывали, что здѣсь кто-то строится, что-то вырастаетъ новое среди дряхлаго и повалившагося. Зато разметанныхъ крышъ, выбитыхъ оконъ, подпертыхъ снаружн стѣнъ сколько угодно. Собственные дома, правда, виднѣются въ изобиліи, но по большей части они чрезвычайно миниатюрны, безъ всякаго признака жизни, съ крохотной крышей и игрушечной трубой. Конечно, они показываютъ ясно, что кустарь хватается за послѣднюю возможность самостоятельной жизни,—но какъ жить и вмѣстѣ работать въ такомъ игрушечномъ домѣ? Даже „палаты“ мѣстныхъ богачей изъ краснаго кирпича, съ какою-то нелѣпо-претенціозной архитектурой, съ башенками, шпицами, не сглаживаютъ общаго унылаго впечатлѣнія.

Кромѣ Павлова, есть еще два второстепенныхъ центра: одинъ—село Ворсма, Горбатовскаго же уѣзда, расположенное въ 12 верстахъ отъ Павлова; другой—село Вачи, Муромскаго уѣзда. Оба они, такъ же какъ и другія селенія района, сбываютъ въ Павловѣ свои издѣлія и закупаютъ тамъ сырье, но въ то же время, благодаря своеобразности своихъ издѣлій (въ Ворсмѣ—складной и перочинный ножъ, въ Вачѣ выдѣлеа хлѣбнаго и столоваго ножа), они представляютъ собою и самостоятельные центры, развивающіе однородную съ своей промышленность въ ближайшихъ мѣстностяхъ.

Главными издѣліями павловскаго района являются всячіе замки самыхъ разнообразныхъ сортовъ, перочинные и складные ножи, столовые и хлѣбные ножи, вилы, ножницы, желѣзные вѣсовыя коромысла, подпилы. Кромѣ этихъ болѣе распространенныхъ видовъ издѣлій, выдѣляются также топоры, бубенцы, называемые здѣсь „прозвонками“ или „глухарями“, вилы, лопаты, наковальни, серпы, уполовники и прочія мелкія желѣзные и стальные издѣлія.

Замочное и ножовое производства являются преобладающимъ изъ всѣхъ видовъ его, — болѣе двухъ третей домохозяевъ занято выдѣлею этихъ издѣлій. Всѣ „личельщики“ заняты шлифовкой этихъ издѣлій; ковали, или кузнецы, по преимуществу куютъ части ножа и замка; большая часть крестьянъ, живущихъ въ качествѣ работниковъ на немногочисленныхъ фабрикахъ, работаетъ замки или ножи.

Производство павловскаго района носитъ характеръ мелкой кустарной промышленности, и большая часть семей работаетъ у себя дома. Заведеній, напоминающихъ собою фабрики, во всемъ районѣ только три

четыре: Кондратова въ Вачѣ, Завьялова въ Ворсмѣ и Варыпаева въ Павловѣ, да еще нѣсколько болѣе мелкихъ. Кондратовъ занимается приготовленіемъ хлѣбнаго ножа, Завьяловъ изготовляетъ перочинные ножи разныхъ сортовъ, Варыпаевъ славится столовыми ножами, но каждый изъ нихъ выпускаетъ подъ своимъ клеймомъ и другіе виды издѣлій, не производя ихъ совершенно на своихъ фабрикахъ. Даже специалистъ по производству перочинныхъ ножей, прославленный на всю Россію Завьяловъ, лучшихъ сортовъ этихъ издѣлій не готовитъ на своей фабрикѣ.

Кто же заготовляетъ этимъ „фабрикантамъ“ издѣлія подъ ихъ клеймами,—издѣлія, доставляющія имъ извѣстность и деньги? Ихъ изготовляютъ мелкіе кустари въ своихъ одиночныхъ или семейныхъ мастерскихъ, даже иногда клеймя и доставляя ихъ вполнѣ готовыми на фабрику. Даже надъ издѣліями, которыя получаютъ нѣкоторое право на названіе фабричныхъ и изготовляются частью на фабрикахъ, значительная доля работы производится внѣ фабрики тѣми же кустарями. Ковка ножей, вилокъ, ножницъ, пружинъ къ перочинному ножу производится почти всегда ковалями изъ кустарей, хотя бы изъ хозяйскаго матеріала.

Кустарный характеръ промысла бросается въ глаза всякому, побывавшему въ нѣсколькихъ домахъ здѣшнихъ замочниковъ или ножовщиковъ. Особыя помѣщенія для мастерскихъ здѣсь весьма рѣдки, даже въ такихъ селахъ, какъ Павлово и Ворсма. Мастерская и здѣсь обыкновенно совпадаетъ съ жилыми помѣщеніями.

Войдемъ въ такую избу-мастерскую. Идетъ неумолкаемая работа. Въ лѣвомъ углу къ окну придвинутъ верстакъ; къ нему прикрѣплены нѣсколько тисковъ, а на немъ навалены груды „чернаго“ необдѣланнаго товара и весь несложный инструментъ: нѣсколько подпилковъ, пара молотковъ, ручные тиски да кое-какой мелкій инструментъ (бородокъ для пробиванія отверстій въ желѣзѣ, зубило, или „зубрило“ по-мѣстному, клейма и т. д.). У верстака протираетъ замокъ старикъ безъ рубашки. Посмотрите на его грудь. Она выпячена и скошена къ одному боку. Сутуловатость перешла уже почти въ горбъ. Это результатъ долгой работы обтиральщика, — работы, при которой тяжесть всего тѣла опирается на лѣвую ногу. И лопатки выдвинулись, еле покрытыя кожей. Работаетъ онъ десятки лѣтъ, а руки все какъ плети: мышцы уже давно перестали расти и развиваться. Лицо умное, съ глубокими морщинами на переносицѣ, со впалыми глазами. Волоса, смоченные потомъ, съ сильною просѣдью, придержаны ремешкомъ. Дышитъ онъ съ явственнымъ усиліемъ.

За тѣмъ же верстакомъ, ближе къ углу работаетъ старшая дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати. Она простоволоса. Коса кое-какъ завернута. Сарафана не носитъ, какъ и вообще въ Павловѣ. На ней надѣтъ сѣтцевый старый капоть. Ноги босыя. Лицо разгорѣлось отъ на-

пряженія. Нѣсколько тысячъ разъ въ день поднять и опустить она голову и поналяжетъ руками на кусокъ желѣза. Во всей семьѣ она— самый ловкій работникъ. Старикъ съ его одышкой и слабыми руками только слаживаетъ кое-какъ замки. Безъ нея было бы плохо.

Направо отъ входной двери за небольшимъ верстакомъ работаетъ другая дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, въ такомъ же капотѣ и также босая. Ея работа пока еще дѣтская: она складываетъ вдвое и втрое полоски желѣза, необходимыя для внутренняго устройства замка, и прибавляетъ ихъ молоточкомъ. Все это она дѣлаетъ, разумѣется, на глазомѣръ, но очень скоро, отчетливо, безостановочно. За верстакомъ она простоятъ также добрыхъ тринадцать, четырнадцать часовъ въ день, и то только во вниманіе къ ея молодому возрасту.

Вообще же у кустарей, работающихъ у себя дома, рабочій день всегда не менѣе 17 часовъ, а иногда доходитъ до 18 и даже 19 часовъ въ сутки: у многихъ прилежныхъ хозяевъ уже въ полночь зажигаются огни и гасятся въ 9 часовъ вечера; работа у нихъ прерывается отъ 7 до 8½ часовъ утра для перваго обѣда и отдыха, а затѣмъ для втораго обѣда отъ 1 до 1½ часа. Такая страшная непосильная работа здѣшняго кустаря вызывается, разумѣется, потребностью увеличить свой скудный заработокъ.

Особеннымъ уваженіемъ окружаютъ того домохозяина, рабочій день котораго удлиняется донельзя. „Вотъ у такого-то ложатся не позже людей, а огни всегда зажигаютъ съ первыми пѣтухами; вотъ и теперь уже съ часъ, какъ у нихъ огни горять, а вы все дрыхнете!“ нерѣдко привѣтствуетъ старуха-хозяйка свою семью, подымая ее въ часъ ночи. Иногда заботливая старуха, проснувшись въ двѣнадцатомъ часу, въ увѣренности, что она проспала, начинаетъ будить всѣхъ мужиковъ. Быть можетъ, этимъ объясняется, что почти въ каждомъ домѣ въ Павловѣ вы найдете стѣнные часы, которыми мужики пытаются оградить себя отъ подобныхъ ошибокъ своихъ заботливыхъ старухъ.

Какъ и всегда при кустарной работѣ, большая часть ея выполняется мускульной силой человѣка и только при личкѣ, т.-е. шлифовкѣ, прибѣгаютъ къ силѣ лошади, воды и даже пара. Для шлифовки ножей, ножницъ, замковъ служитъ сплошной деревянный кругъ, по окружности смазанный болѣе или менѣе крупнымъ наждакомъ съ клеемъ, саломъ или коровьимъ масломъ; этотъ кругъ приводится въ движеніе безконечнымъ ремнемъ, перекинутымъ съ него на колесо большого діаметра, которое вращается человѣкомъ, лошадью, водою или паромъ. Работа личельщиковъ чрезвычайно трудна и дѣйствуетъ губительно на здоровье. Мелкая металлическая пыль виситъ въ воздухѣ, вѣдается въ кожу кустаря и дѣлаетъ его похожимъ на трубочиста, несмотря на тщательное еженедѣльное отстирываніе себя въ банѣ, которая сдѣлалась

первою его потребностью. Эта же пыль вдыхается личельщикомъ и, какъ ядъ, дѣйствуетъ на его легкія. Не даромъ даже привычный кустарь зоветъ личельни адомъ, а личельщиковъ — „черными, какъ сатана“.

Кромѣ указанныхъ инструментовъ, преимущественно слесарнаго характера, можно назвать еще орудія кузнечнаго дѣла (наковальня, два-три молотка, кузнечныя клещи, мѣхи, горны) да горнъ самопай для пайки замковъ и бубенцовъ. Механическія приспособленія у кустаря почти отсутствуютъ, да ихъ немного и у такъ называемыхъ „фабрикантовъ“. Что касается до матеріала для павловскихъ издѣлій, то главный матеріалъ—желѣзо и сталь—попадаетъ къ кустарю и почти ко всѣмъ хозяевамъ изъ третьихъ рукъ. Желѣзо и сталь, заготовленные на уральскихъ заводахъ, отправляются на Нижегородскую ярмарку, гдѣ его скупаютъ большими партіями крупные желѣзные торговцы; отъ нихъ уже (изъ вторыхъ рукъ) перекупаютъ павловскіе торговцы желѣзомъ тѣ сорта, которые нужны при производствѣ издѣлій павловскаго района; кустарь покупаетъ желѣзо у нихъ изъ третьихъ рукъ, покупаетъ еженедѣльно по мелочамъ, иногда на наличныя деньги, чаще промѣнивая на него свои издѣлія. Едва ли не большая часть желѣза и стали идетъ изъ разныхъ обрѣзковъ, остающихся на желѣзныхъ заводахъ, изъ изломанныхъ и вышедшихъ изъ употребленія инструментовъ и проч. Всякая желѣзная ветошь, всякая негодная стальная вещь находитъ свое мѣсто у кустаря: онъ охотно покупаетъ ихъ у торговцевъ, которымъ все это достается за бездѣнокъ, а потому и продается сравнительно дешево.

Какъ и вообще въ кустарной промышленности, раздѣленіе труда у павловскихъ кустарей не идетъ особенно далеко. Многія издѣлія сплона изготовляются однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но нѣкоторые предметы, напримѣръ замки или ножи, требуютъ непременно участія нѣсколькихъ лицъ въ ихъ изготовленіи. Въ этомъ случаѣ или различные члены одной и той же семьи исполняютъ работу или часть ея отдается на сторону другимъ кустарямъ. Вотъ, напримѣръ, производство замковъ. Замки, выдѣлываемые въ Павловѣ, бываютъ трехъ сортовъ. Это будетъ замокъ или въ видѣ гири съ высокой дугой, или въ видѣ цилиндра, или же болѣе плоскій овальный, похожій на мѣшочекъ. Первый называется на павловскомъ жаргонѣ шведскимъ, второй — конный или тульскій, третій—рѣпчатый. Ни одинъ мастеръ никогда не выдѣлываетъ цѣликомъ всего замка. У хозяина замочная работа раздается работникамъ, а у мелкаго кустаря—своимъ домашнимъ. Сначала надо приготовить каждую отдѣльную часть, разные кусочки желѣза, потоньше и потолще, подпилить, подрѣзать, поколотить молоткомъ. Потомъ всѣ эти кусочки желѣза собираются такъ, чтобы они составляли одно цѣлое. Тѣхъ, кто этимъ занимается, зовутъ „покрывальщиками“. Для этого пускаютъ въ ходъ особую мастику на воскѣ и ею склеиваютъ части

замка, или, какъ говорится въ Павловѣ, „сващиваютъ“. Своенный замокъ идетъ въ пайку. Это опять особая работа. Спаянный замокъ отдѣлывается снаружи и въ него вставляется внутренность, механизмъ. Это опять особая специальность. Ею занимаются „отдѣлывальщики“. Но это еще не все. Остаются дужки и засовы; ихъ надо отковать у себя дома или на сторонѣ, что дѣлаютъ „ковали“. Словомъ, безъ трехъ-четыреухъ работниковъ нельзя обойтись при изготовленіи замка.

И все это выдѣлывается руками при помощи самыхъ примитивныхъ и скудныхъ инструментовъ и за самую дешевую плату, какую себя только можно представить. Чистый доходъ, остающийся отъ недѣльной работы кустика, колеблется, смотря по специальности, отъ 2 до 5 руб., только въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ эту цифру. Для того, чтобы понять причину такого низкаго заработка, надо познакомиться съ условіями, при которыхъ происходитъ сбытъ издѣлій павловской кустарной промышленности.

Почти всѣ издѣлія павловскаго района продаются въ селѣ Павловѣ, преимущественно на понедѣльничныхъ базарахъ; только немногіе крупные хозяева и фабриканты сбываютъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ подъ главнымъ домомъ или устраиваютъ особые магазины въ Нижнемъ или въ Москвѣ. Заказы на свои издѣлія получаютъ въ обыкновенное время также только извѣстныя фирмы, громадное же большинство кустикарей получаютъ заказы лишь тогда, когда товаръ идетъ особенно бойко, да и эти заказы исходятъ отъ павловскихъ скупщиковъ, побуждаемыхъ къ тому быстрымъ и выгоднымъ сбытомъ закупленнаго.

Но понедѣльникамъ базарная площадь Павлова представляетъ чрезвычайно оживленную картину. Въ лавкахъ павловскихъ скупщиковъ съ 3 часовъ ночи понедѣльника появляются фонари; эти свѣтлыя точки по сторонамъ базарной площади служатъ сигналомъ, что хозяинъ лавки намѣренъ закупать издѣлія; онѣ манятъ къ себѣ кустикарей, которые массами съѣзжаются изъ всѣхъ полутораста промысловыхъ селеній. Кустари толпятся около столовъ и лавокъ скупщиковъ, стараясь наперерывъ запродавать имъ свой образецъ: тутъ и „пяточный товаръ“, т. е. замки всякихъ видовъ, продаваемые пятками, и ножницы разныхъ сортовъ и достоинствъ, и „бумажный товаръ“—перочинные, столовые, складные ножи, завертываемые всегда въ бумагу.

Съ одной стороны вы видите темную конуру, прилавокъ, трепетный огонекъ огарка въ фонарѣ, освѣщающій фигуру за прилавкомъ, съ другой—напряженные лица кустикарей, напирających съ улицы. Скупщикъ одѣтъ въ теплую одежду, кустикари дрожатъ отъ утренняго холода. Онъ сдержанъ, холоденъ, спокоенъ, они взволнованы. Онъ развертываетъ образцы и равнодушно отодвигаетъ одни, назначаетъ цѣну за другіе. Соотвѣтственно съ этимъ на физиономіяхъ окружающей толпы смѣняются

выраженія: надежды—у тѣхъ, кто подходитъ, страха—у тѣхъ, чьи образцы въ рукахъ у скупщика.

Скупщикъ знаетъ положеніе рынка, знаетъ, много ли лежитъ какого товара у московскихъ торговцевъ и какой пошелъ уже въ ходъ. Онъ знаетъ, поднимется ли цѣна, или должна упасть еще ниже. Но на сколько именно она упадетъ, этого не знаетъ и онъ. Это будетъ результатомъ его сегодняшнихъ разговоровъ съ кустарями.

Онъ здѣсь не одинъ. Рядомъ вдоль улицы и въ переулкахъ горятъ такіе же огни, идутъ тѣ же разговоры. Онъ знаетъ, что всѣ его сосѣди будутъ сбивать цѣну до такой степени, до какой только масса будетъ поддаваться. И онъ долженъ не отстать отъ сосѣдей, иначе его товаръ выйдетъ дороже и Москва возьметъ у другихъ.

И вотъ онъ окадываетъ толпу острымъ, пронзательнымъ взглядомъ. Онъ видитъ, какъ люди жмутся, точно испуганные бараны, и думаетъ, что „новычѣ народъ станетъ уступать до невозможности“. Это его не радуетъ и не печалитъ, онъ просто принимаетъ къ свѣдѣнію.

— Рука, что ли, Иванъ Ивановичъ?— и кустарь кидаетъ образцы на прилавокъ.

Скупщикъ медленно разворачиваетъ и равнодушно отодвигаетъ товаръ.

— Не рука.

Можетъ быть, онъ и могъ бы взять этотъ товаръ, но ему нужно укрѣпить свое положеніе и расшатать положеніе другой стороны. Для него отодвинутые образцы— нѣсколько гривенниковъ барыша; для кустаря, работавшаго ихъ цѣлую недѣлю, это новая недѣля сравнительной обезпеченности или голода. Кустарь схватилъ образцы и судорожно выбивается изъ толпы, чтобы бѣжать къ другому огоньку, а въ оставшейся толпѣ этотъ эпизодъ уже посѣялъ нѣкоторую долю нерѣшительности и унынія.

— Рука, что ль?—спрашиваетъ слѣдующій.

— По чѣмъ отдашь?

— Попржему, Иванъ Ивановичъ, какъ всегда.

— Безъ полтины.

— Много дороже слышали.

— Надо бы отдавать.

И онъ опять закрываетъ образцы и отодвигаетъ ихъ, обращаясь къ слѣдующему.

Это онъ пробуетъ, до какой степени народъ подается. Черезъ нѣкоторое время, послѣ нѣсколькихъ уступокъ, послѣ того, какъ кустари обѣжали другіе огни, онъ уже отлично знаетъ положеніе сегодняшняго рынка.

Кромѣ коренныхъ скупщиковъ, тутъ же неподалеку стоятъ 3—4 воза съ зажженными фонарями наверху: это тоже скупщики-офени, покупающіе хотя и на чистыя деньги, но понемногу, сколько возъ вмѣ-

ститъ. Еще меньше покупаютъ „собищники“: они вынесли короба и наполняютъ ихъ, закупаая по мелочи; собищниковъ въ хорошій понедѣльникъ бываетъ до 20—30 человекъ. Часамъ къ 8 утра уже весь товаръ запродаютъ, образцы находятся у скупщиковъ; кустари начинаютъ сносить свои издѣлія и получаютъ расчетъ отъ коренныхъ скупщиковъ. Всѣхъ ихъ до 50 человекъ, и черезъ руки этихъ пятидесяти скупщиковъ проходитъ вся масса изготовляемаго въ павловскомъ районѣ товара, на сумму до 2.000.000 рублей.

Скупщики, забирая образцы отъ кустаря, условливаются съ нимъ не только о цѣнѣ, но и о той части платы, которая будетъ выдана товаромъ. Обыкновенно кустарь вынужденъ забирать товаромъ одну треть и только двѣ трети онъ получаетъ чистыми деньгами; но нерѣдко заборъ равенъ половинѣ условленной цѣны за издѣлія кустаря. Чѣмъ тише идетъ товаръ, тѣмъ больше становится „заборъ“. „Забираетъ“ кустарь и сырымъ матеріаломъ (железомъ, рѣдко мѣдью), и всѣмъ тѣмъ, что захочетъ дать ему скупщикъ, что особенно залежалось въ его лавкѣ: не совсѣмъ доброкачественной мукой, такой же рыбой, мыломъ, чаемъ, сахаромъ и пр., ставя мыло по 12 к. фунтъ, когда оно стоитъ въ розничной продажѣ 10 коп., и давая нѣкоторымъ мелкимъ хозяевамъ по пуду; хозяева въ свою очередь раздають его своимъ рабочимъ въ счетъ платы или тутъ же перепродаютъ въ сосѣднюю лавку по 8 к. фунтъ. Фунтъ чаю всегда ставится въ 2 рубля, когда онъ стоитъ не дороже рубля или 1 руб. 20 коп., и иногда настолько плохъ, что его вовсе нельзя пить.

Кромѣ того, всѣ скупщики пускаютъ въ ходъ такъ называемый „промѣнъ“. Условившись въ цѣнѣ издѣлій, скупщикъ и условной части денегъ не выдаетъ на руки кустарю: кустарь получаетъ только записку къ мѣняль, гдѣ обозначена сумма, какую ему слѣдуетъ выдать, мѣняла же вычитаетъ „за промѣнъ“ отъ 1—2%. Промѣнъ до того иногда упрощается, что скупщикъ самъ отдѣляетъ отъ уплаты кустарю извѣстный процентъ: „у насъ рубль о 98 копейкахъ“, иронизируютъ на этотъ счетъ кустари.

Таковы условія продажи издѣлій по понедѣльникамъ; но не всякій въ силахъ дожидаться этого дня, иногда крайность заставляетъ кустаря еще съ вечера субботы идти по лавкамъ, чтобы сбыть десятокъ-другой своихъ издѣлій; тутъ-то онъ даетъ наибольшій барышъ скупщику, который прекрасно понимаетъ, что выгнало на рынокъ кустаря; хорошо, если мастеръ вернетъ въ такомъ случаѣ стоимость матеріала.

Павловскіе скупщики, закупивъ издѣлія кустарей, запаковываютъ ихъ и сохраняютъ въ особыхъ складахъ, стараясь предохранить отъ порчи. Сбытъ этихъ издѣлій происходитъ частью въ Москвѣ, а главное на многочисленныхъ сибирскихъ, украинскихъ и нижегородской ярмаркахъ. На

нижегородской ярмаркѣ товаръ закупается азіатскими и даже турецкими купцами. Для угожденія ихъ вкусу даже приспособляются нѣкоторыя издѣлія: выдѣлываются, напримѣръ, особой формы складные ножи, которые преимущественно скупаются торговцами изъ армянтъ; на „коробчатыхъ“ замкахъ, идущихъ въ Турцію, набивается всегда блестящее изображеніе полумѣсяца.

Трудно высчитать пользу, какую скупщики получаютъ отъ своего занятія; но принимая во вниманіе, что издѣлія при розничной продажѣ поднимаются вдвое, втрое и даже выше противъ мѣстной цѣны, напримѣръ, перочинные ножи, продаваемые въ Ворснѣ по 2 рубля за дюжину, въ Москвѣ продаются по 40—50 коп. за штуку, а также существованіе ухищреній въ родѣ „забора“ и „промѣна“, — они должны имѣть большія выгоды. Громадные каменные дома болѣе значительныхъ изъ скупщиковъ, а также быстрота, съ какою они богатѣютъ, все это говорить въ пользу такого предположенія.

Главная же масса кустарей едва влачитъ свое существованіе, кое-какъ перебиваясь со дня на день и принося въ дань такой организаціи сбыта свое здоровье и свои силы. Сравнивая заправскаго земледѣльца съ кустаремъ, можно сказать, что первый въ большинствѣ случаевъ живетъ „свѣрѣ“, но меньше нуждается; у кустаря же болѣе развиты потребности: бѣлый хлѣбъ, хоть и плохой, онъ считаетъ необходимою, мыло онъ тоже употребляетъ почаще, а главное, онъ всякую лишнюю копейку вкладываетъ въ одежду. Въ этомъ сказывается вліяніе такого центра, какъ Павлово, гдѣ всѣ ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Даже въ деревняхъ подростки требуютъ отъ отцовъ сапоговъ съ калошами, пиджака, брюкъ на выпускъ, пальто. Но зато эта одежда и поддерживаетъ кустарей въ трудное время, когда она идетъ въ закладъ мѣняль. Часто кустарю приходится сидѣть впроголодь, даже хлѣба не на что бываетъ купить, а о приваркѣ и думать нечего; хорошо еще, если есть на что купить матеріалъ, для того чтобы пробиться до слѣдующаго понедѣльника.

Вслѣдствіе скуднаго питанія, чрезвычайной продолжительности рабочаго дня и соединенія мастерской съ жилимъ помѣщеніемъ, гдѣ изобильно отдѣляющійся потъ работниковъ соединяется съ дыханіемъ остальныхъ членовъ семьи и воздухъ дѣлается спертымъ, и вслѣдствіе другихъ неблагоприятныхъ условій вліяніе промысла на здоровье кустарей не можетъ не быть губительнымъ и въ достаточной степени объясняетъ высокую смертность мѣстнаго населенія.

Нижегородская ярмарка.

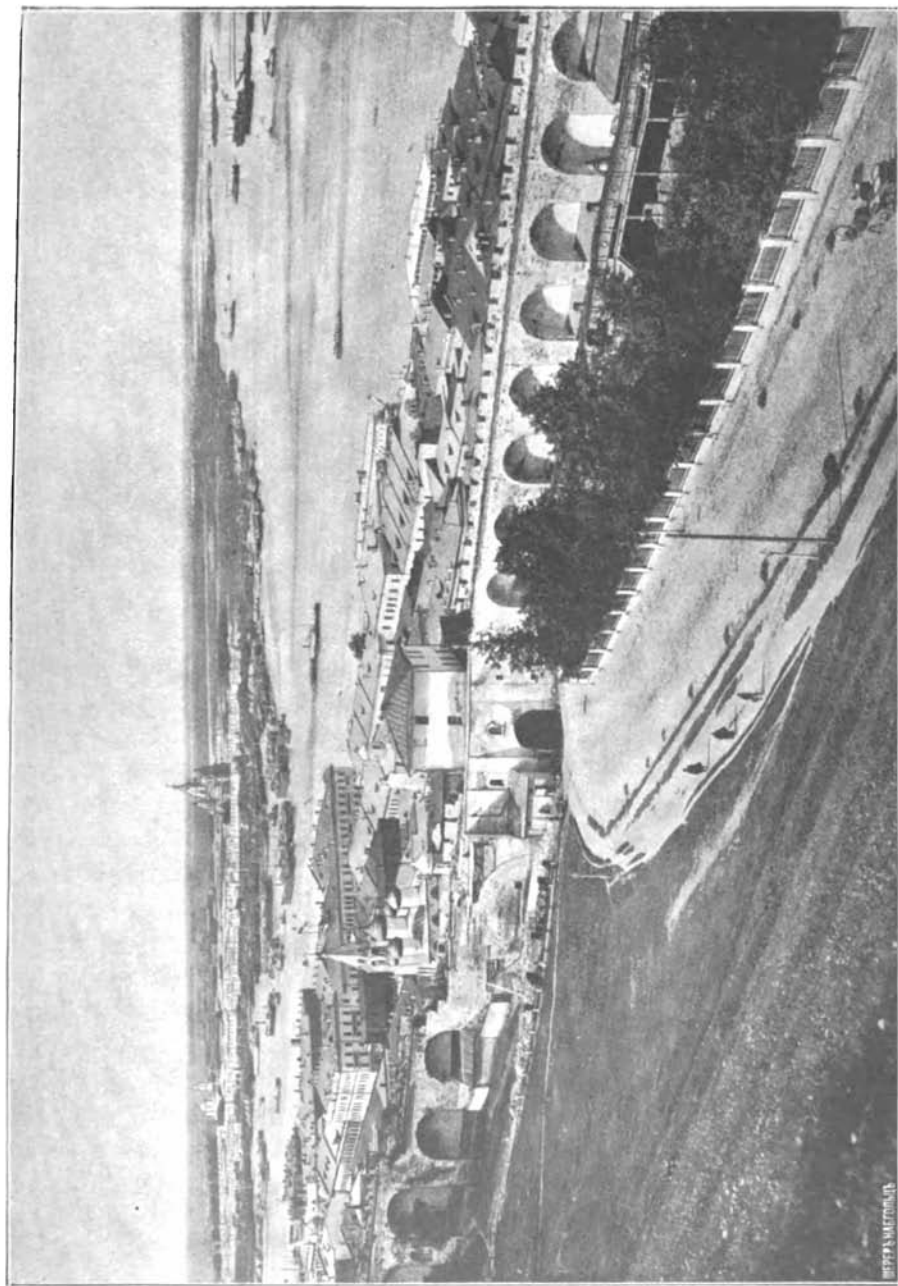
(В. Дѣлова.)

Если вы хотите взглянуть на ярмарку съ птичьяго полета, отправляйтесь на противоположный берегъ Оки, въ Нижній; велите везти себя въ Кремль или въ мѣстность у Крестовоздвиженскаго монастыря. Съ послѣдняго пункта вы увидите всю ярмарку. Съ низенькихъ стѣвъ Кремля, въячающихъ нагорный берегъ, полюбуйтесь удивительнымъ видомъ, подобнаго которому мнѣ еще не приходилось встрѣчать. Картина, открывающаяся съ высокаго берега Кіева, напоминаетъ нижегородскій видъ, но далеко не можетъ съ нимъ сравняться. Въ Кіевѣ горизонтъ на западъ и востокъ ограниченъ возвышенностями. Въ Нижнемъ—просторъ безграниченъ. Съ высоты пятидесяти саженъ ничтожныя неровности почти сглаживаются, и передъ вами—совершенно морской видъ, съ необозримымъ горизонтомъ и абсолютною гладью. Это такъ же величественно, какъ море, но еще внушительнѣе, потому что вы знаете, что передъ вами море земли, море пашень, море богатѣйшихъ сель, фабрикъ и усадебъ.

Лежація у подножія нижегородскаго берега Ока и Волга усиливаютъ величавость и мощную ширь вида. Обѣ рѣки шире, чѣмъ кіевскій Днѣпръ. Вызванная ими жизнь неизмѣримо полнѣе. Ширина Оки у Нижняго 650 саженъ, ея длина—полторы тысячи верстъ; ея бассейнъ обнимаетъ пространство, равное Италіи. Плотность населенія по Окѣ и Волгѣ мѣстами столь же велика, какъ и въ населеннѣйшихъ мѣстностяхъ Западной Европы. Такова Ока. О Волгѣ ужъ и говорить нечего. Она замѣняетъ Россіи море. Взгляните внизъ на Волгу и Оку. У пристани—нескончаемые ряды барокъ и пароходовъ, величиною съ океанскія суда. Они отовсюду, изъ Петербурга и Астрахани, изъ Уфы и изъ-подъ Тамбова, съ Камы и изъ Твери. Уралъ плетъ желѣзо, Орель—хлѣбъ, Владиміръ—мануфактуру; Астрахань—рыбу и фрукты. Чѣмъ Волга и Ока не море, а Нижній—не морскою портъ, привлекающій въ разгаръ навигаціи на свою ярмарку до 400 тысячъ торговцевъ, нагружиковъ и матросовъ? Оживленіе на видъ необыкновенное. Суда, стояція у берега, кишать рабочими, нагружающими или разгружающими товары. Приходяція и уходяція суда бороздятъ Оку и Волгу по всѣмъ направлениямъ. Даже отсюда, съ пятидесятисаженой высоты, видно, какія волны поднимаютъ колеса громадныхъ пароходовъ, переполненныхъ народомъ. Пароходы воютъ своими громкими, подобранными въ октаву свистками, и даже тутъ, на высотѣ, васъ поражаетъ сила этихъ зычныхъ голосовъ. Среди необъятной равнины эти голоса раскатываются на полномъ просторѣ свободно, весело.

Ярмарка перенесена изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ въ 1817 г.

Нижній - Новгородъ.

Въ первый же годъ сюда привезли товару на 91 миллионъ, и съ тѣхъ поръ оборотъ ярмарки постоянно возрасталъ до конца XIX столѣтiя, но въ послѣднее время нижегородская ярмарка, какъ и всѣ русскiя ярмарки, постепенно падаетъ. Въ 1881 г. на Нижегородку было привезено товаровъ на 246 миллионъ, а въ 1890 г.—только на 181 миллионъ!

Все это чудовищное количество товаровъ привозится болѣе чѣмъ тремя тысячами торговцевъ и торговыхъ фирмъ и раскладывается на семистахъ десятинахъ, не считая слившихся съ ярмаркой сель, Гордеевки и Кунавина, переименованнаго въ Макарьевскую часть Нижняго-Новгорода.

Ярмарка эта однако не отвѣчаетъ обычному представленiю о ярмаркѣ какъ о базарѣ, о толкучкѣ, съ толпами по-праздничному разодрѣтаго народа, съ крикомъ торговыхъ и разносчиковъ, съ площадями, заставленными телѣгами и лошадьми, съ деревянными балаганами и бараками. Въ старину, въ XV вѣкѣ, когда ярмарка собиралась на Арскомъ полѣ, подѣ Казанью, въ XVII и XVIII столѣтiяхъ, когда она была у Макарьевского монастыря, верстѣ за девяносто ниже по теченiю Волги, тогда она и была такимъ базаромъ. Теперь же это — огромный каменный городъ, съ двумя прекрасными соборами, армянскою церковью и мечетью, съ правильно проведенными, довольно широкими, мощеными улицами, съ фонарями, тротуарами, тумбами, водопроводами, стоками и городовыми. Базаръ, толкучка, праздничная толпа собирается только на окраинахъ, отведенныхъ для веселья. Въ остальныхъ частяхъ этого города течетъ размѣренная, неостанавливающаяся дѣловая жизнь. Тянутся безконечные ряды ломовыхъ, снуютъ пѣшкомъ и на извозчикахъ дѣловые люди, бѣгутъ съ навѣшанными на коромыслахъ безчисленными судками расторопныя бабы, разносящiя по лавкамъ обѣды купцамъ и приказчикамъ; купцы и приказчики въ магазинахъ день-денской заняты продажей и счетами. Обычную ярмарку напоминаетъ только мелочной торговѣ въ Главномъ домѣ и въ иѣкоторыхъ другихъ пассажахъ, но и здѣсь это не русскiй базаръ, а европейскiй пассажъ, несмотря на то, что главные покупатели — бабы въ красныхъ платкахъ и мужики въ праздничныхъ сапогахъ.

Центръ ярмарки находится въ пространствѣ огромнаго подковообразнаго пруда или канала, вырытаго для „питанiя“ свай, служащихъ основанiемъ построекъ „Гостинаго двора“. Длина пруда четыреста сажень, а ширина тридцать сажень. Внутри этой подковы расположенъ Главный домъ, а также выстроено шестьдесятъ отдѣльныхъ каменныхъ корпусовъ — Гостиный дворъ, въ которомъ помѣщаются двѣ съ половиною тысячи лавокъ.

„Главный домъ“ — это „присутственныя мѣста“ ярмарки. Зимой онъ пустъ, лѣтомъ въ немъ помѣщаются не только всѣ ярмарочныя коми-

теты и комиссії, не только губернаторъ и полиція, но и другія казенныя учрежденія: почта, телеграфъ, отдѣленіе государственнаго банка, казенная палата, контрольная и проч. и проч., Все это размѣщено во второмъ этажѣ этого зданія. Внутри зданія, во всю его длину и во всю вышину, проходитъ „пассажъ“, крытый подъ одну крышу съ домомъ. Днемъ тутъ толпятся покупатели, а вечеромъ сходятся слушать музыку, играющую на мостикахъ, перекинутыхъ на уровнѣ второго этажа съ одной стороны на другую. Весь домъ освѣщенъ электричествомъ. По своему стилю Главный домъ напоминаетъ Верхніе ряды въ Москвѣ или московскую думу.

Въ цѣломъ громадное зданіе, въ восемьдесятъ сажень длины и двадцать ширины, съ его русскими окнами, вышками и гребешками, выступами и колонками, производятъ стройное и легкое впечатлѣніе. Внутри много простора и свѣта, высокія комнаты, широкіе коридоры, отлогія лѣстницы.

Главный фасадъ дома смотритъ на большую продолговатую площадь, превращенную въ изящный узорчатый цвѣтникъ, съ хорошими дорожками, зелеными газонами и большимъ красивымъ и дорогимъ фонтаномъ въ центрѣ.

По внѣшнему виду центральная часть ярмарья наиболѣе интересная. Низкіе, въ два этажа, узкіе и длинные корпуса похожи одинъ на другой какъ двѣ капли воды. Между ними тянутся прямыя улицы, параллельныя и перпендикулярныя. Надъ тротуарами—непрерывные навѣсы, полезные во время дождя, но затемняющіе и тротуары и магазины. Вдоль Гостиный дворъ разсѣвается бульваромъ—аллеей изъ осокорей, узкой и плохо содержимой. Все это съ виду некрасиво и скромно.

Зато торговля Гостинаго двора поражаетъ своимъ разнообразіемъ. Чего-чего тутъ нѣтъ, и кого только тутъ нѣтъ! Товары, кажется, всѣ, какіе только бываютъ на свѣтѣ: нитки на катушкахъ, оптическіе и хирургическіе инструменты, мѣха, книги, аптекарскіе товары, лампы, механическая обувь, шерсть, платки, морскіе коты, тюленья шкурки, жемчугъ, леопъ, дамскіе наряды, сбруя, пояса, брезенты, ювелирныя вещи, искусственные цвѣты, сукно, золото, кружевной товаръ, офицерскія вещи, парча, иголки, бахрома, писчая бумага, конфеты, индиго, пробки, табакъ, музыкальные ящики, персидскіе фрукты и т. д., и т. д., до головокруженія и пестроты въ глазахъ. Но все это подавляется хлопчатобумажной мануфактурой, получившей въ Россіи колоссальное развитіе за послѣднія тридцать лѣтъ. Производятся всѣ эти безчисленные товары отчасти въ Петербургѣ, но главнымъ образомъ въ Москвѣ и центральномъ фабричномъ районѣ. Среди безчисленнаго множества торговцевъ царятъ крупныя хлопчатобумажники: Циндель, Павловъ, Барановъ, Рабенекъ и пѣсколько Морозовыхъ: Захаръ, Викулъ, Савва,

тверскіе Морозовы. Эти и устроились въ сторонкѣ отъ „мелкоты“, не въ Гостиномъ дворѣ, а внѣ канала, въ собственныхъ складахъ. Такой складъ представляетъ собой солидный каменный двухъэтажный домъ, построенный хорошимъ архитекторомъ, преимущественно въ русскомъ стилѣ, и стоявшій тысячъ полтора. Занять онъ только въ теченіе шести-восьми недѣль; остальное время въ году пустуетъ, при чемъ весной заливается аршина на два водопольемъ. Домъ выстроенъ на славу, крѣпко, прочно, просторно, не жалѣя средствъ, какъ умѣютъ строить русскіе купцы.

Стекла въ большихъ окнахъ богемскія, двери дубовыя: мѣдный приборъ на нихъ первый сортъ и горитъ какъ жаръ. Полы внизу отличные асфальтовые, а вверху солидный паркетъ. Нижний этажъ занятъ огромной залой магазина, съ полками отъ пола до потолка. Окна, разумѣется, зеркальныя и на ночь защищаются толстыми желѣзными шторами. За прилавками стоятъ и движутся тридцать человѣкъ приказчиковъ, молодецъ къ молодцу, рослые, сытые, расчесанные, отлично одѣтые, съ чарующими покупателя манерами. Помѣщаются эти гвардейцы тутъ же въ домѣ, во-второмъ этажѣ, на молодцовской половинѣ, по два, по три человѣка съ комнатъ. Особые повара готовятъ имъ пищу; особые люди, одѣтые дворниками, убираютъ ихъ комнаты. Въ восемь часовъ ихъ будятъ. Со двора, не спросившись, уходить они не смѣютъ. Выпивать строжайше воспрещено: за обѣдомъ и завтракомъ имъ полагается по двѣ рюмки водки—и баста.

На другой половинѣ второго этажа помѣщается или самъ хозяинъ, или управляющій складомъ, величественный джентльменъ, предъ которымъ трепещутъ тридцать молодцовъ.

Здѣсь — рядъ просторныхъ, богатыхъ, солидныхъ комнатъ: залъ, столовая, гостиная, спальня и нѣсколько кабинетовъ для хозяина и пріѣзжающихъ главныхъ администраторовъ фабрики и торговаго дома. Тутъ прислуга одѣта уже въ сюртуки, и коридоръ и лѣстница устланы коврами. Изъ оконъ хозяйской половины виденъ дворъ, величиной въ десятину, залитый асфальтомъ и окруженный каменными сараями и навѣсами, съ безукоризненно вывращенными желѣзными крышами. Въ сараяхъ и подъ навѣсами лежатъ кипы и ящики товара на два милліона рублей. Шестьдесятъ человѣкъ постоянныхъ рабочихъ въ продолженіе всей ярмарки ворочаютъ и возятъ на прочныхъ тачкахъ эти кипы и ящики, сдавая ихъ крупнымъ перекупщикамъ. Эти послѣдніе развезутъ ихъ по всему востоку. Въ Сибирь и на Волгу идетъ „одежный“ товаръ, т.-е. одноцвѣтный и безъ узоровъ. Бѣльевая бумага требуется южной и западной Россіей. Средняя Азія покупаетъ „подкладку“, изъ которой, ничтоже сумняшеся, шьютъ себѣ халаты. Ситцы и „пунцовый товаръ“ идутъ всюду.

Ярмарка, прежде занимавшая одинъ Гостинный дворъ, давно уже вышла за предѣлы подковообразнаго канала и по одну сторону дошла до Волги, а по другую—до Кунавина.

Ярмарка внѣ канала—тоже настоящей городъ, гдѣ склады чередуются съ церквями, гостинницами, театрами, банями, народными харчевнями, меблированными комнатами и „номерами“. Склады и дома здѣсь гораздо крупнѣе и внушительнѣе, чѣмъ внутри канала. Къ сѣверу отъ дуги канала расположены „Самокаты“, сохранившееся до сихъ поръ во всей первобытности простонародное Кунавино, съ деревянными зданіями бань, номеровъ, трактировъ, безчисленныхъ харчевенъ и увеселительныхъ балагановъ.

Въ общемъ нижегородская ярмарка выглядит хорошимъ городомъ, хорошимъ, конечно, по русскому масштабу. Достаточно въ немъ и грязи, и запаховъ. Мостовая не безъ выбоинъ. Бульвары не безъ сухихъ деревьевъ и поломанныхъ заборовъ. Но въ общемъ—ничего, напоминающаго восточный базаръ, или караванъ-сарай. Отголоски прежней азиатчины можно наблюдать только на пристаняхъ ярмарки, да на Самокатахъ.

А Волга и Ока текутъ на полной волѣ, какъ текли онѣ въ старину. Насыпаетъ рѣка мель,—что жъ, ничего не подѣлаешь, пусть насыпаетъ. Рветъ вода берега,—надо отодвигаться отъ воды вмѣстѣ съ берегомъ. Божьи рѣки не стѣснены людскими набережными, и суда пристають прямо къ желтому песочку и обрывистой глинѣ. У этихъ песковъ и глины, у Сибирской пристани по Окѣ, у Петербургской по Волгѣ, и у мели на Окѣ, гдѣ торгуютъ желѣзомъ и рыбой, нагружаются и разгружаются сотни барокъ и пароходовъ. Рѣдко-рѣдко гдѣ увидите вы подъемный кранъ. Его замѣняютъ прочные хребты крючниковъ, татаръ и русскихъ.

Рѣдко попадетъ каменное или желѣзное зданіе: вездѣ дощатые балаганы и бревенчатые избы. Тутъ еще сохранилась старая, неизящная, сколоченная на живую нитку ярмарка, но и тутъ элегантные пароходы, рельсы и вагоны желѣзнодорожныхъ путей. По рельсамъ нескончаемыми рядами тянутся товарные вагоны, движимые лошадьми. Вдоль рельсовъ тянутся безконечныя вереницы пустыхъ и нагруженныхъ ломовиковъ. Черезъ улицу, чуть не попадая подъ вагоны и ругаясь съ ломовиками, идутъ съ тяжестями на спинѣ крючники. Какія лица у большинства этихъ господъ, какая небезопасная внѣшность! Костюмъ состоитъ изъ опорковъ на босу ногу, сѣрыхъ штановъ изъ какой-то удивительно жидкой матеріи и никогда не мытой, но совершенно полинявшей розовой ситцевой рубахи. Пояса нѣтъ для прохлады, а штаны и рубаха непременно прорваны во многихъ мѣстахъ, и непременно въ видѣ форточекъ, о гвозди. Дуетъ вѣтеръ, и эти фор-

точки то затворяются, то открываются и показывают здоровенные мускулы.

На плечах у такого господина восемь пудовъ, но идетъ господинъ какъ ни въ чемъ не бывало; даже его длиннородое лицо не измѣнило своего обычнаго выраженія: въ жидкихъ стальнаго цвѣта большихъ глазахъ виденъ вчерашній хмель, а лицо красно столько же отъ натуги, сколько и отъ загара и затыжнаго пьянства. Съ утра до ночи онъ таскаетъ свои восьмипудовые кули и ящики и считаетъ, сколько прибываетъ у него денегъ, на которыя онъ чудно проведетъ ночь на Самокатахъ.

Поѣзжайте по Волгѣ дальше,—культуры все убываетъ. Пароходныя пристани кончились, и берегъ заваленъ горами тряпья. За ними начинается безконечный рядъ лѣсныхъ товаровъ. Горы лубка, горы ободья, десятки тысячъ дугъ, ступицы, спицы, полозья, доски, бревна, наконецъ всевозможные сорта столярнаго дерева, привезенные отовсюду: изъ Бразиліи и Индіи, Кавказа и Средней Азіи. Русское дерево все бѣлое. Заморское—самыхъ фантастическихъ цвѣтовъ. За деревомъ пойдутъ сырыя кожи. Тутъ ужъ совсѣмъ Азія. Изъ двадцати шести только два русскихъ торговца, остальные—татары и киргизы. Товаръ тоже киргизскій. Воздухъ тутъ тоже азіатскій, то-есть смрадный. Огромные штабеля шкуръ, съ лошадиными хвостами или съ бычачьими рогами, сильно припахиваютъ падалью. Если прибавить дымъ отъ кизяка, можно бы вообразить себя гдѣ-нибудь на оренбургскомъ или тройцкомъ мѣновомъ дворѣ или въ Кустанаѣ.

Кончатся кожи, и, если вѣтеръ вамъ навстрѣчу, вы чувствуете разлитое въ воздухъ тонкое благоуханіе, особенно пріятное послѣ атмосферы коженныхъ складовъ. Нѣсколько въ сторонкѣ вы замѣчаете большіе скирды, прикрытые брезентами.

Это—чай въ цыбикахъ, привезенный изъ Кяхты. Скирды многочисленны; не во всякомъ даже большомъ черноземномъ имѣніи ставятъ столько скирдъ хлѣба и при хорошемъ урожаѣ. Чайные скирды нижегородской ярмарки оцѣниваются ни болѣе, ни менѣе какъ въ четырнадцать милліоновъ рублей.

Чаемъ эффектно кончается ярмарка въ этомъ направленіи.

— Что же дальше?

— Сорново.

— Поѣзжай въ Сорново.

Обыкновенно ѣдутъ въ Сорново или по желѣзной дорогѣ, построенной сорновскимъ заводомъ, или на особомъ пароходикѣ, но мы ѣдемъ на извозчикѣ. Направо—широкая Волга, налѣво—зеленая отава заливныхъ луговъ, озера и дубовыя рощи. Это и есть то море земли, которое видно съ нагорнаго берега Оки. Пріятно проѣхаться по его глади.

Воздухъ чистъ и прозраченъ, дуга безгранична, пахнетъ то сѣномъ, сложеннымъ въ стога, то немного прѣлымъ, сладкимъ и крѣпкимъ благоуханіемъ дубоваго листа. Солнце горитъ свѣтло, небо чисто, а Волга бѣлѣетъ гладкимъ, ничего неотражающимъ зеркаломъ. Зато дорога убійственная. Грязь и колеи по ступицу, а мѣстами лужи разлились настоящими озерами. Долго тащимся мы по этому головоломному пути и наконецъ вѣзжаемъ въ знаменитый Сормовскій нефтяной городокъ, выросшій въ послѣднее десятилѣтіе на берегу Волги. Съ виду это — разрытые песчаные бугры, на которыхъ въ безпорядкѣ стоятъ колоссальныя круглыя желѣзныя цистерны для нефти и керосина. Рядомъ съ ними — маленькіе дома. Отъ цистернъ то подъ землю, то на подпоркахъ тянутся чугуныя трубы: однѣ — къ Волгѣ, другія — къ желѣзнодорожнымъ рельсамъ.

На Волгѣ стоятъ громадныя баржи-нефтянки, привезшія сюда кавказскую нефть, и изъ нихъ выкачиваютъ ихъ грузъ въ цистерны. Затѣмъ подвѣзжаютъ цистерны-вагоны, ихъ наливаютъ и рассылаютъ во всѣ концы Россіи.

Такимъ образомъ черезъ Сормово проходитъ миллионъ пятнадцать пудовъ нефти и керосина. Кажется, зачѣмъ понадобилось для этого именно Сормово и какое дѣло бакинскому товару до нижегородскаго Сормова! Сормово съ Баку связала все та же матушка Волга, замѣняющая Россіи моря, несущая суда океанской величины въ самое сердце Россіи.

По всему Сормову временами разносится какой-то неистовый, нечеловѣчскій визгъ и скрежетъ. Это рѣжутъ желѣзо на сормовскомъ судостроительномъ заводѣ. Сормово соединено съ Нижнимъ желѣзной дорогой. Конечно, первоначально дорога была построена заводомъ для своихъ нуждъ, но теперь по ней ходитъ нѣсколько пассажирскихъ поѣздовъ въ день, состоящихъ изъ двухъ-трехъ всегда полныхъ вагоновъ. На одномъ изъ этихъ поѣздовъ мы и вернулись на ярмарку.

Посреди Оки лежитъ длинная песчаная мель; здѣсь находятся склады желѣза. Вы ѣдете по деревянной настилкѣ больше версты, и направо, и налѣво, подъ навѣсами и просто подъ открытымъ небомъ, на желтомъ пескѣ лежатъ груды желѣза, стали и чугуна — въ полосахъ, листахъ и брускахъ, круглякахъ, болванкахъ.

Мѣстами громадныя склады чугуновъ, тазовъ, подковъ, втулокъ, ухватовъ, сошниковъ, вилъ, шкворней, ведеръ, ковшей, гвоздей и т. д., и т. д. Эта масса тяжелаго металла производитъ почти удручающее впечатлѣніе. вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзная пристань — самое аристократическое мѣсто на ярмаркѣ. Здѣсь торгуютъ произведеніями своихъ уральскихъ заводовъ графы Шуваловы (двое), Всеволожскіе, Стенбокъ-Фер-

моры, князя Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, князя Демидовы-Сандonato и Абамелекъ-Лазаревы, графы Строгановы—бокъ о бокъ съ Салазкинскими, Расторгуевыми и Криворотовыми.

Казанскіе татары.

(В. Рагозина.)

Казанскіе татары сложены очень хорошо и собою красивы. Ростъ ихъ, говоря вообще, средній; но часто попадаются и высокорослые, женщины однако замѣтно ниже мужчинъ. Татары широкоплечи, съ широкою грудью и толстою, короткою шеей, обнаруживающими силу и здоровье; они имѣютъ продолговатый овалъ лица, пропорціональный прямой носъ, умные, выразительные черные глаза съ правильнымъ разрѣзомъ, какъ у прочихъ народовъ Европы славянскаго или германскаго племени; скулы почти не выдаются; губы не тонки, но и не очень толсты; борода по большей части негустая, клинообразная, а иногда окладистая, подстриженная. Татарки, хорошенькія собою, не рѣдкость; пожалуй, онѣ были бы не менѣе красивы, чѣмъ русскія женщины, если бы не безобразили себя сами: онѣ густо намазываются бѣлилами и румянами; сурмятъ брови и рѣсницы, чтобы глаза ихъ, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Но—что всего хуже—онѣ чернятъ зубы и красятъ ногти.

Другой недостатокъ татарскихъ женщинъ—замѣчательная неповоротливость, вызываемая частью мѣшковатой одеждой ихъ, главное же—чрезвычайно замкнутымъ и сидячимъ образомъ жизни: въ то время, какъ мужья и братья почти не живутъ дома, женщина почти не выходитъ изъ дома и проводитъ большую часть времени въ сидѣньѣ за чаями и жирными завтраками. Правда, и онѣ работаютъ, т.-е. занимаются вышивкою красивыхъ тюбетеекъ (ермолокъ) или украшаютъ башмаки и вчиги (сапожки), цѣнность которыхъ доходитъ иногда свыше 100 руб.; но всѣ этого рода занятія сопряжены все-таки съ сидѣньемъ. Впрочемъ, менѣе богатыя татарки (особенно деревенскія) живутъ въ условіяхъ болѣе подвижной жизни, хотя все же далеко не въ тѣхъ, въ какихъ проводитъ свое время русская женщина: послѣдняя нерѣдко и пашетъ, и коситъ, не говоря о томъ, что непремѣнно жнетъ; первая же только въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ принимаетъ участіе въ жнитвѣ и сгребаніи сѣна, предоставляя тяжелыя работы мужчинѣ. Но и мужчины не охотники до земледѣльческой работы.

Одежда татаръ—восточная, отличающаяся своей длинной и шириной: чѣмъ шире одежда, тѣмъ лучше, почтениѣе. Рубашка (кульмякъ)—бѣлая холщевая или изъ синей крашенины—спускается ниже колѣнъ и не подпоясывается; штаны также широкіе, залуценные за сапоги или

завернутые въ онучи. Поверхъ рубашки татары носятъ безрукавый камзолъ, или зиянъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ — изъ пестрой шелковой или полшелковой матеріи; затѣмъ, смотря по степени холода, идутъ — халать, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ, и, наконецъ, шуба (тунъ). Казанскіе татары-купцы носятъ обыкновенно поверхъ зияна нанковый или суконный кафтанъ, похожій покроемъ на русскій купеческій; за пазухой всегда шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но зато они носятъ много цѣнныхъ украшеній: кольца съ алмазами, толстыя золотыя цѣпи, опоясываются ремненнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными, разнообразной формы, бляхами, которыя охватываютъ дородную талию какаго-нибудь богача. Выбритая голова татарина покрыта ермолкою, иногда расшитю золотомъ и жемчугомъ, затѣмъ шапкою, у богачей опушеною бобрюмъ.

Муллы, мудеррисы (профессора) и халжи, т.-е. совершившіе путешествіе въ Мекку, и вообще почетные, зажиточные татары носятъ бѣлую чалму (зеленыя чалмы присвоены только однимъ потомкамъ Магомета); масса же татаръ носитъ поверхъ тибетейки бѣлыя полярковыя шляпы, отличныя отъ русскихъ крестьянскихъ не только цвѣтомъ, но и формою.

Что касается женщинъ, то онѣ, какъ женщины всѣхъ націй на свѣтѣ, очень любятъ наряды. Рубашка татарки — длинная ситцевая, съ яркими обкладками — украшена нагрудникомъ, унизаннымъ серебряными монетами. Подъ рубашкою носятъ шальвары. На рубашку татарки надѣваютъ зиянъ, а на голову накидываютъ полотняное покрывало, или вмѣсто зияна носятъ просто халать изъ парчи, изъ шелковой матеріи или изъ китайки съ длинными, суженными къ концамъ, рукавами. Халать накидывается прямо на голову и служитъ такимъ образомъ вмѣсто чадры (покрывала); другія, побѣдиѣ, обвиваютъ головы полотенцами съ узорчатыми концами, а у богатыхъ есть шелковые колпаки въ видѣ повязки съ дорогой бахромой, позументами и драгоценными камнями или, наконецъ, бархатныя круглыя шапочки съ плоскимъ верхомъ, отороченныя соболемъ. Затѣмъ татарки наряжаютъ себя разными украшеніями изъ благородныхъ металловъ и самоцвѣтныхъ камней: онѣ носятъ ожерелья, серьги, браслеты, множество перстней; кромѣ того, въ косу влетаютъ монеты, а на лѣвое плечо надѣваютъ болѣе или менѣе богато украшенную камнями и монетами перевязь, въ концѣ которой вложены изреченія корана.

Жилище татаръ дѣлится на двѣ половины — переднюю и заднюю; между ними сѣни, большею частью некрытыя и предназначенныя для домашняго богомолья. Войдемте въ переднюю половину жилища болѣе или менѣе зажиточнаго татарина-мѣщанина. Вправо отъ входа въ комнату стоятъ

большая печь и при ней большой котель, въ которомъ варится пища. На печи стоятъ два мѣдные, полуженные кувшина. За печью, въ углу, стоитъ всегда большой мѣдный тазъ для умыванья, надъ которымъ висятъ два полотенца: одно для обтиранія лица и рукъ, другое для ногъ. Подалье, направо у стѣны, придѣланы широкія нары, гдѣ лежатъ пышныя перины съ занавѣсомъ. Противъ двери, направо, стоятъ столъ,

покрытый пестрою бумазейною скатертью, а на столѣ поставлено маленькое зеркало. Влѣво, въ углу, стоитъ также покрытый столъ съ чайными фарфоровыми чашками, съ мисками и нѣсколькими подносами. Около самыхъ стѣнъ — нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ; самоваръ всегда стоитъ у печи. Между столами у стѣны поставлены два красиво обитые сундука, служащіе украшеніемъ горницы и покрытые коврами. На передней стѣнѣ, противъ дверей, виситъ небольшое зеркало. У самыхъ столовъ посланы про-

Въ татарской деревнѣ.

стые ковры. На каждомъ окошкѣ стоятъ горшки съ бальзаминами и душистыми базиликами. Отъ большой печи вправо, у стѣны, виситъ занавѣсъ, закрывающій небольшое мѣсто; здѣсь, когда бывають у хозяина гости, всегда должна обѣдать хозяйка, чтобы никто не могъ ее видѣть. Мужъ обѣдаетъ всегда напередъ съ сыновьями или съ гостями, а жена только прислуживаетъ, сама же обѣдаетъ послѣ за занавѣсомъ.

Задняя изба назначается для черныхъ работъ; здѣсь же лежатъ коекакіе домашніе пожитки; лѣтомъ здѣсь же спятъ хозяева.

Татарская деревня похожа на случайно разбросанный таборъ. Теперь, правда, заставляютъ татаръ строиться по извѣстному типу деревень, правильно, въ предупрежденіе опустошительныхъ пожаровъ. Но еще далеко то время, когда всѣ деревни будутъ перестроены согласно планамъ администраціи, и едва ли не большая часть селеній сохранятъ свой чисто татарскій типъ. Улицы кривы, дома не выходятъ на улицу, а, по восточному обычаю, прячутся за заборами во дворѣ, гдѣ выстроены также амбары и крытый соломою погребъ.

Пища татаръ лучше, нежели пища русскихъ: у послѣднихъ мясо появляется только въ праздники (само собой, мы разумѣемъ массу населенія); а кромѣ того, они обременены множествомъ постовъ, которыхъ у татаръ только два. Обыкновеннѣйшее кушанье татаръ—салма, въ которой варится баранина или козлятина, а рѣже конина; затѣмъ кислое молоко, нирогн съ зелеными огурцами, лепешки на скоромномъ маслѣ, сухіе плоды. Свиное мясо запрещено кораномъ; лошадиное же не только разрѣшается, но считается у простыхъ татаръ за самое лучшее мясо. Однако татары, живущіе въ Казани, почти совсѣмъ не ѣдятъ конины. Замѣтимъ, что въ употребленіи мяса существуетъ правило, по которому слѣдуетъ, чтобы животное, предназначенное въ пищу, было заколото татариниомъ и съ произнесеніемъ словъ: „бис-миляхъ“, т.-е. во имя Божіе. Вотъ почему татары не могутъ ѣсть мясо съ русскими. Говорятъ, нерѣдко случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собою курицу, кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить или тутъ же самъ закалываетъ птицу съ „бис-миляхъ“.

Наконецъ, татары любятъ медъ, пиво и страстные охотники до чаю, который они потребляютъ чуть ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ русскіе купцы. Трактирная жизнь татарину очень по сердцу; въ этомъ, можетъ быть, проявляется любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіе дня 10 — 15 бутылокъ для татарина не составляетъ еще подвига; за пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни или слушаетъ органъ, куритъ табакъ (а у себя въ домѣ курить не позволяетъ). Богатые татары часто заходятъ въ кондитерскія пить шоколадъ съ огромнымъ количествомъ ванили.

Вино составляетъ запрещенный плодъ; запрещеніе, конечно, благотворно отражается на нравственности народа, но примѣръ русскихъ дѣйствуетъ соблазнительно, и уклоненія отъ закона среди татаръ бываютъ не особенно рѣдки, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ желающихъ обойти запрещеніе совершенно достаточенъ оправдательный аргументъ, въ силу котораго они пьютъ не „вино“, а „бальзамъ“.

Въ занятіяхъ своихъ татары рѣзко отличаются отъ прочихъ инородцевъ и отъ русскихъ. Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ невысоко;

онъ далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи чувашамъ и русскимъ. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, татары всѣ рѣшительно чужды земледѣлю: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ и вотякамъ въ годовое владѣніе или за деньги, или исполу, то-есть русский или другой крестьянинъ снимаетъ у нихъ земли, пашетъ, боронитъ ихъ, засѣваетъ своимъ хлѣбомъ, ухаживаетъ за ними, проводя въ потребныхъ мѣстахъ канавки между загонами, жнетъ, молотитъ; а землевладѣлецъ является только къ раздѣлу—зерно на зерно. Татаринъ занимается по возможности легкою работой: торговлею, извозомъ, пчеловодствомъ, содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, или нанимается въ приказчики, въ половые, въ караульщики и т. п. Торговля—его стихія. Если у него заведется хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ пускается въ торговлю: скупаетъ въ однѣхъ русскихъ деревняхъ яблоки и вишни, выгодно мѣняетъ въ другихъ на яйца, отыскиваетъ мерлушки, перекупаетъ лошадей и все это продаетъ съ большими выгодами для себя. Впрочемъ, не мѣшаетъ оговориться, что татары не чуждаются и тяжелыхъ работъ: на очень многихъ пристаняхъ можно встрѣтить ихъ въ качествѣ гребцовъ-перевозчиковъ или въ качествѣ грузчиковъ, и притомъ самыхъ лучшихъ какъ по силѣ, такъ и по честному отношенію къ исполненію работы. Благодаря своей смѣтливости, расторопности и плутоватости многіе изъ татаръ обогащаются. Въ Казани есть очень богатые татары, считаемые миллионерами.

Главныя занятія и ежедневное распредѣленіе свободнаго времени достаточно разнообразятъ жизнь татарина. Но далеко нельзя сказать того же о препровожденіи времени женщинами: жизнь ихъ необыкновенно скучна и однообразна. Богатыя, наприм., не занимаются даже рукодѣліемъ: о хозяйствѣ хлопчуть мужья или свекрови-старушки, а молодыя только заботятся о нарядахъ и о своихъ желудкахъ. Богатая татарка какъ встаетъ, такъ и нарядится въ золотое платьѣ, набѣлится и нарумьнитъ лицо какъ возможно болѣе и, поджавъ ноги, сидитъ на диванѣ. Самоваръ кипитъ передъ ней. Она сама приготовляетъ чай и пьетъ его до тѣхъ поръ, пока потъ сгонитъ всѣ бѣлила и румяна съ ея лица; тогда она намажетъ свое лицо снова и принимается за завтракъ, состоящій изъ самыхъ жирныхъ кушаній. Потомъ она опять усаживается, и ежели придетъ навѣстить ее подруга, то снова является на столѣ самоваръ, и она съ гостьей вторично пьетъ чай, столько же, какъ и поутру. Лицо снова разстраивается отъ пота, и его надо снова подкрасить, чтобы къ обѣду явиться передъ супругомъ въ полномъ блескѣ. Послѣ обѣда чай составляетъ для татаръ необходимость, ибо они утверждаютъ, что его надо непременно пить для сваренія желудка, послѣ жирной пищи. Напившись чаю и отдохнувши, богатая татарка вздумаетъ иногда ѣхать въ гости; тогда она наряжается въ другое дорогое платьѣ,

и пара лошадей, заложённыхъ въ крѣпкокованную и яркими красками выкрашенную повозку, везеть ее, всю закутанную, къ ея знакомой, и она не выставляетъ носа изъ-подъ покрывала до самой горницы своей подруги. Богатыя татарки лишены даже воздуха. Садовъ у нихъ нѣтъ, а ежели и есть у кого, то это—небольшіе палисадники; туда татарская барыня не смѣетъ выйти, не покрытая съ ногъ до головы зиланомъ, изъ опасенія встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ. Она боится взглянуть въ окно, чтобы мимоходящіе по улицѣ ея не увидѣли. Когда нѣтъ проходящихъ, она бы и могла посмотрѣть на минуту въ окно, чтобы дохнуть свободнѣе, но и тутъ нѣкоторое неудобство: всѣ окна оставлены сильно пахучими цвѣтами.

Чѣмъ татаринъ богаче или знатнѣе, тѣмъ болѣе онъ скрываетъ своихъ женъ: онѣ открываютъ лицо въ своей спальнѣ, потому что лица ихъ запрещено видѣть даже свекрамъ, братьямъ мужа, дядямъ и ихъ дѣтямъ, — словомъ, всякому мужчинѣ. Въ настоящее время однако жены требуютъ европейскаго костюма, но этому противятся мужья, хотя сами они не прочь носить европейское платье, сверхъ котораго, впрочемъ, все-таки надѣваютъ халатъ. Татарки менѣе богатыя, и особенно деревенскія, живутъ гораздо свободнѣе. Деревенскія татарки, или вообще женщины низшаго слоя ходятъ почти безъ покрывала, а притиранья употребляютъ только по пятницамъ. Онѣ сами хозяйничаютъ, стряпаютъ, доятъ коровъ, ходятъ сами въ городъ за покупками, хотя и съ покрываломъ, но часто съ полуоткрытымъ лицомъ, и закрываются только встрѣтясь съ татарининомъ.

Татары исповѣдуютъ религію Магомета. Общественныя моленія происходятъ въ мечетяхъ. Вотъ какъ описываетъ это моленіе одинъ писатель. „Намъ захотѣлось видѣть татарское богослуженіе. Полицейскій чиновникъ, татаринъ и магометанинъ, но въ формѣ и безъ бороды, доставилъ намъ эту возможность. Мечеть помѣщалась въ простой, большой, но низенькой комнатѣ. Въ ней стоялъ аналой и родъ маленькой каеэдры, въ срединѣ залы висѣла небольшая люстра, не было ни стульевъ, ни скамеекъ. Въ передней стояли въ рядъ татарскіе башмаки, такъ какъ правовѣрные входятъ въ мечеть босыми ногами. Мы пришли нѣсколько поздно, причетникъ пропѣлъ уже начальныя слова: „Склонитесь, вѣрующіе, такъ какъ это законъ“; мулла кончилъ уже свою обыкновенную въ пятницу проповѣдь, и уже началась общая молитва присутствующихъ. Законъ запрещаетъ вѣрующимъ повертываться во время молитвы и чѣмъ бы то ни было развлекаться, такъ что нашъ приходъ не возбудилъ никакого вниманія. Молитва заключалась въ частыхъ поклонахъ въ землю, при чемъ сначала обѣ руки поднимаются на высоту головы задонями вверхъ, такъ что большіе пальцы прикасаются къ нижней части уха. Затѣмъ молящійся становится на оба колѣна и садится, по восточ-

ному обычаю, на свои ноги; потомъ онъ опускается на руки и касается лбомъ пола. При этомъ многіе шевелили губами, какъ будто произнося известную молитву: „Богъ великъ“ и т. д. Всѣ были съ покрытыми головами, но не у всѣхъ были чалмы. Имѣвшіе чалмы развязывали во время молитвы концы ея и забрасывали ихъ на спину. Моленье въ описанномъ родѣ продолжалось болѣе четверти часа, въ продолженіе которыхъ нѣкоторые положили 26 земныхъ поклоновъ. Во время моленья царствовала глубочайшая тишина, каждый былъ вполне погруженъ въ себя, никто ничѣмъ не развлекался. Это молчаливое собраніе людей, съ глубокимъ благоговѣніемъ, покаяніемъ и надеждою возносящихъ молитвы къ Богу и чувствующихъ между собою связь единства вѣры, производитъ поистинѣ возвышенное впечатлѣніе на всякаго безпристрастнаго зрителя. По окончаніи моленья мулла далъ знакъ непонятнымъ для меня словомъ. Всѣ тотчасъ сѣли на ноги; каждый очень старательно закрылъ свое лицо обѣими руками и затѣмъ раскрылъ передъ собою руки въ видѣ раскрытой книги, какъ будто читая въ нихъ. Мулла началъ громко читать или скорѣе пѣть изъ корана. Мелодія была очень оригинальная, несложная, въ нѣсколько нотъ: нось, небо, горло — все было пущено въ ходъ, чтобы вызвать наиболѣе странные и удивительные тоны. Пѣніе это продолжалось не долго, какія-нибудь десять минутъ; затѣмъ правовѣрные помолились еще нѣсколько времени, потомъ каждый завязывалъ свою чалму и выходилъ изъ мечети, но не всѣ заразъ, а по мѣрѣ окончанія каждымъ своей молитвы“.

Бѣдившіе по Волгѣ имѣли, конечно, случаи видѣть, какъ совершаютъ татары свои ежедневныя молитвы, которымъ предшествуетъ каждый разъ омовеніе. Дѣлать омовеніе и затѣмъ молиться, что называется творить намазъ, татаринъ долженъ 5 разъ въ сутки, именно: утромъ передъ восходомъ солнца, въ полдень, за часъ передъ закатомъ солнца, тотчасъ по закатѣ и вечеромъ около 9 или 10 часовъ.

Постовъ и праздниковъ у татаръ немного. Наиболѣе торжественными праздниками считаются байрамъ (бѣйрамъ). Однимъ изъ нихъ, праздникомъ розговѣнія, кончается строгій постъ мѣсяца рамадана (рамазана) и начинается съ той минуты, когда покажется новая луна.

Что касается великаго поста, рамазана, то въ теченіе его татары постятся, обращая вниманіе не на качество пищи, а на воздержаніе отъ пищи и питья вообще, и то, впрочемъ, только въ продолженіе дня; ночью же разрѣшается пить и ѣсть сколько угодно. Больнымъ и находящимся въ дорогѣ позволяется отлагать постъ до другого времени или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. На бѣдныхъ магометанскій законъ обращаетъ большое вниманіе: какимъ бы то ни было образомъ магометанинъ долженъ отдать бѣднымъ $\frac{1}{10}$ часть своего имѣнія.

Къ праздникамъ же можно причислить свадьбы, которыя тѣмъ болѣе

нрѣдки, что каждый мусульманинъ можетъ имѣть разомъ четырехъ законныхъ женъ, не говоря о неограниченномъ числѣ наложницъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что только немногіе изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные — болѣе одной. Вторую жену обыкновенно берутъ тогда, когда первая состарится.

Свадьбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ. По закону запрещено жениху видѣть невесту прежде, чѣмъ она сдѣлается его женой. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставить случай тайкомъ видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ.

Когда женихъ такъ или иначе облюбовалъ невесту, онъ посылаетъ сваху. Въ случаѣ согласія договариваются о калымѣ, который иногда доходитъ до 1.000 рублей. Половина калыма платится при помолвкѣ, а другая послѣ свадьбы и удерживается родителями невесты на случай развода.

Со дня помолвки женихъ посылаетъ своей невестѣ разные подарки (они идутъ однако въ счетъ калыма), а въ день свадьбы, какъ непрѣмный подарокъ, — кадку меду и кадку топленого коровьяго масла для свадебнаго пира, который тѣмъ и начинается, что подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости намазываютъ того и другого на хлѣбъ и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Свадебные пиры назначаются за недѣлю до брака и бываютъ ежедневно по очереди у родныхъ жениха и невесты: одинъ день собираются женщины, другой — мужчины. Невѣста не участвуетъ въ пирахъ, и женихъ со времени помолвки не ходитъ въ домъ невесты. Всѣ эти пиры и праздники чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги на ковры, разостланные по полу, смотрятъ другъ на друга, бесконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ замѣчательнымъ аппетитомъ. Пиръ, впрочемъ, только и состоитъ въ непрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостя должна подарить что-нибудь невестѣ, если, впрочемъ, она имѣетъ на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, открывающійся тѣмъ же медомъ и масломъ; затѣмъ слѣдуютъ пироги, пилавы, жаркія и пирожныя, всего до 20-ти блюдъ, всѣ прежирныя, и ни одно блюдо не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ. Подобнымъ образомъ пируютъ и мужчины, и точно такъ же начинается и свадебный обрядъ. Поужинавши, татары начинаютъ на разныя манеры откашливаться. Это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина; потомъ встаютъ и на разостланную скатерть кладутъ деньги для невесты. Сборъ этотъ называется „шербетомъ“ оттого, что въ старину онъ клался въ кубокъ съ шербетомъ и отдавался невестѣ, которая въ то время находилась уже

въ спальнѣ. Этотъ подарокъ относить отецъ и, возвратясь, говорить, что дочь его деньги приняла, или, другими словами, согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ — у отца, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ молитву.

Послѣ мулла говоритъ: „По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы и по суннету великаго пророка Магомета - Мустафы, да будетъ благословіе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ, по правиламъ секты имама Азима и по соглашенію имама Абу-Юсуфа-Алкази и имама Магомета, сына Аль-Хасана, и пр. имамовъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ и при столькихъ - то рубляхъ калыма, такой - то (отецъ невѣсты соглашается выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ), тому-то въ замужество, по правиламъ мусульманскихъ вѣроисповѣданій за такого-то?“ Отвѣтъ: „Согласенъ, выдаю“. — „Ты, такой-то (отецъ жениха), довѣренный со стороны сына своего, соглашаешься ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ-то воличествѣ калыма, въ законное замужество за своего сына?“ Отвѣтъ: „Согласенъ, беру“.

Передъ смертію и по смерти кого-либо изъ татаръ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: когда татаринъ почувствуетъ приближеніе смерти, призывается мулла (а за неимѣніемъ его—какое-либо другое лицо пожилыхъ лѣтъ), который читаетъ 36-ю суру (главу) корана о воскресеніи мертвыхъ. Во время чтенія отходной умирающаго то и дѣло окликають, съ тѣмъ чтобы напомнить ему, что онъ долженъ повторять, если можетъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его“.

Умершаго кладутъ на столъ, ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Тѣло закрываютъ тремя покрывалами; мулла читаетъ коранъ (67-ю суру). Татары долго тѣло покойника не держатъ, всего только 12 часовъ, и русскій трехдневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается. Покойника выносятъ на кладбище на лубкѣ; передъ мечетями останавливаются и читаютъ коротенькую молитву. Въ могилѣ выкапываютъ нишу или устраивается сводъ, куда кладутъ трупъ въ саванѣ, на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ.

О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ такъ называемый намогильный судъ, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій. У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души павшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочіе же скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары дѣлають по усопшимъ частыя поминья. Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. По прошествіи трехъ дней мулла, зна-

комые, родственники приглашаются на обѣдъ, то же бываетъ на 7-й, 40-й день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому коранъ, что продолжается 6 недѣль, такъ же какъ и раздача милостыни.

На могилахъ татары ставятъ памятники: бѣдные—простые четырехугольные срубы, родъ домиковъ изъ дерева или камня; надъ могилой сажаютъ березки; у богатыхъ тутъ же ставятъ памятники съ надписями. Эти надписи — на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и кончаются воззваніемъ къ Богу, напр.: „Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Все, что живетъ

Казанскій кремль.

должно вкушать смерть“... „Мы принадлежимъ Богу и къ Нему возвращаемся. Въ смерти много ученія“...

Благодаря магометанской религіи у татаръ есть письменность, а благодаря этой послѣдней татары стоятъ по развитію выше всѣхъ прочихъ инородцевъ; мало того, ихъ слѣдуетъ поставить выше самихъ русскихъ, если, впрочемъ, будемъ сравнивать собственно народныя массы.

Обучаютъ у татаръ муллы и ихъ жены; они учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. При каждой мечети полагается училище.

Домъ для училища покупается какимъ-нибудь богатымъ татаринномъ; отопленіе и ремонтъ беретъ на себя другой татаринъ — на годъ и больше. Внутри училищнаго дома находится, кромѣ небольшихъ сѣней, одна большая комната, въ которой полъ возвышенъ на нѣсколько ступеней.

На этомъ возвышеніи располагаются такъ, что учителю, его помощнику и ученикамъ достается каждому мѣсто шага въ полтора для подушки, ящика, посуды, книгъ и письменнаго прибора. Помощники учителя и ученики въ одной и той же комнатѣ учатся и ведутъ хозяйство. Если кто захвораетъ, то долженъ лежать въ самомъ училищѣ на своей подушкѣ до окончанія болѣзни. Учитель вмѣстѣ и врачъ; онъ лѣчитъ больного простыми средствами. Подушки учителей отдѣляются отъ ученическихъ занавѣскою изъ пестрой матеріи. Надъ мѣстомъ, которое занимаетъ учитель, на прибитыхъ къ стѣнѣ полкахъ, кладутся нужныя для ученія книги. Тутъ же часто можно видѣть и чеботарный приборъ: учитель учитъ и сапоги чинить какъ себѣ, такъ и ученикамъ своимъ. Дѣти поступаютъ въ училище на 7-мъ и 8-мъ году, и курсъ ихъ ученія продолжается по меньшей мѣрѣ 5 лѣтъ. Кто желаетъ однако со временемъ сдѣлаться священнослужителемъ или учителемъ, остается въ школѣ гораздо долѣе.

Ученіе начинается азбукой, послѣ которой читаютъ книгу, содержащую въ себѣ извлеченія изъ корана, отчасти сокращенно, отчасти цѣлыми сурами. Потомъ читаютъ разныя татарскія книги, напечатанныя въ Казани и заключающія въ себѣ изъясненія на коранѣ или наставленія въ торговлѣ. Кромѣ чтенія и изученія основъ религіи, дѣти учатся и арабскому языку настолько, насколько это нужно для поверхностнаго разумѣнія корана, а иногда также персидскому и бухарскому языкамъ. Татары учатся языкамъ какъ для облегченія сношеній по торговлѣ, такъ и для того, чтобы умѣть читать турецкія книги, въ которыхъ часто встрѣчаются арабскія и персидскія слова. Любятъ они также блеснуть высокимъ слогомъ, который состоитъ единственно въ примѣшваніи безъ разбора къ татарскимъ словамъ арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ.

Замѣчательно, что казанскіе татары, находясь посреди русскихъ, съ которыми и по торговлѣ имѣютъ многія сношенія, весьма мало стараются знать русскій языкъ. Среди нихъ только немногіе умѣютъ хорошо говорить по-русски, и еще менѣе такихъ, которые бы умѣли писать. О женщинахъ въ этомъ отношеніи нечего и говорить: онѣ по-русски не понимаютъ или почти не понимаютъ. Но помимо этого, начальное образованіе достаточно распространено между татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать по-татарски.

Ч е р е м и с ы .

(Мунтъ-Валуевой).

Въ глубокой древности по среднему теченію Волги жили народы финскаго племени. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ уже вполне слились

съ русскою народностью, усвоивъ отъ нея языкъ, нравы и особенности быта. Другіе идутъ быстрыми шагами къ обрусѣнію, какъ, напримѣръ, мордва. При первомъ взглядѣ на мордвина его трудно или даже совсѣмъ нельзя отличить отъ русскаго. Живутъ мордвинны совершенно порусски и уже два вѣка, какъ утратили свою религію и сдѣлались довольно ревностными христіанами. Только языкъ, отчасти женская одежда и нѣкоторыя мелкія бытовья особенности свидѣтельствуютъ о принадлежности мордвы къ иному племени. Болѣе особенностей сохранили чувашы, по всей вѣроятности также финны по происхожденію, но усвоившіе языкъ отъ тюркскихъ народностей, и черемисы.

Черемисы живутъ почти исключительно въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Черемисы, живущіе въ Казанской губерніи, дѣлятся на горныхъ, живущихъ на правомъ возвышенномъ берегу Волги, и на луговыхъ, живущихъ на противоположномъ низменномъ ея берегу. Горныя черемисы — по наружности самыя красивыя изъ приволжскихъ инородцевъ. Они ловки, проворны, имѣютъ правильныя черты лица и, живя среди русскихъ, вблизи городовъ, отличаются развязностью. Одежду мужчанъ составляетъ бѣлый кафтанъ, суконный зимою и холщевый лѣтомъ, обшитый синимъ пшуркомъ или кумачомъ. Рубашки тоже бѣлыя, расшитыя. На головѣ войлочная шляпа, на ногахъ толстыя онучи и лапти, рубашка подпоясана ремненнымъ поясомъ. На поясѣ, сбоку обыкновенно, висятъ ножны для ножа; тутъ же вкладывается огниво и прицѣпляется топоръ.

Черемисскія женщины несравненно красивѣе чувашенокъ. Онѣ носятъ почти такую же одежду, какъ и мужчины, кромѣ пояса. Замужнія обертываютъ голову бѣлымъ холстомъ, который наматывается на подставку въ родѣ лопаты, съ выдающимися рогами или углами; такой головной уборъ унижается иногда монетами. Дѣвушки носятъ просто бѣлыя косынки, а въ косы вплетаютъ бисеръ, пшурки и монеты; монетами же и бисеромъ украшаютъ шею; въ ушахъ носятъ проволочныя серьги очень длинныя, по нѣскольку паръ; грудь украшена также монетами, прикрѣпленными на кожаномъ четырехугольникѣ, а руки — кольцами и браслетами.

Питаются черемисы едва ли не лучше русскаго простонародья, такъ какъ употребляютъ въ пищу много мяса, не брезгая кониной и мясомъ лѣсныхъ птицъ и звѣрей: оленей, зайцевъ, бѣлокъ, даже галокъ и сорокъ, за которыми со страстью охотятся въ лѣсахъ. Постовъ они не соблюдаютъ никакихъ, хотя другіе православныя обряды исполняютъ ревностно. Квасъ черемисы обыкновенно не дѣлаютъ, зато варятъ крѣпкое, хмельное пиво и мореный медъ.

Горныя черемисы по преимуществу — земледѣльцы. Черемисы луговые, живущіе среди хвойныхъ и дубовыхъ лѣсовъ, не могутъ прокор-

миться однимъ хлѣбопашествомъ. Любимыя ихъ занятія—охота, пчеловодство и лѣсные промыслы.

Вооружившись топоромъ и ружьемъ, захвативъ хлѣба и трубку, черемисинъ уходитъ на нѣсколько дней въ самую глушь лѣсовъ, нерѣдко за многіе десятки верстъ. Застигнетъ его ночь — онъ разведетъ огонь, закуритъ трубку и задумчиво сидитъ съ нею передъ костромъ, зная, что слѣдующій день и слѣдующую ночь проведетъ точно такъ же. Такъ проходитъ большая часть его жизни. Впрочемъ, надо сказать, что самъ черемисинъ вовсе не считаетъ свою жизнь скучною и унылою. Лѣсъ—его стихія, его божество.

Безграничная любовь къ лѣсу является общою чертой всѣхъ черемисовъ, какъ луговыхъ, такъ и горныхъ. Любовь эта отразилась и на общемъ видѣ ихъ селеній: при каждой избѣ у нихъ непременно находится садикъ изъ кудрявыхъ березъ, обнесенный крѣпкимъ плетнемъ и содержащійся въ большомъ порядкѣ. Большое количество зелени придаетъ черемисской деревнѣ необыкновенно привлекательный видъ. Вся забутанная въ свои садикъ, она кажется издали скорѣе какою-то пригородною дачею, чѣмъ обыкновенною глухою деревней.

Внутренность черемисскихъ жилищъ не соответствуетъ ихъ приятному внѣшнему виду. Хотя избы у черемисъ по большей части не курныя, а бѣлыя, т.-е. съ трубами, но содержатся онѣ грязно и неопрятно; ихъ не метутъ и не моютъ; воздухъ въ нихъ спертый и удушливый. Черемисинъ содержитъ въ гораздо большемъ порядкѣ свой дворъ и свой садикъ, чѣмъ свою избу. Окна въ избахъ крошечныя, поэтому въ нихъ всегда бываетъ темно. Вдоль передней стѣны устраиваются нары, т.-е. подмости, вышиною на аршинъ отъ пола, а шириною аршина $2\frac{1}{2}$.

На нарахъ ѣдятъ и спятъ, а внутри нихъ хранятся цѣнные вещи: кафтаны, женскіе уборы, платки, деньги. Въ каждой черемисской избѣ на столѣ во всякое время лежитъ коровай хлѣба, завернутый въ скатерть, и стоитъ жбанъ съ питьемъ; въ жбанѣ деревянный ковшикъ. На лѣто черемисы обыкновенно перебираются изъ избы въ амбаръ, или, какъ они его называютъ, чумъ, гдѣ привѣшивается и котелъ для варки пищи.

Черемисскія селенія по большей части очень невелики. Происходитъ это главнымъ образомъ потому, что у черемисъ сохранился до сихъ поръ старинный, патріархальный обычай селиться каждому „родомъ своимъ“, и черемисская деревня, въ отдѣльности взятая, состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ болѣе или менѣе близкихъ между собой родственниковъ. Случается иногда даже такъ, что всѣ крестьяне какаго-нибудь большого околотка составляютъ одну родственную семью.

Владѣніе землею и лѣсомъ у черемисовъ, такъ же какъ и у русскихъ крестьянъ, общинное. Даже обработка земли и всѣ сельскія работы про-

изводятся сообща. На работы идетъ цѣлая деревня — старъ и младъ, мужчины и женщины, и работаютъ, пока не покончатъ посѣва, сѣнокоса или жатвы. Жатва раздѣляется затѣмъ здѣсь же, на полѣ, между семьями поровну; поля же никогда напередъ не дѣлятся. Неудивительно, что при такомъ общинномъ хозяйствѣ между черемисами нѣтъ нищихъ.

Въ настоящее время большинство черемисъ — христіане, но сравнительно не такъ давно всѣ они были грубыми язычниками, да и теперь язычниковъ между ними насчитывается нѣсколько тысячъ.

Мы уже говорили о привязанности черемисъ къ лѣсу, перешедшей къ нимъ отъ предковъ изъ глубокой древности. Лѣсъ прекрасенъ и по лезенъ: въ немъ можно найти въ изобиліи дичь и пушныхъ звѣрей; въ

Вотички.

немъ растутъ разные ягоды и грибы; онъ же даетъ матеріалъ для постройки жилищъ. Мрачная, таинственная тишина лѣса, шумъ расхолившейся въ немъ бури или его весеннее пробужденіе, оглашаемое пѣніемъ возвратившихся птицъ, запахъ смолистой хвои, распускающихся березъ и душистой черемухи, — все это такія явленія, которыя возбуждаютъ въ полудикомъ человѣкѣ не только любовь къ лѣсу, но заставляютъ его относиться къ лѣсу, какъ къ существу живущему, необъятному, несравненно болѣе могучему, чѣмъ самъ человѣкъ. Болѣе всего почитаются черемисами-язычниками береза и рябина. Береза чрезвычайно красива, кромѣ того она и очень полезна: ея лучина освѣщаетъ мракъ долгихъ зимнихъ вечеровъ; она даетъ лучшее топливо; прекрасная, бѣлая и необыкновенно прочная кора ея имѣетъ самое разнообразное примѣненіе:

ю черемисинъ и избу свою кроеть, изъ нея же и деготь онъ добываетъ, и разную посуду приготовляетъ. Что касается до рябины, то за нею черемисы признають очистительную силу, предохраняющую отъ колдовства и отъ дѣйствій злыхъ духовъ.

Наравнѣ съ лѣсомъ черемисинъ - язычникъ почиталъ и землю, на которой родится лѣсъ, и солнце, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ все живущее, и рѣку, эту живую дорогу, которая не только переноситъ человека за многія сотни верстъ, но и кормитъ его, лишь бы онъ только сумѣлъ достать изъ ея глубины обильную и вкусную пищу.

Идя далѣе въ своемъ умственномъ развитіи, черемисинъ сообразилъ, что и солнце, и земля, со своими лѣсами, полями и рѣками, а также и человекъ, и животныя не могли явиться сами по себѣ, безъ причины; все это должно быть сотворено кѣмъ-либо однимъ, живущимъ гдѣ-то тамъ далеко, на небѣ. И вотъ понятіе о Богѣ и о небѣ слилось въ умѣ полудикаго черемисина въ нѣчто общее, и высшимъ божествомъ для него сталъ богъ—Небо, называемый на черемисскомъ языкѣ Юмо.

Противоположный Юму богъ—это Кереметь, богъ злой и страшный, котораго черемисы боятся гораздо болѣе Юма, которому поэтому больше и молятся.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ боговъ, у черемисъ безконечное множество боговъ второстепенныхъ: богъ хлѣба, богъ пчель, богъ-старичокъ, живущій въ овинахъ, богъ-чума и т. д. Воздухъ, воды, поля, лѣса, селенія наполнены тѣми мелкими духами, изъ которыхъ одни добры, другіе вредны. Бѣдный черемисинъ долженъ себя чувствовать буквально окруженнымъ безчисленнымъ роємъ разныхъ духовъ, надъ которымъ высится чудовищно-страшная, хотя и неопредѣленная фигура ужаснаго Керемета.

Чтобъ умилостивить боговъ, имъ приносятъ жертвы—частныя и общественныя. Первыя совершаются очень часто: передъ началомъ каждаго дѣла, передъ ѣдою и т. п. Гдѣ бы ни находился черемисинъ, дома или въ дорогѣ, прежде чѣмъ начать ѣсть или пить, онъ неизрѣменно отложить часть пищи въ жертву какому-нибудь богу и бросить ее на землю, а также отольетъ нѣсколько капель питья. Въ особенныхъ же случаяхъ, напримѣръ, при моленіи объ урожаѣ или объ отвращеніи какого-нибудь народнаго бѣдствія, совершаются жертвоприношенія при особо торжественной обстановкѣ.

Когда рѣшатъ, что надобно совершить общее моленіе, то назначаютъ для него время, мѣсто и число жертвенныхъ животныхъ. Выбранные міромъ люди собирають съ каждаго дома муку, солодъ,—однимъ словомъ, все, что нужно, а также и деньги для покупки жертвенныхъ животныхъ; эти же выборные готовятъ пиво и лепешки.

Наканунѣ дня, назначеннаго для общественнаго жертвоприношенія,

всѣ участвующія въ немъ лица должны непременно сходить въ баню и надѣть чистое бѣлье, новый кафтанъ, новые онучи и лапти. Необходимою принадлежностью жертвеннаго костюма считаются еще высокія берестовыя шапки, въ $\frac{3}{4}$ аршина вышиною, въ родѣ камилавкоѣ. Священное мѣсто, назначенное для моленія, также очищается предварительно отъ всякаго сора и нечистоты и сохраняется съ величайшимъ благоговѣніемъ. Съ этою цѣлью выбирается обыкновенно просторная поляна среди лѣса.

Посреди нея разстилается бѣлая кошма, на которой раскладываются лепешки въ три ряда кучками, по три лепешки въ кучкѣ. Около кош-

М о р д в а.

мы разводятся костеръ, надъ которымъ для варенія жертвеннаго мяса и становятся бочки съ пивомъ; въ старое время ихъ бывало штукъ до 20; около нихъ ковши по числу присутствующихъ. Всѣ участники жертвоприношенія становятся вокругъ кошмы лицомъ на востокъ. У каждаго изъ нихъ сумка, въ которой принесены чашка и ложка, а въ рукахъ восковая свѣча. Жрецъ или, какъ его зовутъ у черемисовъ, мужангъ прежде всего осматриваетъ идоложертвенныхъ животныхъ, чтобъ опредѣлить, годны ли они для жертвы. Затѣмъ назначаетъ всѣмъ присутствующимъ, кому какого бога призывать въ молитвѣ, и тогда приступаютъ къ моленію. Всѣ начинаютъ молиться, постоянно падая на колѣни и кланяясь въ землю. Послѣ этого мужангъ закалываетъ живот-

ныхъ и варить ихъ мясо; затѣмъ мясо это раскладывается на столѣ, и онъ кадитъ на него зажженною головней. Наконецъ, совершается самое жертвоприношеніе богамъ, а именно отдѣляются частицы отъ мяса и лепешекъ и совершаются возліянія въ огонь. Затѣмъ всѣ садятся дождать остатки, снявъ предварительно съ головы обрядовыя берестовыя шапки. Тѣмъ, которые не могли придти въ лѣсъ на жертвоприношеніе, мясо и лепешки относятся на домъ, такъ какъ эти яства считаются священными. Кости, внутренности и шкуры животныхъ сжигаются. О многолюдствѣ такихъ общественныхъ жертвоприношеній и обилии приносимыхъ на нихъ жертвъ можно судить по тому, что на нихъ собираются цѣлыя десятки деревень. Послѣ одного такого жертвоприношенія на полянѣ, гдѣ оно совершалось, было найдено до 170 головъ скота и птицъ. До сихъ поръ сохранились еще нѣкоторые обычая черемисскаго язычества, хотя они теперь представляютъ далеко не то, чѣмъ были въ старину.

Главнѣйшіе праздники черемись-язычниковъ слѣдующіе:

Праздникъ пашни. Онъ бываетъ весною, когда наступаетъ пора посева въ овсяныхъ поляхъ. Въ этотъ день, поутру, всѣ домохозяева въ чистыхъ одеждахъ, выходятъ въ поле и несутъ съ собою лепешки, кашу, яйца и пиво. Въ полѣ, подъ двумя-тремя березами, жрецъ раскладываетъ огонь, отъ котораго каждый черемисинъ зажигаетъ восковую свѣчку и прилѣпляетъ ее къ принесенной имъ ѣдѣ, затѣмъ начинаетъ отдѣлять отъ нея частички и бросаетъ ихъ въ огонь. Пока горятъ эти части, черемисы стоятъ на колѣняхъ и молятся, а затѣмъ тушатъ огонь и ѣдутъ домой. На пути они кормятъ пашню, т.-е. кладутъ въ землю, каждый на своей полосѣ, каши и яицъ, дома же съѣдаютъ остатки того, что носили въ поле.

Праздникъ новаго хлѣба. Онъ бываетъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ.

Днемъ полного отдыха послѣ недѣльныхъ трудовъ для нихъ является Кугарня-пятница, соотвѣтствующая русскому воскресенью. Въ этотъ день запрещается даже печь хлѣбъ и вообще стряпать; печку можно затоплять не ранѣе полудня. Вслѣдствіе этого уваженія къ пятницу у черемисъ, уже принявшихъ христіанство, праздникъ Рождества Христова полагается начинать непременно съ этого дня недѣли, хотя бы пятница пришлась къ сочельникъ. Число черемись-язычниковъ съ каждымъ годомъ уменьшается; большинство ихъ переходитъ въ христіанство и исполняетъ обряды православной церкви не менѣе ревностно, чѣмъ сами русскіе.

Они заимствуютъ у русскихъ религію и высшее умственное развитіе; но есть и русскимъ, что позаимствовать у дикарей-черемисъ. Преступленій между черемисами очень мало, воровства почти вовсе нѣтъ, — избы

при уходѣ на работы никогда не запираются; убійство между ними— вещь неслыханная. Нищихъ у нихъ вовсе нѣтъ. Хорошій работникъ, правдивый, вполне способный на дальнѣйшее умственное развитіе и нравственное усовершенствованіе, черемись является желаннымъ собратомъ для русскаго крестьянина.

Ж е г у л и.

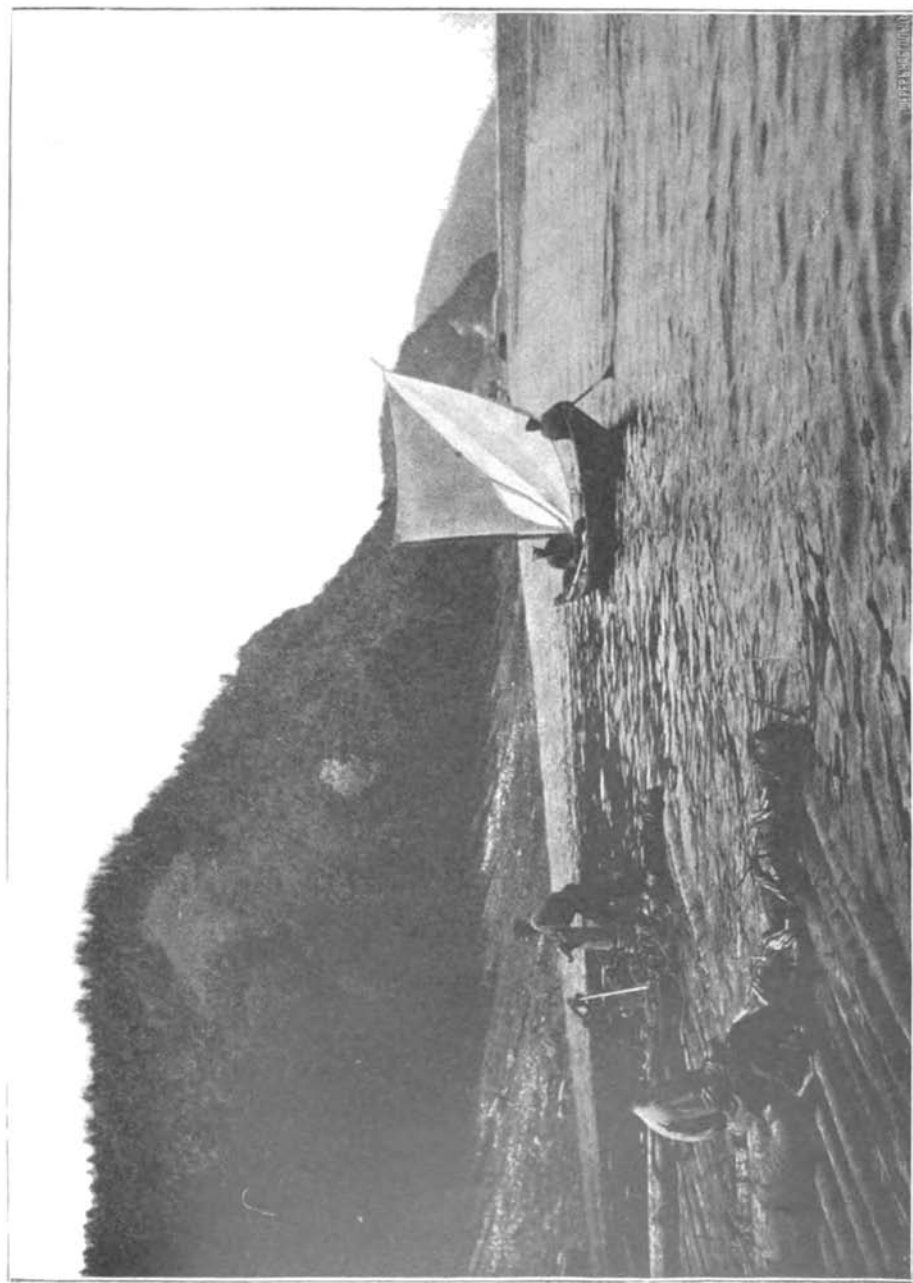
(А. К.)

Жегулевскія горы начинаются нѣсколько выше города Ставрополя, тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ влѣво, образуя такъ называемую Самарскую луку.

Стоить только выйти изъ Ставрополя, и передъ вашими глазами на востокъ, замыкая горизонтъ, откроется гряда Жегулей. Они еще далеко отъ васъ, верстахъ въ 4—5, такъ что взоръ вашъ улавливаетъ только общую картину, не касаясь деталей. Потонувшія въ зелени лиственныхъ породъ зеленыя шапки горъ мягко вырисовываются своими изящными контурами на свѣтло-голубомъ небѣ. Мѣстами, какъ бурья дорожки, полосы краснолѣся лѣзутъ до самыхъ вершинъ и отчетливо отдѣляются отъ болѣе свѣтлой зелени лиственныхъ породъ. Основанія горъ не видны, не видать также Волги, скрытой отъ васъ густой уремой лозняка, покрывающаго лѣвый берегъ; только мѣстами, какъ свѣтлые блестящіе глаза, глядятъ на васъ небольшія озера, оставленныя Волгой послѣ разлива. Кое-гдѣ на общемъ зеленомъ фонѣ горъ выступить проплѣшина известковыхъ скалъ, посѣрѣвшихъ отъ непогоды и покрывающихъ ее лишайниковъ.

И картина этихъ горъ постоянно мѣняется, смотря по освѣщенію и мѣсту, съ котораго вы ее наблюдаете. Порою до вашего слуха долетитъ рѣзкій гудокъ парохода, и эхо горъ подхватитъ его, и кажется, что какіе-то голосистые титаны перекликаются между собой, или вдали вы увидите въ вышинѣ какую-то едва примѣтную точку, то опускающуюся, то поднимающуюся надъ горами:— это орелъ плавно паритъ въ недосыгаемой вышинѣ. А кругомъ тишина— только изрѣдка набѣжить вѣтеръ, и тогда поднимается шопоть и шорохъ въ вершинахъ, какъ будто величавыя сосны, подъ которыми вы сидите, рассказываютъ другъ другу стародавнія были, или бурая ящерица подползетъ къ вамъ и, спугнутая вашимъ присутствіемъ, быстро зашуршитъ сухой травой и скроется между камнями.

Первый значительный бугоръ Жегулевскихъ горъ, если плыть внизъ по Волгѣ, имѣющій болѣе 100 сажень высоты, называется Караульнымъ бугромъ. Съ высоты его въ хорошую погоду виденъ городъ Симбирскъ и вообще вся мѣстность верстъ на 100 въ каждую сторону. Въ былыя

Въ Жегуляхъ.

времена отсюда наблюдали за передвиженіемъ татаръ, что и дало, вѣроятно, основаніе такому названію бугра.

Отсюда Жегули тянутся болѣе или менѣе сплошнымъ кряжемъ вдоль праваго берега Волги верстъ на 90 и даже переходятъ на другую сторону ея близъ устья рѣки Сока, гдѣ Волга наконецъ прорывается черезъ встрѣченную ей каменистую преграду, образуя ущелье, называемое Жегулевскими или Самарскими воротами. Здѣсь, на лѣвомъ низкомъ берегу Волги, одиноко поднимается округлый бугоръ, называемый Царевымъ курганомъ, насыпаннымъ войнами какого-то невѣдомаго царя, на самомъ же дѣлѣ являющійся отрѣзкомъ Жегулевскихъ горъ. Высота Жегулей незначительна и достигаетъ всего 100—150 сажень, такъ что наименованіе горъ имъ приличествуетъ развѣ только потому, что въ средней Россіи горъ вообще не имѣется и русскій чловѣкъ, привыкшій къ равнинному характеру своей родины, готовъ даже такія незначительныя возвышенія называть горами.

Во всякомъ случаѣ Жегули не даромъ славятся своею живописностью. Передъ вашими глазами, когда вы ѣдете на пароходѣ, постоянно выплываютъ зеленыя горбушки горъ; ихъ довольно монотонный видъ иногда разнообразится появленіемъ горъ причудливыхъ очертаній; въ однихъ мѣстахъ вы видите словно стѣны или террасы, какъ будто циклопической кладки, или передъ вашими глазами вырисовывается какъ будто суровая, разрушенная временами башня, вся изъѣденная лишайниками и мхами и крутымъ обрывомъ спускающаяся къ самой водѣ. Въ обрывахъ кое-гдѣ чернѣютъ пещеры, въ большинствѣ случаевъ созданныя самой природой, а не чловѣкомъ. Кое-гдѣ цѣпь холмовъ прерывается узкими долинами, называемыми здѣсь „буераками“, среди которыхъ пріютились рѣдкія поселенія этого берега. А затѣмъ опять потянутся зеленыя шапки горъ, густо покрытыя чащей самыхъ разнообразныхъ листовенныхъ породъ и представляющія раздолье для звѣрей и птицъ.

На всемъ 90-верстномъ протяженіи имѣются какіе-нибудь четыре-пять поселковъ, которые не въ состояніи оживить величественную и нѣсколько суровую красоту Жегулей. Да въ сущности и селиться-то здѣсь было не легко: горы такъ круто обрываются къ Волгѣ, что только кое-гдѣ остается внизу узкая береговая полоса, да и та часто заливается въ половодье.

На сѣверо-западной сторонѣ луки впадаетъ въ Волгу рѣчка Уса; у села Переволоки она очень близко подходит своими истоками къ Волгѣ, отъ которой отдѣляется всего трехверстнымъ разстояніемъ; въ этомъ-то мѣстѣ во время оно разбойники переволакивали съ Волги на Усу свои ладьи, а на противоположномъ концѣ луки снова спускали ихъ въ Волгу; такимъ образомъ Самара оставалась въ сторонѣ, но купеческія суда,

благополучно миновавшія Переволоку и Самару, подвергались неожиданному нападенію у Ставрополя.

Интересные своею живописностью, Жегули замѣчательны и въ историческомъ отношеніи. Жегули были повстинѣ обѣтованной землей для разбойниковъ; непроходимые, дремучіе лѣса, дававшіе разбойникамъ и бродягамъ укрыться въ ихъ чащѣ отъ преслѣдованія, вершины горъ, съ которыхъ на далекое разстояніе можно было обозрѣвать окрестность,— все это благоприятствовало разбоямъ.

Всѣ наиболѣе выдающіеся атаманы волжскихъ разбойниковъ побывали въ Жегуляхъ. Здѣсь каждый бугоръ, каждое ущелье, каждая пещера связаны по воспоминаніямъ съ именами такихъ героев, какъ Стенька Разинъ, Ѳедька Шелудякъ, Заметаевъ, Булавинъ и другіе. Разгуливалъ здѣсь въ свое время и покоритель Сибири Ермакъ Тимофеевичъ; побывалъ и сподвижникъ его Иванъ Кольцо; даже поныгѣ существуютъ двѣ деревни, изъ которыхъ одна называется Ермаково, а другая Кольцовка.

Самое названіе Жегули будто бы происходятъ отъ того, что попадавшихъ въ ихъ руки проѣзжающихъ разбойники поджаривали, т.-е. дopyтывались у нихъ денегъ, при чемъ расправу эту устраивали такъ: жертву раздѣвали донага и сѣкли зажженными вѣниками до тѣхъ поръ, пока не добьются отъ нея, гдѣ спрятаны деньги и всякое добро; операція эта называлась „жечь на вѣникахъ“.

Несмотря на всевозможныя мѣры, направленныя къ прекращенію разбоевъ, они продолжались почти до середины прошлаго столѣтія, и только развитіе пароходства положило имъ конецъ.

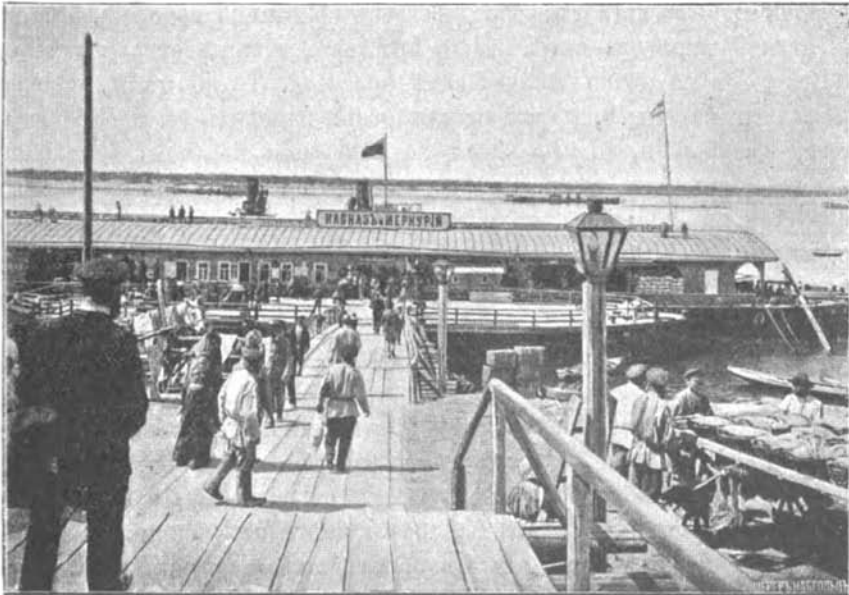
Во время моего пребыванія въ Ставрополѣ я неоднократно отпраплялся бродить въ Жегули. Первая экскурсія была мною предпринята на Молодецкій курганъ.

Былъ воскресный день, когда я рано утромъ вышелъ изъ Ставрополя. Въ прозрачномъ свѣжѣмъ воздухѣ отчетливо вырисовывались мохнатыя шапки горъ впереди и песчаные бугры налѣво. Было совершенно тихо, песокъ не курился на дюнахъ, и только застывшая рябь на немъ указывала на направленіе предшествовавшаго вѣтра. Неподвижно стояли также въ воздухѣ крылья вѣтряной мельницы, возвышавшейся надъ песчанымъ бугромъ. Мой путь шелъ черезъ чащу лозняка, покрывавшаго лѣвый берегъ Волги. Дорога, дѣлая прихотливые изгибы, уходила впередъ среди этого однообразнаго лѣса изъ ивъ. Изрѣдка прилетали бабочки и нѣсколько оживляли дорогу. Но вотъ наконецъ внякъ разступился, и передъ моими глазами блеснула гладь красавицы рѣки. На песчаномъ низкомъ берегу въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ причаленныхъ здѣсь трехъ пристаней пароходныхъ обществъ расположилась группа рыбаковъ и чинила сѣти. У одной изъ пристаней качалось нѣсколько

лодокъ, да вдоль противоположнаго высокаго берега, у самаго обрыва Жегулей, двигался крохотный по сравненію съ ними буксирный пароходъ и пыхтя тащилъ за собой двѣ тяжело нагруженныя баржи.

Я нанялъ лодку, и мы плавно понеслись къ противоположному берегу, слегка подпрыгивая на волнахъ, посылаемыхъ удаляющимся пароходомъ. Наконецъ, лодка стукнулась противъ Яблонева буерака о правый берегъ, заваленный сплошь всевозможныхъ размѣровъ известковыми валунами, принесенными дождевыми потоками съ каменистыхъ Жегулей.

Жегулевскія горы сложены изъ пластовъ известняка, довольно бо-

Пристань на Волгѣ.

гатыхъ ископаемыми—корненожками и морскими раковинами. Мѣстами известнякъ ломають и пережигаютъ въ ямахъ на известь.

Кромѣ извести, обжигаемой здѣсь и направляемой въ Самару, Саратовъ и другіе низовые города, Жегули изобилуютъ еще сѣрой и соляными ключами.

Въ саженьяхъ десяти отъ берега, заваленнаго галькой, начинается густой лиственный лѣсъ, покрывающій сплошною порослью весь Яблоневъ буеракъ. Только небольшая дорога-просѣлка, идущая вдоль берега, да каменистыя дорожки отъ дождевыхъ потоковъ, заваленныя камнями, однѣ прорѣзываютъ эту чащу. Здѣсь пріютились всевозможныя породы деревьевъ; вы видите и вѣковые дубы, и густыя грандіозныя липы, и

высокіе вязы, и клены съ ихъ пальчато-разрѣзными листьями. Ближе къ берегу раскидистыя ветлы и ольхи шумятъ своими широкими кронами. Внизу различная кустарниковая поросль такъ переплелась сучьями, что мѣстами только съ трудомъ можно продраться черезъ ея чащу.

Если сдѣлать небольшую экскурсію въ сторону, можно увидѣть и слѣды разрушенія въ лѣсу. Тамъ и сямъ лежатъ поваленные бурей громадные стволы деревьевъ. Нѣкоторые изъ нихъ при своемъ паденіи за дѣли сучьями за сосѣднихъ гигантовъ и пока еще стоятъ въ наклонномъ положеніи, поддерживаемые послѣдними. Большая часть этихъ лѣсовъ еще почти не тронуты рукою человѣка и принадлежатъ наслѣдникамъ графа Орлова-Давыдова, самаго крупнаго владѣльца Жегулей.

Пріятно было идти въ тѣни деревьевъ по лѣсной дорожкѣ. Мѣстами изъ лѣсной чащи она выбѣгала на просторъ, и тогда открывался видъ на Волгу съ ея вѣчно мѣняющейся красотой. То по рѣкѣ горделиво проносился нарядный, бѣлый пассажирскій пароходъ съ массою людей на верандѣ-палубѣ, то небольшая лодочка подъ парусомъ одна бороздила широкую гладь рѣки. Въ одномъ мѣстѣ по водѣ съ засученными по колѣна штанами брелъ празднично одѣтый крестьянинъ и на лямкѣ тянулъ за собой лодку, биткомъ набитую нарядной толпой женщинъ и мужчинъ, усиленно грызущихъ сѣмечки. Это, по всей вѣроятности, крестьяне возвращались домой съ обѣдни.

Любуясь открывающимися передо мной видами на Волгу, игрою свѣта и тѣней въ густой чащѣ лѣса, я незамѣтно дошелъ до подножія Молодецкаго кургана. Особенность этого послѣдняго передъ многими другими буграми заключается въ томъ, что лѣсу на немъ сравнительно мало, такъ что открываются большія пространства обнаженнаго камня, большею частью сѣраго и мѣстами розоваго цвѣта отъ покрывающихъ камень лишайниковъ. Этимъ отчасти объясняется и красота вида, открывающагося съ вершины Молодецкаго кургана: сплошная масса лѣса не закрываетъ передъ вами дали, а отдѣльные деревья, пріютившіяся тамъ и сямъ, а иногда нависшія надъ самою пропастью, еще увеличиваютъ красоту картины. Взойти на вершину легко: тропинка, постоянно извинаясь, взбирается вверхъ, какъ по лѣстницѣ, по каменнымъ плитамъ. Видъ съ вершины дѣйствительно поразительный, передъ вашими глазами открывается панорама на нѣсколько десятковъ верстъ. Вы видите Волгу, устье Усы съ растущими около него косами—отмелями, Воложку, которая направляется къ Ставрополю, нѣсколько озеръ—старицъ и далекіе лѣса лѣваго берега. Съ одной стороны у вашихъ ногъ подножіе Молодецкаго кургана, какъ грозный бастионъ, выдвигается въ русло Волги, съ другой—живописная расщелина, вся утонувшая въ густой чащѣ лѣса, отдѣляетъ курганъ отъ сосѣдняго бугра, а впереди спокойная гладь рѣки и просторъ лѣваго берега нѣжатся облитые лучами солнца. Побродивъ по

вершинѣ кургана и выпавшись подѣ развѣсистую елью, я отправился въ обратный путь.

Уже вечерѣло, въ воздухѣ становилось прохладнѣе, и когда я оказался противъ пристаней и усѣлся въ лодку, чтобы переправиться на другую сторону, солнце уже садилось и его прощальные лучи освѣщали только верхушку Жегулей. Наконецъ и они догорѣли, и только красная полоса лежала на западѣ. Пейзажъ получилъ какой-то грустный, спокойный характеръ.

Около пристаней рыбаки варили уху, и огонь костра тихо вздрагивалъ подѣ котелкомъ. Нѣсколько экипажей дожидались ближайшаго парохода; лошади отъ времени до времени побрякивали бубенцами, и эти звуки одни нарушали всеобщую тишину. Я остался также на пристани поджидать парохода. Становилось темнѣе и темнѣе, на небѣ зажглись первыя звѣзды. Глазъ уже не въ состояніи былъ различать деталей, и щетинистыя шапки Жегулей на противоположномъ берегу казались грозными и недоступными. Мысль невольно переносилась въ тѣ времена, когда плаваніе по этимъ мѣстамъ было сопряжено съ большимъ рискомъ. Но вотъ, нарушая и эти мысли и торжественную тишину, царившую кругомъ, раздался ревъ подходящаго парохода, и онъ самъ показался около противоположнаго берега, какъ какое-то фантастическое видѣніе, весь сіяя электричествомъ изъ своихъ многочисленныхъ оконъ, полный людей и жизни, и, сдѣлавъ полъ-оборота, причалилъ къ пристани.

По нижней Волгѣ.

(Е. Маркова.)

Вѣтеръ все крѣпчалъ и къ вечеру превратился въ жестокую бурю. Солнце сѣло багровое, въ крававомъ заревѣ. Быть, значитъ, бурѣ и завтра. Сарепту мы проѣхали ночью и проснулись уже у Царицына. Царицынъ — тоже въ свое время сторожевой городокъ, построенный на высокомъ гористомъ берегу. Сначала тянется огромное богатое село, у ногъ котораго на рѣкѣ цѣлый лѣсокъ мачтъ; все это парусники съ хлѣбомъ; за ними начинается длинный рядъ пароходныхъ пристаней Самолета, Волжскаго общества, Кавказа и Меркурія, Надежды и проч. Тутъ ужъ больше цивилизаціи, Европы: дымятъ трубы, шумятъ колеса, раздаются свистки. Надъ пристаями, по горѣ разбитъ бульваръ съ обычными бесѣдками для шипучихъ водъ, зелеными скамеечками, зелеными рѣшетками. Къ бульвару этому отъ каждой пристани поднимается крутая деревянная лѣстница, по одной изъ которыхъ взобрались и мы, чтобы ознакомиться хоть бѣгло съ знаменитымъ торговымъ городомъ волжскаго низовья.

Мы наняли извозчика и довольно скоро объѣхали все, что стоило

смотреть въ Царицынѣ. По правдѣ сказать, тамъ смотрѣть ровно нечего.

Рядъ порядочныхъ домовъ на набережной, у пристани, красивый домъ водопровода въ самомъ визу и затѣмъ просторная, какъ выгонъ, торговая площадь съ примыкающими къ ней одной - двумя улицами еще смотрять сколько - нибудь городомъ. Въ общемъ же — впечатлѣніе громаднаго ярмарочнаго села, куда начинается вторгаться то тамъ, то здѣсь городская цивилизація въ видѣ большихъ каменныхъ домовъ, хорошо снабженныхъ магазиновъ, торговыхъ складовъ и проч. Есть даже гимназія, женская гимназія и разныя другія просвѣщенные учрежденія.

Но надъ всѣмъ господствуетъ, все потопляетъ въ себѣ пыльный и грязный базаръ. Царицынъ въ сущности—одинъ гигантскій хлѣбный лабазъ, къ которому все остальное прилѣплено только случайно, словно ради приличія. Даже церкви его — скорѣе деревенскія, чѣмъ городскія. Нѣтъ ни одной выдающейся, достойной украсить собою богатый торговый городъ и стать его центромъ. Пять церквей стоятъ почти рядомъ другъ съ другомъ, можетъ быть, потому, что всѣ стояли въ старое время въ городскомъ острожкѣ, окруженныя стѣною. Площадь не мощена, да и изъ улицъ чуть ли не одна всего мощеная, много — двѣ. Русскій уѣздный городъ сказался въ этомъ, несмотря на торговлю и богатство, несмотря на пароходы и желѣзныя дороги.

Рядомъ съ хлѣбнымъ Царицыномъ стоить взглянуть на другой, новѣйшій Царицынъ—Царицынъ нефтяной. Онъ отодвинулся по берегу Волги версты на двѣ отъ стараго центра и начинается хорошенькимъ Нобелевскимъ городкомъ, такъ живо напомнившимъ мнѣ Бакиискій городокъ Нобеля. Нобелевскій городокъ словно окопался кругомъ глубокими оврагами и зелѣнѣетъ своими садиками на высокомъ полуостровѣ Волги, рядомъ съ безнадежно голыми обрывами своихъ сосѣдей. Тутъ прекрасныя каменные дома заводовъ и до полутораэта хорошенькихъ деревянныхъ домиковъ для служащихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое скромное хозяйство и свой скромный комфортъ. Внизу опять пристани всѣхъ возможныхъ пароходныхъ компаній, флотилія собственныхъ пароходовъ и баржъ, наверху цѣлыя батареи сѣрыхъ желѣзныхъ башенъ для храненія нефти и керосина, цѣлые поѣзда вагоновъ-цистернъ, двигающіеся по рельсамъ собственной Нобелевской дороги, соединяющей его заводы съ Грязе-Царицынской желѣзнодорожной линіей. Изъ баржъ и пароходовъ гигантскіе насосы прямо перекачиваютъ керосинъ и нефть наверхъ, въ желѣзныя башни. За Нобелевскими заводами и Губонинскими соляными складами идутъ, также отдѣльными поселками, раздѣляясь другъ отъ друга небольшими промежутками, заводы и цистерны другихъ фирмъ, торгующихъ нефтью.

Царицынъ занимаетъ особенно выгодное положеніе на Волгѣ, такъ же

какъ его сосѣди Сарепта съ юга и Дубовка съ сѣвера. До этой мѣстности Волга, начиная отъ Самары, течетъ на юго-западъ у подножія скалистаго хребта, который составляетъ ея правый берегъ. Но немного ниже Царицына она вдругъ словно натывается на какую-то невидимую преграду и рѣзко отбрасывается на юго-востокъ, покидая свой горный хребетъ, и уже съ тѣхъ поръ ее провожаютъ вмѣсто настоящихъ горъ простые глинистые обрывы берега.

Въ томъ же самомъ мѣстѣ и Донъ, все время текущій на юго-востокъ, какъ бы стремясь къ слиянію съ Волгой, наталкивается на отроги праваго хребта Волги, которые уходятъ отъ нея въ степь подъ именемъ Ергеней, и еще круче, чѣмъ она, вдругъ поворачиваетъ къ юго-западу, такъ что устья этихъ двухъ большихъ рѣкъ, чуть не сливающихся вмѣстѣ у Царицына, оказываются въ концѣ-концовъ на разстояніи многихъ сотенъ верстъ другъ отъ друга: одно въ Азовскомъ, а другое въ Каспійскомъ морѣ.

Это-то тѣсное сближеніе Дона съ Волгой около Дубовки и Царицына, это выгодное положеніе Царицына на крутомъ поворотѣ Волги издревле придали поселкамъ этой мѣстности важное значеніе.

Дубовка нѣсколько ранѣе Царицына воспользовалась исключительными выгодами мѣстности и уже давно была соединена съ Качалинской станицей Дона конножелезною дорогой, теперь упраздненной. Въ настоящее время, съ постройкой коротенькой желѣзной дороги отъ Царицына до станицы Донской и цѣлой системы другихъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Царицынъ черезъ Грязи и Орелъ со всѣми областями и торговыми центрами Россіи, точно такъ же, какъ съ западной границей и приморскими портами,—значеніе понизоваго волжскаго порта всецѣло перешло въ Царицынъ. Онъ сталъ естественнымъ центромъ торговыхъ сношеній Каспія и Волжскаго низовья съ остальной Россіей.

За Царицыномъ пейзажъ Волги совершенно измѣняется. Степная Волга, Волга киргизовъ и калмыковъ, можно сказать, кончается здѣсь. Кончается (или, вѣрнѣе, начинается) сейчасъ же противъ Царицына и Ахтуба, эта рѣка кочевниковъ, орошающая ихъ улусы.

Горные берега Волги много живописнѣе ея низовыхъ береговъ. Они стоятъ отвѣсными стѣнами, раздѣленные своими оврагами, будто крѣпостная ограда. На одномъ изъ такихъ живописныхъ „столбичей“, что выступилъ обрывистымъ мысомъ въ волны рѣки, у небольшого поворота Волги, расположена Дубовка. Она смотритъ издали гораздо красивѣе Царицына. Хотя Дубовка именуется посадомъ, но это настоящій городъ, и городъ далеко не маленькій. Съ налубы парохода намъ были видны пять церквей, ближайшихъ къ берегу, а вѣроятно ихъ еще больше. И церкви эти не чета церквамъ Царицына; это все бѣлокаменные храмы настоящаго русскаго стиля, среди которыхъ выдѣляется большой и кра-

сивый многоглавый соборъ. Такихъ каменныхъ палатъ, какія можно встрѣтить среди домишекъ Царицына, въ Дубовкѣ, правда, нѣтъ; здѣсь господствуетъ скромный типъ домовъ прежняго уѣзднаго города, но они зато всѣ на виду и очень картинно лѣплятся по обрывамъ скалы. У подножія этой скалы—пристань съ парусными кораблями, пароходами, конторами разныхъ компаній.

На пристани этой бабы продають тарелки ярко-красной клубники. Продають еще какіе-то особенные лохматые коврики мѣстнаго производства, по 5 и 10 рублей за штуку, но неособенно прельстившіе меня. Наша пароходная публика отъ нечего дѣлать дѣятельно раскупала и клубнику, и ковры, къ большому удовольствію дубовскихъ казачекъ. Пароходъ стоялъ здѣсь недолго, и отчаянные парни съ истинно казацкою удалю прыгали на него и съ него съ кувшинами молока и съ плетушками яицъ, торопясь закончить свой торгъ со скупыми пассажирами и рискуя выкупаться въ далеко еще не теплой матушкѣ Волгѣ. Энергическая ругань капитана парохода и угрозы его увезти ихъ въ Камышинъ дѣйствовали на нихъ, повидимому, очень слабо. Но и тутъ есть другая торговля, болѣе серьезная. Берегъ уставленъ множествомъ свѣже-срубленныхъ словыхъ домиковъ, поставленныхъ совѣмъ съ крышами, — покупай себѣ прямо и живи! А на баржахъ, загромоздившихъ пристань, всякій лѣсной товаръ: лыки, лубье, дрань, ободья, уложенные такъ мастерски, что издали кажутся свитыми изъ дерева канатами. Огромные мукомольные заводы—всѣ, конечно, паровые—стоятъ цѣлою цѣпью вдоль берега Волги. Эта сильно развитая заводская дѣятельность Дубовки дѣлаетъ ее однимъ изъ самыхъ важныхъ промышленныхъ центровъ Саратовской губерніи.

Сама Дубовка, какъ и Царицынъ, какъ и всѣ вообще слободы и городки волжскаго берега, безотрадно голая, безъ всякой зелени; кварталы тесовыхъ крышъ и заборовъ среди пыльных площадей и улицъ,— и больше ничего. Но окранны ея—сплошные фруктовые сады, которыми вообще славится Саратовская губернія.

А горный берегъ все красивѣе, все интереснѣе. Села попадаются не часто, верстъ черезъ 8—10, но зато большія, богатые, съ хорошими храмами, настоящія приволжскія слободы; они поставляютъ на всю Россію свои чудные арбузы, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ камышинскихъ. Хутора есть тоже и на лѣвомъ берегу. Вообще отъ Царицына лѣвый берегъ уже покрытъ поселеніями. Это не тѣ луговые, покрытые тальникомъ острова, которые до Царицына отдѣляли отъ коренной Волги русло Ахтубы. Тутъ Волга течетъ однимъ сплошнымъ и прямымъ потокомъ, безъ всякихъ виланій со стороны, широкою какъ скатерть водною дорогой между двухъ своихъ береговъ. Тутъ уже прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ Царицынскаго плеса рыболовное царство и бе-

реговые жители занимаются мелкою рыбою только для себя и между дѣломъ. Впрочемъ, съ 15-го мая наступило время запрета рыбной ловли и здѣсь, и вездѣ, такъ что и рыбаковъ почти не видишь теперь.

Сегодня и день, какъ нарочно, отличный. Сильный вѣтеръ, не успокоившійся за ночь, высоко вздымаетъ бурливыя волны и завиваетъ ихъ бѣлыми гривами; въ воздухѣ пріятная свѣжесть, а голубое весеннее небо ласкаетъ глазъ своими мягкими, радующими лучами. Вся публика на галлереяхъ, на палубѣ; всякому хочется подышать полною грудью вольнымъ воздухомъ царственной рѣки и полюбоваться ея мирными картинами, незамѣтно мѣняющимися, какъ стекла волшебнаго фонаря.

Видъ деревни Средняго Поволжья.

Пароходы встрѣчаются что-то рѣдко, но зато вонъ картина, которую уже не такъ часто увидишь теперь на Волгѣ. Тяжело нагруженная барка медленно ползетъ вдоль берега противъ теченія, запряженная парю лошадей. Лошади тоже бредутъ по мелкой водѣ, и парень-погонщикъ въ красной рубахѣ терпѣливо слѣдуетъ по ихъ пятамъ, болтая воду своими огромными сапожищами съ беззаботностью, достойною лучшей участи. Суденышки съ туго надутыми парусами шибко, будто не своей волей, гонятся мимо насъ попутнымъ вѣтромъ иногда близко-близко къ бортамъ нашего парохода.

Чѣмъ дальше, тѣмъ оригинальнѣе дѣлаются формы береговыхъ скалъ. То онѣ кажутся какими-то хлѣбами, наваленными другъ на друга, то

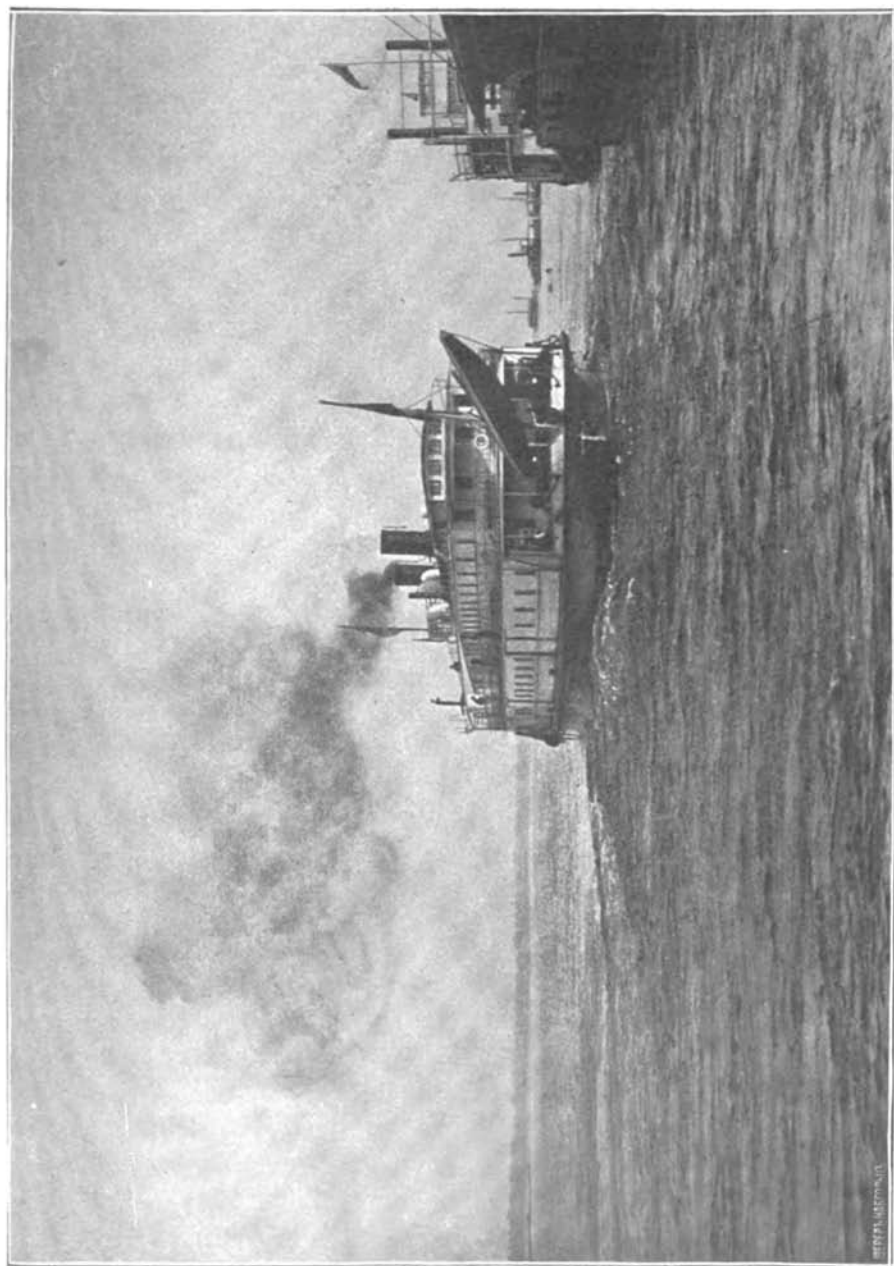
гигантскими черепахами или жабами. Мѣстами горный берегъ распаивается, какъ полы занавѣса, и сквозь ярко-зеленую лощину виднѣются въ ея глубинѣ и хлѣбныя поля, и далекія деревушки, и притаившаяся у устья долинка какая-нибудь рыбацкая хижинка съ привязанною около лодкой.

Вотъ мы наконецъ у Камышина. Берегъ очень высокій, по обрывамъ вьются тропинки, какъ въ настоящихъ горахъ. Отъ пристани, загроможденной пловучими конторами всевозможныхъ пароходныхъ обществъ и приставшими къ нимъ пароходами и баржами, крутѣйшія и длиннѣйшія лѣстницы ведутъ на набережную. Мы пошли прогуляться и по ней и по городу. Набережныя волжскихъ городковъ—все одного типа. Непремѣнно чахлый бульваръ съ зелеными скамеечками и неpremѣнно такъ называемый „вокзалъ“—скромный трактирчикъ съ балконами на Волгу, съ залой для танцевъ и музыкой. Непротягательная и немногочисленная камышинская публика собирается здѣсь къ приходамъ пароходовъ—хоть немножко развлечься отъ однообразія уѣздной жизни. Но зато видъ на Волгу съ этихъ балконовъ и этого обрыва поразителенъ по могучему размаху и величественной простотѣ своей.

Камышинъ со своими окрестностями и вообще весь этотъ берегъ Волги внизъ до Царицына были первымъ пристанищемъ Стеньки Разина на великой русской рѣкѣ. Этотъ безстрашный хищный коршунъ вилъ себѣ мимолетныя гнѣзда то на одномъ, то на другомъ „шиханѣ“ гористаго берега, безопасный, какъ въ вѣрности, на этихъ отвѣсныхъ обрывахъ, окруженныхъ рѣкой и глубокими оврагами, укрытыхъ дремучими лѣсами отъ чужого глаза. Оттого-то, начиная отъ Царицына и чуть не до самаго Саратова, знающіе люди то и дѣло указываютъ вамъ на берегу Волги мѣста, увѣковѣченныя въ народной памяти именемъ лихого атамана. И все это неpremѣнно „бугры“. Атаманъ-хищникъ, какъ и хищникъ-птица, долженъ былъ поневолѣ забираться на вершину какой-нибудь скалы, откуда ему было бы ловчѣе озирать издали свою добычу и молніей низвергаться на нее сверху.

„Бугровъ Стеньки Разина“ на Волгѣ очень много. Мы ихъ видѣли и у Дубовки, и у Караваинки, и за Камышинымъ. Каждое приволжское село въ этомъ отношеніи имѣетъ свои собственныя преданія. Среди живописныхъ „Столбичей“ горнаго берега намъ показывали и „столъ Стеньки Разина“, и „тюрьму Стеньки Разина“ въ глубокомъ лѣсномъ долу; одинъ изъ бугровъ называется почему-то „шапкою Стеньки Разина“, можетъ быть отъ сходства своихъ очертаній съ формою мѣховою шапки. Легенда же увѣряетъ, будто хмельной атаманъ послѣ долгой ночной попойки забылъ на этомъ бугрѣ свою соболью шапку.

Разказовъ волжскихъ жителей о погребяхъ и подземныхъ кладовыхъ Стеньки тоже не переслушаешь. Простой народъ вѣрить здѣсь этимъ

На Волгѣ.

рассказамъ съ дѣтскою искренностью, и не одинъ предприимчивый простолудинъ убивалъ свои силы и средства, отыскивая по разнымъ стариннымъ замѣткамъ эти невѣдомо гдѣ зарытыя сокровища.

Вообще имя Стеньки, пѣсни о подвигахъ Стеньки еще живы на Волгѣ. Не даромъ поволжскіе жители изстари привыкли рассказывать, будто ихъ излюбленный атаманъ, батюшка Степанъ Тимоеичъ, какъ великій чародѣй, спасся отъ царской казни и до сихъ поръ живой мучится въ дивихъ горахъ.

С а р е п т а .

(Лендера.)

Красивый трехъэтажный „самолетскій“ пароходъ „Пушкинъ“, тяжело пыхтя и вздрагивая, привалилъ къ сарептской пристани на Волгѣ. Столпившіеся на галлереяхъ парохода пассажиры стали съ любопытствомъ разсматривать берегъ, наводить бинокли то въ ту, то въ другую сторону и наскоро разспрашивать о Сарептѣ другъ друга. Но замѣчательная вещь: никто изъ волжскихъ пассажировъ не знаетъ Сарепты и рѣдкій изъ нихъ, хотя бы поверхностно, знакомъ вообще съ бытомъ нѣмецкихъ колоній на Волгѣ.

У сарептской пристани самолетскій пароходъ стоитъ минутъ пять. Здѣсь пассажиромъ не разживешься: замкнутая жизнь колоніи не даетъ ни дѣловыхъ пассажировъ, ни туристовъ. „Пушкинъ“ далъ свистокъ, по которому сбѣжались на пароходъ всѣ любители горчицы и сарептскаго бальзама, продаваемаго на берегу въ двухъ лавченкахъ. Опять тяжелое пыхтѣніе и легкое вздрагиваніе парохода, и „Пушкинъ“ пошелъ далѣе на Астрахань. Я оказался на пристани единственнымъ пассажиромъ и съ минуту вызывалъ слегка недоумѣвающіе взгляды монхъ отбѣзжающихъ спутниковъ, словно говорившихъ: „не по ошибкѣ ли онъ остался на пристани“... Пароходъ наконецъ скрылся изъ виду, и мнѣ предстояло выбраться на берегъ съ маленькой, невзрачной пристани... Я поглядѣлъ направо и налево. Съ одной стороны спускался къ рѣкѣ страшно крутой, хотя не особенно высокій глинистый обрывъ, съ другой—обрывъ нѣсколько меньшій, увѣчанный цвѣтуцимъ лугомъ и жиденькою рощицей. День былъ жаркій, знойный, слегка удушливый. Солнце такъ и палило...

Взявъ свой небольшой чемоданчикъ, я сошелъ съ пристани и направился въ гору на берегъ. Кругомъ было пусто и только въ тѣни деревъ одиноко стояла старомодная линейка, или „гитара“, какъ прежде называли подобные экипажи съ сидѣніями на обѣ стороны, запряженная парю лошадей—коренникомъ и пристяжною. Обѣ лошади нетерпѣливо помахивали гривой и хвостами, отбиваясь отъ мухъ и оводовъ. Около линейки суетился какой-то благообразный старикъ въ длин-

номъ сюртукѣ, въ поношенныхъ сѣрыхъ брюкахъ и въ картузѣ. При моемъ приближеніи онъ обернулся и вопросительно взглянулъ на меня:

— *Fahren sie nach Sarepta, mein Herr?*—полюбопытствовалъ онъ.

Я отвѣчалъ утвердительно, освѣдомился у него, какъ мнѣ туда добраться и далеко ли это отъ пристани.

— *Sieben Werst, mein Herr,*—продолжалъ онъ,—*ich kann Sie dorthin fahren.*

Я хотѣлъ было спросить насчетъ цѣны, но незнакомецъ предупредительно сказалъ мнѣ:

— *Das wird nur 50 Kop. kosten.*

И это за семь верстъ, подумалъ я, удивленный подобною скромностью послѣ дороговизны, царящей во всѣхъ волжскихъ городахъ, гдѣ съ пробѣжающаго деруть втридорога. Я усѣлся на линейку, старикъ помѣстился на козлахъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ мы двинулись въ путь сначала среди живописныхъ береговыхъ мѣстъ, затѣмъ мимо сплошной зеленой стѣны невысокихъ холмиковъ, постепенно спускающихся къ маленькой, сильно пересыхающей лѣтомъ рѣчкѣ Сарпѣ, обнажившей свои песчаныя подводныя части. Потомъ миновали какую-то пашню съ одиноко работавшими на ней пестро одѣтыми калмыками и съ верблюдомъ, пробѣхали между двумя стѣнами обрывовъ и вступили въ область безконечной, однообразной, выжженной солнцемъ степи, идущей на значительной вышинѣ надъ уровнемъ Волги и заросшей рѣдкой травой. Цѣлая облака сухой песчаной пыли садилась на меня и на моего возницу... Обоихъ насъ нещадно палило солнцемъ.

— Гдѣ у васъ можно остановиться?—спросилъ я старика по-нѣмецки.

Онъ обернулся ко мнѣ съ козелъ и сверхъ всякаго ожиданія заговорилъ по-русски.

— Можете остановиться въ гостиницѣ, — сказалъ онъ. — У насъ есть маленькая гостиница... Долго ли вы останетесь въ Сарептѣ?

Я сказалъ, что предполагаю пробыть недѣли двѣ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ это обойдется немножко дорого, *etwas theuer,*—сказалъ онъ. — Я бы совѣтовалъ вамъ нанять лучше на двѣ недѣли помѣщеніе у кого-нибудь изъ нашихъ бюргеровъ. Я завезу васъ въ иѣкоторые дома. Тамъ, вѣроятно, уступятъ помѣщеніе.

Прошло еще нѣсколько времени. Длинная дорога по степи, видимо, окаячивалась, такъ какъ вдали зазеленѣли уже на солнцѣ безлѣсныхъ, словно бархатныхъ, волжскія горы (у Сарепты волжскія горы отходятъ въ сторону отъ рѣки и какъ бы огибаютъ эту колонію, утопающую въ тѣни тополей и виноградниковъ). Еще четверть часа — и, круто повернувъ направо, мы вѣхали въ колонію... Тамъ и сямъ видѣлись маленькіе, одноэтажные, въ нѣсколько оконъ, бѣленькіе домики, робко прятавшіеся за высокими деревьями.

На улицахъ было тихо и безлюдно... Навстрѣчу намъ попались лишь двое калмыцкихъ ребятишекъ въ ихъ характерныхъ длинныхъ халатахъ, представляющихъ странную смѣсь цвѣтовъ синяго съ желтымъ. Они недоумѣвающе посмотрѣли на меня и прошли мимо. Далѣе я увидѣлъ татарина въ повозкѣ, запряженной большимъ верблюдомъ, гордо и надменно посматривавшимъ кругомъ и слегка испугавшимъ нашихъ лошадей (эти животныя до сихъ поръ не могутъ привыкнуть другъ къ другу; лошадь, завидя верблюда, часто шарахнется въ сторону), да на поворотѣ въ одну улицу столкнулся съ оригинальной повозкой калмыцкаго священника...

Мы вѣхали въ одну изъ улицъ, близкихъ къ центральной части города. Старикъ остановилъ лошадей у крылечка маленькаго домика, пошелъ справляться и, быстро вернувшись, предложилъ мнѣ самому переговорить съ хозяиномъ дома.

Я вошелъ на деревянное крыльцо и, миновавъ темныя сѣни, вступилъ въ уютную, чисто убранную комнату съ низкимъ потолкомъ... Щелкнулъ замокъ, и открылась противоположная дверь комнаты. Навстрѣчу мнѣ вышелъ человекъ очень маленькаго роста съ медленными, словно размѣренными, движеніями и походкой. Лицо его было обрамлено бородой съ просѣдью; въ глазахъ, довольно еще живыхъ и выразительныхъ, можно было прочесть степень довѣрія и уваженія, которою онъ даритъ гостя, прибывшаго подъ его кровъ и рассчитывающаго на гостепрѣимство.

— Я охотно уступлю вамъ двѣ комнаты въ моемъ домѣ,—сказалъ онъ мнѣ по нѣмецки,—если вы, мой господинъ (mein Herr), не будете слишкомъ взыскательны и строги.

Я поблагодарилъ его, приказалъ вынести вещи изъ экипажа и предложилъ ему цифру вознагражденія за двѣ недѣли.

— О, mein Herr, это очень много,—кратко отвѣчалъ маленькій человекъ, дѣлая смущенный видъ при разговорѣ о деньгахъ, и назвалъ съ своей стороны гораздо меньшую сумму.

Я сталъ водворяться въ нанятыхъ мною двухъ комнатахъ. Мнѣ принесли обѣдъ изъ гостиницы, и скоро вокругъ меня, какъ возлѣ родного, весело засуетилась вся семья мирнаго бюргера. Мнѣ устраивали разныя удобства, сбивали перины и матрацы для кровати, стлали новыя скатерти на столахъ, все прибирали и прихорашивали. Я какъ-то сразу почувствовалъ себя въ этомъ незнакомомъ домѣ своимъ человекомъ.

Наконецъ умолкла суета. Я остался одинъ и внимательно оглядѣлъ обѣ комнаты, носившія на себѣ слѣды патріархальной дѣдовской старины. Въ первой комнатѣ отъ входа, прислоненный къ бѣлой, какъ скатерть, стѣнѣ, стоялъ старомодный диванъ, обитый какой-то матеріей съ рисунками, отъ которой уцѣлѣли только остатки. По обѣимъ сто-

ронамъ стола помѣщались такія же кресла. И диванъ, и кресла были такъ необычайно низки, что, садясь на нихъ, приходилось сгибаться „въ три погибели“.

Далѣе у стѣны помѣщался большой комодъ, у окна такой же низкій, какъ кресла, столикъ, два стула, а въ углу старинный шкафъ, отворившійся и запиравшійся съ особеннымъ звономъ замка. Во второй комнатѣ — та же старина: огромное фортепіано, такой формы, какъ теперь уже нигдѣ не встрѣчается. При прикосновеніи къ пожелтѣвшимъ отъ времени клавишамъ оно, разстроенное и обветшалое, бречало и издавало такіе жалобные, дрожащіе и дребезжащіе звуки, какъ будто молило о пощадѣ и трогательно вѣщало о томъ, что оно сослужило уже службу нѣсколькимъ умершимъ поколѣніямъ. Далѣе — маленький, низенькій столикъ, диванъ и кровать съ мягкими взбитыми перинами. На стѣнахъ испорченные мухами виды Саксонской Швейцаріи, тщательно сохраненное поясное изображение Лютера, нѣсколько картинъ библейскаго содержанія, портреты Государя Императора и Государыни Императрицы и висячая полочка съ богослужебными книгами и молитвенниками въ старыхъ переплетахъ. Затѣмъ старинные часы, невзрачные и ворчливые.

Окна комнатъ выходили на улицу, по обѣимъ сторонамъ которой росли дубы, клены и пирамидальные тополи, неподвижные и словно застывшіе въ тихомъ безвѣтреномъ воздухѣ. Рѣдко-рѣдко привѣтливый, нѣжный ихъ шелестъ врывается въ комнату сквозь частую оконную сѣтку.

Въ комнатахъ былъ какой-то особенный, своеобразный, нѣсколько затхлый запахъ жилья, старины и плѣсени, который, когда я отворилъ окно, сталъ исчезать, смѣняясь волнами чистаго воздуха.

Уже вечерѣло; солнце близко къ закату, но зной не спадалъ. Приближалась черная южная ночь, тихая, словно замирающая въ своемъ царственномъ покоѣ.

Но вотъ въ вечернемъ воздухѣ раздался нѣжный, мелодичный, медленный и тихій звонъ. Улицы оживились: тамъ и сямъ двигались группы благочестивыхъ гернгутеровъ *), направлявшихся съ молитвенниками въ

---

*) Гернгутеры, населяющіе Сарепту, составляютъ „евангелическое братство“. Цѣль братства — осуществить на землѣ истинно-благочестивую жизнь Спасителя и Его апостоловъ. Гернгутеры поселились на Волгѣ, при впаденіи р. Сарпы, въ 1770 году. Они быстро устроились, занялись ремеслами и торговлею. Сарепта искорѣ сдѣлалась умственнымъ и промышленнымъ центромъ всѣхъ приволжскихъ колоній. Несмотря на многія невзгоды, бѣдствій и страшный пожаръ 1823 г., колонисты не отчаивались и не бросали излюбленнаго праволжскаго уголка. Множество нѣмецкихъ колоній расположено въ другихъ частяхъ Поволжья, ниже города Вольска. „За Вольскомъ нѣмецъ пошелъ“, говоритъ народъ. Тутъ находятся колоніи: Шафгаузенъ, Гарарусъ, Базель, Цюрихъ, Золотурнъ, Цугъ, Люцернъ, Унтервальденъ, Сузенталь, Брокгаузъ, Гокельбергъ, Клейнъ, Оберюнжъ.

рукахъ въ свою лютеранскую церковь. За стѣной моей комнаты также послышалось торопливое движеніе: тамъ тоже собирались въ церковь. Я взялъ шляпу и двинулся вслѣдъ за другими.

Пройдя двѣ улицы, я вышелъ къ площади, обсаженной кругомъ тополями. Посреди площади былъ большой скверъ, а насупротивъ его— лютеранская церковь.

Въ церковныя двери то и дѣло входили гернгутеры: въ одну дверь женщины, въ другую—мужчины. Я сѣлъ около сквера на скамейкѣ и наблюдалъ за движеніемъ: всѣ шли молча, сосредоточенно, не проронивъ ни одного слова. Это серьезное религиозное настроеніе и окружающая тишина производили какое-то особенное впечатлѣніе.

Вотъ вошли послѣдній мужчина и послѣдняя женщина, и двери церкви закрылись, а черезъ двѣ-три минуты я услышалъ звуки органа и стройное пѣніе. Органъ и пѣніе сливались во что-то глубоко-трогательное. Звуки далеко-далеко разносились въ вечернемъ тепломъ воздухѣ и словно таяли въ вышинѣ.

Когда окончилось богослуженіе и всѣ семьи разошлись по домамъ, то, спустя полчаса, при надвигавшейся ночной темнотѣ, къ моему удивленію, улицы стали оживляться. На крылечкахъ и приступочкахъ появились семьи гернгутеровъ, разсѣвшіяся каждая у своего домика. Шла тихая бесѣда. Изрѣдка одинокія фигуры переходили отъ одного крылечка къ другому и, поговоривъ немного, снова возвращались на свое мѣсто. Подобныя вечернія собранія, какъ я узналъ потомъ, служатъ единственнымъ мѣстомъ свѣтскаго общенія гернгутеровъ (послѣ духовнаго общенія церкви), не признающихъ никакихъ другихъ формъ общенія, ни клубовъ, ни собраній, ни скромныхъ домашнихъ вечеринокъ, ни свѣтской музыки, ни какихъ бы то ни было удовольствій и не допускающихъ къ себѣ даже странствующихъ музыкантовъ. Эти правила до сихъ поръ сохранились въ прежней неумолимой строгости и ненарушимости.

На церковной колокольнѣ мѣрно и отчетливо пробило десять часовъ. Улицы Сарепты быстро опустѣли: бесѣды прекратились, ставни заперты. Зазвенѣли пѣвучіе замки закрываемыхъ дверей, и весь городокъ погрузился въ сонъ. Тихо и пустынно... слышенъ полетъ мухи, жужжаніе комара, бьющагося объ оконную сѣтку. Рѣзкіе контуры свѣта и тѣней легли на крыши и стѣны домовъ, на дорогу, на заснувшую травку и неподвижные высокіе тополя. Млѣть и нѣжится чудная южная ночь. Съ чистой глубокой синевы небесъ ясно, величаво смотреть луна, сіяютъ и улыбаются мириады звѣздъ...

Весело всходило горячее южное солнце надъ просыпающейся колоніей. Поднимаясь изъ-за зеленыхъ волжскихъ горъ, еще блиставшихъ брилліантовой росой, оно посылало во всѣ стороны свои первые, ярко-

золотистые лучи, которые то играли на окнах домовъ, то рассыпались сотнями блестокъ на верхушкахъ тополей. Навстрѣчу первымъ лучамъ послышались звуки отпираемыхъ ставней, скрипъ воротъ, стукъ калитокъ, зазвенѣли замки дверей. Колонія пробуждалась. Вотъ мимо оконъ, тяжело шлепая по дорогѣ, проходитъ стадо, направляясь къ горамъ. Изъ калитки противоположнаго дома вышла женщина съ коромысломъ и ведрами и, подойдя къ бассейну съ ключевой водой, принялась накачивать воду. Вотъ послышался знакомый, тихій и медленный звонъ съ церковной колокольни... Бьетъ пять часовъ утра... За стѣной у моего хозяина тихо—не слышно ни единого голоса. Мнѣ думается, что онъ и его семья еще спятъ; но только я успѣваю переступить порогъ своей комнаты, какъ въ сѣняхъ слышу ужъ звонкіе голоса дѣтей, разговоръ старика и шопотъ старушки, его сестры. Они давно уже встали и, наслаждаясь утренней прохладой, сидятъ за чайнымъ столомъ на крылечкѣ, выходяшемъ во дворъ къ виноградникамъ и хозяйственнымъ постройкамъ. Я выхожу на маленький дворикъ. Съ одной стороны уже слышна кипучая работа. Шумъ идетъ изъ маленькой кузницы моего хозяина, которая, несмотря на ранній часъ утра, уже въ полномъ ходу. Симпатичный старикъ, оставляя чайный столъ и недопитый стаканъ, то и дѣло спѣшитъ къ рабочимъ, чтобы отдать то или другое приказаніе и вновь вернуться къ столу. Онъ озабоченно серьезенъ, но суетится съ толкомъ и обдуманно. Не успѣваю я вернуться въ мою комнату, какъ тамъ уже на аккуратно разостланной бѣлой скатерти шипитъ самоваръ. Я наскоро пью чай и выхожу на улицу. На улицѣ тихо, безлюдно, полное отсутствіе движенія и суеты, но по доносящемуся отовсюду изъ дворовъ легкому шуму можно судить, что работа въ полномъ разгарѣ и трудовой день начался.

Медленно подвигаясь впередъ, подхожу къ густой аллеѣ тополей и къ разстилающейся около нея площадкѣ съ большимъ краснымъ каменнымъ зданіемъ въ три этажа и съ высокой фабричной трубой. Труба мѣрно попыхиваетъ, ежеминутно выбрасывая въ воздухъ клочки черного дыма. Это работаетъ горчичный заводъ Глича, мѣстнаго капиталиста и царька Сарепты, снабжающаго горчицей не только все Поволжье, но и Петербургъ, и Москву, и всю Россію. Передъ маленькимъ входомъ въ мрачное зданіе завода копошатся нѣсколько фигуръ, именно копошатся: не торопясь, не суетясь безъ толку, онѣ медленно и сосредоточенно переносятъ въ помѣщеніе завода какіе-то мѣшки. На площади передъ заводомъ въ строгомъ порядкѣ, въ одинъ рядъ, стоятъ нѣсколько разгружаемыхъ телѣгъ. Это крестьяне привезли на заводъ горчичныя сѣмена, собранныя на окрестныхъ поляхъ, гдѣ разводится горчица. Ни одного неосторожнаго движенія, ни шума, ни криковъ, ни сутолоки. Все идетъ какъ заведенная машина. Миную аллею тополей и иду дальше.

Пройдя нѣсколько бѣленькихъ чистенькихъ домиковъ, я опять поровнялся съ каменнымъ зданіемъ съ металлической трубой на крышѣ. И здѣсь труба медленно, мѣрно подыхиваетъ и выбрасываетъ клочки дыма. „Это еще что такое?“ думаю я, не ожидая встрѣтить на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ два завода. Оказывается, тоже заводъ, но уже мыловаренный; здѣсь выдѣлывается сарептское мыло.

Беру влѣво и достигаю окраины колоніи, вижу сначала проведенную водяную мельницу, а далѣе передо мной пышные виноградники, растянувшіеся на пѣлую версту. Вхожу въ огромный, густо разросшійся садъ съ правильно распланированными и чисто выметенными дорожками. Передо мной маленькій бѣленькій домикъ съ крылечкомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ какая-то аллея, сверху донизу унизанная виноградными листьями и тяжелыми кистями. Виноградъ, поддерживаемый деревянными перекладинами по бокамъ и вверху, образуетъ дѣйствительно совсѣмъ фантастическую аллею, полную прохлады. Съ аллеи поворачиваю въ сторону и встрѣчаю нѣсколько женщинъ, стоящихъ на лѣсенкахъ; женщины вооружены ножницами и срѣзываютъ спѣлыя виноградныя кисти. Онѣ привѣтливо кланяются мнѣ, точно знакомому человѣку.

Я выразилъ желаніе купить винограду и наудачу спросилъ самый мудреный сортъ: сладкій мускатный виноградъ, котораго вы не найдете на всей Волгѣ, даже въ Астрахани, этомъ главномъ пунктѣ винограднаго хозяйства.

— Есть мускатъ, есть,—говоритъ женщина по-нѣмецки и ведетъ къ особому отдѣлу сада съ лозами мускатнаго винограда.

— Сколько вамъ слѣдуетъ за виноградъ? — спрашиваю я, получая большую корзину, фунта въ четыре.

— 28 копеекъ,—отвѣчаетъ женщина.

„О благословенный уголокъ“, думается мнѣ, когда я еще разъ прохожу мимо фантастической аллеи, мимо нарядно убранныхъ грядокъ, мимо хорошенькой бесѣдки. Вотъ я вышелъ за калитку и не могу удержаться, чтобы еще разъ не обернуться назадъ.

Я постепенно приближался къ зеленѣющимъ волжскимъ высотамъ, которыя облегаютъ полукругомъ маленькую Сарепту. На самой вершинѣ горъ отчетливо виднѣлись движущіяся черныя точки, которыя по мѣрѣ моего приближенія къ нимъ принимали все болѣе и болѣе опредѣленныя формы. Это были стада, выгнанныя въ поле съ восходомъ солнца. Скоро до меня стало явственно доноситься отдаленное мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, крики пастуха. Подъемъ въ гору былъ довольно крутой; ногами приходилось усиленно работать, а солнечные лучи становились жарче и жарче. Брильянты росы давно уже успѣли исчезнуть, исчезъ и голубоватый дымчатый сумракъ, окутывавшій горы рано утромъ.

Вотъ еще нѣсколько шаговъ—и я на вершинѣ горы. Близость ея придаетъ мнѣ новыя силы, и, спустя нѣсколько минутъ, я лежу подъ единственнымъ на всемъ пространствѣ раскидистымъ деревомъ.

Что за очаровательный видъ, что за тишина! На небѣ ни облачка. Синяя глубина его распространилась отъ края однимъ чуднымъ пологомъ. Неподвижный, сильно нагрѣтый воздухъ словно замеръ: ни одна травка не пошевелинется, ни одинъ листикъ на деревѣ.

Съ волжскихъ горъ, окружающихъ Сарепту, открывается дѣйстви-тельно очаровательный видъ на далекое разстояніе, на десятки верстъ. У самыхъ вашихъ ногъ лежитъ крошечная, красиво распланированная ко-лонія съ рядами маленькихъ бѣлыхъ домиковъ, съ аллеями тополей, съ заводами и виноградниками. Вокругъ этого живого, дѣятельнаго уголка во всѣ стороны разстилается унылая, однообразная, выжженная солнцемъ степь, поросшая мѣстами особыми видами темнозеленыхъ степ-ныхъ травъ, изъ которыхъ трудолюбивые и изобрѣтательные колонисты научились дѣлать очень вкусный и ароматный бальзамъ, извѣстный подъ именемъ „сарептскаго“. Далѣе налѣво вы видите то блестящую на солнцѣ, то синѣющую и утопающую въ голубоватомъ сумракѣ знойнаго южнаго дня величественную полосу Волги, мѣстами перерѣзанную лѣ-систыми островками. Далек-далеко на горизонтѣ виднѣется Царицынъ. Черезъ степь, причудливо извиваясь, пробѣгаетъ къ Волгѣ маленькая рѣчка Сарпа.

Первое знакомство съ Малороссіей.

(А. Краснова.)

Быль конецъ апрѣля. Курьерскій поѣздъ уносилъ меня на югъ изъ Москвы по направленію къ Харькову, и я стоялъ у окна, жадно вдыхая теплый весенній воздухъ, врывавшійся въ вагонъ вмѣстѣ съ дымомъ и углемъ паровоза.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Бѣлгороду, тѣмъ рѣзче сказывалась разница въ небѣ и солнцѣ, во всей природѣ сѣвера и юга. Здѣсь вы покидаете Великороссію, вступаете, если не въ Малороссію, то въ область съ нею родственную и по природѣ и по населенію.

Черезъ Харьковскую губернію проходитъ, какъ извѣстно, условная линія между областью господствующихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и областью преобладанія западныхъ вѣтровъ. Къ югу-востоку отъ этой линіи воздухъ становится все суше и суше, дождей меньше. Эта сухость атмосферы отражается на ея прозрачности, на пропускаемости ею солнечныхъ лучей. Они здѣсь льются не задерживаемые посторонними при-мѣсями въ атмосферѣ. Линія эта соединяетъ города Уфу и Кишиневъ и начиная съ Бѣлгорода разница становится осязательной для проѣзжающихъ.

Велико ли разстояніе отъ Курска до Бѣлгорода, а контрастъ разителенъ и онъ постояненъ. Когда въ Курскѣ снѣгъ, его уже нѣтъ подѣ Бѣлгородомъ; когда въ Бѣлгородѣ осень, въ Курскѣ уже выпалъ снѣгъ. Курскъ еще на средне-русской возвышенности; въ Бѣлгородѣ вы чувствуете себя на ея южномъ склонѣ, вы въ бассейнѣ Дона.

Подѣ Бѣлгородомъ путешественникъ получитъ полную иллюзію Малороссіи; поэтичныя бѣлыя хатки съ соломенною кровлею, какъ ихъ намъ рисуютъ художники, съ вишневыми садиками и неизвѣстными на сѣверѣ плетнями, стаи гусей, полощущихся въ грязныхъ лужахъ, колодцы съ высокими коромыслами, бритыя усатыя фізіономіи хохловъ въ бѣлыхъ рубашкахъ съ прямымъ отложнымъ воротомъ, позволяющимъ видѣть голую волосатую грудь, надъ которою болтается крестикъ, надѣтый по здѣшнему обычаю поверхъ рубахи, часто еще въ смушковыхъ шапкахъ и чинаркахъ, столь непохожихъ на наши сѣверныя поддевки. На горизонтѣ мельница и пирамидальные тополи, не играющіе роли въ пейзажахъ Россіи; въ говорѣ вы слышите непривычное слово „що“ и „якъ“. И чѣмъ дальше къ югу, чѣмъ ближе къ Харькову, тѣмъ больше это чувствуется.

Послѣ Бѣлгорода вы вѣзжаете въ долину Лопани. Всюду пробивается зеленая травка и на мокрыхъ отъ разлива лугахъ яркими желтыми точками образуя цѣлыя клумбы, цвѣтетъ калужница (*Caltha palustris*); нвы вдоль канавъ, идущихъ около полотна, усѣяны желтыми сережками цвѣтовъ; какъ зеленымъ пухомъ, одѣты онѣ распускающимися почками и молодой листвою.

На темно-голубомъ небѣ плаваютъ облака, формы незнакомой петербуржцу, необычной на сѣверѣ. Это кучевыя облака громадной величины. Какъ громадные комки ваты, какъ стада исполинскихъ бѣлыхъ овецъ, висятъ они на этой лазурной степи, всѣ на одной высотѣ, прямою чертою отдѣленные отъ столь же прямой линіи горизонта. Это облака степи, облака юга, рѣдкія, несвойственныя небосклонамъ лѣснаго сѣвера. Дорога потеряла свою прямизну. Она вертится и кружится между оврагами и извилинами рѣки. Поѣздъ не имѣетъ прежней быстроты хода. Нѣга и лѣнность природы юга, кажется, передались и желѣзному коню. Въ этой обстановкѣ вы достигаете Харькова.

Начиная отсюда вы попадаете въ среду другой публики. Она другая во всѣхъ трехъ классахъ, такъ какъ не только простонародье Малороссіи, но и интеллигенція ея поражить свѣжаго, пріѣхавшаго съ сѣвера челоуѣка рядомъ характерныхъ отличительныхъ признаковъ. Стоитъ вамъ десять минутъ поговорить съ вашимъ сосѣдомъ, и вы почувствуете, даже въ томъ случаѣ, если онъ будетъ не малороссомъ, а русскимъ по происхожденію, что это южанинъ, сынъ иной культуры.

Прежде всего оно скажется вамъ въ его языкѣ. Это будетъ, если

хотите, тоже русскій языкъ, но это не языкъ Петербурга, Москвы, Пензы и даже Курска. Тотъ языкъ, который вы услышите въ устахъ здѣшной интеллигенціи, если хотите, тотъ же русскій, но всѣ ударенія здѣсь иныя, значеніе значительной части словъ почти обратное, чѣмъ у насъ. Это—языкъ южной Россіи, въ которомъ все перелажено на свой ладъ, вплоть до распространеннѣйшихъ фамилій включительно. вмѣсто Соколовъ вамъ скажутъ Сѣколовъ, вмѣсто столяръ — стѣляръ, вмѣсто очковъ будутъ говорить — очѣкъ, вмѣсто домѣй—до дѣму, вмѣсто гуси—һуси, вмѣсто того, чтобы сказать: „онъ говоритъ съ тобою“, скажутъ: „онъ рассказываетъ съ тобою“, „я соскучился за нимъ“ вмѣсто — „я соскучился по немъ“ и т. д. Особенно любимо здѣсь выраженіе „кто его знаетъ“, употребляемое кстати и некстати вмѣсто нашего „не знаю“. Тополь здѣсь женскаго рода, равно какъ и многія существительныя, оканчивающіяся на ь и считающіяся у насъ, сѣверянъ, мужскаго рода; въ склоненіяхъ же допускаются такія вольности, какія не предусмотрѣны никакою грамматикою. На ряду съ этимъ вы сами рискуете быть непонятымъ, употребляя самыя обыденныя русскія слова.

Но больше всего замѣтенъ контрастъ среди публики третьяго класса. Костюмы, манеры, языкъ—здѣсь все другое. Городская жизнь и вліаніе фабрикъ сказались на малороссахъ еще въ большей степени, чѣмъ на сѣверѣ. Бѣлая съ краснымъ воротомъ рубаха и чамарка, залахивающаяся не на бокъ, какъ у русскихъ, а на груди, крючками, знаменитая смушковая шапка, штаны шире Чернаго моря хотя и доселѣ еще составляютъ принадлежность національнаго костюма, но они рѣдко уже являются въ полномъ своемъ составѣ и во всякомъ случаѣ характеризуютъ „неотесанную деревенщину“. Въ селеніяхъ и хуторахъ этотъ костюмъ еще довольно обыкновенный, но около городовъ пиджаки и пальто давно смѣнили чамарку и неуклюжіе жилеты, надѣвавшіеся на рубахи, самыя же рубахи смѣнились косоворотками съ вышитою грудью. Косоворотка быстро вытѣсняетъ холщевую бѣлую малороссійскую рубаху, но косоворотка эта приняла другой обликъ. У нея вся грудь расшита узорами въ видѣ букетовъ розъ или какой-либо мозаики, обыкновенно довольно грубыхъ, но яркихъ цвѣтовъ, и рубаха носится не на выпускъ, какъ у русскихъ, а засовывается въ штаны.

Другая черта, которая поражаетъ насъ у простонародья, это гораздо большая мягкость обращенія. Конечно, и здѣсь мужикъ старается внести съ собою чуть не весь домъ, и багажа его хватитъ на добрые полвагона. И здѣсь будутъ курить махорку и плевать направо и налево. Но вы уже не услышите болѣе фамильярнаго „ты“. Къ равному себѣ и даже низшему малороссъ обратится съ болѣе культурнымъ „вы“; но эта культурность свидѣтельствуетъ и о большей холодности, и вы напрасно будете искать здѣсь той откровенности и болтливости сосѣда, который на сѣверѣ ме-

жду двумя станціями умудряется рассказать вамъ всю свою подноготную и поинтересоваться всѣмъ, начиная отъ цвѣта волосъ вашей жены и до количества рублей получаемого жалованья включительно. Вы здѣсь встрѣтите больше мягкости въ обращеніи, неподдѣльнаго юмора, но меньше откровенности и любознательности. Горе вамъ, если вы попытаете собирать какія-нибудь справки у вашего сосѣда простолюдина. „Кто его знаетъ“, — вотъ будетъ его обычный отвѣтъ. Привыкнувъ на сѣверѣ, что житель села знаетъ не только всѣхъ своихъ односельчанъ, но и все, что существуетъ и дѣлается по меньшей мѣрѣ на 20 верстъ вокругъ, вы съ изумленіемъ наталкиваетесь на полное незнаніе того, что у малоросса подъ бокомъ, черезъ улицу, помимо его собственнаго надѣла. Малороссійскій крестьянинъ индифферентенъ къ окружающему. „Моя хата съ краю, ничего не знаю“ — есть пословица по преимуществу малороссійская, но онъ зачастую дѣйствительно не знаетъ того, что у него подъ бокомъ, потому что онъ никогда не интересовался это узнать. Большую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто попытается разспрашивать перваго попавшагося въ Малороссіи. Въ лучшемъ случаѣ онъ не добьется никакого отвѣта; если ему дадутъ указаніе, сплошь и рядомъ это будетъ первое попавшееся на умъ спрашиваемому. Здѣсь знаютъ своего хозяина, — до сосѣда же дѣла нѣтъ, и единственные люди, которые все знаютъ, которымъ до всего есть дѣло, — это евреи. Они единственные спасители такого пріѣзжаго, и обыкновенно онъ и попадаетъ въ ихъ руки. Уже въ вагонѣ по линіи, идущей черезъ Полтаву — Николаевъ, ихъ процентъ очень великъ; вы всюду слышите ихъ жаргонъ, вы чувствуете, что приближаетесь къ чертѣ еврейской осѣдлости.

Таковы первыя впечатлѣнія, полученные еще въ поѣздѣ при вѣздѣ въ Украину. Поѣздъ везетъ васъ среди темныхъ лѣсовъ распускающихся дубовъ, среди залитыхъ цвѣтами яблонь, какъ разведенныхъ въ садахъ, такъ и на лѣсныхъ порубкахъ, гдѣ пощаженыя рукою дровосѣка дикія яблони и груши цвѣтутъ среди распаханыхъ нивъ. Вы мало-помалу погружаетесь въ область украинскихъ степей, которыя давно вы опоэтизировали въ воображеніи послѣ восторженныхъ описаній Гоголя, Данилевскаго и т. п.

Тщетно всматриваетесь вы въ окно вагона, чтобы увидѣть что-либо подобное прочитанному. Куда хватаетъ глазъ, — черное распаханное паровое поле, порой черноземъ, еще влажный отъ весенней сырости. Здѣсь в тамъ его смѣняютъ лоскутья зеленѣющихъ всходовъ или озими. Все распаханно, все воздѣлано, нѣтъ и слѣда дѣвственной цѣлины.

Правда, здѣсь и тамъ попадаются участки, поросшіе травой, болѣе сѣвроватаго цвѣта, покрытые болѣе густою зеленью, чѣмъ обыкновенныя хлѣбныя поля, и отдыхающія, подъ паромъ лежащія поля, здѣсь обыкновенно называемыя толоками, такъ какъ на нихъ „толчется“ скоть.

Это—перелogi. Это—земли, которыя уже нѣсколько лѣтъ не пахались, но все-таки были паханы, уже лишились своей первоначальной растительности. Онѣ покрыты обыкновеннымъ пыреемъ (*Triticum repens*), цѣнимымъ какъ хорошая кормовая трава, но слишкомъ низкимъ, слишкомъ однообразно-синимъ покровомъ одѣвающимъ степь, чтобы ее можно назвать красивою. Среди него вы не видите весной даже обыкновенныхъ красивыхъ бурьяновъ толоки, которыя дѣлають ее въ разгарѣ лѣта пестрою, блестящею цвѣтами малиновыхъ будяковъ, фіолетовыхъ и золотыхъ „васильковъ“ (здѣсь васильками зовутъ живокость *Delphinium consolida*), разныхъ ромашекъ и т. п. травъ. Степь однообразна, какъ засѣянное поле; только здѣсь и тамъ пестрѣетъ среди нея островками другой менѣе желательный для хозяевъ злакъ — чаполочь (*Hieroglocha odogata*), тотъ самый злакъ, который иначе зовутъ зубровкой. Малороссы ненавидятъ его на своихъ поляхъ, такъ какъ онъ рѣжетъ губы скоту, нелюбимъ даже невзыскательными на кормъ овдами и дѣлаеть негоднымъ для хозяйства поля и толоки, гдѣ онъ размножится. Истреблять его трудно, такъ какъ перепашка только дробитъ его живучіе корни, дѣлая изъ одного куста десятокъ и болѣе.

Рѣдко гдѣ встрѣтите вы перелogi старше 5—6 лѣтъ. Рѣдко гдѣ распаханная пашня успѣваетъ затвердѣть настолько, чтобы порастить болѣе близкими къ стелямъ травами: тонконогомъ (*Koeleria cristata*) и типцомъ (*Festuca ovina*). Но и такихъ перелоговъ вы не увидите изъ окна вагона. Малороссійской степи не существуетъ болѣе. Напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ на всю Полтавскую губернію едва можно было насчитать нѣсколько десятинъ настоящей цѣлны, но теперь уже паханы и онѣ; здѣшняя степь отошла въ исторію.

Покинемъ на время нашъ поѣздъ съ его пассажирами и удалимся въ глубь черноземныхъ равнинъ. Передвиженія по Малороссіи на почтовыхъ или на земскихъ лошадяхъ отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ житель средней Россіи.

Тамъ вы садитесь въ легонькую телѣжку, запряженную тройкой веселыхъ лошадей. Если вы даже ѣдете по горѣ, пристяжная весело скачетъ справа, подстегиваемая удалымъ ямщикомъ; онъ не преминетъ первый заговорить съ вами и ознакомить васъ со всѣмъ, что вы можете встрѣтить въ селѣ, къ которому вы приближаетесь, или на чемъ вообще остановится ваше вниманіе; онъ это сдѣлаеть, перѣдко не ожидая даже вашего вопроса.

Здѣсь вмѣсто телѣжки вамъ подадутъ тяжелый колонистскій фургоны — какой-то плоскій ящикъ громадной вмѣстимости, на желѣзномъ ходу, но тряскій до невѣроятія. Дороги Малороссіи не хуже русскихъ, но въ этихъ фургонахъ выносить ихъ тряску долгое время невыносимо.

Точно такъ же и упряжь этого южно-русскаго экипажа иная. Лошади

запрягаются парю въ дышло. Онѣ дружно и равномерно напрягаютъ свои силы, таща фургоны, но вы не видите ихъ веселаго бѣга. Самый бѣгъ ихъ медленнѣе. Здѣсь не любятъ скорой ѣзды, и восторженное гоголевское описаніе тройки мало примѣнимо къ способамъ передвиженія въ Малороссіи. Ямщика не тронуть ни щедрое обѣщаніе на чай, ни осуществленіе его на глазахъ преемника. Онъ будетъ неизмѣнно гнать лошадей среднимъ бѣгомъ и, кажется, этотъ тяжелый экипажъ и эта упряжь не допускаютъ веселой, увлекательной троечной скачки подъ звонъ колокольчика. Даже этотъ послѣдній какъ-то не у мѣста болтается подъ дышломъ. Его неохотно привязываютъ даже чиновнику, такъ какъ ямщикъ убѣжденъ, что звонъ его глушитъ лошадь. Самъ возница неразговорчивъ. Онъ односложно отвѣтитъ вамъ на вопросъ и погрузится въ свое дѣло, какъ въ какое-то священнодѣйствіе.

Однообразная распаханная равнина, то нѣсколько понижающаяся къ какой-либо балкѣ, то затѣмъ снова поднимающаяся столь же постепенно, не даетъ ни на чемъ остановиться, отдохнуть глазу. Все та же черная взрылленная земля или однообразный коверъ хлѣбовъ, та же земля и то же небо, съ плавающими по нему кучевыми облаками. Правда, въ утренніе и вечерніе часы весною среди этой зелени полей заливаются въ лазури неба жаворонокъ, здѣсь и тамъ желтѣютъ какіе-нибудь цвѣточки, и даже эта обобранная и воздѣланная природа имѣетъ свою поэзію, свою прелесть; но постоянное повтореніе одного и того же скоро надоедаетъ. Глазъ ищетъ чего-нибудь новаго, но не находитъ его. Балка смѣняется балкою, одна за другою пересѣкаютъ вашъ путь дороги, такія же черныя, такія же пыльныя. Рѣдко гдѣ вереница тяжелыхъ малороссійскихъ возовъ, запряженныхъ парами воловъ сѣро-бураго цвѣта, попадаетъ вамъ навстрѣчу. Полусонные крестьяне, буквально засыпанные съ ногъ до головы пылью, почти черные отъ чернозема, неохотно даютъ вамъ дорогу. Утомленный скучнымъ путемъ, вы спрашиваете ихъ, далеко ли осталось до села, куда вы стремитесь.

— Далеко ли до N?—обязательно переспросить васъ вашъ собесѣдникъ и, почесавъ затылокъ, подумавъ минутъ пять, какъ бы что-то сообразивъ, отвѣтитъ вамъ:—да, верстивъ съ десять буде.

Удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, вы погружаетесь также въ свои думы и ѣдете верстъ съ десять или одиннадцать, и, не видя селенія, вновь спрашиваете прохожаго. Онъ также переспроситъ васъ, также глубокомысленно подумаетъ и скажетъ вамъ:—Да, мабудъ верстивъ съ двадцать буде, а мабудъ и съ гакомъ. — И долго иногда приходится ѣхать этотъ гакъ! А иногда, поднявшись на пригорокъ, вы увидите давно ожидаемое селеніе передъ глазами.

Почтосодержатели здѣсь по большей части евреи, и станціи, будь то земскія, будь то казенныя, имѣютъ казенный видъ. Для проѣзжаго есть

комната различной степени чистоты, но, говоря вообще, чище, чѣмъ на сѣверѣ; здѣсь онъ можетъ переждать, пока ему перепрягутъ лошадей. Въ хату къ себѣ добровольно пустить далеко не всякій хохоль. Того гостепрѣимства, оказываемаго всѣмъ и каждому, какое вы встрѣтите въ Россіи, вы не увидите: хохоль пускаетъ къ себѣ ночевать съ оглядкой, и ни ваше общественное положеніе, ни обѣщаніе платы не будутъ способствовать тому, чтобы васъ приняли.

Въ деревнѣ великороссійской проѣзжаго никогда не пошлютъ въ гостиницу или корчму. Здѣсь же почти во всякомъ селѣ есть таковая, содержимая евреемъ. Къ сожалѣнію, эти сельскія гостиницы рассчитаны на болѣе чѣмъ невзыскательный вкусъ и потребности деревенскаго обывателя.

Малороссы.

(Поро-Леоновича и Ставровскаго.)

По внѣшнему виду малороссы—красивый и рослый народъ: малороссы занимаютъ среди славянъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своей рослости. Между малороссами преобладаютъ брюнеты, большею частью съ темно-русскими волосами. Тѣлосложеніе у нихъ скорѣе сухощавое, чѣмъ полное. Женщины значительно ниже ростомъ, статны, граціозны. Стройный и гибкій станъ женщины считается, какъ и „карія очи“, условіемъ красоты.

Физиономія малоросса серьезна; лица мужчинъ мужественны и вообще кажутся нѣсколько старѣе своего возраста; выраженіе лица у малороссійскихъ женщинъ большею частью мягкое, привѣтливое, нерѣдко съ немного грустнымъ оттѣнкомъ.

Въ характерѣ малоросса довольно много такихъ чертъ, которыя рѣзко выдѣляютъ его изъ другихъ славянскихъ племенъ. Характерная черта малоросса—медленность движеній, которая граничитъ съ лѣнностью. Въ работѣ ума нерѣдко проявляется та же медленность и неповоротливость,—неспособность быстро смекнуть, сообразить. Поэтому малороссъ не отличается практичностью; торговой предпримчивости онъ вовсе лишенъ. Она требуетъ бойкости, быстрой смѣтки и умѣнія пользоваться обстоятельствами; все это качества, которыхъ малороссу не хватаетъ. И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, малороссійскія женщины, благодаря своей подвижности, стоятъ значительно выше. Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, стоитъ только посмотрѣть малоросса на ярмаркѣ: онъ не только не зазываетъ покупателей, но даже, когда его спрашиваютъ, отвѣчаетъ какъ бы нехотя. Поэтому-то вся торговля въ Малороссіи находится въ рукахъ великороссовъ и евреевъ.

Малороссъ склоненъ къ умозрѣнію, и способность сосредоточиваться дѣлаетъ его мечтательнымъ, а мечтательность даетъ пищу его богатому поэтическому творчеству.

Любовь къ изящному пропитываетъ всю жизнь малоросса. Она называется не только въ его поэзіи и музыкѣ, но замѣтна и въ его одеждѣ, въ жилищѣ, въ отсутствіи грубости, въ его языкѣ и поступкахъ и въ особенности въ любви къ природѣ: садикъ—непремѣнная принадлежность малороссійской хаты. Каждый желаетъ имѣть около дома хоть нѣсколько плодовыхъ деревьевъ — вишенъ, яблонь, грушъ, и хотя самые обыкновенные цвѣты; излюбленный цвѣтокъ малороссійскаго сада — крупныя, яркія мальвы.

Природная мягкость малоросса лишаетъ его энергіи, силы воли, которыя замѣнены у него упрямствомъ: не легко откажется онъ отъ разъ принятаго рѣшенія или согласится съ чужимъ мнѣніемъ; даже на ярмаркахъ онъ всегда держится своей цѣны. Мягкость характера отразилась въ тихой грусти и меланхоліи, которыя постепенно звучатъ въ его поэзіи, а еще больше въ музыкѣ. Та же мягкость выразилась, наконецъ, въ добродушномъ, хотя довольно тонкомъ юморѣ.

Невзгоды исторической жизни способствовали выработкѣ у малороссовъ скрытности, сдержанности, переходящей нерѣдко въ хитрость, вообще развитію дипломатическихъ способностей, а климатъ и природа расположили ихъ къ чувствительности, которая отразилась на всѣхъ сторонахъ жизни; такъ, она проявляется въ весьма трогательной привязанности къ семьѣ и къ родинѣ. Избытокъ этой чувствительности ведетъ иногда малороссовъ къ безпричинной слезливости, особенно у женщинъ: грустный рассказъ, грустная пѣсня всегда вызываетъ рядъ глубокихъ вздоховъ и не одну горячую слезу сочувствія. По этой же причинѣ малороссы любятъ провести время въ душевныхъ разговорахъ за чаркой водки въ деревенскомъ клубѣ—корчмѣ.

Языкъ малороссовъ нѣжнѣе и благозвучнѣе русскаго. Русское „ы“, напримѣръ, звучитъ для малоросса черезчуръ грубо, трудно для произношенія, а потому замѣняется звукомъ, составляющимъ середину между „ы“ и „и“. Кромѣ этого средняго звука, малороссы имѣютъ еще мягкое „і“, являющееся обыкновенно на мѣстѣ нашего „ѣ“ (рѣже „о“), напр., „хлѣбъ“, „дідъ“, „вікъ“. Послѣ нѣжности и благозвучія характерную черту составляетъ обиліе словъ польскихъ и татарскихъ; эти слова вошли въ употребленіе тогда, когда малороссы находились въ близкихъ отношеніяхъ съ этими народами. Наиболѣе чистымъ языкомъ говоритъ населеніе Полтавской губерніи; въ крайнихъ частяхъ Малороссіи часто встрѣчаются заимствованія у бѣлоруссовъ и великоруссовъ. Соотвѣтственно своему характеру малороссы говорятъ медленно, лаконически; женщины, напротивъ, говорливы.

Постройки въ Малороссіи соотвѣтствуютъ характеру мѣстности. Въ сѣверной, лѣсной части распространены деревянныя постройки; здѣсь можно встрѣтить и бѣлорусскую грязную курную избу и совершенно

великорусскую, такъ называемую „рублену хату“. Въ большей же части области преобладаютъ мазанки — постройки изъ глины, которыя для малоросса, какъ степняка по преимуществу, и наиболѣе типичны. Въ мазанкѣ бревна, а то и просто колья служатъ только остовомъ зданія. Стѣны же плетутъ изъ хвороста или соломы, покрывая съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины. Крыша крыта обыкновенно соломой или тростникомъ и дѣлается съ навѣсомъ — „причѣлкомъ“. „Підъ причѣлкомъ“ хозяинъ майструе сѣкирою, стругомъ и долотомъ“, здѣсь же иногда хранится зимою возъ, лѣтомъ — земледѣльческія орудія. Вокругъ хаты для защиты ея отъ сырости выстроена „насыпь“, которая служитъ мѣстомъ, гдѣ семья ужинаетъ. Обыкновенно размѣры хаты невелики: около 7 аршинъ въ длину и $6\frac{1}{2}$ въ ширину. Вообще мазанки производятъ симпатичное впечатлѣніе своей чистотой, о поддержаніи которой малороссъ очень заботится, довольно часто обмазывая стѣны какъ внутри, такъ и снаружи мѣломъ; специальныхъ же украшеній онѣ не имѣютъ, за исключеніемъ развѣ „півника“ (пѣтуха) на трубѣ, да иногда еще рамы оконъ и дверей снаружи и внутри окаймлены разноцвѣтными разводами. Дверь со двора ведетъ въ сѣни, дѣлящая домъ на двѣ половины: на собственно жилую хату и „кѣмору“. Противъ входной двери другая дверь выходитъ изъ сѣней въ огородъ.

Въ сѣняхъ по стѣнкѣ развѣшаны: упряжь, цѣпъ, коса, грабли, здѣсь же стоитъ лѣтомъ ведро съ водой, зимою, во избѣжаніе замерзанія, помѣщаемое въ хату. Къ стѣнѣ сѣней прислонена деревянная лѣстница, „драбина“, служащая для хода на чердакъ. Дверь на петляхъ, ведущая изъ сѣней въ хату, дѣлается низкой и снабжена большимъ порогомъ для удержанія тепла зимой. Внутренность жилья поражаетъ своей чистотой. Полъ сдѣланъ изъ хорошо убитой глины; стѣны и потолокъ выбѣлены. Особымъ уходомъ пользуется печь. Хозяйка бѣлитъ ее каждую недѣлю. Главнымъ украшеніемъ стѣнъ служатъ „образы“, „боги“ (иконы), до которыхъ малороссъ большой охотникъ, при чемъ, плѣняясь яркостью красокъ, нерѣдко помѣщаетъ иконы католическаго письма. Образа помѣщаются на „покуті“ (въ красномъ углу) на полочкѣ, заботливо украшенной рѣзбою, цвѣтами, „рушниками“ (полотенцами). Передъ образомъ прилажена лампада, которую зажигаютъ въ большіе праздники, а къ ней привѣшено разукрашенное яйцо — „пысаяка“. „На покуті“ стоитъ столъ, покрытый скатертью; на немъ непремѣнно лежитъ „якъ не цілий, то окраиць хлѣба — такъ годытця“. По стѣнамъ идутъ лавки, подъ которыми размѣщена подвижная мебель — скамейки.

Печь занимаетъ почти $\frac{1}{4}$ всей хаты. Она дѣлается обыкновенно съ трубой изъ глины, покрывающей остовъ изъ плетня или соломы. Около печи устроены деревянный полъ, въ родѣ наръ, на которомъ спать. Тутъ же къ потолку прикрѣплена люлька. Недалеко отъ двери

Малороссянка.

противъ печи стоитъ сундукъ съ женскимъ платьемъ, а около печи шкафчикъ съ посудой и помойница для выбрасыванія остатковъ кушаній, а зимою также кадка съ водою; тутъ же прислонены къ печи рогачи, кочерга и вѣникъ.

Комора представляетъ собою кладовую, гдѣ хранятся наиболѣе цѣнные хозяйственные предметы, стоитъ „скриня“ на колесахъ (сундукъ) и развѣшаны одежды. Здѣсь же на жерди виситъ сало. Комора часто не обмазывается глиной, а вмѣсто окна имѣетъ небольшое отверстіе для свѣта. Лѣтомъ въ коморѣ иногда спитъ кто-нибудь изъ семейныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жилая изба раздѣляется перегородкой на двѣ части: на болѣе чистую—пріемную—и на спальню.

Къ хатѣ съ передняго фасада примыкаетъ дворъ, а сзади—„городъ“, въ которомъ находятся хозяйственныя постройки, садикъ и огородъ. Дворъ и городъ обнесены высокимъ частоколомъ. Изъ построекъ, расположенныхъ внутри двора, чаще всего встрѣчаются „повітка“ (небольшой отгороженный дворикъ) для рогатаго скота и хлѣвы для овецъ и свиней. Внутри огорода, отдѣленнаго особымъ плетнемъ, расположены „клуня“ и погребъ.

Хаты въ малорусской деревнѣ въ отличіе отъ великорусской разбросаны въ безпорядкѣ и не составляютъ правильной улицы. Фасадами онѣ обращены всегда на югъ, почему на улицу выходятъ бокомъ или даже задней стороною.

Въ одеждѣ малороссъ и малороссянка проявляютъ больше всего вкуса. Материаломъ для одеждъ служатъ: домашнее сукно, холстъ и овчина, отчасти покушной цвѣтной ситець. Мужскую нижнюю одежду составляютъ рубаха съ широкимъ воротомъ, которую малороссы никогда не носятъ на выпускъ, и шаровары изъ домашняго крашеннаго полотна, прежде отличавшіяся необыкновенной шириной, теперь же болѣе узкія. Стягиваются онѣ особой пришитой къ нимъ веревочкой. Иногда сверхъ рубахи мужчины надѣваютъ еще родъ камзола изъ сукна, извѣстнаго подъ именемъ „жилетки“. Женщины носятъ длинныя сорочки до пятъ съ подоломъ, украшеннымъ „мережкой“ (вышивкой), которая испремѣнно видна изъ-подъ верхней одежды.

Весьма характерны двѣ принадлежности женскаго наряда, нынѣ во многихъ мѣстахъ выходящія изъ употребленія—„запаска“ и „плахта“. Эти одежды представляютъ собой четырехугольные куски обыкновенно черной или цвѣтной шерстяной матеріи, обвивающіе станъ; стянуты онѣ шерстянымъ поясомъ, а спереди закрыты передникомъ. Въ настоящее время плахта и запаска вытѣсняются „спидницей“, представляющей подобіе короткой юбки, изъ-подъ которой видна мережка на рубахѣ. Сверхъ спидницы обыкновенно одѣваютъ фартукъ. Оригинальна также безрукавка, называемая корсеткой. Верхняя одежда у мужчинъ и женщинъ одинакова и

развѣ иногда отличается у послѣднихъ болѣе изящнымъ покроемъ. Зимой носятъ коужу (дубленка, овчинный тулупъ), а въ остальное время года — „світу“ и „сірякъ“ (изъ сѣраго сукна). Послѣдняя одежда одѣвается поверхъ всего въ плохую погоду; она дѣлается изъ плохого сукна въ видѣ балахона и снабжена капюшономъ. Обувь какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ составляютъ чоботы (сапоги) съ подковой или гвоздями. Въ будни ходягъ въ „московицахъ“ (родъ лаптей), подвязываемыхъ ремешками. Женщины носятъ еще „черовики“, похожіе на туфли. Въ Полтавской губерніи въ большомъ ходу „черевики на коркахъ“, съ загнутыми носками и на высокихъ каблучкахъ. Изъ головныхъ уборовъ мужчины носятъ всего больше лѣтомъ покупные картузы и „возирки“, а также шапки въ видѣ усѣченнаго конуса, войлочные или соломенные „капельюхи“, отличающіеся большими полями, и зимнія смушковые шапки. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и убираютъ или узорчатымъ чернымъ платкомъ и длинными лентами, которыя спускаются внизъ по спинѣ густыми пучками, или искусственными, а лѣтомъ и живыми, цвѣтами въ видѣ вѣнка. Замужнія женщины непременно покрываютъ голову, для чего служатъ „очипокъ“ (родъ коробки съ овальнымъ дномъ). Сверху эти головные уборы повязаны еще платкомъ. Шея и грудь у дѣвушекъ обыкновенно увѣшаны „наместомъ“ (монистомъ), которое составляютъ „хрести“, „цалковыє“ (монеты съ ушками) „дукачі“, а то и простыя цвѣтныя стекла. Особенно цѣнятся такъ называемыя „корольки“ — кораллы. Мужчины въ настоящее время уже не бреютъ головы, такъ что чубъ можно встрѣтить только у стариковъ, да и то больше правобережныхъ, т.-е. въ Киевской губерніи. Головы бреютъ только у дѣтей, оставляя у нихъ родъ чуба, „чуприну“; взрослые же стригутъ волосы въ кружокъ и скобку.

Пища у малоросса отличается значительнымъ разнообразіемъ и даже нѣкоторою изысканностью, хотя это конечно относится главнымъ образомъ къ праздничному столу. Любимымъ и наиболѣе употребляемымъ блюдомъ, какъ въ видѣ самостоятельнаго кушанья, такъ и въ видѣ приправы, является свиное сало. Рыбный столъ составляетъ тарань, селедка и соленая, а также вяленая рыба. Овощи, фрукты и лѣсныя ягоды играютъ весьма важную роль въ питаніи малоросса. Ихъ употребляютъ во всѣхъ видахъ — и въ качествѣ самостоятельнаго блюда, и въ соединеніи съ другими кушаньями. Изъ яицъ готовится „яэчня“ (яичница), въ вареномъ же видѣ они употребляются только въ Пасху (крашанки). Изъ кушаній большою любовью пользуются борщъ и „кулишъ“, каша изъ пшена на салѣ. Весьма любимое блюдо составляютъ „галушки“ — куски пшеничнаго, гречеваго или ржаного тѣста, варенаго въ горячей водѣ. Ихъ ѣдятъ или съ саломъ и „оліемъ“ (постнымъ масломъ) или въ квасу. Кромѣ галушекъ, пользуются не меньшею любовью „за-

тїрка“ изъ пшеничной муки съ яйцами и „вареники“ съ сырѣмъ (творогомъ), съ макомъ. Въ большіе праздники жарятъ свиное и баранье мясо, поросятъ, изготовляютъ колбасы, „кишки“, „кендохъ“ (свиной желудокъ съ начинкой) и т. д.

Изъ печеній, кромѣ хлѣба, пекутъ „пампушки“, пироги, „коржи“, „бублики“, а изъ гречневой муки еще „гречаники“ и „млинці“ (блины). На Пасху готовится „пасха“ (куличъ изъ пшеничной или крупичатой муки), а на свадьбу—коровай изъ пшеничной муки съ большимъ количествомъ украшеній. Лакомствомъ служатъ подсолнечныя и арбузные сѣмечки, а также отваръ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, сливъ и вишенъ, который носитъ названіе „узваръ“; послѣднее кушанье особенно употребительно при нѣкоторыхъ обрядахъ, напримѣръ, на свадьбѣ. Напитками служатъ: „сировець“ (квасъ изъ ржаныхъ отрубей), а также грушевый и яблочный квасъ. „Горілка“ (водка) у малороссовъ въ большомъ употребленіи: ее пьютъ не только мужчины, но и женщины. Весьма распространены также разныя наливки и настойки на водкѣ, какъ-то: „кусака“ (изъ перца, имбиря, кардамона), „запїкавка“ изъ всевозможныхъ пряностей и „варенуха“ изъ сушеныхъ фруктовъ. Въ послѣднее время значительное распространеніе получилъ чай.

Малороссъ не легко разстается со своими обычаями или заимствуетъ чужое. „Лучше свое лѣтане, чѣмъ чуже хѣпане“, говоритъ онъ, и даже въ настоящее время; въ связи съ этимъ стоитъ любовь къ самостоятельному хозяйству. „Добра спілка—чоловікъ та жінека“, говоритъ онъ, и спѣшитъ отдѣлиться, какъ только женится, и заводитъ свое хозяйство. Въ малорусской семьѣ женщина занимаетъ весьма высокое положеніе. Въ ея распоряженіе отдается все хозяйство, такъ какъ „безъ хозяина двіръ, безъ хозяйки хата плаче“. Превосходя энергіей и практичностью своего мужа, нерѣдко притомъ склоннаго къ чаркѣ, малороссіянка является обыкновенно главой семьи. Въ отличіе отъ великоросса, малороссы не признаютъ власти большака въ семьѣ, въ то же время малороссъ склоненъ къ всевозможнымъ товариществамъ, братствамъ, артелямъ.

Остатокъ прежнихъ братствъ представляетъ собою „парубоцтво“. Въ эту организацію можетъ вступить всякій хлопецъ, съ согласія родителей, по достиженіи 16—17 лѣтъ, если только его старшій братъ не состоитъ въ парубкахъ. Обрядъ принятія въ парубки, сопровождаемый непремѣнно магарычомъ, называется „коронуваніемъ“. Всѣ члены братства считаются равными „товарищами“, во время же общественныхъ работъ они выбираютъ себѣ „атамана“. Къ этимъ работамъ относится, напримѣръ, вырубка креста во льду въ Крещеніе и въ особенности колядованіе, о которомъ будетъ сказано ниже. Парубки непремѣнно имѣютъ нѣсколько ставниковъ и хорутвей. Общественное положеніе парубка очень высоко. Онъ можетъ на сходѣ заступать своего отца, а

также, въ случаѣ провинности, его не отдають на поруки отцу, но судить сельскій сходъ. Парубкамъ, наконецъ, принадлежитъ исключительное право посѣщать „музыки“, „улицы“ и „вечерницы“, играть роль бояръ на свадьбахъ.

Не менѣе интересенъ встрѣчающійся мѣстами обычай „понеделкованья“—празднованья понедѣльника. Въ мѣстностяхъ, гдѣ этотъ обычай распространенъ, родители невѣсты на сговорѣ выговариваютъ ей право пользоваться свободой въ понедѣльникъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этотъ день женщины работаютъ на себя или шьютъ приданое дочерямъ, въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ компанія замужнихъ женщинъ проводитъ понедѣльникъ въ корчмѣ.

Къ распространеннымъ формамъ общественныхъ союзовъ слѣдуетъ отнести еще обычай толоки — „помоги хлѣба святого збирати“ за одно угощеніе. Наконецъ, сюда же относятся общественные обѣды въ храмовые праздники, устраиваемые мѣстами на общій счетъ. При чемъ для завѣдыванія ими избираются особые братчики.

Чувство и воображеніе малоросса создали богатую поэзію и музыку: его поэтическая натура вылилась въ огромномъ количествѣ „думъ“, пѣсенъ, пословицъ, легендъ. Малорусскія „думы“ сильно отличаются отъ великорусскихъ былинь: въ нихъ, кромѣ историческаго повѣствованія, постоянно входятъ отступленія въ родѣ разставанія казака съ матерью или дѣвиной, страданій его въ татарской неволѣ, тоскѣ по своему дому и т. д. Въ настоящее время „думы“ уже не поются въ народной средѣ, а хранители ихъ, слѣпцы-кобзари, сошли со сцены. Вмѣсто кобзарей теперь по ярмаркамъ разъѣзжаютъ „лырники“, главнымъ образомъ поющіе пѣсни духовно-нравственнаго содержанія или сатирическія, на злобу дня. Какъ прежде кобзари, такъ теперь „лырники“ передаютъ свое искусство ученикамъ, обязаннымъ пробывать у нихъ въ наукѣ три года.

Малороссійская пѣсня прекрасна какъ по содержанію, такъ и по мелодіи. Участіе природы въ малорусскихъ пѣсняхъ сильнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ. Малороссійская пѣсня нераздѣльна отъ природы; она оживляетъ ее, дѣлаетъ участницей радостей и горя человѣческой души: травы, деревья, птицы, звѣри, небесныя свѣтила, утро, вечеръ, зной и снѣгъ — все дышитъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все отливается ему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Женщина въ малорусской поэзіи является существомъ духовно-прекраснымъ; нравственныя ея качества ставятся выше тѣлесной красоты. Къ пѣснямъ же относятся упомянутыя ниже „щедривки“ и „колядки“.

Лѣсъ, рѣка, прудъ, даже домъ населены, по мнѣнію малоросса, различными духами, — все это прежніе языческіе божки. Изъ общихъ съ великоруссами божковъ слѣдуетъ указать на „дідько“, соотвѣтствующаго

домовому, „лисуна“—лѣшаго. Значительное большинство духовъ у малороссовъ имѣеть чисто человѣческой характеръ. Во главѣ ихъ стоятъ чортъ, котораго малороссы рисуетъ въ нѣсколько комическомъ духѣ; онъ довольно простоватъ, почему человѣкъ его нерѣдко проводитъ.

Весьма сильно еще вѣрованіе въ вѣдьмъ. Последнія живутъ среди людей, такъ что въ каждой деревнѣ можно насчитать нѣсколько вѣдьмъ. Онѣ причиняютъ людямъ всевозможныя бѣдствія: доятъ по ночамъ коровъ, высасываютъ кровь у дѣвушекъ, посылаютъ болѣзни, засуху, градъ, дѣлаютъ въ нивѣ изъ соломы закрутки, развязать которыя безнаказанно можетъ только знахарь. Нерѣдко вѣдьмы утаскиваютъ еще некрещеныхъ младенцевъ, замѣняя ихъ своимъ дѣтищемъ — „одминою“. Одмина отличается уродливостью и прожорствомъ, долго не ходитъ и не говоритъ. Чтобы увидѣть вѣдьмъ, нужно кусокъ сыра носить въ узелкѣ въ продолженіе Великаго поста и развязать узелъ во время заутрени, или въ то же время посмотрѣть въ дырку въ доскѣ отъ гроба мертваго.

Кромѣ вѣдьмъ, среди людей нерѣдко живетъ „упырь“, причиняя имъ тоже рядъ бѣдствій; впрочемъ, чаще упыремъ считаютъ блуждающаго мертвеца.

Рѣки, по понятію малоросса, населены русалками, въ которыхъ превращаются дѣвушки-утопленницы. Онѣ выходятъ на землю и своимъ пѣніемъ завлекаютъ людей, а потомъ щекочутъ до смерти. Съ русалками сходны „мавки“—это души дѣтей, умершихъ некрещеными. Ихъ представляютъ или дѣтьми или дѣвушками съ длинными волосами, въ длинныхъ сорочкахъ. Русалки и мавки особенно опасны въ Троицкую зеленую недѣлю, такъ какъ Троицынъ четвергъ—это „мавскій великъ день“. Въ эти дни дѣвушки не купаются, „щобъ мавки не залоскотали“. Хорошимъ средствомъ противъ русалокъ считается полынь, которую влетаютъ въ вѣнки или носятъ подъ мышками. Души умершихъ тоже въ извѣстные дни покидаютъ кладбище. Такъ, Свѣтлый четвергъ считается Пасхой мертвецовъ; они покидаютъ гробы и идутъ въ церковь на заутреню. Наконецъ, даже неодушевленная природа иногда одухотворяется. Напримѣръ, въ ночь на Ивана-Купала деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и ведутъ разговоры. Въ эту ночь всѣ травы и роса на нихъ приобрѣтаютъ цѣлебную силу, а также цвѣтетъ папоротникъ, „кочедыжникъ“, который нужно рвать съ особыми приемами. Обладатель папоротника легко можетъ найти кладъ. Среди такого множества духовъ человѣку пришлось бы плохо, если бы у него не было знахарей, знающихъ злыя продѣлки нечистой силы и умѣющихъ съ ней справляться. Напротивъ, чарівникъ, а еще чаще чарівница пользуются своимъ знаніемъ во вредъ людямъ, посылая на нихъ порчу или сглазъ.

Для развлечения молодежи у малороссовъ служатъ главнымъ образомъ „вічорницы“, и „досвитки“. Начинаются онѣ по окончаніи поле-

выхъ работъ и продолжаются до масленицы, когда увеселенія происходятъ на открытомъ воздухѣ, и называются „вулиці“. Мѣстомъ вечерницъ служитъ хата бездѣтной вдовы или малосемейнаго хозяина. Сюда приходятъ дѣвушки съ работой и прялками, а затѣмъ парубки „побалакать, та пошутковати зъ дівчатами“. Начинаются пѣсни, шутки, смѣхъ, угощеніе. Кромѣ этихъ увеселеній, по праздникамъ бываютъ разные игрища.

Годовые праздники приурочены къ борьбѣ тьмы со свѣтомъ, холода съ тепломъ и заключаютъ много остатковъ язычества, хотя и измѣненныхъ христіанствомъ. Зимнему солнцевороту соотвѣтствуютъ рождественскіе праздники.

Съ вечера 24 декабря начинается колядованье. Отправляясь колядовать, парубки во главѣ съ атаманомъ, называемымъ „березой“, идутъ благословиться къ священнику и берутъ у церковнаго старосты колокольчикъ. Кромѣ небольшой части, идущей на пропитаніе товарищей во время колядованья, вся остальная выручка поступаетъ въ церковь. Ряженая молодежь съ бумажными фонарями, иногда вертящейся звѣздой, называемой вертепомъ, ходитъ по домамъ чествовать хозяевъ въ особыхъ пѣсняхъ—„колядкахъ“. Одинъ изъ ряженыхъ непременно одѣвается козой, которая пляшетъ подъ музыку.

Вотъ примѣръ такой колядки:

А въ пана Павла да на его дворі—
Радуйся да радуйся, земле—
Синь Божій народився.
Да виросло дерево тонко да високо,
Тонке да високе, ще и листомъ широке.
А на тому дриве да намалевано,
А намалевано три святителі;
Що первый святитель—свiate Рождество,
Другій святитель—тожь святій Василій,
А третій святитель—тожь Иванъ Христитель.
Ой вчинь воду святить, да й насъ на світь пустить.

Подобныя колядкамъ чествованія, только приноровленныя къ кануну новаго года, называются „щедриками“. Онѣ заключаютъ въ себѣ тоже поздравленія и пожеланія „щедраго“, богатаго года. Примѣръ „щедрилки“:

Васильева мати
Пошла щедровати,
Край стола стала,
Чесній хрестъ держала,
Золотую кадильницю,
Срібную папірницю.
— Христитесь люде,
До васъ Христось буде,
Богу свічу ставьте
А намъ пирігъ дайте.

Въ щедривкахъ большое участіе принимаютъ дѣти. Вступая въ новый годъ, земледѣлецъ начинаетъ подумывать о посѣвѣ и гадать объ урожаѣ. Въ день новаго года мальчики ходятъ по хатамъ „засѣвать“, т. е., подражая посѣву, бросаютъ зерна. Зерна эти хранятъ до посѣва.

Въ празднованіи масленицы наблюдается тоже много языческихъ пережитковъ. Въ понедѣльникъ бабы собираются пеленать новорожденную „колодку“ (полѣно), во вторникъ справляютъ крестины; затѣмъ въ пятницу она умираетъ, а въ воскресенье молодежь „волочитъ колодку“.

Съ Пасхи начинаются уже весенніе праздники. Молодежь устраиваетъ хороводы и игры; наканунѣ Юрьева дня (22 апрѣля) справляется праздникъ „Ляля“, или „Красная горка“. Избравъ наиболѣе красивую изъ своей среды, которая изображаетъ „Лялю“, дѣвушки украшаютъ ее зеленью и водятъ вокругъ нея хороводы. Ляля раздаетъ имъ вѣнки, а также сыръ и масло.

Лѣтній солнцеворотъ совпадаетъ съ празднованіемъ „Купалы“ или „Марены“. Наканунѣ 24 іюня дѣлаютъ два чучела—Марены и Купалы, убираютъ ихъ лентами и цвѣтами и водятъ кругомъ хороводы (а также прыгаютъ черезъ костры). Затѣмъ Марену разламываютъ на куски и кладутъ послѣдніе въ огородъ, отъ чего должны хорошо расти огурцы.

На праздникахъ обыкновенно происходятъ гаданья. Излюбленными днями послѣднихъ считаютъ Андреевъ (30 ноября) и канунъ новаго года. Въ Андреевъ день дѣвушки варятъ кашу изъ пшена и мака и по очереди лазятъ на ворота, приговаривая: „доля, ходи до насъ вечеряти“, и доля должна явиться. Въ полночь трижды обходятъ вокругъ хаты, разсѣвая конопляное сѣмя, при чемъ говорятъ:

Андрію, Андрію,
Я на тебе коноплю сію,
А запаскою волочу,
Бо я замужъ хочу...

Суженый ночью придетъ дергать коноплю. Наканунѣ новаго года дѣвушки ѣдятъ соленое, чтобы ночью подаль суженый напитокъ, или прячутъ для него половину коржика подъ подушку. Устраиваютъ также на тарелкѣ мостикъ, по которому придетъ перевести суженый. Вечеромъ слушаютъ подъ окномъ, опредѣляютъ мѣстопробываніе будущаго жениха по лаю собакъ или эху, спрашиваютъ имя у встрѣчнаго, кидаютъ сапогъ за ворота, наблюдая, куда придется онъ носкомъ или пяткой, и т. п. Нерѣдко пекутъ еще „балабушки“ и, разбросавъ по полу, наблюдаютъ, которую раньше возьметъ собака. Распространено также гаданье по числу зеренъ или полѣнцевъ, взятыхъ на удачу. На занятіе мужа указываютъ закрытые предметы, которые дѣвушки вытаскиваютъ: такъ, ковшъ означаетъ водоноса, уголь — трубочиста, кораллъ сулить

монастырь. Опредѣлить характеръ суженаго можно также, наблюдая, крутится или нѣтъ опущенная въ воду нитка, выберетъ пѣтухъ зерно или воду, въ какомъ случаѣ мужъ будетъ пьяница. Весьма интересны гаданья на Купалу. Молодежь парами перепрыгиваетъ черезъ костеръ: если руки не разойдутся или за прыгающими послѣдуетъ искра, то это служить признакомъ, что они поженятся. На воду пускаютъ вѣнокъ со свѣчей; если послѣдняя потухнетъ, то дѣвушка не выйдетъ замужъ. Въ этотъ день избираютъ самую красивую дѣвицу, называемую „Купайло“, и, завязавъ ей глаза, устраиваютъ вокругъ хороводъ. Купайло на удачу раздастъ дѣвушкамъ вѣнки; кому попадется увядшій вѣнокъ, ту ожидаетъ несчастное замужество, а свѣжій—счастливое.

Свадебная обрядность въ Малороссіи настолько срослась съ народною жизнью, что безъ нея, безъ „весілля“, вѣнчаніе считается недѣйствительнымъ. Какъ дѣвушки, такъ и парубки пользуются всегда полной свободой выбора; родители ограничиваютъ свое участіе только совѣтомъ да вывѣдываніемъ, что говорятъ объ избираемомъ сосѣди, такъ какъ пословица говоритъ: „выбірай себѣ жинку не глазами, а ушами“. Главными дѣйствующими лицами свадебнаго обряда бывають дружка и его двое старость — сватовъ, непременно людей пожилыхъ и „балакучихъ“ (рѣчистыхъ), затѣмъ „бояре“ изъ парубковъ; со стороны невѣсты важную роль играютъ дружки—подруги невѣсты.

Первымъ рѣшающимъ обрядомъ является „сватанья“. Въ случаѣ согласія сваты получаютъ рупники, а несогласіе иногда выражается поднесеніемъ „гарбуза“ (тыквы). Впрочемъ, этотъ обычай выходитъ изъ употребленія и сохраняется только выраженіе „гарбузъ прыкотыти“, т.-е. отказать. Иногда родители невѣсты, до окончательнаго соглашенія, идутъ въ домъ жениха на „разглядны“ — осматривать его хозяйство. Окончательное соглашеніе происходитъ на „сговоринахъ“, сопровождаемыхъ пирушкой, во время которой условливаются насчетъ подарковъ. За день до вѣнчанья, которое обыкновенно происходитъ въ воскресенье, практикуется обрядовое печенье коровая въ домѣ невѣсты и жениха. Совершается это замужними женщинами и дѣвицами и сопровождается особыми пѣснями. Наканунѣ вѣнчанія у невѣсты и у жениха, а иногда только у жениха „вьютъ вильце“, т.-е. украшаютъ цвѣтами и лентами вѣтвь дерева. Невѣста въ сопровожденіи дѣвчатъ, а женихъ съ боярами ходятъ звать сосѣдей „на весілля“ обыкновенно въ такой формѣ: „просить батько й мати и я прошу“. Вечеромъ у невѣсты бываетъ „дівичъ-вечоръ“. Въ воскресенье передъ отъѣздомъ на свадьбу невѣстѣ расплетаютъ косу, иногда же это дѣлается и въ церкви. Выѣздъ на свадьбу сопровождается рядомъ языческихъ обрядовъ, какъ-то: осыпаньемъ молодыхъ зерномъ и хмелемъ, цѣлованіемъ на порогѣ дружекъ, несущихъ свѣчи, символическимъ крестомъ нагайкой, который дѣлаетъ

въ дверяхъ дружка, и такъ далѣе. Во время вѣнчанія надъ женихомъ держитъ вѣнецъ старшій „бояринъ“, надъ невѣстой—старшая дружка. Затѣмъ прїѣздъ молодого за женой сопровождается обычными выкупами входа къ ней и мѣста возлѣ нея у брата. Вѣздъ новобрачныхъ въ домъ жениха сопровождается рядомъ обрядовъ, очищающихъ отъ глаза, какъ-то: обрызгиваніемъ водой, проѣздомъ черезъ костеръ и т. п. Сва-

Крестьяне Подольской губерніи.

дебныя пиршества заканчиваются обѣдами у близкихъ родственниковъ, которые непременно дарятъ молодой скотъ или домашнихъ птицъ, или какіе-либо другіе хозяйственные предметы.

Родины и крестины сопровождаются тоже немалымъ количествомъ обрядовъ и примѣтъ. Такъ, вихрь „чертова весіллѣ“, пронесшійся во время рожденія ребенка, предвѣщаетъ, что онъ будетъ калѣкой. Новорожденного необходимо класть въ черной или красной запаскѣ, чтобы не присталъ къ нему дьяволъ, и нельзя класть сзади матери, а то вѣдьма его подмѣнитъ „одміною“. Черезъ 1 — 2 дня послѣ крестинъ происходятъ „злив-

ки“ — обрядовое омовеніе бабки и родильницы водой съ травами, при чемъ произносятся заклинаніе въ родѣ слѣдующаго: „святая вода оліяно, очищае луги и береги, коріння и каміння; очисти, Господи, душу и тѣло породілли“. Затѣмъ бабка „загоняетъ ребенка въ рай“, для чего носитъ вокругъ стола, вода за руку его мать.

Не лишены обрядовъ и похороны. Когда кто-нибудь умретъ, то на окно ставятъ стаканъ съ водою, чтобы душа, навѣщающая домъ, могла

омыться. Ночью у трупа собираются женщины „стерегти душу“, которая въ видѣ мухи жужжитъ и пьетъ воду, а также, чтобы „чертыка не зробивъ якої пакості“ надъ мертвымъ. Гробъ готовятъ сосѣди бесплатно, за угощеніе, при чемъ щепки отъ гроба тщательно собираютъ и выносятъ за ворота. Выносятъ покойника ногами впередъ, чтобы не вернулся; при этомъ родственницы непременно должны голосить и т. п. Особенно трогательны похороны дѣвушки. Ее наряжаютъ въ подвѣчное платье, и при похоронахъ соблюдаются обряды, похожіе на свадьбу: дружки получаютъ черныя ленты на крестъ, который несутъ впереди, повязываютъ рушникъ, приготовленный невѣстой для жениха. Все приданое покойной раздаютъ ей подругамъ. По возвращеніи съ похоронъ необходимо прикоснуться къ печкѣ. Въ этотъ день ѣдятъ „кутю“ и поминальный обѣдъ.

П о л т а в щ и н а.

(А. Краснова.)

Если вы развернете передъ собою подробную карту Полтавской губерніи, вы увидите, что она представляетъ покатость, постепенно понижающуюся къ р. Днѣпру; слѣдуя этой покатости, къ Днѣпру устремляются главные его полтавскіе притоки: Сула, Ворскла, Пселъ и Орель. Рѣки эти не только глубоко врѣзаются въ ровную степь, которую представляетъ страна, но за долгую жизнь свою онѣ расширили, углубили и измѣнили многократно направленія руслъ своихъ, создавъ широкія рѣчныя долины.

Ихъ правый берегъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ (когда Пселъ составляетъ исключеніе) высокъ и крутъ. Онъ образуетъ въ однихъ мѣстахъ обрывы или яры, въ другихъ отрѣзанъ глубокими оврагами, часто вѣтвящимися, часто превращающимися въ рѣчныя долины и притоки или переходящими въ балки. Встрѣчаясь другъ съ другомъ вершинами, они кое-гдѣ раздѣляютъ правобережье на отдѣльные холмы.

Лѣвый берегъ, напротивъ, обыкновенно низменъ и пологъ. Во время водополья рѣка широко по нему разливается, образуя обширную пойму, которая по спадѣ воды превращается въ прекрасные покосные луга, лишь въ нижнемъ теченіи рѣкъ чаще и чаще прерываемые солонцами. На этихъ поемныхъ лугахъ, на которыхъ здѣсь и тамъ раскиданы лѣвады, растутъ на болотистыхъ низинахъ группы ольхъ, ближе къ рѣкѣ, на песчаномъ побережьѣ — нѣжные бѣлые тополи, осокори и ивы, или на болѣе возвышенныхъ буграхъ — чернолѣсье, да здѣсь и тамъ сверкаютъ площади озеръ, этихъ Пселчуковъ, старыхъ Ворсклъ или Сулъ, иначе говоря, остатки руслъ, покинутыхъ имѣвшей нѣкогда иное теченіе рѣкой. Надъ этой луговой областью возвышается второй, болѣе возвышенный берегъ. По высотѣ ему далеко до правого, и иногда совершенно не-

замѣтно переѣзжасшь съ луговой области на эту вторую рѣчную террасу. Только характеръ почвы тотчасъ же выдастъ ее. Въмѣсто слоистыхъ осадковъ рѣчного наноса вы вступате въ область песковъ, нерѣдко бугристыхъ, еще и теперь во многихъ мѣстахъ свободно раздуваемыхъ вѣтромъ; онъ сгоняетъ ихъ часто правильными грядами, дюнами и, сгоняя съ области ихъ древняго развитія, гонитъ на болѣе возвышенную черноземную степь, засыная на ней поля, превращая плодородныя пашни въ безплодныя дюны. Правительство и земство и, наконецъ, самъ народъ сознали вредъ этихъ песковъ. Теперь стремятся не допустить ихъ подняться на степь, столь же ровню и незамѣтно, въ видѣ третьей террасы, поднимающуюся надъ песками, какъ эти послѣдніе повышаются надъ поймою. Ихъ засаживаютъ красною вербою—растеніемъ, которое одновременно и сдерживаетъ песокъ, и даетъ матеріалъ для корзиннаго плетенія, для изгородей и другихъ подѣлокъ позволяя извлекать хоть нѣкоторый доходъ съ безплодной и вредной территоріи. Но вредною се сдѣлалъ самъ человѣкъ.

Нѣкогда долина не представляла изъ себя сыпучаго песка. На ней возвышались стройные сосновые боры, эти послѣдніе отголоски тѣхъ роскошныхъ лѣсовъ, которые вы встрѣчаете сѣвернѣе подъ Кіевомъ и въ орловскомъ полѣсьи. Въ лѣсахъ этихъ когда-то красовалась и боровая флора съ ея верескомъ, черникою, грушанками, разными лишайниками и другими сѣверными спутниками сосны. Но уже въ историческое время человѣкъ свелъ и уничтожилъ эти лѣса.

Обыкновенно тамъ, гдѣ песокъ не превратился въ дюны и кучугуры, онъ поросъ молочаемъ и чебрецомъ (*Thymus Serpyllum*), да немногими другими неприхотливыми степными песчаными растеніями. Кое-гдѣ пробуютъ, и не безъ успѣха, разводить вновь нѣкогда истребленную сосну. Но сосновыя насажденія эти не имѣютъ и слѣда поэзіи бывшихъ боровъ. Какъ солдаты, стоятъ насаженныя рядами деревья. Песчаную почву, съ которой собираистъ хвою, не одѣваютъ болѣе ни мохъ, ни другія боровыя травы, и даже старый лѣсъ имѣетъ видъ какой-то плантаціи, а не бора. Къ сожалѣнію, однако и эти полезныя насажденія, въ сравненіи съ площадью песковъ, составляютъ еще ничтожныя крапины.

Итакъ, въ общемъ лѣвобережья полтавскихъ рѣкъ голы, обнажены, представляютъ мѣстамп маленькія Сахары и постепенно выводятъ васъ на такую же голую и однообразную черноземную степь междурѣчнаго пространства. Такимъ образомъ они представляютъ полную противоположность правобережью.

Высокій, нерѣдко живописно изрѣзанннй оврагами и обрывами, издалека видный берегъ выгодно отличается отъ лѣваго обліемъ зелени, обліемъ лѣса. Лѣсъ здѣсь обязательно лиственный, пышный. До самаго поемнаго луга спускается онъ по откосамъ берега и наверху тянется

иногда на несколько верстъ въ глубь междурѣчнаго пространства. На хорошей картѣ лѣсовъ явственно видно, какъ эти лѣса сопровождаютъ правобережья рѣкъ широкою лентою, и самыя высокія части губерніи, а слѣдовательно, казалось бы, самыя сухія, заняты здѣсь лѣсами.

Здѣсь, оттаивая рано, почва впитываетъ въ себя значительныя массы текущей со степи воды, она смачивается глубже. Здѣсь солнце и вѣтеръ не такъ сушатъ землю, какъ въ открытой степи. Здѣсь удобнѣе поселиться дереву, а разъ выросъ лѣсъ, онъ уже самъ умѣетъ сохранить себѣ влагу. Корни деревьевъ разрыхляютъ почву, дебри лѣсного кустарника не позволяютъ холодному осеннему вѣтру заморозить ея верхній слой. Но и здѣсь человѣкъ вырубилъ громадныя пространства лѣсовъ, сведя ихъ до размѣровъ скромныхъ островковъ.

Однако и эти немногіе островки могутъ очаровать, особенно весною, особенно въ маѣ, попавшаго сюда сѣверянина. Полтавскіе листовные лѣса отличаются особенною пышностью. Тамъ, гдѣ въ старинныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ рука дровосѣка пощадила растительныхъ ветерановъ, дубы въ нѣсколько обхватовъ достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Такіе колоссы, на примѣръ, возвышаются еще въ имѣніи князя Кочубей — Диканькѣ. Дубы, липы, клены, ясени, бересты, во многихъ мѣстахъ грабы образуютъ густой шатеръ, подпираемый мощными стволами. Подъ его сѣнью, составляя какъ бы второй ярусъ листвы, развиваются кустарники орѣшника, двухъ породъ бересклета, смѣняющіеся шиповникомъ на опушкахъ. Подъ ними, особенно раннею весною, когда лѣсъ еще не одѣлся листвою, почва пестрѣетъ нѣжными лѣсными цвѣтами. Этого изящнаго ковра не знаютъ унылые и однообразныя хвойныя лѣса нашего сѣвера. За толстенькими цвѣточками чистяка (*Ficaria ranunculoides*) и синими кистями пролѣски (*Scilla*), этихъ раннихъ вѣстниковъ весны, которые вмѣстѣ съ гусинымъ лукомъ (*Gagea*) послѣ первыхъ же теплыхъ дней выглядываютъ изъ земли, слѣдуютъ ландышъ, соломонова печать (*Polygatum*), медуница, бѣлая звѣздчатка (*Stellaria holostea*), фіалки и многое множество другихъ цвѣточковъ съ нѣжною листвою и изящными вѣнчиками, придающихъ распускающемуся лѣсу чисто праздничное убранство.

Въ этомъ разукрашенномъ чертогѣ и денно и ночью заливается хоръ пѣвчихъ птицъ. Нигдѣ въ мірѣ не приходилось мнѣ слышать такого изобилія пернатыхъ пѣвцовъ, какъ въ нашемъ чернолѣсѣ. Здѣсь днемъ стоитъ несмолкаемый хоръ, гдѣ не успѣваетъ кончить свою мелодію одна пернатая пташка, какъ ее подхватываетъ другая; чаще же пѣніе ихъ сливается въ тріо или квинтетъ разнородныхъ пѣсенъ. Не успѣетъ наступить вечеръ, какъ на смѣну имъ являются десятками соловьи. Всю ночь слышатся ихъ несмолкаемыя трели, шелканье и переливы. Вы не

только не прислушиваетесь къ нимъ, но они не дадутъ вамъ спать если вы не запрете плотно ставней и оконъ вашей спальни.

Чуденъ бываетъ видъ въ это время года для тѣхъ, кто расположится подъ сѣнью такой распускающейся дубравы, на одномъ изъ высокихъ рѣчныхъ береговъ. Спокойной, извилистой лентой разстилается тогда подъ его ногами серебристая рѣчка, только что вошедшая въ берега свои, оставивъ на изумрудныхъ лугахъ многочисленныя лужи, — озера, то круглыя, то проголковатыя, то скрученныя, за которыми, какъ иная чуждая по природѣ своей сторона, виднѣются желтые волнистые пески съ разсѣянными пятнами боровъ. Солнце сильнѣе нагрѣваетъ ихъ, чѣмъ окрестныя почвы. Воздухъ дрожитъ, поднимаясь надъ этою зарѣчною Сахарой. И въ его дрожащей атмосферѣ неясною, темною линіей вырисовывается третья терраса рѣки, — эта распаханная черноземная степь, откуда въ былыя времена грозили нашествіями своими кочевые народы, теперь же медленно движется обозъ съ хлѣбомъ или соломою.

Среди этой-то мирной обстановки рѣчной долины и ютятся главные города и селенія Малороссіи.

Здѣсь по высокому и крутому берегу рѣки большими или меньшими группами ютятся бѣленькія съ соломенными крышами хатки, тонущія въ зелени засыпанныхъ цвѣтами вишневыхъ садовъ или подъ раскидистыми деревьями яблонь и грушъ. Чѣмъ меньше селеніе, тѣмъ живописнѣе и поэтичнѣе послѣднее. Большія села съ ихъ широкими пыльными улицами менѣе привлекательны. Въ нихъ меньше зелени и больше грязи. Они больше смахиваютъ на здѣшніе уѣздные городки. Но эти послѣдніе въ Малороссіи зато, въ свою очередь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо походятъ на села. Они также тонутъ въ садахъ, ихъ жизнь также тиха и патріархальна. Они также лѣпятся по высокому правому берегу рѣки, спускаясь внизъ до поемнаго луга и лѣпясь иногда почти по отвѣснымъ кручамъ. Многочисленныя церкви въ центральныхъ частяхъ придаютъ панорамѣ особенную живописность.

Главная масса населенія Полтавщины стянулась къ этимъ берегамъ рѣки. По рѣкамъ оно сюда расселялось, въ рѣчныхъ долинахъ имѣетъ оно свою колыбель. Здѣсь, среди этой мягкой, нѣжной природы, въ виду этихъ широкихъ панорамъ съ вѣтряками на горизонтѣ, въ этой влажной, парящей и изнѣживающей атмосферѣ пригрѣтой лѣтнимъ солнцемъ долины, среди хоровъ пѣвчихъ птицъ окаймляющихъ ее лѣсовъ, проводить свое дѣтство малороссъ.

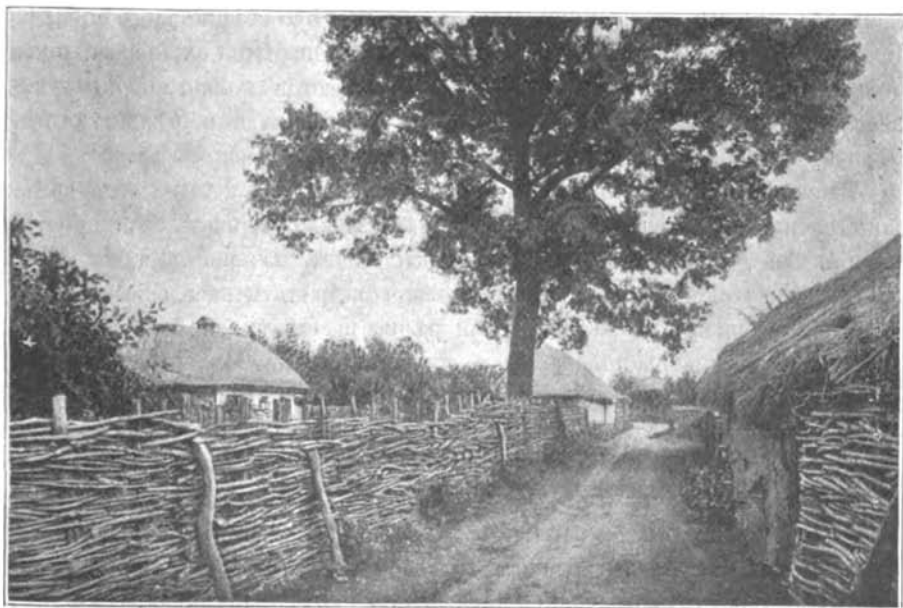
Эта природа вдохнула въ него и мягкость характера, и лѣнь, и грустную мечтательность, и любовь къ пѣснѣ, которою душа человѣка стремится отвѣтить или, вѣрнѣе, вторить поющей вокругъ нея природѣ.

Посѣтимъ одно изъ такихъ раскинувшихся гдѣ-нибудь на берегу Ворсклы или Псела селъ, чтобы провести тамъ на лонѣ природы день или

два. Выберемъ разгаръ лѣта, жаркій юльскій день, и посмотримъ, что представляетъ изъ себя въ такое время малороссійское село.

Если вы отправитесь по нему среди дня, врядъ ли что интересное представится вашему взору. Лѣтомъ югъ Россіи—настоящій югъ. Его температура—температура тропиковъ, и какъ подь тропиками, солнце не другъ, а врагъ человѣка.

Идя по пыльной улицѣ, вы идете какъ въ вымершемъ селеніи. Окна хатъ плотно закрыты ставнями. Тотъ, кто въ полѣ, тотъ работаетъ; кто дома, тотъ спитъ и спитъ во тьмѣ кромѣшной. Мы, жители сѣвера, не избалованы свѣтомъ. Мы его любимъ и не бѣжимъ его. Петербуржецъ

Улица въ малороссійской деревнѣ.

сладко спать въ своей постели во время бѣлыхъ ночей сѣвернаго лѣта завѣсивъ окно свое легкою шторою. Напротивъ, малороссъ при этихъ условіяхъ будетъ страдать бессонницей. Чтобы спать, онъ устраиваетъ въ хатѣ своей полную тьму. Последняя здѣсь необходима, впрочемъ, не только ради спокойствія отъ свѣта, но и отъ мухъ. Почва, глубоко загрязненная и на улицѣ и на дворѣ навозомъ, является источникомъ для размноженія мириадъ мухъ, здѣсь немного только менѣе обильныхъ, чѣмъ комары въ болотахъ сѣвера, и эти назойливыя двукрылыя не дадутъ усталому человѣку ни минуты покоя, если онъ не защититъ себя отъ нихъ полнѣйшею темнотою.

Улицы въ дневные часы будничнаго дня не интересны. Большинство

малороссійскихъ хатъ, въ противоположность русскимъ избамъ, не любятъ смотрѣть окнами на улицу. Ихъ окна—въ садъ, во дворъ, и если даже и смотрятъ на улицу, то отгорожены отъ нея высокимъ плетнемъ. Малороссъ всѣми силами старается изолировать себя отъ окружающей жизни. Ему не хочется, чтобы его баба смотрѣла безъ толку на улицу или съ улицы кто-либо заглядывалъ въ его хату. Отрѣзанные отъ улицы плетнями дома съ ихъ закрытыми ставнями оставляютъ васъ на пустой пыльной улицѣ одинокимъ въ обществѣ спящихъ или дремлющихъ, а потому болѣе спокойныхъ чѣмъ гдѣ-либо, собакъ.

Собаки—это одинъ изъ типичнѣйшихъ и характернѣйшихъ атрибутовъ малороссійской деревни. Малороссъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы думать объ охранѣ своего имущества, и онъ всецѣло ввѣряетъ его собакъ. Большая волкоподобная животная эти не ограничиваются охраною однихъ только стадъ или ночью сторожею, но являются полновластными хозяевами всего селенія. Потому-то сами жители никуда не рѣшаются выходить безъ палки; батога—необходимый спутникъ малоросса.

Утомленная полуденнымъ жаромъ собаки сняты, и это—тотъ часъ, когда воры и поджигатели могутъ безнаказанно совершать свои преступления. Сойдемъ по сельской улицѣ къ рѣчкѣ, къ мосту, такъ какъ здѣсь слышатся голоса, здѣсь мы можемъ встрѣтить населеніе.

Дѣйствительно, въ лѣтнее время рѣчка всегда привлекаетъ къ себѣ народъ. Тутъ теперь полощется и старый и малый. Малороссійское населеніе значительную часть года совершенно не моется. Лѣтомъ, когда полураздѣтаго рабочаго обдають еще столбы пыли, грязь становится нестерпимою, и онъ, какъ только становится возможно, стремится омыться въ рѣчкѣ. Въ жаркіе лѣтніе дни всякій проѣзжающій не преминетъ остановиться и выкупаться въ ея водахъ—и старый и малый. Деревенская же молодежь постоянно полощется въ водѣ.

Но не одно только купанье привлекаетъ сюда крестьянина. На мосту, передъ закатомъ солнца или въ ясные лунные вечера, собирается молодежь для пѣнія, и это одно изъ лучшихъ впечатлѣній и воспоминаній, какое можетъ вынести пріѣзжій о Малороссіи, если онъ проведетъ нѣсколько часовъ такого деревенскаго вечера у рѣчки. Синевя неба, обусловленная прозрачностью сухого воздуха, вызываетъ болѣе яркій блескъ солнца днемъ и бываетъ причиною не меньшей яркости ночного свѣтила—луны. Во время полнолунія особенно луна кажется здѣсь и больше и свѣтлѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Ея свѣтъ буквально заливаетъ всѣ предметы.

Трепетный свѣтъ ночного свѣтила особенно эффектно освѣщаетъ бѣлыя хатки, высокіе пирамидальные тополи, выдѣляющіеся на небѣ, на которомъ луна не можетъ затмить блеска звѣздъ, а ветлы и груши осокорей на рѣчной поймѣ пріобрѣтаютъ какія-то особенныя, причудливыя очертанія. Какъ въ Африкѣ, какъ въ Италіи, такъ и здѣсь

въ сухомъ, напоенномъ ароматомъ сѣна воздухъ звукъ разносится далеко. Стрекотанье кузнечиковъ сливается въ общій гулъ. И какъ въ выше-названныхъ странахъ, и человекъ вторитъ природѣ по преимуществу ночью. Если послушать собирающихся у моста парубковъ, любящихъ расхаживать съ дивчинами послѣ полевыхъ работъ вечеромъ по селу, можно услышать и хоры и солистовъ въ обстановкѣ и въ исполненіи, много лучшемъ, чѣмъ то, что приходится за деньги слушать въ душныхъ театральныхъ залахъ.

Кто не знаетъ прелести малороссійскихъ пѣсенъ?

Въ средней Россіи часовъ въ десять все уже погружено въ сонъ; деревня кажется вымершею; хотя полнолуіе, но луна свѣтитъ какъ-то тускло; она мало манитъ со двора, и не много находится людей, которые, выйдя за ворота, садутъ на заваленку для мирной бесѣды или созерцанія погруженной въ покой природы. Въ Малороссіи теперь-то улица, столь мертвая днемъ, и кишитъ народомъ. Все поетъ, все говоритъ почти до полуночи. Удивляешься, когда будутъ спать эти люди, работавшіе такъ много днемъ, — люди, у которыхъ такъ рано поутру идетъ опять тяжелый трудъ!

Чудны звуки малороссійской пѣсни въ тихій лѣтній вечеръ, далеко разносящіеся надъ рѣкой, но не вездѣ въ Малороссіи услышите вы ихъ.

Народъ малороссійскій далеко не однороденъ по происхожденію своему и по составу. Въ одной и той же Полтавщинѣ вы находите села съ народомъ высокимъ и темноволосымъ, съ пѣснями, полными гармоніи и поэзіи, и селенія съ бѣлокурными и некрасивыми типами, гдѣ пѣсни, особенно женскія, напоминаютъ вой какихъ-то животныхъ, а не пѣніе людей. Поэтому тотъ, кто хочетъ слышать хорошія малороссійскія пѣсни, не вездѣ ихъ услышитъ. Ихъ, какъ и все хорошее, нужно искать. Но нашедшій будетъ вознагражденъ за свои поиски.

Если рѣка и ея берега привлекаютъ къ себѣ население деревни въ различные часы дня и ночи, то того же я не могу сказать о самой поймѣ съ ея левадами. Сѣнокосъ здѣсь рѣдко представляетъ ту веселую и оживленную картину, какъ въ Великороссіи; рѣдко онъ сопровождается тѣми пѣснями и криками, какъ въ Россіи. Великороссъ не можетъ работать безъ разговоровъ, безъ шутокъ, такъ, чтобы постоянно не перебрасываться словами; пѣсня часто сопровождаетъ общую работу. Хохоль работаетъ медленно, часто интенсивнѣе, но молча. Бѣлыя рубахи косарей не выдаются такъ на зеленомъ лугу, какъ красныя и пестрыя рубахи русскаго рабочаго, и самая косьба не имѣетъ праздничнаго вида, хотя луга здѣшнихъ долинъ часто не менѣе нашихъ.

Сѣнокосъ здѣсь наступаетъ ранѣе, чѣмъ въ Россіи. Прїѣзжая съ сѣвера, видишь на лугахъ по большей части знакомыя луговыя и болотныя травы. Растительность, пробужденная раннимъ весеннимъ тепломъ,

рано трогается въ ростъ, и то, что мы видимъ на сѣверѣ въ юль, здѣсь уже готово въ концѣ мая.

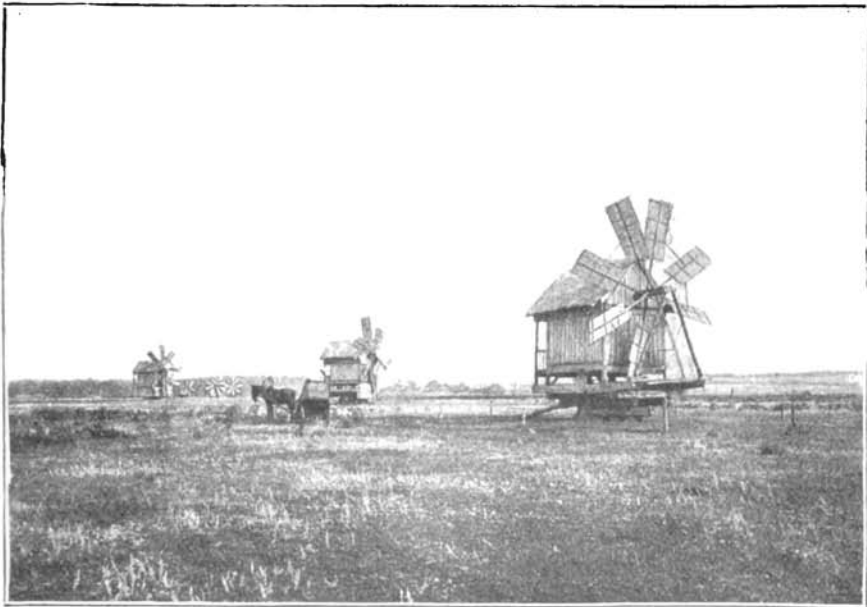
Затѣмъ наступаетъ лѣто жаркое, но не настолько, чтобы во всякой поймѣ солнце могло спалить и сжечь растительность, какъ оно то дѣлаетъ въ степяхъ.

Средина лѣта—это какой-то застой въ растительной жизни. Все, все, кажется, засыпаетъ вокругъ. Травы и деревья не производятъ новыхъ цвѣтовъ; самая рѣка, небыстрая весною, теперь совершенно засыпаетъ. Чѣмъ ближе къ Днѣпру и широкой ровной низинѣ, въ которой течетъ рѣка эта, тѣмъ медленнѣе теченіе его притоковъ. Мелкія рѣчки почти не двигаютъ здѣсь воду своихъ. Не даромъ народъ прозвалъ ихъ „мертвоводами“^a. Но и теченіе притоковъ болѣе значительныхъ медленно и лѣнливо: Ворскла, Пселъ, даже отчасти Сула еще сравнительно живыя рѣчки края. Область мертвоводовъ вы встрѣчаете ближе къ Днѣпру, ближе къ той обширной и ровной низинѣ, по которой катятъ воды свои эта большая рѣка. Здѣсь теченіе большихъ притоковъ его дѣйствительно засыпаетъ, умираетъ. Кажется, что мы имѣемъ дѣло съ длинными зарастающими озерами-болотами, а не притоками-рѣчками. Вода ихъ недвижна, почти сплошь зарастаетъ она лѣтомъ плавающими растеніями (особенно же часто тѣлорѣзомъ), столь густо покрывающими воду, что она кажется зеленымъ лугомъ. Отъ этого луга плавающего не замѣтенъ переходъ къ лугу топкому, поросшему стрѣлолистомъ, лютиками, шильниками или камышомъ, именуемымъ здѣсь очеретомъ; отсюда легко переходъ и къ окрестной степи, нынѣ усыпанной хуторами, нѣкогда черноземной, усѣянной кругленькими блюдобразными впадинами, наполненными часто водою—этими остатками не только заснувшихъ, но и умершихъ и погребенныхъ водотоковъ. Хоры громко квакающихъ лягушекъ оглашаютъ по вечерамъ эти стоячіе мертвоводы, да рѣзко и долго слышатся звуки криковъ выпи, „бугая“, небольшой птицы съ сильнымъ ревушимъ голосомъ.

Самый Днѣпръ, въ который изливаютъ тихія и спокойныя воды свои всѣ эти рѣчки, далеко не оправдываетъ того, что мы въ правѣ бы были отъ него ожидать послѣ восторженнаго описанія Гоголя. Днѣпръ подъ Кіевомъ, въ сѣверной части Полтавщины, совсѣмъ не тотъ, что Днѣпръ подъ Кременчугомъ въ южной ея части. Кое-гдѣ появляющіяся изъ-подъ почвы гранитныя глыбы еще не спутываютъ его теченія, еще не создаютъ пороговъ. Правый берегъ не высокъ, большею частью обнаженъ и мало живописенъ. Лѣвый луговой монотоненъ. Онъ на далекое пространство заливадается водою весной, оставляя къ лѣту прекрасные дуга, какъ и у меньшихъ рѣкъ, отдѣленные отъ степи полоскою песчаныхъ, заросшихъ шелоугою или кое-гдѣ соснами кучугуровъ. Но эта полоса также мало живописна, и, въ сравненіи со среднею Волгою, Днѣпръ въ пре-

дѣлахъ Полтавщины не можетъ быть названъ особенно красивою рѣкою. Его полтавскіе притоки во многихъ мѣстахъ своихъ значительно превосходятъ его своей красотой.

На правыхъ берегахъ притоковъ этихъ рѣкъ расположились и большинство городовъ Полтавщины; если вообще города наши можно сравнить съ большими деревнями, то мнѣніе это по примѣненію къ городамъ полтавскимъ будетъ особенно справедливо. Лубны, Пяратинъ, Миргородъ, Хороль—это скорѣе большія уютныя малороссійскія села, гдѣ немножко больше лавокъ и магазиновъ, немножко больше движенія. Но тѣ же хаты, тѣ

Видъ въ Малороссіи.

же сады, та же тишина и мирная поэзія жизни. Особенно уютны и патриархальны тонушіе въ зелени Лубны, это село-садъ. Но какъ и всѣ села, они, конечно, полны неблагоустройства. Грязныя, немощенныя улицы почти не освѣщены, и надо думать, что знаменитая, описанная Гоголемъ въ спорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ миргородская лужа, съ Божьей помощью, не высохла и доселѣ.

Въ значительной степени все сказанное можно распространить и на самую Полтаву. Правда, въ Полтавѣ много хорошихъ каменныхъ домовъ, есть гостинный дворъ, хорошіе магазины, военный корпусъ, институтъ, есть научная и общественная жизнь. Но общее впечатлѣніе, дѣлаемое Полтавой, это впечатлѣніе уютнаго, тихаго дачнаго мѣста, въ сравненіи съ которымъ дачныя мѣста подъ Петербургомъ, въ родѣ Павловска или

Царскаго Села, покажутся даже зимою черезчуръ шумными и бойкими. Большой гостиный дворъ мертвъ. По широкимъ улицамъ рѣдко когда проѣдетъ экипажъ. Лучшіе дома—это скорѣе помѣщичьи усадьбы, случайно построенныя въ городѣ. Многіе окружены садами, какъ гдѣ-нибудь въ помѣстьяхъ, и въ садахъ этихъ щелкаютъ и заливаются трелями соловья.

Расположенная на крутомъ высокомъ берегу р. Ворсклы, Полтава лѣпится по его краямъ, ея кварталы и монастыри отрѣзаны другъ отъ друга оврагами, стоятъ какъ бы на отдѣльныхъ островахъ и все это, очень красивое издали, вблизи является раскинутымъ и раздѣленнымъ спусками и обрывами. Обширныя площади города лишены оживленія и подобны пустырямъ, а второстепенныя улицы переносятъ васъ въ обстановку захолустнаго села. Только поле за городомъ—мѣсто знаменитаго Полтавскаго боя, по сосѣдству съ которымъ устроена опытная сельскохозяйственная станція—переноситъ ваши воспоминанія во времена славнаго прошлаго края.

Однако, наряду съ патриархальной обстановкой деревни, массою зелени, скверовъ и садовъ съ чуднымъ чистымъ воздухомъ, не зараженнымъ ни дымомъ фабричныхъ трубъ, ни пылью и зловоніемъ скученныхъ жилищъ, вы въ Полтавѣ найдете всѣ предметы европейскаго комфорта, интеллигентное общество, даже нѣкоторый научный обмѣнъ мыслей (столь рѣдкій въ нашихъ провинціальныхъ городахъ), такъ какъ Полтава имѣетъ сельскохозяйственное общество, кружокъ любителей естествознанія и математики. Такой жизни не имѣютъ, конечно, большинство другихъ городовъ губерніи.

Полтавская губернія находится уже въ чертѣ еврейской осѣдлости, а потому пріѣзжающаго съ сѣвера изъ Россіи человѣка сейчасъ же поражаетъ непривычное преобладаніе этой національности на городскихъ улицахъ. Магазины, лавки, мелкая розничная торговля, гостиницы, за самыми немногими и рѣдкими исключеніями, — все это въ рукахъ евреевъ. Первое впечатлѣніе такое, что въ городахъ здѣшнихъ только черно-рабочіе, пріѣзжіе крестьяне и помѣщики, да чиновники принадлежатъ къ туземцамъ. Чѣмъ больше торговое значеніе города, тѣмъ большую роль играютъ въ немъ еврейскій элементъ.

Малороссы Полтавщины къ этому преобладанію въ городахъ своихъ еврейскаго элемента относятся гораздо терпимѣе теперь, чѣмъ во времена Гоголя или какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Причиною тому самый характеръ народа. Вездѣ, гдѣ въ основѣ населенія преобладаетъ малороссъ, мы встрѣчаемся съ явленіемъ поразительнаго отсутствія предпріимчивости и склонности къ промышленности или торговлѣ.

Хохоль — земледѣлецъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова Онъ производителъ, и только производитель. Конечно, еврей въ области торговли

безконечно сильнѣе его, и по предприимчивости, и по умѣнью, гдѣ нужно расчитать, гдѣ нужно рискнуть, гдѣ можно надуть, а главное—по той взаимной поддержкѣ и взаимопомощи, которой всегда недостаетъ хохлу.

Во всякой деревнѣ, не говоря уже о селахъ, торговля въ рукахъ еврея; нѣтъ малороссійскаго селенія безъ него. Еврей и малороссъ составляютъ какъ бы дополненіе одинъ другого. Чего не достаетъ въ одномъ, то въ избыткѣ развито въ другомъ. И здѣсь и тутъ одностороннія крайности, и только въ соединеніи онѣ даютъ то, что въ другихъ странахъ выполнить одна и та же народность. Чѣмъ больше жизнь складывается на сельскій манеръ, тѣмъ меньше мѣста въ ней еврею. Напротивъ, въ городѣ онъ у себя дома, и потому самый торговый пунктъ Полтавщины, Кременчугъ, чисто сврейскій городъ.

Ярмарка въ Голтвѣ.

(М. Горькаго.)

Мѣстечко Голтва стоитъ на высокой площади, выдвинувшейся въ луга, какъ мысь въ море. Съ трехъ сторонъ обрѣзавшая капризнымъ теченіемъ Псла, эта ровная площадь открываетъ широкіе горизонты на сѣверъ, западъ и востокъ, а въ южной части ея столпились въ живописную группу бѣлыя хатки Голтвы, утопающія въ зелени тополей, сливъ и черешень. Изъ-за хатъ вздымаются на небо, безоблачное и знойное, пять главъ деревянной церкви, простенькой и тоже бѣлой. Золотые кресты отражаютъ снопы солнечныхъ лучей и теряютъ въ блескѣ солнца свои формы — кресты похожи на факелы, горящіе яркимъ пламенемъ.

На востокъ раскинулась равнина обработанныхъ полей — вплоть до горизонта пестрѣютъ квадраты, желтые и темные, среди нихъ тамъ и тутъ стоятъ пышныя зеленыя левады, бѣлыя хатки прячутся въ садахъ, дороги вьются межъ хлѣбовъ, какъ змѣи, и стада вдали на выгонахъ — какъ игрушечныя. На западѣ площадь крутымъ обрывомъ опускается въ быстро текущему Пслу, его вода блеститъ на солнцѣ серебромъ, на берегахъ стоятъ вербы и осокори; за Пслomъ опять поля до горизонта и опять на нихъ куски яркой зелени, полосы созрѣвшаго хлѣба и бѣлыя пятна хуторовъ. Хутора въ рамкахъ изъ тополей и вербъ — всюду, куда ни взглянешь... Густо засѣяна людьми благодатная земля Малороссія!..

Надъ громаднымъ пространствомъ, тѣсно заставленнымъ возами, тысячеголовый говоръ стоитъ въ воздухѣ, знойномъ и пыльномъ. Всюду толкуются, спорятъ и „грегочуть“ „чоловіки“, горохомъ разсыпаются бойкія рѣчи „жинутокъ“. Десять хохловъ въ минуту выпускаютъ изъ себя столько словъ, сколько въ то же время наговорятъ трое евреевъ, а трое евреевъ скажутъ въ ту же минуту не болѣе одного цыгана. Черныя лица, чер-

ные волосы и бѣлые хищные зубы цыганъ такъ и мелькаютъ въ толгѣ; ихъ характерная, страстная гортанная рѣчь трещить въ ухахъ — за ней не успѣваешь слѣдить. Ихъ проворныя движенія и жесты красивы, но заставляютъ опасаться; быстрые темные глаза съ синеватыми бѣлками сверяютъ хитростью и нахальствомъ; ловкіе, гибкіе, они являются ласковыми лисицами басенъ и сейчасъ же скалятъ зубы, какъ голодные волки. Четверо изъ нихъ осаждаютъ какого-то, „чоловіка“, уже сбитаго съ толку и растерявшагося подѣ градомъ убѣдительныхъ рѣчей, осыпавшихъ его немудрую голову. Онъ стоитъ среди нихъ, усердно чешетъ затылокъ и тяжело соображаетъ. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждаютъ оводы съ такимъ же усердіемъ и жаромъ, какъ ея хозяйина — цыгане. Вокругъ этой группы толпа внимательно слѣдитъ за ходомъ сдѣлки. „Подождите“, говоритъ хохоль. „Не хочу! — восклицаетъ цыганъ. — Что мнѣ ждаты — хйба жѣ я съ того подожду гроши зароблю? Я тебѣ говорю прямо, какъ передъ Богомъ: моя лошадь такая, что и самъ полтавскій губернаторъ на ней поѣхалъ бы куда хочешь, хоть въ Петербургъ! Вотъ на — какаѣ моя лошадь! А что твоя? Только тѣмъ она на мою похожа, что у ней тоже четыре ноги и хвостъ! А какаѣ у ней хвостъ? Это стыдъ, дядько, стыдъ, а не хвостъ...“

Цыганъ ожесточенно дергаетъ лошадь за хвостъ, щупаетъ ее всюду и руками, и глазами и все говоритъ, говоритъ. Его товарищи пренебрежительно совѣтуютъ ему:

— Э, брось! Что тебѣ хочется въ убытокъ мѣняться? Вотъ дурной!.. Брось!..

— Въ убытокъ? Ну и буду мѣняться въ убытокъ! Развѣ жѣ я моему коню и карману не хозяйинъ? Мнѣ человекъ нравится, и я хочу человеку доброе сдѣлать! Дядько! молитесь Господу!..

Хохоль снимаетъ шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

— Ну, Господи благослови! — восклицаетъ цыганъ. — Берите жѣ моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мнѣ пять карбованцевъ придачи... Вотъ и все!.. Кончено! Давайте руки.

Хохоль изъ всей силы бьетъ ладонью по ладони цыгана и говоритъ:

— Два дамъ!

— Э! Четыре съ половиной!

— Два!

Цыганъ такъ шлепнулъ по рукѣ хохла, что тотъ потрясъ ею въ воздухъ и потомъ внимательно осмотрѣлъ свою ладонь, какъ бы удостоверяясь, цѣла ли.

— Четыре ровно!

— Два! — упорно стоятъ на своемъ хохоль.

— Ну, — утомленно говоритъ цыганъ, — идите жѣ теперъ къ вашей жинкѣ и расскажите ей, какаѣ вы дурень!..

— Два съ полтиной, — говорить хохоль.

— Вотъ что — молитесь Богу!

Снова молятся и снова бьютъ руки другъ друга.

— Ну, берите же на свое счастье, мнѣ въ убытокъ; не хочу я съ васъ, добрый человекъ, лишникъ грошей брать, коли нѣтъ ихъ у васъ въ карманѣ... Даете три съ полтиной?

— Ни, — качаетъ головой хохоль, оглядывая лошадь цыгана, понурю и шершавую.

— Три съ четвертью?

— Ни...

— Чтобъ ваша жинка сказала вамъ сто разъ „ни“, когда вы у нея борща попросите! Даете три гладкихъ карбованца? И то не даете? Такъ берите же за вашу цѣну... Э, пропали мои гроши и конь хорошій.

Лошадей передаютъ изъ полы въ полу, и хохоль уходитъ, ведя на поводу вымѣненную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нея печальная, и уныло смотрятъ ея тусклые глаза на толпу людей, критически разглядывающихъ ее.

Но скоро хохоль возвращается назадъ. Онъ идетъ торопливо, такъ что лошадь едва поспѣваетъ за нимъ; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрятъ навстрѣчу ему спокойно и разговариваютъ о чемъ-то на своемъ странномъ языкѣ.

— Це діло не законне, — покачивая головой, говорить хохоль, подходя къ нимъ.

— Какое діло? — освѣдомляется одинъ изъ цыганъ.

— А це... Якъ же вы міні...

— А... что мы тоби?..

Бѣдняга хохоль апеллируетъ къ толпѣ:

— Добрые люди, ратуйте! Воны міні беззубу коняку намісто моей зубатой наміняли.

Толпа не любитъ неловкихъ такъ же, какъ и слабыхъ. Она становится на сторону цыганъ...

— А де жъ у тобі очи були? — спрашиваетъ хохля сивый старикъ.

— Не имій зъ цыганами діла! — поучительно заявляетъ другой.

Обманутый рассказываетъ, что онъ смотрѣлъ зубы у коня, но на верхніе не обратилъ вниманія, а изъ нихъ три оказываются сломанными. Должно быть, коня когда-то сильно ударили по мордѣ и сломали ему три зуба. Куда онъ годится такой? Онъ ѣсть не можетъ, вотъ у него какой вздутый животъ.

Человѣка два-три изъ толпы начинаютъ защищать хохля. Возникаетъ гвалтъ, и громче всѣхъ кричить, не уставая, цыганъ.

— Э, добрый человекъ! чего жъ ты затявъ таку завороху? Хиба ты не знаешь, якъ треба конівъ куповаты? Конівъ куповаты якъ жінку

выбираты—все одно, таке вже важно діло... Слухай, я тобі скажу відну сказку... Якъ були на світи три братика, двоє разумніа, а третій дурень — ось якъ ты и божь я...

Товарищи цыгана тоже орутъ во всю глотку, оправдывая его, хохлы лѣниво ругаются въ отвѣтъ, толпа становится все гуще и тѣснѣе...

— Що жъ міни зостається, добрі люди? — горестно вопрошаєть обиженный.

— Ходи до урядника! — кричать ему.

— А и пойду! — рѣшаєть онъ.

— Стой, чоловіче! — останавливаєть его цыганъ. — Разорить меня хочеш? Разорай! Давай мнѣ три карбованца, я твою лошадь назадъ видамъ! Желаетъ? Давай два! Желаетъ? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно пріятно „тягать къ ділу“ урядника, и онъ задумывается. Со всѣхъ сторонъ ему даютъ совѣты, но онъ остается глухъ и нѣмъ, рѣшая что-то про себя. Наконецъ, рѣшилъ...

— Ну, отъ що, — уныло говоритъ онъ цыгану, — нехай Богъ тебя судить. Отдай мнѣ моего коня, а карбованца, два зъ половиной, що ты въ придачу узять, — твои... Триста трясцівъ тобі у боки — грабь!

И цыганъ ограбилъ его съ такимъ видомъ, точно великую милость ему оказалъ.

— Догадливі люди! — похваливали „чоловіки“ цыганъ, отходя отъ нихъ.

— Деготь московскій, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучій, тягучій! Шестъ копеекъ кварта, пятнадцать четверть! — возглашаетъ черниговецъ, возсѣдающій на телѣгѣ. Телѣга, бочка и самъ торговецъ — все это черно и жирно отъ дегтя и все двигается одной сплошной массой, распространяя вокругъ себя характерный аромать.

— А мабудь и по пять за кварту продадите? — справляєть у дегтярника „чоловікъ“ въ необычайно широкихъ штанахъ и въ соломенной шляпѣ на головѣ.

— Тпру-у! По пять не могу, хозяинну на шесть копеекъ присягалъ.

— А мабудь можно по пять?

— Никакъ...

— Эге... Совсімъ не можно?

— Слушай, дядько, продамъ тобѣ по пять, не говори только никому. Не скажешъ?

— Ни, не скажу.

— Ну, давай баклажку.

— На що?

— А на деготь!

— Ты міни того вашего дегтя не треба, бо я вже купивъ... И тежь по шесть копеекъ и тежь у васъ. Я спросивъ васъ за тѣмъ, ще мабудь вы теенеръ дешевше выдаєть цей деготь.

Дегтярник молча отвертывается, трогает лошадь и ѣдет между возами, возглашая о своемъ товарѣ.

Чоловикъ провожаетъ его взглядомъ и говоритъ другому, раскинувшемуся на возу:

— Коли бъ я не куповаль кварты дегтя утромъ, была бы въ міні лишня у кишени...

-- Эге жъ... Жарко!

— Якъ у пекли...

— Хиба жъ твой батько писавъ тебѣ зъ пекла, якъ тамъ жарко?— спрашиваютъ съ воза.

Томящій зной все усиливается. Запахъ дегтя, навоза и пота виситъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ тонкой пеленой ѣдкой пыли. Всюду у возовъ стоятъ и лежатъ волы, жуютъ, не уставая, сѣно и смотрятъ въ землю большими добрыми глазами. Кажется, что они думаютъ — у нихъ такія осмысленныя морды и въ глазахъ свѣтится спокойная, привычная печаль. Мычатъ коровы и телята, блеютъ овцы, раздается звонъ костей, пробуксованныхъ покупателями. „Чоловики“, пріѣхавшіе продавать скотъ или руно, лежатъ подъ возами, скрываясь отъ солнца и ожидая покупателей.

„Чоловики“ покупающіе рассказываютъ между возами, высматривая скотъ и шагая черезъ ноги продавцовъ, разбросанныхъ на землѣ. У каждого покупателя въ рукѣ кнутъ и, подходя къ возамъ, покупатель считаетъ нужнымъ вытянуть смиренную скотину по боку кнутомъ. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются отъ удара, если стояли на ногахъ.

— Скільки за цю пару просите? — спрашиваетъ покупатель иностранство.

Изъ-подъ воза раздается неторопливый отвѣтъ:

— Девяносто рублій...

— И то гроши,—говоритъ покупатель и отходитъ или спрашиваетъ:— А чего жъ бы вамъ, дядько, цілу сотнягу не просить?

— Та вже міні більшъ того, скільки треба, не треба грошівъ. А коли вы вже такій добрый, то давайте и усю сотню—я визьму...

— Спасібо вамъ... А скільки жъ бы діломъ узяли?

— Та вже такъ, щобъ не долго балакать, визьму и съ васъ... девяносто рублівъ.

Начинается торгъ. „Чоловики“ не торопятся—это совсѣмъ не въ ихъ характерѣ, и продавецъ выльзаетъ изъ-подъ воза не ранѣе того, какъ убѣдится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся, и вотъ уже бьютъ другъ друга по рукамъ, молятся по десяти разъ и болѣе, расходятся, снова сходятся. Все дѣлается медленно, но основательно, вдумчиво. Обычной ругани великоруссовъ не слышно, ее замѣняетъ колкій

и м'який юморъ, щедро украшающій р'чи. Не слышно и великорусскаго „тыканья“.

Сивый дідъ, у котораго безусый хлопецъ торгуеъ пару молоденькихъ бычковъ, такъ, напрім'ръ, отчитываетъ покупателя:

— Здаеця міні, что вы, хлопе, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річахъ вашихъ не бачу я...

— То якъ же, діду... Вони и некрасиві—ось роги якіс...

— А хіба жъ вы рогами пахати будете? Такъ купуйте жъ собі козловъ—у нихъ рога красив'йші...

Еврей вертається межъ возовъ, какъ вьюны. Они обо всемъ спрашиваютъ, все щупають и все покупають. „Чоловіки“ говорятъ имъ „ты“ и смотрятъ за ними во вс' глаза. Паны встр'чаются съ „чоловіками“ съ чувствомъ собственного достоинства, и въ разговор' съ паномъ у хохла сквозь ви'шнюю почитательность пробивается не одна нотка пренебреженія.

У одного изъ возовъ корова, привязанная къ нему, вдругъ запаталась и въ корчахъ повалилась на землю. „Жинка“ продававшая ея, соскочила съ воза и закрутилась вокругъ больного животнаго, какъ въ вихр'. Испугъ, граничащій съ ужасомъ, выразился на лиц' б'дной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою добрую скотину.

— Ой, Господи! Ой, добри люди! Ратуйте... що воно таке? що воно? Ой, Мати Пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастье. Д'дали предположенія, отъ чего именно забол'ла корова и какъ всего лучше л'чить ея. Явился какой-то древній старикъ, весь, точно пл'сенью покрытый лохмотьями, и началъ отчитывать корову, творя шопотомъ молитву. Толпа посямала шапки и молча ждала результатовъ моленія, изр'дка крестясь. А корова билась на земл' въ судорогахъ, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала и много боли было въ ея кроткихъ глазахъ. Потомъ ея хозяинъ, снявъ съ головы шапку, сталъ ея растирать хребетъ животнаго, трижды обвелъ шапкой вокругъ роговъ, трижды вокругъ шеи и столько же вокругъ хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили въ глотку животнаго, потомъ угостили его скинидаромъ, наконецъ явился коноваль, угрюмый мужикъ, съ разнообразными инструментами у пояса. Онъ важно осмотр'лъ корову и пробилъ ей какимъ-то ржавымъ гвоздемъ вену на ше'. Тонкими струйками хлынула густая черная кровь. Какой-то моралистъ нашелся въ толп'. Онъ посмотр'лъ на корову и ея хозяина, убитаго горемъ и сказалъ:

— Отъ це вамъ дядько, Божье наказаніе... Здаеця міні, що хот'ли вы утаити, яко вона ваша корова... и открывъ Господь людямъ вашу думку... отъ якъ!

Хохоль посмотрѣлъ на него и грустно покачалъ головой.

— Богъ мою думку знае,—вздыхнулъ онъ.

А рядомъ съ этой сценой разыгрывается другая. „Жинка“, размахивая руками, какъ поломанная мельница крыльями, бранить своего „чоловіка“. Онъ сидитъ на землѣ, опираясь въ нее руками и блаженно улыбается. Носъ у него красный, сіяющій, шапка на затылкѣ, воротъ рубахи развязался, и солнце бьетъ ему прямо въ грудь и лицо.

— Голодранецъ ты! Хиба жъ морди твой не стыдно? Э-э, шибеникъ! Визьму кнутъ, та якъ учну стегать...

— Оле-она, утыхо-о-омырся-а, — тянетъ „чоловікъ“, подмигивая жинкѣ.—Слухай... я и тобі пивкварти купивъ.

— О-о!—стонетъ жінка.—Безстыжи очи!

Наклоняясь къ мужу, она съ великимъ трудомъ приподнимаетъ его съ земли и старается засунуть это разслабленное хмелемъ тѣло подъ возъ. „Чоловікъ“ стучается головой о колесо и предупреждаетъ жену:

— У кармані штанивъ скляница... то якъ бы и... и вона не побилась... э?

Черезъ минуту оба они дружелюбно распиваютъ „пивкварти“ и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благовѣрнаго сѣномъ и одеждой такъ, что онъ могъ свалиться въ любую сторону безъ риска удариться своей головой о колесо.

Молоденькій еврей съ ящичкомъ на груди ходитъ и кричитъ:

— Роменскій табакъ! Панскій табакъ! Крѣпчайшій табакъ! Чортъ курилъ—дымомъ жінку уморилъ.

— Отъ це добрый табачино, колі зъ его жінки мрутъ!—замѣчаетъ какой-то Солопій Черевикъ.

Въ центрѣ ярмарки два длинныхъ ряда палатокъ образуютъ широкую улицу, сплошь набитую народомъ. Подъ однимъ изъ полотняныхъ навѣсовъ пріютился еврей съ рулеткой. Его окружаетъ плотная толпа преимущественно молодежи и изъ нея то и дѣло раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

— Красна! Черна! Чегъ! Проигралъ!

Въ сторонѣ блѣдный и встревоженный парубокъ уговариваетъ другого:

— Онисиме! Дай же мині карбованецъ! Бо я мабутъ и ворочу мои гроши... О, не играть бы мині въ ту бісову штуку... Вертыться, вертыться, та и вывернетъ твои карманці...

Остробородый ярославецъ торгуетъ гребешками, ножичками, книжками, мыломъ.

— Паж-жалуйтеся! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонныя мыла! Небесные духи! — Молодой юноша, позвольте вамъ предложить книжечку для пріятнаго чтенія-сь! Не угодно ли подробно раз-

смотрѣть, очень занимательная исторія—смерть господина Ивана Ильича, сочиненіе графа Толстого! При семь же веселая комедія—„Плоды просвѣщенія“. Очень тонко осмѣяны господа столичные и русскіе мужики. Продаю за двадцать копеекъ—съ! Графское сочиненіе—за двугривенный, дешевле никто не продастъ! А вотъ еще не пожелаете ли—„Князь Серебряный“? Про царя Ивана Грознаго... по случаю того, какъ эта книжечка уже читана, за тридцать пять копеекъ отдамъ! Стихи поэта Пушкина—съ по пятакъ и по три копейки книжка!.. Прекрасные стихи, самаго веселаго содержанія... „Андрей Безстрашный, русская повѣсть“... цѣна три копейки! Япанча, татарскій наѣздникъ, взятіе города Казани! О разведеніи куръ—не желаете ли просвѣтиться? Пять копеекъ цѣна... Машинка для усовъ—извольте—съ! „Житіе иже во святыхъ отца нашего“... Красавица, купите зеркальце! Душистое мыло есть!.. Чего съ? За Ивана Ильича и гривенникъ? Напечатано на книжкѣ—двадцать. За гривенникъ могу продать вотъ—съ „Еврейскіе рассказы“... Тетка! ты такъ гребень ломаешь... Почтенный, купите бритву? „Загробная жизнь, или о томъ, что ждетъ душу нашу по смерти“... Весьма полезно знать. Цѣна полтина. Не желаете? „Болѣзни домашнихъ животныхъ“—полюбопытствуйте! „Веретаганская кухня“... А то вотъ часики продаю—серебро какъ золото, ходъ самый правильный, цѣна дешевая!.. Почтеннѣйшій! мыльца для дочки не желаете ли приобрѣсти?.. Послѣднее слово, милый: за Ивана Ильича восемнадцать копеекъ...

Ни одну секунду не молчитъ этотъ сухой и поджарый ярославецъ, продающій сразу двумъ десяткамъ покупателей. Его звонкій голосъ издали влечетъ къ нему народъ и около его лавочки тѣсная толпа. Одни покупаютъ, другіе просто смотрятъ на продавца и слушаютъ его бойкую, рассыпчатую рѣчь. Здоровенный усатый хохоль долго таращилъ на ярославца большіе выпуклые глаза и вдругъ расхохотался.

— Чого вы, пане, регочете?—спросилъ его сосѣдъ.

— Та ось винъ, цей москаль, нехай ему, бівову сыну, гадюка у глотку влизе... Винъ совсімъ якъ та молотилка язикомъ работае. Доброму чоловіку у місяць стільки не казати, якъ винъ у часъ кажесть...

А у возовъ съ глиняной посудой изъ Опoшни—посудой замѣчательной по рисункамъ, но грубоватой по исполненію—торгуютъ хохлы. Здѣсь не торопятся. Вотъ какая-то разомлѣвшая отъ жары женщина съ зонтикомъ въ рукахъ подходитъ, беретъ макитру—подобіе великорусской корчаги—и, рассмотрѣвъ ее, спрашиваетъ:

— Скільки грошей?

— За що?—освѣдомляется продавецъ, возлежащій подъ возомъ на брюхѣ.

— А за макитру...

— Тридцать пять копіекъ...

— О, лишечко! та то дюже дорого!

— Хиба жь?

— А звисно! Вотъ она не равна, та корява...

— А що жь вы, пани, съ цей макитры стрѣлять хотите, чи що? Зачимъ ей буты ровной! Не ружё вона, а макитра.

— Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то.

— Такъ же то зеркало, пани, гладко та блестяще зеркало, а не макитра...

— Вона и дребезжить...

— О? То значится—въ ней дірка е.

— То-то е дірка...

— Такъ вже світъ устроєнь, пани, что у нимъ усе діряво... Вонъ и у васъ, пани, хусточка зъ диркой...

Пани красіѣть и оправляетъ платокъ на груди.

— А вы, пани, подівитесь, може и знайдете крѣпку макитру.

Пани смотритъ макитры, а продавецъ, неподвижно лежа подъ возомъ, смотритъ на нее.

— Будьте милостивы, скажите мині, отъ така хороша?—позываетъ пани выбранную посудину.

— Це? Зо всіхъ найлучша...

Начинають торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которыхъ женщина выдумываетъ все новые и новые недостатки макитры, а торговецъ наслаждается покоємъ въ тѣни воза. Бойчѣ торгуютъ жінки. Онѣ продають какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы цѣлые вороха лежатъ на землѣ, и такъ какъ ее здѣсь очень любятъ, она покупается хорошо. Звонкіе голоса женщинъ такъ и рѣжутъ уши.

— Рыба черноморская, керченская, вкусна та солена!

— А вотъ ще найлучша рыба!

Вечерѣть. Солнце уже низко надъ лугами, и пыль, тучей стоящая надъ ярмаркой, кажется розовой въ лучахъ заката. Всюду гонятъ скотину на Пселъ, раздается мычаніе, суровые окрики, кое-гдѣ налаживаются пѣсни. Веселые звуки сопилки несутся со стороны погоста. Тамъ у земляного вала, ограждающаго ниву опочившихъ, собралась толпа хлопцевъ и, не обращая никакого вниманія на „ддовы могилы“, собираются „танцювати“ въ виду ихъ. Тополя на погостѣ тихо качаютъ вершинами, точно протестуя противъ нарушенія мира и тишины въ мѣстѣ упокоенія.

Двое пьяныхъ, распѣвають идя къ погосту. У обоихъ блаженные красныя лица, оба они охрипли отъ усилій пѣть согласно: одинъ сдвинулъ шанку на ухо, а другой держитъ ее въ рукѣ и дирижируетъ ею, не замѣчая, что изъ нея вылѣзли и болтаются въ воздухѣ какіе-то

тряпки и куски пеньки. Отъ погоста навстрѣчу имъ несется дробный топотъ ногъ, съ жаромъ выбивающихъ гопака, и задорные, хотя тихіе, звуки сопилки.

Тѣни отъ возовъ становятся все длиннѣе. Жара спадаетъ. Съ луговъ тянетъ запахомъ свѣже-скошеннаго сѣна. Солнце сѣло, и на небѣ задумчиво замерли легкія облака, еще розовыя отъ заката. Шумъ понемногу стихаетъ, люди, измороженные хлопотами и зноемъ дня, укладываются спать на воздухъ и подъ возами. Тяжело дышать волю, пережевывая сѣно, фыркаютъ лошади.

Теперь уже всѣ звуки разрознены и ясно слышны, они и не сливаются въ тотъ гулъ, что оглушалъ и опьянялъ еъ теченіе дня. Вотъ раздается торжественная музыка. Около слѣпого, играющаго на фисгармоникѣ, толпа молчаливыхъ людей стоитъ безъ шапокъ и благоговѣнно слушаетъ музыку.

— Господа симъ восхва-а-лимъ и возблагодаримъ Творца на-ашего,— поетъ слѣпой, аккомпанируя себѣ на звучномъ инструментѣ. Грустные и успокаивающія ноты печально вьются въ воздухъ надъ головами молитвенно настроенныхъ людей, покрытыхъ потомъ и пылью. Иные шепчутъ что-то—видно, какъ шевелятся ихъ губы,—иные вздыхаютъ... Большинство нѣмо, неподвижно и глубоко-серьезно.

А со стороны погоста несется удалая пѣсня, исполняемая могучимъ хоромъ молодыхъ голосовъ. Гей, гей!—гремитъ припѣвъ.

Слышно, что эта пѣсня складывалась въ широкой степи, верхомъ на коняхъ, во время похода, старыми свободолюбивыми „лицарями“, проливавшими свою бурную и горячую кровь „за віру христьянску та волюности казачи“.

„Пойте славу Бога нашег-о-о... яко Онъ Творецъ міра и прибѣжище челоувѣ-ѣ-ковъ, въ Пемъ же обрящемъ упокоеніе...“ поетъ и играетъ слѣпой.

Ночь идетъ.

Кое-гдѣ уже вспыхнули огоньки костровъ и вокругъ нихъ издали видны фигуры людей, красноватая въ блескѣ огня. Пріятною свѣжестью вѣетъ съ луговъ, гдѣ Пселъ, темный, красивый и быстрый, стремительно спѣшитъ къ Днѣпру и съ нимъ—въ море. Вспыхиваютъ звѣзды...

Ночь идетъ.

На сахарномъ заводѣ.

(Ө. П.)

Конецъ сентября, по днямъ въ степи еще жарко. Ни облачка на высокомъ ясномъ небѣ. Воздухъ дрожитъ и струится, а тамъ, гдѣ волнообразныя очертанія убѣгающихъ вдаль холмовъ сливаются въ одну линію горизонта, играетъ марево, создавая причудливыя очертанія не-

виданныхъ озеръ, заливовъ и острововъ. Убранныя поля выжжены солнцемъ, и сухая отава дѣлаетъ ихъ скучными, желто-сѣрыми. Только широкіе четырехугольные сочной ботвы еще некопаной свеклы мѣстами нарушаютъ однообразный тонъ картины. Ни зеленого луга, ни темнаго сѣвернаго лѣса не встрѣтитъ здѣсь глазъ на всемъ необъятномъ просторѣ степного ландшафта. Только за рѣкой видна неширокая золотисто-бурая полоска поблекшей дубовой рощи, да торчатъ изъ-за холма верхушки тополевоыя аллеи, спускающейся къ скрытому въ яру хозяйскому дому, а за тополями стелется широкая лента дыма, густыми клубами вылетающаго изъ заводской трубы и постепенно растягивающагося въ узкое и длинное легкое облако. Жилья не видно. Здѣсь селятся по низинамъ и лощинамъ, тѣсясь къ какому-нибудь ручью или по крайней мѣрѣ отыскивая такую ложбину, гдѣ можно добраться до воды. И съ широкой возвышенности, по которой катится мой фаэтонъ, вся мѣстность кажется безлюдной, пустой.

Работницы на отдыхѣ.

Это впечатлѣніе пустоты не нарушается даже тогда, когда, вглядываясь впередъ и замѣтивъ проходящую вдаль полевую дорогу, я различаю рядъ подводъ, представляющихъ мнѣ отсюда какой-то длинной, неразрывной, медленно тянущейся цѣпью. То возятъ бураки; ихъ копаютъ теперь, по хорошей погодѣ, на дальнихъ поляхъ, вправо отъ моей дороги. Тамъ работаютъ русскіе. Изъ Курской губерніи пришли они сюда цѣлымъ таборомъ, съ женами, съ дѣтьми-подростками, на телегахъ, запреженныхъ тощими лошаденками. Захвативъ изъ дому кое-какой

скарбъ, они живутъ лагеремъ прямо на полѣ. Съ восхода солнца до густыхъ сумерекъ старшіе копаютъ свеклу, очищаютъ ее отъ земли, ботвы, корней, а ребята берутъ ее въ телѣгахъ на заводъ.

Мѣсяца два, а то и три пройдетъ, пока весь буракъ будетъ вывезенъ съ заводскихъ полей. Не скоро уберешь на огромномъ пространствѣ, безъ мала въ двѣ тысячи десятинъ, да нѣтъ и надобности заводу спѣшить уборкой; свѣжій, живой буракъ прямо съ поля работаетъ лучше, чѣмъ полежавшій въ „буртахъ“ на заводскомъ дворѣ; только боязнь мороза, сковывающаго землю и мѣшающаго копкѣ, заставляютъ думать объ окончаніи уборки. Но если трудно работать въ полѣ теперь, подъ горячимъ степнымъ солнцемъ, среди облаковъ сухой пыли, то не сладка эта работа и подъ дождемъ поздней осени, когда ноги по щиколотку тонуть въ размокшемъ черноземѣ, когда руки коченѣютъ отъ холода, а промокшая насквозь одежда не защищаетъ отъ бѣшеныхъ порывовъ разгуливавшагося на степномъ пространствѣ восточнаго вѣтра.

Между тѣмъ мы вѣзжаемъ на самую вершину холма. Отсюда начинается пологій спускъ, постепенно открывающій передо мною картину огромной южной экономіи съ сахарнымъ заводомъ. Вотъ блеснулъ своею гладью большой прудъ, протянувшійся на версту. Вправо, тамъ, гдѣ въ него впадаетъ образующая его рѣчка, изъ-за кудрявыхъ полуогоненныхъ вершинъ огромнаго сада, выглядываетъ широкой фронтонъ хозяйскаго дома съ колоннами, а передъ садомъ виднѣтся рядъ длинныхъ бѣлыхъ „мазаныхъ“ зданій, наполовину подъ черепицей. Передъ раскрытыми воротами одного изъ нихъ стоятъ три жатки съ ихъ высоко поднятыми вверхъ граблями и два локобиля. Это — самая экономія, ея сарай, конюшни, амбары. Влѣво же за широкимъ концомъ пруда виситъ зданіе завода съ его высокой башней водяного резервуара, съ огромными окнами „машинной“, съ высокой известковой печью и съ большой дымовой трубой. За заводомъ — огромная площадь для склада свеклы, и въ одномъ ея углу уже видны высокія гряды „буртовъ“, въ которыхъ, прикрытые землей, сохраняются бураки, а немного правѣе, въ сторонкѣ, приютился въ садикѣ домъ директора, кажущійся отсюда по сравненію съ грандіозными постройками завода игрушкой. Два низкихъ, длинныхъ дома около плотины на этомъ берегу пруда служатъ жильемъ для рабочихъ, а вдали виднѣются приземистые растянутые корпуса помѣщеній для воловъ.

Разителенъ контрастъ этихъ двухъ уголковъ одной и той же картины—завода и экономіи. Взгляните на первый. Здѣсь чувствуется жизнь и движеніе. Дымятъ трубы, съ шумомъ, быстрыми толчками вырывается клубами паръ изъ какой-то маленькой машинки; непрерывной вереницей поднимаются въ бурчанію по широкому помосту возы со свеклой,

и съ грохомъ спускаются оттуда внизъ пустыя телѣги. Заводъ еже-
часно пожираетъ свыше 1.200 пудовъ бураковъ, а за день надо еще
навозить запасъ на ночь. Не меньше сотни возовъ въ часъ должны быть
опрокинуты въ закромы только для того, чтобы заводскія рѣзки не
стояли безъ дѣла. А вотъ почти рядомъ съ бурачной группа рабочихъ
безостановочно возится около вагончиковъ, въ которыхъ тѣ же бураки
въ качествѣ заводскаго отброса уже въ видѣ бѣлой распаренной, ли-
шенной сахара стружки отвозятся въ „жомовыя ямы“, и два крошеч-
ныхъ локомотивчика усиленно пыhtять, будучи постоянно заняты этой
работой. Десятки фургоновъ, запряженныхъ огромными, кроткими, покор-
ными погонщику-мальчугану сивыми волами, везутъ уголь и известнякъ,
и вся эта масса камня и топлива постепенно поглощается заводомъ, ко-
торый за это время горячей трех- или четырехмѣсячной работы приго-
товляетъ по 3¹/₂ тысячи пудовъ сахарнаго песку каждыя сутки. Теперь
тутъ зѣвать некогда. Работа не ждетъ ни минуты. Терять время нельзя,
и напряженность работы чувствуется всѣми: и директоромъ, и масте-
ромъ, и рабочими, и кидается въ глаза даже мнѣ, наблюдающему за
заводъ еще чуть ли не за версту.

Въ экономіи, наоборотъ, все тихо, все, кажется, дремлетъ на солнцѣ
въ этотъ ясный, ласкающій сентябрьскій день. Для экономіи съ насту-
пленіемъ осени уже кончилась ея страда, кончилась снѣшка горячихъ
работъ на пространствѣ цѣлаго княжества, гдѣ подъ одними посьвами
числятся безъ малаго 8.000 десятинъ, т.-е. около 80-ти квадратныхъ
верстъ; разошлись по своимъ и далекимъ, и близкимъ домамъ цѣлыя
арміи рабочихъ, и наступила сравнительно спокойная пора: копка свеклы
еще только что начинается, а къ осенней пахотѣ еще не приступали.

Но вотъ мы уже на плотинѣ. Кучеръ сдержалъ лошадей, чтобы дать
время разойтись двумъ встрѣчнымъ обозамъ. Медленно переступая, шагъ
за шагомъ, парами проходятъ навстрѣчу мнѣ украинскіе вола съ ихъ
огромными рогами, низко натянутыми подъ ярмомъ шеями и съ боль-
шими, широко раскрытыми, добрыми глазами. Хлопецъ-погонщикъ, желая
поскорѣе очистить путь фаэтову, тянетъ одну пару животныхъ съ до-
роги къ самому краю высокой плотины; но правый волъ кидаетъ испу-
ганный взглядъ на крутизну обрыва и, упираясь двойными копытами въ
скользкую глину, жметъ къ дышлу. Подвода, зацѣпивъ заднею осью
за перила моста, стала. Слѣдующія фуры чуть не накатываются на нее
и тоже должны остановиться. Происходитъ путаница, и дорога для вто-
рого ряда телѣгъ, идущихъ впереди моеѣ коляски, оказывается загоро-
женной. Я жду, что сейчасъ начнется обычная въ такихъ случаяхъ на
сѣверѣ перебранка. Но возчики совершенно хладнокровно встрѣчаютъ
неожиданную остановку движенія. Нѣкоторые перекидываются отрывоч-
ными замѣчаніями, другіе набиваютъ трубки, третья поверхъ бѣлыхъ

рубяхъ потуже затягиваютъ ремни своихъ широкихъ шароваръ. Они равнодушно посматриваютъ, какъ слабосильный парень хлопочетъ около своей подводы, приподнимаетъ и заноситъ въ сторону ея заднія колеса, осаживаетъ воловъ, подпираетъ плечомъ правый, повисшій надъ обрывомъ бокъ своего нескладнаго экипажа, и только когда послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ подвода наконецъ тронулась, возчики, покрикивая на добродушныхъ животныхъ, не торопясь запагали рядомъ съ ними широкой, развалистой походкой, опираясь, какъ на тросточки, на длинныя кнутовища. Черезъ минуту встрѣчныя подводы прошли, и половина дороги освободилась. Кучеръ перегоняетъ второй обозъ, поднимается немного въ гору и, за заводомъ круто повернувъ направо, подкатываетъ къ садику директорскаго дома.

Отряхиваясь отъ несносной, все покрывающей черноземной пыли и съ удовольствіемъ разминая ноги послѣ двухчасовой ѣзды, я поднимаюсь на низенькое крылечко широкаго балкона. Расторопная горничная встрѣчаетъ меня и, подхватывая маленькій чемоданъ, несетъ его въ особую комнату, предназначенную специально для пріѣзжихъ.

Черезъ четверть часа, умывшись и переодѣвшись, я сижу въ ожиданіи хозяина въ просторной гостиной. Окруженная густыми кустарниками протянушагося къ пруду садика, директорская квартира не носитъ характера деревенскаго жилища. Чистота крашенаго подъ паркетъ пола, драпир и солидная, даже нарядная меблировка, модныя гравюры въ широкихъ орѣховыхъ рамахъ на стѣнахъ, хорошенькое піанино, польская иллюстрація на столѣ, — все это скорѣе напоминаетъ обстановку зажиточной семьи въ губернскомъ городѣ средней руки. Только нѣмецкій — очевидно, случайно оставленный на столѣ — иллюстрированный каталогъ какой-то сѣменной торговли говоритъ о нѣкоторой связи протекающей въ этихъ комнатахъ жизни съ сельскимъ хозяйствомъ; но и въ этомъ каталогѣ вы не нашли бы изображенія ржи и пшеницы: онъ весь наполненъ рисунками гигантской свеклы разныхъ сортовъ и видовъ. Очевидно, не хлѣбопашество составляетъ главную заботу хозяина квартиры...

Переговоривъ о дѣлѣ, директоръ сахарнаго завода повелъ меня въ бурачную, по широкому помосту которой одна за другой поднимались подводы.

Въ темномъ и низкомъ сараѣ, куда онѣ вѣзжали, вдоль боковыхъ стѣнъ не было пола; съ грохотомъ опрокидывали возчики свои телѣги у края помоста и вываливали сѣрую свеклу въ нижній этажъ. Отсюда она поступала уже собственно въ заводъ, — сначала на механическую мойку, а затѣмъ поднималась элеваторомъ въ третій этажъ на „рѣзку“, желобчатые ножи которой, вращающіеся съ огромной быстротой, превращали массивные бураки въ тонкую, нѣжную, бѣлую стружку.

Миновавъ грязную, мокрую, полутемную мойку, я остановился, чтобы подождать директора у диффузоровъ *). Непрерывной струей сыплется изъ-подъ ножей рѣзки мелкая бурачная стружка на широкій быстро движущійся безконечный ремень, несущій ее мимо ниже его лежащихъ огромныхъ диффузоровъ, которые скрыты подъ поломъ. Ихъ 18. Каждая три минуты одинъ изъ нихъ опоражнивается черезъ невидимое мнѣ отверстіе внизу; рабочій отодвигаетъ крышку, аппаратъ обмывается сильнымъ токомъ воды, а вслѣдъ затѣмъ въ него особымъ рукавомъ изъ кровельнаго желѣза направляется съ ремня свекольная стружка. Черезъ три-четыре минуты огромный бочкообразный резервуаръ диффузора наполненъ до краевъ. Онъ закрывается крышкой, въ него впускается струя горячей воды, уже прошедшей черезъ 15 такихъ же диффузоровъ, а стружка направляется въ горловину его сосѣда, который къ этой минутѣ долженъ быть уже опорожненъ и обмытъ. И такъ дѣло идетъ безостановочно. Ночь смѣняетъ день, день смѣняетъ ночь, одна смѣна рабочихъ чередуется съ другой, но правильно и регулярно откидываются и закрываются крышки, открываются и залираются краны, движется ремень съ бурачной стружкой, течетъ по трубамъ горячая вода, отводится изъ диффузоровъ въ подогреватели сладкій сокъ, и безостановочно и непрерывно идетъ спѣшная заводская работа. Только случайная задержка, поломка, смѣна ножей въ рѣзкѣ могутъ остановить на короткое время ходъ этого гигантскаго сахарозвлекающаго механизма, части котораго, кажется, срослись въ одно органическое цѣлое.

Поднявшись по широкой лѣстницѣ, я направился въ лабораторію.

Это была очень обширная зала, по площади равная хорошему манежу; въ нижнемъ этажѣ, по бокамъ ея и сзади на нѣсколькихъ рядахъ тонкихъ и низкихъ чугунныхъ колоннъ былъ насланъ полъ второго этажа, но надъ среднею частью потолка не было до самой крыши, и это пространство, высокое и благодаря огромнымъ окнамъ свѣтлое, казалось, не было похоже ни на заводъ, ни на фабрику съ ихъ обычной темнотой и тѣснотой.

Но особенно поразителенъ былъ контрастъ нижняго и верхняго этажа.

Внизу чуть ли не все пространство было уставлено машинами и насосами; цѣлый лѣсъ трубъ, паровыхъ, водяныхъ и предназначенныхъ для соковъ, сироповъ или для грязныхъ водъ, переплетался въ какую-то желѣзную сѣть, въ которой даже и знающему человѣку нелегко было разобраться. Кое-гдѣ, въ удаленныхъ отъ оконъ углахъ, и теперь, днемъ, горѣли лампочки, такъ какъ безъ огня здѣсь царилъ бы полная темнота. Въ этомъ царствѣ механизмовъ и механическаго движенія хо-

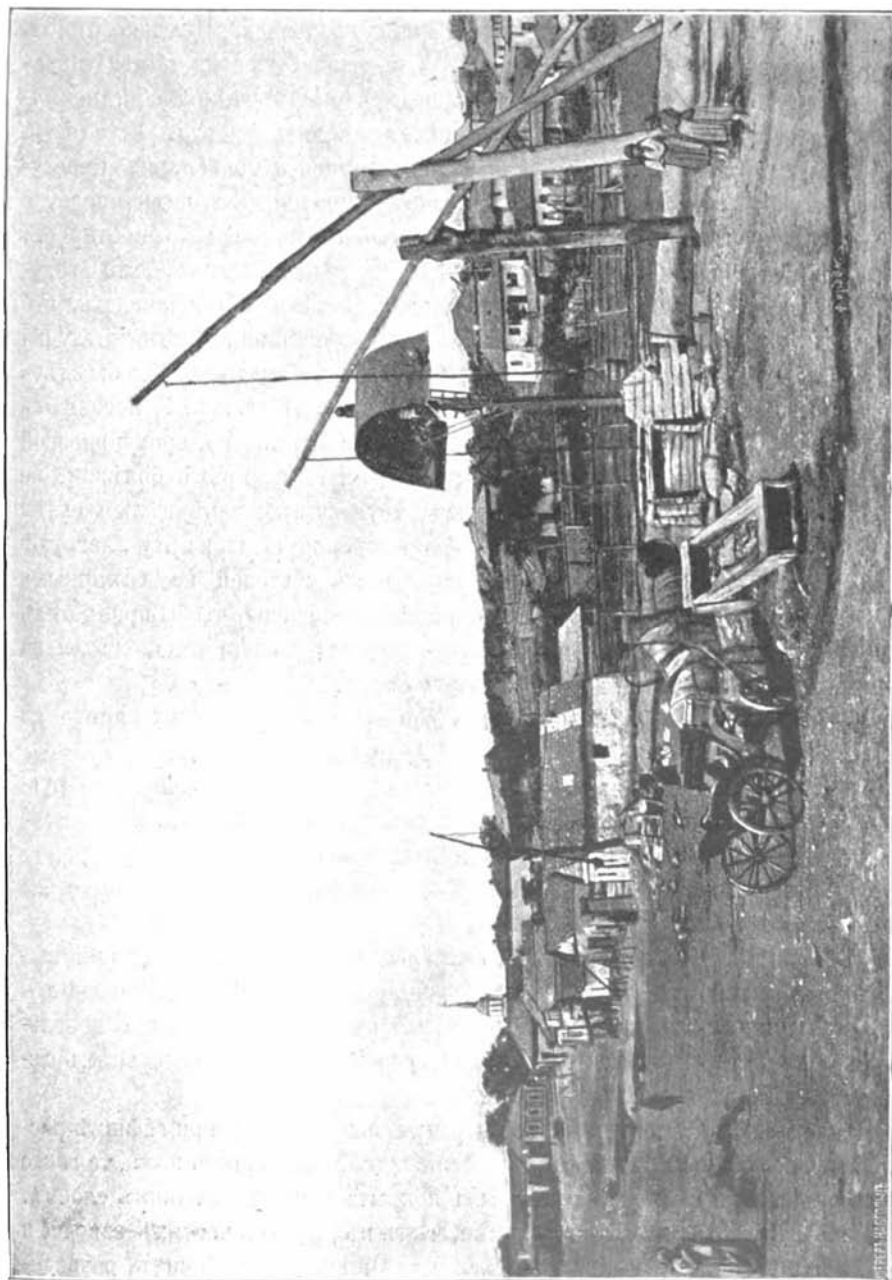
---

*) Аппаратъ, въ которомъ изъ свеколицы извлекается сладкій сокъ.

дили и работали только тѣ типичныя фигуры машинистовъ и слесарей, которые вмѣстѣ съ токарями и литейщиками слывутъ подъ общей кличкой „механиковъ“. Сухіе и подвижныя, съ серьезнымъ взглядомъ, съ лицами, покрытыми копотью и сажей, съ черными руками, въ засаленныхъ блузахъ и узкихъ штанахъ въ сапоги, они чувствовали себя какъ дома въ этомъ лабиринтѣ насосовъ и трубъ и брались за тяжелый гаечный ключъ, за зубило или за молотъ съ тою же профессиональною ловкостью, съ какой портниха беретъ за иголку. Двѣ-три дѣвушки, которыя, низко нагнувшись и широко размахивая руками, то тутъ, то тамъ длинными тряпками безпрестанно подтирали полъ, казались здѣсь какими-то совершенно чуждыми, лишними фигурами.

Но стоило мнѣ подняться наверхъ,—и я попалъ какъ бы въ совершенно другое царство. Здѣсь нѣтъ машинъ и все неподвижно. Здѣсь кажутся въ глаза только огромныя резервуары разныхъ формъ и видовъ. Вотъ длинный рядъ тѣсно поставленныхъ четырехугольныхъ котловъ, гдѣ известно, а потомъ углекислотой очищаются сахарные соки. Вотъ колоссальная батарея лежачихъ, нагрѣваемыхъ паромъ котловъ, въ которыхъ производится выпарка громадныхъ массъ воды изъ сахаристаго сока, а подале, направо, поставленные нѣсколько выше другихъ, поднимаются три колоссальныхъ стоячихъ цилиндра, служащихъ для увариванія на „кристалль“ уже сгущенныхъ сироповъ. Для сохраненія тепла и трубы, и котлы одѣты толстымъ слоемъ дерева или особой мастики и густо покрашены свѣтло-желтой краской. Вся работа, совершающаяся внутри аппаратовъ, скрыта отъ глазъ, и только кое-гдѣ въ отверстіе узкаго стекла видна какая-то волнующаяся желтоватая жидкость. Ни суеты, ни движенія не видно. Отдѣльныя рабочіе еле замѣтны среди этихъ огромныхъ, наглухо закрытыхъ котловъ, которымъ, кажется, тѣсно въ этой просторной залѣ. Гдѣ-то глухо шумитъ паръ, да снизу, изъ царства машинъ, доносится стукъ какого-то насоса. Молча стоятъ между аппаратами рабочіе, изрѣдка закрутятъ или открутятъ колесико того или другого винтика, отпрутъ пробный кранъ, наберутъ въ стаканчикъ горячаго сока, который работница безшумно отнесетъ къ „пробному“ столику, и снова воцаряется спокойствіе и снова люди, кажется, стоятъ безъ всякаго дѣла, какъ бы погружаясь въ тихую дремоту между огромными горячими котлами. Большинство ихъ босы, ворота рубахъ ихъ полуразстегнуты, одежда облегчена до послѣдней степени, но жара, несмотря на раскрытыя окна, видимо, расслабляетъ ихъ. Часа четыре минуло съ того времени, когда, послѣ ранняго обѣда, пришли они на смѣну и стали подлѣ этихъ гигантскихъ котловъ, въ которыхъ непрерывно увариваются десятки тысячъ ведеръ жидкостей. Эта масса невидимой горячей влаги даетъ о себѣ знать. Разогрѣтыя стѣнки котловъ и сквозь обмазку обдаютъ васъ жаромъ. Въ этотъ теплый день температура здѣсь подня-

Въ южнорусской деревнѣ.

лась до 25°, а тамъ, гдѣ приборы сдвигаются потѣснѣе или поставлены повыше, доходить и до 30°.

Жара и монотонность работы утомляютъ людей. Недѣлю стоять они на смѣнѣ день, недѣлю — ночь. Три-четыре мѣсяца по 12-ти часовъ ежесуточно, безъ праздника проводятъ они въ такой обстановкѣ, и тяжело отражается на нихъ эта легкая съ виду работа. Усталость, расслабленность, ревматизмы и особую склонность ко всякимъ простудамъ уносятъ они съ завода. По закону, конечно, за ними числится право на сутки полного отдыха одинъ разъ въ недѣлю; но и староста и заводское начальство не поглядятъ по головкѣ тѣхъ, кто вздумаетъ этимъ правомъ воспользоваться; да и тѣхъ 30-ти копеекъ, что платитъ за день заводъ, жалко. И стоитъ рабочій на смѣнѣ безотлучно все время работы, отъ перваго до послѣдняго дня. Да и куда дѣль бы здѣсь свой свободный день онъ, пришлецъ изъ дальнихъ мѣстъ? У него нѣтъ тутъ ни дома, ни семьи, ни хозяйства, — словомъ, ничего, кромѣ грязной казармы съ нарами вмѣсто кровати; никакая сила, кромѣ болѣзни, не заставитъ рабочаго провести въ этомъ неуютномъ жильѣ цѣлыя сутки подъ рядъ. Мѣстный хохоль долгое время вовсе не шель на эту „легкую“ работу, да и теперь рабочіе изъ окрестныхъ жителей на сахарныхъ заводахъ — еще исключеніе. Они слишкомъ обезпечены, чтобы прельстилъ ихъ этотъ грошевый заработокъ. Миѣ хочется узнать, издалика ли на этотъ заводъ загнала судьба „рабочую силу“.

— Откуда вы? — обращаюсь я съ вопросомъ къ стоящему рядомъ со мной мужику съ широкой, короткой бородой „лопатою“.

— Мы?.. Мы — орловскіе, — отвѣчаетъ бородачъ тѣмъ чистымъ русскимъ говоромъ, какой рѣдко услышишь въ этихъ мѣстахъ.

— Что же, вы всѣ изъ одного мѣста?

— Нѣтъ, наши тутъ, на выпаркѣ, стоятъ, а на пробѣлкѣ да на диффузорахъ — тамъ другой волости.

Я пошелъ дальше. Вскорѣ я очутился въ „пробѣлкѣ“, гдѣ кристаллизованный уже сахаръ въ центробѣжныхъ машинкахъ освобождается отъ желто-краснаго сиропа и, промытый въ центрофугахъ же небольшимъ количествомъ чистой воды, поступаетъ уже въ видѣ всѣмъ извѣстнаго сахарнаго песка на сушило.

Работа здѣсь прямо кипѣла. Благодаря неизбѣжному при спѣшкѣ расплескиванію густой кристаллизующейся сладкой массы, весь полъ, такъ же какъ и одежда и тѣло рабочихъ, былъ покрытъ липкимъ сладкимъ слоемъ. Жара тутъ была едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ завода, и суетливая торопливость двигающихся взадъ и впередъ рабочихъ, разводящихъ ковши, придавала работѣ въ этомъ маленькомъ уголкѣ завода характеръ особой лихорадочной поспѣшности. Оставаться въ этой жарѣ, среди грязи и духоты представлялось не особенно заманчивымъ, и я ушелъ.

К і е в ъ.

(Л. С.)

Сколько разъ видѣлъ я Кіевъ, но всегда, когда подѣзжаешь къ нему со стороны Курско-Кіевской ж. д., не можешь снова не поддаться ощущенію захватывающей красоты. Уже ожиданіе ея волнуетъ. Пробѣжить поѣздъ мимо Броваровъ, предпоследней станціи предъ Кіевомъ, и не отходишь отъ окна. Потянется броварской лѣсъ съ высокими мачтовыми соснами, мелькнутъ пятна сыпучихъ песковъ, остановится на нѣсколько минутъ поѣздъ у вокзала дачнаго поселка „Дарница“, вынырнетъ изъ лѣсу — и встанутъ изъ-за Днѣпра Кіевскія горы, а съ нихъ смотритъ высокая колокольня Лавры и золотые верхи ея церквей. Лучше всего здѣсь весною, въ апрѣлѣ, маѣ. Днѣпръ тогда настоящій красавецъ. Тогда и только тогда онъ широкій и вольный. Затопилъ онъ свои острова и мели, и задолго еще до желѣзнодорожнаго моста начинается водная гладь его разлива. Теряются въ водѣ проселочныя дороги, поднимаются изъ нея ветлы и кресты полузатопленнаго кладбища, смотрятся въ нее бѣлыя хаты. Свободно бѣгутъ пароходы подъ мостомъ, не опасаясь сѣсть на мель. А лѣтомъ больно смотрѣть на Днѣпръ: такъ онъ съежился между своими мелями, особенно разросшимися возлѣ устоевъ желѣзнодорожнаго моста. Преграды задерживаютъ здѣсь теченіе рѣки, и изъ ея желтыхъ водъ осаждаются все новыя и новыя массы песку. Мели подъ мостомъ превратились въ островъ, поросшій лозой, и даже въ половодье видны надъ водой клочки одного острова. А лѣтомъ только у берега остается неширокая полоса фарватера, и осторожно пробирается по ней пароходъ.

Долго тянется мостъ — онъ длиною 1 вер. 165 саж. Черезъ мелькающія косыя клѣтки высокої металлической стѣны мостового коридора, по которому бѣжитъ поѣздъ, вы видите и зеленые холмы, и днѣпровскую долину, и паутину цѣпнаго моста, соединяющаго Кіевъ съ черняговской стороною. Сейчасъ за желѣзнодорожнымъ мостомъ у подошвы холмовъ „Звѣринца“ надъ кронами деревьевъ покажутся синіе купола Выдубецкаго монастыря, кокетливо выглянуть изъ-за обвивающаго ихъ винограда деревянные домики, произойдетъ томительная остановка на Кіевъ-товариномъ, а затѣмъ уже поѣздъ быстро пробѣжитъ мимо предместья „Деміевка“ съ его поселкомъ, раскинувшимся вокругъ сахарнаго завода, и мимо кладбища. Направо отъ полотна — низина Лыбеди, кагда-то значительной рѣки, а теперь ручья, вздувающагося лишь послѣ дождей. Вдоль долины Лыбеди вытянулись улицы „Новаго строенія“. Однѣ идутъ параллельно желѣзнодорожному полотну, другія перерѣзаютъ ихъ перпендикулярно и круто взбираются въ гору. Выше всего поднялась на этой горѣ тонкая цилиндрическая кирпичная башня-каланча, а

влѣво отъ нея вырисовываются изящные купола Владимірскаго собора. Не успѣете вы окинуть взглядомъ открывающейся панорамы города, и вы у кіевскаго вокзала.

Онъ очень некрасивъ — этотъ вокзалъ, совершенно не подѣ стать Кіеву. Но уже въ ходу работы по устройству новой желѣзнодорожной станціи. Къ вокзальной площади подходятъ рельсы электрической желѣзной дороги, и, пользуясь услугами трамвая, вы можете попасть во всѣ интереснѣйшія части Кіева.

Но куда ѣхать и что смотрѣть? Кіевъ вѣдь обширенъ. Онъ протянулся болѣе, чѣмъ на 10 вер., по направленію съ сз. на юв. Юго-восточная часть Кіева расположена между рѣкою Лыбедью, впадающею въ Днѣпръ ниже города и Днѣпромъ. Въ этой части города на приднѣпровскихъ холмахъ расположились: предмѣстье Звѣринецъ, Печерскъ и дворцовая часть или „Липки“, а долину Лыбеди заняла Лыбедская часть или „Новое Строеіе“. Къ сѣверу отъ „Новаго Строеіа“, за одной изъ самыхъ длинныхъ улицъ Кіева, Бибикивскимъ бульваромъ раскинулся по холмамъ такъ наз. „Старый городъ“. Холмы „стараго города“ круто обрываются въ сторону Днѣпра горами, на которыхъ стоятъ памятникъ Владиміру и Андреевская церковь, и отдѣляются глубокой Крещатицкой долиной (улица Крещатики) отъ лежащихъ къ востоку холмовъ (занятыхъ „Липками“). Болѣе высокіе участки города соединены съ низинами крутыми подъемами, такъ назыв. „спусками“ и „взвозами“, Къ с.-з. отъ „Стараго города“, тоже по холмамъ, разбросалась Лукьяновская часть и предмѣстье Лукьяновка.

Между горами „Стараго города“ и Днѣпромъ въ приднѣпровской низменности лежитъ Подоль, а къ сѣверу отъ него „плоская часть“. Самый сѣверъ площади Кіева занять урочищемъ Оболонь и предмѣстьями Куреневка и Пріорка.

Если вы хотите полюбоваться тѣмъ, что составляетъ непреходящую красоту Кіева, — видами днѣпровской дали, — поѣзжайте на его высоты въ „Старомъ городѣ“ или въ „Липкахъ“, взберитесь на паперть Андреевской церкви, на Владимірскую гору, на тѣ дорожки Царскаго сада, что идутъ надъ склонами, круто опускающимися къ Днѣпру. Чаше всего любители видовъ посѣщаютъ Владимірскую гору. Это и гордость, и большая забота Кіева. Попасть на эту гору можно и со стороны Крещатики, главной улицы Кіева, по пологому подъему, идущему отъ Царской площади, и со стороны Подола — части Кіева, раскинувшейся по приднѣпровской низинѣ, по очень крутому „спуску“. Теперь здѣсь устроенъ элеваторъ, который подыметъ васъ къ Михайловскому монастырю, откуда въ одну сторону рукой подать къ Андреевской церкви, въ другую — еще ближе къ Владимірской горѣ. Повернувъ направо отъ монастыря, вы попадаете на верхнюю площадку этой горы.

Еще недавно здѣсь былъ пустырь, теперь проложены дорожки, усаженные деревьями, и устроены шоссированные спуски къ площадкѣ, лежащей ниже, гдѣ и подымается памятникъ Владиміру. Кругомъ много зелени — деревья и кустарники, со вкусомъ разбитыя клумбы цвѣтовъ. Съ площадки памятника и изъ бесѣдки, построенной на верхней площади горы, открывается великолѣпный видъ. Широко и прихотливо извивается долина Днѣпра, теряясь въ подернутой туманной дымкой дали. Видно мѣсто сліянiя Десны съ Днѣстромъ, днѣпровскіе рукава, острова между ними. Подплываютъ пароходы къ пристани; наперерѣзъ къ нимъ, чтобы покачаться на волнахъ, спѣшатъ лодки; снуютъ взадъ и впередъ пароходикъ, поддерживающій сообщеніе между Кіевомъ и Трухановымъ островомъ. Отлично видны оба моста — цѣпной и желѣзнодорожный, красиво выдѣляются вправо зеленыя высоты Царскаго сада и влѣво — предестный профиль Андреевской церкви. А тамъ за Днѣпромъ синѣютъ лѣса черниговской стороны. Льются пѣсни съ лодокъ, вверхъ и внизъ по теченію уносящихъ катающихся. Сгущаются сумерки, вдоль по берегу Днѣпра замигали огни костровъ — тамъ, вѣроятно, варятъ кулешъ или прыгаетъ черезъ огни распалившаяся молодежь. А ближе — съ Труханова острова и изъ сада „Минеральныхъ водъ“ — брызнули снопы электрическаго свѣта. Но лучше ихъ тѣ яркія звѣзды, что высыпали на темномъ небѣ. Тише становится говоръ толпы, гуляющей у памятника, чаще останавливаются, задумчивѣе глядятъ вдаль.

Раньше чѣмъ стемнѣетъ, взгляните внизъ. Тамъ, у подножія горы, на плоской приднѣпровской равнинѣ раскинулся Подоль, когда-то главный центръ кіевской жизни. Но теперь только два огромныхъ фабричныхъ корпуса — здѣсь большія мукомольни — говорятъ о томъ, что и Подоль приобщился къ новымъ теченіямъ жизни.

Хорошъ видъ съ Владимірской горы; несравнененъ онъ и на нее, и на другія кіевскія горы, если смотрѣть на нихъ снизу, съ Днѣпра. И опять-таки — лучше всего весенинимъ вечеромъ. Постепенно темнѣетъ золотисто-розовая окраска неба, но все еще хорошо видны и Аскольдова могила, и густая зелень Царскаго сада, и памятникъ Владиміра съ высоко-поднятымъ крестомъ въ рукахъ, и легкая, воздушная при этомъ освѣщеніи, бѣлая Андреевская церковь. Во время иллюминацій крестъ въ рукѣ Владиміра горитъ переливчатымъ огнемъ на темномъ небѣ.

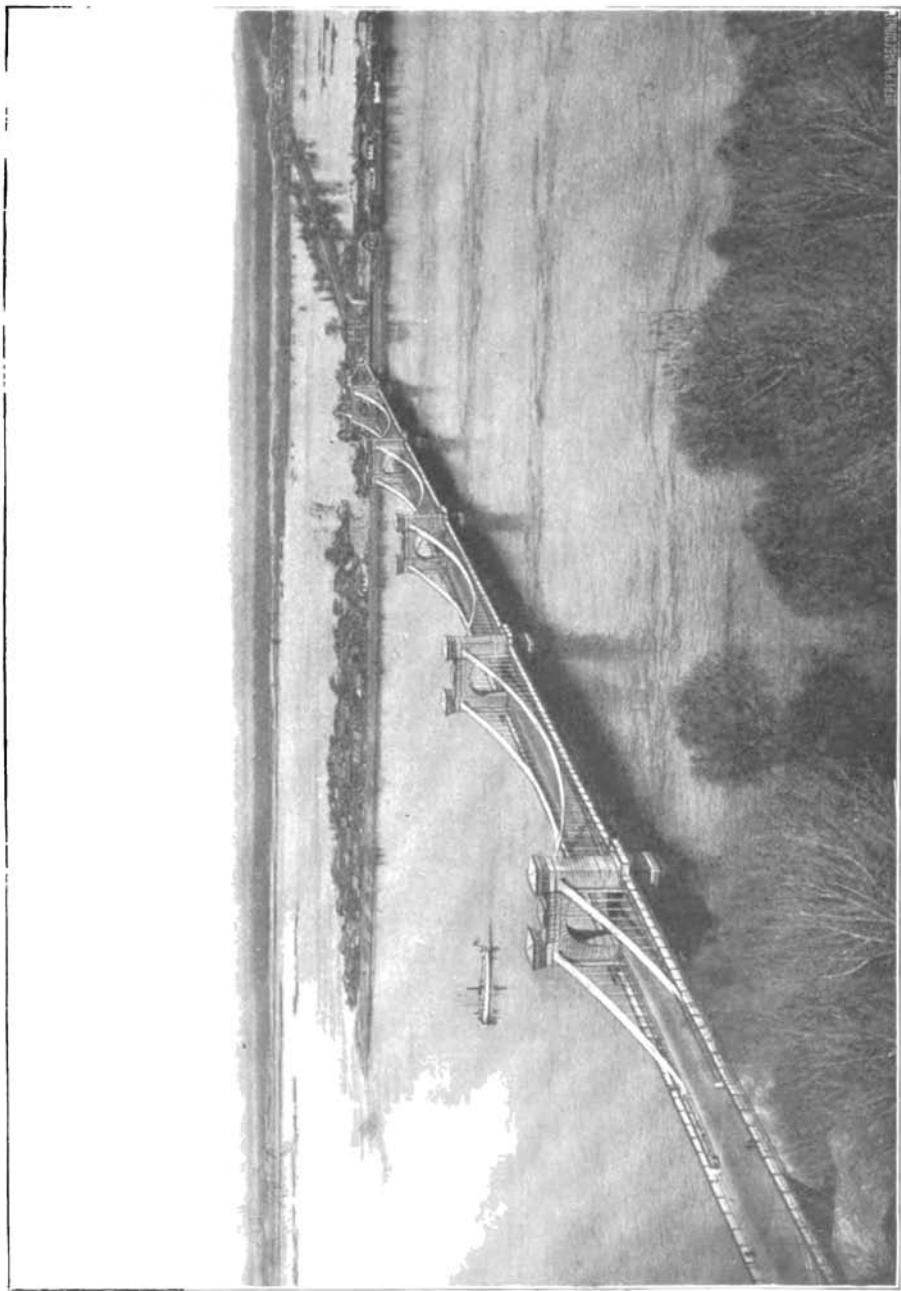
Но Владимірская гора, такъ красящая Кіевъ, бываетъ подчасъ источникомъ значительныхъ непріятностей. Кіевскія горы ползутъ, въ частности сползаетъ откосъ Владимірской горы, примыкающій къ Александровской улицѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается „спускъ“, соединяющій Подоль съ Крещатиномъ. Воды, скопляющіяся послѣ дождей и таянiя снѣга, прорсачиваются черезъ верхнія рыхлыя породы, пока не задержатся пластомъ глины, дающей матеріалъ для желтаго кіевского кирпича. По

уклону этихъ пластовъ вода стекаетъ книзу, образуя скользкую поверхность, по которой и начинаютъ сползать выше лежащія породы. Осенью 1905 года оползнями было разрушено три усадьбы Александровскаго спуска, нѣсколько домовъ уничтожено, другіе сдѣлались необитаемыми, такъ какъ первые этажи оказались совершенно закупоренными глиной.

Обвалы оставались необрушенными всю зиму, а въ февралѣ 1906 года прежніе оползни усилились новыми. 23 февраля въ 4-мъ часу утра, произошли новые огромные оползни Владимірской горы. На протяженіи 25-ти сажень Александровскій спускъ и полотно трамвая засыпаны землей; подъ обвалъ попалъ извозчикъ съ сѣдокомъ: пролетка была разбита, извозчикъ и сѣдокъ спаслись. Жильцы ближайшихъ къ обвалу домовъ были вынуждены бросить квартиры.

Днѣпръ, составляющій главную красоту Кіева, былъ, особенно въ прежнее время, важнѣйшимъ факторомъ роста и процвѣтанія города. Въ 3-хъ верстахъ ниже впаденія Десны (она впадаетъ въ 7-ми верстахъ выше Кіева) отъ Днѣпра отдѣляется рукавъ Старикъ, образуя довольно большой островъ. Подъ самымъ Кіевомъ, противъ Подола, Днѣпръ даетъ рукавъ Черторыю, отдѣляющійся отъ главнаго русла островомъ Трухановымъ и соединяющійся снова съ Днѣпромъ противъ Аскольдовой могилы протокомъ Пробитець.

Какъ всякая могучая рѣка, Днѣпръ является не только созидательной, но и разрушительной силой. Много неприятностей причиняетъ онъ обитателямъ низменныхъ береговъ во время половодья (уровень воды въ Днѣпрѣ подымается тогда на 5—8 арш. выше нормальнаго). Но еще больше горя принесло разрушеніе напоромъ его струи площади Подола. Размытіе происходило давно. На памяти исторіи Днѣпромъ былъ поглощенъ островъ Затонъ у Певодницкой пристани за Лаврой. А въ началѣ XVIII ст. напоръ Днѣпра на кіевскій берегъ былъ еще усиленъ искусственными мѣрами. Для сокращенія пути въ пристань на устьѣ Почайны былъ прокопанъ каналъ при поворотѣ Днѣпра. Днѣпръ сталъ протекать у самаго Подола и, какъ говоритъ одинъ старый авторъ, „безпрестаннымъ въ весеннее наводненіе отмываніемъ береговъ весьма примѣтно умалилъ сію часть города. Считаютъ около 300 домовъ въ убыльхъ“. Чтобы поправить бѣду, инженеры въ 1777 году расширили „Пробитець“, соединяющій Днѣпръ съ Черторыею. Вышло еще хуже. Днѣпръ съ такою силою бросился по этому каналу, что, казалось, могъ совершенно уйти отъ Кіева къ черниговскому берегу. Во избѣжаніе этого съ 40-хъ годовъ XIX в. начались работы по запруживанію прохода въ Черторыю, затянувшіяся на много десятилѣтій „со слабымъ успѣхомъ для дѣла и съ большими затратами для казны“. вмѣстѣ съ тѣмъ на всемъ протяженіи отъ такъ называемой „канавы“ до Крещатицкаго источника была построена набережная изъ туровъ и фашиинника, и этимъ приостановлено разрушеніе Днѣпромъ берега Подола.

Дніпръ подѣ Кіевомъ во время разлива.

На днѣпровской низинѣ, у подножья холмовъ нынѣшняго Кіева, и обосновались первые поселенцы. Первое появленіе человѣка на территории Кіева относится къ древнѣйшимъ временамъ. Тѣ възгорья, гдѣ найдены слѣды первобытнаго населенія Кіева, находятся въ сѣверо-западной части города, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Днѣпра. Эта мѣстность пересѣчена оврагами, придающими ей причудливый и дикій характеръ. Здѣсь и крутые обрывы, и высокія стѣны, и глубокіе овраги. Ес стоитъ посмотрѣть. Изъ мѣстностей, не прилегающихъ къ Днѣпру, это едва ли не живописнѣйшій уголокъ Кіева. Трамвай доставитъ васъ и сюда. Нужно сѣсть у думы въ вагонъ, идущій на „Лукьяновку“. Предмѣстье Лукьяновка раскинулось какъ разъ по холмамъ, о восточныхъ отрогахъ которыхъ мы сейчасъ говорили. Пересѣвши ихъ, линія трамвая выходитъ на длиннѣйшую Кирилловскую улицу, идущую по низинѣ вдоль холмовъ. Когда будете ѣхать по этой улицѣ, вамъ бросится въ глаза и массой зелени, и живописностью своихъ высотъ усадьба бывшаго Кирилловскаго монастыря. Въ оврагѣ съ южной стороны этого монастыря еще 30 лѣтъ тому назадъ проф. В. Б. Антоновичъ нашель до 20 пещеръ, служившихъ обиталищемъ людей. Населеніе ихъ относится еще къ первой половинѣ каменнаго вѣка: обитатели пещеръ приготавливали свои орудія изъ оббитыхъ осколковъ кремня. Продолжая далѣе изслѣдованія проф. Антоновича, на самыхъ горахъ и ихъ склонахъ открыли слѣды обширнаго поселенія первобытныхъ людей, употреблявшихъ костяныя орудія и гончарныя издѣлія грубой выдѣлки, а на предмѣстьи Кіева Пріоркѣ (къ с.-з. отъ Лукьяновки) найдены слѣды стоянки первобытнаго человѣка каменной эпохи.

Рано появилась человѣческая жизнь и въ противоположной, юго-восточной части Кіева, примыкающей къ тѣмъ горамъ, на которыхъ стоитъ Лавра, и называемой Печерскомъ. Мѣстность эта изобилуетъ первобытными пещерами, послужившими, вѣроятно, образцомъ для пещеръ, которыя впослѣдствіи стали устраивать себѣ христіанскіе подвижники въ Кіевѣ. Около дальнихъ пещеръ Кіево-печерской лавры еще теперь можно видѣть такъ наз. варяжскія пещеры. Монетные клады, найденные на Печерскѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что населеніе его еще въ II и III в. по Р. Х. вело торговлю съ греко-римскимъ міромъ.

Позже заселился Подоль и тѣ холмы, которые поднимаются надъ нимъ и зовутся Старымъ городомъ. И Старый городъ, и Подоль несомнѣнно были обитаемы въ X вѣкѣ.

Подоль съ его преимущественно еврейскими магазинами, „заѣзжими дворами“, незрчными домами, плохонькими, грязноватыми гостиницами и лишь кое-гдѣ выступающими новыми, красивыми зданіями производитъ впечатлѣніе второразряднаго губернскаго города. А лѣтъ 50—60 тому назадъ именно здѣсь бился пульсъ кіевской жизни. Здѣсь въ „коп-

трактовомъ домѣ“ и возлѣ него еще и теперь въ февралѣ мѣсяцѣ бываетъ ярмарочная, такъ наз. „контрактная“ торговля, но теперь это совершенно ничтожный и жалкій торгъ, а между тѣмъ именно контрактная ярмарка дала въ свое время могучій толчокъ развитію Кіева. Только послѣ того, какъ (въ самомъ концѣ XVIII в.) въ Кіевъ была перенесена изъ Дубна ярмарка, получившая названіе контрактной, Кіевъ сталъ средоточіемъ промышленной жизни юго-западнаго края, а также губерній Черниговской и Полтавской. Въ городѣ началось небывалое оживленіе особенно съ тѣхъ поръ, какъ развилась свекло-сахарная промышленность. Кіевъ сталъ центромъ этой промышленности и сохранилъ это значеніе и донынѣ. „Чѣмъ была контрактная ярмарка для Кіева (говоритъ г. Рева, одинъ изъ знатоковъ экономической жизни юго-западнаго края) съ момента ея учрежденія до постройки желѣзнодорожнаго пути, въ настоящее время трудно себѣ и представить. Ко времени ярмарки пріурочивались всѣ хлѣбныя, земельныя и сахарныя сдѣлки, всѣ закупки, необходимыя для домашняго обихода тогдашняго деревенскаго культурнаго люда. Ярмарка была не только пунктомъ для торговыхъ оборотовъ, но и мѣстомъ для развлеченій и веселья. На ярмарку съѣзжались, исключительно на лошадяхъ, купцы съ товарами изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей Россіи и даже изъ-за границы, землевладѣльцы, промышленники, актеры и пѣвцы и много всякаго иного народа, искавшаго „дѣлъ“ и наживы. Городъ переполнялся пріѣзжими, жизнь закипала въ немъ ключомъ и, само собою разумѣется, весьма многое изъ производившихся оборотовъ оставалось въ рукахъ горожанъ, когда торговый шумъ затихалъ и дѣла входили въ свою обычную колею. Первый подрывъ контрактной ярмаркѣ сдѣланъ былъ организаціей и постепеннымъ развитіемъ пароходства на Днѣпрѣ, серьезное начало котораго относится къ шестидесятымъ годамъ; полный же ударъ ярмарочной торговлѣ нанесла постройка Кіево-Курской и Кіево-Одесской ж. д.“ Ярмарка пала, но ея паденіе не могло остановить начавшагося промышленнаго развитія города. Только теперь это развитіе нашло опору въ новомъ факторѣ, именно быстромъ разрастаніи желѣзнодорожной сѣти.

О значеніи желѣзныхъ дорогъ для Кіева ясно говорятъ постепенное перемѣщеніе центра его торговой и промышленной жизни. Въ 60-хъ годахъ такимъ центромъ былъ Подоль. Сюда стекались пріѣзжавшіе въ Кіевъ по торговымъ дѣламъ. Здѣсь были лучшіе по тому времени магазины, гостиницы и „заѣзжіе дома“. Остальной Кіевъ еще не проснулся къ дѣятельной жизни и погруженъ былъ въ сонное прозябаніе мелкаго административнаго центра. Наболѣе оживленная улица современнаго Кіева, Крещатикъ, выглядѣла такъ, какъ смотрять улицы окраинъ плохонькаго губернскаго города: низенькіе одноэтажные дома, длинныя дощатые заборы. Еще пустыниѣе выглядѣла остальная часть Старога

города и лежащее къ югу отъ него такъ называемое, „Новое строеніе“. Даже возлѣ университета, 2-ой гимназіи и анатомическаго театра разсти- лались огромные пустыри, въ рвахъ и ямахъ которыхъ по ночамъ скры- вались любители легкой наживы. Въ улицы, находившіяся въ долинѣ Лыбеди и прилежащихъ низменныхъ частяхъ города, послѣ дождя, особенно ночью, еще и въ 70-хъ годахъ не соглашался ѣхать ни одинъ извозчикъ. Улицы не освѣщались, а въ ихъ грязи можно было увязнуть и не выбраться. Дѣтей и женщинъ нерѣдко на рукахъ приходилось пе- реносить съ одной стороны улицы на другую.

Но появилась желѣзная дорога съ ея вокзаломъ въ долинѣ р. Лы- беди и произвела полный переворотъ въ строѣ промышленной жизни Кіева. Центръ жизни перемѣстился. „Подоль, это прежнее средоточіе промышленной жизни города, какъ бы окаменѣлъ въ своихъ прежнихъ формахъ, а вмѣсто того началъ быстро и пышно развиваться болѣе близкій къ желѣзной дорогѣ Крещатикъ. Жалкія одноэтажныя лачужки, крытыя деревомъ, почернѣвшимъ отъ времени и поросшимъ мохомъ, начали исчезать; длинные дощатые заборы, окрашенные въ безобраз- ную желтую краску, уступали свое мѣсто многоэтажнымъ домамъ“. Въ 70-хъ годахъ центръ торговой жизни Крещатика еще недалеко од- нако ушелъ отъ Подола и находился въ той части его, гдѣ начинается спускъ къ Подолу, именно возлѣ „Европейской“ гостиницы. Здѣсь со- средоточивались лучшіе дома Крещатика, но теперь этотъ центръ пе- ремѣстился ближе къ вокзалу, и наиболѣе оживленная часть Крещатика приходится на полосу между думою и Бибикивскимъ бульваромъ. Но развитіе идетъ дальше, и Крещатикъ, въ извѣстной степени, можетъ раздѣлить въ будущемъ участь Подола. Домостроительство на Креща- тикѣ развивается далеко не такъ быстро, какъ въ привокзальныхъ ча- стяхъ города. На Крещатикѣ все еще рядомъ съ огромными домами остаются двухъ и даже одноэтажныя домики. Въ то же время улицы „Новаго строенія“, недавно бывшія совершенно мертвыми, какъ Василь- ковская или Маринско-Благовѣщенская, застраиваются 5- и 6- этажными домами, часто безъ всякихъ промежутковъ, стѣна къ стѣнѣ, примыка- ющими другъ къ другу. Сюда же переливается и волна торговли. Васильковская улица уже на большомъ протяженіи въ своихъ нижнихъ этажахъ представляетъ сплошную лавку.

Кіевъ быстро разрастается, при чемъ ростъ города идетъ въ 2-хъ направленіяхъ. Съ одной стороны, онъ растетъ вверхъ — одноэтаж- ные дома замѣняются 4- и 5-этажными. Съ другой, онъ превра- щается въ сплошь заселенное пространство, теряя тотъ характеръ отдѣльныхъ поселеній, соединенныхъ другъ съ другомъ крутыми „спус- ками“ и „взвозами“, какой онъ носилъ еще недавно. Застраиваются пустыри, такъ недавно широко раскидывавшіеся между заселенными ча-

стями города. Проводятся новыя улицы. Нерѣдко эти вновь возникшія улицы обстраиваются роскошнѣйшими зданіями, какъ, напримѣръ, Николаевская улица, проложенная между Крещатикомъ и вкруто поднимающимися надъ нимъ „Липками“. Очень много изящныхъ построекъ появилось и въ Липкахъ. Недавно это былъ тихій дворянскій уголь Кіева: небольшіе особняки тонули въ зелени садовъ, въ домахъ почти не было магазиновъ, на улицахъ—очень слабое движеніе. Теперь и эта часть города стала неузнаваемой. По улицамъ прошелъ трамвай. Дворянскіе особняки замѣнились огромнѣйшими домами, принадлежащими купцамъ, богатымъ подрядчикамъ и т. п. Среди этихъ новыхъ домовъ встрѣчаются очень красивыя, напр., домъ Городецкого. Есть красивыя общественныя зданія—солидно и въ то же время съ большимъ вкусомъ построенное зданіе государственнаго банка, археологической музей и др. Дома привлекаютъ къ себѣ вниманіе и своеобразной архитектурой, а многіе—и своеобразной окраской. Построенные изъ желто-сѣраго кирпича они нерѣдко не штукатурятся и не красятся, такъ какъ это могло бы лишь испортить натуральный мягкій цвѣтъ матеріала, изъ котораго сложены стѣны.

По изяществу построекъ, по массѣ зелени (параллельно Александровской улицѣ Липокъ идетъ Царскій садъ), по нагорному своему положенію Липки — самая красивая и здоровая часть Кіева, и здѣсь долженъ побывать каждый, кто хочетъ ознакомиться съ постройками новаго Кіева.

Кого влечетъ къ себѣ историческій Кіевъ и его святыни, тотъ въ Липкахъ найдетъ для себя мало интереснаго. Но тотъ изъ Липокъ, сѣвши въ вагонъ трамвая, черезъ нѣсколько минутъ попадетъ къ главной святынѣ Кіева—Кіево-печерской лаврѣ съ ея пещерами, ближними и дальними. Богатая ризница Лавры и стѣнная живопись лаврскаго храма представляютъ много любопытнаго для любителя церковной старины. Не менѣе интересны старинные храмы „Стараго города“, особенно Михайловскій Златоверхскій монастырь, съ прекрасной мозаикой и фресками на стѣнахъ храма, (онъ построенъ въ 1108 г. в. кн. Святополкомъ-Михайломъ) и Софійскій соборъ (построенъ Ярославомъ I въ 1037 г.). Это величавый, но нѣсколько мрачный храмъ. Темновато и тѣсно между его колоннами, укоризненно смотрять съ нихъ изможденные лики святыхъ византийскаго писма. И легче дѣлается когда подынешь глаза ввысь, къ высокому своду, къ чудной мозаичной иконѣ. Въ храмѣ есть хоры, и, проходя къ нимъ по коридору, вы увидите, что предки наши искали не однихъ покаянныхъ молитвенныхъ настроеній—сохранившаяся кое-гдѣ на стѣнахъ живопись говоритъ о забавахъ и утѣхахъ кіевскихъ князей.

По сравненію съ Софійскимъ соборомъ веселымъ и легкимъ пред-

ставляется третій извѣстнѣйшій храмъ стараго города — Андреевская церковь, выстроенная въ XVIII в. по плану Растрелли. Мы упоминали уже выше объ этой церкви—съ ея галлерей открывается великолѣпнѣйшій видъ на городъ и Днѣпръ.

Помимо церквей, на площади между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ для туриста представляетъ интересъ и памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Остановится прїѣзжій и предъ „Золотыми Воротами“ (между Владимірской ул. и Ярославовымъ валомъ), остаткомъ главнѣйшихъ изъ воротъ, находившихся въ томъ земляномъ валу, котрымъ нѣкогда обвелъ городъ Ярославъ I.

Ни на площади Софійскаго собора, ни на большинствѣ улицъ „Стараго города“ незамѣтно большого оживленія. Ясно, что не здѣсь теперь центръ кїевской жизни. Оживленіе лишь на улицахъ, подходящихъ къ Крещатику. Одна изъ нихъ—Прорѣзная,—сравнительно недавно еще не имѣвшая не только торговыхъ заведеній, но и домовъ, стала бойкимъ торговымъ пунктомъ. Средоточіемъ торговли и денжныхъ сдѣлокъ остается Крещатикъ. Здѣсь идетъ оживленная торговля въ складахъ машинъ и техническихъ конторахъ, въ магазинахъ, торгующихъ готовымъ платьемъ, бѣльемъ и галантерейнымъ товаромъ и ювелирныхъ. Здѣсь нѣсколько книжныхъ магазиновъ; рядъ хорошихъ гостиницъ, кофеенъ. Въ части Крещатика, прилегающей къ думѣ, много банкирскихъ конторъ. Въ часы биржевыхъ сдѣлокъ тротуары возлѣ этихъ конторъ запружены народомъ, переполнены и находящіяся здѣсь кофейни. Идетъ живой дѣловой разговоръ. Преобладаютъ лица семитическаго типа.

Другого рода публика собирается въ послѣобѣденные часы на противоположной сторонѣ Крещатика, главнымъ образомъ между Фундуклеевской и Прорѣзной улицами. Беззаботно фланируетъ она, занявши весь очень широкій тротуаръ. Образуется два встрѣчныхъ потока, и приходится медленно двигаться, попавъ въ одинъ изъ нихъ. Преобладаютъ молодежь обоого пола, веселая, отдыхающая. Много завсегдаевъ, неизмѣнно являющихся на Крещатикъ повстрѣчаться со знакомыми и поболтать съ ними. Разговоръ идетъ и на русскомъ, и на польскомъ языкѣ. Въ русской рѣчи болтающихъ много неправильныхъ удареній и своеобразныхъ оборотовъ. Однако не здѣсь, на Крещатикѣ, вы скорѣй всего услышите типичный кїевскій говоръ. Идите дальше, на Васильковскую и прилегающія къ ней улицы. Прислушайтесь къ громкой рѣчи, особенно звонкой у женщинъ. Вы услышите, что она „соскучила за тобою“ или что она хочетъ идти „не тудю, а сюдою“ и т. д.

Нынѣшніе магазины Крещатика, особенно его склады машинъ и техническихъ конторы являются отраженіемъ промышленной жизни Кїева. Они находятся въ связи съ развитіемъ сахароваренной, мукомольной,

маслобойной, винокуренной и пивоваренной промышленности въ Кіевѣ и возлѣ него. Быстрый ростъ этихъ видовъ промышленности въ юго-западномъ краѣ вообще и въ Кіевѣ въ частности создалъ широкую потребность въ машинахъ и приборахъ для различныхъ промышленныхъ учреждений. Для удовлетворенія этой потребности сперва возникъ рядъ иностранныхъ комиссіонныхъ конторъ, продававшихъ заграничныя машины и различныя техническія принадлежности, но за послѣдніе годы возлѣ Кіева и вблизи него появился цѣлый рядъ крупныхъ акціонерныхъ промышленныхъ предприятий для выдѣлки различныхъ машинъ и орудій. Количество этихъ предприятий все растетъ. Въ эти предприятия вкладываются крупные капиталы, нажитые на мукомольной и свеклосахарной промышленности (въ юго-западномъ краѣ свыше сотни свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ, вырабатывающихъ половину добываемаго въ Россіи сахара). Кіевъ все болѣе становится промышленнымъ центромъ для юго-западнаго края и губерній Черниговской и Полтавской.

Тѣмъ моментомъ, когда „дѣловая“ жизнь Кіева достигаетъ наибольшаго напряженія, является попрежнему контрактная ярмарка, принявшая однако теперь, подѣ влияніемъ разрастающейся промышленности тяготѣющаго къ Кіеву района, совершенно иной характеръ, чѣмъ прежде. „Собственно ярмарочная торговля, говоритъ г. Рева, пала, и пульсъ ярмарки оказывается въ настоящее время уже не на Подолѣ, какъ былъ прежде, а на Крещатикѣ, съ его многочисленными техническими, банкирскими и разными другими „конторами“. Время контрактной ярмарки сдѣлалось временемъ свиданія громаднаго большинства людей кіевскаго района: сахарозаводчиковъ, хлѣбныхъ торговцевъ, сельскихъ хозяевъ, спекуляторовъ и проч. Къ моменту контрактной ярмарки назначаются общія собранія дѣйствительныхъ и фиктивныхъ сахарозаводныхъ и разныхъ другихъ акціонерныхъ обществъ и производствъ, выдача дивиденда за предшествующій операціонный годъ и т. п. Въ это же время сельскіе хозяева района частью закупаютъ хлѣбные продукты прошлаго или, въ большинствѣ случаевъ, предстоящаго урожая, частью занимаютъ деньги для веденія лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ и пр. Къ этой же порѣ относятся обширныя сдѣлки какъ по продажѣ сахара, такъ и по приобрѣтенію сахарозаводчиками матеріаловъ и продуктовъ для предстоящей сахарной кампаніи. Въ теченіе мѣсяца контрактной жизни живой пульсъ Кіева бьется усиленно, непрерывной чередой идутъ собранія всевозможныхъ дѣловыхъ и ученыхъ обществъ, гостиницы переполнены прїѣзжими, и на улицахъ идетъ оживленная суета“. Но нынѣшняя ярмарка, послѣ своего прекращенія, не оставляетъ города, какъ прежде, въ состояніи многомѣсячной спячки до новой ярмарки. Ярмарка въ настоящее время является лишь „высшимъ выраженіемъ обыденной промышленной жизни города... И внѣ ярмарки въ Кіевѣ живутъ и ра-

ботають и банки, и банкирскія конторы, и разнаго рода „бюро“ и промышленныя учрежденія“.

Кіевъ является не только промышленнымъ, но и умственнымъ центромъ юго-западнаго края. Въ немъ 3 высшихъ учебныхъ заведенія. Старѣйшее изъ нихъ—духовная академія—возникло еще въ 1615 г. на Подолѣ, при Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ. Болѣе двухъ столѣтій отдѣляетъ отъ этого момента появленіе первой высшей свѣтской школы края—университетъ св. Владиміра открытъ въ 1842 г. И совсемъ недавно, какъ созданіе новаго промышленнаго развитія Кіева, возникъ, въ концѣ XIX в., Кіевскій политехническій институтъ. Нѣсколько тысячъ студентовъ, обучающихся при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ въ университетъ и политехникумѣ, составляютъ замѣтный элементъ кіевской жизни, вносятъ въ нее значительный подъемъ и оживленіе.

Есть рядъ ученыхъ обществъ въ Кіевѣ. Еще недавно дѣятельно работало кіевское общество грамотности, построившее помѣстительный народный домъ, съ хорошими научными коллекціями, съ театральнымъ заломъ и аудиторіей, куда лекціи профессоровъ университета и политехникума и „вольныхъ“ ученыхъ собирали многочисленныхъ слушателей. Издается нѣсколько газетъ; есть и журналы, но большинство ихъ спеціальнаго характера. Болѣе общаго содержанія была до послѣдняго времени лишь „Кіевская Старина“. Этотъ журналъ былъ еще недавно единственнымъ, гдѣ могли помѣщаться рассказы не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ нарѣчій. Съ начала 1906 г. дѣлаются попытки созданія самостоятельной украинской прессы.

Но если Кіевъ и является умственнымъ центромъ юго-западнаго края, то чего-нибудь дѣйствительно яркаго за послѣднее время онъ однако не создалъ, чего-нибудь выдающагося въ умственной и общественной жизни онъ не далъ.

Наибольшее впечатлѣніе Кіевъ оставляетъ не какой-либо определенной фizioноміей своего населенія—ея у него нѣтъ, оно для этого слишкомъ разноплеменно,—а культурнымъ обликомъ самого города, своими широкими улицами, своими бульварами, скверами и благоустроенными садами, электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, трамваями. Этой культурной внѣшностью отличаются всего больше новыя части города. Здѣсь и жилые дома, и общественныя зданія, и церкви оставляютъ наиболѣе свѣтлое впечатлѣніе. Въ этихъ именно новыхъ частяхъ города находятся два красивѣйшихъ храма Кіева—Владимірскій соборъ и новый костелъ. Костелъ (на Васильковской улицѣ)—грандіозное зданіе въ готическомъ стилѣ. Владимірскій соборъ—одинъ изъ лучшихъ храмовъ Россіи и по архитектурѣ, и по внутренней отдѣлкѣ. Вся средняя часть храма и главный алтарь расписаны В. М. Васне-

повымъ, остальные части — художниками Свѣдомскимъ, Котарбинскимъ и Нестеровымъ.

Если вы прїѣдете въ Кіевъ полюбоваться видами Днѣпра весной, то тогда же вы унесете наилучшее воспоминаніе и о самомъ городѣ. Тогда такъ нѣжно пахнутъ липкіе листочки пирамидальныхъ тополей на его бульварахъ, такъ красиво поднимаются букетики бѣло-розовыхъ цвѣтовъ на концахъ вѣтвей его каштановъ, такъ ярка зелень въ ботаническомъ и Царскомъ садахъ, въ Николаевскомъ скверѣ, противъ университета, и другихъ садахъ Кіева. Въ нихъ много цвѣтовъ, въ этихъ садахъ: и сирени, и жасмину, а въ ботаническомъ саду по вечерамъ заливаются соловьи. Хорошо тогда и на кіевскихъ дачахъ, кольцомъ окружающихъ Кіевъ. Свободно дышится въ ихъ сосновыхъ лѣсахъ. Еще не перелилась въ нихъ волна городского населенія, и оно не нарушаетъ еще гомономъ своихъ голосовъ величавой тишины лѣса.

По днѣпровскимъ порогамъ.

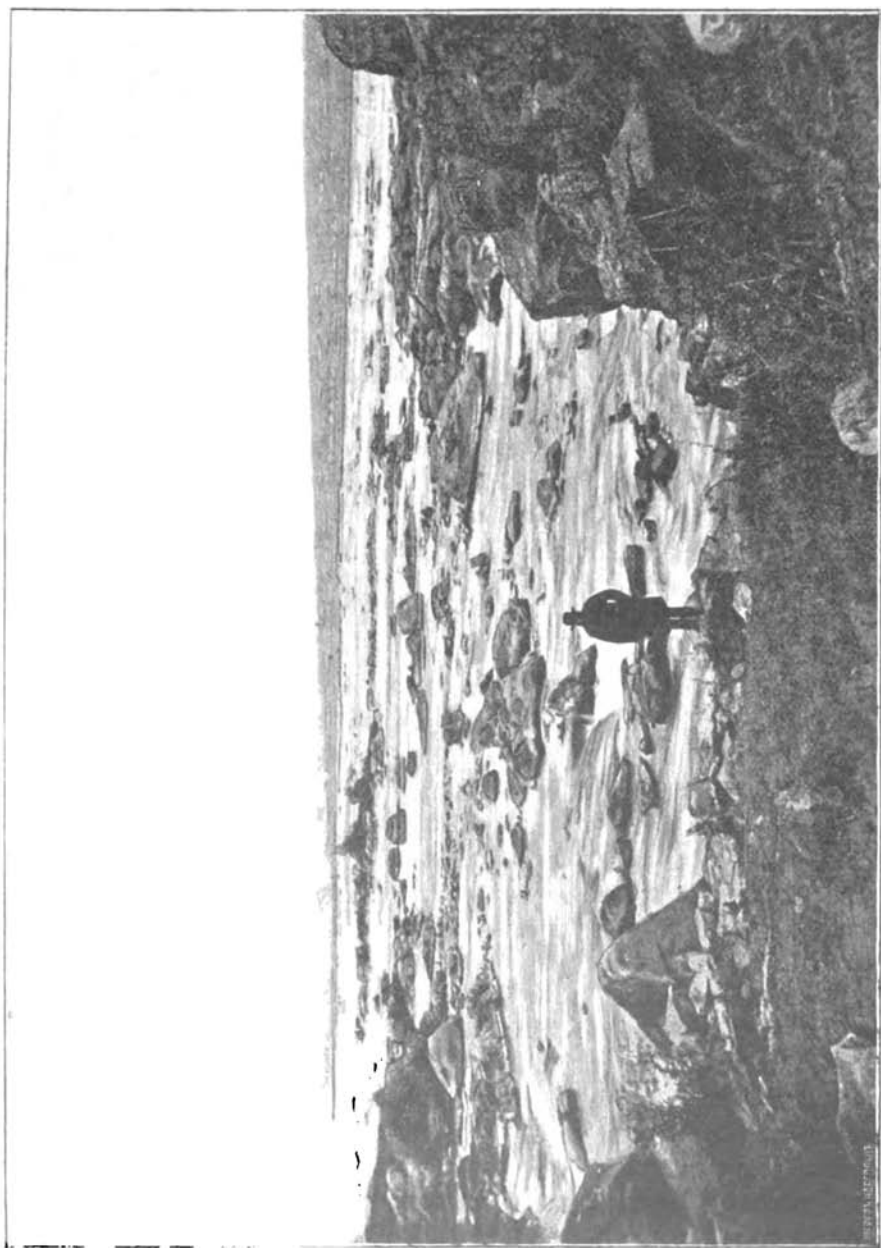
(В. Шперлингъ.)

Въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи, между городами Екатеринославомъ и Александровскомъ, русло Днѣпра перегорожено подступающимъ къ нему съ юго-запада гранитнымъ кряжемъ, такъ называемой Каменной грядой. Кряжъ этотъ весьма невысокъ и съ поверхности сосѣдней степи обыкновенно незамѣтенъ.

Уже на пути изъ Кременчуга въ Екатеринославъ попадаютъ среди пологихъ и песчаныхъ береговъ Днѣпра кое-гдѣ гранитные камни, мѣстами образующіе въ рѣкѣ даже цѣлые острова. Острова эти однако не вліяютъ на теченіе и не препятствуютъ судоходству. Только за Екатеринославомъ берега рѣки становятся утесистыми, и начинается рядъ пороговъ, тянущихся до Александровска, на протяженіи цѣлыхъ 70 верстъ. У Екатеринослава же Днѣпръ круто поворачиваетъ къ югу, образуя почти прямой уголъ.

Здѣсь во многихъ мѣстахъ гранитныя гряды пересѣкаютъ теченіе рѣки въ видѣ сплошныхъ валовъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ на болѣе или менѣе значительныхъ разстояніяхъ. Поверхность ихъ усѣяна цѣлыми грудями камней или отдѣльными камнями съ острыми верхушками. Если такой сплошной гранитный валъ съ разбросанными на его поверхности камнями перерѣзываетъ все русло, отъ одного берега до другого, то онъ называется порогомъ. Если же перегорожена только часть русла и существуетъ проходъ, хотя и засоренный отдѣльными камнями, это называется заборой.

Дніпровські пороги.

Сейчасъ за порогомъ (или заборой) обыкновенно есть болѣе глубокое мѣсто (по словамъ мѣстныхъ жителей до 20-ти и болѣе сажень), называемое плесомъ; здѣсь теченіе рѣки замедляется и можно на челнокѣ совершенно безопасно подѣхать близко къ порогу и пристать къ какому-нибудь торчащему изъ воды камню. Но и здѣсь русло устьяно множествомъ камней, отдѣльно разбросанныхъ по рѣчному ложу.

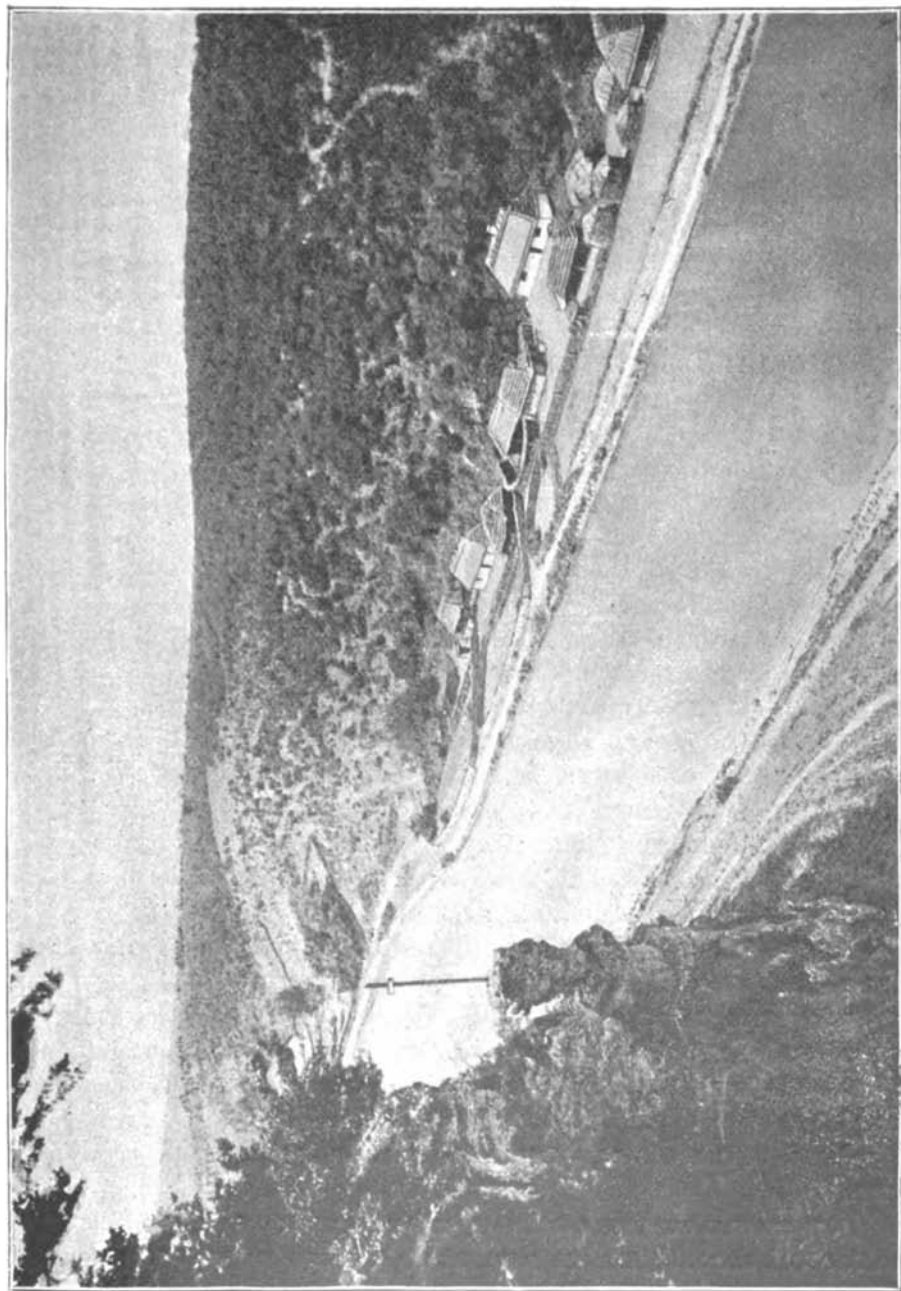
Всѣхъ пороговъ—девять, а заборъ—свыше тридцати. Самымъ опаснымъ порогомъ считается Ненасытець, или, какъ его зовутъ малороссы, Дидь; онъ особенно опасенъ потому, что здѣсь очень узкій и извилистый проходъ между камнями, а теченіе настолько быстрое, что на поворотахъ самая ничтожная ошибка лодмана можетъ повлечь за собою крушеніе судна.

За послѣднимъ порогомъ русло Днѣпра еще на нѣкоторомъ разстояніи устьяно опасными подводными камнями, и здѣсь берега его очень высоки (до 30 сажень). Глубина рѣки на порогахъ такъ незначительна, а быстрота теченія такъ велика, что сколько-нибудь безопасное плаваніе возможно только въ половодье, а съ середины лѣта, послѣ окончательнаго спада воды, совсѣмъ невозможно. Чтобы помочь дѣлу, неоднократно предпринималась расчистка русла, дѣлались обходные каналы, но это дѣлу помогло весьма мало, и до сихъ поръ плаваніе по порогамъ представляетъ значительныя опасности.

Для проведенія судовъ черезъ пороги съ давнихъ поръ (со временъ Запорожской сѣчи) существуетъ общество днѣпровскихъ лодмановъ. Со временъ Екатерины II жители села Лодманская Каменка (гдѣ теперь находится главная контора лодмановъ) освобождены отъ всѣхъ казенныхъ повинностей (даже отъ рекрутчины), но съ обязательствомъ проводить суда и плоты черезъ пороги. Несмотря, однако, на все искусство, всю опытность и неустрашимость днѣпровскихъ лодмановъ, на порогахъ постоянно, изъ года въ годъ, происходятъ крушенія баржъ и плотовъ, нерѣдко съ человѣческими жертвами. При этомъ, такъ какъ страхованія судовъ и грузовъ на порогахъ не существуетъ, то все, что погибло при крушеніи, потеряно безвозвратно.

Въ первой половинѣ лѣта, когда вода еще только начинаетъ спадать, спускъ по порогамъ, въ прочной и не слишкомъ глубоко сидящей лодкѣ не представляетъ особыхъ затрудненій. Тѣмъ не менѣе, не легко было добиться, чтобы опытный лодманъ согласился везти насъ внизъ по порогамъ. Населеніе Лодманской Каменки какъ будто не одобряло нашей затѣи: плыть по порогамъ, рискуя натолкнуться на острые каменья, здѣсь не считается забавой; подвергаться безъ нужды опасности—на это тамъ смотрѣли, какъ на что-то богохульное.

Долго пришлось намъ бродить по грязнымъ, чернымъ улицамъ, отыскивая лодманскую контору. Трудно было добиться толку; всѣмъ было

Видъ въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска.

словно лѣнь даже отвѣчать, не только что пространно объяснять, какъ намъ слѣдуетъ поступить. Наконецъ, послѣ безконечныхъ разспросовъ, намъ показали контору.

Въ конторѣ сидѣлъ очень толстый хохоль, погруженный въ какіе-то счеты; онъ лѣниво выслушалъ наше заявленіе и, не отвѣтивъ ничего, снова принялся за свое прерванное занятіе. Въ концѣ-концовъ, послѣ долгихъ переговоровъ и стараній, одинъ изъ лодмановъ взялся вести насъ на „дубъ“—большой и крѣпкой лодкѣ.

На слѣдующій день раннимъ утромъ, солнце еще не всходило, когда наша лодка отчалила отъ пристани Лодманской Каменки. Лодманъ помѣстился на руль, его четверо сыновей сѣли на весла. Ихъ сильныя, легкія движенія, живописный костюмъ и здоровыя, загорѣлыя лица приятно ласкали глазъ.

Утро выдалось свѣжее. Днѣпръ былъ весь подернутъ туманной дымкой. Лодка быстро неслась по теченію. Четыре пары веселъ легко взлетали надъ ровною поверхностью Днѣпра, слегка позолоченной отраженіемъ разгоравшагося востока. Крѣпкая типичная фигура лодмана рѣзко вырисовывалась на фонѣ блѣднаго, утренняго неба.

Въ воздухъ было что-то особенно прозрачное, легкое: каждый звукъ долго летѣлъ не умирая.

Вставало солнце. Когда цѣлый снопъ яркихъ, горячихъ лучей пересекнулся черезъ горизонтъ и вся водная равнина Днѣпра засіяла, заискрилась,—и лодманъ и гребцы сняли шапки и перекрестились.

Глядя по сторонамъ на мелькавшія на берегу бѣлыя хаты, прислушиваясь ко всеѣмъ звукамъ, несшимся оттуда, мы и не замѣтили, какъ наша лодка приблизилась къ первому порогу.

Издали ничего не было замѣтно, только слышался страшный гулъ. Этотъ гулъ не походилъ на шумъ падающей воды,—это было въ родѣ кипящаго клокотанья. Ближе... Ближе...

Вдругъ лодманъ крикнулъ: „Шабашъ!“ Всеѣ восемь веселъ сразу взлетѣли и замерли неподвижно въ воздухѣ, роняя крупныя капли воды, а лодка съ поразительной быстротой повеселась среди кипящей, клокочущей воды. Это продолжалось минуты полторы или двѣ, потомъ опять крикъ: „Гребемъ!“ — и весла снова мѣрно опускаются въ воду.

Одинъ порогъ остался позади, — и мы съ удивленіемъ переглянулись.

Большинство ожидали всеѣмъ другого: мы ожидали уступа, съ котораго широкой полосой падаетъ вода, нѣчто въ родѣ маленькаго водопада, какъ обыкновенно описываются пороги въ учебникахъ географіи. Здѣсь же не было ничего подобнаго: на пространствѣ около ста сажень вода кишѣла какъ въ котлѣ, вся покрытая пузырями, и съ тѣмъ же харак-

тернымъ шумомъ, какой бываетъ при кипѣнїи. Справа и слѣва торчали черныя верхушки подводныхъ камней. Часто ихъ не было видно сверху по теченію,—видѣлся лишь водяной бугоръ, и, только оставивъ его позади можно было увидать черную голову подводной громады, обрамленную шипящей пѣной, словно сѣдыми кудрями.

Еще не успѣли мы опомниться отъ перваго впечатлѣнїя, какъ опять крикъ: „Шабашъ!“ Дружно взлетаютъ и замираютъ въ воздухѣ весла, а по сторонамъ вновь мелькаютъ обрамленные бѣлой пѣной черныя глыбы, вновь слышится то же жуткое клокотанье.

Меня охватило непривычное чувство,—чувство полной беспомощности на мчащейся внизъ по теченію лодкѣ среди ежеминутныхъ, невидимыхъ опасностей. Посмотришь на гребцовъ—ихъ лица веселы и спокойны. При приближенїи къ порогу они внимательно вглядывались въ лицо лодмана, чтобы во-время вскинуть весла и не слишкомъ сильно разогнать лодку. Лицо самого лодмана выражало странную смѣсь лѣнивой апатїи и смѣлой отваги; послѣ смѣлаго удачнаго поворота онъ тянулъ за свой длинный усъ и снова принималъ прежнюю лѣнивую позу.

Всѣхъ пороговъ девять; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ незначительны и не представляютъ опасности при переправѣ, особенно на легкой лодкѣ съ высокими бортами и крѣпкимъ, послушнымъ рулемъ. Твердая рука лодмана свободно удерживаетъ его въ должномъ положенїи, заставляя лодку нырять съ уступа на уступъ и вилать то вправо, то влѣво.

Вокругъ самыхъ опасныхъ пороговъ проведены каналы. Мнѣ и раньше приходилось слышать о существованїи этихъ каналовъ, только и они, какъ и самые пороги, совсѣмъ иначе рисовались въ воображенїи. Обведенный каналомъ порогъ раздѣленъ пополамъ и въ одной изъ этихъ половинокъ расчищенъ фарватеръ, т.-е. повытасканы наиболѣе опасныя камни—и только. Въ этихъ каналахъ вода не такъ бурлитъ, но переправа по нимъ тоже представляетъ извѣстную долю опасности. Какъ разъ на такомъ обходномъ каналѣ съ нами случилось происшествїе, которое могло бы дурно кончиться, судя по испуганнымъ лицамъ гребцовъ.

Мы переплывали самый большой порогъ и плыли по каналу. Волненїе было такое сильное, что волны захлестывали за бортъ, такъ что мы вымокли насквозь. Лодманъ пристально смотрѣлъ на вливающий въ разныя стороны носъ лодки, какъ вдругъ раздался легкій трескъ, и лодка внезапно шарахнулась въ сторону—она задѣла за скрытый подъ водой камень. Уже черезъ одно мгновенїе лодка снова плавно понеслась внизъ. Все это продолжалось лишь нѣсколько секундъ. При первомъ толчкѣ, полученномъ лодкой, лодманъ вдругъ выпрямился и всѣмъ тѣломъ палегъ на руль, гребцы выпустили изъ рукъ весла,—но порогъ уже остался позади и лодка покачивалась на ровной поверхности, подернутой рябью, — отголоскомъ оставленнаго назади волненїя. Гребцы

переглядывались и казались взволнованными, а лодманъ спокойно улыбался, произнося обычное „гребемъ!“

Спускъ по порогамъ занялъ цѣлый день, и яркія южныя звѣзды уже сіяли на темномъ небѣ, когда мы, наконецъ, вышли на берегъ.

Вдоль южнаго берега Крыма.

(По В. Таліеву, Е. Маркову и С. Филиппову.)

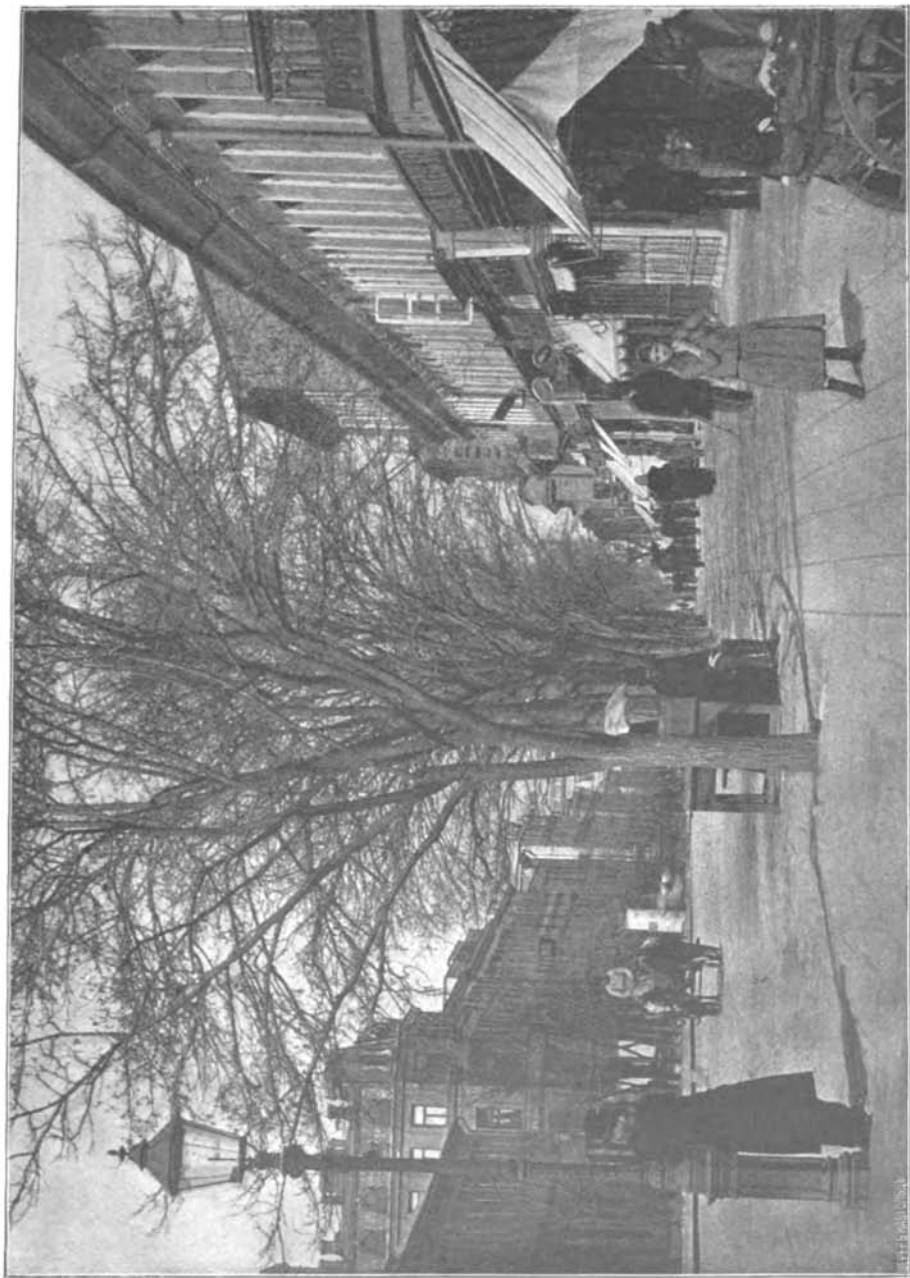
За городомъ Александровскомъ вскорѣ Лозово-Севастопольская желѣзная дорога вступаетъ въ Таврическую губернію.

Начиная отъ Александровска, полотно дороги спускается на дно долины Днѣпра; на протяженіи почти 40 верстъ она идетъ параллельно ея возвышенному лѣвому берегу. Съ правой стороны здѣсь какъ разъ начинаются извѣстныя изъ русской исторіи плавни—обширная низина, заливаемая въ половодье Днѣпромъ, который самъ жметъ къ правому берегу. Она простирается отсюда до самаго устья, имѣя въ ширину мѣстами до десяти верстъ. Ее покрываетъ множество болотъ, озеръ, извилистыхъ старицъ и тинистыхъ рѣчекъ, окаймленныхъ непролазными чащами камыша, очерета и тальника, заросшихъ громадными листьями водяныхъ лилій и кувшинокъ. Узкія полосы земли, раздѣляющія ихъ и высыхающія только во второй половинѣ лѣта, покрыты безконечно тянущимися рядами кочекъ, на которыхъ волнуется ярко-зеленая осока. Далекодалеко, тамъ, гдѣ течетъ Днѣпръ, видируются сопровождающіе его песчаные бугры—кучугуры.

Всѣ эти заросли и топи и сейчасъ еще такъ же необитаемы, какъ двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ. Единственное населеніе ихъ—безчисленныя стаи болотныхъ птицъ, водяныя крысы да полудикія свиньи, пасущіяся здѣсь до поздней осени на полной свободѣ безъ всякаго присмотра. Первобытный покой плавней лишь изрѣдка нарушается охотникомъ да угрюмымъ рыбакомъ, пробирающимся по тихимъ заводямъ на своей душегубкѣ, упирался въ тинистое дно длиннымъ весломъ. Только осенью, когда высохшія топи дѣлаются доступными для телѣги, фигура человѣка начинаетъ появляться здѣсь чаще. Въ это время начинается сѣнокосъ, и возы, нагруженные сухимъ осоковымъ сѣномъ, скрипя, мелькаютъ среди очерета. И долго еще рядомъ съ желѣзной дорогой будетъ лежать эта дикая мѣстность, пока за нее возьмется культура.

Мчится поѣздъ мимо нея, далеко разносится его свистъ надъ болотами и топами, но они все такъ же таинственно молчаливы, какъ во времена славнаго казачества, когда въ нихъ прятался удалый запорожецъ, подстерегая хищнаго татарина.

За станціей Поповой желѣзная дорога пересѣкаетъ высоты лѣваго берега долины Днѣпра, чтобы навсегда проститься съ ней, и, вступая

Улица вь Одессѣ.

въ предѣлы Таврической губерніи, незамѣтно переходитъ въ страну съ типичнымъ степнымъ рельефомъ. Передъ наблюдателемъ открывается безпредѣльная, какъ море, равнина, граница которой сливается съ линіей горизонта. На протяженіи часа и больше ѣзды глазъ не видитъ ни балки, ни бугра, ни кустика, какъ будто всѣ неровности нарочно скрыты, всѣ углубленія засыпаны, а древесная растительность уничтожена. Развѣ только кое-гдѣ курганъ, остатокъ сѣдой старины, да вытянувшееся на нѣсколько верстъ селеніе нарушаютъ утомительное однообразіе степного ландшафта. Лишь одно оптическое явленіе, которое здѣсь едва ли правильно зовется миражемъ, вѣчно смѣняясь, вноситъ въ эту картину нѣкоторое оживленіе. То тутъ, то тамъ наблюдатель видитъ въ отдаленіи серебристыя полосы воды. Одинъ разъ кажется, что виднѣющееся вдали селеніе стоитъ на берегу большого озера, другой разъ на степи глазъ видитъ болото, на которомъ чернѣютъ кочки и кустарникъ, или же затопленный лѣсъ смотрится въ зеркальную воду. Съ приближеніемъ къ нему оптический обманъ исчезаетъ, съ тѣмъ чтобы появиться на новомъ мѣстѣ.

Около станціи Сивашъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся громадныя озера или, лучше сказать, обширныя заливы Гнилого моря. Въ одномъ мѣстѣ поѣздъ проносится прямо надъ водой по желѣзнымъ устоямъ. Эти остатки умирающаго моря находятся на различныхъ стадіяхъ высыханія. Рядомъ съ обширными водоемами, заключенными въ высокіе обрывистые берега, составляющіе продолженіе побережья Азовскаго моря, встрѣчаются мелкія озера, совершенно высохшія и покрытыя къ осени низкимъ, но густымъ и плотнымъ ковромъ пестрыхъ солянокъ: сѣдыхъ, красныхъ, фіолетовыхъ. Третья озера находятся въ переходномъ состояніи: занимая значительную площадь, они настолько мелки, что пересыхаютъ къ концу лѣта. Покрытыя бѣлой соляной корой, по которой проложены многочисленные отпечатки человѣческихъ слѣдовъ, они кажутся издали снѣжными полянами, сверкающими подъ яркими лучами южнаго солнца.

За соляными озерами начинается Крымскій полуостровъ, но мѣстность до самаго Симферополя остается такой же равниной, какъ и раньше. Вступленіе на территорию Крыма проходитъ незамѣченнымъ, такъ какъ сѣверная часть его составляетъ продолженіе сосѣдняго материка.

Начиная съ Симферополя, желѣзная дорога идетъ уже все время въ виду горъ, огибая ихъ съ тылу. По сторонамъ виднѣются живописныя ущелья, прорытыя рѣчками и утопающія въ зелени. За Бахчисаремъ мѣстность становится ясно гористой, и поѣздъ мчитъ мимо высокихъ известняковыхъ холмовъ. Около Инкермана они принимаютъ грандіозныя размѣры и обступаютъ полотно въ видѣ громадныхъ отвѣсныхъ уте-

совь. За Инкерманомъ начинается заросшее камышомъ болотистое устье Черной рѣчки, а еще дальше открывается зеркальная поверхность одной изъ севастопольскихъ бухтъ, на которой виднѣются различные пароходы. Поѣздъ нѣсколько разъ скрывается въ темныхъ туннеляхъ и, вырвавшись на свѣтъ изъ ихъ зловѣщаго мрака, подходитъ къ вокзалу.

При видѣ современнаго Севастополя нельзя и повѣрить, что всего сорокъ лѣтъ назадъ онъ служилъ ареной военныхъ событій, подобныхъ которымъ по размѣрамъ, продолжительности и упорству обѣихъ сторонъ въ исторіи найдется немного. Въ теченіе осады, продолжавшейся одиннадцать мѣсяцевъ, было убито, ранено и контужено 102.000 русскихъ и 54.000 союзниковъ. Количество выпущенныхъ зарядовъ было такъ велико, что изъ артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ патроновъ можно бы сложить величественную пирамиду въ 40 сажень вышины, при основаніи въ 100 квадратныхъ сажень. Оживленный торговый городъ съ 45—46 тысячами жителей превратился въ груды развалинъ и кучи пепла. До сихъ поръ въ окрестностяхъ Севастополя во многихъ мѣстахъ земля изрыта бастионами и сыпавшимися почти въ упоръ артиллерійскими снарядами.

Въ настоящее время Севастополь— снова оживленный, красивый городъ съ сорокатысячнымъ населеніемъ, съ большимъ количествомъ изящныхъ зданій, электрическимъ трамваемъ и электрическимъ освѣщеніемъ. Только изрѣдка среди новыхъ построекъ можно встрѣтить полуразрушенный домъ, безъ крыши и потолковъ, съ пустыми окнами, изъ которыхъ выглядываетъ красноватая зелень ясней, успѣвшихъ вырасти въ большія деревья. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ послѣдній диссонансъ заглохнетъ подъ напоромъ современной жизни. Останется лишь рядъ именъ, съ которыми связано воспоминаніе о кровавыхъ событіяхъ, да „Музей севастопольской обороны“. Онъ занимаетъ небольшое одноэтажное зданіе съ красивымъ фасадомъ, украшеннымъ по бокамъ старыми орудіями. Въ немъ всего три комнаты. Средняя, самая большая, вся увѣшана портретами извѣстныхъ и безызвѣстныхъ участниковъ обороны. Сотни лицъ, безропотно проливавшихъ кровь, смотрятъ со стѣнъ на посѣтителя. Боковыя комнаты музея заняты картинами, изображающими отдѣльные эпизоды изъ временъ обороны, картами, планами и немногими вещественными памятниками, число которыхъ черезчуръ незначительно, несмотря на сравнительную недавность событій.

Не особенно далеко отъ музея находится другое учрежденіе, которое дышитъ бодрою жизнью, удовлетворяя лучшимъ стремленіямъ человѣка. Это Севастопольская біологическая станція. Она помѣщается въ собственномъ трехъэтажномъ домѣ, расположенномъ въ лучшей части города—на краю такъ называемаго Приморскаго бульвара, на самомъ берегу моря. Въ нижнемъ этажѣ въ полумракѣ въ стѣнахъ устроены аквариумы, такъ

что свѣтъ изъ окошекъ проходитъ сквозь нихъ; въ акваріумахъ множество представителей черноморской фауны: крабы, креветки, раки отшельники, игла-рыба и т. д. Посерединѣ находится бассейнъ, сообщающійся съ моремъ, въ которомъ обитаютъ болѣе крупные представители морской фауны: камбалы, скаты, оригинальныя триглы, у которыхъ часть грудныхъ плавниковъ превратилась въ пальцы (съ помощью этихъ пальцевъ триглы ходятъ по дну), различныя осетровыя рыбы и т. д. Для сравненія нѣкоторые акваріумы заняты животными изъ гораздо болѣе богатаго фауной Мраморнаго моря—омарами, яркими актиніями и т. п. Въ верхнемъ этажѣ находится библіотека, кабинетъ директора станціи и квартира завѣдующаго ею. Весь средній этажъ предназначенъ для пріѣзжающихъ сюда заниматься.

Въ двѣнадцать верстахъ отъ Севастополя находится Балаклава, составляющая съ нимъ какъ бы одно цѣлое. По живописности своего мѣстоположенія этотъ небольшой городокъ, имѣющій всего три улицы, принадлежатъ къ числу лучшихъ уголковъ Крыма. Онъ лежитъ на берегу глубокой бухты, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами и чрезвычайно напоминающей собою швейцарское озеро. Она кажется отрѣзанной отъ моря, такъ какъ сообщающій ихъ узкій проливъ образуетъ изгибъ и маскируется вслѣдствіе этого выдающимся мысомъ. Городъ расположенъ амфитеатромъ, занимая узкую береговую полосу и подошву ближайшихъ горъ, и имѣетъ веселый, чистенькій видъ, благодаря каменнымъ постройкамъ, черепичатымъ крышамъ и красиво разбросаннымъ группамъ зелени. Эти горы, по гребню которыхъ высятся старыя генуэзскія башни, эта гладкая поверхность спокойной бухты, съ качающимися парусными судами и плавно скользящими лодками, это синее небо Крыма и тихій-тихий городъ производятъ какое-то неотразимо успокаивающее дѣйствіе на каждого пріѣзжаго. Но вода въ бухтѣ, особенно гдѣ она труднѣе освѣжается, такъ сильно загрязнена, что очень часто сообщаетъ воздуху запахъ сѣроводорода.

Между Балаклавой и Севастополемъ пріютился небольшой Георгіевскій монастырь, который привлекаетъ туристовъ, такъ какъ отъ него открывается прекрасный видъ на море. На страшной глубинѣ, у подошвы крутого склона, покрытаго можжевельникомъ и другими деревьями, изъ-за темной зелени ихъ уходитъ къ горизонту безбрежная синева моря. Слѣва вдали виднѣются въ туманной мглѣ сѣрые склоны угрюмаго мыса Айя, справа—два высокихъ утеса, отдѣлившіеся отъ берега. Разстояніе отъ наблюдателя до моря по вертикальному направленію такъ велико, что люди, двигающіеся внизу, на прибрежной полосѣ, кажутся сверху почти черными точками.

Внизъ къ морю ведетъ извивающаяся многочисленными зигзагами дорожка. Она приводитъ къ узкой береговой отмели, покрытой пестры-

ми гальками. Нельзя не залюбоваться этимъ произведеніемъ слѣпой игры морского прибора. Камешки вышлифованы какъ будто искуснымъ мастеромъ и имѣютъ по большей части чрезвычайно правильную округлую форму. Шлифуя, море въ то же время и сортируетъ ихъ, располагая болѣе мелкіе камешки дальше отъ воды, а крупныя—ближе. По галькамъ можно подойти къ тѣмъ двумъ скаламъ, которыя видны сверху. Эти два громадныхъ обелиска состоятъ изъ изверженной базальтовой породы, растрескавшейся на призматическіе брусья (отдѣльности). Они служатъ такимъ образомъ остатками проявлявшейся когда-то въ Крымскомъ краѣ болѣе энергичной вулканической дѣятельности.

За Балаклавой послѣдній памятникъ Севастополя — невысокій обелискъ—остается позади. „Въ память тѣмъ, которые пали въ Балаклавскомъ сраженіи 13 — 25 октября 1854 г.“, гласитъ его золоченая надпись, вырѣзанная на русскомъ языкѣ. Рядомъ англійская надпись.

Дальше пошли лиловатыя горы, покрытыя мелкимъ кустарникомъ; мелькаютъ хорошенькіе лѣски, дорога, поворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону, забирается все выше. Неожиданно вырастаютъ кучки домиковъ—все греческіе поселки. Вокругъ ихъ поля и сады. Попадаются люди: татары и греки. Послѣдніе выглядываютъ своими масляными глазами и весело смѣются, показывая свои зубы. Татары идутъ важной походкой или азиатично валяются на своихъ мажарахъ, доверху нагруженныхъ тонкими стволами только что нарубленныхъ деревьевъ.

Воздухъ все лучше, свѣжѣе и слаще. Розоватыя облака таютъ на горизонтѣ, иногда поднимаются надъ горами или уходятъ за ихъ вершины.

И такъ 12 верстъ вплоть до первой станціи Чаталь-кая, т.-е. весь первый перегонъ отъ Балаклавы. Станція вся въ лѣсу, совсѣмъ спряталась въ этой зелени. Потомъ дорога тянется дальше, все поднимаясь, извиваясь все прихотливѣе, капризнѣе. Мы спускаемся въ широкую долину, по которой разбросаны татарскія деревни. Въѣзжаемъ въ одну изъ нихъ, которая больше другихъ. Это Байдары—большая татарская деревня, промышляющая лѣснымъ дѣломъ, хлѣбопашествомъ, табакомъ. Байдары напоминаютъ мѣстечко; здѣсь много жителей, и деревня является центромъ волости. Тутъ есть и лавки и гостиница, въ самомъ центрѣ волостное правленіе.

Изъ Байдаръ мы поднимаемся все выше, и все глуше становится зеленая декорация, которая окружаетъ насъ. По дорогѣ журчатъ ручьи, и въ нихъ купаются вѣтки кустарниковъ. Сверху Байдарская долина кажется утонувшей въ зелени,—такое въ ней богатство садовъ и лѣсовъ. Все кругомъ заросло. Роши, поля, сѣнокосныя луговины, чаиры съ фруктовыми деревьями. Безъ конца зелень, безъ счету растительное богатство. Не даромъ эта долина считается благодатнѣйшей въ цѣломъ Крыму.

— Сейчас Байдарская станція, — говорить ямщикъ, поворачивая лошадей на послѣдній зигзагъ дороги.

Вдругъ передъ вами открывается необъятное голубое море, и такъ близко, что кажется у самыхъ ногъ. Берегъ падаетъ отсюда почти отвѣсно до самаго моря, и это паденіе почти около двухъ верстѣ, — вотъ какъ далеко море! Миѣ кажется, впечатлѣніе встрѣчи было бы еще сильнѣе, если бы не было самыхъ воротъ, — красиваго мраморнаго туннеля, на которомъ надпись: „Байдарскія ворота 1847“.

Но видъ отсюда чудно хорошъ. Море выступаетъ передъ глазами въ пестрой рамѣ зелени и сѣровато-желтыхъ скалъ. Шума его не слышно, и оно кажется такимъ мирнымъ и ласковымъ, а еще больше голубымъ. И рѣшительно не знаешь, гдѣ его граница: гдѣ кончается вода, гдѣ кончилось небо. Такъ въ голубомъ туманѣ и тонетъ взглядъ. Что-то бѣлѣетъ крошечное, чуть уловимое. Что это: пароходы или баркасы на парусахъ? Они застыли и не двигаются въ этой неоглядной голубизнѣ, которая далеко-далеко.

И еще красивѣе бываетъ все это при восходѣ солнца, особенно позднею осенью. Помню, какъ въ сѣроватомъ предразсвѣтномъ сумракѣ поднимался туманъ и все тонуло въ туманѣ. Потомъ что-то мелькнуло, яркое, красноватое, будто вспыхнуло, и далеко казалась эта алая полоска. А послѣ дрогнулъ сѣроватый сумракъ и заалѣло невидимое до того море, и воздухъ, и берегъ, и все вокругъ. Словомъ, картина изъ тѣхъ, которыхъ не пишутъ и не описываютъ, а только смотрятъ и чувствуютъ.

Дорога кажется чрезвычайно короткой, но не спѣшите; вы десять разъ будете около одного и того же утеса, почти на одной и той же высотѣ. Проѣзжему кажется, что онъ постоянно на гладкой дорогѣ и постоянно вертится на одномъ мѣстѣ по карнизу обрыва. Изгибы дороги такъ незамѣтно покаты, что должны поворачиваться ежеминутно въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ; только быстрота ѣзды, захватывающая духъ, говоритъ вамъ, что вы спускаетесь.

Но и этихъ поворотовъ оказалось мало; необходимо было прорвать внутренность утеса, совершенно заграждавшаго дорогу, и еще теперь вы, въ виду Байдарскихъ воротъ, проѣзжаете черною дырою туннеля. За нею берегъ поворачиваетъ и начинаются другіе виды.

Дорога вьется по берегу моря, незамѣтно понижаясь, — совершенно горный путь. Вокругъ по скаламъ растутъ орѣшникъ, низенькій дубокъ, стволы котораго душитъ плющъ. Цѣлыя стѣны дикаго шиповника вырастаютъ то тутъ, то тамъ, и онѣ убраны желтыми или розовыми цвѣтами, скромными и нѣжными.

Вонъ показались постройки — южно-бережскія дачи. Среди этой природы, на фонѣ этой декорации это — скорѣе виллы. Горы все картиннѣе

и даже величественнѣе. Иногда онѣ вовсе голы и выступаютъ передъ вами сѣрыми развалинами какихъ-то фантастическихъ замковъ. Камень на камнѣ, огромныя глыбы кажутся нависшими надъ дорогой, и когда проѣзжаешь подъ ними, невольно торопишься ихъ миновать. По временамъ наталкиваешься на груды большихъ осколковъ камней, которые когда-то скатились съ вершины горы и теперь мирно покоятся на ея склонѣ.

Между ними пробиваются кустарники и иногда на какомъ-нибудь камнѣ видишь большую ящерицу, которая грѣется на солнцѣ. При нашемъ приближеніи она мгновенно скрывается.

Южный берегъ—это титаническая теплица. Сплошной каменный хребетъ въ 4.000 и 5.000 футовъ высоты, верстъ въ 100 длины, отгородилъ отъ набѣга сѣверныхъ вьюгъ и иссушающаго степного зноя узкую ленту морского берега, который южное море нѣжитъ своимъ влажнымъ и теплымъ дыханіемъ. Въ одномъ мѣстѣ эта лента всего въ нѣсколько сотъ сажень, въ другомъ цѣлыя версты шириною. То ѣдешь — не видишь на многія версты никакого выхода съ берега, сквозь эту каменную стѣну; подвинешься дальше—то и дѣло встрѣчаешь влажныя зеленыя долины, протиснувшіяся черезъ исполниськую ограду, змѣйкой вьющіяся между ея тяжкими твердынями, звенящія горными ключами, открывающія дорогу и на вершину самой стѣны, и за нее, на просторъ степей. Устья этихъ долинъ въ одно и то же время пьютъ влагу изъ нѣдръ горъ и тепло южнаго солнца, и дышатъ морскою свѣжестью. Оттого-то въ нихъ и кипитъ въ чудномъ изобиліи всякая жизнь. Оттого-то между Крымомъ по ту сторону Яйлы и Крымомъ южнаго берега такая же разница въ климатѣ и растительности, какъ между двумя странами, отодвинутыми другъ отъ друга на нѣсколько градусовъ.

На той сторонѣ горъ тополь, грецкій орѣхъ, персикъ, на южномъ берегу кипарисъ, маслина, разныя породы вѣчно зеленыхъ лавровъ, магноліи и олеандры. Весь пейзажъ не тотъ, даже время года бываетъ не то. Часто когда въ Симферополѣ снѣгъ, въ Ялтѣ цвѣтутъ розы. Въ Симферополѣ топятъ печи и вставляютъ двойныя рамы, — Ялта знаетъ одинъ каминъ и не знаетъ двойныхъ оконъ; въ Ялтѣ окна открываются круглый годъ, круглый годъ можно обходиться безъ мѣху, круглый годъ можно рвать полевые цвѣты и кормить скотъ на пастбищѣ.

Отъ Байдаръ до Кикинеиза самая характерная часть южнаго берега. Только отъ Байдаръ до Кикинеиза горы дѣйствительно придвинуты къ морю и стоятъ стѣна стѣной. вмѣсто кирпичиковъ въ ней обозначились продольными и поперечными трещинами цѣлыя четырехугольныя утесы. Цѣлыя часы ѣдете вы подъ ними и не можете оторвать глазъ отъ нихъ.

Отъ Кикинеизской станціи, которая у деревни того же имени, путь идетъ дальше до Мисхора. Татарская деревушка остается сзади, вся спрятанная въ густомъ орѣшникѣ. Она вынырнула еще разъ нѣсколькими своими кровлями и пропала окончательно. Мы все спускаемся внизъ по этой дорогѣ, которая первое время идетъ около сѣрыхъ, скучныхъ горъ безъ малѣйшей растительности. Потомъ мѣстность снова оживляется. Все картиннѣе и все живописнѣе. Внизу виллы и дворцы магнатовъ. Вонъ Симеизъ—имѣніе Мальцева, съ его дворцомъ и скалой Дивой, поднимающейся изъ моря. Вонъ мавританскій дворецъ Алупки, окруженный кипарисами, которые важно и медленно, всѣ сразу кланяются, едва подуетъ вѣтеръ. На каждомъ шагѣ виноградники, табачныя плантаціи.

Алупкѣ всю ея характерность и красоту придаетъ вершина Ай-Петри. Ай-Петри далеко не самая высокая гора Крыма, но она кажется Богъ знаетъ какою громадною, потому что стоитъ вся передъ вами. Она вовсе не такъ близка, какъ кажется вамъ изъ Алупки. Вы можете догадаться объ этомъ по тонко-синему тону ея красокъ. Она кажется близкою потому, что стоитъ за всѣмъ и надъ всѣмъ, что вы отсюда видите, загромождавая небо и почти нависая надъ вашею головою.

Алупка представляетъ довольно большой и лѣтомъ оживленный курортъ, возникшій при знаменитомъ имѣніи князей Воронцовыхъ. Съ сѣвера и съ сѣверо-запада она защищена грандіозными утесами Яйлы. Открытая только къ морю, на юго-востокъ, Алупка считается самой теплою мѣстностью въ Крыму. Мѣстности болѣе теплой, болѣе богатой видами, плодами и зеленью нѣтъ на южномъ берегу. Благодаря массѣ прїѣзжихъ здѣсь въ послѣднее время выстроено довольно много благоустроенныхъ дачъ вокругъ воронцовскихъ парковъ. Но въ Алупкѣ есть старая татарская часть деревни. Въ этой части населеніе, преимущественно татарское, довольно скучено, татарскіе дома и не татарскія дачи обставлены примитивно; дворы и улицы и даже самая почва загрязнены.

Имѣніе князей Воронцовыхъ состоитъ изъ дворца и двухъ парковъ—верхняго и нижняго, расположенныхъ вокругъ такъ называемаго „хаоса“.

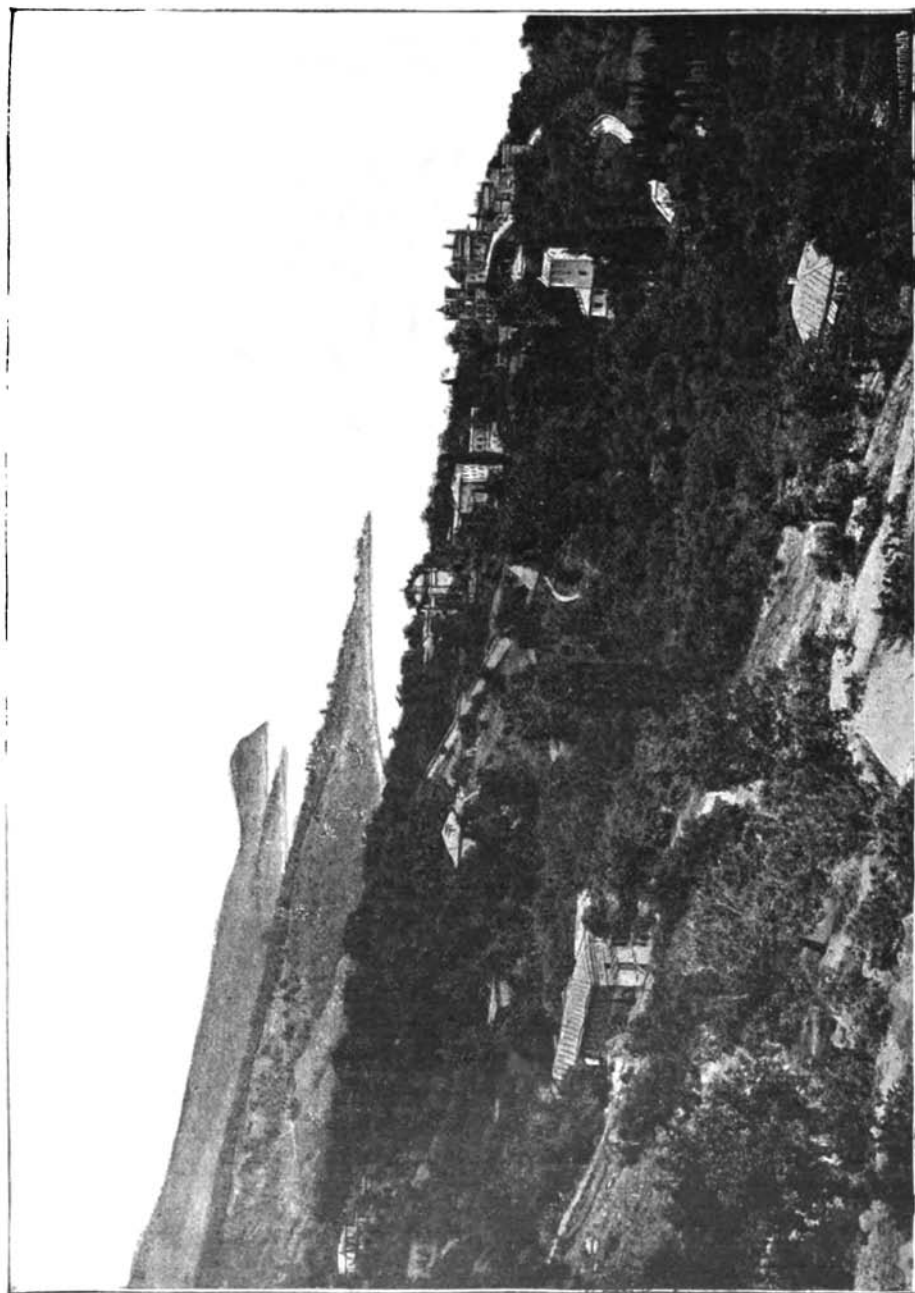
„Хаосъ“ — это грандіозные остатки когда-то случившагося обвала скалъ, вѣроятно съ Ай-Петри, который тянется отъ подошвы утесовъ Яйлы до самаго моря. Онъ состоитъ изъ огромныхъ глыбъ кристаллической изверженной породы, нагроможденныхъ одна на другую въ самомъ дикомъ безпорядкѣ. Боковыя полосы хаоса состоятъ изъ обломковъ мраморовиднаго известняка Яйлы, разбитаго на разнообразныя по формѣ и величинѣ куски. Есть обломки величиной въ домъ.

Въ алупкинскихъ паркахъ соединены условія красоты, которыхъ

почти никогда не встрѣчаешь вмѣстѣ. Здѣсь проведены въ разныхъ направленіяхъ тропинки, устроены гроты и разбросаны группы разныхъ растений. Тѣнистыя, живописныя тропинки поднимають и опускають васъ въ ущелье. Горные ключи, наполняющіе лѣсъ своимъ веселымъ журчаньемъ, бѣгутъ вамъ навстрѣчу то изъ опрокинутой урны античнаго мрамора, то изъ сердцевины срубленнаго пня или изъ нѣдръ гранитнаго обломка; то низвергаются дикимъ каскадомъ съ обрыва утеса, то сползають широко распластанною скатертью по округленной поверхности камня... Иногда это меланхолическая струя, тихо урчащая въ непроглядную темь бассейна, кругомъ заслоненнаго вѣковыми деревьями; иногда это цѣлый могучій ручей, сбѣгающій по каменнымъ ступенямъ своего ложа и орошающій всѣ паркы отъ горы до моря. Все это словно устроилось само собою, но все это строго обдуманно и рассчитано. Художникъ не оставилъ безъ вниманія ни одного камня, ни одной струи. Ничего натянутаго, искусственнаго, сочиненнаго. Природа вездѣ осталась сама собою. Воиъ на крутой площадкѣ столпились цѣлымъ полчищемъ, будто траурная толпа иноковъ, черные кипарисы. Спуститесь ниже, ближе къ морю, въ глубокое затишье зеленаго пригорка. Посмотрите, въ этой зеленой теплицѣ уже пріютилась рощица молодыхъ олеандровъ; густыя розовыя шапки ихъ цвѣтовъ такъ весело вырѣзываются на яркой и веселой зелени. Въ другомъ уголкѣ, такомъ же уютномъ, рощица магнолій. Магноліи Алупки достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Ихъ громадные бѣлые цвѣты лежатъ на своихъ вѣтвяхъ словно огромныя водяныя лиліи. Нѣтъ другого цвѣтка, подобнаго этому по пышности и величинѣ. Лавры, фотиніи, лавровишни идутъ сплошными коридорами. Эти вѣчно зеленыя рощи сообщаютъ Алупкѣ счастливый, весенній видъ въ самый развалъ зимы. Вотъ вы выходите изъ густого лѣса вѣковыхъ каштановъ или орѣховъ, предъ вами безмолвная поляна, высланная, словно сплошнымъ сукномъ, мелко зеленою травкой. Старые платаны протягиваютъ свои вѣтви плоскимъ шатромъ.

Вы должны употребить нѣсколько дней, чтобы исходить всѣ углы безконечныхъ парковъ и не спѣша насладиться ими. Начинайте лучше всего отъ моря и не торопясь двигайтесь по незамѣтнымъ склонамъ дорожекъ, по всѣмъ ихъ извиамъ, изъ нижняго парка въ верхній, чуть не къ самой подошвѣ Ай-Петри. Верхній паркъ гораздо болѣе дичь, гораздо менѣе отдѣланъ, но, пожалуй, онъ еще поразительнѣе нижняго. Въ немъ особенное богатство скалъ со скрытыми въ нихъ гротами, обрывовъ, водопадовъ, тихихъ прудковъ. Въ немъ цѣлыя крытыя аллеи розъ, въ немъ прудъ съ бѣлыми лебедями, съ утесомъ посреди, съ плачущими до земли ивами по берегамъ.

Незамѣтно, почти по горизонтальнымъ дорогамъ, глубоко запрятаннымъ въ тѣни громадныхъ деревьевъ, одѣтымъ вѣчною зеленою лавровъ

АЛУПКА.

и фотиній, подымаются вы къ Алупкинскому замку. За дорожками идутъ гранитныя террасы, затканныя ползучими розами и плющомъ, окаймленныя миртовыми изгородями. Съ одной террасы на другую, одинъ неслышный поворотъ за другимъ, едва замѣчая подъемъ, вы вдругъ очутитесь у подножья замка. Онъ стоитъ еще на нѣсколькихъ широкихъ террасахъ, какъ на пьедесталѣ. Эти террасы — сплошныя цвѣтники самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, самыхъ изящныхъ клумбъ. Цвѣты налиты, какъ въ блюдахъ, въ низенькихъ цвѣтничкахъ, а на массивныхъ мраморныхъ балюстрадахъ ряды мраморныхъ вазъ съ агавами. Изъ этого чуднаго букета поднимается мраморный дворецъ въ стилѣ Альгамбры. Широкая бѣлая лѣстница съ чуть замѣтнымъ скатомъ, обставленная чудными изваяніями бѣломраморныхъ львовъ, во всѣхъ моментахъ ихъ пробужденія, отъ глубокаго сна у подножія до грознаго рыканія въ предверіи дворца, идетъ черезъ всѣ террасы ко входу замка. Фонтаны каррарскаго мрамора, сквозной рѣзбы необыкновеннаго искусства, въ такихъ же бѣломраморныхъ огромныхъ бассейнахъ, бѣломраморныя массивныя скамьи, бѣломраморныя вазы разбросаны по площадкѣ дворца и по рамкамъ лѣстницы. Прямо съ верхней площадки вы входите въ громадную полукруглую нишу, всю изрѣзанную внутри скульптурными украшеніями. Она тоже бѣлаго мрамора. Вверху ея свода прилѣплены, какъ гнѣзда, золоченыя балкончики прилестной формы, обвитые зеленью, которая падаетъ съ нихъ гирляндами, уставленные цвѣтами. Въ глубинѣ ниши надъ огромною входною дверью огромныя буквы арабской надписи.

Замокъ построены изъ діорита очень оригинальнаго сѣро-зеленоватаго цвѣта. Это дѣлаетъ его несокрушимо-прочнымъ и какъ-то сурово прекраснымъ. Слово ужъ это не зданіе, а твореніе природы. Стиль замка сообразовался не только съ характеромъ владычествующихъ горъ, но и съ характеромъ востока, свойственнымъ мусульманскому Крыму. Это отрывокъ Альгамбры арабскихъ калифовъ. Дворъ замка отличается необыкновенной чистотой. Всѣ его зданія того же сѣро-зеленаго діорита, затканы, какъ и дворецъ, шпалерами зелени, а со стороны верхняго парка стѣна двора покрыта вьющимися цвѣтами. Но оригинальнѣе и прекраснѣе всего проѣздъ между высокою заднею стѣною службъ и замкомъ, черезъ который проходитъ шоссе, ведущее въ Ялту. Онъ самъ по себѣ довольно широкъ, но отъ высоты и непрерывности окружающихъ его стѣнъ кажется чрезвычайно глубокимъ и узкимъ. Высокія стѣны не обросли, а просто облиты сплошнымъ ковромъ зелени. Тутъ и розы, и кавалерская звѣзда, и глицинія, и плющъ, и дикій виноградъ, и ипомея, — не увидите вершка камня. Все заткано, заполонено вьющеюся сѣтью зелени. Только кое-гдѣ выглядываетъ среди зеленой шпалеры, изъ своихъ глубокихъ гнѣздъ, какое-нибудь узенькое окошечко

или причудливо устроенная дверочка. А надъ головою вашею, на нѣсколько сажень въ высотѣ, перекинуть поперекъ какой-нибудь легонькій мостикъ или крытый стеклянный переходъ. Этотъ прохладный, глубокий зеленый коридоръ тянется во всю длину замка и замыкается съ обѣихъ сторонъ круглыми башнями, точно такъ же до макушки облитыми зеленью.

Отъ Мисхора до Ялты одинъ перегонъ въ 12 верстъ. Путь все тотъ же и такой же красивый, вьющійся, однообразный. По дорогѣ горы и изгорода сплошь заросли перелетающими зелеными нитями съ хорошенькими желтыми цвѣточками, миниатюрными розами. Вонъ Гаспра и Ай-Тодорскій маякъ на выдавшемся мысѣ, самомъ южномъ въ Россіи. Дальше Оріанда — имѣніе Великаго Князя Константина Константиновича—вся утонула въ дикой могучей зелени, изъ которой выглядываетъ мраморъ античныхъ построекъ. Что-то горитъ на солнцѣ, какъ невысокая искорка. Это золоченый орелъ на столбѣ, указывающемъ границу слѣдующаго имѣнія—Ливадіа, принадлежащей Государю Императору.

Ялта вся цѣликомъ видна отсюда. Она какъ на ладони, хорошенькая, пестрая, вся въ зелени, и надъ нею возвышается зеленѣющая Яйла. Передъ нею—море, голубое и тихое, замкнутое вдали массивнымъ туловищемъ „Медвѣдь-горы“, Аю-дага, который въ дымокъ какого-то тумана. Постройки расположились правильнымъ полукругомъ по берегу и поднимаются вверхъ. Башенка церкви ярко бѣлѣетъ на темномъ фонѣ горъ, испещренныхъ фантастическими узорами дорогъ и тропинокъ. Длинная лента набережной окаймляетъ море, теряясь гдѣ-то вдали въ смутной полосѣ не то сада, не то бульвара. Купальни и пристань убѣжали впередъ въ самую воду. Нѣсколько судовъ выстроились передъ городомъ, и на горизонтѣ дымокъ приближающагося парохода.

Дорога изъ Ялты на Алушту совершенно иная, чѣмъ отъ Байдарскихъ воротъ до Ялты. Все время вы вьетесь въ горахъ. И все одна декорация передъ вами: налѣво смутно-зеленая, направо смутно-голубая. Вверху сливаются горы съ небомъ, внизу море. Отъ Гурзуфа въ особенности путь однообразенъ. Сначала кружишься около Аю-дага и долго не можешь уйти отъ этого неподвижнаго „медвѣдя“, который лежитъ на берегу, устремивъ глаза въ воду. Потомъ никакъ не расстаешься съ Кастель-горою, одинокой и круглой, какъ опрокинутый котелъ...

Много зелени, много сѣраго камня, мало дачныхъ построекъ, простыхъ, уединенныхъ, иногда потонувшихъ въ садахъ. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ оживленія и изящности той части южнаго берега. Здѣсь все проще и полное затишье вокругъ. Но здѣсь хорошо, можетъ быть лучше даже, чѣмъ тамъ, потому что больше дѣвственной прелести едва тропутой человекомъ природы.

Долго въе́шься этимъ путемъ, среди зелени, бо́къ о бо́къ съ горами и далеко отъ моря. Потомъ сразу зеленый́й занавѣсъ распахнется и увидишь Алушту, всю въ кольцо горъ и всю изъ разноцвѣтныхъ кровель, которыя будто таютъ и у берега сливаются съ зеленѣющею поверхностью моря. Рядъ тополей тянется налѣво. Изъ кровель торчатъ какія-то высокія руины, поднимается колокольня церковки, такой „великорусской“, что, кажется, видишь уѣздный городокъ нашего сѣвера.

Когда въѣдешь въ Алушту, деревней такъ и пахнетъ. Набережная— продолженіе почтоваго шоссе, рядъ домовъ на ней—совсѣмъ деревенскія хатки. И однако это европейскій кварталъ Алушты. Азіатскій глубже и когда вы ходите въ немъ, зачастую ходите по крышамъ домовъ и очень удивляетесь, если, сѣвъ на какой-нибудь камень, вдругъ очутитесь въ облакахъ ѣдкаго дыма. Очень просто: вы сѣли на печную трубу. Это совершенно восточная манера—строиться и вверхъ и внизъ, и въ этомъ отличіе отъ нашей, которая знаетъ только ширину и длину. Въ азіатской части Алушты вы все равно что на кучкѣ булыжнаго щебня, которыя ставятся по бокамъ шоссе́йныхъ дорогъ,—то же мѣсиво разноцвѣтныхъ камней... Сколько ни изучайте ея, никогда не поймете расположенія этихъ построекъ, ихъ плана, доступнаго пониманію однихъ правовѣрныхъ. Въ центрѣ каменнаго ералаша строеній находятся красивыя развалины крѣпости Юстиніана, которыя служатъ матеріаломъ для постройки татарскихъ домовъ. Иногда вы видите въ амбразурѣ бывшаго укрѣпленія развѣшанныя для просушки принадлежности мужскихъ и женскихъ костюмовъ. Иногда дѣтскую головку въ фескѣ или съ заплетенными красивыми косичками. Она выглядываетъ въ грудѣ желтыхъ камней и провожаетъ васъ любопытствующими глазами... Базаръ тутъ же. Базаръ беспорядочный, шумливый, полувосточный, потому что въ Алуштѣ живетъ много русскихъ, которые самые выгодные потребители и покупатели.

Горы, самыя высокія горы Крыма, какъ Яйла, Чатырь-дагъ, Демерджи—это то кольцо, въ которомъ расположилась Алушта. Всѣ онѣ покрыты густыми лѣсами сосны, бука, стройнаго тополя, и въ этихъ лѣсахъ тонуть алуштинскія окрестности.

Бахчисарай.

(С. Филиппова.)

Бахчисарай весь состоитъ изъ одной улицы, которая тянется версты на двѣ вдоль всего города, на днѣ ущелья, образуемаго высокими горами. Онѣ защищаютъ и закрываютъ городъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ поднимаются надъ нимъ, нѣсколько печальныя и меланхолическія, из-

рѣдка покрашенныя зеленью деревьевъ, и ихъ сѣроватую желтизну мягко отбѣняетъ чуть потемнѣвшее чистое небо. Онѣ очень красивы особенно подъ яркимъ освѣщеніемъ крымскаго солнца.

Когда вы минуете ворота, передъ глазами въ упоръ вырастаетъ маленькая, старая-престарая мечеть, видимо теперь вовсе оставленная. Отсюда и начинается та главная и единственная бахчисарайская улица, которая тянется по всему городу. Узкіе, едва замѣтные проулочки идутъ отъ нея по обѣ стороны и опутываютъ собою эту главную артерію татарской столицы. Они пустили свои корни во всѣ стороны, поднимаются вверхъ, сбѣгаютъ внизъ, перекрещиваются между собой или, разойдясь въ разныя стороны, внезапно сливаются вмѣстѣ наподобіе нѣсколькихъ ручьевъ, встрѣтившихся въ одномъ руслѣ. И всѣ они ведутъ къ одному и тому же мѣсту, къ одной и той же центральной артеріи Бахчисарая, которая называется его главной Базарной улицей.

Фаэтонъ, если вы совершаете осмотръ города не пѣшкомъ, подпрыгивая и качаясь направляется по ней, оставляя за собою грязныя развалины цыганскихъ домишекъ, около которыхъ сидятъ сами ихъ владыцы.

Бахчисарайскіе цыгане, если вы видите ихъ въ первый разъ, васъ поразятъ непремѣнно. Это не тѣ цыгане, которыхъ вы встрѣчали въ ихъ таборахъ, гдѣ-нибудь по нашимъ русскимъ дорогамъ,— это цыгане нетронутые, первобытные, способные навести даже страхъ. Они какого-то мѣдно-краснаго цвѣта, въ родѣ давно нечищенной мѣдной посуды, и ихъ плащи, скорѣе рубища, не прикрываютъ ихъ тѣлъ, но еще болѣе отбѣняютъ грязь и худобу послѣднихъ. Но отвратительнѣе и ужаснѣе всего между ними ихъ старухи, съ растрепанными сѣдыми космами волосъ, съ сверкающими лихорадочнымъ блескомъ глазами, съ длинными трубками во рту или рукахъ. Онѣ курятъ, эти старыя женщины, сидя въ рядѣ въ одинаковыхъ позахъ, не двигаясь и не шевелясь, въ то время, когда передъ ними барахтаются въ пыли маленькіе цыганята, черныя, какъ ихъ отцы и матери.

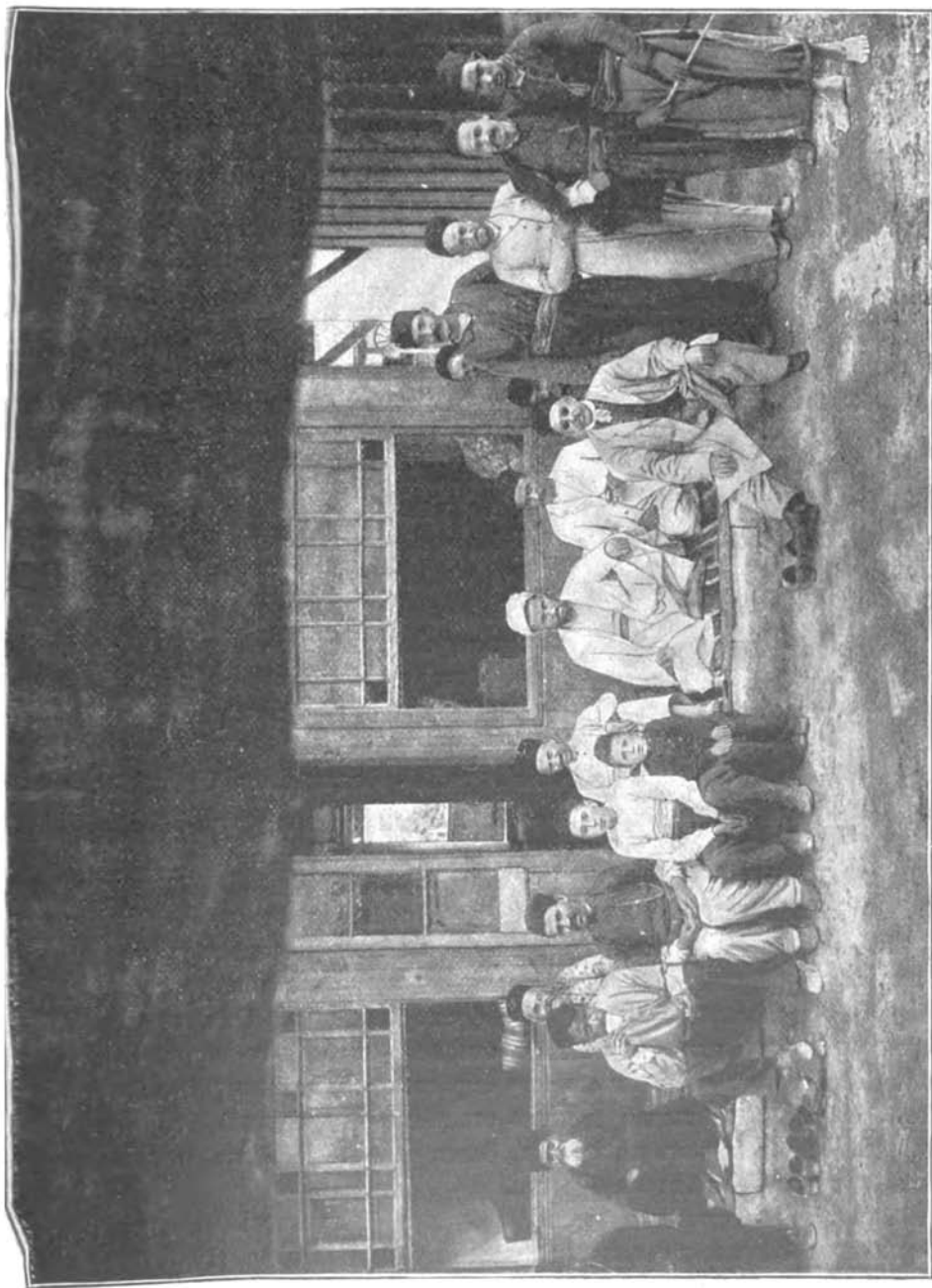
Улицы продолжаютъ извиваться передъ вами и обдавать васъ цѣлыми клубами пыли, которая увеличивается съ каждымъ поворотомъ колеса. Чтобы хоть сколько-нибудь предохранить себя отъ этой пыли, слѣдуетъ выйти изъ экипажа и пойти пѣшкомъ. Это интереснѣе и удобнѣе.

Бахчисарайскій проспектъ грязенъ, зловоненъ, пыленъ и узокъ. Лачужки тянутся непрерывною цѣпью справа и слѣва. Каждая лачужка—лавка или магазинъ. Въ нихъ вы найдете рѣшительно все, что изобрѣла и производитъ татарская индустрія, потому что Бахчисарай есть первый и почти единственный коммерческій центръ для крымскихъ татаръ. Онѣ главный поставщикъ всего татарскаго населенія Крыма.

Вотъ фруктовая лавка. Десятокъ баклажанъ, полтора фунта черешень, три огурца и нѣсколько пряниковъ похожихъ на глиняные комки,— все содержимое этого фруктоваго или, если хотите, колониальнаго магазина. Время отъ времени босоногій татаринъ въ красной фескѣ встаетъ со своего сидѣнья, чтобы мочальной кистью покропить на свой товаръ: такъ онъ выглядитъ гораздо свѣжѣе и, конечно, гораздо привлекательнѣе для покупателя... Рядомъ лавка мясника, служащая въ то же время и закуской. На крючкѣ виситъ баранья туша, и на нее давно уже умильно поглядываетъ необыкновенной худобы собака, которыхъ вы встрѣтите здѣсь во множествѣ, ждущая, когда и на ея долю перепадетъ что-либо отъ этого лакомаго кушанья. Тутъ же въ глиняномъ тазикѣ надъ углями жарится знаменитый здѣшній шашлыкъ — кусочки бараньяго мяса, воткнутые на деревянные палочки. Не нужно вовсе быть брезгливымъ, чтобы содрогнуться при видѣ этой обстановки, въ которой онъ изготовляется. Можно поручиться, что даже при самомъ сильномъ голодѣ у васъ тотчасъ же пропадетъ аппетитъ.

Рядомъ москательная лавка, гдѣ стоятъ боченочки и ящики и висятъ длинныя темно-зеленыя восковыя свѣчи, употребляемыя магомстанами при богослуженіи. Невдалекѣ приготавливаются надгробные памятники съ высѣченными на нихъ мудреными письменами. Камни въ чалмахъ, раскрашенные и размалеванные, смотрятъ уродливыми и странными куклами, которыя какъ будто назначаются для забавы дѣтямъ какихъ-то великановъ... Стукъ молотка указываетъ вамъ на лавку мѣдника, гдѣ работаются кастрюли и прочія металлическія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Далѣе цѣлая линія шорниковъ и башмачниковъ занята изготовленіемъ сѣделъ, уздечекъ, папучей и местей—обуви татарокъ. Они же дѣлаютъ дѣтскіе мячики и тѣ маленькія сумочки, въ которыхъ особенно набожные мусульмане носятъ свои амулеты. Тутъ же задумчивый хаджа въ бѣлой чалмѣ поверхъ фески пристально углубился въ свою работу — рисованіе на стеклѣ различныхъ священныхъ изреченій и молитвъ, которыя служатъ украшеніемъ стѣнъ въ домахъ правовѣрныхъ. Тотъ же хаджа продаетъ масло изъ Мекки и какіе-то духи въ крошечныхъ странной формы флакончикахъ, съ страннымъ сладковато-рѣзкимъ запахомъ. То тамъ, то сямъ мелькаетъ лавка, гдѣ продаются табакъ или спиртные напитки. Первыя содержатъ каравмы, вторыя—евреи. Это ужъ настоящія лавки, или, по крайней мѣрѣ, очень похожія на нихъ, съ дверями, стеклами и даже съ вывѣсками.

Татарскій базаръ не производитъ, однако, на васъ того ошеломляющаго и оглушающаго впечатлѣнія, которое вы получаете, напримѣръ, въ Тифлисскомъ майданѣ. Здѣсь все степеннѣе, тише, медлительнѣе, лѣнивѣе. Татары сидятъ неподвижно въ задумчивыхъ позахъ, немножко меланхолическіе, немножко грустные. Они рѣдко раскрываютъ ротъ и

Крымские татары.

разговаривают со своими покупателями скорѣе жестами. Но жесты эти медлительные, лѣнныя, апатично усталые... Эти продавцы сидят неподвижно, поджавъ подъ себя ноги въ цвѣтныхъ чулкахъ, и какъ бы прислушиваются къ таинственному журчанію фонтановъ, которые здѣсь на каждомъ шагѣ. Въ нихъ вся услада мусульманскаго уха, и эту истинно восточную мелодію, навѣвающую мечтательность, оно не промѣняетъ ни на какую музыку въ свѣтѣ. И они такъ идутъ другъ къ другу: и эти задумчивые люди, и эти задумчивые фонтаны, такъ вмѣстѣ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, немислимое, кажется, одно безъ другого.

Посмотрите хоть на эту сцену въ лавкѣ у продавца амулетовъ и священныхъ надписей.

Онъ сидитъ, поджавъ ноги, медленно водя кистью по стеклу, на которомъ уже нарисованы какія-то странныя фигуры, буквы, напоминающія перепутавшихся между собой змѣй, и цвѣтокъ, ничего рѣшительно не напоминающій, едва ли и возможный въ флорѣ земного шара.

Хаджа, не отрываясь отъ работы, отвѣчаетъ что-то сквозь зубы только на вторичный вопросъ остановившагося около него татарина. Онъ продолжаетъ водить кистью, не поднимая головы и не измѣняя позы. Жесты замѣняютъ слова. Временами онъ совсѣмъ не отвѣчаетъ, какъ бы находя излишнимъ тратить слова тамъ, гдѣ они должны выразить несогласіе. Къ собесѣдникамъ подходитъ еще человѣкъ и неосторожно заслоняетъ свѣтъ молчаливому живописцу. Ни слова не говоря, онъ поднимаетъ свою кисть и, отстраняя ея разсѣяннаго, нечаянно мажетъ его по щекѣ голубой краской. Тотъ спокойно вытирается и отходить къ сторонѣ.

И все это продѣлывается молча, точно совершается какое-то священнодѣйствіе.

Или въ другой лавкѣ, гдѣ продаются овощи и фрукты. Продавецъ полулежитъ около своего товара, которому и всему-то красная цѣна пятиалтынный. Но со стороны можно подумать, что передъ нимъ разложены цѣлыя груды драгоценныхъ камней: такъ сосредоточенно важно созерцаетъ онъ свои богатства. Придѣнитесь къ его товару, спросите, напримѣръ, сколько стоитъ у него фунтъ черешень? Онъ вамъ отвѣтитъ, но больше ужъ не ожидайте отъ него ни единого звука. Если же въ отвѣтъ на его цѣну вы скажете ему свою, болѣе низкую, онъ взглянетъ на васъ насмѣшливо и молча отвернется въ другую сторону или займется свертываніемъ папироски. Заговаривайте съ нимъ послѣ этого сколько хотите, отвѣта не будетъ...

Онъ такъ и останется въ этой же позѣ, задумчивой, недвижимой, похожей на окаменѣніе или сонъ съ открытыми глазами. Куда онъ смотритъ и что онъ видитъ? Аллахъ одинъ знаетъ. Онъ встанетъ развѣ для того только, чтобы поднять камень и швырнуть имъ въ подбѣжавшую къ

его лавкъ собаку, худоба которой кажется еще болѣе страшной при ея длинной клочковатой шерсти... Собака съ испуганнымъ видомъ шарается въ сторону, а онъ уже снова на прежнемъ мѣстѣ и снова погруженъ въ свое гипнотическое состояніе.

По временамъ когда-то сверху изъ разныхъ мѣстъ раздаются монотонные, странно дѣйствующіе на васъ не то выкрики, не то пѣсни. Они замолкаютъ на мгновеніе и начинаются снова, такіе же однообразные и жалостливые. Это—крикъ муэзиновъ съ мечетей, напоминающій правовѣрнымъ о наступленіи часа молитвы. И правовѣрные молча встаютъ со своихъ мѣстъ и молча направляются къ дому Аллаха, приостанавливаясь у фонтановъ для совершенія необходимаго омовенія.

Войдите въ любую изъ этихъ мечетей, гдѣ совершается теперь богослуженіе. Тамъ полумракъ и прохлада. Ковры заглушаютъ шумъ шаговъ. Входятъ, снимая у порога туфли и ставя ихъ въ рядъ у дверей или захватывая ихъ съ собою. Всѣ или сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, или распростерлись на полу. Гдѣ-то изъ угла доносится голосъ невидимаго чтеца, и эти монотонные, гнусливые, однообразные, полупечальные звуки такъ странно звучатъ подъ высокими сводами, такъ дѣйствуютъ на ваше непривычное ухо... Свѣтъ проходитъ сквозь запыленные цвѣтные стекла узенькихъ окошекъ, таинственно падая на всѣ неподвижныя фигуры молящихся людей, которыя кажутся какими-то изваяніями среди всѣхъ окружающихъ ихъ таинственныхъ и непонятныхъ надписей, начертанныхъ на стѣнахъ.

По временамъ всѣ молящіеся, точно повинуваясь какому-то невидимому мановенію, быстро встаютъ на ноги или падаютъ на колѣни и расprostируются на коврахъ... Иногда вы слышите загадочный шопотъ, напоминающій шелестъ листьевъ, который поднимается вверхъ или переходитъ въ одинъ общій вздохъ, глубокій и могучій, будто вырвавшійся изъ груди гиганта... Или наступившее молчаніе вдругъ прерывается чьимъ-нибудь возгласомъ, къ которому тотчасъ же присоединяются другіе. Вы ужъ не слышите голосовъ. До уха долетаетъ одинъ общій крикъ, торопливый, все ускоряющійся, доходящій до экстаза, до головокружительной быстроты, до неистовства.

— Алла! Алла! Алла! только и въ состояніи разобрать ваше ухо въ общемъ вихрѣ или круговоротѣ человѣческихъ голосовъ.

Это такъ дико и такъ непохоже на все, къ чему вы привыкли, что вы остаетесь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ошеломленнымъ и недоумѣвающимъ.

Придя въ себя, вы понимаете и чувствуете, что находитесь на востокъ. Да, Бахчисарай— это востокъ и по вѣшнему своему виду, и по складу всей своей жизни, лѣнивой, медлительной, неподвижной.

Проходя по улицѣ, вы замѣчаете на террасахъ домовъ кучки татаръ,

лежащихъ и сидящихъ на мягкихъ скамейкахъ съ трубками и папирсами въ рукахъ. Это кофейни, играющія у татаръ роль нашихъ клубовъ. Нигдѣ въ цѣломъ Крыму кофейня не играетъ такой роли, какъ здѣсь, въ Бахчисараѣ, этомъ исключительно мусульманскомъ уголкѣ Тавриды. Кофейня для бахчисарайца все. Она для него мѣсто общественнаго собранія, ресторанъ, клубъ и читальня вмѣстѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ посвящаетъ ей все свое свободное время. Здѣсь, въ Бахчисараѣ, онъ — господствующая національность, какою былъ при Гиреяхъ, здѣсь все еще сохранилось въ неприкосновенности, къ чему онъ привыкъ и что памятно ему по преданіямъ. Не мудрено, что и кофейня здѣшняя болѣе другихъ сохранила свое исконное значеніе и даже частію и самую обстановку. Исчезли кальяны и длинныя трубки, замѣнившись болѣе удобными папирсами; исчезла традиціонная „мангалъ“ — жаровня, смѣнившись чугунной или жестяной печкой для варки кофе, исчезли сказочники, или рапсоды, уступивъ мѣсто русско-татарской газетѣ „Терджиманъ“, которую читаютъ и интересуются все болѣе и болѣе... Но все-таки, если вы хотите познакомиться съ настоящей татарской кофейней, той, которая существовала и много десятковъ лѣтъ тому назадъ, смотрите ее въ Бахчисараѣ и нигдѣ болѣе въ Крыму...

Попавъ въ нее, вы очутитесь среди восточныхъ привычекъ, вкусовъ, наклонностей, испытаете всѣ прелести восточнаго времяпрепровожденія. Пьютъ кофе, много пьютъ и мало говорятъ. Всѣ словно что-то обдумываютъ или о чемъ мечтаютъ. Это, можетъ быть, и есть столь прославленный кейфъ востока.

Но здѣсь хорошо, въ этихъ прохладныхъ кофейняхъ, на терраскахъ, откуда вы можете наблюдать все происходящее передъ вами на улицѣ. Вы видите и лавки, темнѣющія на солнцѣ изъ-подъ своихъ навѣсовъ, съ неподвижно сидящими въ нихъ продавцами, и тѣхъ, кто проходитъ или проѣзжаетъ по улицѣ. Все больше татары, изрѣдка цыгане и греки. Пройдетъ полицейскій солдатъ, и его мундиръ, нѣсколько фантастическій для русскаго служиваго человѣка, такъ же какъ проѣхавшій фаэтонъ, обитый краснымъ трипомъ, покажутся вамъ рѣзкой дисгармоніей среди всей этой ярко восточной толпы и обстановки.

А тѣмъ временемъ то тамъ, то сямъ спѣшной походкой проскальзываютъ женщины, быстро и любопытно озираясь по сторонамъ, и скрываются въ переулкахъ.

И эти фигуры еще болѣе придаютъ Бахчисараю восточный колоритъ. Онѣ напоминаютъ мраморныя статуи, закутанныя въ свои бѣлыя марама (чадры) поверхъ зеленыхъ или коричневыхъ фераджей, чуть открывающихъ ихъ ноги въ желтыхъ калошахъ, надѣтыхъ на расшитыя серебромъ цвѣтныя туфли. Съ ними, по большей части, идутъ дѣти, маленькіе быстроглазые татарчата въ фескахъ.

Главнѣйшая достопримѣчательность Бахчисарая — это Ханъ-Сарай.

Ханъ-Сарай, т.-е. дворець хановъ, собственно и влечетъ туристовъ. Ханъ-Сарай окруженъ стѣнами, какъ бы спрятанъ въ стѣнахъ. Онѣ позволяютъ видѣть только высокіе минареты, куполы какихъ-то башенъ да нѣсколько стройныхъ раинъ*), темнѣющихъ въ разныхъ мѣстахъ двора.

Около мостика, перекинутого черезъ высохшую вонючую рѣчку Чурукъ-Су, текущую параллельно Бахчисараю и его главной улицѣ, стоитъ каменный столбъ съ двухглавымъ орломъ и надписями на татарскомъ и русскомъ языкахъ. Последняя говоритъ вамъ, что столбъ этотъ поставленъ въ память посѣщенія Бахчисарая Екатериной II; перейдя мостъ, вы у воротъ, ведущихъ на ханскій дворъ. Но, войдя во дворъ, вы еще не у дворца, потому что онъ въ свою очередь также обнесенъ стѣнами съ другими воротами, которыя и открываютъ передъ вами это святилище, служившее мѣстопробываніемъ повелителей Крыма.

Ханскій дворъ имѣетъ форму параллелограмма; онъ обширенъ, покрытъ газонами и цвѣтниками, обнесенъ цѣлымъ рядомъ построекъ, спрятавшихся въ зелени раинъ, кустарниковъ дикаго винограда и другихъ деревьевъ, и, наконецъ, на немъ нѣсколько фонтановъ. Здѣсь тихо, и вы сразу почувствуете себя какъ бы успокоеннымъ и отдохнувшимъ отъ суеты Базарной улицы. Та часть, откуда вы вошли, занята комнатами для пріѣзжающихъ туристовъ, останавливающихся здѣсь съ разрѣшенія таврическаго губернатора или коменданта дворца. Слева большая ханская мечеть, ханское кладбище и строенія, въ которыхъ живутъ дворцовый полицеймейстеръ и другіе служащіе при дворцѣ. Такимъ образомъ самый дворець находится на правой сторонѣ отъ наружныхъ воротъ.

Но, прежде чѣмъ направиться къ нему, слѣдуетъ заглянуть въ мечеть. Въ нее поднимаешься по лѣстницѣ, выстроенной для хановъ. Они молились отдѣльно, стоя на хорахъ, спрятанные отъ своихъ подданныхъ. Въ эти хоры васъ и проводятъ, и передъ вами открывается вся внутренность огромной мечети. Она вся устлана коврами и въ ней царить полумракъ. Стѣны голы, изрѣдка украшены надписями изъ Корана. Съ потолка свѣшиваются нѣсколько люстръ — деревянные, крашеные треугольники, составленные звѣздообразно. На нихъ стаканчики, не отличающіеся отъ тѣхъ, которые обыкновенно употребляются для иллюминацій. Одна изъ люстръ болѣе прочихъ по размѣрамъ и имѣетъ названіе Соломонова свѣточа — „микари Сюлейманъ“ по-татарски. Впереди, въ одной изъ стѣнъ — ниша, надъ которой висятъ три страусовыя яйца и рядомъ съ нею высокая деревянная кафедра, совершенно такая же, какъ

*) Пирамидальный тополь.

въ лютеранскихъ или протестантскихъ церквахъ. Отсюда говорятся проповѣди. Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ складныя скамейки, на которыхъ читается Коранъ. Вотъ и все. Здѣсь все строго, холодно и какъ-то сурово, величественно.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ ханское кладбище, находящееся бокъ о бокъ съ мечетью. Это скорѣе веселый цвѣтущій садикъ, чѣмъ царство смерти и приютъ мертвецовъ. Здѣсь много зелени, аромату, жужжанія, много жизни, но вовсе не чувствуется смерти.

Ханы, ихъ жены и родственники спокойно спятъ въ этомъ мѣстѣ подъ своими плитами, увѣнчанными каменными чалмами и фесками. Нѣкоторые изъ нихъ погребены въ маленькихъ тюрбе, похожихъ на мечети, которыхъ здѣсь двѣ. Обѣ безъ минаретовъ и обѣ выстроены въ мавританскомъ вкусѣ. Надъ всякимъ изъ покойниковъ находится камень съ надписью, которую вы можете увидѣть, если поднимете тиковый чехоль, прикрывающій каждый изъ этихъ камней.

Надписи вообще велерѣчивы и большею частью многословны. Въ нихъ соперничаютъ пламенное краснорѣчіе восточной поэзіи съ глубокомысліемъ татарскихъ улемовъ. Онѣ награждаютъ покойниковъ добродѣтелями и отрицаютъ ихъ малѣйшіе недостатки. Онѣ не скупаются на сравненія и выбираютъ между ними, конечно, самыя яркія.

Вотъ, напримѣръ, на памятникѣ Арсланъ-Гирею высѣчена такая эпитафія:

„Богъ всегда живъ и вѣченъ. Мудрый Арсланъ, онъ былъ въ дѣлахъ военныхъ храбрый наѣздникъ на полѣ битвы, геройствомъ превзошелъ весь родъ Чингисовъ. Самъ Марсъ жаждалъ острія его меча, упитаннаго кровью. Возможно ли сравнить мужество его съ храбростью Неримана! Грозный видъ его убивалъ современныхъ тигровъ и львовъ прежде, нежели онъ величественно, какъ левъ, выступалъ на поле сраженья. Но, покорствуя священному голосу: „возвратись!“, онъ пересталъ жить. Да покроется міръ трауромъ и да раздеретъ воротникъ своего платья!“

Напротивъ, черезъ дворъ, находятся ворота, ведущія въ Ханъ-Сарай. Къ нимъ справа сдѣлана рѣшетчатая пристройка, почти сплошь закрытая вьющимися растеніями. Отсюда, говорятъ, ханы бросали народу деньги въ день вступленія своего на престолъ предковъ, оставаясь невидимыми для этого народа, который приходилъ ихъ привѣтствовать. Отсюда же, невидимые никѣмъ, они любовались джигитовкой и состязаніемъ силачей, вступавшихъ для ихъ потѣхи въ единоборство.

Но вотъ ворота растворились, и вы вошли въ ограду дворца.

— Канцелярія хана,—говоритъ вамъ дворцовый смотритель, вводя васъ въ первую комнату дворца—небольшой покой, который освѣщается маленькими цвѣтными окнами.

И невольно возникаетъ вопросъ, какъ они занимались здѣсь въ та-

кой темнотѣ, эти ханскіе чиновники? Только освоившись нѣсколько, начинаешь различать окружающіе предметы, и первое, что бросается въ глаза,—это шкафчики въ стѣнѣ, назначеніе которыхъ было служить хранилищемъ различныхъ государственныхъ актовъ.

Изъ канцеляріи выходишь въ залу дивана, или верховнаго судилища.

Это рѣшительно самая великолѣпная и величественная комната въ нижнемъ этажѣ. Она обширна и высока — въ два свѣта; обнесена со всѣхъ сторонъ низенькими диванами. Лучше всего въ ней лѣпной потолокъ, напоминающій формой огромное опрокинутое блюдо, и изъ самаго центра его спускается стеклянная люстра, которая въ состояніи привести въ восторгъ любого антикварія. Свѣтъ падаетъ и сверху, и снизу черезъ цвѣтныя стекла. Комбинація ихъ такова, что въ комнатѣ царитъ удивительно эффектный фантастическій полусвѣтъ, придающій нѣчто таинственное этому помѣщенію верховнаго судилища. Въ одной изъ стѣнъ второго этажа устроена рѣшетка, откуда ханы слѣдили за происходившимъ въ залѣ суда, оставаясь невидимыми для судей. Эти рѣшетки, очень красивыя и со стороны кажущіяся, благодаря мелкости переплета, совершенно сплошными, непроницаемыми стѣнами, которыхъ здѣсь такое множество, лучше всего рисуютъ характеръ лукавыхъ властителей Крыма. Невидимые никѣмъ, какъ нѣкія высшія существа, они тѣмъ не менѣе отлично видѣли, что происходило вокругъ нихъ; они незамѣтно схватывали всякую случайно брошенную фразу, подмѣчали неосторожное движеніе, взглядъ, — словомъ, шпионничали такъ тонко и ловко, что ихъ придворнымъ, знавшимъ обыкновеніе своихъ повелителей, оставалось лишь изображать изъ себя мраморныя статуи и превратиться въ безгласныхъ рыбъ, выражаясь цвѣтистымъ языкомъ востока. Конечно, они такъ и поступали, находясь въ этомъ дворцѣ, гдѣ стѣны имѣли уши и обладали въ высшей степени зоркими глазами...

Прохладная, полутемная, благодаря цвѣтнымъ стекламъ и заглядывающей въ окна зелени садика, открывается передъ вами комната, гдѣ ханы пили кофе и отдыхали члены дивана. Она тамъ же, почти рядомъ съ залой суда. Очень оригинальный изъ бѣлаго мрамора фонтанчикъ освѣжаетъ воздухъ множествомъ тоненькихъ струекъ, и подъ эту своеобразную музыку такъ хорошо грезить на этихъ низенькихъ диванчикахъ, въ прохладѣ и тишинѣ. Отсюда дѣйствительно выходишь освѣженнымъ.

Выйдя отсюда, вы неожиданно очутитесь передъ тою достопримѣчательностью дворца, которая дала широкую извѣстность и ему самому, и Бахчисараю. Это—знаменитый фонтанъ слезъ, или Бахчисарайскій фонтанъ, прославленный Пушкинымъ.

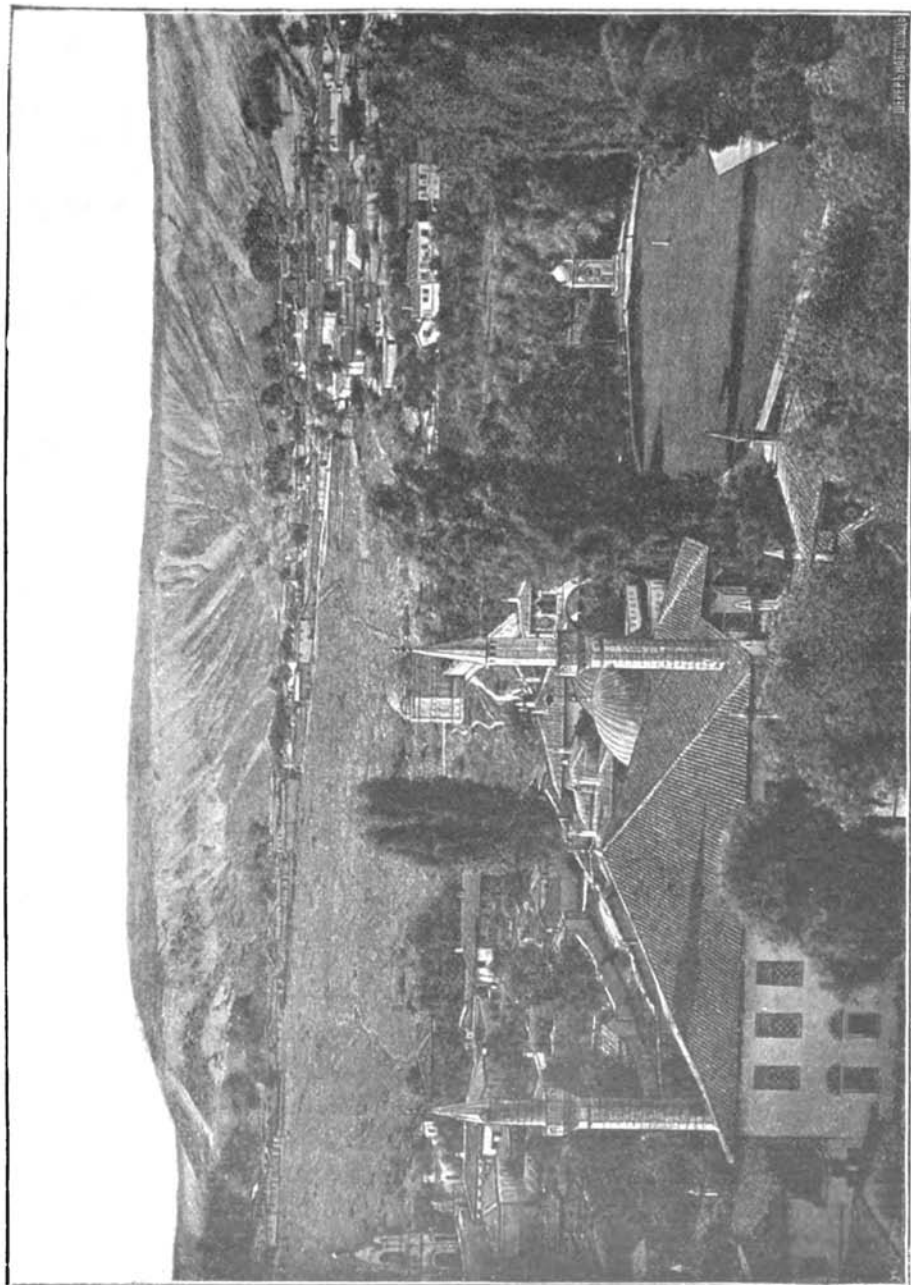
„Гяшгъ-чешме“, какъ онъ называется по-татарски, находится въ углу той комнаты, въ которую вы попадаете, выходя изъ залы судилища.

Это просто высокая мраморная доска, придѣланная къ стѣнѣ, на которой вырѣзано множество чашечекъ, расположенныхъ одна подъ другой. Когда въ верхнюю попадаетъ изъ свинцовой трубочки нѣсколько капель воды, онѣ перельются въ другую, находящуюся ниже, потомъ въ третью и т. д. Такимъ образомъ вода, капля по каплѣ, переливается изъ одной чашечки въ другую, и кажется, что это дѣйствительно слезы—тихія, жалостливыя, неутѣшныя. Фонтанъ нестро раскрашенъ и завершается вверху изображеніемъ магометанской луны, внутри которой что-то похожее на крестъ.

Въ верхнемъ второмъ этажѣ снова передъ вами цѣлый рядъ комнатъ. Въ нѣкоторыхъ сохранилась мебель, зеркала и другія вещи, принадлежавшія ханамъ; лучшая изъ этихъ комнатъ — столовая и та, которая служила спальней Екатеринѣ II, жившей нѣсколько дней въ Бахчисарайскомъ дворцѣ. Въ ней стоитъ широкая кровать, покрытая шелковымъ одѣяломъ, сохранившаяся, говорятъ, въ неприкосновенности со времени пребыванія здѣсь императрицы. Тутъ же, на одной изъ бѣлыхъ некрашенныхъ стѣнъ, вы видите множество надписей-сувенировъ, оставленныхъ въ разное время различными высокими посѣтителями. Эти надписи — „Александръ“, „Цесаревичъ Александръ“, „Константинъ“ и проч.—сдѣланы просто карандашомъ по штукатуркѣ и бережно сохраняются, прикрытыя стеклянною рамой... Далѣе слѣдуютъ комнаты хана и его гарема. Самая роскошная изъ нихъ—да, вѣроятно, лучшая и во всемъ дворцѣ—кабинетъ Крымъ-Гирея, или золотая комната. Она нѣсколько приподнята надъ другими и вся въ окнахъ, обращенныхъ къ саду.

Стѣны и потолокъ кабинета выкрашены въ красный цвѣтъ и всѣ испещрены золотыми узорами. Ниже потолка цѣлый бордюръ изъ фруктовъ, вылѣпленныхъ, вѣроятно, изъ гипса. Надъ дверьми съ обѣихъ сторонъ камина, за стекломъ, помѣщаются какія-то курьезныя деревья и фрукты—совершенно дѣтскія игрушки, не могущія занять въ настоящее время даже пяти-шести лѣтняго младенца. А въ тѣ времена они забавляли повелителя тысячей правовѣрныхъ, который любовался ими, какъ нѣкіямъ чудомъ лѣпного искусства! Навивность, впрочемъ, понятная, если принять во вниманіе степень ханскаго развитія по этой части. Полъ покрытъ коврами, и кругомъ стѣны обнесены низенькими диванами. Очень интересна надпись, идущая немного ниже потолка вокругъ всей комнаты. Она представляетъ яркій образчикъ восточнаго льстивонапыщеннаго краснорѣчія.

За кабинетомъ „тѣни милости Божіей“ слѣдуетъ гаремное отдѣленіе, состоявшее прежде изъ 73 комнатъ. Гаремное отдѣленіе сообщается съ садикомъ, гдѣ фонтанъ и купальня, и отсюда же ходъ въ Соколиную башню, сквозь рѣшетки которой ханскія жены любовались сово-

Бахчисарай.

линою охотой своего повелителя и состязаніемъ джигитовъ ханскаго двора.

Разумѣется, указанныя мною комнаты только наиболѣе останавливающія вниманіе. Пересчитывать остальные—безполезно и невозможно: очень ужъ ихъ много въ этомъ Сараѣ, или дворцѣ, который, что бы тамъ ни говорили, единствененъ въ своемъ родѣ ужъ по тому одному, что онъ единственный памятникъ, оставшійся намъ отъ ханскихъ временъ.

Если хотите, онъ неизященъ, аляповато-грубъ и грубо-пестръ, но онъ оригиналенъ. Въ немъ все расписано, все раскрашено, не оставлено ни одного уголка, ни одного мѣстечка, и все это сливается въ вашемъ представленіи въ какое-то общее ярко-цвѣтистое пятно.

Впрочемъ, здѣсь хаосъ не въ однихъ только краскахъ, — вы его увидите и въ расположеніи комнатъ, коридоровъ и садовъ. Комнаты идутъ и выше, и ниже, пристроены съ боковъ и совершенно неожиданно вырастаютъ тамъ, гдѣ ихъ нельзя было и предполагать. Мало этого, онѣ безпрестанно выводятъ васъ въ маленькіе внутренніе садики, которыхъ тутъ такое множество, что вполне соглашаешься, что нѣтъ болѣе подходящаго названія этому фантастическому созданію, какъ „дворецъ садовъ“.

Съ минарета ханской мечети Бахчисарай особенно красивъ. Передъ вами весь параллелограмъ ханскаго двора, всѣ его ярко раскрашенныя постройки, ажурныя окна и цвѣтистыя ворота, которыя прячутся въ зелени дикаго винограда или выглядываютъ между раинами; фонтаны и сады, куполы ханскихъ усыпальницъ, гаремная башня и ряды надгробныхъ камней, похожіе на беспорядочно разставленные шахматы. Отсюда передъ вами открывается видъ и на весь городъ съ предмѣстьемъ Салачикъ и со всѣми окрестностями далекими, далекими...

Онъ такъ и утопаетъ въ зелени, этотъ восточный городокъ, въ различныхъ мѣстахъ котораго какъ стрѣлы поднимаются минареты и стройные тополи, а кругомъ его идутъ длинныя цѣпи желтовато-сѣрыхъ горъ, изрѣдка покрашенныхъ темными полосами жиденькой растительности. И надъ всѣмъ этимъ нависло голубое, знойное небо, строгое, исполненное величія. Еще лучше и съ того же минарета онъ въ лунную ночь. Крохотный городокъ потонулъ въ роскошномъ сіяніи и грезить, убаюканный музыкой ночного безмолвія. Огни всѣ потушены, все спитъ, и лишь темныя раины, охраняя спокойствіе правовѣрныхъ, тихо и важно склоняются своими верхушками, словно перешептываясь между собой. И всюду, куда глазъ можетъ проникнуть, рассыпались сверкающіе черепичными кровлями домики.

На берегу Чернаго моря.

(Е. Маркова.)

Я живу на берегу моря, заслоненный и удаленный отъ всего міра. Горы громадными каменистыми патрами заступили мнѣ всѣ пути, сдвинувшись ширмою съ трехъ сторонъ, и оставили только одинъ ходъ впередъ—и этотъ ходъ въ море. Въ море—безъ всякаго преувеличенія, потому что единственное сообщеніе моего мѣста жительства съ жилыми мѣстностями—это прибрежная отмель, образованная въ теченіе вѣковъ морскимъ прибоемъ изъ грудъ хряща и голышей у подножія гористаго берега. Въ бурю тутъ нѣтъ проѣзда, по крайней мѣрѣ, сухопутнаго. Надъ головой лѣса—куда ни посмотри. Кое-гдѣ только изъ-за лѣсовъ выглядываетъ голый черепъ каменнаго великана... Прямо надъ трубою дома, осѣняя меня своими тѣнями, стоитъ Кастель. Она вся въ лѣсахъ до самаго гребня. На нее взбираться кажется такъ же трудно, какъ на пирамиду. Однако татары берутъ оттуда лѣсъ и путешественники лезутъ туда. На Кастели, высоко на вершинѣ, до сихъ поръ еще замѣтны слѣды древне-греческой постройки, вѣроятно, замка, имя котораго окрестило гору. Мой лѣсной домикъ спрятался на полугорѣ, среди сбѣгающихъ на него въ разныя стороны виноградниковъ и среди лѣсовъ, набѣгающихъ на него сверху со всѣхъ сторонъ. Онъ заслонился, совсѣмъ съ крышею, окружающими его кипарисами, тополями и орѣхами, и только рѣшетка его тѣнистыхъ балконовъ да колонки, увѣнчанныя оленьими рогами, заманчиво сквозятъ сквозь зелень. Кипарисы рѣдкою и неправильною улицею сбѣгаютъ отъ него черезъ виноградникъ къ наружнымъ воротамъ усадьбы. Какъ башни замка, попарно сторожатъ входы и углы сада стройные кипарисы. Ихъ траурныя, почти черныя вѣтви торчатъ прямо и неподвижно, словно неживыя, подъ припекомъ южнаго солнца и на морскихъ вѣтрахъ.

Не даромъ кипарисъ давно сдѣлали деревомъ кладбищъ, и, дѣйствительно, кладбище не могло себѣ избрать лучшаго сторожа. Болѣе безжизненной жизни и менѣе зеленой зелени нельзя найти. Любопытно вблизи рассмотреть черную пирамиду кипариса. Она внутри почти совсѣмъ пуста; но зато по окружности почти непроницаема,—такъ плотно сближаются между собою вѣтви, вѣточки и хвоя... Кипарисъ обыкновенно увѣшанъ, какъ бубенчиками, своими орѣшками или шишками, но эти орѣшки нисколько не развеселяютъ его мрачной наружности.

Съ балкона моего широкаго, огороженнаго сквозною рѣшеткою въ восточномъ вкусѣ, обставленнаго снутри тепличными растеніями и цвѣтами, снаружи вѣтками деревъ, переросшихъ домъ, видна какъ въ рамѣ широкая картина моря и крутой долины, къ нему спадающей съ горъ.

Послѣдніе кипарисы, тамъ глубоко внизу, вырѣзаются на голубой

волиѣ. Красивы и дики сѣрые камни, разсыпанные по долинѣ и взморью и по скатамъ горъ.

Настоящія стада кажутся мушками между этими каменными овечками. Не пройдетъ, не пробѣдетъ никто. На далекомъ синемъ морѣ не видно паруса или мачты... Только въ виноградникѣ, и то рѣдко-рѣдко, вырѣжется на зелени бѣлая фигура верхового татарина, пробирающагося горною тропинкою въ ближайшее селеніе. Такъ же рѣдко проскрипятъ внизу по песчаной приморской окраинѣ длинная мажара съ сѣномъ или дровами... Долго тянется она передъ вашими глазами, сначала увязая въ песокъ, потомъ едва тащась на каменную гору, и вы вволю наслушаетесь отрывистыхъ возгласовъ погонщика-татарина и жестокаго визга колесъ; черные буйволы, коренастые и жилистые, словно нарочно созданные для татарскихъ мажаръ и для крымскихъ горъ, съ угрюмымъ терпѣніемъ, медленно и тяжко, шагъ за шагомъ возносятъ на мощныхъ шеяхъ своихъ громадный возъ на такую высоту и по такой дорогѣ, которыя только для нихъ и существовать могутъ.

Пробѣдутъ, скроются въ лѣсъ, еще разъ покажутся совсѣмъ съ колесами на голой макушкѣ горы и перевалятъ за нее, чтобы не показаться больше. Другой не скоро дождетесь. Иногда увидите, пожалуй, и парусъ; но это такъ далеко и такъ не часто, и зато какъ кажется живописно! Въ большой штиль, случается, стоятъ пять-шесть бѣлыхъ неподвижныхъ доскутковъ на голубомъ горизонтѣ. Простоять иногда дня два, утромъ приходите искать ихъ и находите опять одну и ту же безконечную голубую пучину, какъ и всегда. Но вмѣсто кораблей видны зато горы.

Эти горы такъ же безсмѣнно передъ вами, какъ и море. Это сѣверовосточный рогъ полукруглаго залива, въ которомъ пріютились Алушта, Судакъ и много другихъ мѣстъ. Кажется, взялъ бы, да и поплылъ себѣ вразмашку прямо къ тому гористому мысу; а до него, говорятъ, верстъ 50 по прямой линіи, по берегу же до 70 верстъ. Такъ обманывается на безбрежной равнинѣ моря обычный глазомѣръ человѣка.

По горамъ легче узнать часъ дня и погоду, чѣмъ по морю. Голубые и розовые дымно-сѣрые и золотистые тона то вспыхиваютъ, то потухаютъ на нихъ. Иногда онѣ густо-синимъ, довольно грознымъ хребтомъ загораживаютъ восходящее солнце. Тогда онѣ кажутся ближе и выше. Но въ знойный день онѣ почти совсѣмъ таютъ и расплываются въ горячемъ туманѣ; онѣ уходятъ тогда Богъ знаетъ какъ далеко, и только блѣдный рисунокъ ихъ, тонкій и прозрачный, какъ облачко, воздушною тѣнью стоитъ на горизонтѣ.

Вставать надо рано, иначе пропадешь отъ жару; несмотря на море, несмотря на лѣса и высокія горы, жарко здѣсь, на каменномъ берегу. Все камень—берегъ, дороги, гора, виноградникъ; когда раздѣнешся,

чтобы лѣзть въ море, босой ногѣ нѣтъ силъ выдержать прикосновеніе горячихъ голышей. Точно ступаешь на разоженные утюги. Никакая чаща васъ не спасетъ, крымское солнце—не наше русское, да и крымскіе лѣса—не наши русскіе. На прибрежныхъ горахъ, если онѣ не подымаются въ прохладный воздушный слой, какъ Капель, дубы и вязъ—карлики и уроды. Они худосочны, мелкорослы, искривлены, какъ семья несчастнаго пролетаріа, воспитавшаяся на лишенияхъ всякаго рода. Листъ мелкій, сухой, сучки обращены въ колючки; травы нигдѣ нѣтъ, нигдѣ мягкаго чернозема или даже глины, гдѣ бы можно было уставшему пѣшеходу растянуться, по русскому обычаю, руки подъ голову, носомъ кверху. Ужъ какъ иногда просится тѣло, измученное карабкальемъ по горамъ, на зеленую постель, но, кромѣ камней да черепковъ, ничего не отыщите лучше, и не ложитесь, даже и не садитесь.

Смолистые тереляны, сухіе вѣтки тамариска, неизбѣжное держидерево, на которомъ больше колючекъ, чѣмъ листьевъ, и которое многіе считаютъ за тѣ именно терніи, изъ которыхъ былъ сплетенъ вѣнецъ Христа, шиповникъ, ежевика, боярышникъ да мушмула—вотъ кусты и деревья морского берега.

Но по голышамъ, обливаемымъ морскимъ прибоемъ, на почвѣ, на которой не ожидаешь встрѣтить никакого признака жизни, растутъ между тѣмъ сочные и толстые стебли мака съ яркими желтыми цвѣтами, молочай особаго рода, тоже очень жирный и кустистый; немного повыше, по обрывамъ скалъ, кустятся ярко-розовые букеты кермека (*Statice*), стелятся длинныя петли каперсовъ съ ихъ великолѣпными бѣлыми цвѣтами и еще болѣе великолѣпными зелеными плодами съ мякотью малиновою какъ карминъ.

Утромъ хорошо бродить здѣсь, не видя живого человѣка, не слыша даже птичьяго голоса.

Съ одной стороны неподвижныя горы съ нѣмыми лѣсами стоятъ надъ вашей головой въ густой жаркой синевѣ. Съ другой стороны море стелется въ необозримую даль, будто стекая за горизонтъ всею этою безбрежною скатертью.

Подходишь близко-близко къ водѣ, съ сачкомъ въ рукѣ, и начинаешь слѣдить за колыханіемъ цѣлаго ряда медузъ, прибитыхъ къ берегу. Прозрачныя, точно едва очерченныя на водѣ какимъ-нибудь нѣжнымъ рѣзцомъ, эти пузыри жидкаго хрустала дышатъ, ѣдятъ, двигаются. Тысячи такихъ медузъ разбиваются ежедневно въ каждый маленький прибой на томъ клочкѣ берега, гдѣ я купаюсь; многія тысячи тысячъ на всемъ берегу.

Хотя утро, а ужъ на небѣ и на землѣ давно стоитъ жара.

Небо густой и горячей синевы, только надъ горами нарастаютъ по-немножку бѣлыми столбами серебристыя кучевыя облака...

Лѣсныя вершины Кастели и Яйлы уже совершенно чисты, и голые утесы Демерджи и Бабугана стоят раскаленные въ горячихъ лучахъ.

Въ тихое жаркое утро стоишь по поясъ въ водѣ и не вынешь бы изъ нея долго... И смотришь въ глубь, прозрачную какъ воздухъ, на разстилающійся подъ ногами яркій мозаиковый полъ изъ „каменій самоцвѣтныхъ“, который гнется и колыхнется вмѣстѣ съ водою и въ которомъ ясно, какъ подъ свѣжимъ лакомъ, рисуется каждый камешекъ.

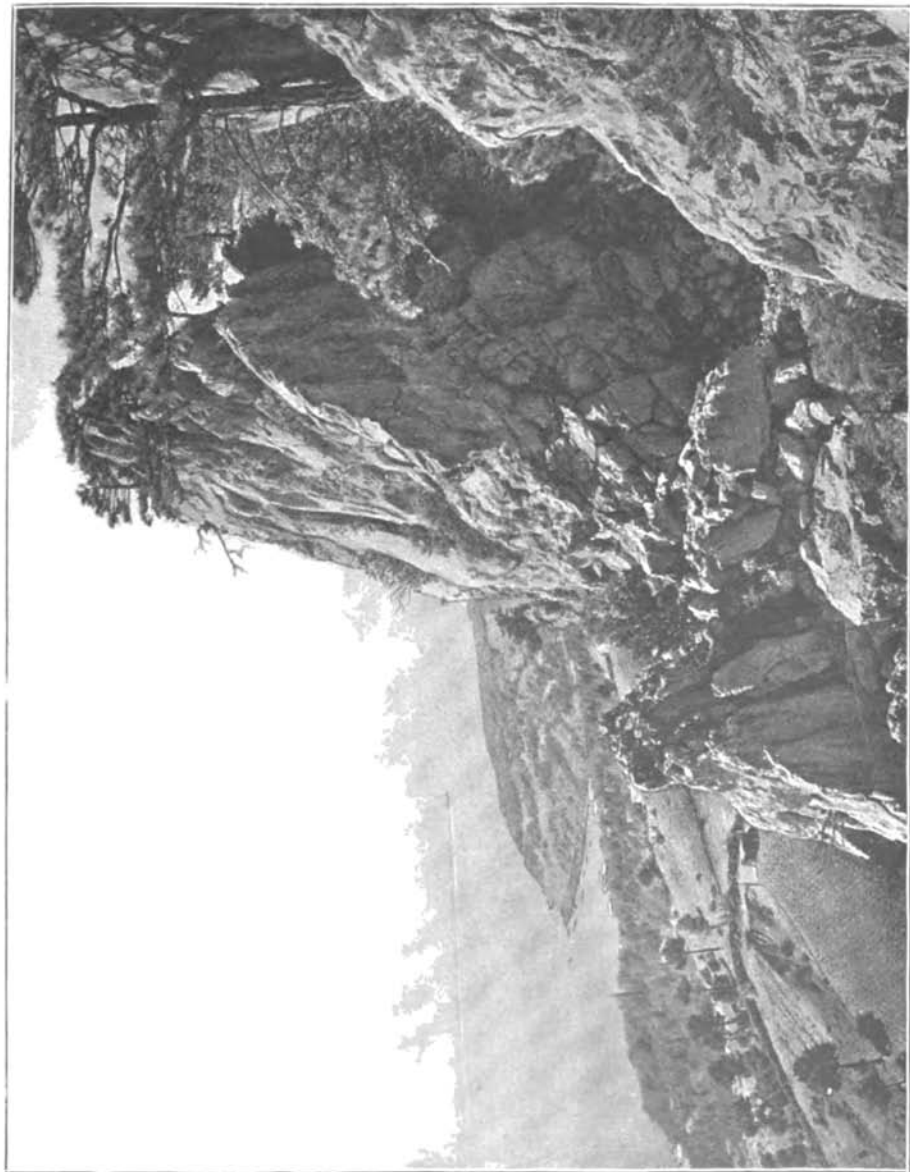
А между тѣмъ рыбаки, везущіе васъ, скажутъ вамъ, что, даже нырнувши, вы здѣсь не достанете дна; этотъ помостъ сажени четыре подъ поверхностью моря; онъ зеленъ, какъ ярь, не оттого, что обросъ травою, а именно отъ густоты водяного слоя, сквозь который виденъ.

Въ срединѣ дня такъ хорошо въ морѣ! Эта ванна не нагрѣвается даже такимъ солнцемъ, которое печетъ теперь всякій день съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера. Море освѣжаетъ совсѣмъ не такъ, какъ рѣчная вода; погружаясь въ его упругій, словно на кремнѣ настоенный разсолъ, чувствуешь, что это не вялое, тепленькое объятіе, къ которому пріучила насъ лѣтняя вода прудовъ и рѣкъ.

Море до такой степени свободно отъ всякихъ болотистыхъ и гнилыхъ примѣсей, такъ минерально въ своемъ составѣ, что только вѣрнѣе и свѣжить, не заставляя зябнуть. Понятно, что станешь здоровъ и красенъ, какъ солонина, просаливаясь нѣсколько лѣтъ сряду въ этой минеральной ваннѣ. Татары здѣсь поразительно здоровы, и мнѣ говорили, что они купаются круглую зиму.

Животныя тоже любятъ купанье, особенно буйволы. Эти добрые и трудолюбивые работники, неоцѣнимые при перевозкѣ тяжестей по горнымъ дорогамъ, какъ свиньи лежатъ въ лужахъ, закопавшись въ грязь, если нѣтъ для нихъ болѣе чистой купальни; въ морѣ же они блаженствуютъ. Они по цѣлымъ часамъ лежатъ въ водѣ, медленно пережевывая жвачку, съ наслажденіемъ хлестаютъ свои мокрые бока мокрыми хвостами и щурятъ глаза съ нѣгою безусловныхъ счастливецъ. Въ сильныя жары они ухитряются погружаться въ воду съ головой и рогами и лежатъ тогда недвижны, какъ колоды, едва только высунувъ носы; я долго не могъ разгадать, что бы это было такое, въ первый разъ увидя въ морѣ въ пяти шагахъ отъ себя эти неподвижно торчащіе носы.

Море совсѣмъ тихо, а прибой, грядя за грядою, ударяетъ о берегъ и разсыпается на немъ, шурша голышами. Словно въ морѣ пульсъ бьется. Иногда прибой слабъ, иногда усиливается до того, что трудно войти въ море. Можно даже замѣтить нѣкоторую періодичность этого усиленія и ослабѣванія. Отъ волненія въ морѣ прибой мало зависитъ; случается, напримѣръ, что при сильнѣйшемъ береговомъ прибоѣ остальное море спокойно.

На южномъ берегу Крыма.

Большой прибой очень красивъ. Берегъ, обыкновенно покрытый водою, обнажается на значительное разстояніе, и вамъ дѣлается видна вся влажная мозаика береговыхъ скатовъ.

Прибой у крутого берега бьетъ однимъ валомъ, не образуя параллельныхъ грядъ, догоняющихъ одна другую, какъ это замѣчается у мелкихъ береговъ. Валъ прибоя, густой и тяжелый, грязно-бураго цвѣта, съ пѣнистою гривой на хребтѣ, поднимается иногда выше человѣческаго роста и, остановившись у подошвы обнаженнаго скала, вдругъ переламывается по всей безконечной линіи своей и тяжело рухаетъ внизъ... Кажется, что онъ обрывается черезъ какой-то невидимый барьеръ. Гулъ, плескъ, шипѣнье оглушаютъ васъ; цѣлая скатерть воды, кружась и шипя, взбѣгаетъ вверхъ по скату берега, обливая песокъ и голыши на далекое пространство. Отъ бѣлой сплошной пѣны берегъ кажется облитымъ сметаной... Быстро сбѣгаетъ эта водная скатерть опять внизъ, съ шумомъ унося за собой камешки. Интересно входить въ прибой въ моментъ его перелома. У кого спина и грудь не очень церемонны, тотъ только и можетъ пробовать это удовольствіе. Рѣдко устоишь подъ ударомъ водной массы, обрушивающейся на васъ сверху; ноги подламяваются сами собою, камни бѣгутъ изъ-подъ ногъ, и вы выписываете такіе курбеты, на которые нельзя смотрѣть со стороны безъ смѣху: прибой закрутитъ васъ, какъ ловко пущенный волчокъ, и выкинетъ на берегъ вмѣстѣ со щепками и медузами. А прорвитесь сквозь барьеръ прибоя, будете себѣ спокойно плавать по неподвижной поверхности. Когда смотришь на сильный прибой съ прибрежной горы и можешь окинуть однимъ взглядомъ всѣ входящія и выходящія углы боевой линіи берега, всѣ эти бастионы, образуемые мысами и заливами, то движеніе прибоя кажется энергичнымъ штурмомъ огромной арміи, которая дружнымъ развернутымъ строемъ бросается разомъ на всю линію укрѣпленій.

Веселѣе всего плыть по морю въ довольно крупную волну въ компаніи надежныхъ пловцовъ. Вы несетесь на хребтѣ кого-то живого, упругаго и сильнаго.

Вотъ вздохъ моря вскинулъ васъ высоко, какъ на качеляхъ, вы повисли на макушкѣ волны, мгновенно создавшейся, одно мгновеніе существующей и въ одно же мгновеніе исчезающей. Подъ вами и передъ вами нѣдра моря распахнулись глубокою черною ложиною, съ приятнымъ замираніемъ сердца вы стремглавъ падаете въ нее легко и неслышно, будто скатились съ горки; не успѣли очнуться внизу, уже васъ опять взнесло на гребень дрожащаго, прозрачнаго холма, и оттуда открылась опять ожидающая васъ внизу разинутая пасть моря, и вы опять скользите внизъ, опять на горѣ, опять въ ложины, пока не прибьютъ васъ къ каменистому берегу.

Тутъ нѣтъ никакой опасности; она воображается только людямъ, не пробовавшимъ плавать въ волну. Васъ не заливаешь, не обдаешь, если вы хоть немного искусный пловецъ. Вы только послушно слѣдите за всѣми изгибами морской поверхности, оставаясь постоянно выше ея, внизу ли вы, вверху ли, — все равно. Одно только сверху въ такомъ купаньѣ: голова кружится, какъ отъ корабельной качки.

Въ водѣ здѣсь хоть и бѣдная, но все-таки жизнь.

Ея сразу не откроешь. Я, напримѣръ, долго не видѣлъ ея. Но когда глазъ привыкъ къ переливамъ жидкаго хрустала по пестрымъ мозаикамъ дна, онъ начинаетъ отличать другое движеніе среди этихъ камешковъ.

Вотъ притаилась между ними сѣрая съ тигровыми пятнами головастая рыбка, и ея прожорливые глазки смотрятъ наверхъ. Вы шевельнули ногою, и ея уже нѣтъ здѣсь. Едва касаясь камней концами своихъ длинныхъ грудныхъ плавниковъ, почти лишенныхъ перепонки, она извивается между ними съ проворствомъ и гибкостью змѣи. Вотъ ихъ подвиглась цѣлая стая, одна другой меньше, изъ разныхъ щелей, которыхъ вы до сихъ поръ не замѣтили. Вотъ онѣ вертятся вокругъ пальцевъ вашей ноги, ловко щипля ихъ сналету и пугливо бросаясь въ стороны послѣ каждаго удачнаго щипка. Это бычки.

Оглянитесь, и вы увидите нѣчто иное. Къ вамъ плыветъ, вытянувшись вертикально, не то змѣйка, не то стебелекъ водоросли. Это игларьба съ заостренною какъ карандашъ головкою, которая имѣетъ такимъ образомъ видъ шильца. Она при взмахѣ вашей руки безгрѣшно опустится на дно и, прицѣпившись хвостикомъ къ камню, начнетъ тихонько раскачиваться. Ихъ иногда попадаются цѣлыя стайки.

Не совсѣмъ также пріятно, когда вы попадаете въ цѣлое стадо прозрачныхъ полужидкихъ медузъ, прилипающихъ къ тѣлу. Онѣ здѣсь не велики ростомъ: самыя большія, какихъ я видѣлъ, величиною съ блюдечко. Наблюдать ихъ въ водѣ довольно любопытно. Но, разъ взявши въ руки, проститесь съ ними. Онѣ расплываются, какъ жидкій крахмалъ или кисель. Разъ я захватилъ одну медузу между двумя самыми тонкими листочками почтовой бумаги, чтобы понести ее домой; дома раскрылъ и увидѣлъ одну мокрую почтовую бумагу: отъ животнаго не осталось и слѣда.

Вечеръ опускается съ горъ тихо и плавно. Лѣсные долины, съ которыхъ разомъ сбѣжалъ золотой отблескъ, будто чья-то рука смахнула его вверхъ, ярко и холодно зазеленѣли, а на Чатырдагѣ, на Бабуганѣ, на Кастели еще дымятся ползучіе золотые косяки. Тишина та же, что и утромъ, и въ полдень, и въ глубокую ночь. Только морской прибой перекачиваетъ голыши по голышамъ, словно свинцовую дробь. Въ этотъ немолчный шорохъ такъ втягиваешься, что, наконецъ, перестаешь замѣчать его...

Что-то черное большое вдруг вынырнуло из глубины и, перекатившись, опять исчезло... Не успел глаз одуматься, опять взвился из воды как будто край черного колеса, усаженный кулаками, прокатился под водой, опять вынырнул, опять исчез, и опять, и опять... Шагахъ въ десяти отъ него появилось новое черное колесо, съ тѣми же кулаками, и покатилося туда же, исчезая и вылѣзая... Это дельфины начали свою вечернюю охоту. Они не умѣютъ плыть прямо и ровно или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ. Весело смотрѣть, какими дерзкими скачками взмываютъ они дугою снизу вверхъ и сверху внизъ, отчаянно гоняясь за убѣгающею рыбою; увлеченные удалой погоней, они часто теряютъ власть надъ своими движеніями, и иногда случается, что дельфинъ, совершенно выскочивъ изъ воды, опишетъ свою дугу въ воздухѣ на вашихъ глазахъ. Когда же ихъ соберется много и они плывутъ другъ за другомъ, показывая только изгибы спинъ съ плавниками, кажется, будто подъ водою быстро работаютъ какія-то мельницы...

Дельфины здѣсь едва ли не единственные крупныя животныя. Изрѣдка залетитъ бѣлая чайка — „рыбалка“, покружится, погарцуетъ надъ бездною, клюнетъ раза два соленую воду и полетитъ себѣ обратно, откуда пришла. Рѣже появляются гагары. Утки также иногда спускаются сюда на море, втихомолку, и вертятся гдѣ-нибудь на серединѣ. Летятъ онѣ, не смѣя отдѣлиться на полъ-аршина отъ воды, даже взлѣзая ее крыльями, и такъ торопливо, не раздумывая и никуда не сворачивая.

Напрасно ищу я также ракушекъ, раковъ и всякой подобной твари между камней и въ песокъ поморья... Голыши, круглые и обточенные, какъ на фабрикѣ, насыпанные глубокими гудами, въ которыхъ утопаетъ нога, — вотъ все, что вы найдете на берегу... На свѣтѣ нѣтъ такой громадной и такой дѣятельной гранильной фабрики, какъ волны моря. Онѣ день и ночь безъ отдыха грызутъ и обмываютъ куски скалъ, ими же оторванные, и каждымъ прибоемъ подсыпаютъ въ свои несчетныя склады новаго товару.

Однажды утромъ и весь день здѣсь было шумно не по обыкновенію. Зной былъ особенно сильный. Дельфинамъ было душно и тяжело въ морѣ; они фыркали громко и тяжело, какъ купающіеся буйволы, и поминутно выскакивали изъ воды. Никогда ихъ не было такъ много. Въ полдень они гонялись другъ за другомъ, ныряли и катались колесами, цѣлыми вереницами. Ихъ погони и перегонки вспугнули стада кефала, начинающей уже заплывать подъ наши берега. Какъ мѣтко пущенныя стрѣлы, перелетали бѣдныя рыбы цѣлыя сажени надъ водою, выскакивая даже на воздухъ отъ слишкомъ энергическихъ усилій уйти отъ страшнаго врага.

Весь этотъ день и намъ было какъ-то душно. Даже вечеромъ хо-

тѣлось въ море. Мы отправились купаться среди совершенной темноты. Тишь была необыкновенная. словно украли море. Мы быстро раздѣлись, чтобы всѣмъ вмѣстѣ разомъ броситься въ воду и поплыть. Жутко было входить одному.

Шумно вошли мы въ воду... Вдругъ вокругъ насъ забѣгали, запрыгали искры; каждый шагъ ноги раздвигалъ струи блѣднаго пламени, каждый всплескъ брызгалъ огнемъ. На одно мгновеніе я былъ страшно озадаченъ. Я никогда не видалъ свѣченія моря; фосфоресценція не была сильна, но и въ этой степени, въ какой была, она поражаетъ до остолбенѣнія... Вода насквозь проникается огнемъ... Пламя незримо скрыто въ волнѣ и отъ ничтожнаго удара вырывается изъ него искрами, какъ изъ кремня. Оно будто не освѣщаетъ, а между тѣмъ свѣтится даже сквозь воду. Странно было намъ плыть въ этой огненной влагѣ, окруженными икрстыми брызгами.

Ночью мы снова цѣлой компаніей отправились къ морю и долго потѣшались, зажигая иллюминаціи разнаго рода въ морской водѣ: отъ каждаго брошеннаго камня сыпались изъ воды блѣдныя искры; а когда кто-нибудь начиналъ болтать въ водѣ палкою, казалось, что онъ мѣшалъ расплавленную жидкость.

Съ балкона, торчащаго высоко на горѣ, какъ гнѣздо ласточки, съвозъ кипарисы и тополя были видны высокія горы и широкое море и надъ нимъ высокій и широкій сводъ, переливающийся звѣздами, какъ золотымъ пескомъ.

Тихо сошли мы по крутымъ ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ въ виноградникѣ. Балконъ и галереи, освѣщенные красноватыми огнями, заслоненные черными фигурами кипарисовъ, глядятъ на насъ сверху, мы спускаемся все ниже и ниже, тихо и молча; виноградникъ со всѣхъ сторонъ дышитъ на насъ прохладою, кипарисы темнѣютъ въ синевѣ ночи, тонкіе и легкіе, какъ минареты. Но гораздо выше ихъ сіяютъ небесныя звѣзды...

Горы, облегишія окрестъ нашу долину, рѣзко вырѣзаются своими сплошными черными силуэтами на звѣздномъ небѣ, всѣ одинаково близкія, всѣ равно высокія.

Мы спускаемся къ морю... Его нѣтъ. Оно слилось туманною полосой съ туманнымъ синимъ небомъ, и кажется, что прямо отъ чернаго берега поднимается небесный сводъ.

Юпитеръ горитъ ярко и бѣло, и его блѣдное отраженіе, словно отраженіе луны, широкимъ столбомъ перепоясываетъ незримыя воды.

Тихо опустились мы на каменистый берегъ и стали слушать ночь... Прибой рѣдко и слабо плескалъ о голыши; забывшись, чудилось, что изъ туманной воды кто-то силится осторожно вылѣзть на берегъ. На

далекомъ скалистомъ мысу отрывисто и рѣзко прокричала морская птица. Изъ лѣсной долины, на которую спустились влажныя облака, слышался плачь филина...

На высотахъ Яйлы.

(В. Талиева.)

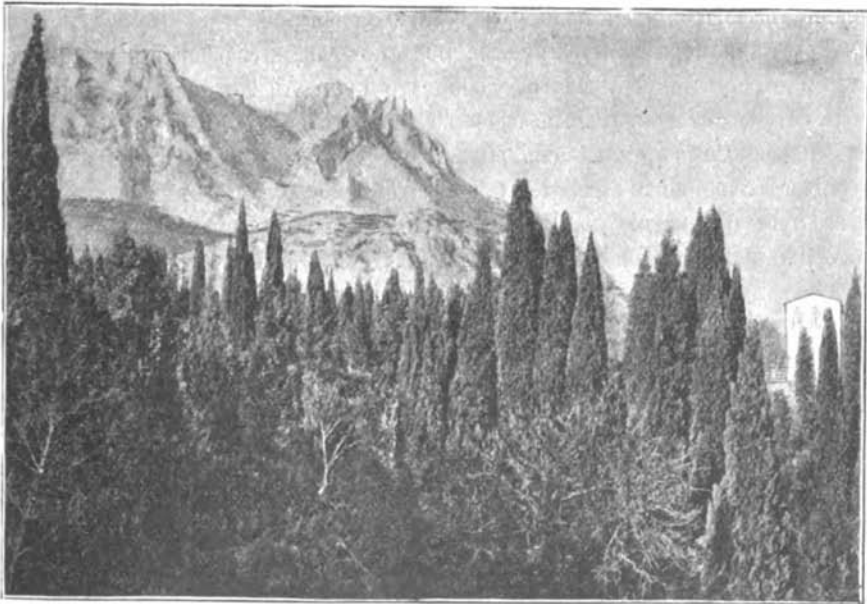
Находясь у подошвы крымскихъ горъ, нельзя и подозрѣвать, что за тѣмъ скалистымъ гребнемъ, который вѣнчаетъ ихъ вершины, скрывается цѣлая обширная страна. Вершины главнаго хребта крымскихъ горъ не кончаются закруглениями или пиками, но представляютъ собой волнистыя площади, на которыхъ разстилаются привольныя пастбища, называемыя „Яйлой“.

Чтобы познакомиться съ оригинальнымъ характеромъ Яйлы, удобнѣе всего взобраться на вершину Ай-Петри, бѣлые зубцы которой высоко поднимаются надъ чудными парками Алупки. Для тѣхъ, кто не расположенъ подвергать себя утомительному подъему на гору пѣшкомъ и можетъ потратиться на извозчика, который изъ Ялты беретъ около 8—10 руб., имѣется прекрасная шоссеиная дорога, перекинутая черезъ Ай-Петри съ одной стороны на другую, изъ Ялты въ Бахчисарай. Поднимаясь на высоты Ай-Петри, она образуетъ безконечное множество изгибовъ, что дѣлаетъ подъемъ хотя и длиннѣе, но зато и чрезвычайно постепеннымъ. Дорога все время идетъ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ, образованнымъ крымскою сосной (*Pinus Lagicio*), покрывающей склонъ до самаго гребня. Въ густомъ лѣсу это дерево мало чѣмъ отличается отъ нашей обыкновенной сосны (*Pinus silvestris*); развѣ только болѣе красная кора да крупныя яйцевидныя коническія шишки, валяющіяся на землѣ, заставляютъ обратить на него вниманіе. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда крымская сосна растетъ по одиночкѣ или маленькими группами, вѣтви ея распростираются въ горизонтальной плоскости и сообщаютъ ей сходство съ итальянскою пиніей. Подъ тѣнью сосенъ глазъ напрасно ищетъ обычныхъ спутниковъ сѣверной сосны. Брусника, черника и т. п. если и попадаются, то рѣдко и въ жалкомъ видѣ. Ихъ мѣсто заступаютъ совершенно иныя, незнакомыя сѣверянину растенія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко попадаютъ піоны (*Paeonia triternata*), образующіе невысокіе кустики съ блѣдною крупною зеленью. Раншею весной они покрываются большими синеваато-красными цвѣтами, которые можно видѣть въ букетахъ, продаваемыхъ въ это время на южномъ берегу. Тутъ же, рядомъ съ піономъ, почти у самой дороги цѣлыми кустами растетъ ядовитая белладонна (*Atropa Belladonna*), ягоды которой по виду и цвѣту напоминаютъ собой небольшія сочныя вишни. Эти соблазнительныя на видъ ягоды нерѣдко подають поводъ къ отравленіямъ.

Сдѣлавши послѣдній поворотъ, дорога, наконецъ, переваливается черезъ край Ай-Петри и переходитъ на его вершинную площадь. Однако нужно еще отойти сажень на 20, чтобы передъ глазами предстала Яйла во всей своей своеобразной прелести. За краемъ горы скрывается широкая, развилчатая котловина, дно которой на большомъ протяженіи вдоль и поперекъ представляетъ ровную зеленую лужайку. Она покрыта короткимъ, но густымъ дерномъ, изъ котораго, если присмотрѣться, привѣтливо выглядываютъ бѣлыя головки ползучаго клевера (*Trifolium repens*), желтые цвѣточки лядвенца (*Lotus corniculatus*), складчатые листочки манжетки (*Alchemilla vulgaris*) и многихъ другихъ знакомыхъ для сѣвернаго жителя травоекъ. Такъ и хочется имъ сказать: „здравствуйте! откуда это вы, пріятели, сюда попали?“ Проживши нѣсколько дней среди безводной, жаждущей влаги природы, вдругъ въ двухъ шагахъ отъ знойнаго южнаго берега, послѣдніе образы котораго не успѣли еще изгладиться въ представленіи, видишь передъ собой, какъ бы чудомъ, отголоски далекой сѣверной природы. Та же сочная зелень, тѣ же знакомыя травы, тотъ же свѣжій, живительный воздухъ, непривычный для жаркаго юга. Сдѣлавши трудный подъемъ по крутой каменной тропинкѣ, бодро и весело идешь по мягкой лужайкѣ, не чувствуя усталости, и жадно вдыхаешь прохладный, проникнутый тонкимъ ароматомъ воздухъ.

Къ краямъ котловины зеленая лужайка постепенно переходитъ въ безжизненные каменные поля. Какъ будто гигантскія волны моря вдругъ застыли и превратились въ каменные гребни. Вездѣ кругомъ уступами громоздятся скалы. То вотъ стѣна покатая къ сѣверу и отвѣсно срѣзанная къ югу, то неправильный конусъ, то гигантская лѣстница, по исполинскимъ ступенямъ которой взбѣгаютъ развѣ только туманы. То яма, то холмъ, то площадка, и опять то холмъ, то площадка, то яма; выше, ниже, еще ниже и опять выше, и такъ идетъ, то спускаясь внизъ, то поднимаясь вверхъ на гору. Безчисленныя трещины разбили камень на глыбы; въ однихъ мѣстахъ онѣ лежатъ еще другъ на другѣ, какъ кладка циклопической постройки; въ другихъ онѣ сползли, опрокинулись, разсыпались, встали ребромъ; въ третьихъ глубокая трещина, глубина которой зялетъ черною щелью, раздвинула на протяженіе многихъ сажень горную массу. Воздухъ и вода разбили сплошную каменную массу на части, вымыли глубокія воронки и скрытыя въ землѣ пустоты. Здѣсь вода, падающая въ видѣ атмосферныхъ осадковъ, сейчасъ же уходитъ по трещинамъ съ поверхности вглубь и пробирается по одной ей извѣстнымъ ходамъ, оставляя поверхность камня такой же жаждущей, какъ и раньше. Эти ходы, съ каждымъ разомъ расширяясь, мало-по-малу превращаются въ бездонные провалы и въ сталактитовыя пещеры.

Еще и теперь на Яйлѣ попадаются одиноко стоящія деревья—сосны и тиссы (*Taxus baccata*), а подвигаясь къ западной окраинѣ Ай-Петри, начинаешь встрѣчать прекрасныя буковыя рощи. Въ тѣни ихъ тѣ же каменные глыбы покрыты толстымъ слоемъ мха, а на почвѣ, защищенной отъ смыванія растительностью, находятъ пріютъ довольно богатая флора. Особенно хорошія мѣста лежатъ ближе къ сѣверо-западному краю. Здѣсь лѣски чередуются съ травянистыми склонами, покрытыми густою, высокою травой, напоминающей и по своей свѣжести, и по общему виду наши влажныя лѣсныя поляны.

Въ горахъ Крыма.

Ай-Петринская Яйла, благодаря своей доступности, утратила прелесть первоначальной дикости. Сюда то и дѣло взбираются то кавалькады всадниковъ, то фэтоны извозчиковъ съ пассажирами. Они ѣдутъ сюда, чтобы посмотрѣть видъ на Южный берегъ, открывающійся съ зубчатой вершины Ай-Петри. Чтобы доставить себѣ это удовольствіе, приходится, добравшись до Яйлы и оставивши экипажъ, у корчмы, замѣняющей отель, пройти съ полверсты по каменистой, хотя и довольно ровной тропинкѣ.

Видъ, открывающійся съ Ай-Петри, дѣйствительно таковъ, что стоять его посмотрѣть. Собственно говоря, про него нельзя даже сказать, что онъ красивъ, потому что мѣрка красоты къ такимъ явленіямъ не приложима. Ощущеніе, которое испытываешь, глядя въ страшную бездну,

развернувшуюся у самыхъ ногъ, чаруетъ не красотой, а своею невыразимою грандіозностью.

Южный склонъ Ай-Петри на большомъ протяженіи спускается внизъ почти отвѣсно. Глазъ видитъ, какъ быстро-быстро отъ него уходятъ сосны, растущія по скату, какъ онѣ сразу сливаются въ сплошную, темную зелень, окаймляющую подошву горъ, и безъ всякаго перерыва переходятъ въ сады Алупки, Мисхора, Кореиза, которые кажутся кучками неясныхъ точекъ, а за ними безграничное море, сливающееся своей синевой съ синимъ небомъ въ одно необъятное, волшебное пространство, изъ глубины котораго льются потоки тепла и свѣта на эту зелень, на эти скалы, на эту лазурную бездну.

Другая панорама, съ другими обстановочными эффектами, развертывается съ противоположнаго, сѣвернаго края Ай-Петринской яйлы. Отсюда открывается красивый видъ на гористый уголь Крыма. Съ востока на западъ бѣгутъ, какъ спины исполинскихъ чудовищъ, темные хребты отроговъ сѣвернаго склона главнаго горнаго кряжа, отдѣленные другъ отъ друга синеватою дымкой. Всѣ они покрыты темнымъ лѣсомъ, зелень котораго кажется еще темнѣе за полупрозрачнымъ туманомъ. Только на самомъ западѣ, куда спускается вечернее солнце, блеститъ серебристая полоска моря, а рядомъ съ нимъ виднѣтся кусокъ степной равнины, по которой протянулись ленты садовъ, должно быть, вдоль Бельбека или Качи, и поднимается дымъ не то отъ мчащагося съ сѣвера поѣзда, не то отъ костра.

Къ достопримѣчательностямъ Ай-Петри между прочимъ относятся снѣжныя ямы. Во время снѣжныхъ метелей, засыпающихъ Яйлу въ зимніе мѣсяцы, въ глубокіе провалы, разбросанные по ея поверхности, надуваетъ большое количество снѣга. Здѣсь онъ, какъ въ погребѣ, лежитъ по крайней мѣрѣ до середины лѣта. Мѣстные жители воплѣ оцѣнили ту пользу, которую можно извлечь изъ такихъ ледниковъ, такъ какъ во всемъ Крыму лѣтомъ чувствуется большой недостатокъ во льду и снѣгѣ. Они заодно съ метелями наполняютъ провалы снѣгомъ и убиваютъ его. Снѣгъ, медленно тая и слеживаясь, превращается въ плотную массу, которая рубится и рѣжется на куски. Эти снѣжныя залежи постепенно утилизируются. Рабочіе татары вырубаютъ топоромъ правильныя плиты, вкладываютъ ихъ въ мѣшки и въ такомъ видѣ отправляютъ въ Ялту и дальше. По мѣрѣ вырубки снѣгъ углубляется все больше и больше, такъ что подъ конецъ лѣта работа идетъ уже на такой глубинѣ, на которой люди кажутся почти такими же маленькими, какъ съ хорошей колокольни. Тѣмъ не менѣе спускъ въ эти ямы очень примитивный: до нѣкоторой глубины приходится пробираться по крутой, скользкой тропинкѣ, придерживаясь рукой за стѣнки, а затѣмъ по канату.

Для тѣхъ, кто желалъ бы увидѣть Яйлу во всей ея дикой прелести, почти не тревожимой появленіемъ человѣка, лучше всего совершить поѣздку на вершину горы Бабугана. Не доѣзжая Алушты, гора Бабуганъ стоитъ стѣной, закрывающей съ сѣвера короткую долину, образуемую ея острогами—Парагильменомъ и Урагой. Склоны ея почти доверху окутаны густымъ буковымъ лѣсомъ, которымъ, и приходится идти, придерживаясь направленія къ сѣверу. Вначалѣ лѣсъ пересѣченъ многочисленными дорожками и тропинками, ведущими къ огороженнымъ полянамъ (чаирамъ) и табачнымъ плантаціямъ, но затѣмъ онѣ мало-по-малу теряются и приводятъ къ старому, прекрасно сохранившемуся буковому лѣсу.

Старый буковой лѣсъ совершенно безжизненъ. Идешь часть, идешь другой, все то же напрягающее нервы, ослабленное освѣщеніе, та же мертвая тишина, колоннады сѣрыхъ деревьевъ, лишенная растительности почва. На каждомъ шагу дорогу преграждаютъ упавшіе и сгнившіе стволы.

Я почувствовалъ невыразимое облегченіе, когда, наконецъ, увидѣлъ просвѣтъ, обозначающій, что лѣсъ пройденъ и теперь остается только подняться по открытому склону. Какъ ни утомителенъ подъемъ, а все-таки чувствуешь себя бодрѣе. Впередѣ склонъ, покрытый уже характернымъ дерномъ, среди котораго бросаются въ глаза характерныя куртинки „крымскаго эдельвейса“. Это растеньице (*Cerastium Biebersteinii*) покрыто густымъ бѣлымъ войлокомъ, дѣлающимъ его совершенно неотличимымъ отъ окружающаго известняка. Его приподнимающіеся стебли, выходящіе изъ земли пучками, заканчиваются довольно крупнымъ бѣлоснѣжнымъ цвѣткомъ.

Оглянешься назадъ, передъ глазами опять ласкающая картина Южнаго берега съ его зеленью, синимъ моремъ и потоками свѣта, обрамленная съ одной стороны зеленымъ куполомъ Ураги, а съ другой—бѣлыми зубцами Парагильмена.

Еще нѣсколько шаговъ вверхъ, и Южный берегъ скрылся—передъ нами скалы Яйлы. Глубоко врѣзавшаяся въ мягкій дернъ тропинка, извиваясь и прячась между корнями, то совсѣмъ исчезая, то снова появляясь на нѣкоторомъ разстояніи въ видѣ чуть замѣтной натоптанной полоски, ведетъ, обѣгая уступы, на гигантскія террасы и пирамиды. Куда ни взглянешь, всюду непривѣтливый камень, ни дерева, ни чловѣка, ни звука, кругомъ царитъ гробовое молчаніе и всякій звукъ—удары ногъ, стукъ палки, кашель—пріобрѣтаетъ какую-то особенную звонкость и гулко раздается по всей пустынѣ, подхватываемый дружнымъ эхомъ. Жутко становится въ этомъ царствѣ смерти; осматриваешься кругомъ, ищешь взоромъ чего-нибудь ободряющаго, стараешься заглянуть впередъ за каменные глыбы, но напрасно: за пройденными

скалами неизмѣнно появляются другія. И вдругъ скалы разступились, столпились по сторонамъ и встали кругомъ. Не озеро ли тутъ было когда-то? Быть можетъ, оно покоилось тутъ, какъ въ чашѣ, окруженное лѣсистыми утесами. Но теперь на мѣстѣ его ровное, какъ степь, дно котловины, покрытое все тѣмъ же густымъ, но короткимъ дерномъ.

Утомленный непрерывными подъемами и спусками, изнемогая отъ жажды, которая только усиливалась при видѣ безводныхъ скалъ, я бросился на зеленую лужайку и пролежалъ нѣсколько времени безъ движенія, пока свѣжій воздухъ не оказалъ своего живительнаго дѣйствія. Уже вечерѣло, и солнце замѣтно спускалось къ горизонту; время отъ времени по Яйлѣ пробѣгали облачка, окутывая вершины отдѣльныхъ утесовъ. Я начиналъ ихъ побаиваться. Пустившись въ путь безъ проводника, я рисковалъ очутиться въ крайне непріятномъ положеніи. Изъ лабиринта скалъ Яйлы и при полномъ освѣщеніи выбраться трудно. Если же мѣстность окутаетъ туманъ, то остается одинъ только исходъ: сѣсть и покорно ждать, пока судьба смиляется надъ твоею участію, такъ какъ иначе сейчасъ же заблудишься и придешь къ какому-нибудь обрыву. Я быстрѣе зашагалъ по тропинкѣ, вившейся вдоль котловины, въ надеждѣ добраться до пастушьей кочары.

Наконецъ, показались первыя овцы стада, раздался свирѣпый лай собакъ, и я могъ облегченно вздохнуть, такъ какъ зналъ, что теперь мнѣ не придется заночевать среди Яйлы. Закопченная хижина чабановъ, окруженная толпой кадушекъ съ кислымъ молокомъ, казалась какъ нельзя болѣе привѣтливой и привлекательной.

Преоригинальный типъ, выработавшійся вѣками, представляютъ пастухи Яйлы; чабану безконтрольно ввѣряется стадо на цѣлое лѣто; онъ перекочевываетъ съ нимъ съ одного мѣста на другое, стережетъ, лѣчить, собираетъ молоко для каждаго хозяина отдѣльно и получаетъ за свой трудъ плату натурой. Пищу чабановъ составляютъ молочные продукты и хлѣбъ, приготовляемый ими самими въ видѣ опрѣсноковъ. Обыкновенно одинъ чабанъ въ кошарѣ ведетъ молочное хозяйство. Въ то время, какъ другіе бродятъ со стадомъ, онъ обязанъ приготовить имъ пищу. Изъ тѣста, замѣшеннаго на каймакѣ (родъ жирныхъ пѣнокъ съ овечьего молока), дѣлаются толстыя лепешки и пекутся на горячемъ очагѣ. Для этого горячіе угли разгребаются, лепешка прикрывается сковородой и засыпается жаромъ. При такомъ способѣ печенія хлѣбъ выходитъ, конечно, полусырымъ, закалистымъ и съ непріятнымъ вкусомъ бараньяго сала. Но когда непогода или ночь загонитъ въ чабанскую хижину, то и эта незатѣйливая пища въ pendant со всей обстановкой: закопченными стѣнами, пылающимъ костромъ, колеблющимся полусвѣтомъ и тѣнями, дымнымъ воздухомъ, кажется привлекательной и пріятной.

Съ помощью чабановъ я добрался до края Бабугана, откуда крутая тропинка вела къ Козьмодемьянскому монастырю. Видъ отсюда открывается удивительно дикій. Страшный обрывъ — то голый, то покрытый лѣсомъ или лужайками — спускался въ узкое, глубокое ущелье, на противоположной сторонѣ котораго изъ глубины лѣсовъ поднимается бѣлѣющею вершиной Чатырдагъ. Заставленное со всѣхъ сторонъ горами, окутанное сверху донизу темно-зеленою мантией, безлюдное, сумрачное, оно казалось какимъ-то спускомъ въ преисподнюю. Монастырь видѣлся въ видѣ бѣлой точки на днѣ этой глубокой ямы. Безъ сомнѣнія, описываемая мѣстность принадлежитъ къ числу наиболѣе дикихъ и глухихъ во всемъ Крыму. Здѣсь между прочимъ до сихъ поръ водятся олени, скрывающіеся въ самыхъ недоступныхъ лѣсахъ.

„Глубокія лѣсныя пропасти, — пишетъ г. Марковъ, — между Бабуганъ-яйлой, Чучелью, Синабдагомъ — одинъ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Олени въ лѣтнее время и безъ того держатся въ малодоступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ концѣ сентября они забираются въ такія дебри, куда не всякій въ состояніи слѣдовать за ними.

„Когда совсѣмъ стемнѣло, мы покинули домикъ чучельскаго лѣсника и въ глубокой тишинѣ отправились на вершину Чучели.

„Лѣсникъ велъ насъ черезъ лѣсъ ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью же онъ дѣлался крайне серьезнымъ. Поминутно камни срывались изъ-подъ ногъ и летѣли-летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. Всякій со смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зіявшую у самыхъ ногъ. Взглянешь наверхъ, а тамъ все бѣлая стѣна — круче да круче.

„Зато сверху открылась поистинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы сидѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы не загоразживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходящими изъ глазъ; ся лѣсные хребты переливали серебристымъ туманомъ, и, кромѣ этого моря, горъ да синяго звѣзднаго неба крымской ночи, мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучели составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

„Вдругъ напротивъ насъ, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабугана, загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все слышнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ нѣсколько приемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ, рѣзкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога раздавались, какъ удары грома. Это ревѣлъ олень. Въ ревѣ его тяжелое, густое мычаніе быка смѣшивается съ угрожающимъ рыканьемъ дикаго звѣря. Не понимаю, откуда

брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который приучилъ насъ только любоваться своею красотою и статностью.

„Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающихъ пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой же бѣшеный, такой же громовой. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, и еще, и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его рогатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ - сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ замковъ угрожающими звуками боевого рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почували другъ друга и пошли на роковой поединокъ. Лѣсъ трещитъ такъ близко вокругъ насъ, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, что многіе изъ насъ, забывъ осторожность, приподымаются выслѣживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ мѣсячнаго неба. Шаги стихли; олень почувствовалъ насъ и остановился. Намъ не удалось видѣть на пикѣ утеса его живого изваянія.

„Олень сталъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Ревъ, затихшій на нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, ослушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сдѣпившихся вмѣстѣ, бѣшеное мычаніе, трескъ ломающихся кругомъ сучьевъ и неумолчный топотъ передвигающихся ногъ. То начался поединокъ.

„Всю ночь до разсвѣта продолжался олений концертъ“.

Эту-то глухую мѣстность издавна облюбовали бѣгущіе мірской суеты отшельники. Трудно найти болѣе подходящія условія для уединенной созерцательной жизни, для закаливанія тѣла и страстей въ борьбѣ съ суровой стихіей. На днѣ ущелья день начинается замѣтно позднеѣе, а кончается раньше, чѣмъ въ болѣе открытыхъ мѣстахъ. Сюда постоянно спускаются туманы, и дождь особенно часто падаетъ здѣсь, что, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ воздухъ пронизывающе сырмъ. Зимой снѣговые завалы и сугробы засыпаютъ дороги и отрѣзываютъ ущелье отъ остальнаго міра.

Изъ монастыря, пройдя нѣкоторое время по Алуштинскому шоссе, можно взобраться на Чатырдагъ. Стоя особнякомъ отъ всей остальной цѣпи, какъ бы раздѣляя ее на двѣ равныя половины, восточную и западную, онъ виденъ издалика и вслѣдствіе этого невольно бросается въ глаза. Изъ Симферополя, напр., Чатырдагъ виденъ прекрасно, образуя отдѣльный хребетъ, остальные же горы почему-то совершенно неизвѣстны, хотя въ дѣйствительности онѣ расположены рядомъ. Неудивительно, если Чатырдагъ долгое время считался высочайшимъ пунктомъ Крымскихъ горъ, тогда какъ болѣе точныя измѣренія показали, что на Ба-

буганѣ имѣются гораздо болѣе высокія точки (Романъ-кошъ 5.064 ф. надъ уровнемъ моря). На Чатырдагскую яйлу особенно привлекаютъ находящіяся тамъ сталактитовыя пещеры.

Восхожденіе на Чатырдагъ.

(С. Филиппова.)

Жаркій августовскій день. Солнце начинаетъ склоняться къ закату. Воздухъ весь пронизанъ красноватымъ золотомъ, которое горитъ на поверхности голубого моря, словно играетъ. Даль утопаетъ въ янтарномъ туманѣ. Алуштинскія руины кажутся какъ бы освѣщенными изнутри. Зеленыя горы смутно синѣютъ въ отдаленіи, покрытыя мѣстами рыжеватыми пятнами, тоже позолоченными, какъ и все кругомъ. Одно сѣровато-голубое небо высится строго и не хочетъ улыбнуться землѣ, которая вся въ зноѣ и вся — лѣнивая улыбка истомы.

И въ это время мы садимся на лошадей, чтобы ѣхать къ Чатырдагу. Такъ и пышетъ жаромъ отъ накалившихся стѣнъ и звонкой пересохшей земли. Вездѣ попрятались люди, и только базаръ гудитъ лѣнивымъ разноязычнымъ говоромъ. Пыль — и та нехотя поднимается съ мостовой и медленно, тоже нехотя, ложится снова. И, лишь выѣхавъ изъ Алушты, чувствуешь нѣкоторую свѣжесть и отдыхаешь послѣ духоты и зноя разомлѣвшей деревни. Чѣмъ дальше, тѣмъ прохладнѣе, душистѣе, веселѣе. Скоро Алушта уходитъ изъ глазъ, и ея мѣсто угадываешь только по золотистой дымкѣ пыли, которая поднялась надъ нею. И то намеки, верхушки башенъ и тополей, стройно вырѣзающихся на голубомъ фонѣ моря и воздуха. Но скоро и они пропадаютъ; мы въѣзжаемъ въ горы, въ настоящій хаосъ горныхъ тропинокъ, лошинъ, балокъ, холмовъ. Мы поднимаемся все выше, и красивѣе, разнообразнѣе виды внизу. Иногда это необыкновенно причудливая игра красокъ, оттѣнковъ свѣта и тѣни. Иногда только что оставленная зеленая лощинка вдругъ загорается фіолетовымъ блескомъ или вынырнетъ вся въ золотыхъ движущихся пятнахъ и полосахъ. Часто мы спускаемся съ горъ и, кажется, уходимъ внизъ, и снова поднимаемся на горы. Какая-то веселая игра, а не движеніе къ опредѣленной цѣли. И однако мы все ближе къ ней, все время кружимся передъ этимъ массивнымъ туловищемъ Чатырдага, который заслоняетъ намъ даль. И мы все приближаемся къ нему. Небо розовѣетъ и голубизна тонетъ въ этомъ новомъ оттѣнкѣ. Солнце уже не ярко и не жжетъ больше.

Вотъ поворотъ къ какой-то скалѣ, по которой нужно взбираться крутой каменной тропинкой. Двоимъ рядомъ ѣхать нельзя, мы выстраиваемся въ линію, подвигаемся осторожно и видимъ сбоку рядъ уродливо длинныхъ тѣней, которыя вытянулись отъ насъ и нашихъ ло-

шадей. Тропинка выводитъ къ буковому лѣску. Невозможно себѣ представить что-нибудь изящнѣе, чище этого лѣска. Деревья рѣдки, ихъ листва, свѣжая, блестящая, густая. Они стоятъ въ чуткомъ затишѣ, не шевеля ни вѣткой, ни листомъ, какъ нарисованныя. И они такъ красивы... Здѣсь источникъ, и мы спѣшиваемся, чтобы напоить лошадей и напиться. Пока лошади пьютъ, мы разминаемъ ноги и осматриваемъ свой путевой багажъ. Приходится ужъ надѣвать теплое платье—на Чатырдагъ становится очень свѣжо. Мы очевидно высоко, но какъ высоко—еще неизвѣстно. Земля тамъ гдѣ-то, передъ нами скалы, уступы, горные отвѣсы. Они или каменные или поросли буковыми лѣсами и пол

Татарская хижина въ Крыму.

зучимъ можжевельникомъ, который не отличить отъ травы. Онъ замедляетъ движеніе, и наши лошади осторожно ставятъ на него ноги. Передъ глазами вырастаетъ обрывистый уступъ, весь изъ осколковъ камней.

Наконецъ мы вѣзжаемъ на просторную площадку, гдѣ находятся коши. Чабановъ еще нѣтъ, и мы располагаемся по-домашнему въ ихъ заоблачной территоріи. Очень красивое мѣсто. Дали нѣтъ, она вся потонула въ туманѣ. Съ одной стороны огромная отвѣсная стѣна защищаетъ плато, на которомъ мы находимся. Эта стѣна поддерживаетъ вершину, и около нея вѣтся въ скалахъ дорожка на высшую точку Чатырдага. Здѣсь еще понятнѣе значеніе этого названія—Палата-или

Шатеръ-гора. Да, только палатка или шатеръ и могутъ имѣть такія стѣны, и это сходство горы съ ними издали отнюдь не игра воображенія. Пока связываютъ лошадей, мы осматриваемъ эти коши въ которыхъ намъ предстоитъ ночевать. Прочно сложенный ящикъ изъ камней съ отверстіемъ для дыма въ потолокъ. Кругомъ него загородка, куда загоняютъ доить овецъ.

— Откровенно говоря, я предпочелъ бы ночевку на воздухѣ.

— Я тоже. Тоже и всѣ.

Дѣло за дровами, чтобы разложить костеръ, безъ котораго невозможно: холодъ пронизываетъ и теперь, а ночью онъ усилится непременно.

Но безъ чабановъ нельзя достать топлива въ этомъ мѣстѣ, гдѣ одинъ только камень. Мы терпѣливо ждемъ ихъ, любясь прелестной картиной. Небо сіяетъ и дышитъ. Ущербленная луна серебрить мѣстами уступы горъ, и отъ нихъ падаютъ черныя тѣни. Иногда онѣ будто движутся, медленно, робко. Внизу, точно безбрежное море, колыхается свѣтящійся сѣрый туманъ. Иногда повѣетъ холодная струйка, долетѣвшая сюда изъ ущелья или съ вершины. Чутко, загадочно, молчаливо. Малѣйшіе звуки слышны еще издалека. Слышно, какъ подвигается что-то огромное, шумливое, какъ потокъ. Какое-то шелканье, свистъ, крики покрываютъ по временамъ этотъ неопредѣленный шумъ невидимаго, доносящійся сверху. Возвращающееся стадо овецъ рассыпается по скаламъ, торопливо спускается съ нихъ, толкаясь, блея, сбиваясь въ одну кучу или рассыпаясь на множество маленькихъ кучекъ. Подъ луннымъ блескомъ это что-то красивое и фантастичное. За стадомъ идутъ чабаны и, пропуская его передъ собою, останавливаются на скалахъ. Они кажутся тоже красивыми въ своихъ бараньихъ плащахъ, съ длинными хлыстами въ рукахъ. Они шелкаютъ ими, и эти звуки, какъ выстрѣлы, далеко разносятся въ прозрачномъ и гулкомъ воздухѣ.

Передовая кавалерія—цѣлая свора собакъ—уже окружаетъ насъ, обнюхивая воздухъ, ворча и заливаясь на всѣ лады. Скоро у насъ пылаетъ костеръ, и мы собираемся вокругъ него. Это эффектно, ново и незаурядно въ такой обстановкѣ, какъ здѣшняя.

Холодъ все усиливается, а хворосту все меньше. Его достать не легко, и мы начинаемъ экономить. Нѣкоторые изъ насъ уходятъ въ кошъ, но остаются тамъ недолго: дымъ костра въ кошѣ выѣдаетъ глаза. Спать на открытомъ воздухѣ такъ хорошо, разстеливъ лошадиные потники и положивъ сѣдла подъ головы. Тѣ, кто взяли пледы и теплыя пальто, поступили вдвойнѣ благоразумно: они обезпечили себѣ покойный сонъ и гарантировали себя отъ простуды. Ночь кажется безконечною среди этого всеобщаго молчанія и пронизывающаго холода. Изрѣдка нарушить тишину движеніе въ отарѣ, гдѣ овцы; изрѣдка твякнетъ собака или

протяжно завоетъ. Разъ или два донесся странный крикъ, скорѣе отчаянный вопль, который заставилъ всѣхъ встрепенуться. Кричалъ чабанъ, почувшій приближеніе волка. Вся собачья стая яростно отвѣтила на это странное предостереженіе непрошенному посѣтителю, и постепенно все замолкло надолго. А ночь неслась тихо, безшумно, свѣтло, таинственно.

Тихо несется ночь, но уже вся изъ другихъ оттѣнковъ. Краски потускнѣли, стали блѣднѣе, безцвѣтнѣе. Поблѣднѣлъ и мѣсяць и звѣзды, холодный налетъ на землѣ и на небѣ.

Пора подыматься и сѣдлатъ лошадей. И пока это дѣлають, мы взбираемся на одинъ изъ утесовъ и смотримъ внизъ. Тамъ еще туманъ, но уже не сѣрый, какъ прежде, а словно перламутровый или какъ опаль. Когда брызнуло солнце, туманъ дрогнулъ и разорвался на клочки. Бездна открылась — очень мирная и очень привѣтливая, но далекая. Лѣса, ленты дорогъ, горы, долины. Все свѣжее, только что проснувшееся, веселое. То тамъ, то сямъ плавали клочки облаковъ, которые не успѣли еще растаять. Это внизу. Надъ нами разсыпалось стадо овецъ; бараны и козы стояли на выступахъ скалъ, пристально устремляя на насъ свои задумчивые взоры. Собачья свора со вчерашнею яростью привѣтствовала насъ и провожала до границъ тѣхъ владѣній, которыя поручены ей охранѣ.

Начиналась прелестная и самая трудная часть пути — къ высшей точкѣ Палатъ-горы. Зеленѣющій треугольникъ, почти отвѣсный, какъ намъ казалось, поднимался къ вершинѣ. Съ грѣхомъ пополамъ поднимались и мы, неоднократно слѣзая съ лошадей и ведя ихъ за собою — такъ благонадежнѣе. Крымское солнце, несмотря на высоту и раннюю пору, уже жгло. Удовольствіе превращалось въ утомительное паломничество... Но наконецъ мы все-таки достигли цѣли и поднялись. Подъ ногами разстилался изумрудный коверъ, словно обрызганный бѣлыми альпійскими цвѣтами. Передъ взорами развернулась рельефная карта того атласа, который зовется — природа. Весь полуостровъ открывается взгляду, весь отъ перешейка до крайней точки самаго крайняго мыса. Вы видите и Гнилое море, и Евпаторію, и Севастополь, и даже Керчь. Видите всѣ внутренніе города и мѣстечки, полуострова и моря, его омывающіе. Мало того, вашъ глазъ, вооруженный биноклемъ, пытается перешагнуть Черное море, чтобы подмѣтить за нимъ смутную линію или рядъ точекъ. Такого кругозора, какъ здѣсь, нигдѣ не сыщешь, хотя все, что видишь, туманно и неопредѣленно. Это нѣсколько портитъ впечатлѣніе. Виды съ другихъ горъ, менѣе высокихъ, какъ, напримеръ, Бештау и пр., красивѣе, потому что они яснѣе, опредѣленнѣе. Чатырдагъ же позволяетъ видѣть только даль и ничего вблизи. Слишкомъ ужъ обширна его вершина: длиною болѣе 10 верстъ и отъ 1 до

4 въ ширину. Какъ можно видѣть что-нибудь близкое при такихъ размѣрахъ обсерваціоннаго пункта?

Но все-таки все, что видишь отсюда, грандіозно и поразительно.

Спускъ съ вершины еще труднѣе, рискованнѣе подъема.

Пять-шесть верстъ пути, не сходя съ вершины колосса, и мы будемъ около его знаменитыхъ пещеръ. Мы ѣдемъ тихо, утомленные красотой и палящимъ солнцемъ. Когда наконецъ показалась опушка лѣса, мы жадно устремились къ ней, ища прохлады. И прохлада явилась. Лѣсъ, невысокій лѣсокъ изъ бука, еще хранилъ въ себѣ свѣжесть недавней ночи. Въ этой густотѣ было пріютно и хорошо подъ тѣнью сѣрвовой листвы. Иногда она становилась непроницаемой, и мы съ трудомъ пробирались, отстраняя вѣтви и уклоняясь отъ сучьевъ. Лѣсъ тянулся непрерывной линіей, темный, уютный, тихій. Узенькая тропинка бѣлѣла капризными поворотами, выводя на поляны, такія же бѣлыя, какъ и она сама. Известковые пласты вершины постоянно напоминали о себѣ. Дорога все красивѣе и разнообразнѣе. На каждомъ шагѣ новая картинка, восхитительный уголокъ, манящій и ласковый. Подымаясь на пригорки, мы падали внизъ, вѣзжали въ чащи и вѣхали бѣленькими полянами, мѣстами покрапленными темною зеленью непомятой никѣмъ травы.

Совсѣмъ неожиданно, сразу, безъ предисловія, нашъ провожатый повернулъ къ намъ своего коня и остановился.

— Что?

— Пещеры.

— Гдѣ жъ онѣ? Рѣшительно ничего не замѣтно, кромѣ тѣхъ же известковыхъ холмовъ, заросшихъ кустарникомъ и небольшими дубками. И однако же мы были у входа одной изъ нихъ, называемой Суузь-Коба, или Водяной пещерой. Невысокій бѣлый пригорокъ совсѣмъ закрытъ зеленью. Только раздвинувъ ее, видишь широкую арку, черную, вѣющую холодною сыростью, напоминающею погребъ.

Мы собираемся въ одну группу, беремъ по нѣскольку свѣчъ, одну изъ которыхъ каждый зажигаетъ, и вступаемъ въ пещеру. Впереди идетъ проводникъ. Бѣлесоватый свѣтъ извнѣ чуть западаетъ въ этотъ вестибюль страннаго дворца. Приходится спускаться по какой-то наклонной плоскости, похожей на лѣстницу. Сбоку искрится подземное озерко. Стѣны сыры и со сводовъ капаетъ вода. Ноги постоянно скользятъ. Огонь свѣчки освѣщаетъ ровно настолько, чтобы видѣть свою руку и спину идущаго впереди. Спертый воздухъ и гробовая тишина, нарушаемая звуками падающихъ капель и нашихъ шаговъ по мягкому грунту рыхлой земли. Но то и другое безъ отзвука, коротко, глухо.

Передъ нами открывается первая небольшая зала, за нею другая; большая, третья, двадцатая и т. д. Сколько ихъ еще—неизвѣстно. Не

нужно забывать, что одна только вершина Чатырдага имѣетъ 10 верстъ длины и въ широкихъ мѣстахъ достигаетъ почти половины этой цифры. То, что извѣстно людямъ, — это нѣсколько залъ, далѣе которыхъ никто еще не заходилъ. Онѣ идутъ внизъ и поднимаются кверху. Къ нимъ попадаешь со всѣхъ сторонъ и онѣ открываются неожиданно изъ за угла, колонны, уступа. Между ними есть большія и маленькія. Однѣ напоминаютъ оранжерейные гроты, другія—цѣлые манежи, гдѣ могъ бы свободно помѣститься цѣлый полкъ. Со сводовъ свѣшиваются длинныя сталактиты, иногда красивые, иногда отвратительныя по формѣ и очертаніямъ. Между сталагмитами, вырастающими на землѣ, еще больше капризныхъ фигуръ.

Правда, изъ сталактитовъ и сталагмитовъ уцѣлѣла лишь ничтожная часть, главнымъ образомъ такіе, которыхъ нельзя было унести съ собою,—огромное большинство растащено туристами.

Когда мы въ одной изъ залъ зажгли каждый по двѣ свѣчи (насъ было человѣкъ десять) и заставили татарина жечь магній, получилась одна изъ необыкновенныхъ, сказочныхъ, невѣроятно-волшебныхъ картинъ.

Другая пещера находится въ верстѣ отсюда и ея названіе — Бинь-башъ-коба, т. е. тысячеголовая. Она дѣйствительно мало чѣмъ отличается отъ предыдущей. Тѣ же залы, тѣ же сталактитовыя украшенія, то же разнообразіе и неизвѣстность количества пещеръ. Въ нихъ въ вползаеете низенькимъ туннелемъ на протяженіи полутора десятковъ сажень и занимаете собою въ это время все пространство туннеля — можете судить, какъ онъ узокъ и низокъ. Въ первыхъ же залахъ вы наталкиваетесь на множество человѣческихъ костей, которыя отвратительно трещать подъ вашими ногами. Отъ нихъ именно пещеры и получили свое названіе.

Неподалеку отъ пещеръ находится и хижина, построенная крымскимъ Горнымъ клубомъ; здѣсь можно отдохнуть, переночевать и достать самоваръ.

На Донцѣ весной.

(И. Бунина.)

Раннимъ утромъ Великой субботы я вышелъ изъ Славянска и направился на востокъ, къ Донцу, къ древнему монастырю на Святыхъ горахъ. До Святыхъ горъ оставалось еще верстъ двадцать.

Впереди разстилалось теперь пустынное, сѣрое поле. Одинъ сторожевой курганъ стоялъ вдалекѣ и, казалось, зорко глядѣлъ на равнины. Съ утра въ степи было по-весеннему пусто, холодно и вѣтренно; вѣтеръ просушивалъ колеи грязной дороги и уныло шуршалъ прошлогоднимъ бурьяномъ. Но за мною, на западѣ, картинно рисовались въ не-

обозримой дали гряда мѣловыхъ плоскогорій. Темнѣя пятнами лѣсовъ, какъ старинное, тусклое серебро черню, она заворачивала къ югу и тонула въ голубомъ утреннемъ туманѣ. И, вздохнувъ полною грудью на этомъ просторѣ, я ускорилъ шаги. Вѣтеръ дулъ навстрѣчу, холодилъ лицо и забирался въ рукава одежды; но даже вѣтеръ и сѣрый колоритъ полей прибавляли силы и крѣпости. Степь увлекала и завла- дѣвала настроеніемъ... Одиночество, жажда новыхъ впечатлѣній, — все наполняло душу чувствомъ молодости и свѣжести. А когда я подошелъ къ кургану и поднявшійся орелъ вдругъ взмахнулъ надъ нимъ своими большими крыльями, я чуть не вскрикнулъ отъ радостнаго испуга.

Какъ забытый свѣтло-стальной щитъ, блеснула за курганомъ круглая ложбина, налитая весеннею водой. Я тотчасъ свернулъ къ ней на отдыхъ. Есть что-то чистое и веселое въ этихъ полевыхъ апрѣльскихъ болотцахъ; надъ ними вьются звонкоголосые чибисы, сѣренкія трясогузочки шеголевато и легко перебѣгаютъ по ихъ бережкамъ и оставляютъ на илѣ свои тонкіе, звѣздообразные слѣды, а въ мелкой, прозрачной водѣ ихъ отражается ясная лазурь и бѣлыя облака весенняго неба. Курганъ же былъ настоящій степной—дикій, еще ни разу не тронутый плугомъ. Онъ расплывался на два холма и, словно полинявшей скатертью изъ мутно-зеленаго бархата, былъ покрытъ прошлогоднею травой. Сѣдой ковыль тихо покачивался на его склонахъ. Это были жалкіе остатки прежняго величія, и грустно было смотрѣть на нихъ, на этотъ случайно уцѣлѣвшій ковыль.

Отдыхая, я долго лежалъ на курганѣ. Съ полей между тѣмъ потянуло тепломъ. Солнце согрѣвало облака, а они свѣтлѣли и таяли. Жаворонки, невидимые въ воздухѣ, напоенномъ парами и свѣтомъ, уже заливались надъ степью безотчетно-радостными трелями. Вѣтеръ сталъ ласковый, мягкій. Холодкомъ земли и рѣзкою свѣжестью молодой зелени вѣяло отъ кургана.

Скрипъ телѣги, на которой сидѣлъ старикъ-малороссъ, свѣсивъ съ грядки ноги въ допотопныхъ сапогахъ, и сопѣніе воловъ, которые, покачиваясь и вытягивая шею, придавленные тяжелымъ ярмомъ, медленно, какъ во снѣ, тащились по дорогѣ, разгоняли мои думы. Я зашагалъ еще поспѣшнѣе.

Помню лѣсъ, который мнѣ пришлось проходить. Полоса его долго чернѣла вдали, словно набросанная сепіей. Мѣстность возвышалась, и по мѣрѣ того, какъ я подходилъ, лѣсъ все вырасталъ изъ-за горизонта. Я не сводилъ съ него глазъ, думая, что за лѣсомъ-то и откроется долина Донца и Горы. Къ тому же лѣсъ оказался старымъ, заглохшимъ „заказомъ“. Меня поразили его безжизненная тишина, его корявые, искошшія дебри. Замедляя шаги, я съ трудомъ пробирался по хворосту и бурелому, который гнилъ въ грязи глубокихъ рытвинъ дороги. Ни од-

ной птицы не слышно было въ чащахъ. Иногда на полянахъ дорогу затопляло цѣлое болото весенней воды. Сухія деревья сквозили кругомъ; они сѣрѣли мшистою корой, а кривые ихъ сучья бросали такія слабыя, блѣдныя тѣни; даже цвѣты росли тутъ чахлые, блѣдно-желтые, болотные...

Скоро однако въ далекой перспективѣ лѣсной дороги снова проглянула даль, еще болѣе просторная и вольная. Сухой степной вѣтеръ все усиливался, разгоняя въ яркомъ весеннемъ небѣ бѣлыя облака, но и день, солнечный, веселый день, разыгрывался вмѣстѣ съ нимъ... Монастыря же все не было.

Между тѣмъ чувствовалась усталость. Ноги ныли въ пыльных, горячихъ сапогахъ. Бодрое настроеніе ослабѣвало; чтобы забыть про усталость, нужно было развлекать себя. И я принялся считать шаги, и занятіе это такъ увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влѣво, подъ гору, и вдругъ ослѣпила меня рѣзкою бѣлизной мѣла. Вдалекѣ, налѣво, на самомъ горизонтѣ, надъ чащею лѣса сверкалъ золотою звѣздой куполъ церкви. Но я едва взглянулъ туда. Донецъ былъ направо, въ ста шагахъ отъ меня, въ необъятной глубокой долинѣ.

Долго простоялъ я неподвижно, глядя на мутную синеву этой огромной картины, этихъ широкихъ луговъ. Донецъ былъ въ разливѣ, и вся долина была затоплена водой. Стальные полосы рѣки тамъ и сямъ сверкали въ чащахъ коричневыхъ тростниковъ и залитыхъ половодьемъ прибрежныхъ лѣсовъ, а къ югу разливались все шире, совсѣмъ уже смутныя у подножья далекихъ мѣловыхъ горъ. И горы бѣлѣли смутно-смутно, и чайки кричали такъ слабо и странно, и вся меланхолія этого пейзажа такъ поэтично гармонировала со всѣмъ тѣмъ, что, казалось, еще незримо вѣетъ здѣсь изъ глубины вѣковъ...

Тихо спустился я съ горы и пошелъ подъ ея скатомъ, по дорогѣ надъ самой рѣкой. Я обгонялъ идущій на богомолье народъ—женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами.

Между тѣмъ монастырь все еще не показывался. Послѣ полудня небо потускнѣло, вѣтеръ началъ пылить по дорогѣ, и въ степи стало скучно. Донецъ скрылся за холмами... Я попросилъ проѣзжаго хлопца подвезти меня, и онъ посадилъ меня въ свою телѣжку на двухъ колесахъ. Мы разговорились, и я почти не замѣтилъ, какъ мы вѣхали въ лѣсъ и стали спускаться подъ гору.

Все круче, отвѣснѣе становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная дорога. Мы точно въ люлькѣ подъемной машины спускались все ниже и ниже въ долину, и столѣтніе красноватые стволы мачтовыхъ сосенъ гордо выдѣлялись среди разнообразной лѣсной заросли, мощно

вцѣпившись корнями въ каменные берега дороги, точно плавно поднимались все выше и выше, возносились зелеными кронами къ голубому небу. А внизу, сквозь зеленую чашу лѣса, между соснами вдругъ проглянула глубокая и, какъ показалось, тѣсная, веселая долина, золотые кресты, куполы и бѣлыя стѣны домовъ въ ней, у самой подошвы лѣсистой горы—все скученное, картинно сокращенное отдаленіемъ, и свѣт-

Н а Д о н ц ѣ .

лая полоса узкаго Донца, и густая синева воздуха надъ сплошными луговыми лѣсами за рѣкой!

Новый монастырь—тотъ, что находится у подошвы горы—далеко не такъ красивъ, какъ это кажется издалика. Хозяйственные его постройки, особенно громадное зданіе гостиницы, походить на казармы. Къ тому же вездѣ было тѣсно отъ наѣхавшаго народа. Пожилой монахъ, дремавшій на крыльцѣ гостиницы, на мой вопросъ о помѣщеніи для ночлега только посмотрѣлъ на мою блузу и затынулся долгимъ, лѣнивымъ

зѣвкомъ. Послушникъ, котораго я встрѣтилъ въ воротахъ, такъ спѣшилъ куда-то, что я не успѣлъ остановить его. Онъ только обернулся и зашагалъ еще шире и неуклюжѣе, махаясь и подаваясь впередъ всѣмъ тѣломъ, отъ чего по плечамъ его болтались блѣдно-желтые волосы. Другой какими-то тайными путями — темнымъ, узкимъ коридоромъ, гдѣ стоялъ тяжелый духъ склепа, воска, ладана и угара отъ самоваровъ — провелъ меня въ номеръ.

Весь берегъ рѣки передъ монастыремъ былъ занятъ, какъ на ярмаркѣ, телѣгами и народомъ. Тутъ были и смоленскіе мужики въ бараньихъ шлякахъ, и туляки, и полтавцы, и даже волжане. Многие спали подъ телѣгами, другіе закусывали, умывались; говоръ стоялъ сдержанный и сливался въ однообразный гулъ. Подъ этотъ говоръ и я заснулъ. Когда же проснулся, берегъ уже опустѣлъ, — всѣ были въ церкви.

Донецъ подъ Святыми горами быстръ и узокъ. Берега его заросли лѣсомъ. Правый горный берегъ возвышается почти отвѣсною стѣной и щетинится лѣсною чащей. Подъ нимъ-то и пріютилась бѣлокаменная обитель съ величавымъ, но грубо раскрашеннымъ соборомъ посреди двора. Выше, на полугорѣ, бѣлѣя въ зелени лѣса, висятъ два мѣловыхъ конуса, два утеса, сѣрыхъ отъ времени и непогодъ, за которыми держится старинная церковка. А еще выше, уже на самомъ горномъ перевалѣ, рисуется на фонѣ неба другая. Горы какъ будто уносятъ ее въ свѣтлое царство лазури...

Съ юга надвигалась туча, но весенній вечеръ былъ еще ясенъ и тепелъ, и солнце медленно уходило за горы; широкая тѣнь стлалась по Донцу отъ нихъ. И странная тишина царила повсюду; какъ одинъ человѣкъ, стояли тамъ, въ церкви, сотни молящихся въ благоговѣйномъ молчаніи.

По мощеному церковному двору мимо собора я пошелъ къ крытымъ галлерейамъ, что идутъ въ гору. Въ этотъ часъ пусто и тихо было въ ихъ безконечныхъ переходахъ.

Но меня тянуло туда, къ мѣловымъ сѣрымъ конусамъ. Глубоко внизу, подо мною все уже тонуло въ теплыхъ сумеркахъ, мелькали огни, раздавался неясный говоръ. Тамъ ужъ начиналась сдержанно-радостная тревога приготовления къ свѣтлой заутренѣ. А здѣсь, за мѣловыми утесами, было тихо и еще брезжилъ свѣтъ зари. Птицы, живущія въ трещинахъ скалъ, подъ карнизами церковки, рѣяли вокругъ, визжа какъ старый флюгеръ, и всплывали снизу, и неслышно тонули внизъ, въ сумракъ, на своихъ мягкихъ крыльяхъ. Туча съ юга заволокла все небо, вѣя теплотою дождя весенней душистой грозы, и уже содрогалась отъ вспышекъ молній. На хмуромъ фонѣ ея вырисовывались тогда бѣлыя барскія хоромы, стоящія на южной оконечности горъ.

Слѣва сосны горнаго обрыва уже слились въ одну темную опушку и чернѣли, какъ горбъ спящаго медвѣдя.

До глубокой ночи кипѣла суматоха въ монастырѣ.

Потомъ всѣ храмы запылали огнями, и черный мракъ ночи дрожалъ отъ дымнаго пламени смоляныхъ бочекъ на берегу рѣки. И все запылало еще болѣе, все словно ожило, когда раздалось слова о воскресеніи Христа и въ отвѣтъ имъ ударила сотня звонкихъ колоколовъ со всѣхъ монастырскихъ колоколенъ!

Уходя на ночлегъ въ деревню, за Донецъ, по его низменному берегу, я не разъ останавливался, пораженный красотой иллюминаціи: все тонуло въ глубокой темнотѣ, не маячили даже очертанія горъ на фонѣ неба, и только огни около верхнихъ храмовъ діадемами крупныхъ золотыхъ созвѣздій вырѣзывались въ этомъ мракѣ...

Утро засверкало солнцемъ; утро было совсѣмъ праздничное, теплое, свѣтлое, и еще радостнѣе, наперебой звенѣли надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола.

Я сталъ взбираться на гору, чтобы по ея вершинѣ вернуться въ монастырь.

Взбираться безъ тропинки было очень трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломѣ и мягкой, прѣлой листвѣ; гадюки то и дѣло быстро и упорно выскакивали изъ-подъ ногъ, и я почти бѣжалъ, рискуя сорваться внизъ или задохнуться. Горячій зной, полный тяжелаго смолистаго аромата, неподвижно стоялъ подъ навѣсами сосенъ. Зато какая даль открывалась передо мною, какъ хороша была издали долина съ темнымъ бархатомъ въ ней, какъ сверкали разливы Донца въ яркомъ солнечномъ блескѣ, какой горячею жизнью юга дышало все кругомъ!

А въ сумеркахъ я уже опять шагаль въ степяхъ. Тихій вѣтеръ ласково вѣялъ въ лицо, вѣялъ теплотою яснаго вечера съ молчаливыхъ темныхъ кургановъ.

Въ Донецкомъ кряжѣ.

(По В. Галиеву, Каронину и Серафимовичу.)

Только воды Азовскаго моря скрылись изъ вида, какъ со всѣхъ сторонъ снова потянулась выжженная солнцемъ, безлѣсная, безводная, изрытая морщинами равнина. Жары стояли такія, что по дорогамъ падали воды, а рабочіе на поляхъ замертво уводились по домамъ, поражаемые солнечнымъ ударомъ.

Донецкія копи начинаютъ мелькать уже по Курско-Харьково-Азовской дорогѣ. Изъ оконъ вагона, по ту и другую сторону рельсовъ, въ разныхъ направленіяхъ возвышаются черныя курящіяся массы, — это и есть шахты и копи. Видишь странную картину: кругомъ нѣтъ ни горъ, ни другихъ какихъ-нибудь признаковъ горной страны, — все та же кругомъ

стень, безлюдная, безлѣсная, изрытая сухими балками, между тѣмъ по обѣимъ сторонамъ дороги курятся шахты.

Горы въ Донецкомъ бассейнѣ существуютъ только по самому Донцу, именно по правому его берегу, сопровождая рѣку въ видѣ мѣловыхъ скалъ и возвышеній на десятки верстъ. Дальше же за этимъ крутымъ берегомъ онѣ какъ будто скрываются подъ землю, куда и надо углубиться, чтобы отыскать ихъ богатства. Тамъ, подъ землей, онѣ образуютъ массивныя толщи кварцита, известняка и песчаника, заключающихъ въ себѣ желѣзо, ртуть и другіе минералы; тамъ же, подъ землей, тянутся и слои каменнаго угля и каменной соли. На поверхности же ничего не видно; вокругъ все та же безконечная степь, изрѣзанная въ разныхъ направленіяхъ сухими балками и такими же возвышеніями, нисколько не напоминающими собой горной цѣпи. Всюду тянутся бурья, выжженные пространства, желтыя хлѣбныя поля и зеленые луга, боязливо пріотившіеся по крошечнымъ степнымъ рѣчкамъ.

Однако, когда вы ѣдете по Курско - Харьково - Азовской желѣзной дорогѣ, по направленію къ Таганрогу, около станціи Амвросіевки, съ лѣвой стороны, вдали виднѣется отчетливо поднимающійся надъ окружающею мѣстностью хребетъ. Раннею весной, въ то время какъ на равнинѣ снѣга уже стаяли, онъ одинъ окаймленъ бѣлѣющими сугробами, сохраняющимися, благодаря лѣсамъ, покрывающимъ его основаніе. Этотъ хребетъ, представляющій собой высочайшую вершину Донецкаго кряжа (свыше 1000 фут. надъ ур. моря), носить, по имени гнѣздившагося когда-то на немъ разбойника, легендарное названіе Саурь-Могила. Съ Саурь-Могила открывается видъ на обширную мѣстность, усѣянную многочисленными грядами холмовъ. Говорятъ, что въ хорошую погоду, при чистомъ воздухѣ съ нея виденъ Таганрогъ, удаленный отъ нея верстъ на 60, и это вполне вѣроятно. Вблизи Саурь-Могила кажется значительно ниже и не производитъ такого впечатлѣнія, какъ издали, по той причинѣ, что подъемъ на нее совершается весьма постепенно и съ большого разстоянія. Она представляетъ собой сѣдлообразное возвышеніе, каменный остовъ котораго почти совершенно скрытъ подъ рыхлыми породами. Южный склонъ его опоясанъ широкою полосой лѣса, доходящей мѣстами почти до гребня, а сѣверный весьма пологъ и постепенно переходитъ въ примыкающую равнину. На самой высокой точкѣ гребня какой-то копатель кладовъ, искавшій здѣсь счастья, оставилъ по себѣ память въ видѣ большой вырытой ямы.

Такимъ образомъ общій видъ той мѣстности, гдѣ проходятъ наиболѣе высокіе отроги Донецкаго кряжа (на границѣ Области Войска Донскаго съ Екатеринославской губ.), при взглядѣ съ поверхности мало чѣмъ отличается отъ среднерусскаго пейзажа. Но стоить спуститься на дно глубокой балки или рѣчной долины, чтобы перенестись въ совершенно иной міръ,

видѣть горный ландшафтъ и любоваться чудными картинами. Здѣсь по гребнямъ отроговъ, особенно тамъ, гдѣ они пересѣкаются балками, обнажаются каменные породы съ изогнутыми и изломанными пластами. Въ однихъ мѣстахъ угрожающе нависаютъ извѣденныя временемъ, угрюмыя скалы, въ другихъ гигантскія угловатыя глыбы, изрѣзанныя трещинами и покрытыя сѣро-зелеными и темными лишаями, громоздятся другъ на друга, разсыпаются по склону и покрываютъ его массой обломковъ и кусковъ. Тамъ, гдѣ выступающей породой являются сланцы, благодаря правильности, съ какой это порода раскалывается, трескается и отламывается, выходы ея часто имѣютъ видъ исполинскихъ старинныхъ сооружений. Наблюдатель, ѣдущій по р. Міусу, во многихъ мѣстахъ (напр. около с. Голодаевки) видитъ грандіозные амфитеатры, сложенные на подобіе средневѣковыхъ башенъ или стѣнъ, изъ громадныхъ плитъ, вывѣтрившихся, осыпавшихся и нависшихъ краями. У пологой подошвы высокаго берега долины зеленѣетъ кустарникъ или лѣсъ, еще ниже вьется лента быстроводнаго Міуса, на другой сторонѣ его разстилаются воздѣланныя поля, а надъ всѣмъ этимъ высится сѣрая отвѣсная стѣна, среди плитъ которой кое-гдѣ извивается крутая тропинка, да ютится хотя и скудная, но вездѣсушая растительность.

Камень на склонахъ, камень на дорогѣ, камень на каждомъ шагу. Эта особенность необходимо налагаетъ свой отпечатокъ и на внѣшность здѣшнихъ селеній. Изъ сланцевъ при помощи самыхъ простыхъ орудій, съ ничтожною затратой труда и времени можно получить сколько угодно плитинъ съ почти идеально ровными поверхностями, какъ-будто отстроганными мастеромъ. Здѣшніе крестьяне воспользовались этимъ бесплатнымъ подаркомъ природы: вездѣ, гдѣ только имѣются такіе выходы, въ селахъ и деревняхъ бросается въ глаза одна черта: вы здѣсь не встрѣтите плетня или дощатаго забора. Всѣ усадьбы отгорожены другъ отъ друга невысокими стѣнками, сложенными изъ обломковъ сланцевъ, а иногда и прямо отдѣльные крупные куски, поставленные стойкомъ, входятъ въ составъ забора. Эти стѣнки обыкновенно такъ низки, что служатъ скорѣе только межевыми знаками, чѣмъ дѣйствительною охраной отъ вторженія кого-либо. Не только заборы, но очень часто и стѣны домовъ, и хозяйственныя постройки сооружены изъ того же готоваго кирпича. Такъ какъ на постройку идутъ, какъ сказано было раньше, обломки различной величины, не всегда равномерной толщины, въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ рукъ природы, безъ примѣненія какой-либо искусственной обработки, то понятно, что сооружаемые изъ нихъ дома должны обладать, вѣроятно, самую совершенную, естественную вентиляціей. Въ ихъ составъ входитъ сколько отдѣльныхъ плитокъ, столько же и щелей, заполняемыхъ обыкновенною глиной. Кромѣ стѣнъ, нерѣдко болѣе широкими плитами кроются сараи, амбары и т. п., при чемъ вышележащія

плиты заходятъ краями на нижнія, образуя рядъ ступенекъ, щели же засыпаются землей. Подобныя крыши очень огнеупорны, но отличаются большой тяжестью и недостаточно защищаютъ отъ сырости. Нѣкоторые крестьяне идутъ еще дальше: дѣлаютъ каменные полы, скамейки и т. п. Здѣсь мѣстами природа сама снабдила улицы и дворы вѣчными мостовыми, а подъ нѣкоторые дома подвела несокрушимые каменные фундаменты.

Прежде всего я посѣтилъ Никитовскій ртутный рудникъ. И первый мой вопросъ, лишь только поѣздъ высадилъ насъ на станціи Никитовкѣ, былъ: гдѣ же тутъ рудникъ? потому что кругомъ ничего не было видно, кромѣ хлѣбныхъ полей, сухихъ вагоновъ и степныхъ залежей да нѣсколькихъ селъ (въ ихъ числѣ видѣлась и Никитовка), попрятавшихся въ углубленіяхъ широкихъ, безводныхъ овраговъ. Но скоро мое любопытство было удовлетворено. Едва нанятый нами старикъ - крестьянинъ изъ Никитовки провезъ насъ съ полверсты, какъ показались зданія знаменитаго ртутнаго рудника, дымящаго всѣми своими трубами; а кругомъ по степи видѣлись каменноугольныя шахты. По мѣрѣ того, какъ лошадь наша бѣжала впередъ, рудникъ все болѣе и болѣе вырисовывался, а черезъ нѣсколько минутъ мы уже были возлѣ главной конторы.

Стоитъ заводъ въ верстѣ съ небольшимъ отъ станціи, на совершенно ровномъ и, по сравненію съ окрестностями, низкомъ мѣстѣ. Благодаря такому характеру мѣстности, ртутный заводъ можно было поставить непосредственно возлѣ самаго рудника, что не часто случается въ горной промышленности. Посрединѣ всего завода возвышается большое зданіе (изъ дикаго камня), въ которомъ поставлены паровые котлы и подъемная машина; въ центрѣ этого - то зданія и находится рудникъ. Получивъ разрѣшеніе управляющаго, въ сопровожденіи штейгера мы подошли къ его отверстию, ступили на площадку подъемной машины и черезъ минуту, послѣ даннаго сигнала, понеслись куда-то внизъ, среди абсолютнаго мрака, сразу охваченные сырмъ, затхлымъ холодомъ, и не успѣли хорошенько опомниться, какъ уже стояли на днѣ главной галлерей, по которой тамъ и сямъ мелькали огоньки. Намъ также дали по лампочкѣ въ руки, и мы отправились по этой галлерей. Всюду мелькали огоньки, гдѣ - то раздавались удары, слышался грохотъ бросаемой руды; въ воздухъ было сыро и смрадно. Сыростью несло, конечно, отъ мокрыхъ каменныхъ стѣнъ; смрадъ же происходилъ отъ масляныхъ лампочекъ, съ которыми работали рабочіе и образчики которыхъ были у насъ въ рукахъ.

Шли мы возлѣ самой стѣны, пробираясь по глыбамъ щебня, на каждомъ шагу спотыкаясь, потому что посрединѣ узкой галлерей проложены рельсы, по которымъ мимо насъ то и дѣло катились вагончики,

нагруженные доверху породой. Иногда насъ останавливали — въ тотъ моментъ, когда мы проходили подъ отверстіемъ, пробитымъ изъ верхней галлерей на нашу, и когда оттуда сыпался съ грохотомъ щебень породы въ стоящій около насъ вагончикъ. Рабочихъ, сыпавшихъ этотъ щебень сверху и стоявшихъ около вагончика, также останавливали, всѣ прекращали на мгновеніе работу; но лишь только мы проходили, какъ за нами слышался снова грохотъ падающихъ камней или лязгъ вагончика, который покатали рабочіе.

Пробираясь все впередъ, мы по дорогѣ закрывали въ боковые ходы и забои. Всюду кинѣла работа: въ одномъ мѣстѣ рабочіе тяжелыми кирками долбили стѣны, въ другомъ происходило сверленіе отверстій, куда вкладывается зарядъ динамита и рветъ массивную толщю; добытый щебень рабочіе лопатами бросали въ вагончики и катили ихъ по рельсамъ до отверстія рудника, гдѣ ихъ поднимали машины вверхъ.

По дорогѣ докторъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, нѣсколько разъ останавливался передъ тѣмъ или другимъ рабочимъ, безцеремонно и молча раскрывалъ пальцами ему ротъ и, пощупавъ десны и зубы его, шелъ дальше. Я, разумѣется, раньше зналъ о ртутномъ отравленіи, но не представлялъ себѣ ясно размѣровъ его. Съ этимъ я познакомился не здѣсь, въ глубинѣ рудника, а наверху, на самомъ заводѣ.

Вступивъ опять на площадку, мы черезъ минуту снова были наверху, при блескѣ солнечнаго свѣта, который на мгновеніе болѣзненно рѣзалъ глаза. Отсюда насъ повелъ другой служащій осматривать заводъ. Когда подъемная машина поднимаетъ нагруженный вагончикъ наверхъ рудника, здѣсь его берутъ другіе рабочіе и катятъ на заводъ, отстоящій отъ шахты въ десяти-пятнадцати саженьяхъ и соединенный съ ней открытою галлереей, по которой проложены рельсы. Затѣмъ вагончикъ поступаетъ въ сортировочное отдѣленіе, гдѣ бабы и мальчики сортируютъ породу: пустую породу отбрасываютъ, содержащую ртуть складываютъ въ желоба; въ то же время недалеко отъ сортировочнаго мѣста стоитъ дробильная машина, въ которую то и дѣло лопатами насыпали руду: мелкій щебень высыпаютъ въ одну часть машины, крупные камни швыряютъ въ другую часть, болѣе широкую, и обѣ эти части непрерывно чавкаютъ, грызутъ и пережевываютъ эту кварцевую пищу, отъ чего во всемъ отдѣленіи раздается непрерывный грохотъ, лязганье и хрустѣнье. Вслѣдъ затѣмъ пережеванная такимъ путемъ порода поступаетъ въ другое отдѣленіе, въ плавильное. Но на заводѣ есть нѣсколько системъ плавильныхъ печей. При одной системѣ, менѣе опасной, изобрѣтенной недавно однимъ изъ служащихъ, нагруженный рудой вагончикъ механически высыпается въ жорло: подходя къ печи, онъ надавливаетъ самъ пружину, массивная крышка печи поднимается, вагончикъ опрокидывается, высыпаетъ свое содержимое и крышка снова

захлопывается. По другой—первобытной—системѣ рабочіе просто лопатами высыпаютъ руду въ открытое жерло, устроенное наподобіе воронки, отъ чего непрерывно вдыхаютъ въ себя вредную атмосферу... Наконецъ, послѣ поступленія породы въ печи (а въ этихъ печахъ настоящій адъ) вмѣстѣ съ коксомъ ртуть испаряется, переходитъ въ видѣ паровъ въ холодильники,—и дѣло окончено.

Во всемъ этомъ отдѣленіи, гдѣ печи, поистинѣ страшная атмосфера; въ раскаленномъ воздухѣ носятся пары ртути, мышьяка, сурьмы и сѣры. Докторъ снова началъ раскрывать рты, щупаль десны, шатавъ зубы и приказывалъ горизонтально вытягивать руки. Здѣсь только я убѣдился въ широкихъ размѣрахъ болѣзни. Правда, нѣкоторые рабочіе служатъ по цѣлымъ годамъ, но это какое-то невѣроятное исключеніе. Большинство и года не выдерживаютъ, а нѣкоторые могутъ остаться при работѣ только недѣлю, двѣ, мѣсяць. Насыщенная ядомъ атмосфера быстро производитъ дѣйствіе: появляется красная полоса на деснахъ, зубы шатаются и выпадаютъ, челюсть отвисаетъ, руки и ноги начинаютъ дрожать. Заболѣвъ такимъ образомъ, рабочій часто черезъ недѣлю просится въ отпускъ.

Мы прошли по заводу нѣсколько часовъ; вниманіе такъ утомилось, что я запросился вонь съ завода. Мы вышли. Тамъ и самъ вокругъ заводскихъ зданій построены длинныя мазанки, сколоченныя изъ камня, выброшеннаго изъ рудника, и глины,—это казармы для рабочихъ. Заводское населеніе представляетъ собою страшный сбродъ, сошедшійся сюда изъ отдаленныхъ губерній.

Отсюда я рѣшилъ проѣхать на крестьянскую угольную разработку, производимую самими мужиками на свой страхъ и счетъ.

Въ Щербиновѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ земля, содержащая каменноугольные пласты, принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне эту землю, на разныхъ условіяхъ, сдаютъ въ аренду крупнымъ владѣльцамъ и компаніямъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Щербиновкѣ, мужики, на ряду съ отдачею въ аренду, сами пробуютъ разрабатывать уголь. Содержащая уголь земля, какъ и всякія другія мужицкія угодья, дѣлится по душамъ, при чемъ приходится на каждую душу, напримѣръ, сажень поверхности, и эти - то кусочки затѣмъ и поступаютъ подъ разработку. Разрабатываютъ шахты отдѣльные крестьяне-домохозяева. Тотъ или другой крестьянинъ побогаче или половчѣе скупаетъ угольныя души на себя, при чемъ платитъ за это право аренды отъ пяти до десяти рублей, смотря по тому, у кого покупаетъ: если вышеупомянутыя сажени принадлежатъ бѣдняку, то стоимость покупки падаетъ даже ниже пяти рублей, падаетъ даже до нѣсколькихъ бутылокъ водки, потому что для бѣдняка доставшаяся ему угольная сажень бесполезна

и разрабатывать ее онъ не въ силахъ, между тѣмъ деньги ему нужны всегда до зарѣзу, и вотъ онъ готовъ спустить свой надѣлъ за бездѣлицу. Такимъ образомъ у покупателя оказывается во владѣніи нѣсколько десятковъ душъ.

Сдѣлавъ покупку, крестьянинъ приступаетъ къ разработкѣ; нанимаетъ рабочихъ, покупаетъ орудія, самъ работаетъ и надзираетъ, самъ продаетъ вынутый уголь. Бываетъ и иначе: купивъ душевыхъ надѣловъ, крестьянинъ сдаетъ все скупленное въ аренду еврею, и тотъ уже отъ себя, на свои деньги и при личномъ своемъ надзорѣ, покупаетъ орудія, нанимаетъ рабочихъ, слѣдитъ за разработкой, самъ не брезгаетъ никакой работой, а крестьянинъ-владѣлецъ получаетъ только арендную плату.

Мы отправились къ крестьянскимъ шахтамъ. Дорога къ шахтамъ шла черезъ поля, скошенные и сжатые. Со всѣхъ сторонъ къ деревнѣ тянулись рыдваны со снопами, запряженные волами, по дорогѣ валялись упавшіе колосья. На гумнахъ повсюду шла молотба, кое-гдѣ въ воздухѣ виднѣлись столбы мякины, кто-то уже торопился — вѣяль. А на горѣ десятокъ вѣтряныхъ мельницъ дружно вертели крыльями, торопясь приготовить муку изъ свѣжаго жита. Это была чисто деревенская картина, и если бы не кирпичная башня, поставленная надъ шахтой верстахъ въ трехъ отъ села и принадлежащая нынѣ какой-то компаніи, то нельзя было бы и подумать, что здѣсь повсюду добывается каменный уголь. И въ особенности нельзя было представить, чтобы здѣшніе крестьяне занимались чѣмъ-либо другимъ, кромѣ хлѣбопашества.

Только подъѣхавъ совсѣмъ близко, я увидаль на пригоркѣ рядъ какихъ-то черныхъ бугровъ, а надъ ними какія-то постройки, въ родѣ колодезныхъ журавлей. Это и были крестьянскія копи. Когда я подъѣхалъ къ одной изъ нихъ совсѣмъ близко и слѣзъ съ дрожекъ, то минутнаго взгляда было достаточно, чтобы понять все это немудрое сооруженіе. Выкопана въ видѣ колодца яма, въ глубину не болѣе десяти сажень; надъ ямой, на перекладинѣ, утвержденной на двухъ столбахъ, придѣлана пара блоковъ; а сажени на двѣ въ сторону на расчищенномъ, наподобіе тока, кругу стоитъ воротъ; подъ воротомъ лошадь. Только и всего. Тутъ и вся машина. Лошадь, поговяемая подросткомъ, ходитъ въ одну сторону, воротъ вертится, тянетъ веревку на одномъ блокѣ и поднимаетъ изъ глубины ямы конецъ этой веревки, на которомъ прикрѣплена бадья; въ то же время другая бадья на другомъ блокѣ опускается внизъ и наполняется тамъ углемъ; тогда лошадь повертывается обратно, обратно начинаетъ двигаться и вся машина, и вторая бадья вылѣзаетъ изъ глубины шахты. Чтобы высыпать уголь изъ вылезшей бадьи, рабочій беретъ ее прямо руками, усиленно,

словно за шиворотъ, тащить ее къ себѣ, вытаскиваетъ и, наконецъ, послѣ нѣкоторой борьбы опрокидываетъ изъ нея уголь. Подростокъ погонщикъ бросаетъ лошадь, подбѣгаетъ къ веревкѣ между воротомъ и блоками, цѣпляется за нее руками и ногами и тащить ее собственной тяжестью къ землѣ; веревка подается, бадья поднимается съ края шахты, гдѣ до сихъ поръ она безпомощно лежала на боку, и падаетъ въ яму. Такимъ образомъ мальчишкѣ въ продолженіе дня столько разъ придется болтать въ воздухѣ руками и ногами, сколько вытягивается изъ ямы бадей, т.-е. примѣрно разъ двѣсти.

Крестьянская шахта ни въ какомъ случаѣ не бываетъ болѣе десяти сажень глубиною; съ десяти сажень идетъ забой по наклонной плоскости; рабочіе-забойщики просто долбятъ пластъ угля кайлами и этимъ путемъ добываютъ его. Надолбленный уголь другіе рабочіе лопатами насыпаютъ въ вагончикъ и подвозятъ его къ мѣсту опусканія бадьи; здѣсь бадью насыпаютъ, дергаютъ за веревку (это значитъ — тащи) и ждутъ, когда вмѣсто насыпанной бадьи къ нимъ спустится другая; вмѣсто вагончика часто употребляется другая посуда, въ родѣ ящика или въ родѣ салазокъ, на которыхъ ребята катаются съ горъ. Такую посудину тащатъ просто волокомъ по землѣ до самаго отверстія шахты.

Рабочихъ полагается человѣкъ 6. Одинъ, подростокъ, управляетъ лошадейю и болтаетъ ногами и руками на веревкѣ, другой принимаетъ изъ шахты бадью и борется съ ней; двое внизу шахты насыпаютъ уголь въ посудину, а затѣмъ нагрбаютъ его въ бадью; двое другихъ добываютъ уголь. Это число по большей части удваивается, когда работа происходитъ день и ночь; тогда смѣна равняется 12 часамъ. Но это у болѣе состоятельнаго хозяина-мужика или у состоятельнаго арендатора. У бѣднаго какъ придется.

Но у тѣхъ и у другихъ устройство самой шахты одинаково. Одинакова и „сбруа“. Все это буквально состоитъ изъ обломковъ и обрывковъ. Воротъ, кое-какъ сколоченный на треснувшемъ столбѣ, немилосердно реветъ; канатъ съ безчисленными узлами то и дѣло путается и зацѣпляется на худомъ колесѣ; блоки плачутъ надъ ямой.

— Станція Юзово, поѣздъ стоитъ семь минутъ.

Я выглядываю въ окно: раинее утро; выхожу на платформу. Станціонное зданіе небольшое и неказистое, по полотну тянется множество путей, заставленныхъ массою вагоновъ. Повсюду угольная пыль, все черное отъ нея. Нѣсколько поѣздовъ, груженыхъ углемъ, ждутъ отправки. Видно что это „черная“ станція.

Я прохожу черезъ залъ третьяго класса. У подъезда стоитъ нѣсколько извозчиковъ; нанимаемъ одного изъ нихъ и трогаемся.

Проѣзжаемъ небольшую улицу, нѣсколько домиковъ остаются позади.

Передъ нами степь, обнаженная и унылая, ни кустика, ни деревца, куда ни глянешь, все то же бурое пространство, покрытое сѣрой пылью, сухой и горькой, да изсохшимъ чернобылемъ. Мѣстами чернѣютъ пашни, краснѣютъ глиной овраги и до самаго горизонта лѣниво тянутся степныя возвышенности, отлогія и скучныя. Лошади бѣгутъ рысью, станція позади скрылась, вокругъ бурьянъ, изсохшая, потрескавшаяся земля. Впереди показалось громадное кирпичное строеніе, черное, закоптѣлое; надъ нимъ угрюмо высилась такая же почернѣвшая дымовая труба.

Я подумалъ, что открывается уже Юзовскій заводъ, но до Юзова еще верстъ пять. Это просто шахта. Ихъ много разбросано здѣсь среди степи. Два, три десятка каменныхъ низкихъ, придавленныхъ черепичною кровлею домовъ вытянулись въ степи, какъ одинъ, выстроены по шаблону, вапоминавая казарменный типъ. Вокругъ скучно, непріятно. Нѣтъ даже двориковъ. Тѣ, кто живетъ здѣсь, выходя изъ дверей, прямо попадаютъ въ степь. Только мусоръ да груды золы указываютъ, что въ этихъ казармахъ живутъ люди: никого не видно. Все населеніе работаетъ, быть можетъ, тутъ же, у насъ подъ ногами, въ глубинѣ земли.

Шахта скрылась. Вдали маячили трубы другихъ такихъ же шахтъ.

Вотъ, наконецъ, и Юзово. Небольшіе подъ черепицей домики стоятъ необыкновенно тѣсно на нескончаемыхъ улицахъ. Дворики тѣсные, всѣ жмутся насколько возможно плотнѣе другъ къ другу. Это потому, что земля, на которой стоитъ Юзовское поселеніе, принадлежитъ заводу, и онъ неукоснительно собираетъ съ обывателей очень высокую плату за каждую пядь земли. Здѣсь все обложено: каждый вершокъ земли, каждое яйцо, проданное торговкой, каждая картофелина, привезенная мужиками, и эти деньги идутъ въ карманъ заводчиковъ. Юзовка эта цѣлый городъ съ слишкомъ тридцатитысячнымъ населеніемъ, огромными рядами каменныхъ лавокъ, съ кипучей торговой дѣятельностью.

Я прошелъ огромную площадь, лавки, магазины, аптеки, каменную церковь, заводскую больницу, школу, и съ горы, гдѣ оканчивается Юзово, открылся внизу заводъ. Громадные почернѣвшіе заводскіе корпуса, дымовыя трубы, гигантскія усѣченныя конусообразныя доменные печи, вышки надъ шахтами, параллельные ряды коксоевыхъ печей съ грудями раскаленнаго кокса между ними, насыпь, по которой то и дѣло бѣгали поѣзда съ рудой, съ углемъ, съ плавнемъ,—все это черное, закоптѣлое, пропитанное угольнымъ налетомъ, точно послѣ громаднаго пожара, виднѣлось у меня подъ ногами въ узкой долинѣ, между двумя возвышенностями. Странные, рѣзкіе, поражающіе ухо звуки, точно тамъ валились груды желѣза или били для чего-то въ огромныя

чугунныя доски, неслись оттуда, вмѣстѣ со свистками паровозовъ, вмѣстѣ съ тяжелыми вздохами паровиковъ. Дымная черная мгла, колеблясь, курилась подъ всѣмъ этимъ мѣстомъ.

Я спустился и прошелъ въ ворота. Груды желѣза, старый ломъ, полуразрушенные паровые котлы, черныя стѣны зданія, громадныя чугунныя плиты, стальные валы, рельсы, горы угля, груды ссыпанной руды, шлаки, перегорѣвшее желѣзо; всюду, гдѣ есть только кусочекъ свободнаго пространства, его испещряють, изрѣзываютъ узенькіе, вдавленные въ землю рельсы, по которымъ суетливо бѣгаютъ въ этой тѣсотѣ, ежеминутно угрожая кого-нибудь раздавить, перерѣзать, маленькіе игрушечныя паровозики, совсѣмъ не похожіе на обыкновенныя. Все черно, грязно, запыленно. Тонкая, ѣдкая, всюду проникающая угольная и металлическая пыль покрываетъ землю, рельсы, стѣны, крыши, трубы, паровозы, платье, лица людей, носится въ воздухѣ, придаетъ небу дымный оттѣнокъ и вмѣстѣ съ угаромъ отравляетъ и жжетъ легкія. Въ конторѣ, куда я прошелъ, мнѣ разрѣшили осмотрѣть заводъ. Высокій съ голубыми глазами и длинными, совершенно бѣлыми, сѣдыми усами англичанинъ, инженеръ на заводѣ, какъ истый джентльменъ, чрезвычайно предупредительный и деликатный, съ перваго же слова, какъ только мы отправились, заявилъ, что это—колоссальное предпріятіе, что оно оцѣнивается въ двадцать милліоновъ рублей, что ежегодно машины, постройки, всѣ приспособленія и проч. возобновляются на 12 %.

Мы пошли. Кругомъ шла непрерывная, неустанная работа: мужики, нещадно дергая замороженныхъ лошадей, торопливо возили руду, коксъ, плавень, вывозили вонь землю; съ желѣзнодорожной насыпи, изъ вагоновъ, сыпалась руда; то и дѣло съ нею подходили поѣзда, рабочіе внизу торопливо отребали ее лопатами.

Гигантскіе массивы доменныхъ печей, точно циклопическія башни, поднимались своими желѣзными боками почти къ самому небу; отъ подножія до вершины онѣ обшиты листовымъ желѣзомъ. Верхушки ихъ слегка курятся, точно жерла вулкановъ. Люди, лошади, телѣги, паровозы, вагоны, желѣзнодорожная насыпь,—все принимаетъ игрушечный характеръ у подножія этихъ великановъ.

Нѣсколько въ сторонѣ тянутся узкія и необыкновенно длинныя, въ нѣсколько сотъ сажень, круглыя приземистыя печи для обжиганія кокса. Кажется, что это для чего-то сложенные изъ кирпича валы, параллельно другъ другу. Отъ нихъ струится горячій воздухъ. Внутри заложень каменный уголь, который накаляется безъ доступа воздуха, превращаясь такимъ образомъ въ коксъ. Вдоль этихъ печей тянутся узенькіе рельсы.

Уѣзжая вечеромъ на станцію, я въ послѣдній разъ взглянулъ на

заводъ съ пригорка; долина, гдѣ онъ помѣщался, представляла демоническій видъ: грохотъ, желѣзный лязгъ, смѣшанные хаотическіе звуки, огромное пламя, вспыхивавшее надъ домнами и озарявшее краснымъ отблескомъ черныя облака, окрестности, дома поселка и угрюмые, закованные заводскіе гиганты.

По Дону.

(По С. Филиппову и Каронину.)

Отъ Царицына до Калача на Дону только четыре станціи. Медленно тянутся безконечныя, до тошноты скучныя степи. Быстро мелькаютъ веселые хуторки. Огромныя желтовато-красныя пространства уходятъ вдаль и сливаются съ горизонтомъ. Все кругомъ выжжено солнцемъ, и только бѣлыя пучки ковыля колышутся по вѣтру, словно длинныя сѣдыя бороды. Сверху раскинулось голубовато-сѣрое небо, и хоть бы облачко на немъ показалось. Солнце немилосердно жжетъ, и некуда дѣваться отъ его всеопалющаго зноя. Ни звука, ни шороха. Все замерло и молчитъ. Даже птицы — и тѣ не рѣютъ въ этомъ неподвижномъ, раскаленномъ воздухѣ. И ждешь не дождешься наступленія вечера, ночи...

А ночи здѣсь, дѣйствительно, дивно хороши. Синія сумерки постепенно заволакиваютъ небо; посвѣжѣвшій воздухъ пахнулъ сладкимъ щекоющимъ ароматомъ. Все сгущаются сумерки, все темнѣе синева небеснаго свода. И вотъ зажглись большія, лучистыя звѣзды и тихо, тихо мигаютъ своими трепетными очами. Выплылъ мѣсяцъ и медленно, задумчиво льетъ на землю цѣлые потоки мягкаго, серебрянаго сіянія.

Рѣзкій свистокъ локомотива вызвалъ меня къ дѣйствительности. Я выглянулъ въ окно вагона. Невдалекѣ показались станціонныя постройки. Мы подъѣхали къ Калачу, донскому хутору, въ семидесяти трехъ верстахъ отъ Царицына, — точкѣ моего отправленія по Дону до Ростова.

На станціи стояла неимоверная толкотня, суета, крики...

— Что пароходъ? — былъ первый вопросъ.

— Нѣтъ его еще.

— Когда же придетъ?

— Незвѣстно.

— Куда же дѣвать вещи, гдѣ остановиться?

— Идите на „пловучку“. Вещи вамъ донесутъ.

Быстро подскакиваетъ какой-то молодецъ въ лампасныхъ панталонахъ (всѣ казаки на Дону щеголяютъ въ „невыразимыхъ“ съ генеральскими лампасами), схватываетъ вещи, подкидывая какъ перышко пятипудовый чемоданъ, и ведетъ меня на „пловучку“.

„Пловучка“ — это огромное двухъярусное судно, отдѣланное внутри и снаружи съ поразительною элегантностью и комфортомъ. Имѣется пре-

красный общій залъ, салонъ съ пiанино и десятка два очень чистенькихъ каютъ-номеровъ. Кругомъ всего судна идетъ крытая галлерей, а палуба, закрытая на манеръ пароходовъ американскаго типа, является превосходною террасой.

Занимаю одинъ изъ номеровъ и первымъ дѣломъ бѣгу наводить справки о пароходѣ. Контора агента въ двухъ шагахъ отсюда.

— Будетъ пароходъ?

— Не извольте сомнѣваться, — вѣжливо отвѣчаетъ одинъ изъ конторщиковъ.

— Когда же онъ придетъ?

— А это намъ неизвѣстно-съ.

— Кому же извѣстно?

— Да теперь никто не можетъ сказать навѣрное, потому—перекаты.

— Но агентъ-то можетъ сообщить какія-нибудь свѣдѣнія?

— Они могутъ-съ.

— Гдѣ же онъ?

— Они-съ на перекатѣ.

Въ томительномъ ожиданіи проходитъ цѣлый день. Давно ужъ и вечеръ наступилъ, давно поднялась луна и отразилась широкою серебряною лентой на водѣ, а въ напряженной, чуткой тишинѣ не слышится ни малѣйшаго намека на приближеніе желаннаго гостя.

Въ каютѣ духота невыносимая.

Схожу на берегъ и отправляюсь побродить вдоль полотна желѣзной дороги. Въ сторонѣ свѣтятся огоньки въ станціонныхъ окнахъ, а передъ глазами извивается тонкою блестящею лентой рельсовый путь и мелкіе кусочки каменнаго угля, которымъ онъ усыпанъ, сверкаютъ милліонами искорокъ при свѣтѣ полной луны. То тамъ, то сямъ краснѣютъ и зеленѣютъ высоко поднятые сигнальные фонари; цѣлый рядъ нагруженныхъ вагоновъ молчаливо стоитъ на запасномъ пути и отъ нихъ легли по землѣ косыя, черныя тѣни. Изрѣдка странный, необъяснимый звукъ пронесется; на секунду все оживетъ и снова потонетъ въ чуткой, будто настороженной, тишинѣ степной ночи...

На пловучкѣ и каюты, и палуба погружены въ сонъ.

Часовъ около двухъ утра чувствую, что кто-то трясетъ меня за плечи.

— Проснитесь! Пароходъ пришелъ.

На пристани шумъ, суета; грузятъ багажъ, перетаскиваютъ какія-то кипы.

У пристани дожидается пароходъ—нѣчто въ родѣ волжскихъ буксирныхъ пароходовъ, только, разумѣется, въ миниатюрѣ.

Было еще темно и въ сѣроватомъ воздухѣ чуть-чуть брезжущаго утра смутно чернѣли линіи береговъ. Кругомъ на палубѣ двигались

какія-то фігуры, но ни лицъ, ни костюмовъ ихъ разобрать не было возможности. И вотъ на востокъ появилась алая полоска, сѣрый туманъ окрасился въ розовый оттѣнокъ и все свѣтлѣе, розоватѣе дѣлался воздухъ... Свѣжій холодокъ, неизбѣжный спутникъ утренней зорьки, пріятно охватывалъ всѣ члены и щекоталъ лицо. Впереди извивался и сверкалъ алымъ блескомъ тихій Донъ, а надъ его синими, окутанными дымкой, берегами поднимался розовый паръ. И вдругъ миллионы блестящихъ струй брызнули сверху и разсыпались по берегу... Прибрежные камыши словно вспыхнули и загорѣлись... И заблестѣло, и зажгло горячее донское солнце...

Часамъ къ семи утра мы уже подѣхали къ ожидавшему насъ пассажирскому пароходу. Но, несмотря на непродолжительное пребываніе наше на немъ, мы претерпѣли достаточно всякихъ мытарствъ. По дорогѣ два большіе переката: Царицынскій и Калачевскій, и на обоихъ намъ приходилось много возиться: пароходъ нашъ то сдѣлаетъ нѣсколько сажень впередъ, то снова назадъ, то остановится. Только и слышишь: „задній ходъ! малый ходъ! самый большой ходъ!“, да шуршаніе плоскаго днища по песку переката.

Мы пересѣли на новый пароходъ; пароходикъ былъ маленький, но очень чистый, съ хриплымъ свисткомъ, но въ работѣ оказался терпѣливымъ и выносливымъ созданіемъ.

Спадъ водъ уже начался, мели обнажились и пароходикъ то и дѣло зарывался носомъ въ песокъ; случалось, совсѣмъ обезсиѣветъ и стапеть, но достаточно капитану сказать: „впередъ!“—какъ онъ двинется, задрожитъ весь, тяжело вздохнетъ, зароется глубоко въ песокъ, а вывезетъ-таки. То и дѣло по берегамъ подсаживались пассажиры, не съ лодки и не съ конторки, а такъ, просто съ берега. Завидитъ капитанъ, что впереди на берегу машутъ платкомъ, и направляетъ свой пароходикъ по тому направленію. Пароходикъ смѣло бѣжитъ на берегъ, тыкается носомъ въ землю, затѣмъ одинъ изъ матросовъ перелѣзаетъ черезъ бортъ и держитъ его за веревку, какъ за поводья узды, до тѣхъ поръ, пока пассажиръ перетаскиваетъ съ берега свои вещи. „Впередъ!“ кричитъ капитанъ, какъ только пассажиръ сѣлъ, и пароходикъ, повернувъ въ сторону, снова начинастъ загребать колесами. Только однажды утлая наша машина сплховала на одномъ изъ безчисленныхъ крутыхъ поворотовъ: рулевой не успѣлъ повернуть руль, и пароходъ, какъ карась, выпрыгнулъ на берегъ.

„Стопъ!“ Одинъ бокъ судна стоялъ на берегу, а другой въ водѣ. Но это никого не смутило; нѣсколько матросовъ съ помощникомъ капитана перелѣзли черезъ бортъ на берегъ, посоветовались, какъ лучше спустить пароходъ въ воду, и рѣшили: дать задній ходъ, авось машина не ломается. Рѣшивъ это, перелѣзли обратно черезъ бортъ, и помощникъ

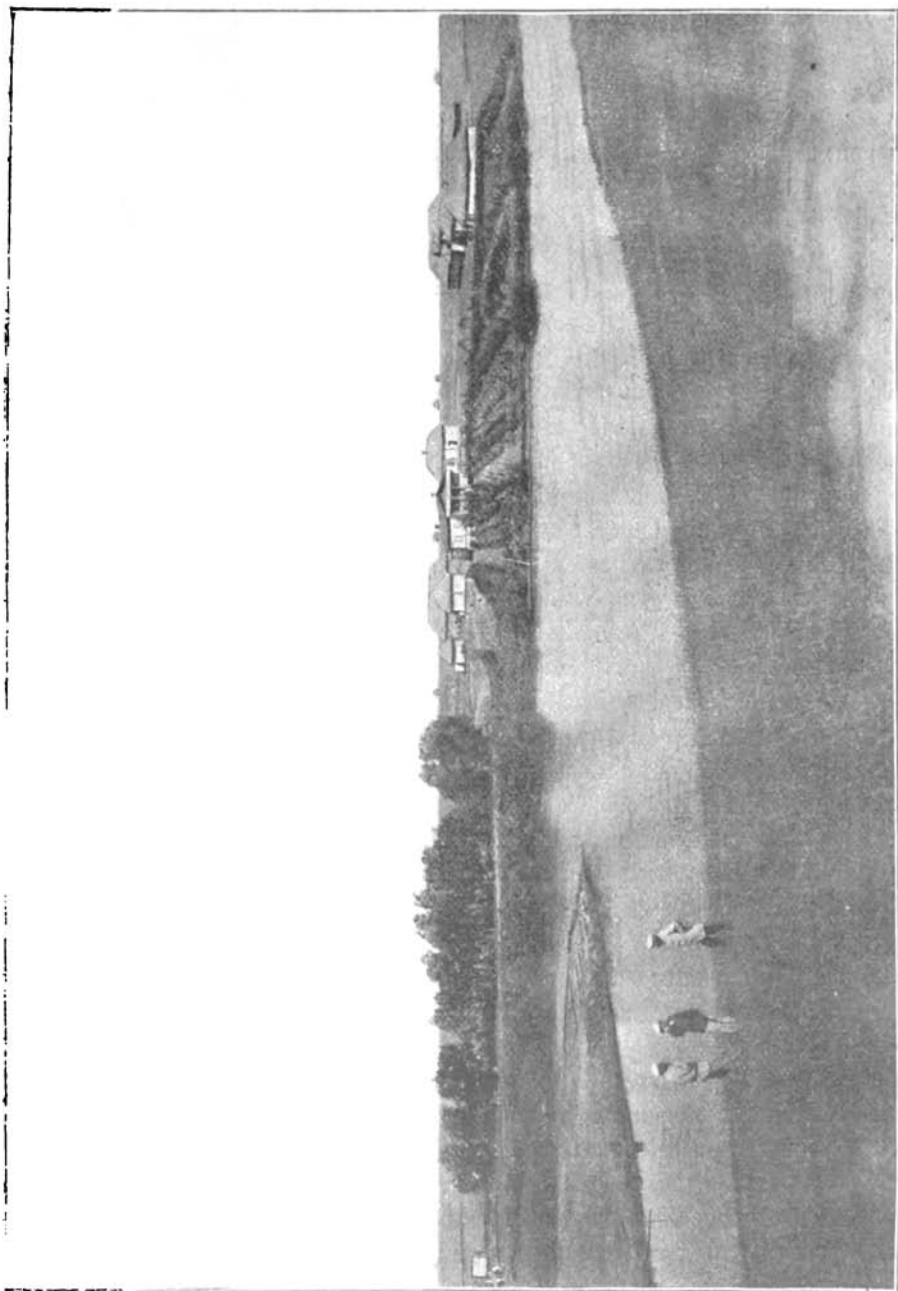
сказалъ машинисту: „ну-ка, идите, попробуйте задній ходъ!“ Машинистъ далъ задній ходъ, валъ двинулся, колесо шлепнуло нѣсколько разъ по сухой землѣ, парходикъ какъ-то вздохнулъ всѣмъ тѣломъ и сорвался въ воду. „Впередъ!“ скомандовалъ капитанъ, и мы пошли какъ ни въ чемъ не бывало. Только нѣсколько спиць колеса, обломанныхъ о берегъ, поплыли по рѣкѣ, но ихъ вставили на слѣдующей пристани.

Жара такая, что не знаешь куда и дѣвать себя. На палубѣ жечь, какъ въ раскаленной печи. Вѣтеръ — и тотъ горячій. Рѣка блещитъ—глазамъ смотрѣть больно; берега однообразные, унылые, безжизненные... И отправляешься съ рубки въ свою каюту, гдѣ хотя и душно, но нѣтъ этого палящаго зноя. Пассажиры всѣ разметались въ изнеможеніи... Чай и сельтерская вода истребляются въ поразительномъ количествѣ и вовсе не удовлетворяютъ съ каждою минутой усиливающуюся жажду...

Странное впечатлѣніе производитъ Донъ послѣ Волги: точно попалъ съ шумныхъ улицъ большого города на тихую деревенскую улицу, поросшую муравкой, по которой кое-гдѣ бродятъ куры да гуси съ утками. Парходикъ безпрестанно виляетъ по безчисленнымъ закоулкамъ и излучинамъ степной рѣки; иногда кажется, что впереди уже нѣтъ ему прохода: только виднѣются луга, пески да камышь; но вдругъ крутой поворотъ, словно переулочъ—и парходикъ снова загребаешь колесами по этому переулку. Разстояніе между берегами часто всего нѣсколько сажень. А на берегахъ деревенскій міръ: кое-гдѣ полощутся въ водѣ гуси и, при проходѣ парохода, сторонятся ближе къ камышу; тутъ же плаваютъ утки и по тропинкамъ берега куда-то сиѣшитъ цѣлая семья свиней, состоящая изъ почтенныхъ размѣровъ матери и штукъ двѣнадцати дѣтей. Иногда конь понуро стоитъ около воды, помахивая хвостомъ, иногда бѣгутъ рядомъ съ парходомъ телята.

Кругомъ стоитъ необыкновенная тишина. Шлепанье колесъ нашего парходика раздастся глухо, беззвучно; эхо не отражаетъ звуковъ, ибо и берега ровные, плоскіе. По ту и другую сторону рѣки тянутся необозримые луга, изрѣдка только украшенные кустарникомъ,—тѣ самые казакскіе луга, на уборку которыхъ стекаются косари со всѣхъ концовъ Россіи. Вотъ тогда, видно, Донъ оживляется. А теперь, во время нашего путешествія, глубокая тишина и лѣнь охватили его неизмѣримыя пространства. Людей рѣдко видишь; даже по пристаянямъ въ большихъ станицахъ возлѣ конторки сидятъ двѣ-три бабы—одна съ воблой, другая съ сѣмечками, третья съ хлѣбомъ, да тутъ же неизвѣстно зачѣмъ толчется казакъ. Но зато часто вдали отъ жилья вдругъ покажется кучка народа: то казаки тянутъ неводъ во всю ширину рѣки, и парходикъ нашъ перескакиваетъ безъ всякой церемоніи черезъ верхнюю веревку. На всемъ протяженіи отъ Калача до Ростова намъ встрѣти-

Хуторъ въ степи.

лось два-три буксирныхъ парохода и нѣсколько плотовъ. Промелькнеть станица, и опять на протяженіи цѣлыхъ десятковъ верстъ вы не встрѣтите ни одного живого существа. Самыя станицы, тамъ и сямъ показывающіяся по обоямъ берегамъ, кажутся погруженными въ лѣнивую дремоту. Всѣ онѣ, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую, и дома въ каждой изъ нихъ совершенно одинаковы, точно строилъ ихъ одинъ хозяинъ: непремѣнно каждый домикъ въ три окна, непремѣнно съ балкончикомъ и непремѣнно выкрашенный въ желтую краску. Сходство поразительное.

— Нижнечирская станица!

Нѣсколько пассажировъ, ѣхавшихъ до этого мѣста, торопливо собираютъ свои пожитки и выбираютъ изъ каюты.

Станица расположена на довольно крутомъ горномъ берегу и удалена нѣсколько вглубь, такъ что ее видно, только отъѣхавъ отъ пристани. На берегу глазѣть кучка казаковъ, станичныхъ жителей; нѣсколько телѣгъ дожидаются пассажировъ.

И не слышно здѣсь ни криковъ, ни смѣха, столь обычныхъ у волжскихъ пароходныхъ конторокъ. Все двигается вяло и медленно подъ этими немилосердно палящими лучами...

Черезъ нѣсколько минутъ мы отошли отъ Нижнечирской станицы, и въ глазахъ такъ и зарыбило отъ множества построекъ, сверкающихъ на солнцѣ.

Вся станица разбросалась на огромное пространство, уйдя сажень на двѣсти отъ берега. Нижнечирская станица—одна изъ самыхъ большихъ и многолюднѣйшихъ на Дону—имѣетъ свыше 12.000 жителей и вообще напоминаетъ собою скорѣе довольно большой городокъ.

Пароходъ двигается медленно по обмелѣвшей до невозможности рѣкѣ, чуть не ежечасно натываясь на песчаные гребни мелей.

Капитанъ все время держитъ бинокль передъ глазами и пристально всматривается вдаль.

— Что?—спрашиваю.

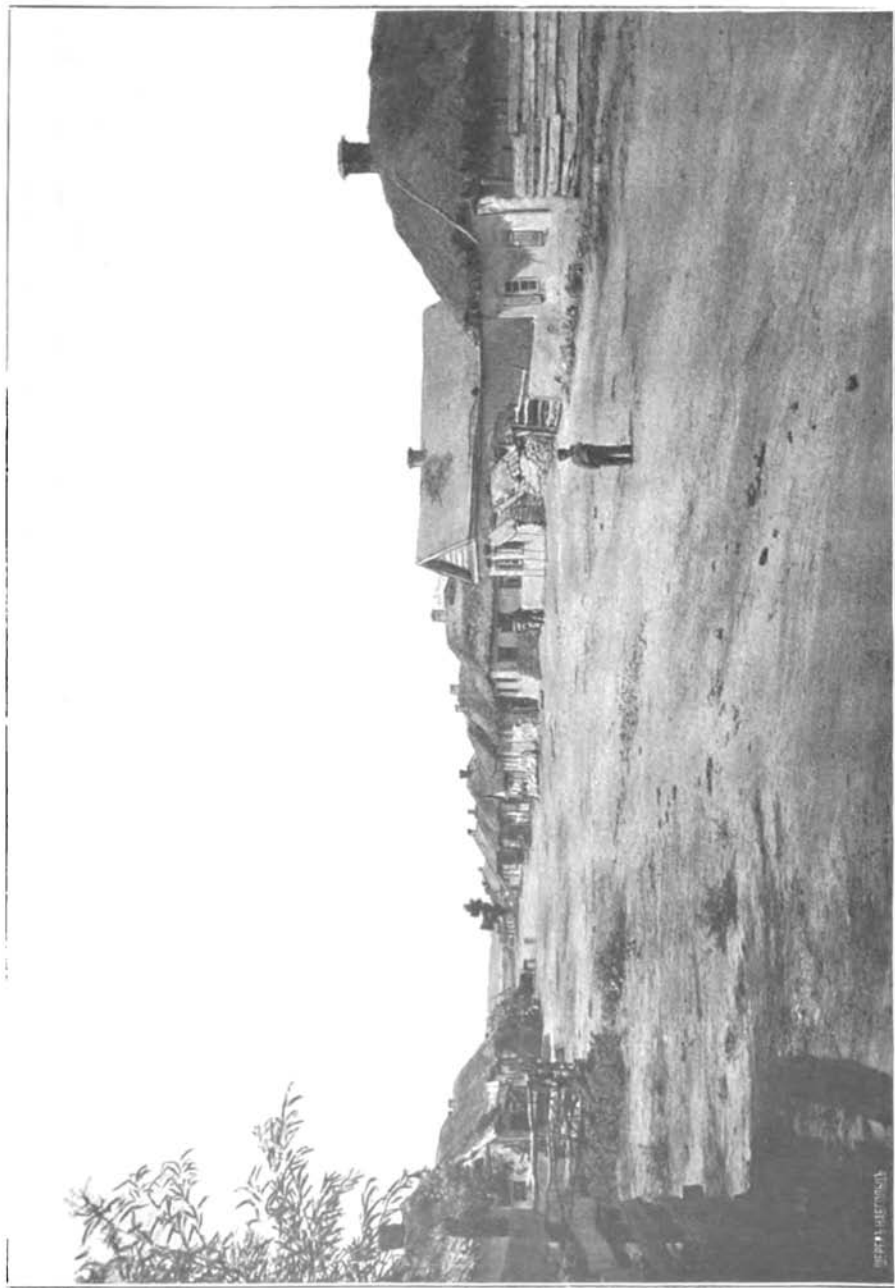
— Да вотъ самое подлое мѣсто приближается.

— Какое это?

— Тутъ, не доѣзжая Нагавской станицы, есть хуторъ Кудимовъ, такъ около него перекаль, такъ Кудимовскій и зовется. Если минуемъ благополучно, конецъ всѣмъ мытарствамъ. Да гдѣ миновать! Тамъ теперь вѣрно всѣ суда собрались, стоять.

На рубкѣ собрались почти всѣ пассажиры и всѣ горѣли нетерпѣніемъ узнать, что дѣлается на роковомъ перекалѣ. Капитанъ то и дѣло опуская и поднимая бинокль, ворча себѣ что-то подъ носъ.

Быль восьмой часъ вечера. Жара понемногу спадала, вѣялъ легкій, едва чувствуемый вѣтерокъ. Палуба пестрѣла пассажирами. И всѣ на-

Въ донской станицѣ.

пряженно устремляли глаза по одному на направленію. Капитанъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не отнималъ бинокля отъ своихъ глазъ, потомъ быстро отдернулъ его и почти бросилъ на стулъ.

— Стоять!—проговорилъ онъ безнадежнымъ тономъ и отошелъ къ сторонѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ вдали что-то зачернѣло, словно лѣсъ на рѣкѣ вдругъ выросъ передъ глазами.

Пароходъ быстро бѣжалъ.

— Малый ходъ!

И мы тихо подошли къ роковому перекату, лавируя между множествомъ стоящихъ тутъ судовъ.

У обрывистаго, совершенно лишеннаго всякой растительности и выдавашагося въ воду берега образовался словно маленькій портъ. Я насчиталъ двѣнадцать пароходовъ, такое же количество баржъ и множество плотовъ. Это все, что шло и снизу, и сверху. Шло — и остановилось.

Приходилось остановиться и намъ и ночевать на этомъ перекатѣ между безжизненными берегами и въ разстояніи многихъ верстъ отъ станицъ съ того и съ другого конца. Впрочемъ, благодаря скопленію множества судовъ, здѣсь образовалось у насъ нѣчто въ родѣ маленькаго городка. Одно только было плохо—это истощеніе провизіи на пароходѣ; да и та, которая оставалась еще, вслѣдствіе отсутствія на пароходѣ ледника и стоявшихъ жаровъ уже достаточно-таки попортилась.

Начался обмѣнъ визитовъ. Мы переходили съ судна на судно. Иныя, въ особенности товарныя, стоятъ недѣли по полторы, по двѣ. Запасы у нихъ истощились въ конецъ и хлѣбъ дѣлится между судовыми рабочими небольшими порціями, словно въ осажденномъ городѣ.

Вечерѣло. Обнаженные уступы почти отвѣснаго берега отразились въ рѣкѣ и около него легла широкая, черная тѣнь. Вдали еще сверкали алымъ блескомъ воды тихаго Дона... Сѣрыя сумерки все стучались и темнѣли... Выплылъ мѣсяцъ и поднялся надъ рѣкой... На судахъ засверкали красноватая точки огоньковъ... Смутный говоръ долеталъ оттуда, изрѣдка слышался смѣхъ и звонко проносился надъ задремавшей рѣкой.

Въ четыре часа утра насъ разбудили.

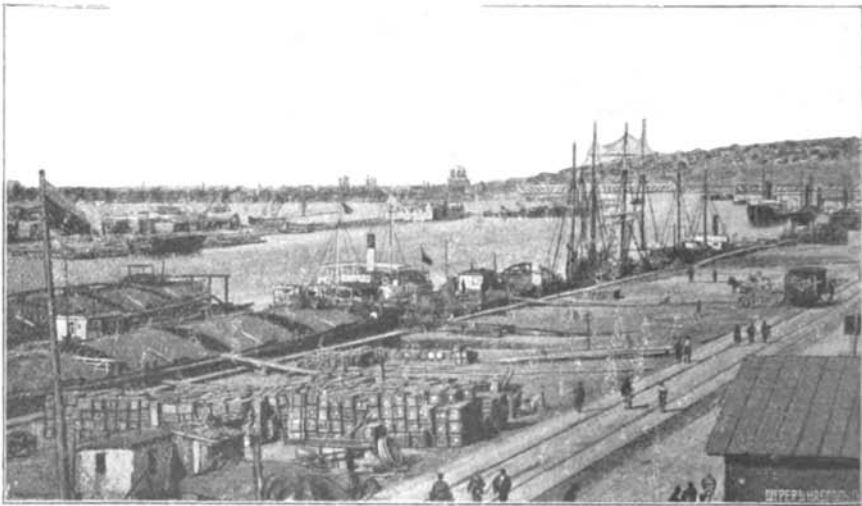
— Вставайте! время перебираться на пароходъ!

Началось перетаскиваніе багажа и пароходнаго буфета на лодки для переправы на ту сторону переката къ ожидавшему насъ пароходу. Когда всѣ вещи были переправлены, пришлось и намъ грѣшнымъ садиться въ лодки.

Саженьяхъ во ста стоялъ небольшой буксиръ „Калачъ“, который и принялъ насъ на бортъ и довезъ до Цымлянкой станицы. Здѣсь мы

пересѣли (уже въ четвертый разъ) на болѣе крупный пароходъ американскаго типа, своимъ благоустройствомъ напоминавшій волжскіе пароходы. Онъ и довезъ насъ благополучно до Ростова.

Отъ Цымлянскон станицы начинается область довского винодѣлія на правомъ берегу, подъ защитой отъ сѣвернаго вѣтра, начали зелѣнѣть виноградники. Съ перваго взгляда какъ будто Донъ остался прежнимъ; но на самомъ дѣлѣ, при болѣе пристальномъ взглядѣ, картина сильно измѣнилась. вмѣстѣ съ холмами и виноградниками появилось что-то нѣжное и веселое, и скучающій взоръ уже не терялся большъ въ необозримыхъ заросляхъ и лугахъ. Начиная отъ этой станицы, виноградники тянулись почти непрерывно вплоть до Ростова.

Пристань въ Ростовѣ.

Но это не измѣнило мирнаго, почти соннаго вида рѣки и раскинувшихся по ея берегамъ станицъ.

Дальше берега становятся все красивѣе. То и дѣло попадаются зеленѣющіе склоны, увѣнчанные кудрявыми лѣсочками. Береговые скаты вблизи станицъ покрыты садами и темная зелень рельефно выдѣляется на желтовато-буромъ суглинковомъ склонѣ берега.

Уже недалеко до Ростова; стали попадаться суда и все больше то варныя. Характеръ Дона круто измѣнился: какъ-то незамѣтно онъ вдругъ сталъ громадною, глубокою рѣкой. Въ это время дулъ сильный вѣтеръ и рѣчныя волны вдругъ выросли въ цѣлыя холмы, шумно ревущіе во кругъ нашего парохода. Впереди, на водномъ горизонтѣ, показался цѣлый лѣсъ мачтъ, и сразу можно было понять, что находишься вблизи большаго торговаго города.

Вотъ и онъ, давно желанный и съ нетерпѣнiемъ ожидаемый всѣми Ростовъ. Всѣ галереи нашего парохода буквально унизаны были пассажирами, любующимися открывшимся передъ глазами городомъ - красавцемъ.

Дѣйствительно, видъ на него съ Дона очаровательный. Свечерѣло уже, когда мы къ нему подѣхали, и въ сгустившихся, но еще не совсѣмъ темныхъ сумеркахъ вырисовались цѣлыя груды каменныхъ огромныхъ строенiй, которыя поднимались другъ надъ другомъ по возвышенному горному берегу, то тѣсно прижимаясь одно къ другому, то разбѣгаясь въ разныя стороны. И надъ всѣмъ этимъ возвышались куполы церквей и шпицы колоколенъ, впрочемъ, очень немногочисленныхъ. Кругомъ вся рѣка заставлена множествомъ судовъ и надъ нею вытянулся и словно повисъ въ воздухѣ высокiй красивый мостъ. И всюду — и въ городѣ, и на рѣкѣ — блестятъ красноватая звѣздочки зажженныхъ огней.

Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ причалилъ къ пристани и остановился. Все засуетилось, торопясь поскорѣ сойти на берегъ. На пристани толкотня, говоръ, крики извозчиковъ и багажныхъ насильщиковъ... Совершенный содомъ, положительно опеломляющiй послѣ тишины и безлюдья, къ которымъ привыкъ за эти послѣднiе дни... А сверху, съ горы, несетя глухой шумъ большого торговаго города, словно пчелиное жужжанье изъ колоссальнаго улья.

Въ степи.

(А. Чехова.)

Передъ глазами ѣхавшихъ разстилалась широкая, безконечная равнина, перехваченная цѣпью холмовъ. Тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, эти холмы сливаются въ возвышенность, которая тянется вправо отъ дороги до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали; ѣдешь, ѣдешь и никакъ не разберешь, гдѣ она начинается и гдѣ кончается. Солнце уже выглянуло сзади и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, поползла по землѣ широкая, ярко желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; полоса свѣта, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ бричку и лошадей, понеслась навстрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая степь сбросила съ себя утреннюю полутьну, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая розъ, бурьянъ, молочай, дикая конопля — все побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и облаканное солнцемъ, оживало, чтобы вновь зацвѣсти.

Надъ дорогой съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное брйчкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ „тррр“ полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки затянули въ травѣ свою скрипучую монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ и степь приняла свой унылый іюльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными какъ тѣнь тонами, равнина съ туманною далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски.

Какъ душно и уныло! Музыка въ травѣ пріутихла. Старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлаютъ степь еще болѣе однообразной.

Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

Для разнообразія мелькнетъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ; вырастетъ на мгновение сѣрая каменная баба или высохшая ветла съ синей ракушкой на верхней вѣткѣ, перебѣжитъ дорогу сусликъ, — опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи.

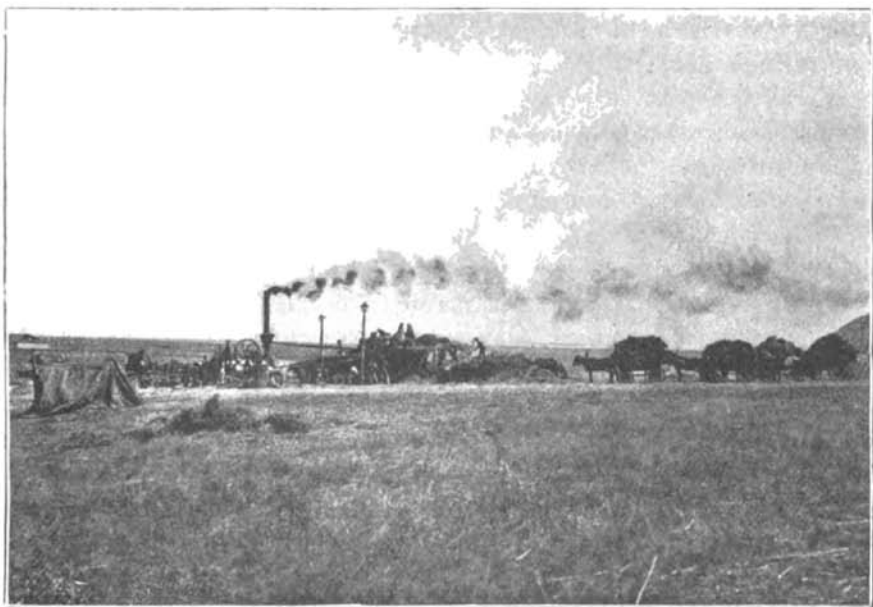
Но вотъ навстрѣчу ѣдетъ возъ со снопами. На самомъ верху лежитъ дѣвка. Сонная, изморенная зноемъ, поднимаетъ она голову и глядитъ на встрѣчныхъ.

Вотъ на холмѣ показывается одинокій тополь; кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь, — Богъ его знаетъ. Отъ его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. За тополемъ ярко-желтымъ ковромъ, отъ верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холмѣ хлѣбъ уже скошенъ и убранъ въ копны, а внизу еще только косятъ... Шестъ косарей стоятъ рядомъ и взмахиваютъ косами, а косы весело сверкаютъ и въ тактъ, всѣ вмѣстѣ издаютъ звукъ „вжи, вжи“. По движеніямъ бабъ, вяжущихъ снопы, по лицамъ косарей, по блеску косъ видно, что зной жжетъ и душитъ. Черная собака съ высунутымъ языкомъ бѣжитъ отъ косарей навстрѣчу къ брйчкѣ вѣроятно съ намѣреніемъ залаять, но останавливается на полдорогѣ и равнодушно глядитъ на возницу, грозящаго ей кнутомъ: жарко лаять!

Но вотъ промелькнула и пшеница. Опять тянется выжженная равнина, загорѣлые холмы, знойное небо, опять носятся надъ землею коршунъ. Вдали попрежнему машетъ крыльями мельница.

Послышался собачій лай. Штукъ шесть громадныхъ степныхъ овчарокъ вдругъ, выскочивъ точно изъ засады, съ свирѣпымъ воющимъ лаемъ бросились навстрѣчу брчкѣ. Всѣ онѣ необыкновенно злыя, съ мохнатыми паучьими мордами и съ красными отъ злости глазами, окружили брчку и, ревниво толкая другъ друга, подняли хриплый ревъ.

Впереди показалась отара овецъ. Старикъ-чебанъ, оборванный и босой, въ теплой шапкѣ, съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ—совсѣмъ ветхозавѣтная фигура—унижаетъ собакъ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стоитъ не шевелясь на другомъ краю отары и равнодушно глядитъ на проѣзжихъ.

Молотьба хлѣба въ Южной Россіи.

Мельница, машущая крыльми, приближается; скоро она совсѣмъ выросла и ужъ можно отчетливо разглядѣть ея два крыла. Одно крыло старое, заплатанное, другое только недавно сдѣлано изъ новаго дерева и лоснится на солнцѣ.

Холмы все еще тонули въ лиловой дали, и не было видно ихъ конца; мелькаль бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатые полосы, и все тѣ же грачи да коршунъ, солидно взмахивающій крыльми, летали надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодрого свѣжаго звука, ни облачка...

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, изъ-

За холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью—я, молъ, готово—и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рвануль вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ сильно закружилъ по степи. Тотчасъ же трава и прошлогоднїй бурьянъ подняли ропоть, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому и перья, чернымъ вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали „перекати-поле“, а одно изъ нихъ повало въ вихрь, завертѣлось, какъ птица полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ вида. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, а два перекати-поля столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга какъ на поединкѣ.

У самой дороги вспорхнулъ стрепеть. Мелкая крыльями и хвостомъ, онъ, залитый солнцемъ, походилъ на рыболовную блесну или на прудового мотылька, когда онъ мелькаетъ надъ водой. Дрожа въ воздухѣ, какъ насѣкомое, играя своей пестротой, стрепеть поднялся высоко вверхъ по прямой линїи, потомъ, вѣроятно испуганный облакомъ пыли, понесся въ поле, и долго еще было видно его мельканіе.

А вотъ, встревоженный вихремъ и не понимая, въ чемъ дѣло, изъ травы вылетѣлъ коростель. Онъ летѣлъ за вѣтромъ, а не противъ, какъ всѣ птицы; отъ этого его перья взъерошились, весь онъ раздулся до величины курицы и имѣлъ очень сердитый, внушительный видъ. Одна только грачи, состарившіеся въ степи и привыкшіе къ степнымъ переполохамъ, покойно носились надъ травой или же равнодушно, ни на что не обращая вниманїя, долбили своими толстыми клювами черствую землю.

За холмами глухо прогремѣлъ громъ, подуло свѣжестью.

Еще бы, кажется, небольшое усиліе, одна потуга, и брызнулъ дождь. Но невидимая, гнетущая сила мало-по-малу сковала вѣтеръ и воздухъ, уложила пыль, и опять, какъ будто ничего и не было, наступила тишина. Облако спряталось, загорѣлые холмы нахмурились, воздухъ покорно застылъ, и одни только встревоженные чибисы плакали и жаловались на судьбу.

Затѣмъ скоро наступилъ вечеръ.

Направо темнѣли холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то невѣдомое и страшное, налѣво все небо надъ горизонтомъ было залито багровымъ заревомъ, и трудно было понять, былъ ли то гдѣ-нибудь пожаръ, или же собиралась восходить луна. Даль была видна, какъ и днемъ, но уже ея нѣжная лиловая окраска, затушеванная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мглѣ.

Въ іюльскїе вечера и ночи уже не кричатъ перепела и коростели, не поютъ въ лѣсныхъ балочкахъ соловьи, не пахнутъ цвѣтами, но степь

все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта и степь легко вздыхает широкою грудью. Въ ней поднимается веселая, молодая трескотня, которой не бывает днем; трескъ, подсвистыванье, цараланье, степные басы, тенора и дисканты—все мѣшается въ непрерывный монотонный гулъ, подъ который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкиваетъ какъ колыбельная пѣснь. Ёдешь и чувствуешь, что засыпаешь; но вотъ откуда-то доносится тревожный крикъ неуснувшей птицы или раздается неопредѣленный звукъ, похожій на чей-то голосъ въ родѣ удивленнаго „а-а!“ и дремота опускаетъ вѣки. А то ёдешь мимо бабочки, гдѣ есть кусты, и слышишь, какъ птица, которую степняки зовутъ сплюкомъ, кому-то кричать: „сплю, сплю, сплю!“, а другая хочеть или заливаётся истерическимъ плачемъ—это сова. Для кого онѣ кричатъ и кто ихъ слушаетъ на этой равнинѣ, Богъ ихъ знаетъ, но въ крикъ ихъ много грусти и жалобы... Пахнеть сѣномъ, высушенной травой и запоздалыми цвѣтами, но запахъ густъ, сладко приторенъ и нѣженъ.

Сквозь мглу видно все, но трудно разобрать цвѣтъ и очертаніе предметовъ. Все представляется не тѣмъ, что оно есть. Ёдешь и вдругъ видишь, впереди у самой дороги стоитъ силуэтъ, похожій на монаха; онъ не шевелится, ждетъ и что-то держитъ въ рукахъ. Фигура приближается, растеть, вотъ она поровнялась съ вами, и вы видите, что это не человекъ, а одинокій кустъ или большой камень. Такія неподвижныя, кого-то поджидающія фигуры стоятъ на холмахъ, прячутся за курганами, выглядываютъ изъ бурьяна и всѣ онѣ походятъ на людей и внушаютъ подозрѣніе.

А когда восходитъ луна, ночь становится блѣдной и темной. Мглы какъ не бывало. Воздухъ прозраченъ и свѣжъ и тепелъ, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдѣльные стебли бурьяна. На далекое пространство видны черепа и камни. Подозрительныя фигуры, похожія на монаховъ, на свѣтломъ фонѣ кажутся чернѣе и смотрятъ угрюмѣе. Чаше и чаше среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздухъ, раздается чье-то удивленное „а-а!“ и слышится крикъ неуснувшей или бредящей птицы. Широкія тѣни ходятъ по равнинѣ, какъ облака по небу, а въ непонятной дали, если долго всматриваться въ нее, высятся и громоздятся другъ на друга туманные причудливые образы. Немножко жутко. А взглянешь на блѣдно-зеленое, усыпанное звѣздами небо, на которомъ ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздухъ недвижимъ, почему природа насторожѣ и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утерять хоть одно мгновеніе жизни. О необъятной глубинѣ и безграничности неба можно судить только на морѣ да въ степи ночью, когда свѣтитъ луна. Оно страшно красиво и ласково, глядитъ томно и манитъ къ себѣ, а отъ ласки его кружится голова.

Природа южно-русскихъ степей.

(В. Капелькина и С. Григорьева.)

По всему югу Европейской Россіи отъ Карпатъ и до Урала широкой полосой раскинулась степь. Однимъ концомъ своимъ она захватила Придунайскую низменность, другимъ ушла далеко на востокъ, въ центральную Азію. Уже за Волгой, у береговъ Каспія обликъ ея мѣняется, появляются соленыя озера, обширныя пространства песковъ съ морскими раковинами, — словомъ, она принимаетъ характеръ киргизскихъ степей нашей Средней Азіи.

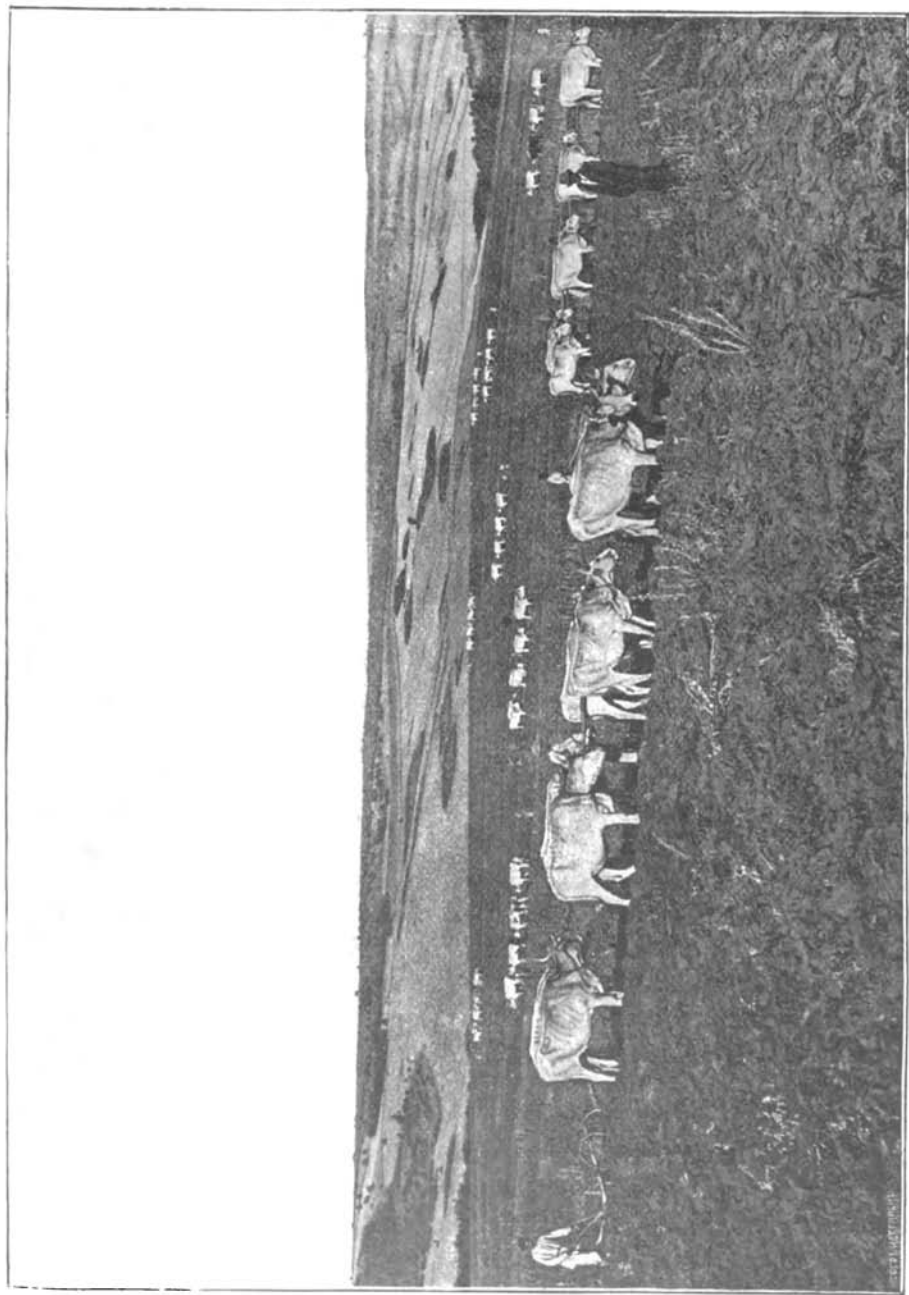
На югъ естественной границей южно-русской степи являются моря Черное и Азовское и горы Крыма и Кавказа. На сѣверѣ она постепенно замѣняется лѣсомъ, который появляется сперва робко, отдѣльными островками, а дальше мало-по-малу совсѣмъ вытѣсняетъ степь.

Эта степь, широко раскинувшаяся на тысячи верстъ, давно уже несетъ на себѣ отпечатокъ многолѣтней дѣятельности человѣка. Вся она изрѣзана желѣзными дорогами, а мѣстами изрыта шахтами для добыванія каменнаго угля, желѣза, соли, ртути, марганца; громадная часть ея распахана или отдается подъ выгонъ скота.

Чтобы получить представленіе о томъ, какой видъ имѣетъ теперешняя южно-русская степь, представимъ себѣ, что мы ѣдемъ въ ясный солнечный день въ концѣ мая — полный расцвѣтъ степной природы — по какой-нибудь изъ прорѣзывающихъ степь желѣзныхъ дорогъ, напр., по Курско-Харьково-Севастопольской дорогѣ.

Мы выѣзжаемъ со станціи Лозовой. Пять часовъ утра; уже печать. Солнце свѣтитъ ярко, на небѣ отдѣльныя небольшія облачка. Вокругъ насъ разстилается равнина; куда ни глянешь, во всѣ стороны мѣстность ровная, гладкая, какъ столъ. Горизонтъ нигдѣ не замкнутъ лѣсами, — всюду открыто. Только тамъ, гдѣ пріютилось какое-нибудь человѣческое жильё, будетъ ли то село, хуторъ или домикъ желѣзнодорожнаго сторожа, темно-зелеными пятнами рисуются садики и сады изъ вишневыхъ деревьевъ, вяза и осокоря; кое-гдѣ попадаются дубъ и сѣровато-зеленая ива; пирамидальные тополи, составляющіе такую яркую черту въ картинѣ Малороссіи, здѣсь отступили на задній планъ.

Такіе островки древесной растительности попадаютъ не слишкомъ часто. Необозримое пространство, которое мы видимъ изъ окна вагона, представляетъ изъ себя либо зеленое море волнующагося хлѣба, почти исключительно пшеницы, либо небольшіе черные участки баштановъ съ низенькими зелеными всходами арбузовъ, дынь и кукурузы, обязательно обсаженные широколиственными тыквами, либо густо-черные, свѣже-вспаханные куски поля, приготовляемаго подъ какой-нибудь посѣвъ. Гораздо рѣже попадаетъ самая степь, или, какъ ее здѣсь назы-

Распашка полей в Южной России.

вають, „степь“ (такъ и склоняють: „степя“, „степу“, напр., вмѣсто „въ степи“, говорятъ „на степу“), т.-е. болѣе или менѣе обширный участокъ, покрытый травой. И то это не цѣлина, не „дикое поле“, а просто залежь, т.-е. земля, долгое время пустующая послѣ сильного истощенія. При существующемъ здѣсь крупномъ помѣщичьемъ землевладѣніи — а помѣщичьи съ имѣніями въ нѣсколько тысячъ десятинъ въ степныхъ губерніяхъ явленіе весьма обыкновенное — здѣсь возможна еще такъ называемая залежная система земледѣлія, при которой какой-нибудь участокъ засѣвается хлѣбомъ до полного истощенія; тогда его забрасываютъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ большихъ имѣніяхъ лѣтъ на сорокъ и больше. И вотъ брошенное паровое поле начинаетъ мало-по-малу „отдыхать“ и зарастаетъ сперва исключительно сорными травами, но затѣмъ съ каждымъ годомъ на немъ начинаютъ селиться характерныя степныя растенія, вытѣсняемая человѣкомъ при распаханіи полей, и, если поле очень долго будетъ предоставлено самому себѣ, въ концѣ-концовъ оно превратится въ настоящую цѣлину, которую почти невозможно будетъ отличить отъ дѣвственной, никогда непаханной почвы. Однако такіе случаи рѣдки; болшею частью такое поле первые годы отдается подъ выгонъ скота, преимущественно овецъ, которыя умудряются обгладывать начисто всю растительность, кромѣ колючихъ „будяковъ“ (*Carduus*) и ядовитыхъ, совершенно несѣдобныхъ молочаевъ; или же эти залежи косятъ (мѣстами онѣ представляютъ единственныя мѣста, пригодныя для покоса). По прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ залежь распаханую и засѣваютъ снова до полного истощенія.

Этотъ-то „степь“ и представляетъ собою весьма характерную картину: значительные сѣро-зеленые участки, со всюду просвѣчивающей темно-сѣрой почвой, со множествомъ ярко-желтыхъ пятенъ, нерѣдко сливающихся въ сплошной коверъ, заросли молочайника (*Euphorbia Gerardiana* и др.), съ бѣлыми пятнами ромашки (*Anthemis cotula* и др.) и икотника (*Berteroa incana*), — все это сорныя, занесенныя человѣкомъ травы, — съ отдѣльными высоко-торчащими группами колючихъ красно-головыхъ будяковъ и съ небольшими кучками фіолетовыхъ цвѣтовъ — надвигающихся представителей дѣвственной степи — шалфеевъ и колокольчиковъ.

Эта послѣдняя, настоящая дѣвственная степь, никогда не паханная цѣлина, сохранилась въ довольно значительномъ количествѣ на востокѣ, въ Приуральѣ, а въ причерноморскихъ губерніяхъ только въ очень немногихъ мѣстахъ — въ крупныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ казѣ или частнымъ владѣльцамъ. Послѣдними остатками ея, видными съ желѣзной дороги, являются такіе крутые склоны овраговъ и балокъ, которые не допускаютъ распаханья, а также неширокая, въ нѣсколько десятковъ сажень полоса по обѣимъ сторонамъ полотна, отчужденная

подъ желѣзную дорогу. Правда, и она уже мѣстами сильно повреждена: кое-гдѣ насажены рядами деревья для защиты отъ снѣжныхъ заносовъ, мѣстами стрѣлочники и сторожа раздѣляли небольшіе участки подъ огороды или баштаны, но все же вдоль линіи желѣзной дороги нерѣдко на значительномъ протяженіи можно видѣть узкія полоски настоящей, почти неповрежденной цѣлины.

Однако, чтобы видѣть степную природу во всей ея полнотѣ, надо побывать въ тѣхъ мѣстахъ черноморскихъ степей или Приуралья, гдѣ цѣлина еще сохранилась по крайней мѣрѣ на нѣсколько сотъ десятинъ.

Петронутая, цѣлинная степь далеко не вездѣ одинакова и по характеру одѣвающей ее растительности можетъ быть раздѣлена на степь кустарниковую, луговую, ковыльную, полынковую. Различный характеръ степи находится въ зависимости какъ отъ состава почвы, такъ и отъ рельефа поверхности, то нѣсколько холмистой, то ровной и гладкой какъ скатерть. Однако, несмотря на различный составъ флоры и фауны разныхъ видовъ степи, всѣ они имѣютъ много общихъ чертъ, вызванныхъ и обусловленныхъ общей причиной. Причина эта заключается главнымъ образомъ въ климатическихъ условіяхъ. Недостатокъ атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ лишь въ извѣстное время года и то сравнительно въ небольшомъ количествѣ, обуславливаетъ собою чрезвычайную сухость воздуха. Рѣзкая разница въ температурѣ зимы и лѣта дѣлаетъ климатъ строго континентальнымъ. Зима обыкновенно отличается сильными морозами, вьюгами и метелями, лѣто же, наоборотъ, очень жаркое, нерѣдко сопровождается сильными жгучими вѣтрами, иссушающими и безъ того сухую почву. Такой климатъ далеко не благопріятствуетъ развитію растительной и животной жизни, и если мы все-таки находимъ степи одѣтыми пышнымъ травянымъ покровомъ и населенными животнымъ міромъ, то только благодаря тому, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ растенія и животныя успѣли выработать цѣлый рядъ оригинальнѣйшихъ приспособленій для борьбы съ засухой и суровой зимой. Можно сказать, что, пожалуй, нигдѣ жизнь не наложила на своихъ дѣтищъ такого рѣзкаго отпечатка, какъ именно здѣсь.

Самое лучшее время въ степи — это весна. Послѣ леденящихъ зимнихъ вьюгъ и метелей, заставляющихъ затихнуть всю природу, наступаетъ тепло; снѣгъ быстро стаяваетъ, и насыщенная влагою степь превращается въ очаровательный цвѣтникъ. Въ степи въ это время появляется безчисленное множество луковичныхъ растеній или же такихъ, у которыхъ имѣются мясистыя, сочныя корневища съ обильнымъ запасомъ питательныхъ веществъ. Свѣтло-голубые гіацинты, низкорослыя присы съ фіолетовыми или желтыми цвѣтами, желтые и красные тюльпаны, различные виды гусиного лука, птицемлечникъ (*Ornithogalum*) со своими золотисто-желтыми цвѣтами чередуются на каждомъ шагу

и переѣшиваются съ бѣлыми и лиловыми анемонами, многочисленными лютиками, пахучей фіалкой и полупрозрачными темно-зелеными кустиками дикой спаржи. Растительный міръ развивается просто съ невѣроятной быстротой, чтобы извлечь возможно большую пользу изъ короткаго срока, отведеннаго ему для жизни, и успѣть насладиться послѣдней еще до тѣхъ поръ, пока раскаленное лѣтнее солнце не засушитъ и не выжжетъ все окружающее. Такое быстрое развитіе растительности возможно только благодаря тому, что почти всѣ эти растенія имѣютъ особыя подземныя хранилища питательныхъ веществъ въ видѣ корневищъ, клубней и особенно луковицъ.

Къ концу весны и началу лѣта характеръ растительности совершенно мѣняется. Луковичныя растенія исчезаютъ, и на ихъ мѣстѣ появляются сильно пахучіе шалфеи и тимьяны, разноцвѣтные астрагалы и желтыя лапчатки, все — растенія съ сѣрватою, густо опушенной листвою. Къ этому же времени появляются и многочисленные степные злаки съ узкими листьями и хорошо развитыми дерновинами. Вторая половина мая и начало іюня — полный расцвѣтъ степной растительности. Въ это время она дѣйствительно представляетъ роскошный цвѣтнй коверъ, съ основнымъ мягкимъ сѣрвато-зеленымъ тономъ. Преобладаетъ фіолетовый цвѣтъ всѣхъ оттѣнковъ — это шалфей (*Salvia*), котораго въ данное время цвѣтеть цѣлыхъ три вида; ихъ густыя лиловыя соцвѣтія то торчатъ вертикально, то наклонены въ разныя стороны, то печально пониклы головками. Лиловый цвѣтъ усиливаютъ еще два вида колокольчиковъ, разбросанныхъ во множествѣ тамъ и сямъ. Яркими желтыми пятнами пестрѣютъ золотистыя головки равитника (*Cytisus austriacus*), молочай и различныя крестоцвѣтныя, изъ которыхъ на первомъ планѣ рисуются крупныя, яркіе кусты вайды (*Isatis tinctoria*). Едва ли не большее мѣсто въ пейзажѣ занимаетъ бѣлый цвѣтъ: значительныя пространства заняты тысячелистникомъ, или, какъ его здѣсь называютъ, деревеемъ (*Achillea millefolium*), и бѣлымъ чистецомъ (*Stachys recta*). Гдѣ трава нѣсколько порѣже, тамъ цвѣточнй коверъ растягнется по самой землѣ; здѣсь преобладаютъ низкорослый розовый чебрець (*Thymus serpyllum*), лиловыя и палевыя головки астрагаловъ (*Astragalus hypoglossis* и *cicer*). И на фонѣ всего этого рѣзко вырисовываются синія свѣчи румянки (*Ehium*), высокіе розовые канделябры фломвса (*Phlomis tuberosa*) и покрытые темно-розовыми цвѣтами большіе шарообразныя кусты „перекати-поля“ (*Phlomis herba venti*). Въ іюнѣ коверъ разнообразится сѣдыми, похожими на конскій хвостъ пучками ковыля, развѣвающимися по вѣтру.

Недолго длится однако въ нашихъ степяхъ расцвѣтъ природы. Слишкомъ скоро приходитъ вторая половина лѣта, когда почва въ степи подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца превращается въ сплошное,

твердое какъ камень гумно. На болѣ сырыхъ мѣстахъ, въ долинахъ, гдѣ испареніе совершается быстро, на землѣ образуются глубокія трещины. Дождь выпадаетъ рѣдко; часто слышится громъ надвигающейся грозы, но послѣдняя не разражается. Вся весенняя растительность засыхаетъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда жара становится почти невыносимой и термометръ показываетъ въ тѣни 40—42° R., степь мѣстами превращается въ безутѣшную мертвую пустыню. Всѣ нѣжныя растенія выжигаются, а корневища, клубни и луковицы погружаются въ сонъ, отъ котораго ихъ пробудить только слѣдующая весна. Дольше всѣхъ противятся засухѣ губоцвѣтныя растенія: шалфей, тимьянъ, фломистъ и т. д.: опущенные листья и сильный аромат приближаетъ ихъ къ третьей группѣ степныхъ растений, появляющихся позднѣе. Но наконецъ и губоцвѣтныя растенія не въ силахъ бороться съ палящими лучами безжалостнаго солнца и высыхаютъ. Тогда наступаетъ время послѣдней группы степныхъ растений, невзрачныхъ и унылыхъ на видъ, со скромными, едва замѣтными цвѣтами, но прекрасно приспособленныхъ къ перенесенію зноя и засухи. Многія изъ нихъ появились еще въ первую половину лѣта, но до сихъ поръ оставались въ тѣни; зато теперь они выступаютъ на первый планъ. Это многочисленные виды полыни, ковыли и различныя солончаковыя растенія.

Полыни обыкновенно выбираютъ болѣ сухіе и возвышенные участки и то покрываютъ степь ровнымъ газономъ, то образуютъ настоящіе заросли бурьяна, въ которыхъ находятъ пріютъ и безопасность нѣкоторыя птицы.

Полыньковая степь имѣетъ монотонный пыльный сѣрый оттѣнокъ и напоена сильнымъ, но приятнымъ ароматомъ. Сѣрый цвѣтъ стеблей и листьевъ полыни, точно такъ же, какъ сѣроватый оттѣнокъ нѣкоторыхъ растений первой половины лѣта, зависитъ отъ того, что кожаца, покрывающая растеніе, снабжена безчисленнымъ множествомъ волосковъ, которые образуютъ густой волосяной покровъ, прекрасно защищающій ихъ отъ излишней потери воды путемъ испаренія, что особенно важно, такъ какъ теперь приходится экономить каждую каплю драгоценной влаги. Уменьшенію испаренія способствуетъ также сильный аромат, испускаемый растеніемъ и окутывающій ихъ какъ бы прозрачнымъ облакомъ.

Ковыль достигаетъ той же цѣли другимъ путемъ. Такъ, одинъ видъ ковыля, называемый тырсой (*Stipa lessingiana*), обладаетъ листьями, свертывающимися въ трубку, какъ только растеніе начинаетъ страдать отъ недостатка воды, при чемъ свертываніе происходитъ всегда такъ, что устьица, — отверстія въ листьяхъ, черезъ которыя происходитъ испареніе воды, — всегда находятся на поверхности, обращенной внутрь. Подобныхъ приспособленій у лѣтнихъ степныхъ растений извѣстно многое множество.

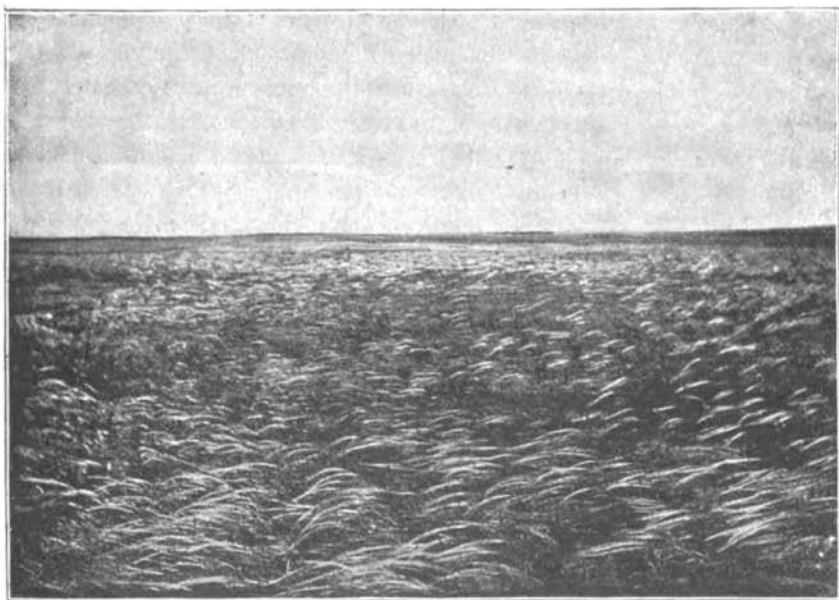
По мѣрѣ того, какъ отцвѣтають растенія, имъ приходится позаботиться о судьбѣ своихъ сѣмянъ, и съ этой стороны степныя растенія какъ нельзя лучше приспособились къ условіямъ, доставляемымъ степью. Безграничная, лишь кое-гдѣ прорѣзанная балками, равнина даетъ полный просторъ вѣтру, и ему-то растенія и поручаютъ заботы о своемъ потомствѣ. Въ этомъ отношеніи особенно интересны два типичныхъ для степи растенія: ковыль и перекасти-поле.

Ковыльная степь особенно привлекательна въ іюнѣ, когда изъ каждаго ствола развивается длинное перо. Во время вѣтра серебристыя перья ковыля колышутся наподобіе волиъ, и степь кажется моремъ, по которому разгуливаютъ легкіе барашки. Длинные перья ковыля не что иное, какъ сильно развитая ость — то, что у ржи или ячменя называется усомъ, и имѣетъ для плода ковыля значеніе летательнаго аппарата: когда сѣмя созрѣетъ, первый сильный порывъ вѣтра отрываетъ плодъ ковыля отъ стебля и гонитъ его, какъ перышко, надъ степью. Однако остающаяся при плодѣ ость выполняетъ и другую важную задачу: она способствуетъ зарыванію плода въ землю при помощи все того же вѣтра. Какъ только ковыль тою частью плода, гдѣ находится сѣмя, коснется почвы, тотчасъ же острый конецъ его втыкается въ землю. При малѣйшемъ вѣтеркѣ перистая ость начинаетъ колебаться изъ стороны въ сторону, чему въ значительной степени способствуетъ кольцо, находящееся у самаго начала пера. Съ каждымъ колебаніемъ пера плодъ все глубже и глубже уходитъ въ землю, такъ какъ заостренный конецъ его усаженъ направленными кверху жесткими волосками. Здѣсь происходитъ то же, что случается, когда стрѣла попадаетъ въ тѣло: при всякой попыткѣ вынуть ее она лишь глубже уходитъ въ тѣло.

Не менѣе оригинально происходитъ разсѣиваніе сѣмянъ у „перекасти-поле“. Название „перекасти-поле“ дается различнымъ растеніямъ, даже не родственнымъ другъ другу, но имѣющимъ одну общую всѣмъ имъ особенность. У этихъ растеній стебель у самаго основанія сильно вѣвится, главныя вѣтви въ свою очередь даютъ начало новымъ вѣточкамъ, и такъ далѣе, такъ что весь кустикъ принимаетъ форму шара. Цвѣтеть перекасти-поле сравнительно рано — въ первой половинѣ лѣта. Осенью, когда сѣмена созрѣли, все растеніе засыхаетъ и отламывается у корня. Затѣмъ наступаетъ очередь вѣтра, который подхватываетъ такіе высохшіе кустики перекасти-поле и гонитъ по степи на далекія разстоянія. Часто случается, что нѣсколько такихъ сухихъ многовѣтвистыхъ кустикавъ переплетается и сцѣпляется между собой, и тогда образуются большіе шары, которые бѣшено несутся по степи, то катясь какъ гигантскіе мячи, то дѣлая громадные прыжки, или, подхваченные вихремъ, высоко взлетаютъ къ небу. Шары перекасти-поле представляютъ собою настоящія сѣялки и при каждомъ толчкѣ или сотрясеніи амь

высѣвается нѣкоторое количество сѣмянъ, которыхъ въ концѣ-концовъ разсѣвается, конечно, великое множество—одно растеніе даетъ ихъ иногда около 200.000, — и можно было бы думать, что черезъ годъ вся степь будетъ засѣяна этимъ растеніемъ. На самомъ же дѣлѣ проходятъ годы, прежде чѣмъ перекаати-поле снова найдетъ условія, благоприятныя для своего развитія.

Мѣстами, особенно тамъ, гдѣ поверхность степи неровная и влаги сохраняется нѣсколько больше, среди травы появляются заросли приземистыхъ кустарничковъ: дикой вишни, бобовника или дикаго миндаля,

Ковыльная степь.

рѣже чилижника (низкорослой дикой акаціи) и другихъ. Получается кустарниковая степь, тянущаяся иногда на цѣлыя версты. Характеръ ея нѣсколько иной: такъ, напримѣръ, растенія третьей группы, полыни и т. п. здѣсь совершенно исчезаютъ.

Кое-гдѣ по степи встрѣчаются балки или овраги, на днѣ которыхъ въ теченіе цѣлаго лѣта сохраняется влага. Въ такихъ балкахъ характеръ растительности сразу становится совершенно другимъ. Типичныя степныя растенія иногда уже на протяженіи нѣсколькихъ шаговъ замѣняются представителями лѣса. Появляются густыя заросли терновника, неклена, орѣшника. Густая сочная трава лѣсныхъ лужаекъ вполне хорошо развивается здѣсь подъ защитой кустарничковъ. Сплошь и рядомъ въ такихъ балкахъ можно встрѣтить кусты и даже деревья широко-

лиственныхъ породъ: дуба, клена, вяза и др., и балка превращается въ настоящій лѣсъ.

Присутствіе среди голой степи лѣсистыхъ балокъ только рѣзче подчеркиваетъ разницу между лѣсными и степными растеніями. Стоитъ только чуть-чуть измѣниться условіямъ влажности, какъ сейчасъ же болѣе разносторонне приспособленные представители лѣсной флоры вытѣсняють степныя растенія, слишкомъ специализировавшіяся для борьбы съ засухой.

Мѣстами попадаются въ степи солончаки, или солонцы—такія пространства, гдѣ почва пропитана солью, иногда настолько, что послѣдняя выступаетъ на поверхности солонца въ видѣ бѣловатой корки; здѣсь даже всѣ растенія бывають соленыя на вкусъ. Всѣ они употребляютъ всѣ усилія, чтобы сберечь находящуюся въ нихъ влагу: у однихъ изъ нихъ листья чрезвычайно сочныя, съ толстою кожицею, у другихъ, напротивъ, листья малы и едва замѣтны; есть даже одно любопытное растеніице—солеросъ (*Salicornia*), иногда покрывающее землю сплошь на нѣсколько сажень, которое представляетъ полное подобіе кактусовъ, растущихъ въ безводныхъ пустыняхъ Америки; у него листья совсѣмъ нѣтъ, зато стебли настолько сочны, что сорванныя растенія не вянутъ нѣсколько дней и при раздавливаніи стебля такъ и брызжетъ сокъ. Зато въ концѣ лѣта, когда все выгорѣло и побурѣло, солончаки радуютъ глазъ своею свѣжею, яркою зеленью, сохраняющеюся до самой зимы.

Итакъ мы видѣли, что весной всѣ растенія имѣють совершенно гладкіе зеленые листья, испаряющіе воду чрезвычайно сильно, но напитанная весенней влагой земля вполне возмѣщаетъ происходящую такимъ образомъ убыль. По мѣрѣ того, какъ исчезаетъ этотъ запасъ, растенія начинаютъ бережливѣе относиться къ водѣ, ихъ листья покрываются волосками, но цвѣты попрежнему отличаются яркостью окраски. Наконецъ, и съ этою послѣднею роскошью приходится разстаться, и тогда появляются растенія, сплошь одѣтыя пушистымъ покровомъ, съ мелкими невзрачными цвѣтами. Лишь поздно осенью, когда небо начинаетъ хмуриться и осенній мелкій дождикъ снова увлажнить землю, опять появляются немпогія луковичныя растенія съ гладкими листьями, спѣшащія до зимнихъ морозовъ свершить свой жизненный циклъ.

Таковъ растительный міръ степей.

Животный міръ, какъ и можно ожидать, вполне подѣленъ растительному.

Прежде всего бросается въ глаза оригинальный міръ насѣкомыхъ. Среди всѣхъ отрядовъ первое мѣсто занимають прямокрылыя—сверчки, кузнечики, кобылки, саранча, богомолы и другія.

Какъ только покроется степь травянымъ покровомъ, открывается музыкальный сезонъ. И въ жгучій полуденный зной, и въ прохладныя ясныя ночи раздаются неумолчный оркестръ степныхъ музыкантовъ.

Здѣсь можно услышать и робкое пиликанье буровато-чернаго полевого сверчка, изъ скромности или трусости прячущагося въ земляныхъ щеляхъ, и звонкое стрекотанье зеленаго франта кузнечика, смѣло поднимающагося по зеленымъ стеблямъ на самое яркое солнце. Да ему и бояться-то нечего, такъ какъ зеленое одѣяніе дѣлаетъ его совершенно незамѣтнымъ среди яркой листвы. Другія его близкія родственницы, желтовато-бурныя кобылки, не любятъ яркой зелени и ищутъ убѣжища среди побурѣвшихъ стеблей и былиннокъ. Все это шумное, разноголосое населеніе чувствуетъ себя прекрасно на роскошномъ пирѣ природы. Имъ не приходится заботиться о завтрашнемъ днѣ, такъ какъ ихъ любимая пища—травянистыя растенія—находится вокругъ нихъ въ изобиліи.

Однако не всѣ прямокрылыя питаются исключительно растительной пищей, среди нихъ есть не только вегетаріанцы, но и любители мяса. Къ числу этихъ послѣднихъ относится прежде всего богомоль, скрывающій подъ скромной зеленой одеждой самыя кровожадныя наклонности. Цѣлые дни сидитъ онъ неподвижно среди зеленой листвы съ поднятыми передними хватательными ногами—и, какъ только какая-нибудь замечтавшаяся муха или другое насѣкомое неосторожно приблизится къ хищнику, вмгъ его цѣпкія ноги схватываютъ добычу, и счастливый охотникъ съ наслажденіемъ пожираетъ свою жертву.

Несмотря на то, что у степныхъ прямокрылыхъ есть много разныхъ враговъ, обиліе пищи часто влечетъ за собой чрезмѣрное размноженіе, и тогда они бывають вынуждены покидать опустошенныя родныя мѣста и искать себѣ пропитанія на сторонѣ, чѣмъ и объясняются пользующіяся столь печальною извѣстностью странствованія саранчи.

Жизнь степныхъ насѣкомыхъ, какъ и жизнь степныхъ растеній, находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ климата: когда наступаетъ засуха и безжалостное солнце сжигаетъ послѣдніе остатки растительности, всѣ прямокрылыя откладываютъ яйца болѣе или менѣе глубоко въ землю и, подобно луковичнымъ растеніямъ, поручають ей заботы о сохранности своего потомства, сами же умирають.

Способность производить призывные звуки при помощи тренія зубчатыхъ бедеръ заднихъ ножекъ о крылья или инымъ путемъ стоитъ, конечно, въ связи съ жизнью въ густой травѣ, гдѣ насѣкомымъ трудно найти другъ друга, особенно въ виду сильно развитой между ними такъ называемой покровительственной окраски, т.-е. окраски подѣ цвѣтъ окружающей обстановки. Только во время своихъ короткихъ перелетовъ многія изъ нихъ бросаются въ глаза болѣе яркой окраской заднихъ крыльевъ, въ сидячемъ положеніи обыкновенно тщательно спрятанныхъ подѣ темными передними крыльями.

Полную противоположность встрѣчаемъ мы у жуковъ-нарывниковъ. Эти гастрономы, объѣдающіе лишь лепестки цвѣтущихъ растеній, кото-

рыхъ такъ много въ степи весной въ началѣ лѣта, имѣють чрезвычайно изящную и яркую окраску. Черныя надкрылья ихъ изукрашены ярко-красными, оранжевыми или желтыми перевязками, благодаря чему жуки замѣтенъ уже издали. Но горе тѣмъ птицамъ, которыя прельстятся аппетитнымъ видомъ этихъ жуковъ: ихъ тѣло пропитано тѣмъ же ядовитымъ веществомъ, какое придаетъ испанскимъ мушкамъ всѣмъ известное нарывное свойство. Птицы прекрасно знаютъ это свойство жуковъ и развѣ только совѣтъ молодыя и неопытныя пробуютъ клевать ихъ. Такимъ образомъ яркая окраска жуковъ-нарывниковъ является какъ бы вывѣской ихъ несъѣдобности и можетъ быть названа предостерегающей окраской.

Нарывники тѣмъ легче могутъ жить въ степяхъ, что яйца свои они откладываютъ въ землю, а личинки ихъ питаются яйцами саранчевыхъ. Это послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ ихъ лучшими друзьями человѣка: они обыкновенно появляются во множествѣ въ Южной Россіи послѣ массоваго размноженія саранчи, которому и кладутъ предѣлъ своимъ размноженіемъ.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одного жука, знаменитаго „кузьку“, отъ котораго такъ страдаютъ поля на югѣ Россіи. Кузька питается молодыми сочными зернами злаковъ, которыхъ въ степи вполне достаточно, чтобы поддержать его существованіе; къ тому же его личинка цѣлыхъ два года живетъ въ землѣ и, слѣдовательно, не очень боится лѣтнихъ засухъ и зимнихъ морозовъ. Если же кузька размножился въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что цѣлые уѣзды лишаются изъ-за него своего хлѣба, виноватъ, конечно, самъ человѣкъ, распахавшій степь и засѣявшій ее хлѣбными злаками—любимою пищей кузьки.

Достоинъ упоминанія также священный копръ, или навозникъ. Этотъ жукъ скатываетъ изъ навоза шарики, величиною съ грецкій орѣхъ, откладываетъ въ нихъ свои яйца и затѣмъ катитъ ихъ до удобнаго мѣста, гдѣ зарываетъ въ землю. Иногда два жука катятъ такой навозный шаръ вмѣстѣ, и трудно сказать, помогаютъ ли они при этомъ другъ другу или просто одинъ жукъ пытается отнять у другого навозный шарикъ, приготовленіе котораго стоитъ большого труда.

Названіе священнаго дано этому жуку по слѣдующему поводу. Древніе египтяне подмѣтили эту странную привычку жука скатывать навозные шарики, но не знали, что жуки откладываютъ въ нихъ яйца, и думали, что навозный шарикъ прямо превращается въ жука, прахъ превращается въ совершенное животное. Отсюда жуки сдѣлались эмблемой воскресенія мертвыхъ, и ихъ изображенія, сдѣланныя изъ цѣпныхъ камней, стали хоронить вмѣстѣ съ покойниками.

За насѣкомыми ревностно охотится ихъ восьминогій врагъ, паукъ-тарантуль. Правда, онъ не можетъ здѣсь съ успѣхомъ разставлять сѣ-

тей, какъ это дѣлають его лѣсные родичи, такъ какъ въ степи нѣтъ высокихъ растений, къ которымъ онъ могъ бы ихъ прикрѣпить, но онъ и не нуждается въ сѣтяхъ. Подобно многимъ другимъ обитателямъ степи, онъ вырываетъ въ землѣ глубокія норки и проводитъ въ нихъ свѣтлые дневные часы. Лишь ночью онъ выходитъ на добычу и однимъ прыжкомъ бросается на беззащитныхъ насѣкомыхъ, которыхъ пронзаетъ своими ядовитыми крючковидными челюстями и затѣмъ съ жадностью высасываетъ.

Многочисленные насѣкомыя служатъ пищей также ящерицамъ, повсюду шныряющимъ въ густой травѣ и мало замѣтнымъ благодаря покровительственной, большею частью зеленой или бурой, окраскѣ. Особенно любопытна одна безногая ящерица—желтобрюхъ, или желтопузикъ, достигающая огромной величины—до двухъ аршинъ. Она живетъ въ норахъ и питается насѣкомыми. Это совершенно безобидное и беззащитное животное, и только сѣрый пѣвъ и быстрота движеній спасаютъ его отъ враговъ и въ частности отъ человѣка, который считаетъ желтобрюха за змѣю, боится и уничтожаетъ его, гдѣ можетъ.

Осенью съ исчезновеніемъ насѣкомыхъ пропадаютъ и ящерицы: онѣ зарываются въ землю и впадаютъ тамъ въ зимнее оцѣпенѣніе

На счетъ насѣкомыхъ же существуетъ и цѣлый міръ мелкихъ пернатыхъ. Изъ нихъ розовый скворецъ, ближайшій родственникъ нашего весенняго гостя, обыкновеннаго скворца, предпочитаетъ прямокрылыхъ всѣмъ другимъ насѣкомымъ, главнымъ образомъ саранчу, которую онъ истребляетъ массами. Онъ даже предпринимаетъ большими стаями дальнія странствованія за саранчей и является настоящимъ благодѣтелемъ для мѣстныхъ жителей, такъ какъ, помимо громаднаго количества съѣдаемой саранчи, онъ во много разъ большее количество ея умерщвляетъ, вѣроятно, изъ простаго удовольствія. Этотъ злѣйшій врагъ саранчи вмѣстѣ съ тѣмъ является признаннымъ другомъ человѣка и во многихъ мѣстностяхъ убить его считается настоящимъ грѣхомъ.

По части истребленія насѣкомыхъ со скворцомъ могутъ поспорить болѣе мелкіе представители пѣвчей семьи и изъ нихъ прежде всего различные жаворонки, настоящіе жители степей. Ихъ скромная коричневая съ пестриной окраска какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ цвѣтомъ побурѣвшей травы, среди которой они вьютъ свои гнѣзда и отыскивають кормъ.

Когда палящее солнце иссушитъ травы и погубитъ насѣкомыхъ, вся эта пернатая армія спѣшитъ убраться по добру по здорову и откочевываетъ въ другія, болѣе благопріятныя страны.

Особенно многочисленны въ степяхъ зерноядныя птицы. Всѣ онѣ болѣе или менѣе приспособились къ жизни на открытыхъ мѣстахъ. Однѣ изъ нихъ, напримѣръ перепелки, умѣютъ съ чрезвычайной быстротой бѣгать въ густой травѣ, и въ случаѣ опасности такъ ловко

прижиматься къ землѣ, что даже опытный глазъ степной хищной птицы лишь съ трудомъ можетъ высмотрѣть ихъ; другія же, болѣе крупныя, какъ стрепетъ и дрофа, по своей окраскѣ такъ подходятъ къ цвѣту пожелтѣвшей и побурѣвшей степной травы, что могутъ вполне спокойно разгуливать по степи, не боясь, что ихъ замѣтитъ зоркій глазъ хищника. Къ тому же онѣ крайне подозрительны и вѣчно насторожѣ.

Эти птицы до такой степени приспособились къ жизни въ степи, что утратили общую всѣмъ птицамъ привычку смазывать свои перья жиромъ, выдѣляемымъ хвостовой железой, благодаря чему перья не намокаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, такая привычка въ степи, гдѣ дожди такъ рѣдки, совершенно излишня. Однако же осенью, когда дожди выпадаютъ и въ степи и когда вслѣдъ за дождемъ вдругъ ударить морозъ, въ такъ называемую гололедицу, съ дрофами случаются большія непріятности: ихъ намокшія перья смерзаются и птицы становятся до такой степени безпомощными, что ихъ можно, какъ гусей, загнать прямо хворостиной во дворъ. Не мало гибнетъ ихъ въ это время какъ отъ степныхъ хищниковъ, такъ и отъ руки человѣка.

Въ числѣ степныхъ хищниковъ на первомъ мѣстѣ надо поставить хищныхъ птицъ. Крупные степные орлы могильники и беркуты цѣлыми часами парятъ высоко подъ облаками или терпѣливо и неподвижно сидятъ на вершинѣ степныхъ кургановъ, зорко выслѣживая въ травѣ всякую пернатую и четвероногую добычу. Стоитъ стрепету или дрофѣ слишкомъ увлечься отыскиваніемъ корма и не обратитъ во-время вниманія на движущуюся въ небѣ черную точку, какъ эта точка вдругъ вырастаетъ въ огромную птицу, которая какъ камень падаетъ на оторопѣвшую добычу.

Вмѣстѣ съ орломъ надъ степью парятъ и другіе болѣе мелкіе хищники, выскивающие въ травѣ зазѣвавшуюся мелкоту. Особенно богатую добычу доставляютъ этимъ степнымъ хищникамъ чрезвычайно многочисленную въ степяхъ мелкіе грызуны. И потому, когда осенью большая часть пѣвчихъ птицъ улетаетъ, а грызуны заблаговременно прячутся въ землю, для хищныхъ птицъ начинается тяжелая пора. Имъ приходится совершать громадные перелеты, чтобы снискать хотя бы скудное пропитаніе. И только весной, когда все въ степи оживаетъ, для хищниковъ вновь начинается пиръ: стая за стасй пролетаютъ птицы, а грызуны покидаютъ свои подземныя жилища, чтобы поразмять свои окоченѣлыя члены и покормиться ароматной и сочной весенней травой.

Какъ это ни странно, степные грызуны — обычная добыча хищниковъ — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ степныя растенія. Подобно имъ, они ищутъ спасенія отъ знойныхъ лучей лѣтняго солнца и леденящаго холода зимнихъ вьюгъ подъ землей, единственномъ возможнымъ убѣжищѣ въ безлѣсной степи. Байбакъ, сусликъ, хомякъ, земля-

ной заяцъ и всевозможныя полевки являются типичнѣйшими представителями степной фауны, и о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Байбакъ, на югѣ у насъ называемый также суркомъ, особенно любить ковыльную степь и часто поселяется въ ней большими колоніями. Каждая семья вырываетъ себѣ глубокую нору, при чемъ изъ выброшенной земли вокругъ выхода образуется продолговатый холмикъ. Такъ какъ въ колоніи байбаковъ такихъ холмиковъ бываетъ безчисленное множество, то она своимъ видомъ удивительно напоминаетъ покинутое кладбище. Однако, въ противоположность мертвому покою кладбища, здѣсь всюду кипитъ жизнь. Обыкновенно на холмикѣ располагается вся семья байбаковъ: старики предаются покою, молодые же играютъ или кормятся. Если осторожно приблизиться къ такой семьѣ, то послѣ минутнаго размышленія одинъ изъ родителей испускаетъ свистъ, на который дѣти тотчасъ же отвѣчаютъ, и всѣ стремительно бросаются въ ближайшій ходъ. На сосѣднихъ постройкахъ между тѣмъ семейная идиллія продолжается, пока приближеніе опасности не нарушитъ и ея. Впрочемъ, въ случаѣ нужды байбакъ мужественно защищается и прекрасно умѣетъ пускать въ ходъ свои острые зубы. Съ наступленіемъ осени байбакъ, въ это время чрезвычайно упитанный, уходитъ въ свою нору и постепенно впадаетъ тамъ въ спячку, просыпаясь лишь весной, когда живительныя лучи солнца вызовутъ на поверхность степи сочную зелень.

Другимъ обычнымъ степнымъ звѣркомъ является хомякъ. Подобно байбаку, онъ большую часть времени проводитъ подъ землей, но на зиму онъ предусмотрительно заготавливаетъ большіе запасы зеренъ и злаковъ, которые затѣмъ исподволь расходуетъ въ теченіе зимы. Этотъ маленький грызунъ вмѣстѣ съ похожими по образу жизни на байбака сусликами (или овражками) и полевыми являются настоящими врагами хлѣбныхъ полей; запашка степей не только не ведетъ къ ихъ истребленію, а, наоборотъ, часто вызываетъ чрезмѣрное ихъ размноженіе, такъ какъ зерна злаковъ составляютъ ихъ обычную пищу. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нашихъ степныхъ губерній суслики встрѣчаются въ такомъ количествѣ и наносятъ такой страшный вредъ хлѣбамъ, что тамъ существуетъ особая „сусликовая повинность“: каждый землевладѣлецъ (и крестьянское общество) обязанъ ежегодно представлять извѣстное количество сусличьихъ лапъ, пропорціонально количеству принадлежащей имъ земли.

Исключительно степнымъ животнымъ, совершенно не встрѣчающимся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, долженъ считаться земляной заяцъ, или тушканчикъ. Этотъ милостивый звѣрекъ питается преимущественно луковичками степныхъ растений и, слѣдовательно, никогда не чувствуетъ недостатка въ пищѣ. Къ сожалѣнію, наблюдать его приходится очень рѣдко, такъ какъ онъ прячется отъ солнечныхъ лучей въ свою нору, выходя изъ нея лишь ночью.

Какъ было уже упомянуто, на степныхъ грызуновъ усердно охотятся всевозможныя хищныя птицы и звѣри. Къ числу послѣднихъ прежде всего нужно отнести лисицъ и особенно волковъ, этихъ коренныхъ обитателей лѣса, промѣнявшихъ родныя чащи на просторъ степей. Они въ теченіе всего лѣта укрываются въ густыхъ бурьянахъ, въ заросшихъ кустарникомъ балкахъ, выводятъ тамъ дѣтенышей и повсюду находятъ себѣ обильную добычу, зато съ наступленіемъ зимы имъ приходится плохо и они цѣлыми стаями, голодные, рыщутъ по степи, съ трудомъ поддерживая свое существованіе.

Наконецъ, не такъ давно встрѣчались въ южно-русской степи и копытныя животныя: степная антилопа—сайгакъ и одичалая лошадь—тарпанъ. Въ настоящее время тарпаны лѣтъ 25 какъ истреблены окончательно, такъ какъ топтали посѣвы, а сайгаки отгѣснены въ киргизскія и прикаспійскія степи, откуда изрѣдка и забѣгаютъ еще въ юго-восточный уголъ Донской области.

Итакъ, мы видимъ, что на все, живущее въ степяхъ, будь то животное или растеніе, одинаковыя условія жизни наложили общій отпечатокъ. Большинство изъ обитателей степи умѣетъ зарываться въ землю и тамъ искать спасенія отъ губительныхъ лѣтнихъ жаровъ, съ изсушающимъ жгучимъ вѣтромъ, и отъ зимнихъ морозовъ, со снѣжными вьюгами и буранами. Многія изъ нихъ пріобрѣли весьма цѣнную въ необозримыхъ степяхъ способность перемѣщаться на громадные разстоянія или при помощи вѣтровъ, какъ мы видимъ то у растеній, или при помощи собственныхъ ногъ или крыльевъ, какъ это свойственно животнымъ. Кромѣ того, достойна вниманія та зависимость, въ какой находится здѣсь животный міръ отъ растительнаго. Весной, въ то время, когда степь представляется однимъ сплошнымъ цвѣтникомъ, безчисленное множество животныхъ оживаетъ ея; лѣтомъ, когда сочная растительность выгораетъ и остаются лишь немногія тощія растенія, животныя начинаютъ исчезать, кто куда можетъ: одни забираются въ свои подземныя убѣжища, другія откочевываютъ въ инныя страны, и наконецъ зимой, когда всѣ растенія исчезаютъ съ поверхности земли, степь совсѣмъ замираетъ и тогда въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ въ занесенной снѣгомъ и окутанной точно саваномъ степи завываніямъ снѣжной бури вторить лишь голодный вой волковъ.

Въ устьяхъ Волги.

(В. Немировича-Данченко.)

Мы плыли устьями Волги. Жара невыносимая, съ ума сойти можно. Всѣ въ поту, всѣ томительно оглядываютъ окрестности, не потянетъ ли откуда-нибудь прохлады: но, увы! Горные берега съ лѣсистыми холод-

ными ущельями, посылавшими намъ навстрѣчу свой освѣжающій вѣтеръ, отошли далеко назадъ... Второй день, направо и налево, мерещится чуть-чуть замѣтная зеленая полоска низменныхъ астраханскихъ степей... Нигдѣ она не всхолмится, нигдѣ не выпятится куполомъ или горбиною. Всюду однообразный камышъ. Недвижно замерли въ знойномъ воздухѣ ослѣпительно яркаго дня его метелки... Дрогнуть развѣ тамъ, гдѣ сквозь эту зеленую чащу, поближе къ водѣ подбирается кабанъ или проталкивается жалкій челнокъ рыболова, не глядя на неуказанное время, промысляющаго себѣ по захолустьямъ пустыннаго берега. Изрѣдка въ бинокль размотришь на берегу ватагу, вблизи затоновъ, тамъ, гдѣ въ Волгу вливается какой-нибудь протокъ. Кучка сѣроватыхъ построекъ кое-гдѣ еще подъ водою, только до половины видны дома. Каждая ватажка состоитъ изъ девяти построекъ. Въ рѣчку вдвигается плотъ, гдѣ принимаютъ и раздѣлываютъ рыбу, готовятъ икру, сушатъ вязигу. За плотомъ на берегу—„выхода“ тянутся съ ледниками, ларями, колодами, чаньями, амбарами для соли. Тутъ сумракъ и прохлада. Хотя тутъ воняетъ тузлукомъ да прогорклой рыбой, а все лучше, чѣмъ въ этомъ пеклѣ. Часто, гдѣ постояннаго плота нѣтъ или нельзя его поставить, потому что ледоходомъ срѣзаетъ берега, выходъ и лабазъ служатъ мѣстомъ очистки и приготовления рыбы. Только издали, съ палубы парохода, кажется, что выходъ примостился у самаго берега. Въ дѣйствительности онъ отодвинутъ иногда сажень на 200, иначе полонъ водой весь ледъ смоетъ... „Выходъ“ — собственно ледникъ для посола рыбы. Издали онъ кажется иногда зеленымъ бугромъ. Дѣло въ томъ, что къ сосновому остову выхода приваливаютъ земли, а поверхъ трава вырастаетъ, да треплется разное былье по его откосамъ. Освѣщеніе здѣсь сверху. Въ лабазахъ солятъ воблю, бѣшенку и другую частичковую рыбу. Тутъ, сверхъ лѣса, на постройку иногда гошъ и камышъ. Лабазъ издали виденъ надъ всѣмъ становищемъ ватаги; его нарочно на буграхъ ставятъ, чтобы подъ колоды не проникла смѣшавшаяся съ тузлукомъ подпочвенная вода. Издали между выходами да лабазами можно различить въ ватагахъ вѣшалы.

Вѣшалы для сушки рыбы весною ставятся тамъ, гдѣ мѣсто посткрытѣе и для солища, и для сторожевого глаза, иначе видимо-невидимо налетитъ всякой птицы и расклюетъ запасы. Шесты, или вертикальныя стойки, поддерживаютъ горизонтальныя жерди, на которыхъ связками развѣшиваютъ рыбу. Въ сѣровато-золотистой дымкѣ знойнаго воздуха развернется передъ тобою грома красивыхъ издали построекъ такой ватаги; только что замѣтишь на ослѣпительно сверкающемъ просторѣ рѣки бударку, за которой, должно быть, тянется плавная сѣть, какъ въ вискахъ застучитъ кровь, даже перехватитъ дыханье, — и, едва переступая, ползешь опять въ рубку.

Далеко впереди рѣка точно ошетибилась. Цѣлый лѣсъ мачтъ... Течение Волги тутъ было прямо, поэтому дали не пропадали за излучинами. Направо мелькнула какая-то кучка деревянныхъ построекъ, нѣ сколько юртъ и храмъ китайской архитектуры. Оказалось — калмыцкій базаръ, налѣво татарскія деревни, худыя, чахлыя какія-то... Попадется русское село,—оно кажется городомъ между ними. Щетина мачтъ впереди все растеть и растеть, за ними чуть-чуть мерещатся какіе-то бѣлыя силуэты, и нѣсколько искръ теплится въ знойномъ воздухѣ. Такимъ образомъ, еще едва различаемая, выступаетъ изъ сѣровой дымки горизонта Астрахань, съ ея бѣлымъ кремлемъ и куполами соборовъ и церквей. Точно снѣжная кайма за черными черточками судовъ. Кайма все опредѣляется, контуры ея дѣлаются рѣзче и рѣзче. Вотъ масса кремля уже вся видна, заслоняя собою однообразное марево малюпкихъ домовъ, устѣявшихъ береговъ... Вотъ громадный соборъ выступилъ и, несмотря на массивность свою, легко рисуется надъ темною массой судовъ и пароходовъ... Искры куполовъ сверкаютъ ярче и крупнѣе, точно звѣзды ночныя опустились на дремлющій городъ да такъ и остались на его красивыхъ колокольняхъ. Въ бѣломъ маревѣ домовъ—зеленыя пятна чахлыхъ бульваровъ и садовъ. А кремль все растеть и растеть. Скоро только его да соборы и видно... Все остальное заслонили мачты. И сколько ихъ тутъ, Боже мой! Тысячи самыхъ разнообразныхъ судовъ кипима кишать повсюду. Тутъ пыхтитъ пароходъ американскаго типа, точно цѣлый городъ на водѣ, тамъ какая-то каша изъ рыбницъ-лодокъ, маленькихъ шкунъ. Вотъ грузные морскіе пароходы привалили и замерли у пристани кавказо-меркурьевскаго порта, а тамъ, за ними, персидскія, ленкоранскія суда, лодки морскія съ устьевъ Куры изъ „Божьяго промысла“ *). Проходимъ мимо нихъ медленно,—еще чего добраго наткнешься на какую-нибудь лодку и пустишь ее ко дну. Ухо улавливаетъ смутный шелестъ безчисленныхъ флаговъ, говоръ разноязычной толпы, глазъ любопытно останавливается на матросахъ этихъ судовъ. И все это обугленное, солнцемъ спаленное, рваное. Черныя лица, черныя глаза, черныя волосы, руки точно сажей выпачканы. Далѣе, на противоположномъ берегу, замерещились какіе-то громадные срубы. Это выходы астраханскихъ богачей, ихъ промысловыя факторіи. Туда привалила пропасть рѣчныхъ судовъ. Иныя уже до половины мачты нагружены разною рыбою—точно бѣлыя массы какія-то. Вонъ отъ рыбы стоятъ въ воздухѣ. Мимо снуютъ буксирные пароходы, за ними — десятками баржи. А позади бѣлый городъ стоитъ, точно мертвый, надъ этой суетою и движеніемъ. На улицахъ пусто... тихо... Пара извозчиковъ у пристани... Въ дверяхъ лавокъ, точно каменные, стоятъ нерсы и армяне.

---

*) Такъ называется мѣсто, гдѣ ловятъ рыбу близъ устьевъ Куры.

— Не завидуемъ мы вамъ! — напутствовали меня на пароходъ туристы, отправлявшіеся прямо въ Каспійское море.

— Отчего?

— Погодите. Столица ногайскихъ хановъ покажетъ вамъ себя. Изжаритесь на солнцѣ и съ голоду умрете.

Картина крайне непривлекательна. Жариться на солнцѣ я началъ еще съ утра. Астрахань въ этомъ отношеніи оказалась очень непривѣтлива.

Когда я сошелъ на пристань, толпа валила со всѣхъ сторонъ, и какая толпа! Зеленые халаты и пестрыя чалмы бухарцевъ, черныя чухи расшитыхъ позументами армянъ, высокіе конусы персидскихъ бараньихъ шапокъ, голыя груди и лохмотья калмыковъ, сѣрые кафтаны ногайскихъ татаръ... Лица — одно оригинальнѣе другого, совершенно намъ чуждыя, то скуластыя мѣдно-красныя, съ остро-сверкающими изъ косыхъ щелоковъ глазами, безбородыя; то правильныя красивыя фізіономіи персовъ, съ длинными красными бородами и черными, но совершенно безжизненными глазами; сухія, словно внизъ вытянутыя, ногайскія лица и толстыя, раскормленные лукавыя бухарцы. Въ толпѣ порою мелькають длинныя бѣлыя чадры армянокъ; вся въ красномъ, гремя серебряными монетами безчисленныхъ своихъ подвѣсокъ, пробирается богатая калмычка, а тамъ въ сѣромъ мѣсивѣ бѣдняковъ-ногайцевъ, въ ихъ сѣрыхъ валеныхъ шляпахъ, желтое пятно гелюнга *) съ желтымъ суконнымъ блиномъ на головѣ. А вотъ и красныя рубахи русскихъ поволжанъ вспыхнули. Вся эта восточная толпа молча дѣлаетъ свое дѣло, только русскіе горланятъ во всю мочь, перешучиваясь съ астраханскими казаками, между которыми тоже не мало скуластыхъ калмыцкихъ лицъ. Вонъ кучка ногайскихъ носильщиковъ въ сторонѣ. Чахлые, худые, лица истомленные, просто смотрѣтъ жаль на этихъ прежнихъ властителей Астрахани.

Астрахань въ древности была жалкою татарскою деревушкою, на и теперь смотреть не русскою; все какою-то басурманскою окраинною кажется она туристу, привыкшему къ великорусскому населенію нашей Оки и Волги... Чужой говоръ, обличье чужое... Гостиами мы здѣсь до сихъ поръ сидимъ, и, право, любой персъ или армянинъ гораздо лучше чувствуетъ себя въ этомъ ханскомъ городѣ, чѣмъ заѣзжій русскій, которому все здѣсь въ диковину, начиная отъ зеленыхъ халатовъ бухарцевъ до скуластыхъ богатырей, отъ полукитайскаго хурула до ивяной, въ ростопель заливаемой водою, мазанки несчастнаго ногая...

Пристань „Кавказа и Меркурія“, сплошь залитая народомъ, составляетъ часть бывшаго астраханскаго порта, который на 15 лѣтъ пере-

---

*) Гелюнгъ — духовное лицо у калмыковъ.

данъ въ пользованіе обществу. Портъ составляетъ единственно прохладное мѣсто среди астраханскаго пекла. Тутъ масса зелени, тѣнистыя аллеи, канавки... дышать можно! Здѣсь же единственная на всю Астрахань купальня. Направо и налево большія зданія, амбары, мастерскія. Вездѣ видно крупное и кипучее дѣло. Изъ конторы въ контору снуютъ дѣловой людъ. Тутъ армянинъ сдаетъ свой грузъ судовому приказчику, тамъ бойкій саратовскій мѣщанинъ, разсыпая тысячи остротъ и прибаутокъ, приторговывается къ лещу и судаку. Капитаны пароходовъ озабоченно суетятся между пристанями; кучка зачѣмъ-то попавшихъ сюда съ судна эмбенскихъ рыболововъ разлеглась въ тѣни громаднѣхъ вязовъ и спитъ себѣ спокойно среди общей суеты и страшнаго зноя.

Я оставилъ пароходъ позднѣе другихъ пассажировъ. Благодаря этому обстоятельству извозчиковъ я уже не нашель. Мнѣ предстоялъ немалый путь по улицамъ Астрахани подъ жгучимъ солнцемъ. На каждой я высматривалъ извозчика—нѣтъ какъ нѣтъ, и только черезъ пять или шесть улицъ, въ конецъ утомленный и испеченный, наткнулся я на возницу несчастнаго и растерзаннаго вида.

Улицы, по которымъ я пробирался, сплошь застроены небольшими много-много двухъэтажными каменными домами. Внизу—родъ складовъ. Или вовсе нѣтъ оконъ, или узенькія бойницы какія-то съ тюремными рѣшетками, вверху жилия комваты, должно быть, но тоже съ очень маленькими окошечками. Впечатлѣніе монументальности производитъ только кремль, бѣлыя стѣны котораго безнадежно слѣпятъ вамъ глаза и отражаютъ на васъ солнечные лучи, когда вы проходите мимо. Тѣмъ не менѣе ихъ облупившіяся массы, старинныя башни, производятъ на васъ, среди всей этой татарщины, странное впечатлѣніе. Точно въ какое-то сказочное царство попалъ!.. На карнизахъ ихъ полуобваливающихся стѣнъ черными точками усѣлись вороны. По дорогѣ тоже неподвижно торчатъ онѣ, не уходя отъ васъ и широко раскрывъ рты. Видно и имъ жара не по силамъ. Изрѣдка попадетъ вамъ на всей этой громадной площади живая душа, да и та окажется несчастнымъ ногайцемъ, или наткнетесь вы на безпечно спящаго въ бѣломъ, точно мѣловомъ, пескѣ калмыка.

Въ тѣни одной стѣны расположилось что-то въ родѣ базара. Городскія мѣщанки сидятъ, какъ вороны, въ рядъ и неподвижно... Передъ ними разное старье, но кто его покупаетъ—вопросъ. Минуть пятнадцать я отдыхалъ въ тѣни этой стѣны и не видѣлъ ни одного покупщика.

А бѣлая пыль по улицамъ, — что это за пытка для пѣшехода. Нечего и говорить, что какова бы ни была погода, хотя вѣтра и нѣтъ, вы черезъ нѣсколько минутъ оказываетесь осыпаннымъ мукою—мельникомъ. Пройдетъ ли извозчикъ, взбудоражить эту мельчайшую пыль, и она

часть стоять въ воздухѣ и не осѣдаетъ. Вы ею дышите, она засоряетъ вамъ глаза, въ ротъ лѣзетъ, въ носъ, въ уши. А чуть вѣтерокъ въ этомъ пеклѣ поднимается—нисколько не легче. Васъ только овѣиваетъ новыми волнами зноя, при этомъ пыль буквально заполняетъ все, и какая-то ѣдкая, возбуждающая постоянный кашель.

Мертвыя улицы, мертвые дома... На улицахъ никого; дома точно очки зеленые надѣли—вездѣ жалюзи спущены, а въ армянскихъ и татарскихъ попросту ставни закрыты. Зато такъ прохладно должно быть за этими ставнями, я какъ вы, несчастнѣйшіе изъ пѣшиходовъ, завидуете тѣмъ счастливымъ, которые находятся тамъ, въ этой тѣмѣ, внутри этихъ домовъ, за ставнями. Ёдешь по этимъ улицамъ на извозчикѣ точно по подушкамъ. Надо полагать, тутъ на аршинъ пыли—не меньше!

Вотъ персидскій дворъ и базаръ—громады бѣлокаменные съ колоннами. Сидя на ступеняхъ своихъ лавокъ, сладко дремлютъ персы. Позади ихъ цѣлые вороха фруктовъ и дешевыхъ мануфактуръ. Тамъ же склады желѣза, мѣди, посуды, бумаги: писчей и оберточной, бумажныхъ и другихъ тканей; отсюда повезутъ все это на рынки Астрабада, Мешхеда, Тавриза, Испагани и т. д., чуть не до Герата, за которымъ уже начинается царство англійской промышленности. Рядомъ съ этими складами, хранимыми персами, — другіе; тамъ сложены грузы, получаемые взаимно поименованныхъ мною товаровъ изъ Персіи и Средней Азіи; тутъ хлопчатая бумага цѣлыми горами, шелковыя пестрыя ткани, древесный клей, столь полезный и столь отвратительный, пшено, фрукты и чернильные орѣшки. Вотъ цѣлый рядъ бурдюковъ, ногами вверхъ. Видно, матрасинскаго вина навезли... Запахъ его далеко преслѣдуетъ васъ; около снуютъ армяне въ своихъ чухахъ и фуражкахъ. Лавки въ этомъ гостиниомъ дворѣ точно черныя пещеры. Проходишь мимо и опять-таки завидуешь въ этотъ зной, какъ тамъ должно быть свѣжо и прохладно.

На другой день я отправился осматривать рыбные промыслы. Большая лодка уже ожидала насъ у пристани. Какъ нарочно, на краю мертваго и безлюднаго города—здѣсь у воды, несмотря на пекло, толпилась масса празднаго люда. Кучами сидѣли на берегу, перебалтывались другъ съ другомъ, неопредѣленно поглядывая вдаль, или просто стали въ тѣнь, гдѣ ея былъ хоть клочокъ. Поминутно люди съ противоположнаго берега подвозили рабочихъ или здѣшніе отчаливали туда. Но эта жизнь была похожа на оазисъ въ мертвой пустынѣ. Немножко подальше отъ берега и въ сторону—все такъ же недвижно. Не шелхнется струя въ остеклѣвшей рѣкѣ, не дрогнетъ застоившееся у берега судно, не шевельнется никто на его палубѣ. Все тихо, все точно заснуло. Рѣка вся такъ и сверкала солнечными бликами.

Астрахань мало-по-малу отходила отъ насъ. Пароходы, суда, лодки

сливались въ одно пестрое маревъ, по мѣрѣ того, какъ передъ нами выростали массы факторій, загромаждавшія противоположный берегъ... На сѣромъ фонѣ его выдѣлялись все отчетливѣе и отчетливѣе сотни промысловыхъ судовъ. Мимо то и дѣло проскакивали, суетливо фыркая и попыхивая дымкомъ, буксирные пароходы съ массами пестрыхъ баржъ. Одни кверху тащились, другіе ползли внизъ къ Бирючей косѣ и еще дальше.

— Прежде чѣмъ выйдемъ на берегъ, не хотите ли посмотрѣть погрузку рыбы въ баржу?

На палубѣ штабелями были уложены чрезвычайно плотно лещъ и сазанъ, правильными слоями, одна на другую, бочками внизъ— „ребромъ“, какъ называютъ здѣсь; бабы въ холщевыхъ рубахахъ и холщевыхъ штанахъ голыми пятками придавливаютъ массу сушеной рыбы, чтобы она занимала какъ можно менѣе мѣста, или просто сидятъ на рыбѣ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ.

Между бабами, работающими на пристаняхъ, въ выходахъ, на баржахъ, нѣтъ ни одной русской. Все это астраханскія казачки или бабы изъ окрестныхъ селеній. Здѣсь онѣ кормятся, даже многочисленныя семьи свои содержатъ.

Мы вышли на берегъ.

— Я вамъ покажу прежде всего самый громадный изъ нашихъ выходовъ. Это выходъ одного здѣшняго купца,—и спутникъ повелъ меня къ большимъ строеніямъ, обращеннымъ лицевымъ фасадомъ къ Волгѣ. Я радъ былъ идти куда угодно, потому что жара донимала меня злѣйшимъ образомъ.

Представьте себѣ, какое наслажденіе я долженъ былъ почувствовать, когда изъ этого ада попалъ прямо въ прохладный, хотя и неистово вонявшій соленою рыбой погребъ. Глаза отдыхали отъ яркаго солнечнаго свѣта, ослѣпительнаго и въ бликахъ на рыбѣ, и въ отраженіи отъ бѣлаго камня...

Передъ нами длинная галерея, посредиѣ опускающаяся на столбы весьма почтенныхъ размѣровъ. Освѣщеніе сверху скудное, но достаточное, когда къ нему приглядишься. Нога уходитъ въ какую-то сякоть, образовавшуюся отъ тузлука съ остатками рыбьихъ продуктовъ. Доски подъ ногами часто подаются, и въ скважины, точно изъ-подъ опускающагося подъ вами льда весенней воды, выходитъ тотъ же рыжій, вонючій тузлукъ.

Для постройки такого выхода нужно прежде всего вырыть въ землѣ очень глубокую яму, утрамбовать дно ея, залить известкой и настлать хорошими досками. Все это дѣлается у большихъ хозяевъ солидно, въ крупныхъ размѣрахъ, не жалѣя денегъ. Вырытое пространство представляется громаднымъ ящикомъ-ларемъ. Сверху на него настилается

уже полъ, по которому вы ходите, попирая рыбныя богатства, сложенные въ этомъ ящикѣ. Надъ ящикомъ строится галлерей — три сажени въ ширину. Столько же и ящикъ имѣетъ глубины. Кругомъ галлерей двойныя стѣны, между которыми вдоль набито льду, толщиной въ 13 четвертей. Ящикъ подъ вами перегораживается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ помѣщений. Изъ нихъ идущіе между столбами отъ входа къ выходу по длиннику называются колодами, а боковые, поперечные къ нимъ — ларями. Такимъ образомъ въ одинъ громадный ящикъ вложено множество другихъ. Сверху, надъ выходомъ, дѣлается накатъ и густо засыпается землею, предохраняющею ледъ отъ дѣйствія солнечной теплоты. Въ самой галлерей на этомъ полу, или, лучше, на платформѣ, прикрывающей колоды и лари, масса бочекъ громадныхъ размѣровъ для уральской рыбы, хранящейся внизу. Все это здѣсь поражало массивностью, плотностью и прочностью.

Подхожу ближе. Громадные куски бѣлуги, въ каждомъ, пожалуй, пуда два, а то и всѣ три, обмываются женщинами очень старательно, но и оригинально въ то же время. Увѣсистый кусъ швыряютъ на полъ и затѣмъ начинаютъ его обтирать швабрами. Отполируютъ одну сторону, перевернутъ на другую. Потомъ швыряютъ его въ ларь. Такимъ образомъ очищается здѣсь раздѣленная равѣ на куски бѣлужина, доставленная съ приморскихъ ватагъ или подряженными ловецкими артелями. Бѣлужина какого-то бурога цвѣта и далеко не аппетитнаго вида. Но потомъ, когда я ее попробовалъ въ астраханскомъ приготовленіи, пришлось согласиться, что не всякое золото блеститъ. Вкусъ ея былъ очень хорошъ, хотя и не для брезгливыхъ людей... Раздѣлываютъ бѣлугу такимъ образомъ на плоту и уже потомъ свозятъ въ холодные выхода для посола въ ларяхъ; но прежде продержатъ ее часовъ шесть на ларяхъ, чтобы она приняла одинаковую температуру съ тузлукомъ. Затѣмъ дня на три бросаютъ ее въ тузлукъ (старый, отъ прежней рыбы), послѣ чего ее вымываютъ, сортируютъ и перекладываютъ рядами въ порожніе лари, покрывая каждый рядъ рыбы толстымъ слоемъ соли. Такимъ образомъ рыбою наполняютъ $\frac{2}{3}$ ларя, оставляя треть его для тузлука уже новаго, образующагося изъ рыбы. На пудъ бѣлуги вообще уходитъ здѣсь около 15 фунтовъ соли.

— Во что обойдется поставка такого выхода, какъ этотъ? — заинтересовался я.

— Тысячъ въ шестьдесятъ...

Емкость такихъ ларей громадна. За ларями стоитъ нѣсколько досчаниковъ съ солью.

Вотъ и берегъ Волги, противоположный Астрахани. Тюлений выходъ еще издали даетъ знать себя. Такъ и пахло жировымъ смрадомъ, точно лежалая загнившая ворвань пускаетъ духъ отъ себя. на всѣ четыре страны свѣта.

— Аль не нравится?

— Ничего...

— Приѣзжіе, которые—господа очень не одобряютъ.

Пока еще мы добрались до духовитаго звѣря, пришлось опять пройти мимо цѣлаго ряда бабъ въ штанахъ. Ихъ было здѣсь болѣе двухсотъ, всѣ онѣ вытянулись въ одну линію вдоль пристани; однѣ изъ нихъ моютъ мелкую рыбу веревочными тварами и бросаютъ ее затѣмъ къ другому ряду, гдѣ прокалываютъ ее сквозь глаза и нанизываютъ на петли по нѣскольку штукъ. Все гуще и гуще пахло тюленьимъ жиромъ. Вѣтромъ потянуло оттуда.

— Приготовьтесь къ очень неприглядной картинѣ промысловаго обихода!—предупредили меня.

— А что?

— Въ выходахъ скверно, потому что вездѣ на полу тузлукъ просочился и стоитъ лужами, а тутъ еще хуже будетъ!

Здѣсь, въ устьяхъ Волги и на Каспій, изъ тюленьихъ породъ водится только каспійскій тюлень. Лѣтомъ онъ цѣлыми косяками уходитъ въ глубины моря, подальше отъ береговъ, а съ первыми осенними холодами передвигается къ берегу восточнѣе Астрахани. Стада тюленей всегда можно предугадать по цѣлымъ тучамъ чаекъ, вьющихся надъ ними; дѣло въ томъ, что звѣрь этотъ, питаясь частичковыми рыбами, объѣдаетъ одну только спину, остальное бросаетъ, чѣмъ, разумѣется, пользуются пернатые промышленники.

Весной, когда льды разносятся, тюлень слѣдуетъ за пловучими громадами ихъ и выходитъ на эти движущіеся и постоянно тающіе подъ знойнымъ солнцемъ юга острова и располагается на нихъ, пока уже окончательно не на чемъ будетъ нѣжиться. Зимой, попадая подъ ледъ, они дыханіемъ производятъ въ немъ воронья, отверстія—„продухи“, сквозь которые выходятъ на воздухъ или просто просовываютъ въ нихъ морды.

Интересно видѣть, какъ тюлени спятъ. Лежа спиною на водѣ, они качиваются волненіемъ, какъ въ колыбели, и только водяныя брызги отъ дыханія летятъ, сверкая, во всѣ стороны. Чтобы поближе прискватъ пищу, а въ случаѣ опасности укрыться самимъ, во льду самки дѣлаютъ продушины — лазки.

Въ первую недѣлю тюленята называются „бѣлками“, дней черезъ десять линяютъ, покрываются мѣстами грубою шерстью. Въ это время съ 3—7 фунтовъ вѣса они достигаютъ до 25. Недѣли черезъ три бѣлекъ дѣлается сиваремъ, т.-е. сѣрымъ, и уже достигаетъ полутора пуда вѣсомъ. Тутъ онъ уже ловится для жира. Годовалый тюлень вѣситъ отъ 2—2½ пуд. Съ марта сиварь худѣетъ и къ апрѣлю теряетъ половину вѣса, а въ маѣ отъ него остается только кожа до кости; онъ вѣситъ въ этотъ періодъ всего 10 фунт. Рѣдко, рѣдко тюлени достигаютъ 5½ пуд.

Добываютъ тюленей здѣсь или весной, или зимой. Весной, какъ только погода и состояніе моря позволяютъ пуститься на промыслы, выходятъ на морскихъ лодкахъ, управляемыхъ хорошими кормищами, къ Святому и Подгорному островамъ (у Мангшлакского полуострова). Тутъ, какъ только льда не стало, косяки тюленей залегаютъ и линяютъ. Окончивъ бой, промышленники сейчасъ же возвращаются въ Астрахань. Нѣкоторые промышленники уходятъ на круглый годъ, назначая зимовку на островъ Кулалы, въ это неприглядное на Каспій время года. Съ 1-го февраля начинается зимній ловъ. Тутъ тюленя преслѣдуютъ, когда онъ выходитъ на пловучія льдины.

Тюлений промыселъ производится тремя способами: звѣря бьютъ на островахъ, гоняютъ въ ставныя сѣти и добываютъ на льдинахъ.

Больше всего бьютъ тюленя на островахъ. На островъ Кулалы — сборномъ пунктѣ промышленниковъ — устроены для этого казарма и домъ. Въ немъ помѣщается тюлений смотритель. На зиму здѣсь остается до трехсотъ ловцовъ. Всѣ охотники, по закону, должны начинать промыселъ непременно вмѣстѣ, въ одно время. Въ какой-либо бухтѣ острова Кулалы они собираются и ждутъ условленнаго сигнала. Осенью и весной тюлень, какъ уже сказано выше, выходитъ на острова отдыхать. Промышленники подбираются на лодкахъ, стараясь быть подъ вѣтромъ, иначе звѣрь, обладающій чрезвычайно тонкимъ чутьемъ, не подпуститъ ихъ къ себѣ и на пушечный выстрѣлъ.

Когда со сторожевыхъ лодокъ дано знать, что тюленя на островѣ много, ловцы высаживаются ночью на берегъ и подъ предводительствомъ забойщика или атамана ползутъ къ юрочьямъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы охотникамъ, выровнявшись въ линію, занять позицію между тюленьими косяками и моремъ. Забойщикъ подаетъ условленный знакъ, и вся партія кидается на жирующаго звѣря.

Бьютъ тюленя чекушами, или колотушками, прямо въ морду. Одного удара, если промышленникъ ловокъ, бываетъ вполне достаточно. Багромъ добычу отбрасываютъ назадъ, чтобы не мѣшала, и бьютъ второго, третьяго, четвертаго и т. д. Такимъ образомъ бьютъ передовыхъ тюленей, изъ которыхъ составляется валъ. Остальные встревоженно мечутся въ западнѣ, но выбраться изъ нея не могутъ и по очереди падаютъ подъ колотушками ловцовъ.

Все это совершается ночью. Съ разсвѣтомъ нужно освѣжевать звѣря, т.-е. отрубить ему голову, распоротъ животъ и вынуть внутренности, которыя со всѣми непригодными остатками или выбрасываются въ море или зарываются въ землю. Тюленья шкура вмѣстѣ съ толстымъ, въ ладонь, слоемъ сала отвозится съ поля битвы къ кусовымъ лодкамъ, складывается въ трюмъ и солится для отправки въ Астрахань. Весенній бой тюленя оканчивается къ 1-му іюня, осенній же начинается съ 15-го августа.

Гонка тюленя въ ставныя сѣти принята въ той части волжскаго устья, которая, будучи извѣстна подъ именемъ Синяго морца, образуетъ прѣсноводный заливъ. Промышленники собираются на лодкахъ, числомъ не менѣе 24, и избираютъ двухъ атамановъ, изъ коихъ одинъ называется черневымъ, или береговымъ, а другой — морскимъ. Въ каждой гонной лодкѣ — два гребца и кормщикъ. При нихъ, кромѣ сѣстныхъ припасовъ, по два ахана и шести. Аханъ—ставная сѣть съ ячейми въ $4\frac{1}{2}$ вершка въ квадратъ; она пятнадцати сажень въ длину и двѣ сажени въ ширину. Лодка черневого атамана держится параллельно землѣ; лодка морского забойщика уходитъ въ море, другія же лодки располагаются между ними, въ разстояніи одна отъ другой не менѣе 150 саж. Морской атаманъ, замѣтивъ вынырнувшихъ тюленей и надъ ними цѣлую тучу чаекъ (вѣрный признакъ приближенія косяка), тотчасъ же поднимаетъ флагъ. Береговой атаманъ въ свою очередь уменьшаетъ ходъ своей лодки, тогда первый старается какъ можно скорѣе окружить мѣсто, гдѣ заключены тюлени, и соединиться съ черневымъ. Оба атамана составляютъ такимъ образомъ полукругъ и съ шумомъ и крикомъ гонятъ тюленя отъ берега въ море, хлопая притомъ колотушками о борты лодокъ. Въ это время восемь среднихъ бударокъ — „замѣтная“, какъ ихъ называютъ здѣсь,—спѣшать выставить аханы навстрѣчу плывущему тюленьему косяку. Устраиваютъ такъ, что звѣрь, куда бы онъ ни кинулся, только путается въ сѣти, откуда его и выбагриваютъ, а всплывающихъ наверхъ бьютъ.

Бой тюленя на льду хотя и запрещенъ закономъ, практикуется однако часто, для чего промышленники подъ начальствомъ опытнаго, хорошаго забойщика отправляются въ саняхъ къ окраинѣ льда, удаляясь иногда такимъ образомъ отъ берега верстъ на семьдесятъ и болѣе. Попавъ на косяки, состоящіе изъ самокъ съ дѣтенышами - бѣльками, промышленники стараются перебить ихъ прежде, чѣмъ они доберутся до лазковъ. Въ этомъ случаѣ не только колотятъ ихъ чекушками, но и изъ ружей стрѣляютъ.

Тутъ-то именно и случаются на Каспійскомъ морѣ тѣ промысловыя драмы, которыми такъ богатъ сѣверный океанъ. Поднимается вѣтеръ отъ земли, отрываетъ льды отъ морского берега и уноситъ ихъ въ открытое море. Когда промышленники опомнятся, уже поздно. Десятки верстъ лежатъ между окраинами ихъ пловучаго острова и землею. Кругомъ негостепріимное, холодное море. Царство зимы добиваетъ несчастныхъ стужей, голодомъ, если вѣтеръ не переменится и не пригонитъ ихъ назадъ. Льды часто пробиваютъ и лодки промышленниковъ, которыя съ моря подбираются къ тюленевымъ косякамъ. Тутъ все же легче ловцамъ. Вытащилъ хотя бы и на пловучую льдину свою лодку, опрокинулъ ее дномъ вверхъ, законопатилъ и опять спускай въ море — и

чудесно! На санкахъ такъ не обернешься, почему каспійскимъ тюлене-боямъ и случается зачастую гибнуть.

По мѣрѣ того, какъ мы подходили къ тюленьему выходу одного богатаго купца, кружокъ нашъ все рѣдѣлъ; одни за другими отставали отъ насъ даже мѣстные промышленники. Слишкомъ ужъ отвратителенъ былъ запахъ. Ворвань такъ и обносило насъ. Столько испареній отъ нея, что, кажется, глотаешь этотъ отвратительный жиръ вмѣстѣ съ воздухомъ. Сюда привозятъ добычу тюленьяго промысла тушами, т.-е. кожу съ саломъ, которое соскабливаютъ ножами. Сало сваливаютъ въ чаны, гдѣ оно подвергается у менѣе состоятельныхъ хозяевъ просто дѣйствию солища, а у болѣе богатыхъ въ чаны эти проведены трубы изъ паровика.

Самый лучший жиръ — самотекъ, образовавшійся именно отъ дѣйствія солнечныхъ лучей; посредствомъ пара добывается второй сортъ, дешевле цѣнимый въ продажѣ. Здѣсь все пропитано этимъ жиромъ. Имъ дышать, онъ осаживается на лицо, на платье. Жиръ внизу, на полу, жиръ капаетъ съ потолка, жиръ на стѣнахъ, точно эти деревянные брусья потѣютъ ворвань. Куда ни сунешься — рыжевато-черныя капли и лужи. Столбы, перекладины покрыты жировыми осадками, захочешь облокотиться — пятно, рукой дотронуешься — противное, вонючее сало на ладони и пальцахъ. Какіе-то ящики; приглядываемся: оттуда еще сильнѣйшею вонью разить. Оказывается — жировые остатки. Только что сунешься куда-нибудь — попадешь на горячій, обдающій васъ сильнымъ паромъ жиръ. Рабочіе точно тюлени, съ которыхъ кожа ободрана, лицо жиромъ потѣетъ, съ рукъ капаетъ, сапоги ворванью покрыты, кажется, положи каждаго изъ нихъ подъ кранъ, такъ струей и потечетъ сало... Тутъ же обрабатываютъ и кожи тюленей; ихъ слегка солятъ и сушатъ. Изъ кожъ взрослыхъ приготавливаются обивка на сундуки, ранцы и т. д. Жиръ отсылается на мыловаренные заводы въ Москву, Казань и другіе города.

Какъ я вздохнулъ свободно, когда намъ привелось оставить выходъ. Даже пекло астраханское показалось раемъ послѣ этого царства ворвани и смрадныхъ тюленьихъ шкуръ.

К а л м ы к и.

(По Житецкому, Сырневу и др.)

Въ западной части Астраханской губерніи живутъ потомки смѣлыхъ и свободолюбивыхъ калмыковъ, когда-то державшихъ въ страхъ русское и татарское населеніе нашей южной окраины. Полтора вѣка, до второй половины 18-го столѣтія, калмыки то и дѣлали, что „грабили русскихъ, брали въ полонъ и учуги разоряли“. Обстоятельства съ тѣхъ поръ рѣзко измѣнились. Большая часть калмыцкихъ семей ушла об-

ратно туда, откуда они нагрянули въ Европу,—въ степи центральной Азіи.

Теперь на огромномъ пространствѣ западныхъ уѣздовъ Астраханской губерніи кочуетъ не больше ста тысячъ калмыковъ.

Калмыка не легко по наружности отличить отъ киргиза. Средняго роста, коренастый, съ плоскимъ, скуластымъ лицомъ, калмыкъ какъ бы подчеркиваетъ своею наружностью всѣ наиболѣе типичныя признаки монголовъ. Черные прямые волосы, жидкая, поздно вырастающая борода и узковатые „калмыцкіе“ прорѣзы глазъ на желто - красномъ смугломъ лицѣ дополняютъ наружность калмыка.

Рѣдко калмыки живутъ отдѣльными юртами. Каждая группа родственниковъ образуетъ „хотонъ“. Нѣсколько близкихъ хотоновъ соединяются въ „аймакъ“, а послѣдніе группируются въ такъ называемыя улусы, числомъ семь. У калмыковъ есть и свое дворянство — нойоны. Они ведутъ происхожденіе отъ хановъ, бывшихъ владѣтелей калмыцкаго народа. Не такъ давно существовала (до 1892 года) и крѣпостная зависимость простолюдиновъ калмыковъ по отношенію къ нойонамъ. Зависимость эта выражалась главнымъ образомъ въ томъ, что всѣ калмыки должны были платить подать нойонамъ, довольно высокую по размѣрамъ— 7 р. 14 коп. съ каждой кибитки. Нойонъ пользовался въ своемъ округѣ огромнымъ вліяніемъ и почетомъ. Они жили въ роскоши и богатствѣ, получая ежегодную дань съ своихъ подчиненныхъ и ничего сами не дѣлая для нихъ. Это была одна изъ самыхъ несправедливыхъ повинностей. Для управленія аймаками нойоны раздавали ихъ обыкновенно своимъ родственникамъ, получившимъ званіе зайсановъ. Впослѣдствіи изъ этихъ, вначалѣ назначаемыхъ, правителей образовалось особое наслѣдственное сословіе зайсановъ.

Теперь калмыки закономъ освобождены отъ уплаты подати и подчиненія нойонамъ. Они имѣютъ всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей и подати платятъ прямо въ казну по 6 рублей съ кибитки.

Не отъ однихъ нойоновъ терпѣли калмыки. Донимало ихъ взятками и разнаго рода поборами изобрѣтательное чиновничество. Голодный, забитый калмыкъ считалъ себя счастливымъ, если его на нѣкоторое время оставляли въ покоѣ нойоны и начальство. До сихъ поръ калмыкъ держится въ сношеніяхъ съ русскими приниженно, какъ бы чувствуя себя виноватымъ. Раболѣпство передъ сильными, покорность и льстивость, когда чувствуютъ свое безсиліе, грубость и дерзость, если чувствуютъ свою силу, составляютъ отличительныя черты калмыковъ.

Не такъ относится калмыкъ къ своимъ. Всѣ хорошія стороны своей природы онъ хранитъ для своихъ сородичей. Своимъ они всегда готовы оказать услугу, необыкновенно честны въ данномъ словѣ, искренни и доброжелательны.

Во владѣніи калмыковъ необозримыя астраханскія степи праваго берега Волги, около 5 милліоновъ десятинъ. Недавно правительство надѣлило калмыковъ землею—войнамъ было отведено по 1.500 деся-

Калмычна.

тинъ, зайсанамъ по 400 десятинъ, а простолюдинамъ отъ 20 до 60, смотря по качеству избираемой земли.

Лучшая часть калмыцкихъ земель—Ергени, лежащія по склону отъ донской равнины къ низменнымъ степямъ астраханскимъ. Они тянутся болѣе чѣмъ на 300 верстъ отъ праваго берега Волги близъ колоній

Сарепта до Манычской долины и состоятъ изъ небольшихъ холмообразныхъ возвышеній, между которыми глубоко залегаютъ балки и овраги. Большинство рѣкъ только весной похожи на наши рѣки, лѣтомъ онѣ представляютъ только озерки или болотца съ горько-соленой водой.

Въ Ергеняхъ, особенно въ оврагахъ и балкахъ, гдѣ есть вода, возможно земледѣліе.

Другія земли калмыцкія, съ солончаками, солеными озерами, болотами, почти безплодны и даютъ пріютъ бѣдной, почти пустынной растительности. Только на рѣдкихъ возвышенностяхъ ютятся нѣкоторыя степныя травы, въ низинахъ же, гдѣ почва пропитана солью, даже поляны встрѣчается рѣдко. Кругомъ—необозримыя красно-желтыя степи. Знойное безоблачное небо, кое-гдѣ кучки степныхъ травъ и желтый глинистый посокъ—вотъ все, что встрѣчаютъ глазъ путника въ калмыцкой степи. Кое-гдѣ въ степи встрѣчаются группы худуковъ—вырытыхъ ямъ, въ которыхъ скопляется подпочвенная вода, часто непохожая даже на воду, застоявшаяся вонючая жидкость. Но калмыки рады и такой водѣ. Группы худуковъ отстоятъ одна отъ другой обыкновенно на 15—20 верстъ, а въ южныхъ частяхъ степи гораздо больше.

Одѣваются калмыки очень грязно. Прежвій монгольскій халатъ теперь уже оставленъ и его можно встрѣтить только на старикахъ; большинство калмыковъ носятъ теперь бешметъ, т.-е. однобортный кафтанъ, какъ у кавказскихъ горцевъ. Бешметъ непремѣнно стягивается поясомъ; выѣхать куда-либо, выйти къ людямъ безъ пояса считается большимъ неприличіемъ. Часто можно встрѣтить калмыка въ его національной шапкѣ съ четырехугольной тульей, послужившей моделью для шапокъ нашихъ кучеровъ и ямщиковъ; впрочемъ, за послѣднее время калмыкамъ полюбился другой головной уборъ—русскіе форменные картузы съ разными цвѣтными околышами. Но что каждый калмыкъ старается пріобрѣсти при первой возможности—это салогі съ длинными голенищами и высокими каблуками съ подковками. Калмыкъ скорѣе не доѣстъ, не донѣстъ и откажетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы раздобыть себѣ денегъ на покупку салогъ.

Костюмъ калмыцкихъ женщинъ очень незатѣйливъ. Онъ состоитъ изъ длинной широкой блузы и шароваръ. На головѣ женщины и дѣвушки носятъ низенькія желтыя шапочки—„махассъ“, на ногахъ—салогі изъ краснаго сафьяна. Старухи носятъ шапки одинаковаго покроя съ мужскими.

До послѣднихъ лѣтъ калмыки оставались такими же кочевниками-скотоводами, какими были ихъ предки въ Монголіи; въ душѣ калмыкъ и до настоящаго времени не измѣнился, хотя обстоятельства заставляютъ его подчасъ обрывать съ прошлымъ и переходить къ новымъ промысламъ. Прежде было не то. „Гдѣ развелъ огонь, тамъ и жилище;

гдѣ привязалъ коня, тамъ и пастбище“, говоритъ калмыцкая пословица.

Кочевникъ-калмыкъ долженъ, конечно, имѣть и переносное жилище. Калмыцкая юрта—войлочный шатеръ на деревянномъ остовѣ. Убранство юрты крайне несложно. Съ одной стороны входа ставится низкая кровать съ нѣсколькими войлоками. Неподалеку отъ кровати ставится ящикъ, въ которомъ хранятся „бурханы“, т.-е. изображенія буддйскихъ божествъ, и другіе священные предметы. Предъ ними на низенькомъ раскрашенномъ столикѣ ставятся серебряныя и мѣдныя чашечки съ водой, масломъ, зернами пшеницы и другими приношеніями богамъ.

Калмыцкая кибитка.

Стѣны у богатыхъ калмыковъ бываютъ увѣшаны коврами. Въ серединѣ кибитки—очагъ, священное мѣсто семьи, гдѣ готовится пища.

Въ юртѣ, даже у богатыхъ, очень грязно и неряшливо. Калмыки, какъ многіе монгольскіе инородцы, не заботятся ни о чистотѣ своей одежды, ни объ уютности и чистотѣ своего жилища. На немъ всегда засаленный, пропитанный жиромъ бешметъ, лицо и руки покрыты толстымъ слоемъ грязи. Посуда содержится очень грязно и никогда не моется и не чистится, если къ ней не доберутся собаки, которыя, конечно, старательно вылизуютъ всѣ накопившіеся остатки пищи. Кошмы и подушки кишатъ тысячами бѣлыхъ паразитовъ, къ которымъ калмыки относятся съ удивительнымъ добродушіемъ и терпѣніемъ. Свѣжему человѣку трудно переночевать въ калмыцкой юртѣ—настоящая пытка.

Все домашнее хозяйство ложить исключительно на женщин: онѣ доятъ коровъ, чинятъ кожи, шьютъ одежду и обувь, собираютъ аргаль (конскій помѣтъ) для топлива, ставятъ и собираютъ юрты, носятъ воду, варятъ пищу. Калмыки-мужчины, кромѣ наблюденія за своими стадами и заготовки корма на зиму, ничѣмъ не занимаются.

Прежнее скотоводство калмыцкое съ многочисленными стадами, пасущимися на безграничныхъ степяхъ, съ каждымъ годомъ сокращается. За послѣднія тридцать лѣтъ количество скота у калмыковъ уменьшилось вдвое. Очевидно, первобытное скотоводство отживаетъ свой вѣкъ.

Круглый годъ, не исключая и зимняго времени, скоть остается въ степи подъ открытымъ небомъ. Раннею весной, когда степь обнажится отъ снѣга, калмыки передвигаются со своими стадами на болѣе высокія мѣста: тамъ раньше появляется растительность. Весна—лучшее время въ степяхъ. Тамъ, гдѣ въ іюлѣ вся трава выгораетъ и остаются только высохшіе жалкіе стебли да нѣкоторыя жесткія травы, тамъ весной все покрыто ковромъ зелени и цвѣтами. Скоть находитъ себѣ здѣсь обильную пищу и отъѣдается послѣ зимней голодовки. Но весна—веселое время и для кочевника. Сыты его стада, сыты и весолъ хозяинъ. У него въ изобиліи молоко и мясо. Въ это же время онъ готовитъ себѣ впрокъ кумысъ, айранъ, сыръ и т. п.

Лѣтомъ скоть страдаетъ отъ недостатка пищи и главное — воды. Источники и болотца высыхаютъ; остаются только грязныя соленыя лужи и озерки. Наступаетъ осень, вновь появляется въ степяхъ кое-какая растительность; зато зимой скоту приходится очень плохо. Онъ добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Правда, калмыкъ коситъ траву и готовитъ для своихъ животныхъ запасы сѣна; но его не хватило бы и на двѣ недѣли для своего стада; имъ онъ кормитъ только молодой скоть, а остальные животныя ежедневно выгоняются изъ зимняго загона въ открытую степь. Впереди идутъ табуны лошадей, разбивающихъ своими копытами снѣгъ и достающихъ засохшія степныя растенія; за лошадьми идутъ стада рогатаго скота и овецъ; шестіе обыкновенно заключается верблюдами, которые, по своей неприхотливости, поѣдаютъ все, что осталось отъ другихъ животныхъ, но которые сами не могутъ доставать корма изъ-подъ снѣга. Такой способъ зимняго продовольствія скота называется „тебеневкой“. Если зима мало-снѣжная, то скоть кое-какъ пробавляется изъ-подъ снѣга. Но въ астраханскихъ степяхъ перѣдки зимой шурганы, т.-е. степныя бури съ метелью, ужасныя въ полномъ смыслѣ слова. Бури бываютъ до такой степени сильны, что даже рогатый скоть и лошади не могутъ устоять противъ напора вѣтра, уносятся имъ далеко и погибаютъ цѣлыми табунами. Еще хуже бывастъ въ снѣжныя зимы, когда степь покрывается

толстымъ слоемъ снѣга или послѣ гололедицы, изъ-подъ которой скотъ не въ состояніи достать себѣ корма.

Перѣдко послѣ гололедицы богатый калмыкъ теряетъ всѣ свои табуны лошадей и стада овецъ и становится нищимъ.

Всѣ усилія правительства пріучить калмыковъ къ осѣдлому образу жизни до послѣдняго времени оканчивались неудачей. Поселенцамъ калмыкамъ отводилась земля и давалось право пасти скотъ на общихъ земляхъ; по дорогамъ, пролегающимъ черезъ калмыцкую степь, были устроены поселки, куда были выселены русскіе крестьяне и калмыки. Русскіе остались жить въ степи, но калмыки бросили выстроенные для нихъ дома и снова ушли въ степь. Только недостатокъ пастбищъ заставляетъ калмыковъ сокращать скотоводство и постепенно осѣдать въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Нужда заставила ихъ избирать одни мѣста для зимнихъ стоянокъ и тамъ устраивать базы, т.-е. защиты для скота отъ зимнихъ вьюговъ и бурановъ.

Калмыцкіе хотоны располагаются по преимуществу на мѣстахъ зимнихъ стойбищъ. Это—будущіе постоянные поселки. Зимнія жилища дѣлаются еще очень неумѣлыми руками. Матеріаломъ для построекъ служить, вслѣдствіе отсутствія лѣса, саманъ — сырцовой кирпичъ изъ глины съ соломой и навозомъ, а иногда и просто грязь, перемѣшанная съ соломой.

Въ Ергеняхъ близъ такихъ хотоновъ нѣкоторые калмыки даже распахиваютъ землю и сѣютъ хлѣбъ; воздѣлываютъ землю они очень старательно и своего труда не жалѣютъ. Въ балкахъ сѣютъ рожь и яровую пшеницу; гречиха не родится, потому что выгораетъ; но зато табакъ и горчица даютъ очень хорошіе сборы. Но еще чаще калмыки обѣднѣвшіе, потерявшіе свои стада, нанимаются на полевые работы къ русскимъ.

Нужда гонитъ калмыковъ и на рыбные промыслы. То и дѣло среди рабочихъ въ устьяхъ Волги, занятыхъ рыбною ловлей, можно встрѣтить группы калмыковъ, серьезно и добросовѣстно исполняющихъ свое дѣло. Насколько калмыкъ безпеченъ и лѣнивъ въ своей жизни, когда ему приходится работать на себя, настолько онъ трудолюбивъ и выносливъ, когда его нанимаютъ другіе. Астраханскіе промышленники давно подмѣтили и оцѣнили эту черту кочевника. Они очень охотно нанимаютъ калмыковъ, потому что никто не можетъ сравниться съ калмыкомъ въ добросовѣстности работы и истинно воловьемъ трудолюбіи. Перѣдко калмыки идутъ на соляныя озера для разработки соли—на одну изъ самыхъ тяжелыхъ и нездоровыхъ работъ. Самая черная и трудная часть работъ падаетъ на нихъ. Они разбиваютъ соляные пласты, промываютъ ихъ въ рапѣ и сгребаютъ соль въ кучи. Когда соль высохнетъ, ее нужно насыпать въ мѣшки и отвезти на пристань.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ такой работѣ нѣтъ ничего ужаснаго. А между тѣмъ русскіе крайне неохотно идутъ на разработку соли. Рабочему нерѣдко приходится стоять въ водѣ по поясъ. Соль разъѣдаетъ тѣло, появляются трещины и ссадины. Въ раны вновь набивается соль и разъѣдаетъ ихъ еще больше. Только такой непряхотливый и апатичный человѣкъ, какъ калмыкъ, можетъ стойчески выдерживать это, оставаясь равнодушнымъ къ боли.

Между тѣмъ калмыки—одаренный, способный народъ. Развитие его только задерживается его забитостью и бѣдностью. Дѣти тѣхъ калмыковъ, которые имѣютъ возможность дать образованіе въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ или въ уѣздномъ училищѣ, нисколько не отстаютъ по успѣхамъ отъ русскихъ и проявляютъ вообще большую понятливость.

Хотя, какъ уже сказано, у калмыковъ есть сословія—нойоны, зайсаны и т. д., нельзя сказать, чтобы эти различія выражались рѣзко. Степная жизнь много сглаживаетъ сословную разницу. Одинаковая степень развитія, одинаковая обстановка, одни и тѣ же занятія сближаютъ въ повседневной жизни нойоновъ, еще недавнихъ господъ, и рабовъ простолудиновъ.

Кочевки калмыковъ разбросаны на огромномъ пространствѣ и то и дѣло перемѣняются; конечно, здѣсь не можетъ быть какой-либо изолированности цѣлага сословія. Всѣ семейныя празднества и печальныя церемоніи объединяютъ представителей различныхъ общественныхъ классовъ, такъ какъ каждый простолудинъ запросто является какъ гость къ нойону или зайсану. Обратное, всякое важное событіе въ жизни бѣднаго калмыка, вѣсть о которомъ облетѣла кочевья, сопровождается участіемъ и знатныхъ лицъ. Кочевникъ не пропуститъ случая принять самое живое участіе въ празднествѣ своего сосѣда, иногда очень далекаго. Теперь больше вліянія, чѣмъ происхожденіе, имѣетъ богатство, зажиточность. Тотъ силенъ, тотъ пользуется вліяніемъ, кто имѣетъ большія стада и много кибитокъ. Богатство и у калмыковъ, какъ и у культурныхъ народовъ Европы, — сила, предъ которою блѣднѣетъ преимущество по рожденію.

Среди калмыковъ лишь ничтожная горсть исповѣдуетъ православіе; большинство ихъ—буддисты-ламаиты. Ихъ духовенство—ламы, подобно нашимъ монахамъ, дающіе обѣтъ безбрачія—живетъ въ монастыряхъ, которые перекочевываютъ всегда отдѣльно отъ остальныхъ калмыковъ. Монастыри носятъ названіе „хуруловъ“.

Часто это не что иное, какъ группа кибитокъ, мало чѣмъ отличающихся по внѣшнему виду отъ кибитокъ простыхъ кочевниковъ. Снаружи кибятка-храмъ отличается только бѣлымъ кошемъ и ставится въ центрѣ хурула; по бокамъ располагаются кибитки, гдѣ живутъ ламы, и другія, гдѣ живутъ призрѣваемые на счетъ хурула бѣдняки.

Духовное званіе среди калмыковъ пользуется до сихъ поръ большимъ почетомъ. Монахи и вообще духовныя лица очень многочисленны. Всякая семья стремится имѣть въ хурулѣ своего члена; они вѣрятъ, что духовное званіе важно не для одного поступающаго, но и для всѣхъ его родственниковъ: оно избавляетъ семью отъ несчастій здѣшней жизни. Иногда отдають дѣтей въ хурулѣ не навсегда, а до совершеннолѣтія.

Всѣ посвященныя хурулу лица носятъ одежду духовенства краснаго цвѣта и бреютъ волосы на головѣ. Жрецы калмыковъ, „гелюнги“, отличаются отъ простаго народа по одеждѣ. Они носятъ бешметъ особаго покроя и небольшія шапки съ краснымъ околышемъ и желтымъ верхомъ.

Ежедневно два или три раза совершается въ хурулѣ богослуженіе. Духовенство, участвующее въ службѣ, усаживается въ священной кибиткѣ, каждый на заранѣе приготовленное для него мѣсто. Затѣмъ приносятъ чай или кумысъ и разливають его по чашкамъ каждому участнику. Тѣда начинается молитвой. Послѣ ѣды уже идетъ собственно богослуженіе.

Священное пѣніе всегда начинается одно лицо. Пѣніе, вначалѣ тихое, становится громче. Всѣ поютъ речитативомъ въ одинъ голосъ. Одни изъ богослуженій сопровождаютъ только пѣніемъ, другія — игрой на музыкальныхъ инструментахъ. Послѣдніе очень разнообразны. Тутъ можно найти и морскія раковины, оправленные въ серебро, и родъ турецкаго барабана изъ козлиной кожи, литавры, и деревянныя, серебряныя и мѣдныя трубы въ сажень длиной. Музыка эта подымаетъ страшный шумъ, въ которомъ невозможно уловить какую-либо мелодію.

Хурулы не только имѣютъ религіозное значеніе для калмыковъ, но и служатъ средоточіемъ ламаитскихъ знаній. Въ каждомъ монастырѣ есть

Калмыцкій гелюнгъ.

монахи, преподающіе богословіе, астрологию, медицину, живопись. Всѣ, поступившіе въ хуруль, обучаются калмыцкой грамотѣ, изучаютъ богослуженіе и молитвы; обученіе продолжается до совершеннолѣтняго возраста. Только оказавшіе успѣхи въ калмыцкихъ наукахъ становятся въ послѣдствіи духовными лицами.

Ламаитскіе ученые не только учителя вѣры,—они обладаютъ, кромѣ того, цѣнными въ глазахъ народа знаніями. Они являются истолкователями небесныхъ явленій и даже верховными судьями. Духовныя лица участвуютъ во всѣхъ событіяхъ калмыцкой семьи; бракъ, смерть, рожденіе ребенка, перекочевье требуютъ присутствія гелюнга. Астрологи предсказываютъ легкіе и трудные дни, время солнечнаго и луннаго затменія, предугадываютъ погоду, наступленіе холода и тепла и вообще сообщаютъ свѣдѣнія, нужныя и интересныя въ степномъ хозяйствѣ.

Духовныя лица живутъ по сравненію съ простымъ народомъ зажиточно, а нѣкоторые богато. Въ кибиткѣ духовнаго лица не рѣдкость встрѣтить самовары, стулья, столы. Въ окраинныхъ улусахъ гелюнги перекочевываютъ даже въ хорошихъ крытыхъ экипажахъ, запряженныхъ тройкой прекрасныхъ лошадей.

Но больше всего зажиточность духовенства сказывается въ жилыхъ постройкахъ. Правда, есть хурулы, гдѣ зиму и лѣто духовныя лица живутъ въ кибиткахъ, но чаще зимою они живутъ въ настоящихъ домахъ въ зимнихъ кочевьяхъ. Есть наконецъ и такіе хурулы, гдѣ даже въ лѣтнихъ кочевьяхъ гелюнги живутъ въ постоянныхъ домахъ.

Эльтонъ и Баскунчакъ.

(По Гаврилову и Малинину.)

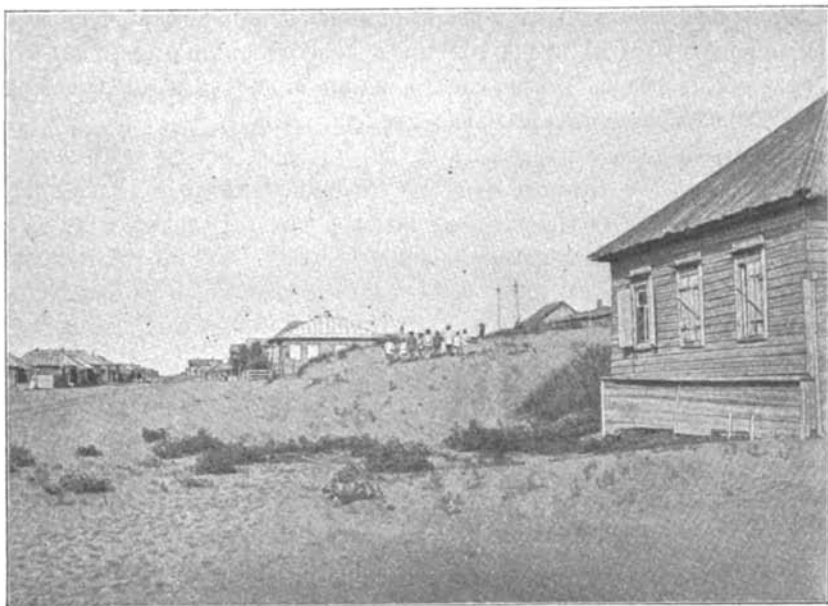
Въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи, на лѣвомъ берегу Волги, среди однообразной песчаной степи лежитъ самое большое изъ всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ самосадочныхъ озеръ—Эльтонъ. Озеро имѣетъ овальную форму и на картахъ кажется небольшимъ кружкомъ; оно занимаетъ площадь въ 200 кв. верстъ и имѣетъ 18 слишкомъ верстъ въ длину и около 13 въ ширину.

Равнина, среди которой лежитъ озеро, въ иныхъ мѣстахъ пропитана до того солью, что образуются солончаки. Здѣсь царство соли. По мѣрѣ приближенія къ Эльтону растительность исчезаетъ, и кругомъ озера верстъ на пять солонцовая земля почти совершенно безплодна и даетъ пріютъ немногимъ видамъ растений съ сочными короткими стеблями и листьями, такъ называемымъ солянкамъ. Скоро показывается и свицовая поверхность озера, окаймленная бѣлой, какъ снѣгъ, блестящей полой соли.

Природа не дала этому мѣсту богатствъ растительности, зато награ-

дила его неистощимымъ запасомъ одного изъ драгоценнѣйшихъ для человѣка матеріаловъ—прекрасной, чистой какъ снѣгъ, соли.

Эльтонъ по всей площади своей одинаково богатъ солью. Глубина воды по всему озеру приблизительно одинакова и можетъ при тихой погодѣ повсемѣстно считаться вершковъ въ двѣнадцать, такъ что озеро поднимаетъ только плоскодонныя лодки, дощаники. Въ вѣтеръ глубина различныхъ частей озера быстро измѣняется; густая, сильно насыщенная солью вода отгоняется вѣтромъ отъ одного берега и приливаетъ къ противоположному; на одномъ берегу дно озера обнаруживается или, по крайней мѣрѣ, глубина воды уменьшается до 1, 2 и 3

Улица въ Ханской Ставкѣ, засыпаемая пескомъ.

вершковъ, на другомъ она возрастаетъ до 17—20 и болѣе вершковъ. Говоря „дно“, мы разумѣемъ твердый соляной слой, лежащій подъ водою, а какъ глубоко находится настоящее, почвенное дно озера, объ этомъ, кажется, никто не знаетъ. Обыкновенно лежащій подъ водою соляной пластъ выламывается не болѣе какъ на аршинъ глубины; далѣе ломка дѣлается затруднительной вслѣдствіе чрезвычайной крѣпости окаменѣвшей соли; говорятъ, пробовали когда-то пробить, сколько возможно глубже, соляной слой, но далѣе одной сажени опытъ не могъ продолжаться. Рассказываютъ, что будто гдѣ-то на озерѣ есть два или три провала недосыгаемой глубины, извергающіе постоянно холодную прозрачную воду.

Эльтонъ не выпускаетъ ни одного истока, но принимаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, всѣ съ горько-соленою водою; всѣ эти рѣчки коротки, и ихъ верховья находятся въ сосѣдствѣ съ озеромъ.

Образованіе (садка) соляныхъ слоевъ происходитъ, такъ сказать, на глазахъ зрителя: насыщенная солями озерная вода, называемая здѣсь рапой, подъ вліяніемъ воздуха и солнца непрерывно осаждаетъ на дно соляныя частицы ила, которыми проникнута рапа; вѣроятно, этотъ илъ образуется изъ постоянно носящейся надъ озеромъ, какъ и надъ всею степью, густой пыли и изъ грязи, наносимой въ озеро рѣчками и весенними и осенними потоками. Замѣчательно, что выломанный кусокъ соли, имѣющій обыкновенно цвѣтъ и видъ грязнаго льда, полежавъ на солнцѣ, очищается и бѣлѣетъ безъ всякой обмывки или очистки; прекрасные бѣлораморной чистоты куски соляныхъ кристалловъ, которые намъ показывали, были сперва грязно-синяго цвѣта и получали чистый бѣлый цвѣтъ, только полежавъ нѣсколько дней на солнцѣ.

Такъ какъ наносъ ила бываетъ главнымъ образомъ разъ въ году, по стаяніи снѣговъ, то соляные слои одного года замѣтно отдѣляются отъ слоевъ другого года болѣе грязною полосой соли. Лучшимъ и удобнѣйшимъ для ломки слоевъ считается прошлогодній, затѣмъ третьегодній; слой, образовавшійся за три года, считается уже не столь выгоднымъ для разработки, по трудности выломки, а слой текущаго года недостаточно сплоченъ и крѣпокъ.

Толщина осаждающагося въ теченіе года слоя различна и доходитъ до $1\frac{1}{2}$ и 2 вершковъ.

Рапа во время осажденія соли довольно мутна и слегка пузырится, точно кипитъ; цвѣтъ ея въ стаканѣ не отличается отъ цвѣта обыкновенной мутноватой озерной воды, но въ озерѣ, при легкомъ вѣтрѣ, обыкновенный свинцовый цвѣтъ поверхности измѣняется въ розовато-лиловый, а при сильномъ вѣтрѣ дѣлается грязно-малиновымъ. Противный, чрезвычайно ѣдкій вкусъ ея соединяетъ въ себѣ горечь, солоноватость и кислоту; острота раствора такова, что на языкѣ и губахъ остается ощущеніе обжога, и если продержатъ воду только минуту во рту, то навѣрное сойдетъ кожа; окунутая въ рапу на минуту рука покрывается соляной корой, и долго чувствуешь на кожѣ сухость и какое-то стягиваніе. Опущенная въ воду вещь, вѣтка или нитка, быстро покрывается соляными кристаллами; на тонкихъ бечевкахъ и палочкахъ въ сутки или двое образуется правильный и весьма красивый наростъ кристалловъ въ полвершка толщиной, имѣющій видъ толстой стеариновой свѣчи, покрытой рѣзбою. Густота рапы такъ велика, что рабочіе на аршинной глубинѣ передвигаются медленно и съ трудомъ; дощаники слабо слушаются руля. Озеро никогда не замерзаетъ, но рапа становится въ это время только гуще и ѣдче, такъ что соприкосновеніе ея

съ обнаженнымъ тѣломъ во время морозовъ не безопасно: кожа мгновенно обжигается и мертвѣетъ.

Соль Эльтонскаго озера въ томъ видѣ, какъ вынимается изъ озера, неудобна въ пищу; ей необходимо полежать нѣсколько мѣсяцевъ на открытомъ воздухѣ, чтобы вполне очиститься отъ постороннихъ примѣсей; обыкновенно вынутая соль лежитъ на берегу годъ и болѣе; никакихъ другихъ средствъ очистки употреблять не нужно. Послѣ годовой лежки соль дѣлается изъ сине-грязной бѣлою и блестящею, какъ снѣгъ, совершенно годною къ употребленію и пріятною на вкусъ.

Въ калмыцкой степи.

Откуда получаетъ соль озерная вода? Часть соли доставляется въ озеро береговыми весенними водами, а другая—раствореніемъ запасовъ соли, лежащихъ въ самомъ озерѣ. Какъ бы то ни было, но ежегодное образованіе новой осадки не подлежитъ сомнѣнію.

На очень близкомъ разстояніи отъ береговъ соль добывать невыгодно, вслѣдствіе сильной примѣси ила, малой глубины рапы и невозможности проводить на столь малой глубинѣ дощаники къ мѣстамъ склада.

Добываніе начинается въ полуверстѣ, верстѣ, даже въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ берега. Чтобы доставить выломанную соль на лодкѣ къ мѣстамъ складки, отъ этихъ мѣстъ устроены канавы, врѣзывающіяся въ озеро, до того мѣста, гдѣ глубина воды уже достаточно

значительна для подъема дощаника. Бока канавъ, вдающихся сажень на 80 и болѣе въ берегъ, обдѣланы и укрѣплены; канавы идутъ рядами и поперекъ береговой линіи озера; длинныя полуостровки береговой линіи земли, остающіеся между канавами, служатъ для склада добытой соли и называются „точками“. Для удобства развозки соли точки прорѣзаны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боковыми канавами. Добыча соли дозволяется только на той части озера, гдѣ устроены канавы и точки. Всѣхъ канавъ и точекъ десять; каждая канава со своимъ точкомъ образуетъ особый участокъ.

Добываніе соли обыкновенно начинается съ половины мая. Ломщики соли подражаются заблаговременно. Въ назначенный для начала работъ день съ пяти часовъ утра партіи рабочихъ отправляются на дощаникахъ на отведенныя для ломки мѣста. Каждая партія рабочихъ дѣлится на три части: ломщики, сойдя съ ломомъ въ воду, часто выше колѣна, ломаютъ соль желѣзными пѣшнями и большіе куски, неудобные для подъема, раздробляютъ; другіе подхватываютъ разбитую соль на лопаты, перевертываютъ ее нѣсколько разъ въ водѣ для отмывки грязи и сбрасываютъ на дощаникъ; по нагруженіи дощаника третья часть рабочихъ отвозитъ соль къ точке и, сбросивъ ее тамъ, возвращается за новымъ грузомъ.

Съ полудня до двухъ часовъ работа прекращается, и послѣ обѣда солеломка производится мало, а идутъ болѣе другія работы: „перелопачиваніе“, перевозка въ бугры и кладка бугровъ. По привозѣ на точки соль перебрасывается и переворачивается, чтобы лучше осушилась и очистилась (перелопачивается, по мѣстному выраженію), сваливается въ кучи и ожидаетъ перевозки къ мѣсту, назначенному для складки бугровъ, вообще по возможности близкому къ точкамъ. Кладка бугровъ требуетъ особеннаго вниманія промышленниковъ, такъ какъ бугры должны образовать правильную форму для вычисленія объема и вѣса соляного бугра.

Кладкою соли въ бугры заканчивается первая часть соляной операціи: соль въ бугрѣ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ, большею частью не менѣе года, а нерѣдко и болѣе, провѣтривается, сохнетъ, постепенно очищается, а затѣмъ уже поступаетъ въ продажу. Въ буграхъ соль ничѣмъ не охранена отъ пыли и дождей и скоро покрывается толстою грязною корой, ни на что негодною; на квадратную сажень поверхности потеря на корѣ можетъ составлять отъ 5 до 10 пудовъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о рабочихъ солеломщикахъ, которыхъ дѣло оканчивается сыпкою соли. Работа ломщиковъ очень тяжела: она идетъ цѣлыми часами на палящемъ солнцѣ, въ постоянно наклонномъ, согнутомъ положеніи тѣла, почти по поясъ въ ѣдкой рапѣ; если время благоприятно, то отдыха нѣтъ ни въ праздники, ни въ воскресенья. Несмотря на то, что ноги защищены сапогами и смолеюі шероухой, по-

верхность даже здоровой кожи изъязвляется, открываются старыя раны и язвы, а тѣмъ болѣе незажившія недавнія поврежденія кожи. Помѣщенія для рабочихъ, а также и пища весьма незавидны, при томъ же и вознагражденіе за свой трудъ солеломщики получаютъ скудное — не болѣе 40—60 рублей за рабочее время, съ мая по октябрь.

Соль лежитъ годъ, другой въ бугрѣ, просохла, очистилась; наступило время пускать ее въ продажу. Большею частью соледобыватели, не производя сами торговли солью, продаютъ ее купцамъ большими партіями, прямо изъ бугровъ. Соль возится не иначе, какъ на парныхъ воловыхъ подводахъ; пара воловъ запрягается въ большую крѣпко устроенную фуру, имѣющую сходство съ ломовыми дрогами, употребляемыми въ городахъ, но гораздо шире и выше. Фуры, волы и погонщики нанимаются въ хуторахъ и селеніяхъ Астраханской степи — у поселившихся тамъ издавна малороссовъ. Подвода поднимаетъ отъ 40—110 пудовъ соли, въ среднемъ же — до 60 пудовъ и совершаетъ съ этимъ грузомъ переѣздъ до Волги дней въ шесть, восемь и даже болѣе, смотря по состоянію дороги и кормовъ, такъ что одна подвода можетъ въ теченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая до октября, доставить къ Волгѣ до 10 грузовъ, или среднимъ числомъ до 600 пудовъ соли. Плата за перевозку условливается попудно; весною, когда дорога не грязна и, главное, подножнаго корма вездѣ достаточно, съ пуда берется 5—7 копеекъ; по мѣрѣ выгорания и выбиванія травы цѣна провоза возрастаетъ до 10, 12 и иногда доходитъ до 18 копеекъ съ пуда.

Разработка соли на Эльтонѣ за послѣдніе годы значительно сократилась. Озеро Эльтонъ расположено довольно далеко отъ Волги; другое озеро—Баскунчакское—болѣе близкое, недавно соединенное съ Волгой желѣзною дорогой, хотя и меньше Эльтона, теперь даетъ соли больше, чѣмъ послѣднее.

Баскунчакское озеро едва ли не богаче всѣхъ по содержанію соли. Оно находится на лѣвомъ берегу Волги, въ Черноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи, въ 51 верстѣ отъ соляной пристани Владимировки, стоящей на рукавѣ Волги того же имени. Если ѣхать отъ Владимировской пристани къ озеру по недавно построенной солевозной желѣзной дорогѣ, то верстѣ за 25 увидимъ верхушку горы „Большого Богдо“, составляющей предметъ удивленія не только суевѣрныхъ калмыковъ и киргизовъ, но и ученыхъ, посѣтившихъ эти мѣста.

Богдо — слово калмыцкое; оно обозначаетъ нѣчто возвышенное и величественное; въ такомъ же смыслѣ китайскій императоръ монголами называется богдыханъ, т.-е. высочайшій ханъ. Эта гора высится около самаго Баскунчакскаго озера, съ южной его стороны, и представляетъ очертаніе лежащаго льва, если глядѣть на гору съ запада, почему калмыки называютъ Богдо также „Арсланъ Ула“ (Львьяя гора).

По преданію калмыковъ, гора Богдо прежде лежала въ ихъ родной странѣ, но когда имъ надлежало удалиться изъ этой страны, то два калмыцкихъ святыхъ, возлюбя р. Волгу, приподняли гору Богдо и унесли тайнымъ образомъ. Приближаясь къ Волгѣ, они были уже на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ теперь гора, въ это время одинъ изъ святыхъ согрѣшилъ въ мысляхъ, за что и былъ раздавленъ тою частью горы, которая лежала на его плечахъ и которая, омывшись его кровью, сдѣлалась красной. Другой святой, не будучи въ силахъ нести гору далѣе, оставилъ ее, и часть его горы, въ отличіе отъ преступной красной, осталась бѣлой.

Баскунчакское озеро лежитъ въ котловинѣ; берега его большею частью обрывисты; только нѣкоторая часть западнаго берега отлога и удобна для перевозки соли; такой же отлогій берегъ находится и на восточномъ краю озера. Балки, изрѣзывающія берега озера, лѣтомъ большею частью сухи, а весной несутъ въ Баскунчакъ однѣ—соленую, другія—прѣсную воду.

Глубина озера и залеганіе въ немъ соли опредѣлены только около береговъ, гдѣ идетъ разработка; въ срединѣ же она остается до сихъ поръ не опредѣленною. Вообще средняя глубина его не менѣе $1\frac{1}{2}$ сажень, что дастъ 42 милліона кубическихъ сажень соли. Таковъ неисчерпаемый источникъ этого озера.

Рабочіе ломаютъ соль желѣзными ломами. Ломка глыбы обыкновенно начинается отъ естественной трещины (родника) и идетъ далѣе на отвалъ. Отломанная глыбы, пудовъ въ 20 и болѣе, разбиваются ломами на нѣсколько частей и затѣмъ размельчаются окончательно деревянными молотами, обитыми желѣзными обручами, на длинныхъ ручкахъ. Измельченная соль перегребается нѣсколько разъ лопатами для отдѣленія отъ нея негодныхъ частицъ и складывается на деревянные платформы, установленныя на столбахъ на $1\frac{1}{2}$ аршина выше поверхности озера; здѣсь соль лежитъ для просушки отъ двухъ недѣль и до мѣсяца, а затѣмъ ее нагружаютъ въ вагоны и фуры и отправляютъ на волжскую пристань Владиміровку.

Всѣ соленныя озера, вмѣстѣ съ Эльтономъ и Баскунчакомъ, сдаются для добычи соли казной въ аренду участками.

Въ 1898 году было добыто соли 13.417.385 пудовъ на одномъ только Баскунчакскомъ озерѣ и болѣе $2\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ на остальныхъ озерахъ.

Ломкой и выволочкой соли на берегъ на Баскунчакѣ было занято 1.765 рабочихъ, преимущественно киргизовъ и калмыковъ. На мѣстѣ соль стоитъ около 2-хъ копеекъ пудъ, перевозъ ея до ст. Владиміровка обходится въ 3 коп. на пудъ.

У казаковъ.

(В. Короленко.)

Раннимъ утромъ я пріѣхалъ въ Саратовъ...

Только около 3-хъ часовъ дня передаточный поѣздъ лѣниво потащилъ насъ къ переправѣ черезъ Волгу, заходя и останавливаясь на товарныхъ станціяхъ, запасныхъ путяхъ и развѣздахъ. Все это тянулось такъ утомительно долго, что публика начинала терять терпѣніе, боясь, что уральскій поѣздъ уйдетъ безъ насъ. Привычные кондуктора только насмѣшливо пожимали плечами.

Наконецъ, все такъ же медлительно поѣздъ подползъ къ Волжскому берегу и остановился. По привычкѣ торопясь и толкаясь, публика кинулась на пароходъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Покровскую слободу, откуда собственно начинается Уральская желѣзная дорога. Какъ будто для поощренія этой суеты пароходъ далъ уже первый свистокъ, но затѣмъ стоялъ еще неподвижно цѣлый часъ у пристани. Извозчики, подвозившіе изъ города новыхъ пассажировъ, всѣ развѣхались, пристань опустѣла. Мимо насъ по зеркальной рѣкѣ лѣниво проплывали баржи, буксирные пароходы, лодки... Какой-то рыбакъ-любитель зачалилъ свою лодочку какъ разъ на нашемъ пути и пробовалъ на удачу закинуть удочки, а мы все продолжали ждать чего-то, и мнѣ казалось даже, что насъ начинаетъ заносить здѣсь пескомъ и иломъ.

Наконецъ, пароходъ какъ бы проснулся, далъ быстро два послѣднихъ свистка, забурлилъ колесами и, плавно взрѣвая Волгу, двинулся къ другому берегу. Здѣсь, надъ ярмомъ, за очень неудобнымъ подъемомъ ждали насъ нѣсколько вагоновъ... Опять суетливая поспѣшность публики и новое ожиданіе... Дуетъ теплый вѣтеръ, плещется на отмели рѣчная струя отъ проѣхавшаго парохода, порой пройдетъ лѣнивый покровскій хохоль или группа дачниковъ и дачницъ, иронически оглянется на неподвижный поѣздъ, неизвѣстно для чего стоящій на пустомъ берегу. А вдали, на той сторонѣ—затянутые туманомъ, дымомъ и пылью дома и горы Саратова... Въ окнахъ вагоновъ безнадежно скучающія лица пассажировъ...

— Д-а-а... Степь-матушка, — говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ бы въ объясненіе и этой смутной истомы, и безпричинныхъ остановокъ. Онъ зѣваетъ и креститъ ротъ, а рядомъ, въ другихъ окнахъ, видны такія же апатичныя лица, у которыхъ челюсти раздвигаются такой же сладкой дремотой.

Свистокъ, толчки, скрипъ буферовъ, десятиминутное движеніе — и опять долгая остановка у Покровской станціи съ тѣмъ же теплымъ вѣтромъ, дующимъ какъ будто изъ печки, и съ тою же истомой... Наконецъ звонокъ, и нашъ поѣздъ ползетъ по низкой насыпи съ узкой

колеей, на этотъ разъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пуститься въ путь. Степь тихо развертываетъ передъ нами свои дремотныя красоты. Спокойная нѣга, тихое раздумье, лѣнь... чувствуется, что вы оставили на томъ берегу Волги и торопливый бѣгъ поѣздовъ, и суету короткихъ остановокъ, и вообще ускоренный темпъ жизни. Тутъ на васъ надвигается, охватываетъ, баюкаетъ васъ широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное...

Чудесный закатъ въ степи, потомъ сумерки, потомъ тихій звѣздный вечеръ спускается надъ этой однообразной картиной. Вечеромъ — долгія остановки у маленькихъ неуютныхъ станцій съ странно, иной разъ помонгольски звучащими названіями, съ раскачиваемыми вѣтромъ фонарями и убогими буфетами. Здоровенные, загорѣлые и лѣнивые жители степныхъ хуторовъ и поселковъ выползаютъ изъ синей темноты на огни поѣзда, чтобы получить приказанія отъ юркихъ людей, по большей части не русскаго типа, вѣдущихъ въ вагонахъ перваго и втораго класса. Они одни какъ будто не дремлютъ и имѣютъ видъ властителей степи. Они говорятъ быстро, быстро выпиваютъ за буфетами, быстро вскакиваютъ на подножку уже трогающагося поѣзда, который и уноситъ ихъ дальше, между тѣмъ какъ степные жители съ лѣнливою поворностью направляются къ своимъ телѣгамъ и, тихо поскрипывая колесами, расползаются въ темнотѣ въ разныя стороны, развозя полученные приказы.

Полная луна выкатывается надъ темнымъ горизонтомъ и точно старается разсмотрѣть въ степи что-то и что-то обдумать... Но степь темна и молчалива. Поѣздъ несется среди однообразнаго заснуваго простора...

На утро кондуктора выкрикиваютъ станцію „Семиглавый маръ“... Невдалекѣ отъ станціи мѣстный житель пытался указать мнѣ въ волнистой степи семь кургановъ (по мѣстному „маровъ“), отъ которыхъ урочище получило свое романтическое названіе. Когда проводили желѣзную дорогу, одинъ изъ этихъ кургановъ „нарушили“, и въ немъ, говорятъ, оказался хорошо сохранившійся скелетъ невѣдомаго воина, верхомъ на скелетѣ лошади, съ лицомъ, обращеннымъ глазами впадинами къ востоку. Но разобрать и сосчитать эти курганы среди однообразно взволнованной степи мнѣ не удалось. По ней то и дѣло вставали и тонули такіе же курганы и, быть можетъ, въ каждомъ изъ нихъ сидятъ и ждутъ чего-то такіе же невѣдомые воины съ глазами впадинами, обращенными къ востоку, между тѣмъ какъ съ запада летитъ громяющій поѣздъ и сыплетъ искрами въ ночную темноту и сотрясаетъ старыя степныя могилы.

— Тутъ ужъ вольна степь пошла, недѣленая, — сказалъ мнѣ молодой казакъ, высунувшійся рядомъ со мной въ сосѣднее окно вагона.

Дѣйствительно, гдѣ-то около этого семиглаваго урочища проходитъ граница Самарской губерніи, и теперь поѣздъ несся уже по казачьей землѣ...

Начиная отъ Гурьева городка, тамъ гдѣ-то далеко у Каспійскаго моря, и кончая среднимъ теченіемъ Урала и его притоками, отъ теряющихся въ пескахъ Узеней на западѣ и до киргизскихъ степей на востокѣ, вся эта земля не знаетъ ни частной собственности, ни даже русскихъ общественныхъ передѣловъ. Всѣ ея обитатели — какъ бы одна семья, каждый членъ которой имѣетъ одинаковое право на любой клочъ этой земли, раскинувшейя отъ края и до края горизонта, не дѣленной, не межеванной и никѣмъ не захваченной въ личное владѣніе...

Я съ любопытствомъ вглядываюсь въ эту однообразную ширь, стараюсь уловить особенности „вольной степи“. Но она была все та же... Она какъ будто лѣнилась проснуться для знойнаго дня, дали были еще завѣшаны ключьями тумана, изъ-за котораго выступала та же линія горизонта, кое-гдѣ взломанная очертаніями могильниковъ...

Поѣздъ громыкнулъ по мостику и затѣмъ побѣжалъ вдоль небольшой рѣчки, на отлогомъ берегу которой пріютился степной хуторокъ. Нѣсколько строений, нѣсколько деревьевъ, вѣтряная мельница, двѣ-три кибитки киргизъ-пастуховъ, кучка скромныхъ крестовъ на кладбищѣ, какъ бы скрѣпляющихъ степную осѣдлость.

— Чей это хуторъ? — спросилъ я, невольно любясь своеобразной красотой этого степного поселка.

Казакъ назвалъ фамилію извѣстнаго степного богача, скотопромышленника, владѣющаго въ вольной степи нѣсколькими такими хуторами и десятками тысячъ головъ скота. Недалекъ за хуторомъ нѣсколько упряжекъ быковъ тянули тяжелые плуги, взрѣзавшіе землю. Черная полоса уже поднятой пашни легла во всю степь, начинаясь за пологимъ гребнемъ одной возвышенности и утопая за другимъ. И все время, пока поѣздъ бѣжалъ мимо, волю бѣлыми точками ползли по краю черной полосы, безъ остановки и перерыва...

Около двухъ часовъ дня вправо отъ желѣзной дороги замелькали зданія Уральска, и, проѣхавъ мимо казачьяго лагеря, поѣздъ тихо подползъ къ уральскому вокзалу, конечному пункту этой степной дороги. Миѣ предстояло получить багажъ, и когда, покончивъ съ этимъ дѣломъ, я вышелъ на крыльцо вокзала, то увидѣлъ съ непріятнымъ удивленіемъ, что на дворѣ уже не было ни одного извозчика. Оживленіе единственнаго (въ сутки) поѣзда схлынуло какъ-то удивительно быстро, вокзалъ опустѣлъ и затихъ. Верстахъ въ трехъ къ югу, за дымкой густой золотистой пыли, виднѣлись церкви и дома Уральска. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто казачьему городу нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ, кто подѣзжаетъ къ нему по желѣзной дорогѣ. На противоположной, сѣверной, сторонѣ видѣлялись кирпичные сараи и ворота скаковаго поля въ видѣ гигантской подковы, дальше клочъ степи, дорога съ какими-то крестами и полоски садовъ за Чаганомъ... Миѣ

нужно было именно туда, за Чаганъ, въ эти сады, гдѣ жили мои добрые знакомые и гдѣ я предполагалъ устроиться на лѣто... Но до садовъ было верстъ шесть, а мой багажъ беспомощно лежалъ на каменномъ перронѣ.

Какой-то добродушный желѣзнодорожный служащій принялъ участіе въ моемъ печальномъ положеніи и послалъ сторожа къ желѣзнодорожнымъ складамъ. Вскорѣ оттуда подѣхали ломовыя дроги, на которыхъ сидѣлъ дюжій человекъ съ совершенно бронзовой физиономіей, огромной спутанной бородой и въ фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ. Мы скоро сторговались. Узнавъ, что придется ѣхать „въ сады“, онъ запустилъ руку подъ фуражку и почесалъ пятерней въ головѣ.

— Экъ, не зналъ, — сказалъ онъ, — что въ сады угрозу ѣхать.

— А что? — спросилъ служащій.

— Косу бы захватилъ, травы нарѣзалъ.

— Такъ тебѣ и позволять!

— Чего не позволить. Я вѣдь казакъ, имѣю право. Ему вотъ нельзя, — кивнулъ онъ въ сторону подѣхавшаго въ это время товарища, такого же загорѣлаго, такого же дюжаго и лохматаго, только безъ околыша. — Вамъ вотъ тоже нельзя...

— Ладно, ладно, увязывай, — иронически перебилъ желѣзнодорожникъ, окидывая полноправнаго человека насмѣшливымъ взглядомъ.

Вскорѣ возъ, поскрипывая, двинулся съ вокзала, сопровождаемый возницей-казакѣмъ, — первымъ, который встрѣтился мнѣ здѣсь, такъ сказать, у себя дома, за совершенно партикулярнымъ занятіемъ... Я слѣдовалъ за нимъ пѣшкомъ, съ любопытствомъ присматриваясь къ новымъ мѣстамъ.

Желѣзная дорога уползала въ степь, которую мы только что проѣхали и изъ которой тянуло тѣмъ же теплымъ вѣтромъ, точно изъ печки. Влѣво за густою пылью высились колокольни городскихъ церквей и затѣйливая триумфальная арка въ восточномъ стилѣ.

Изъ города къ садамъ по пыльной дорогѣ тянулись телѣги съ бородатыми казаками, ковыляли верблюды, мягко шлепая въ пыль большими ступнями. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ киргизъ въ полосатомъ стеганомъ халатѣ, подъ зонтикомъ и съ высоты съ любопытствомъ смотрѣлъ на велосипедиста въ кителѣ, мчавшагося мимо. Верблюдъ тоже повернулъ за нимъ свою змѣиную голову и сдѣлалъ презрительную гримасу. Я невольно залюбовался этой маленькой сценой: медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азія смотрѣла на юркую и подвижную Европу.

Миновавъ желѣзнодорожныя зданія на отчужденной полосѣ, мы тоже выѣхали на эту дорогу, и казакъ-возница повернулъ въ степь. Я слѣдовалъ за нимъ, но мое вниманіе было опять привлечено неожиданной картиной. Передъ мостикомъ у небольшого вала стояла казенная вада

будка, недалеко от нея человекъ съ малиновымъ околышемъ, задержавъ проѣзжую телѣгу, шарилъ въ ея задкѣ руками, съ какою-то дѣловито-лѣнливою безнадежностью. Проѣзжій казакъ даже не оглядывался назадъ, равнодушно ожидая конца этой процедуры.

Замѣтивъ, что я съ любопытствомъ наблюдаю это зрѣлище, обыскивавшій пересталъ шарить и махнулъ рукой. Владѣлецъ телѣги хлестнулъ вожжой свою лошадь.

— Что вы это ищете? — спросилъ я, подходя къ казаку.

Онъ какъ будто нѣсколько сконфузился. Повидимому, всякому человеку свойственно инстинктивное сознание, что шарить въ имущество

Улица въ Александровѣ-Гаѣ.

ближняго есть занятіе по самому существу какъ бы противосестественное и возбуждающее невольную стыдливость. Но тотчасъ же это мимолетное выраженіе исчезло, и, указавъ на будку, онъ произнесъ внушительно: — Застава.

Дѣйствительно, надъ будкой виднѣлась надпись: „Уральская, № 4, рыбопромышленная застава“, и вся она была увѣшана и внутри, и снаружи печатными плакатами. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ надсмотрщика, я вошелъ въ будку и съ интересомъ сталъ читать многочисленные параграфы, опредѣлявшіе роль этой внутренней заставы, до сихъ поръ еще сохранный консервативною „вольною степью“. Изъ печатныхъ правилъ я узналъ, что вывозимая за черту города рыба оплачивается пошлиной... Внезапное легкое безпокойство возникло въ моемъ умѣ, и я спросилъ:

— А сколько можно же пронести бесплатно, для собственного употребления?

— Ни вотъ столько! То-есть ни одного маляка, — отвѣтилъ онъ рѣшительно.

Тутъ я уже совершенно опредѣленно почувствовалъ себя въ роли контрабандиста. Со мной было около полфунта икры и немного балыка, купленныхъ еще въ Саратовѣ и оставшихся отъ дорожнаго продовольствія.

— Вы принимаете пошлину?—спросилъ я, намѣреваясь очистить свою совѣсть.

— Никакъ нѣтъ, не имѣю права.

— А что же вы дѣлаете, если найдете, ну, скажемъ, полфунта рыбы?

Онъ посмотрѣлъ на меня очень пытливо, но затѣмъ отвелъ глаза и отвѣтилъ съ оттѣнкомъ грусти:

— Протоколь и... въ городъ, въ контору...

— Сколько же тамъ взяли бы за одинъ фунтъ?

— По такци... Копейку, а можетъ и двѣ.

— И изъ-за этого въ городъ?

— Обязательно!

Его взглядъ скользнулъ по мнѣ, какъ бы привлеченный инстинктомъ, но тотчасъ же онъ опять стыдливо отвелъ глаза и сказалъ со вздохомъ:

— Конечно, дѣлаемъ уваженіе...

Въ открытое окно, какъ въ рамкѣ, виднѣлась широкая городская дорога и по ней приближалась изъ города телѣжка. Въ телѣжкѣ сидѣли дама и молодой человѣкъ съ околышемъ. Въ ногахъ у нихъ виднѣлись кульки и свертки.

Надсмотрщикъ инстинктивно насторожился, но остался на мѣстѣ, только проводивъ телѣжку тѣмъ же какъ бы застѣнчивымъ взглядомъ.

— Съ рыбой проѣхали?—спросилъ я, улыбаясь.

— Да ужъ... не безъ этого... На дачу, въ сады, съ провизіей...

И, какъ бы подкупленный тѣмъ, что я уже сталъ свидѣтелемъ его слабости, онъ сказалъ довѣрчиво:

— Въ нашей должности большой умъ надо... Дѣло наше, прямо сказать, суворовское...

— Почему именно суворовское?—спросилъ я, улыбаясь этому сравнению.

— Да вы про Суворова-то развѣ не читали? Какой генералъ былъ знаменитый! А по такци никогда не дѣйствовалъ. Все больше по глазомѣру. Такъ ли я говорю?

— Пожалуй.

— То-то и оно. То же и въ нашемъ дѣлѣ: становшь всякаго остано-

вливать,—скажутъ: напрасное безпокойство. Не останавливать вовсе,—зачѣмъ и поставлень...

Онъ вдумчиво и важно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Возьмемъ такой случай: идетъ въ луга косецъ, несетъ для своего, напимѣръ, продовольствія десятокъ вобловъ. Ежели ему пошлину платить, въ конторѣ сколько время околачиваться, да и цифры такой нѣту: много полкопейки. Что я долженъ дѣлать?

— Не знаю,—отвѣтилъ я съ полною искренностью.

— По правилу, я обязанъ сказать: садись, милый человекъ, на валу, скушай воблу свою на здоровье, а съ рыбой я за валъ пустить не обязанъ. Хорошо! Да вѣдь онъ можетъ не голоденъ, а въ лугахъ ему вобла нужна...

— Ну, и по глазомѣру? — сказалъ я сочувственно.

— По глазомѣру-то, по глазомѣру, а вѣдь тоже зачѣмъ-нибудь и будка поставлена. Начальство скажетъ: тебя зачѣмъ опредѣлили, — га-локъ считать?

И въ послѣдній разъ скользнувъ по мнѣ какъ бы все еще сомнѣвающимся взглядомъ, онъ прибавилъ:

— Дѣлаемъ уваженіе, конечно...

И затѣмъ, попрощавшись, онъ спокойно усѣлся на ступенькахъ будки, а я перешагнувъ городскую черту въ роли контрабандиста, которому оказана явная поблажка или „уваженіе“... Отойдя шаговъ съ десятокъ, я оглянулся. Суворовъ опять шарилъ въ телѣгѣ проѣзжаго казака, но, повидимому, его снисходительность истощилась, и у будки завязался крупный разговоръ. Черезъ минуту телѣга обогнала меня, и ея хозяинъ, старшій, сѣдой казакъ, что-то сердито ворчалъ. Въ качествѣ казака, онъ имѣлъ право безошлинно провезти, не выправивъ предварительно билета, что сопряжено съ цѣлой процедурой.

Остальную часть пути мы сдѣлали безъ приключеній. Дорога, извиваясь, подошла къ садамъ, пробѣжала по бревенчатому мосту за рѣку Чаганъ и поднялась на небольшую возвышенность. Здѣсь на время опять мелькнулъ просторъ степи, уходившей вдаль. Цѣлая облака пыли надвигались оттуда по старому казанскому тракту. Киргизъ-косячникъ гналъ табунъ лошадей къ своей кибиткѣ, одиноко стоявшей на выгонѣ, и лошадиныя морды мелькали, слабо рисуясь въ золотистомъ пыльномъ облакѣ... Скоро сады прижали дорогу къ тихой степной рѣчкѣ Деркулу, причудливыми извилинами какъ бы переплетавшейся съ Чаганомъ. Городъ, со своей аркой и главами церквей лишь издали мелькалъ въ промежуткахъ зелени...

Уральская желѣзная дорога построена еще совѣмъ недавно. Казачій строй допустилъ къ себѣ опаснаго сосѣда: на отчужденной землѣ стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, въ темные осенніе

вечера загорѣлось электрическое освѣщеніе. Теперь подѣ бокомъ у бывшаго яницкаго городка растетъ цѣлый поселокъ, живущій своею особенною жизнью. Вокзалъ и линія желѣзной дороги — это вторженіе „иногороднаго“ элемента въ самое сердце исключительно казачьей общины.

Здѣсь паровой свистокъ, котораго войско не желаетъ слышать на рѣкѣ, раздается властно и невозбранно, растутъ склады, магазины, каменные дома... Зато на югѣ старыи историческій „городокъ“ прижимается къ Яику съ его нетронутыми водами и учугомъ.

Это два полюса, два разныхъ періода исторіи, Европа и Азія, прошедшее и будущее этой казачьей страны.

На самомъ рубежѣ между ними, какъ бы заступая дорогу надвигающейся Европѣ, на „Большой“ городской улицѣ стоитъ старыи соборъ, почтенное сѣрое зданіе съ шатровыми крышами и облупившейся штукатуркой. Это тотъ самыи соборъ, колокольня котораго была когда-то взорвана пугачовцами. До сихъ поръ старожилы указываютъ груды камней и щебня, отмѣчающихъ мѣсто этого взрыва.

Здѣсь все и до сихъ поръ носить характеръ глубокой, сѣдой старины. Старыи соборъ, закрывающій убогіе курени отъ европейскаго конца Большой улицы, замѣчательнѣ тѣмъ, что, по общимъ отзывамъ, упорно „не принимаетъ новой штукатурки“ и уже нѣсколько разъ сбрасывалъ ее съ себя, какъ ничтожную шелуху, обнажая опять старыи окаменѣвшій кирпичъ, надъ которымъ пронеслись уже вѣка, междуособія и стихіи.

Вокругъ собора и за нимъ раскинулись „курени“: убогіе деревянные домишки, порой плетневые мазанки съ плоскими крышами. Здѣсь уже и не пахнетъ городомъ. Казачата играютъ въ уличной пыли и на муравѣ, мимо церкви бредетъ старыи-престарыи казачище съ посошкомъ и бормочетъ что-то про себя. Вдали видѣются крутые, глинистые обрывы Урала, уже на другой, „бухарской“ сторонѣ. И подѣ шумъ степного вѣтра, налетающаго оттуда и крутящаго вихрями летучую пыль, какъ-то даже забываешь, что стоишь на той же улицѣ, въ другомъ концѣ которой красуются триумфальная арка, европейскіе магазины, вокзалъ, элеваторы...

Первая „достопримѣчательность“ города Уральска, съ которой мѣстные жители прежде всего знакомятъ всякаго пріѣзжаго, есть, безъ сомнѣнія, такъ называемый уральскій учугъ.

Учрежденіе это — единственное въ своемъ родѣ. Идея его очень проста: если въ извѣстномъ мѣстѣ перегородить поперекъ всю рѣку, то красная рыба, подымаясь съ моря, остановится у перегородки и дальше уже не пойдетъ. Для метанія икры она должна выбирать мѣсто ниже этой преграды и такимъ образомъ будетъ скопляться здѣсь въ большихъ количествахъ.

Такия перегородки, сдѣланныя изъ шестовъ и плетня, можно видѣть на многихъ захолустныхъ рыбныхъ рѣчонкахъ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ ихъ называютъ „заплотами“, и изъ-за этихъ заплотовъ

кавъ до дерева. Лишь въ просторѣ въ величайшую айшій въ мірѣ заплотъ, не уступающую Рейну. мѣ знакомымъ казачьимъ ный вѣтеръ. Рѣка, вспѣ-

между сѣверными дѣлами казачье войско, сложившееся на степномъ земельную общину, соорудило также и велич перегородившій огромную рѣку, по величинѣ

Въ тотъ день, когда я, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, подѣхалъ къ учугу, былъ сильн

ой губерніи.

берегахъ, шума и прыгая, одного берега до другого, ть. Вдоль этой настилки, съ лѣвой стороны виднѣвъ. Эти шесты, проходя ихъ „бѣлоногами“), обра-нящую до дна. Это—такъ проходитъ лишь мелкая деревянныя рѣшетча-ть на учугъ постороннимъ быстраго теченія и волны.

Крестьянская изба въ Астраханско

ненная крѣпкой волной, мчалась въ крутыхъ Б какъ дикій степной скакунъ. Передъ нами, съ лежалъ неширокій дощатый помостъ на сваяхъ напоминающей простой пѣшеходный мостикъ, лась частая щетина тонкихъ желѣзныхъ шесто черезъ два горизонтальныхъ бревна (называемы зуютъ вмѣстѣ съ ними частую рѣшетку, доход- называемый „кошакъ“, черезъ который можетъ рыба. На обоихъ концахъ помоста возвышаютъ тыя сооруженія съ дверьми и подписью: „вход- строго воспрещается“.

Теперь весь этотъ помостъ вздрагивалъ отъ Б

У кошака стоялъ шумъ и звонъ... Кругомъ на рѣкѣ не было видно ни лодочки, ни паруса, ни парома, за исключеніемъ двухъ-трехъ бударь, опрокинутыхъ на песчаной отмели и принадлежащихъ учужной водолазной командѣ. Яикъ, дикій и красивый, неся на просторѣ, срывая глинистые яры, и внезапно кидался на неожиданную преграду. Во всей картинѣ чувствовалась какая-то дикая прелесть, своеобразная и значительная. Дѣйствительно, здѣсь, на мѣстѣ столкновенія свободной рѣки съ желѣзной рѣшеткой, центральное мѣсто Урала, настоящая душа его, одинъ изъ главныхъ ключей къ его жизни.

Учугъ ставятъ весной и снимаютъ позднею осенью. Въ тихія лѣтнія утра или передъ солнечнымъ закатомъ уральскіе жители пріѣзжаютъ сюда смотрѣть рыбу. Подымаясь съ моря, вверхъ по теченію, огромные осетры, толстыя бѣлуги и сазаны доходятъ до учуга и здѣсь недоумѣло останавливаются. Начиная съ іюля, весь августъ и сентябрь можно видѣть, какъ рыба суется вдоль кошака, разыскивая проходъ. Но желѣзная рѣшетка не уступаетъ усиліямъ и, посовавшись напрасно, рыба уходитъ внизъ, мечетъ икру и подыскиваетъ мѣста для „ятовей“, гдѣ располагается на зимовку. А за всѣми ея движеніями слѣдятъ, отъ низовьевъ и до самаго учуга, особо назначенные отъ войска караулы. Объ ея появленіи береговые и учужные казаки доносятъ войсковому управленію, какъ о движеніяхъ непріятеля.

Въ тотъ день, когда я стоялъ на помостѣ учуга, рыбы совсѣмъ не было видно. Вода вся замутилась, желѣзные шести дрожали и звенѣли, около рѣшетки рѣка образовала настоящій водопадъ, отшибавшій рыбу обратно. Караульный казакъ сунулъ въ мутную воду длинный шесть, который называется „наслушкой“. Суясь вдоль рѣшетки, рыба толкаетъ боками шесть и такимъ образомъ обнаруживаетъ свое присутствіе. Но на этотъ разъ и наслушка дрожала только отъ ударовъ струи. Глубь рѣки была мутна, непроницаема и какъ будто мертва.

— Нѣтъ вашего счастья,—сказалъ казакъ, добродушно улыбаясь.— Штурма на рѣкѣ большая.

— А осетръ уже пришелъ?—спросилъ мой спутникъ, офицеръ.

— Пришелъ! Вчера утромъ все ходилъ вдоль кошака... Сунетъ носъ межъ шестовъ и идетъ книзу. Потомъ кверху подымается. Весь кошакъ такъ occupaеть... Потомъ уже бросить, идетъ вояъ туда, къ яру.

— А сазанъ?

— Сазанъ еще не подходилъ. А вонъ тамъ, подъ дальнимъ яромъ уже видно. Малька хватаетъ...

И казакъ дѣлился новостями этой мутной глубины, въ которой онъ читаетъ, какъ въ открытой книгѣ. Лицо у него типичное, широкое и скуластое, глаза маленькіе, необыкновенно добродушные, а порой лукавые. На немъ неизбѣжная фуражка съ малиновымъ околышемъ, бу-

мачевая косоворотка, штаны съ малиновыми лампасами засунуты въ голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозить въ каждомъ его движеніи. Это не мужикъ и не солдатъ, это именно казакъ. Рыбакъ, стоящій по-военному на караулѣ у рѣки, военный, справляющій войсковую службу у рыбы. Когда я направляю на учугъ свой фотографическій аппаратъ, онъ становится на серединѣ помоста и вытягивается во фронтъ, забывъ, что мы застали его даже безъ кафтана, въ одной косовороткѣ. И онъ выходитъ на моемъ снимкѣ въ этой вытянутой служебной позѣ часового. А затѣмъ меня опять приятно поражаетъ свободная непринужденность, съ какою онъ ведетъ бесѣду съ офицеромъ. Это не начальникъ и не подчиненный, а два рыбака, обмѣниваюшіеся интересующими обоихъ рѣчными новостями. Осетръ уже ищетъ мѣсто для „ятовей“, бѣлуга еще не пришла, сазанъ уже поднялся почти къ самому учугу. Вчера водолазная команда поймала большого персидскаго осетра. Персидскимъ онъ называется потому, что не зимуетъ въ уральскихъ водахъ. „Выбьетъ икру и катать, подлець, опять въ море, къ персидскому берегу. И видомъ отличается отъ нашего: бѣлѣе и жучка (пятна) крупная“. Водолазы испугали этого иностранца, и онъ выкинулся на мель. Его продали съ аукціона въ пользу войсковой казны...

— Все въ нее матушку, какъ въ прорву,—иронически говоритъ казакъ.—А что толку?—Въ его глазахъ, пытливо и быстро заглядывающихъ на офицера, сверкаетъ огонекъ.

— Мало ли у войска надобностей,—говоритъ тотъ.

— У войска?—переспрашиваетъ казакъ, и огонекъ въ его глазахъ вспыхиваетъ сильнѣе.—Нѣтъ, ваше благородіе, не видитъ себѣ войско отъ казны пользы... Вотъ послушай, что я тебѣ скажу,—поворачивается онъ ко мнѣ.—Были у насъ голодные годы. Отощали казаки до той степени: и ѣсть нечего, и сѣять нечѣмъ. Тутъ бы, кажется, вспомнить: есть, дикать, у казаковъ казна накоплена. Купить хлѣба, купить сѣмянъ, раздать. Потомъ изъ урожая хоть опять возьми. Такъ ли я говорю?

Я не видѣлъ основанія для возраженій.

— Что жъ, ты думаешь, дала казна подмогу? Чорта лысаго! Не правду я говорю, ваше благородіе?

Офицеръ не отвѣчаетъ. Лицо у него нѣсколько скучающее: очевидно, онъ эти разговоры слышалъ уже много разъ и, вѣроятно, они ему уже надоѣли.

— Ты свистунскій?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Такъ точно,—отвѣтилъ казакъ, и легкая, чуть замѣтная усмѣшка пробѣжала подъ его жидкими свѣтлыми усами. Станица Круглоозерная, въ просторѣчій именуемая почему-то Свистуномъ, расположена верстахъ въ 12-ти отъ Уральска, но по обычаю, одеждѣ и всему старинному укладу своей жизни напоминаетъ самыя отдаленныя низовыя станицы,

не тронутыя вліяніемъ новыхъ временъ. Населеніе ея сплошь старо-обрядцы разныхъ толковъ, народъ зажиточный, умный и упрямо подозрительный ко всякимъ нововведеніямъ.

И теперь при взглядѣ на простодушно-лукавое лицо свистунца съ его задорными вопросами мнѣ невольно вспомнилась старина, съ поборами старшинъ и оппозиціей войска, напрасно требовавшего „учета“. Времена, конечно, перемѣнились, но и теперь „войско“, т.-е. собственно огромная хозяйственная община, не имѣетъ прямого рѣшающаго вліянія ни на опредѣленіе размѣровъ, ни на распоряженіе своей „казной“. Въдается она чисто бюрократическимъ учрежденіемъ—войсковой канцеляріей, надъ которой стоитъ атаманъ, военный генералъ не изъ уральцевъ, иногда не имѣющій понятія объ этомъ своеобразномъ общинномъ хозяйствѣ, въ которомъ однако онъ „командуетъ“ (порой чисто по-военному) и покосами, и рыбной ловлей.

По настилкѣ учужнаго помоста мы перешли на другой берегъ рѣки. Здѣсь онъ значительно выше и обрывается крутымъ глинистымъ яромъ.

— Азія!—сказалъ мой спутникъ, указывая рукой на безграничную степь, уходящую далеко къ горизонту. Рѣка невдалекѣ поворачивала и терялась за мысомъ, но далѣе въ синѣвшихъ предвечернею мглою лугахъ долго еще сверкали ея разорванныя свѣтлыя излучины. Правый берегъ ея („самарская сторона“)—издавна казачій; лѣвый, а за нимъ вся степь до Бухары и Аральскаго моря принадлежали прежде кочевникамъ—киргизамъ. Когда-то надъ этой свѣтлой полоской, сверкающей въ зелени луговъ, кипѣла неустанная борьба и лилась кровь. Орда считала рѣку своею, и еще во времена уральскаго Ильи Муромца, „старога казака Харкушки“, „перезазила“ черезъ броды и переправы и кидалась „на Русь“, увозя оттуда скоть и плѣнныхъ. Казаки сторожили переправы и старались, наоборотъ, захватить въ свое владѣніе и лѣвый берегъ съ его богатыми поемными дугами и ковыльною степью.

Теперь все это давно миновало. Орда „замиралась“ и, несмотря на послѣднія вспышки 1874 и 1879 годовъ, когда казакамъ опять приходилось усмирять своихъ сосѣдей, сами они говорятъ, что отъ Уральска до Каспійскаго моря можно теперь проѣхать совершенно безопасно и даже безъ оружія. Значеніе боевой границы Урала исчезло, и онъ представляетъ отъ учуга до моря только огромный живорыбный садокъ. Начиная отсюда и до самаго Гурьева рѣка лежитъ въ своихъ берегахъ, неприкосновенная и дѣвственная... Ни бударки, ни паруса, ни плота, ни парома. Даже перевозки устроены только въ четырехъ мѣстахъ.

При взглядѣ на эту полную, быструю рѣку у меня невольно явилась мысль о пароходствѣ. Въ Петербургѣ я слышалъ, что отъ Уральска можно проѣхать на пароходѣ до Оренбурга, и теперь я спросилъ наивно, гдѣ же здѣсь пароходная пристань.

Мой спутникъ, офицеръ, усмѣхнулся.

— Слышишь,—обратился онъ къ учужному казаку,—вотъ они спрашиваютъ насчетъ парохода?

Свистунецъ насторожился.

— Какі, ваше благородіе, пароходы? Въдъ у насъ никакихъ пароходовъ нѣтъ.

— А я слышалъ, что у васъ пароходы ходили отъ Оренбурга.

— А! Это ты видно про ванюшинску машину... Ну-у!—сказалъ онъ съ пренебреженіемъ и какъ бы успокоившись.— Какой пароходъ. Такъ, дрянная посудина... Я на бударкѣ обгонялъ...

Пароходъ, говорили мнѣ, дѣйствительно былъ неважный, изъ тѣхъ, какіе бултыхаютъ старыми колесами по мелкимъ рѣчонкамъ волжскаго бассейна. И однако въ теченіе своей недолгой карьеры эта „посудина“ своимъ бултыханьемъ заставила весь Уралъ насторожиться, точно передъ новымъ непріятельскимъ нашествіемъ.

— Все войско, подлецъ, растравилъ! — прибавилъ учужный казакъ съ раздраженіемъ.—Потомъ отказали: не надо. Такъ что войско болѣе не желать...

— Чего же вы боялись?—спросилъ я съ невольной улыбкой.—Ходилъ онъ выше учуга, да и сами вы говорите, что посудина дрянная.

— Да въдъ... дрянная-то она дрянная, а сколько пудовъ все-таки тащить...

— Такъ что же?

— То-то вотъ. Войско, значить, и опасается. Почуетъ, проклятая, припентъ, перекинется и за учугъ. Пожалуй, не удержишь... Тогда въдъ можетъ всю рыбу распугать. Войско должно оголодиться... Такъ ли я говорю, ваше благородіе? — прибавилъ онъ, тревожно всматриваясь въ лицо офицера.

Въ тонѣ его голоса звучали неувѣренность и грусть. Можетъ быть, у него явилось подозрѣніе, что я тутъ разсматриваю и спрашиваю неспроста и что въ моемъ лицѣ жадная до „припента“ машина уже изслѣдуетъ ходы на дѣвственную рѣку, гдѣ ея свистокъ вмѣстѣ съ рыбой распугаетъ и многіе бытовые устои казачей жизни.

— Вѣрно, вѣрно!—успокаиваетъ его офицеръ.—Дѣйствительно,—говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—пароходъ пробовалъ установить рейсы по среднему теченію Урала, но это было уже давно.

— Войско не пожелало!—твердо прибавляетъ учужный казакъ,—шишь съѣла!

Оттого ли, что войско „не пожелало“, или по другой причинѣ, но дѣйствительно рейсы прекратились, и дикій Яикъ, дѣвственный и вольный, пока свободно бѣжитъ между ярами, шипитъ у желѣзныхъ шестовъ учуга и баюкаетъ залегающія въ омутахъ ятови красной рыбы.

Въ другой разъ я подъѣхалъ къ берегу Урала у Бѣлыхъ горокъ (верстахъ въ 10 ниже Уральска, въ запретной части рѣки). Здѣсь, на увалѣ, стояла сторожка, изъ которой къ намъ вышелъ старый казакъ въ сѣромъ пиджакѣ и форменной фуражкѣ.

Это былъ караульный пикетчикъ, на обязанности котораго было слѣдить за рѣкой. Нѣкогда такіе пикеты наблюдали за движеніями орды, теперь они слѣдятъ только за поступками рыбы. Пикетчикъ зналъ рѣчную глубину такъ же отчетливо, какъ и чужной казакъ, и такъ же увѣренно рассказывалъ, кто изъ водныхъ обитателей уже изволилъ прибыть изъ моря и кто ожидается на-дняхъ, а такъ же гдѣ кто изъ этихъ новоприбывшихъ избираетъ себѣ мѣста для становакъ („ятовей“). Затѣмъ онъ указалъ мнѣ рукой вдаль, на „степную сторону“, и сказалъ:

— А вонъ тамъ другой пикеть.

Вглядѣвшись, я дѣйствительно увидѣлъ вдаль бѣлую фигуру. Еще дальше въ сѣрѣющей степной мглѣ мелькала третья, уже чуть замѣтная, бѣлая точка.

— И такъ до моря?—спросилъ я.

— Да, до самаго Гурьева...

— Ну, а выкупаться тутъ можно?—спросилъ я наивно, истомленный жарой.

Въ глазахъ пикетчика мелькнуло выраженіе самаго неподдѣльнаго испуга.

— Что вы это, Богъ съ вами!—произнесъ онъ, какъ бы очнувшись.— Какъ можно въ рѣкѣ купаться? Въ озерахъ—сколько угодно, а въ рѣкѣ... Да тутъ слѣдъ на песокъ увидать,—я обязанъ объяснить, кто и для какой надобности подходилъ къ берегу... А вы купаться!.. Ахъ, Боже мой!..

Онъ съ искреннимъ изумленіемъ смотрѣлъ на человѣка, который могъ сказать такую несообразность, и для того, чтобы хоть отчасти возстановить мою репутацію, спутникъ мой по этой повѣздкѣ долженъ былъ разъяснить ему, что я пріѣзжій и мѣстныхъ порядковъ не знаю.

Зато эта тихая рѣка становится неузнаваемой въ періоды осеннихъ и весеннихъ плавень, когда войско усѣиваетъ бударами всѣ берега и яры и затѣмъ, по сигналу, кидается на рѣку и идетъ „ударомъ“ на высмотрѣнныя раньше ятови. Здѣсь уже исчезаетъ всякое іерархическое различіе, и казачій офицеръ, будь онъ даже полковникъ, становится въ рядъ съ простымъ казакомъ. Будары соединяются по двѣ, въ каждой сидятъ ловець-казакъ и гребцы (гребцы могутъ быть и наемные). Говорятъ, если въ это время (что случается нерѣдко) какой-нибудь ловець, стоящій на ногахъ въ узкой и шаткой бударкѣ, упадетъ въ воду (иногда даже ледяную), вся эта масса бударъ пронесется мимо, какъ кавалерійскій отрядъ въ атакѣ надъ упавшимъ съ лошади, и никто не остановится, чтобы подать ему помощь.

Зимой въ періодъ багренья войско двигается вдоль берега отъ Уральска внизъ, по направленію къ Гурьеву, останавливаясь въ заранѣ отведенныхъ мѣстахъ и такъ же по сигналу кидаея въ сани на ледъ къ мѣстамъ лова. Рѣка закипаетъ тогда своеобразно походною жизнью. За войскомъ тянутся торговцы рыбой, тутъ же заготовляющіе и отправляющіе ее цѣлыми обозами въ Россію, продавецъ съѣстныхъ припасовъ, сапоговъ, рукавицъ, шапокъ, принадлежностей лова, наконецъ виноторговцы, „знямки“, по старой памяти о „царевомъ винѣ“ выставяющіе надъ бочками національные флаги.

Эти походы всѣмъ войскомъ противъ безопасно зазимовавшей рыбы представляютъ тоже явленіе, можетъ быть, единственное въ своемъ родѣ, содѣйствующее въ высшей степени сохраненію на Уралѣ казачьяго быта и типа. Войско въ эти періоды чувствуетъ себя въ сборѣ. На привалахъ обсуждаются общественныя дѣла, кипятъ религіозные споры, распространяются политическія новости. И въ старину всякая смута зарождалась въ этихъ походахъ.

На время севрюжьей ловли и багренья назначается особый атаманъ рыболовства, обязанный слѣдить за соблюденіемъ правилъ лова. Но еще болѣе властнымъ распорядителемъ является обычай. Надо отдать справедливость войску: загородивъ свою рѣку, оно сумѣло дѣйствительно завести на ней образцовые рыболовные порядки, и здѣсь общинный духъ, повидимому, сказался гораздо полнѣе, чѣмъ въ примитивной земельной общинѣ. Наблюденія войска надъ нравами и образомъ жизни водяныхъ обитателей могли бы дать интересный матеріалъ для науки. Въ собраніи уполномоченныхъ ежегодно обсуждаются вопросы, возникающіе на почвѣ рыболовства, и послѣ тщательнаго обсужденія новыя приемы самаго лова или его обширныхъ распорядковъ осторожно вводятся въ практику.

Первый участокъ рѣки, раздѣленный для багренаго рыболовства, всегда отводится для такъ называемаго „презента“. Это старинный обычай, и уже во времена Михаила Теодоровича низовыя явцкія станицы ѣздили въ столицу, кланялись государямъ войсковымъ рыбнымъ подаркомъ и получали въ свою очередь „ковши и сабли“. Войско дорожить этой патріархальной традиціей. Къ сожалѣнію, какъ это можно часто наблюдать въ этой архаической сторонѣ, къ старинному обычаю присоединились старинныя же злоупотребленія. Старшины, распорядившіеся „презентомъ“ безконтрольно, стали употреблять остатки (очень значительные) отъ этого обще-войскового улова на подарки „нужнымъ людямъ“, часто никакого отношенія къ войску не имѣвшимъ.

Зато нѣтъ, кажется, такой силы, которая могла бы по произволу нарушить установившіеся и освященные обычаи самаго лова. Въ своеобразномъ строѣ этой казачьей общины ея военное начальство совмѣ-

щаетъ (въ идѣ, конечно) съ званіемъ командира также званіе своего рода общиннаго патріарха, распоряджающагося ея хозяйственнымъ и даже иной разъ домашнимъ бытомъ. По его „прочетному приказу“, съ которымъ гонецъ-казакъ скачетъ отъ станицы къ станицѣ, войско начинаетъ на всемъ протяженіи общій покосъ и по его же сигналу идетъ ударомъ на рыбныя ятовн.

Отъ Москвы до Челябинска.

(Носилова.)

Мой путь былъ прямо къ Уралу, границѣ Сибири.

Расписаніе поѣздовъ цѣлаго ряда желѣзныхъ дорогъ обѣщало перенести меня черезъ Рязань, Ряжскъ, Моршанскъ и Пензу, Кузнецкъ и Самару, Бугурусланъ и Уфу на Уралъ и въ восемьдесятъ два часа доставить до самаго Великаго Сибирскаго пути въ Челябинѣ.

Мы живо миновали Рязань съ ея красавицей Окой, Ряжскъ и, поверотивъ прямо къ востоку, теперь уже неслись прямо къ Уралу, къ далекой еще Сибири.

Потянулись голыя степи, безконечныя поля, изрѣдка деревни, села, изрѣдка лѣсокъ, рѣка, изрѣдка фабрика, хуторъ. Это — хлѣбородная Россія, это центръ ея хлѣбнаго хозяйства, съ усадьбами помѣстій, съ богатыми селами, съ крупнымъ оборотомъ торговли. На пути попадаютъ цѣлыя поѣзда хлѣба, станціи завалены мѣшками муки, обозы ямщиковъ свозятъ его отовсюду и хлѣбъ направляется въ путь къ далекимъ портамъ. Здѣсь даже города окружены не фабриками, не заводами, а мельницами, которыя, стоя по косогорамъ, медленно машутъ сотнями крыльевъ, словно провожая поѣзда съ хлѣбомъ въ дорогу.

Но богатство хлѣбородной страны ничѣмъ не давало себя знать мимолетному взгляду. Большія села стояли безъ зелени, безконечныя поля тянулись безъ признака лѣсовъ, дороги грязною полосой ложились по чернозему, и станціи пути — и тѣ не могли воспользоваться богатствомъ климата, земли, обиліемъ солнца, чтобы хоть немного скрасить свои голыя стѣны, чтобы немного дать отдохнуть глазу на зелени, цвѣтахъ.

За Пензой мы покинули степь; долго бѣжали вдоль берега красивой Волги; какой-то бойкій пароходъ, несясь вверхъ по теченію, два раза насъ обогналъ на ставціяхъ и въ третій поспѣлъ какъ разъ въ то время, когда мы, сдѣлавъ большой крюкъ, направились прямо къ Волгѣ, вбѣжали на колоссальный мостъ и тихо двинулись по нему черезъ раскинувшуюся подъ ногами громадную, величественную рѣку. Это рѣдкое зрѣлище долго занимало вниманіе и разговоры пассажировъ, когда мы уже снова быстро неслись по заволжской степи по направленію къ богатой Самарѣ.

За Волгой началась вторая половина нашего пути, вторая степь, но уже другого характера. Она была не такъ ровна, не такъ убрана полями хлѣба, не такъ богата селами и городами, но она больше оживляла горизонтъ, она больше привлекала къ окну разнообразіемъ своихъ картинъ.

Въ Самарѣ еще разъ мы видѣли издали Волгу и, простившись съ ней, двинулись по равнинамъ Оренбургскихъ степей.

Станціи стали рѣже; поѣздъ то замедлялъ ходъ на крутомъ подъемѣ, то вился по закругленіямъ; по сторонамъ плыла изрытая, пустынная степь, изрѣдка разработанная въ поле, изрѣдка превращенная въ луга, но больше это была степь, слегка волнистая, приподнятая, въ оврагахъ которой сидѣлъ мелкій лѣсокъ, кустарники.

На станціяхъ уже появились башкиры, татары, восточный костюмъ, запахло Азіей.

По сторонамъ дороги, изъ-за бугровъ, балокъ, въ долинахъ чаще и чаще стали выплывать, вмѣсто бѣлаго каменнаго нашего деревенскаго храма, мечеть, стройный минареть; на пустынной степи стали появляться всадники, и одинъ изъ нихъ долго занималъ вниманіе чуть ли не всего поѣзда, гоняясь за кѣмъ-то по голой степи верхомъ на бойкой карей лошади... То онъ скакалъ вдоль нашего пути, то онъ скрывался въ лощинахъ, то онъ снова вылеталъ на степь все тѣмъ же бѣшенымъ аллюромъ, съ ногойкою въ рукахъ, жестоко настигая ея свою тощую лошадь. Но вотъ онъ направился въ нашу сторону, вотъ скачетъ на поѣздъ, кто-то кричитъ ему, онъ поворачиваетъ наперерѣзъ пути, и мы вблизи поѣзда замѣчаемъ ковыляющаго волка, который въ одинъ мигъ пересѣкаетъ намъ путь, за нимъ проскальзываетъ чуть не передъ самымъ паровозомъ всадникъ, и оба они вмигъ скрываются въ глубокомъ оврагѣ, исчезая окончательно съ глазъ...

Говорятъ, что такія картины здѣсь не рѣдкость, и вагонъ шумно начинаетъ оспаривать успѣхи всадника и шансы звѣря, которые, кажется, успѣли уже пробудить дремавшія страсти нашихъ охотниковъ.

Двигаясь не быстро по степи, мы проѣхали Бугурусланъ, въ сторону Белебей, нѣсколько богатыхъ хлѣбныхъ селъ; но здѣсь уже не давали себя знать города, но встрѣчала насъ городская публика, жадная до зрѣлищъ проходящихъ поѣздовъ; села тоже не говорили о бойкой жизни, и только порой одни татары и башкиры разнообразили пустынную станцію дороги, появляясь группами, провожая какого-нибудь муллу, богатаго жителя въ ближайшій городъ.

Ближе къ Уфѣ мѣстность стала становиться болѣе и болѣе волнистой. Вдоль пути потянулись отроги, по нимъ къ рѣкамъ сбѣгалъ темный дубовый лѣсокъ, долины стали глубже, села болѣе обрисовывались по склонамъ уваловъ, и мы видимо покидали окончательно степь, без-

лѣсье, чтобы войти въ горы, въ лѣсную полосу склоновъ Уральскаго хребта. Мы тише и тише поднимались на возвышенность, поѣздъ чаще и чаще замедлялъ ходъ, и вотъ вдали какъ будто засинѣли горы, показался на высокомъ берегу городъ Уфа, бѣлѣя своими храмами, каменными зданіями.

Красивый городъ! Подъ нимъ рѣка Бѣлая; высокій, гористый увалъ нависъ надъ рѣкой, и поѣздъ словно не знаетъ еще, какъ подойти, какъ пробиться къ горамъ. Замедля ходъ, онъ медленно проходитъ по красивому мосту, катится еще вдоль крутого зеленого склона, по которому спустилось нѣсколько улицъ, и останавливается на живописномъ берегу рѣки, изъ-за ближайшаго мыса которой намъ навстрѣчу бѣжитъ легкій пароходъ. Степь забыта, вниманіе привлекаютъ свѣжій лѣсокъ, рѣка, плоты, баржи, пароходъ, темные склоны горъ, вершины елей.

Небольшая остановка на станціи „Уфа“, и поѣздъ снова двигается въ путь.

Жизнь вагона нарушена: безконечные разговоры смѣнялись любопытствомъ, пассажиры торопятся занять мѣсто у окна, всѣ высовываютъ головы и слѣдятъ за каждымъ поворотомъ пути, за каждою открывающеюся новою картиной живописной мѣстности. Поѣздъ тихо, съ шумомъ выбрасывая паръ, поднимается въ гору и медленно, изгибаясь, ползетъ впередъ, взбираясь понемногу все выше и выше.

Какая чудная панорама послѣ бѣдныхъ видовъ степи! Внизу подъ нами бѣлою лентой вьется рѣка; на ней какъ букашки плаваютъ лодки, суда; вдали краснѣетъ крышами станція; прямо—сплошная темно-зеленая щетка лѣса, а тамъ луга, луга и степь до самаго горизонта.

Но вотъ препятствія кончены, паровозъ вздохнулъ, и мы покатали уже среди настоящаго хвойнаго дикаго лѣса, переѣзжаемъ долину рѣки, перескакиваемъ незамѣтно мостъ со скалистымъ берегомъ и летимъ въ конецъ дикаго оврага, надъ которымъ уже сияютъ горы, лѣсъ, выглядываютъ сѣрыя острия скалы.

Зной степи смѣнился прохладой лѣса, скучный путь—красивѣйшимъ въ Россіи путемъ, съ чисто швейцарскимъ ландшафтомъ. Паровозъ словно ожилъ; онъ постепенно, словно шутя, вьетъ поѣздъ, то перескакивая со склона одной горы на другой, то перебрасываясь надъ мутными, шумными рѣчками, то прячась въ выемкахъ, то скрываясь совсѣмъ въ туннеляхъ, то снова вылетая на берегъ, въ долину рѣки, съ которой онъ никакъ не хочетъ разстаться, слегка обрадовавшись, что онъ нашелъ по ней путь, чтобы пробраться въ самый центръ Урала. А тотъ—угрюмый, лѣсистый, спокойный—величественно смотритъ на узкій смѣлый путь, то выглядывая круглою голою вершиной изъ-за склоновъ, то выдвигаясь громадною отвѣсною скалой къ самой рѣкѣ, словно за-

гораживая путь человѣку. Вотъ долина рѣки; она вся поросла, какъ и склоны, мохнатымъ хвойнымъ лѣсомъ, но ней журчить горная рѣчка, склоны молчаливо нависли съ горъ, и всюду лѣсъ, темный лѣсъ, съ острыми вершинами, тишиной, даже безъ признака человѣка.

И только одиѣ стаяціи оживляютъ эти лѣса.

Откуда-то со стороны, изъ темнаго лѣса, вдругъ выйдетъ дорожка, трактъ, куда-то въ сторону уйдетъ тропа, проселочная дорожка. Это значить, что въ той сторонѣ, гдѣ-то между этими темными склонами лѣса спрятался заводъ, горное соленіе, рудникъ, маленькая охотничья деревушка. Порой изрѣдка даже виденъ дымокъ, порой поѣздъ пробѣгаетъ мимо пары домиковъ — и только, и это на всемъ пути, почти до самаго Златоуста.

Но эта пустынность выкупается красой мѣстности, и во весь день жаль оторваться отъ окна, жаль пропустить хоть одну картину.

Но вотъ вечерѣтъ, съ долины потянуло холодкомъ, склоны горъ зарумянились яркимъ закатомъ, и лѣсъ потемнѣлъ, сгустился, подернулся дымкой, засыпая послѣ яснаго лѣтняго дня. Наступаетъ лѣтняя свѣтлая ночь съ зарей на сѣверѣ.

Ураль становится суровымъ, горы кажутся выше, скалы грандіознѣе, обрывъ надъ путемъ ужаснымъ. Поѣздъ тоже, кажется, бѣжитъ быстрѣе, масса искръ летитъ мимо оконъ вагоновъ, и огонь паровоза то освѣщаетъ обрывъ, то скалу берега, то темный спящій лѣсъ.

Знаменитый своей сталью Златоустовскій заводъ спрятался за горой, города тоже не видно: мы его объѣхали, онъ остался гдѣ-то въ долинѣ горъ, и мы стоимъ въ глухомъ лѣсу подъ нависшими крутыми склонами самаго хребта Урала.

По издѣлія завода, мѣстныхъ кустарей, можно видѣть на вокзалѣ. Изъ разложенныхъ вещей можно видѣть и блестящіе ножи съ позолотой, и красивыя ножницы, и неуклюжіе ножи, кинжалы въ такихъ бархатныхъ нарядныхъ ножнахъ, что они скорѣе годны для дамскаго стола, чѣмъ для охоты.

Черезъ полчаса остановки мы двинулись дальше. Теперь намъ предстоитъ подняться на самый Уральскій хребетъ, перевалить его и потомъ уже спуститься въ равнину Сибири.

Поѣздъ тихо двигается въ гору, тянется вдоль крутого склона, описываетъ полукругъ; мы чувствуемъ, что поднимаемся; изъ оконъ вдали уже мелькаютъ огоньки только что оставленнаго вокзала, лѣвѣе видны другіе, — это городъ, заводъ, передъ нами какая-то пропасть, сквозь нее смутно видна зеркальная поверхность пруда, въ немъ отражается рядъ прибрежныхъ домиковъ, за ними развертываются огни города, улицы, террасами взбѣгая на отлогой горѣ.

Поѣздъ поднимается все вверхъ, машина съ шумомъ выбрасываетъ

клубы пара, колеса скрипятъ, спящій лѣсъ то оглашается звуками трубы, то освѣщается пламенемъ паровоза. Вотъ и вершина подъема. На сѣверѣ брезжить заря, на ней ярко отражаются вершины ближайшихъ елей, мѣсяцъ словно застылъ на чистомъ небосклонѣ, и холодокъ горь, утра, такъ и заставляетъ кутаться, несмотря на то, что мы среди лѣта. Пассажиры не спятъ: этотъ путь, этотъ перегонъ самый интересный, какъ говорятъ свѣдущіе люди. Мы на значительной высотѣ, на водораздѣлѣ двухъ системъ рѣкъ—Волги и Оби и, кромѣ того, на самой границѣ двухъ частей свѣта—Азіи и Европы.

Намъ показываютъ каменный столбъ,—это граница. И прежде чѣмъ мы сообразили, простились съ Европой, какъ поѣздъ уже проскочилъ мимо и покатился куда-то подъ гору, все быстрѣе и быстрѣе скатываясь по извѣстному пути, пролетая мимо склоновъ, отдѣльныхъ деревьевъ, скалъ, стараясь удержаться на тормозѣ. Съ каждою минутой быстрота усиливается, вагоны начинаютъ качаться, трястись, захватываетъ духъ, и мы быстро скатываемся навстрѣчу свѣжему утреннему вѣтерку, въ равнину Азіи, оставляя за собой и вершину горы, и лѣсистые склоны ея, и темный лѣсъ, и скалы.

Мнѣ никогда не забыть этого рѣзкаго перехода отъ горъ къ равнинѣ, этого перевала горъ, хребта, этой ночи съ слабымъ свѣтомъ зари и мѣсяца, этого перехода изъ Европы въ Азію.

Черезъ часъ мы уже катились по гладкой равнинѣ, веселой березовой лѣсъ бѣжалъ съ нами подъ гору, горизонтъ все дѣлался шире и шире, и снова степь, снова равнина, снова сѣрыя деревушки, бѣлый храмъ села, дымокъ, черноземная дорога, снова картина хлѣбородной страны, приволья русскаго крестьянина.

На восходѣ солнца мы увидали издали сѣрыя крыши домовъ города,—это Челябинскъ, теперь превратившійся изъ маленькаго города въ важный желѣзнодорожный узелъ Зауралья.

Еще подвѣзжая къ вокзалу, я замѣтилъ, что позади него на ровной площадкѣ стоятъ какія-то кибитки, шалаши, движется сѣрая масса, похожая на ярмарку, и, заинтересованный этимъ, я пошелъ поскорѣе посмотрѣть, что тамъ такое. Но это оказался громадный караванъ переселенцевъ, обычная картина сибирскихъ дорогъ на Уралѣ.

Цѣлая площадь была завалена котомками, спящими людьми, цѣлая площадь копошилась, какъ муравейникъ, живымъ народомъ, дожидавшимся уже два дня поѣзда. Переселенцы въ сѣрой, пыльной, грязной, ободранной одеждѣ, съ сѣрыми лицами мирно спали на тучномъ черноземѣ, уткнувшись въ сѣрыя котомки. И только что поднявшееся солнце ласково обливало ихъ яркими красными лучами, словно желая серасить эту сѣрую картину, эту нищету, эти заплаты, пятна, грязь и лохмотья спящія головы...

Я долго бродаль между этими любопытными спящими группами словно мертвого поля. Тутъ была цѣлая этнографія Россіи со всѣми представителями и юга, и запада, и востока, и даже Кавказскихъ горъ. Два деревянныхъ барака были полны женщинъ и дѣтей. Тамъ тоже спали на полу; но крикъ дѣтей, пѣсни убаюкивающихъ матерей только немного покрывали здоровый храпъ спящей вповалку толпы, которая только что разоспалась послѣ шумнаго дня, только что раскидалась во снѣгъ, на зарѣ новаго труднаго утра.

Дальше, въ сторонѣ, стоятъ лачуги торговцевъ. Скромныя, безграмотныя вывѣски говорятъ, что тамъ продается: горячая вода, супъ, щи, молоко, развѣшивается хлѣбъ,—все, что нужно для этой передвигающейся толпы народа, текущаго въ Сибирь цѣлыми десятками тысячъ въ лѣто.

Позднѣе, по мѣрѣ того, какъ поднявшееся солнце стало нагрѣвать спины и головы спящаго царства, переселенцы пришли въ движеніе, группы нарушили свою ночную прелесть, и скоро пробужденная тысячная толпа встала, зашумѣла, взгромоздилась и припла въ броженіе: кто шель за холодной водой, кто тащилъ чайникъ кипятку для чаю, кто вынималъ сѣрый хлѣбъ, кто усаживалъ дѣтей, уговаривая поѣсть передъ дорогой.

На станціи уже готовился для переселенцевъ поѣздъ въ Сибирь. Длинный рядъ красныхъ товарныхъ вагоновъ, превращенныхъ теперь въ четвертый классъ, стоялъ уже у платформы съ раздвинутыми дверями, ожидая пассажировъ. Въ вокзалѣ была страшная давка. Сѣрый мужикъ лѣзъ черезъ мужика къ длинному столу, гдѣ сидѣли чиновники, принимая проѣздные билеты; всѣ торопились поскорѣе отдѣлаться отъ скучной формальности; кто-то спорилъ, кто-то просилъ милости, кто-то вынималъ и подавалъ деньги, поднимая высоко надъ головой другихъ, обращая общее вниманіе. Двери на платформу еще были закрыты.

Къ шести часамъ площадка переселенцевъ окончательно встала на ноги, поднялась, зашумѣла и двинулась къ вагонамъ. Это было нашествіе, это была борьба, это было словно на пожарѣ. Туда бѣжали, лѣзли котомки, туда стремились со всѣхъ ногъ цѣлые мѣшки, туда несли на головахъ дѣтей, имущество, и все это путалось въ дверяхъ, шумѣло, кричало, не зная еще куда броситься, куда бѣжать, собирая семью, направляя ее энергическими словами куда слѣдуетъ... Вагоны брались съ боя, и вмигъ были взяты, заняты, наполнены, завоеваны на цѣлый долгій путь, вплоть до самаго Иртыша.

На платформѣ стало свободнѣе, появилось начальство, поѣздная прислуга, переселенческой легкой отрядъ, фельдшерцы, какое-то чиновничество, затѣмъ послышались звонки, свистки, и сквозь шумъ отправляющейся толпы пролетѣлъ вдругъ крикъ паровоза...

Поѣздъ двинулся. Боже! сколько разнообразныхъ лицъ, блѣдныхъ, красныхъ, веселыхъ, смѣющихся, сколько милыхъ глазъ двигалось теперь передъ нами, сколько любопытства, шутки, тоски, слезъ, какихъ-то жестовъ двинулось въ путь, то прощаясь, то радуясь освобожденію, надеждамъ пути... Они смотрѣли, тянулись и въ двери вагоновъ, и въ окна, словно что-то оставили на платформѣ, что-то словно забыли тамъ, среди толпы провожающихъ ихъ односельцевъ, товарищей далекаго пути, которымъ не выпало еще жребія отправиться въ путь въ это утро. Я пожалѣлъ, что я не художникъ, чтобы нарисовать эту живую оригинальную картину великаго переселенія народовъ въ Сибирь. Сколько красокъ, сколько живыхъ лицъ, выражений, разнообразія думъ!.. Вотъ въ дверяхъ вагона передъ нами проплываетъ семья хохловъ: маленькій остроглазый мальчикъ, поддерживаемый матерью, указываетъ на что-то обѣими ручонками въ нашу сторону; вотъ другая—набожно крестится, отправляясь въ далекій путь; вотъ третья—сидитъ на полу вагона, кивая головами знакомымъ; вотъ толпа паробковъ, дѣвушекъ, обнявшись, смѣется намъ въ дверяхъ, что-то выкрикивая звучнымъ голосомъ на родномъ языкѣ; вонъ сѣдой старикъ, словно о чемъ-то задумавшись, смотритъ на насъ изъ-подъ руки, сдѣлавъ ее козырькомъ отъ солнца; вотъ звуки гармоники, вонъ пѣсня, и передъ нами вагоны быстрѣе и быстрѣе проносятъ толпы, жесты, лица, всю эту живую передвижную картину деревенскаго люда, и, наконецъ, заканчивается краснымъ повисшимъ флагомъ, который тоже убѣгаетъ вмѣстѣ съ ними отъ насъ куда-то въ сѣрую, позолоченную раннимъ свѣтомъ небснаго свѣтила степь, сияющую подъ лучами на далекомъ ровномъ горизонтѣ.

Восхожденіе на Иремель.

(Мамина-Сибиряка.)

Уральскія горы не принадлежатъ къ числу высокихъ, такъ какъ наибольшія высоты ихъ едва достигаютъ 5.000 футовъ. Это очень скромная цифра, особенно если взять для сравненія такія могучія горныя системы, какъ Кавказъ, Альпы, Кордильеры или Гималаи.

Поѣздку на Иремель я условился сдѣлать вмѣстѣ съ управляющимъ Каратабыно-Баратыбынскихъ золотыхъ промысловъ (Балбукъ тожъ), г. Веселовымъ. Отъ деревни Кизинкей начинался горный подъемъ цѣлымъ рядомъ горныхъ плато. Лѣса вездѣ истреблены, и обнаженные горы придавали ландшафту такой видъ, точно ѣдешь по горѣлому мѣсту. Еще недавно стояли здѣсь дремучіе лѣса, но всѣ они сведены дотла самымъ хищническимъ образомъ. Только кой-гдѣ мелькали чахлыя поросли и мелкіе кустики. Изрѣдка попадались шахматы черныхъ озимей и желтыхъ яровыхъ, а остальное пространство являлось прекраснымъ пастбищемъ

и сѣнокосами, особенно въ прирѣчныхъ поемныхъ мѣстахъ. Синіе колокольчики, розовыя стрѣлки Иванъ-чая, шелковистыя султаны ковыля и розовыя головки „татарскаго мыла“ красиво пострятъ зеленый травяной коверъ. Несмотря на значительную высоту, здѣсь встрѣчалось много чисто степныхъ растеній, долиной рѣки Урала перебиравшихся на ту сторону горнаго кряжа. Влѣво отъ этой рѣки тяжелымъ валомъ прошли высоты горнаго кряжа Ирындыкъ. Когда стояли здѣсь лѣса, мѣстность много выигрывала по части красоты, а сейчасъ голыя горы просто рѣзали глазъ своей наготой. Весь лѣсъ ушелъ отсюда въ степь, а главнымъ образомъ на оренбургскіе золотые промыслы.

Южный Уралъ служилъ мѣстомъ кочевокъ еще гуннамъ, но здѣсь не сохранилось слѣдовъ ни одного сколько-нибудь укрѣпленнаго мѣста или города. Кочевники оставили послѣ себя только могилы-курганы.

Замѣтимъ кстати, что въ Южномъ Уралѣ сохранилось больше всего названія горъ, рѣкъ и урочищъ не-тюркскаго происхожденія, а въ томъ числѣ названіе горы Иремель. Можетъ быть, эти названія сохранились еще отъ миѣической „чуди“, народа неизвѣстнаго, но оставившаго по всему Уралу массу археологическихъ памятниковъ, какъ „чудскія могилы“ и „чудскія копани“. Тюркскія племена усвоили чудскія названія, но смыслъ ихъ остается до сихъ поръ темнымъ, какъ названія рѣкъ: Уй, Міась, Юрезань. Слѣдующія за Иремелемъ по высотѣ горы Южнаго Урала уже носятъ тюркскія названія: Таганай (подставка луны), Юрма (не ходи), Яманъ-Тау (плохая гора) и т. д. Прибавимъ къ этому еще то, что у башкиръ Иремель почитается какъ святая гора.

Мы миновали горное селеніе Терebinскъ, забравшееся въ глубь горной Башкиріи, благодаря существовавшему здѣсь когда-то мѣдному руднику. Кругомъ горы уже покрыты лѣсомъ, но это только жалкій призракъ существовавшихъ здѣсь когда-то дебрей, — вблизи такой лѣсъ оказывается мелкою порослью. Все-таки здѣсь уже нѣтъ голыхъ горъ, какъ въ верховьяхъ рѣки Урала.

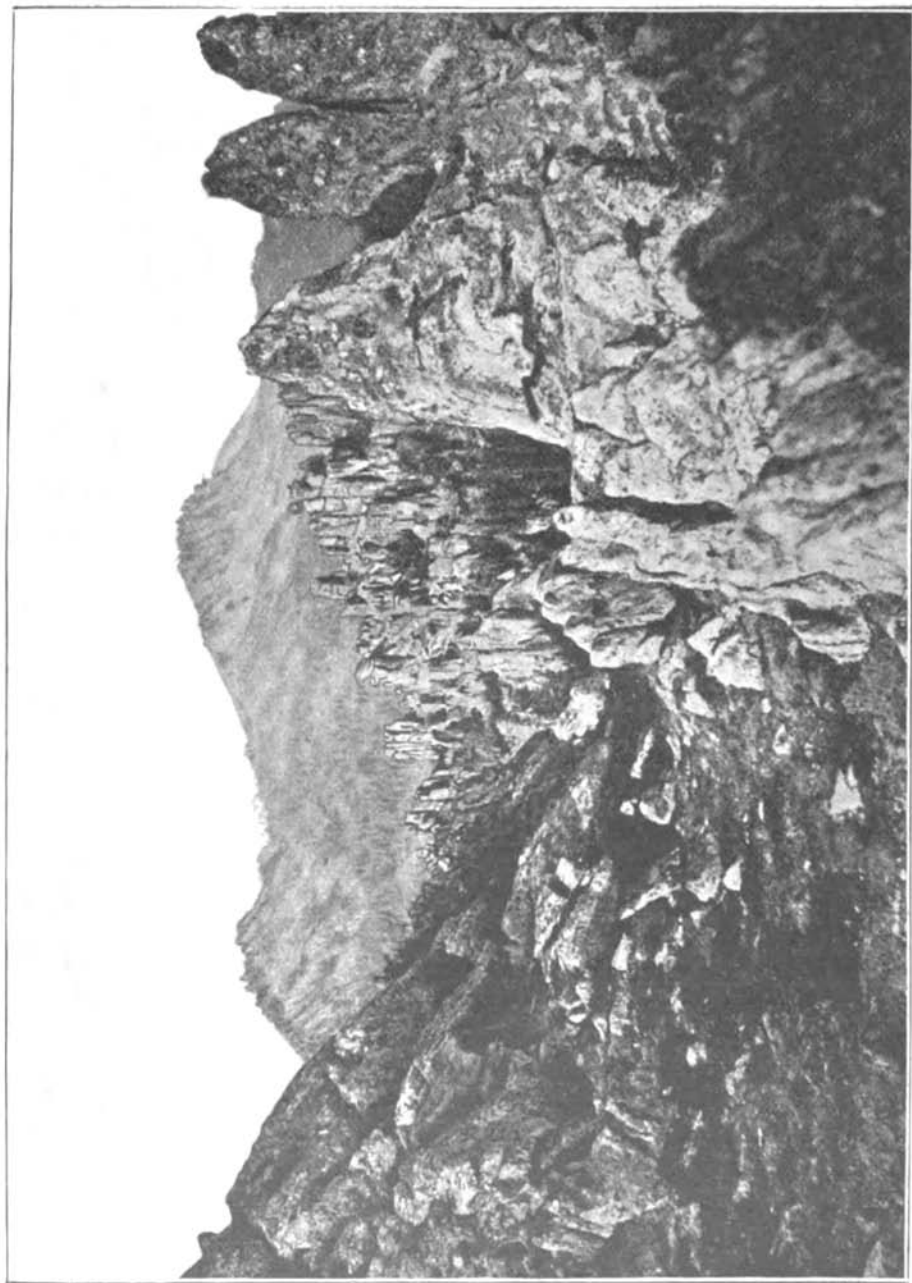
Отъ Терebinска дорога повела прямо въ горы, которыя тѣснились со всѣхъ сторонъ. Къ вечеру мы переѣхали р. Бѣлую и остановились на ночлегъ въ виду горнаго кряжа Авалякъ, который закрывалъ отъ насъ Иремель. Этотъ послѣдній, впрочемъ, выставлялся однимъ краемъ шоколадно-фіолетоваго цвѣта.

Горная ночь, проведенная нами на ставовищѣ подъ Авалякомъ, полна была своеобразной поэзіи. Въ самомъ воздухѣ чувствовалась уже та высота, на которую мы поднялись. Изъ ближайшей башкирской деревушки съ вечера былъ добытъ старикъ-проводникъ, башкиръ Мурачъ. Онъ явился раннимъ утромъ и разбудилъ насъ. По его расчетамъ оказывалось, что до Иремеля нужно сдѣлать цѣлыхъ двадцать пять верстъ, — половину въ „коробкѣ“, а другую половину верхами. Съ Мурачей при-

ѣхаль другой башкирь—Гарій, который впоследствии оказался настоящим проводникомъ. Первое, что намъ предстояло сдѣлать, это перевалить по каменистой горной дорогѣ кряжъ Авалякъ. Задача оказалась довольно трудной, потому что горная, изрытая дождями, каменистая дорога была ужасна. Легкій коробокъ пара лошадей тащилъ съ величайшимъ трудомъ, точно мы ѣхали съ тяжелымъ возомъ. Этотъ первобытный путь состоялъ изъ непрерывныхъ толчковъ, точно мы попали въ маслобойку. Въ полугорѣ на Авалякъ попался намъ еловый лѣсъ безъ вершинъ—бурей точно остригло всѣ верхушки. Да и самый лѣсъ уже былъ не тотъ, который оставался тамъ, въ горныхъ долинахъ. Стволы деревьевъ искривлены и покрыты бородачатымъ лишайникомъ, сучья получили необыкновенное развитіе и касались земли, точно дерево хотѣло ими опереться. Съ вершины Аваляка открылся видъ на Иремель, который поднимался на сѣверѣ сплошною розсыпью фіолетоваго цвѣта,—ни деревца, ни кусточка. Я еще въ первый разъ на Уралѣ видѣлъ такую громадную гору, состоявшую изъ сплошнаго камня. Общій видъ горы не представлялъ собой ничего особеннаго, потому что вершина была вытянута въ одну линію, какъ у громаднаго стога сѣна. Издали едва можно было разсмотрѣть на вершинѣ горы два „кабана“, т.-е. выдавшіяся скалы. Въ среднемъ Уралѣ ихъ называютъ „шиханами“. Иремель протянулся съ запада на востокъ, точно громадный корабль, сѣвшій на мель и загородившій теченіе; другія горы синими волнами тянулись съ сѣвера на югъ. Между Авалякомъ и Иремелемъ стояла промежуточная гора, которую проводники называли Малымъ Иремелемъ. Она была значительно ниже Большаго Иремеля и рѣзко выдѣлялась какой-то блѣдно-зеленой окраской—цвѣтъ покрывавшихъ камни лишайниковъ. По каменистымъ кручамъ и выступамъ Малаго Иремеля причудливыми бордюрами лѣпились горныя ели, оживлявшія мертвый камень. Подъ Малымъ Иремелемъ мы и сдѣлали послѣдній приваль: колесный путь здѣсь кончился, и дальше можно было ѣхать только верхомъ. Старикъ Мурача остался „на стану“ караулить экипажъ и лошадей, а дальше повелъ насъ башкирь Гарій, очень милый и веселый человекъ, напоминавшій своей фигурой какого-нибудь стариннаго дьячка. Онъ своей болтовней много оживлялъ наше путешествіе.

О дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ не могло быть и рѣчи: хищническая башкирская рука пробралась уже давно и сюда, и слѣды этой работы попадались вездѣ—свѣжіе пни, брошенный вершинникъ, кучи хвороста. Лучшій строевой лѣсъ былъ выбранъ весь, а оставались только искривленные деревья. Господствующими породами являлись ель, пихта и береза, а сосна осталась тамъ за Авалякомъ. Уроdlивость этой горной растительности увеличивалась съ каждымъ шагомъ впередъ.

Нашъ подъемъ на Большой Иремель начался не прямо, а большимъ

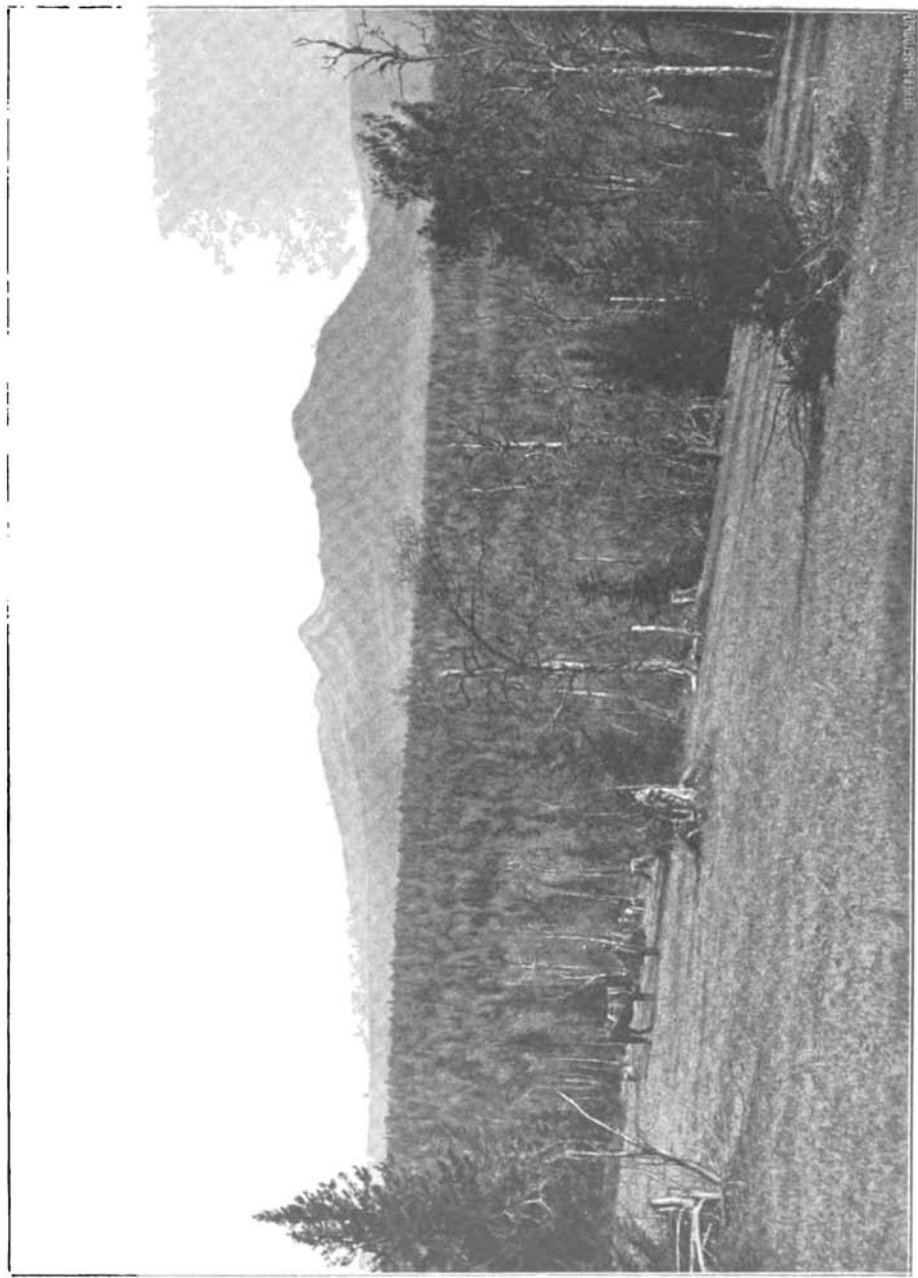

Вершина горы Большого Тагана.

обходомъ. Сначала мы должны были подняться на высокую сѣдловину, связывавшую оба Иремеля, и такимъ образомъ обогнуть Большой Иремель съ восточной стороны. Этотъ подъемъ дѣлался все труднѣе, особенно когда лѣсная тропинка кончилась и мы поѣхали по каменистому болоту, какія бываютъ только въ горахъ. Камни покрыты сверху мохомъ, и лошади постоянно проступались. Подъ лошадиными копытами постоянно чавкала болотная вода. Каждую минуту лошадь могла сломать ногу, проступившись между камнями. Скоро лѣсъ остался совсѣмъ назади, и мы ѣхали уже по самому верху сѣдловины; слѣва поднималась каменистая круча Большого Иремеля, вправо розсыпи и скалы Малаго.

Но скалы здѣсь составляли исключеніе, а обѣ горы по преимуществу состояли изъ розсыпей. Издали такая розсыпь походить на мостовую, а вблизи она превращалась въ громадные камни, точно высыпанные съ вершины горы. Подняться верхомъ на лошади по такой розсыпи нечего и думать, а можно только карабкаться пѣшкомъ, перелѣзая съ одного камня на другой. Отъ сѣдловины начинался второй подъемъ къ главному кабану Большого Иремеля, при чемъ мы должны были совсѣмъ обогнуть гору, — Иремель сейчасъ закрывалъ уже Авалякъ, черезъ который мы только что перевалили. Этотъ послѣдній подъемъ растянулся на цѣлую версту и представлялъ замѣчательную картину. Такое же горное каменистое болото, какъ и при подъемѣ на сѣдловину между Иремелями, представляло собой характерное поле смерти. Ничего подобнаго я еще не видалъ. Представьте себѣ громадную покатость, обставленную каменными кручами. По ней поднималась зеленая поросль горной ели. Но какая была это ель... Ничего похожаго на то дерево, которое мы привыкли видѣть въ обыкновенномъ лѣсу. Высота деревьевъ не превышала двухъ-трехъ аршинъ и каждое дерево походило на зеленую копну. Вершины не было и оно опиралось зелеными вѣтвями прямо въ землю. Особенно интересны были высохшія ели, которыя ужасно походили на скелеты, — ободранное, выбѣленное дождями и снѣгомъ дерево не могло даже упасть, потому что опиралось вѣтвями прямо въ землю. А самое замѣчательное было то, что на разстояніи какой-нибудь версты зеленыя копны превратились въ зеленыя шапки, а зеленыя шапки — въ ползучее растеніе, выглядывавшее изъ-подъ моха только своими зелеными лапками. Страшной силой, искалѣчившей эту ползучую горную ель, являлся холодный вѣтеръ, безжалостно сметавшій всякую поросль съ открытыхъ мѣстъ. Подъ самымъ кабаномъ разстился ужъ одинъ мохъ, подернутый чахлой и жесткой болотной травой, брусничкой и болотными желтыми цвѣточками.

Подъ „кабаномъ“ мы спѣшились. Самъ кабанъ представлялъ собой кручу, сложенную изъ камней, высотой сажень въ шестьдесятъ. Осо-

Гора Большой Таганай на Урале.

бенно большихъ камней не было и поэтому подъемъ на кабана не представлялъ большого подвига.

Камни поросли лишайниками зеленовато-бураго цвѣта самыхъ причудливыхъ узоровъ, точно были обтянуты змѣиной кожей. Это много помогало подъему, потому что нога не катилась по голому камню. Намъ пришлось сдѣлать на этомъ послѣднемъ подъемѣ нѣсколько передышекъ, что зависѣло скорѣе отъ непривычки къ ходьбѣ, чѣмъ отъ трудностей подъема. Чувствовался сильно разрѣженный горный воздухъ, а сильный вѣтеръ производилъ такое впечатлѣнiе, точно мы попали куда-то въ сквозной коридоръ. Когда мы взобрались на кабана, часы показывали 12 часовъ 30 минутъ.

Съ высоты кабана открывался великолѣпный видъ, хотя онъ и былъ слишкомъ загроможденъ перекрещивавшимися горами, точно онѣ здѣсь столкнулись, какъ сбѣжавшееся въ одну кучу стадо. Главное—не открывалось ни одного широкаго вида, потому что даль заслонялась новыми горами, отдѣльными сопками и цѣлыми кряжами. Самая вершина Иремеля представляла громадную плоскость, точно гора была срѣзана. Въ противоположныхъ концахъ этой плоскости торчали два кабана. Мы направились къ западному, съ котораго можно было видѣть кряжъ Авалякъ, Малый Иремель, лѣсистый Ураль-Тау, Терѣбинскъ, брезжившую на горизонтѣ степь. Самый кабана не превышалъ трехъ-четырехъ аршинъ и походилъ на громадный фундаментъ какого-то разрушеннаго зданiя. Внизъ отъ него на цѣлую версту шла громадная розсыпь—это былъ южный склонъ горы, а мы поднимались съ сѣвернаго. Вся вершина горы была выстлана мохомъ и жесткой болотной травой. На память я взялъ съ кабана камень, оказавшiйся кварцитомъ. Сдѣланный изъ револьвера выстрѣлъ не произвелъ надлежащаго звуковаго эффекта, потому что недоставало обычной упругости воздуха. Гулъ выстрѣла спугнулъ маленькаго зайченка, который выпрыгнулъ у насъ изъ-подъ ногъ и мягко заковылялъ по направлению ко второму кабану. Когда мы вернулись къ мѣсту нашего спуска и посмотрѣли внизъ, наши лошади миѣ показались не больше овечекъ, а поле смерти точно закурчавѣло зеленой мерлушкой горнаго ельника.

Б а ш к и р ы.

(Петри.)

Чудный край—нашъ Южный Уралъ! Это одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя мало извѣстныхъ уголковъ нашего отечества... Южный Уралъ преисполненъ оригинальныхъ и чарующихъ красотъ. Онъ не можетъ соперничать съ Альпами по грандіозности и величавости, но вполне равняется имъ по живописности и привлекательности своихъ видовъ.

Прекрасное и въ то же время сильное впечатлѣніе производить эти, повидимому, безчисленные и болѣе или менѣе параллельные другъ другу ряды мощныхъ хребтовъ, сложенныхъ изъ гранита, гнейса, кристаллическихъ сланцевъ, кварцитовъ и кварцевыхъ песчаниковъ. Они покрыты густыми лиственными и хвойными лѣсами, изъ которыхъ мѣстами сурово выступаютъ обнаженные стѣны и обрывы или же вывѣтрившіяся отъ непогоды фантастическія вершины. Мрачныя и мало доступныя высоты эти еще болѣе отгѣняютъ красоту мирныхъ, но забытыхъ и таинственныхъ долинъ. Прекрасны быстрые и прозрачныя потоки Южнаго Урала, верховья Бѣлой, Урала, Уя и Ая, чудныя горныя озера среди лѣсовъ и топей, неизвѣданныя нѣкъмъ сталактитовыя пещеры съ подземными озерами...

Вотъ Ирмель, долгое время считавшійся наивысшею вершиною Южнаго Урала, но достигающій лишь 1.599 метровъ. Съ обнаженной сопки Ирмеля въ тѣ дни, когда высоты свободны отъ тумана, открывается поистинѣ поразительный видъ. Передъ нами на западъ страшная Зигальга, почти непреступная вслѣдствіе осыпей изъ громадныхъ глыбъ кварцеваго песчаника и обширныхъ топей и болотъ по склонамъ. Значительныя каменные осыпи встрѣчаются, впрочемъ, и на сѣверо-восточномъ подножіи самаго Ирмеля, тогда какъ на самой горѣ въ глубокихъ впадинахъ и лощинахъ, защищенныхъ отъ юго-восточныхъ вѣтровъ, снѣгъ сохраняется иногда въ продолженіе всего лѣта. На юго-западѣ выступаетъ „Злая гора“, т.-е. Яманъ-Тау, едва ли не еще менѣе доступная, чѣмъ Зигальга, и также защищенная топями и непроходимыми лѣсами. Гора эта достигаетъ 1.646 метровъ и является такимъ образомъ высшею вершиною Южнаго Урала. Однако же и здѣсь снѣгъ сохраняется лѣтомъ лишь въ лощинахъ и въ тѣни густыхъ лѣсовъ. На востокъ отъ Ирмеля идетъ невысокій хребтъ Авалякъ, отдѣленный отъ него сухимъ камнистымъ русломъ Тычина, этой каменной рѣки; затѣмъ подымается до высоты 1.000 метровъ лѣсистый Уралъ-Тау, центральная и главная цѣпь Южнаго Урала, сложенная изъ кристаллическихъ сланцевъ. За этими горами разстилаются, подобно морю, манящему взоръ путника, безбрежныя азіатскія степи, кое-гдѣ перерѣзанныя незначительными высотами, орошенные многими рѣками и мириадами мелкихъ озеръ и покрытыя очаровательными роицами кудреватыхъ березъ... Говорятъ, что въ ясныя дни съ высотъ Ирмеля виденъ даже городъ Троицкъ.

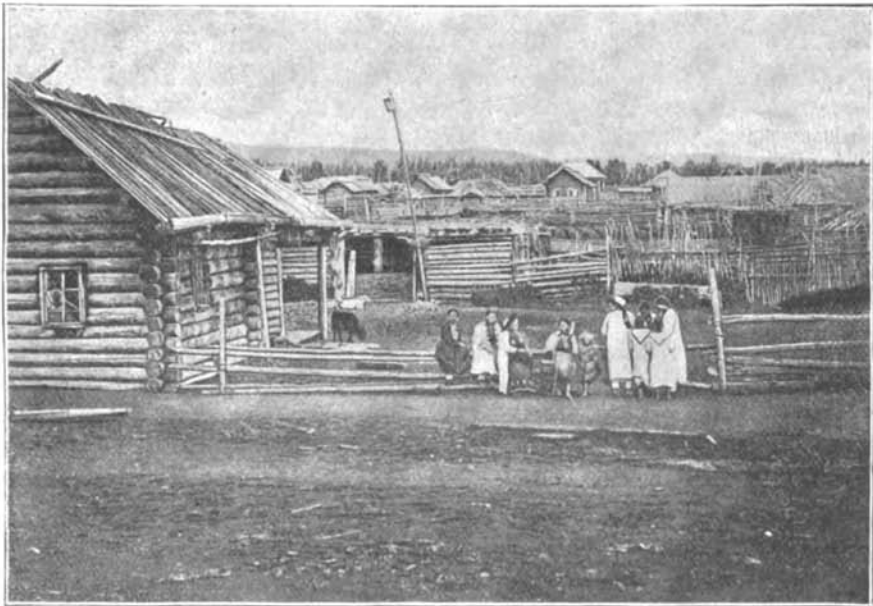
Но что за странные люди населяютъ эту дивную мѣстность! Какой удивительный разладъ между этими прекрасными ландшафтами и далеко не прекрасными обитателями Южнаго Урала, башкирами...

Мы на берегу рѣки Бѣлой, одной изъ красивѣйшихъ рѣкъ нашего отечества. Красавица эта славится не только своими живописными берегами, чистою, быстрою водою и превосходною рыбою, но и обширными

лѣсами по берегамъ. Къ сожалѣнію, лѣса эти и даже знаменитыя когда-то сосновыя рощи сильно порѣдѣли. Въ особенности замѣтно истребленіе лѣса въ окрестностяхъ человѣческихъ поселеній. Передъ вами мелкій кустарниковый лѣсъ, среди котораго лишь кое-гдѣ высятся уцѣлѣвшіе гиганты-осокори. Это несомнѣнный признакъ близости человѣческаго жилья.

Печальное зрѣлище представляютъ башкирскія деревни: скорбныя подгнившія и покосившіяся избушки, разметанныя и разбитыя непогодой крыши. Вотъ нѣсколько избъ на манеръ итальянскихъ виллъ съ плоскою крышею, т. е., въ данномъ случаѣ, совсѣмъ безъ крыши; потолокъ

Деревня въ Южномъ Уралѣ.

ихъ убить землю, на которой пышно разрастаются всевозможныя сорныя травы, невольно привлекая къ себѣ опытный взоръ ботаника. Среди этихъ семирамидиныхъ садовъ торчитъ покривившаяся глиняная труба, прикрытая закопченнымъ горшкомъ безъ дна. Окна въ иныхъ избахъ безъ стеколъ и заткнуты кусками коры осокоря. Входъ въ избу ведутъ изъ жалкаго грязнаго двора, огороженнаго плетнемъ; по серединѣ двора стоитъ прокопченный дымомъ плетеный шалашъ, служащій лѣтнею кухнею, а позади къ нему примыкаетъ рядъ плетеныхъ или же обложенныхъ корьемъ загородей для лошадей, скота и козъ. Въ немногихъ дворахъ виднѣются амбарчики. Но, несмотря на свой жалкій видъ, деревушка эта, повидимому, возникла подъ наблюденіемъ всевидящаго

полицейскаго ока; эти едва пригодныя для человѣческаго жилья избы вытянуты, во избѣжаніе опасности отъ пожаровъ, двумя правильными ливнями по обѣ стороны широкой улицы, покрытой нетоптанной муравой...

Всѣ эти подробности сразу бросаются вамъ въ глаза, когда вы въѣзжаете въ деревушку. Сразу же вы замѣчаете у одной изъ видныхъ избъ, украшенной сильно покривившимся шпиремъ съ полулуною, сѣдовательно, у мечети, какую-то толпу людей, усѣвшихъ посреди улицы по-турецки на корточкахъ и ведущихъ оживленную бесѣду. Уже по тому, что эти люди не кланяются вамъ, да и вообще не обращаютъ особаго вниманія на вашъ пріѣздъ, вы можете заключить, что это правдивѣрныя магометане, не лишеныя извѣстнаго самосознанія. Передъ вами мужчины средняго роста, довольно угловатаго тѣлосложенія, въ бѣлыхъ рубахахъ безъ пояса, въ красныхъ распускныхъ шароварахъ. На головѣ у нихъ поверхъ маленькой тюбетейки бѣлая войлочная шляпа, напоминающая опрокинутую глубокую тарелку, или же большая мѣховая шапка. Изъ-подъ этихъ головныхъ уборовъ выглядываютъ широкія и смуглыя монгольскія лица съ выдающимися скулами, оттопыренными ушами, большимъ ртомъ, довольно слабою растительностью на губахъ и бородѣ; однако эти некрасивыя фізіономіи оживляются блестящими черными глазами и добродушною улыбкою. Это наши „сѣверные амурь“, какъ ихъ остроумно называли неунывающіе французы, когда башкиры, вооруженные луками и стрѣлами, вступили въ числѣ прочихъ русскихъ войскъ въ Парижъ.

Навстрѣчу намъ повыскакали одни только любопытные ребяташки, очевидно еще не усвоившіе себѣ выдержаннаго хладнокровія настоящаго магометанина; многіе изъ нихъ совершенно голые, другіе въ самыхъ невѣроятныхъ пестрыхъ лохмотьяхъ; всѣ они страшно грязны, а нѣкоторые покрыты сыпями. Впрочемъ, при звукѣ колокольчиковъ завозились по дворамъ и женщины. Очевидно, и онѣ также не могутъ удержаться отъ нѣкотораго любопытства, хотя и представляются занятыми работою. Дѣвушки, съ дико всклокоченными волосами, одѣты въ красныя распушенные рубахи въ родѣ блузъ, въ грубыхъ мужскихъ сапогахъ и съ русскими платками на головѣ; платки эти, кстати замѣтить, не складываются въ треугольникъ, а носятся распушенными.

Несмотря на нѣсколько холодный, или, лучше сказать, безразличный пріемъ, вы быстро сходитесь съ башкирами. Не трудно вамъ также убѣдиться въ томъ, что вы имѣете дѣло съ народомъ, далеко не дикимъ или глупымъ. Башкиры удивительно мало интересуются личностью прѣзжаго; они на своемъ вѣку видали всяческіе виды, „всякихъ сыновниковъ изъ Петербурска и губерніи“, т.-е. чиновниковъ изъ столицы и губернскаго города. Съ другой стороны, у нихъ на досугѣ назрѣло не мало вопросовъ, за рѣшеніемъ которыхъ они охотно обращаются

къ человѣку свѣдущему. Васъ спрашиваютъ, что такое комета, есть ли люди на звѣздахъ, отчего въ иной годъ бываетъ урожай, а въ другой нѣтъ, не слышать ли чего о войнѣ и т. д. Не мало, наконецъ, среди нихъ людей, физически вполне крѣпкихъ и свѣжихъ. Вотъ почему вы, смотря на этихъ туземцевъ и вспоминая о нетронутыхъ богатствахъ ихъ родной страны, не можете отдѣлаться отъ вопроса, почему башкиры такъ бѣдствуютъ, почему кругомъ нищита и явные слѣды, повидимому, неизбежнаго разоренія.

Когда у насъ разговоры заходятъ о „дикой Башкиріи“, общество наше охотно вспоминаетъ о пресловутомъ хищеніи башкирскихъ земель. Лѣтъ 20 тому назадъ земли башкирскія покупались за безцѣнокъ различными чиновными и нечиновными лицами. Въ данномъ случаѣ ожидали самыхъ благопріятныхъ результатовъ для столь богатаго по природѣ края. Предполагалось, что помѣщичій элементъ подниметъ земледѣліе и такимъ образомъ окажетъ благотворное вліяніе даже на туземцевъ, полукочевыхъ башкиръ. Ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться, а башкиры между тѣмъ въ конецъ обнищали. Тогда правительство энергично вступилось за башкиръ и пріостановило продажу ихъ запасныхъ земель, но уже было поздно.

Въ настоящее время размѣры ихъ владѣній настолько сократились, что они уже перестали кочевать. Рѣдкіе изъ нихъ выходятъ на кочевку въ степь или кустарниковый лѣсъ. Чаще намъ приходилось видѣть подобныхъ кочевниковъ на азіатскомъ склонѣ Урала. Обыденный башкиръ ограничивается тѣмъ, что на лѣто перебирается въ свой амбарчикъ или въ какой-нибудь шалашъ на дворѣ.

Нельзя не признать, что башкиры въ сущности и теперь болѣе или менѣе обеспечены. Они имѣютъ крупныя надѣлы, отъ 15—20 десятинъ на душу и кромѣ того значительныя заповѣдныя, такъ называемыя запасныя, земли; но хозяйство ихъ настолько первобытно и въ немъ настолько преобладаетъ элементъ скотоводческій, что башкиры нуждаются для своего пропитанія въ громаднхъ угодыяхъ. Стоитъ нѣсколько ближе всмотрѣться въ хозяйство типичнаго башкира.

Минуетъ холодная и голодная зима; башкиръ спѣшитъ вздохнуть полною грудью. Онъ вновь наслаждается зеленью и тепломъ, пьетъ свой излюбленный кумысъ съ водою, ведетъ нескончаемыя бесѣды съ сосѣдомъ, принимаетъ гостей и самъ развѣзжаетъ по „кунакамъ“. Гостепріимство вообще очень развито у башкиръ. Иногда устраиваются игры, состязанія, борьба, скачки. Пѣніе и танцы не особенно въ ходу. Окрестные жители, чуваша, татары и русскіе, давно уже вспахали поле и засѣяли его, а башкиръ все еще медлитъ и ждетъ, не набѣжитъ ли дешевый работникъ или даже арендаторъ... Аренда для башкира самое излюбленное дѣло; но арендовать у него землю можно посоветовать толь-

ко опытному человѣку. Башкирь, въ особенности поблизости къ городскимъ поселеніямъ, страшно любить плутовать, хотя и плутуетъ довольно наивно: онъ, напримѣръ, забираетъ задатокъ за одинъ и тотъ же клочокъ земли у нѣсколькихъ человѣкъ. Зато онъ на судѣ умѣетъ постоять за себя и надолго затянуть дѣло. Башкиры чрезвычайно любятъ судиться. Не даромъ про нихъ рассказываютъ, что иногда истецъ и отвѣтчикъ-башкирь дружно ѣдутъ на одной лошади цѣлыя сотни верстъ въ губернской городъ, чтобы засудить другъ друга.

Но возвратимся къ нашему башкиру-землевладѣльцу. Когда потеряна всякая надежда на то, чтобы пользоваться чужими рабочими руками, башкирь нехотя и вяло принимается за дѣло и при этомъ, по бѣдности и по непредусмотрительности, обыкновенно можетъ сдѣлать только самый ничтожный посѣвъ. Зачастую сѣмена ему приходится покупать у русскаго сосѣда. Наступаетъ конецъ лѣта, а башкирь тѣмъ временемъ ведетъ все тотъ же образъ жизни и окончательно разлѣивается. Ему нужно косить и убирать жатву, а онъ вмѣсто себя посылаетъ бабъ, на которыхъ и безъ того лежитъ вся тягость домашней работы, и подростковъ. Миѣ случалось видѣть, что башкиру не хватало характера пойти и взглянуть, какъ справляется его завѣдомо лѣнивый работникъ. Съ фаталистическимъ равнодушіемъ признаетъ онъ, что запасовъ у него на зиму не хватитъ, что ему придется голодать.

А между тѣмъ зима здѣсь такова, что могла бы заставить любого человѣка призадуматься. Стужа и бураны въ полномъ смыслѣ слова ужасны. Достаточно вспомнить, что башкирскіе кордоны, выдвигавшіеся въ прежнія времена противъ воинственныхъ киргизовъ, убирались съ 16 ноября по 16 мая: въ это время всякіе набѣги хищниковъ считались невыслымыми. Какимъ образомъ башкиры выживаютъ зиму, для насъ довольно загадочно. Это яркій примѣръ того, что человѣкъ въ состояніи приспособиться ко всякимъ, даже наиболее тяжкимъ, невгодамъ. Маленькія, душныя и полутемныя избушки въ одну комнату имѣютъ дощатый полъ, большею частью безъ фундамента; доски подгнившія, съ большими щелями; изъ плохо законопаченныхъ стѣнъ страшно дуетъ. Отапливаются эти избы русскими печами, старинными башкирскими чувалами-каминами и желѣзными печами; огонь поддерживается постоянно и желѣзныя печи накаляются докрасна, но въ то же время леденить со всѣхъ сторонъ сквознякъ... Въ какомъ-то полуоцѣпенѣніи жмутся башкиры, закутанные въ халаты и въ овчинныя тулупы, на своихъ нарахъ, занимающихъ значительную часть всего помѣщенія. Лежатъ они на кошмахъ (войлокахъ), самодѣльныхъ коврахъ и на подушкахъ, число которыхъ опредѣляется зажиточностью хозяина. За грязнымъ пестрымъ занавѣсомъ находится женская половина. Поддерживаютъ башкиры свое существованіе зимою главнымъ образомъ чаемъ, который они пьютъ съ

величайшею охотою цѣлыми самоварами, начиная съ крѣпкаго чая и кончая чуть ли не теплою водичкой; чай пьется съ молокомъ и, если на то есть возможность, съ сахаромъ или медомъ. На зиму готовится овечій сыръ, „крушъ“; хлѣбъ ѣдятъ только поблизости къ городамъ, а „маханъ“, мясо рогатаго скота, баранина или конина составляетъ нынѣ уже относительную рѣдкость.

Но вотъ тяжелое время на исходѣ. Повѣяло тепломъ! Опять весна... Зеленѣетъ трава, обширныя пространства въ кустарниковыхъ лѣсахъ покрываются благоухающимъ шиповникомъ и жимолостью. Вся природа дышитъ счастьемъ. Счастливы и неприхотливы башкиры.

Подъ гнетомъ суровой судьбы башкиры совершенно утратили жизненную энергію. Они любятъ жизнь и несложныя удовольствія полукожевника, но у нихъ нѣтъ желанія и надежды вырваться изъ бѣды.

„Все равно кончатъ надобно!“—вотъ обыденная поговорка башкиръ, когда ихъ упрекаютъ въ лѣни и указываютъ имъ на неминуемую гибель. „Народъ совсѣмъ галка сталъ!“ иронизировалъ одинъ башкиръ, желая намъ выяснитъ степень бѣдности и необеспеченности своего народа. Если къ этому еще прибавить постепенно распространяющееся среди башкиръ пьянство и возрастающую съ обнищаніемъ болѣзненность, то, конечно, нельзя будетъ сомнѣваться въ неизбежности вымиранія этого народа.

Бываютъ, конечно, и исключенія.

На рѣкѣ Бѣлой я познакомился съ однимъ башкиромъ, руководившимъ сплавомъ лѣса. Это былъ крѣпкій брюнетъ съ выразительными и энергичными чертами лица. Работа, возложенная на него, была въ высшей степени трудная и отвѣтственная: необходимо было наладить плоты, набрать народъ, который согласился бы плыть на плотахъ, держать этотъ отчаянный сбродъ въ рукахъ; когда же плотъ разобьетъ на какой-нибудь стремнинѣ, то довѣренный долженъ тотчасъ же объѣхать всѣ сосѣднія деревни, поднять на ноги лѣнливыхъ башкиръ, чтобы они вылавливали бревна, прибитыя къ берегу или плывущія по рѣкѣ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы ихъ не похитили, и т. д. Все это требуетъ энергіи и выносливости, почти невѣроятной. Такому довѣренному приходится иногда не спать нѣсколько сутокъ подъ рядъ.

Наконецъ, въ самой башкирской деревнѣ, въ этомъ царствѣ безопасности и лѣни, попадаются люди работящіе. Это отдѣльныя женщины, являющіяся спасительницами своей семьи. У такой жены не только мужъ и дѣти обшты и обуты, такъ какъ и эта обязанность лежитъ на женщинѣ, но самъ башкиръ получаетъ еще болѣе возможности полѣниться, а у жены заводится „кашмау“, головной уборъ въ родѣ чепчика, унизанный бисеромъ, кораллами, монетами и бляхами, и на черномъ кафтанѣ ея, который обыкновенно носится въ накидку, увеличивается число напи-

тых монетъ или обновляется серебряный позументъ. Мужчины на все это смотреть съвозъ пальцы. Семейныя отношенія башкиръ въ общемъ чрезвычайно мирны. Жена покупается, но, несмотря на это, имѣетъ свои собственные средства, добываемыя продажей молока, масла, яицъ и другихъ домашнихъ продуко́въ. Забавное осложненіе представляетъ въ данномъ случаѣ многоженство, встрѣчающееся у башкиръ только какъ исключеніе; жены немилосердно крадутъ другъ у друга яйца и т. п., чтобы продать ихъ въ свою пользу.

Вниманія заслуживаютъ, какъ рабочая сила, подростки. Мальчуганы лѣтъ 14—15 работаютъ иногда не хуже любого взрослого работника. По мѣрѣ же того, какъ они приходятъ въ возрастъ, излишекъ усердія къ труду уже считается признакомъ алчности или вообще дурного тона. Впрочемъ, когда дѣло касается удовольствія, то всѣ башкиры выказываютъ удивительную энергію. Они—превосходные пловцы, охотники и страстные рыболовы. Намъ приводилось неоднократно присутствовать при рыбной ловлѣ неводомъ, являющейся къ тому же примѣромъ общинныхъ работъ у башкиръ.

Поперекъ рѣки Бѣлой, разлившейся въ данномъ мѣстѣ саженъ на четыреста, вытянулась линія сѣренскихъ челноковъ-дусегубокъ. Въ каждомъ челнокѣ сидятъ по два башкира, изъ которыхъ одинъ стоя гребетъ, а другой держитъ въ рукахъ неводъ и то и дѣло нагибается и поправляетъ его. По линіи челноковъ движется челнъ съ какимъ-либо опытнымъ старикомъ, руководящимъ всею рыбною ловлей. Челны идутъ внизъ по теченію. Навстрѣчу имъ, слѣдовательно противъ теченія, идетъ по водѣ дикая ватага верховыхъ и пловцовъ и оглушительнымъ крикомъ и плескомъ пугаютъ рыбу, загоняя ее такимъ образомъ въ сѣти. Своеобразныя взволнованныя фигуры эти съ яркими платками, обмотанными вокругъ головы, сверкающая на солнцѣ, изумительно прозрачная, быстрая рѣка, островокъ съ уцѣлѣвшими серебряными тополями и громадными осокорями, чудный береговой ландшафтъ съ краснымъ глинистымъ обрывомъ на правомъ берегу и съ конусообразною вершиною горы вдали, — все это такъ и просится на полотно художника. Но вотъ неводъ вытасченъ на берегъ. Башкиры приступаютъ къ дѣлежу добычи. Старики и отцы семейства садятся на корточкахъ въ кружокъ; вокругъ нихъ тѣснымъ кольцомъ устанавливается молодежь, между которою тщетно стараются протиснуться оборванцы-мальчуганы. Въ середину круга выходитъ кто-либо, пользующійся довѣріемъ, и дѣлитъ крупную рыбу между представителями семьи. Никакихъ споровъ и протестовъ тутъ не полагается. Дѣлежъ производится у всѣхъ на глазахъ и по справедливости. Случилось однажды, что дѣлившій обошелъ одного изъ стариковъ, нестерпимо ворчавшаго на всѣхъ во время рыбной ловли. Всѣ, даже и потерпѣвшій, согласились, что тутъ была со-

блюдена справедливость, что подобнаго рода наказаніе было естественнымъ послѣдствіемъ нарушенія общественнаго спокойствія. Почетному постороннему гостю подносится подарокъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ слѣдуетъ самый интересный съ внѣшней точки зрѣнія моментъ дѣлежа. Старики быстро поднимаются и, по призыву одного изъ нихъ, молодежь и мальчуганы съ страшнымъ гикомъ набрасываются на оставшуюся рыбу и мигомъ расхватываютъ ее. Понятно, что тутъ дѣло не обходится безъ возни и безъ того, чтобы рыбу не разрывали на части. Старики любятъ эту сцену и похваляютъ отличившуюся проворствомъ молодежь. Вечеромъ по всей деревнѣ пиръ горой. Башкиры, вообще крайне невоздержанные по части ѣды, положительно объѣдаются рыбою. Характерно для непредпримчивости башкиръ, что рѣдкая деревня обладаетъ неводомъ, тогда какъ башкиры выплачиваютъ владѣтелю невода половину всего улова.

Проявленіемъ общиннаго духа надо также считать помочи, на которыхъ бойко работаютъ даже лѣтнѣйшіе изъ башкиръ; не менѣе того они усердствуютъ и на пиршествѣ, которое задаетъ хозяинъ, вызвавшій помочь. Угощеніе для мужчинъ и женщинъ подается отдѣльно, при чемъ опять-таки люди почетные, молодежь и ребятишки составляютъ отдѣльные кружки вокругъ блюдъ. Обглоданныя кости бросаются собакамъ, слоняющимся вокругъ пирующихъ.

Башкиры вообще плохіе магометане и весьма поверхностно исполняютъ обряды своей религіи, но зато почти всѣ выучиваются у своихъ муллъ читать и писать по-татарски. Старики не забываютъ грамоту и охотно почитываютъ священныя книги; люди средняго возраста, по нашей просьбѣ, недурно писали, хотя имъ рѣдко приходится упражняться въ этомъ искусствѣ. Дѣвочки учатся у жены муллы грамотѣ и рукодѣлію. Обученіе у башкиръ бесплатно; муллы получаютъ однако подарки натурою отъ родителей своихъ воспитанниковъ. Воспитаніе ведется въ высшей степени гуманно: физическое наказаніе практикуется только въ правила; хорошій учитель ограничивается однимъ „ахманомъ“, выговоромъ. Исключеніе ученика изъ школы — явленіе неслыханное; „вѣдь мы призываемъ ихъ учиться“, съ наивнымъ недоумѣніемъ говоритъ одинъ мулла. Окончательно неспособные оставляютъ школу сами собой. Болѣе способные и любознательные изъ башкиръ переходятъ въ высшія магометанскія училища въ Троицкъ, Челябинскъ, Казань и т. д. Ученые богословы — „хазреты“ — пользуются среди башкиръ большимъ почетомъ. Въ русскихъ школахъ башкиры, напротивъ того, мало преуспѣваютъ. Впрочемъ, и среди нихъ встрѣчаются, какъ исключеніе, лица, окончившія высшій курсъ образованія.

В ъ ш а х т ѣ.

(Телешова.)

Чтобы проникнуть въ шахту, нужно имѣть особое разрѣшеніе заводскаго начальства. При первомъ же заявленіи о моей просьбѣ завѣдующій мѣдными рудниками любезно разрѣшилъ мнѣ осмотръ и предложилъ мнѣ явиться къ шахтѣ въ 4 часа утра.

Я уже слышалъ кое-что объ этомъ подzemельѣ, глубиною въ 113 сажень, и невольно воображалъ себѣ страшное удушье, тьму, и подъ этимъ впечатлѣніемъ провель остатокъ вечера, безцѣльно бродя по улицамъ.

Въ 3 часа утра я былъ на ногахъ. Утро стояло пасмурное, сырое, и моросилъ мелкій дождь. Было свѣжо.

Проѣхавъ все селеніе и спустившись къ подошвѣ Лысой горы, гдѣ на громадномъ пространствѣ раскинуты всевозможныя заводскія постройки, я скоро добрался до конторы, но такъ какъ пріѣхалъ я раньше, чѣмъ слѣдовало, и контора была заперта, то минутъ съ 20 мнѣ пришлось просидѣть въ экипажѣ и смотрѣть, какъ съ разныхъ концовъ завода собираются къ шахтамъ рабочіе.

Всѣ они были одѣты въ пенъковыя куртки сѣро-желтаго цвѣта, въ такіе же штаны, въ высокіе побурѣвшіе сапоги и подпоясаны ремнями; если бы у каждаго не висѣли за поясамъ фонарикъ и рукавицы, а на головахъ были бы надѣты не картузы, а сѣрыя безкозырныя шапки, то рабочіе походили бы на арестантовъ. Всѣ они были съ блѣдными, изможденными лицами, безъ живыхъ красокъ, и среди сѣраго утра и сѣрыхъ костюмовъ казались тоже какъ будто сѣрыми и вялыми. Не замѣчая ни одного свѣжаго лица, ни одной богатырской груди, свойственной рабочему человѣку, я спросилъ, обратясь вообще ко всей толпѣ, молчаливо стоявшей вдоль стѣнъ, трудна ли ихъ работа въ шахтѣ.

— Кабы не трудна,—отвѣчали рабочіе,—развѣ были бы мы такіе!

И всѣ они съ видимымъ безучастіемъ поглядѣли другъ другу въ чухля, угрюмыя лица, какъ на нѣчто давно извѣстное и неизбѣжное.

Не вспоминаю, пробилъ ли звонокъ, или штейгеръ („штыгирь“, какъ называли рабочіе своего наибольшаго) подалъ сигналъ, но только вся толпа начала зажигать свѣчи въ своихъ фонарикахъ и мало-помалу исчезла въ низкую дверь шахтенной постройки. Кое-кто, въ ожиданіи очереди, докуривалъ трубку, кто отдыхалъ на бревнахъ, кто лѣниво брелъ и надѣвалъ рукавицы. Когда я снова вопель въ контору, сторожъ уже проснулся и разводилъ самоваръ.

— А, вамъ на шахту? — добродушно пріивѣтствовалъ онъ меня, кивалъ головой. — Можно, можно, сударь: о васъ уже есть и распоря-

женіе. Сейчас смотритель придетъ, онъ васъ и проводить. Обождите минуточку.

Продрогнувъ на холодѣ, я съ удовольствіемъ присѣлъ у окошка въ теплой комнатѣ, а сторожъ между тѣмъ, приговаривая что-то вполголоса, приносилъ и складывалъ возлѣ меня одежду.

— Пока что, — обратился онъ ко мнѣ, — переодѣньтесь въ наши мундиры, а то грязно тамъ... живой нитки не останется.

Онъ подаль мнѣ такую же сѣро-желтую куртку и панталоны, какія я видѣлъ на рабочихъ, и спросилъ, глядя на мои высокіе охотничьи сапоги:

— Не промокаютъ?.. А то я и сапоги могу дать.

Я сталъ одѣваться.

— Вотъ и не такъ!—остановилъ меня сторожъ.—Нужно спервоначалу все съ себя снять, а потомъ надѣть куртку, а не то чтобы прямо на одежду.

Я послушался и снялъ пиджакъ.

— И опять этого мало!—не унимался сторожъ.—Все нужно снять, до самой рубашки, чтобы ничего не было!

Мнѣ было слишкомъ холодно, и я не послушался.

— Жарко будетъ! Жалѣть станете!—упрекнулъ меня въ послѣдній разъ сторожъ и помогъ мнѣ одѣться.

— А это вотъ вамъ ремень, потуже слѣдуетъ затянуть... А это вотъ фонарикъ за поясъ, да лишнюю свѣчку въ карманъ возьмите, въ запасъ. Потомъ рукавицы надобно захватить, да картузь сейчасъ по головѣ подберу...

Одѣтый въ заводскій „мундиръ“, какъ выражался сторожъ, я взглянулъ на себя въ зеркало. Толстый, нескладный картузь, тяжелый и нѣсколько влажный, огромныя кожаныя рукавицы, тоже влажныя и грязныя, помятая рубаха въ рыжихъ пятнахъ, сѣрыя узкія панталоны, заправленныя въ голенища, черный фонарикъ за поясомъ дѣлали меня почти неузнаваемымъ для самого себя. Взглянувъ на меня, даже сторожъ, улыбаясь, промолвилъ:

— Вотъ теперь, значить, по-нашему! Теперь можно и въ шахту, а то нешто настоящая одежда здѣсь выдержитъ!

Въ контору вошелъ смотритель, молодой человѣкъ, поздоровался со мной и, видя, что я уже въ „мундирѣ“, быстро переодѣлся въ такую же куртку. Мы зажгли фонари, надѣли рукавицы и вышли на дворъ. Если я продрогъ въ пиджакѣ и пальто, то въ бумажной рубахѣ мнѣ было уже вовсе холодно.

Идти пришлось не далеко. Провожатый ввелъ меня въ какое-то крытое помѣщеніе, стоявшее среди двора, затѣмъ мы спустились по широкой небольшой лѣстницѣ ниже, гдѣ было уже темно,—только едва-

едва проникалъ дневной свѣтъ, мѣшаясь съ свѣтомъ нашихъ двухъ фонарей.

— Теперь спускайтесь за мною,—сказалъ мнѣ мой спутникъ.—Держитесь крѣпче руками и берегите голову.

У нашихъ ногъ чернѣла квадратная яма, приблизительно въ аршинъ шириной, въ которую какъ разъ могла пройти человѣческая фигура. Въ стѣну около ямы были вдѣланы двѣ или три скобки, чтобы можно было за нихъ ухватиться до начала спуска. Мой провожатый ловко взялся руками за первую скобку и спустилъ ноги въ яму, потомъ перехватился за нижнюю скобку — и скрылся въ подземельѣ. Подражая ему, я сдѣлалъ то же самое. Ноги мои уперлись во что-то твердое; это была ступенька лѣстницы. Сначала я оказался по поясъ въ ямѣ, а затѣмъ, переступивъ слѣдующій порогъ, скрылся, какъ и мой провожатый, отъ послѣдняго дневного свѣта въ сырой, темной ямѣ, гдѣ было холодно, грязно и тѣсно. Перебирая мало-по-малу ступеньки руками и ногами, мы скоро остановились на площадкѣ.

— Осторожнѣе!—услышалъ я знакомый голосъ.—Беритесь опять за скобку.

Освѣтивъ площадку фонаремъ, я увидѣлъ ниже точно такое же отверстие, такія же скобки въ стѣнѣ и снова погрузился въ черную яму, сначала по поясъ, затѣмъ и съ головой.

Черезъ каждыя 3—4 минуты встрѣчались подобныя площадки и скобки. Куда я спускался и долго ли нужно мнѣ было спускаться, я не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

Лѣстницы, по которымъ я слѣзалъ, представляютъ собою самыя обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя лѣстницы — деревянныя, съ узкими ступеньками, какія подставляются обыкновенно къ домамъ, чтобы забраться на крышу. Лѣстницы были не длинныя: ступеней 30—40, а затѣмъ площадка, съ новою ямой и съ новой лѣстницей. Всѣ переклады были сырыя, на многихъ комкахъ лежала скользкая жидкая грязь. Хватаюсь руками, я промочилъ уже насквозь свои рукавицы, о которыхъ сначала думалъ, что онѣ лишнія. Иногда пролѣзая въ отверстие было довольно трудно, чтобы не коснуться спиной или головой о деревянные срубы, покрытые, какъ и ступеньки, влагою, грязью и, можетъ быть, даже плѣсенью. Чѣмъ дальше мы опускались, тѣмъ становилось мнѣ жарче, и въ то же время пронизывалъ холодохъ промоченную спину и колѣни. Нигдѣ не слышалось ни голоса, ни звука, кромѣ шарканья нашихъ ногъ; нигдѣ не видѣлось ни свѣта, ни простра, только и сверкали отъ фонаря двѣ мокрыя ступени лѣстницы, за которыя хватался я уставшими руками,—все остальное было сплошнымъ мракомъ. Откуда-то капала вода на спину и на лицо, откуда-то продувало вѣтромъ.

Съ непривычки я началъ уставать и дѣлалъ на площадкахъ краткія

передышки. Проходили минуты за минутами, за лѣстницей слѣдовала лѣстница, и казалось, не будетъ конца этому спуску, а между тѣмъ у меня дрожали уже руки и ноги, потъ градомъ катился по щекамъ, а спина и колѣни были въ жидкой грязи, и кожаныя рукавицы промокли тоже насквозь.

— Скоро ли доберемся? — спросилъ я, наконецъ, своего провожатаго, который отвѣтилъ мнѣ откуда-то снизу далекимъ голосомъ:

— Еще лѣстницъ пять осталось!

Продолжая спускаться среди мрака и какого-то неопредѣленного шума, точно вокругъ насъ или надъ нами бѣжала масса воды, я очутился, наконецъ уже не на площадкѣ съ дальнѣйшимъ чернымъ отверстіемъ, а на твердой почвѣ.

Мнѣ нѣсколько измѣняетъ память, и я не могу сказать теперь, сейчасъ ли начался отсюда коридоръ, или мы подверглись еще какимъ-либо переходамъ и мытарствамъ. Помню только, что я стоялъ среди мутной лужи, такъ что ступни моей не было видно, и съ любопытствомъ озирался кругомъ. Помню, что это былъ узкій и низкій коридоръ, гдѣ нужно было стоять немного согнувшись и гдѣ съ трудомъ возможно разойтись съ встрѣчнымъ человѣкомъ. Стѣны мрачнаго коридора, а также и потолокъ, были высѣчены изъ сплошной каменной глыбы. Это были шахты.

Въ шахтѣ по коридору то и дѣло пробѣгали рабочіе съ узкими маленькими тачками, наполненными кусочками руды; здѣсь, на глубинѣ 100 сажень, ежедневно работало 500 человѣкъ безвыходно по восьми часовъ въ сутки. Освѣщая дорогу фонарями, которые мы вынули изъ-за пояса и держали въ рукахъ, мы двинулись по коридору впередъ. Въ иныхъ мѣстахъ я шель, немного лишь нагнувъ голову, но преимущественно приходилось идти съ согнутою спиной и все время по водѣ, которая булькала и брызгала подъ нашими ногами. Нерѣдко вдали показывался огонекъ и, приближаясь къ нему, мы слышали окрикъ и прижимались къ стѣнѣ, чтобы пропустить мимо себя рабочаго съ тачкой.

Я покорно шель за своимъ проводникомъ, не зная ни пути, ни направленія, и только изрѣдка, переставъ уже стѣсняться сырости, садился на мокрое бревно, если оно попадалось намъ по дорогѣ, и давалъ немного отдохнуть спинѣ, а затѣмъ опять, сильно сгорбившись, продолжалъ путь. Не знаю, сколько времени шли мы по коридору; иногда попадалось намъ похожее на пещеру углубленіе въ стѣнѣ, гдѣ добываютъ руду, взрывая гору динамитомъ или рубя топорами; эти обломки подбираютъ лопатами, сыпаютъ въ тачки и увозятъ на „рудничій дворъ“, гдѣ, посредствомъ машины, добыча извлекается изъ нѣдръ на поверхность земли.

Здѣсь добывается мѣдный колчеданъ, бурый желѣзнякъ съ содер-

жаниемъ мѣди, тальковыя глины, оруднѣлыя сланцы, малахитъ, мѣдное индиго, шлаковая (очень богатая) мѣдная руда, магнитный желѣзнякъ и пр. Всего разной руды около трехъ миллионѡвъ пудовъ въ годъ.

Мы довольно уже глубоко подъ землю. Не вспомню, въ какомъ именно мѣстѣ, я былъ удивленъ шумомъ и спросилъ, глядя наверхъ, гдѣ что-то шумѣло и какъ будто катилось:

— Выше насъ тоже работаютъ?

— Нѣтъ, это рѣчка Рудинка протекаетъ надъ нами.

Шахта, гдѣ мы находились, носитъ названіе Авроринской. Она ниже поверхности земли на 100 саженъ, но намъ предстояло опуститься еще глубже, въ сѣверную шахту, глубина которой 113 саженъ.

Если нашу московскую Ивановскую колокольню считаютъ вышиной что-то около 39 саженъ и взобраться на нее считается чуть ли не подвигомъ, то взобраться изъ шахты было втрое труднѣе.

Когда, усталый, съ разболѣвшеюся отъ согнутаго положенія спиной, весь промокшій и грязный, я сѣлъ на мокрое бревно въ Авроринской шахтѣ и, поставивъ на колѣни фонарь, сталъ записывать въ книжку свои впечатлѣнія, руки у меня отказывались работать, и я успѣлъ записать всего лишь нѣсколько строкъ. Передо мною тѣмъ временемъ открылась новая картина. Откуда-то сверху на громадной толстой цѣпи спустилась желѣзная бадья, величиной съ хорошую бочку, а отъ земли отдѣлилась другая, точно такая же огромная бадья, до краевъ наполненная рудой, и, гремя цѣпами, тяжело поползла кверху и скрылась во мракѣ. Между тѣмъ рабочіе все подвозили тачки, ссыпали руду въ порожнюю бадью, и, когда наполнили ее, она точно такъ же со скрипомъ и грохотомъ тяжело поползла кверху, а на ея мѣсто опустилась вторая—порожняя... Такимъ образомъ поступаетъ на свѣтъ Божій металлъ изъ нѣдръ земли.

Нѣсколько отдохнувъ, мы направились дальше. Потянулись опять мрачные безконечные коридоры, но они стали еще ниже, такъ что приходилось не только сгибать спину, но даже въ иныхъ мѣстахъ пробираться чуть не ползкомъ, нерѣдко ударяясь въ темнотѣ головой о деревянныя бревенчатые оклады и подхваты шахты, и только благодаря толстому картузу не было больно, а въ легкой шелковой фуражкѣ, въ которой я пріѣхалъ въ контору, можно было бы до ирочи разбить себѣ голову. Тутъ я снова оцѣнилъ предусмотрительность, съ какою исполненъ весь шахтенный „мундиръ“.

Сѣверная шахта находится, какъ я уже сказалъ, на глубинѣ 113 саженъ. Когда мы вошли сюда, рабочіе занимались добычей малахита. Эта была высокая пещера, освѣщенная двумя-тремя свѣчками, воткнутыми въ пробойны. Задняя сѣрая стѣна, избитая и изрубленная, сверкала мелкими, словно пыль, блестками, и мѣстами по ней зелеными

пятнами проглядывал малахитъ. Рабочіе, сильно размахнувшись короткою киркой, вонзали остріе въ стѣну и опять вытаскивали и опять вонзали, пока къ ногамъ ихъ не падалъ кусокъ зеленого камня. Мелкіе куски собирались въ общій мѣшокъ, а болѣе крупныя обломки откладывались отдѣльно, потому что они идутъ на разные издѣлія, а мелочь и розсыпь продается для выдѣлки зеленой краски.

За малахитъ, кромѣ обычной поденной платы, дается премія — по рублю съ пуда. Въ общемъ ежедневный заработокъ заводскаго рудокopa выражается отъ 80 к. до 1 руб. 10 к., но иные добываютъ 2 и даже 3 рубля въ сутки.

— Теперь отдохните, — сказалъ мнѣ мой провожатый, который во время всей нашей прогулки по шахтѣ отмѣчалъ въ тетради неявившихся рабочихъ. — Назадъ идти будетъ труднѣе... отдохните.

Пока я сидѣлъ на мокромъ бревнѣ, рабочіе выломали мнѣ изъ скалы кусокъ малахита и просили взять на память. Я хотѣлъ дать имъ за это денегъ, но они отказались и еще разъ подтвердили свой отказъ.

— На память, молъ... Можетъ, когда, Богъ дастъ, вспомнить придется.

Теперь этотъ кусокъ лежитъ передо мною на столѣ, и часто, глядя на него, мнѣ вспоминается мрачное подземелье, куда не проникалъ никогда лучъ дневного свѣта, вспоминаются глухіе удары молотковъ и глухое паденіе разбитаго камня на каменный полъ, вспоминаются вялыя, изможденныя лица рабочихъ и ихъ простыя, добродушныя слова: „На память, молъ“...

Минутъ черезъ десять мы отправились дальше. Опять потянулись коридоры, опять заняла согнутая спина, и снова пришлось то нагибаться, то подползать подъ низкія бревенчатыя рамы и шагать по грязи и лужамъ. Наконецъ явилась возможность выпрямиться во весь ростъ: мы подошли къ лѣстницѣ.

— Отдохните и полѣземъ!

Я съ удовольствіемъ разогнулъ спину, немного постоялъ, отдохнулъ и, слѣдуя за своимъ спутникомъ, взялся за осклизлую перекладину.

Опять начались безконечныя лѣстницы, опять тѣ же узкія площадки, та же жидкая грязь, по которой скользили руки и ноги; только подниматься было значительно труднѣе, нежели опускаться. Тамъ были и свѣжія силы, и сухая куртка, тогда какъ здѣсь приходилось усиленнѣе напрягать ручныя мускулы и стѣсняться въ движеніи, потому что одежда, насквозь пропитанная влагою и грязью, прилипала къ тѣлу и послѣ трехъ часовъ ходьбы съ согнутою спиной чувствовалось изнеможеніе.

Усталость возрастала буквально съ каждою минутой; къ тому же отъ усиленнаго дыханія пересохло въ горлѣ, и хотѣлось воды. Руки

еле держались за скользкія перекладыны, ноги еле переступали. Отдыхая чуть ли не на каждой площадкѣ и медленно приближаясь къ выходу, мы взбирались по лѣстницамъ уже около получаса. Я задыхался.

— Долго еще?

— Пустяки!—нбрежно отвѣчалъ мнѣ спутникъ.— Сажень тридцать осталось!

По-здѣшнему, 30 сажень—пустяки, а для непривычнаго москвича— это цѣлая Ивановская колокольня!

Я помню, когда оставалась уже одна, послѣдняя лѣстница и сверху падалъ уже блѣдный лучъ свѣта, я изнемогъ до такой степени, что отдыхалъ на каждой перекладинѣ и ело держался руками; въ эту минуту за глотокъ свѣжей воды я отдалъ бы, кажется, половину жизни! Вотъ остается уже нѣсколько аршинъ, нѣсколько перекладинъ... Мой провожатый уже вылѣзъ и глядитъ на меня сверху, съ твердой почвы, но руки мои перестаютъ работать. Я хватаюсь за ступень, держусь за нее, но подняться уже не имѣю силы; дыханіе мое прерывается; того и гляди, что опустятся руки, подкосятся ноги — и я полечу обратно по лѣстницѣ.

— Съ непривычки тяжело! — слышу я возлѣ себя знакомый голосъ.— Ну, еще немножко!.. Еще!.. Еще!..

Я безсознательно лѣзу впередъ, цѣпляюсь, словно раненый, за перекладыны, и, наконецъ, меня беретъ за руку крѣпкая рука провожа- таго и извлекаетъ изъ ямы.

Нѣсколько секундъ я сидѣлъ на полу, не имѣя силы подняться, потомъ, отдышавшись, нетвердыми шагами послѣдовалъ за своимъ спутникомъ и съ трудомъ подвинулся на какой-нибудь десятокъ порошковъ широкой лѣстницы и вышелъ на заводскій дворъ, гдѣ ярко свѣтило солнце, гдѣ дышалось снова легко и свободно. Врядъ ли когда-нибудь я былъ такъ радъ дневному свѣту!

Свѣжій воздухъ казался мнѣ легкимъ и ароматнымъ, а голубое небо, зеленая трава на горѣ и бѣлыя облака казались необыкновенно гармоничною, необыкновенно прекрасною картиной!

Было уже 8 часовъ, когда я вернулся въ контору,—слѣдовательно, по шахтамъ мы бродили часа четыре. Сторожъ съ добродушною улыбкой встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и спросилъ, прищуривая глаза:

— Чайку холодненькаго теперь, пожалуй, недурно?

Не дожидаясь согласія, онъ вынесъ мнѣ стаканъ жидкаго остывшаго чаю, который я выпилъ почти залпомъ, и только тогда могъ проговорить первое слово.

— Говорилъ, жарко будетъ!—упрекнулъ меня сторожъ.— А еще раздѣваться не хотѣли! Эна какая грязь—нитки живой не осталось!

Онъ стащилъ съ меня почернѣвшую отъ грязи и воды заводскую куртку, подалъ мнѣ умыться, помогъ надѣть пиджакъ и пальто и, поднеся еще стакавъ холоднаго чаю, хотѣлъ проводить меня до извозчика, но вдругъ, что-то вспомнивъ, ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ахъ, ты, батюшки! Расписаться-то забылъ подать!.. У насъ вѣдь это дѣлается до спуска... иначе нельзя. Сначала подписку дай, а потомъ ужъ иди... Потому что вдругъ какое несчастье.

Можетъ быть, и я ошибаюсь, но только изъ его дальнѣйшихъ словъ я понялъ, что при конторѣ имѣется книга, гдѣ дается подписать, что, опускаясь въ шахты, я не буду винить никого, если, въ случаѣ обвала или какого-нибудь несчастья, мнѣ не удастся выйти оттуда живымъ. Не читая текста, я расписался въ книгѣ или на какомъ-то листѣ и поспѣшилъ домой, чтобы отдохнуть и переодѣться, такъ какъ на мнѣ, по выраженію сторожа, не оставалось ни одной живой нитки, къ тому же въ 12 часовъ дня отходилъ изъ Тагила мой поѣздъ.

Производство чугуна и желѣза.

(В. Немировича-Данченко.)

Людымъ, не посвященнымъ въ таинства горнаго и литейнаго дѣла, домна, разумѣется, представляется какою-нибудь рослою и толстою деревенскою красавицей. Домна, пожалуй, и громадна, и толста, и по своему красива, хотя и грязна до невозможности. Она обладаетъ удивительною пастью, поглощающею сотни пудовъ руды и десятки сажень дровъ, и желудкомъ, переваривающимъ эту руду въ чугуунъ. Мы говоримъ о доменной печи, которую вездѣ сокращенно называютъ просто домной.

Руду, добытую въ рудникахъ въ видѣ однообразной, бурой массы съ рѣдкими желтыми пятнами охры, доставляютъ на заводъ. Тутъ ее въ ящикахъ, двигающихся по рельсамъ на тормозахъ, спускаютъ въ печи близъ домны. До плавки въ этихъ печахъ руду прокаливаютъ; она теряетъ нѣкоторыя составныя части свои, совершенно неужныя, и краснѣетъ отъ жара, дѣлаясь въ то же время болѣе рыхлою. Въ этомъ видѣ ее выгребаютъ на площадки, гдѣ и разбиваютъ въ куски, не болѣе грецкаго орѣха каждый, послѣ чего руда уже считается достаточною подготовленною для плавки. Прежде чѣмъ попасть въ доменную печь, руда попадаетъ на вѣсы и разбавляется древеснымъ углемъ такъ, чтобы на каждые девять кубическихъ аршинъ его приходилось отъ 40 до 55 пудовъ руды. Къ этой смѣси примѣшивается еще до 15% флюсовъ, т.-е. известковыхъ камней, уже раздробленныхъ. Уголь при этомъ долженъ быть какъ можно крупнѣе. Когда составъ такимъ образомъ для плавки готовъ, доменная печь открываетъ свою пасть.

Домна строится обыкновенно высотой въ хорошій трехэтажный домъ. Пасть у нея наверху. Когда рабочіе съ составомъ для плавки подходятъ къ ней, оттуда уже пышетъ жадный огонь, освѣщающій темноту сарая, построеннаго надъ нею. На непривыкшаго человѣка, какъ, на примѣръ, на меня, это производило довольно сильное впечатлѣніе. Что-то адское было въ этихъ взрывахъ краснаго пламени, въ этомъ клокотѣ руды въ нѣдрахъ громадной печи, въ этомъ громадномъ, кругломъ зѣвѣ домны, жадно раскрытомъ въ ожиданіи своей обычной добычи. Наверху черныя, окуренные дымомъ и покрытыя сажею, балки кровли, рѣдкіе просвѣты въ ней, сквозь которые день не рѣшался заглядывать въ таинственную глубину, окутанную мракомъ и озарявшуюся только краснымъ пламенемъ домны, почти голые рабочіе, сновавшіе на яркомъ фонѣ этого пламени черными силуэтами и опять исчезавшіе во тьмѣ,—все это настраивало извѣстнымъ образомъ, заставляло забывать, что передъ тобою простое механическое производство.

— Жарко,—оборачивается одинъ изъ рабочихъ, котораго совѣмъ поджарило пламя, вырывающееся вверхъ изъ домны.

— Не приведи Господи!..

Бросился къ водѣ, жадно припалъ къ ней и пьетъ, а потъ крупными каплями падаетъ въ тотъ же ковшъ съ почернѣвшаго отъ копоти лба. Всмотриваясь въ окружающихъ, я замѣчаю, что они, какъ и эти балки и стѣны, тоже покрыты копотью и сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза, кое у кого и воспаленные; видимое дѣло—не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій изнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи.

— Сторонись, сторонись!..—и меня толкнули въ сторону.

Не успѣлъ я очнуться, смотрю на то мѣсто, гдѣ я стоялъ, стали сносить калоши, т.-е. короба съ рудой и углемъ. Каждый день такихъ калошъ идетъ въ печь отъ двадцати пяти до тридцати пяти. Полунагіе рабочіе подхватили два новыхъ калоша и стали опораживать ихъ въ дышащую огнемъ и зноемъ пасть домны. Цѣлая туча пыли, дыма и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ кровли. Туча эта на минуту окутала насъ всѣхъ, перехватывала дыханіе, слѣпила глаза. Чудовище еще громче заклокотало; еще сильнѣе стало вырываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до насъ хотѣло дотянуться своими огненными жалами. Мы невольно отступили назадъ, издали разглядывая все это таинство.

— Федоръ, Федоръ! куда ты? — закричалъ надсмотрщикъ на рабочего, который кинулся прочь отъ домны.

Тамъ, гдѣ стоялъ онъ, всего сильнѣе подымалось пламя, точно оно его-то именно и хотѣло захватить и унести въ нѣдра, гдѣ кипѣлъ металлъ.

— Невозможно.

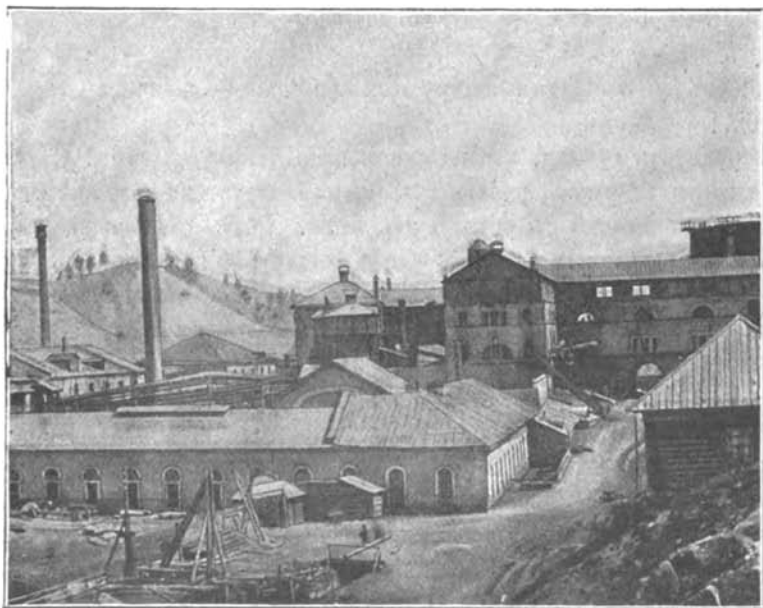
— Что невозможно?

— Стоять. Такъ палить... Дыхать нельзя...

— Ну, пошелъ, пошелъ! Надо, чтобы руда ложилась по всей домнѣ ровно, а не то что въ одинъ край много, а въ другой ничего. Этакъ, чего добраго, и домну испортишь. Пошелъ, пошелъ!

— Эхъ ты, доля собачья!—протестовалъ по-своему рабочій, отправляясь жариться въ самой пасти.

— Вы подойдите ближе. Вы по крайней мѣрѣ получите понятіе о томъ, что дѣлается внутри огнедышащей горы,—предложили мнѣ.

На заводѣ.

Несмотря на жару, любопытство взяло верхъ, и я подошелъ.

Дѣйствительно, тутъ палило. Домна теперь уже горѣла ровнымъ розовымъ пламенемъ; внутри, въ яркомъ хаосѣ, трудно было что-нибудь разобрать ослѣпленнымъ глазамъ. Чудились только въ однообразномъ золотомъ фонѣ огня какія-то бѣлыя, ослѣпительныя змѣи, пробѣгавшія по горѣвшей рудѣ; снопами яркихъ лучей вспыхивали порою флюсы, выбрасывая вверхъ брильянтоваыя звѣзды; раскаленные уголья, точно налившіеся кровью глаза баснословныхъ чудовищъ, смотрѣли на насъ изъ этой пловучей, пузырявшейся массы. Порою она точно проваливалась кое-гдѣ внутрь и въ раскрывавшихся такимъ образомъ нѣдрахъ огнедышащей горы пробѣгали еще болѣе яркія змѣистыя струи блага

пламени, свѣтились совсѣмъ уже ослѣпляшію глазъ расплавившіся флюсы, и какое-то бѣлое молоко вскипало между ними,— молоко, одна капля котораго могла бы прожечь насквозь. Это именно и былъ, ставшій уже жидкимъ, чугуны.

— Ну, что?

— Эффектно. Тянетъ туда.

Когда домна поутихла и стала горѣть обычнымъ порядкомъ, пламя ея стало совсѣмъ розовымъ и даже красивымъ. Я любовался теперь, но, разумѣется, издали. Картина этого сарая стала болѣе спокойна.

Въ углу пышутъ обжигательныя печи. Рабочій—скелеть, обтянутый кожей—сыплеть туда для прокаливанія еще нераздробленную руду. Мы подходимъ къ нему. Онъ смотритъ на насъ совсѣмъ какинь-то безнадежнымъ взглядомъ.

— Тутъ у насъ самыя трудныя работы, — шепчетъ мнѣ управляющій.

На рабочихъ рубахи, кто не снялъ ихъ, мокры отъ пота. Случается, что въ жарѣ на этихъ рубашкахъ кристаллизуется поваренная соль, выступающая вмѣстѣ съ потомъ изъ поръ. Вотъ нѣсколько рабочихъ сѣли въ уголь—отдыхаютъ. Ни слова между ними, точно замерли.

— Они на огнѣ горѣли, а тамъ теперь изъ вихъ потъ бѣжитъ, ослабляетъ ихъ страшно.

Понурились, захватили руками колѣни. Сидятъ уже нѣсколько минутъ—хоть бы звукъ какой. Я подошелъ. Одинъ спитъ тяжелымъ, прерывистымъ сномъ. Другой поднялъ на меня голову. Недоумѣніе, усталый взглядъ скользятъ куда-то. И опять голова бессильно опускается на колѣни. Въ стѣнѣ дыры. Въ нихъ продуваетъ прохлада. Свѣтъ скупо струится извнѣ. Подъ нимъ лица ихъ кажутся мертвенно-блѣдными.

— Эй, ребята, пора!.. Послѣ насидитесь,—позвали ихъ.

Усталыя спины разогнулись, колеблющаяся походка выдавала слабость ногъ.

По краямъ домны была грядкою навалена руда. Стали ее сбрасывать въ огонь. Еще угля принесли въ корзинкахъ. Опять началось питаніе этого ненасытнаго кирпичнаго брюха.

По мѣрѣ плавки руда опускается все ниже и ниже, тогда какъ болѣе легкія части—уголь и флюсы—остаются наверху. Чугунъ уже кипитъ внизу бѣлымъ, ярко свѣтящимся молокомъ. Когда мы спустились въ самый низъ, къ отверстію этой печи, стало прохладнѣе, зато здѣсь оглушило насъ шумомъ изъ фурмъ, сквозь которыя внутрь доменной печи вдувается воздухъ, необходимый для горѣнія. Мы уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ нельзя было уловить. Мнѣ кажется, что тутъ даже пушечнаго удара нельзя было бы различить. Какимъ это ни покажется преувеличеніемъ, тѣмъ не менѣе

я долженъ привести сравненіе: я слышалъ шумъ Иматринскаго водопада, но грохотъ фурмъ гораздо сильнѣе. Рабочіе, которые безсмѣнно находятся около печи, должны неминуемо глохнуть.

— Ну, сейчасъ будутъ выпускать руду,—сказалъ мнѣ мой спутникъ, взявъ меня за руку и отведя прочь отъ фурмъ.

— Что такое?— не разслышалъ я.

Онъ повторилъ. Мы пошли къ устью печи, за которымъ слышалось какое-то клокотаніе.

— Молочко наше увидите.

У самаго устья домны устроены въ мягкой золѣ формы—изложницы, въ которыхъ долженъ охлаждаться чугунокъ, прежде чѣмъ его перенесутъ въ магазинъ для учета и вывѣса.

— Ну-ка, Степанъ!

— Пора?

— Да, сварилось, должно быть. Молочко-то готово уже.

Степанъ осторожно открылъ устье печи, какая-то темная корка въ немъ вспузырилась и треснула. Въ трещинѣ сверкнула бѣлая расплавленная масса. Она вздулась, наполнила все устье, двинулась подъ давленіемъ сверху всего остального расплавленнаго чугуна и флюсовъ и длиною, жидкою, слѣпящею глаза змѣею потекла по узкому ходу, устроенному для нея въ мягкой землѣ. Въ темномъ сараѣ сразу стало свѣтло. Цѣлыя массы яркихъ звѣздъ вскидывались вверхъ отъ этого чугуннаго молока. Металлическія брызги, какъ свѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали самыя разнообразныя формы. Одна за другой онѣ подымались къ бревенчатымъ сводамъ, врывались туда мерцающими снопами и точно таяли тамъ, въ тяжелой тѣмѣ. Трудно было оторваться отъ этого эффектнаго фейерверка. Наконецъ, руда влилась въ формы и стала остывать. Сначала она побагровѣла, ее подернуло сянью, потомъ точно зола сверху отдѣлилась; слышно было легкое шипѣніе подъ этой золой. Рабочіе возились, отдѣляя одинъ кусокъ отъ другого.

— Въ каждомъ такомъ кускѣ отъ двухъ до трехъ пудовъ. Если нужна какая-нибудь чугунная форма, то мы ее прямо дѣлаемъ въ землѣ. Расплавленный металлъ вливается въ нее, и форма готова.

Доменное производство не ограничивается только описаннымъ нами процессомъ. При немъ воздуходувная паровая машина, вводящая сквозь фурмы необходимый для горѣнія углей воздухъ внутрь домны, и аппараты, выдѣляющіе газъ для обжиганія руды. Тутъ же водяная мельница, работающая во время сильнаго теченія. Всѣ эти постройки чрезвычайно прочны; вездѣ желѣзо, желѣзныя балки, проводы, толстыя кирпичныя кладки, похожія на стѣны крѣпостей. Все это ставлено въ крѣпостное время даровыми рабочими. Теперь такія сооруженія были бы невозможны

или потребовали бы невознаграждаемых затратъ. Песчаниковые камни привозятся сюда издали, несмотря на свою громадность.

Когда мы вышли отсюда на свѣтъ и вольный воздухъ яркаго лѣтняго дня, грудь задышала легче. Безоблачное небо улыбалось намъ, зелень лѣсовъ пышными облаками мягко круглится на скатахъ горъ. Молодые березы тутъ же, около завода, замерли въ теплѣ. Казалось, имъ было лѣнь шевельнуть своими нѣжными листьями. Птицы задорно перекликались. Издали слышалась пѣсня иволги. И какъ ужасенъ показался рядомъ съ этою нѣгой и дремою полудня непосильный трудъ человѣка, во тьмѣ и зноѣ, у самаго адскаго пламени ненасытной доминны. Тутъ, дѣйствительно, не даромъ обходится каждый грошъ; хлѣбъ насущный достается въ потѣ лица.

Было уже темно, когда я отправился опять на заводъ. Слободы казались совсѣмъ вымершими, въ рѣдкомъ окнѣ мерцало скупое сіяніе лампы. Откуда-то изъ-за рѣчки доносилась чуть слышная рыдающая пѣсня. Должно быть, дровосѣки тамъ коротали вечеръ за раскнутымъ на лѣсной полянѣ костромъ. На темныхъ небесахъ вспыхивали звѣзды, рѣдкія, блѣдныя. Еще за полверсты отъ завода до меня долетѣлъ неровный гулъ; поближе — въ немъ уже выдѣлились стукъ молотковъ, визгъ желѣза, свистъ и пыхтѣніе паровыхъ машинъ и шумъ воды, падавшей въ шлюзъ. Чѣмъ болѣе вырастали передо мною громады кирпичныхъ зданій съ черными трубами и круглыми кровлями, тѣмъ шумъ неустанной работы, совершавшейся здѣсь, становился все оглушительнѣе. Когда я вошелъ въ самое отдѣленіе, гдѣ разбивались чугунные куски въ желѣзо, у меня голова пошла кругомъ. Казалось, что эти паровые молоты стучали въ моемъ мозгу, что свистъ мѣховъ и сильныя струи воздуха, вдуваемая въ формы, сорвутъ меня съ мѣста и унесутъ. Богъ знаетъ куда. Глаза слѣпило; я не зналъ, на чемъ остановиться, за что взяться; какой-то непонятный хаосъ совершался кругомъ. Я не отдѣлялъ машинъ отъ людей, все смѣшалось, все кружилось, мѣняя контуры и размѣры.

Мракъ сгущался вверху подъ бревнами кровли. Внизу ослѣпительно горѣли зѣвы нѣсколькихъ десятковъ печей, въ которыхъ раскаливались куски чугуна. Еще ослѣпительнѣе казалось здѣсь отъ темноты, стоявшей кругомъ завода. Изрѣдка изъ печей выхватывали ярко горѣвшіе косяки желѣзными щипцами, и кто-то невидимый бѣжалъ, бѣжалъ съ ними къ паровому молоту. Казалось, раскаленный метеоръ стремился прямо на меня, оставляя за собой свѣтящійся хвостъ и горячую струю нагрѣтаго имъ воздуха. Тяжело хрипя, поднимался паровой молотъ, метеоръ укладывался подъ нимъ. Громяхая, громадный языкъ этого

молота рушился прямо на горящій чугуиъ и тысячи яркихъ звѣздъ разбрасывались въ разныя стороны, шипя и погасая во тѣмъ, скоплявшейся вверху, уходя въ песокъ, лежащій на полу, заносясь въ далекіе углы, гдѣ работали такія же огненные печи, сверкали такіе же метеоры, носились въ воздухѣ такія же звѣзды. Вонъ изъ сварочныхъ печей выползають огненные змѣи, вытягиваются и извиваются внизу. Изъ-подъ прокатныхъ машинъ скользять во всѣ стороны такія же пламенные струи. И подъ этимъ блескомъ, полнымъ какого-то зловѣщаго очарованія, мой присмотрѣвшійся взглядъ сталъ, наконецъ, различать какія-то черныя тѣни, силуэты людей, съ щипцами, полосами желѣза, непонятными крючьями въ рукахъ. Подойдя ближе къ этимъ рабочимъ, я началъ всматриваться въ нихъ еще съ большимъ интересомъ. Это были желѣзные люди. На нихъ гремѣли желѣзные фартуки, которые спасали ихъ отъ огненныхъ звѣздъ, носившихся въ воздухѣ. На ногахъ громыхали желѣзные сапоги. Цѣлая струя пламени и горячаго металла лилась кругомъ, а эти желѣзные люди, посреди этого ада, казались неприкосновенными. Они то и дѣло ворочали бѣлые куски желѣза, красные комья чугуна, наклонялись къ печамъ, дышавшимъ невозможнымъ жаромъ; мокрыя лица моментально высыхали, брови совѣмъ спаленныя, закруглившіеся отъ страшной температуры рѣсницы, красные, налившіеся кровью глаза иногда обращались въ нашу сторону.

Воображеніе невольно работало, подсказывая сравненія, создавая цѣлыя картины чего-то волшебнаго и таинственнаго.

Черезъ часъ, когда я подробно присмотрѣлся ко всему этому производству, оно мнѣ стало совершенно понятно; чудеснаго уже не было, но общая картина ни мало не потеряла отъ того своего величія.

Для передѣлки чугуна въ желѣзо его складываютъ въ пудлинговыя печи по двѣнадцать пудовъ сразу. Въ пудлинговыя печи къ чугуиу подсыпають шлакъ, мѣшаютъ эту массу безпрестанно, не останавливаясь ни на минуту, длинными крючками, концы которыхъ отъ этого раскаляются. Сплавъ густѣетъ мало-по-малу.

— Каша варится, варится, а потомъ вся ноздрями пойдетъ.

— Какъ это ноздрями?

— А какъ губка станеть.

Губчатую массу разрываютъ въ самыхъ печахъ на куски, каждый, примѣрно, пуда въ три вѣсомъ. Крючьями захватываютъ эти куски и стремятся съ ними подъ молотъ. Тамъ обжигаютъ ихъ въ бруски. Подъ молотомъ шлаки выбрасываются вонъ, выдавливаются яркими звѣздами. Когда бруски достигнутъ надлежащей плотности и примутъ правильную форму, ихъ охлаждають и взвѣшиваютъ. Желѣзо, добытое такимъ образомъ, поступаетъ въ сварочныя печи по 55 и 60 пудовъ сразу, разжигается тамъ до бѣлокалительнаго жара и прокатывается подъ валами осо-

баго механизма въ длинныя полосы. Между этими валами, страшно сжимающимися толстые куски желѣза, оно издаетъ совершенно особый пронзительный звукъ, не теряя и сейчасъ по выходѣ оттуда своего бѣлокалильнаго цвѣта.

— Ишь заплѣо, жалится. Больно ему, оно и плачется, потому валы его плющаютъ, грудь ему раздавливають,—отвѣчаетъ рабочій, какъ и мы, слушая это желѣзо.

Къ намъ подошелъ одинъ обжимальщикъ. Издали еще при каждомъ шагѣ громыхало желѣзо его фартука и сапогъ. Точно стародавнѣй рыцарь, весь закованный въ латы.

— Никакъ нельзя-съ!—обратился онъ къ управляющему.

— Что нельзя-съ?

— Ужъ вы мнѣ, пожалуйста, мундиръ другой дайте,—прожгло этотъ наскрозь. Сегодня мнѣ одна искра попала, болитъ такъ,—бѣда! Я ужъ думалъ къ фершалу бѣжать.

— Ну, хорошо, хорошо.

— Да и то еще: нѣтъ ли у васъ газетъ, поновѣй которыя. А то стойшь, стойшь—одурь возьметъ. На отдыхѣ бы почитать.

— Какъ же, есть. Приходи послѣ, дамъ.

— Ну, вотъ чудесно. Чего лучше! Я почитаю и товарищи послушаютъ.

— Которые въ кабакъ не пойдутъ?

— Новѣ они кабакъ отмѣнили.

— Почему это?

— Да пропились шибко. Порѣшили уговоромъ, значить, не пить... Чтобы отнюдь... держимся... А книжекъ новыхъ у васъ нѣтъ?

— Пока ничего еще не получалъ.

— Такъ новый мундиръ вы мнѣ дадите?

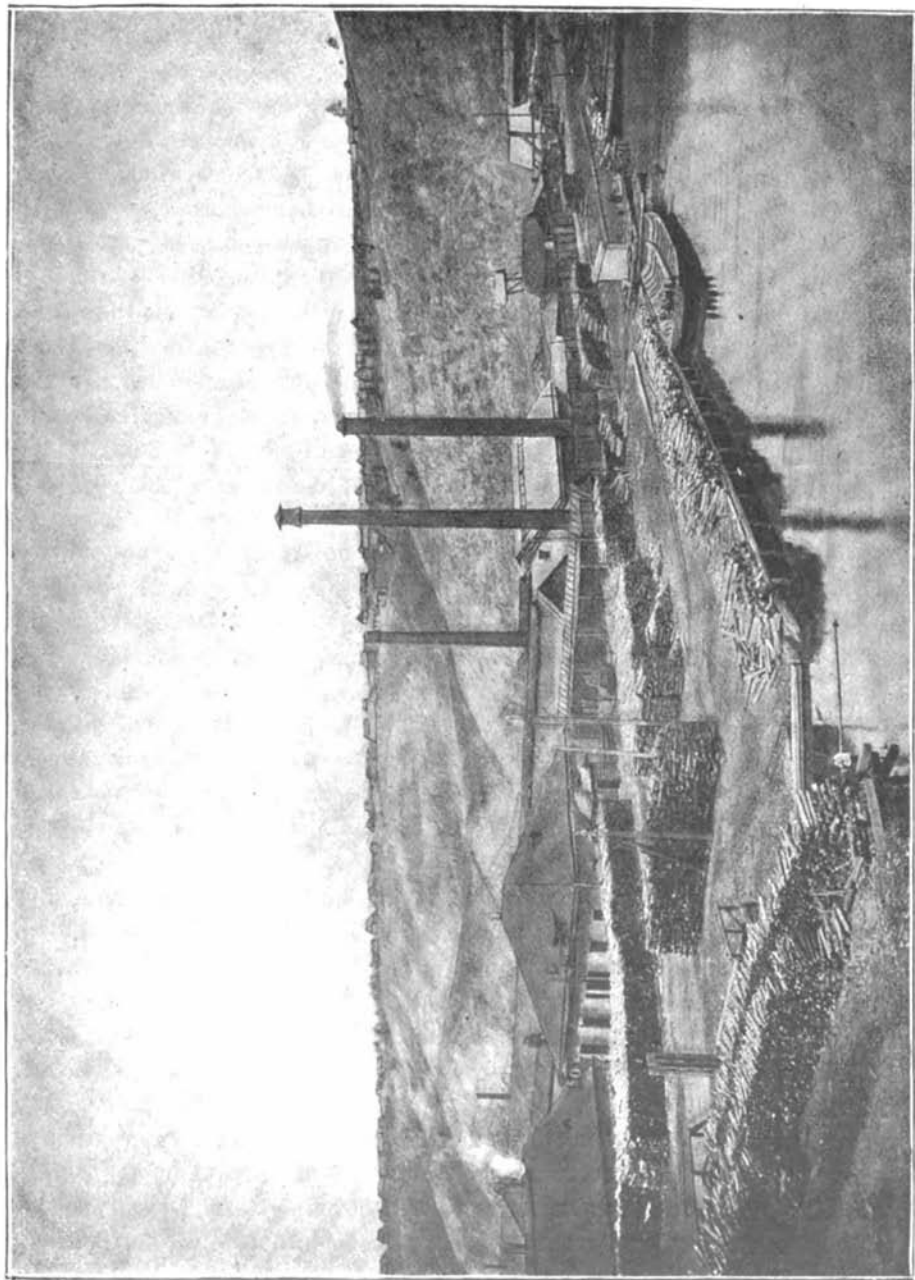
— Дамъ, дамъ.

— Что это, исключительный типъ?—спросилъ я, когда желѣзный человѣкъ пошелъ отъ насъ прочь, такъ же погромыхивая своими насквозь прожженными латами.

— Какое исключеніе, помилуйте! Напротивъ, всѣ почти читаютъ. А если самъ не читаетъ, то отъ другого послушаетъ. Очень любознательный народъ! При машинахъ весь вѣкъ, потому. Тутъ даже поэты есть, которымъ въ огнѣ разное чудится.

— Это еще что?

Оказалось, что нѣкоторые изъ рабочихъ, цѣлыя смѣны по нѣскольکو часовъ выстаивающіе у огня, размѣшивая плавящуюся массу чугуна, видятъ въ переливахъ огня, въ сверкающей массѣ металла всевозможные образы: то рѣка льется въ серебряныхъ берегахъ и вырастаютъ на нихъ золотые дворцы и храмы; то море изъ бѣлаго пламени разли-

Общій видъ уральскаго завода.

ваются шипучими волнами; ходять надъ ними морскія чудовища, огненная буря шумить, налетая на нихъ; то клокотаніе геенны огненной, точно передъ задумчивымъ рабочимъ разверзаются въ этой печи врата адавы.

Какъ громадны цифры производства Кизеловскаго завода, на которомъ я былъ, трудно повѣрить, видя селеніе, разбросанное вокругъ него. Самый заводъ выстроенъ въ котловинѣ, гдѣ рѣчка Кизель, узкая и быстрая, сливается съ Полуденнымъ Кизеломъ. Тутъ начинается большой прудъ, изъ котораго вытекаетъ уже одна рѣка, считающаяся продолженіемъ первой. Кругомъ темною стѣной поднялись лѣса, какимъ-то дивомъ уцѣлѣвшіе около завода. Самый заводъ жметя къ пруду. Сверху, т.-е. съ пригорка, гдѣ вытянулись дома Кизеловской слободы, видны только верхушки заводскихъ крышъ да черныя трубы, изъ которыхъ днемъ валитъ густой дымъ, отражающій ночью красноватый отблескъ пламени и уносящій въ своихъ зловѣщихъ багровыхъ клубахъ міриады искръ. Вся мѣстность около этого завода завалена шлаками, угольнымъ мусоромъ, каменьями.

— У насъ тутъ самъ чортъ ногу сломить!—говорять рабочіе.

— Что же хорошаго?

— Такое ужъ заводское дѣло... Памъ чисто нельзя...

И дѣйствительно, ознакомившись съ массаами, которыя перерабатываетъ этотъ заводъ, съ громадными грузами, которыя поглощаются его ненасытными жерлами, станеть понятно, что на внѣшнюю щеголеватость и даже просто на опрятность тутъ обращать вниманіе некогда. Здѣсь въ одну смѣну готовится въ пудлинговыхъ печахъ по 87 пудовъ желѣза въ каждой; а такъ какъ всѣхъ печей восемь, а смѣны двѣ, то въ сутки заводъ вывариваетъ 1.400 пуд. желѣза. Въ сварочныхъ печахъ, которыхъ здѣсь двѣ пока, выдѣлывается ежедневно отъ 400 до 800 пуд. въ каждой.

Для флюсовъ ломаютъ известковый камень изъ ближней горы, гдѣ между прочимъ находятъ много очень интересныхъ окаменѣлостей. Это считается работою праздничной. Опоздаетъ кто на заводъ, чтобы не терять даромъ времени, идетъ ломать флюсы; не попадетъ въ работу къ печамъ, отправляется туда же. Выломанные куски камня онъ складываетъ внизу у рѣки, или гдѣ попадется, въ правильныя массы, чтобы ихъ можно было измѣрить, и затѣмъ, когда ему понадобятся деньги, идетъ въ заводское управленіе и заявляетъ, что тамъ-то и тамъ-то ихъ выломано и сложено столько-то кубическихъ аршинъ флюсовъ. Ихъ перемѣриваютъ и выдаютъ заработокъ. Этотъ трудъ, несмотря на то, что онъ не легокъ, мѣстные рабочіе очень любятъ, потому что онъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, у лѣса или у рѣки. Разумѣется, всѣ эти прелести существуютъ только лѣтомъ, которое здѣсь очень коротко.

Горная пристань на Чусовой.

(Мамина-Сибиряка.)

Мы пріѣхали на пристань Каменку ночью. Утромъ, когда я проснулся, ласковое апрѣльское солнце весело глядѣло во всѣ окна моей комнаты; гдѣ-то любовно ворковали голуби, задорно чирикали воробьи, и съ улицы доносился тотъ неопредѣленный шумъ, какой врывается въ комнату съ первой выставленной рамой.

Весна, безспорно, самое лучшее и самое поэтическое время года; но едва ли гдѣ-нибудь весна такъ хороша, какъ на далекомъ, глухомъ сѣверѣ, гдѣ она является поразительнымъ контрастомъ сравнительно съ суровой зимой. Притомъ южная весна наступаетъ исподволь, а на сѣверѣ она, наоборотъ, производитъ быстрый и стремительный переворотъ въ жизни природы, точно какой невидимой могучей рукой разомъ зимнія декораціи перемѣняются на лѣтнія. Съ яснаго, голубого неба льются потоки животворящаго свѣта, земля торопливо выгоняетъ первую зелень, блѣдныя сѣверныя цвѣточки смѣло пробиваются черезъ тонкій слой тающаго снѣга, — однимъ словомъ, въ природѣ творится великая тайна обновленія. Прибавьте къ этому освѣженную глянцевою зелень хвойнаго лѣса, веселый птицій гамъ и трудовую возню, какими оглашаются и вода, и лѣсъ, и поля, и воздухъ.

Распахнувъ окно, я долго любовался разстилавшейся передъ моими глазами картиною бойкой пристани, залитой тысячеголосной волной собравшагося сюда народа; любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла свой синевато-грязный рыхлый ледъ, покрытый желтыми наледями и черными полыньями, точно онъ поржавѣлъ; любовался густымъ ельникомъ, который сейчасъ за рѣкой поднимался могучей зеленой щеткой и выстилалъ загораживавшія дорогу къ рѣкѣ горы. Въ логахъ еще лежалъ снѣгъ, точно изъѣденный червями; по проталинамъ зеленѣла первая весенняя травка, но березы были еще совсѣмъ голы и печально свѣсили свои припухшія красноватыя вѣтви.

Каменка, одна изъ нижнихъ чусовскихъ пристаней, раскинула свои полтораэта бревенчатыхъ избъ по крутому правому берегу, въ углу, который образовала съ Чусовой бойкая горная рѣчка Каменка.

Моя комната была во второмъ этажѣ, и изъ окна открывался широкий видъ на рѣку и собственно на пристань, т.-е. гавань, гдѣ строились и грузились барки, на шлюзъ, черезъ который барки выплывали въ Чусовую, лѣсопильню, пріотившуюся сейчасъ подъ угоромъ, на которомъ стоялъ домъ, гдѣ я остановился, и на красовавшуюся вдали двухъэтажную караванную контору, построенную на самомъ юру, на стрѣлкѣ между Каменкой и Чусовой. За рѣкой Каменкой, на низкомъ, отлогомъ берегу, приткнулась маленькая деревушка, точно она сейчасъ вылѣзла

изъ воды своими двумя десятками избушек и теперь сушилась на солнечномъ пригрѣвѣ. Гавань устроена, вѣроятно, изъ островка или песчаной косы, которая образовалась въ самомъ устьѣ Каменки; нижняя часть этой косы была соединена съ крутымъ берегомъ, на которомъ раскинулась пристань широкой плотиной. Берега гавани въ сплошную обставлены деревянными магазинами для склада металловъ, строящимися и совсѣмъ готовыми барками; вездѣ валялись бревна, сложенные въ желтые квадраты, свѣжій тесъ, обломки сгнившихъ барокъ, кучи пакли, кѣзла и платформы спущенныхъ въ гавань барокъ. Нѣсколько огней, около которыхъ варили смолу для барокъ, дополняли картину. Весь берегъ былъ залитъ народомъ, который толпился главнымъ образомъ около караванной конторы и магазиновъ, гдѣ торопливо шла нагрузка барокъ; тысячи четыре бурлаковъ какъ живой муравейникъ облѣпили все кругомъ, и въ воздухѣ висѣлъ глухой гулъ человѣческихъ голосовъ, рѣзкій лязгъ нагружаемаго желѣза, удары топора, рубившаго дерево, визгъ пилъ и глухое постукиванье рабочихъ, конопатившихъ уже готовые барки, точно тысячи дятловъ долбили сырое, крѣпкое дерево. И надъ всей этой картиной широкой волной катилась безшабашная бурлацкая „Дубинушка“. Не успѣвалъ замереть въ одномъ мѣстѣ дружный окрикъ работавшихъ бурлаковъ, какъ сейчасъ же съ новой силой вставалъ въ другомъ. Могучій валъ самой пестрой смѣси звуковъ гулкимъ эхомъ отдавался на противоположномъ берегу и, какъ пѣнистая волна внешней покой воды, тянулся далеко вивъзъ по рѣкѣ, точно рокотъ живого человѣческаго моря. Эта картина кипучей дѣятельности тысячь людей представляла неизмѣримый контрастъ съ тѣмъ глубокимъ мертвымъ сномъ, какимъ покоится пристань Каменка цѣлый годъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль весенняго сплава. Еще день или два, рѣка взламываетъ ледъ и вмѣстѣ съ водой уплыветъ вся эта бѣшеная работа, неистовый шумъ и крикъ, и опять все будетъ тихо и мертво кругомъ, вплоть до будущей весны.

Въ этомъ живомъ муравейникѣ, который кипитъ по чувовскимъ пристанямъ весной, подъ давленіемъ одной силы братски перемѣшались когда-то враждебные элементы: коренное чувовское населеніе бассейна Чусовой съ населявшими ее когда-то инородцами, старовѣры съ приписными на заводѣ хохлами, представители крѣпкаго своими коренными устоями крестьянскаго міра съ воплиъ заводскими мастерами. Понятно то оживленіе, какое охватило всю Каменку, когла на улицѣ пронесся крикъ:

— Вода пришла!.. Вода... Ледъ тронулся!..

Это былъ глубоко торжественный моментъ. Все, что было живо и не потеряло способности двигаться, высыпало на берегъ. Въ сѣрой однообразной толпѣ бурлаковъ какъ макъ запестрѣли женскіе платки, яркіе

сарафаны, цвѣтные шугаи. Робятишкамъ былъ настоящій праздникъ, и они метались по берегу, какъ стаи воробьевъ. Выползли старые, старые старики и самыя древнія старушки, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть, какъ нынче разыграла матушка Чусовая. Иѣкоторые старики плохо видѣли, были даже совсѣмъ слѣпые, но имъ было дорого хоть послушать, какъ идетъ ледъ по Чусовой и какъ галдитъ народъ на берегу. Вѣроятно, многіе изъ этихъ ветерановъ чусовского сплава, вдоволь поработавшихъ на своемъ вѣку на Чусовой, и пришли на берегъ съ печальнымъ предчувствіемъ, что они, можетъ быть, въ послѣдній разъ лобуются своей поиллицей-кормилицей. Сюда же, на берегъ, выползли, приковыляли и были вытащены на рукахъ до десятка разныхъ калѣкъ, пострадавшихъ на весеннихъ сплавахъ: у одного ногу отдавило поносомъ, другому руку оторвало порвавшееся снастью, третій корчится и ползаетъ отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ. Эти печальные диссонансы какъ-то совсѣмъ исчезали въ общемъ весельи, какое охватило разомъ всю пристань. Это былъ настоящій праздникъ, нагонявшій на всѣ лица веселыя улыбки.

— Вамъ, можетъ быть, идетъ пенсія? — спросилъ я одного такого калѣку.

— Какія пенсія?—переспросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Изъ караванной конторы пенсія... пособіе.

— Иѣтъ, у насъ никакихъ пособіевъ не полагается, баринъ.

— Да вѣдь тебѣ руку-то оторвало во время сплава на караванной работѣ?

— Снастью отрѣзало... Я у огнива стоялъ, а снасть-то и оборвись.

— Ну, такъ караванная контора и должна была тебѣ назначить денежное пособіе, рубля хоть три въ мѣсяць. Какой ты работникъ безъ руки?

— Ужъ это што говорить: калѣка—калѣка и есть, куды меня повернуть? Пока около родственниковъ прокармливаюсь, а тамъ и по міру доведется идти.—Такъ контора-то обязана, говоришь, насчетъ пособія?

— Конечно, обязана...

Мужикъ задумался; перспектива получить пособіе смутила его, хотя онъ и не довѣрялъ моимъ словамъ. Послѣ минутнаго раздумья онъ махнулъ оставшейся рукой и проговорилъ:

— Иѣтъ, баринъ, это никакъ невозможно...

— Почему?

— А ты посчитай-ка, сколько у насъ на одной Каменкѣ калѣкъ, а тутъ мы всѣ и приполземъ въ контору насчетъ пособіевъ... Да это и денегъ не достанетъ! Которымъ сплавщикамъ увѣчнымъ — это точно, пособіе бываетъ, а штобы нашему брату, бурлаку... Вонъ онъ, приказчикъ-то, стоять: сунься-ка къ нему, онъ те задастъ такое пособіе! Ишь, какъ глазами ворочаетъ, въ родѣ какъ осетѣрь...

Нахлынувшій валъ поднялъ ледъ, какъ яичную скорлупу: громадныя льдины съ трескомъ и шумомъ ломались на каждомъ шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы, и какъ живыя лѣзлы на всякій мысокъ и отлогость, куда ихъ прибывало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная рѣка теперь шевелилась на всемъ протяженіи, какъ громадная змѣя, съ шипѣньемъ и свистомъ собирая свои ледяныя кольца. Взломанный ледъ тянулся безъ конца, оставляя за собой холодную струю воздуха; вода продолжала прибывать, съ пѣной катилась на берегъ и жадно сосала остатки лежавшаго тамъ и сямъ снѣга. Вмѣстѣ съ льдинами несло оторванныя отъ берега молодыя деревья, старыя пни, какія-то доски и разный другой хламъ; на одной льдинѣ съ жалобнымъ визгомъ проплыла собаченка. Поджавши хвостъ, она долго смотрѣла на собравшійся на берегу народъ, пробовала перескочить на проходившую недалеко льдину, но оступилась и черной точкой потерялась въ буйвавшей водѣ.

Въ гавани работа кипѣла. Половина барокъ была совсѣмъ готова, а другая половина нагружалась. При нагрузкѣ барокъ непременно присутствуютъ сплавщикъ и водоливъ; первый слѣдитъ за тѣмъ, чтобы барка грузилась по всѣмъ правиламъ искусства, а второй принимаетъ на свою отвѣтственность металлы.

Начинающимъ сплавщикамъ обыкновенно сначала даютъ барки съ чугуномъ, а потомъ довѣряютъ желѣзо и мѣдь. Расчетъ очень простой: если барка убьется съ чугуномъ—металлъ немного потерялъ отъ своего пребыванія въ водѣ, а желѣзо и мѣдь наоборотъ.

Мѣдная штыка имѣетъ форму узкаго кирпича; такая штыка вѣситъ полпуда. Для удобства нагрузки штыки связываются лыковыми веревками въ тюки по шести штукъ. Потаскать въ теченіе дня изъ магазина на барку трехпудовые тюки мѣди — работа самая тяжелая, и у непривычнаго человѣка послѣ двухъ-трехъ часовъ такой работы отнимается поясница и спина теряетъ способность разгибаться.

Познакомимся теперь съ тѣмъ, какъ устроена чувовская барка.

Начать съ того, что барка въ глазахъ бурлаковъ и особенно сплавщика—живое существо, которое имѣетъ, кромѣ достоинствъ и недостатковъ, присущихъ всему живому, еще свои капризы, прихоти и шалости. Поэтому у бурлаковъ не принято говорить: „барка плыветъ“ или „барка разбилась“, а всегда говорятъ—„барка бѣжитъ“, „барка убилась“, „бѣжалъ на баркѣ“. По своей формѣ барка походитъ на громадную, 18 саж. длины и 4 саж. ширины, деревянную черепаху, у которой съ носа и кормы, какъ деревянные руки, свѣшиваются громадныя весла-бревна. Эти весла называются потесями, или поносными. Постройка такой барки носитъ самый первобытный характеръ. Гдѣ-нибудь на берегу, на ровномъ мѣстѣ, вымащиваютъ на деревянныхъ козлахъ и клѣткахъ платформу,

на которую и настилают изъ двухвершковыхъ досокъ днище барки; оно обрѣзывается въ формѣ длинной котлеты, при чемъ боковыя закругленія получаютъ названія плечъ: два носовыхъ плеча и два кормовыхъ. Въ носовыхъ плечахъ барка строится шире кормовыхъ верхка на четыре, чтобы центръ тяжести былъ ближе къ носу, отъ чего зависитъ быстрота хода и его ровность.

На совсѣмъ готовое днище въ поперечномъ направленіи настилаютъ кокоры, т.-е. бревна съ оставленнымъ у комля корнемъ; кокора имѣетъ форму ноги или деревяннаго глаголя. Изъ этихъ глаголей образуются ребра барки, къ которымъ и „пришиваются“ борта. Когда кокоры положены и борты еще не пришиты, днище походить на громадную челюсть, усаженную по бокамъ острыми, кривыми зубами. Въ носу и въ кормѣ укрѣпляется по короткому бревну — это пыжи; сверху на борты накладывается три поперечныхъ скрѣпленія, затѣмъ барка покрывается горбатой, на два ската палубой — это конь. Въ носовой и кормовой части барки настилаются палубы для бурлаковъ, которые будутъ работать у поносныхъ. Около пыжей укрѣпляются въ днище два крѣпкихъ березовыхъ столба—это огнива, на которыхъ наматывается снасть; пыжей и огнивъ—два, такъ что въ случаѣ необходимости барка можетъ идти впередъ и кормой. Средняя часть барки, гдѣ отливаютъ набирающуюся въ барку воду, называется льяломъ.

На каждую барку идетъ около 300 бревенъ, такъ что она вмѣстѣ съ работой стоитъ рублей 500. Главное достоинство барки—быстрота хода, что зависитъ отъ сухости лѣса, отъ правильности постройки и отъ нагрузки.

Опытный сплавщикъ въ нѣсколько минутъ изучаетъ свою барку во всѣхъ подробностяхъ и на глазомѣръ скажетъ, гдѣ пущено лишнихъ полвершка. Чтобы спустить барку въ воду, собирается больше сотни народа. Отъ платформы, на которой стоитъ барка, проводятся къ водѣ склизни, т.-е. бревна, намазанные смолой или саломъ; по этимъ склизнямъ барка и спускается въ воду, при чемъ отъ крика и ругательствъ стоитъ стономъ стонъ. Спускъ барокъ не идетъ за настоящую работу, какъ, напримѣръ, нагрузка, хотя отъ безтолковой суеты можно подумать, что творится и Богъ вѣсть какая работа. Самый трагическій моментъ такого спуска наступаетъ тогда, когда барку гдѣ-нибудь „заѣстъ“, т.-е. встрѣтится какое-нибудь препятствіе для дальнѣйшаго движенія. При помощи толстыхъ канатовъ (снасть) и чегеней (обыкновенные кольца) барка при веселой „Дубинушкѣ“, наконецъ, всплываетъ на воду и переходитъ уже въ вѣдѣніе водолива, на прямой обязанности котораго находится слѣдить за исправностью судна все время каравана. Сплавщикъ обязанъ только сплавить барку въ цѣлости, а все остальное—дѣло водолива, такъ что на баркѣ настоящимъ хозяиномъ является водоливъ, а сплавщикъ только командуетъ бурлаками.

Вода въ Чусовой спала. Ждали второго вала того паводка, по которому сплавляютъ всё караваны. Обыкновенно его выпускаютъ изъ Ревдинскаго пруда для черезъ три послѣ перваго вала. Эти три дня прошли. Барки почти всё нагрузились. Приѣхалъ священникъ съ ближайшаго завода.

Мы спали, когда набѣжалъ паводокъ. Все на пристани зашевелилось и загудѣло, точно разбудили спавшій улей. Къ свѣту все и всё были уже на ногахъ. День выдавался пасмурный. Горы казались ниже, по свѣтому небу низко ползли облака не облака, а какая-то туманная мгла, безформенная, свинцовая масса. Чусовая играла на славу, какъ вырвавшійся изъ неволи звѣръ. Съ глухимъ ревомъ и стономъ летѣлъ внизъ пѣнистый валь, шипучей волной заливая низкіе берега и съ бѣшенымъ рокотомъ превращаясь на закругленіяхъ береговой линіи въ гряды майдановъ, т.-е. громадныхъ бѣлыхъ гребней. Картина для художника получалась самая интересная: въ этомъ сочетаніи суровыхъ тоновъ сказывалась могучая гармонія разгулявшейся стихійной силы.

Барки въ гавани были совсѣмъ готовы. Батюшка съ псаломщикомъ съ утра были въ караванной конторѣ, гдѣ всё съ нетерпѣніемъ ждали момента сплава.

Тысячи народа ждали освященія барокъ на плотинѣ и вокругъ гавани. Весь берегъ, какъ макомъ, былъ усыпанъ человѣческими головами, вѣрнѣе—бурлацкими, потому что бабы платки являлись только исключеніемъ, мелькая тамъ и сямъ красной точкой. Молебствіе было отслужено на плотинѣ, а затѣмъ батюшка въ сопровожденіи караванныхъ служащихъ обошелъ по порядку всё барки, кропя направо и налево. На каждой баркѣ сплавщикъ и водолюбъ встрѣчали батюшку безъ шапокъ и откладывали широкіе кресты.

На балконѣ показался хозяинъ въ сопровожденіи своей свиты; можно было отчетливо рассмотреть синюю рясу батюшки и мундиръ становаго. Вотъ кто-то на балконѣ махнулъ бѣлымъ платкомъ, на берегу грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ворота шлюза растворились. Барка за баркой потянулись въ рѣку; при выходѣ изъ шлюза нужно было сейчасъ же дѣлать крутой поворотъ, чтобы струей, выпущенной изъ шлюза, не выкинуло барки на другой берегъ,—и пятьдесятъ человѣкъ бурлаковъ работали изъ послѣднихъ силъ, побрасывая тяжелые потесы, какъ игрушку. Одна барка черпнула носомъ, другая чуть не омельла у противоположнаго берега, но во-время успѣла отгуриться, т.-е. пошла впередъ кормой.

Наступила наша очередь. Савоська *) поднялся на свою скамеечку, поправилъ картузь на головѣ и заученнымъ тономъ скомандовалъ:

— Отдай снасть!..

---

*) Сплавщикъ барки, на которой плылъ авторъ.

Двое косныхъ подобрали отвязанный на берегу канать къ огниву, и барка тихо поплыла къ горбатуму мосту. Замѣтно было, что Савоська немного волнуется для перваго раза. Да и было отъ чего: другія барки вышли въ рѣку благополучно, а вдругъ онъ осрамится на глазахъ у самого хозяина, который вотъ стоитъ на балконѣ и привѣтливо помахииваетъ бѣлымъ платкомъ. Вотъ и горбатый мостъ; вода въ открытый шлюзъ летится сдавленной струей, точно въ воронку; наша барка быстро врѣзывается въ рѣку, и Савоська кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Носъ направо, молодцы!! Сильно-гораздо, носъ направо! Направо носъ!.. Корму поддержи!

Барка дѣлаетъ благополучно крутой поворотъ и съ увеличивающею скоростью плыветъ впередъ, оставляя берегъ, усыпанный народомъ. Кажется въ первую минуту, что плыветъ не барка, а самые берега, вмѣстѣ съ горами, лѣсомъ, пристанью, караванной конторой и этими людьми, которые съ каждымъ мгновениемъ дѣлаются все меньше и меньше.

Вотъ въ послѣдній разъ взмылъ кверху бѣлой шапкой клубъ дыма и гулко прокатился по рѣкѣ рокоть пушечнаго выстрѣла, а барка уже огибаеть песчаную узкую косу, и впереди стелется безконечный лѣсъ, встаютъ и надвигаются горы, которыя сегодня, подъ этимъ сѣрымъ, свинцовымъ небомъ, кажутся выше и угрюмѣе.

Каменка быстро скрылась изъ виду. Мимо зеленой шпалерой бѣжитъ темный ельникъ, шальная вешняя волна съ захватывающимъ стономъ хлещетъ въ крутой берегъ, и барка несется впередъ все быстрѣе и быстрѣе.

— Похаживай, молодцы!—весело покрикиваетъ Савоська, прищуренными глазами зорко вглядываясь въ быстро бѣгущую намъ навстрѣчу синевато-сѣрую даль.

По рѣкѣ Чусовой.

(Мамина-Сибиряка.)

Самая гористая часть Чусовой находится между пристанями Демидовой Уткой и Кыномъ. Мы теперь плыли именно въ этой живописной полосѣ, гдѣ по сторонамъ вставали одна горная картина за другой. Чусовая въ межень, т.-е. лѣтомъ, представляетъ собой, въ горной своей части, рядъ тихихъ плёсовъ, гдѣ вода стоитъ, какъ зеркало; эти плёсы соединяются между собою шумливыми переборами. На нѣкоторыхъ переборахъ вода стоитъ всего на 4 вершкахъ, а теперь она поднялась на три аршина и неслась впередъ сплошнымъ пѣнистымъ валомъ, который покрылъ всѣ плёсы и переборы. Самые опасные переборы, въ родѣ Кашинскаго, сдѣлались еще страшнѣе въ полую воду потому, что здѣсь теченіе рѣки сдавлено утесистыми берегами.

Главную красоту чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя

съ небольшими промежутками тянутся сплошнымъ утесистымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отвѣсно поднимаются вверхъ, сажень на шестьдесятъ, точно колоссальныя стѣны какого-то гигантскаго средневѣковаго города; иногда такая стѣна тянется по берегу нѣсколько верстъ. Представьте же себѣ размѣры той страшной силы, которая прорыла такіе коридоры въ самомъ сердцѣ горъ.

Всѣ эти сланцы и известняки теперь представляютъ сплошныя отвѣсныя громады буро-грязнаго цвѣта съ ржавыми полосами и красноватыми пятнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горная порода вывѣтрилась подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, превратившись въ губчатую массу; въ другихъ она осыпается и отстаетъ, какъ старая штукатурка. На нѣкоторыхъ скалахъ вполне ясно обрисовано расположеніе отдѣльныхъ слоевъ; иногда эти слои идутъ въ замѣчательномъ порядкѣ, точно эта работа не слѣпой стихійной силы, а разумнаго существа, нѣчто въ родѣ циклопической гигантской кладки.

Подъ такими скалами рѣка катится черной волной, съ подавленнымъ рокотомъ, жадно облизывая всѣ выступы и углубленія, гдѣ лѣтомъ топорщится зеленая травка и гнѣздятся молоденькія ели и пихты. Все, что успѣваетъ вырости здѣсь за лѣто, рѣка смываетъ и безжалостно уносить съ собой, точно слизывая широкимъ холоднымъ языкомъ всякіе слѣды живой растительности, осмѣливающейся переступить роковую границу, за которой кипитъ страшная борьба воды съ камнемъ. Барка подъ такими скалами плыветъ въ густой тѣни, свѣтъ падаетъ сверху разсѣивающейся полосой. Сыростью и холодомъ вѣетъ отъ этихъ каменныхъ стѣнъ, на душѣ становится жутко и хочется еще разъ взглянуть на яркій солнечный свѣтъ, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, подъ которымъ дышится такъ легко и свободно. Малѣйшій звукъ здѣсь отдается чуткимъ эхо. Слышно, какъ каплетъ вода съ поднятыхъ поносныхъ, а когда они начинаютъ работать, разгребая воду, по рѣкѣ катится оглушающая волна звуковъ. Команда сплавщика повторяется эхомъ, нѣсколько разъ перекатываясь съ берега на берегъ. Даже неистовая рѣка стихаетъ подъ этими скалами.

Самыя высокія и массивныя скалы—еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ „бойцовъ“ стоятъ совершенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направленіемъ водяной струи, которая бьетъ прямо въ скалу, что обыкновенно происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки *). Обыкновенно боецъ стоитъ въ углу такого поворота и точно ждетъ добычи, которую ему броситъ рѣка. Душой овладѣваетъ неустержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное

*) Въ настоящее время опасность эта въ значительной степени устранива тѣмъ, что по дву рѣки волочатся тяжелый, въ нѣсколько десятковъ пудовъ, грузъ, который сдерживаетъ движеніе барки.

движеніе и птицѣй полетитъ прямо на скалу... На баркѣ мертвая тишина, бурлаки прильнули къ поноснымъ, боецъ точно бѣжитъ навстрѣчу, еще одинъ моментъ — и наше суденышко разлетится вдребезги. Савоська мѣрзаетъ глазами быстро уменьшающееся разстояніе между бойцомъ и баркой, и когда остается всего нѣсколько сажень, отдаетъ команду какъ-то всю грудью. Бурлаки испуганно шарахнутся по палубѣ, и поносныя, эти громадныя бревна, даже изогнутся подъ напоромъ человѣческой силы. Нужно видѣть, какъ работали бурлаки! Но вотъ барка быстро повернула носъ отъ бойца и визгливо проходитъ мимо него однимъ бортомъ: опасность такъ же быстро минуетъ, какъ приходитъ, и не хочется вѣрить, что кругомъ опять зеленые берега и барка плыветъ въ совершенной безопасности.

— Съ коня долой!—командуетъ Савоська.

Передъ каждымъ бойцомъ, какъ при отвалѣ и привалѣ, а также и послѣ прохода подъ бойцомъ бурлаки усердно молятся. Такая молитва еще увеличиваетъ торжественность критическаго момента, но она является самымъ естественнымъ проявленіемъ того напряженнаго состоянія духа, которое переживаетъ невольно каждый. Хорошо дѣлается на душѣ, когда смотришь на эту картину молящагося народа; и молитва, и трудъ, и недавняя опасность—все сливается въ одинъ стройный аккордъ.

Послѣ скалъ и утесовъ главную красоту чудовскихъ береговъ составляетъ лѣсъ. Сѣдая, мохнатая ель съ побурѣвшими вершинами придаетъ горамъ суровое величіе. Строгая красота готическихъ линий здѣсь сливается съ темною траурною зеленью, точно вся природа превращается въ громадный храмъ, сводомъ которому служить сѣверное голубое небо. Особенно красивы молоденькія пихты, которыя смѣло карабкаются по страшнымъ кручамъ; ихъ стройныя силуэты кажутся выбѣленными на темномъ фонѣ скалъ, а вершины рвутся въ небо готическими прорѣзными стрѣлками. Изъ такихъ пихтъ образуются цѣлыя шпалеры и бордюры. Мертвый камень причудливо драпируется густою зеленью, точно его убрала рука великаго художника. Особенно хороши темныя сибирскіе кедры, которые стоятъ тамъ и сямъ на берегу, точно бояре въ дорогихъ зеленыхъ бархатныхъ шубахъ. Какъ настоящіе кровные аристократы, они держатся особнякомъ и какъ бы нарочно сторонятся отъ простыхъ елей и пихтъ, которыя отличаются замѣчательною неприхотливостью и растутъ гдѣ попало и какъ попало, только было бы за что уцѣпиться корнями,—настоящее лѣсное мужичье.

По мыскамъ, заливному лугамъ и той полосѣ, которая отдѣляетъ настоящій лѣсъ отъ линіи воды, ютятся всевозможные разночинцы лѣснаго царства: тутъ качаются и гибкая рябина, и душистая черемуха, и распустившаяся верба, и тальникъ, и кусты вереска, жимолости и смородины, и колючій шиповникъ съ волчьей ягодой. Здѣсь же отдѣль-

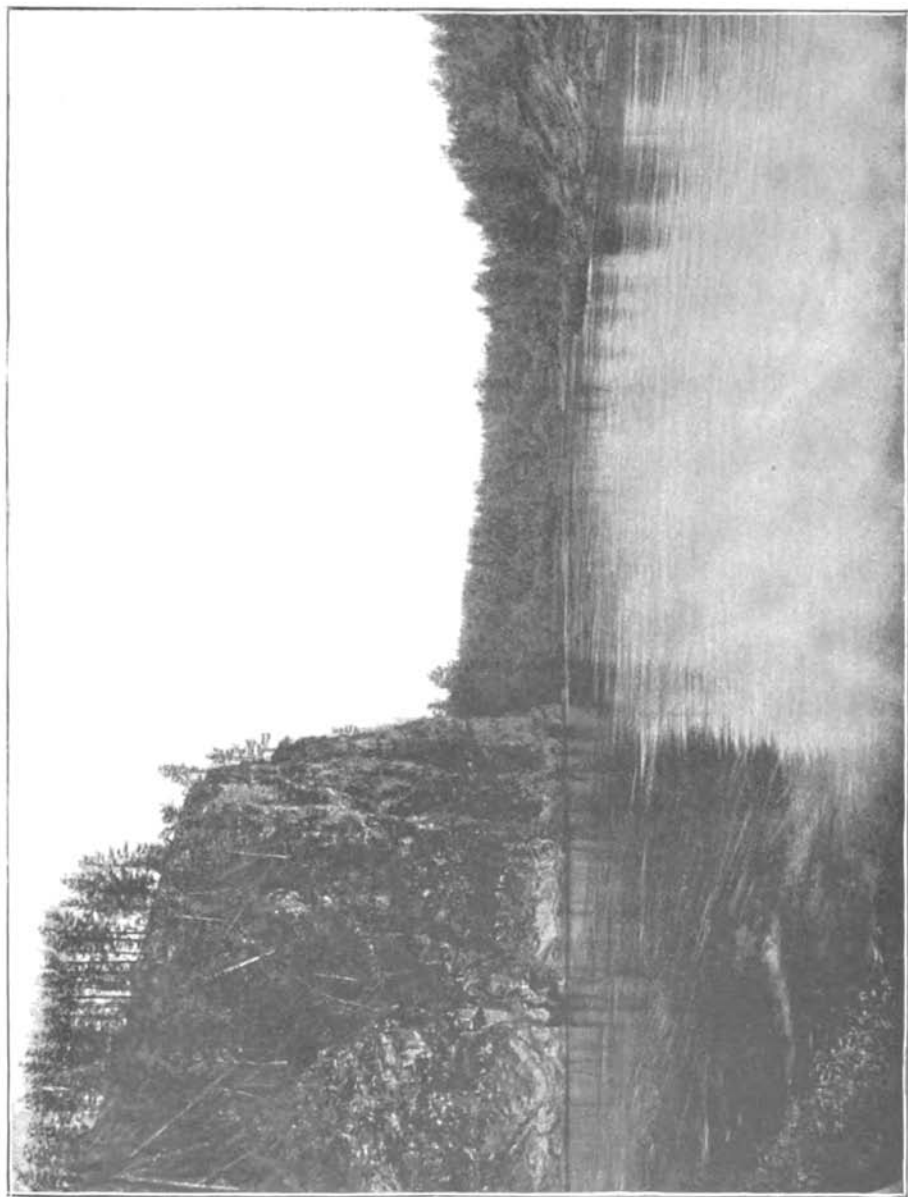
ными пролѣсками и островками стоятъ далекіе пришлые люди — горькая осина со своимъ металлическимъ сѣрымъ стволомъ, безконечно родная каждому русскому сердцу кудрявая береза, изрѣдка липа со своею блѣдною мягкою зеленью. Но теперь всѣ эти пришлые люди и различинцы стоятъ голешеньки и жалко топорщатся своими набухшими вѣтвями: тяжело имъ на чужой дальней сторонѣ, гдѣ зима стоитъ восемь мѣсяцевъ. Кое-гдѣ попадаются вырубленные полосы, гдѣ рядами стоятъ свѣжіе пни. Свѣжія поруби удивительно похожи на громадное кладбище, гдѣ, за трудовымъ недосугомъ, некогда было поставить кресты на могилахъ.

Вся Чусовая, собственно говоря, представляетъ собой сплошную зеленую пустыню, гдѣ человѣческое жилье является только пріятнымъ исключеніемъ. Нѣсколько заводовъ, до десятка большихъ пристаней, нѣсколько красивыхъ селъ — и все тутъ. Это на 600 верстѣ протяженія. Да и селитба какая-то совершенно особенная: высылеть на низкій мысокъ десятка два бревенчатыхъ избъ, промелькнетъ полоса огороженныхъ покосовъ, и опять лѣсъ да лѣсъ, безъ конца краю. Нѣкоторыя деревушки совсѣмъ спрятались въ лѣсу, точно гнѣзда большихъ грибовъ; есть починки въ два-три дома. Здѣсь воочию можно прослѣдить, какъ и гдѣ селится русскій человѣкъ, когда ему есть изъ чего выбрать.

Глядя на берегъ Чусовой, кажется, что здѣсь лѣсныя богатства неистощимы; но это такъ кажется. Въ дѣйствительности лѣсной вопросъ для Урала является въ настоящую минуту самымъ больнымъ мѣстомъ: лѣса вездѣ истребляются самымъ хищническимъ образомъ, а между тѣмъ запросъ на нихъ, съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла и промышленности, все возрастаетъ. Насколько похозяйничали заводовладѣльцы и промышленники надъ чусовскими лѣсами, можно прослѣдить по теченію этой рѣки шагъ за шагомъ. Владѣльческіе участники наканунѣ полного обезлѣсенія, какое уже постигло нѣкоторыя заводскія дачи на Уралѣ, какъ, напримѣръ, дачу Певьянскихъ заводовъ.

Какъ бы въ противовѣсъ этой картинѣ заустѣнія, являются пріятными исключеніями казенные участки, но на Чусовой они представляютъ уже только оазисы среди захватывающаго ихъ рокового безлѣснаго кольца.

Скоро мы завидѣли и Молоковъ. Это была громадная скала, стоявшая къ верховьямъ рѣки покатымъ ребромъ, образуя наклонную плоскость, по которой вода взбѣгала пѣнящимся валомъ на нѣсколько сажень и съ ужаснымъ ревомъ скатывалась обратно въ рѣку, превращаясь въ бѣлую пѣну. Вся рѣка подъ Молоковымъ представляла бѣлую вспѣнную массу, точно кипящее молоко; отсюда и названіе бойца Молоковъ. Другимъ ребромъ боецъ выступалъ въ рѣку, точно выдвигая каменный таранъ. Отброшенная скалой вода пересѣкаетъ рѣку навскось

На рѣкѣ Чусовой.

вплоть до противоположнаго берега, образуя цѣлую гряду ревущихъ майдановъ; они далеко бѣгутъ внизъ по рѣкѣ, точно стадо бѣлыхъ овецъ.

Сила движенія воды здѣсь настолько велика, что за бойцомъ образуется суводь, т.-е. вода тихимъ токомъ медленно возвращается къ бойцу, что можно замѣтить по плывущей вверхъ по рѣкѣ пѣнѣ. Такимъ образомъ съ одной стороны страшная гряда майдановъ, а рядомъ съ ней совершенно тихая полоса суводи. Получается поразительный контрастъ, рѣзко обозначенный водянымъ рубцомъ.

Трудность прохода подъ Молоковымъ заключается въ слѣдующемъ: водяная струя бьетъ прямо въ скалу, дѣлая здѣсь уголь, и идетъ къ слѣдующему бойцу, Разбойнику; барка должна пересѣчь эту струю подъ Молоковымъ въ самомъ углу, чтобы дальше попасть въ суводь. Если она этого не успѣетъ сдѣлать и попадетъ на майданы, ее неудержимо унесетъ прямо на Разбойника. Чтобы не попасть ни на первый, ни на второй боецъ баркѣ приходится перерѣзать рѣку въ косомъ направленіи, съ одного мыса на другой, при чемъ ей необходимо переваливать черезъ рубецъ. Но разстояніе между бойцами всего двѣ версты, и барка не въ состояніи при условіяхъ своего движенія и при страшной быстротѣ теченія во-время перерѣзать струю за первымъ бойцомъ, если не перебьетъ ее подъ самымъ бойцомъ. Получается роковая задача: если барка пройдетъ далеко отъ перваго бойца и не перерѣжетъ струи въ углу, она разобьется о второй боецъ; если барка не побойтса бойца, то какою-нибудь одно просчитанное мгновеніе—и она въ щелы разобьется о каменный выступъ. При мѣрной водѣ эта мудреная задача разрѣшается сравнительно легче, но при высокой все зависитъ отъ сплавщика: нужно имѣть крѣпкую душу, чтобы не дрогнуть, когда на васъ понесется боецъ... Именно въ такихъ боевыхъ мѣстахъ начинается казаться, какъ при всякомъ быстромъ движеніи, что не самъ движешься, а все кругомъ летитъ мимо тебя съ увеличивающеюся, захватывающею духъ скоростью.

— Три убившихся барки...—прошепталъ Савоська, вглядываясь въ бѣжавшій навстрѣчу боецъ. — И заплавни выброшены на берегъ... Лупанъ пробѣжалъ, кажется, благополучно.

Около самыхъ опасныхъ бойцовъ въ воду спускаютъ деревянные брусья, составленные изъ четырехъ восьмивершковыхъ бревень. Они огораживаютъ боецъ подвижной деревянной рамой, которая укрѣпляется въ скалѣ деревянными пружинами, т.-е. громадными брусьями, которые при ударѣ барки о заплавни нѣсколько подаются въ бокъ и этимъ уменьшаютъ силу удара. Такіе заплавни нѣсколько предохраняютъ барки отъ крушеній, но при высокой водѣ первая налетѣвшая на боецъ барка ломаетъ ихъ, даже выбрасываетъ на берегъ. Когда мы подходили къ Молокову, заплавни не дѣйствовали: пружины были сломаны и брусья лежали на берегу.

Наша барка подходила къ бойцу въ мертвомъ молчаніи. Майданы ре- вѣли все сильнѣе. Въ воздухѣ висѣла водяная пыль, садившаяся на лицо паутиной. Съ каждымъ мгновеніемъ разстояніе между баркой и бойцомъ дѣлалось все меньше и меньше. Можно было разсмотрѣть всѣ впадины и трещины на ожидавшей насъ скалѣ. Бурлаки прильнули къ поноснымъ, ни одного звука, ни одного движенія. Савоська застылъ на своей ска- меечкѣ въ одной позѣ и не сводитъ глазъ съ шестика, который укрѣ- пленъ на носу нашей барки, какъ прицѣлъ на ружьѣ. Вотъ барка врѣ- залась носомъ въ kloкочущую гряду майдановъ и тяжело колыхнулась, точно ее подхватили тысячи могучихъ рукъ и понесли на боецъ. До страшнаго выступа всего нѣсколько сажень; чувствуешь, какъ холо- дѣетъ внутри, въ глазахъ рябитъ. Чувство физическаго ужаса овладѣ- ваетъ всѣми одинаково, сознаніе едва теплится. Нѣтъ, скорѣе что- нибудь одно: или конецъ, или счастливый исходъ, только не эти страш- ныя мгновенія страшнаго ожиданія. Кажется, что все погибло, спасенія нѣтъ... Вонъ сосенка на скалѣ, а тамъ на берегу мелькають какіе-то люди. Гребни волнъ обдають палубу дождемъ брызгъ... Въ какомъ-то полуснѣ слышишь сорвавшуюся команду; когда до бойца остается всего нѣсколько аршинъ, поносныя съ страшною силой падають въ воду, поднимаются, опять падають... Барка повернулась къ бойцу бокомъ и прошла отъ него всего на разстояніи какихъ-нибудь шести четвертей, можно рукой достать, но вѣдь это всего одно мгновеніе, и не хочется вѣ- рить, что опасность промелькнула, какъ сонъ, и такъ же быстро теперь бѣжитъ отъ насъ, какъ давеча бѣжала навстрѣчу. Мы въ суводи, барка плыветъ ровно, навстрѣчу поднимаются по рѣкѣ клочья пѣны. Впереди двѣ искверканнныя массы, около которыхъ бурлитъ вода: это убившіяся барки. На берегу десятки людей, которые разбились на отдѣльныя кучи. Всѣ смотрятъ на боецъ, къ которому теперь бѣжитъ Пашка *).

— Охъ, Пашка не ладно отработываетъ отъ Камня!... — какъ-то застоналъ Савоська, оглядываясь назадъ.— Нѣтъ, не пересѣкеть струю.

Пашкина барка прошла дальше нашей отъ Молокова и попала на майданы. Видно, какъ бѣгаетъ на палубѣ водоливъ со своей наметкой. Поносныя судорожно загребаютъ воду, но струя отбрасываетъ барку каждый разъ, какъ она хочетъ перевалить черезъ рубецъ въ суводь.

— Шабашъ, подъ Разбойникомъ зарѣжетъ барку! — говоритъ Са- воська, махнувъ рукой.— Сила не беретъ.

Но намъ теперь не до Пашки, а до себя. Двѣ версты промелькнули въ пять минутъ и впереди уже встаетъ знаменитый боецъ Разбойникъ, который подымаетъ свою каменную голову на 50 сажень кверху и упи- рается въ рѣку роковымъ острымъ гребнемъ.

---

*) Сплавщикъ задней барки.

— Похаживай, молодцы!—покрикиваетъ Савоська, когда барка начинаетъ подходить къ мысу.

Когда мы вернулись изъ-за мыса и полетѣли на Разбойника, напимъ глазамъ представилась ужасная картина: барка Лупана быстро погрузилась однимъ концомъ въ воду... Палуба отстала, изъ-подъ нея съ грохотомъ и трескомъ сыпался чугунокъ, обезумѣвшіе люди соскакивали съ борта прямо въ воду... Крики отчаянія тонувшихъ людей перемѣшались съ воемъ рѣки.

— О чужую убившую барку Лупанъ убилъ, —объяснилъ Савоська.

Дѣйствительно, изъ-за барки Лупана теперь можно было разсмотрѣть расщепанную корму другой барки, на которой уже никого не было. Намъ пришлось пройти рядомъ съ тонувшей баркой Лупана, которую тихо заворачивало кормой внизъ. Нѣсколько человекъ бурлаковъ успѣли перескочить къ намъ; какой-то несчастный старикъ поскользнулся и упалъ въ воду, гдѣ и скрылся сейчасъ же подъ захлестнувшей его волной. Самъ Лупанъ оставался на баркѣ и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отвязывалъ прикрѣпленную къ борту неволю. Нѣсколько черныхъ точекъ ныряло въ водѣ; это были спасавшіеся вплавь бурлаки. Рѣдкій изъ нихъ не тащилъ за собой своей котомки въ зубахъ. Разстаться съ котомкой для бурлака настолько тяжело, что онъ часто жертвуетъ изъ-за нея жизнью: барка ударилась о боецъ и начинаетъ тонуть, а десятки бурлаковъ, вмѣсто того чтобы спастись вплавь, лѣзутъ подъ палубы за своими котомками, гдѣ часто ихъ и заливаютъ водой.

Мы пробѣжали мимо Разбойника совсѣмъ благополучно. За Разбойникомъ весь берегъ былъ усыпанъ бурлаками съ убитыхъ здѣсь барокъ, которыхъ насчитывали больше десяти. Эта картина страшнаго разрушенія быстро промелькнула мимо насъ, оставляя въ душѣ самое смутное впечатлѣніе. Нѣсколько утонувшихъ бурлаковъ лежали на берегу, двоихъ откачивали на холстахъ, которые притащили бабы изъ ближней деревни. Среди большихъ покойниковъ выдавался только трупъ мальчика лѣтъ двѣнадцати. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку съ голыми ногами, въ одной розовой ситцевой рубашкѣ, точно спалъ. Вѣроятно, это былъ ученикъ сплавщика. Три бабы стояли около него и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на бездушное дѣтское тѣло. А солнце такъ весело освѣщало весь берегъ и Чусовую, точно кругомъ была идиллія.

— Вонъ Пашка летитъ на боецъ...

Я оглянулся. Пашка дѣйствительно прямо бѣжалъ на роковой гребень. Бурлаки выбивались изъ силъ, работая поносными. Издали казалось, что по палубамъ каталась какая-то сѣрая волна, точно барка дѣлала конвульсивныя движенія, чтобы избѣжать роковаго удара. Но все напрасно: еще одно мгновеніе — и барка Пашки врѣзалась однимъ бокомъ въ выступъ скалы, послышался трескъ ломавшихся досокъ, крикъ

людей, грохотъ сыпавшагося чугуна, а поносныя продолжали все еще работать, пока не сорвало переднюю палубу вмѣстѣ съ поносными и людьми и все это не поплыло по рѣкѣ невообразимой кашей. Доски, люди, бревна—все смѣшалось въ живую кучу, которая барахталась и ползла подь бойцомъ, какъ раздавленное пятидесятиголовое насѣкомое. Отъ берега къ бойцу плыли косныя лодки, чтобы спасти погибающихъ.

-- Эка страсть, милостивый Господь!—шепчетъ кто-то въ ужасѣ.— Народичку сколько погибнетъ позанепрасну...

У старателей.

(Д. Мамина-Сибиряка.)

Уральскія горы спускаются въ сторону Азіи крутыми уступами, изрытыми массой глубокихъ логовъ, овраговъ и падей. На сѣверѣ отъ уральской желѣзной дороги горы начинаютъ подниматься выше, и по дну логовъ бойко катятся безыменные горныя рѣчущки, которыя образуютъ собою живую подвижную сѣтку. Лозьва и Тура принимаютъ въ себя такія горныя рѣчки тысячами; рѣчка Панья, на которой расположился Паншинскій приискъ, впадаетъ въ Туру, предварительно сдѣлавъ сотню самыхъ мудреныхъ колѣнъ, поворотовъ и извилинъ. Съ крыльца приисковой конторы приискъ представляетъ глубокой оврагъ, сдавленный съ обѣихъ сторонъ довольно высокими лѣсистыми горками; по самому дну этого лога прихотливыми извилами катится Панья. Вѣроятно, годъ назадъ она совсѣмъ была затянута кустами ивняка, ольхой, смородиной и густой ярко-зеленой осокой, а теперь берега ея совсѣмъ обнажены, и только кое-гдѣ валяются по нимъ кучи покрасившаго на солнцѣ хвороста, свѣжія бревна и маленькія полѣнницы новыхъ дровъ.

Сейчасъ за конторой, которая занимаетъ пригорокъ, берега Панья на протяженіи двухъ верстъ изрыты на всѣ лады, точно здѣсь прошелъ какой-то гигантскій кротъ. Вообще вся эта масса изрытой безъ всякаго плана и порядка земли походитъ скорѣе на слѣпую работу стихійныхъ силъ, чѣмъ на результатъ труда разумно-свободнаго существа. По бокамъ прииска тянутся грядой громадныя свалки изъ верховыхъ пластовъ, не содержащихъ золота, желтые валы перемывокъ, т.-е. промытаго песку, чередуются съ глубокими выработками, гдѣ добывается золотоносный песокъ, рядами ширфовъ, походящихъ на только что вырытыя могилы, и небольшими мутными прудками, которые Панья образовала тамъ и сямъ по своему теченію. Мутная вода этихъ прудовъ при помощи канавъ и деревянныхъ желобовъ проведена къ самымъ далекимъ частямъ прииска, гдѣ подымаются перемывки и свалки.

Присутствіе людей оживляло всю картину и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи дѣлало ее даже красивой, какъ проявленіе самой кипячей

человѣческой дѣятельности. Пестрыя кучи старателей были разсыпаны по всему прииску; по нимъ можно было опредѣлить положеніе вашгердовъ, на которыхъ совершалась промывка песковъ. Въ выработкахъ, куда вѣзжали и вывѣзжали приисковыя двухколесныя тѣлѣжки-таратайки, можно было разсмотрѣть только однѣ мужскія головы, въ валяныхъ шляпахъ и фуражкахъ, а около вашгердовъ суетилась голосистая пестрая толпа женщинъ.

Въ глубинѣ прииска, гдѣ дорогу Паньѣ загородила невысокая каменная горка, виднѣлась довольно сложная золотопромывательная машина; издали можно было разобрать только ряды стоекъ и перекла-

Зимой на Уралѣ.

динъ, водяное колесо и крутой подъемъ, по которому подвозились на машину пески. Люди, работавшіе на машинѣ, казались съ крыльца конторы муравьями, а когда на подъемъ взбиралась таратайка, то лошадь можно было принять за комнатную муху. Рядомъ съ машиной весело попыхивала паровая машина; изъ высокой тонкой трубы день и ночь валилъ густой черный дымъ, застилавшій даль темной пеленой.

По бокамъ прииска, подъ прикрытіемъ дремучаго ельника, лѣпились старательскіе балаганы и землянки; кое-гдѣ около нихъ курились веселые огоньки и суетились женщины, а въ густой зеленой травѣ, на которой паслись спутанныя лошади, мелькали бѣлыя дѣтскія головки. Съ вѣшнимъ міромъ приискъ соединялся извилистой узкой дорогой,

которая желтой змѣйкой взбѣгала мимо пріисковой конторы на крутой уваль и сейчас же терялась въ смѣшанномъ лѣсу изъ елей, сосенъ и пихтъ. На западѣ изъ-за зубчатой стѣны хвойнаго лѣса, придавленной линіей, точно валы темно-зеленаго моря, поднимались горы все выше и выше; самыя дальнія изъ нихъ были окрашены густымъ сѣро-фіолетовымъ цвѣтомъ. Вся эта картина пріиска была вставлена въ темно-зеленую раму дремучаго хвойнаго лѣса, заполонившаго все кругомъ на сотни верстъ. Гордо поднимали свои пирамидальныя вершины столѣтнія поспѣдѣвшія ели; воздушными стрѣлками, какъ готическія башенки, летѣли прямо въ небо молодыя бархатныя пихты, и, широко раскинувъ свои могучія вѣтви, свѣтло-зелеными шапками поднимались надъ всѣмъ лѣсомъ старыя лиственни. Отъ этого непролазнаго, угрюмаго сѣвернаго лѣса вѣяло первобытной стихійной силой, которую не въ состояніи сокрушить ни сорокаградусныя морозы, ни трехаршинныя снѣга, ни убійственный сѣверо-восточный вѣтеръ, который заставляетъ деревья поворачивать свои вѣтви къ далекому благословенному югу.

Пріискъ вблизи былъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ казался издали. Издали свалки, перемывки, выработки, ширфы, канавы, кучи песку и галекъ—все эго напоминало работу сумасшедшаго.

Нужно было пройти пріискъ изъ конца въ конецъ, и только тогда открывался въ этомъ безпорядкѣ порядокъ и вся масса затраченнаго человѣческаго труда освѣщалась разумною мыслью. Точно такъ же и относительно старателей. Главное впечатлѣніе производила необыкновенная пестрота собравшагося здѣсь народа. И кого-кого только не было на пріискѣ: мастеровые съ горныхъ заводовъ, старовѣры изъ глухихъ лѣсныхъ деревень по р. Чусовой, случайные гости на пріискѣ — вороняки, т.-е. переселенцы изъ Воронежской губерніи, которые попали сюда, чтобы заработать себѣ необходимыя деньги на далекій путь въ Томскую губернію; нѣсколько десятковъ башкиръ, два вогула и та спеціально пріисковая рвань, какую вы встрѣтите на каждомъ пріискѣ, на всемъ пространствѣ отъ Урала до Великаго океана. Этотъ гулящій, бездомный, разношерстный людъ есть порожденіе безтолковой пріисковой жизни и составляетъ настоящую язву, корень всяческихъ золъ. Стоитъ разъ взглянуть на эти типичныя лица и на живописныя ихъ лохмотья, чтобы угадать настоящихъ пріисковыхъ волковъ, которые голодными стаями бродятъ всю жизнь по пріискамъ.

На первый взглядъ кажется, что всѣ эти люди, загнанные сюда на пріискъ со всѣхъ концовъ Россіи однимъ могучимъ двигателемъ — нуждой, безтолково смѣшались въ одну пеструю массу пріисковыхъ рабочихъ; но, взглядываясь внимательнѣе въ кипучую жизнь пріиска, мало-по-малу выясняешь себѣ главныя основы, на которыхъ держится все. Этой основой является артельное начало.

Всѣ старательскія артели были устроены, какъ одна, и носили смѣшанный семейный характеръ, сближавшій ихъ съ кустарнымъ промысломъ. Малосильныя семьи соединялись по двѣ и по три, а если для артели недоставало одного человѣка, его прихватывали „на сторонѣ“, изъ тѣхъ лишнихъ людей, какиихъ набирается на каждомъ прискѣ очень много. Было нѣсколько и такихъ артелей, члены которыхъ не были связаны никакими родственными узами, а единственно соединялись для одной работы. Но послѣдній, повидимому самый частый, типъ артели представлялъ на прискѣ исключеніе, а главнымъ правиломъ все-таки являлась артель-семья. Трудъ всѣхъ членовъ семьи утилизировался съ замѣчательною послѣдовательностью и не пропадала даромъ ни малѣйшая его крупица. Присковая тяга не миновала ничьей головы, а слабѣйшимъ членамъ семьи, какъ это случается всегда, доставалось всѣхъ труднѣе: они выносили на своихъ плечахъ главный гнетъ.

Было свѣтлое июльское утро, когда я въ первый разъ спускался отъ конторы на прискѣ. Солнце едва показалось изъ-за линіи лѣса и въ низкихъ мѣстахъ стояла еще ночная сырость, а кое-гдѣ сохранившіеся клочки зеленой травы были покрыты каплями блестящей росы. Со стороны лѣса доносился нестройный птичій концертъ; залетные гости короткаго сѣвернаго лѣта точно хотѣли удесятерить его радость своими веселыми пѣснями. Въ лѣсу еще стояла ночная прохлада; около балагачевъ огни едва дымились. По дорогѣ мнѣ попалось нѣсколько таратаекъ, нагруженныхъ пескомъ; лошадей правили босоногіе мальчишки-подростки, а на одной таратайкѣ кучеромъ сидѣла курносая рябая дѣвка въ красномъ платьѣ и желтомъ высоко подтыканномъ сарафанѣ. Я миновалъ цѣлый рядъ глубокихъ шифровъ, при помощи которыхъ производится развѣдка золота, и направился въ ту сторону, гдѣ происходила добыча золотоноснаго песку, т.-е. къ выработкѣ. Изъ выработки въ одномъ мѣстѣ выставлялась голова гнѣдой лошади, а въ другомъ—широкая лысина съ остаткомъ мягкихъ русыхъ кудрей. Выработка имѣла форму глубокой четырехугольной ямы съ выемкой на одной сторонѣ; по этой выемкѣ осторожно поднималась гнѣдая мохнатая лошадка съ нагруженной телѣжкой.

— Кузька! мотри не балакай съ бабами-то подолгу, — крикнулъ вслѣдъ выѣзжавшей телѣжкѣ средняго роста широкоплечій старикъ, лысину котораго я замѣтилъ еще издали.

Кузька, подростокъ лѣтъ четырнадцати, съ бойкимъ загорѣлымъ лицомъ, только взмахнулъ концомъ веревочныхъ вожжей и трусцой направился къ ближайшему прудку, около котораго виднѣлись два ващгерда.

— Богъ на помощь!—поздоровался я со старикомъ, который рукавомъ старой пестрядевой рубахи вытиралъ свое красивое широкое лицо, покрытое каплями крупнаго пота.

— Миръ, дорогой!—весело отозвался старикъ.

Молодой мужикъ, длинный, нескладный, съ острыми плечами и неприятнымъ худымъ рябымъ лицомъ, только тряхнулъ спутанными волосами и опять принялся долбить кайломъ осыпавшійся слой мокраго песку. Мужики были одинаково одѣты въ синіе пестрядевые рубахи и порты, работы одной хозяйки; на ногахъ были лапти. Дно выработки было покрыто слоемъ липкой грязи, въ одномъ углу стояла цѣлая лужа мутной воды; на краю лежалъ узелокъ съ краюхой чернаго хлѣба. Старикъ закурилъ коротенькую трубочку, пока я осматривалъ выработку, и принялся неспѣшно выбрасывать желѣзной лопаткой скопившіеся турфа, т.-е. несодержащую золота землю, наверхъ, прямо на деревянные полаты, настланные изъ досокъ у самаго края выработки. Кузька успѣлъ свезти пески на вашгердъ и теперь вернулся, чтобы навалить свою таратайку турфами и вывезти ихъ къ ближайшей свалкѣ.

— Что, бабы благодарятъ за гостинецъ?—спрашивалъ старикъ.

— Доводить пора, тятка...

— Безъ нихъ знаю, что пора. Никита, ты поведова поковырай здѣсь, а какъ я доведу золото, паужинать будемъ. Вотъ барину охота поглядѣть, какъ мужики золото добываютъ. Ну, баринъ, пойдемъ къ грохоту, старый Заяцъ все тебѣ покажетъ, какъ на ладонкѣ.

— А тебя какъ звать?—спрашивалъ я.

— Меня-то... Да Заяцемъ добрые люди зовутъ; это вотъ мои Заячата, а у грохота сама Заячиха. Теперь понялъ? А я тебѣ покажу все, какъ есть...

Отъ выработки до вашгерда было сажень двѣсти съ небольшимъ. У низенькой плотины стоялъ деревянный ящикъ длиной аршина два; одинъ бокъ этого ящика былъ вынутъ, а дно сдѣлано покатымъ, въ нѣсколько уступовъ. Это была нижняя часть вашгерда, или площадка; сверху она была прикрыта продырявленнымъ желѣзнымъ листомъ въ деревянной рамѣ—это грохоть.

Площадка и грохоть составляли весь нехитрый приборъ, на которомъ производилась промывка золотоносныхъ песковъ; на ученомъ языкѣ горныхъ инженеровъ этотъ приборъ называется вашгердомъ.

— Тоже безъ снасти и клопа не убьешь, обязательно,—объяснялъ мнѣ старый Заяцъ. — Не больно хитро устроено, а въ шапкѣ золота не намоешь.

У вашгерда работали три женщины. Старшая, Заячиха, высокая старуха въ темномъ платьѣ, набрасывала на грохоть пески, которые Кузька сваливалъ около вашгерда. Двѣ молодыхъ бабы размѣшивали эти пески по грохоту маленькими желѣзными лопаточками-скребками. По деревянному желобу изъ прудка была проведена къ грохоту вода и падала на песокъ ровной струей. Когда песокъ смѣшивался съ водой, частицы

глины и мелкаго песку относились струей, гальки оставались на грохотѣ, а золото вмѣстѣ съ чернымъ песочкомъ, шлихами, падало сквозь отверстія грохота прямо на площадку, гдѣ и задерживалось маленькими деревянными валиками. Ходъ всей операци былъ крайне незамысловатъ и достаточно было посмотреть на него въ теченіе пяти минутъ, чтобы усвоить вполнѣ.

— У меня и семья вся налажена для пріиску, — хвалился Заяцъ, указывая на бабъ. — Вонъ молодайка съ Парашкой какъ поворачиваютъ, того гляди грохотъ изломаютъ.

— Ну, будетъ тебѣ зубы-то точить, — заворчала Зайчиха. — Пристали безъ того...

— Я правду говорю, — оправдывался старикъ. — Ну, дѣвоньки, еще маленько навалитесь — и доводить.

Старикъ уменьшилъ струю, падавшую на грохотъ, и присѣлъ на корточки къ площадкѣ. По дну площадки темными полосами расположились шлихи, а въ нихъ свѣтлыми искорками желтели крупинки золота. Старикъ, осторожно засучивъ рукава, повелъ щеткой вверхъ по дну площадки и взмутилъ воду; струя подхватила часть чернаго песочка и унесла его съ площадки. Съ каждымъ движеніемъ щетки шлиховъ оставалось все меньше и меньше, а черезъ десять минутъ работы въ водѣ блестяло одно золото. При помощи лопаточки Заяцъ осторожно собралъ его все и проговорилъ:

— Будетъ, не будетъ ползолотника.

— Мало?

— Изъ-за хлѣба на воду заробимъ. Потому считай: за золотникъ намъ въ конторѣ дадутъ рупь восемь гривенъ, а за ползолотника приходится девять гривенъ... Такъ! Ну, а мы робимъ самъ-шесть; прикинь, сколько на брата приходится въ подни.

— По пятналтынному.

— А мы эту самую битву примаемъ съ самаго солновосхода, значить съ двухъ часовъ по вашему... Клади еще двухъ коней. Пообилось наше золото видно, чтобъ ему пусто было семь разъ.

— А раньше лучше шло золото?

— День на день не приходился... Въ другой разъ и два золотника падало на день на грохотъ, а то и четь золотника.

Старикъ высыпалъ золото въ сухую тряпочку, высушилъ его въ ней, а потомъ высыпалъ въ круглую желѣзную кружку съ пріисковой печатью.

Въ теченіе двухъ недѣль жизнь на пріискѣ успѣла настолько надѣсть мнѣ, что въ одно ясное утро я постарался какъ можно раньше уйти на охоту. Погода стояла великолѣпная, какъ это бываетъ только

въ концѣ юля на Уралѣ; солнце весело золотило верхушки деревьевъ и ложилось на травѣ золотыми колеблющимися пятнами. Брести по высокой густой травѣ, еще полной ночной свѣжести, доставляло наслажденіе, извѣстное только охотникамъ; въ лѣсу стояла ночная сырость, насыщенная запахомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и свѣжей смолы. Я люблю сѣверный лѣсъ за строгую красоту его дѣвственныхъ линій, за бархатную зелень красавиць-пихтъ, за торжественную тишину, которая всегда царитъ въ немъ. Вообще, люблю этотъ могучій лѣсъ-великанъ, какъ олицетвореніе живой стихійной силы.

Особенно хорошо въ самомъ густомъ ельнике, гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго лога. Непривычному человѣку тяжело въ такомъ лѣсу, гдѣ мохнатя вѣтви образуютъ надъ головой сплошной сводъ, а сквозь него только кое-гдѣ проглядываютъ клочья голубого неба. Между древесными стволами, обросшими сѣдымъ мохомъ и узорчатыми лишаями, царитъ вѣчный полумракъ; свѣсившіяся лапчатя вѣтви елей и пихтъ кажутся какими-то гигантскими руками, которыя точно нарочно вытянулись, чтобы схватить васъ за лицо, пощекотать шею и оставить легкую царапину на память. Мягкій желтоватый мохъ скрадываетъ малѣйшій звукъ, и вы точно идете по ковру, въ которомъ пріятно тонуть ноги; громадные папоротники, которые тарашатся своими пестрыми листьями въ разныя стороны, придаютъ картинѣ лѣса сказочно-фантастическій характеръ. Прибавьте къ этому невѣрное слабое освѣщеніе, которое, какъ въ какомъ-то старомъ готическомъ зданіи, падаетъ косыми полосами сверху, точно изъ оконъ громаднаго купола, и вы получаете слабое представленіе о томъ лѣсѣ, про который народъ говоритъ, что въ немъ „въ небо дыра“. Какъ-то даже немного жутко сдѣлается, когда прямо съ солнпека войдешь въ густую тѣнь вѣковыхъ елей и пихтъ и кругомъ охватитъ мертвая тишина, которой не нарушаютъ даже птичьи голоса. Птицы не любятъ такого лѣса и предпочитаютъ держаться по опушкамъ, около лѣсныхъ прогалинь и въ молодыхъ заросляхъ. Въ настоящую лѣсную глушь забираются только бѣлка да пестрый дятель; здѣсь же по ночамъ ухаеъ филинъ и тоскливо надрывается лѣсная сирота кукушка. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится бывать въ нетронутомъ настоящемъ лѣсу, мною овладѣваетъ то особенное душевное состояніе, которое переживалось еще въ дѣтствѣ, когда случалось со смѣшаннымъ чувствомъ страха и благоговѣнія проходить по пустой церкви.

Я пошелъ вдоль одного лога, по дну котораго весело катился холодный какъ ледъ ключикъ. Выбравъ мѣстечко въ тѣни пушистой черемухи, я съ наслажденіемъ растянулся на зеленой высокой травѣ, которая встала вокругъ меня живой стѣной. Красиво колебались въ воздухѣ красныя верхушки иванъ-чая, облѣпленныя шелковистымъ бѣлымъ пухомъ; тутъ же наливались въ травѣ широкія шапки лѣсного

пахучаго шалфея, съ тысячами маленькихъ цвѣточковъ цвѣта лежа-
лыхъ старыхъ кружевъ. Нѣсколько кустовъ малины пріютились около
кучки гранитныхъ обломковъ, Богъ знаетъ какой силой завесенныхъ
въ это уединенное мѣсто; надъ самымъ ключикомъ свѣсила свои липкіе
побѣги молодая верба и нѣсколько кустовъ черной смородины. Трудно
было подобрать уголокъ красивѣе, и я съ удовольствіемъ отдыхалъ
здѣсь, прислушиваясь къ жужжанію осъ и шмелей, которые кружились
надъ головой шалфея. Изъ лѣсу доносились голоса какихъ-то птичекъ,
назвать которыхъ я не умѣю—мало ли вольной птицы въ лѣсу.

— Тятя... а тятя?...—прокатился по лѣсу свѣжій дѣвичій голосъ.

— Здѣсь...—глухо отозвался издали мужской голосъ.

— Заплуталась... Тя-я-а-тя!.. гдѣ ты?!

Я побрелъ по направленію доносящагося голоса, чтобы узнать, кто
бы это могъ быть. Пришлось сдѣлать всего сажень полтора, какъ
открылся покатый логъ: сквозь рѣдкія сосны я издали увидѣлъ знако-
маго мнѣ старателя, Силу. Старикъ по грудь стоялъ въ какой-то ямѣ,
которая имѣла форму могилы; очевидно Сила ширфоваль, т.-е. разы-
скиваль золото.

— Богъ на помощь,—проговорилъ я.

— Спасибо на добромъ словѣ,—отозвался старикъ.—За охотой по-
шелъ? Ну, рыбка да рябки—потеряй деньки... Подъ Мохнатенькой ви-
дѣлъ я тетеревятъ гвѣзда съ три.

— Шифруешь, дѣдушка?

— Да ковыряю задарма землю,—неохотно отвѣчалъ Сила, съ лег-
кимъ побряхтываньемъ принимаясь копать землю кайломъ.—Тоже вотъ
какъ твое дѣло; охота пуще неволи, а бросить жаль. Обычай ужъ та-
кой у меня: какъ зима повернула на весну, такъ меня и потянуло въ
лѣсъ. Тошнехонько сидѣть въ избѣ... Да и семью всю уведу. Оно, это
самое наше старательство, въ родѣ какъ болѣсть навяжется... И тя-
жело, и въ убытокъ себѣ робишь, да тутъ ужъ не разбираешь: только
бы до лѣсу. Старатель старателю розъ, баринъ: который старатель съ
семьей выходитъ на пріискъ, того не примѣнишь къ одиночкѣ. Эти
намъ одиночки, бабы или мужики, вотъ гдѣ сидятъ! — проговорился
старикъ, указывая на затылокъ.—Самый путаный народъ... Отъ нихъ
много горя по пріискамъ. Всѣ говорятъ про насъ, про старателей,
что мы и пьяницы, мы и воры,.. А это неправильно. Конечно, жи-
вемъ на людяхъ—грѣхъ-то не по лѣсу ходить—а все-таки грѣхъ грѣху
розъ.

— Но вѣдь старатели воруютъ хозяйское золото?

Старикъ внимательно посмотрѣлъ на меня и какъ-то нехотя отвѣтилъ:

— Есть и такой грѣхъ, есть грѣхъ... Только, ежели разсудить его
самое дѣло по правилу, старатель-то у кого по-твоему воруетъ?

— У хозяина приска.

— Вот и не угадал: у себя, баринъ, воруетъ... Вот ты и по-ди!.. да... Возьми хоть какой прискъ: Коренной, Желтухинскій, Копчикъ, Любезный,—къмъ дѣло держится? Старателями... Хозяинъ что? Хозяинъ заплатилъ по 15 к. съ сажени ренты, поставилъ контору—и все тутъ, вся ихня заботушка. А старатель-то всей семьей робить-робить, колотится-жолотится, а принесъ сдавать золото—на получай рупь восемь гривенъ за золотникъ, всѣ твои. А хозяинъ-то сдаетъ это золото въ казну по пяти рубликовъ, значить съ каждаго золотника ему три рубли двадцать въ карманъ...

— Но вѣдь на прискахъ не вездѣ старательскія работы, а моютъ золото и машинами.

— Это только для отводу глазъ, для левизора дѣлается, баринъ,—убѣжденно говорилъ старикъ.—Вѣдь поденщику заплати, а что онъ добудетъ—твои счастья... А поденщина извѣстное дѣло, съ рукъ да съ ногъ: лопатку песку бросилъ да два раза оглянулся; старатель-то въ это время десять успѣетъ бросить, потому какъ робить онъ на себя. Ужъ я тебѣ, баринъ, вѣрно скажу: всѣ эти левизоры да инженеры, хоть разорвись, а такой машины не придумаютъ, чтобы съ голоду робила... А ты не считаешь того, что мы за даромъ этой земли перероемъ? Да ежели бы по настоящему-то заплатить старателямъ за ихнюю работу, такъ золото бы не пять рублей за золотникъ стоило, а клади всѣ десять. Насъ тоже не радость на прискъ-то гонить, а неволя... Мужики робятъ, бабы робятъ, ребятишки махонькіе, по восьмому году, и тѣ на телѣжкахъ вѣзятъ: положи на деньги, такъ и не сосчитаешь! А еще насъ же корятъ! Нѣтъ, баринъ, съ нашихъ кровныхъ трудовъ купецъ раздувается, а мы выходимъ все-таки воры...

— Ну а золото-то все-таки старатели тащатъ на сторону?

— Какъ не тащатъ, ежели плату хорошую даютъ: въ конторѣ получи рупь восемь гривенъ, а на волѣ и всѣ четыре съ полтиной. Теперь взять Синицына, даетъ онъ за золотникъ четыре рубля—значить выгодно ему? Вѣдь у него съ каждаго золотника рупь останется въ карманѣ... Такъ? Въ другой разъ на грохотѣ-то за всю недѣлю намоютъ два золотника, а то и одинъ. Вѣдь шесть животовъ глядятъ на этотъ золотникъ, а я долженъ нести сго въ контору за рупь восемь гривенъ. И мы счетъ деньгамъ-то знаемъ, не хуже купцовъ или тамъ господъ. Въ позапрошломъ году къ намъ на прискъ пріѣхалъ одинъ инженеръ. Осмотрѣлъ нашу работу, а потомъ говоритъ: „Вы, говорить, не золото добываете, а закашиваете золото...“ Это онъ къ тому, значить, что мы не робимъ въ сплошную, а выбираемъ, гдѣ мѣстечко лучше. Я ему и говорю: „Ваше высокоблагородіе, дайте намъ по четыре рубля за золотникъ, всѣ до единова приска сызнава перероемъ:

только успѣвай принимать наше мужицкое золото“. Добрый такой былъ анженеръ, только усмѣхнулся.

Поговоривъ съ Силой, я поднялся и направился къ видѣвшейся невдалекѣ горѣ, извѣстной подъ названіемъ Мохнатенькой.

До Мохнатенькой отъ ширфа Силы было всего съ версту. Издали эта гора казалась не особенно высокой, но подниматься пришлось версты двѣ: самая вершина была увѣнчана небольшой группой совсѣмъ голыхъ скалъ. Это—шиханъ, какъ говорятъ на Уралѣ. Съ вершины шихана открывалась широкая горная панорама, уходящая въ сине-фіолетовую даль волнистой линіей; въ двухъ мѣстахъ горы скучивались въ горные узлы, отъ которыхъ беспорядочно разбѣгались горки по всѣмъ направлѣніямъ, какъ заблудившееся стадо овецъ. Зеленые валы безъ конца тянулись къ сѣверу, стальивались, загораживали дорогу другъ другу, и въ сѣровой дымкѣ горизонта трудно было различить, гдѣ кончались горы и начиналось небо. Лѣсъ, безконечный лѣсъ выстилалъ горы, точно онѣ были покрыты дорогимъ мохнатымъ темно-зеленымъ ковромъ, который въ ногахъ ложился темными складками и блестѣлъ на вершинахъ свѣтло-зелеными и желтоватыми тонами, дѣлаясь на горизонтѣ темно-синимъ. Панья пробиралась изъ одного лога въ другой серебряною нитью; въ одномъ мѣстѣ изъ-за мохнатой горки выглядывалъ край узкаго горнаго озера, точно полоса ртути. Это море зелени начинало волноваться, когда по немъ торопливо пробѣгала широкая тѣнь отъ плывшаго въ небѣ облачка; нѣсколько горныхъ орловъ черными точками парили въ голубой выси сѣвернаго неба.

Но какъ ни хороша природа сама по себѣ, какъ ни легко дышится на этомъ зеленомъ просторѣ, подъ этимъ голубымъ бездоннымъ небомъ, глазъ невольно ищетъ признаковъ человѣческаго существованія среди этой зеленой пустыни, и въ сердцѣ вспыхиваетъ радость живого человѣка, когда тамъ, далеко внизу, со дна глубокаго лога взвѣется кверху струйка синяго дыма. Все равно, кто пустилъ этотъ дымъ—одинокій ли старатель, заблудившійся ли охотникъ, скитскій ли старецъ: вамъ дорога именно эта синяя струйка, потому что около огня грѣется вашъ братъ—человѣкъ и зеленая суровая пустыня больше не пугаетъ васъ своимъ торжественнымъ безмолвіемъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ,

составленные преподавателями географіи:

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

♦♦♦♦ „Азія“.— 2-ое исправл. и дополн. издание, 548 стр. съ 70 иллюстр. въ текстъ и 16 на отдѣльн. листахъ. М. 1904. Цѣна 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—1-ое издание Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин.—2-ое изд. Учен. Ком. М. Фин. **одобренъ** для учен. и фундам. библ., учебн. зав. вѣд. М. Фин.

♦♦♦♦ „Америка“.—2-ое исправл. и дополн. изд., 640 стр., съ 56 иллюстр. въ текстъ и 16 на отд. лист. М. 1905. Цѣна 2 р. 25 к., въ изящн. пер. 2 р. 85 к.—Уч. К. М. Н. П. **одобренъ** въ уч. библ. средн. и ст. возр. муж. и жен. гимн., реальн. уч., въ библ. учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. К. М. Фин. **одобренъ** въ уч. библ. коммер. уч. зав.—Уч. К. М. Земл. **одобренъ** для уч. библ. подв. М-ву уч. зав.

♦♦♦♦ „Европа“— 2-ое исправл. и дополн. издание, 752 стр., съ 72 иллюстр. въ текстъ и 23 на отд. лист. М. 1904. Цѣна 2 р. 75 к., въ изящн. перепл. 3 р. 35 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. Мин. Фин. **допущенъ** какъ пособие для клас. и дом. чт. въ ком. уч. зав. Уч. К. М. Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учебн. зав.

♦♦♦♦ „Африка“.—2-ое испр. изд., 512 стр., съ 46 иллюстр. въ текстъ и 16 на отд. лист. М. 1005. Цѣна 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.—Уч. К. М. Н. П. **допущенъ** въ уч. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. К. М. Фин. **рекомендованъ**, какъ сборникъ, полезн. для чтенія.

♦♦♦♦ „Австралія“.—368 стр., съ 42 иллюстр. въ текстъ и 10 на отд. лист. М. 1902. Цѣна 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 2 р. 10 к. Уч. К. М. Н. П. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. М. Фин. **допущенъ** въ учен. библ. коммер. учебн. зав.

♦♦♦♦ „Азіатская Россія“.—2-ое испр. изд., 584 стр., съ 84 иллюстр. въ текстъ и 16 на отд. лист. М. 1905. Цѣна 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. П. **допущенъ** въ учен. библ. средн. учебн. зав., муж. и жен. (для старш. и средн. возр.), въ гор. учил., въ библ. учит. сем. и инст. и въ безпл. нар. чит. и библ.—Уч. Ком. М. Фин. **одобренъ** для приобр. въ учен. библ. уч. зав. вѣд. М. Ф.

♦♦♦♦ „Европейская Россія“.—2-ое испр. изд., 621 стр., съ 76 иллюстр. въ текстъ и 16 на отд. лист. М. 1906. Цѣна 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Въ 1-мъ изд. Уч. Ком. Мин. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. всѣхъ учебн. зав., а равно и городск., по положенію 31 мая 1874 г. учил.—Учен. Отд. М. Фин. **одобренъ** для ученич. и фундам. библ. учебн. завед. вѣд. Мин. Фин.

Главный складъ: Москва, Типографія Т-ва
И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская, соб. д.

А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ:

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ

курсъ 1-го класса среднихъ учебныхъ заведеній.
3-е изд. 10 цвѣтныхъ картъ и 150 диаграммъ и иллюстрацій въ текстъ.

Ц. 75 коп., въ коленкор. пер. 90 к.

КУРСЪ ГЕОГРАФІИ ВНѢЕВРОПЕЙСКИХЪ СТРАНЪ

(АЗІЯ, АФРИКА, АМЕРИКА, АВСТРАЛІЯ),

курсъ 2-го класса среднихъ учебныхъ заведеній.
35 цвѣтныхъ картъ въ текстъ и около 200 иллюстрацій.

Ц. 85 к., въ коленкор. пер. 1 руб.

Оба учебника Уч. Ком. М. Н. Пр. допущены въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.—
1-ая часть Учен. Комит. при Святѣйш. Синодѣ допущена въ ученич. библ. мужск. и женск.
духовн. училищъ.—Учен. Комит. М. З. и Г. И. допущена въ качествѣ учебнаго пособия въ
подвѣдомств. М-ву учебн. зав.

*** О. Шмейль. — „Очерки изъ жизни растений“.

Переводъ съ нѣмецкаго С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 520 стр., со многими рисунками въ текстъ и 38 цвѣтными таблицами на отд. листахъ. М. 1903. Цѣна 3 р. 75 к., въ изящн., тисн. золот. и краск. перепл. 4 р. 50 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учен. биб. всѣхъ средн. учеб. зав. М-ва, а также для выдачи учащимся въ сихъ завед. въ видѣ награды, равно какъ и въ безпл. нар. читал. и библ.—Учеб. Ком. М. Фин. одобрена, какъ учебное пособіе, для приобр. въ ученич. библ. и для выдачи въ качествѣ награды учен. старш. класс. коммер. учебн. зав. вѣдом. М. Фин.—Уч. Ком. М-ва Земледѣл. и Гос. Им. рекомендована, въ качествѣ учебнаго пособия, для подвѣдомств. М-ву сред. учеб. зав., а равно и для выдачи въ награду учащ. въ этихъ учеб. зав.

*** Н. Тарасовъ и С. Моравскій. — Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 картинами на отд. листахъ. М. 1903. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. перепл. 1 р. 75 к. Уч. Ком. М. Нар. Провс. допущена въ учен. библ. средн. учебн. завед. и для разд. учащ. въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народ. читал. и библ.—Гл. Упр. Воен. Учеб. Зав. рекомендована въ ротн. библ. стар. кл. кадет. корп.—Уч. Ком. М. Фин. допущена въ уч., сред. и стар. возр., библ. уч. вѣд. М. Фин. и для выд. въ кач. нагр. уч. въ сихъ учебн. зав.

*** Р. Киплингъ. — Смѣлые мореплаватели. Повѣсть. Полный переводъ съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. М. 1903. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. папкѣ 1 р. 50 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич., средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. чит. и библ.—Учебн. Ком. М. Ф. допущена въ учен., средн. и старш. возр., библ. учеб. зав. вѣд. М. Фин.

Главный складъ: Москва, Типографія Т-ва
И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская, соб. д.

Изданія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Москвѣ.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлякина. Текстъ поль редакціей проф. Н. Ю. Зографа. Три выпуска формата in-folio, содержащихъ въ себѣ художественно исполненныя фототипическимъ способомъ свыше 200 фигуръ типовъ народовъ, населяющихъ Европейскую Россію, дающихъ наглядное и вѣрное представление о наружномъ видѣ народностей, изображеніе ихъ жилищъ, одежду, бытъ и этнографическихъ особенностей, домашней обстановки и характерныхъ сценъ изъ народной жизни.

Цѣна за всѣ три выпуска 1 руб. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. вып. 1-ый *одобренъ* для ученическихъ библиотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и всѣ три *открыты* въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читателей.

Де-Фо, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, юрисконсульта моряка, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго. *Одобрено* Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Книги исполнены въ Лондонѣ. М., 1888 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію изъ фута. Въ роскошномъ переплетѣ цѣна 5 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Художественное изданіе. Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ нашего извѣстнаго бібліографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны И. С. Ивановымъ. Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: И. С. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ, Н. М. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровниковымъ, В. К. Менькѣ, В. Е. Маковскимъ, В. Д. Погѣновымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпнинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Свѣровымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ и И. И. Шишкинымъ. Тома I и II этого изданія *распроданы*, въ продажѣ остался только томъ *третій*, составляющій приложение къ нимъ. Третій томъ содержитъ произведенія, не помѣщенные въ I и II, и алфавитный указатель къ сочиненіямъ. Цѣна 1 р., въ роскош. перепл. съ золот. тиснен. 1 р. 65 к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Лемьюэля Гулливера. Полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скотта. Шеридана, Кука, Тейлора, Теккерее и др. Томъ I. Путешествіе въ Лилипуту и Бродбиньяхъ. Томъ II. Путешествіе въ Лалуту и въ Гунгганамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. М., 1890 г. За 2 тома цѣна 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 1 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Дюпелльмайеръ, съ 450 рисун. въ текстѣ, въ трехъ томахъ. При второмъ томѣ помѣщена статья академика А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія (пересылка каждого тома за 3 фун. по разстоянію). Томъ I, изд. 2-е. Ц. 3 р. 15 к. Томъ II. Ц. 2 р. 75 к. Томъ III. Ц. 2 р. 75 к. (за переплетъ по 50 к. за каждый томъ).

Тиндаль. Теплота, разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рисун. въ текстѣ. Книга рекомендована Мин. Нар. Просв. для фундамен. и ученич. библиотекъ муж. и жен. гимназій, реал. училищъ и учтел. семинарій, а также для библиотекъ учит. институтовъ и городскихъ училищъ. Изданіе 2-е. М., 1889 г. Цѣна 2 р. (вмѣсто 3 р. 75 к.).

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Перев. съ 4-го англ. изданія подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Содержаніе: Введеніе.—Вліяніе Англій на міросозерцаніе Вольтера.—Его литературная дѣятельность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Борьба съ католицизмомъ.—Вольтеръ, какъ историкъ.—Жизнь въ помѣстьѣ „Ферне“. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городкѣ у подножья Альпъ. Пер. П. Канчаловскаго. Съ портретомъ Ж.-Ж. Руссо и рисунками. М., 1892 г. Цѣна 2 р.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Томъ I. Замокъ Вильпрэ. (Le compagnon du tour de France). Перев. Ю. В. Дюпелльмайеръ. М., 1892 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Дебо, Эмилъ. Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Содержаніе: Кн. I. Фонографъ.—Телефонъ.—Телефонографія.—Телефотъ.—Кн. II. Электрическая энергія.—Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. М., 1892 г. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Москвѣ: Пименовская, соб. д., и отдѣленія: въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; въ Мѣвѣ: Караваевская, 5.